Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова

История России

XX—начала XXI века

Под редакцией
Л.В.Милова

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова

История России с древнейших времен до начала XXI века

Под редакцией академика РАН
Л.В.Милова

История России с древнейших времен до конца XVII века
История России XVIII — XIX веков
История России XX — начала XXI века

Москва
ЭКСМО
2006

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова

История России

XX — до начала XXI века

Под редакцией академика РАН
Л.В.Милова

Рекомендовано Учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030401 «История»

Москва
ЭКСМО
2006

УДК 94(47)/(470+571)
ББК 63.3(2)
И 90

Авторы:

Милов Л. В., *академик РАН, профессор* (предисловие),

Воронкова С. В., *докт. ист. наук, профессор* (раздел I),

Вдовин А. И., *докт. ист. наук, профессор* (раздел II, гл. 7—13),

Барсенков А. С., *докт. ист. наук, профессор* (раздел II, гл. 6, 14; раздел III)

Рецензенты:

Ильин С. В., *докт. ист. наук*

Комисаренко А. И., *докт. ист. наук*

Уткин А. И., *докт. ист. наук*

Оформление *Е. Ененко*

И 90 **История** России XX — начала XXI века / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, С. В. Воронкова; под ред. Л. В. Милова. — М.: Эксмо, 2006. — 960 с.

УДК 94(47)/(470+571)
ББК 63.3(2)

ISBN 5-699-18159-8

© А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, С. В. Воронкова, Л. В. Милов, 2006
© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Предисловие

В XX век Россия вступила на гребне волны собственного резкого промышленного подъема, создавшего прочную основу для будущего индустриального развития. Однако исторические процессы, проходившие в нашей стране как социуме с низким совокупным прибавочным продуктом, привели к тому, что промышленное развитие в конце XIX — начале XX в. было лишено системности. Это обусловило пробелы этого развития, прежде всего в области более совершенных технологий. Необходимо учитывать и другие обстоятельства. Фундаментальные социально-политические буржуазные реформы, начавшиеся 19 февраля 1861 г., сохранили первенствующее положение за консервативным дворянством. Сняв путы крепостничества, реформы утяжелили положение крестьянства выкупными платежами и системой земельных отрезков. Суровый климат и низкое плодородие почв резко ограничивали возможность расширения производства в индивидуальном крестьянском хозяйстве, даже в наиболее зажиточной его части. Данная ситуация резко осложняла усвоение передовых технологий аграрного производства, хотя элементы этих технологий в ряде районов страны получали развитие.

В целом же в российском социуме земля по-прежнему цепко удерживала в своих объятиях гигантское большинство населения страны, обеспечивавшее общество, помимо собственного простого воспроизводства, лишь минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Товарный рынок зерна был в существенной своей части итогом суровой экономии жизненных средств огромной частью крестьянского населения. Поэтому, несмотря на бурное развитие промышленности в начале XX в., Россия оставалась, по сути, аграрной страной. Подобная ситуация прежде всего существенно снижала возможность образования полномасштабного рынка рабочей силы для промышленности. Соответственно этому только минимальным мог быть и был формирующийся слой так называемой рабочей аристократии — специалистов-мастеров высочайшей квалификации. Следовательно, исходная база для широкого и динамичного развития производства технически

и технологически сложной продукции оставалась сравнительно узкой. Промышленность развивалась главным образом за счет общего в экономике страны роста объема рабочего времени, а это резко ограничивало возможность инновационных прорывов. Русско-японская война 1904—1905 гг. впервые обнаружила, в частности, вопиющую техническую отсталость русского флота. В еще большей мере общая промышленно-техническая отсталость обнаружилась в Первой мировой войне. Россию в эти годы выручали активнейшее руководство военной экономикой со стороны государства и казенная оборонная промышленность, в большинстве случаев далекая от проблем критериев капиталистической прибыли, но, так или иначе, решавшая вопросы выживания страны.

В начале XX в. в противоречивой динамике развития страны по пути модернизации государство рискнуло решить одну из наиболее жгучих проблем эпохи — аграрную. Речь идет о судьбе крестьянской общины — одном из двух главнейших исторически сложившихся механизмов компенсации макроущерба страны от суровых условий природы и климата. Теоретически ликвидация архаической крестьянской общины как механизма, не отвечавшего уже запросам времени, была, несомненно, мерой прогрессивной. Но ликвидация ее при сохранении крупного помещичьего землевладения, да к тому же в исторически кратчайшие сроки, была нереальной, ибо большие массы крестьян ежегодно боролись за свое выживание и община как инструмент выживания оставалась для них необходимой «здесь и сейчас».

Таким образом, историческая ситуация в России конца XIX — начала XX века в значительной мере в своей объективной сущности сводилась к поискам новых механизмов, компенсирующих ущерб социально-экономическому развитию страны от суровых условий природы и климата. Естественно-исторический путь реального развития капитализма в стране, опутанной опосредованными следствиями этих условий, на том историческом этапе, как показали последующие события, эту столь острую проблему не решал.

Немаловажную роль в этом противоречивом развитии сыграла географическая близость Европейской России к высокоразвитым странам Западной Европы. Наряду с многовековым огромным и прогрессивным влиянием на российский социум западноевропейской цивилизации эта близость, как говорилось в предшествующих частях нашего курса, будоражила существенную часть русского общества, особенно болезненно воспринимавшую тот разительный контраст чудовищной отсталости быта и экономики России и высокоразвитой цивилизации Запада, до которого, казалось бы, рукой подать. Драматизм названной ситуации на протяжении многих десятков лет создавал в общественных настроениях определенных слоев социума остро напряженную обстановку и кардинальным образом влиял на раз-

витие и борьбу русской общественной мысли, распространение леворадикальных идей преобразования общества. Русские мыслители и политические деятели в конце XIX — начале XX в. вели поиск реальных путей, способствующих избавлению страны от бедственного положения огромной массы крестьянства и рабочего люда, от хронической низкой урожайности, от дремучей отсталости простого народа, бездорожья, слабого развития основной массы городов и т.п. Существеннейший прогресс в развитии пореформенной жизни явно не мог ликвидировать многовековой пласт исторически объективных наслоений архаичности в стране, со времен падения ордынского ига ведущей отчаянную борьбу за выживание. Отсюда проистекало основательное влияние в интеллигентной разночинной среде марксистских и иных, в отдаленной перспективе едва ли не утопических, идей революционного преобразования страны, поскольку марксизм, давая метод анализа политэкономии раннего капитализма, никогда не имел готовых рецептов технологии построения нового общества. Нельзя не упомянуть о поиске выхода из сложившейся ситуации либеральной буржуазией, представители которой в предпринимательских кругах испытывали немало трудностей в борьбе с консервативным чиновным правопорядком. Наконец, важнейшим фактором развития России в первые без малого два десятилетия XX в. стал рост стачечного движения рабочих масс, перераставший в революционные взрывы.

Конечным итогом разнообразных исканий и борений различных слоев российского общества стали, как известно, три русские революции и победа радикальных левых идей.

На волне подъема народных масс, воодушевленных идеями светлого будущего, новая власть, установившаяся в 1917 г., проделала огромную работу по строительству многих тысяч предприятий, создав десятки новых отраслей промышленности. Миллионы безграмотных людей из города и деревни сели за школьные парты. В стране была ликвидирована неграмотность, созданы инженерно-технические кадры, эффективно развивалась наука. Отчаянными усилиями создавалась оборонная промышленность. В конечном итоге советская власть совершила в феноменально короткие сроки модернизацию страны, сделав гигантский скачок в развитии промышленности и превратив страну в индустриальную державу. Вместе с тем и новая власть имела довольно туманные представления о многовековых особенностях русского земледелия, низких производственных возможностях крестьянского хозяйства, о том, что российский кулак — нормальный, по европейским меркам, хозяйственный крестьянин. Непонимание этой специфики внесло в историю страны немало драматизма в виде резких и стремительных реформ села. Ставя задачу создания современной промышленности, Советское государство, укрупняя производственные аграрные структуры, одновременно угнетало личный интерес

земледельца, что в этой области хозяйства недопустимо, ибо труд крестьянина всегда был не только физическим трудом, но и трудом умственным. Как и во многих странах мира, советская власть кардинально перекачала материальные и людские ресурсы деревни на строительство заводов и фабрик. Прогресс был достигнут дорогой ценой. Больше того, удерживая население деревни в историческом центре страны, власти в 30-х гг. XX в. прибегли к мерам старинного прикрепления крестьян к земле. Мера далеко не лучшая, но на избранном новой властью пути альтернатив, видимо, не существовало. В предгрозовой обстановке 1920—1930-х гг. все это могло выглядеть как чрезвычайная мера. И вслед за этим советский народ, не потеряв веры в новую власть, выдержал величайшую по жестокости и жертвам Великую Отечественную войну. Однако и после войны, подняв истощенные колхозы и совхозы, государство так и не смогло добиться в аграрном производстве гармонии личного и общественного интереса.

В 1950—1960-е гг. в СССР успешно решались вопросы развития тяжелой и легкой промышленности, транспорта, добычи нефти, газа, угля, рудного сырья и т.д. Страна овладела атомной энергией, первой в мире вышла в космос. Но, несмотря на большие средства, вкладываемые в сельское хозяйство, государство так и не ликвидировало отставание деревни с сохранявшимся в ней бытом XIX — начала XX в. Недаром, когда правительство разрешило выдачу паспортов колхозникам, в последующие годы плотность населения в Нечерноземной полосе почти уравнялась с плотностью населения на Камчатке. Многовековое бремя аграрной проблемы России требовало гораздо более кардинальных решений.

Разумеется, неимоверные усилия народных масс, их нравственный подъем были вложены в строительство Советского Союза и его небывалого могущества. Люди, свершившие революцию и одержавшие победу в величайшей войне с фашизмом, жили неодолимой жаждой созидания. Однако политическая культура народа, мечтавшего о построении свободного и справедливого общества, оказалась несоизмеримой с поставленными задачами. Новая идеология, проникая в массы и воодушевляя их, нередко обретала чудовищно вульгаризированные формы, вызывавшие к жизни стереотипы сознания средневековых бунтов с их животным гневом к социальным врагам. В стране, идущей по неизведанному пути, постоянно возникала социальная напряженность и кризисные ситуации, сопровождавшиеся острыми столкновениями на властном Олимпе, репрессиями победителей в отношении побежденных, беззастенчивым использованием грубого принуждения и насилия как средства строительства новой жизни. Советскому обществу, достигшему относительного благополучия, так и не удалось отладить систему самоуправления и действенного контроля «низов» над «верхами», без эффективной работы которой оно оказа-

лось беззащитным перед диктатурой партийных вождей и всевластием партийно-государственной элиты.

Реформы начала 90-х годов XX в. положили начало глубочайшим социальным и политическим изменениям, проводившимся в стиле «шоковой терапии», от которой понесли огромные потери все слои населения. Нигде в мире революции не приводили к такому масштабному уничтожению материальной основы промышленности и сельского хозяйства, как в нашей стране. Создана была прямая угроза существованию крестьянства, что в столь обширной по территории и слабо заселенной стране представляется весьма опасным. Политика государства в последние пять-семь лет дает надежду на выход России из этого кризиса.

Академик РАН Л. В. МИЛОВ

РАЗДЕЛ I

Российская империя в конце XIX — начале XX в.

Российская империя на рубеже XIX—XX вв. оставалась крупнейшей державой мира, простираясь на тысячи километров с запада на восток и с севера на юг. Протяженность границ составляла почти 70 тыс. км, из них около 50 тыс. приходилось на долю океанов и внешних морей. Разнообразие географических зон и их естественных ресурсов создавали объективные предпосылки для процветания страны, но природно-климатические факторы обусловили существенные трудности в ее экономическом и социально-политическом развитии. На первое место следует поставить повсеместную суровость климата. Как отмечали авторы конца XIX в., «везде в России бывают зимою морозы, нигде температура самого холодного месяца не выше 7°». Даже для европейской части характерны длительные зимы с замерзанием рек и снежным покровом. Области с теплым климатом здесь сравнительно невелики (Крым, побережье Черного моря, Закавказье) в противоположность огромным территориям Севера Европейской России, отличающимся суровыми природными условиями. Пространства с очень холодными температурами абсолютно преобладают в Сибири и на Дальнем Востоке. Резкая континентальность климата присуща большей части Средней Азии и Степного края (Уральская, Семипалатинская, Акмолинская и Тургайская области). Долгая и холодная зима на российских пространствах дополняется весенними (до начала июня) и осенними заморозками, дождливыми ненастьями летом и осенью, беспощадными засухами в южных и юго-восточных районах страны. Такая экстремальность природно-климатических условий большей части территории России, особенно ее исторического центра, приводила к необычайно короткому рабочему сезону в земледелии, что резко ограничивало возможности его интенсификации и удорожало производство сельхозпродукции, прежде всего зерна. Этот же фактор, укорачивая сроки пастбищного содержания скота, заготовки кормов, выращивания технических, теплолюбивых культур, сдерживал развитие животноводства, огородничества и садоводства. Короткий рабочий сезон в аграрном производстве увеличивал потреб-

ность в трудовых ресурсах, удерживая массу населения в деревне. Природно-климатический фактор, деформируя экономику аграрного сектора, был помехой и в развитии российской промышленности, ее транспортной инфраструктуры, непомерно увеличивая расходы на обогрев производственных помещений и транспортных средств, траты наемного работника на теплую одежду, обувь, содержание теплого жилья. Практически повсеместно летними месяцами ограничивались сроки строительных работ, рыбного и многих горнодобывающих промыслов, а также речного и морского судоходства из-за длительного ледяного покрова большинства рек и морей. Поскольку теплые моря в Европейской России были внутренними и по их границам располагались другие государства, то развитие внешней торговли сдерживалось внешнеполитическими факторами. На Дальнем Востоке использование теплых морских пространств, имеющих выходы в Тихий океан, затруднялось их удаленностью от производящих центров страны и слабым экономическим развитием восточных регионов.

Суровость климата в сочетании с распространенностью болот, труднопроходимых лесов, высоких горных хребтов, сухих степей, пустынь и полупустынь привели к малой заселенности большей части территории России. По переписи населения 1897 г., в России (без Финляндии) проживало свыше 126 млн человек, а плотность населения составляла всего около 7 человек на 1 кв. версту. Ее увеличение к 1914 г. до 9 человек нельзя считать значительным. Огромная часть страны в конце XIX — начале XX в. оставалась почти безлюдной. В Сибири и на Дальнем Востоке проживало в 1897 г. в среднем 0,5 человека на 1 кв. версту, и даже после активно проводимой правительством переселенческой политики плотность населения в регионе увеличилась к 1914 г. только до 0,9 человека.

Показательна с точки зрения исторических особенностей России и ее природно-климатических условий динамика плотности населения в европейской части страны. В 1897 г. средняя плотность в этом наиболее заселенном районе, включая Польшу, превышала общеимперский уровень в 3 раза, в 1914 г. — почти в 4. Для Европейской России (при средней плотности чуть более 33 человек на 1 кв. версту) оставалось характерным и в начале XX в. уменьшение плотности населения с запада на восток и от торгово-промышленного центра страны, каковым оставалась Москва, к северным и южным окраинам. Довольно равномерным распределением населения отличался Литовско-Белорусский регион, в 6 губерниях которого в 1914 г. оно колебалось от 80 до 100 человек на 1 кв. версту. Понижение этого показателя заметно в прибалтийских губерниях: Лифляндская — около 44, Курляндская — 34 и Эстляндская — 29 человек на 1 кв. версту. В северо-западных губерниях отмечается резкий разброс показателей на небольшой территории: от 80 человек в Петербургской, 37 — в

Псковской, до 16 человек в Новгородской. В Поволжье преобладали губернии со средними значениями признака — 44—51 человек на 1 кв. версту, понижаясь в Самарской до 28 и Астраханской до 6 человек, что было вызвано неосвоенностью здесь степей и полупустынь. Оставались слабо заселенными обширные территории уральских губерний. Очень низкая плотность населения (от 5 до 0,7 человека на 1 кв. версту) отличала Север Европейской России. Среди губерний Центрально-промышленного района (ЦПР) только резко выделявшаяся своей площадью Костромская не достигала среднего показателя европейской части. Владимирская, Нижегородская, Тверская, Ярославская губернии превышали рубеж в 40 человек на 1 кв. версту; Калужская, Тульская, Рязанская на южной периферии района имели более высокие значения: 54, 63, 75 человек. Особо выделялась Московская губерния — свыше 120 человек на 1 кв. версту. Губернии Среднечерноземной области (СЧО) имели плотность населения от 56 до 70 человек. Еще выше она была в Юго-Западном районе и Бессарабии (62—68 человек на 1 кв. версту), поднимаясь в Полтавской губернии до 86,5, а в Киевской и Подольской губерниях соответственно до 107 и 110 человек. Новороссия, Северный Кавказ и в 1914 г. оставались слабо заселенными. Только в Екатеринославской и Херсонской губерниях показатель плотности был выше 60 человек на 1 кв. версту. Итак, достаточной заселенностью, помимо ряда западных губерний, отличался основной исторический центр России (губернии ЦПР, СЧО и Юго-Западного региона), осваивавшийся на протяжении веков.

По средней плотности населения на всей территории страны и по размерам этого показателя в большинстве регионов империи, за исключением Царства Польского, Россия в начале XX в. уступала другим государствам. В 1913 г. она составляла в Великобритании 182 человека на 1 кв. км, Германии — 124, Австрии — 97, Франции — 74 человека, что свидетельствует о высоком социально-экономическом развитии этих стран. Однако нельзя забывать, что хозяйственное освоение огромных территорий, лежащих в зонах, крайне неблагоприятных для проживания человека, и последующее поддержание достигнутого уровня развития даже на рубеже XX—XXI вв. требуют колоссальных энергетических расходов, которыми Россия да и другие страны мира не располагали в начале XX в. Не случайно большинство колоний европейских государств находилось в зонах теплого и жаркого климата. В России и освоение южных земель из-за наличия там пустынь и полупустынь требовало проведения ирригационных работ, сопряженных с большими финансовыми затратами и привлечением значительных людских резервов.

Неблагоприятные природно-климатические факторы сдерживали выявление и разработку полезных ископаемых. На рубеже XIX—

XX вв. в перечень существенных запасов страны включались залежи каменного и бурого угля (Урал, Донбасс, Домбровский и Подмосковный бассейны), горючих сланцев (Эстляндия, Поволжье), торфа (ЦПР), нефти (Апшерон, Терская и Закаспийская области). Были известны запасы каменного угля на Печоре, в Кузбассе, Караганде, нефти — на Севере европейской части, Сахалине, в Предуралье. О них в официальных отчетах сообщалось: «мало исследованы и не разрабатываются». О рудных залежах писалось: «В Сибири месторождения меди в общем довольно мало изучены, так как разведок на этот металл производилось мало». Или: «Что касается цинка, олова и ртути, то эти металлы встречаются у нас сравнительно в небольшом количестве». Когда в Первую мировую войну обнаружилось отсутствие данных о запасах руд, топлива, стратегического сырья (вольфрам, молибден, серный колчедан, сера, свинец, селитра), создали Комиссию естественных производительных сил России (КЕПС), активно действовавшую и после 1917 г.

Помимо сложных климатических условий, Россия страдала от недостатка плодородных почв. Значительная часть европейской территории страны находилась в полярно-тундровой зоне и области сухих степей, полупустынь и пустынь. Около половины ее площади занимали дерново-подзолистые почвы, а черноземные всего около 100 млн десятин, располагавшиеся в краях, где часто были жестокие засухи. Их повторение в течение 2—3 лет сводило к нулю нечеловеческие усилия земледельца. Лёссовая зона в Туркестане могла давать высокие урожаи, но только при крупных финансовых вложениях на орошение и рациональную обработку. В 1908—1912 гг. соотношение производительной, включая лесные насаждения, и непроизводительной площади (т. е. такой, на которой при тогдашнем уровне производства ничто не могло произрастать) в России составляло 28% и 72%, а в европейской части (без Финляндии) — 54% и 46%. В большинстве стран Европы показатель производительной площади превышал уровень 80%, за исключением Норвегии (28%). Правда, доля производительной площади в США составляла 22%, а в Канаде — всего около 3%. Однако благоприятный климат, обеспечивавший долготу сельскохозяйственного года, плодородие используемых земель, высокий уровень их обработки позволяли этим странам быть удачливыми конкурентами русскому хлебному экспорту, поставляя на европейский рынок в больших объемах дешевое и высококачественное зерно.

Огромные пространства создавали определенные сложности в организации государственного управления страной, в налаживании хозяйственных связей между ее отдельными частями. Эти проблемы, сопряженные с развитием транспорта, средств связи и требовавшие больших финансовых затрат, обусловили активную роль Российского

государства в их разрешении. Начиная с эпохи петровских преобразований историческое развитие России происходило не без влияния примера и опыта западноевропейской цивилизации. Особенно это проявлялось в наиболее общих закономерностях социально-экономической эволюции страны, формировании ее промышленной основы. В середине XIX в. в ряде европейских государств, а также США утвердился новый социально-экономический уклад, именовавшийся современниками и последующей литературной традицией как капиталистический, или буржуазный. Капитализм стал определять основное направление исторического процесса Европы, а благодаря формированию колониальной системы — и всего мира. Эволюция стран, вступивших на путь капиталистического развития позже, происходила под воздействием мирового капитализма и специфики, исторически присущей их общественным структурам. Особенности существования русского социума, обусловленные природно-климатическими факторами, не только сохранялись в конце XIX — начале XX в. в виде определенных следствий предыдущего развития, но действовали как реальные факторы даже в условиях капиталистической эволюции пореформенной России. Это, в частности, проявлялось в сохранившейся особой роли государства в социально-экономическом развитии страны, которое по-прежнему должно было заботиться не только о создании всеобщих условий производства, но осуществлять известную «опеку» над сложившимся при его участии промышленным комплексом, содействовать его технологическому развитию, равно как и противодействовать всякому «оскудению» в аграрной и индустриальной сфере экономики. Государство принимало на себя обязанности в формировании системы подготовки инженерно-технических кадров для индустрии и специалистов для сельского хозяйства, содействовало распространению технических и агрономических знаний, оказывало поддержку в развитии традиционных отраслей народного хозяйства и создании новых производств.

Глава 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

В середине 1880-х гг. в стране завершился промышленный переворот, показателем чего стало экономическое господство в российской индустрии крупных фабрик, базирующихся на применении паровых двигателей. Однако в российской промышленности и в эти годы,

и позднее существовали производства, где превалировал ручной труд и мануфактурные формы организации производства. В России с ее огромными, мало заселенными пространствами сохранялись целые районы, где господствовал патриархальный уклад и не было развитых форм промышленного труда, а только их начальные ростки в виде домашней промышленности. В начале XX в. в большей или меньшей степени сосуществование различных укладов было характерно и для других стран мира, включая Европу. Наиболее значительным отличием России от группы капиталистически развитых государств являлась «спрессованность» во времени отдельных этапов капиталистической эволюции. В Западной Европе и Северной Америке переход к индустриальному обществу совершался постепенно, в условиях более длительного существования эпохи свободной конкуренции. Итогом индустриализации к концу XIX в. в Великобритании, Франции, Германии, Нидерландах, США стало возникновение сложной производственно-отраслевой структуры промышленности, включавшей развитую металлургию, машиностроение и такие их производства, как сталелитейное и станкостроение. Промышленность и городское хозяйство этих стран на рубеже веков активно переходили на электроэнергию. Здесь имелись развитые системы кредитных учреждений, транспорта, связи, страхования, организации торговли, произошла существенная капитализация аграрного сектора.

В 1880—1890-е гг. в развитии мирового капитализма начинают обозначаться новые тенденции, которые современниками и последующими исследователями определяются как переход к империализму, или эпохе финансового капитала. Среди первых трудов по изучению нового явления мирового капитализма были работы английского экономиста и пацифиста Дж. Гобсона «Империализм» (1902) и австрийского социал-демократа Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910). Рассмотрение этих проблем с позиций революционного марксизма содержалось в работе лидера российских большевиков В. И. Ульянова (Ленина) «Империализм как высшая стадия капитализма» (1917). Выделенные им экономические признаки во многом совпадают с идеями других авторов. Экономическая сущность империализма выражалась в установлении господства монополий и финансового капитала, в преимущественном вывозе капитала по сравнению с вывозом товаров, в начавшемся разделе мира международными трестами и завершении дележа территории земли крупнейшими капиталистическими странами. С точки зрения исторического развития России в начале XX в. следует заметить, что империализм есть лишь надстройка над капитализмом, что он не перестраивает капитализм снизу доверху, что «*устранить* обмена, рынка, конкуренций, кризисов и т. д. империализм *не может*». Особенностью индустриальных преобразований в России на рубеже XIX—XX вв., помимо их осу-

ществления уже на стадии мирового империализма, была значительная роль государства в этих процессах, что характерно для всех стран, проводящих модернизацию позже, по примеру и опыту других. Но нельзя преувеличивать эти явления и говорить о преобладании в России «насаждения промышленности сверху», поскольку в основе ее индустриализации лежали общие законы развития общества.

§ 1. СОСТОЯНИЕ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

В последнее десятилетие XIX в. и в начале XX столетия аграрный сектор в России оставался наиболее крупной сферой занятости населения (более 75%) и выступал основным системообразующим фактором ее экономического районирования. На долю сельского хозяйства в структуре народного дохода за 1913 г. приходилось 54%, а в структуре народного богатства страны в 1914 г. оно составляло в совокупности с лесоводством, рыболовством и охотой 35%. В России в 1890-е гг. продолжалось вызванное отменой крепостничества развитие капитализма, что обусловило достаточно стабильный рост аграрного производства, хотя внешние факторы этому не благоприятствовали. Начавшийся с конца 1870-х гг. мировой, точнее, европейский аграрный кризис стал следствием увеличения ввоза зерна в импортирующие государства Европы из США, Канады, Аргентины, Австралии. Это привело к падению цен на хлеб за 20 лет примерно вдвое и негативно отразилось на российском экспорте зерна. Его рост, бывший в пореформенную эпоху постоянным, в 1890-х гг. приостановился, хотя объем среднегодового вывоза оставался высоким — 444 млн пудов. При этом пшеницы вывозилось около 2/5 ее чистого сбора, ячменя — около трети. Уменьшение доходов от хлебного экспорта снижало инвестиции в сельскохозяйственное производство, что замедляло рост земледелия в производящих районах страны по сравнению с предшествующим периодом. Как обычно, не была благосклонна к русскому земледельцу природа. Урожайность хлебов в пореформенную эпоху резко колебалась по отдельным годам в зависимости от погодных условий. Регулярно повторявшиеся засухи приводили к неурожаю и голоду. Особенно жестокая засуха 1891 г. в большей части губерний Среднего Черноземья и восточных степных районов затронула территорию с населением 35—40 млн человек, где от голода и болезней умерло около 600 тыс. жителей.

Для сельскохозяйственного производства России рубежа веков характерна положительная динамика его основных показателей. Происходивший в пореформенные годы процесс капитализации аграрного строя ускорил в конце XIX в. освоение новых территорий, прежде

всего окраинных. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода характер, специализацию, формы землевладения и землепользования сельского хозяйства страны определяла ее европейская часть, заселенная преимущественно русскими. В начале XX в. структура сельского хозяйства России включала зерновое производство, льноводство, картофелеводство, производство специальных культур (конопля, сахарная свекла, подсолнечник, рапс, табак и пр.), хлопководство, огородничество и садоводство, виноградарство, птицеводство, животноводство, скотоводство.

Зерновое производство, остававшееся главной отраслью сельского хозяйства, сосредотачивалось в историческом центре страны, где около 9/10 всех посевов было под зерновыми. В 1890-х гг. их площадь наиболее значительно увеличилась в Заволжье, Нижнем Поволжье, Южном Приуралье, Причерноморье и Предкавказье (Северный Кавказ) как за счет освоения целинных земель, так и за счет вытеснения залежной системы полеводства трехпольем. Расширению посевов содействовала постройка в этих районах железных дорог (Оренбург — Самара, Уральск — Саратов, Александров Гай — Саратов, Тихорецк — Новороссийск, Ставрополь — Екатеринодар, Тихорецк — Царицын), обеспечивших вывоз хлеба по Волге и через порты на Черном и Каспийском морях. В начале XX в. прирост зерновых площадей в центре Европейской России относительно окраинных территорий существенно снижается. За 1901—1913 гг. в 62 губерниях России, включая Сибирь и Степной край, но без Польши, Закавказья, Дальнего Востока и Туркестана, площади под посевами увеличились почти на 16%, а во всей европейской части — только на 8%. Основной прирост приходится на южные районы (Предкавказье — 36%, Степной край — свыше 72%) и Сибирь, где посевные площади увеличились в 3 раза. В ЦПР земли переводились под пастбища и сенокосы, а посевы зерновых стабильно сокращались.

По производству зерна Россия занимала первое место в мире, оставаясь в начале XX в. основной хлебопроизводящей страной. На ее долю приходилось 25% мирового сбора пшеницы, 53% — ржи, около 38% — ячменя, свыше 26% — овса. На рубеже XIX—XX вв. средняя урожайность зерновых увеличилась с 34 до 44 пудов с десятины (7 ц). В 1900—1915 гг. урожайность в среднем увеличилась на 10% за счет использования усовершенствованных орудий обработки почвы, машин при уборке зерна, улучшения севооборота. Урожаи ржи на помещичьих полях поднялись в эти годы до 70 пудов с десятины (11 ц), на крестьянских — до 59 пудов (9,4 ц); пшеницы соответственно до 57 пудов (9 ц) и до 50 пудов (8 ц). Урожайность хлебов была выше на тех помещичьих землях, которые обрабатывались за их счет (около 10% общей посевной площади). Более половины пашни помещики сдавали крестьянам в аренду, и урожаи на

этих землях были ниже, чем на надельных. Однако урожайность в России оставалась существенно ниже, чем в основных западноевропейских странах, достигнув там в эти годы 25—30 ц с га.

Начало столетия отмечено стабильным ростом среднегодовых сборов хлебов: в 1900 г. — 3,5 млрд пудов; в 1908—1912 гг. — 4,5 млрд и в 1913 г. — 5,6 млрд пудов. Высокий прирост (на 40%) 1913 г. по отношению к предыдущему показателю во многом объясняется благоприятными климатическими условиями года, позволившими собрать очень высокий урожай. Не так значителен был прирост традиционных зерновых, распространенных в старых производящих районах. Прирост озимой ржи в 1913 г. к 1908—1912 гг. составил всего 10%, а к 1912 г. — даже понизился на 6%. Сопоставление данных о сборах хлебов с увеличением площади посевов в новых зернопроизводящих районах свидетельствует, что главным фактором прироста продукции оставался экстенсивный метод ведения хозяйства.

Исчисления роста урожайности по 50 губерниям Европейской России за 1901—1915 гг. с учетом большого числа крестьянских хозяйств свидетельствует о значительном повышении урожайности по частновладельческим землям (на 18—22%), особенно в сравнении с предреформенной эпохой. Даже в нечерноземной Ярославской губернии она увеличилась с сам-2,5 до сам-5,7, составив 68 пудов с десятины. Однако такой рост урожайности в начале XX в. во многом был обусловлен сравнительно благоприятными погодными условиями, когда недороды 1901—1903 гг., 1911 и 1914 гг. восполнялись небывалыми урожаями 1912, 1913, 1915 гг. Неурожаи этих лет прежде всего обрушились на зернопроизводящие губернии Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, что в отдельных случаях снизило урожайность в них к предреформенному уровню. В итоге по всему Средне-Волжскому району урожайность на крестьянских землях выросла за 15 лет лишь на 6%. Отрицательные последствия неурожайных лет отмечены и в Оренбургской губернии, где в 1911 г. собрали всего по 4 пуда с десятины, тогда как на семена требовалось 12 пудов. В регионах, отдаленных от воздействия засух Поволжья, например Нечерноземье, неблагоприятные погодные условия сказались слабее, и постепенное повышение урожайности здесь было более стабильным.

Хотя к началу XX в. произошли значительные изменения в зерновом производстве, увеличившие сборы хлебов, но достигнутый уровень, по существу, мог обеспечить земледельцу только минимум питания и простого воспроизводства. Расчеты доли чистого сбора зерна и картофеля в переводе на зерно по 51 губернии Европейской России дают весьма скромную цифру — 23,3 пуда на душу обоего пола, которая повторяется и при расчете на 93 губернии Российской империи. Для сравнения: в Германии в 1901—1910 гг. сбор зерновых с учетом

картофеля в переводе на зерно составлял свыше 157 пудов с десятины, в 1911 г. — 140 пудов, в 1913 г. — 186 пудов, в 1914 г. — 162 пуда. Если же учесть экспорт зерна из России, который накануне Первой мировой войны колебался в пределах 9—12% валового сбора и составлял примерно 4 пуда на человека, и вычесть также долю картофеля, то на душу среднестатистического жителя империи придется всего 19,3 пуда. Добавление картофеля, который стал выручать крестьянина в начале XX в., поднимет этот показатель до 22,5 пуда. Таким образом, товарный рынок внутри страны и экспорт зерна росли за счет суровой экономии потребления в крестьянском хозяйстве. Все это создавало ситуацию, когда основная масса населения должна была оставаться на земле, обеспечивая пропитание общества и одновременно существенно сдерживая развитие городов, промышленности, торговли, транспорта и т. д.

На рубеже XIX—XX вв. товарность зернового производства продолжала возрастать. При этом спрос на хлеб увеличивался на внутреннем рынке даже быстрее, чем его экспорт. В 1908—1913 гг. из среднего сбора хлеба всего на рынок ежегодно шло около 1,5 млрд пудов, т. е. 30%. Основными покупателями зерна выступали нечерноземные губернии (свыше 500 млн пудов в год), среди которых столичные превратились в исключительно потребительские. Формирование районов торгового земледелия в начале XX в. делается более динамичным под влиянием общественного разделения труда, развития капиталистического уклада в целом, роста цен на мировых рынках. К 1914 г. основными поставщиками товарного хлеба стали Среднее и Нижнее Поволжье, Предкавказье, Новороссия, Южное Приуралье. На них приходилось более половины продаваемого в стране хлеба. В Азиатской России сложились два зернопроизводящих района — в Западной Сибири и Степном крае. В 1913 г. они производили 25% всех хлебов. Однако зауральский хлеб, учитывая интересы помещиков центра России, не был допущен на внутренний рынок страны введением С. Ю. Витте челябинского тарифного «перелома», а направлялся через Архангельск на экспорт.

Увеличившаяся товарность зернового производства отразилась на росте в стране фабрично-заводского мукомолья, имевшего к 1908 г. самый большой удельный вес в структуре пищевой промышленности: 56% всех предприятий отрасли; 74% стоимости их производства; 84% мощности энергетического оборудования; 82% рабочих. 2200 фабричных мельниц, существуя в море разбросанных по всей России небольших мельниц (около 136 тыс.), перерабатывали более 51% всего зерна, в основном закупленного, и отправляли муку на местные рынки в разные концы страны, за границу. Большинство предприятий промышленного мукомолья, вырабатывавших 90% российской муки, концентрировалось в 20 губерниях империи. В их число

входили промышленно развитые, но незернопроизводящие губернии. На одном из первых мест стояла Нижегородская губерния, на долю всего 8 мельниц которой приходилось около 9% общей суммы производства муки. Это было характерно и для Ярославской, Симбирской, Пермской губерний, ввозивших зерно из других регионов. В формировании рынков муки участвовала Томская губерния, сосредоточившая 70% западносибирского ее производства.

В большинстве европейских губерний посевы зерновых продолжали играть заметную роль в местном земледелии. Привозной хлеб в них был добавлением к своему. В начале XX в. Черноземный центр сохранил свою зерновую специализацию, но его роль в хлебном балансе страны уменьшилась, как и роль Среднего Поволжья. Развитие зернового производства в черноземных украинских губерниях при высокой плотности населения не давало излишков.

Разведение льна, самой старинной специальной культуры на Руси, было особенно распространено в Ярославской, Тверской, Смоленской, Псковской губерниях и прилегающих уездах Вологодской, Новгородской, Московской, Владимирской, Костромской, Нижегородской. Лен использовался для изготовления масла и выделки тканей. Он производился и перерабатывался исключительно в крестьянском хозяйстве. Из волокна, оставшегося внутри страны, на прядильные фабрики поступало лишь 16,5%, а остальное перерабатывалось крестьянами-льноводами. «Крестьянский» характер льноводства, сложности выращивания этой культуры с поздними сроками ее сева предопределили длительное существование рутинных приемов возделывания льна и не менее примитивные способы льнообработки (стлание на росу по траве или его вымачивание). Хотя общая площадь посевов льна в России превышала все европейские в 11 раз, а сбор был в 10 раз больше, чем в Европе (без Бельгии), показатель урожайности российского льна (34 пуда с десятины) значительно уступал среднеевропейскому (около 45 пудов с десятины). На этом уровне урожайность была только в Минской (47 пудов) и Гродненской (41 пуд) губерниях. Средняя урожайность в основных льноводческих губерниях не достигала даже 30 пудов с десятины.

Картофелеводство к концу XIX в. получило значительное распространение в России. Его чистые сборы за 1880—1890 гг. возросли в 2,5 раза. Хотя посевы картофеля стабильно расширялись, но достигли в 51 губернии Европейской России в 1911—1915 гг. только 4% площади зерновых. С начала века к 1910—1915 гг. средний сбор картофеля увеличился в Европейской России на 33%. Распространению картофеля способствовало его активное включение в состав крестьянской пищи при недостатке хлеба. Товарный характер картофелеводство приобретает в Прибалтике, Белоруссии, ряде черноземных

(Волынской, Черниговской, Тамбовской) и нечерноземных губерний. Его продукция используется для откорма свиней и в винокурении.

С конца XIX в. наиболее значительным районом разведения **сахарной свеклы** были юго-западные и центральные губернии (Киевская, Подольская, Харьковская, Курская и др.). Площадь под сахарной свекловицей с 1895 по 1913 г. возросла вдвое, но составила только 15% посевов картофеля. Однако за счет повышения сахаристости свеклы вывод сахара из свеклы увеличился в 2 раза.

Животноводство, т. е. специализированное содержание скота в противоположность так называемому навозному животноводству, развивается в России только в пореформенную эпоху. К концу XIX в. общее количество крупного рогатого скота, свиней, овец, коз, лошадей, верблюдов, оленей составляло приблизительно 134 млн голов, из которых 81% приходился на Европейскую Россию. Однако общее число скота в этом регионе в начале века неуклонно сокращалось. Только за 1911—1913 гг. оно уменьшилось на 15 млн голов, что привело к росту ввоза в страну 68 тыс. голов живого скота на сумму около 4 млн руб. и продуктов животноводства — свыше 182 млн руб. Содержание крупного рогатого скота на мясо распространилось в губерниях Черноземного центра и Малороссии.

Молочное животноводство в начале XX в. было представлено в центре, на севере и западе Нечерноземной полосы России. Благодаря специализации в разведении улучшенных пород крупного рогатого скота и условиям его содержания сравнительно высокие показатели отличали молочное животноводство в Ярославской губернии, смежных с ней уездах Костромской, Вологодской, Тверской губерний и особенно в Холмогорском уезде Архангельской губернии. Развитие молочного хозяйства обусловило рост отечественного сыроварения и маслоделия как домашнего, так и фабрично-заводского производств. Продукция российского маслоделия в значительном количестве поступала на экспорт. В 1913 г. по сравнению с 1901 г. объем вывоза масла из России вырос в 2 раза. Больших успехов в начале XX в. маслоделие достигло в Сибири. Сибирское соленое масло, востребованное на внутреннем рынке, шло также на экспорт, в частности в Англию.

В XX в. *свиноводство*, которого как отрасли хозяйства в XIX в. в России не существовало, получает развитие в регионах товарного картофелеводства, чему способствовал и привоз породистых английских свиней.

В начале века повсеместно сохранялось содержание овец для удовлетворения потребностей крестьянской семьи в мясе, шерсти и овчинах. Товарное *овцеводство*, связанное с получением шерсти для фабрично-заводских предприятий, с развитием усовершенствованных промышленных способов выделки овчины было распространено в гу-

берниях Средне-Волжского, Южного и Юго-Восточного регионов и Туркестане. В Астраханской губернии развивается пастбищное скотоводство мясного направления.

Первые успехи отечественного *птицеводства* в 1880-е гг. повлекли экспорт птицеводческой продукции (живая и битая домашняя птица, яйцо, пух и перо). К 1913 г. он специализировался. Основным продуктом стало яйцо, вывозившееся почти на 90 тыс. руб.

Распространение наемного труда и рост применения машин на всех стадиях аграрного производства являются важнейшими признаками капитализации сельского хозяйства. Число наемных рабочих в этом секторе российской экономики к началу XX в. увеличилось с 3,5 до 4,5 млн человек. В большинстве европейских губерний наемный труд применялся в части хозяйств русского дворянства и зажиточного крестьянства, а главным образом — в крупных южных экономиях и прибалтийских владениях немецких баронов. Ряды сельских рабочих в Прибалтике пополнялись из местного населения, а в южных степных районах зернового производства, на свеклосахарных плантациях — выходцами из среднечерноземных и юго-западных губерний.

Материально-техническое оснащение сельскохозяйственного производства в России оставалось на очень низком уровне. Отмеченный к середине 1890-х гг. по сравнению с 1870-ми гг. более чем в 3,5 раза рост потребления машин и усовершенствованных орудий не мог изменить ситуацию, так как его стартовая позиция была минимальна. Кроме того, он охватывал ничтожное число хозяйств, прежде всего помещичьих. Принимая во внимание роль природно-климатического фактора, обусловившего кратковременность рабочего сезона, очевидно, что ограниченное использование машин и усовершенствованных орудий в сельском хозяйстве снижало уровень культуры аграрного производства, делая его малоэффективным. В одном из официальных документов, относящемся к 1910 г., нарисована такая безрадостная картина: «Наше сельское хозяйство вообще, а в особенности на крестьянских землях, занимающих в одной Европейской России до 75% всех сельскохозяйственных угодий, ведется несовершенно. Плохая обработка земли, незначительное распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, недостаточное удобрение почвы, исключительно зерновое, большей частью по трехпольной системе, хозяйство являются до сих пор характерными признаками земледельческого промысла... В зависимости от сего состоящая под культурой площадь используется у нас слабо, урожайность полевых растений крайне низка, непостоянна, скотоводство поставлено плохо, а переработка продуктов сельского хозяйства развита недостаточно. При этом урожайность на крестьянских землях даже по сравнению с невысокими урожаями на владельческих экономиях менее в среднем

почти на 20%. В отношении производительности и культурности сельского хозяйства Россия, несмотря на свои природные богатства, далеко отстала от других стран».

В период 1906—1913 гг. за счет роста внутреннего сельскохозяйственного машиностроения, интенсивного ввоза машин из-за рубежа стоимость наличного парка машин и орудий увеличилась в аграрном производстве в 2,5 раза. Главными их потребителями оставались помещичьи хозяйства и хуторские хозяйства зажиточных крестьян. Однако значительная масса крестьян в русской деревне не перешла даже на плужную обработку земли. Доля хозяйств, не имевших плугов, равнялась в 1917 г. 52%. Основными орудиями крестьянина-земледельца оставались соха, деревянная борона, серп, коса, цеп. Это подтверждают данные обследования использования сельскохозяйственных машин и орудий в 1910 г. Всего по империи доля усовершенствованных орудий вспашки составляла около 34% на каждые 100 орудий, соответственно понижаясь в 50 губерниях Европейской России до 32%, в Сибири — до 30%, в Средней Азии и Степном крае — до 26% и повышаясь на Кавказе за счет областей Северного Кавказа до 53%. Средний показатель по Европейской России отражает недостаточность употребления сельскохозяйственных машин в числе хозяйств этого региона: 1 сеялка приходилась на 67 хозяйств, 1 жатка — на 25, а 1 молотилка — на 32. Велико было и количество пахотной земли, приходящееся на 1 единицу техники. По указанным машинам он соответственно составлял 432 десятины, 160 и 200 десятин. Иную картину можно было наблюдать на Кавказе, где 75% пахотной земли числилось за Северным Кавказом. В этом регионе на 1 сеялку приходилось 27 хозяйств, на 1 жатку — 9, на 1 молотилку — 23. В большем объеме использовались здесь машины при севе и сборе урожая: на 1 сеялку — 216 десятин, на 1 жатку — 73, на 1 молотилку — 182 десятины. Применение в России новейших сельскохозяйственных машин, к которым в начале века относились трактора, было просто ничтожным — в 1913 г. их насчитывалось всего 152. В итоге повышение плодородия почвы путем более тщательной обработки земли оказывалось недоступно большинству производителей. Помимо очень малого числа машин и усовершенствованных орудий по обработке земли и сбору урожая, в аграрном производстве существовала большая разница в их распределении между крестьянскими и частновладельческими хозяйствами, а также регионами. Поражает общее количество сох (более 6 млн!), которые продолжали, по данным 1910 г., использоваться в крестьянском хозяйстве Европейской России (без Прибалтики, Польши и Закавказья), и в 1,5 раза меньшее количество плугов в этих же хозяйствах. Даже абсолютные значения показателей свидетельствуют, что во всей Нечерноземной зоне, занимавшей в указанной части Европейской

России 59% площади, количество плугов и практически всех остальных сельскохозяйственных машин было меньше, чем в Новороссии, на долю которой приходилось только 8% площади. Обеспеченность Южного района (13% территории) сельскохозяйственными машинами была выше по сравнению со всей черноземной полосой, особенно в группе частновладельческих хозяйств. Значительная часть машин и орудий, которые использовались в крестьянском хозяйстве, производилась в деревенских кустарных мастерских.

Внесение органических удобрений было распространено в основном в хозяйствах, использовавших наемный труд и машины. В зерновом производстве на 1 десятину в 1910 г. вносилось только 0,4 пуда искусственных удобрений. В других странах этот показатель в среднем был на уровне 2—3 пуда, а иногда и выше: Германия — около 9, Голландия — 10, Бельгия — 21 пуд. Расширению использования подобных удобрений препятствовало слабое развитие их производства в России. В итоге применение искусственных удобрений охватывало всего 2,5—3% посевных площадей, на которых, главным образом, выращивалась сахарная свекла.

Общая динамика сельскохозяйственного производства и его капитализация в последние десятилетия XIX — начале XX в. могут быть оценены как значительные, особенно учитывая минимальность временного этапа и темп прироста показателей, но все-таки эти изменения были недостаточными, а главное — не столь радикальными. Наиболее наглядно это выразилось в отсутствии коренного перелома в крестьянском хозяйстве как основном производителе и сохранении весьма низких результатов аграрного производства в расчете на душу населения и на десятину пашни. Накануне Первой мировой войны средний урожай пшеницы с десятины составлял в России — 55 пудов, тогда как в Австрии — 89, в Германии — 157, в Бельгии — 168 пудов. По урожайности ржи — соответственно 56, 92, 127, 147 пудов. По оценке специалистов, русская корова давала в среднем продукции на 28 руб., тогда как американская — на 94 руб., а швейцарская — на 150 руб.

Дворянское землевладение. Владельцами основного земельного фонда России, включенного в сельскохозяйственное производство, оставались дворяне. По данным земельной переписи 1905 г., им с учетом офицерства и чиновничества принадлежало в 47 губерниях европейской части свыше 105 тыс. владений общей площадью почти 50 млн десятин, что составляло 53% всей частной земельной собственности. Доля земли, которой владело около 500 тыс. крестьян, равнялась 14%. Подобная монополия никак не стимулировала интенсификацию производства в дворянских имениях. Получаемые помещиками средства от непроизводительных доходов в основном не вкладывались в сельское хозяйство, а проживались. Даже в случае

разорения дворянин сохранял массу привилегий в виде льготных условий залогов, продления сроков платежей по долгам и при продаже имений. Если поместье продавалось представителю дворянского сословия, то цена понижалась, а при его покупке лицами других сословий — повышалась, что обеспечивало в начале XX в. рост сумм от продаж имений. За счет увеличения цен на землю помещики даже при сокращении объемов продаваемой земли продолжали получать высокие доходы. Рост цен влиял и на повышение стоимости земли, оставшейся в руках дворянства. В 1877 г. ее основной массив в Европейской России оценивался в 1,5 млн руб., а в 1905 г. при уменьшении общего количества земли — в 4,5 млн руб. Несмотря на значительный объем продажи дворянской земли к 1915 г. (свыше 7 млн десятин), в распоряжении помещиков оставалось около 40 млн десятин, или 44% всей частновладельческой земли. Наиболее значительно удельный вес дворянского землевладения уменьшился в Южном, украинском Левобережном, Центрально-промышленном районах и губерниях северо-запада.

Для поддержки помещичьего землевладения были учреждены государственные Дворянский земельный и для продажи крестьянам государственной и помещичьей земли Крестьянский поземельный банки. Последний обеспечивал помещикам продажу их земель по завышенным ценам, а Дворянский оказывал им на самых льготных условиях разнообразную финансовую поддержку. В 1901—1915 гг. помещики получили под залог земель в Дворянском и частных банках свыше 700 млн руб. ссуд (за вычетом погашения). При значительной распродаже помещичьей земли ее переход в руки крестьянства был не так велик — увеличение крестьянского землевладения заметно только в Южном и украинском Левобережном районах. Мобилизация земли в пользу крестьянства затронула десятую часть помещичьей собственности, главным образом владельцев средних и мелких имений. Одновременно шел рост крупных латифундий и увеличивался их удельный вес в общей площади частного землевладения.

Большинство дворян эксплуатировали свои земли путем сдачи их в денежную, испольную и отработочную аренду. Общий доход помещиков за 1907—1913 гг. от продажи, залога и аренды земли оценивался приблизительно в 3,3 млрд руб. Значительная часть этой колоссальной суммы, как и прежде, проживалась «в столицах и заграницах». Немалая доля капиталов превратилась в закладные листы земельных банков, ценные бумаги акционерных компаний, облигации государственных займов и т. п. Стремясь к высоким прибылям, дворянство обращалось не к интенсификации и развитию аграрного производства, а к реализации своего монопольного права на крупные земельные владения, что проявилось в росте доходов помещиков от сдачи земли в аренду, от продажи лесов и других угодий, от залога в

кредитных учреждениях. На 1 января 1915 г. в залоге было свыше 80% помещичьей земли. Дворянская монополия на землю выступала одним из основных факторов, тормозивших формирование в России единого макромеханизма движения цен в пространстве действия закона стоимости. В начале XX в. сложились или были близки к завершению единые товарные рынки на продукцию земледелия, рабочую силу, на такие средства производства, как сельскохозяйственные орудия и машины, живая тягловая сила. Однако земельный рынок не развивался, что стало серьезной преградой на пути формирования единого аграрного капиталистического рынка и утверждения развитых форм аграрного капитализма.

В 1916 г. в стране насчитывалось свыше 76 тыс. частновладельческих хозяйств. При этом группа, составляющая 8,5% хозяйств, засевала 4 млн десятин, или 55% общей площади земли. 3% хозяйств с размером земли более 500 десятин засевали свыше 2 млн десятин, или 34% общей площади. Капиталистически организованное помещичье хозяйство шло впереди крестьянского по материально-техническому оснащению, уровню агротехники, производительности земли и, следовательно, ее доходности. Однако число таких хозяйств было невелико, учитывая, что в первую группу входили хозяйства, земли которых сдавались в аренду или возделывались крестьянским трудом и инвентарем за взятые вперед деньги, ссуды хлебом, за потравы и пр. В итоге из 5 млрд пудов хлеба, произведенного в 1913 г., на долю помещичьего хозяйства приходилось всего 600 млн пудов, или 12%. Но существование больших внеземледельческих доходов позволяло помещикам значительную часть своего хлеба (до 47% валового сбора) вывозить на продажу. Показатель товарности помещичьего хозяйства выглядит более весомым, если учесть переработку на рынок сельскохозяйственной продукции на мельницах, сахарных и винокуренных предприятиях в дворянских имениях.

Крестьянское хозяйство в России в начале XX в. существовало на надельной и частновладельческой земле. На долю первой в 1905 г. в 47 губерниях европейской части приходилось более 136 млн десятин, которые распределялись между крестьянскими общинами (73%), казаками (11%), подворными владельцами (15%) или не были распределены (около 1%). Часть земли, бывшей в хозяйственном обороте, находилась в личной собственности крестьян, казаков, колонистов (10% от надельной), принадлежала крестьянским обществам и товариществам (8% от надельной). Имелось существенное различие обеспеченности землей отдельных владельцев в зависимости от типов личной и надельной собственности. Наиболее низкие показатели были характерны для владельцев подворной собственности (7,5 десятины), а самые высокие (211 десятин) — для членов крестьянских обществ. Соответственно высоким уровнем отличались зе-

мельные наделы казаков (53 десятины) и личное землевладение объединенной группы крестьян, казаков и колонистов (27 десятин). Средний размер владения крестьянина-общинника составлял 11 десятин, что было в 43 раза меньше (!) среднего дворянского владения (471 десятина). Развитие крестьянского хозяйства в начале XX в. стимулировалось ростом потребительского спроса и цен на сельскохозяйственную продукцию на мировом и внутреннем рынке. Столыпинская земельная реформа, проводившаяся с 1906 г., дала импульс повышению уровня производства и товарности хуторов. Развитию крестьянского хозяйства способствовали отмена в начале XX в. выкупных платежей и снятие недоимок.

Модернизации уклада жизни русской деревни и поддержанию сельскохозяйственного производства содействовало распространение кооперации. За 1900—1915 гг. число сельских кооперативов увеличилось почти в 18 раз и приблизилось к 24 тыс. Среди них 51% составляли кредитные и ссудо-сберегательные товарищества. Низкая доходность крестьянского хозяйства предопределяла незначительность экономической мощи и влияния русской кооперации. Если кредитные товарищества в России выдали в 1913 г. в среднем на одного члена 42 руб. ссуд, то в Германии в 1910 г. — 634 руб.

Крестьянское хозяйство в начале XX в. оставалось основным кормильцем страны. Его роль в земледельческом производстве по мере развития капитализма возрастала. Из общего объема валового сбора зерна в 5 млрд пудов на долю крестьянского хозяйства приходилось 4,4 млрд. Почти половина этой массы (1,9 млрд пудов) производилась в зажиточных хозяйствах, товарность которых составляла 34%, а в населении деревни не превышала 15—20%. На долю середняцких и бедняцких хозяйств приходилось более половины валового сбора при весьма низкой их товарности — около 15%. Оставаясь технически слабо вооруженным, агротехнически малоразвитым, базируясь на ручном труде и живой тягловой силе, хозяйство русского крестьянина, естественно, в большей степени подвергалось воздействию неблагоприятных погодных условий и всякого рода трагических событий (пожар, падеж скота, болезнь и смерть кормильца). Не случайно и в XX в. обязательными вопросами анкет земских обследований оставались: «причины разорения хозяйства, постоянного или временного нищенства».

Помещичье и крестьянское хозяйства на рубеже XIX—XX вв. значительно капитализировались, но эволюция каждого из них не была завершена. Шла острая борьба между двумя путями развития аграрного капитализма — «прусским» и «американским». Первый характеризуется установлением в системе аграрного строя господства крупного, помещичьего по своему происхождению, землевладения. Оно базируется на применении в производстве машин, наемного тру-

да и отличается достаточно высоким уровнем агрокультуры и организации ведения хозяйства, что обеспечивает его высокую товарность и господство на рынке. Такой тип хозяйства был представлен в Прибалтийском, Литовско-Белорусском и Юго-Западном регионах. Классический «американский» тип подразумевает существование работающего на рынок фермера, имеющего землю в частной собственности и ведущего хозяйство с применением машин и наемного труда. Ему лишь отчасти соответствовало хозяйство русского крестьянина в Новороссии и Сибири. Юг России и Предкавказье, интенсивно осваиваясь выходцами из великорусских и малороссийских губерний, имели особенности в составе населения и социальной структуре хозяйства. Кроме Бессарабии, здесь практически отсутствовало помещичье землевладение. Для Ставрополья и Черноморской губернии было характерно крестьянское население, а Кубанской, Терской, Донской областей — казачье, хотя непрекращавшийся в начале XX в. приток переселенцев («иногородних») изменял сословный статус земледельцев этого края. Крестьянский тип социальной аграрной структуры был распространен также в Восточном и Юго-Восточном регионах (без Пермской и Уфимской губерний) и на Севере Европейской России. В остальных европейских губерниях страны существовал смешанный тип, т. е. помещичье-крестьянский. Таким образом, на основной территории исторического центра России развитие аграрного капитализма шло под воздействием помещичьего хозяйства, хотя здесь и существовала крестьянская разновидность эволюции.

Российское дворянство в начале XX в., ратуя за «прусский путь» и получая в этом всестороннюю экономическую и политическую поддержку самодержавия, опорой которого оно было, не смогло до конца реализовать свои устремления. В то же время, имея огромный земельный фонд и часто используя его для получения ростовщических доходов, дворянство сдерживало общий процесс капиталистической эволюции сельского хозяйства. Русское крестьянство, страдая от малоземелья и обремененности своего хозяйства многочисленными налогами и податями, испытывая разнообразные проявления своего сословного бесправия, боролось за получение земли для обеспечения достатка семьи и расширения производства, за отмену чрезмерного налогового бремени и уравнение своих прав с другими сословиями. Факторами, поддерживающими развитие этой линии, были высокая доля крестьянских хозяйств в общем хлебном балансе страны, а также усиливавшееся в начале XX в. и радикализировавшееся крестьянское движение за землю и социальные права. Реальное существование в аграрном секторе России двух, альтернативных путей капиталистической эволюции и социально-политической борьбы в обществе за победу одного из них были одной из острейших коллизий исторического развития страны в начале XX в., вызвавшей революционные взрывы 1905 и 1917 гг.

Аграрная специализация окраин Российской империи стала результатом вовлечения их сельского хозяйства в общую систему экономики страны с целью производства продукции, необходимой для русской промышленности или внутреннего потребительского рынка. Облик сельского хозяйства *Сибири* определило отсутствие помещичьего землевладения и наличие достаточно плодородных свободных земель по южной границе края. В первые пореформенные десятилетия переселение в Сибирь было не очень значительным — до 12 тыс. человек в год. Все изменила постройка Транссибирской железнодорожной магистрали. Со второй половины 1890 г. ежегодное число переселенцев составляет более 100 тыс., превышая естественный прирост. Особенно притягательными для крестьян из-за благоприятных для земледелия природно-климатических условий стали территории Алтайского края и вокруг Новониколаевска (Новосибирск). Помимо зернового производства, в Сибири получило развитие товарное животноводство.

В *Прибалтике* помещичье хозяйство было представлено крупными имениями немецких баронов со сложившейся к началу XX в. капиталистической организацией производства. Они отличались технической оснащенностью, широким использованием наемного труда, многопольным севооборотом, развитием мелиорационных работ на заболоченных почвах. Регион специализировался в картофелеводстве, свиноводстве, молочном животноводстве, маслоделии и винокурении. Большая часть земли крестьянских хуторов была сосредоточена в руках так называемых серых баронов, владевших участками по 30—50 га, машинами, лошадьми, крупным рогатым скотом (по 20 и более голов). В этих хозяйствах широко использовался труд батраков. Значительное число эстонских и латышских крестьян, не имея возможности окультурить свои небольшие заболоченные участки, попадало в зависимость от «серых баронов» и пролетаризировалось.

Специализация аграрного производства *Закавказья* и *Средней Азии* определялась их теплым климатом. Зерновое производство в Закавказье, включавшее посевы кукурузы, пшеницы, ячменя, а также риса (в Азербайджане и немного в Армении), было мало продуктивным, поэтому хлеб ввозился из Предкавказья и Нижнего Поволжья. Скотоводство в регионе было представлено овцеводством (в Азербайджане в значительной мере кочевым). Товарный характер имели шелководство, активно развивавшееся в Азербайджане, и табаководство (Западная Грузия, Азербайджан). Виноградарство и садоводство исстари базировались на крестьянских землях. С конца XIX в. винодельческое производство развивается в помещичьих имениях и, как правило, на капиталистических началах. Наибольших успехов оно достигло на землях удельного ведомства, скупившего в 1880—1890 гг. ряд крупных имений грузинской знати. За 1906—1914 гг.

на 51% увеличились площади зерновых в Туркестане. В Ферганской и Самаркандской областях распространяется садоводство. Однако основной культурой в Туркестане был хлопчатник, посевы которого в 1913 г. составляли 82% общеимперских (остальные — в Закавказье). Сбор хлопка-сырца в регионе вырос с 18 млн пудов в 1907 г. до 29 млн в 1914 г., но перспективы среднеазиатского хлопководства, сосредоточенного в мелких хозяйствах, оценивались современниками пессимистически из-за отсутствия усовершенствований в обработке земли и водопользования, а также хищнического ведения хозяйства.

Специализация сельского хозяйства на окраинах происходила благодаря развитию русского капитализма «вширь» — в поисках новых источников сырья для промышленных производств, сосредоточенных в центре империи, в частности хлопчатобумажного, шелкового, табачного, кондитерского, коньячного и др. Одновременно здесь создавались предприятия по первичной переработке местного сырья с использованием дешевой рабочей силы. Процесс развития аграрного капитализма на южных и восточных окраинах империи, как и в центре, был осложнен сохранением привилегий местных феодалов, в руках которых сосредотачивались основные земельные владения, что сделало эти регионы дополнительным источником роста социальной напряженности в стране.

Итак, несмотря на ускорившееся развитие сельскохозяйственного сектора, Россия и в начале XX в. имела слабый потенциал аграрного производства и по-прежнему оставалась обществом с минимальным совокупным прибавочным продуктом.

§ 2. ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В 1890—1914 гг.

Структура промышленности и формы собственности. Завершение промышленного переворота к середине 1880-х гг. значительно ускорило рост крупного производства и усилило его размежевание с мелким, кустарным производством. Из состава цензовой промышленности России, подлежащей государственному учету и статистическим обследованиям, исключаются мелкие предприятия кустарного типа. Уже в 1890-е гг. среди учтенных предприятий резко сократилось (с 23 до 8 тыс.) количество заведений, имеющих менее 16 рабочих, но увеличилось (с 4,5 до 6,6 тыс.) число предприятий с 16 и более рабочими. В 1900 г. вся промышленность империи, включая нецензовую, насчитывала свыше 38 тыс. заведений, а цензовая только в европейской части — около 21 тыс., или 54%. Однако ее доля была очень высока в численности рабочих (91%) и валовой продукции

(94%), что свидетельствует о безусловном господстве в индустрии России крупного производства.

Как и в других капиталистических странах, в России не только сохранялось, но и развивалось мелкотоварное производство. В городах действовали многочисленные пошивочные, шляпные, обувные, часовые мастерские, заведения по ремонту мелких металлических изделий. Практически во всех российских губерниях существовала кустарная промышленность, представленная крестьянскими промыслами. Общее число промыслов, имевших общероссийское значение, колебалось по разным подсчетам от 20 до 40. Одни из них существовали века (владимирский иконописный, павловский сталеслесарный, тульский металлический и пр.), другие формировались в последние десятилетия XIX в. Часто специализация промыслов была уникальна и связана только с определенным районом (красносельский ювелирный, вологодский кружевной, оренбургский пуховязальный, казанский сафьяновый, кимрский обувной). Промыслы (овчинно-шубный, столярный, сетевязальный), распространенные в нескольких губерниях, непременно имели местные отличия. Сохранявшаяся домашняя промышленность удовлетворяла внутренние потребности крестьянской и рабочей семьи: домашнее ткачество, шитье одежды, в том числе верхней, вязание чулок, носков, выделка обуви, зимней одежды и пр. Доля мелкой промышленности в стоимости общеимперской продукции составляла 25% (около трети этого показателя приходилось на городских ремесленников и кустарей), а в численности занятых с учетом огромного количества кустарей-одиночек — 63% (городских соответственно — 1/5). Стоимость произведенной продукции на одного занятого в крупной индустрии превышала 2 тыс. руб., а в мелкой — достигала только 500 руб.

В некоторых отраслях кустарное производство долго удерживало свои позиции. В 1913 г. его доля составляла: в пищевой — 51%, швейной — 96%, кожевенно-обувной — около 89%, в металлообработке — 20%. Особенно значительно число кустарей превышало число рабочих крупной промышленности в отдельных производствах. Помимо 129 тыс. рабочих цензовой шерстяной промышленности, в кустарном валяльно-войлочном производстве было занято 250 тыс. человек. На ремонте сельскохозяйственных машин, изготовлении мелкого сельскохозяйственного инвентаря в деревенских кузницах трудилось свыше 260 тыс. человек, что составляло 54% рабочих крупной металлообрабатывающей промышленности. В пищевой промышленности, не облагавшейся акцизом, насчитывалось 620 тыс. кустарей, а цензовых рабочих — только 78 тыс. Существенно дополняли кустари число рабочих (около 49 тыс.) крупной промышленности по обработке смешанных волокнистых материалов. В кружевном про-

мысле этой отрасли трудилось почти 130 тыс., в трикотажном — 91 тыс., а в швейном — свыше 400 тыс. кустарей.

В промышленности России наибольшее распространение имела частная индивидуальная и корпоративная (акционерная) собственность. Первая в большей степени была характерна для средних и мелких предприятий, в том числе ремесленных. Промежуточной ступенью являлись частные семейные предприятия, существовавшие нередко в виде торговых домов и товариществ. Условием перехода промышленности к акционерной форме собственности было укрупнение производства, развитие которого потребовало больших финансовых затрат, превосходящих личные капиталы. Первоначально акционерные общества в основном аккумулировали средства для учреждения новых предприятий. В дальнейшем общества создавались для объединения нескольких предприятий, каждое из которых представляло отдельные стадии производственного процесса или смежные производства. Примером служит Южнорусское Днепровское металлургическое общество. В Донецко-Криворожском индустриальном центре Обществу в 1917 г. принадлежали 5 заводов (Днепровский металлургический, Кадиевский доменный, Кадиевский химический рекуперационный, Часов-Ярский завод огнеупорных изделий и находящийся в постройке вагоностроительный), железные, марганцевые рудники, угольные копи. На заводах Общества было занято до 30 тыс. рабочих и производилось в год 82—87 млн пудов металла, более 1 млн пудов чугунных отливок, до 5 тыс. товарных вагонов, 32—35 млн пудов кокса. В России в начале века было немало таких объединений.

Основным этапом акционирования российской индустрии стали 1890-е гг. В начале десятилетия ежегодно открывалось от 50 до 100 компаний, а в 1899 г. этот показатель поднялся выше 300. Число акционерных обществ, возникших в 1894—1900 гг., достигло 1 тыс., а закрывшихся — около 120. Большая часть компаний в 1901 г. действовала в горнодобывающей, металлургической и металлообрабатывающей промышленности, а в текстильной и пищевой отраслях их было меньше. Невелико было число акционированных предприятий на транспорте, в торговле и городском хозяйстве. К 1914 г. в России действовало уже более 2 тыс. компаний (без железнодорожных обществ) с общей суммой капиталов свыше 4,5 млрд руб. При этом каждая пятая из них существовала не менее 20 лет. К этому времени акционирование значительно усилило свои позиции во всех сферах российской экономики. Число акционерных обществ почти удвоилось в горнодобыче, металлургии и металлообработке, в 2,6 раза увеличилось в системе городского благоустройства, в текстильной и пищевой промышленности. Акционерные компании утвердили свои позиции в химической, лесной и деревообрабатывающей, бумажно-полиграфической отраслях. Их число возросло в торговле, системе кредита и

страхования, на транспорте. Акционирование горнозаводской промышленности Урала встретилось с серьезными правовыми ограничениями, не допускавшими раздела производственных комплексов заводов с горнозаводским землевладением, дробления горнозаводских округов при продаже или передаче их по наследству. Однако предприниматели обошли эти затруднения. К 1917 г. из 18 частных уральских округов середины XIX в. 14 были преобразованы в акционерные общества.

В кустарной промышленности индивидуальная собственность соседствовала с артельной и кооперативной. Муниципальная собственность, ранее представленная в основном земельными владениями городов, в начале XX в. расширяется в связи с сооружением электростанций, водопроводов, канализации, организацией трамвайного движения и т. д. Городские предприятия часто действовали в форме акционерных обществ.

На рубеже XIX—XX вв. существенные позиции в ряде отраслей промышленности сохраняла собственность государственной («государевой») казны. Особенно значительны они были в горнодобывающей, или горнозаводской, промышленности, где казне долгое время принадлежали рудники, шахты, прииски, горнообогатительные и металлургические предприятия, расположенные преимущественно на Урале и в Восточной Сибири. К началу XX в. их число заметно сократилось. В Европейской России в собственности казны остались Олонецкий и уральские Горноблагодатский (6 заводов), Екатеринбургский (7 заводов), Пермский округа. Казна владела рыбным, соляным, пушным промыслами, огромным массивом лесов, нефтеносными землями. Управление казенными предприятиями распределялось между различными ведомствами. В ведении Горного департамента Министерства государственных имуществ (затем — Министерства торговли и промышленности) находились горнозаводские округа с лесами, рудниками, шахтами, металлургическими и металлообрабатывающими заводами, в том числе Воткинским железоделательным и механическим, Златоустовским металлургическим, Александровским в Петрозаводске и др. В управлении Морского министерства сосредотачивалось значительное число судостроительных предприятий: Адмиралтейский, Николаевский (казенный до 1911 г.), Балтийский, верфи «Галерного островка», а также сыгравший большую роль в развитии отечественного производства броневой стали Ижорский завод. Военное министерство имело арсеналы, орудийные, ружейные, патронные, пороховые заводы, предприятия по изготовлению обозного имущества, шанцевого инструмента, обмундирования, военные хлебопекарни и сухарный завод. Многочисленные предприятия обрабатывающей промышленности, а также казенные винные склады, типографии, железнодорожные мастерские находились в управлении

департаментов министерств финансов, торговли и промышленности, путей сообщения. Среди них были единичные предприятия-монополисты по изготовлению металлических и бумажных денег (Петербургский монетный двор, Экспедиция заготовления государственных бумаг), Императорский завод по производству игральных карт. Казенная собственность имела очень сильные позиции в судостроении, орудийном, снарядном, патронном производствах, а в пушечном и ружейном — монополию, так как в них запрещалось строительство частных предприятий.

В России существовала практика временной аренды частными лицами (иногда длительной, как, например, солеваренных предприятий) казенных заводов, а также сдача их в подряд, что было характерно для государственных промыслов. В XVIII—XIX вв. производилась передача в частную собственность созданных государством металлургических заводов, текстильных мануфактур, целых горных округов. Имел место и переход частных предприятий в казенную собственность обычно для поддержания созданного промышленного потенциала. Этим целям служил выкуп в казну в 1881—1895 гг. 28 частных железнодорожных компаний. Введение казенного управления практиковалось на отдельных частных предприятиях в периоды их критического состояния. Так поступали с Путиловским заводом (и не раз!) и Мальцовским промышленным округом. В состав последнего входили крупные чугунолитейные, машиностроительные, стекольные и хрустальные заводы, железнодорожные линии внутреннего пользования. Промышленный комплекс был создан не одним поколением этой семьи, но особенно приумножен С. И. Мальцовым, который после серьезной дорожной аварии в 1883 г. перестал заниматься делами. Чтобы не допустить развала промышленной империи (стоимость ее имущества оценивалась почти в 16 млн руб.), округ в 1885 г. передали в ведение казны. К казенной форме собственности была близка собственность уделов. В значительной своей части организованная капиталистически, она приносила немалые доходы, особенно возросшие после преобразований, проведенных в 1880-х гг. министром уделов И. И. Воронцовым-Дашковым. Существовала собственность всего дома Романовых и царствующей семьи.

В промышленности России имелась собственность Русской православной церкви (РПЦ). Помимо принадлежавших ей в 47 европейских губерниях 300 тыс. десятин земли, она владела промышленными предприятиями (свечными, мукомольными, типографскими, кирпичными, деревообрабатывающими и т. д.). Полностью ею было монополизировано производство восковых свечей.

Циклы промышленного производства и его динамика. С последних десятилетий XIX в. развитие российской промышленности во многом совпадало с общемировыми экономическими циклами, но

действовали и внутренние факторы. Для рубежа веков условно можно выделить три этапа: 1 — подъем второй половины 1890-х гг.; 2 — кризис 1901—1903 гг. и затем депрессия; 3 — подъем 1909—1914 гг., прерванный мировой войной. В годы войны развитие промышленности происходило в чрезвычайных обстоятельствах, что требует выделения этих лет в особый период.

Основным фактором *промышленного подъема 1890-х гг.* стало развернувшееся железнодорожное строительство. Это было то звено, которое потянуло всю цепь. Только прокладка новых путей требовала металлических изделий в переводе на чугун больше 15 млн пудов в год. Вся потребность развития железнодорожного транспорта увеличивала эту норму до 50—65 млн пудов. Огромный рост потребности в металле и топливе вызвал строительство новых металлургических заводов, а также открытие новых шахт для добычи каменного угля, особенно антрацита, сооружение при копях коксовых печей. Меняла облик нефтепромышленность, становясь основой топливной отрасли. Железнодорожное строительство повлекло развитие мостостроения, рост паровозо- и вагоностроения, сопровождавшийся выработкой коксового чугуна и производством стали. Значительные перемены происходили и в других отраслях промышленности. Рост производства портландцемента достиг 583%. Развитие деревообрабатывающей промышленности шло, в частности, за счет увеличения производства шпал для железнодорожных путей.

Промышленный подъем 1890-х гг. ознаменовался небывалым заводским строительством. Доля новых предприятий практически во всех отраслях, кроме металлургии, превысила количество дореформенных и составила 25—35% всех заведений, действовавших к началу XX в. Для ряда отраслей (бумажно-полиграфическая, химическая, обработка дерева, минеральных веществ, животных продуктов) эти годы явились временем складывания их индустриальной основы. Вновь построенные заводы отличались лучшей энерговооруженностью и базировались на новых технологиях. Индустриальное преобразование было сопряжено с общими модернизационными процессами, протекавшими в обществе. Рост деревообрабатывающей промышленности, цементного, кирпичного, стекольного производств был вызван и городским строительством, происходившим в условиях увеличения фабрично-заводского населения. Изготовление кровельного железа в эти годы обогнало производство рельсов. Развитие информационных потребностей общества привело к увеличению в 1,6 раза числа бумажно-полиграфических предприятий. В 1890-х гг. сооружением 28 электростанций (против 5 в предшествующие 10 лет) закладывались первые основы отечественной электроэнергетики. Пик заводского строительства пришелся на конец десятилетия. В 1894—1900 гг. возвели 445 металлургических и металлообрабатывающих

заводов, или 79% всех новых в отрасли; в пищевой промышленности — более 1 тыс. предприятий, или около 80% всех новых.

Хотя основной этап промышленного подъема приходится на вторую половину 1890-х гг., но в целом начиная с 1885 г. шло поступательное развитие отечественной индустрии. За 15 лет ее рост составил 133%. Наиболее интенсивно развивались отрасли тяжелой промышленности. Добыча каменного угля увеличилась в 2,5 раза, нефти — в 3 раза, выплавка чугуна — в 3 раза, производство стали — в 6 раз. Основную долю прироста в металлургии (60%) дали заводы нового Южнорусского промышленного района. За 15 лет производство металлообрабатывающей промышленности увеличилось в 3 раза, производство паровозов — в 4,5 раза, вагонов — в 7 раз. Стоимость всей машиностроительной продукции за 1891—1900 гг. поднялась более чем в 4 раза, в паровозостроении она возросла в 10 раз. Темпы роста в легкой промышленности оказались более умеренными. По этому поводу на рубеже веков предприниматели замечали: «Величайшим тормозом развития русской промышленности является крайняя бедность нашего населения. Не обеспеченное даже хлебом насущным, оно не может явиться широким потребителем фабрично-заводской промышленности». Наиболее низкий прирост (76%) за 15 лет характерен для текстильной промышленности в целом. Отрасли легкой промышленности не могли рассчитывать на непосредственную или косвенную финансовую поддержку государства. Практически реконструкция не коснулась отечественной цветной металлургии. Ее единственная в России отрасль — медная промышленность — находилась в упадке, обеспечивая около 40% потребностей отечественной индустрии. Несмотря на успехи транспортного машиностроения, не получили развития производства сложного машиностроения (оборудование для текстильных фабрик, производство дизелей и динамо-машин).

За последнее десятилетие XIX в. промышленное производство в стране удвоилось, а производство средств производства увеличилось втрое. В итоге доля тяжелой промышленности, достигнув почти 40%, стала даже несколько чрезмерной, превосходя ее удельный вес в Германии и Франции (около 33%). В 1890-х гг. Россия совершила гигантский индустриальный скачок, обеспечивший последующую положительную динамику ее развития в начале XX в. По абсолютным показателям фабрично-заводского производства Россия перешла на 5-е место в мире и 4-е в Европе.

Промышленный кризис 1900—1903 гг. (финансовые крахи, закрытие предприятий, резкое падение производства) продолжался сравнительно недолго и не остановил общее развитие промышленности. Он выразился в снижении темпов прироста, составивших в 1900—1903 гг. соответственно 5%, 4%, 0,1%, 6,5%. Начавшись в легкой промышленности еще в 1899 г., он в большей степени поразил тяже-

лую, в частности металлургию, металлообработку, машиностроение. Абсолютные показатели производства паровозов снизились почти вдвое, а вагонов — более чем вдвое. Производство черных металлов осталось на уровне 1900 г. В старых металлургических районах, на Урале и в ЦПР, из строя выбыло 88 домен. Происходила ликвидация части предприятий. Сильнее всего пострадала нефтяная отрасль. Валовая добыча нефти даже в 1908 г. не достигла уровня 1900 г. Это было следствием начавшегося падения производительности Апшеронских скважин в основном нефтедобывающем районе страны и учиненного в 1905 г., не без участия зарубежных конкурентов, пожара на Бакинских промыслах. Легкая промышленность, которая не столь успешно развивалась и в 1890-х гг., в начале века снизила среднегодовые темпы прироста с 6% до 4%. Отмеченные после начала Русско-японской войны некоторые признаки оживления промышленности не получили развития — депрессия продолжалась. Торгово-промышленная пресса писала: «Все отрасли отечественной промышленности и торговли к концу 1908 г. пришли в полное расстройство». Очевидно, это стало следствием разных причин, в том числе низких урожаев 1906 и 1908 гг., изменениями в торгово-промышленной политике правительства, исчерпанностью внутренних резервов промышленности, позволивших в предшествующие годы дать известный прирост. Неблагоприятная конъюнктура сохранялась всю первую половину 1909 г., но к концу года наметилось оживление.

Одной из особенностей этого кризисно-депрессивного периода промышленности, характеризовавшегося предпринимателями как «почти десятилетний застой», были сдвиги в техническом перевооружении предприятий. Увеличилось на 21% число паровых двигателей, общая мощность всего энергетического оборудования выросла на 41%, а суммарная мощность двигателей внутреннего сгорания — почти в 10 раз. Однако использование электромоторов оставалось ограниченным. В 1908 г. среди 165 производств обрабатывающей промышленности было всего 18, где доля электродвигателей составляла 10% и более в мощности всех типов двигателей. Новое силовое оборудование завоевывало позиции не столько в новейших и ведущих производствах, сколько в производствах, базировавшихся ранее на ручном труде и системе мелких операций — канительное, белошвейное, брошюровочно-переплетное и пр. Электромоторы ускоряли их переход на индустриальную основу. В 1900—1908 гг. количество предприятий увеличилось минимально, выросла численность рабочих всего на 16%, но за счет совершенствования оборудования и повышения производительности труда возрастание суммы производства составило почти 40%. Прекратился многолетний застой в медной промышленности, где на ряде заводов налаживается производство электролитической меди. Более активно формируется новое электротехническое

производство, выпустившее в 1908 г. электрических машин и приборов в 2,5 раза больше, чем в 1900. В условиях модернизации российского общества общий прирост продукции всей бумажно-полиграфической отрасли составил 56%.

Среди факторов *предвоенного промышленного подъема* обычно называются перестройка промышленности в условиях кризиса, часто повторяющиеся в эти годы высокие урожаи (1909, 1910, 1912, 1913), «успокоение» политической ситуации, достигнутая финансовая стабилизация, увеличение казенных заказов в связи с перевооружением армии и флота, развитие городского строительства, рост массового потребительского спроса как результат революционных завоеваний, приведших к повышению заработной платы рабочих (примерно на 20%) и отмене выкупных платежей крестьянства. Однако их суммарное воздействие на развитие промышленности пока не исследовано и требует обоснования.

Промышленный подъем, начавшийся со второй половины 1909 г. и прерванный в июле 1914 г., был схож с подъемом 1890-х гг. своей кратковременностью и интенсивностью. Он характеризовался значительным ростом промышленного производства в целом. В 1913 г. по сравнению с 1908 г. количество предприятий увеличилось на 31%, численность рабочих — на 24%, превысив уровень в 3 млн человек, а стоимость валовой продукции, оцениваемая на сумму свыше 7,4 млрд руб., — на 52%. Среднегодовой прирост последнего показателя определялся в 10%. Однако предвоенный подъем не имел такого всеобщего характера, как в 1890-х гг. Сохранился высокий прирост производства отраслей тяжелой промышленности (84%), а товаров широкого потребления — только на 33%. Это позволило восстановить к 1914 г. упавший во время кризиса и депрессии удельный вес производств средств производства опять на уровне 40%. В ведущих отраслях отечественной индустрии высокий прирост (от 50 до 120%) показали текстильная, металлообрабатывающая и химическая. А среднегодовой прирост в топливной промышленности составил всего 5%. При этом увеличение добычи нефти шло за счет новых районов (Грозненский, Кубанский, Уральский и Закаспийский), значительно уступавших по уровню нефтедобычи Бакинскому, на который приходилось более 80% добываемой в стране нефти. Хотя угледобыча в 1908—1913 гг. по сравнению с 1895—1900 гг. увеличилась с 7 до 10 млн т, темп прироста понизился. Отставала в общем объеме угледобычи доля коксующихся углей, необходимых для производства высокосортных металлов. Явный дефицит топлива сопровождался в предвоенные годы ростом цен на все его виды, даже дрова. В итоге в 1913 г. были отменены запретительные пошлины на ввоз иностранного угля. Производство электроэнергии в России ос-

тавалось ниже по объему в сравнении с более молодыми капиталистическими странами и на душу населения со всеми странами.

В годы предвоенного подъема не были преодолены кризисные явления в черной металлургии. Наиболее значительно возросла выплавка стали (72%) и проката (67%), а рост выплавки чугуна, составив около 63%, не превысил показатель 1895—1900 гг. (110%). В итоге правительство не только снижало ввозные тарифы, но в 1913 г. образовало Особое совещание по вопросу о недостатке железа. Одной из основных причин создавшейся ситуации была необходимость перевода крупнейших южнорусских металлургических заводов с выпуска продукции, используемой в железнодорожном строительстве, на выпуск продукции для машиностроения, металлообработки, домостроения. Однако такое перепрофилирование провести не удалось. Успешно продолжала развиваться медная промышленность, вдвое увеличив добычу руд и выплавку меди. Рост производства электролитической меди содействовал формированию меднопрокатного и кабельного поизводств, в чем нуждалась электроэнергетика страны. В итоге прирост машиностроения составил 73% (в 1890-х гг. — 93%). Большую часть этого прироста дали уже налаженные производства (судостроение, сельскохозяйственное машиностроение) и лишь частично новые (производственное машиностроение, электротехника). В составе продукции преобладали простые типы механизмов. В сельскохозяйственном машиностроении выпуск увеличивался в основном за счет плугов, сеялок, жаток-лобогреек, а сложные машины поступали из-за границы. Сходный процесс наблюдался в электротехнике, в производстве двигателей и станков. Наладили производство велосипедов, но не освоили выпуск автомобилей, начали строить самолеты, но не производили авиамоторы, занимаясь лишь их сборкой. Транспортное машиностроение только восстановило свой прежний уровень, несмотря на появление 4 новых заводов и увеличение энергетической мощности предприятий на 30%. Особенно заметным было снижение натуральных показателей выпуска продукции. Падение производства паровозов продолжалось и в первые годы подъема, будучи к 1914 г. на 31% ниже уровня 1900 г. Выпуск вагонов в 1914 г. достиг 32 тыс., приблизившись к показателю 1900 г. (33 тыс.).

Недостаточное развитие добычи топлива, производства металла и машиностроения увеличивало зависимость отечественной промышленности от заграничных поставок оборудования, станков, металлов, топлива. Серьезность ситуации показывают данные о приросте импорта в первую половину 1914 г.: по каменному углю, меди, свинцу, изделиям из меди и свинца он составил более 22%, машинам, кроме земледельческих, — около 30%, стали — свыше 75%, железу сортовому и листовому — почти 190%. Такие объемы ввоза вызывали большие траты частных фирм и государства, существенно осложняя

обновление основных капиталов, что увеличивало расходы на ремонт оборудования, которые в 1900-х гг. росли быстрее, чем на новое имущество. Недостаток капиталов сказывался в предвоенные годы на относительном по сравнению с подъемом 1890 гг. сокращении заводского строительства.

В период промышленного подъема развивалось жилищное, коммунальное и общественное строительство, что привело к росту в 2 раза отрасли по обработке минеральных веществ и таких ее производств, как цементное (в 3 раза), кирпично-керамическое (в 2 раза) и стекольное (в 1,5 раза). Их суммарный прирост по общей стоимости производства составил 114%. Однако в системе производств данной отрасли далеко не все имели такую положительную динамику. Значительными колебаниями отличалось развитие фарфоро-фаянсового производства, которое, увеличив в 1910 г. выпуск продукции в стоимостном выражении и в количестве изделий, затем демонстрирует их неуклонное снижение. В 1913 г. сокращение стоимости произведенной продукции и численности рабочих к уровню 1912 г. составило соответственно 18,5% и 4%; в 1914 г. — 36% и 16%; в 1915 г. — 47% и 27% и т. д. Такая неустойчивая динамика отражала низкий уровень благосостояния населения России, слабость развития новых отраслей (электроэнергетики, электротехники) и ограниченное строительство в российских городах многоэтажного комфортабельного жилья. Итогом стало отсутствие, помимо потребительского спроса, и производственного, в частности на технический фарфор и фаянс.

Итог развития промышленности с 1904 г., когда завершилась острая фаза кризиса, по 1913 г. выразился в увеличении стоимости произведенной продукции на 88%, из которых более двух третей приходится на период промышленного подъема. Общий среднегодовой прирост составлял около 9%. Эти цифры отражают увеличение промышленного производства в стране, но не динамику развития качественных показателей в условиях индустриализации.

Производственно-отраслевая структура промышленности является важным признаком модернизации индустриальной базы страны. Уже в последние десятилетия XIX в. в промышленности большинства развитых стран «пар и чугун» стремительно уступали место «электричеству и стали». В России этот процесс развивался крайне медленно и наиболее масштабно проявился только в эпоху подъема 1890 гг., а затем в период Первой мировой войны. В результате бурного развития в конце XIX в. новых производств и перехода многих традиционных сфер промышленного труда на индустриальную основу в российской промышленности сложилась ее отраслевая структура, которая оставалась неизменной до 1914 г. Обрабатывающая промышленность, включавшая 13 отраслей, занимала ведущее место в индустриальном потенциале страны, преобладая в показателях стоимости

производства (свыше 90%), в численности рабочих (свыше 82%) и количестве предприятий (более 80%). Ведущую роль в ней играли хлопчатобумажная, металлообрабатывающая и пищевая отрасли. Их доли в стоимости всей промышленной продукции страны находились на уровне 20%, 16% и 32%. При этом для двух первых была характерна высокая концентрация рабочей силы — соответственно 20% и 21%. В 1913 г. усилились позиции металлообрабатывающей (около 20%) и химической (7%) отраслей. В горнодобывающей промышленности России ведущее место занимали каменноугольная и нефтяная отрасли. Их доли в начале XX в. составляли соответственно 29% и 53% в стоимости производства, 47% и 15% пролетариата горнозаводской промышленности. Каждая из отраслей промышленности подразделялась на подотрасли и производства, число которых в начале века достигало 300 наименований. Именно появление среди них новых производств обеспечивает динамизм эволюции отраслевой структуры индустрии страны.

Громадные территории России и ее континентальное положение в геополитическом пространстве требовали более активного развития и формирования новых отраслей, учитывая имевшиеся для этого природно-сырьевые ресурсы. Ощутимой лакуной производственно-отраслевой структуры российской промышленности было отсутствие развитой металлургии, особенно сталелитейного производства, специализированного машиностроения, включая станкостроение, производство сложных машин, агрегатов и прочего оборудования, а также электроэнергетики как основы топливно-энергетической базы индустрии XX в. В таких странах, как США, Германия, Англия, в это время существовала развитая сталелитейная промышленность, включавшая производство качественных сталей и ферросплавов, без которых невозможно наладить выпуск большинства видов машиностроительной продукции. В производственно-отраслевой структуре индустрии России отсутствовали электротехническая, автомобильная, авиационная промышленности, массовое фабричное производство одежды и обуви, индустриально оснащенная мясо-молочная промышленность и пр. В отличие от подъема 1890-х гг. предвоенный не принес радикальных изменений в отраслевую структуру российской промышленности, не показал значительного роста ни тяжелой индустрии, ни отраслей, обслуживающих массовый потребительский рынок. Он в целом не стал новым прорывом в индустриализации России. Основной причиной явилось отсутствие того импульса, которое государство дало промышленному развитию страны, начав в 1890-х гг. грандиозное казенное железнодорожное строительство. Использованные с этой целью государственные финансы обеспечили в конечном счете не только рост промышленного производства в стране, но радикальное преобразование его отраслевой структуры и технологическую рекон-

струкцию. В годы предвоенного подъема средства, вырученные от возросшего хлебного экспорта и повышения хлебных цен, поступали в основном на текущие счета коммерческих банков и в государственные сберегательные кассы. Эти накопления не могли стать источником долгосрочных вложений в промышленность, так как подобное использование депозитов противоречило практике банковской деятельности. Сберкассы тратили средства в основном на приобретение облигаций государственных железнодорожных обществ. В предвоенные годы промышленность испытывала недостаток капиталовложений из-за сокращения внешних займов, что объяснялось увеличением государственного долга России к 1913 г. в 3 с лишним раза относительно приходной части бюджета. Скудные внутренние накопления в небольших количествах направлялись казной на финансирование столыпинской аграрной реформы и военных программ, а главное — на традиционную поддержку дворянства.

Инженерно-технические и рабочие кадры являются важным показателем степени индустриализации страны. Общая культурная отсталость России не способствовала решению этой проблемы. Грамотность рабочих, уже в конце XIX в. превосходя общий уровень по империи, оставалась низкой: 60% среди рабочих-мужчин и 35% среди женщин. Сохранялся существенный отраслевой и районный разброс значений этих показателей. Благодаря общим социокультурным процессам, протекавшим в российском обществе, технологическому усложнению производства в промышленности и на транспорте грамотность пролетариата постепенно росла. Этому способствовало развитие профессионально-технического образования, осуществлявшееся при содействии правительственных учреждений, и распространение внешкольного образования силами чаще всего общественных организаций. К 1918 г. грамотность среди рабочих-мужчин основных промышленных районов европейской части страны поднялась почти до 80%, а среди женщин-работниц — до 44%. Свидетельством недостаточности культуры индустриального труда в России оставалось широкое распространение «работы на глазок», т. е. на основе навыков мастерства, без использования чертежей, стандартов и других технических норм, которые обязательны в массовом индустриальном производстве. Решению этой проблемы мешало отсутствие достаточного количества инженерно-технических кадров, из-за чего множество руководителей низшего производственного звена были самоучками.

Концентрация производства и пролетариата была характерна для большинства отраслей российской промышленности. К 1908 г. в цензовой обрабатывающей промышленности исчезли отрасли, которые имели среднюю численность рабочих до 30 человек и годовую стоимость производства до 50 тыс. руб. на одно предприятие. Одновременно появились отрасли, где средняя численность на предприяти-

ях превышала 500 рабочих (хлопчатобумажная промышленность). В ряде отраслей значительно увеличились показатели средней годовой выработки на одно предприятие. В обработке хлопка она была свыше 500 тыс. руб., а в обработке льна, металлообработке, химической промышленности колебалась в пределах 250—500 тыс. руб. В литературе существует преувеличение роли крупных предприятий в промышленности России, в частности по сравнению с Германией, как результата их поддержки правительством и «насаждения промышленности сверху». Однако сопоставление данных переписей обеих стран показывает, что в 1908—1912 гг. среднее число рабочих на одно предприятие по всей России составляло 112—137 человек, в отраслях по обработке хлопка — 520, а в металлообработке — 110 человек. В Германии эти показатели были следующими: 176 рабочих по всей промышленности, 204 — в обработке хлопка и 221 рабочий — в металлообработке.

Накануне предвоенного промышленного подъема в 165 производствах 12 основных отраслей цензовой обрабатывающей промышленности России доля мелкого производства, характерного для 23—29 производств (около 15% от всех), была заметна только в общем числе предприятий, составляя 36,5%. В общей структуре промышленности преобладали производства (всего 105—107), для которых были типичны средние предприятия. При незначительности числа производств (26—30), относящихся к разряду крупных, их доля в стоимости продукции (34%) и числе рабочих (35,5%) была значительна. Всего 5—6 производств, у которых средняя стоимость годового производства на предприятие превышала 3 млн руб, а число рабочих — 2 тыс., концентрировали более 17% стоимости общеимперской продукции и свыше 20% всех рабочих. Совокупная доля крупного и крупнейшего производства составляла 51% в сумме производства и почти 56% в числе рабочих.

Промышленные регионы. Важным показателем развития промышленности отдельного государства выступает характер ее размещения по территории страны и наличие индустриальных районов. Россию отличала высокая степень концентрации промышленности в европейской части, где находилось около 93% всех предприятий и 96% рабочих, вырабатывалось 92% продукции обрабатывающей промышленности. В начале XX в. в Российской империи существовали Центрально-промышленный (ЦПР), Петербургский, Польский, Южнорусский и Уральский промышленные регионы. Заметным промышленным потенциалом обладали Юго-Западный и Прибалтийский районы.

ЦПР являлся крупнейшим индустриальным регионом России. Занимая 8% территории европейской части страны и насчитывая 12% населения, он сосредотачивал на своих заводах и фабриках более чет-

верти всей промышленной продукции империи и треть ее пролетариата. Его ядро составляли Московская, Владимирская, Костромская, Нижегородская, Тверская, Ярославская губернии. Формирование ЦПР происходило на основе развития крестьянских промыслов, что обусловило распространение промышленности по всей территории района с одновременной ее концентрацией в ряде городов и фабричных сел. Особым сосредоточением промышленности (50% регионального потенциала) выделялась Москва вместе с губернией. Первоначальный облик ЦПР определяли отрасли текстильной промышленности, но в начале XX в. значительные позиции занимают пищевая промышленность, металлургия и металлообработка. В дальнейшем доля металлообрабатывающих и машиностроительных, а также химических предприятий начинает возрастать, существенно меняя индустриальную структуру региона.

Петербургский район, сосредоточив почти 10% общеимперского промышленного производства и 7% всех рабочих страны, был уникален своими территориальными параметрами как район одного города, на который приходилось 80% промышленности региона. Необычайно высокая концентрация производства сочеталась с многопрофильностью отраслевой структуры района, хотя своим развитием и ролью в общеимперской индустрии выделялись металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия. Как «островной» промышленный центр, Петербург мало влиял на модернизацию окружающих его уездов и губерний.

Южнорусский район возник на базе горнозаводской промышленности, но в начале XX в. его облик существенно изменился за счет развития в нем судостроения, паровозо- и вагоностроения, сельхозмашиностроения, химических и цементного производств, ряда отраслей пищевой промышленности, что определило долю региона в общеимперском индустриальном производстве (11%) и в численности рабочих (10%). Для размещения его промышленности были характерны внегородские центры при шахтах, рудниках, железнодорожных станциях.

Урал, занимая существенные позиции в горнодобыче, имел и развитую структуру обрабатывающей промышленности. На его долю приходилось около 5% стоимости производства и 8% рабочих империи. Помимо множества заводов, производящих чугун и сталь, здесь находились основные медеплавильные и крупнейшие казенные военные предприятия — Мотовилихинский, Воткинский, Ижевский, Златоустовский и др. Каждый из них представлял сложную систему взаимосвязанных производств, сосредотачивая в своих стенах тысячи рабочих. Современники считали Урал одним из немногих районов страны, «где промышленное хозяйство наиболее крепко вросло и увязалось с сельским хозяйством».

Особенностью *Прибалтийского* региона, доля которого в общеимперском производстве составляла 5%, а в численности рабочих — 4%, было ограниченное распространение промышленности по его территории. Основными центрами являлись портовые города. Многоотраслевая промышленность Риги и уезда сложилась под влиянием продукции, которая ввозилась и вывозилась через Рижский порт. Почти половина пролетариата Эстляндии была сосредоточена на Кренгольмской бумагопрядильной мануфактуре в Нарве, где трудилось около 10 тыс. рабочих.

Юго-Западный район вырабатывал 7% промышленной продукции и концентрировал более 6% рабочих страны. Он был крупнейшим центром по переработке сельскохозяйственного сырья, что обусловило значительную долю в структуре его промышленности мелких предприятий, расположенных в городках, местечках, пристанционных поселках.

В начале XX в. значительные территории страны (западные и северо-западные губернии, Север европейской части, Закавказье) мало продвинулись в наращивании своего промышленного потенциала. Успехи можно отметить только в развитии *Поволжского промышленного региона*, включавшего в свой состав средне- и нижневолжские губернии. Факторами индустриального преобразования края выступали интенсивная перевозка по Волге бакинской нефти, а также рост торгового земледелия в губерниях региона и сопредельных с ним. Поволжье было крупным центром фабричного мукомолья, играло значительную роль в развивающейся химической промышленности, в производстве цемента и обработке животных продуктов. Астрахань в начале XX в. становилась крупнейшим центром промышленного рыболовства в Прикаспии.

Известные особенности в любой стране имеет размещение горнодобывающей промышленности. В России наиболее старым и многопрофильным был *Урал*.

К новым, отличающимся значительным уровнем развития в начале XX в., относился *Юг России*, где, помимо добычи угля, сосредоточилось свыше 70% производства кокса и 71% добычи железной руды.

В *Закавказье*, кроме крупнейшего Бакинского центра нефтедобычи (84% общеимперского производства), велась активная добыча марганцевых и медных руд. Усиливал свои позиции в нефтедобыче и производстве кокса *Северо-Кавказский регион*. Большую роль в добывающей промышленности страны сохраняли торфяная (ЦПР) и соляная отрасли (Урал, Поволжье, Украина). В Восточной Сибири концентрировалась золото-платиновая промышленность.

Существование 7 крупных промышленных районов и формирование одного нового отражали значительное продвижение страны по

пути индустриализации. Однако расположение всех регионов в Европейской России свидетельствует о недостаточности промышленного освоения большей части российской территории.

§ 3. ФОРМИРОВАНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РОССИИ. СКЛАДЫВАНИЕ СИСТЕМЫ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Транспорт. Успешное функционирование сельского хозяйства и промышленности в условиях капитализма невозможно без развитой индустриальной инфраструктуры, включающей системы транспорта, связи, торговли и кредита. Для российского государства с его огромными территориями, часто труднодоступными, и с климатом, неблагоприятным для проживания человека, налаживание и развитие экономических связей на рубеже XIX—XX вв. оставались проблемами, требующими больших усилий и финансовых затрат. Интенсивное строительство железных дорог в России, начавшееся в пореформенную эпоху, как правило, определялось не задачами развития промышленности, а прежде всего обеспечением управляемости отдаленных регионов империи и решением военно-стратегических целей самодержавия. Особую роль играла заинтересованность дворянства в проведении железнодорожных линий прежде всего от производящих хлебных центров к западным границам, а также черноморским и балтийским портам. Итоги железнодорожного строительства к началу 1890-х гг. выглядели значительно (23 тыс. км), если абстрагироваться от масштабов территории России.

С 1893 г. в стране начинается невиданный подъем железнодорожного строительства. За короткий срок было сооружено 150 новых магистралей общей протяженностью в 22 тыс. верст, т. е. больше, чем за предшествующее двадцатилетие. Ежегодный прирост сети в 1893—1900 гг. составлял в среднем около 3 тыс. верст. Импульсом железнодорожного бума явилось сооружение Великой Сибирской магистрали, имевшее большое военно-стратегическое и международное значение. Правительство, отказавшись от множества предложений отечественного и иностранного капитала, приняло все расходы по строительству на казенный счет. Экономические перспективы дороги рассматривались как способ повышения международного престижа империи. Магистраль, по словам С. Витте, знаменовала «поворот в направлении сообщения между Европой и Азиатским Востоком», что пойдет на пользу России «не только как посредника в торговом обмене, но и как крупного производителя, ближе всего стоящего к народам» Дальнего Востока.

К проектированию и сооружению магистрали привлекались высококвалифицированные кадры русских инженеров-путейцев, мостостроителей, техников. Основным недостатком проекта была однопутность Сибирской магистрали, что предопределило ее низкую пропускную способность. Весь путь был разбит на 12 участков, строившихся поэтапно начиная с мая 1891 г. На постройке дороги ежегодно трудилось 60—80 тыс. рабочих. За восемь с половиной лет был проложен рельсовый путь длиной свыше 5 тыс. верст, что не имело примеров в мировой практике тех лет. Вся постройка магистрали заняла 15 лет из-за сложности прокладки пути через скалистые горы Забайкалья. Большинство линий (60%) сооружалось путем частных подрядов, остальные — казенно-хозяйственным способом. На подрядах, монополизированных небольшой группой предпринимателей, наживались миллионные состояния. Строительство, значительно превысив первоначальные сметы, вызвало перенапряжение государственного бюджета.

Казенное железнодорожное строительство в конце XIX в. разворачивалось главным образом на окраинах империи и было связано с военно-стратегическими и экономическими задачами. Последние безусловно присутствовали в строительстве линии Пермь—Котлас с целью увеличения протяженности Сибирской магистрали и связи ее с Архангельском как основным внешнеторговым портом на Севере России. Средств продолжить дорогу от Котласа до Архангельска не нашлось, поэтому грузы, прежде всего сибирский хлеб, далее отправлялись по Северной Двине. Интенсивное железнодорожное строительство велось в Средней Азии и Закавказье. Завершение в 1900 г. строительства ветви от Владикавказа к Грозному и вдоль Каспийского моря к Баку позволило включить Закавказские магистрали в общероссийскую сеть железных дорог. В европейской части казенное строительство небольших линий военного назначения велось только в Польше и некоторых западных губерниях, что содействовало уплотнению их сети.

Частное железнодорожное строительство в 1890-х гг. сосредотачивалось в Европейской России. Еще 5 новых линий было проложено от Москвы — крупнейшего торгово-промышленного центра. Началось строительство железной дороги из Петербурга в направлении Киева. Значительно увеличилось количество линий, связывающих зерновые районы страны с Волгой. Это строительство уплотняло железнодорожную сеть Европейской России, но не ликвидировало неравномерность ее распределения. Промышленный центр страны оставался слабо связан железнодорожными путями с Уралом, а сеть железных дорог между Волгой и Уралом была просто ничтожной по сравнению с ее густотой на Юге России и в Юго-Западном районе. На восток страны не шло ни одной линии от большинства портов

Верхней и Средней Волги. На Севере европейской части единственную железную дорогу Ярославль—Вологда продлили до Архангельска. Уральская железнодорожная сеть оставалась слабой в сравнении с ЦПР, Польшей, Прибалтикой. Кроме магистрали, идущей через Урал, с запада на восток страны построили линию, связавшую Челябинск—Екатеринбург—Пермь—Вятку и уходившую на север к Котласу. В отличие от других регионов Урал практически не имел железных дорог, проходящих с севера на юг, что, собственно, и создавало густоту железнодорожной сети.

В 1900—1904 гг. железнодорожные линии России увеличились только на 9 тыс. верст (менее 2 тыс. в год). В дальнейшем их прирост продолжал снижаться. С 1910 г. среднегодовой прирост сети составлял всего 700 верст, дав общее увеличение дорог за пятилетие лишь около 5%. По оценкам же современников, экономические интересы страны требовали ежегодного прироста железнодорожной сети не менее 5000 верст. Протяженность всех железных дорог в Российской империи в 1913 г. составляла свыше 68 тыс. верст; низкой оставалась доля дорог с двойной колеей — всего 25%. Плотность железнодорожных линий Европейской России, составляя 1 км дорог на 100 кв. км, значительно уступала Западной Европе — 6,5 км. С учетом плотности населения в европейской части империи специалисты начала XX в. считали, что железнодорожная сеть страны отставала от уровня развития европейских государств в 2 раза. Компенсация этого недостатка в 1911—1914 гг. увеличением нагрузки на перевозки или достигла предела, или к нему вплотную подошла. Это внушало опасность возникновения в стране железнодорожного кризиса, который и разразился в 1915 г.

В транспортной системе России в начале XX в. сохраняли свое значение водные артерии, хотя судоходство и использование рек для сплава леса были ограничены их замерзанием. Общая длина природных сплавных и судоходных участков в европейской части составляла почти 180 тыс. верст, а в азиатской — около 100 тыс. верст. К этому добавлялось небольшое количество искусственных водных путей, т. е. каналов и шлюзованных участков рек, — около 4 тыс. верст. Из-за неразвитости железнодорожной сети на Урале и Севере европейской части водные пути играли основную роль. Для ЦПР и Поволжья бассейн Волги имел существенное значение в перевозке таких грузов, как хлеб, мука, строительные материалы, нефть. Перевозка грузов по внутренним водным путям составляла к 1913 г. около 1/3 всех грузов, перевезенных по водным и железнодорожным. В конце XIX — начале XX в. в России не проводилось усовершенствования и развития природных водных путей. Только в 1912 г. государственные затраты на эти цели были повышены, составив 21 млн руб. против 14 млн руб. в 1910 г., а на 1913 г. испрашивалось свыше 27 млн руб. В Германии

на 74 тыс. верст гораздо более усовершенствованных судоходных путей ежегодно тратилось по 1,5 тыс. руб. на версту. Если бы Россия следовала такой же норме (а для российских рек в силу неблагоприятных природно-климатических условий требовалось несомненно больше), то ее ежегодные расходы только по европейской части должны были составить 61 млн руб. Не способствовала развитию водного транспорта ограниченность парового речного пароходства. Во внешнеторговых операциях России в начале XX в. использовался торговый морской флот, на долю которого приходилось 52% ввоза и 70% вывоза товаров. Флот включал в свой состав немногим более 1 тыс. паровых судов и 2,5 тыс. парусных.

В начале XX в. большую часть российских путей сообщения составляли грунтовые дороги. Если на 1 тыс. кв. верст в 1913 г. приходилось в среднем рельсовых и водных путей около 8 верст, то грунтовых — свыше 85 верст. Кроме того, при значительности пространств очень многих губерний страны гужевой транспорт, как правило, использовался при подвозе (часто на большие расстояния) сельскохозяйственной продукции к железнодорожным станциям и пристаням. Ежегодно сельское хозяйство теряло на накладных расходах по гужевому подвозу около 60 млн руб. Практически невозможно было использовать грунтовые дороги в весеннее и осеннее время, в периоды затянувшихся дождей летом и снежных заносов зимой. В результате производители часто не могли вывезти свой товар на рынок. Однако расходы на грунтовые дороги и незначительное число шоссейных были совершенно ничтожными в сравнении с задачами их усовершенствования. В Европейской России они не превышали 21 млн руб. в год.

Торговля России в условиях развития капитализма претерпела изменения. К числу ее новых институтов относились товарные биржи, заключавшие сделки по образцам, стандартам, техническому описанию товаров, с точным указанием сроков поставок, взаимных расчетов. В 1913 г. действовало около 100 товарных бирж, из которых почти половина возникла в 1905—1911 гг. Большинство бирж осуществляло торговлю разными, имеющими иногда сотни наименований, товарами и размещалось в крупных, часто портовых городах. Ряд бирж осуществлял сбыт только отдельных товаров, прежде всего хлебов (Балашовская, Воронежская, Борисоглебская, Елисаветградская, Тамбовская, Балаковская, в Покровской слободе). В Петербурге и Москве биржи были специализированными: мясная и скотопромышленная; хлебная; яичная; масляная; птицеторговая. В Петербурге существовали еще фруктовая, чайная, винная биржи.

В структуру капиталистически организованной внутренней торговли входили крупные и средние магазины оптовой торговли, склады по продаже товаров, фирмы по закупке сельскохозяйственной продукции, магазины розничной продажи, печатной продукции, склады

оптовой продажи вина, спирта, табака, элеваторы, а также аптеки, рестораны, трактиры и пр. Значительность сферы мелкотоварного производства предопределила сохранение множества лавочек розничной продажи, небольших трактиров, чайных, кофеин, аптек, мелких фирм по закупке сельскохозяйственной продукции, а также развозной и разносной торговли. Не исчезли в начале XX в. в России и ярмарки, которых насчитывалось более 16,5 тыс., и свыше 80% из них были сельскими. Особое место в деловом мире страны занимала Нижегородская ярмарка с оборотом более 167 млн руб. Она выступала как посредник в европейско-азиатской торговле, обеспечивая выход своих торговых связей за пределы России.

В начале XX в. доля России в мировом экспорте составляла всего 4%, так как она вывозила лишь 6—8% своей продукции, а ввозила — 3,5% мирового импорта. Основные товары российского экспорта — хлеб в зерне и муке, отруби, жмыхи, льняное семя, сахар, яйцо, коровье масло, лошади, лесная продукция, лен, пенька, шерсть, невыделанные кожи, марганцевая руда, нефтяные и прочие масла, платина, т. е. непереработанная сельскохозяйственная продукция или природное сырье для промышленности. Ввозила Россия в основном готовую продукцию (удобрения, машины и части к ним, различные железные изделия, химические материалы), а также сырье, которое не могла добыть и произвести в достаточном количестве внутри страны (каменный уголь, кокс, никель, олово, свинец, хлопок, шерстяная пряжа и пр.). Затраты на машины, металлические изделия, чугун, кокс и уголь, удобрения, краски и другие материалы составляли в 1913 г. более 300 млн руб., что равнялось половине стоимости хлебного экспорта страны.

Связь, переживавшая в начале XX в. бурное развитие, служила обеспечению возросших потребностей общества в обмене информацией с помощью новых видов услуг, в частности почтово-телеграфных в системе государственных учреждений, органов местного управления, в биржевых и банковских структурах, на промышленных предприятиях, в редакциях газет и издательствах. К услугам телеграфа прибегают частные лица, телефон появляется в квартирах состоятельных граждан. Новые виды связи имели более 7 тыс. государственных и почти 5 тыс. железнодорожных почтово-телеграфных учреждений, свыше 4 тыс. волостных правлений с приемом и выдачей почтовых отправлений. В то же время в России сохранялась старая конно-почтовая связь. На более чем 4 тыс. ее станций приходилось почти 300 тыс. верст межстанционных путей и по 130 тыс. верст ежегодно совершаемого пути. Хотя развитие услуг связи шло довольно динамично, но с точки зрения общей территории Российской империи, больших расстояний между населенными пунктами и особенно городами масштабы почтово-телеграфной и телефонной связи никак не соответствова-

ли потребностям страны и были намного ниже европейского уровня. В Германии в 1910 г. одно почтовое учреждение приходилось на 1,5—3 тыс. жителей, телеграфное — на 1,5—4 тыс. В России эти показатели были соответственно на 10 тыс. и 35 тыс. жителей.

Кредитно-банковская система, сложившаяся в начале XX в. в России, отвечала потребностям финансирования различных секторов экономики, обеспечивала перелив капиталов между отраслями, способствовала объединению российской экономики в единый народно-хозяйственный комплекс. Структуру государственного кредита образовывал крупнейший в России, коммерческий по методам и формам деятельности Государственный банк, с 1897 г. ставший также эмиссионным. К 1914 г. его основные активы составляли около 1,2 млрд руб. В период кризиса 1900-х гг. Государственный банк оказывал существенную поддержку банкам, промышленным и торговым предприятиям, положение которых было неустойчивым. Благодаря его щедрой помощи уцелели крупные петербургские банки. В период предвоенного подъема Государственный банк продолжил политику кредитования товарооборота, главным образом на периферии страны, и увеличил масштабы кредитования коммерческих банков, превращаясь в банк банков. В сфере государственного кредита действовали также Дворянский земельный и Крестьянский поземельный банки, сберегательные кассы и казенные ломбарды.

Осуществлением торгово-промышленного кредита занимались частные акционерные коммерческие банки, активы которых составляли к 1914 г. около 5 млрд руб., банкирские дома, общества взаимного кредита, городские общественные банки. Под залог городской и земельной недвижимости кредитовали частные акционерные земельные банки, 8 сословных дворянских кредитных обществ и банков, 36 городских кредитных обществ. Развитие страхового дела, обеспечивавшего смягчение предпринимательских рисков и служившего аккумулированию капиталов, в России значительно отставало от других стран. К 1914 г. число страховых компаний не превышало 19. Чрезвычайно быстро развивались учреждения кредитной кооперации. В 1900 г. действовало 724, а в 1913 г. — уже более 13 тыс. кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Существовали еще земские кассы, выдавшие к 1914 г. ссуд на 53 млн руб. Потребительский кредит под залог движимого имущества предоставляли в 1913 г. 117 муниципальных ломбардов и 17 акционерных обществ.

Финансы. Основу финансового хозяйства Российской империи составлял государственный бюджет, утверждение которого с 1906 г. входило в компетенцию Государственной думы. По традиции бюджет делился на «чрезвычайный» и «обыкновенный» и долгое время сводился с дефицитом. Благодаря политике министра финансов В. Н. Коковцова доходная часть бюджета выросла к 1913 г. в 2 раза по срав-

нению с 1900 г., что в концентрированном виде отражало развитие отдельных секторов экономики страны и эффективность существующей налоговой системы. Прекратились крестьянские выкупные платежи, составлявшие в бюджете 1900 г. 5,6%. Прямые налоги, помимо сборов с крестьян податей и налога с промысловой деятельности, включали незначительный сбор с недвижимости и доходов от денежных капиталов. Даже в 1913 г., в условиях роста производства и развития банковской деятельности, сборы с доходов от денежных капиталов составили чуть больше 35 млн руб., а выкупные платежи, которые вытягивали последние соки из крестьянского хозяйства, в 1900 г. превышали 96 млн руб. Правительство так и не ввело в России существовавший во многих странах прогрессивно-подоходный налог, который позволял бы адекватно проводить налогообложение состоятельных групп общества. Наиболее доходными статьями государственного бюджета империи оставались косвенные налоги, включавшие акциз с необходимых продуктов питания и товаров повседневного спроса (сахар, керосин, спички, бумагу и др.), доходы от казенных имуществ и капиталов (прежде всего от железных дорог) и так называемые правительственные регалии, в которые включались поступления от казенной винной монополии. В бюджете 1913 г. доли этих трех статей составляли соответственно 21%, 30% и 31%. В расходной части бюджета превалировали непроизводительные расходы, т. е. военные, по государственному долгу, на содержание полицейско-административного аппарата и пр. В 1900—1913 гг. они колебались в пределах 62—59%. Производительные расходы правительства, связанные с вложением бюджетных средств в казенные имущества и предприятия, а также частный сектор не отвечали требованиям индустриализации страны, составляя в 1913 г. соответственно 33 и 3%. Еще ниже были общие расходы на просвещение, немного превышавшие 4%.

Монополистические объединения, возникавшие в России в 1880-х гг., представляли собой нелегальные объединения картельного типа и действовали в металлургической, нефтяной, угольной промышленности. Особенно активно монополизировался сбыт продукции, связанной с железнодорожным строительством. Деятельность монополий была затруднена законодательным запрещением «стачек фабрикантов и торговцев» для повышения цен на рынке, поэтому они создавались под видом предпринимательских объединений («Союз рельсовых фабрикантов», «Союз бакинских керосинозаводчиков» и др.). В период промышленного подъема большинство из них распалось, но обострение борьбы за источники сырья и топлива породили тенденцию к комбинированию производства под эгидой крупных фирм. Такой характер приобрело Товарищество бр. Нобель, объединившее предприятия по добыче, переработке, транспортировке нефти, хранению нефтепродуктов, их сбыту.

В условиях экономического кризиса начала XX в. процесс создания монополий ускорился и привел к их утверждению в основных отраслях промышленности. Всего к 1914 г. в России действовало около 200 монополий. Большинство из них были синдикатами, легализовавшимися под вывеской акционерных обществ — Контор для продажи, осуществлявших сбыт по установленным ценам. Монополистическая суть объединения получала отражение в секретных контрагентских договорах, заключавшихся участниками соглашения с так называемым Обществом, которое действовало на рынке открыто, как акционерное предприятие, имея законодательно утвержденный устав. Договор фиксировал доли, или квоты, заказов, разрешенные отдельному участнику синдиката, соответственно ограничивая размеры его производства. Достаточно широко были распространены и картели, т. е. более простые типы монополий, выполнявшие задачи по сбыту продукции или закупке сырья по фиксированным ценам. Не имея общих управленческих структур, картелированные предприятия продолжали выходить на рынок самостоятельно, что затрудняло установление фактов этих объединений. Многие картели носили временный характер и функционировали на основе устных договоренностей, как это было, например, с объединением ситцевых фабрикантов, ежегодно определявшим монопольные цены на Нижегородской ярмарке. Другой формой картелей в текстильной промышленности в начале XX в. явились регионально-отраслевые объединения фабрикантов, скрывавшиеся под вывеской предпринимательских союзов. Известными монополиями, возникшими в период 1900—1909 гг., были картели трубопрокатных заводов, предприятий, изготовлявших рельсы, кровельное железо (впоследствии синдикат «Кровля»), паровозы, синдикаты «Продамета», «Продвагон», «Гвоздь», «Продаруд», «Продуголь», «Цементкруг», снарядный и др. В нефтяной промышленности двумя мощными группировками, Товариществом бр. Нобель и Обществом «Мазут» банкира Ротшильда, был создан картель «Нобель—Мазут». В пищевой промышленности действовало объединение рафинеров, созданное для ограничения производства и повышения цен на внутреннем рынке.

В начале 1890 гг. при массовом выкупе частных железных дорог в казну развернулось формирование крупных железнодорожных предприятий государственно-монополистического типа. Небольшой группе частных обществ было предоставлено право постройки новых железнодорожных линий за счет выпуска гарантированных правительством облигационных займов, что содействовало и притоку иностранных капиталов. В группу вошло 8 акционерных обществ, укрупнение которых производилось путем объединения компаний соответствующего региона или направления дорог, получения долгосрочной аренды соседних казенных линий, а главное — строительства новых линий.

Одним из следствий созданной системы стал территориальный раздел сфер влияния в Европейской России.

Железнодорожные монополии не только развивали основное производство, но активно расширяли свое участие в торговле, сфере кредита и пр. Одной из наиболее мощных монополий стало Общество Владикавказской железной дороги, охватившее своей сетью Северный Кавказ, часть побережья Черного моря, Каспия и Волгу и являвшееся ключевым звеном транспортного пути из Европейской России в Закавказье. Проложив к концу 1890-х гг. более 1,4 тыс. верст новых линий, Общество в 2,5 раза увеличило протяженность принадлежавших ему дорог. Получая прибыль от строительства и эксплуатации железных дорог, оно стремится установить контроль над основными отраслями хозяйства Северного Кавказа. Учитывая характер перевозимых грузов, Общество соорудило 8 крупных элеваторов, амбарные зерновые склады, морские пристани, нефтехранилища. Учреждая специальные агентства для скупки рыбы на Каспии, оно возвело в Дербенте огромный холодильный склад, откуда рыбный товар отправлялся во внутренние губернии России и на экспорт. Построив нефтеналивной флот, сеть нефтепроводов, нефтерезервуаров, собственный нефтеперерабатывающий завод, Общество стало одним из крупнейших экспортеров нефти. К 1900 г. по сравнению с концом 1880-х гг. его чистый доход увеличился в 5,5 раза. Росту экономической мощи Общества Владикавказской железной дороги способствовали гарантированные правительством облигационные займы, распространявшиеся на иностранных денежных рынках. Акционеры, в число которых входили члены царской семьи и придворной аристократии, получали ежегодные дивиденды от 10 до 18%.

Крупнейшими многопрофильными предприятиями стали к концу 1890-х гг. общества Рязанско-Уральской и Московско-Казанской железных дорог. Каждое из них, увеличив свою железнодорожную сеть соответственно в 10 и 9 раз, одновременно вели иную коммерческую деятельность. Наращивая уровень грузооборота, Общество Рязанско-Уральской дороги строило пристани с механизированными устройствами для погрузки, десятки элеваторов, склады, лесопилки, солемолки, нефтекачки и нефтехранилища, создавала собственную речную флотилию. Оно в закупленных цистернах доставляло в Москву бакинскую нефть по линии Московско-Павелецкой дороги. Компания занималась выдачей денежных ссуд под хлеб, создав сеть комиссионных агентств. Прибыль от этой ростовщической операции пополняла доходы акционеров. Активно участвовало в хлебной торговле и Общество Московско-Казанской дороги, железнодорожная сеть которой охватывала промышленно развитые и зернопроизводящие губернии центра страны. Компания построила мощные элеваторы в Москве, Рязани, Коломне, Зарайске и ряд станционных зернохрани-

лищ в Пензенской, Тамбовской, Симбирской и Казанской губерниях. В обоих обществах капитал, сформированный на основе иностранных облигационных займов, превышал акционерный: Рязанско-Уральской дороги — в 70 раз, Московско-Казанской — в 14 раз. Непомерно высокие доходы, устанавливавшиеся для акционеров Рязанско-Уральской дороги, привели в 1901 г. к образованию большого долга компании казне — 25,5 млн руб. Повышавшая выплаты акционерам, Московско-Казанская дорога прибегала к экономии средств на постройке, используя старые рельсы при сооружении новых линий. На необходимую вскоре их перешивку деньги опять испрашивались у казны.

В судоходстве Волжско-Каспийского бассейна монополии возникали на основе высокой концентрации флота в руках отдельных предприятий. 5 акционерных обществ региона к 1910 г. владели почти 43% тоннажа всех паровых судов торгового флота. К 1914 г. крупнейшим из них: Обществу «Кавказ и Меркурий», Волжскому обществу торгового судоходства, Товариществу бр. Нобель — принадлежала уже половина тоннажа. Нобелевская компания придавала огромное значение расширению своего участия в транспортировке нефти из Баку, поэтому стоимость ее морских судов более чем в полтора раза превышала сумму, вкладывавшуюся в добычу нефти.

В российской промышленности к 1914 г. возникли и трестовские объединения, ставшие итогом поглощения отдельных предприятий более крупными и мощными. Тресты действовали в отраслях текстильной и нефтяной промышленности, в судостроении, паровозостроении, в резиновом и табачном производствах.

В оценке монополизации важна степень охвата монополиями сбыта или производства промышленной продукции. Высоким уровнем монополизации отличалась металлургическая промышленность. «Продамета» монополизировала 87% производства железа и стали, «Медь» — 96% производства. «Трубопродаже» удалось монополизировать около 100% сбыта железных труб, чуть ниже был уровень монополизации кровельного железа синдикатом «Кровля». Нефтяные тресты сосредотачивали в своих руках 61% добычи и 90% сбыта нефти. Высокий уровень монополизации был характерен для производств, где количество предприятий было невелико: в паровозостроении он составлял 97% сбыта, в вагоностроении — 99%. Уровень монополизации каменноугольной промышленности Юга России по показателю добычи в основном был на уровне 45—47%. Это было следствием существования в отрасли большой группы аутсайдеров, успешно конкурировавших с «Продуглем». За данным явлением скрывались различия в горнотехнических условиях донбасских шахт, объединенных в синдикат и «независимых». Министерство путей сообщения, регулировавшее перевозки угля и объемы его добычи, в своих меркантильных интересах сохраняло противоречия и стиму-

лировало конкурентную борьбу между отдельными группами предприятий.

В годы предвоенного подъема в процессе создания монополий наметилась новая тенденция, когда достигнутые договоренности подкреплялись взаимным «участием» лиц, заключавших монополистические соглашения, в предприятиях друг друга. Такого рода объединения, именуемые часто концернами, получают развитие в различных отраслях и производствах, особенно после 1910 г., когда учреждаемым акционерным обществам было разрешено приобретать акции других предприятий. Создание Holding Company с целью установления контроля над другими предприятиями по закону не допускалось внутри страны, что заставило российских предпринимателей при организации трестов и концернов учреждать их за границей. Именно таким путем консорциум банков под эгидой Русско-Азиатского банка, скупив большинство акций 12 крупнейших табачных фабрик России, образовал в 1913 г. в Лондоне табачный трест (Russian Tabacco Company).

Финансовый капитал сложился в итоге расширения посреднических функций банков в сфере кредитования и существенного изменения их роли в экономике государств. В России господство финансового капитала в экономической жизни было недолгим. Промышленный подъем 1890-х гг. стал решающим этапом в формировании российской банковской системы. Капиталы акционерных коммерческих банков выросли более чем вдвое. Главным направлением их деятельности стало кредитование быстро увеличивающегося товарооборота. Значительно возросли операции банков в провинции, где особенно активно открывали свои отделения петербургские банки. Банки сыграли важную роль в учреждении акционерных обществ, размещении их капиталов и дополнительном выпуске акций. В 1893—1900 гг. акционерный капитал промышленных обществ увеличился втрое. В итоге основная масса депозитов (75%) сосредоточилась в руках немногих петербургских и московских банков. Кризис и последовавшая за ним длительная депрессия привели к гибели небольших и достаточно крупных банков. С середины 1890-х гг. начинается сращивание банковского и промышленного капиталов. К 1900 г. Петербургский Международный банк уже был заинтересован более чем в 30 предприятиях, а Петербургский Учетный и ссудный — почти в 30. В группе крупных петербургских банков — Русского для внешней торговли, Петербургского международного, Петербургского Учетного и ссудного, Русского торгово-промышленного — «участия» переплетались довольно тесно. Сплоченностью отличалась группа второстепенных банков под эгидой владельца московского банкирского дома Л. М. Полякова. Процесс создания в России банковских группировок по учреждению промышленных предприятий был связан с участием иностранного капитала. Первоначально его финансовые

группы сохраняли за собой последующее руководство новыми компаниями. Однако к концу 1890-х гг. позиции российских банков укрепились, и иностранным банкирам приходилось с этим считаться.

Процесс складывания «сфер интересов» замедлился в кризисно-депрессивный период, но совсем не прерывался. Часть крупных банков, вынужденных поддерживать финансировавшиеся ими предприятия, не выдержали расходы и перешли на вторые роли. Не только сохранил, но расширил «сферу интересов» Международный банк. Увеличилась роль прежних конкурентов петербургской группы. Среди них выделились Азовско-Донской банк и возникший в 1910 г. на основе слияния Северного и Русско-Китайского банков Русско-Азиатский. В период предвоенного подъема Международный, Азовско-Донской и Русско-Азиатский банки лидировали в финансировании промышленности, в организации новых монополистических объединений, добиваясь определенного разделения сфер деятельности между ними. Так возник машиностроительный трест «Коломна—Сормово», а в судостроении — «Наваль-Руссуд», монополизировавший, в частности, строительство военных судов на Черном море. Петербургский Учетный и ссудный банк сформировал мощную группу машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий по производству подводных лодок, изготовлению торпед и мин. В сфере интересов Русско-Азиатского банка сложился военно-промышленный концерн, организационным центром которого стал Путиловский завод. Концерн контролировал производство орудий и значительную часть производства снарядов на частных заводах. Русско-Азиатский банк сыграл решающую роль в формировании концерна И. И. Стахеева, ядром которого было Товарищество «И. Стахеев и К°», активно действовавшее в сибирской и русско-китайской хлебной торговле, в торговле лесом, развитии Эмбинского нефтяного района и пр. Начатое в 1912 г. банком финансирование предприятий Товарищества и учреждение новых привели к созданию огромного концерна, расширившегося в годы Первой мировой войны.

Для усиления финансового контроля над предприятиями и общего влияния в промышленности банки активно использовали зарубежные холдинговые компании. В 1909 г. Азовско-Донским банком был создан отечественный вариант подобной структуры — Российское горнопромышленное комиссионное общество (Росгорн). В 1910 г. тот же банк совместно с Сибирским банком и Росгорном учреждает в Лондоне трест International Russian Syndicat (IRS), возглавляемый американцем Г. Гувером. В создании треста участвовал ряд иностранных финансовых групп, в том числе Л. Уркарта. Новый трест содействовал расширению и возникновению новых горнопромышленных предприятий на Урале и Алтае. В 1912 г. группой Гувера — Уркарта и Русско-Азиатским банком в Лондоне учреждается еще одна ком-

пания с целью «приобретения горных и других предприятий в России». В 1914 г. Международный и Русско-Азиатский банки при поддержке других отечественных и иностранных групп создали гигантское объединение в нефтяной промышленности, охватившее не менее 20 предприятий различной специализации с суммой акционерных капиталов более 150 млн руб.

Иностранный капитал на рубеже XIX—XX вв. играл существенную роль в формировании банковской системы России, в развитии промышленности и других сфер предпринимательской деятельности, где это допускалось законодательством. Притоку иностранных капиталов способствовали недостаток внутренних накоплений и высокие прибыли, обусловленные относительной дешевизной рабочей силы в России. Ни государство, ни частное предпринимательство не могли обеспечить в конце XIX — начале XX в. масштабное инвестирование индустриального развития страны, тем более что опека дворянского землевладения требовала громадных расходов. К 1914 г. казной на «общие нужды» государства и государственный ипотечный кредит было истрачено около 6 млрд руб.

Первоначально приток иностранного капитала в Россию осуществлялся стихийно, в основном на индивидуальном уровне. Капитал иностранных граждан, прибывавших для создания собственного дела, часто выражался даже не в денежной форме, а в определенном опыте, навыках предпринимательской деятельности. Многие из них прочно осели и обрусели, но некоторые, несмотря на многолетнюю деятельность на русском рынке, остались иностранцами, переводя немалую часть своих доходов за границу, на родину. В условиях развития монополистического капитализма, когда вывоз капитала выдвигается на первый план по сравнению с вывозом товаров, в Россию устремился банковский капитал крупнейших индустриальных стран: французский, германский, бельгийский, английский. Значительные размеры иностранные вложения (всего их было примерно 2 млрд руб.) приобретают с конца XIX в. Большая их часть шла в промышленность (около 1,5 млрд руб.), остальные — в кредитные, страховые, торговые предприятия (0,3 млрд), в городскую недвижимость и строительство (0,2 млрд руб.). Более половины промышленных инвестиций приходилось на горнодобывающую отрасль и металлургию, особенно в новых индустриальных центрах (Донбасс, Криворожье, Чиатуры, Экибастуз, Кыштым). Иностранный капитал удерживал господствующие позиции в таких прибыльных сферах горной индустрии, как нефтедобыча, медные и марганцевые рудники. Меньше были иностранные инвестиции в металлообработке (всего около 1/4) и совсем незначительно (свыше 1/10) — в текстильной промышленности. В начале XX в. германский капитал господствовал в электроэнергетике и электротехнике, а бельгийский — в современном городском транс-

порте. Значительную роль иностранный капитал играл в формировании финансовой системы, действуя в ней при участии российских банкиров. Общая его доля в основных капиталах всех российских акционерных компаний составляла около трети. Иностранные вложения в российские акционерные предприятия были преимущественно французскими (1/3), остальные распределялись между Великобританией (1/4), Германией (1/5) и Бельгией (1/7). Если учитывать другие виды вложений, то доля французских капиталов превысит половину всех иностранных инвестиций.

Оценить роль иностранного капитала, действовавшего в форме акционерного предпринимательства в России, довольно сложно в силу присущей ему противоречивости. Как показали исследования последних десятилетий XX в., эта деятельность имела большое значение для развития горнодобывающей промышленности, металлургии и металлообработки, таких отраслей, как электротехническая и химическая. Стремясь к получению более высоких прибылей, иностранные предприниматели, помимо капиталов, должны были привносить в российскую экономику сложившиеся в развитых европейских странах формы капиталистической организации промышленности, торговли, кредита, а также новейшие технологии. Это достаточно широко проявилось в быстром развитии Южного горнопромышленного района. Подобные явления можно было наблюдать и в начале XX в. Так, значительный прогресс в эти годы медной промышленности был непосредственно связан с внедрением английского капитала в отрасли по добыче меди и производству электролитической меди. Однако не всегда задачи развития отечественной промышленности совпадали с интересами зарубежных предпринимателей. Например, большая часть металлургических заводов Юга России была ориентирована на потребности железнодорожного строительства, производя в основном профили тяжелых металлов. Когда оно закончилось, но одновременно выросли запросы металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий на качественный и специальный сортамент металлов, потребовалось переоборудование предприятий. Франко-бельгийские финансовые группы, которые преобладали в руководстве обществ южнорусских металлургических заводов, устранились от инвестирования их переоборудования. Не принял иностранный капитал участия и в восстановлении Бакинских промыслов после их разгрома в 1905 г. Имелась практика создания, особенно в области новейших отраслей, предприятий, которые были только сборными цехами, филиалами иностранных компаний. Например, учрежденный в Москве французской компанией завод «Гном» осуществлял лишь сборку авиамоторов из поступавших французских частей и деталей. Представитель военного ведомства, сообщая в 1916 г. о неудовлетворительной постанов-

ке дел на заводе, прямо указывал причину — нежелание парижского правления иметь сильное моторостроительное отделение в Москве.

Иностранные руководители действовавших в России обществ, чтобы обеспечить себе большие дивиденды, были вынуждены добиваться прибыльности предприятий, ориентируясь на потребности внутреннего рынка. Данные за 1881—1913 гг. показывают, что прирост иностранных капиталовложений в акционерные общества превышал сумму выплаченных дивидендов на уже вложенные зарубежные капиталы. Это означает, что прибыли в значительной своей части не вывозились из России, а реинвестировались в ее хозяйство. В отличие от государственных займов иностранные вложения в предпринимательство, как правило, впрямую не угрожают политической независимости стран, но могут существенно затормозить или деформировать ее экономическое развитие. Не располагая собственными капиталами и вынужденная прибегать к иностранным, Россия, в частности, не могла направлять потоки иностранных средств в нужные стране отрасли промышленности. В итоге на рубеже XIX—XX вв. не получили должного развития такие базовые отрасли индустрии, как машиностроение, станкостроение, электроэнергетика, производство высококачественных сталей и цветных металлов, химическая промышленность. В конечном счете это предопределило высокую степень зависимости России от ввоза готовой индустриальной продукции именно тех стран, капиталы которых вкладывались в ее экономику.

Важнейшим каналом поступления иностранных капиталов были государственные займы. На их долю приходилось в 1914 г. 3/5 внешней задолженности России, сумма которой приближалась к 8 млрд руб. Такой огромный долг образовался не только в результате займов, заключаемых непосредственно государством, но и частными компаниями, которые гарантировались правительством. Большую их часть (4 млрд руб.) составляли железнодорожные займы. Уже на рубеже 1880—1890 гг. главным кредитором стала Франция, на долю которой в 1914 г. приходилось почти 2/3 суммы размещенных за границей российских государственных займов. Сюда же в начале XX в. переместилась почти половина размещенных за границей облигаций российских железнодорожных обществ, сосредоточенных до этого в Германии. Несмотря на то что не все средства от займов, гарантированных правительством, реально вкладывались в строительство железных дорог (немалые суммы разворовывались финансовыми дельцами и строительными подрядчиками), нельзя не признать их роли в создании российской транспортной системы, оказавшей влияние на общий рост отечественной индустрии.

Необходимость уплаты по займам довольно скоро выявила их отрицательную сторону. Уже с 1880-х гг. платежи по размещенным за

границей российским займам стали превышать поступления от новых. С 1881 по 1913 г. Россия выплатила иностранным владельцам свыше 5 млрд руб. Не следует забывать, что частично заграничные займы тратились царизмом на поддержание помещичьего землевладения, а общая сумма этих расходов, включавшая и внутренние накопления, в полтора раза превышала средства, полученные из-за границы на железнодорожное строительство. Поступление иностранных инвестиций в виде зарубежных займов в 1900-е гг. несколько уменьшилось, но совсем не прекратилось. В годы предвоенного промышленного подъема и благоприятной экспортной конъюнктуры, обусловленной высокими урожаями, заграничные инвестиции составили менее 1/5 новых капиталовложений в российские ценные бумаги и акции действовавших в стране иностранных предприятий. В итоге прекратился рост внешнего долга и начала уменьшаться его сумма.

Государственно-монополистический капитализм определяется как «сращивание» монополий и государственных структур. В России его черты проявились довольно рано, формируясь одновременно с процессом складывания финансового капитала, а не после его завершения. Во многом это объясняется исторической ролью русского государства в экономической жизни общества, когда даже в условиях развития капитализма невозможно было полагаться только на рыночные механизмы. Именно государству приходилось предпринимать усилия и тратить значительные средства на развитие индустриальной инфраструктуры, на поддержание и сохранение созданного промышленного потенциала, элементов банковской системы. В раннем проявлении государственно-монополистических тенденций сказалось недостаточное развитие отдельных отраслей отечественной промышленности и ограниченность капиталов. Одним из первых опытов государственного регулирования, осуществленным по настоянию предпринимателей, стало введение в 1895 г. на внутреннем рынке сахарной нормировки, что обеспечивало прибыли сахарозаводчиков и доходы казны. В условиях развивающегося промышленного кризиса в 1902 г. был создан Комитет по распределению железнодорожных заказов, позволивший избежать банкротства металлургических, металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий, построенных или реконструированных в 1890-х гг. Учрежденное в 1908 г. при Морском министерстве Совещание по судостроению, помимо распределения заказов, определяло важнейшие технические и материальные условия их исполнения.

Таким образом, период 1910—1914 гг. является завершением процесса складывания в России системы финансового капитала, отвечавшей по своим основным параметрам, целям и направлениям деятельности тенденциям развития мирового капитализма начала XX в.

Однако следует учитывать значительные особенности функционирования российской системы финансового капитала, которые не всегда позволяют считать ее вполне адекватной западноевропейской.

§ 4. НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Общая динамика численности населения. Население России (без Финляндии) в пределах страны по переписи 1897 г. составляло 126,6 млн человек, из которых 73% проживали в Европейской России. Данные переписи 1897 г. показали значительный прирост населения по сравнению с дореформенным периодом. Эта тенденция сохранялась и впоследствии, что подтверждают расчеты Центрального статистического комитета. К 1914 г. численность населения России (без Финляндии) достигала 175,1 млн человек, а общий прирост равнялся 38%, в 50 губерниях Европейской России — 36% и на Кавказе — 38% соответственно. Естественный прирост в России (без Польши и Финляндии), составляя в 1908—1913 гг. около 16%, относился к самым высоким в мире. Основными факторами проявления этой тенденции были заинтересованность крестьянской семьи в рабочих руках, постепенное улучшение условий жизни более значительной части населения, распространение медицинского обслуживания, особенно в привилегированных и городских слоях общества, что сокращало смертность, в частности детскую. Однако из-за часто повторяющихся голодных лет, различных эпидемий смертность в России вдвое превышала этот показатель в Германии и Англии. Необходимо отметить, что на протяжении всей истории России, включая и весь XX в., ни один народ, проживавший на ее территории, не исчез.

На 1 января 1914 г. в российских городах проживало 26,2 млн человек (15%), а на селе — 148,8 млн (85%). Реально городское население, особенно в Центре и на Юге России, было несколько выше, так как большие фабрично-заводские или кустарные села (Орехово-Зуево, Кимры, Сергиев Посад), рудничные и заводские поселки (Кривой Рог, Юзовка) с многочисленным пролетарским населением не имели статуса города. Прирост городского населения в начале XX в. к его численности в 1897 г. был очень высоким — 70%. Число женщин в составе сельского населения было только на 500 тыс. выше мужского, а в городе оно было ниже на 8 млн. Доля городского населения в основных регионах России, кроме Польши, мало отличалась от общего по империи. В то же время в начале XX в. заметно выросло население крупных городов. В Петербурге оно увеличилось с 1,3 млн до 2,2 млн человек, а в Москве — с 1 млн до 1,7 млн чело-

век. Города, в которых проживало свыше 100 тыс. человек, сосредоточили 33% всего городского населения страны.

Национальный состав. На рубеже XIX—XX вв. Россия оставалась многонациональным государством. Как отмечалось в материалах переписи 1897 г., в ней существовало 146 языков и наречий. Черты многонационального социума приобретали новую окраску в условиях капитализма, в частности при формировании индустриальных районов. Многонациональный характер, например Бакинского промышленного центра, обусловливался не только исторически сложившейся пестротой национального состава Закавказья, но и массовым притоком на нефтяные промыслы рабочих из великорусских и малороссийских губерний, а также персов и армянских переселенцев. Эти же черты проявлялись в составе рабочих Риги и Ревеля, где наряду с жителями коренных национальностей была велика доля русских и выходцев из Германии, Швеции, Финляндии. Шведы и финны были представлены среди рабочих Петербурга. В русском обществе, как правило, не было отчуждения по национальному признаку, что было результатом многовекового совместного проживания различных этносов на одной территории, открытости русской культуры к восприятию культуры других народов, существования смешанных браков в различных социальных слоях. Наиболее представительными среди этносов империи по своей численности и распространенности по территории проживания были *русские* — более 55 млн, или 48%. Вместе с ближайшими себе по языку и культуре *украинцами* (22 млн, или 19%) и *белорусами* (около 6 млн, или 6%) они составляли большинство населения страны — свыше 83 млн, или 72%. К 1917 г. их совокупная численность превысила 114 млн. Из других национальностей выделялись поляки (около 8 млн человек, к 1917 г. — свыше 11 млн), татары и тюркские народы (около 14 млн человек, к 1917 г. — почти 17 млн), евреи (5 млн человек, к 1917 г. — свыше 7 млн).

Народы, населявшие Российскую империю, находились на весьма различных стадиях социально-экономического развития. Распространение форм родового строя было характерно для большинства народов Крайнего Севера, Сибири, горных районов Кавказа и Памира. Жизненный уклад казахов, киргизов, частично азербайджанцев основывался на кочевом скотоводстве. К этому следует добавить проявление других исторических особенностей развития отдельных народов Поволжья, Закавказья, Прибалтики, Бессарабии, Средней Азии: отсутствие у некоторых из них когда-либо государственности или ее расцвет в очень глубокой древности, длительную борьбу против завоевателей, в том числе и в XIX в. Это находило отражение в быте и укладе их жизни, в сохранении влияния культуры других народов и государств, под властью которых они ранее находились. Немаловажным фактором был и способ вхождения различных народов в состав

Российской империи: или добровольный, или в процессе постепенной русской колонизации, или завоевания. Большинство народов России относилось к категории автохтонного населения этой части Евразии. Исключение, пожалуй, составляли евреи, немцы и незначительные группы других германских и скандинавских народов. Первые переселялись стихийно, а остальные — стихийно и в результате целенаправленной политики верховной власти. Формирование греческой диаспоры в России было связано с проживанием греков в Причерноморье с времен античности, а также турецким владычеством на Балканах. Последнее повлекло переселение и представителей юго-славянских народов, особенно болгар, сербов, черногорцев.

Социальная структура российского общества в начале XX в. покоилась на господстве сословной системы, несмотря на образование классов, характерных для капиталистического общества. Сохранение прежней сословной иерархии, сословных привилегий проявлялось в экономической сфере, в занятии государственных должностей, в личных взаимоотношениях. Основными сословиями, социальный статус которых определялся законом и принадлежность к которым наследовалась, были дворянство, духовенство, крестьянство, мещанство, казачество и почетные граждане. По существу своего положения к сословию было близко купечество. Данная система сословий была характерна для большей части Европейской России, Сибири и Дальнего Востока, заселенных по преимуществу русскими. На национальных окраинах сохранялись значительные элементы той сословной структуры общества, которая там сложилась исторически. Представителями господствующих землевладельческих сословий в ней оставались князья, шляхтичи, ханы, беки, бароны, социальный статус которых признавался царизмом. Такая практика распространялась и на духовенство тех конфессий, которые не запрещались и не преследовались властями.

Дворяне, оставаясь высшим сословием в России, к началу XX в. насчитывали вместе с семьями 1,8 млн человек, или 1,5% всего населения. К этому времени, будучи выходцами из других сословий, получили дворянство за службу, благотворительную деятельность, особые заслуги и т. д. 600 тыс. личных дворян. Среди потомственных дворян русские составляли только половину, поляки — почти треть; остальная часть распределялась между грузинами, тюрко-татарами (по 6%), немцами и литовцами (по 2%). Дворянство, хотя теряло свое экономическое могущество, продолжало оставаться самым привилегированным сословием, широко представленным во всех властных структурах империи (Совет министров и министерства, Государственный совет, армия, флот, судебные институты). Ему принадлежали господствующие позиции и во вновь учрежденной Государственной думе. До начала XX в. сохранялось право дворян надзирать за кре-

стьянским сословием. Дворянство имело значительные преимущества перед другими с точки зрения укорененности различных корпоративных организаций. Данные привилегии обеспечивались преимуществами дворянского сословия в получении среднего, особенно гимназического образования, и высшего, в частности университетского и военного. Правда, при расширении государственного аппарата в условиях модернизации дворянских кадров просто не хватало. Однако наиболее заметное увеличение чиновников-недворян (до 78%) наблюдалось только среди служащих низших рангов, в частности IX—XIV классов. В армии эта тенденция проявилась лишь в Первую мировую войну, а до этого потомственные дворяне составляли половину всего офицерского корпуса, 90% генералитета и 75% полковников.

Выявившееся нежелание и неспособность дворянства к активной предпринимательской деятельности привели на рубеже XIX—XX вв. к ухудшению его экономического положения в результате полной или частичной продажи земельных владений. В 1905 г. сохраняло имения менее трети помещичьих семей, а к 1917 г. — только четверть. Основными источниками доходов большей части даже потомственных дворян стали служба в государственных учреждениях, в промышленной и финансовой сферах, профессорская, адвокатская, политическая деятельность, служение на ниве искусства. Тем не менее наличие в руках господствующего сословия значительного земельного фонда по-прежнему служило источником высоких доходов. Общая стоимость дворянского земельного фонда на 60% превышала массу акционерного капитала в России. Сохранению дворянской состоятельности содействовала социальная и экономическая политика правительства, не допускавшая их «оскудения». Особенно важным каналом поддержания экономической силы дворянства была система ссуд под залог имений в таких размерах и на такие сроки (до 48—66 лет), которые никак не могли быть обоснованы потребностями перестройки хозяйств. Но предотвратить объективный процесс размывания господствующего сословия, ускорившийся в начале XX в., было невозможно. Помещичье хозяйство все более активно взаимодействовало с промышленностью. Развитие капиталистического уклада втягивало отдельных представителей дворянства в предпринимательскую деятельность. Несмотря на известное сближение дворянства с буржуазией, оно сохраняло черты прежнего феодального сословия, пребывая в своей основной ипостаси — помещика, барина.

Особым слоем политически господствующего поместного дворянства была *высшая бюрократия*, которую отличало активное приобщение к накоплению денежных богатств, восходящее еще к XVIII в. В пореформенную эпоху сановные чиновники активно участвовали в учредительстве железнодорожных обществ, первых банков и крупных предприятий, составив на этом немалые капиталы. Впоследствии

они нередко входили в правления частных компаний, иногда вновь возвращаясь на государственную службу. На рубеже XIX—XX вв. роль высшей бюрократии в выборе путей и методов модернизации России усилилась, и одновременно перед обществом обнаружились ее столкновения с правым консервативным дворянством и его либерально настроенными кругами. После революции 1905 г. в условиях открытой борьбы политических партий эта роль заметно падает. Несмотря на сближение с верхами буржуазии, сановная бюрократия с ними не соединялась, сохраняя дворянскую обособленность.

Духовенство христианских исповеданий вместе с семьями (589 тыс. человек) составляло 0,5% всего населения империи. Привилегированный общественный статус имело православное духовенство. Как свидетельствуют различные материалы обследований и обсуждений, жизнь большинства священнослужителей, особенно в небольших сельских приходах, не отличалась особым достатком. В начале века в связи с ростом приходов на территории империи и вне ее пределов происходило пополнение данного сословия за счет выходцев из других социальных групп.

Крестьянство оставалось наиболее многочисленным сословием российского общества (97 млн человек). Его доля составляла в 1897 г. в населении 50 губерний Европейской России 84%, а всей империи — 77%. Правовое положение крестьян в течение долгого времени оставалось униженным, что выражалось в применении к ним телесных наказаний и рукоприкладства.

В крестьянской среде шел активный процесс имущественного расслоения и социальной дифференции. Внутри общины к концу XIX в. вполне определенно выделились группы бедняков, середняков и зажиточных крестьян, имущественная состоятельность которых различалась по ряду признаков. Количество надельной земли на 1 крестьянский двор, особенно при редких переделах, было намного больше в семьях, где преобладало мужское население. В начале XX в. в размерах наделов сказывались также региональные отличия, возникшие при проведении реформы 1861 г. В земледельческом центре с его многочисленным аграрным населением надел составлял всего 3—6 десятин, в Нечерноземной полосе поднимался до 7—10 десятин, в Поволжье и Новороссии был еще выше — соответственно по 12—15 и 15—20 десятин. Не были до конца изжиты пореформенные имущественные различия бывших крепостных крестьян по отношению к другим категориям крестьянства (государственным, монастырским и пр.). В 1905 г. средний надел бывших помещичьих крестьян в центре страны составлял всего 6,7 десятины, а бывших государственных — 12,5 десятины. У крестьян трех прибалтийских губерний в пользовании было в среднем 37 десятин, у башкир — свыше 28 десятин. Отличия в размерах наделов дополнялись разной долей арен-

дованной и купленной земли на двор. К этому способу преодоления малоземелья прибегали представители всех групп, но особенно зажиточные крестьяне. Если разница в отдельных губерниях между бедняками и зажиточными крестьянами по надельной земле была в 2—3 раза, то по арендованной земле она исчислялась в 5—10 раз, а по купленной — в 50 раз и более. Еще более значительно имущественное расслоение деревни (в основном в южных регионах) проявлялось по другим признакам: количество тяглового (лошадей, волов), крупного мясного и молочного скота на двор, наличие машин и усовершенствованных орудий труда, хозяйственных построек для содержания скота и сохранения урожая и пр. По всем этим показателям не только бедняцкое, но и середняцкое хозяйство уступало зажиточным. Разрывы между показателями имущественной состоятельности отдельных групп внутри общины были не так велики в отличие от существенных различий между общинами.

Причинами оскудения и часто полного разорения крестьянства, особенно исторического центра страны, были нехватка земли и рабочих рук, недостаток машин и усовершенствованных орудий. Сохраняли свое воздействие на бедственное положение русской деревни неблагоприятные природно-климатические условия, от которых не были застрахованы ни зажиточные, ни середняки, ни бедняки и которые, резко понижая возможности интенсификации земледелия, практически были непреодолимы при тогдашнем уровне развития его материально-технической основы. При первом же большом недороде, падеже скота, смерти мужчин в семье ее достаток исчезал почти мгновенно, поскольку в историческом центре страны сохранялось минимальное превосходство высших групп в сфере сельскохозяйственного производства. Все это не позволяло сформироваться внутри русской общины, особенно центральных областей, даже прочному слою середняков. На протяжении всего пореформенного времени доля середняцких хозяйств относительно общего состава крестьянства уменьшалась, а доля бедняцких и разорившихся крестьян возрастала. Число бедняцких хозяйств в центре страны составляло от 30 до 50% по отдельным районам, понижаясь на Украине и в Поволжье. Примерно 25% крестьянских дворов в центральных губерниях жили впроголодь даже в урожайные годы, а в остальных регионах таких дворов было 10—15%. Объективно сохранявшаяся «прикрепленность» крестьянства к земле в условиях земельной тесноты не могла быть преодолена путем переключения больших масс крестьянства на промышленный труд по нескольким причинам. Во-первых, объем зернового производства в стране делал земледельческий труд основной массы крестьян общественно необходимым, что удерживало их на земле. Во-вторых, обратной стороной этого было отсутствие необходимого расширенного развития в России промышленного производства. Следствием названных

обстоятельств явилось отсутствие реальных условий интенсификации сельского хозяйства на том уровне его развития и при сохранении голодных лет.

Довольно внушительная с конца XIX в. группа зажиточных крестьян Европейской России весьма неравномерно распределялись по отдельным общинам — колебание их доли было от 3—5% до 15—20%. Крепкие крестьяне сосредотачивались в бывшей государственной деревне, в многоземельных общинах южных окраин или в губерниях, где через Крестьянский поземельный банк они скупили значительную часть помещичьей земли. Неэффективность и ненадежность земледельческого занятия в историческом центре страны привели к складыванию в среде зажиточного крестьянства особой категории — кулаков, или «мироедов», «кулаков-процентщиков». В деревне начала XX в. это понятие не имело точного употребления, что сохранилось потом и в литературе. Кулацкая верхушка избегала вкладывать капиталы в земледелие и животноводство. Она стремилась извлечь выгоду, занимаясь торговлей, трактирным промыслом, прямым ростовщичеством. Нещадно обирая своих общинников, кулаки вызывали их жгучую ненависть, основанную и на отрицательном отношении к несправедливо нажитому богатству в православном менталитете русского крестьянства.

Неземледельческие занятия в виде кустарных и отхожих (уход на заработки) промыслов были присущи разным группам крестьянства. Бедняцкая часть общины, даже если окончательно не разорялась, надолго бросала свои наделы и уходила в поисках заработков в города, на шахты, прииски, промыслы, на строительство железных дорог, в старательские артели и пр. Однако чаще она продолжала обрабатывать землю меньшими силами, отправляя в разные концы России своих сыновей и дочерей. Эти явления были характерны и для середняков. Три пятых крестьян центральных губерний основные доходы получали от промыслов и дополнительных заработков членов семьи. Хотя за этим стояла сложность организации на Русской равнине доходного сельскохозяйственного производства из-за неблагоприятных природно-климатических условий, в сознании большинства крестьянства причины его бедственного положения объяснялись нехваткой земли. Это поддерживало в нем неистребимое желание захвата помещичьей земли для обретения благосостояния.

Процесс «раскрестьянивания», отражавший тенденции роста социальной мобильности, был связан с переходом крестьян в другие общественные группы и сословия. Многие русские предприниматели начала XX в., имевшие купеческое звание, были из крестьянской среды. Основная масса крестьянских выходцев, особенно мужчин, влилась в ряды наемных рабочих или занималась индивидуальной торгово-промысловой деятельностью. Часть крестьян оказалась в марги-

нальных слоях общества, среди так называемых босяков, пребывая в городских ночлежках или бродяжничая по России. Начиная с 1895 г. доля крестьян, покидавших деревню, возрастала постоянно, резко увеличившись в период аграрной реформы 1906—1913 гг. Процесс раскрестьянивания выразился и в уменьшении занятия земледелием. Из более 81 млн жителей деревни 50 губерний Европейской России в ходе переписи 1897 г. 12 млн человек показали основным занятием торгово-промысловую деятельность, а по данным 1905 г., это число увеличилось до 17 млн. Однако эти лица в основном не покидали деревню. Длительное пребывание, часто годами, значительной части мужского населения вне села сказалось на положении женщины-крестьянки, ее роли в семье и общине, пробудив ее социальную активность.

Несмотря на происходившие изменения, крестьянство продолжало оставаться самым многочисленным сословием империи, обнаружив даже тенденцию к численному росту, составившему с конца XIX в. до 1913 г., по расчетным данным, не менее 20%. Подобное явление было совершенно нехарактерно для западноевропейских стран, где индустриальное развитие и высокая эффективность сельского хозяйства влекли заметное сокращение аграрного населения. Это свидетельствует о существенном отличии развития русского социума, когда в условиях предельно ограниченного сельскохозяйственного года деревня сохраняла избыток рабочих рук, который ей был остро необходим при проведении посевной, во время сенокоса и особенно в период сбора урожая и закладки нового. К этому добавлялись недостаточное развитие отечественной фабричной индустрии и ограниченность жилья в русских городах, что не позволяло принять избыточное сельское население. Однако глубинные причины лежали в потребностях самой деревни, свидетельством чему является распространенный в начале XX в. в ЦПР уход части рабочих с фабрики в деревню на время сенокоса и уборки урожая. Процесс «раскрестьянивания» выражался не в сокращении крестьянского сословия, а в более медленном его увеличении относительно других социальных слоев, особенно пролетариата и буржуазии. Рост численности крестьянства скрывал увеличение внутри него неземледельческих занятий.

Казачество, оставаясь служилым военным сословием, в конце XIX в. составляло чуть более 2% населения империи. Более значительно оно было представлено в населении Кавказа и Предкавказья (10%), Сибири (свыше 4%), Средней Азии и Степного края (3%). За службу государству казаки наделялись землей, находившейся в собственности отдельного казачьего войска и передаваемой им в пользование казачьих станиц. Такое типично феодальное землевладение сохранялось вплоть до октября 1917 г. В начале XX в. существовали Донское, Кубанское, Оренбургское, Забайкальское, Терское,

Сибирское, Уральское, Амурское, Семиреченское, Астраханское, Уссурийское казачьи войска, енисейские казаки и якутский казачий полк. В годы войны казаки призывались на фронт, а в остальное время использовались для сторожевой службы на окраинах и подавления волнений крестьян, забастовок рабочих, разгона манифестаций. Численность казачьего населения в 1916 г. превышала 4 млн человек.

Казаки занимались земледелием преимущественно на окраинах империи. Положение 1869 г. предусматривало наделение их земельным «паем» в размере 30 десятин на казака. На практике в начале XX в. наделы колебались в пределах 10—30 десятин. Казачество было в достаточной мере обеспечено землей (свыше 50 десятин на двор) и в массе своей, по российским меркам, занимало положение середняков, обрабатывая землю главным образом при участии членов семьи. Зажиточная верхушка, как правило, сочетала земледельческие занятия с торговлей, содержанием трактиров, магазинов и выдачей односельчанам ссуд хлебом, деньгами под проценты или на условиях отработки. Наличие войсковых земельных запасов предусматривало удовлетворение потребностей растущего казачьего населения. Однако внутри станичного сообщества возникло определенное неравенство между казачьей верхушкой, успешно втягивавшейся в процесс капитализации сельскохозяйственного производства, торговли и ростовщичества, и основной массой станичников, среди которых росла доля бедняцких хозяйств. Особенная острота отличала отношения казачества с иногородними, т. е. крестьянскими переселенцами, хлынувшими после 1861 г. в окраинные области империи, отличавшиеся более теплым климатом и наличием неосвоенных земель. Казачество, охраняя свои привилегии, в том числе и земельные, препятствовало получению земли иногородними. Правительство также стремилось законсервировать традиционный экономический, социально-политический, бытовой уклад жизни казачества, поэтому в начале XX в. это сословие отличалось существенной замкнутостью и консервативностью. Однако модернизационные процессы неизбежно приводили к внутренней дифференциации казачества и переходу его представителей в новые социальные слои, в том числе рабочих.

К крестьянскому сословию относилось большинство сельских жителей Средней Азии, Степного края и частично Сибири, официально причисляемых в общественной иерархической структуре Российской империи к категории «*инородцев*». Общая их численность в конце XIX в. составляла более 8 млн человек, или около 7%.

Городское население России в начале XX в. подразделялось на несколько сословий. **Мещане** были основным приписным населением российских городов и составляли свыше 10% всех жителей страны. Из них формировались ряды купечества, городских ремесленников, рабочих, мелких служащих. В небольших заштатных городках и мес-

течках мещанство, занимаясь сельским хозяйством, торговлей, извозом и другими промыслами, мало чем отличалось от крестьянства больших сел. Городское сословие **почетных граждан** в начале XX в. насчитывало немногим более 300 тыс. человек. Лица, принадлежавшие к нему, получали свое звание от самодержавной власти за особые заслуги или наследовали его.

Буржуазия в России, как и пролетариат, появилась в результате упрочения капиталистического уклада. Численность российской буржуазии определить довольно трудно, поскольку в статистических обследованиях того времени фиксировалась сословная принадлежность торговцев и промышленников. Вместе с помещиками и высшими чиновниками крупная буржуазия в 1913 г. насчитывала более 4 млн человек, значительно увеличившись (3 млн) по сравнению с 1897 г. Удельный вес этой социальной группы в составе населения практически не изменился, поднявшись с 2,4 до 2,5%, что никак не согласуется с ростом ее экономического могущества. О нем частично можно судить по данным о доходах от торгово-промышленной и финансовой деятельности, с которой в первую очередь была связана российская буржуазия. Самая большая сумма доходов (без учета доходов ниже 1 тыс. руб.) в течение 1909—1910 гг. принадлежала владельцам торгово-промышленных предприятий, превышая 850 млн руб., и владельцам денежных капиталов, доход которых исчислялся в 340 млн руб. В сумме это составило 45% всех учитываемых доходов. В составе имущих классов можно наблюдать резкую дифференциацию между их основной массой (88%), доходы которой не превышали 5 тыс. руб., и небольшой группой особо состоятельных лиц (около 2%) с доходами более 20 тыс. руб. Доля наиболее состоятельных групп чуть превышала 30% в общей сумме всех доходов, приближалась к 800 млн руб. Средние группы в составе имущих классов (10% всех владельцев) были не так велики по численности, превосходя высшую почти в 6 раз, но уступая основной массе в 10 раз. Представленные данные показывают ограниченность капиталов в России. Значительное преобладание среди мелких землевладельцев и предпринимателей лиц с небольшими доходами вряд ли позволяло им накапливать средства, чтобы обратить их в капитал. Достаточно проблематично это было и для средних групп, учитывая уровень их доходов. Образование капиталов в высших группах сдерживалось входившими в них крупными землевладельцами, не направлявшими свои доходы на развитие производства.

Российская буржуазия складывалась из представителей мещанского сословия, почетных граждан, крестьянства, но важнейшим каналом ее формирования стало **купечество**, закрепившее свой социальный статус еще в XVIII в. Купеческое сословие было единственным в России, для вступления в которое требовался денежный взнос.

Принадлежность к купечеству, разделенному в 1860-е гг. на две гильдии, реализовывалась покупкой промысловых свидетельств различных разрядов и ежегодным приобретением соответствующего гильдейского свидетельства. Введением в 1897 г. Закона о промысловом налоге была разорвана связь между предпринимательской деятельностью и принадлежностью к купеческому сословию. Выборка гильдейских свидетельств стала добровольной, что сразу привело к резкому сокращению численности купцов. Отказ фабрикантов от купеческого звания в дальнейшем только увеличивается. Продолжали выбирать гильдейские свидетельства представители старых династий, которые числились купцами в ряде поколений, а также лица, желавшие получить звания коммерции советника или мануфактур-советника. Подобные звания и пребывание в 1-й гильдии не менее 20 лет были основанием для получения сословного звания почетного гражданина, которое, в отличие от купеческого, наследовалось. Поскольку купеческое звание расширяло общие права и социальный статус его владельца, то к приобретению гильдейских свидетельств, хотя это была дорогая процедура, прибегали лица «низших сословий», некоторых национальных и конфессиональных меньшинств. Паспортная льгота для купечества позволяла представителям податных сословий получить приписку к городскому разряду, занимать должности биржевых маклеров и пр. Покупка купеческих свидетельств давала возможность евреям жить вне черты оседлости, занимаясь предпринимательством или получая образование. Гильдейские свидетельства приобретались для изменения сословного статуса при вступлении в брак с представителями высших сословий.

История русской буржуазии неотделима от крестьянства, наиболее «капиталистые» представители которого основали не одну промышленную династию. Из крестьянской среды вышли крупнейшие московские фабриканты — Морозовы, Прохоровы, Рябушинские, Коноваловы и др. В их успехе большую роль сыграли старообрядческие общины, которые проводили льготное, практически беспроцентное и безвозвратное субсидирование закладки новых предприятий, организации «нового дела» членами общины, требуя взамен только преданность своей вере. Московские промышленники долгое время следовали традиции сохранения семейных предприятий и фирм. Учреждая собственные банки, они не торопились к установлению связей с банковскими монополиями. Однако это не помешало возникновению сильного политического влияния московской буржуазии в среде торгово-промышленного класса. Ее лидерство особенно выявилось в годы Первой мировой войны.

Видные представители российской финансовой олигархии, сосредоточенной в основном в Петербурге, были выходцами из технической интеллигенции и чиновничества — А. И. Путилов, А. И. Выш-

неградский, А. П. Мещерский, Н. С. Авдаков, Н. Ф. Дитмар и др. Связанная с отраслями тяжелой промышленности, где были сильны позиции иностранного капитала, петербургская буржуазия имела с ним прочные контакты. Формирование буржуазии в российской провинции отставало от центра, поэтому предпринимателям из регионов не всегда удавалось пробиться в сферу крупной промышленности и банков. Их деятельность преимущественно была связана с торговлей. Ситуация начинает меняться в годы предвоенного подъема. Российская буржуазия отличалась многонациональностью своего состава. Среди крупных дельцов были армянские и азербайджанские нефтепромышленники, еврейские банкиры. Связала свою жизнь с Россией часть иностранных предпринимателей: владельцы станкостроительного завода Бромлей, металлургического Гужон, кондитерских предприятий Эйнем, Сиу, текстильных Кноп, Арманд и др.

Правовые стеснения предпринимательской деятельности, неопределенность социального статуса в сословном имперском обществе, грозные окрики власти по поводу любого проявления инициативы — все это не способствовало политическому развитию российской буржуазии и выразилось в ее социальной инертности.

Рабочие, составлявшие 23,5% населения России, в массе своей были выходцами из крестьянства, что подтвердили данные переписи 1897 г. и городских переписей в Москве, Петербурге, Одессе, Баку и т. д. Численность пролетариата к концу XIX в. была довольно значительна, если учесть хронологическую ограниченность времени его формирования. Помимо фабрично-заводских рабочих, постоянно возрастала масса населения, занятого наемным трудом, к которому относились чернорабочие, поденщики, обслуживающий персонал в учреждениях, на промышленных и бытовых предприятиях, домашняя прислуга. Эти процессы приобрели еще больший динамизм в начале XX в. За период 1900—1913 гг. численность рабочих увеличилась в полтора раза, т. е. прирост этой социальной группы опережал общий рост населения страны. По исследовательским расчетам, численность всех наемных рабочих определяется на 1913 г. в 18—19 млн человек, из которых в сфере фабрично-заводской промышленности, горной и на транспорте было занято около 4 млн человек, в мелкой промышленности — 3 млн, в строительстве — 1,5 млн. Число наемных рабочих в сельском хозяйстве достигло 6,5 млн, а занятых в лесном деле, чернорабочих в строительстве, на транспорте и в торговле — свыше 3 млн. В среде фабрично-заводских и железнодорожных рабочих на рубеже веков возрастает до 40% прослойка потомственных пролетариев, сокращается их связь с землей. Одним из проявлений этой тенденции стало удлинение рабочего года, особенно в начале XX в., и увеличение трудового стажа рабочих. В обрабатывающей промышленности доля женщин поднялась с 26% в 1900 г. до 31% в 1913 г.

Особенно много женщин трудилось на текстильных предприятиях. Однако в целом применение женского труда в России отставало от западноевропейских показателей. В то же время отечественная промышленность в отличие от индустрии других стран продолжала широко использовать труд подростков и детей. Российский пролетариат по возрастным параметрам был самым молодым среди других социальных групп населения. Доля рабочих до 39 лет составляла 81%, а 25% всех рабочих не перешли 20-летний предел.

В составе пролетариата России выделялось несколько крупных отраслевых слоев. Наиболее старым из них были горнозаводские рабочие Урала и Сибири. В начале XX в. к ним присоединились рабочие Южного района, трудившиеся на шахтах Донбасса, рудниках Криворожья и Бакинских промыслах. Одним из самых значительных по своей численности был слой текстильщиков. Общая численность рабочих 5 текстильных отраслей к 1913 г. достигала почти 820 тыс. человек, что составляло около 45% всех рабочих обрабатывающей промышленности. Из них 69% было сосредоточено в ЦПР. Большая часть предприятий ЦПР размещалась в фабричных селах. В результате текстильщики оказались очень тесно, буквально тысячами нитей связаны с русской деревней. Значительное число текстильщиков было в Лодзинском фабричном центре и Петербургском регионе. Многочисленным был слой металлистов, включавший в свой состав рабочих металлургических, металлообрабатывающих производств и машиностроителей. Подавляющая их часть была сосредоточена в Петербургском, Южнорусском, Уральском районах; значительные группы имелись в прибалтийских губерниях и ЦПР. Рабочие-металлисты отличались более высоким уровнем грамотности. Особую группу среди них составляли рабочие железнодорожных мастерских, рассредоточенные по всей стране. Большая их часть трудилась непосредственно на железнодорожном транспорте. Железнодорожники в основном являлись рабочими казенных предприятий. К ним же относились металлисты, работавшие на судостроительных, снарядных, пушечных, ружейных и прочих заводах морского и военного ведомств. Их отличали более высокая грамотность и квалификация, чему способствовали лучшие условия труда и жизни.

На рубеже XIX—XX вв. экономическое положение рабочих в России оставалось тяжелым с точки зрения уровня заработной платы, условий труда и жизни, правового положения. Принятые законы о штрафах (1885), сокращении рабочего дня (1897), страховании (1902) сопровождались массой ограничений и не распространялись на всех фабричных рабочих, не говоря о других категориях лиц наемного труда. Средняя продолжительность рабочего дня пролетариата обрабатывающей промышленности в начале XX в. составляла более 11 ч, что превышало уровни других стран: в Англии, США, Дании,

Норвегии — 8—9 ч, в Германии, Франции, Швеции — 10,5 ч. При средней заработной плате в 194 руб. она была существенно выше у металлистов, железнодорожников, химиков, нефтяников и горняков (251—338 руб.), но ниже у самого большого слоя пролетариата — текстильщиков (всего 130—168 руб., к тому же нередко выдаваемых «харчами», т. е. натурой) и пищевиков (181 руб.). В отдельных регионах этот показатель мог еще понижаться. Часто уровень заработной платы не достигал границы физического минимума, т. е. необходимых расходов на пищу, одежду, топливо, жилье. Крайне неудовлетворительными были жилищные условия рабочих из-за нехватки жилья и малого его строительства даже в крупных городах. Почти 2/3 промышленных рабочих жили в фабричных казармах, бараках, «семейных домах», отличавшихся чрезвычайной теснотой и антисанитарией. Не лучше было проживание на «вольных» квартирах, которые нередко представляли так называемые углы, койки, сдававшиеся владельцами жилья посменно: одно и то же помещение или койка сначала для рабочего дневной смены, а потом — ночной. Политическое и гражданское бесправие рабочих на рубеже XIX—XX вв., когда им запрещалось создавать профессиональные организации, иметь специальную печать, собираться и обсуждать свои жизненно важные проблемы, — все это поднимало рабочих на борьбу, усиливало их социальный протест. В ходе революции 1905 г. рабочие добились значительного повышения заработной платы, права создания профессиональных организаций, организации страхования и т. д. Однако в целом социально-политическое положение пролетариата (резкое ограничение избирательного права, преследование профсоюзов и рабочей печати), условия его труда и быта оставались тяжелыми. На предприятиях практически отсутствовала охрана труда; широко были распространены профессиональные заболевания и трудовой травматизм; медицинское обслуживание находилось в зачаточном состоянии даже на передовых предприятиях. Образование рабочих осуществлялось в основном в системе внешкольного обучения. Мало что изменилось в жилищных условиях рабочих.

Интеллигенция в начале XX в. в России численно увеличилась и насчитывала вместе с семьями около 800 тыс. человек (чуть более 2% всего населения). Больше всего образованных (350 тыс.) было занято в промышленности, сельском хозяйстве, финансово-кредитных учреждениях, на транспорте. Кроме того, имелось 12 тыс. юристов. В области просвещения и медицины трудилось 240 тыс. человек, в науке и культуре — 22 тыс. Интеллигенция была одной из значительных социальных прослоек российского общества, состоящей из весьма разнородных групп. Недаром в 1860—1870 гг. представители этой прослойки определялись как разночинцы. Этот признак был присущ и интеллигенции начала XX в., только с большим представи-

тельством в ее среде выходцев из крестьян и мещан. Как особая социальная группа интеллигенция в России образовалась в медленно протекавшем и незавершенном процессе размывания прежних сословий. Для XX столетия характерно образование двух групп в составе интеллигенции. Одна была ориентирована на обслуживание разных систем развивающегося капитализма: индустрии, транспорта, связи, банков, науки, образования, медицины, периодической печати, культуры, искусства и пр. В ее состав входили высокооплачиваемые управляющие предприятиями и банками, крупные инженеры, ученые, профессора, преуспевающие юристы, врачи, издатели, театральные деятели и т. д. Вторая, представленная массовым слоем учителей, врачей, инженеров и техников, литераторов, актеров, сочувствовала тяжелому положению народа, стремилась облегчить его участь и найти для него путь к лучшей жизни. Сплочению этой группы и формированию определенных мировоззренческих установок способствовали те социально-экономические противоречия, которые нарастали в российском обществе и требовали своего разрешения. Наиболее значительная часть российской интеллигенции была настроена революционно-демократически, что обусловило ее активное участие в создании и деятельности возникавших в стране политических партий. Устойчивые революционные настроения интеллигенции сформировались в пореформенную эпоху, когда размышления о судьбах страны занимали русское образованное общество. Значительные различия в уровне развития России и западноевропейских стран не связывались мыслящей публикой с колоссальной разницей их природно-климатических условий, не позволявших даже в европейской части империи провести результативные аграрные преобразования. В то же время географическая близость Европейской России к высокоразвитым странам Западной Европы, вековые разнообразнейшие контакты между ними, включенность России в европейскую цивилизацию — все это еще больше обостряло болезненное восприятие русским обществом того разительного контраста, который можно было наблюдать в уровне развития России и Западной Европы. К этому добавлялось сильное влияние Запада на развитие общественно-политической и философской мысли в России. Вековые архаизм и отсталость, бедственное положение крестьянства, многочисленные жертвы периодических засух, слабая в сравнении с Европой урбанизация и другие подобные явления порождали необычайную восприимчивость русской философской и политической мысли к наиболее радикальным идеям социально-экономического переустройства общества, приводили к формированию в среде интеллигенции различных течений, стремящихся утвердить справедливость путем революционной борьбы.

Глава 2

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В 1890 — НАЧАЛЕ 1900-х ГОДОВ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В октябре 1894 г. скончался император Александр III. Хотя он почти год болел, его смерть оказалась неожиданной для общества и близких. Цесаревич Николай Александрович записал в дневнике: «Боже мой, что за день!.. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобной ужасная действительность». Как наследник престола Николай II получил хорошее образование, чему способствовали и его учителя. Обучение наукам дополнялось опытом военной службы (строевая служба в гвардии, командование ротой, потом эскадроном) с получением соответствующих званий: штабс-капитан (1887), капитан (1891), полковник (1892). В семье был установлен строгий распорядок, и цесаревич не пренебрегал занятиями, хотя, как пишут многие авторы, звезд с неба не хватал. Хорошие манеры, образование и общее воспитание, приучившее к сдержанности, располагали к нему окружающих. Эти черты и молодость царя (26 лет) вселяли обществу надежды на будущее благополучие России. Но сам Николай II чувствовал себя неуверенно, записывая в дневнике: «Я не подготовлен быть царем. Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами». Александр III не приобщал цесаревича к делам государственного управления. У нового императора не было и собственного глубокого, всестороннего представления о своей роли верховного правителя огромной империи в ту переломную эпоху, в которую он встал у кормила власти. Обыденность этих воззрений Николая II выразилась в переписном листе в его известной записи о роде занятий: «Хозяин земли русской».

Начальные шаги молодого императора, в частности его замечания в адрес земских и дворянских собраний в январской речи 1895 г., показали следование курсу усопшего отца в неуклонной охране самодержавия. Предлагаемые преобразования российской жизни обычно вызывали у него отклик: «Даст Бог, постепенно так и сделаем». Различные уступки делались в безвыходных ситуациях и под давлением других лиц, что влекло по прошествии кризиса стремление минимизировать начатые преобразования и отдалить тех, под влиянием которых они проводились. В проводимой царем политике и принимаемых решениях не чувствовался опыт пребывания у власти. Несоответствие личности правителя огромной страны масштабам и сложности стоящих перед ним проблем, необходимость следовать воле более сильных людей развивали у Николая II недоверие, скрытность, хитрость

и упрямство. Это часто затрудняло выработку и реализацию политических мер, деятельность органов верховного управления. Отмеченные черты Николая II объективно предопределили большую роль его окружения. В начале царствования особым влиянием пользовались мать Мария Федоровна и дяди императора, великие князья Владимир, Алексей и Сергей Александровичи, занимавшие важные государственные посты. С начала 1900-х гг. постепенно усиливает свое воздействие на Николая II его жена — императрица Александра Федоровна. Венчание царя с гессенской принцессой Алисой, внучкой английской королевы Виктории, состоялось сразу после кончины Александра III. И современники, и исследователи отмечают властность императрицы, склонность к мистицизму, религиозную экзальтированность и полное неведение русской жизни. Долгое ожидание наследника, его врожденная тяжелая болезнь (гемофилия) способствовали развитию у Александры Федоровны истерии.

На рубеже XIX—XX вв. как высшее законосовещательное учреждение действовал назначаемый императором Государственный совет, рассматривавший новые законы или законодательные предположения своих членов. По-прежнему оставался в бездействии Совет министров, падала роль Комитета министров, но резко возросло при отсутствии ответственного правительства влияние отдельных министров, прежде всего внутренних дел и финансов. В течение всего царствования сохранялась практика учреждения временных Особых совещаний, комиссий и комитетов, которые были эффективным каналом воздействия на монарха клана высших сановников. Вплоть до 1905 г. в выработке внутриполитического курса была необычайно велика роль обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Внушая императору архаичные представления о характере самодержавной власти в России, он стал главным идеологом реакционно-консервативного внутриполитического курса. В царствование Николая II резкое возрастание роли высших сановников происходило в силу несоразмерности масштабов личности императора и его министров, обладавших широтой государственного кругозора, более четким пониманием современных задач государственной политики. Такие министры, как С. Ю. Витте, И. Н. Дурново, В. К. Плеве, П. А. Столыпин, были крупными администраторами, отличались организаторскими способностями. В окружении Николая II не раз появлялись лица, не принадлежавшие к императорской семье или сановной элите, но сыгравшие заметную роль при принятии отдельных решений внутренней и внешней политики (князь В. П. Мещерский, ротмистр А. М. Безобразов, жандармский полковник С. В. Зубатов и др.). Постоянно около императорской четы находились весьма экзальтированные представители из числа официальных служителей православной церкви и лица, поведение которых не укладывалось в традиционные нормы ортодоксальной религии.

§ 1. ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА. РАБОЧИЙ ВОПРОС

Проведение внутриполитического курса в России на рубеже XIX—XX вв. осложнялось существованием неразрешимого противоречия: с одной стороны — феодальная самодержавная монархия, стремившаяся всеми силами сохранить свое господство, с другой — изменившиеся экономический базис и социальная структура российского общества, требовавшие последовательных и радикальных социально-экономических преобразований. Основной целью экономической политики царизма в этот период являлось укрепление материальных основ власти, обеспечение прочности ее социальной базы, а также создание всеобщих условий производства, что всегда было характерно для российского государства как общества с низким уровнем прибавочного продукта. В выборе основного звена экономической политики правительства сказалось влияние взглядов целой плеяды руководителей Министерства финансов второй половины XIX в. (М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский), считавших расширение сферы промышленного труда важным фактором подъема благосостояния России. Эти позиции разделял и новый министр финансов Сергей Юльевич Витте, утвержденный в должности в январе 1893 г. Своим ближайшим помощником Витте избрал В. И. Ковалевского, которого современники называли «министром по делам промышленности и торговли». Суть своих экономических воззрений он выразил так: «Только равновесие сельскохозяйственной и промышленной деятельности народа является залогом мощи и независимости государства. Страны, исключительно земледельческие, в конечном своем результате обречены на бедность и политическое бессилие».

В программе преобразования руководства торгово-промышленным развитием страны, подготовленной к октябрю 1893 г., отмечалось, что промышленность заняла такое место в народном хозяйстве, когда ее судьба неразрывно связана с экономикой страны в целом, и правительству следует с этим считаться. Программа провозглашала широкое развитие всех отраслей российской перерабатывающей промышленности для обеспечения конкурентоспособности ее продукции за пределами страны. В ней отмечались различия в историческом развитии промышленности в России и Западной Европе и признавалась трудность задач русских предпринимателей, задумывающих новое дело, большей частью непосильных для отдельных лиц. Исходя из этого, государству предлагалось оказывать промышленникам через органы Министерства финансов материальную и нравственную помощь. Однако результативность принятых мер, по признанию Витте, оказалась не столь эффективна, как ожидалось.

Денежная реформа Витте, начатая еще по инициативе Вышнеградского, осуществлялась с большой осторожностью и постепенно. В итоге сложившийся курс рубля на уровне 66,5 коп. золотом считался обеспеченным от колебаний. Это дало возможность весной 1896 г. представить на рассмотрение Комитета финансов и Госсовета законопроект о введении в Российской империи золотого обращения. Однако обсуждение вопроса вызвало острые дискуссии. Настаивая на скорейшем принятии решения, Витте учитывал благоприятную конъюнктуру промышленного подъема, что позволяло не опасаться ухода значительной части российского золота за границу. Поскольку обсуждение в Государственном совете затягивалось, Витте убедил Николая II рассмотреть вопрос в расширенном заседании Комитета министров. Его решение было утверждено царским указом в феврале 1897 г. Хотя закон понизил содержание рубля на 1/3, но скрытый характер этой меры позволил провести реформу сравнительно безболезненно, не вызвав особого изменения торговых цен.

Программой 1893 г. намечалось последовательное проведение *таможенного покровительства*, что осложнялось зависимостью российской индустрии в целом от ввоза иностранного оборудования, а многих ее отраслей и производств от импорта сырья. В силу этого, несмотря на протекционистский тариф 1891 г., импорт оставался весьма значительным и даже увеличился. Таможенная политика Витте не отвечала интересам дворянства и части промышленников, но нападки на нее удавалось сдерживать благодаря очевидной экономической необходимости такой меры и удачно организованной финансовым ведомством агитации в ее пользу.

Одним из следствий политики протекционизма стал усиленный прилив в страну *иностранного капитала* — льготные условия для промышленной деятельности были привлекательными не только для русских предпринимателей. После введения золотого обращения иностранные инвестиции в промышленность России возросли, что вызвало нападки в националистически настроенной прессе и кругах отечественных предпринимателей. Критика усилившегося влияния иностранного капитала связывалась с недостатками протекционистской политики, которая оказалась не так эффективна, как предполагалось, в реализации своей основной цели — создания развитой национальной индустрии. Витте настаивал на недопустимости стеснять приток капиталов и деятельность иностранных предпринимателей. Высочайшее повеление от 19 марта, заявленное по итогам обсуждения в Особом совещании министров, свидетельствовало об одобрении монархом общей линии торгово-промышленной политики Витте. Введенный в 1903 г. таможенный тариф с более повышенными ставками служил выгодным основанием для предстоящего перезаключения торговых договоров с рядом европейских стран.

В области налогообложения Министерство финансов стремилось создать высокодоходные статьи в государственном бюджете и усовершенствовать систему сбора налогов, отвечающую модернизационным процессам в российском обществе. Среди намеченных мероприятий важную роль сыграло введение *казенной винной монополии*, т. е. преимущественного права государства на продажу спиртных напитков. В начале XX в. она действовала на всей территории империи, за исключением отдельных окраин. Винная монополия означала очистку спирта, розничную и оптовую торговлю крепкими спиртными напитками через казенные оптовые склады и винные лавки. При одновременном росте числа винокуренных предприятий, составлявших до 25% всех обрабатывающих заводов в России, и цен на спиртное это приводило к увеличению питейного дохода государства. Его доля в бюджете 1900 г. составляла 11%, а к 1913 г. поднялась до 22%.

Промысловый налог в общей сумме российских доходов равнялся всего 3,5%. Разработка новых правил его сбора началась еще в 1892 г. и велась очень тщательно. Положение о государственном промысловом налоге было утверждено в июне 1898 г. Согласно новому закону налогом облагались все фабрично-заводские, ремесленные и перевозочные предприятия, торговые, страховые, кредитные заведения, личные промысловые занятия. Налог отвечал требованиям большей уравнительности и пропорциональности обложения, способствовал увеличению государственного дохода. Рост в начале XX в. поступлений в казну по абсолютным показателям составил 27%. Однако щадящий режим налогообложения промышленности и торговли не изменился — доля дохода от него в бюджете не поднималась выше 3—4%.

Министерство проводило и другие мероприятия, содействовавшие развитию российской промышленности: совершенствование практики выдачи привилегий на технические изобретения, учреждение службы мер и весов, устройство промышленных выставок внутри страны и обеспечение участия России на международных выставках. В 1894 г. Государственный совет по представлению С. Ю. Витте пришел к заключению о необходимости передать все коммерческие училища в управление Министерства финансов и предоставить промышленникам и торговцам права «как в учреждении коммерческих школ, так и в их управлении». В итоге значительно увеличившегося поступления средств на устройство и содержание училищ от частных лиц, прежде всего купечества, в 1896—1902 гг. открыли около 150 заведений (против одного в предшествующее десятилетие).

Торгово-промышленное законодательство России, возникшее в основном в начале XIX в. и даже в конце XVIII в., подлежало обновлению по программе 1893 г. Однако удалось принять лишь отдельные новые установления (Строительный устав, 1900 г.) и провести опре-

деленную систематизацию, внесение изменений в Устав горный, Торговый и Промышленный уставы. В стране отсутствовала единая система правового регулирования предпринимательства. Особые законы действовали в горнозаводской, акцизной, ремесленной и кустарной, казенной промышленности. Отдельные акты регулировали деятельность иностранных предпринимателей. Разработка нового законоположения об устройстве и содержании фабрик и заводов, начавшаяся в 1892 г., не вышла из стадии обсуждения и в 1900-е гг. Предложения Министерства финансов по модернизации законодательства о статусе ремесленных заведений, открытии и деятельности бирж, явочной системе акционерного учредительства и порядке функционирования общих собраний акционерных компаний, их ревизионных органов, правлений не встретили понимания ни в Комитете министров, ни в Государственном совете.

Характеристика промышленной политики, проводимой С. Ю. Витте в 1890-х гг., как целенаправленной индустриализации является известным преувеличением. Экономическое развитие страны в основном происходило стихийно, подтверждением чему служит факт разразившегося в 1900 г. кризиса, несмотря на все принятые перед этим решения по содействию индустрии. При решении вопросов, связанных с промышленностью и аграрной сферой, проявлялись две линии внутриполитического курса, которые на рубеже веков олицетворяли министерства внутренних дел и финансов. Руководители первого (Д. С. Сипягин, В. К. Плеве) придерживались реакционно-консервативных позиций. Министры финансов склонны были воспринять некоторые либеральные идеи, а главное — сознавали необходимость модернизации страны, не забывая об интересах помещиков и заботясь о сохранении самодержавной власти. Разразившийся в начале XX в. экономический кризис вызвал сомнения в правильности курса на ускоренное промышленное развитие страны. Противники политики Витте требовали поставить во главу угла преимущественное содействие сельскому хозяйству и крестьянским кустарным промыслам. Возражения его сторонников, что нельзя игнорировать достигнутые индустриальные успехи и скоропалительным отказом обесценивать затраченные усилия, не были услышаны.

Рабочий вопрос в 1890-е гг. приобретал особую остроту, поскольку пролетариат все решительнее выступал на борьбу за свои права. Развитие на рубеже XIX—XX вв. российского фабрично-заводского законодательства, регулирующего правовые отношения предпринимателей и рабочих, было результатом сложного взаимодействия трех факторов. Первый — рост рабочих выступлений с требованиями улучшения условий труда, быта, введения норм социальной защиты. Второй — осознание более широкими кругами предпринимателей необходимости изменения положения рабочих и на производстве, и в

повседневной жизни как условия повышения производительности труда, предотвращения социальных конфликтов, приносящих убытки владельцам предприятий. Наконец, третий — стремление самодержавной власти сохранить свою попечительскую роль, выступая третейским судьей в урегулировании противоречий между трудом и капиталом. В позиции Министерства финансов отразились задачи верховной власти и интересы промышленников. Одновременно необходимость предупреждать социальные столкновения, особенно политического характера, заставляла министерство С. Ю. Витте содействовать разработке новых фабричных законов, следуя линии, намеченной еще Н. Х. Бунге. Это не всегда встречало понимание в предпринимательских кругах и в среде чиновников-консерваторов. Первые попытки в 1893 г. принять в Государственном совете подготовленный при И. А. Вышнеградском законопроект об ответственности предпринимателей за увечья рабочих закончились неудачей. Участвовавший в обсуждении К. П. Победоносцев объявил Витте социалистом. Только в июне 1897 г. при подъеме стачечного движения был принят закон об ограничении продолжительности рабочего дня. Его нормы определяли максимально допустимое рабочее время в 11,5 ч, а накануне праздников и в ночной смене — 10 ч. Закон применялся только на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, т. е. не распространялся на массу мелких и ремесленных заведений, для которых особенно характерна чрезмерная продолжительность рабочего дня. Закон не действовал, если время ежедневной работы в договоре найма не оговаривалось. Лишь в 1903 г. удалось принять в урезанном виде закон о вознаграждении рабочих при увечьях на производстве и избрании на предприятиях фабричных старост, обязанных регулировать отношения с предпринимателями. Подготовленные Министерством финансов законопроекты о разрешении экономических забастовок и создании профсоюзов не были реализованы.

§ 2. НЕРАЗРЕШИМЫЕ ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА. НАЦИОНАЛЬНЫЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЫ

Аграрный вопрос в России. Новое царствование ознаменовалось открыто заявленной поддержкой высшего сословия Российской империи, прежде всего поместного дворянства. Уже в Манифесте от 14 ноября 1894 г. объявлялось об очередном снижении процента по ссудам должников Дворянского земельного банка. Это послужило поводом подачи правительству ходатайств дворянских собраний, в которых содержались призывы о помощи, необходимости оградить дворянские родовые гнезда как сельскохозяйственные культурные цен-

тры от разорения. Во время коронационных торжеств Николай II выразил сочувствие нуждам дворянского сословия, что увеличило поток прошений. Приобретавший все большую агрессивность социальный паразитизм помещичьего класса вызывал неудовольствие в министерских сферах. Однако это не помешало в мае 1897 г. ввести императорским указом очередное понижение учетного процента Дворянского земельного банка с 4 до 3,5%.

Вопросы аграрной политики на рубеже XIX—XX вв. бурно обсуждались на специально созываемых ведомственных совещаниях, особых совещаниях, комиссиях и т. п. В 1896 г. стало работать Совещание с участием губернских предводителей дворянства в рамках Министерства внутренних дел (МВД), в 1899—1901 гг. действовало так называемое Особое совещание И. А. Звегинцева. Его сменила Комиссия центра, возглавляемая государственным контролером В. Н. Коковцовым. В 1902 г. учреждаются Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством С. Ю. Витте и Редакционная комиссия при МВД во главе с В. К. Плеве. В ходе этих многолетних обсуждений крестьянского вопроса, сопровождавшихся сбором огромного и разнообразного материала о нуждах русской деревни, выдвигались идеи о необходимости перехода в политике государства от опоры на крестьянскую общину к опоре на крестьянина как частного земельного собственника, ликвидации круговой поруки. «Оскудение» исторического центра страны увязывалось с громадными затратами государства на окраинные владения и тяжестью обложения крестьянства коренной России. Участники комиссий и совещаний предлагали понижение, но не отмену выкупных платежей, говорили о необходимости увеличить государственные расходы на подъем сельского хозяйства, повышение образования в крестьянской среде и пропаганду специальных агрономических знаний. Одновременно появились проекты расширения и регулирования переселенческого процесса, развития аренды и купли-продажи земли. Вместе с тем были и проекты сохранения неприкосновенности общины, патриархальных устоев крестьянской семьи, противодействия разделам семей и т. п.

26 февраля 1903 г., в период работы Совещания Витте и Редакционной комиссии, был обнародован Манифест, возникший по инициативе и при участии князя В. П. Мещерского, а затем отредактированный чиновниками МВД под руководством Плеве. В целом документ отражал реакционно-консервативную линию на решение крестьянского вопроса, но содержал и такие положения, которые свидетельствовали о колебаниях правительства. Подтверждая неприкосновенность общинного крестьянского землевладения, сохранение сословного строя и неотчуждаемость надельных земель, царь обещал

выработать меры для облегчения выхода крестьян из сельских обществ и отмены круговой поруки.

Вся многолетняя работа учрежденных по царскому повелению комиссий и особых совещаний привела к принятию лишь нескольких частных законодательных актов, отменявших самые устарелые обычаи и правовые нормы. Среди них были законы об отмене телесных наказаний крестьян (1902), круговой поруки (1903), облегчении выхода из общины зажиточных крестьян (1903), упрощении процедуры переселения (1903). Столь разительный контраст с более результативным решением проблем торгово-промышленной сферы свидетельствует о сложности и глубине аграрных противоречий в России, их непосредственной связи с положением господствующего сословия империи и ее верховной власти. Не случайно поиск на рубеже XIX—XX вв. мер к разрешению дворянского и крестьянского вопросов неизбежно выявлял их социально-политический аспект, что приводило к возникновению трений между самодержавием и поместным дворянством по вопросам о методах и целях внутренней политики. Стремясь сохранить свои экономические, социальные, политические привилегии и монархию как охранительницу этих старых устоев российского общества, поместное дворянство начинает подталкивать верховную власть к модернизации, к ликвидации очевидной архаики. Однако это не встретило понимания ни в лице самого Николая II, ни в деятельности приближенного к нему после отставки Витте в 1902 г. В. К. Плеве, что со всей очевидностью показали итоги работы Редакционной комиссии и Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Национальный и конфессиональный вопросы в условиях развития общего социально-политического кризиса приобретают новую остроту. Их взаимодействие и сложное переплетение было обусловлено принципами, что «нет отдельных народов, есть только подданные» и утверждением православия как официальной религии. В начале XX в. экономическое развитие отдельных окраин приводило к росту их буржуазии, заявлявшей о своих претензиях. Шло также формирование национальной интеллигенции, являвшейся питательной средой для сепаратистских и леворадикальных течений. В России начинают возникать национальные политические организации и партии, число которых в конце концов превысило количество русских политических объединений. Развитие национального самосознания сопровождалось ростом изданий национальной периодики. Указанные тенденции были особенно заметны в регионах с сильными традициями национально-освободительного движения и развитыми экономически — Польше, Финляндии, Украине. В индустриальных городских центрах, возникших в Прибалтике и Закавказье (Рига, Ревель, Баку), в силу многонационального состава пролетариата, значительной доли русских кад-

ровых рабочих на первый план выступала общепролетарская борьба за свои права.

В конце 1890-х гг. вновь обострился финляндский вопрос. По инициативе Николая II были ограничены права сейма княжества, в делопроизводство введено употребление русского языка, установлен порядок замещения административных должностей выходцами из России, ликвидирована самостоятельность финской армии. Это вызвало демонстрации протеста, проведение сбора подписей под петицией царю с просьбой отменить законы, ущемляющие финляндскую автономию, посылку депутации к царю. Депутация, однако, не была принята, что только усилило сепаратистские и революционные настроения в Финляндии.

Постоянно тлеющим огнем в России оставался еврейский вопрос, поскольку для лиц, исповедовавших иудаизм, сохранились все прежние ограничения, касавшиеся территории проживания, прав собственности, занятий, приобретения высшего образования. Это привело к активному формированию на рубеже XIX—XX вв. многочисленных еврейских общественно-политических организаций, от сионистских до социал-демократических. Значительная часть еврейской молодежи, стремившаяся вырваться из замкнутого местечкового мира, вступала в ряды русского освободительного движения. Это давало повод многим лицам из числа высших сановников да и самому Николаю II считать евреев главными возмутителями спокойствия. Такие взгляды высказывались открыто, что провоцировало возрождение в 1903 г. еврейских погромов.

К возникновению народных движений на окраинах империи часто приводили действия властей. В июне 1903 г. был издан царский указ о секвестре движимого и недвижимого имущества армянской церкви и передаче под контроль государства ее расходов. Ему предшествовали закрытие в середине 1890 гг. армянских школ и конфискация в 1898 г. их денежных средств; ликвидация в 1900-х г. армянского издательского общества и гонения на армянскую прессу. Стачка на Юге России заставила власти отсрочить исполнение указа и одновременно ускорила переход армянского населения к активным действиям. В июле—августе 1903 г. прошли демонстрации протеста в городах Армении, Азербайджана и Грузии. В Гяндже произошло столкновение демонстрантов с полицией, были убитые и раненые. Армянская партия «Дашнакцутюн» в 1904 г. решила «заменить стратегию самозащиты на Кавказе стратегией революционных действий». Ею был осуществлен ряд террористических актов против царских чиновников.

Брожение среди коренных народов Сибири и Алтая было вызвано изъятием у них на основе актов, принятых в 1896—1901 гг., земель для передачи их в пользование царского двора (кабинета) и в пересе-

ленческий фонд. Закон сопровождался проведением общего землеустройства и реформированием системы управления сибирскими народами, в ходе которого российское чиновничество потеснило представителей местной феодальной и полуфеодальной знати. Все это привело к массовым выступлениям эвенков, бурятов, алтайцев. Правительство прибегло к массовым репрессиям и введению в бурятских районах «Положения об усиленной охране». Хотя волнения пошли на убыль, но проведение землеустройства и реформы управления затормозились надолго.

Стремление к реформированию прежних устоев затронуло и *Русскую православную церковь*. В условиях резкого обострения борьбы трудящихся классов против своего бедственного положения церковь, включенная через синодальную систему в структуру государственного управления, многое теряла с точки зрения возможностей воздействия на массы. Этот недостаток особенно усилился в годы деятельности на посту обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, который поощрял процесс огосударствления православной церкви, что приводило к стеснению ее самостоятельности, утрате инициативности. 25-летнее пребывание Победоносцева во главе духовного ведомства способствовало возникновению кризисного положения в РПЦ и снижению нравственного влияния православного духовенства на массы верующих. В силу этого внутри РПЦ появляются течения «обновления», имевшие целью возвысить авторитет православной церкви через подъем морального уровня ее духовенства. В ходе обсуждения этих проблем на страницах светской, а главным образом церковной печати выдвигались конкретные предложения. Прежде всего речь шла об освобождении РПЦ от жесткой государственной опеки и предоставления ей реальной самостоятельности; реформировании церковного суда и епархиального управления, преобразовании прихода. Высказывалась мысль о превращении Синода в «синодальное правительство Всероссийского собора», независимое от светской власти. Некоторые сторонники «обновления», особенно из числа церковных иерархов, говорили о восстановлении патриаршества. Среди белого духовенства получали распространение идеи «соборности», подразумевавшие расширение участия в делах церкви рядовых священников и верующих.

Отчуждению РПЦ от масс трудящихся содействовала пассивная позиция церкви в аграрном вопросе, что объяснялось наличием обширных церковных земельных владений. Патриархальная набожность в начале XX в. была малохарактерна для демократической интеллигенции и заметно исчезала среди пролетариата. Через рабочих идеи атеизма привносились в крестьянство. Несмотря на это, многие представители церкви, особенно из числа рядовых монахов и священников, пользовались авторитетом и влиянием среди верующих различного социального статуса. На встречи со старцами Оптиной пус-

тыни устремлялись крестьяне, мастеровые, аристократы, военные, предприниматели и интеллигенция. Большой отклик в различных слоях общества нашло возрождение поклонения мощам св. Серафима в Сарове.

§ 3. НАРАСТАНИЕ МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

Начало массового рабочего движения относится в России к концу XIX в. Первая волна крупных, длительных забастовок прошла в середине 1896 г., когда на борьбу поднялись столичные текстильщики, требуя сокращения рабочего дня с 13 ч до 10 с половиной, повышения расценок, уплаты сполна за «коронационные дни». В стачке участвовало более 30 тыс. человек. Она прекратилась 18 июня после повальных обысков, высылки «на родину», арестов свыше 1000 человек и обещаний рассмотреть требования. Когда стало очевидно, что власти не выполняют данные посулы, рабочие возобновили борьбу. К забастовавшим в январе 1897 г. текстильным мануфактурам присоединились металлисты Александровского, Невского, частично Путиловского заводов. Всего в стачке участвовало до 20 тыс. человек. По фабрикам было распространено правительственное объявление о подготовке законопроекта об урегулировании рабочего дня, а предпринимателям разрешалось, не дожидаясь принятия закона, сокращать рабочее время. Петербургская майско-июньская стачка 1896 г., возобновленная в январе 1897 г., нашла отклик у рабочих Москвы, Иваново-Вознесенска, Сормова, Екатеринослава и других промышленных центров. Ее результатом был закон о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах и установлении праздничного отдыха, принятый 2 июня 1897 г. по проекту, обсуждение которого длилось более 10 лет. Показателем превращения рабочего движения в характерную черту жизни российского общества стал его рост даже после принятия нового закона. Количество стачек на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции в Европейской России, в сравнении с 1897 г. увеличивается. Особенно возросло число бастующих металлистов: с 3 тыс. в 1897 г. до 20 тыс. в 1899 г.

Начавшийся в 1900-е гг. экономический кризис сопровождался ростом безработицы, особенно отразившейся на положении металлургов, металлистов, нефтяников, угольщиков. В эти годы лишились работы почти 30% рабочих бакинских промыслов, 15% шахтеров Донбасса, 20% рабочих, занятых в доменном и передельном производствах Юга России. Свыше 200 тыс. человек оказались на улице; вместе с членами их семей это составляло около миллиона человек. Скопление безработных, особенно в крупных городах, делалось опасным, и

правительство установило льготный железнодорожный тариф для отправки на родину уволенных рабочих. И без того низкая заработная плата, которая существовала в России, в годы кризиса еще упала, в том числе за счет неполной занятости рабочих. Не была изжита сохранявшаяся изощренная система штрафов. Все это создавало почву для экономических забастовок. Однако в начале XX в. заметным явлением становятся политические выступления рабочих. Одним из них была 10-тысячная первомайская демонстрация 1900 г. в Харькове. По окончании трудового дня рабочие вышли на улицы с красными знаменами, чтобы отметить свой праздник. В следующем году первомайские демонстрации состоялись в Тифлисе, Варшаве, Лодзи, Вильно, Казани. Крупное волнение рабочих, подавленное конной полицией и солдатами, произошло в мае 1901 г. на казенном Обуховском заводе в Петербурге.

На рубеже XIX—XX вв. участились противоправительственные выступления студентов. В феврале 1899 г. в Петербургском университете вспыхнула студенческая забастовка, спровоцированная действиями его ректора. После избиения студентов казаками волнения развивались по нарастающей: от непрерывной 3-дневной сходки к всеобщей университетской забастовке, затем к прекращению занятий в Военно-медицинской академии, Технологическом, Горном, Лесном и Электротехническом институтах, присоединению к бастующим слушательниц Медицинского института и Высших женских курсов. Вскоре движение охватило ряд учебных заведений Киева, Харькова, Риги. В конце февраля число бастующих достигало почти 30 тыс. Расследование причин беспорядков, порученное императором генерал-адъютанту П. С. Ванновскому, привело к введению «Временных правил», дозволявших отдачу «бастующих студентов в солдатство». В январе 1901 г. они были применены к 183 участникам студенческих волнений в Киеве (декабрь 1900 г.), что вызвало настоящую бурю в ряде университетских городов. 14 февраля студент П. В. Карпович несколькими выстрелами смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Боголепова. 19 февраля в Петербурге студенты, требуя отмены «Правил» и амнистии киевлян, провели у Казанского собора демонстрацию, в которой участвовали и рабочие. Очевидец события М. Горький писал: «Сначала народу собралось тысячи три, потом — целая лава». Внушительная манифестация студентов и рабочих прошла 19 февраля в Харькове. Активно против правительственной расправы со студентами выступали пролетарии Москвы. 4 марта в Петербурге опять состоялась демонстрация студентов и рабочих, что заставило правительство издать новые «Временные правила». Они допускали под наблюдением учебного начальства устройство студенческих столовых, касс взаимопомощи, кружков для научной работы.

В 1902 г. политические демонстрации и стачки рабочих становятся повсеместным явлением. Они проходят в разных городах России, в центре и на окраинах. Их отличительной особенностью было сочетание экономических требований с политическими. Февраль—март 1902 г. ознаменовался стачками в Батуме. В майские дни 1902 г. под лозунгом «Долой самодержавие!» состоялась демонстрация в Баку, на которую вышли русские, азербайджанцы, армяне, персы — всего около 5 тыс. человек. Большой резонанс получили первомайская демонстрация в Сормово и суд над ее участниками. В ходе развития рабочего движения, помимо политических демонстраций и манифестаций, большое распространение получают стачки протеста и солидарности, групповые выступления рабочих, значительно расширяются районы одновременных забастовок. Таким массовым выступлением в ноябре 1902 г. явилась стачка в Ростове-на-Дону, в которой участвовали все предприятия города. Ее особенностью стало завоевание рабочими явочным порядком свободы массовых уличных собраний. В одном из загородных районов ежедневно проходили многолюдные митинги, собиравшие до 30 тыс. человек и прекращенные только с помощью войск.

В 1903 г. действия властей против бастующих, особенно применение войск, придавали даже сугубо экономическим забастовкам общественно-политическое звучание. В Златоусте губернатор Н. М. Богданович приказал открыть огонь по безоружным людям. 69 человек, в том числе несколько женщин и детей, были убиты, и более 259 ранены. На лето 1903 г. приходится пик массовых выступлений рабочих, когда всеобщая стачка на Юге России парализовала жизнь двух десятков индустриальных городов и крупных морских портов. Стачка началась 1 июля 1903 г. на одном из предприятий Баку из-за невыполнения администрацией обещания повысить заработную плату. Уже 4 июля все рабочие Баку и его промышленных пригородов выступили в поддержку товарищей. Избранный на рабочем митинге стачечный комитет предъявил требования предпринимателям: введение 8-часового рабочего дня, повышение заработной платы, освобождение демонстрантов, арестованных в ходе предшествующих выступлений, возвращение на работу уволенных и др. Сопротивление пролетариата удалось сломить только силой оружия. В знак солидарности с бакинцами выступили Тифлис, Батум, Поти и Чиатур. Скоро выступления перекинулись в портовые города и промышленные центры Новороссии. 17 июля политическая забастовка в Одессе стала всеобщей. Стачки прошли в Херсоне, Немирове, отдельные выступления состоялись в Севастополе, Симферополе, Ялте и других городах. В борьбу вступили рабочие Киева, судостроители Николаева. В августе стачка распространилась на Екатеринослав, Елизаветград, Конотоп, Керчь.

Зубатовщина. Царские власти, обеспокоенные ростом рабочего движения и его очевидным соединением с марксизмом, действовали различными способами. На первом месте среди них были репрессивные. В то же время предпринимались попытки снизить пролетарскую активность методами «идейного характера», для чего создавались многочисленные православные братства и общества, поддерживалось при участии РПЦ трезвенническое движение. Автором одного из проектов легальных организаций рабочих был начальник Московского охранного отделения, жандармский полковник С. В. Зубатов, получивший поддержку от всесильного московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В зубатовских рассуждениях главной была мысль о том, что рабочие могут рассчитывать на внимание царя в решении своих нужд и проблем. Зубатов был убежден в существовании в народной массе, в том числе и рабочей, веры в царя и необходимости «питать эту веру фактами попечительности». При этом речь шла исключительно об улучшении экономического положения рабочих. Зубатовские идеи распространялись через пропагандистов, подготовленных из числа рабочих с наиболее консервативными взглядами. На собраниях зубатовских кружков присутствовали чины полиции, а само руководство организации включало даже платных агентов охранки. Но надежды властей на зубатовщину не оправдались. Наиболее значительным ее выступлением стала манифестация московских рабочих у памятника Александра II в Кремле, проведенная 19 февраля 1902 г. Зубатовские организации, помимо Москвы, действовали в Петербурге, Перми, Харькове, Киеве, Екатеринославе, Николаеве. Однако, используя легальные организации, рабочие продолжали решительно отстаивать свои экономические и политические права в ходе демонстраций и забастовок. После массовой стачки на Юге России, в которой участвовали и зубатовцы, Зубатов был отправлен в отставку без права проживать в столицах.

Преемником идей и методов Зубатова стал священник столичной пересыльной тюрьмы Г. А. Гапон, отличавшийся честолюбием и авантюрным складом характера. Подавая прошение о разрешении организовать рабочее общество, он подчеркивал, что «сущность основной идеи заключается в стремлении свить среди фабрично-заводского люда гнездо... откуда бы вылетали здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя, своей родины и на действительную помощь своим братьям-рабочим». Устав организации, именовавшейся «Собрание (клуб) русских фабрично-заводских рабочих», был утвержден в феврале 1904 г. Гапоновское «Собрание», направившее свои усилия на духовно-нравственный подъем пролетарской массы, не могло вмешиваться в отношения предпринимателей с рабочими. Это предопределило первоначальную малочисленность общества. По мере роста революционных настроений рабочих происходили

изменения и в деятельности гапоновской организации. Ее глава, следуя своим амбициозным целям, стремился, судя по всему, вырваться из-под опеки охранки, так как настроения и взгляды рядовых членов организации заметно радикализировались. Левение «Собрания» привело к численному росту его рядов и усилению влияния среди рабочих. К началу 1905 г. «Собрание» имело в Петербурге 11 районных отделений и насчитывало свыше 10 тыс. членов.

Крестьянское движение уже в конце XIX в. отличается повышенной активностью. В 1895—1899 гг. произошло почти 400 выступлений против 200 в предшествующее пятилетие. Их причиной стало невыносимо мучительное положение численно самого большого сословия России. Об этом говорили многие выдающиеся деятели русской и мировой культуры. Обдумывая характер и сущность голода в русской деревне, Л. Н. Толстой в 1898 г. писал: «Если... под голодом разуметь недоедание, не такое, от которого тотчас умирают люди, а такое, при котором люди живут, но живут плохо, преждевременно умирая, уродуясь, не плодясь и вырождаясь, то такой голод уже 20 лет существует для большинства Нечерноземного центра». Размер крестьянского надела на мужскую душу уменьшился в европейском центре с 4,8 десятины в 1861 г. до 2,6 десятины в 1905 г., что позволяло характеризовать его как голодную земельную норму.

Безрадостная картина состояния русской деревни предстала со страниц многочисленных материалов, направленных в 1902—1903 гг. в адрес Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Примечательно, что в разнообразной корреспонденции, авторами которой были дворяне, новые землевладельцы, крестьяне и многие другие лица, занимавшиеся сельским хозяйством или наблюдавшие жизнь русской деревни, никто не сообщал хороших известий. Факт бедственного положения крестьянства констатировали как документы, вышедшие из их среды, так и официальные заключения Совещания. В последних указывалось, что «не только вполне, но даже в удовлетворительном положении нет ни одного крестьянского хозяйства в России». В журналах Совещания отмечалось, что цены за аренду земли являются по существу монопольными, определяемыми «исключительно волею собственника земель, окружающего крестьянский надел», в результате чего средства, присваиваемые дворянами за аренду своих земель, «значительно превосходят сумму выплачиваемых крестьянами налогов и повинностей как по выкупной операции, так и по всем государственным, земским, мирским и проч. сборам». Все материалы свидетельствовали также о сословном бесправии и культурной отсталости крестьянства. В препроводительной записке к журналам Совещания Витте сообщал царю, что сложившийся порядок держится единственно на долготерпении крестьянства и что оно слишком долго подвергается перенапряжению.

И все-таки долготерпению приходил конец, о чем свидетельствует резкий подъем крестьянского движения в 1900—1904 гг. Число выступлений начинает исчисляться не десятками, а сотнями, в несколько раз превосходя уровень начала века. В 1900 г. — 33, 1901 г. — 119, 1902 г. — 358, 1903 г. — 533, 1904 г. — 162 выступления. В крестьянском движении начала 1900-х гг. чаще встречались активные формы борьбы: захват крестьянами помещичьей земли, увоз хлеба из помещичьих амбаров, погромы и поджоги дворянских имений. Это приводило к участившимся фактам применения войск для подавления крестьянских выступлений. В 1900 г. войска вызывались 6 раз, в 1901 г. — 12, а в первой половине 1902 г. — уже 17 раз.

Настоящий взрыв крестьянского движения пришелся на 1902 г., давший трехкратное увеличение выступлений. Причиной этого был страшный неурожай 1901 г. и голод, охвативший 20 губерний с населением в 24 млн человек. Движение началось в марте—апреле в Полтавской и Харьковской губерниях, распространившись на 165 сел с населением более 150 тыс. человек. Восставшие громили помещичьи имения, захватывали хлеб, семена, скот, землю. Всего пострадало 104 экономии. Помещичий скот, зерно, сельскохозяйственный инвентарь крестьяне разделили между собой. Для усмирения восстания властям потребовалось более 10 тыс. солдат и казаков во главе с командующим Киевским военным округом и двумя губернаторами. Движение жестоко подавлялось: проводились массовые порки крестьян, а свыше тысячи из них были преданы суду. Восстание вызвало волнения во многих селах и деревнях Киевской, Черниговской, Новгородской, Пензенской, Орловской, Саратовской губерний, областях Кубани и Кавказа. Особенно значительными они были в Грузии. Общее число крестьянских выступлений по стране в 1903 г. в полтора раза превышало показатели предшествующего года.

Хотя крестьянство оставалось в плену веры в доброго царя, разрыв с этой верой становился вопросом времени. Крестьянские волнения начала 1900-х гг. свидетельствовали о приближении и в России той новой поры, о которой К. П. Победоносцев в своем письме 1898 г. предупреждал Николая II. Тревожась за будущность самодержавия, императорский наставник отмечал: «Мы живем в ином мире сравнительно с тем, что было лет 40—50 назад. Массы народные издавна коснели в бедности, нищете, невежестве и умирали бессознательно». Однако, продолжает Победоносцев, «в последнее время эта бессознательность миновала, умножились средства сообщения, и вопиющая разница между нищетою одних в большинстве и богатством и роскошью других в меньшинстве стала еще разительнее... Душа народная стала возмущаться. Стали подниматься вопросы: для чего мы страдаем, а другие обогащаются нашим трудом, кровью и потом? И к

чему служат власти, которые в течение тысячелетий ничего не могли устроить для нашего облегчения? И к чему правительство, которое только гнетет нас своими податями, правителями, судами? И к чему, наконец, государство и всякая власть государственная?» Обеспокоенная размахом крестьянских выступлений, власть использовала не только кнут. В речи перед сельскими старостами и волостными старшинами, собранными в Курске в августе 1902 г., Николай II, порицая крестьян за разгром экономий, обещал им ряд уступок. Вскоре были отменены круговая порука при уплате податей (март 1903 г.), право волостных судов приговаривать крестьян к телесным наказаниям (август 1904 г.). С крестьянства были сняты недоимки по выкупным платежам, земским и мирским сборам, накопившиеся к январю 1904 г.

Рост в начале XX в. массовых выступлений рабочих, крестьян и демократической интеллигенции, участившиеся факты столкновений с войсками свидетельствовали о том, что низы не хотят жить по-старому и готовы к отчаянной схватке с властью.

§ 4. РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ

В последнее десятилетие XIX — первые годы XX в. в стране динамично развивалось революционно-освободительное движение, направленное на свержение абсолютной монархии, и оппозиционно-либеральное, ратовавшее лишь за модернизацию самодержавия. Существенные успехи с точки зрения разработки идеологии движения имела леворадикальная российская социал-демократия. Большая роль в утверждении в России марксизма как самостоятельного течения общественно-политической мысли принадлежала организованной в 1882 г. в Женеве группе «Освобождения труда» во главе с Г. В. Плехановым. Середина 1890-х гг. ознаменована началом революционной деятельности Владимира Ильича Ульянова, вошедшего в мировую историю под своим партийным псевдонимом — Ленин (или Н. Ленин). Приехав в Петербург в 1893 г., он вскоре проявил себя как организатор и публицист, интересующийся большим кругом теоретических и конкретно-тактических проблем развития российской социал-демократии. Лениным был написан целый ряд значительных трудов по проблемам марксистской политэкономии, истории русского освободительного движения, истории капиталистической эволюции русской пореформенной деревни и промышленности, часть из которых была издана легально. Он активно вел разработку программы социал-демократической партии. Деятельность В. И. Ленина как публициста и исследователя развития капитализма в России на основе об-

ширных статистических материалов делает его известным среди социал-демократов и оппозиционно настроенных либеральных деятелей, а также в более широких кругах российского общества.

В 1895 г. в Петербурге возник «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В него входили представители нового поколения русских марксистов, объединенные в Центральную группу, которая руководила районными, а те через организаторов из числа рабочих направляли деятельность кружков на заводах и фабриках. Новая организация живо откликалась на рабочие выступления, посылая на предприятия агитаторов и снабжая забастовщиков листовками и прокламациями. В конце 1895 — начале 1896 г. многие участники «Союза борьбы» были арестованы, но вплоть до весны 1896 г. он продолжал действовать. По типу петербургского союза возникли организации в Москве, Иваново-Вознесенске, Екатеринославе, Киеве, других промышленных центрах России. В отдельных случаях между ними были установлены контакты. Одновременно появлялись новые социал-демократические кружки и группы во многих городах ЦПР, Поволжья, Урала, Сибири и Юга России. Из-за арестов, ссылки их участников большинство «Союзов» и групп действовали кратковременно, но на смену им приходили другие.

Создание Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) было провозглашено в Манифесте, принятом в марте 1898 г. в Минске на съезде представителей региональных «Союзов борьбы» и ряда социал-демократических групп. Члены избранного Центрального комитета скоро были арестованы, поэтому организационных результатов I съезд РСДРП не имел. Реальное создание партии началось с подготовки за рубежом издания общерусской газеты «Искра», первый номер которой вышел в декабре 1900 г. Ее доставка из-за границы специальными агентами в разные уголки страны и распространение через созданные местные комитеты среди рабочих, сбор информации для редакции газеты помогли сформировать организационные структуры партии.

Проходивший в 1903 г. II съезд РСДРП принял Программу партии, готовившуюся и обсуждавшуюся при участии редколлегии «Искры», и Устав. Программа РСДРП была единственной в европейской социал-демократии, где содержалось требование диктатуры пролетариата. В ней определялись две группы задач, стоящих перед русскими марксистами. Первая предполагала осуществление буржуазно-демократической революции с целью свержения самодержавия, ликвидации сословной структуры общества, создания представительных учреждений, обеспечения демократических свобод граждан. Программа содержала требование 8-часового рабочего дня и возвращения крестьянам отобранных при освобождении земельных «отрезков». Эта часть именовалась программой-минимум. Программа-мак-

симум определяла более длительную перспективу революционной борьбы и была нацелена на решение задач социалистической революции — установление диктатуры пролетариата и построение социалистического общества. Документ призывал рабочих к активному участию в предстоящей буржуазно-демократической революции.

На съезде развернулась острая дискуссия о параграфе первом Устава партии. В. И. Ленин, как автор проекта, настаивал на необходимости материальной поддержки партии взносами и обязательном участии всех ее членов в работе организации. Его оппонентом был Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), формулировку которого, не содержащую требований Ленина, принял съезд. Однако при выборе Совета партии и Центрального комитета ленинские сторонники («твердые» искровцы) получили большинство и стали именоваться большевиками, а мартовцы — меньшевиками. Раскол привел к серьезному кризису молодой партии. К концу 1904 г. большевикам удалось укрепить ряды российской социал-демократии, воссоздав руководящие центры. Состоявшиеся Южная, Кавказская и Северная областные конференции комитетов РСДРП выразили недоверие меньшевистским центральным учреждениям и создали Бюро комитетов большинства во главе с Лениным.

На рубеже XIX—XX вв., нередко раньше РСДРП, в Российской империи возникли национальные социал-демократические партии. К ним относились Социал-демократия Королевства Польского (1893), Литовская социал-демократическая партия (1896), Всероссийский Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше, России — «Бунд» (1897), Социал-демократия Финляндии (1899), Латвийский социал-демократический союз (1900), Еврейская социал-демократическая партия «Поалей Цион» (1900) и др. Такому массовому их созданию способствовало существование в этих регионах недовольства на национальной почве, усугублявшееся вхождением Литвы и Польши в черту оседлости. Известную роль играла близость этих областей к западным границам страны. Это облегчало контакты, в частности с Германией и Австро-Венгрией, где существовали социал-демократические партии, представленные в парламентах, открыто распространялась марксистская литература.

Возникновение партии социалистов-революционеров. На рубеже XIX—XX вв. в освободительном движении России продолжал существовать мощный демократический поток, слабо дифференцированный организационно. Заметным явлением леворадикального крыла освободительного движения стало возникновение на основе различных неонароднических организаций партии социалистов-революционеров (эсеров). В ней были представлены лица, часто сочетавшие упрощенное понимание марксизма со старыми взглядами революционного народничества. В разноголосице мнений объединяющим

началом явилась старая идея о «вождях» и «массе», трансформировавшаяся в утверждение об авангардной роли интеллигенции в грядущей русской революции. Одним из видных теоретиков неонародничества стал В. М. Чернов, пытавшийся приспособить социалистические идеи к сугубо крестьянским странам.

С конца XIX в. число организаций социалистов-революционеров в России и эмиграции увеличивалось, но процесс их консолидации шел медленно. Он был ускорен террористическими актами против высших сановников российской бюрократии, когда их вершители заявили о своей принадлежности к социалистам-революционерам. Так поступил студент Карпович, стрелявший в министра Боголепова, и статистик самарской земской управы Лаговский, пытавшийся в марте 1901 г. убить К. П. Победоносцева. Хотя эсеровские группировки не были инициаторами этих покушений, но воспользовались ситуацией, заявив, что избирают террор важнейшим средством борьбы с правительством. Процесс объединения в партию различных эсеровских организаций растянулся на весь 1902 г. В опубликованном соглашении об объединении отмечалось, что партия будет вести свою деятельность среди промышленных рабочих крупных центров и интеллигенции, а также признавались «неизбежность и целесообразность террористической борьбы». Для этого группы террористов были сведены в Боевую организацию во главе с Г. А. Гершуни. Размах крестьянского движения в 1902 г. заставил эсеров заявить: «Интеллигенция и пролетариат без крестьянства бессильны, в союзе с крестьянством они могут достигнуть всего».

1902 г. стал началом активной террористической деятельности эсеров, направленной против представителей высшей царской бюрократии, причастных к проведению репрессий в отношении революционеров и трудящихся. 2 апреля в Мариинском дворце С. В. Балмашев в упор выстрелил в министра внутренних дел Д. С. Сипягина, вскоре скончавшегося. Покушение Ф. Кочуры на харьковского губернатора И. М. Оболенского, творившего массовые расправы над восставшими крестьянами, оказалось неудачным. 6 мая 1903 г. О. Е. Дулебов покарал организатора «златоустовской бойни» — уфимского губернатора. Руководитель подготовки покушения Гершуни попал в руки полиции, был приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Во главе Боевой организации был поставлен Евно Азеф (Азев). 15 ноября 1904 г. Е. С. Созонов убил В. К. Плеве, а 4 января 1905 г. бомбой, брошенной И. П. Каляевым, террористы покончили с великим князем Сергеем Александровичем.

Партия социалистов-революционеров, объективно выражавшая интересы мелкобуржуазных слоев населения, в частности крестьянства, оставалась преимущественно организацией интеллигентов, как и большинство других политических партий и объединений в России.

Эсеровская партия отличалась особо значительным расхождением взглядов ее членов, в том числе отношением к народничеству и марксизму, определением социальной среды деятельности партии, основных методов революционной борьбы и т. д. Это обусловило длительный процесс выработки программы партии, утвержденной только в 1906 г. на Учредительном съезде. Боевая организация эсеров существовала автономно, имея свой устав, кассу, явки, адреса и квартиры.

Либерально-оппозиционное движение на рубеже XIX—XX вв. оставалось пестрым по своему составу и аморфным организационно. В либеральных кружках этой эпохи объединялись помещики разных званий и разной состоятельности, а также буржуазная интеллигенция. Сословная неоднородность либеральной оппозиции обусловила значительную амплитуду в понимании политических и социально-экономических проблем русского общества между отдельными участниками движения. Надеясь получить необходимые реформы из рук самодержца, они по-разному видели методы и формы «давления» на монарха. Главным для русского либерализма оставалось: не допустить в России демократической республики.

Дворянская оппозиция в этот период остается сосредоточенной в земствах, которые по-прежнему ориентируются на подачу царю всякого рода ходатайств, петиций, составленных в весьма осторожных выражениях и предлагавших обсудить животрепещущие вопросы российской реальности. Нередко подобные акции приобретали характер кампаний, как это было в середине 1890-х гг. и в 1904 г. В среде либерального дворянства на рубеже веков сохранялось представительство аристократической верхушки, которая держалась особняком и объединялась в отдельные кружки. Наиболее известным был кружок «Беседа», образованный в Москве в ноябре 1899 г. К 1905 г. в нем было 54 человека. Все они являлись помещиками, в основном членами земских уездных или губернских управ. Среди недовольных оказалось 9 князей Рюриковичей, 8 графов, 2 барона. Программой кружка предполагалось действовать легально с целью «пробуждения общественной деятельности, общественного мнения... Способ достижения этой цели заключается в том, чтобы действовать через земские и дворянские собрания, а также путем печатного и живого слова...». Другой центр земского либерализма, причисляемого к правому (или славянофильскому) крылу, сложился зимой 1900/01 г. вокруг известного общественного деятеля Д. Н. Шипова, состоявшего председателем бюро земских съездов и председателем Московской губернской земской управы. Среди его участников были члены княжеских фамилий, крупные землевладельцы и представители университетской профессуры. Намереваясь восстановить нарушенное бюрократией «единение царя с народом», члены кружка ратовали за создание при государе совещательного органа из представителей земств и введение

некоторых политических свобод. В сущности, земцы намеревались помочь власти справиться с наступавшим кризисом и не допустить революционного взрыва.

Большую активность в оппозиционном движении рубежа столетий начинает проявлять буржуазная интеллигенция, включавшая видных адвокатов, профессуру, врачей, крупных инженеров. Выходцы из различных сословий, ставшие весьма состоятельными людьми во многом благодаря собственному таланту, труду, преодолению множества препон, а иногда и унижений, они не забывали тяжести пройденного пути и не всегда были удовлетворены своим новым социальным статусом. Размышляя о судьбах страны и ведя идеологический поиск, часть из них в 1890-е гг. пережила увлечение марксизмом. Не соглашаясь и не принимая его революционной идеологии, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и другие разделяли целый ряд положений Марксовой политэкономии. Особенно близок *«легальным марксистам»* (так именовал их В. И. Ленин) был тезис о прогрессивности капитализма, ставший одним из оснований будущей программы русского буржуазного либерализма. Из положения о борьбе за более последовательное развитие в стране капитализма путем ликвидации преград, тормозящих этот процесс, вытекало утверждение о долговременности эпохи российского капитализма как определенного исторического этапа и неправомерности каких-либо разговоров о социалистической революции в России.

В условиях нарастания социально-политического кризиса в стране и нежелания верховной власти прислушаться к самым умеренным рекомендациям, часть лидеров буржуазного либерализма убеждается в необходимости более решительных действий. Одним из существенных факторов проявления этой тенденции было опасение потерять влияние в обществе и утратить активно настроенных сторонников, которые, отшатнувшись от либерализма, «уйдут в революцию». В 1901—1902 гг. русская социал-демократия помогала либералам, инициируя их политическое развитие, критикуя за непоследовательность и подталкивая их влево. На рост умеренно-либеральной оппозиции повлияла и политика царизма по отношению к земствам при обсуждении крестьянского вопроса. Когда отбушевали крестьянские восстания на юге России, в Москве собралось совещание земских деятелей. Хотя в принятом ими постановлении обходился вопрос о земле, но предлагалось уравнять крестьян в личных правах с другими сословиями, освободить их от чиновничьей опеки, отменить телесные наказания, реформировать суд, земства, предоставить свободу слова и т. д.

На новый всплеск земской активности в конце 1903 г. верховная власть ответила репрессиями. В январе 1904 г. правительство приступило к разгрому тверского земства как давнего очага земской оппози-

ции. Поводом послужило предложение новоторжского уездного земства обратиться к царю с адресом, который был интерпретирован как намек на необходимость перейти к конституционной форме правления. Решение, высказанное в письме Николая II на имя В. К. Плеве, ясно и недвусмысленно гласило: «Настало время тряхнуть неожиданно и крепко». Уже 16 января появляется сообщение о смещении тверской губернской и новоторжской уездной управ. В ходе борьбы с земской фрондой в 1902—1904 гг. власть предпринимала и всякого рода обходные маневры, создавая впечатление готовности пойти на уступки, если земство будет держаться в указанных ему рамках. Но ни власть, ни земские лидеры уже не могли реализовывать какие-либо маневры, так как нельзя было, как прежде, загнать внутрь накопившиеся в России социально-экономические противоречия. Они требовали своего разрешения, о чем заявляло развивавшееся движение народных масс. Начавшееся размежевание земской оппозиции привело к проведению в ноябре 1903 г. в Москве I съезда сторонников конституционной монархии, который положил начало «*Союзу земцев-конституционалистов*».

В процессе объединения российских либералов в политические организации важную роль сыграл нелегальный журнал «Освобождение», выходивший с лета 1902 г. в Штутгарте. Его редактором был Петр Бернгардович Струве, к этому времени перешедший на сугубо либеральные позиции. В передовой статье первого номера журнала подчеркивалось: «Культурное освобождение России не может быть ни абсолютным, ни преимущественным делом одного класса, одной партии, одного учения. Оно должно стать делом национальным или общенародным... Пусть национальное освобождение будет провозглашено открыто общим делом детей и отцов, революционеров и умеренных». Подобное заявление показывало, что в отличие от предшествующих земских кружков новые представители буржуазного либерализма намеревались повести за собой не только своих сторонников, но и представителей революционной демократии. В 1903 г. в Швейцарии состоялся съезд, в котором участвовали земцы, субсидировавшие журнал, бывшие «легальные марксисты» и народники. Участники обсуждали перспективы деятельности будущего объединения, получившего наименование «*Союз освобождения*», не придавая ему статуса политической партии. Официально «Союз» начал действовать с января 1904 г., когда в Петербурге прошел его учредительный съезд. Господствующее положение в «Союзе земцев» занимали либеральные помещики, а в «Союзе освобождения» три четверти членов были буржуазные интеллигенты. Существо программы либеральной оппозиции сводилось к требованию некоторой модернизации самодержавия путем введения выборного представительства и осуществления отдельных реформ для ограничения «произвола самодержавной

бюрократии». Смысл программы в социально-экономическом аспекте заключался в обеспечении более свободного развития в России капитализма.

Российская буржуазия медленно втягивалась в процесс политического сплочения. Даже защита своих экономических интересов и социального статуса не имела активной общественной поддержки в предпринимательских кругах. Разнообразные по типу и назначению объединения предпринимателей были ограничены по территориальному, производственному или профессиональному признакам. Власти, допуская учреждение биржевых комитетов, обществ фабрикантов и заводчиков отдельных районов, советов съездов предпринимателей отдельных отраслей и индустриальных центров, не торопились упростить процедуру их создания, осуществляли надзор за их работой, ограничивали их функции. Развитие капитализма и проявление монополистических тенденций активизировали рост предпринимательских объединений. В 1895—1904 гг. образовалось 39 новых биржевых комитетов, а число отраслевых съездов удвоилось. Представители торгово-промышленных кругов в начале XX в. редко принимали участие в создании политических партий. Это не исключало, однако, финансирования некоторыми из них даже леворадикальных движений, как это делал московский фабрикант С. Т. Морозов, выделяя средства для издания «Искры».

§ 5. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВНУТРИ СТРАНЫ

Борьба мировых держав за передел колоний, получение новых рынков сбыта, источников сырья и сферы приложения капиталов привела к возникновению очагов международной напряженности. С конца XIX в. намерения России укрепить свои позиции на Дальнем Востоке столкнулись с интересами Японии. Милитаристские круги последней, мечтая о «Великой Японии», хотели завладеть побережьем Китая, Кореей, Маньчжурией, русскими Приморьем, Забайкальем, Сахалином, Камчаткой.

В политике царизма на Дальнем Востоке отражались интересы русской буржуазии к расширению внешних рынков, что было актуально для развивающейся отечественной индустрии из-за узости внутреннего рынка и слабой динамики его увеличения. Китай был традиционным торговым партнером России. Кроме того, участие русского капитала в железнодорожном строительстве в империи Цин благоприятствовало экономическому освоению Забайкалья и особенно Приморья. Защита безопасности Дальнего Востока отвечала геополитическим задачам России, так как именно в этом регионе обеспечи-

вался непосредственный выход в теплые воды Мирового океана. Внешнеполитическая линия царизма противоречиво соединяла два аспекта. Один предусматривал активное решение указанных задач, но без конфронтации с другими странами этого региона, а также европейскими державами и США, имевшими здесь свои интересы. Другой был связан с внешнеполитическими и военными амбициями царизма, желавшего продемонстрировать российскую мощь в условиях империалистического дележа мира. Постройка Транссибирской железной дороги встревожила промышленные и правительственные круги Японии и США. Неслучайно американцы не раз предлагали свои услуги по завершению сооружения Транссибирской магистрали. Япония попыталась закрепиться на азиатском континенте до окончания постройки дороги. Воспользовавшись восстанием в Корее, в марте 1894 г. японцы начали войну против Китая и без особого труда завладели Корейским и Ляодунским полуостровами. Китайское правительство, запросив мира, согласилось признать полную независимость Кореи, передать Японии Пескадорские острова, Тайвань, Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, выплачивать контрибуцию. Это создавало реальную угрозу дальневосточным территориям России. На Особом совещании министров 30 марта 1895 г. было решено объявить Японии ультиматум об очищении Ляодунского полуострова и в случае отказа начать военные действия на море. Россию поддержала Германия, заинтересованная в ослаблении японских позиций и отвлечении внимания самодержавия от европейских дел. Пообещала действовать заодно с Россией и Франция. В итоге Япония временно отказалась от аннексии Ляодунского полуострова.

Китай и мировые державы на рубеже XIX—XX вв. В 1896 г. был подписан секретный русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии. Он предусматривал постройку через китайскую территорию железной дороги из Забайкалья к Владивостоку, что значительно сокращало путь и сроки строительства Транссибирской магистрали. Для сооружения новой дороги и ее последующей эксплуатации учреждалось акционерное общество Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Благодаря подкупу подписавших договор китайских чиновников, Обществу КВЖД разрешалось административное управление землями в полосе отчуждения дороги и размещение вдоль нее российской военной охраны. Через 80 лет после эксплуатации дорога безвозмездно переходила Китаю; досрочно ее выкупить китайцы могли только через 46 лет.

Русско-китайское сближение происходило на фоне усиления в 1897—1898 гг. экономической экспансии Англии, Германии, Франции и США в Цинской империи, сопровождавшейся нередко занятием ими в различных формах китайских территорий. Добиваясь упрочения своего влияния в Китае и боясь, что Россию могут опередить

экономически более сильные соперники, царское правительство приняло решение о военной демонстрации. 18 декабря 1897 г. русская эскадра встала на рейде Порт-Артура. Этот шаг ускорил заключение в марте 1898 г. русско-китайского договора. Россия получила в безвозмездную аренду на 25 лет Ляодунский полуостров с правом создания в Порт-Артуре военно-морской базы, а для сооружения торгового порта — Далянь (переименован — в Дальний). Обществу КВЖД была дана концессия на постройку от магистральной линии ветки к обоим портам.

Открытый экономический грабеж, появление иностранных войск на территории Китая привели в 1900 г. к народному восстанию. В его подготовке большую роль сыграли тайное общество «Ихэтуань» («Кулак во имя справедливости и согласия») и его отряды. В европейской традиции их именовали «боксерами», а восстание соответственно — «боксерским». Наибольший размах движение приобрело в северо-восточных провинциях Китая, где хозяйничанье империалистических держав было особенно оскорбительным для национального самосознания китайцев. В середине июня восставшие вошли в Пекин и осадили посольский квартал, заставив правительство объявить войну интервентам. В ответ западноевропейские державы при участии России, США и Японии подвергли китайскую столицу разграблению и оккупации. Царское правительство ввело войска в Маньчжурию. В сентябре 1901 г. цинскому Китаю был навязан грабительский и унизительный договор, предусматривающий и выплату огромной контрибуции, предполагаемая доля России в которой составляла почти 30% (около 5 млрд золотых руб.). Однако ослабление Китая было невыгодно самодержавию, и оно не поддержало столь тяжких требований.

В дальнейшем русско-японские противоречия нарастают, а европейские державы и США стремятся подтолкнуть Японию к военному конфликту с Россией. Подобное развитие событий усилило позиции «безобразовской клики», объединившей сторонников решительной политики самодержавия на Дальнем Востоке. Ее лидером был выходец из аристократических кругов, отставной ротмистр кавалергардского полка А. М. Безобразов. Выдвигая различные «прожекты» захвата и подчинения русскому влиянию северо-восточных территорий Китая, Кореи, «безобразовцы» мало верили в саму возможность нападения Японии на Россию. Противники такой авантюристической линии (Витте, министр иностранных дел В. Н. Ламздорф и др.) настаивали на продолжении вывода войск и переговоров с Китаем. Однако их усилия оказались безрезультатными из-за антияпонских настроений царя. Витте получает отставку, а Безобразов становится статс-секретарем. Выражением агрессивного отношения к Китаю явилось замедление вывода войск из Маньчжурии и введение наместт-

ничества на Дальнем Востоке с резиденцией в Порт-Артуре, куда назначили сторонника Безобразова адмирала Е. И. Алексеева. В то же время деятельность по усилению флота и сухопутных войск в регионе была минимальной, что объясняется искаженным представлением о военно-экономическом потенциале Японии.

Между тем к началу XX в. социально-экономические преобразования японской буржуазной революции 1868 г. принесли свои плоды. Среди них было создание при содействии Англии и США современной армии и военно-морского флота. Пытаясь замаскировать непосредственную подготовку к военным действиям, Япония начинает в июле 1903 г. переговоры с царским правительством по спорным вопросам. Умеренно-осторожным политикам, учитывавшим неготовность России к войне, удалось убедить Николая II проявить уступчивость. Русский ответ в конце декабря 1903 г. содержал признание японских интересов в Корее, принципа «открытых дверей» в Маньчжурии для Японии и других стран, пользующихся преимуществами по договоренности с Китаем. Однако это уже не могло сдержать военные устремления японского правительства. Не дождавшись ответа на очередные ультимативные требования, в ночь на 27 января 1904 г. Япония вероломно, без официального объявления войны, напала на Порт-Артур. Броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич», крейсер «Паллада» получили серьезные повреждения.

Начавшаяся война явилась результатом не только русско-японского соперничества на Дальнем Востоке, но и сложного клубка противоречий между крупнейшими империалистическими державами, стремившимися к разделу Китая и утверждению своего влияния в Тихоокеанском регионе. В этой войне самодержавие оказалось в политической изоляции. Правящие круги Франции не устраивал перенос внешнеполитической деятельности России на Дальний Восток, что, по их мнению, обесценивало значение конвенции 1893 г. В итоге французские власти в годы войны подвергали интернированию и разоружению русские суда, заходившие в порты Индокитая. Формально объявив о своем нейтралитете, Англия и США в течение всей войны помогали Японии займами, углем, нефтью, другим стратегическим сырьем и вооружением. На английских верфях строились японские корабли.

Начавшаяся война быстро вскрыла экономическую и военно-техническую отсталость России, несовершенство управленческих структур государства, что отражалось на состоянии вооруженных сил. Слабое аграрное развитие Дальневосточного края, полное отсутствие в регионе крупной промышленности обусловили необходимость вести все снабжение армии и флота из Центральной России. Протяженные одноколейные железнодорожные перевозки затруднялись недостроенностью кругобайкальского участка дороги. К распространенным в

военной среде казнокрадству и взяточничеству добавились большие просчеты в непосредственной подготовке армии и флота к войне с Японией. Малочисленные армейские силы (98 тыс. солдат и 24 тыс. охранной стражи КВЖД) были разбросаны по территории Забайкалья, Приморья, Маньчжурии и Квантуна. Переброска подкреплений шла медленно. Инженерное оснащение Маньчжурского плацдарма было недостаточным, как и военно-тактическая подготовка флота и армии. Войска не имели достаточного количества горной артиллерии, необходимой по характеру местности, автоматического оружия и запаса гранат. В Тихоокеанской эскадре не хватало крейсеров и особенно миноносцев. Несмотря на достижения русских ученых в области радиосвязи, в армии по-прежнему использовались конные ординарцы. Серьезным просчетом высших военных и дипломатических кругов, самого Николая II была недооценка вооруженных сил противника. Между тем перевооружение японской армии и флота было выполнено в намеченные сроки, заканчивалась подготовка транспорта к переброске войск на континент. Японский флот превосходил русский Тихоокеанский по тоннажу и наличию хорошо оборудованных баз; его суда отличались значительной мощью артиллерийского огня и высокой скоростью хода.

Морские сражения и оборона Порт-Артура стали важнейшими событиями Русско-японской войны. Установление господства на море путем уничтожения русского Тихоокеанского флота было главной военно-стратегической задачей Японии. Ни в феврале, ни в марте японцы не смогли заблокировать русскую эскадру в Порт-Артуре. Столкновения кораблей противников с первых дней войны показали военно-технические преимущества японских судов. На стороне российского флота были накопленное за два века мастерство и героические традиции, основанные на беззаветной отваге и стойкости офицеров и матросов. Еще 26 января 1904 г. находившимся в нейтральном порту Чемульпо крейсеру «Варяг» и канонерской лодке «Кореец» был заявлен ультиматум о немедленном уходе с рейда. Японцы превосходили артиллерию русских кораблей более чем втрое, а по торпедному снаряжению — в 5 раз. Командир «Варяга» капитан I ранга В. Ф. Руднев сказал, обращаясь к экипажу: «Мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была... Мы не сдадим ни кораблей, ни самих себя и будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови». Причинив разрушения японскому флагману и другим кораблям противника, «Варяг» получил несколько пробоин, все его орудия были повреждены, многие комендоры убиты, однако команда, руководимая раненым Рудневым, продолжала сражаться. Не спустив перед врагом боевой флаг, русские потопили крейсер на рейде Чемульпо, а «Кореец» взорвали. 10 марта с 4 японскими миноносцами встретились возвращавшиеся из разведки в

Порт-Артур миноносцы «Решительный» и «Стерегущий». Первый, обладая большей скоростью, ушел под защиту береговых батарей, а «Стерегущий» принял неравный бой. Когда замолчало последнее орудие, японцы решили взять судно на буксир, но два матроса открыли кингстон, и корабль скрылся в водах Желтого моря.

24 февраля (8 марта) 1904 г. в Порт-Артур прибыл новый командующий Тихоокеанской эскадры вице-адмирал С. О. Макаров. Выходец из простой матросской семьи, Макаров достиг высших военно-морских отличий благодаря своим выдающимся способностям. Бесстрашный флотоводец с твердой волей и неукротимой энергией, ученый-новатор и патриот Макаров стал одной из примечательных фигур русской истории начала XX в. Главным правилом военного искусства он считал умение всегда сохранять инициативу и придерживаться наступательного образа действий, что изменило ситуацию в Порт-Артуре. Боеспособность и решимость эскадры возрастали с каждым днем. Стремясь запереть русский флот в порт-артурской бухте, японцы перешли к разбрасыванию мин на подступах к ней. 31 марта Макаров вывел эскадру в море и вступил в бой с противником, чтобы заманить его под огонь береговых батарей. Маневр первоначально удался, но, приближаясь к Порт-Артуру, японцы внезапно развернули свои корабли обратно. Русская эскадра уже шла к месту стоянки, когда у входа в бухту «Петропавловск» наскочил на японскую мину. На флагмане вместе с Макаровым погиб его штаб. Из 727 человек экипажа спаслись только 80. Во главе эскадры был поставлен не подготовленный к этой роли контр-адмирал В. К. Витгефт, перешедший к пассивной обороне. Узнав о гибели Макарова, японская Ставка отдала приказ о высадке войск на Ляодунском полуострове.

Попытка деблокады Порт-Артура в начале июня с суши потерпела поражение. Тогда по настоянию Алексеева было решено перебазировать эскадру во Владивосток. Не веривший в успех прорыва, но подчиняясь приказу, Витгефт 10 июня вывел русские корабли в море. Встретившись с эскадрой Того, он боя не принял. Потопив 3 японских миноносца, русские корабли вернулись в порт-артурскую бухту. В июле, когда противник вышел к внешнему обводу крепости, к перебазированию флота вернулись вновь. Витгефт и часть командиров оставались противниками прорыва, считая, что он ускорит падение крепости. 28 июля эскадра из 6 броненосцев, 4 крейсеров, 8 эсминцев вышла в море. В начавшемся бою успех был на стороне русских кораблей. Однако взрывом на флагмане был убит Витгефт и выведен из строя его штаб. Потеряв руководство, русская эскадра рассеялась. 5 броненосцев, крейсер и 3 эсминца вернулись в Порт-Артур. Корабли, направившиеся из-за повреждений и недостатка топлива в нейтральные порты, были в них разоружены.

Первый штурм Порт-Артура был возложен на армию генерала Ноги, насчитывавшую до 50 тыс. солдат и около 400 орудий. К началу войны в крепости была частично готова береговая оборона, а сухопутной фактически не существовало. Генерал-лейтенант А. М. Стессель, комендант крепости и с марта 1904 г. начальник Квантунского укрепрайона, мало соответствовал своей должности как человек поверхностный и склонный к паникерству. Всю работу по укреплению Порт-Артура проводил начальник сухопутной обороны генерал Р. И. Кондратенко. Ему активно содействовали начальник артиллерии крепости генерал В. Ф. Белый, инженеры С. А. Рашевский, А. В. Шварц и др. Благодаря их энергичным усилиям по ускоренному строительству фортов, возведению батарей и редутов был создан сильный оборонительный пояс. К началу осады русский гарнизон насчитывал свыше 42 тыс. человек. 6 августа японцы атаковали почти по всему периметру обороны и заняли отдельные участки. Осадные японские батареи 2 дня неустанно обстреливали русские укрепления. В ночь на 8 августа натиск был отбит. Тогда Ноги резко увеличил войска прорыва, после чего японцы проникли в крепость в районе Китайской стенки. Мощный огонь русской артиллерии и атаки пехоты с флангов позволили выбить врага. Потеряв до 20 тыс. человек, Ноги перешел к методической осаде. Эта победа была достигнута благодаря умелым действиям Кондратенко и героизму защитников крепости. Отбитый штурм улучшил положение русской армии в Маньчжурии, заставляя противника распылять сухопутные силы. 6 сентября японцы вновь попытались взять крепость с боя, но, понеся большие потери, прекратили *второй штурм*. Не удался Ноги и *третий штурм* Порт-Артура 14 октября, хотя японский обстрел из 11-дюймовых гаубиц привел к большим разрушениям в системе фортов и батарей.

К середине ноября силы японцев, получивших свежую кадровую дивизию, втрое превысили ряды защитников крепости, сокращавшиеся из-за военных потерь и болезней. 13 ноября 1904 г. начался *четвертый штурм*, нацеленный на захват гор Высокой и Плоской. 22 ноября, пользуясь огромными потерями русских, японцы заняли Высокую, что привело к окончательной гибели русской эскадры Порт-Артура, расстрелянной японцами на внутреннем рейде. В начале декабря гарнизон Порт-Артура в 4—5 раз уступал противнику, вплотную подошедшему к линии фортов. Вплоть до своей гибели 2 декабря Кондратенко стремился продлить сопротивление, оттягивая силы японской армии. Назначенный на его место генерал А. В. Фок при поддержке Стесселя создавал условия, при которых защита Порт-Артура становилась невозможной. Он сокращал гарнизоны отдельных укреплений, не давал им поддержки при атаках, после японских обстрелов приказывал их оставлять, даже если защитники отбили врага. Большинство созванного 16 декабря Стесселем военного со-

вета не поддержало решения о сдаче крепости. 19 декабря начался бой на линии обороны Порт-Артура. Всего несколько десятков человек на высоте Большое Орлиное Гнездо отбили 5 атак японцев. Перед шестой произошел взрыв склада гранат, в результате которого погибли все офицеры, и защитники покинули высоту. Еще до окончания боя Стессель и Фок, не уведомив других генералов гарнизона, отправили к японскому командованию парламентеров с согласием на капитуляцию. 20 декабря после 157 дней осады был подписан акт о капитуляции, согласно которому в плену оказались 23 тыс. офицеров и нижних чинов. Японцы не допустили выхода русского гарнизона с оружием в руках. Знамена и документы порт-артурских полков были вывезены пятью эсминцами, прорвавшимися в Чифу. За сдачу Порт-Артура Стессель был предан военному суду и приговорен к смертной казни, которую вскоре заменили на заключение, а потом Николай II его и вовсе помиловал. Героический 50-тысячный гарнизон крепости почти год притягивал целую армию неприятеля. На момент капитуляции армия Ноги насчитывала около 100 тыс., потеряв за время осады и штурмов более 110 тыс. солдат и офицеров. Оборона Порт-Артура стала новой страницей в истории русского военного искусства и мужества русского воинства.

Сухопутные бои русской армии начали разворачиваться с середины апреля 1904 г. Силы сторон были приблизительно равны, но японцам предстояло форсировать реку Ялу, отделявшую Корейский полуостров от Маньчжурии, и произвести высадку десанта с моря. В этой ситуации русские могли действовать более активно, чему мешали просчеты командования. Генерал А. Н. Куропаткин, возглавлявший Маньчжурскую армию, был опытным военачальником, но ему не хватало решительности и воли. Численно незначительные русские силы располагались небольшими группами вдоль железной дороги Порт-Артур—Ляоян. При форсировании неприятелем Ялу русский отряд всего в 15 тыс. штыков, потеряв 3 тыс. убитыми и ранеными, отступил на север. Победа обеспечила японцам высадку войск на Квантунском полуострове. Перерезав железную дорогу на Порт-Артур, генерал Оку в середине мая подготовил десант армии Ноги на Ляодунь.

Положение на маньчжурском театре летом 1904 г. характеризовалось упорным продвижением японских войск, поскольку Куропаткин уклонялся от решительных боев до подхода крупных подкреплений. Постоянные отступления не способствовали выработке военной стойкости у солдат и офицеров, что было необходимо, так как Русско-японская война стала первой крупной кампанией, в которой действовали резервисты, не прошедшие военного обучения и не имевшие боевого опыта. К началу августа армия Куропаткина, получившая подкрепления, насчитывала до 130 тыс. штыков при 670 орудиях и вклю-

чала два отряда (Южный и Восточный), державших оборону на подступах к г. Ляояну, расположенному на северо-западе от Порт-Артура. Однако почти половина армии находилась в резерве и на флангах. 13 августа 1904 г. японская армия под командованием генерала Ойяма пошла в наступление практически без резервов. Русские войска достаточно успешно отбивали атаки неприятеля, что подняло боевой дух армии. Несмотря на это, командование 21 августа отдает приказ об отступлении, опередив на 2 часа Ойяма, готового оставить позиции, так как японские части выдохлись в кровопролитных боях. *Ляоянское сражение* показало недостаточную координацию действий русских войск, хаотичность редких контратак, отсутствие точных карт местности, из-за чего отряды терялись и попадали под огонь своих батарей. Несмотря на отступление, обстановка благоприятствовала русской армии, так как порт-артурский гарнизон сковал крупные силы противника. Японцы, численно уступая русским, не могли рассчитывать на быстрое пополнение. В этих условиях Куропаткин решился на контрнаступление *в районе р. Шахэ*, сосредоточив на направлении главного удара лишь треть армии, а вспомогательного — четверть. Русское наступление, начатое 22 сентября и заставшее неприятеля врасплох, развивалось так медленно и нерешительно, что японское командование сумело организовать оборону, а главное — перейти в контрнаступление. Остановить японцев смогли после 2-недельных боев, потеряв свыше 40 тыс. человек. Обе стороны перешли к позиционной войне.

Куропаткин, назначенный еще в октябре 1904 г. главнокомандующим вместо Алексеева, имел в своем распоряжении три армии, численно превосходящие японцев. Наступление 12—15 января 1905 г. на деревню *Сандепу* стоило русской армии потери 12 тыс. человек и не принесло никаких результатов. Обострявшееся внутриполитическое положение заставляло правящие круги России более настойчиво требовать военных успехов. Сразу после неудачи при Сандепу стали готовить новое наступление. Японская сторона получила подкрепление после падения Порт-Артура.

Мукденское сражение по своим масштабам было невиданным для того времени. На 160-километровом фронте столкнулись две крупные военные силы. Японские армии насчитывали 260—270 тыс. штыков, около 900 полевых, 170 тяжелых орудий и до 200 пулеметов. Русские не уступали ни в численности войск (свыше 270 тыс. штыков), ни в артиллерии (более 1200 полевых и 250 тяжелых орудий), но недопустимо отставали в обеспеченности новейшим вооружением — только 56 (!) пулеметов. Сражение, начавшееся 5 февраля наступлением японской армии, длилось без перерыва три недели. Под Мукденом вновь проявились неспособность командования предугадывать действия противника, нерешительность при обнаружении его

обходных маневров, неумение пойти на риск для деморализации противника. После прорыва фронта японцами и возникновения реальной угрозы окружения 25 февраля начался отход русских армий. Действия арьергардных частей, геройски сдерживавших натиск противника, позволили войскам уйти из мукденского мешка, но не помогли избежать больших потерь. Они составили около 69 тыс. убитыми, а 21 тыс. попала в плен. Потери японцев тоже были значительны — свыше 70 тыс. человек. В ходе отступления армия утратила боеспособность: проявилось падение дисциплины и нарастание недовольства солдат и офицеров бездарностью командования, которое стало выливаться в антивоенные выступления. Вести о революции в России накаляли обстановку. Смещение Куропаткина как главного виновника поражения в Маньчжурии ничего не могло изменить. Однако и после Мукдена царизм с упорством обреченного продолжал войну, сделав ставку на 2-ю Тихоокеанскую эскадру.

Цусима. Решение о посылке дополнительной эскадры с Балтики на Дальний Восток приняли еще в апреле 1904 г., но из-за достройки ряда кораблей она вышла из Либавы только 2 октября под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского. В районе Мадагаскара было получено известие о сдаче Порт-Артура и гибели 1-й Тихоокеанской эскадры. На обращения Рожественского о необходимости прекратить поход Николай II приказал прорываться во Владивосток для завоевания господства на море и взаимодействия с сухопутной армией. В начале апреля эскадра прибыла в Индокитай, где дожидалась созданной из устаревших кораблей 3-й Тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала Н. И. Небогатова.

14 мая 1905 г. русские корабли, украшенные флагами по случаю годовщины коронации Николая II, вошли в Цусимский пролив. Соединенная эскадра, выстроенная в длинную кильватерную колонну с тихоходными кораблями, двигалась со скоростью 9 узлов. На пересечение ее курса вышли два японских броненосных отряда, корабли которых отличались высокой скоростью хода (16—18 узлов). Флагман «Князь Суворов» открыл огонь по противнику. Того, совершив поворот и взяв обратный курс, сдвоил свои корабли. Бой стал разворачиваться на параллельных курсах. Японские корабли вели прицельный огонь, начав с броненосцев «Суворов» и «Ослябя». Раненый Рожественский был снят с горящего флагмана миноносцем, а командование принял Небогатов. Его попытка уйти от противника удалась ненадолго. Возобновившийся бой свелся к методическому расстрелу русской эскадры. Утром 15 мая пять окруженных кораблей сдались. Одному крейсеру и 2 миноносцам удалось прорваться во Владивосток; 3 легких крейсера ушли в Манилу, где были разоружены. Трагическая гибель эскадры, явившаяся результатом авантюрных решений власти и бездарного руководства непосредственного командования,

завершила Русско-японскую войну. Поражение в Цусимском проливе стало окончательным военным крахом самодержавия. На Особом совещании в Царском Селе 24 мая 1905 г. принимается решение о немедленном прекращении войны. Япония тоже нуждалась в мире, так как ее финансы были истощены, а тяготы войны грозили волнениями масс. Ее правительство прибегло к посредничеству США, которые, как и Англия, не желали усиления молодого соперника.

Портсмутский мир. Переговоры начались 27 июля 1905 г. в Портсмуте (США) и продолжались почти месяц. Японскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Комура, а русскую — С. Ю. Витте. Николай II согласился на его назначение после безуспешных попыток поручить это другому лицу. Для Витте ведение переговоров было делом чести. Как государственный деятель он хотел добиться наилучших условий мира для своего отечества, несмотря на тяжкие поражения русской армии и флота. Удачное завершение переговоров открывало для него возможность вернуться в большую политику. Это предопределило поведение Витте на переговорах, державшего себя так, как будто с Россией «приключилось в Маньчжурии небольшое несчастье, и только».

Требования японских милитаристов простирались не только на Китай, но включали русские территории (Сахалин, Камчатку, Приморье) и выплату контрибуции в 3 млрд руб. Витте начал переговоры с второстепенных вопросов, втягивая японцев в обсуждение, изматывая их на мелких и незначащих деталях. Когда дошли до главных, он стал непреклонен, вынудив японцев признать нереальность первоначальных условий. Их новые требования включали передачу аренды Квантуна, железной дороги Порт-Артур—Харбин, Сахалина, признание Кореи сферой японских интересов, установление в Маньчжурии принципа «открытых дверей», предоставление японцам рыболовных участков в русских водах, а также уплаты контрибуции. Поскольку перечислялись в основном территории, реально уже занятые Японией, то с этим трудно было спорить. Однако Витте категорически отверг пункт о передаче Сахалина и требование контрибуции как затрагивающий достоинство великой державы. В результате взаимных уступок сторон 23 августа 1905 г. был подписан мир, по которому Россия лишалась южной части Сахалина до 50-й параллели вместе с имевшимся там имуществом. Такое же правило распространялось на Порт-Артур, Дальний, участки железной дороги, переходившие к японцам. Пункт о контрибуции был снят, но Россия оплачивала содержание русских пленных в Японии. За свои заслуги Витте получил графский титул и вновь оказался в горниле большой политики. Долгое время поражение в Русско-японской войне оставалось неутихающей болью в сознании русского народа и общества. В 1905 г. это стимулировало рост революционных настроений в стране.

Глава 3

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

§ 1. НАРОД И ВЛАСТЬ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РЕВОЛЮЦИИ. НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАТИСКА В СЕНТЯБРЕ—ДЕКАБРЕ 1905 г.

Весь 1904 г. отмечен усилением массового движения рабочего люда и крестьянства по всей стране. Прокатившаяся осенью волна стачек улеглась ненадолго. В декабре в бакинской всеобщей забастовке участвовало до 25 тыс. человек. Рабочие держались стойко и впервые в российской истории добились заключения коллективного договора с предпринимателями, по которому устанавливался 9-часовой рабочий день, а заработная плата увеличивалась на 20%. 3 января 1905 г. началась стачка на Путиловском заводе, к 8 января она стала всеобщей. В стремлении погасить разгоравшийся пожар Г. Гапон активизировал подготовку петиции рабочих к царю. Выработанный в ходе обсуждений документ сочетал искреннюю веру в милость и заботу монарха о народе с выражением недовольства своим положением и требованием демократических реформ. «Государь! Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены, и дети, и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать», — говорилось в петиции. Помимо созыва Учредительного собрания путем «всеобщей, тайной и равной подачи голосов», в ней предлагалось введение демократических свобод — слова, собраний, совести, неприкосновенности личности. Конец петиции звучал с некоторой угрозой: «Не отзовешься на нашу мольбу — умрем здесь на этой площади, перед твоим дворцом... У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу».

Социал-демократам не удалось убедить питерцев отказаться от гапоновского замысла и оставалось только быть вместе с рабочими. Комитет РСДРП выпустил листовку «К солдатам», призывая не стрелять в рабочих. От имени обеспокоенных деятелей культуры М. Горький испрашивал приема у министра внутренних дел, но получил отказ. Открыто власти не препятствовали обсуждению петиции, подготовке шествия, намеченного на воскресенье 9 января, но на собраниях у петербургского градоначальника 7 и 8 января была опреде-

лена детальная диспозиция войск. О принимаемых мерах П. Д. Святополк-Мирский доложил царю, уехавшему потом в Царское Село. Ранним, по-зимнему темным утром возглавляемые Гапоном 140-тысячные колонны с иконами, хоругвями, портретами царя, с пением молитв и гимна двинулись с рабочих окраин в центр города. На площади перед Зимним дворцом манифестантов встретили цепи солдат, которые после первых холостых залпов начали стрелять по безоружным. Рабочие колонны, направлявшиеся в центр, расстреливали и в других районах города. Охваченные паникой люди избивались казаками, не щадившими ни старого, ни малого. Число убитых и раненых достигало 5 тыс. Очевидная бессмысленность и жестокость расправы с беззащитными, мирно настроенными людьми, среди которых было много детей, стариков, женщин, вызвали взрыв возмущения в различных кругах русского общества и за границей. Утверждения, что Николай II отсутствовал в столице и не отдавал приказ стрелять, не могли вернуть прежних иллюзий. Рабочие, которые утром шли просить царя о помощи, вечером 9 января строили баррикады. Началось разоружение городовых, нападение на полицейские участки, захват оружейных магазинов. Первые баррикады появились на Васильевском острове еще днем. Протест так стремительно развивался, что стало ясно — в России началась революция.

Массовые движения зимой—летом 1905 г. и тактика власти. На кровавое злодеяние властей ответом были стачки протеста, в которых участвовало до 440 тыс. человек. За один месяц бастовало больше, чем за все предшествующее десятилетие. Стачки сопровождали массовые демонстрации под лозунгом «Долой самодержавие!». В авангарде движения были металлисты. На их долю в первом квартале 1905 г. приходилось 3/4 всего числа политических стачечников. Брожение перекинулось и в деревню. В феврале отмечены волнения в Курской, Орловской и Черниговской губерниях, а к апрелю 1905 г. они охватили более 20% уездов Европейской России. В первомайских стачках приняло участие свыше 200 тыс. рабочих. В движение включился самый многочисленный отряд российского пролетариата — текстильщики. Большую роль в событиях мая—июня 1905 г. сыграла всеобщая стачка в крупном индустриальном центре — Иваново-Вознесенске. Она длилась с 12 мая по 23 июля; в ней участвовало до 70 тыс. человек. По инициативе рабочих в городе создали особый орган, названный *Советом уполномоченных*. Он взял на себя поддержание порядка, сбор денег в пользу бастующих и снабжение забастовщиков и их семей.

Стремительно росло число крестьянских выступлений: в январе — 17, феврале — уже 109, апреле — 144. В мае эта цифра более чем удвоилась, а в июне приближалась к 500. Всего до сентября 1905 г. только в Европейской России произошло свыше 1600 высту-

плений крестьян, т. е. в среднем по 200 в месяц против 240 за весь 1904 г. Основными очагами борьбы стали Черноземный центр, Поволжье, прибалтийские губернии и Кавказ. Крестьяне захватывали и запахивали помещичьи земли. В Курской, Черниговской, Орловской губерниях участились разгромы и поджоги дворянских усадеб. На усмирение восстаний бросили войска. Крестьян пороли, заставляли часами стоять на коленях в снегу, отбирали захваченное добро, сжигали дома зачинщиков. В районах, больше затронутых аграрной капитализацией (Правобережная Украина, Новороссия), крестьянские выступления соединялись со стачками сельскохозяйственных рабочих. В Лифляндии и Курляндии крестьяне и батраки выступали против засилья немецких баронов и богатых хуторян. В Эстляндии в стачках объединялись мызные рабочие, батраки и арендаторы. В Гурии крестьяне весной поделили захваченные земли. Организованные в Озургетском районе комитеты выставили политические требования — созыв Учредительного собрания, введение демократических свобод. После появления указа от 18 февраля 1905 г., дозволившего всем подданным обращаться к верховной власти по вопросам своего бедственного положения, повсеместно стали проходить сельские сходы, на которых принимались «приговоры» с изложением крестьянских требований. Попытки правительства запретить обсуждение общегосударственных вопросов не удались.

Брожение затронуло и армию. Знаменательным событием стало восстание 14 июня 1905 г. на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Поводом послужил протест матроса Вакуленко против некачественной пищи. Его избиение и попытка ареста привели к возмущению команды — Вакуленко освободили из-под стражи, а наиболее ненавистных офицеров перебили. «Потемкин» направился в Одессу, охваченную всеобщей забастовкой. Однако матросам и рабочим не удалось объединиться. Отправленная на подавление восставшего корабля эскадра Черноморского флота 17 июня появилась вблизи Одессы, но матросы отказались стрелять в мятежников, а броненосец «Георгий Победоносец» присоединился к ним. Командование поспешило увести эскадру. К этому времени власти в Одессе, овладев положением, захватили «Георгия Победоносца». Сосредоточение на берегу войск и артиллерии не позволяло «Потемкину» подходить к порту, хотя у него заканчивались запасы угля, воды, продовольствия. Вечером 18 июня восставший корабль направился к западным берегам и в конце июня бросил якорь в румынском порту Констанца. «Потемкин» был сдан местным властям, а матросы сошли на берег в качестве политэмигрантов.

В начале революции самодержавие надеялось на быстрое подавление народного бунта. С уступками в ответ на требования революционных сил власть не спешила. Несмотря на очевидную необходимость

скорейшего решения вопроса о созыве народных представителей, только в середине февраля Николай II поручил новому министру внутренних дел А. Г. Булыгину составить соответствующий проект. Его предваряли обнародованные 18 февраля Манифест, призывавший власти и население содействовать правительству в искоренении крамолы, и указ, разрешавший представление на имя царя от частных лиц и учреждений предложений об усовершенствовании государственного устройства и улучшении народного благосостояния. Подписанный в тот же день Николаем II рескрипт на имя Булыгина объявлял о намерении «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений».

Нарастание открытого сопротивления народа способствовало возникновению и активизации деятельности политических организаций. Накал этой борьбы заставлял либералов делать шаги навстречу требованиям масс. В программе «Союза освобождения», принятой на III съезде (март 1905 г.), предусматривалось создание народного представительства (без указания: в условиях монархии или республики), введение буржуазно-демократических свобод и осуществление социальных реформ. Общеземский съезд (апрель 1905 г.) высказался за монархию с двухпалатным народным представительством. Гораздо радикальнее выступали организации, возникшие в условиях революции. В марте—апреле 1905 г. появились имевшие политическую окраску профессиональные союзы демократической интеллигенции: академический союз профессоров, союзы писателей и журналистов, инженеров, учителей, адвокатов, врачей, агрономов, статистиков, конторщиков, железнодорожных служащих и пр. На учредительном съезде «Союза союзов» (май, Москва), хотя и подчеркивалась нейтральность, беспартийность союзов, большинством голосов было признано, что их целью является мобилизация общественности для борьбы с существующим режимом. В начале июля III съезд «Союза союзов» признал проект Булыгина о законосовещательном представительстве «дерзким вызовом со стороны правительства всем народам России» и счел недопустимым какое-либо участие в нем. Созданный летом 1905 г. Всероссийский крестьянский союз (ВКС) высказался за немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщих, равных, тайных и прямых выборов; введение политических свобод и амнистию политическим заключенным; уничтожение частной собственности на землю и отобрание без всякого выкупа монастырских, церковных, удельных, кабинетских и государственных земель. Съезд РСДРП (Лондон, апрель 1905 г.) призвал к вооруженному восстанию с целью свержения самодержавия и установления демократической республики.

Активная борьба народа весной—летом 1905 г. и нарастание оп-

позиционных выступлений заставили самодержавие 6 августа опубликовать законоположение о Государственной думе, которая по своим правам и составу не могла рассматриваться как реальное народное представительство. Думу, прозванную «булыгинской» по имени автора ее проекта, поддержало консервативное дворянство. Сентябрьский съезд земских и городских деятелей признал желательным участие в думских выборах. За бойкот высказались социал-демократы, эсеры и левый фланг либерализма в лице «Союза союзов», что делало булыгинскую думу мертворожденным созданием.

* * *

Осенью 1905 г. основным очагом революционной борьбы в стране стал крупнейший по численности пролетарский центр — Москва. Начало сентябрьским стачкам положили печатники типографии И. Д. Сытина. 23 сентября забастовка охватила все московские типографии. Очень быстро в движение вовлекались рабочие других профессий, занятые в крупных и мелких заведениях, — текстильщики, металлисты, трамвайщики, деревообделочники, булочники, кондитеры, строители и пр. Стачки, начинавшиеся как экономические, стремительно перерастали в политические. После прекращения полугодовой забастовки открывшиеся учебные аудитории, особенно Московского университета, стали использоваться для проведения многотысячных митингов. Принятое правительством при согласии либеральной профессуры решение снова закрыть университет привело к росту активности демократически настроенных студентов и расширению уличной борьбы. Действия властей по разгону демонстраций, митингов рабочих и студентов приводили к настоящим сражениям.

Всероссийская Октябрьская политическая стачка и Манифест 17 октября. Выступления рабочих и студентов Москвы поддержали Петербург и другие города. От Москвы как крупнейшего промышленно-торгового центра железнодорожные линии тянулись во все уголки страны, поэтому вступление в борьбу рабочих-железнодорожников резко изменило характер стачки. Предложение МК РСДРП объявить всеобщую стачку на железных дорогах, в депо, железнодорожных мастерских было поддержано Центральным бюро железнодорожного союза, в состав которого входили эсеры и либералы. 7 октября в Москве забастовали Казанская и Ярославская железные дороги. В последующие три дня прекратилось движение на остальных 6 линиях Московского железнодорожного узла. К 10 октября забастовка охватила почти все дороги страны, что парализовало жизнь империи не только в экономическом, но и в управленческом отношении. С 11 октября стачка в Москве перерастает во всеобщую.

Забастовка в Петербурге тоже сопровождалась уличными демонстрациями, столкновениями с полицией и войсками. 11 октября на 10-тысячном митинге рабочих, служащих, студентов возле Петербургского университета прозвучал призыв к всеобщей стачке. К 15 октября в городе остановились практически все крупные предприятия и железные дороги. Примеру столиц последовали другие регионы. Политическая стачка быстро охватила промышленные губернии вокруг Москвы и стала распространяться на Поволжье, Урал, Юг России, Украину, Закавказье, Белоруссию, Литву, Прибалтику, Польшу, перекинулась в Сибирь и Туркестан. Во многих городах выступления рабочих сопровождались сооружением баррикад, стычками с войсками и полицией (Харьков, Екатеринослав, Одесса, Полтава, Ревель, Саратов, Самара и др.). К стачке присоединились учащиеся, мелкие служащие, учителя, инженеры, адвокаты, врачи. По всей стране не работало свыше 2,5 тыс. предприятий, бастовали железные дороги, почта и телеграф; прекратили работу городской транспорт, коммунальные службы, учебные заведения, магазины, вынужденно закрывались административные учреждения, конторы Государственного банка и частных коммерческих обществ. В Октябрьской стачке участвовало около 1 млн промышленных рабочих, свыше 700 тыс. железнодорожников, а общее число бастующих с учетом учащихся и служащих превышало 2 млн человек. Стачка сопровождалась массовыми митингами, шествиями, политическими демонстрациями. В различных регионах России создаются новые органы борьбы — *Советы рабочих депутатов*, избиравшихся на фабриках и заводах. Помимо Петербурга и Москвы, в октябре—декабре 1905 г. Советы рабочих депутатов действовали более чем в 50 городах и рабочих поселках.

В октябрьские дни 1905 г. страна стояла на пороге вооруженного восстания. Получивший диктаторские полномочия петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов разослал всем генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам телеграмму, предписывавшую не останавливаться перед применением вооруженной силы. Его приказ от 14 октября гласил: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Однако приступить к реализации этого замысла у царских властей не было сил. Но и у бастующих их было недостаточно для решающего удара. В условиях зыбкого равновесия верховная власть искала и другие выходы из ситуации. С 14 по 17 октября в Петергофе шли непрерывные совещания по разработке новых актов. Поручив написать один из вариантов манифеста С. Ю. Витте, император прибегал к разным уловкам и вынуждал его максимально уменьшить предоставляемые права и свободы, урезать полномочия будущей Государственной думы. Узнав, что Николай II в принципе готов принять его текст, Витте решительно заявил об уходе в отставку, вынуждая тем самым царя дать согласие. Отступать больше было некуда и

некогда. Даже переписывать набело проект нового акта не стали. Вечером 17 октября Николай II его подписал. Манифест даровал «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы слова, собраний и союзов», заявлял о предоставлении Думе законодательных прав, привлечении к участию в ней «по мере возможности» тех «классов населения», «которые ныне совсем лишены избирательных прав».

Обнародование Манифеста вызвало ликование масс, добившихся первой победы в ходе упорной борьбы. Во многих городах России проходили грандиозные митинги и шествия, вынудившие власть пойти на новые уступки. 21 октября была объявлена, хотя и в урезанном виде, политическая амнистия. В отставку со своих постов был отправлен Трепов. Николай II ускоряет решение вопроса о создании правительственного кабинета с целью «объединить деятельность министров» и «восстановить порядок повсеместно». Председателем Совета министров, превращенного в постоянно действующее высшее правительственное учреждение, был назначен С. Ю. Витте. Этот выбор объяснялся умением Витте находить общий язык с деловыми кругами и либеральной оппозицией, расположением к нему иностранных банкиров, у которых требовалось получить заем на подавление революции.

Будучи не в силах открыто расправиться с волнениями, царизм попытался направить против них монархически настроенные слои населения. Выходцы из мещан, мелких торговцев, городских низов привлекались в отряды «черной сотни», руководители которых возбуждали их ненависть против представителей революционных партий, особенно евреев, якобы заставивших царя внести изменения в прежние устои. Волна погромов, избиений и убийств прокатилась по стране. Такие действия властей нередко вызывали новый протест. Похороны большевика Н. Э. Баумана, убитого в Москве, превратились в грандиозное шествие по центральным улицам города рабочих, студентов и представителей творческой интеллигенции.

Октябрьская стачка оказала стимулирующее влияние на рост освободительного движения на национальных окраинах. В ходе всеобщей стачки в Финляндии рабочие создали свою Красную гвардию. Волнения вынудили генерал-губернатора бежать на военном корабле, а царя подписать 22 октября Манифест о восстановлении автономии Финляндии. Продолжили всероссийскую стачку польские рабочие, еще в начале июня поднимавшиеся в Лодзи на вооруженное восстание. Осенью 1905 г. массовые митинги и демонстрации в промышленных центрах Польши часто заканчивались кровавыми столкновениями с полицией. 28 октября правительство объявило военное положение на всей территории Царства Польского. Однако в 1905—1907 гг. этно-конфессиональные противоречия в большинстве нацио-

нальных регионов России заслонялись социальными, и сепаратистские настроения проявлялись в слабо выраженной тенденции.

События всероссийской стачки повлекли резкий подъем крестьянского движения, пик которого приходится на ноябрь—декабрь 1905 г., когда в Европейской России произошло почти 1400 выступлений. Начавшись в Саратовской и Черниговской губерниях, крестьянские восстания вскоре охватили другие губернии ЦЧО (Тамбовская, Воронежская, Курская, Харьковская, Полтавская) и Поволжья (Симбирская, Пензенская), распространились на Прибалтику, Литву, Белоруссию, Грузию и Польшу. Движение не обошло сравнительно многоземельные регионы (Приуралье, Сибирь, Степной край). Осенью крестьянские выступления отмечены в половине уездов (240) Европейской России, исключая Кавказ и Прибалтику. Существенным импульсом для роста движения послужил Манифест 17 октября, в котором даже не упоминался земельный вопрос. В эти месяцы особенно распространились разгромы и поджоги помещичьих имений, вооруженные столкновения с войсками. В Балашовском уезде Саратовской губернии уничтожили все помещичьи усадьбы. В Курляндии и Лифляндии сожгли и разгромили почти 500 имений немецких баронов (43%), а их общие убытки составили 9 млн руб. Проявлением крестьянской решимости и инициативы стали смещение руководства сельских и волостных сходов, организация комитетов по распределению захваченной земли и народных судов, создание в ходе восстаний революционных комитетов и боевых дружин. Направляемые на село воинские отряды вешали и расстреливали крестьян, осуществляли массовые порки. Одновременно власть пошла на важнейший шаг — отмену выкупных платежей с 1 января 1907 г. Однако достичь краткого спада крестьянской борьбы удалось лишь в феврале—апреле 1906 г.

Свидетельством развития политического сознания крестьянства стал быстрый рост Всероссийского крестьянского союза. К концу 1905 г. он объединил не менее 200 тыс. членов и имел на местах, по неполным данным, 470 волостных и сельских организаций. В ряде регионов местные комитеты ВКС, в которые входили эсеры и социал-демократы, возглавляли вооруженные восстания и при их победе брали власть в свои руки. Настроения крестьянства отразил съезд ВКС (ноябрь, Москва). Помимо требования созыва Учредительного собрания, он высказался за ликвидацию частной собственности на землю и всю ее передачу, в первую очередь помещичьей, в собственность всего народа.

В октябре—декабре 1905 г. вновь усилились революционные выступления в армии и на флоте (всего их было около 200), которые очень быстро подавлялись. Наиболее дерзким явилось восстание в Севастополе, где был создан Совет матросских, солдатских и рабочих

депутатов, выдвинувший требование немедленного созыва Учредительного собрания. Военное руководство восстанием осуществлял капитан 2-го ранга П. П. Шмидт, завоевавший симпатии матросов и рабочих как создатель «Союза офицеров — друзей народа» (1905) и одной из первых профсоюзных организаций на морском транспорте. Прибыв 14 ноября на крейсер «Очаков», Шмидт поднял на нем красный флаг и вымпел командующего. Восстание охватило большинство военных судов и частей севастопольского гарнизона. Властям удалось стянуть к городу верные войска и расстрелять «Очаков». Шмидт, не покинувший крейсер, вместе с активными участниками предстал перед военным судом. В феврале 1906 г. его и ряд руководителей восстания расстреляли.

С конца октября 1905 г. губернии, охваченные крестьянскими волнениями, стали объявляться на чрезвычайном или военном положении. К декабрю их число превысило 40. В важнейшие центры борьбы крестьянства направлялись карательные экспедиции под командованием царских генерал-адъютантов. В начале ноября в ответ на требование петербургских рабочих о введении 8-часового рабочего дня закрываются сначала казенные, а затем частные заводы, что вызвало увольнение около 100 тыс. рабочих. Вскоре появляются указы о применении чрезвычайных мер против забастовок на железных дорогах, почте, телеграфе и лиц, ведущих пропаганду в армии, об уголовном преследовании забастовщиков; производится закрытие 8 столичных газет и арест Петербургского Совета рабочих депутатов.

Московское восстание. Известия о репрессиях были получены в Москве в разгар волнений солдат гарнизона города, начатых 2 декабря Ростовским гренадерским полком. По предложению Московского Совета 5 декабря на заводах и фабриках прошли митинги и собрания, на которых рабочие решительно заявили, что не желают расставаться с завоеваниями революции и не сдадутся без боя. Начавшаяся вечером в училище Фидлера у Чистых прудов городская конференция РСДРП высказалась за проведение всеобщей политической стачки и подготовку восстания. Ее решение поддержали делегаты железных дорог. Большевики, меньшевики и эсеры договорились о единстве действий в предстоящих выступлениях. 6 декабря Московский Совет единогласно постановил начать в 12 часов 7 декабря всеобщую политическую забастовку, возложив руководство борьбой на Исполнительный комитет.

На следующий день остановилось большинство фабрик и заводов города. Началась забастовка железнодорожников, хотя продолжала работать под усиленной охраной войск Николаевская дорога, связывавшая обе столицы. Возможности боевых дружин оценивались военными специалистами невысоко. К началу стачки волнения в московском гарнизоне были подавлены, а неустойчивые части московский

генерал-губернатор Ф. В. Дубасов разоружил и изолировал в казармах. 7 декабря он ввел в городе военное положение и, воспользовавшись пассивностью забастовщиков, стал наносить удары. 9 декабря пулеметным огнем была расстреляна, а затем разогнана драгунами демонстрация на Страстной площади. Вечером артиллерийскому обстрелу подверглось училище Фидлера. В ночь на 10 декабря по городу развернулось строительство баррикад, а днем столкновения с войсками происходили уже в разных районах. Рабочие сопротивлялись отчаянно и часто успешно. Войска, пытаясь расколоть восставших, вытесняли их за Садовое кольцо, в сторону рабочих окраин. Дубасов настойчиво требовал подкрепления из столицы, но там войска удерживали на заставах 100 тыс. бастущих, охраняя вокзалы и другие стратегические пункты города.

12—15 декабря борьба в Москве достигла наивысшего напряжения. Восставшие потеснили войска в районе Арбата. Боевые дружины пытались перекрыть движение по Николаевской дороге. 13 декабря газета «Право» сообщала: «Канонада не смолкает. Грохочут пушки, трещат пулеметы, в воздухе свистит шрапнель... В бою уже пали сотни, а может быть и тысячи жертв... Быстро редеющие ряды революционеров, расстреливаемых буквально, как птицы, ежеминутно пополняются новыми и новыми силами... Замечательное мужество обнаруживают, между прочим, женщины». 13-го вечером Николай II решил послать подкрепление. Утром 16 декабря в Москву прибыли гвардейский Семеновский и Ладожский полки, что позволяло властям начать решительное наступление. Последним очагом борьбы оставалась Пресня. В ночь с 18 на 19 декабря Московский Совет принял решение о прекращении восстания.

Известие о московских событиях побудило к вооруженным выступлениям рабочих других городов. 10—13 декабря начались восстания в Харькове, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Новороссийске, рабочем районе Нижнего Новгорода Сормове и на Мотовилихинском заводе близ Перми. Волна восстаний прокатилась по станциям и городам, расположенным вдоль Сибирской магистрали. В ряде мест создавались «рабочие республики». В Новороссийске и Красноярске они просуществовали 2 недели, а в Чите — почти 2 месяца.

§ 2. КОНЕЧНЫЙ ЭТАП РЕВОЛЮЦИИ

Результатом народной борьбы в осенние месяцы 1905 г., помимо издания Манифеста 17 октября, стало принятие других актов, вносивших изменения в политическую жизнь страны. После публикации 24 ноября «Временных правил о повременных изданиях», упразднявших предварительную цензуру периодики, создались более благопри-

ятные условия для развития российской прессы. В 1906—1907 гг. печать в России стремительно увеличивается по числу, типам, тиражности изданий. Она отличается разнообразием идейно-политических направлений и ориентированностью на различные слои российского общества. Конечно, цензура не отменялась окончательно: продолжалось взимание штрафов, вынесение предупреждений, приостановка и закрытие изданий. Только в 1906 г. таких взысканий в отношении издателей и отдельных журналистов было до 250, а закрылось 370 периодических изданий. Рост периодики был связан также с возникновением политических партий и общественных организаций, которые не могли полноценно функционировать, не имея своих печатных органов.

Создание политических партий существенно ускорилось в годы революции. Одной из особенностей складывающейся системы являлось множество национальных, региональных партий. Из общего приблизительного числа всех партий (около 300), существовавших по 1917 г., более двух третей составляли национальные и региональные. Основной блок наиболее значительных политических объединений, представлявших реальные общественные силы и выражавших интересы определенных классов и социальных групп, был не так велик и составлял не более 30. Их политический спектр включал охранительно-консервативное, оппозиционно-либеральное и революционно-социалистическое направления. Внутри и между основными направлениями находились различные течения, что обусловило существование фракций внутри партий и небольших, мало значимых групп, примыкавших к ним. Исключительную роль в создании и становлении партий сыграла интеллигенция, составляя подавляющее большинство среди их членов. Ее революционные настроения привели к преобладанию во многих партиях радикальных политических течений.

После 17 октября сторонники неприкосновенности основ самодержавия начали создавать по всей стране организации, получившие у современников и в последующей историографии название «*черносотенных*». В разные годы их насчитывалось до 30. Часто возникновение правых партий было результатом раскола предшествующих объединений или их слияния. Среди них были Партия правого порядка (1905—1906), Монархическая народная партия (1906—1914), Национально-консервативная партия (1907), Русская монархическая партия (1905—1917), «Русский монархический союз» (1911—1915), Патриотическое общество молодежи «Двуглавый орел» и др. Многие организации в отдельных городах и губерниях, имея одно название (например, «Союз русских людей», 1905—1917), действовали разрозненно. Наиболее крупным среди правых партий был «*Союз русского народа*» (СРН), учрежденный в ноябре 1905 г. и объединивший к весне 1907 г. большинство правых организаций, которые и

впоследствии пополняли его ряды. «Союз» поддерживался правительственными лицами и государственными структурами. К концу 1907 г. отделения СРН действовали в 66 губерниях и областях Российской империи. В разное время в них насчитывалось от 60 до 100 тыс. членов. В «Союз» входили представители титулованной знати, высшего чиновничества, помещики, мещане, крестьяне, часть творческой интеллигенции, рабочие, купцы, мелкие лавочники. Членов СРН отличал не просто монархизм, а особая, на уровне ментальности, приверженность государю. Николаю II были близки взгляды черносотенцев, но публично он старался это не показывать. Среди лидеров «Союза» известностью пользовались бессарабский помещик, чиновник особых поручений при МВД В. М. Пуришкевич (вышел из СРН в конце 1907 г.), доктор медицины, публицист и издатель А. И. Дубровин, курский помещик Н. Е. Марков, известный в Думе как Марков—2-й. Председателем Главного совета СРН стал Дубровин.

СРН, возрождая известную триаду: православие, самодержавие, народность, провозглашал необходимость сохранения неограниченной царской власти, отвергал привнесение в государственный строй России начал конституционализма и парламентаризма, выступал за «единую и неделимую Россию», ратовал за господствующее положение РПЦ, отстаивал принцип неприкосновенности частной собственности. Черносотенцы выступали ярыми противниками евреев, проживающих в империи, требуя лишить их всех прав и добиться выдворения в специально созданное еврейское государство. Во многих городах Европейской России возникли *боевые дружины* «Союза», которые занимались организацией террористических актов против революционеров, включая и кадетов. Самой многочисленной дружиной была одесская «Белая гвардия» (около 300—350 человек). Анахронизм основных идей СРН и воинствующий национализм отпугивали представителей верховной власти и ее окружения.

Наиболее влиятельной среди либеральных партий и претендовавшей на общенациональное лидерство была *Конституционно-демократическая партия* (*кадеты*), впоследствии официально именовавшаяся Партией народной свободы. По своему составу, организационным принципам и методам деятельности она являлась премущественно «интеллигентской» партией. В нее входили ученые, преподаватели высших и средних учебных заведений, врачи, инженеры, адвокаты, писатели, деятели искусства, либерально настроенные помещики и предприниматели, незначительное число ремесленников, рабочих и крестьян. В кадетской партии широко была представлена элита русской интеллигенции начала XX в.: известные ученые (В. И. Вернадский, С. А. Муромцев, П. Н. Милюков, В. М. Гессен, С. А. Котляревский, А. А. Корнилов, А. А. Кизеветтер, М. О. Гершензон, Ю. В. Готье), популярные публицисты П. Б. Струве,

А. С. Изгоев, видные деятели земств Ф. И. Родичев, И. И. Петрункевич, А. И. Шингарев. После Учредительного съезда (октябрь 1905 г.) партия быстро развивалась. К концу 1907 г. действовало свыше 300 ее комитетов, а количество членов колебалось в пределах 50—60 тыс. Одним из ведущих кадетских лидеров был видный историк, блестящий оратор и публицист Павел Николаевич Милюков. За свои оппозиционные выступления он был уволен из Московского университета в 1894 г. До 1905 г. занятия наукой, в том числе в европейских университетах и США, чередовались у Милюкова с политическими акциями и следовавшими за ними арестами, ссылками и даже тюремными заключениями. Находясь за рубежом, он встречался с деятелями русской эмиграции различных эпох, от П. А. Кропоткина до В. И. Ленина. Вернувшись в Россию в апреле 1905 г., Милюков сделал выбор в пользу политики.

Кадетское руководство подчеркивало «идейный, внеклассовый» характер своей партии, отмежевываясь от землевладельцев и промышленников. Своей главной целью кадеты определяли введение в России демократической конституции. Ратуя за парламентский строй европейского образца, они умалчивали в своей программе о дальнейшем существовании монархии и определенно не говорили об установлении республики. Кадеты поддерживали специальные требования рабочих о социальном страховании, 8-часовом рабочем дне, отмечая, однако, возможность введения этой нормы не во всех производствах. Они не шли дальше отчуждения 60% крупных помещичьих владений за выкуп, выступали в принципе за частную собственность на землю, высказывались за автономию Польши и Финляндии и за культурную автономию других народов. Кадетская партия объективно выражала интересы российской буржуазии, особенно ее средних слоев, заинтересованных в модернизации российского общества, преодолении его социокультурной отсталости и либерализации политического режима в стране. Однако чрезмерное следование западноевропейским образцам, предпочтительность реформ революционным методам и явная ограниченность социальных требований в программных установках кадетов не привлекали городскую мелкую буржуазию, крестьянство, рабочих, демократическую интеллигенцию, т. е. те социальные слои, которые в годы революции отличались радикализмом.

В октябре 1905 г. возник «*Союз 17 октября*» (*октябристы*), организационно оформившийся на I съезде в феврале 1906 г. Само название партии подчеркивало отношение октябристов к принятому Манифесту, предначертавшему, по их мнению, путь России к конституционной монархии. Партия была близка к верхам торгово-промышленной буржуазии и помещиков-предпринимателей, многие из которых были ее членами и руководителями. Возглавил «Союз 17 октября» выходец из купеческой семьи, крупный фабрикант и домовладелец

Александр Иванович Гучков. Он был человеком образованным — окончил Московский университет, учился в Берлинском и Гейдельбергском университетах Германии. Яркий оратор и публицист, считавший политику своим призванием, Гучков отличался некоторой экстравагантностью своих поступков, о чем свидетельствуют его переход через Тибет, служба в охране КВЖД во время «боксерского восстания», пребывание в Македонии во время антитурецкого восстания 1903 г., участие добровольцем на стороне буров в англо-бурской войне, нахождение на театре военных действий в годы Русско-японской войны и т. д.

Численность октябристов в годы революции достигала 80 тыс., но не была стабильной, так как местные организации партии активно работали лишь перед выборами в Думу, а потом распадались. Идеалом «Союза» была наследственная конституционная монархия, поэтому они выступали против как неограниченного самодержавия, так и парламентского строя. Октябристы, допуская культурную автономию, придерживались принципа «единой и неделимой России». В аграрном вопросе они не поддерживали требований крестьянства, считая возможным ограничиться возвращением отрезков, частичным отчуждением частновладельческих земель за счет казны, переселением крестьян на «свободные земли». Наиболее прогрессивным и демократичным было их требование уравнения крестьян в правах с другими сословиями. Позиции октябристов по рабочему вопросу отличались большой осторожностью. Меры по ограничению продолжительности рабочего дня, созданию профсоюзов, сокращению налогового обложения трудящихся сопровождались бесчисленными оговорками в отличие от решительно сформулированных ими же требований свободы промышленно-торговой деятельности, права приобретения собственности и охраны ее законом.

В процессе создания ведущих либеральных партий часть земцев не восприняла их программные установки, образовав к июлю 1906 г. в I Государственной думе из правых кадетов и левых октябристов *Партию мирного обновления (мирнообновленцы)*. Ее лидерами были известные земские деятели граф П. А. Гейден, князь Н. Н. Львов, князь Е. Н. Трубецкой и Д. Н. Шипов. Мирнообновленцы стремились к созданию политического центра, который, нейтрализовав силы правых и левых радикалов, обеспечит тем самым мирное, эволюционное развитие России. В аграрном вопросе партия выступала за наделение землей малоземельных и безземельных крестьян, для чего предлагалось использовать казенные, удельные, кабинетские, монастырские владения, а также часть принудительно отчужденных помещичьих земель. Помимо Петербурга и Москвы, организации партии существовали в 12 крупных городах и насчитывали в конце 1906 г. около 2 тыс. членов. К этому времени в руководство

партии вошли известные представители русского делового мира — П. П. Рябушинский, С. И. Четвериков, А. С. Вишняков. Партии не удавалось провести в значительном числе своих депутатов ни во II, ни в III Государственные думы, что предопределило ее последующее преобразование.

Социалистическое направление общественного движения в стране в наибольшей степени было плодом вековых иллюзий, сводящихся к тому, что «отсталость» России является итогом лишь субъективных причин, связанных с несправедливостью власти и господствующих слоев российского социума. Оно ратовало за революционно-демократическое разрешение задач русской революции, являлось непримиримым противником самодержавного строя и сторонником уничтожения всех остатков сословно-феодальной системы общества. Это оказалось созвучно осознанному и неосознанному настроению масс крестьянства, пролетариата и интеллигенции. В социалистическом направлении одно из первых мест занимала *Российская социал-демократическая рабочая партия (эсдеки)*, которая сложилась в партийную структуру раньше других общественно-политических движений. Она активно заявила о себе с самого начала революции, что способствовало росту ее рядов. В середине 1905 г. численность РСДРП достигала 26,5 тыс. членов. В партии действовали две фракции, которые различались своими идейно-политическими воззрениями. Большевистская отстаивала идеи революционного марксизма, четкость организационных принципов построения пролетарской партии, решительно выступала против сотрудничества с либералами. Большевиков отличал радикализм в выборе путей ликвидации в России всех пережитков феодализма и демократизации государства. В спорах с меньшевиками они отстаивали идею гегемонии пролетариата в революции. Это предусматривало активное участие рабочих в борьбе за свержение самодержавия, уничтожение остатков крепостничества, наиболее последовательные демократические преобразования.

Большевистская и меньшевистская фракции, отличаясь численно, часто уступали первенство друг другу в зависимости от колебаний настроения рабочего класса. Различия по национальному составу были более стабильны. В годы революции в большевистском крыле (всего — 14 тыс.) доля русских составляла 89%, а в меньшевистском (всего — 12,5 тыс.) — 37% при значительной численности грузин (29%) и евреев (23%). РСДРП много внимания уделяла своей организационной структуре, создавая сеть районных комитетов и партячеек на предприятиях. В России было также 74 тыс. членов национальных социал-демократических партий, из которых выделялись «Бунд» (33 тыс.) и Польская социалистическая партия (28 тыс.).

Среди леворадикальных партий значительную роль играла *Пар-*

тия социалистов-революционеров (эсеров). Возникновение ее относится к 1902 г., а окончательное оформление к рубежу 1905—1906 гг., когда проходил Учредительный съезд партии. К этому времени в стране действовало свыше 40 эсеровских организаций, численность которых составляла около 2—2,5 тыс. членов. Программа эсеров предусматривала использование различных методов распространения своих идей и борьбы с существующим режимом: ведение пропаганды и агитации, организация стачек, демонстраций, вооруженных акций вплоть до восстания, осуществление индивидуального политического террора. В годы революции эсерами было совершенно до 200 террористических актов. Этому способствовали обновление состава и придание большей компактности Боевой организации (от 10 до 30 человек), повышение дисциплины ее членов, проведенные Е. Азефом. Эсеры активно участвовали и инициировали развитие массового рабочего и крестьянского движения. В эсеровской партии постоянно возникали достаточно обособленные группы, с деятельностью которых не было согласно руководство партии и большинство ее членов. Например, еще накануне революции возникло внутрипартийное течение *«аграрного терроризма»*, укрепившееся в ходе разраставшегося крестьянского бунта. Его сторонники усиленно призывали крестьян не только к захвату помещичьих земель, уничтожению имений, но и к расправе с их владельцами. Борьба с подобными явлениями затруднялась слабостью вертикальных и горизонтальных связей в структуре эсеровской партии. Для эсеров не была характерна повседневная кропотливая работа с массами, что приводило к быстрому сокращению рядов партии и ее влияния в моменты спада революции.

Последователи более решительного применения террора, выделившиеся в группу в конце 1904 г., на исходе 1906 г. создали *«Союз социалистов-революционеров-максималистов»* и сосредоточились на проведении экспроприаций и террористических актов. Казнь лидера «Союза» М. И. Соколова, аресты и полицейские преследования других его членов привели в 1907 г. к фактическому разгрому организации.

В условиях спада революционного движения заявила о себе *Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты, или энесы)*, окончательно оформившаяся в ноябре 1906 г. Партия имела в 1907 г. 56 местных организаций, но число ее членов (городская интеллигенция, земские служащие, незначительное число крестьян) было невелико — не более 2 тыс. Идеологами партии были известные профессора и публицисты А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, В. И. Семевский, ранее принадлежавшие к левому флангу «легального» народничества. Энесы выступали за особый путь России к социализму, минуя капитализм. Их программа предусматривала ликвидацию монархии и учреждение демократиче-

ской республики, замену постоянной армии народной милицией, отмену сословного строя и введение демократических свобод. Они ратовали за введение местного самоуправления, за право наций на самоопределение, предлагали конфискацию земель различных форм собственности, за исключением надельной и частновладельческой, на которых «ведется трудовое хозяйство».

На самом левом фланге радикальных политических организаций существовали *анархистские* объединения и группы, т. е. сторонников уничтожения государства, всякой политической власти как орудия насилия. Их число быстро увеличивалось с начала XX в. В годы революции рост стал еще более значительным: со 125 объединений в 1905 г. до 255 в 1907 г., действовавших в 180 городах в большей части губерний и областей империи. В годы революции для большинства организаций анархистов террор стал главным оружием, хотя «идейные анархисты» во главе с П. А. Кропоткиным пытались этому препятствовать. Политические следствия такой «анархии» были неблагоприятны для революционно-демократического движения, так как теракты, экспроприации, вооруженные нападения и даже грабежи анархистов приписывались вообще социалистическим партиям.

Общественные организации также активно создаются в России в годы революции. Их появление означало вовлечение в исторический процесс различных классов, социальных слоев и групп, что было естественным следствием модернизации общества. Революция многократно ускорила этот процесс, заставив самодержавную власть разрешить создание массовых организаций и упростить процедуру их легализации.

Профессиональные союзы рабочих в России до революции были запрещены. Дозволенные властями общества взаимопомощи, больничные и ссудные кассы на предприятиях действовали под бдительным надзором фабричной инспекции, а иногда полицейских структур, и не могли вести решительной борьбы даже за экономические права пролетариата, как это делали с середины XIX в. профсоюзы в Западной Европе и Америке. Ситуация начала меняться с первых месяцев революции. Для организации борьбы рабочих, защиты их прав перед хозяевами, осуществления помощи бастующим, безработным, семьям арестованных создавались заводские комиссии, фабрично-заводские и стачечные комитеты, делегатские и депутатские собрания, собрания уполномоченных. Профсоюзные организации отдельных железнодорожных узлов объединились во Всероссийский железнодорожный союз (ВЖС). В металлообрабатывающей и текстильной промышленности, где были распространены крупные предприятия, профсоюзы, как правило, действовали в рамках отдельных заводов. Рабочие средних и мелких предприятий тяготели к общегородским объединениям, организовав профсоюзы булочников, официантов,

электромонтеров Москвы, рабочих портняжного дела, сапожников, часовщиков Петербурга, табачников Харькова и т. д.

Активизации создания профсоюзов явочным порядком способствовали Октябрьская стачка и проведение в Москве в конце сентября I Всероссийской конференции профсоюзов. После поражения декабрьского восстания рост союзов замедлился и резко сократилась их численность. Оставшиеся организации переходили на нелегальное или полулегальное положение. Состоявшаяся нелегально в феврале 1906 г. в Петербурге II Всероссийская конференция профсоюзов высказалась за создание профсоюзных объединений в городах и общероссийского центра профессионального движения. Принятием 4 марта 1906 г. «Временных правил о профессиональных обществах» правительство легализовало профсоюзы, ограничив их цели выяснением и согласованием экономических интересов. Уставы организаций утверждались губернатором, а на их собраниях требовалось присутствие чинов полиции. Запрещалось объединение союзов в пределах губернии и даже города, создание профсоюзов на железнодорожном транспорте, предприятиях связи, в государственных учреждениях и банках.

Принятие закона вызвало появление новых профсоюзов и рост численности уже существовавших. Наряду с развитием региональных организаций текстильщиков, печатников, булочников, строителей проявилось и дробление организаций по цеховым признакам. Среди металлистов возникли союзы кузнецов, жестянщиков, золотосеребряников, бронзовщиков и др. Попытки предпринимателей и ряда политических партий («Бунд», «Дашнакцутюн») создать профсоюзные организации по национальному признаку потерпели крах. Несмотря на запреты, некоторые профсоюзы принимали участие в избирательной кампании во II Думу, были инициаторами многих забастовок. Так, впервые за время революции в июне 1906 г. выступили под руководством своего союза более 10 тыс. петербургских пекарей. Поддержка других отраслевых профсоюзов, в частности текстильщиков и печатников, позволила им заключить коллективный договор, предусматривавший сокращение рабочего дня до 11 ч, введение обеденного перерыва и воскресного отдыха. За время забастовки профсоюз почти вдвое увеличил свою численность. Профсоюзы организовали материальную помощь безработным, добивались от предпринимателей введения для них временных подрядов.

Политическая активность российских профсоюзов влекла аресты профсоюзных активистов, обыски в помещениях союзов, приостановку издания их газет, закрытие союзов и отказы в регистрации, но это не могло остановить их рост. К началу 1907 г. в европейской части страны (без 3 прибалтийских губерний и Финляндии) действовало не менее 650 союзов. Однако искусственное сдерживание создания профсоюзов, запугивание черносотенцами рабочих угрозой террора приве-

ли к низкой численности профсоюзов. Большинство союзов (246) насчитывало по 300 членов в каждом, а крупных, свыше тысячи членов, было всего 30. Поэтому доля рабочих, объединенных в профсоюзы, составляла всего 3,5% численности пролетариата производств, где профсоюзы разрешались законом. К середине 1907 г. в 36 крупных городах России действовали Центральные бюро профессиональных союзов, прошли областные и всероссийские конференции отраслевых союзов текстильщиков, металлистов, печатников, швейников и т. д. Несмотря на законодательный запрет, восстановился и продолжил свою деятельность ВЖС (около 1,5 тыс. членов), но его влияние в рабочей среде упало из-за примиренческой позиции руководства. Одной из самых масштабных акций российских профсоюзов в 1907 г. стала кампания солидарности с жертвами лодзинского локаута. В декабре 1906 г. свыше 20 тыс. польских текстильщиков были выброшены за ворота фабрик, и четыре месяца 60 тыс. членов их семей оставались без всяких средств к существованию. Сбор денег в помощь польским пролетариям шел по всей России. Важным стимулятором роста профсоюзного движения и одновременно просвещения рабочих была периодическая печать профсоюзов, которая в 1905—1907 гг. насчитывала более 100 изданий.

Корпоративные объединения предпринимателей и дворян. Попытки торгово-промышленных кругов в годы революции создать собственную партию заканчивались неудачей. Возникшие партии (Всероссийская торгово-промышленная, Прогрессивно-промышленная, Прогрессивно-экономическая, Торгово-промышленная) были немногочисленны и недолговечны. Гораздо успешнее, особенно после принятия «Временных правил о профессиональных обществах», развивались *предпринимательские организации*. В начале XX в. их насчитывалось около 150. Они представляли сложную совокупность организаций разного типа и разной степени зависимости от государства. Среди них были полуказенные комитеты торговли и мануфактур (15), купеческие управы (3), биржевые комитеты (85), съезды промышленников и торговцев. Близки к этим организациям по своему составу и характеру деятельности были Общество для содействия русской промышленности и торговле (1867) и Общество для содействия русскому торговому мореходству (1873). В революционную и послереволюционную эпоху шел общий рост числа предпринимательских объединений. Наиболее развитыми выборными организациями стали съезды предпринимателей, к которым представительные функции перешли от биржевых комитетов. Именно съезды явились важнейшим компонентом социальной организации российской буржуазии. Среди первых объединений этого типа были Съезд горнопромышленников Юга России (1874), Съезд горнопромышленников Урала (1880), Съезд бакинских нефтепромышленников (1884), Съезд мукомолов (1888),

Съезд металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов (1899). В начале 1906 г. был создан Съезд представителей промышленности и торговли, имевший статус всероссийской организации. В нем было представлено 48 торгово-промышленных организаций как действительных членов и 101 отдельное предприятие, имевшее право совещательного голоса. Съезд объединял и отражал интересы цензовой буржуазии, о чем свидетельствует очень высокий уровень показателя доходов, позволявший состоять в организации. Другим общероссийским объединением стал Съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства (1906). В годы революции и после нее возникло более 50 съездов, а к началу Первой мировой войны в России действовало около 70 съездов, в том числе свыше 40 — в сфере промышленности и торговли. Главной их целью стала выработка единой тактики в вопросах давления на правительство для проведения экономической политики, отвечавшей интересам промышленно-торговых и финансовых кругов.

Основной классовой организацией крупного и среднего поместного дворянства оставались *дворянские собрания*. Начало создания общероссийской организации дворянства относится к сентябрю 1905 г., когда в Саратовской губернии было создано объединение помещиков для защиты своих владений, ставшее основой «Всероссийского союза землевладельцев». Примеру саратовцев последовали помещики в других губерниях Европейской России. Учредительный съезд новой организации (17—20 ноября 1905 г.) прежде всего высказал неодобрение Манифесту 17 октября. Съезд выбрал Совет и принял программу. Ее идейная направленность выражалась в намерении отстаивать православие, самодержавие и народность. В аграрном вопросе съезд призывал окончательно раскрепостить крестьянство, для чего предлагалось ликвидировать общину, так как она «есть та язва, которая делает их [крестьян] положение безвыходным». Абсолютная бескомпромиссность правых была неприемлема для верховной власти в условиях продолжающегося подъема революции. На открывшемся 21 мая 1906 г. I съезде уполномоченных дворянских обществ председателем был избран представитель одной из знатнейших и богатейших фамилий, известный общественный и политический деятель граф А. А. Бобринский. Заявляя, что дворянство идет «навстречу крестьянской нужде», съезд склонился к необходимости разрушения общины, на развалинах которой сформируется крестьянин-собственник. В период отступления революции на каждом очередном съезде представителей объединенного дворянства (ноябрь 1906 г.; март 1907 г.) усиливалось стремление вернуть старые порядки и нежелание учитывать новые тенденции.

Политические нововведения старой власти. Царизм, избрав консервативно-реформаторский курс и стараясь максимально сохра-

нить за собой все прежние властные полномочия, был все-таки вынужден реализовать обещанные нововведения. Законом о выборах в Государственную думу (декабрь 1905 г.) устанавливались землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая избирательные курии. Выборы были многоступенчатыми, т. е. избрание депутатов осуществлялось на губернском избирательном собрании уполномоченными (или выборщиками), которых избрали курии. Только 26 крупных городов получили право непосредственного выбора своих депутатов. Избирательными правами наделялись не все подданные империи, в частности их были лишены чины полиции и военные. В рабочей курии преимущества имели более мелкие заведения. Соответствие числа выборщиков и избираемых ими депутатов было неодинаковым для разных сословий: 1 голос помещика приравнивался к 3 голосам городской буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. В итоге землевладельцы избирали почти 32% депутатов, крестьяне — 43%, горожане — 22%, рабочие — 3%. Вопрос о преобразовании Государственного совета был изложен в Манифесте от 20 февраля 1906 г. Часть Совета формировалась из лиц по высочайшему назначению, список которых объявлялся каждый год 1 января, другая — из выборных. Из 98 членов Совета крупные землевладельцы избирали 74, по 6 членов — духовенство и Академия наук совместно с университетами, 12 — торгово-промышленная буржуазия. Члены Совета избирались на 9 лет, но каждые 3 года треть состава обновлялась.

Важнейшим политическим событием весны 1906 г. стало принятие «Основных государственных законов» (ОГЗ) за четыре дня до открытия 1-й сессии Государственной думы. В них содержались нормы, которые минимально ограничивали самодержавную власть и устанавливали жесткие рамки деятельности представительных учреждений. В главе «О существе верховной самодержавной власти» подтверждалась незыблемость основ самодержавия, но исключалось понятие «неограниченной власти» и перечислялись права императора-самодержца, что устанавливало их пределы. Принятые законы, закрепляя положения о гражданских свободах на основе Манифеста 17 октября, урезали права Государственной думы и Государственного совета. Утверждалось верховенство императора в законодательной инициативе: ему принадлежал «почин по всем предметам законодательства» и «единственно по его почину Основные государственные законы» могли подлежать пересмотру. За монархом оставалось полное право «назначать и увольнять председателя Совета министров, министров и главноуправляющих отдельными частями», что делало правительство неподотчетным Думе. Ст. 86 ОГЗ, по которой «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы», ограничивалась ст. 87, допускавшей принятие законов императором в перерывах работы Думы.

Ограничением деятельности народного представительства являлось право царя на установление времени ежегодного созыва Государственного совета и Государственной думы, определение продолжительности их занятий и сроков перерыва в течение года, роспуск по императорскому указу Думы «до истечения пятилетнего срока полномочий ее членов».

I Государственная дума начала свою работу 27 апреля 1906 г., просуществовав всего 72 дня. Кадеты получили в ней 35% депутатских мест. В условиях незавершенности процесса создания политических партий мелкие либеральные группировки примкнули к ним, обеспечив устойчивое кадетское большинство в Думе. Поднявшееся на активную борьбу за свои права, прежде всего за землю, русское крестьянство оказалось достаточно широко представленным в I Думе. Большинство избранных крестьян и леворадикальных интеллигентов, среди которых преобладали эсеры, энесы (свыше 20% мест), объединились в Трудовую группу. Большевики бойкотировали выборы в Думу. Торжественное открытие I Государственной думы состоялось в Зимнем дворце. После царского приветствия депутатов как «лучших людей» России и обещания сохранить дарованные установления депутаты на пароходе отправились в Таврический дворец, отведенный для заседаний Думы. Председателем был избран кадет, профессор Сергей Андреевич Муромцев.

В канун открытия Государственной думы был отправлен в отставку С. Ю. Витте, оставшийся членом Государственного совета и Комитета финансов. Проведение премьером политики вынужденного лавирования между по-прежнему влиятельными консервативными силами и набиравшими вес либеральными партиями, череда бесконечных маневров то в сторону реформ, то укрепления прежних основ и порядков привели к известному падению его авторитета в оппозиционных кругах общества и крайне раздражали царя. Верхи терпели Витте, пока он не добился заключения крупного заграничного займа, который должен был спасти Россию от очевидного финансового краха. Председателем Совета министров стал Иван Логгинович Горемыкин, известный как один из наиболее твердых приверженцев сохранения прежних устоев самодержавия и в силу этого не намеренный сотрудничать с Государственной думой. Но власть не учла, что радикально настроенные крестьянские депутаты, политические группы, выражавшие их настроения, и даже кадеты, стремившиеся сыграть роль ведущей политический партии, не могли себя вести в Думе послушно, одобряя любые предложения правительства.

В ответном адресе на «тронную речь» кадеты, не без влияния трудовиков, в весьма осторожных выражениях выразили намерение удовлетворить земельную нужду крестьян с помощью обязательного отчуждения частновладельческих, удельных, монастырских и церков-

ных земель. Однако царь не принял депутацию, избранную для вручения адреса. Еще хуже оказались последствия просьбы кадетов сформировать свое, кадетское правительство. В ответ Горемыкин заявил, что пожелания Думы о составе правительства выходят за рамки ее компетенции. Более решительно поступили трудовики, предложившие вотум недоверия правительству, за который высказалось и кадетское большинство Думы. Горемыкин проигнорировал это постановление. В дальнейшем третирование Государственной думы со стороны правительства выражалось в довольно редком направлении в ее адрес основополагающих законопроектов, а поступавшие выглядели как насмешка. Дума всерьез должна была обсуждать законопроекты об учреждении оранжереи при Юрьевском университете в Дерпте, об освещении дома военного министра и т. п.

Тем не менее сама Государственная дума выдвинула законопроекты по наиболее животрепещущему вопросу российской жизни — аграрному. Внесенный кадетами законопроект предусматривал возможность отчуждения лишь части помещичьих земель с выкупом ее по «справедливой оценке». Трудовики, опираясь на волю крестьян, представили проект, в котором предлагалось принудительное отчуждение всех частнособственнических земель, включая и помещичьи, а затем их бесплатное распределение по установленной «трудовой норме». Дума поручила особой комиссии разработать земельный закон на началах принудительного отчуждения. Допустить обсуждение такого законопроекта власть никак не могла. 8 июля последовал Манифест о роспуске I Думы, обвинявшейся в разжигании смуты. Об окончании своих трудов депутаты узнали на следующий день, обнаружив на закрытых дверях Таврического дворца текст Манифеста. Попытка не подчиниться роспуску Думы как незаконному группой депутатов от кадетов, трудовиков и меньшевиков, уехавших в Выборг и принявших воззвание, не имела реальных политических последствий. Впрочем, 167 депутатов, подписавших «Выборгское воззвание», в декабре 1907 г. приговорили к 3 месяцам тюрьмы. Преследования перводумцев своеобразно отразились на ходе избирательной кампании во II Думу в крестьянской среде. Своих кандидатов, считая их «мучениками за народное дело», крестьяне стали укрывать, имена их заранее не оглашать, чтобы они не подверглись арестам или высылке.

Почувствовав ослабление революционного натиска и убедившись на примере I Думы, что кадеты не в состоянии повести за собой крестьянство, власти избирают более решительную тактику. Вместо отправленного в отставку Горемыкина председателем Совета министров в июле 1906 г. назначается Петр Аркадьевич Столыпин, принадлежавший к старинному дворянскому роду и проявивший себя энергичным управленцем в должности гродненского (1902—1903) и саратовского (1903—1905) губернатора, министра внутренних дел с ап-

реля 1906 г. Преданность самодержавию он доказал решительным подавлением весной—летом 1905 г. крестьянских восстаний на территории вверенной ему губернии, чем заслужил монаршую благодарность. Одновременно Столыпину удалось удержать «в узде» черносотенные губернские организации и устраниться от участия в карательных экспедициях осени 1905 г., за что он даже прослыл либералом. Новый премьер избрал курс на раскол общины и модернизацию жизни русской деревни.

Революционное движение рабочих и крестьян, которое приобрело в 1905 г. значительные масштабы по своей численности, распространенности по территории страны, упорству и отваге участников, не могло прекратиться само собой, и его не сразу удавалось ликвидировать властям. Рабочее движение 1906 — первой половины 1907 г. оставалось еще значительным. В первые месяцы 1906 г. в стачках участвовало от 200 до 220 тыс. человек, а 70% стачек 1906 г. (в предшествующем году — 50%) сопровождались политическими требованиями. Из-за массовых локаутов рабочие прибегали к забастовкам реже и проводили их путем прекращения работы в ведущем цехе, организации бойкота заказов бастующих заводов и пр. В 1905—1906 гг. рабочие добивались полной или частичной победы приблизительно в 70% стачек, в 1907 г. — более чем в 40%. В течение 1906 г. получили распространение формы своего рода партизанской борьбы. Лето 1906 г. ознаменовалось новыми вспышками борьбы в армии и на флоте: беспорядки в крепости Брест-Литовск, в Дешлагаре (Дагестан); выступление артиллеристов крепости Свеаборг (побережье Финляндии), охватившее почти все укрепления на островах вокруг крепости. Свеаборг поддержали отряд Красной гвардии из Гельсингфорса, крейсер «Память Азова» и Кронштадт, где в ночь на 20 июля началось восстание матросов, минеров, саперов и рабочих дружин. Однако власти его подавили.

В 1906 г. вновь обострилось крестьянское движение, приближаясь в отдельные месяцы к самой высокой отметке 1905 г. Подъем крестьянских выступлений в Европейской России относится к маю 1906 г., увеличившись по частоте в сравнении с апрелем почти в 3,5 раза. В июне—июле накал борьбы достигает своего пика — свыше 1400 выступлений. Общее же их число (1843) в июне—сентябре превзошло уровень октября 1905 — января 1906 г. (1769). Достаточно высоким оставалось летом 1906 г. количество уездов (260, или 47,6%), охваченных крестьянским движением. Во второе полугодие 1906 — первую половину 1907 г. движение по-прежнему отличает значительное число крестьянских выступлений, в 2—3 раза превышающее показатель февраля—апреля 1906 г. В 1906—1907 гг. сохранялись такие формы крестьянской борьбы, как захват земель, сенокосов, лугов, скота, фуража, хлеба, продолжался и разгром помещичьих

усадеб, большей частью уничтоженных в конце 1905 г. Всего в революцию было разгромлено до 2 тыс. (по новым подсчетам только в Европейской России и Грузии — 3—4 тыс.) имений. Общий размер убытков помещиков, поскольку крестьяне захватывали зерно, орудия труда и другое имущество ненавистных землевладельцев, составил около 29 млн руб. Наибольшее число владений было уничтожено в основных центрах крестьянского движения: в ЦЧО — почти 700, Поволжье и Пензенской губернии — свыше 1200, прибалтийских губерниях — около 650. Разрушая усадьбы, крестьяне стремились изгнать помещиков из деревни, чтобы завладеть землей, которая, по их убеждению, должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Значительную часть в аграрном движении 1905—1907 гг. составили забастовки сельскохозяйственных рабочих. В 1905 г. они охватили 50% уездов Европейской России, а в прибалтийских губерниях и районах капиталистически организованного свекловичного производства — 70—87% уездов.

«*Приговорное движение*» было одним из основных проявлений решительной борьбы русского крестьянства за свои права. Инициированное указом 18 февраля, это движение до осени 1905 г. не приобрело значительного размаха, несмотря на усиление интереса крестьянства к событиям внешней жизни, в частности политической. Этот интерес разжигали демократически настроенная сельская интеллигенция (учителя, врачи, земские служащие и др.), рабочие, приезжавшие в родные края. Наиболее восприимчивы к политической агитации были грамотные крестьяне, доносившие затем ее идеи в приемлемой форме до своих односельчан. В приговорах этого времени преобладает описание нищеты, бесправия, невежества и забитости крестьян, высказывается мысль о переходе государственных, удельных, церковных, а также в известной мере и частновладельческих земель в руки крестьян. С октября 1905 г. резко упало число приговоров, адресованных царю и правительству, но возобладали обращения к революционным организациям. Несколько тысяч их поступило в адрес II съезда Крестьянского союза (ноябрь 1905 г.), который настойчиво рекомендовал составление общественных приговоров о крестьянских нуждах. Содержание приговоров свидетельствует о радикализации крестьянских требований, прежде всего политических: созыв Учредительного собрания и Государственной думы, наделенной законодательными правами; расширение прав земства; выборность его и всех властей сверху донизу. Крестьяне высказались за введение демократических свобод, всеобщего бесплатного образования. В большинстве приговоров заявлялось о необходимости уничтожения частной собственности на землю и передачи всех земель крестьянству. На этом этапе проявилось влияние взглядов эсеров и социал-демократов на содержание крестьянских требований. Газеты этих партий публи-

ковали образцы приговоров, агитаторы участвовали в обсуждении и составлении документов на сходах. Выборы в I Думу и ее деятельность были связаны с массовым распространением приговоров вопреки противодействию властей. После речи царя и министерской декларации 13 мая усиливается поток приговоров и телеграмм с выражением поддержки депутатов против министров, требований «свободы», без которой, как подчеркивается, нельзя добиться земли.

II Государственная дума отличалась изменением партийного состава. Кадеты потеряли почти половину своих мест, но увеличилось число депутатов, представлявших октябристов и черносотенцев, а также левые партии. Трудовики, эсеры и энесы получили во II Думе 157 мест вместо прежних 94, социал-демократы — соответственно 65 вместо 18. Полевение Думы означало, что дни ее сочтены. Правительство не могло выйти из кризиса, не прибегая к насилию, а энергия масс, особенно рабочих, была уже на исходе. Забастовочное движение в первой половине 1907 г. отмечено небольшим подъемом в январе и резким всплеском в мае. Открытие II Государственной думы состоялось 20 февраля 1907 г. Председателем был избран известный деятель земского движения и один из основателей кадетской партии Федор Александрович Головин. Кадеты надеялись создать конституционный центр, привлекая фракции народнической ориентации и часть депутатов от октябристов, польского коло и мусульманской группы. Они не допустили голосования о вотуме недоверия правительству и после правительственной декларации высказались за переход к очередным делам. С помощью октябристов и запугивания трудовиков угрозой роспуска Думы кадеты добивались принятия большинства правительственных законопроектов.

Предложенный кадетами новый земельный закон отличался от предыдущего проекта: не все крупные владения подлежали отчуждению; примерно половина расходов по вознаграждению помещиков за отчуждаемую землю возлагалась на крестьян; исчезло признание национализации в виде образования постоянного государственного фонда. Черносотенцы и октябристы выступили против любых предложений о принудительном отчуждении помещичьих земель. Трудовая группа поставила на обсуждение Думы проект «Основных положений земельного закона», воспроизводящий их прежнюю записку. Трудовики и эсеры доказывали принадлежность земель народу и нелепость предложений их покупки теми, чьей собственностью они являются. Они особо подчеркивали, что эти земли — «свои земли», «нами уже десять раз отработаны кровью, потом и деньгами». Критике подвергался принцип неприкосновенности и священности частной собственности на землю. Депутат из Саратовской губернии заявил: «Бог сотворил человека и вручил ему землю, но у нас ее нет, почему это? Я прямо скажу и откровенно: украли у нас ее». Выступивший

перед окончанием прений Столыпин ответил на эти требования многомиллионной массы крестьянства, трудом которой обрабатывалось и большинство помещичьих земель, что правительство не позволит «обездолить 130 тыс. владельцев и оторвать их от привычного и полезного для государства труда». Слова премьера привели к выработке всеми левыми фракциями формулы с требованием принудительного отчуждения частновладельческих земель и немедленной отмены столыпинских аграрных законов, утвержденных по ст. 87. Кадеты сорвали обсуждение этой формулы.

Слушания аграрного вопроса показали, что кадетский центр не способен добиться соглашения с левыми фракциями, но распускать Думу в ходе данных дебатов, когда усмирение деревни не закончилось, было рискованно. Власти прибегли к обвинению в «военном заговоре» против государственного строя депутатов РСДРП. Как позднее признавался Ф. А. Головин, «был действительно заговор, но не заговор 55 членов Думы... а заговор Столыпина и К° против народного представительства и основных государственных законов». В ночь на 3 июня 1907 г. был произведен арест социал-демократической фракции, а днем опубликован Манифест о роспуске Думы. Первая российская революция завершилась. Страна вступила в новый период своей истории.

* * *

Революция 1905—1907 гг. имела главными причинами те несоответствия, которые сложились в российском обществе к началу XX в. и определили ее цели — уничтожить остатки феодализма в политическом строе, социальной структуре общества и его экономическом базисе, обеспечив интенсивную модернизацию страны, преодоление ее социокультурной отсталости. Реализация этих целей требовала упразднения неограниченной монархии, уничтожения сословного неравноправия, ликвидации или ограничения помещичьего землевладения, обеспечения свободы предпринимательской деятельности. Однако революция шла в своих требованиях еще дальше, выдвигая демократические лозунги всеобщего равноправия, прямых и тайных выборов при формировании представительных учреждений, установления 8-часового рабочего дня и т. д. Основную борьбу в России вели пролетариат и крестьянство. В 1905—1907 гг., по официальным, вдвое заниженным данным, бастовало 4,7 млн рабочих, т. е. в 4 раза больше, чем в предшествующее десятилетие. Рабочие поднялись и на вооруженное восстание против самодержавия. Пролетариат не раз вставал на защиту тех, кто подвергался преследованию властей, что формировало в обществе представление о нем как основном борце за свободу и демократию. Мощность протестного движения многомиллионного

российского крестьянства (26 тыс. различных проявлений) является важнейшим показателем размаха революции. Крестьянская борьба в 1905—1907 гг. проходила под лозунгом ликвидации помещичьей собственности и многочисленных революционно-демократических требований, зафиксированных в тысячах крестьянских приговоров. Необычайно значительную роль в первой русской революции сыграла интеллигенция, активно участвуя в революционных событиях или им сопереживая. Только ее меньшинство оказалось по другую сторону баррикад. Интеллигенция стала основой политических партий России, она активно действовала в возникших новых структурах (профессионально-политические союзы, Государственная дума); расширившимся полем ее деятельности стала журналистика. Революционно-демократическая интеллигенция являлась одним из самых энергичных участников массовых движений. Не осталась в стороне от борьбы учащаяся молодежь, особенно студенчество. Российская буржуазия не стремилась на баррикады, в массовом движении ее представляли в основном средние городские слои. В процессе развития революции усиливалась роль политических партий, привносивших в стихийное движение масс свое понимание задач и свои представления о будущем устройстве российского общества. И все-таки в революции 1905 г. стихийный процесс ее развития и подъемов опережал деятельность политиков и идеологов движения.

Революция 1905—1907 гг. потерпела поражение в том смысле, что попытка уничтожить препятствия на пути модернизации страны не удалась до конца, так как самодержавная власть удержалась, а проведенные под влиянием революции реформы не разрешили тех противоречий, которые вызвали революционный кризис в России. Тем не менее царизму были нанесены такие удары, от которых он уже не смог оправиться. Царская монархия удержалась, пойдя на уступки требованиям революционных сил и отвечая на вызовы процесса модернизации. Попытки после революции отменить ее завоевания были обречены на провал. Россия перешла в другую эпоху, изменились весь ее облик и уклад жизни. Революция пробудила от вековой спячки миллионы крестьянства, резко изменила уровень политической сознательности рабочих. Революция, показав в действии все классы общества и партии, способствовала развитию новых форм политической деятельности, росту политической культуры общества.

Размах революции и продемонстрированное ее участниками многообразие форм борьбы против угнетения и бесправия трудящихся не могли не оказать влияние на развитие массовых народных движений в начале XX в. во многих странах мира.

§ 3. СКЛАДЫВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ДУМСКОЙ МОНАРХИИ

Революция оказала большое влияние на последующее экономическое и социально-политическое развитие России. Однако данный ею импульс не привел к существенной модернизации страны, поскольку преобразования осуществлялись консервативной властью, медленно и путем ограниченных реформ. Традиционно в отечественной историографии послереволюционная эпоха определяется как третьеиюньская монархия, противоречиво сочетавшая в себе укоренившиеся принципы абсолютизма и весьма еще слабые, не развитые до конца элементы обновляющейся политической системы.

Государственная дума, ставшая новым явлением в политическом устройстве Российской империи, при всех ее несовершенствах была близка по своим правам и характеру деятельности парламентам других монархических государств мира. Изданием 3 июня 1907 г. Манифеста о роспуске II Государственной думы и нового избирательного закона самодержавная власть совершила государственный переворот, отступив от принципов, заложенных в ранее принятых актах. При спаде активности населения это было неизбежно. Манифест провозглашал: «Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым». Сохраняя антидемократические ограничения старого, новый закон о выборах сокращал число лиц, имевших избирательное право, и усложнял процедуру выборов депутатов. Народы Средней Азии, Якутской области, Забайкалья, кочевники Астраханской и Ставропольской губерний вообще лишались представительства в Думе. Резко снизилось число депутатов от Кавказа (10 мест вместо 29) и Польши (14 вместо 37). Это отвечало принципам Манифеста 3 июня — иные народности «не должны и не будут являться в числе, дающем им быть вершителем вопросов чисто русских». По новому закону рабочие потеряли около половины выборщиков, крестьяне — больше половины. С 26 до 5 (Петербург, Москва, Рига, Киев, Одесса) сократилось число городов, в которых проводились прямые выборы в Думу. Только в Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Харьковской и Екатеринославской губерниях остались рабочие курии, избиравшие по одному депутату. В 53 губерниях Европейской России от крестьянской курии выбиралось по одному депутату. Введение новых цензов привело к разделению городской курии и вытеснению из числа выборщиков демократически настроенной городской интеллигенции. На губернских избирательных собраниях теперь при всех обстоятельствах преобладали представители только 2 курий: помещики от землевладельческой и крупная буржуазия от

первой городской. Общее число депутатов Думы сократилось с 524 до 442.

По итогам выборов в III Думу места распределились таким образом: крайне правые — 50, умеренно правые и националисты — 97, октябристы и примыкающие к ним — 154, прогрессисты — 28, кадеты — 54, мусульманская группа — 8, польское коло вместе с литовско-белорусской группой — 18, трудовики — 13, социал-демократы — 20 (затем — 14, за счет отсева случайных лиц). Эсеры в выборах не участвовали. Ни одна из помещичье-буржуазных партий не имела абсолютного большинства, что предопределило особую роль в III Думе октябристского центра. Изменение состава большинства придавало неустойчивость Думе и позволяло самодержавию играть на противоречиях помещиков и буржуазии, оставаясь хозяином положения. Каждое думское большинство реализовало свои задачи. Право-октябристское содействовало осуществлению карательной политики власти, октябристско-либеральное — проведению минимума реформ, которые даже с точки зрения правительства были необходимы в России. Эту систему одни современники определили как «думский маятник», другие — как проявление политики бонапартизма.

Председателем Думы стал член ЦК «Союза 17 октября» помещик Николай Алексеевич Хомяков, бывший директор департамента земледелия и бывший губернский предводитель дворянства. В марте 1910 г. Хомяков ушел в отставку. Вместо него был избран председатель «Союза 17 октября» А. И. Гучков. С этого момента Думу возглавляли лидеры политических партий. Начиная с III Госдумы утверждаются основные формы парламентской деятельности: дебаты по заявлениям правительства, обсуждение законопроектов и бюджета, в том числе и в думских комиссиях, а также слушание ответов на запросы депутатов. Председатель Думы играл решающую роль во время дебатов и получил, хотя и с ограничениями, право всеподданнейших докладов. Из депутатов формировались постоянные и временные комиссии. На основе одной или нескольких политических платформ создавались партийные фракции (или группы), регистрировавшиеся Совещанием Думы, но число беспартийных депутатов оставалось большим. Имелись думские объединения иного типа — польское коло, группы мусульманских депутатов, казаков, крестьян и священников. Деятельность Думы и постоянных комиссий фиксировалась в стенографических отчетах, которые не велись во временных комиссиях и руководящих органах Думы.

Совет министров стал важным звеном складывающейся политической системы, в обязательном порядке рассматривая законопроекты, поступавшие в Думу, и те, которые, минуя Думу, непосредственно утверждались царем. В пределах своей компетенции Совет министров принимал постановления, инструкции и распоряжения. После

упразднения Комитета министров в апреле 1906 г. его функции перешли к Совету министров. Для оперативного решения множества мелких административных дел в декабре 1909 г. был образован так называемый Малый Совет министров. В «Основных государственных законах» специально перечислялся значительный круг вопросов государственного управления, которые оставались в ведении императора и которые передавались на рассмотрение Совета министров только в порядке высочайшего повеления. Известную самостоятельность по отношению к председателю сохранил каждый из министров, подчиняясь в своей деятельности только монаршей воле и монаршим указаниям. К формальным правилам добавлялись, осложняя совместную работу и усиливая независимость отдельных министров, различная степень их влияния на царя и его окружение, их связи с императорской фамилией и двором, с царскими фаворитами. История отдельных правительственных кабинетов 1906—1914 гг. показывает, что сплочению Совета министров способствовали авторитет и личность его главы. Объединительные тенденции в деятельности правительства особенно усиливаются при П. А. Столыпине, главным образом в связи с критическими обстоятельствами подавления революционного движения и тем доверием, которое первоначально царь оказывал Столыпину и выдвинутой им программе. Свою роль сыграла незаурядность личности самого Петра Аркадьевича. В момент назначения Столыпина главой кабинета (с одновременным оставлением его в должности министра внутренних дел) в Совете министров оставалось много представителей старого состава. В дальнейшем в правительстве происходят перестановки, продиктованные стремлением Столыпина привлечь к работе своих единомышленников и удалить лиц, настроенных против его преобразований. Кабинет, осознавая необходимость налаживания сотрудничества с Думой, регулярно представлял парламенту законопроекты. Большое внимание уделялось правительственным декларациям, речам премьера в Думе и ответам министров на депутатские запросы.

Деятельность политических партий и организаций стала характерным явлением общественной жизни России в послереволюционную эпоху. Активный процесс размывания в русском обществе старых сословий и утверждение новых буржуазных классов во многом предопределяли нечеткую связь политической партии и ее социальной базы. Одновременно это порождало существование внутри крупных партий фракций, групп, создание очень небольших, как правило, недолговечных политических объединений, придавая некоторую хаотичность политической борьбе в российском обществе. В эпоху третьеиюньской системы наиболее значимыми политическими партиями, как правило, представленными в Госдуме, были черносотенцы, октябристы, кадеты, трудовики и социал-демократы.

Черносотенные объединения в период III Думы и в предвоенные годы не преодолели организационной рыхлости. Не обладал должной устойчивостью и «Союз русского народа». Уже в ноябре 1907 г. от него откололся «Русский народный союз имени Михаила Архангела», оформившийся в партию в марте 1908 г. Его лидером стал В. М. Пуришкевич. В «Русском народном союзе» была представлена наиболее монархически настроенная часть православного духовенства. Партия насчитывала около 20 тыс. членов. Под огонь критики черносотенцев попадали не только революционеры и либералы, но и сановное чиновничество, которое они считали повинным в изменениях политической системы России, в проведении реформ и поддержке различных нововведений. Объектом их нападок часто был П. А. Столыпин, не ликвидировавший представительные учреждения и вознамерившийся расколоть русскую общину. Сторонников такой линии в «Союзе русского народа» называли дубровинцами в отличие от обновленцев. Окончательное оформление дубровинского течения в самостоятельную организацию произошло только в августе 1912 г.

В послереволюционной ситуации явления апатии, гипертрофированной критики всего предшествующего этапа борьбы были характерны для всех общественных движений и политических партий. Глубокий кризис переживал либерализм в целом и особенно былая, оппозиционно настроенная, русская интеллектуальная элита. Наиболее ярко это проявилось в сборнике «Вехи». Его статьи, написанные видными мыслителями и общественными деятелями — Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, М. О. Гершензоном, П. Б. Струве, — были посвящены истории русской интеллегенции, ее участию в освободительном движении. Сборник пронизан настроением неверия и социальной апатией. Особой критике в «Вехах» подверглись идеи марксизма, увлечению которым отдали дань и авторы сборника, а также попытки их применения на русской почве. В сборнике безусловно осуждались все действия русской демократической интеллигенции и даже сами ее помыслы, вызвавшие чудовищную ярость народа. Обвиняя интеллигенцию в безбожии и отсутствии христианского смирения, авторы призывали обратиться к идеалам личной нравственной ответственности и гражданского правосознания. Идеи «Вех» не совсем были поняты и восприняты широкими кругами демократической интеллигенции.

Одной из влиятельных партий в годы третьеиюньской монархии стал «Союз 17 октября». Октябристы образовали правый фланг либерально-буржуазной оппозиции, видя свою цель в оказании содействия правительству, что предопределило их роль в III Думе. Партия в целом и ее лидер А. И. Гучков публично одобряли разгон II Думы, политику и деятельность П. А. Столыпина, введение военно-полевых судов, принятие нового избирательного закона. Такая позиция и со-

циальный состав партии, где вес крупных аграриев был значителен, не позволили октябристам стать ведущей партией российской буржуазии. Промышленные круги относились к «Союзу 17 октября» с недоверием.

В послереволюционную эпоху осложнилось положение наиболее крупной русской либеральной партии — конституционно-демократической. Несмотря на стремление дистанцироваться от власти, кадеты вместе с тем не раз демонстрировали свою готовность идти на сотрудничество с ней, что проявилось еще в переговорах 1905 г. с Витте о вхождении в правительство и в июне 1906 г. в переговорах с П. А. Столыпиным, Д. Ф. Треповым, А. П. Извольским. Общая апатия способствовала падению популярности партии в мелкобуржуазной среде города и деревни, привела к значительной потере голосов на выборах в III Государственную думу, к сокращению общей численности партии до 30 тыс. членов, полной ликвидации сельских ячеек, большей части уездных комитетов и групп. Число местных организаций партии уменьшилось в 5 раз. Тем не менее кадетская фракция в новой Думе проявляла активность в разработке собственных законопроектов и обсуждении поступавших от правительства и других фракций, в выступлении с депутатскими запросами. Постепенно усиливавшаяся критичность выступлений кадетских депутатов привела к размежеванию партии. Правое крыло выступало за «оздоровление власти» с помощью парламентских средств. Левое, возглавляемое Н. В. Некрасовым, настаивало на более решительных шагах в Думе и вне ее, заявляя, что революционный исход в России неизбежен. Большинство во главе с Милюковым высказывалось за сбалансированную позицию, суть которой сводилась к «изоляции правительства», не исключая совместных действий с левыми партиями.

Неоднородность состава российской буржуазии, имевшиеся в ее среде региональные и отраслевые различия интересов, противоречия между крупным финансовым капиталом, тесно связанным с правительственными верхами и дворянством, и промышленной буржуазией, не забывавшей своего крестьянского происхождения, предпочитавшей сохранять купеческие звания, чувствовавшей отчужденность представителей элитарной культуры, привели к возникновению в ноябре 1912 г. *Партии прогрессистов*. Она явилась преемницей партии мирного обновления, которая в 1907—1908 гг. сошла с политической сцены, уступив место новому движению — прогрессизму, сближавшему представителей русской интеллектуальной и деловой элиты. По своему социальному составу это была самая буржуазная партия. Политические требования прогрессистов были умеренны: конституционная монархия, выборное двухпалатное представительство на основе большого имущественного ценза для депутатов, перерас-

пределение прав и полномочий в пользу широких кругов отечественной буржуазии.

По мере нарастания трений между императором, премьером, Советом министров, Государственной думой и Государственным советом развивались разногласия и в думских фракциях. Осенью 1909 г. от октябристов откололась группа, образовавшая фракцию правых октябристов. Не без участия Столыпина, нуждавшегося в поддержке, шло создание новой партии и новой фракции среди правых. В апреле 1909 г. состоялся учредительный съезд партии умеренно правых, избравший комитет во главе с П. Н. Балашовым. В октябре 1909 г. умеренно правые и националисты слились в одну фракцию, а в январе 1910 г. «Всероссийский национальный союз» объединился с умеренно правыми в *Партию русских националистов*. В Думе возник новый центр — националистический. Тяжелые времена продолжала переживать кадетская партия, насчитывавшая к середине 1909 г. всего 22 губернских и 29 уездных партийных групп.

Отсутствие влиятельной политической партии российской буржуазии восполнялось в период 1908—1914 гг. активной деятельностью предпринимательских организаций. Регионально-отраслевые и всероссийские съезды промышленников, финансистов, торговцев наиболее последовательно осуществляли представительские функции перед государством, «обществом» и рабочими. Как правило, съезды и их исполнительные органы (Советы съездов) действовали помимо высших представительных учреждений — Государственной думы и Государственного совета. Корпоративные организации предпринимателей предпочитали обращаться со своими вопросами непосредственно к монарху или к органам исполнительной власти — министерствам финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, государственных имуществ. В послереволюционный период важное значение приобрели регулярно проводившиеся съезды предпринимательских объединений и созданная сеть периодических изданий этих организаций. Съезды стремились опереться на более широкие круги буржуазии и интеллигенции, особенно научно-технической, значительно представленной в аппаратах съездов и среди авторов их изданий. В обществе целенаправленно создавался привлекательный образ промышленника. Если ранее фабриканты стремились урегулировать свои отношения с рабочими через правительство, то теперь они берут обеспечение собственной безопасности в свои руки. Одним из первых объединений работодателей стал возникший в конце 1905 г. Союз фабрикантов 10 губерний ЦПР, позднее переименованный в Общество фабрикантов и заводчиков Московского района. Через год Союз располагал противостачечным фондом в 750 тыс. руб. В 1907 г. зарегистрировано 127 антирабочих объединений, а к середине 1910 г. их насчитывалось около 150.

Одна из ведущих российских социалистических партий, РСДРП, после революции также испытывала трудности. Поражение революции не могло не вызвать радикальных расхождений по вопросам дальнейшей стратегии и тактики партии. Резко уменьшилась численность партии, которая весной 1907 г. достигала 150—170 тыс. членов, а позднее — около 60 тыс. большевиков и свыше 45 тыс. меньшевиков. Из партии ушло значительное число активных функционеров, особенно из среды инженерно-технической и творческой интеллигенции. Исчезло множество нелегальных организаций в столицах и в отдельных регионах. Большая роль в деятельности среди масс отводилась периодическим изданиям, которые после очередных закрытий упорно возрождались, и их общее число в итоге росло. Широко использовались легальные рабочие организации: профсоюзы, страховые кассы, воскресные школы, рабочие клубы и пр.

Период 1908—1912 гг. связан с появлением множества течений и групп внутри обеих фракций РСДРП. «Ликвидаторы» выступали за свертывание и минимизацию подпольной борьбы. Группа «отзовистов» (или «впередовцев»), напротив, стояла исключительно за развитие подпольной деятельности партии и призывала к отказу от легальных средств борьбы и организаций, отзыву социал-демократических депутатов из Думы. Против этих крайностей решительно выступало основное ядро большевистского крыла и часть меньшевиков-партийцев во главе с Г. В. Плехановым. Попытки в 1908—1910 гг. преодолеть раскол партии не дали результата. Лишь решительное изгнание инакомыслящих восстановило ее единство. Эта линия, отстаиваемая В. И. Лениным, получила завершение в Праге в январе 1912 г. на Всероссийской конференции РСДРП, исключившей ликвидаторов. С апреля 1912 г. в Петербурге большевистский ЦК стал издавать легальную ежедневную рабочую газету «Правда».

Партии радикально левого направления после революции пострадали в результате репрессий самодержавной власти и от активно используемой охранкой системы провокаторства. Это наносило существенный вред нелегальным организациям не только в связи с их раскрытием, но и потому, что провокаторами нередко оказывались видные партийные деятели. В РСДРП таким был рабочий Малиновский, окончательно разоблаченный лишь после Февральской революции. В партии эсеров в качестве провокатора действовал один из создателей партии, руководитель ее Боевой организации Е. Азеф. Руководство партии и рядовые члены, участники Боевой организации отказывались верить сообщениям, поступавшим с сентября 1905 г. от чинов Департамента полиции о давней провокаторской деятельности Азефа. Расследование специально созданной комиссии ЦК эсеров, третейский суд вынудили ЦК партии эсеров 7 января 1908 г. официально объявить Азефа провокатором. Это разоблачение, как и даль-

нейшие неудачные попытки Б. Савинкова возродить деятельность Боевой организации, вызвали значительный отток из эсеровской партии и ослабление ее политической роли.

В условиях наступившей реакции эсеровские организации нещадно уничтожались охранкой. Полностью были ликвидированы летучие боевые отряды, созданные взамен распущенной Боевой организации. После разоблачения Азефа старый состав ЦК, признавший себя политически и морально ответственным за его провокаторство, подал в 1909 г. в отставку. Большинство нового состава ЦК вскоре арестовали. Кризису партии способствовало проведение столыпинской аграрной реформы, укреплявшей у части крестьянства собственнические настроения. Призывы эсеров к бойкоту реформы не находили широкого отклика в деревне.

Более активно проявило себя в условиях спада революционного движения течение социалистов, названное «трудовическим» (или *трудовики*). Его истоки связаны с левым флангом легального народничества, и в противоположность эсеровскому радикализму оно было умеренным. Трудовики сотрудничали в Думе с партией народных социалистов. Хотя энесы действовали сугубо на легитимной основе, резко выступая против подпольной работы, но по программным установкам в глазах властей выглядели ниспровергателями «существующего в государстве строя», поэтому часто привлекались к уголовной ответственности. Как влиятельная партия энесы с 1910 г. исчезают с политического горизонта, а их немногочисленные организации влачат жалкое существование.

Рабочие профсоюзы. Несмотря на распространение неверия и усталости, рабочие тянулись к легальным обществам и союзам, которые давали выход общественной энергии. В связи с этим важную роль играли профсоюзы, хотя их вдвое уменьшившееся число в 1908 г. по сравнению с 1907 г. через 2 года понизилось до 200 союзов с общей численностью около 38—40 тыс. членов. Профессиональные рабочие организации продолжали существовать в большинстве губерний, областей, градоначальств и округов, объединяя в своих рядах рабочих 79 профессий. Не переставали выходить профессиональные журналы: «Единство» (орган металлистов), «Печатное дело», «Станок текстильщика», «Голос деревообделочника», «Петербургский кожевник», «Профессиональный вестник» и др. Профсоюзы выступали инициаторами создания бюро труда для безработных, рабочих библиотек, проведения лекций, литературных вечеров, экскурсий и пр. Характеризуя специфику и многообразные направления деятельности профсоюзных объединений на Юге России, находящихся под влиянием социал-демократов, киевский генерал-губернатор отмечал: «Уставы обществ... построены на общих принципах социал-демократиче-

ской программы. Общества ставят своей целью объединение рабочих в пределах всего генерал-губернаторства, содействие умственному и нравственному развитию членов». Российские рабочие не смирялись с закрытием профсоюзов, возрождая их в нелегальных формах, не успокаивались при отказе в регистрации, подавая новые прошения, противодействовали стремлению властей не допустить создания централизованных отраслевых, городских или губернских профсоюзов. Защищая завоеванные права, не позволяя снижать жизненный уровень в условиях продолжавшейся депрессии, рабочие расширяли участие в кооперативном движении. Сначала это были фабричные и железнодорожные кооперативы, находившиеся в зависимости от администрации, но потом стали создаваться независимые потребительские общества. В целом количество рабочих кооперативов в России было не очень значительно (в конце 1911 г. всего 86), но они существовали повсеместно. Кооперативы более других массовых рабочих организаций стояли в стороне от политической борьбы.

§ 4. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

После третьеиюньского переворота правительство принимает жесткие меры по стабилизации положения в стране. Наиболее активно эта линия внутренней политики проводилась до 1909 г., т. е. в годы премьерства П. А. Столыпина, что обусловило ее характеристику как «столыпинской реакции». Председатель Совета министров неоднократно публично заявлял о своей убежденности в необходимости искоренения революционных настроений и решительных действий против революционеров. Он не отступил даже перед непрекращавшимися (всего их было 11) покушениями на него. Правительство широко использовало Положение об усиленной и чрезвычайной охране, вводя его нормы в отдельных регионах страны. С кануна революции (июль 1904 г.) и по июль 1909 г. репрессиям подверглось не менее 1,5 млн человек. Беспощадное искоренение смуты сопровождалось обысками в железнодорожных поездах, школах, университетах, церквях, учреждениях земств и судов. К началу 1908 г. в тюрьмах находилось более 200 тыс. человек, что вдвое превышало число мест в них и содействовало распространению болезней, особенно сыпного тифа. Смертная казнь, по словам В. Г. Короленко, стала в России «бытовым явлением». В 1906—1909 гг. было закрыто 350 профсоюзов рабочих, почти 500 — отказано в регистрации. Большинство возникших в революцию демократических организаций подверглись полному уничтожению. Исчез Крестьянский союз, жалкие обломки остались от студенческих и профессионально-интеллигентских союзов.

Столыпинская аграрная реформа. Идеи дальнейшей модернизации России в социально-экономической сфере получали все большее распространение даже в правящем классе. Такой позиции придерживался и новый председатель Совета министров П. А. Столыпин, считая необходимым ликвидировать глубинные причины народной борьбы против власти. Он заявлял: «Революция — болезнь не наружная, а внутренняя, и одними наружными средствами ее не вылечишь». В модернизационно-реформаторской линии политики столыпинского правительства ключевое место заняла аграрная реформа. Суть ее сводилась к решению крестьянского вопроса не через отчуждение помещичьих земель, а предоставлением крестьянству земли в индивидуальную собственность за счет общинного фонда. Данная идея к этому времени прошла уже определенный путь развития на съездах уполномоченных дворянских обществ и в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством Витте. При известном сходстве позиций Столыпина и Совета объединенного дворянства в разрешении аграрного вопроса у них были различия, даже определенные противоречия, которые в дальнейшем привели к серьезному конфликту. Дворянство, высказываясь за разрушение общины, видело в этом единственную возможность отвести крестьянскую угрозу от помещичьей земли. Столыпин, не покушаясь на дворянские имения, руководствовался идеей создания в земледельческом центре страны хуторского хозяйства. В этой позиции премьера, вероятно, сказался его жизненный опыт, никак не связанный с русской деревней. Это было характерно и для разработчика землеустроительной части реформы, датчанина А. А. Кофода. Приехав в Россию в 22-летнем возрасте и совершенно не зная русского языка, он долго жил в датской колонии в Псковской губернии. В проведении аграрной реформы отразилось личное неприятие Столыпиным духа русской общины, о чем он писал в 1904 г.: «У русского крестьянина — страсть всех уравнять... а так как массу нельзя поднять до уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы должны быть принижены к пониманию, к устремлению худшего, инертного большинства». На эти деятельные элементы он и рассчитывал, приступая к разрушению общины. Осуществление реформы неотделимо у Столыпина от проявления силы верховной власти: «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшения землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы».

Началом аграрной реформы стал Указ, принятый 9 ноября 1906 г. между I и II Думами в порядке ст. 87 «Основных государственных законов». По новому закону домохозяину, владеющему надельной землей на общинном праве, разрешалось требовать укрепления его части земли в личную собственность. При наличии излишков больше душевого наделения домохозяева могли и эту землю укрепить за собой. Выделенная земля становилась личной собственностью домохозяина, которой он мог распоряжаться, но с ограничениями. Продавать ее можно было только лицам, приписанным к сельскому обществу, закладывать — только в Крестьянском поземельном банке, а завещать — только ближайшим наследникам. Закон ориентировался на зажиточные слои деревни, которые получали возможность мобилизации земельных владений за счет скупки наделов бедноты. Указ поступил на рассмотрение Думы в конце 1909 г. Правооктябристское большинство готово было его сразу одобрить. Кадеты, страшась нового революционного взрыва, предлагали действовать осторожно и постепенно. Решительно против столыпинского указа выступили трудовики. Крестьянские депутаты из правых фракций дополнительно внесли законопроект, предлагая наделение безземельных и малоземельных крестьян за счет помещичьих земель. Их требования поддержали социал-демократы. Поправка думской земельной комиссии к проекту была направлена на расширение условий выделов. Сельские общества, в которых не проводилось в течение последних 24 лет общих переделов, объявлялись целиком перешедшими к наследственному землевладению. С этим дополнением правительственный законопроект был принят Думой. Поправка Государственного совета устанавливала единоличное владение также в обществах, где переделов не было с момента наделения землей. 14 июня 1910 г. закон был утвержден царем. 29 мая 1911 г. был принят Закон о проведении землеустроительных работ, по которому селения, где прошло землеустройство, оказывались перешедшими к наследственному участковому владению. Подобная норма давала право землеустроительным комиссиям насаждать хуторское и отрубное землепользование.

К началу реализации столыпинской аграрной реформы от общего числа 12,3 млн крестьянских и казацких дворов владели землей на общинном праве в Европейской России 9,5 млн (или 77%). Желание выйти из общины было характерно для части зажиточной верхушки, стремившейся освободиться от стеснительных общинных порядков и завести более рациональное хозяйство. Эти тенденции особенно проявлялись в районах сравнительно недавнего заселения (Новороссия, Предкавказье, степное Заволжье), где община была слабее и где более интенсивно шел процесс капитализации аграрного хозяйства. Достаточно многочисленной в русской деревне была группа выделенцев, намеревавшихся полученную землю сразу продать. Это были,

как правило, малоземельные крестьяне, уже порвавшие связь с хозяйством или желавшие этого. Две крайние группы деревни — богатая и беднейшая — и составили основное число выходцев из общины, причем вторая преобладала. Часть середняков выделялась из опасения остаться в начавшейся земельной перетасовке с худшими и урезанными наделами.

Данные об итогах реформы свидетельствуют, что община упорно сопротивлялась переделу крестьянской земли, поскольку помещичья оставалась нетронутой. К сентябрю 1914 г. заявления об укреплении земли в личную собственность подало 2,7 млн хозяев, т. е. менее трети. Из них только около 27% получили согласие сельских сходов, поэтому 9% крестьян взяли свои заявления обратно. Больше всего выходов приходилось на Поволжье, Таврическую, Херсонскую, Екатеринославскую губернии. В 1907 г. выделилось из общины 48,3 тыс. хозяйств. В 1908 и 1909 гг. этот показатель составил соответственно больше 508 тыс. и почти 580 тыс. выделов, т. е. увеличение к первому году было в 10 и 12 раз. В последующее пятилетие выделы неуклонно снижались, достигнув в 1914 г. 98 тыс., а в военном 1915 г., опустившись до 30 тыс. Невелико было число выделов в общинах, которые по закону 1910 г. признавались полностью перешедшими на новые права землевладения. За 1910—1915 гг. из 3,7 млн членов этих общин удостоверительные документы потребовало около 17% домохозяев, а получило менее 13%. В общей сложности за 1907—1915 гг. около 2,5 млн крестьян получили право собственности на бывшую надельную землю. К этому числу следует добавить 2,8 млн хозяйств с подворным владением землей, для которых снимались ограничения в продаже земли. В итоге 39 млн десятин земли могло свободно покупаться и продаваться.

Процесс втягивания укрепленной в личное владение надельной земли в торговый оборот шел весьма интенсивно. За 1908—1915 гг. продало свои наделы почти 1,1 млн домохозяев. Большая часть этой земли (3,4 млн десятин) приходилась на долю бывших общинников, и только 600 тыс. десятин — подворников. По официальным данным, в 45 губерниях Российской империи 1/4 из числа крестьян, продавших землю к 1914 г., порвала с хозяйством раньше его продажи. Среди оставшихся продали свою землю сразу и полностью половина крестьян, а другая половина лишилась земли частично. Основными причинами расставания крестьян с землей были нехватка рабочих рук и общий упадок хозяйства (25%), продажа с целью купить землю в других местах (20%), а для развития хозяйства — только 6%.

Крестьянские земли при выделе сводились в *хутор* (усадебная земля, пашни и угодья объединены в одном месте) или *отруб* (усадьба находится в отдалении от других земель). П. А. Столыпин и другие разработчики реформ были поклонниками хуторских хозяйств,

характерных для западных, прибалтийских губерний, Новороссии. Они хотели также преодолеть чересполосицу, проводя землеустройство. При этом совершенно не учитывались природно-климатические особенности различных зон, низкая плодородность почв в историческом центре России, значительные перепады ее характеристик даже на небольшом пространстве, которые и нивелировались чересполосицей. Устроители не тратили особых усилий, а тем более средств на помощь выделившимся крестьянским хозяйствам. Земельные размеры создаваемых хуторов и отрубов были в десятки раз меньше тех хозяйств, с которыми реформаторы знакомили крестьян из русских деревень, организуя с этой целью специальные поездки. Насмотревшись в ходе таких «экскурсий» на добротные хутора латышских «серых баронов» со всеми необходимыми угодьями и обилием воды, на 60-десятинные участки херсонских немцев-колонистов с каменными постройками, на 100-десятинные хутора самарских меннонитов с собственными артезианскими колодцами, крестьяне возвращались на свой 5-десятинный хутор, не имевший воды, дороги, без луга и выгона, и становились противниками хуторского хозяйства. Теоретически прогрессивное дело разбивалось о нереальную для осуществления реформы ситуацию. Землеустроительные работы, предусмотренные реформой, шли медленно из-за нехватки специалистов, ассигнований и сопротивления крестьянства, вызванного волокитой и мздоимством чиновников, необходимостью оплачивать адвокатов при земельных спорах. В итоге проводившееся землеустройство увеличивало накапливавшуюся в крестьянской среде ненависть к существующим порядкам, неистребимое желание захвата помещичьей земли.

Существенная роль в проведении реформы отводилась Крестьянскому поземельному банку с его правом покупать имения (дано в 1895 г.) и выпускать ценные бумаги на всю сумму сделок (добавлено в 1905 г.). В процессе реформы ситуация на рынке грозила обесценением помещичьей собственности, поэтому Крестьянский банк развернул массовую скупку помещичьих имений. За 1906—1907 гг. он приобрел в 3 раза больше имений, чем за 11 предыдущих лет. При этом банк поднял цены почти на 1/3, что привело к их дальнейшему росту. Всего за 1906—1916 гг. Крестьянский поземельный банк выплатил помещикам за 4,6 млн десятин около 500 млн руб. Взвинчивание банком земельных цен, сопровождавшееся наложением на заемщиков, т. е. крестьян, больших платежей, неминуемо приводило большинство хуторян и отрубников к разорению. В 1906—1915 гг. за неуплату взносов по старым и новым ссудам у заемщиков было отобрано до 570 тыс. десятин земли. Недоимки клиентов Крестьянского поземельного банка постоянно росли, а число новых сокращалось, так как падало доверие крестьян к банку. Надежды устроителей рефор-

мы на этот банк как важный рычаг создания в деревне новой социальной опоры монархии рухнули.

Составной частью столыпинской реформы была целенаправленная организация переселенческого движения. Власти поощряли заселение территорий за Уралом, надеясь ослабить искусственный земельный голод в европейской части страны. Правительство стимулировало переселение выдачей небольших пособий, ссуд и льгот по переезду и налогам. Для переселенцев был даже сконструирован особый («столыпинский») вагон. Им предоставлялось право укрепить и свободно продать свой земельный надел. Переселенческий поток возрастал, начиная с 1906 г., и особенно высоким был в 1908—1909 гг., когда на новые места двинулось более 1,3 млн человек, в том числе многие на свой страх и риск. Таких в одной только Томской губернии в 1910 г. скопилось около 700 тыс. Главной трудностью на новых местах было отсутствие необходимых средств для организации хозяйства у подавляющего числа переселенцев, принадлежавших в своем большинстве к деревенской бедноте. Ссуды на обзаведение, по подсчетам экономистов, требовались в сумме не менее 450 руб. даже в ближайших областях Сибири, а практически они не превышали 100 руб. Большинство переселенцев (61,5%) имело при себе менее этих 100 руб. Если начальная часть ссуды расходовалась на прокормление, а не на хозяйство (что было обычным явлением), то переселенец терял право на получение оставшейся части. Повсеместно переселенцы сталкивались с бесконечными поборами чиновников. Все это нередко приводило к возвращению неудачных новоселов в родные края. Общее число переселенцев за 1906—1916 гг. составило более 3,1 млн человек, процент возвратившихся в первые годы равнялся 9%, в последующие поднимался до 31%. Дополнительные сложности возникали у переселенцев из Европейской России, в основном русских и украинцев, направлявшихся в Туркестан, Степной край, Закавказье. Отвод земель, пригодных для земледелия, сопровождался здесь нередко отчуждением их у коренных народов или земельным утеснением местного населения. Организация переселенческого движения проводилась на уровне минимальных государственных затрат и с очевидной попыткой переложить все тяготы освоения новых земель, в том числе финансовые, на крестьянские плечи. При этом недостаток государственных средств был не в реальном их отсутствии, а в продолжавшейся безмерной и многоканальной поддержке дворянского землевладения.

В стремлении уменьшить аграрное перенаселение и повысить доходы крестьянской семьи правительство намеревалось поддержать развитие кустарных промыслов. Поскольку промыслы, особенно в селах, ставших очагами кустарной промышленности, были основным занятием и источником дохода крестьянства, власть надеялась ис-

пользовать этот канал для понижения крестьянского спроса на землю. Однако к проведению намеченных мероприятий, требовавших больших средств, которые правительство не находило даже на земельную часть реформы, фактически не приступили.

Общие данные о динамике развития хуторов и отрубов, имевших, как правило, больше земли на двор, чем общинники, свидетельствуют об определенных положительных тенденциях в их производственной деятельности. За сравнительно короткий срок в них увеличилась стоимость сельскохозяйственных орудий на двор, несколько возросла площадь посевов и урожайность хлебов; повысилась доля хозяйств с улучшенным севооборотом. Однако во многом повышение итогов сельскохозяйственного производства в отдельные годы проведения столыпинской аграрной реформы связаны с чередованием урожайных и неурожайных лет в России, которое целиком определялось природно-климатическим фактором. В пятилетие 1908—1912 гг. крупными недородами отмечены 1908 и 1911 гг., а остальные, и особенно 1913 г., отличались очень высокими урожаями. Правительству не удалось разрушить общину, так как показатели выхода крестьян очень быстро пошли на убыль, и общий итог оказался незначительным. Ряд современных исследователей полагают, что успех реформы мог быть ощутимым только через 50—80 лет. Иначе говоря, это срок постепенного формирования крупных капиталистических ферм, которые при краткости рабочего сезона в российском земледелии могли существовать лишь при возможной резкой концентрации рабочей силы и техники в ключевые моменты аграрного производства. Но такая перспектива к самой реформе Столыпина уже непосредственного отношения не имела.

Неудача столыпинской реформы резко оттеняет трагизм социально-экономического развития России. Волею судьбы оказавшись в самых неблагоприятных природно-климатических и географических условиях среди основных европейских стран, великорусский социум еще в Средневековье создал механизмы своего выживания и развития в лице крепостничества и сохранения общины. В XIX в. с активным ростом промышленности роль этих механизмов неуклонно ослаблялась, набирая отрицательные качества. Поиск новых компенсационных механизмов в силу развития в стране капитализма был ориентирован на опыт западной цивилизации, но в начале XX в. он оказался неудачным.

* * *

Содействие государства в период третьеиюньской монархии модернизационным процессам в индустриальной сфере было минимальным. Еще в начале 1900-х гг. его роль в процессе промышленного

развития была поставлена под сомнение. Сторонники этой позиции считали, что государство должно прежде всего способствовать подъему сельского хозяйства и кустарных промыслов. Предприниматели ратовали за сбалансированное внимание власти к отечественной индустрии и аграрному сектору. Отказ от какой-либо государственной поддержки промышленности был крупнейшим просчетом правительства, вина за который лежит прежде всего на Столыпине и министре финансов, а с 1911 г. председателе Совета министров В. Н. Коковцове. Они не оценили и не продолжили экономическую политику выдающихся реформаторов второй половины XIX в., включая Витте. Не финансировались даже отрасли (сельскохозяйственное машиностроение, производство минеральных удобрений), которые должны были содействовать развитию сельского хозяйства в целом и нарождавшемуся в Центральной России хуторскому крестьянскому хозяйству. Недостаточно внимания уделялось строительству казенных элеваторов, холодильников, обеспечивающих длительное хранение сельхозпродукции.

В годы революции фабриканты и заводчики надеялись добиться общего пересмотра многих архаичных форм правового регулирования торгово-промышленной и кредитной сферы, но эта работа, начатая только в 1910 г., не была завершена. Изменению ситуации не помогло даже учреждение специального Министерства торговли и промышленности. Министры регулярно составляли записки о направлениях промышленной политики правительства. Однако ни одна из этих программ не стала предметом обсуждения в Совете министров — Столыпин клал их под сукно, что не уменьшало настойчивости предпринимателей. Слишком многие правовые проблемы торгово-промышленной деятельности и общие условия развития индустриального производства, в частности его инфраструктуры (транспорт, связь, новейшая система электроэнергетики), не могли быть решены без участия государства. Выработке торгово-промышленной программы правительства препятствовала антипромышленная группировка в составе министров внутренних дел, юстиции, путей сообщения, народного просвещения. Это содействовало проведению таких непопулярных в предпринимательской среде мер, как разрешение льготного ввоза промышленных товаров из-за рубежа, расширение казенного хозяйства, стеснение акционерного дела.

Однако существовали проблемы экономической политики, занявшие в эти годы значительное место в деятельности правительства. Русско-японская война и революция поставили страну на грань финансового краха. Сбора обыкновенных доходов не хватало для удовлетворения необходимых государственных расходов, был поколеблен курс рубля. Для предотвращения катастрофы законом 2 января 1906 г. были значительно повышены ставки промыслового обложе-

ния, а в апреле заключили соглашение с французскими банками о займе. Возглавивший Министерство финансов В. Н. Коковцов считал необходимым продолжать увеличение золотого запаса в Государственном банке и не спешить с заключением новых займов, так как это было небезопасно при экономическом и политическом состоянии страны. Поскольку налоговые поступления достигли своего предела, оставалось одно — жесткое регулирование расходов бюджетных ресурсов, что стало стержнем финансовой политики Коковцова. Чрезмерная экономия бюджетных средств и отказ от займов затрудняли прилив капиталов в сельское хозяйство и ограничили финансирование столыпинской аграрной реформы. Промышленность, особенно в условиях начавшегося оживления, так остро не нуждалась в государственном субсидировании. Уже к 1909 г. Коковцову удалось добиться активного сальдо государственного бюджета и окончательно стабилизировать денежное обращение.

Программа правительства Столыпина предусматривала реформы, направленные на модернизацию социально-политической и социокультурной сферы жизни русского общества, регулирование отдельных систем управления. Однако их реализации помешало нарастание среди консервативного большинства страха даже перед минимальными реформами, поскольку в стране сохранялась нестабильность. Во многих губерниях не был отменен режим управления на основе исключительных положений, так как деревня и помещичья усадьба продолжали представлять два враждебных стана. Правые откровенно боялись, что быстрое проведение задуманных реформ спровоцирует выступления масс, как это было после 17 октября.

Подобные опасения сдерживали разработку *фабрично-заводского законодательства*. Даже уже подготовленные проекты (об упорядочении продолжительности рабочего дня, об условиях найма) правительство не торопилось представлять в Думу. Летом 1908 г. в нее поступили законопроекты о страховании рабочих от несчастных случаев и по болезни, разрабатывавшиеся с января 1905 г. После долгих обсуждений в думских комиссиях в апреле 1911 г. они были вынесены на общее заседание Думы, где подверглись резкой критике. Кадет Н. Н. Щепкин предупреждал консервативно-реакционное большинство о необходимости «пойти на некоторые жертвы», чтобы трудящиеся не пошли «на катаклизмы». Трудовики предлагали осуществлять страхование рабочих государством за счет прогрессивного налога с капиталистов. Свою развернутую программу по государственному страхованию рабочих представили социал-демократы. Наиболее значительные поправки кадетов, тем более трудовиков и социал-демократов, были отвергнуты. Однако Думе пришлось восстановить в правительственной редакции статью, возлагавшую расходы за лечение рабочих на предпринимателей. Законопроекты о страховании только

в январе 1912 г. были приняты Думой, а высочайшее их утверждение последовало в июне. Создаваемые страховые товарищества объединяли владельцев определенного района и передавали в их руки мощную организацию со своим штатом служащих, специалистов страхового дела и врачей, которой в одиночку противостоял рабочий.

Обязательное страхование рабочих предусматривало их объединение в больничные кассы, которые осуществляли выдачу пособий заболевшим. Каждая касса объединяла не менее 200 рабочих. Средства больничной кассы, формировавшиеся в основном из денег рабочих (обязательный взнос в размере 1—2% заработка, штрафной капитал) и отчислений владельца предприятия (2/3 суммы взносов рабочих), находились в руках владельца предприятия, чтобы не допустить их использования как стачечного фонда.

Свидетельством неустойчивости третьеиюньской политической системы являлось развитие конфликтных ситуаций по весьма незначительным поводам. Законопроекты, малозначимые по существу и с точки зрения жизнедеятельности всей страны и ее населения, могли не только вызвать жаркие дебаты в Думе и Государственном совете, но приводили к правительственным или парламентским кризисам. Впервые это случилось весной 1909 г. После одобрения в мае 1908 г. Думой законопроекта об ассигнованиях на расширение штатов Морского министерства он был отвергнут верхней палатой как нарушавший прерогативы монарха. Дума в декабре вторично приняла законопроект, после чего под нажимом Столыпина он был поддержан в марте 1909 г. и Государственным советом. Однако последовавший рескрипт царя с отказом в утверждении закона свел на нет усилия правительства и выявил отсутствие с его стороны должной поддержки Столыпина.

Проекты реформ местного управления предусматривали включение в волость, помимо общинных, и помещичьих земель. Создаваемая мелкая земская единица становилась основой местного управления, а избрание уездных и губернских земств предлагалось на принципах бессословности и имущественного ценза, что увеличило бы в них долю зажиточного крестьянства. Проекты, вызвав неодобрение дворян-помещиков, привели к формированию в Государственном совете открытой антистолыпинской оппозиция во главе с П. Н. Дурново, не позволившей их реализовать. Эта ситуация повторилась и при разработке законодательства о национальных окраинах. Проблема их усмирения и сохранения единства империи под эгидой самодержавия инициировалась черносотенцами, выдвинувшими лозунг «Россия для русских». Одной из первых целей воинствующего национализма стала Финляндия. Столыпин поддержал позицию правооктябристского большинства, потребовав покончить с финляндским сепаратизмом и конституцией. В соответствии с законом об общеимперском законо-

дательстве (1910) из ведения финляндского сейма изымались вопросы о налогах, воинской повинности, суде, охране государственного порядка, уголовном законодательстве и др. В итоге были приняты акты об уравнении прав русских граждан в Финляндии и о сумме, выплачиваемой финляндской казной взамен отбывания ее гражданами воинской повинности, но они, по существу, остались на бумаге.

В связи с введением земства в Витебской, Минской, Могилевской, Волынской, Киевской, Подольской губерниях возник польский вопрос. Появление данного законопроекта стало обходным маневром правительства после неудачи с реформой местного и волостного управления. В отличие от земского Положения 1890 г., проект вводил две национальные курии — польскую и русскую, в которую зачислялось все непольское население. По нему также предусматривалось, что председатель, часть членов управ и земские служащие будут русскими. Проект, одобренный Думой, отвергли антистолыпинские силы в верхней палате, что заставило премьера провести его в чрезвычайно-указном порядке, распустив в марте 1911 г. Думу на 3 дня. Драматично с ноября 1911 г. протекало в Думе рассмотрение законопроекта «О выделении из состава губерний Царства Польского восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии», по которому из-под опеки польского дворянства высвобождалось русское население Холмщины. В ходе обсуждения черносотенцы возмущались полонизацией русского края, представители польского коло заявляли о «четвертом разделе» Польши, а украинские депутаты доказывали, что Холмщина — колыбель украинства. Закон был принят Думой в апреле 1912 г., в мае одобрен Государственным советом, а в июне утвержден царем.

Острота национального вопроса проявилась и вне парламента в антисемитских кампаниях, не раз инспирировавшихся в послереволюционный период реакционно-охранительными силами. VII съезд объединенного дворянства открыто требовал «очищать русскую землю от евреев, очищать твердо, неуклонно, шаг за шагом и по выработанному заранее плану». Это повлекло массовое выселение евреев из Киева, Смоленска, Чернигова, Гомеля, Полтавы и других городов в законодательно установленные районы черты оседлости. Правительство предпринимало меры по ограничению приема иудеев в школы и университеты. Символом антисемитской компании стало «дело Бейлиса», по которому в 1911 г. в совершении ритуального убийства мальчика Андрея Ющинского был обвинен Мендель Бейлис, приказчик кирпичного завода, вблизи которого был обнаружен труп. Министром юстиции И. Г. Щегловитовым была принята версия ритуального убийства. Для судебного процесса по делу проводился специальный отбор состава присяжных, однако суд оправдал Бейлиса.

Программой П. А. Столыпина предусматривалась также реорга-

низация армии и флота, дабы они были на высоте, «которая соответствует чести и достоинству России». В 1906—1910 гг. большинство этих планов не удалось принять по причинам финансовых трудностей власти, а также технико-экономической отсталости России, затруднявшей перевооружение армии и флота. Достижение стабилизации бюджета и начавшийся промышленный подъем, сопровождавшийся рядом урожайных лет, привели к некоторому увеличению внутренних накоплений в стране. Рост государственных доходов почти до 1 млрд руб. позволил увеличить военные расходы. Увлечение строительством крупных морских флотов, согласно распространившейся в мире концепции маринизма, повлияло и в России на выбор приоритетов при разработке программ совершенствования армии и флота. Последнему был дан зеленый свет, чему содействовали и чисто русские факторы: урон, который понес флот в Русско-японской войне, и амбиции царизма. Морской министр адмирал И. М. Диков утверждал: «Флот России как великой державе необходим, и она должна иметь его и быть в состоянии послать туда, куда его потребуют государственные интересы». Морской генеральный штаб еще в 1906 г. предложил царю 4 варианта программы. Не получив ее одобрения в Совете государственной обороны, император созвал адмиралов, высказавшихся за оптимальные масштабы строительства флота. Однако из-за отсутствия денег в казне царь утвердил варианты программ, предусматривавших постройку кораблей для Балтики и Черного моря. Приступить к ее реализации смогли лишь летом 1909 г.

Разработка программы перевооружения армии началась с большим опозданием. Сделанные расчеты показали, что размер нужной суммы составляет приблизительно годовой доход государства. Представленный план минимальных потребностей армии не стал и рассматриваться Николаем II. Только обострение ситуации на Балканах вынудило правительство вернуться к этому вопросу. На созванном царем в феврале 1908 г. совещании генералов и адмиралов для армии испрашивалось 315 млн руб., включая 1914 г. Из этой суммы более половины шло на усиление материальной части — артиллерия, пулеметы, телефон, телеграф и пр. Изменение финансового положения страны к 1909 г. обусловило новую постановку программ развития армии и флота на ближайшие 10 лет. Морское министерство получало около 700 млн руб., в том числе на новое судостроение 540 млн руб., а военное — чуть более 700 млн руб. Программа 1910 г., поздно принятая, рассчитанная на длительный срок выполнения и явно не учитывающая быстрый рост потребностей в новой технике, выглядела штопаньем прорех в оснащении русской армии. Общие расходы в 1911—1913 гг. на армию и флот составили в среднем около 720 млн руб. в год против менее 570 млн руб. в первые послереволюционные годы.

§ 5. СОХРАНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И НОВЫЙ ПОДЪЕМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кризис третьеиюньской системы. С начала 1911 г. стала обнаруживаться шаткость позиции председателя Совета министров, в политике которого разочаровывались правые силы. Все заметнее отказывал в поддержке Столыпину Николай II. Борьбу против премьера возглавили лидеры правых в Государственном совете П. Н. Дурново и В. Ф. Трепов, которые вели свою кампанию продуманно. Они заручились общей поддержкой царя и его разрешением на голосование в Совете против законопроекта правительства о земствах в западных губерниях. Столыпин, не учтя коварства, присущего российскому самодержцу, переоценил прочность своей позиции. Государственный совет, рассматривая закон о земствах, изъял положение о национальных куриях. Столыпин подал в отставку, но царь ее не принял, не допуская решения подобных вопросов подданными и учитывая мнение императрицы-матери, великих князей, продолжавших видеть в Столыпине опору трона. В итоге председатель был оставлен на своей должности и даже с принятием определенных условий с его стороны, но, как трезвый политик, Столыпин понимал, что дни его премьерства сочтены.

Возникший весной 1911 г. «министерский» кризис вскоре сменился «парламентским». Поводом явился перерыв в работе Думы, который депутаты сочли незаконным. В сходных выражениях определил свою позицию и Государственный совет. В итоге А. И. Гучков сложил с себя полномочия председателя Думы. Его сменил крупный помещик и деятель екатеринославского земства Михаил Владимирович Родзянко, поддержанный правооктябристским большинством. «Министерский» и «парламентский» кризисы, показав шаткость третьеиюньской системы, выявили усиление вмешательства царя в деятельность высших органов государственной власти. В дальнейшем эта тенденция развивалась, осложняя функционирование исполнительной власти, обремененной массой нерешенных проблем и вопросов.

28 августа Столыпин приехал в Киев на торжества по случаю открытия земских учреждений и памятника Александру II. Устроители продемонстрировали пренебрежение к главе правительства — ему пришлось нанимать извозчика, так как для него не нашлось места в экипажах, предоставленных царю и царской семье, приближенным лицам, и не был выделен отдельный казенный экипаж. Охраной высокопоставленных лиц занимался товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов П. Г. Курлов, смещения которого добивался Столыпин. Поступившее в киевское охранное отделение со-

общение от жителя города Д. Г. Богрова, что на его квартиру прибыл человек с оружием, должным образом не оценили, и вряд ли по недомыслию. Богров сотрудничал с охранкой, выдавая за деньги анархистов. Ему предоставляли пропуска и билеты на все мероприятия, где он буквально по пятам ходил за Столыпиным. 1 сентября в киевской опере в антракте Богров в упор дважды выстрелил в премьера. Несколько дней состояние Столыпина было неопределенным, а после резкого ухудшения 5 сентября он умер. Богров предстал перед Киевским окружным военным судом 9 сентября, а 12-го уже был повешен. Новым председателем Совета министров был назначен Владимир Николаевич Коковцов, сохранивший за собой пост министра финансов. Коковцов происходил из знатной дворянской семьи, в 1896—1902 гг. был товарищем министра финансов С. Ю. Витте, затем — статс-секретарем Государственного совета, а с февраля 1904 г. занимал с небольшим перерывом должность министра финансов.

Просуществовав весь положенный по закону срок, III Государственная дума завершила свою работу 9 июня 1912 г. Выборы в IV Государственную думу, проходившие осенью 1912 г., еще раз подтвердили надежность закона 3 июня 1907 г. В новой Думе по-прежнему сохранялись правооктябристское и октябристско-кадетское большинство. Однако потери октябристской фракции (50 мандатов) были существенны, как и рост почти в 2 раза фракции прогрессистов. Такая ситуация стала результатом общего «полевения» буржуазии и одновременно сдвига части кадетов вправо, которые даже не включили аграрный вопрос в свою избирательную платформу. В течение первой сессии IV Думы правительство не внесло на ее рассмотрение ни одного значимого законопроекта. Пресса постоянно писала о «скуке», царившей в Думе. Кадеты, пытавшиеся оживить думскую деятельность, представили явно непроходные законопроекты — о неприкосновенности личности, о союзах и собраниях, о замене избирательного закона 3 июня 1907 г. и т. д. Правооктябристское большинство не поддержало предложения прогрессистов об изменении земского Положения 1890 г. и левых октябристов о понижении ценза при выборе земских гласных. Все это усиливало законодательный паралич Думы.

В структуре исполнительной власти наблюдалось снижение роли Совета министров с одновременным усилением инициатив и действий самодержца. При этом оба процесса развивались в условиях роста давления на царя и правительство дворцового окружения и так называемых темных сил, группировавшихся вокруг Г. Распутина. Новый премьер В. Н. Коковцов по своему характеру и сугубо чиновничьей карьере был исполнителем, чутко улавливающим настроения монарха. Однако он был слишком связан с торгово-промышленными кругами и уже этим чужд высшим сферам, слишком рационален, чтобы не понимать невозможности исполнения царской воли, когда Николай II

требовал от него заставить замолчать прессу, смаковавшую похождения Распутина. Как убежденный монархист, Коковцов и сам не мог спокойно взирать на рост влияния при дворе «старца», настаивая на его отъезде из столицы. Этим он предопределил свою будущую отставку. Выступления премьера в Государственной думе не раз подвергались оскорбительным нападкам со стороны националистических и ультраправых фракций. На него яростно нападала правая печать. 29 января 1914 г. последовала отставка Коковцова. Его преемником стал Горемыкин, уже зарекомендовавший себя противником какого-либо сотрудничества с Думой. Это отражало настроения царского окружения, о чем Коковцов писал впоследствии: «В ближайшем кругу государя понятие правительства, его значение, как-то стушевывалось, и все резче и рельефнее выступал личный характер управления государем...»

В течение 1913—1914 гг. полевение позиций либеральных партий делалось заметнее. Съезд октябристов (ноябрь 1913 г.), констатировав нарушение со стороны правительства сделанных обещаний, заявлял, что дворцовое окружение, Совет объединенного дворянства, правое крыло Думы погубили такого исполина, как П. А. Столыпин, и проводимый им курс, чем открыли дорогу реакции. А. И. Гучков предложил перейти в оппозицию правительству. В итоге участвовавшая в многодневных дебатах октябристская фракция распалась на три: земцев-октябристов (65 депутатов), «левых» октябристов и беспартийных (15 депутатов), которые представляли собственно правое крыло. На конференциях Партии народной свободы, заседаниях ее ЦК и думской фракции, «реальные политики» во главе с Милюковым начинают теснить правое крыло руководства партии, требуя учитывать настроение в обществе. На конференции (январь—февраль 1913 г.) в докладе Милюкова прозвучало заявление о «непримиримой оппозиции власти» до тех пор, пока не будет осуществлена «демократизация государственного строя». Лидер кадетских левых Н. В. Некрасов предлагал центр тяжести работы партии перенести на внедумскую деятельность, что диктовалось осознанием роста силы рабочего движения, необходимостью не утратить своих позиций во главе либерального движения и не упустить шанс в случае радикальных перемен в стране. Полевение было заметно среди прогрессистов, предлагавших не беспокоиться о «сбережении Думы». В мае 1914 г. съезд представителей торговли и промышленности призвал правительство отказаться от крайностей черносотенно-националистической политики и встать на путь постепенных реформ, указывал на неправомерность применения только полицейских мер борьбы с рабочим движением, высказывал тревогу по поводу распространения политических забастовок, которые создают неуверенность на бирже, подрывают

международный финансовый кредит страны и затрудняют прилив иностранных капиталов.

Как правые, так и либеральные фракции пытались воздействовать на правительство, требуя проведения минимальных реформ, чтобы предотвратить новый революционный взрыв. С весны 1914 г. кадеты, прогрессисты и октябристы активно использовали бюджетные права Думы, отклоняя сметы наиболее консервативных министерств и Синода. Такие действия порождали в верхах мысль об очередном государственном перевороте. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков испрашивал у Николая II разрешения на разгон парламента и получил его согласие, которое не удалось реализовать. Правительство решило действовать методами притеснения и обструкции. Так, новый премьер Горемыкин заявил, что не обязан отвечать на депутатские запросы. На подобные действия Дума реагировала усилением критических выступлений.

Нарастание массового движения. После переворота 3 июня 1907 г. массовое движение почти сошло на нет. К 1910 г. забастовочная борьба замерла в 40% губерний Европейской России. Стачка стала редким явлением — не более 1—3 в год. Однако начавшийся промышленный подъем способствовал оживлению рабочего движения. Прошедшие в 1910 г. стачки рабочих Москвы и Московской губернии соединяли экономические требования с социально-политическими. В ноябре всю страну взволновало известие о смерти Л. Н. Толстого. В день похорон русского гения забастовали заводы и фабрики в Москве, Петербурге, Николаеве и Киеве. Вскоре к ним присоединились студенты Петербургского университета и других учебных заведений столицы, устраивая сходки и демонстрации.

Как и в начале XX в., массовое движение инициировала революционно настроенная молодежь. Еще осенью 1910 г. студенческие выступления под лозунгом «Долой смертную казнь!», сопровождавшиеся стычками с полицией, прошли в Петербурге, Москве, Томске, Харькове и Киеве. К началу 1911 г. студенческие организации действовали повсюду. Повсеместно возникали коалиционные советы социал-демократов и эсеров, к которым присоединились студенты-кадеты, не желая остаться в изоляции. Волнения достигли критической точки в январе 1911 г., когда всю страну охватила студенческая забастовка, после чего последовали исключения, аресты, высылки. В учебных заведениях профессора нередко читали лекции под охраной полиции. Особенно накалилась обстановка в Московском университете, где в феврале более 100 профессоров подали в отставку в знак протеста против действий министра народного просвещения Л. А. Кассо. Покинули кафедры и многие профессора Киевского политехнического института. Осенью началась кампания за освобождение сосланных на каторгу социал-демократических депутатов II Думы. Запрос депу-

татской фракции был поддержан рабочими забастовками по всей стране. Число депутатов, подписавших запрос, все росло, и правое большинство решилось на его обсуждение, но в закрытом заседании. В знак протеста социал-демократы и трудовики покинули зал. К ним присоединилась и буржуазная оппозиция.

Весной 1912 г. в стране начался подъем рабочего и крестьянского движения. В Восточной Сибири в феврале 1912 г. на предприятии компании «Ленского золотопромышленного товарищества» («Лензото») вспыхнула забастовка, охватившая к середине марта все прииски. В сформированный Центральный стачечный комитет вошли меньшевики, эсеры, анархисты и беспартийные рабочие. Власти провели аресты активистов, хозяева вызвали войска. 4 апреля 1912 г. колонна рабочих, направлявшаяся к правлению с просьбой об освобождении арестованных, была обстреляна без всякого предупреждения. 270 человек было убито, 250 — ранено. Уже через день сообщения о «Ленском расстреле» появились в центральной печати, а 7—8 апреля начались митинги на петербургских предприятиях. Негодование в обществе нарастало по мере того, как становились известны факты причастности к организации расстрела Министерства внутренних дел, а также военного, торговли и промышленности, одобривших применение военной силы. Волна стачек (всего их было около 700) прошла по крупнейшим промышленным центрам страны: Петербург, Москва, Рига, Киев, Харьков, Николаев, Екатеринослав, Одесса и др. В движении протеста участвовало около 300 тыс. рабочих. О выступлениях пролетариата весной 1912 г. известный журналист М. О. Меньшиков писал: «...по чьей-то невидимой команде сотни тысяч рабочих прекратили работу и вышли на улицу... Именно дисциплинированность отличает политическое движение от полицейского беспорядка».

Проведение первомайских забастовок, митингов и демонстраций увеличило число борцов. Только за один день 1 мая состоялось более тысячи стачек в 50 губерниях страны. С самого начала нового подъема движение шло под лозунгом «Долой царское правительство!». На сходках в высших учебных заведениях шел сбор средств семьям расстрелянных рабочих, студенты принимали участие и в рабочих демонстрациях. Стачечные бои, преимущественно экономического характера, не затихали все лето 1912 г., а осенью начались политические забастовки и демонстрации рабочих против смертных приговоров матросам, готовившим восстание на Черноморском флоте. В выступлениях участвовало более 250 тыс. человек. В ноябре 1912 г., в день открытия IV Думы, проходят стачки рабочих и демонстрации против третьеиюньского режима.

Политические забастовки в память 9 января прошли в начале 1913 г. в ряде российских городов. В годовщину «Ленского расстрела» бастовало 140 тыс. человек. В канун 1 мая рабочие Петербурга рас-

ходились с заводов с революционными песнями и красными флагами. Первомайские стачки и демонстрации состоялись в Риге, Ревеле, Либаве, Митаве, Вильно, Москве, Сормове, Астрахани, Киеве, Харькове, Николаеве, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Архангельске и Томске. Число их участников достигало 420 тыс. Стачечная волна нарастала в течение всего 1913 г. Забастовки охватили Юзовку, чиатурские марганцевые рудники, бакинские и терские нефтяные промыслы. Политическая атмосфера весны 1914 г. была отмечена грозой. Только в первомайских забастовках приняло участие свыше полумиллиона человек. Начавшаяся 28 мая и охватившая свыше 50 тыс. человек стачка в Баку постепенно распространилась по всей стране. К лету 1914 г. размах стачечной борьбы (1,5 млн участников) превысил уровень 1905 г. (около 1,3 млн). Ее нарастание прервала начавшаяся война.

* * *

Выработка нового внешнеполитического курса. Поражение в Русско-японской войне и революция 1905—1907 гг. заметно осложнили условия, в которых приходилось действовать русской дипломатии, тем более что на мировой арене произошли весьма существенные изменения. Усиливавшееся соперничество между Англией и Германией привело к формированию в Европе двух противостоящих блоков. Состояние российского общества, раздираемого прежде всего социальными противоречиями, финансы страны, подорванные еще с времен Русско-японской войны, деморализованная бесславным концом дальневосточной кампании армия, незавершенные ее перевооружение и восстановление боеспособности, — все это усложняло возможности русской дипломатии. Перед царизмом стояла и общая задача приспособления деятельности государственного аппарата, в том числе его внешнеполитического ведомства, к новым условиям, созданным появлением российского парламента и провозглашением политических свобод. В выборе союзников самодержавию предстояло решить непростую задачу. Германия оставалась одним из важнейших экономических партнеров России: доля германских товаров превышала одну треть русского импорта, и, соответственно, почти половина экспортируемой сельскохозяйственной российской продукции шла на немецкий рынок. Однако наступление германских капиталов в страны Ближнего и Среднего Востока неминуемо вело к ослаблению влияния в этих регионах России и, кроме того, серьезно угрожало ее стратегическим интересам, прежде всего на Балканах, в зоне черноморских проливов. Об отказе России от сближения с Германией свидетельствует провал попытки Вильгельма II в июле 1905 г. навязать Николаю II Бьёркское соглашение, предусматривавшее взаимную помощь обеих стран во

время военных конфликтов в Европе. Хотя франко-русский союз уже существовал не один год, но его объединение с англо-французской Антантой, возникшей в апреле 1904 г., было проблематичным. Туманный Альбион оставался для Петербурга не только традиционно недружественным государством, но и одним из активных сторонников Японии, внесшим свою лепту в маньчжурскую катастрофу России. Сложность выбора усугублялась обострением противоречий с Австро-Венгрией, экономические и политические позиции которой на Балканах после Берлинского конгресса 1878 г. продолжали усиливаться. Не уменьшалась для России ни актуальность, ни сложность задачи сохранения на Дальнем Востоке хотя бы оставшихся позиций. Отсюда вытекала необходимость выработки такого внешнеполитического курса, который позволял бы избежать значительных уступок и в то же время не доводить дело до опасных осложнений.

Обострение борьбы великих держав за передел мира, столкновение старых колониальных империй с новыми претендентами на территориальные захваты, обострение внутренних противоречий в Османской и Австро-Венгерской империях, нарастание внутреннего кризиса в России, оказавшейся в годы Русско-японской войны в состоянии международной изоляции, — вот тот фон, на котором предпринимались усилия царского правительства по обеспечению международного мира для осуществления назревших внутренних реформ.

Реализация нового внешнеполитического курса была поручена А. П. Извольскому, назначенному на пост министра иностранных дел в апреле 1906 г. Он был убежденным сторонником европейской ориентации России исходя из того, что страна была не способна проводить активную внешнюю политику одновременно и на Дальнем Востоке, и в Средней Азии, и в Европе. Международное положение России требовало принятия срочных мер по недопущению нового вооруженного конфликта с Японией, снятию напряженности в отношениях с Германией после отказа от Бьёркского договора, нейтрализации наступления Англии на позиции России в сопредельных с ней азиатских странах, прежде всего в Персии. Следовало считаться также с политической активностью Австро-Венгрии на Балканах, где находилась область особых интересов России, связанных как со значением черноморских проливов, так и со стремлением играть роль покровителя славянских народов. Сближение с Францией объективно становилось главным направлением внешней политики России и в какой-то мере единственным выбором. А. П. Извольский настаивал на своей позиции, что именно в Европе сосредоточились основные интересы России. Исходя из этого, он проводил такое внешнеполитическое лавирование, которое давало возможность с помощью искусной дипломатии быстрее восстановить внешнюю безопасность страны. Однако существенным объективным препятствием к достижению со-

ответствующих соглашений была экономическая, военная и политическая слабость России. Именно поэтому отдельные успешные акции носили тактический характер и в принципе не могли гарантировать проведение подлинно самостоятельного курса во внешней политике. Следует также иметь в виду, что в придворных кругах, в Государственном совете господствовали германофильские настроения. Не был их чужд и Николай II. Либеральные партии, их фракции в Государственной думе выступали за союз с Францией и Англией, настойчиво заявляя об этом со страниц своих периодических изданий и думской трибуны.

Первым шагом А. П. Извольского было проведение переговоров с Англией и Японией. Здесь требовалась решительная ломка стереотипов, причем и в общественно-политическом сознании правящих кругов и в социально активных группах российских граждан. Линия на улучшение отношений с Англией привела в 1907 г. к подписанию конвенции о разделе сфер влияния в Иране, Афганистане и на Тибете. Кроме того, было получено неофициальное обещание Англии в будущем пойти навстречу России в вопросе об открытии черноморских проливов для русских военных кораблей. Крайне сложным оказалось урегулирование отношений с Японией. Только под давлением Англии, заинтересованной в русско-японском сближении, а также Франции, отказавшей Японии в займе до заключения соглашения с Россией, японское правительство пошло на компромисс. В 1907 г. были подписаны русско-японское торговое соглашение и другие документы. Самым важным из них стала подписанная общеполитическая конвенция. Она явилась основой договоров 1910 и 1912 гг., определивших зоны влияния обеих стран в Северном Китае и Корее. В итоге к 1907 г. в основных чертах завершился процесс формирования системы, при которой в Европе наряду с Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия и Италия) действовало, не будучи формально закрепленным в общем договоре, и Тройственное согласие, или Антанта (Франция, Англия и Россия).

«Дипломатическая Цусима». В 1908 г. после революции «младотурок» в Османской империи Австро-Венгрия активизировала усилия по аннексии Боснии и Герцоговины. Намерения Вены были направлены, помимо Турции, и против Сербии, которая имела свои виды на эти территории. В развитие ситуации вмешалась Россия. А. П. Извольский и австрийский министр А. Эренталь достигли 2—3 сентября 1908 г. устной договоренности, по которой Россия соглашалась на аннексию Боснии и Герцоговины, а Австро-Венгрия — на открытие проливов для русских военных кораблей. Кроме того, министры условились признать Болгарское королевство независимым государством. Франция и особенно Англия решительно воспротивились договоренности, достигнутой Россией без их согласия. Пока Извольс-

ский пытался добиться поддержки союзников, Австро-Венгрия, воспользовавшись провозглашением Болгарии независимым королевством, объявила об аннексии Боснии и Герцоговины, открыв при этом свою договоренность с Россией. Под давлением Германии, ультимативно потребовавшей признать аннексию без всяких условий, Петербург отступил. Это позорное поражение российского МИДа, названное «дипломатической Цусимой», повлекло отставку Извольского. Новым министром был назначен С. Д. Сазонов, во многом следовавший прежнему курсу. При нем была предпринята попытка добиться «умиротворения» с Германией за счет экономических уступок. В 1911 г. заключается Потсдамское соглашение, в соответствии с которым Германия признавала интересы России в Иране, а Россия обещала не препятствовать строительству стратегической железнодорожной линии Берлин—Багдад и выступить посредником в конфликте Германии и Франции из-за Марокко.

Одновременно в правительстве крепло убеждение, что единственным средством успешной борьбы с проникновением Германии на Балканы может стать сближение России с Турцией, а затем объединение Турции, Болгарии, Сербии и Черногории (по возможности Греции и Румынии) в союз под эгидой России. Правда, теперь специально подчеркивалось, что должен эффективно действовать и союз России с Англией и Францией. Указанные усилия русской дипломатии встречали противодействие со стороны Германии и Австро-Венгрии, желавших создать турецко-болгарско-румынскую коалицию против Сербии и Черногории. Непреодолимым препятствием на пути к балканскому союзу, который планировала Россия, оказались споры между Константинополем, Софией, Белградом и Афинами по вопросу об автономии Македонии. Кроме того, Франция добивалась от Турции концессии на железную дорогу в районе, на преимущественные интересы в котором претендовала Россия. Обнаружились попытки Англии усилить свое влияние в Тегеране, что вызвало дополнительную напряженность в русско-английских отношениях. Окончились неудачей и русско-турецкие переговоры, на которых Россия, используя конфликт Турции с Италией, добивалась согласия на открытие проливов для кораблей русского военного флота с гарантией неприкосновенности европейских владений Турции. При настойчивом содействии со стороны России в марте 1912 г. был подписан сербско-болгарский союзный договор. Война против Турции объявлялась в нем возможной лишь с согласия России. Затем последовали аналогичные соглашения о совместных действиях против Турции в случае конфликта с ней между Грецией и Болгарией, Грецией и Сербией. Русское правительство надеялось удержать союзников от нежелательных для себя осложнений на Балканах. Однако и здесь рус-

скую дипломатию поджидала неудача — ей не удалось не допустить вооруженного конфликта между Балканским союзом и Турцией.

Балканские войны 1912 и 1913 гг. стали крахом надежд России играть роль великой державы на Балканах, регулируя отношения между малыми государствами региона, их отношения с Турцией и заинтересованными европейскими державами и осуществляя контроль над проливами. Русской дипломатии приходилось иметь дело с такими трудностями, преодолеть которые только дипломатическими усилиями без опоры на экономически мощное и пользующееся на международной арене влиянием государство было невозможно. Особые сложности возникали в этой связи в отношениях с Турцией. Назначение германского генерала О. Лимана фон Сандерса командиром корпуса турецкой армии показало, кто стал фактическим хозяином положения. Англия и Франция, к которым Россия обратилась за помощью, не желали брать на себя какие-либо новые обязательства и выполнять старые тоже не спешили. Только угроза России расторгнуть Потсдамское соглашение, экономически выгодное Германии, вынудило ее пойти на частичные уступки, сохраняя решающее влияние в Турции.

В итоге всех внешнеполитических усилий царского правительства оказывалось, что именно в самом взрывоопасном для Европы Балканском регионе Россия была на грани столкновения с Германией и Австро-Венгрией, на сторону которых явно склонялись Болгария и Турция. При этом к середине 1914 г. Россия со всей очевидностью могла рассчитывать только на поддержку Франции, Сербии и Черногории. Позиция Англии оставалась неопределенной вплоть до июльского кризиса 1914 г. Положение России в системе международных отношений накануне мировой войны свидетельствует, что самодержавию не удалось в третьеиюньский период восстановить силу и влияние страны как ведущей державы.

Глава 4

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

§ 1. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ И ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СТОРОН

Основной причиной Первой мировой войны стала борьба за территориальный передел мира. Главный узел противоречий лежал в отношениях между Великобританией, крупнейшей колониальной империей мира, и Германией, возросшее экономическое могущество которой требовало новых рынков сбыта и сырья. Сложной была ситуация

на Балканах, в которую были втянуты великие державы и молодые государства, получившие независимость. Экономические (хлебный экспорт через южные порты) и возможные военные проблемы создавали заинтересованность России в благоприятном режиме черноморских проливов. Царское правительство традиционно стремилось укрепить свой авторитет среди балканских, особенно славянских государств, защищая их от посягательств Турции и стран Тройственного союза. Давность династических связей Романовых с немецкими Гогенцоллернами позволяла решить спорные вопросы, не выходившие за границы Балкан и проливов, дипломатическим путем. Не завершив военную подготовку, Россия менее других европейских стран желала ускорить наступление войны. Однако ее огромная сухопутная армия была нужна Франции, чтобы отвлечь германские войска, а Великобритании — разбить Германию на суше. Согласие царского правительства на обязательную военную поддержку союзниц по Антанте не оставляло возможностей для маневра, тогда как Великобритания избегала брать на себя формальные обязательства.

Чреватая войной европейская ситуация ставила вопрос о подготовке к ней. Осуществление преобразований вооруженных сил в период третьеиюньской монархии затянулось на 3—4 года из-за нехватки средств. Более успешно шло перевооружение флота в условиях распространения новой мировой доктрины, определявшей мощь государства по показателям его флота, и незабытых поражений в Русско-японской войне. Этому содействовали энергичность морских министров И. М. Дикова, И. К. Григоровича и благоволение Николая II. Настойчиво поддерживали морскую программу судостроительные монополии, надеясь на получение выгодных казенных заказов. К перевооружению сухопутных сил приступили только в октябре 1913 г., когда «Большую программу по усилению армии к 1918 г.» одобрил Николай II, что реального значения для наступавшей войны уже не имело.

Мобилизационный план предусматривал сосредоточение русских армий у западных границ империи, а направление главного удара намечалось сначала против Австро-Венгрии или Германии. Не исключались и одновременные действия против обеих стран, учитывая союзнические и собственные интересы. Французская сторона открыто оказывала давление на Россию с целью обеспечения большей подвижности и маневренности русских войск на границе с Германией, используя встречи руководителей генеральных штабов, визит президента Пуанкаре летом 1913 г. в Петербург, переговоры Коковцова в Париже о заключении займа. Французский посол в Петербурге убеждал военное ведомство в необходимости расширения стратегических железных дорог, а послу России в Париже давали понять, что средства на это предоставят.

В 1909—1913 гг. ввели территориальную систему комплектования армии, сократив сроки службы в пехоте до 3 лет, а на флоте — до 5, что увеличило численность лиц, получивших военную подготовку. В пехоте, артиллерии, кавалерии крестьянство составляло около 60%; в инженерных войсках такой же процент — ремесленники, рабочие, служащие. Накануне войны упорядочили внутреннюю структуру основных подразделений армии (корпус и дивизия), состав и соотношение в них полков, батальонов, рот и взводов, упразднили резервные и крепостные части, что позволило увеличить полевые войска. Значительные изменения функций и роли артиллерии в годы войны привели к появлению минометно-артиллерийских дивизионов, батарей противоаэростатной артиллерии, бригад тяжелой артиллерии особого назначения. В сухопутных войсках сохранились казачьи части (сотни) и государственное ополчение, обеспечивавшее обучение резерва. В 1912 г. в армии были созданы авиаотряды. В инженерных войсках во время войны появились химические команды, а в железнодорожных — автомобильные роты. Накануне войны в армии насчитывалось 1,4 млн человек.

Военное обучение солдатских кадров осложнялось наличием среди них большой доли неграмотных крестьян. Офицерские кадры готовились в системе военно-профессионального образования. Накануне войны армия испытывала определенный недостаток унтер-офицеров, которые уходили из армии, получив краткосрочную подготовку, так как их не устраивали статус и материальное обеспечение. Привлекательной мерой могло стать получение офицерского чина, чему решительно противился Военный совет. В итоге уже в годы войны пришлось вести спешную подготовку унтер-офицерских чинов без учета их социального положения. Из-за активного размывания дворянского сословия в начале XX в. намечается несоответствие численности офицерского корпуса потребностям приближавшейся большой войны. Кадровые офицеры армии и флота имели отличную подготовку, чего нельзя было сказать об офицерах запаса. Хотя события Русско-японской войны продемонстрировали недостаточный профессионализм и преступную халатность многих генералов и адмиралов, но решительных выводов из этого сделано не было. Высший командный состав армии и флота сохранял сословную кастовость (доля дворян среди генералов и адмиралов доходила до 100%) и весьма заметное представительство в своих рядах остзейского, немецкого дворянства. И тем не менее благодаря организации службы, проведению учебных сборов и маневров, накопленным традициям русского военного искусства, солдатский и офицерский состав русской армии отличался высоким уровнем подготовки.

Создание мобилизационных запасов армии заняло важное место в подготовке к войне. Основу промышленно-стратегического по-

тенциала России составляла система казенных заводов. Привлечение частной промышленности к созданию мобилизационных запасов было очень ограниченным. Не были задействованы в полной мере и все казенные предприятия. Производство винтовок на Тульском, Сестрорецком, Ижевском оружейных заводах с 1900 г. неуклонно сокращалось. К переоборудованию предприятий приступили за 4 месяца до начала войны. На всех 3 заводах изготовлялась только постоянно модифицирующаяся винтовка С. И. Мосина. Прошедшие в 1912 г. испытания более совершенные винтовки В. Г. Федорова и Ф. В. Токарева не были приняты к серийному производству ни до, ни во время войны. Пулеметы, выпускавшиеся небольшими партиями на Тульском оружейном заводе, в основном закупались у фирмы «Виккерс-Максим». В 1914 г. их нехватка по штатному расписанию составляла 833 шт. Сложным оставалось обеспечение армии патронами для винтовок и пулеметов, производившимися на казенных Петербургском, Луганском заводах и частном Общества Тульских меднопрокатных и патронных заводов. Из опыта Русско-японской войны, когда армии недоставало патронов, уроки не извлекли. Более того, в течение 1905—1914 гг. Министерство финансов требовало снижения мобилизационных запасов патронов.

К началу войны армия была полностью обеспечена полевой артиллерией и снарядами согласно штатам мирного времени и имела запас для потребностей новых артиллерийских формирований в условиях войны. Однако в основе расчетов лежала ложная идея о краткосрочности войны и ведении военных операций с имеющимся запасом артиллерии и боеприпасов без последующего наращивания производства. Между тем намеченные потребности в артиллерийских орудиях и снарядах были превышены во время войны в 12—15 раз! К тому же русская армия фактически не имела тяжелой артиллерии в отличие от своих противников. Не лучше обстояли дела с минометами, которые до войны считались второсортным оружием. Производство снарядов осуществлялось на 7 казенных горнозаводских и 10 частных металлообрабатывающих предприятиях. Оценка мобилизационного запаса, превышавшего на 21 тыс. ед. плановые расчеты, оказалась совершенно недостаточной. Начавшаяся война моментально поглотила имеющиеся запасы. Уже в конце 1914 г. потребность определялась в 1,5 млн снарядов в месяц, и встал вопрос, как и на каких производственных мощностях решать эту задачу. Низкая производительность казенных Охтенского, Шостенского, Казанского пороховых заводов, к тому же работавших в 1906—1911 гг. не на полную мощность, усугублялась отсутствием отечественного производства сырья для них, которое ввозилось в основном из Германии.

Незавершенность подготовки вооруженных сил России обусловила нежелание ряда членов правительства, прежде всего премьера

В. Н. Коковцова, намеренно обострять отношения с Германией, оттягивая начало войны. Эта линия не находила поддержки у министров иностранных дел, военного и морского, среди чинов Генштаба, ратовавших за жесткую линию в отношениях с Германией. На проходивших в конце 1913 — начале 1914 г. Особых совещаниях министров, при участии дипломатов и военных, поддержку большинства получила выраженная С. Д. Сазоновым линия на укрепление связей с Францией и Англией и одновременно проявление неуступчивости в отношениях с Берлином и Веной. Николай II разделял эту позицию. В таком поведении верхов отразились во многом наивные после событий Русско-японской войны и революции 1905 г., но традиционные представления, что война поможет приглушить недовольство и укрепить авторитет власти в обществе. Царь не прислушивался и к мнению сановников из лагеря правых, предупреждавших об опасности военного конфликта с Германией. П. Н. Дурново в начале 1914 г. писал Николаю II, что при любом итоге войны «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход из которой не поддается даже предвидению». Ему вторил Н. А. Маклаков: «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярной, и идея революции народу понятнее, нежели победа над немцами». В период Балканских войн либералы проявляли активность (проведение демонстраций, мощная кампания в прессе), подталкивая царизм к решению проблемы проливов. Однако подъем революционного движения и их заставил быть сдержаннее. В позиции либеральных партий сказались и недоверие к способности власти осуществить победоносную военную кампанию, и нежелание идти на компромиссы с Германией. Такая противоречивость обусловила голосование кадетов в Думе против выделения правительству военных кредитов. Прогрессисты проголосовали за кредиты, но вместе с кадетами не поддержали законопроект об увеличении призыва в армию.

Начало Первой мировой войны непосредственно связано с событиями на Балканах. В июне 1914 г. в Сараево на маневры австро-венгерской армии прибыл наследник престола, эрцгерцог Франц Фердинанд. 15 июня 1914 г. он и его супруга были убиты членом организации «Молодая Босния» Г. Принципом. Австро-Венгрия, согласовав свою позицию с Германией и не прислушившись к мнению русского министра иностранных дел об опасных последствиях такого шага, 10 (23 по нов. ст.) июля предъявила Сербии ультиматум. Он содержал требование предоставить австрийской полиции право вести на сербской территории расследование убийства, что было неприемлемо для суверенного государства. Сербское правительство обратилось за помощью к России, которая, сознавая свою неготовность к войне, предложила уступить и обратиться к посредничеству великих

держав. Сербия последовала рекомендации, но Австро-Венгрия сочла ответ неудовлетворительным и 15 (28) июля объявила войну.

В ответ российское правительство заявило о начале мобилизации, проинформировав Берлин, что она носит оборонительный характер. К этому времени Россией были получены подтверждения от Франции и Англии о готовности исполнить союзнический долг. Хотя для германских правящих кругов вопрос о начале войны был решен, Вильгельм II направил Николаю II телеграмму, в которой предлагал посредничество между Россией и Австро-Венгрией и просил не торопиться с военными приготовлениями. Это кайзеровское послание, как и последующие, преследовало цель возложить ответственность за развязывание масштабной войны на Россию. Попытке Николая II заменить всеобщую мобилизацию частичной решительно воспротивился Генштаб, поскольку плана таковой не существовало. Сазонов сумел убедить царя в необходимости всеобщей мобилизации с 17 (30) июля 1914 г. В ответ германское правительство в своем ультиматуме России потребовало в течение 12 часов ее прекратить. Пытаясь оказать давление на Николая II, кайзер в очередной телеграмме подчеркивал: «Вся тяжесть решения ложится теперь исключительно на тебя, и ты несешь ответственность за мир или войну». Вечером 19 июля (1 августа) 1914 г. германский посол в России Ф. Пурталес вручил С. Д. Сазонову ноту с объявлением войны. Принятый 1 августа (по нов. ст.) царский Манифест извещал о вступлении России в войну.

24 июля (6 августа) объявила войну России Австро-Венгрия. В последующие дни взаимные объявления войны сделали другие европейские государства, а также Япония, выступившая на стороне Антанты. Италия и Турция, являвшиеся сторонниками Тройственного союза, первоначально уклонились от участия в войне. Однако германское давление на младотурецкое правительство было велико, и уже в октябре 1914 г. турецкие корабли без предупреждения обстреляли Севастополь и Одессу. Италия, объявив в мае 1915 г. войну Австро-Венгрии, присоединилась к Антанте.

Масштабы Первой мировой войны в целом и участия каждой отдельной страны поражали воображение современников, что породило по ее окончании в Западной Европе кризис массового общественного сознания, отразившийся в философии, историографии и художественной литературе. Война продолжалась свыше 4 лет — по 11 ноября (нов. ст.) 1918 г. В ней участвовало 38 государств мира, на ее полях сражалось более 70 млн человек. На стороне Антанты воевали 34 страны, а в составе австро-германского блока — только Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция. Боевые действия происходили в Европе, Азии и Африке, но исход войны решился на Западном (Бельгия, Франция) и Восточном (Россия) фронтах.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ 1914—1916 гг.

По российским законам в большой европейской войне обязанности Верховного главнокомандующего возлагались на императора, чему Николай II намеревался последовать. Однако он столкнулся с решительными возражениями министров и даже И. Л. Горемыкина, считавших нежелательным отсутствие царя в столице. Вынужденный согласиться с их мнением, царь оговорил, что вернется к этому вопросу. Верховным главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич-младший. По закону власть военного министра не распространялась на действия армии на фронте, а ограничивалась только вопросами формирования и комплектования войск, их последующего боевого и материального обеспечения. При усложнении характера войны, увеличении ее масштабов, совершенно новой взаимосвязи, которая возникла между фронтом и тылом, такое распределение обязанностей не способствовало оперативному решению вопросов, порождало излишние согласования, безответственность в управлении и ненужное соперничество. Последнее подогревалось благоволением либералов и думских кругов к великому князю. К военному министру В. А. Сухомлинову они относились более чем враждебно, исходя из его известных обществу легкомысленности и мздоимства. В годы войны распространились слухи о недостаточной бдительности министра и даже попустительстве деятельности в пользу Германии лиц из ближайшего к нему окружения.

Военная кампания 1914 г. Первые же месяцы войны обнаружили крах первоначальных стратегических замыслов ее участников. Особенно ощутимыми выглядели неудачи германского плана, предусматривавшего нанесение в течение 2—3 месяцев мощных ударов сначала по Франции, а затем — по России. В начале августа германские войска вторгаются в Бельгию и Люксембург, а в двадцатых числах, продвигаясь в глубь Франции, устремляются к Парижу. Однако в итоге вторжения, и особенно в сражении на реке Марне, начавшемся 5 сентября 1914 г., немцы не смогли разгромить основные англо-французские силы. Эти неудачи во многом объясняются действиями русских войск на Восточном фронте.

Не дождавшись завершения мобилизации, сосредоточения армий на запланированных позициях и уступив настойчивым просьбам французского правительства, русское командование перешло к активным действиям. *Восточно-Прусская операция* предусматривала охват вражеской группировки с флангов. 1-я армия под командованием генерала П. К. Ренненкампфа наступала в обход Мазурских озер с севера, чтобы отрезать немецкие войска от Кенигсберга и Вислы. 2-я армия под командованием генерала А. В. Самсонова перекрывала отход немцев за Вислу. Русские войска, имея превосходство перед про-

тивником по всем позициям, могли рассчитывать на успех начавшейся 4 (17) августа операции. В ходе ожесточенных боев обе армии заставили противника отступать на запад. Однако германское командование, выявив отсутствие должного взаимодействия между русскими войсками, сумело нанести им тяжелое поражение. Два корпуса 2-й армии были окружены, и большая часть воюющих сдалась в плен, а Самсонов застрелился. На исходные позиции была отброшена 1-я армия. Потери Северо-Западного фронта составили почти 80 тыс. солдат и офицеров. Вторжение русской армии в Восточную Пруссию в итоге спасло Францию от поражения, заставив германское командование перебросить на восток дополнительные силы и в дальнейшем оставить на русском фронте значительную группу войск.

Еще более масштабной операцией на Восточном фронте стала *Галицийская битва*, длившаяся с 5 августа по 8 сентября (18 августа — 21 сентября). В ней были задействованы 4 армии русского Юго-Западного фронта, развернутых против трех австро-венгерских, всего участвовало с обеих сторон до 2 млн человек. Командующий фронтом генерал Н. И. Иванов и начальник его штаба генерал М. В. Алексеев предполагали уничтожить основные силы Австро-Венгрии. Отразив натиск австро-венгерских войск, 8-я русская армия под началом генерала А. А. Брусилова и 3-я под командованием генерала Н. В. Рузского перешли в контрнаступление, заняв Львов и Галич. Военная мощь Австро-Венгрии, потерявшей более 400 тыс. человек, была значительно подорвана, не позволив ей в дальнейшем действовать без поддержки германских войск. Галицийская битва упрочила военно-стратегическое положение России, а главное — помогла армиям Франции и Англии.

Проходившая с 28 сентября по 8 ноября (11 октября — 21 ноября) *Варшавско-Ивангородская операция* началась удачным наступлением немецкой армии в поддержку австро-венгерских частей в Галиции. Однако, понеся большие потери в попытках захватить ивангородскую крепость, германские войска отступили от Варшавы. Русские армии в ходе успешного контрнаступления отбросили противника к границам Силезии, но оторванность от тыловых баз заставила прекратить наступление. Между тем противник, используя разветвленную железнодорожную сеть, быстро мобилизовал резервы. 11 (24) ноября началась *Лодзинская операция*, одна из самых сложных в ходе войны. Немцам удалось вклиниться между двумя армиями Северо-Западного фронта. В конце ноября стало очевидно, что истощенные в кровопролитных боях за Лодзь русские армии, несмотря на успешный контрудар, не имеют возможности продвинуться в глубь Германии, а немецкие — окружить и уничтожить их. Противники перешли к обороне.

После вступления в войну Турции был открыт Кавказский фронт, на котором российский Генштаб, учитывая тяжесть боев на Восточном, решил ограничиться активной обороной. Численность русских войск на Кавказе (170 тыс. штыков) была меньше турецких. *Сарыкамышская операция* на этом фронте, проводившаяся русским командованием с 9 по 25 декабря (22 декабря — 7 января) 1914 г., закончилась разгромом 3-й турецкой армии. В дальнейшем Турция не смогла восстановить свою боеспособность на Кавказе.

Военная кампания 1915 г. Провал стратегии молниеносной войны имел более отрицательные последствия для Тройственного союза, чем для Антанты. Военное командование Центральных держав, находящихся, по существу, в блокаде, решило сосредоточить свои усилия в 1915 г. на Восточном фронте, чтобы разгромить военные силы России и вывести ее из войны. Из-за отсутствия единства среди русского высшего командования было решено одновременно нанести два удара по расходящимся направлениям на Берлин и Вену, что требовало больших сил и средств, которыми Россия не располагала.

Русские войска, начавшие операцию на правом фланге Северо-Западного фронта, не смогли быстро разбить немецкие силы. Командование просмотрело сосредоточение неприятеля в районе Августова, что заставило к концу марта отступить с завоеванных позиций. Кровопролитные бои в январе—феврале в Карпатах тоже не принесли победы, так как австро-венгерские войска были поддержаны значительными немецкими силами. В итоге армия Брусилова оставила предгорья Карпат и перешла к обороне между реками Прут и Днестр. Известной компенсацией этих неудач стало взятие 9 (22) марта стратегически важной крепости Перемышль с ее 120-тысячным гарнизоном, создавшее условия для русского прорыва на венгерскую равнину. Это заставило Германию перебросить на Восточный фронт 4 вновь сформированных корпуса и отборные части с Западного. Всего на участке прорыва было сосредоточено 126 тыс. солдат и офицеров немецких и австро-венгерских войск, а с русской стороны — только 60 тыс. В целом по артиллерии державы Тройственного союза превосходили русскую армию вдвое, а соотношение тяжелых орудий оставалось катастрофическим — 4 против 159. Начавшаяся 19 апреля (2 мая) *Горлицкая наступательная операция* длилась 52 дня и стала одной из самых крупных оборонительных операций русской армии за годы войны. Прорыв русского фронта в районе Карпат привел к «Великому отступлению», в ходе которого оставили Галицию, Львов и Перемышль. Отступление выявило нехватку боеприпасов. Когда на русские войска обрушивалась лавина огня тяжелой артиллерии противника, они были вынуждены экономить даже винтовочные патроны. Позиции оставляли, чтобы сохранить людские ресурсы.

Командование Центральных держав постаралось также вытеснить русских из Польши, Литвы и Прибалтики. В июне австро-германские войска вышли на линию Люблин—Холм, а после прорыва из Пруссии и форсирования реки Нарев они уже с тыла угрожали русским армиям в Польше. Летом 1915 г. русские войска вели оборонительные бои, стараясь вовремя уйти из-под удара и не допустить окружения. 5 июля Ставка приняла решение об отводе армий на восток для спрямления фронта. Однако отступление продолжалось в течение всего августа. Осенью фронт установился по линии Западная Двина — Двинск — Барановичи — Пинск — Дубно — Тарнополь — р. Прут. Занятие немцами Галиции, Польши, Литвы, Западной Белоруссии и Курляндии было серьезным ударом по политическому престижу монархии. Стремясь найти выход из положения и веря в свое божественное предназначение, Николай II берет на себя Верховное главнокомандование, что вызвало негативную реакцию в политических кругах, но отговорить царя не было никакой возможности. Назначенный начальником Генштаба генерал М. В. Алексеев фактически руководил Ставкой, расположившейся в Могилеве.

В решении геополитических задач России большое значение имела *Дарданелльская десантная операция* Антанты (февраль 1915 — январь 1916 г.), проводившаяся для отвлечения турецких войск с Кавказского фронта. Слишком активная подготовка англичан к операции напугала Петроград. Это привело к оформлению в марте—апреле 1915 г. ряда договоров, по которым Англия и Франция соглашались на передачу России Константинополя с прилегающей к нему территорией. Однако и морская часть операции, и высадка на Галлиопольском полуострове оказались неудачными. В итоге войска союзников были переброшены на Салоникский фронт.

1915 г. принес самый большой урон русской армии за время войны — около 2,5 млн убитыми, ранеными и пленными. Потери неприятеля составили более 1 млн человек. И все-таки противнику не удалось решить свои стратегические задачи: окружить в «польском мешке» русскую армию, покончить с Восточным фронтом и заставить Россию выйти из войны, заключив сепаратный мир. Важно отметить, что успеху немецких войск на Восточном фронте способствовала минимальная активность союзников на Западном фронте. Только бои итальянской армии при Изонцо против Австро-Венгрии оказали определенную помощь России. Военное положение стран Антанты несколько ухудшилось в 1915 г. в результате вступления в войну на стороне Германии Болгарии и последовавшего разгрома Сербии. Общим итогом военной кампании 1915 г. явилось сохранение для центральных держав борьбы на два фронта. Страны Антанты наращивали материальные резервы, но беспокойство всех государств вызывали большие, невосполнимые людские потери.

Военная кампания 1916 г. В первые два года войны подготовка операций не согласовывалась странами Антанты, но в канун 1916 г. на 2-й межсоюзнической конференции в Шантильи была предпринята попытка выработки общего плана. Идея русского Генштаба об обязательной союзнической поддержке наступлениями, даже в случае их неполной готовности, той армии, которая будет неожиданно атакована неприятелем, вызвала противодействие представителей других стран, в том числе Франции. Из этого следовало, что основную ношу военных тягот и в 1916 г. придется нести России. Дальнейшие попытки добиться более согласованных действий реализовать не удалось, так как созыв очередной конференции опередило немецкое наступление в районе Верденского выступа, являвшегося опорой французского фронта. Утром 21 февраля (нов. ст.) началась Верденская битва, названная «мясорубкой». Почти за год боев в ней погибло 600 тыс. немцев и 350 тыс. французов. Это были невиданные до той поры потери в одном сражении. Немцы так и не смогли взять крепость, как и не смогли предотвратить наступление англо-французских войск на реке Сомме. Усилия Антанты поддерживало наступление итальянских войск при Изонцо.

Отвлекающие и притягивающие к себе войска противника операции проводились на Восточном фронте неоднократно. При этом русское Верховное командование решительно отвергло французский план операции на Балканах в районе Добруджи со значительным участием русской армии. Алексеев в феврале 1916 г. писал по этому поводу С. Д. Сазонову: «По долгу службы перед Россией и государем я не имею права доложить Верховному главнокомандующему о необходимости принятия такого плана и присоединения к такой военной авантюре». 5 (18) марта силами Северного и Западного фронтов началась *Нарочская операция*. Не приведя к реальному успеху, она сковала около полумиллиона германских войск и вынудила их командование на некоторое время прекратить атаки на Верден, перебросив на Восточный фронт часть резервов.

На февральском совещании Антанты по выработке общего стратегического плана были согласованы общие наступательные операции в мае 1916 г. Русская Ставка запланировала на конец апреля главный удар войсками Западного фронта (командующий генерал А. Е. Эверт), а вспомогательные операции — Северного (генерал А. Н. Куропаткин) и Юго-Западного (генерал А. А. Брусилов) фронтов. Нанесение противнику упреждающего удара было важно для успеха операции ввиду невозможности осуществлять быструю переброску войск из-за огромной растянутости русского фронта и недостаточной густоты железнодорожной сети. Наиболее активно подготовка наступления велась командующим Юго-Западного фронта, что существенно изменило основную оперативную идею плана. Рус-

ское *наступление в Галиции* началось 22 мая (4 июня), на 2 недели раньше намеченного срока. Командование в очередной раз учло тяжелое положение союников, возникшее в связи с майским поражением итальянских войск в Трентино. Выбор пал на Юго-Западный фронт как наиболее подготовленный, а главное — направленный против Австро-Венгрии. В ходе боевых действий русским удалось осуществить прорыв сильной позиционной обороны противника на глубину 80—120 км. Не имея общего перевеса над австро-германскими войсками, но использовав фактор внезапности, осуществив одновременные удары на нескольких участках, достигнув большой слаженности действий пехоты и артиллерии, русская армия добилась серьезных успехов. Опасная ситуация для неприятеля была создана на участке прорыва армии генерала А. М. Каледина, где уже 25 мая (7 июня) был занят Луцк, определявшийся Ставкой как центр наступления Юго-Западного фронта. Предпринятый Брусиловым прорыв остался, к сожалению, без поддержки действий других фронтов.

После некоторой передышки, 21 июня (4 июля) армии Юго-Западного фронта возобновили атаки, получив подкрепление за счет частей, снятых наконец с бездействующих фронтов и выделенных резервов Ставки Верховного главнокомандующего. Основные успехи были достигнуты в Южной Галиции и Буковине, где были взяты города Галич, Броды, Станислав. Запоздалые действия в июле Западного фронта в районе Барановичей, натолкнувшиеся на уже хорошо организованную оборону противника, закончились неудачей. Последующие попытки наступления, несмотря на подкрепление фронта двумя армиями, постоянно откладывались Эвертом, а осенью вовсе прекратились. Не помогла необходимая замена Куропаткина на Северном фронте Н. В. Рузским. Из-за возникшей паузы в мощном брусиловском наступлении неприятель смог укрепить свою оборону. В результате попытки овладеть важным железнодорожным узлом Ковелем не дали результата. Постепенно военные действия на Юго-Западном фронте принимали затяжной характер. В ходе общего наступления, получившего в истории название *«Брусиловский прорыв»*, потери противника (1,5 млн человек) в три раза превысили потери русских. При развитии успеха русской армии австро-германское командование должно было перебросить на Восточный фронт свыше 30 пехотных и более 3 кавалерийских дивизий, что облегчало положение союзников во Франции и Италии. Наступление на Юго-Западном фронте продемонстрировало достаточные силу и боеспособность русских войск, что в известной мере подняло моральный дух всей армии. К сожалению, успех Брусиловского прорыва в должной мере не был использован ни на русском фронте, ни командованием Франции и Англии. Наступление их армий на р. Сомме, начавшееся строго по плану, пришлось на время, когда, по признанию начальника Генштa-

ба Германии, «в Галиции опаснейший момент русского наступления был уже пережит».

Вступление в войну на стороне Антанты Румынии быстро показало чрезвычайную слабость и неподготовленность ее армии. Начав 14 (27) августа наступление против Австро-Венгрии, эта «армия» была тут же разбита, без боя сдала Бухарест и отступила к устью Дуная, потеряв более трети своего состава. Спасать нового союзника пришлось опять России, пославшей на помощь 35 пехотных и 13 кавалерийских дивизий и открывшей Южный фронт. В 1916 г. русская армия одержала ряд побед на Кавказе, продвинувшись в глубь территории Турции. Общим итогом кампании 1916 г. было упрочение положения стран Антанты, несмотря на отдельные поражения и разгром Румынии. Потери Центральных держав были более ощутимы, а их ресурсы таяли. В итоге стратегическая инициатива ведения войны переходила к Антанте.

Хотя в предвоенных планах предусматривались активные боевые действия российского флота, однако с первых же дней войны он оказался фактически закупоренным в Черном море и на востоке Балтийского. Примечательным явился бой 19 июня 1915 г. российских и немецких флотов у острова Готланд, в котором успех сопутствовал нашим морякам. Русский флот не допустил немцев в Финский и Ботнический заливы и не позволил им установить свое господство в Рижском. На Черном море действия были еще более ограничены. Русский флот не понес там никаких потерь, потопив 9 турецких судов, а 2 немецких крейсера подорвались на минах.

К концу 1916 г. Россия имела самую многочисленную сухопутную армию из всех воюющих держав, в которой насчитывалось на фронте и в резерве 275 дивизий (из них 228 пехотных), всего около 6,5 млн человек. За время войны в армию было призвано почти 15 млн человек, что составляло 37% всех сил, мобилизованных странами Антанты. К концу 1916 г. протяженность русского Восточного фронта, упиравшегося своими флангами в Балтийское и Черное моря, достигала 1500 км. Он притягивал, по данным Ставки, 134 вражеские дивизии. На турецком фронте Россия сдерживала свыше половины турецкой армии. Под давлением союзников 4 особых бригады общей численностью до 45 тыс. человек находились во Франции и на Салоникском фронте. В Персии успешно действовал казачий корпус Баратова. Русская армия сыграла существенную роль в вооруженной борьбе держав Антанты с германским блоком. На Восточном фронте потери немецкой армии составили 1,7 млн убитыми, ранеными и пленными, а австро-венгерской — 2,6 млн. Боевые операции на Восточном фронте в 1915 г. обеспечили почти полуторагодовую передышку Франции и Англии, что позволило им провести значительное улучшение вооружений своих армий, их полное укомплектование и

создать надежные укрепления. Однако к концу 1916 г. в результате больших людских потерь, сохранявшегося недостатка вооружений, а также распространения на фронте сведений о хозяйственном кризисе внутри страны, росте рабочего и оппозиционного движения, слухов об измене в верхах власти в русской армии росло брожение. Для солдатской массы цели войны оставались по-прежнему малопонятны и чужды. В офицерском корпусе недовольство усугублялось слишком частыми ошибками командования в подготовке и проведении военных операций.

§ 3. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ТЫЛА НА ВООРУЖЕНИЕ И МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АРМИИ. ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СТРАНЫ

Политики начала XX в. не осознавали связи между экономическим базисом страны и уровнем ее вооружения. Русские экономисты даже считали, что аграрные страны проявят в годы войны большую хозяйственную устойчивость. М. И. Туган-Барановский в этой связи писал: «В сельскохозяйственной стране война тяжело ложится на государственный бюджет, но переносится народным хозяйством с большей легкостью, чем в странах торгово-промышленного типа». Военное руководство России не верило в возможность длительной войны и на этом строило планы мобилизационных запасов.

В первые месяцы войны царское и правительства других воюющих государств не предпринимали мер к мобилизации хозяйства для удовлетворения потребностей армии в оружии и боевом снаряжении. Исключение составляла только Германия, где уже 9 августа 1914 г. был создан Центральный военно-промышленный совет. Мероприятия в России по преодолению вызванных войной нарушений в функционировании хозяйства, увеличению выпуска вооружения, по смягчению топливного и металлического голода, пресечению спекуляции хлебом носили разрозненный характер и свидетельствовали о сохранении прежних представлений о войне. Одним из первых стал вопрос о милитаризации труда на оборонных заводах. Военное ведомство предлагало лишить права перехода на другие заводы рабочих 22 казенных предприятий, отменить на них действующее рабочее законодательство и применять за небрежное выполнение работы или неявку на нее жесткие меры вплоть до тюремного заключения. Совет министров, утвердив 3 августа 1914 г. этот проект, решил повременить с его реализацией. Дальнейшие попытки военного министра возобновить его обсуждение не дали результата. 17 октября 1914 г. царь одобрил Положение «Об установлении надзора за деятельностью промышленных заведений, исполняющих заказы военного и морского ве-

домств», дозволявшее казне осуществлять реквизиции предприятий, принадлежащих им материалов и оборудования. Однако при этом не учреждалось органа, который бы следил за исполнением нового установления. Предпринимательские круги не проявляли заинтересованности в выработке плана мобилизации промышленности для работы на оборону. Они довольствовались полученными заказами и не осознавали ни масштабов предстоящих трудностей, ни грядущих колоссальных прибылей. Перепрофилирование охватило немногие предприятия, и еще меньшим было число строившихся заводов. Перешли на военное производство Люберецкий и Харьковский заводы сельскохозяйственных машин. Сократив выпуск паровозов и пароходов, Сормовский завод увеличил в 1915 г. производство артиллерийских снарядов в 140 раз к уровню 1913 г. Невский судостроительный превысил нормы изготовления 3-дюймовых снарядов за счет свертывания основного производства. Коломенский завод, прекратив постройку подводных лодок, занялся изготовлением артиллерийских снарядов. К лету 1915 г. закончилось сооружение шрапнельного завода Путиловского акционерного общества.

Традиционно действовали возникшие в начале войны общественные организации. Созданный в июле 1914 г. Земский союз помощи больным и раненым воинам (Земсоюз) занимался организацией лазаретов, госпиталей, формированием санитарных поездов, подготовкой для них медицинского персонала, закупкой санитарного снаряжения и лекарств. Им был открыт в Москве фармацевтический завод и налажено производство белья и теплой одежды. Если осенью 1914 г. лечебные заведения Земсоюза могли принять 60 тыс. больных, то в конце года — 155 тыс., а потом — свыше 170 тыс. С 1915 г. Союз принимает непосредственное участие в санитарном обслуживании фронта, создавая полевые госпитали (за 2 года через них прошло более 300 тыс. раненых), банно-прачечные отряды, починочные мастерские. Он участвовал также в организации мелкой промышленности, объединяя кустарей для производства обозного снаряжения, шанцевого инструмента, сапог и др. Деятельность Союза развивалась на основе взносов местных организаций, личных пожертвований и субсидий правительства. Всероссийский союз городов (Согор), возникший в августе 1914 г., занимался медико-санитарным обеспечением армии, борьбой с распространением эпидемий на фронте и в тылу. Большое внимание уделялось организации эвакуации: через Согор прошло 30% всех беженцев. С зимы 1915 г. Союз участвует в решении продовольственной, топливной и транспортной проблем городской жизни. Для усиления позиций при распределении военных заказов в возникающих органах регулирования в июле 1915 г. создается объединенный Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов (Земгор). Однако участие этих орга-

низаций в производстве вооружений оказалось незначительным в отличие от их оппозиционно-политической деятельности.

Обнаружившийся серьезный недостаток в снарядах и винтовках привел к созданию при Главном артиллерийском управлении (ГАУ) в феврале 1915 г. Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части во главе с великим князем Сергеем Михайловичем. Наиболее важным результатом ее деятельности явилось получение отсрочки от призыва для 12 тыс. квалифицированных рабочих. Прикомандированные к заводам инженеры налаживали снабжение предприятий сырьем и топливом. В целом Комиссия, оставаясь чисто бюрократическим учреждением, не выходила за рамки распределения снарядов и винтовок и не поднимала вопроса о расширения их производства.

В начале 1915 г. при ГАУ создаются Комиссии по заготовке взрывчатых веществ и по производству удушающих средств, позже объединившиеся в Химический комитет. Все они возглавлялись генералом В. Н. Ипатьевым. Условием, позволившим наладить производство взрывчатых веществ в годы войны, стали разработанные Ипатьевым новые технологии по получению сырья для их изготовления, которое ранее почти полностью привозилось из Германии. Химический комитет принял меры для развития отечественного производства кислот, поскольку эта отрасль испытывала трудности с импортом селитры, серного колчедана, усугубившиеся в 1915 г. оккупацией польских и прибалтийских губерний, где находилось большинство сернокислотных заводов.

Усиливавшийся снарядный голод, с которым не справлялась Артиллерийская комиссия, привел к созданию структур, занимавшихся непосредственно развитием производства. В апреле 1915 г. учреждается Организация уполномоченного ГАУ по заготовлению 3-дюймовых снарядов по французскому образцу во главе с генерал-майором С. Н. Ванковым для содействия заводам в их снабжении сырьем, топливом, рабочей силой и финансировании. Организация, используя французский опыт, помимо крупных (головных) заводов, привлекала мелкие предприятия, изготовлявшие при техническом содействии наблюдающих военных специалистов и инженеров отдельные части гранаты. Первый заказ ГАУ (апрель 1915 г.) составлял 1 млн трехдюймовых гранат, более 1 млн запальных стаканов и детонаторных трубок, второй (июнь 1915 г.) — 2,5 млн корпусов гранат. Такие же значительные масштабы имели последующие заказы.

К лету 1915 г. большинство крупных металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий уже выполняли заказы ГАУ, поэтому новая организация мобилизовывала для работы на оборону неспециализированные средние и мелкие предприятия, общее число которых иногда достигало 500. Среди них были мельницы, винные

склады, ремонтные мастерские текстильных фабрик, лаборатории учебных заведений, множество кустарных мастерских. Опытные инженеры и мастера Организации проводили обучение их кадров, последовательно внедряли технологическую дисциплину и стандартизацию производства, увеличили оборудование предприятий путем закупок и распределения реквизированного, внесли изменения в способы изготовления изделий, широко развивали внутреннюю кооперацию.

Мобилизация промышленности для работы на оборону и органы регулирования хозяйства. Уже с конца 1914 г. проявился машинный характер войны с громадными расходами оружия и особенно боеприпасов, с применением новых видов вооружения (танки, самолеты), требующих создания специальных производств. Эта война обусловила необходимость постоянного и в больших количествах пополнения численности армии, армейских запасов, предполагавших обеспечение жизнедеятельности тыла, организацию его работы на оборону. Все это привело к выдвижению особых мобилизационных и регулирующих задач в экономике. Учреждения, призванные решать вопросы обеспечения армии всем необходимым, выполняли распределительные и регулирующие функции в экономическом развитии всех воюющих стран. Их деятельность была ориентирована не на стихийный рынок, а на соответствующую государственную потребность. Война, разворачивавшаяся на больших пространствах России и одновременно приближавшаяся к ее историческому центру и столице, требовала мобилизации всех материальных ресурсов страны, прежде всего ее промышленности, а также людских резервов. В итоге сложившаяся система регулирования экономики и всей жизни воюющей державы отличалась громоздкостью, полифункциональностью, иерархичностью.

Глубина сложности возникших проблем начинает осознаваться думскими кругами, заинтересованными в победном завершении войны. Буржуазия, значительно усилившись экономически, желала воспользоваться трудностями правительства не только для решения политических задач. Предприниматели хотели получить выгодные казенные заказы, приносившие высокие прибыли. На фронт участились поездки председателя Государственной думы М. В. Родзянко и лидера октябристов А. И. Гучкова. Думские деятели и видные предприниматели предлагали с целью привлечения частной промышленности для работы на оборону создать орган из представителей военного министерства и промышленно-финансовых кругов. Такие идеи высказывались и в управлениях военного ведомства, лучше других знавших положение с производством вооружения и боеприпасов. В мае 1915 г. Родзянко, видный чиновник Министерства торговли и промышленности В. П. Литвинов-Фалинский, а также петербургские банкиры А. И. Вышнеградский и А. И. Путилов посетили Ставку и

встретились с Николаем II. По их предложению, получившему высочайшее одобрение, учреждается так называемое майское Совещание. Оно получило право привлекать все частные заводы к производству снарядов, орудий, патронов и ружей, реквизировать заводские запасы и станки, испрашивать кредиты на оборудование новых заводов или расширение военного производства старых. В Совещание входили банкиры, промышленники, представители законодательных учреждений, военного ведомства и общественных организаций.

Накануне IX съезда представителей промышленности и торговли московские прогрессисты развернули кампанию за мобилизацию промышленности с участием организаций самой буржуазии. Открывшийся 27 мая съезд одобрил высказанную П. П. Рябушинским идею создания военно-промышленных комитетов (ВПК). С их помощью руководители московских торгово-промышленных кругов надеялись обеспечить регулирование экономики в интересах фронта и скоординировать политические усилия буржуазии. По всей стране развернулся массовый процесс создания областных и уездных ВПК, число которых достигало почти 300. Состоявшийся в июле 1915 г. I съезд военно-промышленных комитетов избрал председателем Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) А. И. Гучкова, а его товарищем — А. И. Коновалова. Руководителями областных и губернских комитетов избирались лица, часто демонстрировавшие свою оппозиционность власти (П. П. Рябушинский, М. И. Терещенко). С созданием ВПК появилась общероссийская организация буржуазии, претендовавшая на руководство военно-экономической мобилизацией тыла страны. Однако утвержденное в августе 1915 г. Советом министров Положение о комитетах ограничило их деятельность лишь «содействием» делу снабжения армии и флота. В итоге комитеты занимались объединением для работы на оборону в основном мелких и средних предприятий, предприняв также сооружение новых фабричных заведений (более 100). Сумма заказов, в выполнении которых участвовали ВПК, составила около 200 млн руб.

Буржуазия была не удовлетворена начавшейся деятельностью «майского» Особого совещания, поскольку оно подчинялось Сухомлинову, против которого выступали думцы. В июле 1915 г. в Думу был внесен законопроект буржуазных фракций о создании вне старых исполнительных органов власти Главного управления по снабжению армии с назначением на должность его главы лица из членов Думы или Государственного совета. Представленный правительственный законопроект значительно расширял состав и функции Совещания, передавая ему вопросы снабжения предприятий и железных дорог топливом, а также общее руководство продовольственным делом. Именно этот проект, предлагавший в итоге создание четырех Особых совещаний, был принят Думой и Государственным советом. 17 авгу-

ста 1915 г. царь подписал Манифест об учреждении Особых совещаний для обсуждения и объединения мероприятий: по обороне государства; по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны; по перевозке топлива, продовольствия и военных грузов; по продовольственному делу. Совещания подчинялись соответственно военному министру, министрам торговли и промышленности, путей сообщения и земледелия.

Среди Особых совещаний и других центральных учреждений по регулированию экономики выделялось Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, или Особое совещание по обороне. Являясь высшим государственным установлением и подчиняясь только верховной власти, оно было призвано осуществить мобилизацию всей российской промышленности, организовать ее работу для обеспечения и улучшения снабжения армии. Особое совещание по обороне имело развитую систему своих органов в центре, на местах и за рубежом. Совещание по обороне отличалось от других органов своими задачами, функциями, предоставленными правами, составом своих членов. Только через военного министра осуществлялось (вплоть до конца января 1918 г.) расходование средств из специального военного фонда. Основным способом привлечения частной промышленности к выпуску предметов вооружения и общего материально-технического обеспечения фронта была широкая раздача казенных заказов, сопровождавшихся выдачей авансов, безвозвратных пособий, беспроцентных или с небольшим процентом ссуд. Поскольку заказы обычно предполагали реконструкцию, перепрофилирование старых предприятий, а часто и строительство новых промышленных объектов, то владельцам заведений предоставлялись валютные кредиты для закупки оборудования и необходимых материалов за границей. Такая практика выдачи заказов частным предприятиям для их развития была традиционна для Российского государства, но в годы войны она приняла необычайно большие масштабы. Полномочия других Особых совещаний были ограничены более узкими экономическими сферами.

Помимо Особых совещаний, в стране функционировали другие органы, связанные с регулированием работы тыла. Большую роль в мобилизации отраслей легкой промышленности сыграли комитеты, возникшие по инициативе предпринимательских организаций, при Министерстве торговли и промышленности — Главный комитет по кожевенным делам, Комитет по делам суконной промышленности, Комитет хлопкоснабжения, Льноджутовый комитет и др. Еще в 1915 г., характеризуя систему регулирующих органов в стране, журнал «Промышленность и торговля» писал: «Если взглянуть на вереницу учреждений общественных, правительственных и смешанных,

местных и центральных, созданных у нас за время войны, то получится такой сложный лабиринт, в котором не всякий сразу сориентируется. Следовало бы, положительно, издать путеводитель по хозяйственным учреждениям, порожденным у нас войною, с указанием компетенции, круга деятельности и состава». Продолжавшееся, включая осень 1917 г., создание чрезвычайных органов было обусловлено и развитием кризисных явлений в различных сферах народного хозяйства.

Важным объективным фактором, который затруднял работу учреждений по регулированию промышленности, был характерный для них параллелизм функций, обусловленный неразграниченностью полномочий, нечеткостью определения задач деятельности, многоступенчатостью рассмотрения вопросов. Свойственная бюрократическому аппарату самодержавия длительность рассмотрения вопросов, неспешность принятия решений не изменились даже в условиях военного времени. Значительная часть органов регулирования экономики, создаваемых в России в годы Первой мировой войны, сочетала в своей деятельности принципы коллегиальности и единоначалия, что также мешало оперативному решению вопросов и порождало безответственность. Коллегиальное обсуждение имело в большинстве государственных органов предварительный характер, так как полнота власти в принятии решений сосредотачивалась в руках руководителя учреждения, личные качества которого имели большое значение. Так, например, необычайная результативность работы Химического комитета ГАУ обязана была техническим открытиям и организаторскому таланту его председателя — академика В. Н. Ипатьева. Деятельность Организации при уполномоченном ГАУ по производству 3-дюймовой шрапнели по французскому образцу отмечается в литературе как одна из самых успешных в годы Первой мировой войны. Ее руководитель генерал С. Н. Ванков отличался высоким профессионализмом и несомненным предпринимательским талантом. Он был руководителем, не знавшим слова «не могу» и умевшим заставить забыть это слово своих подчиненных.

В ходе мобилизации промышленности для работы на оборону решалось множество вопросов, вызванных обстоятельствами военного времени. К их числу относилась эвакуация промышленных предприятий и восстановление их деятельности на новом месте. Эвакуация предполагала сохранение промышленного потенциала страны и квалифицированных кадров. Однако правительство не сразу озаботилось ее организацией, что привело к утрате большей части промышленного комплекса Польши. Наиболее организованно эвакуация проводилась во второй половине 1915 г. из Рижского промышленного центра, оказавшегося вблизи линии фронта. Основными регионами перемещения промышленности стали территории на восток от линии Москва—Харьков и Юг России (Екатеринослав, Донбасс). Особенно много

предприятий и эвакуированных грузов сосредоточилось в Москве. Несмотря на ограничения, большое число заводов осело в Петрограде.

Решения, принятые в 1915 г., по отзыву с фронта части кадровых рабочих, закреплению на предприятиях оставшихся помогали сберечь достаточно узкий в России слой квалифицированных рабочих. Участие в изготовлении военной продукции, требующей высокой точности и умения, способствовало повышению квалификации российского рабочего класса, а создание предприятий новых отраслей — формированию таких групп, как самолетостроители, рабочие автомобильного производства, химики и др. Характерные черты квалификации индустриального труда (строгое соблюдение технологической дисциплины, параметров и качества основных изделий) получили заметное развитие в российской промышленности. Этому способствовала жесткая стандартизация продукции предприятий, контролировавшаяся военным ведомством и всеми организациями по мобилизации промышленности для работы на оборону. Регулирующие органы всячески поощряли, в частности выдачей премий, специализацию заводов, что повышало уровень технологической дисциплины и квалификацию рабочих.

Рост промышленного потенциала страны. Среди объективных факторов, которые значительно затрудняли работу промышленности на оборону, была общая технико-экономическая отсталость России, выражавшаяся в недостаточной развитости производственно-отраслевой структуры отечественной индустрии и соответственно высокой степени ее зависимости от импорта станков, оборудования, цветных металлов, качественных сталей, химического сырья и др. В этой связи уже с конца 1915 г. для органов регулирования промышленности выявилась необходимость, помимо мобилизации предприятий для работы на оборону, решать проблемы создания новых производств и даже отраслей промышленности, вести поиск компенсационных методов для налаживания и развития производства недостающего вооружения и боеприпасов для русской армии. Принимавшиеся Особым совещанием по обороне, отдельными управлениями военного министерства, другими Особыми совещаниями программы увеличения промышленного потенциала страны касались преимущественно отдельных отраслей или производств и даже в этих рамках не отличались комплексным подходом. Существенные недостатки имелись и в общих концепциях разрабатываемых программ. Их составители ориентировались лишь на постепенное наращивание промышленного потенциала, не пытаясь найти пути ускорения индустриализации страны. Недостаточное внимание со стороны органов регулирования уделялось проблемам развития отечественного станкостроения, топливно-энергетической базы и транспортной сети.

Важнейшим направлением деятельности многих регулирующих органов стало заводское строительство. Особенной интенсивностью в годы войны отличалось сооружение химических предприятий, инициированное технологическими разработками Комитета Ипатьева. Всего в 1914 г. в России действовало 7 заводов этих производств, включая один казенный. Развернувшееся с осени 1915 г. строительство бензольных предприятий позволило удвоить отечественное производство уже в 1916 г. Построенные к 1917 г. сернокислотные заводы обеспечили превышение довоенного уровня на 33%. Общим итогом стало сооружение 34 заводов серной и азотной кислоты, 100 бензольных по производству тротила и толуола и 40 по выпуску удушающих средств.

В значительном строительстве казенных предприятий начальник ГАУ генерал А. А. Маниковский видел возможность ликвидации промышленной зависимости России от других стран. По его словам, это было важно после окончания войны, когда возрастет экономическая борьба: «Если мы не будем готовы к ней, то могучая техника, и наших друзей, и наших врагов, раздавит нашу все еще слабую технику». Его программа расширения казенного сектора российской индустрии предусматривала сооружение 37 предприятий. К концу 1916 г. было закончено 16 предприятий, а 21 — строилось, что означало удвоение общего числа казенных заведений, подчинявшихся ГАУ до войны. Недостатком программы Маниковского являлась непредусмотренность в ней постройки заводов новых производств и ограниченность сооружения предприятий в базовых отраслях тяжелой промышленности.

Первая мировая война показала возможности применения авиации на фронте. С середины 1915 г. начинается привлечение отечественных авиационных предприятий к работе для армии, сопровождавшееся выдачей заказов, ссуд, авансов, содействием в получении необходимых материалов и топлива. Особое внимание уделялось стандартизации производства введением запрета вносить изменения в конструкции аппаратов и моторов до окончания контракта. Значительную роль в налаживании работы отечественных предприятий на новых технологических основаниях сыграла авиационная комиссия Особого совещания по обороне. Выработанная ею программа предусматривала увеличение оборудования и реконструкцию действующих предприятий, а также сооружение новых. Благодаря казенным субсидиям, составившим 35% всех расходов по строительству, в Таганроге был возведен завод Общества воздухоплавания «В. А. Лебедева». Предприятие, ориентированное на конвейерное производство, имело специальный цех, рассчитанный на сборку в двух потоках обычных аэропланов и гидросамолетов русских авиаконструкторов. В дальнейшем на его базе действовал один из крупнейших в СССР авиационных

заводов им. Г. Димитрова. В годы войны в крупное авиационное предприятие превратился завод Общества «Дукс» Ю. А. Меллера, выпускавший, помимо велосипедов, 10—15 аппаратов в месяц. Получив большие контракты, сопровождавшиеся выдачей авансов, беспроцентных ссуд, разрешениями на приобретение земли в Москве для строительства, оно выстроило 2 новых производственных корпуса и ряд вспомогательных сооружений. В конце 1916—1917 гг. на предприятии было занято около 3 тыс. рабочих и выпускалось по 100 аппаратов в месяц. Впоследствии это было одно из ведущих авиационных предприятий СССР («Знамя труда»).

Значительно отставало в годы войны моторостроение из-за общей неразвитости отечественного машиностроения и отсутствия автомобильных заводов, которые в других странах стали основой авиамоторного производства. Огромные трудности в производстве двигателей создавали недостаток квалифицированных кадров как инженерно-технических, так и рабочих; неразвитость цветной металлургии, отсутствие производства качественных сталей, подшипников и т. д. В годы войны благодаря существенному финансированию казной значительно расширился первый в России специализированный моторный завод «Гном», принадлежавший французской фирме. Такая же политика проводилась в отношении французских заводов «Мотор» и «Сальмсон». Их потенциал использовался при создании советского авиамоторостроения. В 1927 г. в Москве они объединились в завод № 24. В годы Великой Отечественной войны на его основе возник Куйбышевский завод и завод № 45 в Москве (впоследствии — «Салют»). Общество «Русский Рено», возглавлявшееся французским предпринимателем П. Сико, обязалось по контракту с Главным военно-техническим управлением построить в Рыбинске, где оно сооружало автомобильный завод, моторный. Правление получило аванс в 1,6 млн руб. и валюту для покупки необходимого оборудования за границей. На базе этого предприятия впоследствии возник один из самых мощных и высокотехнологичных авиационных заводов СССР.

Государственная поддержка развития авиационной промышленности дала свои результаты. Перед войной в России было всего 10 авиационных заводов и мастерских. К началу 1917 г. в стране существовало 14 самолетостроительных предприятий, на которых было занято около 12 тыс. рабочих, и 4 авиамоторных завода, где трудилось около 3,5 тыс. рабочих. Суммарная средняя производительность аэроплановых заводов в конце 1916 г. составляла 200 аппаратов в месяц (довоенная норма — 40), а моторных — около 100 двигателей (против 10—15 до войны). Это позволило обеспечить в начале 1917 г. 80% всех поставок самолетов и 30% моторов с отечественных предприятий. Количество заводов, их техническое оборудование

и производительность, число рабочих — все это свидетельствует о создании в России в годы Первой мировой войны самолетостроения и основ моторостроения.

Особое совещание по обороне целенаправленно способствовало развитию отечественного автомобилестроения. Перед войной наиболее успешный опыт налаживания собственного производства имел лишь Русско-Балтийский вагонный завод в Риге, создавший весьма совершенную для того времени конструкцию автомобиля «Руссо-Балт». Эвакуация предприятия привела к остановке производства. Военные круги России, как и других стран, не предвидели возможности использования автомобильного транспорта в военных условиях. В русской армии к началу войны было всего 400 грузовых и около 100 легковых и вспомогательных автомашин. Проведенная реквизиция позволила собрать более 4 тыс. автомобилей, в том числе около 500 грузовых. Основным способом пополнения автопарка стали заграничные заказы. Однако, как заявляло военное ведомство, союзнические страны сами нуждались в автотранспорте, поэтому распределение заказов вызывало сложности, как и последующая доставка машин в Россию и по России. С неизбежностью вставал вопрос о создании отечественного автомобилестроения, который получил положительное решение в Особом совещании по обороне. При финансовой поддержке государства предполагалось сооружение 5 частных автомобильных заводов и одного казенного. 26 февраля 1916 г. были заключены контракты с акционерными обществами Русско-Балтийского вагонного завода, «Аксай», «Русский Рено», «В. А. Лебедев» и Товариществом на паях Московского автомобильного завода («АМО»). Поставщики обязывались построить, оборудовать и пустить заводы в начале октября 1916 г. Государство взяло на себя большую часть расходов при сооружении частных заводов. В мае 1916 г. был подписан контракт с Британским инженерным обществом Сибири («Бекос»), которому передавался подряд на строительство, оборудование и первые 3 года эксплуатации казенного завода военных самоходов.

Внутренние хозяйственные трудности и особенно катастрофическая затяжка с выполнением зарубежных заказов на оборудование вызвали перенесение сроков пуска. Однако большинство предприятий, за исключением завода «Аксай», к концу 1917 г. было построено и в значительной мере оборудовано. Наиболее успешно шло сооружение «АМО», на котором уже с осени 1916 г. выполнялись авторемонтные работы. Завод был первоклассным производственным сооружением, рассчитанным на большую производительность. В середине 1920-х гг. на нем был освоен выпуск машин собственной конструкции. Коренным образом реконструированный и перестроенный в начале 1930-х гг., «ЗИС-ЗИЛ» в течение многих десятилетий

достойно держал марку первенца отечественного автомобилестроения. Ярославский завод В. А. Лебедева производил авторемонт с осени 1916 г. С середины 1920-х гг. до 1958 г. он был ведущим предприятием советского тяжелого автомобилестроения. Строительство и автомобильного, и моторного заводов Обществом Русско-Балтийского вагонного завода в Москве, на Филях, не было завершено окончательно, как и их оборудование. В 1920-е гг. предприятие было сдано в концессию фирме «Юнкерс», став впоследствии известным авиационным заводом им. М. В. Хруничева. После 1917 г. корпуса возведенного в подмосковных Подлипках казенного автомобильного завода использовались оборонными предприятиями, а в 1940-е гг. стали базой научно-производственного объединения С. П. Королева.

Государственно-монополистический капитализм. В процессе привлечения промышленности к работе на оборону неизбежно усиливалось обобществление производства, что способствовало развитию плановых начал в работе промышленности, росту предпринимательских организаций и монополистических объединений, формированию более тесных связей государственного аппарата и монополий. Хотя правительство декларировало борьбу с синдикатами и банками, но в реальности, чтобы решить проблемы обеспечения армии вооружением, предприятий металлами и топливом, приходилось использовать опыт монополий в области налаживания производственной кооперации и создания контрольно-распределительного аппарата. Не случайно, приступая к производству снарядов, С. Н. Ванков прежде всего встретился с участниками «Продаметы» для согласования вопросов о возможном объеме поставок металла и ценах. Если по первому вопросу синдикат пошел навстречу новой организации, то вопрос о ценах был решен в пользу заводчиков. Комитету по делам металлургической промышленности, созданному для распределения металла по всем заводам и организациям, включая ВПК, Земсоюз и Согор, отдельные министерства, пришлось в налаживании этой работы использовать аппарат «Продаметы». Важнейшим следствием процесса государственного регулирования промышленной деятельности во время войны стало усиление монополизации отдельных отраслей и производств, рост и укрепление в них монополистических объединений. Государство, создавая такие структуры, как Организация Ванкова, осуществляло фактически принудительное синдицирование предприятий. Подобное объединение по изготовлению колючей проволоки было создано при инспекторе инженерной части Киевского военного округа (КВО). Привлечение частной промышленности к работе на оборону способствовало появлению монополистических объединений в кожевенной промышленности, укрепляло монополистические объединения текстильной промышленности, которым до войны были присущи рыхлость и слабая структурированность. Примечательно проявление

объединительных тенденций в производствах, получивших свое развитие только в годы войны, как, например, коксо-бензольное, авиационное и автомобильное. В первом возникло монополистическое объединение, а два других учредил осенью 1916 г. Съезд представителей авиационной и автомобильной промышленности. Усиление государственно-монополистических тенденций придавало более законченный характер системе монополистического капитализма в России.

Обеспечение вооружением и боеприпасами русской армии к началу 1917 г. свидетельствовало об итогах деятельности органов регулирования промышленности. Потребность в стрелковом оружии на протяжении всей войны удовлетворялась за счет невероятного напряжения 3 казенных заводов (круглосуточная работа в 2—3 смены, увеличение общей численности рабочих к концу 1916 г. до 52 тыс.) и обращения к заграничным поставкам, на которые приходилось до 43,5% всех винтовок. Рост отечественного производства только в 1916 г. начал приближаться к необходимому уровню, увеличившись по сравнению с 1914 г. почти в 10 раз. К сожалению, постройка двух новых казенных заводов не была завершена. На Тульском заводе производство пулеметов в 1917 г. увеличилось в 9 раз, но составляло только 40% расчетной потребности Ставки. Попытка привлечь частные заводы к выпуску пулеметов не удалась из-за сложности производства, а строительство нового казенного завода в Коврове было сорвано по вине Датского оружейного синдиката, получившего подряд на его сооружение. Недокомплект ликвидировали с помощью заграничных заказов, поступавших крайне неудовлетворительно. Имевшиеся 3 патронных завода работали по 22 часа в сутки и 29 дней в месяц, постоянно увеличивая численность рабочих, но достичь максимума производительности не смогли. За время войны было произведено более 4 млрд патронов. Недостаток покрывался за счет заграничных заказов в США, Японии, Франции и Италии. Однако в Россию поступило немногим более 2 млрд патронов, что практически равнялось заказам, сделанным только в США.

Катастрофически низкий уровень выпуска полевых орудий в 1914 г. (405 ед.) увеличился в 1915 г. в 4 раза, а в 1916 г. вырос в 2,5 раза к показателю предыдущего года. Часть потребности в орудиях покрывалась из запасов. На протяжении всей войны русская армия отставала в обеспеченности тяжелой артиллерией. В 1915 г. при потребности, установленной для фронта в 3 тыс. орудий, на казенных Пермском и Обуховском заводах было изготовлено в 5,5 раза меньше. Успешной оказалась деятельность промышленности в изготовлении минометов и бомбометов, производство которых освоили частные заводы и предприятия ВПК. Общая потребность в орудийных патронах, определенная летом 1915 г. в 3 млн, требовала увеличения производства в 4—5 раз. Подключение к выполнению заказов на снаряды,

помимо казенных, ведущих частных заводов не помогло, так как последние не сразу смогли освоить новое производство. Только широкая мобилизация более значительного числа заводов, произведенная Организацией С. Н. Ванкова, решила проблему. К концу 1915 г. производство снарядов увеличилось по сравнению с 1914 г. в 90 раз, а в 1916 г. — в 30 раз к объему 1915 г., почти достигнув цифры в 31 млн снарядов против 100 тыс. в 1914 г. Бурное развитие в годы войны химических производств позволило значительно увеличить выпуск взрывчатых веществ, который в 1916 г. вырос в 3,3 раза к уровню 1915 г. и продолжал расти в 1917 г. Менее успешным было положение с производством пороха на казенных заводах. Постройка в годы войны Тамбовского казенного и частного акционерного общества П. В. Барановского задержалась, поэтому 62% потребности русской армии в порохе удовлетворялись за счет заграничных закупок.

Хотя к 1917 г. материально-техническое снабжение русской армии значительно улучшилось, но отставание по целому ряду показателей от противника и армий союзников сохранялось. Немцы по-прежнему имели преимущество в артиллерии, особенно тяжелой. К середине 1916 г. русские войска были хуже обеспечены по сравнению с французскими и английскими (из расчета на км фронта) полевой артиллерией почти в 5 раз, тяжелой артиллерией почти в 9 раз, пулеметами в 4,5 раза. По обеспеченности снарядами для тяжелой артиллерии Россия уступала союзническим армиям в 6 раз. Имея протяженность фронта вдвое больше, чем англо-французский, русская армия израсходовала в 4 раза меньше артиллерийских снарядов. Несмотря на значительные достижения отечественной научной и инженерной мысли в области авиации, русская армия была обеспечена самолетами в 4 раза меньше своих союзниц. Оставшийся значительным недостаток вооружения и снаряжения русской армии снижал ее боеспособность и во много раз увеличивал людские потери. В военных действиях страна потеряла около 4 млн солдат и 77 тыс. офицеров убитыми и ранеными, 2,3 млн — пропавшими без вести. От болезней умерло более 110 тыс. человек. Относительные потери России, не говоря об абсолютных, были значительно выше, чем у союзников. На тысячу человек английская армия потеряла 6 человек, французская — 59, а русская — 85.

§ 4. ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ. РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО КРИЗИСА НА РУБЕЖЕ 1916—1917 гг.

Промышленность в годы войны. Первый год войны привел к потере Польши и части губерний западного края, что уменьшило общее число предприятий и отразилось на промышленном потенциале

таких отраслей, как угольная, текстильная, металлообрабатывающая и химическая, имевших значительные объемы в этих регионах. В 1914 г. отмечался очень незначительный рост (менее 1%) численности рабочих в отраслях, которых мобилизация коснулась в большей степени. Существенно воздействовали на состояние промышленности дезорганизация внутреннего товарооборота, нарушение режима работы транспорта, затруднившие регулярную доставку сырья и топлива. Сокращение экспорта больно ударило по лесной и рыбной промышленности, пушному промыслу, маслоделию. Промышленность страны остро ощущала недостаток станков и оборудования из-за снижения и усложнения их ввоза. Уменьшение импорта хлопка, кож, красителей и другого химического сырья осложняло работу текстильной, кожевенной и химической промышленности.

По неполным данным переписей 1918 и 1920 гг., охвативших большую часть губерний исторического центра страны и ее основных индустриальных регионов, закрытие и остановка заведений из-за недостатка топлива, сырья, оборудования, кадров были постоянной тенденцией в годы войны. Из почти 10 тыс. предприятий, учтенных переписью 1918 г., открылось в годы войны 12%, а закрылось 23,5%, т. е. практически в 2 раза больше. Особенно этот процесс коснулся мелких предприятий и отраслей, непосредственно не обслуживающих нужды фронта. Так, в пищевой промышленности доля закрытых заведений составила к концу войны более 38%.

Повышение прироста всей промышленной продукции в 1916 г. на 21,5% к уровню 1913 г. сменилось уже в 1917 г. его падением почти на 25% к 1913 г. Основной чертой отечественной индустрии в годы войны стала огромная разница в динамике отдельных производств и отраслей промышленности. В одних происходил колоссальный рост производства. В химической промышленности оно увеличилось в 2,5 раза, в отрасли по обработке волокнистых веществ, включавшей фабрики по пошиву армейской одежды, — более чем в 3 раза. Одновременно существовали отрасли, где рост был минимальным или вовсе отсутствовал. К их числу относились базовые отрасли российской промышленности, в частности горнодобывающая, где заметно снизились натуральные объемы производства и слабо выраженным оказалось развитие в основных производящих районах, т. е. в Донбассе, Баку и на Урале. Рост добычи в новых центрах не играл решающей роли в обеспечении углем и нефтью промышленности, транспорта, поскольку Донбасс и Бакинский регион оставались основными поставщиками топлива. Общий уровень добычи нефти в 1916 г. был на 15% ниже объема 1901 г. В динамично развивавшихся отраслях российской промышленности рост был характерен для производств, занятых выпуском оружия, боеприпасов, материального обеспечения армии. Так, в структуре химической промышленности на 250—

300% возросло производство сырья для изготовления пороха и взрывчатых веществ, тогда как в спичечном производстве неуклонно сокращалось число рабочих к уровню 1913 г., а ежегодное падение стоимости этого производства составляло в 1915 г. — 22%, в 1916 г. — 23%, в 1917 г. — уже 40%. Несмотря на значительное в годы войны заводское строительство, снижались показатели развития цементного производства, относящегося к высокоиндустриальным отраслям российской промышленности. Число рабочих в 1917 г. уменьшилось к 1914 г. почти на 30%, а валовая продукция и в стоимостном, и в натуральном исчислении — на 50%.

Изготовление всех видов вооружения росло в гигантских размерах. Производство винтовок в августе 1916 г. поднялось по сравнению с началом войны на 1100%, ружейных патронов — на 250%. Производство пушек увеличилось в январе 1917 г. к уровню предыдущего года более чем на 1000%, 76-мм снарядов — на 2000%. Такой рост обеспечивался правительственными субсидиями, первоочередным отпуском сырья и топлива, бронированием рабочей силы и другими льготами в отношении оборонных предприятий. Именно развитие этих производств проявилось в увеличении (300%) металлообрабатывающей промышленности, включая машиностроение. В то же время одно из наиболее развитых производств этой отрасли — сельскохозяйственное машиностроение — сократилось почти на 40%. Разнохарактерность динамики развития отдельных отраслей и производств создавала неустойчивость отечественной промышленности, тем более что трудности переживали и отрасли, работавшие на оборону. В годы войны перешли на индустриальную основу две отрасли российской промышленности — кожевенно-обувная и производства одежды.

В период войны увеличилась общая численность пролетариата в России, что отражало рост производств с высокой занятостью рабочих (самолетостроительное, авторемонтное, фабричный пошив одежды и обуви и др.). Кроме того, недостаток технически более сложного и совершенного оборудования на российских предприятиях приводил к повышенной дифференциации производственных операций, что увеличивало занятость. Это отразилось на росте числа рабочих в металлообрабатывающей промышленности — на 67%, включая металлургию. Однако снижалась численность рабочих в отраслях, не работающих на оборону: текстильной, деревообрабатывающей, бумажно-полиграфической, а также в строительстве и сельском хозяйстве. В годы войны возросла концентрация рабочих, чему отчасти способствовало закрытие массы мелких предприятий. К 1918 г. доля рабочих на предприятиях с числом занятых более 500 человек поднялась до 70%, и увеличилось число крупнейших заводов. Всего имелось 250 предприятий с числом рабочих более 1000, из них 38 насчитывали свыше 10 тыс. человек. Две эти группы концентрировали более

58% всего фабрично-заводского пролетариата. Наибольшее увеличение численности рабочих (почти в 6 раз) имело место на казенных военных предприятиях.

К началу 1917 г. рабочих крупной промышленности, железнодорожного и водного транспорта в России насчитывалось около 4,3 млн человек. Усилив темпы роста промышленного пролетариата, война оказала отрицательное влияние на его качественный состав. В первые месяцы на фронт было призвано 15—19% всех рабочих, т. е. 20—25% его мужского состава. По ориентировочным подсчетам, этот показатель составляет от 400 до 500 тыс. человек. При недостатке на заводах обученных рабочих кадров эти изъятия тяжело отразились на профессиональном составе пролетариата, увеличивая прослойку старших возрастов (свыше 40 лет). Нехватка рабочих восполнялась привлечением подростков и женщин, не прошедших должного обучения, что сказалось на понижении общего уровня квалификации рабочих и производительности труда. В ряде отраслей промышленности и в отдельных регионах, в частности Донецко-Криворожском, прибегали к использованию труда военнопленных. Война, особенно в связи с принятием решений об отсрочках для рабочих оборонных предприятий, вызвала значительный приток в промышленность выходцев из мелкобуржуазных и даже буржуазных слоев города и деревни.

Сельское хозяйство, которому экономисты предсказывали благоприятную перспективу, опасаясь только возникновения избытка аграрной продукции в связи с прекращением экспорта, испытывало массу трудностей с начала войны. Разрыв торговых связей с мировым рынком, куда вывозились русский хлеб, лен, конопля, масло и другие продукты, лишил сельское хозяйство важнейшего источника доходов. Одновременно сократился импорт машин и удобрений. Закрытие в годы войны многих сельских кузниц также понижало производственные возможности русской деревни. Ее производительные силы были подорваны реквизициями для армии 2,6 млн самых рослых и выносливых лошадей. Уже в 1916 г. военный министр отмечал, что трудно осуществлять пополнение «лошадей высших сортов» для артиллерии и кавалерии из-за недостатка их в крестьянских хозяйствах. Это существенно ослабило помещичьи хозяйства с величиной посевов до 250 десятин, которые часто обрабатывались крестьянами. Учитывая низкую степень механизации сельскохозяйственного труда, большой урон аграрному сектору нанес призыв в армию мужского населения. В европейских губерниях мобилизовали свыше 11 млн человек, или около 60% взрослых мужчин, занятых в сельском хозяйстве. И крестьянские, и помещичьи хозяйства испытывали недостаток рабочих рук, что обусловило широкое использование женского и детского труда. В больших хозяйствах прибегали к труду военнопленных (около 640 тыс. человек в 1916 г.). Отмеченные факторы привели к

уменьшению посевных площадей в Европейской России на 6,5 млн десятин, не считая убыли территорий, занятых неприятелем в 1915 г. Сокращение посевов продовольственных культур составляло 12%, а кормовых (овес и ячмень) — 10%. При этом для крестьянского хозяйства было характерно сокращение площади под кормовыми (12%) и продовольственными (10%) культурами. Особенно уменьшились посевы продовольственных культур в районах торгового зернового хозяйства — на Юге России и Северном Кавказе. В южных степных губерниях вся посевная площадь сократилась на 13%, а под продовольственными хлебами — на 21%. Этому способствовал обострившийся недостаток рабочих рук, вызванный уменьшением количества сезонных работников из центральных губерний и убылью местного крестьянского и казачьего населения, призванного на фронт. В помещичьих и крупных крестьянских хозяйствах возросли посевы овса для армейской конницы, поэтому сокращение площадей кормовых культур в них было невелико — всего на 3%. Однако основным носителем этой тенденции стало помещичье хозяйство, в котором доля посевов под продовольственные культуры в 1916 г. понизилась до 62%. При высокой товарности помещичьего хозяйства, определявшей состояние хлебного рынка в стране, это был опасный симптом. И все-таки главным регулятором зернового производства в России оставался природно-климатический фактор. Несмотря на негативное воздействие войны (недостаток капиталов, машин, удобрений, нехватка тяглового скота и рабочих рук), благоприятные погодные условия обеспечили в 1915 г. самый высокий урожай за десятилетие, а в 1916 г. — выше среднего за пятилетие.

Финансовое положение России с началом войны ухудшилось, так как происходил стремительный рост расходов казны. За первый месяц они составили столько же, сколько за год Русско-японской. Всего с августа 1914 г. до марта 1917 г. на военные и обыкновенные нужды было истрачено 39 млрд руб., в том числе на военные расходы — 30,5 млрд руб. Источниками финансирования стали выпуск бумажных денег, внутренние и внешние займы, увеличение налогового бремени населения. На 1 марта 1917 г. сумма бумажных денег в обращении достигла 10 млрд руб. (при золотом обеспечении только 1,5 млрд руб.). Если количество бумажных денег во Франции увеличилось на 100%, в Германии — на 200%, то в России — на 600%. К началу 1917 г. рост дороговизны обгонял выпуск денежных знаков.

За время войны царское правительство выпустило 6 внутренних займов на сумму 8 млрд руб., которые с трудом распространялись среди населения, особенно среди трудящихся. Большую роль в покрытии военных расходов играли внешние займы, составившие к марту 1917 г. более 6 млрд руб. Главным кредитором России стала Англия, предоставившая царскому правительству 4,5 млрд руб. За ней

следовала Франция — свыше 1 млрд руб. Небольшие займы на общую сумму 525 млн руб. предоставили России США, Япония и Италия. Средства займов расходовались на оплату заграничных заказов вооружения. Расходование средств осуществлялось под контролем английского и французского правительств. Особенно жесткую позицию занимала Англия, препятствовавшая использованию русской стороной заемных средств на закупки оборудования и станков. Невыгодной была предусмотренная в союзнических соглашениях посредническая роль Англии при размещении и оплате российских заказов в США. Не дожидаясь окончания войны, в счет предоставленных кредитов Россия доставила в Великобританию на 68 млн фунт. стерлингов золота, обязалась продать десятки тысяч пудов пшеницы, платины. В годы Первой мировой войны финансовая и общая экономическая зависимость России от своих партнеров по Антанте сильно возросла.

Если весной 1915 г. Россия переживала кризис вооружения армии, то в процессе наращивания военного производства она столкнулась с масштабным экономическим кризисом. Его факторами были ограниченность промышленно-экономического потенциала страны; отсталость российского сельского хозяйства; непродуманность принимаемых мер по милитаризации промышленности и регулированию экономики, резко нарушавшие соотношение разных секторов экономики. Важнейший недостаток деятельности органов военного регулирования состоял во всемерном сокращении производства изделий, шедших на нужды тыла, и в увеличении за счет этого выпуска продукции для удовлетворения чисто военных потребностей. Не было принято даже минимальных мер к расширению железнодорожной сети, таких базовых отраслей промышленности, как топливная и металлургическая. Развертывание военного производства шло за счет беспощадного расхищения основного капитала отечественной индустрии и транспорта, которые и так не отличались мощностью и высокоразвитостью.

Кризис железнодорожного транспорта в России в Первую мировую войну был предопределен недостаточным числом железнодорожных линий, учитывая пространства страны. Даже в европейской части показатель рельсовых путей на единицу площади был в 11 раз меньше, чем в Германии, и в 7 раз меньше, чем в Австро-Венгрии. Российская железнодорожная сеть отставала от мирового уровня по своим качественным характеристикам: слабая густота, низкая доля двухколейных дорог, недостаток усовершенствованного железнодорожного полотна, количества железнодорожных мостов с металлическими конструкциями. В результате снижения даже в годы промышленного подъема интенсивности развития паровозо- и вагоностроения накануне войны для нормального грузооборота русским до-

рогам не хватало 80 тыс. вагонов и 2 тыс. паровозов, а из имеющихся 25% устарели и нуждались в замене. За период войны железнодорожное строительство и усовершенствование путей было крайне ограниченным. К осени 1917 г. построили чуть больше 3 тыс. верст новых линий, в том числе Мурманскую дорогу, соединившую порт с основной железнодорожной сетью страны, и проложили более 1 тыс. верст второй колеи, включая линию Архангельск—Вологда. Возникновение хозяйственного кризиса в стране во многом было вызвано нарушением деятельности железнодорожного транспорта. Необходимость обеспечить проведение мобилизации, доставку войск и вооружения в районы военных действий привела к решению о разделении железнодорожной сети на две части. Треть дорог передавалась в подчинение военному ведомству, дополнительно получившему свыше 21 тыс. вагонов и около 900 паровозов. Это резко снизило обеспеченность в подвижном составе второй части дорог, обслуживавших остальное пространство громадной страны. Грозные предвестники наступающего кризиса проявились в декабре 1914 г., когда из-за нарушения регулярности подвоза топлива на Юге России остановилось 13 доменных печей, а несвоевременное поступление хлопка затруднило работу московских текстильных предприятий.

В 1915 г. произошло полное расстройство железнодорожного транспорта. Оно было вызвано, во-первых, отступлением армии, сопровождавшимся перемещением военных складов, техники, массовой стихийной эвакуацией предприятий, людей из западных и юго-западных областей империи. Во-вторых, широкая мобилизация промышленности для работы на оборону вызвала усиленные перевозки топлива, сырья, продовольствия. Рост заводского строительства увеличил перевозки строительных материалов, оборудования, топлива. В итоге были нарушены все графики движения, что привело к снижению вывоза топлива, металла, продовольствия из производящих районов. В сентябре 1915 г. из Донбасса вывезли только 74 млн пудов угля, подвоз продуктов питания в Петроград уменьшился наполовину, а в Москву — на 2/3. Руководство дорог принимало меры для улучшения организации движения, что позволило к концу года увеличить на 30—40% поступление продовольствия из Сибири, металла и топлива из Донецко-Криворожского района в центральные районы страны, особенно в столицы. Однако радикально изменить ситуацию не удавалось. К январю 1916 г. общее число невывезенных вагонов, из которых треть была первоочередными, увеличилось вдвое. Почти 600 станций пришлось закрыть для погрузки. Залежи на железных дорогах металла, топлива, оборудования, продовольствия, необходимых для промышленности и населения, в дальнейшем росли, достигая 25% всех планируемых грузов. Коренное оздоровление железнодорожного транспорта требовало пополнения дорог рельсами и подвижным со-

ставом, убыль которого в ходе военных действий увеличивалась. Однако план производства рельсов, паровозов и вагонов срывался из-за нежелания заводчиков заниматься неприбыльными по сравнению с военными заказами.

Органы, на которые возлагалось обеспечение бесперебойной работы транспорта, перешли к регулированию перевозок важнейших грузов на основе соответствующих разрешений — «литеров». В 1916 г. стали составляться планы перевозок по отдельным грузам. Поскольку общего государственного плана всех перевозок не существовало, то сохранялся стихийный поток грузов. Кроме того, выдача литеров производилась нередко за взятки. Об этом М. В. Родзянко сообщал Николаю II в начале 1917 г. Он отмечал, что «развились крайние злоупотребления железнодорожных агентов, система сложного взяточничества, которая одна только действует сколько-нибудь удовлетворительно. В стране сложилась горькая поговорка, что лучше всего сейчас возить товары на литера Д (деньги)». К началу 1917 г. железнодорожный транспорт находился в глубочайшем кризисе, что пагубно сказывалось на общем состоянии страны и ее обороны. Генерал М. В. Алексеев писал царю: «В переживаемое время нет ни одной области государственной и общественной жизни, где бы не ощущались серьезные потрясения из-за неудовлетворения потребности в транспорте... В среднем заводы, работающие на оборону, удовлетворяются транспортом всего лишь на 50—60% своей потребности... При таких условиях не только немыслимо увеличение производительности заводов, но придется сократить и теперешнюю работу».

Металлический и топливный голод. В связи с ростом производства вооружений увеличился спрос на металл. Уже в 1914 г. Ставка определяла ежемесячную потребность в снарядах в 2,5 раза больше, чем за все время Русско-японской войны. Для строительства укреплений в условиях позиционной войны были нужны миллионы пудов проволоки. Выпуск многих видов вооружения, их частей обусловили рост спроса на качественные стали и цветные металлы, производство которых в России или было крайне ограниченным, или вообще отсутствовало. О недостаточности уровня развития отечественной металлургии свидетельствует такое сравнение: количество металла на 1 бойца в русской армии составляло 5 кг в месяц, а в германской — в 20 раз больше. Рост выпуска металла на отдельных предприятиях не компенсировал систематического общего падения производства в отрасли в целом. Это приводило к увеличению разрыва между растущим спросом на металл и его реальным выпуском. Месячная производительность предприятий на рубеже 1915—1916 гг. составляла 16 млн пудов, а потребность — 26—27 млн пудов. В такой ситуации единственным выходом являлось строгое регламентирование потребления металла. С октября 1916 г. Комитет по делам металлурги-

ческой промышленности Особого совещания по обороне наладил ежемесячную разверстку между министерствами и ведомствами всего металла, производившегося в стране и ввозимого из-за границы. Однако ему не удалось хоть сколько-нибудь стимулировать производство металла, которое продолжало катастрофически падать. Большинство заводов сокращало прокат металла из-за нехватки топлива и сырья, что приводило к использованию мощности действовавших предприятий примерно на 2/3. Уже в ноябре 1916 г. дефицит металла достиг 8 млн пудов, или 50% прозводства внутри страны. Положение ухудшалось с каждым месяцем. Подобное развитие процесса свидетельствует о глубоком *системном кризисе* всей российской промышленности в годы Первой мировой войны.

Относительный упадок добычи топлива еще накануне войны изменил структуру топливного баланса страны, в котором доля дров увеличилась до 57%, а минерального топлива снизилась до 41%. Дефицит топлива сопровождался ростом цен на все его виды. В Москве розничная цена на дрова поднялась уже в 1912 г. на 70%. Разрыв экономических связей с началом войны, блокада балтийских портов лишили российскую промышленность, в частности петроградскую, импортного топлива. Вскоре страна потеряла Домбровский угольный бассейн. Прекращение экспорта российской нефти лишь в малой степени закрывало брешь в топливном балансе. Наращивания объемов производства угля в Донецком бассейне удалось добиться в первые годы войны главным образом за счет роста численности рабочих. В 1916 г. добыча в Донбассе поднялась на 13% и достигла почти 2 млрд пудов. Однако это не соответствовало растущим потребностям промышленности и транспорта. Только Петроградский район увеличил в годы войны потребление донецкого угля в 16 раз, продолжая испытывать недостаток в топливе порядка 20%. Потребности в топливе Уральского, Одесского, Поволжского районов удовлетворялись и того меньше — чуть более 50%. К трудностям увеличения добычи угля добавлялись сложности его доставки по железным дорогам, что еще больше снижало обеспеченность народного хозяйства топливом. Нефтедобыча увеличивалась в годы войны очень медленно, небольшой ее прирост (7%) относительно низкого предвоенного уровня имел место только в 1916 г. На железных дорогах, горнозаводских предприятиях Урала, для отопления зданий во многих городах России увеличивалось потребление дров. В годы войны значительно расширилась добыча и использование торфа, особенно в ЦПР.

Регулирующие мероприятия ограничивались установлением предельных цен на топливо, планированием его перевозок и распределением между потребителями. Разработкой и реализацией этих мер, в том числе контролем за расходованием топлива, занимались различные органы. В марте 1915 г. был учрежден Комитет по распределению то-

плива во главе с министром путей сообщения С. В. Рухловым. Возникшие затем Особые совещания так распределили обязанности: Совещание по топливу занималось проблемами увеличения добычи топлива и его последующего распределения, а Совещание по перевозкам — вывозом угля по железным дорогам.

Острейший топливный кризис, во многом обусловленный плохим подвозом топлива, страна пережила в сентябре—декабре 1915 г. В декабре Петроградский район получил около 50% топлива, Москва — 46% угля и 57% нефти. Положение стало выправляться только в первой половине 1916 г., что обеспечило более ровный темп работы промышленности. Однако с осени началось новое обострение топливного кризиса, который на этот раз был порожден не только трудностями перевозки топлива, но и снижением его добычи. К этому добавилось резкое увеличение потребностей промышленности, мобилизованной для работы на оборону. Минимальная ежемесячная потребность только в угле составляла 125—130 млн пудов, а общий его недогруз достигал 30%. Особое совещание по обороне в феврале 1917 г. констатировало: «Положение дела снабжения заводов топливом подлежит признать критическим и внушающим серьезные опасения. Во всяком случае необходимо считаться с предстоящим сокращением деятельности или даже временным закрытием некоторых обслуживающих оборону заводов». Топливный кризис приобрел постоянный характер и был проявлением общего кризиса российской экономики.

Обострение продовольственного вопроса. В годы войны промышленное потребление зерна, особенно в связи с введением сухого закона, снизилось почти в 6 раз. Резко уменьшился экспорт зерна, составив в 1914—1916 гг. в среднем 26 млн пудов против довоенного ежегодного 665 млн пудов. Важным положительным фактором являлись высокие урожаи 1915 и 1916 гг., что, как считалось, позволяло удовлетворить потребности армии, несмотря на их семикратное увеличение к довоенному уровню в 1915/16 г. и почти шестикратное в 1916/17 г. На основании прежней российской традиции закупка продовольствия и в мирное, и в военное время осуществлялась силами отдельных воинских частей и подразделений, получавших от центральных ведомств соответствующие денежные средства. Никаких специальных запасов для армии и стратегических для страны в целом не создавалось. Однако масштабы войны и ее очевидная продолжительность заставляют правительство уже в 1915 г. переходить к систематическим закупкам продовольствия для армии. Этим занимаются сначала специальные органы при Министерстве земледелия, а с осени 1915 г. к ним присоединяется Особое совещание по продовольствию.

Общий сбор продовольственных и кормовых хлебов в России за 1914—1916 гг. составил 13,5 млрд пудов, из которого правительст-

вом было приобретено около 1,4 млрд пудов. В ходе закупок, проводившихся в 1915/16 г., государство изымает 50% товарного зерна. Несмотря на принятые меры, уже с 1916 г. армия начинает испытывать недостаток в хлебе, мясе, жирах, сахаре и фураже. К этому времени наблюдалось сокращение зернового производства в помещичьем хозяйстве, которое вкупе с крупными крестьянскими хозяйствами производило до войны половину хлеба, а на рынок давало более 80% товарного хлеба. Уменьшал количество продаваемого хлеба процесс натурализации крестьянского хозяйства в годы войны. Имело место и падение сбора хлебов, который в 1916 г. составил у крестьян 86% довоенного уровня, а у помещиков — только 66%. Масштабное изъятие товарного зерна на армейские нужды в сочетании с уменьшением товарности по зерну сокращало частную торговлю хлебом, что отрицательно сказывалось на положении городского населения. Известную опасность в динамике производства зерна представляла Нечерноземная полоса, где проявлялась тенденция его падения, что увеличило зависимость региона, особенно промышленных губерний, от ввоза зерна. Оценивая имеющиеся запасы хлеба, как товарного, так и для внутреннего потребления крестьянских семей, не следует преувеличивать их масштабы в годы войны. Необходимо помнить, что основная масса хлеба, потребляемого в деревне в мирное время, определялась низкой душевой нормой. В то же время армейские, особенно фронтовые, нормы были значительно выше ее. С увеличением численности рабочих росло потребление хлеба в промышленных центрах. Например, прирост пролетариата в такой аграрной области, как Среднечерноземная, составил в 1915 г. 50% к уровню 1912 г. Все это определило значительность объема планируемой хлебной разверстки, установленной правительством в 1916 г., — свыше 771 млн пудов. Это было на 100 млн пудов выше довоенного экспорта.

Развитию продовольственного кризиса содействовали сокрытие излишков хлеба, нарушение его перевозок и плохая организация распределения. К июню 1916 г. значительное количество хлеба оказалось сосредоточенным прежде всего в банках, у крупных торговцев и мукомолов, а также помещиков и кулаков. Придерживало хлеб и крестьянство зерновых районов. Запасы крестьян Черноземья были в 4 раза больше, чем крестьян нечерноземных губерний. Малочисленное крестьянство 6 сибирских губерний имело хлеба столько же, сколько крестьяне 21 нечерноземной губернии. В этих условиях для налаживания продовольственного снабжения армии и тыла требовалось строгое регулирование цен, поддержка деревни, организация доставки продуктов питания в города, особенно индустриальные центры. То, что делалось в этой области, проводилось с большим опозданием или совсем не осуществлялось, как организация снабжения деревни про-

мышленными товарами, городского населения продовольствием, регулирование цен и пр.

Особенно неудовлетворительно решалась проблема доставки продовольствия в связи с кризисом транспорта. Хлеб, скопившийся к 1917 г. в сибирских губерниях (640—670 млн пудов) практически не вывозился. Доставка зерна осложнялась постоянным ростом потребностей в нем. Только в нечерноземные губернии осенью 1916 г. надо было перевезти в 2,5 раза больше зерна, чем в предыдущий год. Между тем хлебные перевозки по железным дорогам неуклонно сокращались. В 1915 г. они составляли к уровню 1913 г. только 65%. Попытки увеличить перевозки водным транспортом, в частности по Волге, не дали желаемого результата: после небольшого их увеличения в 1915 г. они сокращаются в следующем.

Осенью 1916 г. резко ухудшается состояние продовольственного обеспечения страны, в чем немалую роль сыграли частные банки, бравшие партии зерна и муки под залог и потом придерживавшие их. Попытки Особого совещания по продовольствию и Государственной думы установить контроль над банками были решительно пресечены министром финансов П. Л. Барком, что явилось своеобразным разрешением на спекулятивные хлебные операции. Все это приводило к распространению среди массы населения ненависти к алчности представителей торгового класса, начиная от деревенского лавочника и кончая владельцами хлебных фирм. В этих условиях попытки организовать продовольственную разверстку на уровне крестьянского двора в 31 губернии Европейской России закончились полным крахом. Волостные сходы только в 5% селений дали свое согласие на участие в заготовке хлеба. Трудности хлебных заготовок на рубеже 1916—1917 гг. привели к снижению его поступления на фронт. В декабре—январе реальная доставка хлеба составляла от 50 до 33% плановых норм. Из-за нехватки овса и сена происходил падеж лошадей. Нарушение подвоза хлеба и истощение его запасов было характерно для крупных городов, включая столичные. Даже в городах губерний, производящих зерно, зимой 1916/17 г. недоставало хлеба в лавках и на рынке, а городское население Нечерноземной полосы находилось на голодном пайке. Здесь все чаще случались перебои с хлебом и другими продовольственными товарами, повлекшие очереди и взвинчивание цен спекулянтами. Недостаток хлеба ощущался и на селе, особенно в северо-западных губерниях.

Довольно предсказуемым явлением, учитывая предвоенные годы, было снижение обеспеченности страны мясопродуктами. В урожайный предвоенный год общее производство мяса в России составляло около 200 млн пудов. Количество скота, которое приходилось на крестьянский двор, в центре Европейской России по переписи 1916 г. составляло всего одну единицу взрослого рогатого скота, или 1,5 —

за вычетом бескоровных хозяйств. Поскольку помещичье хозяйство в 34 губерниях Европейской России (без Северного района, Прибалтики, Литвы и части Белоруссии) к 1917 г. было обеспечено продуктивным скотом меньше крестьянского (соответственно 6,6 и 55,8 голов на 100 десятин пашни), то оно могло выделить на рынок не более 200 тыс. голов крупного рогатого скота. Ни о каком избытке в этой ситуации говорить не приходится. Помещики имели 900 тыс. голов, из которых на рынок могло быть выделено не более 200 тыс. Сибирская деревня, располагавшая некоторыми ресурсами товарной продукции животноводства, была практически заблокирована транспортным кризисом. Между тем годовая потребность армии в мясе на рубеже 1916—1917 гг. определялась военным ведомством в пределах 53—55 млн пудов, или около 150 тыс. пудов в день. Годовая норма на одного солдата составляла 6 пудов. Однако основной фонд скота в Европейской России к этому времени сократился на 5—7 млн голов, что позволило поставить в армию в 1916 г. лишь немногим более 6 млн пудов мяса и 1,5 млн голов скота. Государство монополизировало снабжение мясом фронта и городов. В итоге поступление мяса на частный рынок в столице уменьшилось в 1916 г. в 4 раза по сравнению с 1915 г., а цена на него, включая большие города, уже в середине года поднялась на 200—220% к уровню 1914 г.

В годы войны Россия переживала сахарный голод, вызванный сокращением производства сахара на 1/3 из-за уменьшения и гибели значительной части посевов свеклы. В 1916 г. в 70 губерниях империи вводятся карточки и твердые цены на сахар.

Развитие экономических процессов в России в годы Первой мировой войны показывает, что общая слабость промышленного потенциала страны, включая состояние железнодорожного транспорта, отсталость сельского хозяйства, недостаток финансовых средств даже в условиях принятия определенных мер по регулированию народного хозяйства не смогли предотвратить нарастание глубочайшего кризиса российской экономики. *В начале 1917 г. все признаки надвигающейся хозяйственной катастрофы были налицо.*

§ 5. НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В РОССИИ. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

Патриотический подъем, вызванный началом войны, в России не был таким всеобъемлющим, как в других воюющих государствах, что можно объяснить сохранением пропасти между «верхами» и «низами» российского общества и отсутствием приемлемой для его большинства идеологии, позволяющей сплотиться перед внешней угрозой. Особенно заметным подъем был в привилегированных, интеллигент-

ских и городских слоях русского общества. В начале войны во многих городах страны прошли шествия под лозунгами «Все для войны!». «Все для победы!». В Петербурге состоялась манифестация перед Зимним дворцом. Воодушевление, охватившее дворянство и купечество, повлекло добровольный уход на фронт и участие в работе по помощи раненым.

В интеллигентской и, соответственно, политической среде идеи русского национализма распространялись еще в предвоенные годы. Старательно отмежевываясь от высказываний черносотенных идеологов, октябристы, прогрессисты, а также правые кадеты говорили о «здоровом» русском национализме. Россия, ее культура, основанная на идеях православия, противопоставлялась лютеранству и германской культуре, породившим идеологию милитаризма. В прессе особо развивалась тема славянской солидарности. Среди сторонников либерального патриотизма заметную роль играл П. Б. Струве, заявлявший: «Русский либерализм будет всегда осужден на слабость до тех пор, пока он не сознает себя именно русским». Большая часть кадетов, не разделяя этих идей, тем не менее выступала против германского милитаризма. П. Н. Милюков утверждал, что война со стороны России и ее союзников является борьбой «во имя уничтожения войны» и путем к «международной организации Европы». Свою лепту в распространение идей русского национализма внесли С. Н. Булгаков и В. В. Розанов, противопоставляя мировоззрение Святой Руси гибнущей европейской цивилизации. Н. А. Бердяев и С. Н. Трубецкой, отрицая избранность России, отстаивали идею возрождения в процессе войны православного сознания.

Определенную роль в росте патриотического воодушевления играла целенаправленная пропаганда государства. Одним из первых ее актов явилось переименование столицы в Петроград, совпавшее с публикацией сообщений о поражении русских войск в Польше. Негативная реакция на этот акт некоторой части представителей интеллигенции, рассматривавших «позорное переименование» как бестактную выходку, омрачающую «память о великом преобразователе России», свидетельствовала о хрупкости патриотического единства общества. Важно подчеркнуть, что с начала войны осуществлялся значительный выпуск плакатов, открыток, литературы патриотического содержания, в частности о фактах немецких зверств в прифронтовой полосе. Такое нагнетание эмоций провоцировало непредсказуемые действия участников патриотических манифестаций и шествий. Это привело в начале войны к разгрому магазинов иностранцев в столице и даже нападению на посольство Германии. В мае 1915 г. массовые погромы против немецких предпринимателей произошли в Москве, в ходе их уничтожались торговые заведения и конторы, которые принадлежали лицам с иностранными фамилиями.

На заседании Государственной думы 26 июля 1914 г. депутаты заявили об отказе от какой-либо борьбы с существующим политическим режимом. Дума единогласно, за исключением воздержавшихся социал-демократов, проголосовала за военные кредиты и обещала сплотиться вокруг «своего державного вождя, ведущего Россию на бой с врагами славянства». От имени оппозиции лидер кадетов П. Н. Милюков заявил о необходимости сделать все во имя «сохранения страны единой и нераздельной» и добиться разрешения «вековой национальной задачи: свободного выхода к морю». После демонстрации единения царя и народных избранников Дума была распущена. Надежды либеральных думцев, что их лояльность по отношению к власти каким-то образом будет вознаграждена, в очередной раз не оправдались. Депутаты большевистской фракции, занявшие антивоенную позицию, вскоре были осуждены и отправлены на вечное поселение в Сибирь.

Выдвинув лозунг «Война до победного конца!» и ведя целенаправленную антитевтонскую пропаганду, правительство и либеральная общественность в то же время мало заботились о систематическом разъяснении народу причин и целей войны в доступной и одновременно идеологически разработанной форме. Примечательна в этой связи неудавшаяся летом 1914 г. попытка группы петербургских интеллигентов во главе с бароном Н. Н. Врангелем начать издание под эгидой военного ведомства специальной фронтовой газеты для солдат. Инициаторы издания «Война за мир» не получили финансовой поддержки ни государства, ни частных лиц. Между тем уже 1 августа 1914 г. французское правительство решило издавать ежедневный военный бюллетень для войск, «находя необходимым принести сражающимся могущественное утешение, давая им возможность взвешивать значение их личных усилий в общем национальном напряжении».

В отличие от горожан жители русской деревни, которых война коснулась в первую очередь (массовая мобилизация, реквизиция лошадей, введение военных повинностей), не выразили особого патриотического подъема. Позже генерал А. И. Деникин вспоминал: «Народ подымался на войну покорно, но без всякого воодушевления и без ясного сознания необходимости великой жертвы». Война крестьянством чаще всего воспринималась как ссора русского царя с немецким, как необходимость защищаться, «ежели немец прет». Однако в Сибири, на Урале даже в первые недели войны имели место беспорядки новобранцев. В Барнаульском уезде призывники произвели массовые порубки леса на кабинетских землях, сожгли 2 канцелярии лесничества, разгромили несколько волостных правлений и магазинов. В самом Барнауле «многотысячная толпа запасных наступала на тюремный замок», а заградительный «вооруженный взвод солдат был смят». В ходе погромов на трех городских улицах было сожжено

32 здания, включая фабричные и банковские конторы, магазины, торговый пассаж и пакгаузы.

Вступая в войну в сложной ситуации, самодержавие надеялось задержать развитие революционного движения в стране, которое стремительно нарастало летом 1914 г. Власть не остановилась перед мобилизацией на фронт почти 40% кадровых рабочих, хотя была хорошо осведомлена о недостатке в России квалифицированных кадров. Сам факт начала войны привел к резкому падению стачечной борьбы: в августе—декабре 1914 г. было только 68 забастовок. В первые недели войны были произведены массовые аресты деятелей леворадикальных партий, разгром многих легальных рабочих организаций, типографий, закрытие периодических изданий. Вопреки позиции лидеров II Интернационала о защите буржуазного отечества РСДРП(б) провозгласила отнюдь не бесспорный лозунг поражения царского правительства и превращения империалистической войны в войну гражданскую, т. е. против существующей власти и эксплуататорских классов, развязавших мировую бойню во имя собственной наживы. Развернувшаяся в прессе патриотическая пропаганда в поддержку власти, вполне понятно, захватила и рабочих, что затрудняло восприятие ими этих лозунгов. Однако затянувшаяся война принесла столько бедствий, страданий, гибель тысяч людей, что это привело к крушению первоначальных иллюзий.

Впервые в новейшей истории страны фронт проходил по значительной части территории России, вблизи ее исторического центра, что позволяло большей части населения ощутить дыхание войны. Особенно это относится к событиям 1915 г., когда началась эвакуация предприятий части населения Польши и ряда западных губерний. Совершенно не сопоставимая с прежними войнами численность русской армии потребовала мобилизации непосредственно на фронт и в тыловые части огромной массы людей. Армию необходимо было все время пополнять. Появление новых видов вооружения (пулеметы, минометы), таких способов ведения боя, как артподготовка, бомбежки, применение удушливых газов против армий противника, резко увеличили численность раненых и искалеченных. Военные тяготы усугублялись распространением и на фронте, и в тылу инфекционных заболеваний (дизентерия, сыпной тиф, «испанка»). Все это заставляло задуматься о смысле войны, ее целях и их соразмерности со страданиями огромных масс народа. К изменению прежних представлений приводили длительная окопная война и нахождение в плену значительной части военнослужащих.

В Первую мировую войну гораздо теснее проявилась связь фронта с тылом в силу географической близости театра военных действий и благодаря росту обмена информацией. Появление кинематографа позволяло, пусть и очень ограниченно, наблюдать то, что происходи-

ло на фронте. Ежедневная посещаемость российских кинотеатров в эти годы составляла около 2 млн человек. Ход военных действий, повседневная жизнь фронтов и тыла освещались на страницах периодической печати. В 1914—1916 гг. оживленная переписка фронта и тыла, что подтверждают регистрационные документы военной цензуры, позволяла судить о происходящих событиях по обе стороны фронта. Если о каких-то фактах не писали газеты, то об этом рассказывали раненые, приехавшие на лечение, представители общественных организаций, регулярно совершавшие поездки на фронт.

Политический кризис лета 1915 г. Взрыв общественного негодования после отступления русской армии весной—летом 1915 г. и обнаружившегося кризиса ее вооружения похоронил основанное на патриотизме единство общества и власти, положил начало неуклонному нарастанию социального недовольства в тылу, а затем брожению в армии. Объективной основой этого процесса явилось развитие хозяйственного кризиса. Он ставил под сомнение прежние успехи политики государства и одновременно оценивался как неспособность власти справиться с надвигавшейся катастрофой.

Весной 1915 г. либералы развертывают критику деятельности правительства и начинают кампанию за созыв Думы. Кризис вооружения заставил Николая II согласиться на участие представителей предпринимательских кругов и законодательных палат в «майском» Особом совещании. Для демонстрации совместной деятельности правительства и Думы Николай II был вынужден пойти на отставку министров, подвергавшихся наиболее резким нападкам со стороны либеральных фракций. Первой жертвой в июне 1915 г. стал ярый противник Думы и ставленник царя Н. А. Маклаков. На его место был назначен князь Н. Б. Щербатов, известный своими правыми взглядами. Кризис вооружения русской армии ставился в вину военному министру В. А. Сухомлинову. Кадеты отказывались посылать своих представителей в созданное Особое совещание, которое тот возглавлял. Отставке военного министра способствовали арест и затем казнь по обвинению в шпионаже в марте 1915 г. полковника С. Н. Мясоедова, с которым Сухомлинов и его жена поддерживали отношения. Эта отставка и назначение на должность военного министра генерала А. А. Поливанова выглядели двойной уступкой власти мнению думской оппозиции, так как он был кандидатурой октябристов и кадетов. По императорскому указу вместо И. Г. Щегловитого Министерство юстиции возглавил давний сотрудник и друг Горемыкина А. А. Хвостов, а Синод — московский предводитель дворянства А. Д. Самарин (вместо В. К. Саблера).

Июньские перемены в правительстве, начавшаяся мобилизация промышленности при участии предпринимателей, разрешение на создание военно-промышленных комитетов в очередной раз ввели либе-

ралов в заблуждение. Оппозиция наивно ожидала существенных изменений курса, надеясь, что правительство «готово лояльно и дружно работать с Государственной думой». Начало работы Думы, приуроченное к годовщине войны — 19 июля, декларация премьера и внесенные Советом министров законопроекты ее разочаровали. Объясняя отсутствие постановки общеполитических вопросов, Горемыкин прямо заявил, что теперь не время для их обсуждения, в чем его поддержали правые депутаты. Необходимость соединить усилия правящих классов для защиты монархии от угрозы военного поражения и революционных выступлений трудящихся заставляла умеренно правое большинство Думы пойти на некоторые уступки либеральным кругам. Выражением чего явилась принятая большинством Думы «формула перехода» с требованием правительства, пользующегося доверием. Однако законодательная программа кадетов, предлагавшая обсуждение законопректов о мелкой земской единице, реформе городского и земского самоуправления, введении подоходного налога, а также законов о кооперативах и профсоюзах, была отвергнута правооктябристским большинством как слишком радикальная. После завершения подготовки закона об Особых совещаниях октябристы взяли курс на прекращение занятий Думы, что вызывало тревогу либеральной оппозиции в связи с появлением слухов о заключении сепаратного мира.

С целью создания более широкого оппозиционного блока внутри Думы в начале августа проходит серия параллельных совещаний депутатов, в которых принимали участие члены Государственного совета и, очевидно, закулисную роль играли отдельные министры. Достаточно быстро определились границы этого блока, получившего название Прогрессивного, — без крайне правых и без левых. Завершение его создания относится к середине августа 1915 г. Основными программными требованиями блока, в который вошло большинство буржуазно-помещичьих фракций Государственной думы и Государственного совета, были отставка правительства Горемыкина и создание «министерства доверия», опирающегося на Думу. В согласованной к 22 августа 1915 г. декларации поднимались и другие вопросы: обновление состава местных органов власти, прекращение преследований за веру, восстановление украинской и еврейской печати, разработка проекта автономии Польши, частичная амнистия политических заключенных и административно высланных, желательность восстановления профсоюзов и др. Однако даже такая умеренная программа представлялась правым и Николаю II вызовом власти, что провоцировалось и критикой деятельности правительства, развернувшейся на страницах оппозиционной печати. Газетная активность дополнялась заявлениями деловых кругов. В частности, П. П. Рябушинский говорил о необходимости «вступить на путь полного захвата в свои руки

исполнительной и законодательной власти». Однако большинство деятелей Прогрессивного блока, включая кадетских лидеров, боялись брать на себя бремя власти.

Объединение в рамках Прогрессивного блока фракций от кадетов до националистов и превращение их в думское большинство ставило правительство перед дилеммой: пойти на соглашение с Думой или проявить твердость. Этот вопрос вызвал серьезные разногласия в Совете министров. Обнародование декларации блока показало, что сотрудничество правительства Горемыкина с Думой маловероятно. Разногласия в Совете министров были осложнены намерением Николая II принять на себя верховное командование. Неудачи русской армии на фронте, сетования правительства на вмешательство Ставки в дела гражданского управления вызвали естественное беспокойство монарха. Благоволение либеральных кругов к великому князю Николаю Николаевичу и одновременно нападки императрицы на него как врага Распутина ускорили решение Николая II возглавить Ставку. Сообщение испугало членов кабинета, сознававших, что, не обладая никакими военными талантами, император может при планировании армейских операций склоняться к мнению случайных лиц. Министров беспокоило, что отъезды царя из столицы нарушат нормальное управление страной и повлекут еще более активное вмешательство в дела со стороны императрицы. Горемыкин, как убежденный монархист, поддержал решение императора. Восемь министров подписали письмо на высочайшее имя с просьбой отказаться от этого шага, но Николай II не внял их советам. Приезд царя в Ставку совпал с известной стабилизацией фронта и наметившимся улучшением артиллерийского снабжения, что позволяло не очень считаться с мнением оппозиции. Активизировавшиеся правые на проходившем в августе Совете объединенного дворянства обвинили правительство в том, что оно излишне допускает «проявление инициативы управления со стороны общественных элементов». В результате 3 сентября 1915 г. последовал указ о прекращении занятий Думы до начала 1916 г. Либеральная оппозиция не решилась на какие-либо демонстрации по этому поводу и откровенно испугалась заявлений о поддержке Думы, сделанных в ходе отдельных рабочих забастовок.

Рабочее движение уже с февраля 1915 г. начинает оживляться, а в июне число бастующих достигает 180 тыс. Этому способствовал спад патриотических настроений в условиях поражения русской армии, а также рост дороговизны и спекуляции продуктами первой необходимости. Подъем рабочего движения начался в ЦПР. Московская, Костромская, Владимирская губернии дали летом 1915 г. 50% всех стачек и 60% стачечников. Текстильные предприятия региона мало привлекались к работе на оборону, что вызывало сокращение производства, понижение заработной платы при укороченном рабо-

чем дне и рост безработицы, особенно среди мужчин. Цены на продовольствие поднялись на 40—60%, а доходы рабочих понизились на 20%. На этой почве в мае 1915 г. разразилась всеобщая забастовка в Иваново-Вознесенске. Требования повышения заработной платы, установления контроля за организацией распределения продуктов и справедливых цен бастующие направили губернатору. В первых числах июня началась объединенная забастовка ряда фабрик Костромы. Когда рабочие попробовали освободить арестованных зачинщиков, по ним открыли стрельбу, убив 12 человек, в том числе подростка. Это вызвало стачки протеста на других предприятиях города. Росту политических выступлений рабочих способствовало воссоздание в ЦПР большевистских организаций. Проведение массовых обысков и аресты обострили ситуацию. 10 августа остановили работу все крупные фабрики Иваново-Вознесенска. На митингах в центре города звучат антивоенные речи и распространяются листовки такого же содержания. Тысячная толпа рабочих при попытке освободить своих товарищей была обстреляна полицией и солдатами. Имелись убитые и раненые. Как отклик на иваново-вознесенские события, прошли забастовки в других губерниях ЦПР, в Петрограде, Харькове, Екатеринославе. В них участвовало более 40 тыс. человек. В сентябре 1915 г. по стране бастовало около 250 тыс. рабочих.

В рабочее движение втягивались и представители политически более отсталых слоев пролетариата, чему в известной степени способствовала легальная деятельность меньшевиков в Думе. Одновременно меньшевики и правые эсеры осенью 1915 г. начали кампанию по созданию рабочих групп в военно-промышленных комитетах. Рабочая группа ЦВПК, возглавляемая меньшевиком К. А. Гвоздевым и входившим в ее состав агентом охранки В. М. Абросимовым, не оправдала надежд ни деятелей либеральной оппозиции, ни властей. Члены группы, принимая участие в разбирательстве конфликтов рабочих и предпринимателей, настаивали, в частности, на выполнении требований рабочих о повышении заработной платы, о сокращении изнурительных ночных работ и др. Это вызывало недовольство предпринимателей и стимулировало рост рабочих выступлений. Разгром, закрытие и запрещение (в Петрограде — до окончания войны) властями профсоюзов вынуждали все более широкие слои рабочих включаться в политическую борьбу.

Начало 1916 г. ознаменовалось в Петрограде стачкой в память жертв 9 января, в которой участвовало около 100 тыс. рабочих. Экономические забастовки, связанные с нехваткой многих продуктов, инфляцией, развитием спекуляции и одновременно бесстыдным, часто выставляемым напоказ ростом доходов заводчиков, носили ярко выраженный антивоенный характер. Забастовка с участием 14 тыс. человек, вызванная отказом владельцев удовлетворить требования ра-

бочих об увеличении заработной платы, прошла в январе—феврале 1916 г. в Николаеве на заводе «Наваль-Руссуд». Остановка в феврале Путиловского заводского гиганта, ежедневно отправлявшего на фронт целый железнодорожный состав со снарядами, артиллерией и другим военным снаряжением, производившего артиллерийские башни, железнодорожное оборудование, легкие суда для Балтийского флота, встревожила правительство. Уговоры депутатов-меньшевиков не помогли. На митинге 23 февраля была принята большевистская резолюция. Правление завода объявило локаут, а командующий Петроградским военным округом провел мобилизацию всех военнообязанных путиловцев. Вскоре завод был передан в казенное управление. События на Путиловском вызвали стачки солидарности на других предприятиях города. В конце апреля — начале мая забастовали 22 тыс. шахтеров и 3 тыс. металлистов Донбасса. Во второй половине мая начались забастовки на Никополь-Мариупольском, Луганском патронном, Петровском в Енакиево, Днепровско-Русского металлургического общества заводах и др. Рабочие требовали увеличения заработной платы, улучшения снабжения продуктами питания.

Осенью 1916 г. основные события в рабочем движении разворачиваются в Петрограде, где накал борьбы достигает большой силы. Как отмечалось в донесении начальника Петроградского охранного отделения, создавшееся тяжелое экономическое положение и политическое бесправие рабочих «заставляют рабочие массы, руководимые в своих действиях и симпатиях наиболее сознательными и уже революционизировавшимися элементами, резко отрицательно относиться к правительственной власти и протестовать всеми мерами и средствами против дальнейшего продолжения войны». Выступления рабочих были направлены на бойкотирование нового государственного займа, против растущей дороговизны, спекуляции и участившихся нарушений снабжения города топливом и продовольствием. В середине октября в столице проходят митинги и забастовки в ответ на призыв Петроградского комитета РСДРП большевиков развернуть борьбу против голода, войны и царского самодержавия. Движение росло быстро: 17 октября бастовало 27 тыс., а 20 октября — уже 75 тыс. Однако 21 октября забастовка была прекращена. Вскоре она возобновилась для защиты 19 кронштадтских матросов, которым по обвинению в принадлежности к большевистской партии угрожала смертная казнь. С 26 октября стачка солидарности охватила большинство крупных предприятий Петрограда. Рабочие не испугались объявления о локауте. 27 октября бастовало почти 80 тыс. человек, что заставило смягчить приговор матросам. 1 ноября стачка завершилась. Всеобщий локаут был отменен, но более тысячи активных забастовщиков было арестовано, около 1800 военнообязанных отправили на фронт.

Крестьянское движение в годы войны отличается многообразием форм активной и пассивной борьбы, ее социальной разнонаправленностью — против помещиков, кулаков, представителей государственной власти. Мобилизация значительной части мужчин деревни, осторожность запасных из-за угрозы отправки на фронт привели к заметному увеличению в массовых выступлениях женщин.

Вопреки ожиданиям властей в деревне довольно быстро усиливались социальные противоречия. В официальных сообщениях уже в конце 1914 г. подчеркивается, что «крестьянское население сосредоточенно ожидает окончания войны», что в нем живы воспоминания о событиях революции и что при выборах на общественные должности предпочтение отдается наиболее радикальным элементам, в том числе участникам «бунтовщического движения 1905—1906 годов». С началом войны усилилась борьба крестьян против помещиков. За вторую половину 1914 г. отмечено в 3 раза больше выступлений, чем за довоенный период. Крестьянство пасло скот на незасеянных помещичьих полях. Призванные в армию начинали массовые порубки в помещичьих лесах, чтобы обеспечить свои семьи дровами. Множество стычек на этой почве в 1915 г. было отмечено в Волынской, Подольской, Минской, Могилевской, Тамбовской и Нижегородской губерниях. Крестьянство не соглашалось с несправедливым распределением тягот войны между деревенским миром и помещиками. Усмирение достигалось только с помощью казаков и драгун.

В годы войны росло возмущение крестьянства увеличением налогов, а особенно введением новых. В частности, это вызвало сопротивление в губерниях, где учреждалось земство, так как земские сборы оказывались самыми большими. В Ставропольской губернии осенью 1914 г. дело доходило до вооруженных столкновений. Беспорядки, охватившие 7 селений Благодарненского уезда, были прекращены только с появлением вице-губернатора с казаками. В январе 1915 г. волнения на той же почве возобновились в селениях Ставропольского уезда. Отказ от уплаты земских сборов привел к принудительному при содействии конных полицейских и казачьих отрядов изъятию у крестьян скота на продажу. В донесениях за 1916 г. губернатор сообщал о продолжавшихся упорных отказах от платежа земских сборов. Против введения земства выступало крестьянство Оренбургской губернии. Усиливалась борьба против реквизиции лошадей, крупного рогатого скота, повозок, теплых вещей для армии. Недовольство вызывал неэквивалентный обмен: цена, например, за лошадь, которая выплачивалась крестьянину, была вдвое ниже рыночной. Высшее армейское руководство признавало недальновидность такой политики, так как реквизиции, «обеспечивая вполне интересы войск, не соблюдают вовсе экономических интересов населения, расшатывая, таким

образом, в корне экономическую выносливость последнего, столь необходимую при ведении затяжной войны».

Одновременно с нарастанием в городах возмущения дороговизной и спекуляцией, нехваткой продуктов первой необходимости волнения распространяются и на деревню. Особенной решительностью и дерзостью отличались выступления против торговцев новобранцев, которые громили лавки на рынках и ярмарках, как это случилось в июне 1915 г. в Бобруйском уезде Минской губернии. В течение осени 1915 г. на Кубани возмущенные толпы крестьян, состоявшие преимущественно из женщин, не раз врывались в магазины и лавки, забирая припрятанные продукты. В 1916 г. подобное все чаще происходит в разных регионах страны, общее число таких случаев превысило 200. Особенно большой размах борьба против дороговизны и спекуляции приобрела в летние месяцы в юго-восточных губерниях, на Северном Кавказе и Юге России, испытывавших трудности из-за сокращения доставки в них промышленных товаров по железным дорогам. В одной только Кубанской области волнениями были охвачены 84 станицы. На Дону бунтовали 22 станицы и селения. Солдатки требовали от торговцев письменных обязательств производить продажи по довоенным ценам, а в случае отказов начинали разгром магазинов. В Ставропольской губернии, кроме волнений в 20 крупных селах, сильное возмущение охватило и ее центр, в результате в Ставрополе было объявлено осадное положение. Усмирение повсеместно производилось с применением военной силы и сопровождалось арестами организаторов.

В годы войны обострилась борьба основной массы крестьянства против зажиточной части верхушки деревни, особенно кулаков. Этому способствовали те льготы и послабления, которые кулаки получали от местной власти по выполнению повинностей и несению военных тягот. Кулачество, активно занимаясь торговлей и ростовщичеством, обогащалось в противоположность усиливавшемуся обнищанию значительной части середняков и бедняков. Возмущение крестьянства вызывали действия кулачества по расширению своих земельных владений. Воспользовавшись отсутствием в деревне большинства активного мужского населения, сельские богатеи при поддержке землеустроительных комиссий старались произвести выдел за счет лучших земель. Однако этому активно противодействовали солдатки. Поскольку отказ в выделении через приговоры сельских сходов не всегда принимался во внимание, то в годы войны получают распространение более острые формы борьбы. Так, в апреле 1915 г. в ходе противодействия отрубному выделению земель кулакам в одной из слобод на Сумщине произошло настоящее побоище между крестьянами и собравшимися представителями землеустроительной комиссии, земских властей, стражниками и прочими местными чинами. В итоге два кулака были

убиты, полицейские побиты, дом волостного правления разгромлен. Для усмирения слободы, насчитывавшей до 18 тыс. жителей, прибыла специальная карательная команда. Волнения на подобной почве происходили в Нижегородской, Тамбовской и Казанской губерниях. В ходе них толпы крестьян сгоняли землемеров с полей, ликвидировали все межевые знаки, громили дома односельчан-укрепленцев и их промысловые предприятия. Нарастание борьбы против землеустроительных работ заставило Министерство земледелия разослать циркуляр, предупреждавший об осторожности проведения подобных работ и только после достигнутого соглашения. В ноябре 1916 г. правительство вообще отменило землеустроительные работы по выделу отрубов.

Резкое увеличение крестьянских выступлений в 1916 г. свидетельствовало о нарастании общего кризиса в стране. Эти процессы в центральных регионах страны дополнило вспыхнувшее в июле 1916 г. восстание народов Средней Азии и Казахстана в ответ на военные поборы и реквизиции.

Ситуация в «верхах» и либеральная оппозиция в конце 1915 — начале 1917 года. По мере продолжения войны, развития хозяйственного кризиса, роста рабочих и крестьянских выступлений развивался конфликт внутри правящих кругов. Важным его фактором были отношения императора с различными структурами власти, что во многом определяло всю социально-политическую ситуацию в стране. Усилившаяся с лета 1915 г. критика отдельных министров и премьеров вынуждает императора прибегать к их частой смене. Назначения производились под давлением то либеральной, то правой оппозиции, по настоянию царицы или дворцового окружения. Значительную роль играли изменения представлений самого Николая II об отдельных лицах. С осени 1916 г. отставки в правительстве стали такими частыми, что именовались не иначе как «министерская чехарда».

При очередных переменах на вновь назначенных премьера или даже отдельных министров возлагались надежды по коренному изменению ситуации. Именно таким было отношение к А. Н. Хвостову, возглавившему МВД в сентябре 1915 г. и содействовавшему привлечению в правительство лиц крайне правых взглядов. Возвращается на службу мастер политического сыска и провокаций С. П. Белецкий, став товарищем нового министра. Его свойственник А. Н. Волжин, бывший директором Департамента МВД, возглавляет Синод. Вместо отправленного в отставку министра земледелия А. В. Кривошеина назначается крупный самарский землевладелец А. Н. Наумов, а министра путей сообщения А. Ф. Трепова сменяет С. В. Рухлов. Для улучшения продовольственного снабжения населения Хвостов вводит контроль подвоза продуктов к городам и стимулирует создание под эгидой местных органов МВД потребительских обществ. Последнее

вызвало недовольство тех общественных организаций, в частности кооперативов, которые уже функционировали в этой области. Проводившиеся внезапные налеты на железнодорожные станции для выявления невывезенных грузов раздражали Министерство путей сообщения. Надеясь получить пост премьера, Хвостов действовал через Распутина, но одновременно хотел скрыть свои связи с ним и даже удалить его из столицы. Такая двойная игра насторожила «старца», и в марте 1916 г. императрица добилась отставки Хвостова.

В условиях постоянной критики либералами Горемыкина 20 января 1916 г. главой кабинета назначается Б. В. Штюрмер, бывший новгородским и ярославским губернатором, директором Департамента общих дел МВД. Он стал заметной фигурой в предвоенные годы, создав политический салон и установив дружбу с Распутиным. Отставка Горемыкина воспринималась как примирительный жест власти в отношении думских оппонентов. Прибытие 9 февраля на открытие заседаний Государственной думы императора, впервые посетившего Думу и даже выступившего с краткой речью, оценивалось как дополнительное проявление «благожелательности» власти к обществу. Однако в декларации Штюрмера было заявлено, что правительство не намерено обсуждать выдвинутые Прогрессивным блоком законопроекты, что разочаровало кадетов и прогрессистов. Вскоре Штюрмер принимает меры к ограничению деятельности военно-промышленных комитетов. Однако усилия воспрепятствовать раздаче оборонных заказов общественным организациям не имели под собой материальных оснований. Как заявил новый военный министр Д. С. Шуваев, армия без этих поставок обойтись не сможет. В июне 1916 г. усиление экономического кризиса поторопило правительство с роспуском Думы.

Нараставшая в стране нестабильность тревожила не только правительство, но и армейское командование. 15 июня М. В. Алексеев в докладе на имя Николая II предложил ввести должность полномочного лица, «которое возможно было бы именовать верховным министром государственной обороны», стоявшего над всеми государственными и общественными учреждениями и подчинявшегося только императору. Речь, по существу, шла об установлении диктатуры для предотвращения социальных конфликтов. Но проект Алексеева был отвергнут. Постановка этих вопросов совпала с очередной реорганизацией кабинета. Штюрмер, уже занимавший пост министра внутренних дел после отставки Хвостова, одновременно становится министром иностранных дел после удаления англофила С. Д. Сазонова. Для достижения большей однородности правительства и ужесточения его курса в него вводятся представители правых. Министром земледелия назначается председатель Совета объединенного дворянства А. А. Бобринский. Смещенный ранее за отказ на просьбу царицы и Распутина освободить из-под ареста В. А. Сухомлинова А. А. Хво-

стов становится министром внутренних дел, а его должность министра юстиции занимает А. А. Макаров. В течение августа — начале сентября 1916 г. проблема установления твердых цен на хлеб выявила прямое противодействие отдельных министров решениям друг друга. В этой ситуации военный министр властью председателя Особого совещания по обороне созывает 8 сентября совместное с Совещанием по продовольствию заседание и добивается понижения уровня твердых цен. На следующий день Совет министров их вновь повышает, но не до прежнего уровня. Такие действия свидетельствовали о разладе системы государственного управления, отдельные звенья которой отражали не столько общегосударственные, сколько корпоративные интересы определенных социальных групп. Попытка создать очередное сильное правительство опять обернулась полным крахом. Поиск очередного кандидата на роль спасителя страны привел к выдвижению А. Д. Протопопова.

Симбирский помещик и предприниматель, пользовавшийся доверием крупных банкиров, Протопопов в Думе принадлежал к левому флангу октябристов. Усиленно выдвигавшие Протопопова октябристы проглядели его давние связи с Распутиным. Еще 18 сентября 1916 г. Протопопов был назначен управляющим МВД. Очень скоро его действия вызвали недовольство большей части Прогрессивного блока, особенно передача продовольственного дела в МВД, что означало отстранение общественных организаций военного времени и земств. Настроение либеральной оппозиции было настолько негативным, что Протопопов, уже добившись у Николая II согласия по этому вопросу, в последний момент решил отсрочить его реализацию. Проявленная им слабость вызвала недовольство Распутина и императрицы, которые в очередной раз ошиблись с «диктатором».

Готовясь к открытию 31 октября 1916 г. сессии Государственной думы, Штюрмер не исключал ее скорого роспуска. Его опасения подтвердились: каждый день работы Думы проходил под знаком критики деятельности правительства, особенно премьера и Протопопова. Одновременно на Николая II увеличилось давление членов императорского дома, высказывавшихся за удаление Распутина, прекращение вмешательства императрицы в дела государственного управления и создание «ответственного министерства» (перед Думой), чтобы «предотвратить общую катастрофу». Итогом явилась отставка 9 ноября Штюрмера и назначение председателем Совета министров к неудовольствию императрицы А. Ф. Трепова.

В последние месяцы самодержавия в правящих верхах выявились две линии политики. Первая предполагала проведение курса при полном игнорировании общественного мнения и думской оппозиции, роспуск Думы без указания срока нового созыва, возможное ее преобразование в законосовещательный орган, введение осадного положения

в столицах и др. Вторая, которой придерживались лица из императорской фамилии и ряд сановников, включая нового премьера, имела целью раскол Прогрессивного блока и формирование нового правооктябристского большинства, но без крайне правых. При выступлении премьера с декларацией в Думе Прогрессивный блок заявил, что не намерен свергать правительство, но высказался за отставку Протопопова и ликвидацию влияния «темных сил». Эти требования поддержал В. М. Пуришкевич, заявив, что «все зло идет от тех темных сил, ... которые возглавляются Гришкой Распутиным».

Дело в том, что в течение 1916 г. императорская чета и ее ближайшее окружение подвергались все более резким нападкам за связи со «старцем». Распутин довольно умело создавал видимость своей необычной власти, погрязнув в основном в пьянстве и разгуле, что тоже не прибавляло авторитета самодержавию и с чем пытались бороться еще Столыпин и Коковцов. Характер газетных публикаций на эту тему приобретает все более скандальный оттенок. К либеральному хору присоединяются возмущенные голоса представителей крайне правых, черносотенных кругов. Обсуждение похождений Распутина, его реальной и мнимой роли в государственных делах на страницах печати, в Думе, на собраниях корпоративных организаций приводит к дискредитации царской семьи, от которой отворачивается самая надежная опора самодержавия — поместное дворянство. XII съезд уполномоченных дворянских обществ (конец 1916 г.) потребовал устранения от государственных дел «темных сил» и создания правительства, способного к совместной работе с законодательными учреждениями. Эта тема поднимается в различных адресах правонационалистических организаций на имя Николая II. Нахождение Распутина при дворе вызывает возмущение в армии, в том числе в высших армейских кругах. Выражением накопившегося недовольства стал заговор против «старца» правых и представителей высшего света. 16 декабря 1916 г. Г. Распутин был убит при участии одного из самых известных лидеров думских черносотенцев В. М. Пуришкевича, великого князя Дмитрия Павловича и князя Ф. Ф. Юсупова. Однако убийство не столько повергло в глубокий траур царя и особенно царицу, сколько вызвало с их стороны ожесточение и озлобление против правых и членов императорской фамилии, поддерживавших и оправдывавших заговорщиков. Императорская чета, все больше утрачивая чувство реальности и наивно надеясь на сохранение давних патриархальных представлений о самодержавии в народе и армии, видит своего главного врага в Думе. В то же время царь не решился на суровое наказание убийц. Пуришкевич успел уехать на фронт и не был тронут. Юсупова выслали в его имение, а великого князя Дмитрия Павловича отправили в действующую армию в Персию. Среди великих князей, очевидно, продолжались разговоры об устранении влияния на

императора Александры Федоровны, предпринимались попытки составления новых коллективных писем, возможно, даже велись разговоры о заговоре. Однако, как вспоминали потом современники, последнее порождало еще больший страх перед надвигающейся катастрофой, лишая заговорщиков остатков решимости.

В конце 1916 — начале 1917 г. император производит новые изменения в правительстве, демонстрируя свое несогласие с Думой. Протопопов не отправляется в отставку, а утверждается в должности министра, министр юстиции реакционер А. А. Макаров заменяется распутинским ставленником Н. А. Добровольским. Д. С. Шуваева сменяет генерал М. А. Беляев, прозванный «мертвая голова» и вскоре вступивший в конфликт с Особым совещанием по обороне. 27 декабря после 5 недель пребывания в должности Трепов отправляется в отставку вместе с министром народного просвещения Игнатьевым, на чем ранее настаивали правые. Председателем Совета министров назначается Н. Д. Голицын, очевидный протеже императрицы и известный гонитель либералов. В начале января, отложив сессию Думы, провели изменения в составе Государственного совета. Пост председателя занимает И. Г. Щегловитов вместо «недостаточно твердого» А. Н. Куломзина. На вакансии выведенных членов Совета разной партийной ориентации были назначены исключительно правые деятели. Очевидным просчетом власти было представление о незначительности оппозиционных сил (как замечал Протопопов, их всего человек 300) и уверенность в том, что «в низших слоях... совершенно патриархальный взгляд на дело» (Н. А. Маклаков).

До самого момента революционного взрыва либералы надеялись решить все вопросы через Государственную думу и ввести в рамки стихийный процесс народного возмущения. Лидеры Прогрессивного блока отваживались только на громогласные думские речи, критикуя нелепости правительственной политики и вопрошая, что это — «глупость или измена?». В то же время ухудшение общего экономического положения в стране, бедствия значительной части населения вызывали радикализацию левого фланга либеральной оппозиции. Этому способствовало систематически проводившееся в течение 1916 г. правительством и различными местными властями наступление на общественные организации, где были широко представлены демократически настроенные группы интеллигенции. Запрещение проведения съездов Земсоюза и Горсоюза, предпринятое властями в декабре 1916 г., аресты членов Рабочей группы ЦВПК в конце января 1917 г. еще больше обостряли ситуацию. Однако необычайно усилившись в годы войны экономически и вплотную приблизившись к власти через разветвленную систему органов регулирования экономики, российская буржуазия по-прежнему сохраняла свою нерешительность и немедленно отступала после очередного окрика самодержца или его мини-

стров. Больше всего ее страшило повторение революции 1905—1907 гг.

В начале 1917 г. правительство и Николай II готовят очередной разгон Государственной думы и роспуск ряда буржуазных организаций. В обществе усиливаются слухи о подготовке в «верхах» сепаратного мира. Все это настораживает либеральную оппозицию. В буржуазных и в дворянских кругах ведутся разговоры о дворцовом перевороте, в которых, вероятно, участвовало и высшее армейское командование. Такое поведение военных косвенно отражало те существенные изменения, которые произошли в вооруженных силах в 1914—1916 гг. Офицерский корпус армии, позволявший определять ее как преимущественно дворянскую, царскую, был практически уничтожен в первый год войны. Исключение составлял высший командный состав, хотя и здесь усиливалось размывание. К началу 1917 г. часть офицерства состояла из представителей демократической интеллигенции, а низшие чины пополнялись выходцами из мещан и даже крестьян, что меняло социальный состав армии и ее настроения. Распуская слухи о перевороте и, возможно, подготавливая его, лидеры либеральной оппозиции стремились добиться от царя новых уступок. Однако объективно такие действия свидетельствовали о переходе российской буржуазии в антиправительственный лагерь. Это усиливало единый поток социальных сил, стремившийся свергнуть самодержавие.

Война, вызывая страдания и бедствия трудящихся, явилась могучим ускорителем революционного взрыва в России. Начавшийся 1917 г. усилил в массе населения недовольство неспособностью власти решить проблемы, вызванные войной и хозяйственной разрухой. Деревня устала ждать возвращения основных работников, роптала из-за продолжавшихся реквизиций лошадей, частично продовольствия, с тревогой прислушивалась к слухам о хлебной разверстке. Помещики не могли компенсировать свои потери в скоте, рабочих руках, прекращении хлебного экспорта. Заводчики, предприятия которых работали на оборону, были недовольны ростом топливного и металлического голода, острой нехваткой квалифицированных кадров, что не позволяло работать на полную мощность и извлекать максимальные прибыли. Многочисленные владельцы мелких и средних предприятий, особенно не занятых работой на оборону, испытывали эти трудности еще в большей степени и были вынуждены закрывать предприятия или сокращать производство. Рост дороговизны с одновременным исчезновением или сокращением продажи необходимых товаров (керосин, мыло, спички, ткани) и продуктов питания (хлеб, сахар, мясо, масло) в городах, фабрично-заводских селах, станционных и заводских поселках вызывали повсеместно очереди, столкновения с торговцами, владельцами магазинов и пр. Волнения рабочих, особенно женщин, вспыхивали в разных губерниях. Солдаты, преимущественно кресть-

янская масса, не сознавая целей и смысла войны, психологически измотанные длительной окопной жизнью, мечтали о скорейшем возвращении домой, к своему хозяйству, которое, как это было известно из писем, приходило в упадок. Офицерство, в том числе высшее, было недовольно бездарным осуществлением военных операций. Критическое настроение армейской массы подогревалось слухами об измене при дворе. С конца 1916 г. участились случаи братания с противником, отказы воинских частей выполнять приказы. Леворадикальные партии продолжали вести систематическую агитацию и пропаганду за свержение самодержавия, против войны, за организацию в условиях экономического кризиса контроля и распределения в производстве и потреблении. 9 января 1917 г. по всей стране прокатилась волна политических стачек и демонстраций по случаю 12-й годовщины Кровавого воскресенья. В Петрограде в ней участвовало до 200 тыс. человек. В феврале общее число бастующих перевалило за 400 тыс., из которых 96% выступали с политическими требованиями.

Свержение самодержавия. 17 февраля началась забастовка в одной из мастерских Путиловского завода, вскоре охватившая все предприятие, которое к этому времени перешло в казенное управление. 22 февраля администрация объявила о закрытии завода, что еще больше накалило обстановку. Путиловцев поддержали рабочие других питерских предприятий, вышедшие 23 февраля на многотысячную демонстрацию под лозунгами «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Хлеба!». В последующие дни февраля стачки и демонстрации делались все настойчивее и упорнее. 25 февраля в городе не работало уже ни одно предприятие. Большевики усилили агитацию среди солдат петроградского гарнизона, добиваясь их перехода на сторону восставшего народа. Первоначальные события не насторожили правительство. Николай II, уехавший в Ставку 22 февраля, в ответ на сообщения о волнениях в Петрограде распорядился: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки». Только вечером 25 февраля Совет министров заслушал вопрос о положении дел в столице, попрежнему рассматривая их как подстрекательство со стороны Думы. Принятое решение о применении оружия против демонстрантов опоздало. Происходившие днем 26 февраля столкновения демонстрантов с полицией и войсками к вечеру завершились первыми переходами армейских частей на сторону восставших. Правительство было в полной растерянности, обнаружив ненадежность войск. В Ставку пошли тревожные телеграммы. В спешном порядке на Северо-Западном фронте формируется карательный корпус генерала Н. И. Иванова, который не смог пробиться к столице. В Петрограде было объявлено осадное положение, однако утром 27 февраля армия переходит на сторону народа. 28 февраля революция в Петрограде победила окончательно. Царское правительство было арестовано.

Победа революции в столице явилась сигналом к выступлениям по всей стране. Столь быстрый успех революционного натиска свидетельствовал о внутреннем саморазрушении монархии, об отсутствии в тот момент ее поддержки в каких-либо социальных слоях, что подтверждают события отречения Николая II. Узнав о продолжающихся волнениях в Петрограде, император утром 28 февраля отбыл из Могилева в столицу. Вечером в Малой Вишере им было получено известие о решении Временного комитета Думы взять власть в свои руки. Одновременно выяснилось, что дальнейший путь царскому поезду перекрыт восставшими солдатами. Николай II приказывает повернуть на Псков и обдумывает вопрос об отречении. Алексеев в это время уже разослал запросы командующим всеми фронтами не только для получения информации о положении на местах, но и об их отношении к возможному отречению императора. Все высказались «за». Вскоре в Псков, где находился царский поезд, прибыли депутаты Думы А. И. Гучков и В. В. Шульгин. При отъезде из столицы думцы надеялись сохранить самодержавие, предполагая передачу престола наследнику цесаревичу Алексею. Однако 1 марта из Ставки была получена телеграмма о начале революции в Москве и угрозе ее распространения на армию. Вечером 2 марта 1917 г. Николай II подписал Манифест о своем отречении в пользу брата великого князя Михаила Александровича, который также предпочел отказаться от прав на престол, в чем с ним была согласна и либеральная оппозиция. Как частное лицо Николай II со своей семьей был размещен в Царском Селе. В дальнейшем Временное правительство предпринимало попытки вывезти царскую семью за границу, но восставший народ этого не допустил, а западные монархии не проявили особой активности. *Многовековое существование самодержавия в России рухнуло.*

Глава 5

РУССКАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛА XX в.

Русская культура начала XX в. испытывала воздействие различных факторов. Индустриализация вызвала спрос на научные и технические открытия, образованных специалистов, грамотные рабочие кадры, формировала общественные потребности в области строительства, архитектуры, промышленного дизайна, рекламы и др. Разное понимание существа общественно-политических процессов 1900-х гг., нового революционного кризиса, нараставшего в годы Первой мировой войны, общих перспектив развития страны способствовали разнообразию направлений русской литературы и искусства. Острота социальных конфликтов обусловила с конца 1890-х гг. психологиче-

скую напряженность общественно-культурной жизни России, связанную с ожиданием «великого переворота» (Л. Толстой), ощущением «рубежности» времени и неизбежности перемен в жизни страны. Деятели культуры не остались равнодушны к событиям первой русской революции, запечатлев их в своих произведениях (картины и рисунки И. Репина, В. Серова, Н. Касаткина, «Рассказ о семи повешенных» Л. Андреева, «Сорочинская трагедия» В. Короленко и др.). Революция, способствуя политическому просвещению общества, более четко определила идейные позиции отдельных слоев научной и художественной интеллигенции. Слова А. Блока о символистах («нас разделил уже 1905 г.») могут быть отнесены к интеллигенции в целом и к различным ее группам. Русская культура начала XX в. оставалась тесно связанной с западноевропейской. В ней сохранялись существенные различия между элитарной культурой, доступной сравнительно узкой прослойке господствующих классов, интеллигенции, и массовой культурой низших слоев общества, остававшихся в значительной своей части неграмотными.

§ 1. ОБРАЗОВАНИЕ И НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ. ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Образование и просвещение. Система начального, среднего и высшего образования в России начала XX в. основывалась на принципах, выработанных в пореформенное время. 94% начальных школ являлись одноклассными училищами с курсом обучения в 2—3 года. Земские училища, в большей степени отвечая задачам обучения по сравнению с церковноприходскими, оставались лучшим типом начальной школы. Внесенный во II Государственную думу законопроект о всеобщем начальном обучении не был принят, несмотря на благоприятный отклик в обществе и решение этой кардинальной проблемы уже к концу XIX в. в Западной Европе. Обсуждение проекта показало, что рост числа земских и церковноприходских школ, кажущаяся широта их сети не отвечали потребностям огромной страны: их открывалось в год не более 2 тыс., а требовалось не менее 5 тыс. Грамотность населения старше 8 лет не превышала 40%. При неравномерности распределения грамотности в различных слоях общества и регионах очевидно, что больше половины населения России было неграмотным. Как свидетельствуют данные профессиональной переписи 1918 г., среди крестьянства европейского центра, включая Урал, таковых было около 70%. В начале XX в. принимались частные меры по совершенствованию образования и его распространению. В 1910 г. узаконили 4-летнее обучение во всех начальных школах. В программу воскресных школ для взрослых по просьбам обучавших-

ся в них крестьян и рабочих вводились новые предметы, в частности отечественная история. К 1915 г. в 2 раза возросло количество средних общеобразовательных школ, к которым относились гимназии и реальные училища. По сравнению с 1890-ми гг. более чем в 3 раза увеличилось число женских гимназий, что свидетельствовало о распространении женского образования и об обучении значительной части мальчиков в кадетских, коммерческих, технических училищах, а также духовных.

Приоритет в высшем образовании оставался за университетами, дававшими наиболее разносторонние и фундаментальные знания. В эти годы открыт был только Саратовский университет (1909) с единственным медицинским факультетом. В связи с эвакуацией в Первую мировую войну Варшавского университета на его базе возник Ростовский университет. Отделение Петербургского университета открылось в мае 1917 г. в Перми. Число студентов в начале XX в. увеличилось с 35 тыс. в 1905 г. до более 38 тыс. в 1916 г. Профессорско-преподавательские кадры университетов (около 2 тыс. человек) обеспечивали совершенствование учебного процесса и развитие научных исследований. Университеты принимали активное участие в создании курсов для рабочих, народных университетов, издании книг серии «Библиотека для самообразования». Содействуя распространению научных знаний, многие известные ученые выступали в разных аудиториях с публичными лекциями.

На рубеже XIX—XX вв. в России в условиях усложнения технологий промышленного производства, транспорта и связи, применения агротехники в сельском хозяйстве, расширения системы образования и здравоохранения создавались учебные заведения для подготовки горных и путейских инженеров, инженеров-механиков, агрономов и землеустроителей, врачей и учителей. По инициативе Витте учредили Петербургский, Варшавский, Киевский политехнические институты. Получили распространение частные учебные заведения различного уровня и типов. Среди них известностью пользовались Психоневрологический институт (1908), Высшие курсы воспитательниц и руководительниц физического образования П. Ф. Лесгафта. В них работали, часто безвозмездно, видные русские ученые — В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, М. М. Ковалевский, С. А. Венгеров, В. И. Семевский, Е. В. Тарле и др. Однако общее число высших учебных заведений в России оставалось незначительным — всего около 50.

В начале столетия продолжалось создание женских высших учебных заведений, именовавшихся обычно «*курсами*». В 1903 г. в столице открылся Женский педагогический институт, в 1904 г. Петербургский женский медицинский институт приравняли к медицинским факультетам университетов. Помимо действовавших столичных Выс-

ших женских курсов (Бестужевских), в Москве в 1908 г. возобновили работу Высшие женские курсы В. И. Герье и открылись Высшие сельскохозяйственные курсы под руководством Д. Н. Прянишникова. Общее число курсов достигло к 1910 г. 11 заведений. Законом 1911 г. признавалось право женщин на высшее образование и получение по окончании вуза тех же прав, что и мужчины.

Низкий уровень грамотности и культуры большинства населения обусловили сохранение в России различных форм просветительской деятельности. Большую роль в просвещении народа продолжали играть внешкольные и культурно-просветительские учреждения для взрослых. Широкую известность имели, например, Пречистенские *рабочие курсы*, открытые в 1897 г. в Москве на средства представительницы известной семьи текстильных фабрикантов В. А. Морозовой. В годы революции и после нее получают распространение *народные университеты* и просветительские рабочие общества, возникавшие в столичных, губернских и даже уездных городах. Попытка правых депутатов Государственной думы препятствовать этой общественной инициативе успеха не имела, и Положение о народных университетах было Думой принято. Большой известностью пользовался созданный в 1908 г. на средства либерального деятеля народного образования А. Л. Шанявского Московский городской народный университет. В нем обучались лица, достигшие 16 лет, вне зависимости от социального положения, вероисповедания, пола. Преподавание в народных университетах и на рабочих курсах велось при участии видных ученых, профессоров университетов. Обучение осуществлялось по вечерам и на отделениях, соответствовавших разным ступеням образования (начальное, среднее и высшее). Такое соединение имело место и в государственных учебных заведениях. Например, в Петербургской и Московской консерваториях курс обучения составлял 9 лет, включая освоение азов музыкальной грамоты и высших форм музыкального искусства. С 1890-х гг. в России получают распространение *народные дома*, ставшие важной формой культурно-просветительской работы среди взрослых. Они объединяли в себе библиотеку, читальню, театрально-лекционный зал, иногда даже чайную и торговую лавки. При отдельных домах существовали воскресные школы. Всего их насчитывалось около 180.

Значительную культурно-просветительскую функцию выполняли периодическая печать и книжная литература. Накануне Первой мировой войны в России существовало почти 300 крупных издательств, из которых лишь 99 выпускали в год более 20 названий с суммарным тиражом свыше 100 тыс. экземпляров, и только у 90 издательств стоимость продукции превышала 50 тыс. руб. По этим показателям бесспорным лидером было издательство И. Д. Сытина, выпускавшее в год более 800 наименований тиражом почти в 15 млн экземпляров на

сумму свыше 2 млн руб. и осуществлявшее через офеней всю продажу книг для народа. По отдельным показателям к лидерам относились издательства «Посредник», «Просвещение», А. С. Балашова, В. М. Саблина, Брокгауза—Эфрона, Товарищества М. О. Вольфа. По количеству наименований издаваемых книг Россия в начале XX в. занимала 3-е место в мире после Германии и Японии, но резко уступала другим странам по числу и тиражности газет и журналов. На 1000 жителей в Российской империи в 1890-е гг. приходилось всего 10 экземпляров газет против 285 в Великобритании, 224 во Франции, 208 в Германии, 72 в Австрии. К 1913 г. этот показатель увеличился лишь до 21 экземпляра газет. Две трети повременных изданий и книг выходили в Москве и Петербурге. Доля книг, изданных в 1913 г. на русском языке, составляла 83% всего книжного тиража страны, а русских повременных изданий — 74%.

В начале XX в. издавались книги самой различной тематики и назначения. Количеством наименований и тиражностью выделялись учебные пособия и народные издания. Тиражи изданий календарей в 2 раза превосходили тиражи детских изданий и почти в 2,5 раза — церковных. Им уступала даже беллетристика, тиражи которой составляли 56% от календарных. Средняя цена одного экземпляра книги, изданной в 1913 г., равнялась 33 коп. Выше она была для учебной литературы (43 коп.), религиозной (37 коп.), беллетристики (35 коп.), а ниже — для детской (31 коп.) и календарей (20 коп.). Многократно от этих показателей отличалась цена народных изданий — всего 4 коп. за экземпляр. Это является ярким свидетельством различия книг, которые предназначались для сравнительно небольшого слоя образованной, читающей части русского общества, и книг для огромной массы населения, преимущественно крестьянской, владевшей только азами грамотности. Более высокая цена учебной литературы подчеркивает ограниченность числа учащихся и их преимущественную принадлежность к состоятельным слоям общества.

Большую роль в распространении просвещения играли повременные издания общего характера, предназначенные для так называемого семейного чтения, и научно-популярные журналы. Среди первых известностью пользовался еженедельный тонкий журнал «Нива», издававшийся с 1870 г. А. Ф. Марксом. Его тираж к 1900 г. превысил 230 тыс. экземпляров. Вопросы начального, дошкольного и внешкольного образования освещались журналом «Вестник воспитания», отличавшимся демократической направленностью. Популяризации научных знаний содействовали журналы «Вокруг света», «Природа», «Научное обозрение» и др. Литература для народа включала серию из 40 книг «Научно-популярной библиотеки по естествознанию», выпущенную Ф. Ф. Павленковым и выдержавшую 5 изданий (1899—1917). Продолжала выходить основанная им серия «Жизнь

замечательных людей». Распространением книг и журналов, особенно в провинции, занимались библиотеки. Значительная их часть была организована земствами. В 1914 г. до 78% библиотек находилось при учебных заведениях. Общедоступные библиотеки действовали на коммерческих основаниях, а также в виде народных библиотек и кабинетов для чтения. В 50 губерниях Европейской России библиотеки имели 227 городов (их общее число превышало 1100), только читальни — 13, библиотеки и читальни — свыше 400. На остальной территории страны (без Польши) эти показатели были значительно ниже — 37, 15 и 108 городов.

Делу просвещения народа служили в России выставки и музеи. На рубеже XIX—XX вв. продолжали проводиться сельскохозяйственные и промышленные выставки. В 1896 г. в Нижнем Новгороде состоялась Всероссийская художественно-промышленная выставка, ставшая заметным событием в истории русской индустрии. Впоследствии в построенных павильонах в меньшем объеме была создана постоянная экспозиция. Значительное развитие выставочное движение получило в провинции, где за 1897—1902 гг. прошло 85 выставок. Помимо региональных (Всесибирские, Общекавказские и др.), часто проводили специализированные выставки. В Москве они были посвящены электричеству, гидробиологии, фотографическому делу. В Петербурге прошли промышленно-кулинарная выставка и Всероссийская художественно-промышленная, в семи разделах которой демонстрировались предметы, необходимые в быту; в Риге состоялась спортивно-промышленная выставка. В России проводились международные выставки автомобилей и воздухоплавания. Особенно богатым на проведение различных выставок, включая приуроченные к юбилею царской династии, стал 1913 г., завершившийся в Киеве Всероссийской сельскохозяйственной, фабрично-заводской, торгово-промышленной и научно-художественной выставкой. Россия участвовала во Всемирной выставке в Париже (1900) и международных специализированных.

Наука и развитие техники. Основными центрами разработки научных исследований в начале XX в. оставались Академия наук, университеты, научные общества (Русское техническое, Вольное экономическое, Московское математическое, Русское физико-химическое, Русское географическое и др.). Большую роль в определении перспектив научных направлений, обсуждении дискуссионных проблем науки, консолидации научных кадров и лиц, оказывающих содействие развитию науки, играли всероссийские съезды ученых различной специализации: съезды естествоиспытателей и врачей, археологические съезды и др.

Для развития отечественной науки сохраняли свое значение потребности российской общественной практики, состояние естествен-

нонаучных и гуманитарных знаний в мире. Однако уровень, достигнутый русской наукой в XIX в., содействовал ее развитию и под влиянием внутренних закономерностей, с учетом познавательных задач, которые определялись результатами, полученными в процессе научных разработок. Отечественная наука имела на рубеже веков значительные достижения в физике, химии, математике, истории, языкознании и других областях знания. Профессор Московского университета и создатель русской научной школы физики П. Н. Лебедев в эти годы открыл и экспериментально доказал существование давления света, возможность измерения его величины. Б. Б. Голицын стал основоположником сейсмологии как науки. И. П. Павловым было создано учение об условных рефлексах и дано материалистическое объяснение высшей нервной деятельности человека. Ему — первому из русских ученых — была в 1904 г. присуждена Нобелевская премия. В 1908 г. этой премией за исследования в области иммунологии и инфекционных заболеваний был удостоен ученый с мировым именем, основоположник иммунологии И. И. Мечников. Выдающуюся роль в изучении физиологии растений имели труды К. А. Тимирязева. Продолженные К. Э. Циолковским исследования по теории движения ракет, в том числе в мировом пространстве, его труды о космических полетах, вышедшие в 1911—1914 гг., заложили теоретические основы современной космонавтики. Работы Н. Е. Жуковского по гидро- и аэродинамике составили фундамент теории и практики воздухоплавания. Большую роль в этой области сыграли открытия С. А. Чаплыгина. Научные изыскания В. И. Вернадского легли в основу формирования биохимии, биогеохимии, радиологии.

Открытия на рубеже веков в области естествознания и особенно молекулярной физики — радиоактивности, рентгеновских лучей, делимости атома, превращения элементов и др. — привели к новому пониманию таких фундаментальных понятий, как пространство и время, новая концепция наследственности и др. Русские ученые внесли в формирование этих научных направлений свою лепту. Труды Лебедева сыграли большую роль в разработке теории относительности, квантовой теории и астрофизики. Достижения естествознания, изменив представления об окружающем мире, привели к рассуждениям об «исчезновении материи» и распространению субъективного идеализма, что было вызвано невозможностью объяснить сделанные открытия с позиций стихийного материализма и метафизики. «Кризис физики» оказал влияние на понимание общественных процессов и породил интерес многих исследователей к поиску их новых теорий. Особое внимание этим проблемам уделял в своем научном творчестве В. И. Вернадский. Русские марксисты (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин) не только защищали роль диалектического материализма в познании мира, но пытались с его позиций объяснить возникший кризис

в системе научного знания, подчеркивая его временный характер, вызванный развитием самой науки.

В области гуманитарных наук, где более значительно сказывалось влияние господствующей идеологии и позитивизма, развитие осуществлялось путем расширения проблематики исследований, введения в научный оборот новых фактов и обращения для их объяснения к другим теориям и концепциям. Это было характерно для историко-экономических трудов М. И. Туган-Барановского, П. И. Лященко, исторических и источниковедческих исследований Н. П. Павлова-Сильванского, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. И. Кареева, П. Г. Виноградова, Д. М. Петрушевского, В. В. Бартольда. Многочисленные раскопки и обобщающие исследования В. А. Городцова заложили основы научной археологии. В эти годы успешно трудились историк литературы, библиограф С. А. Венгеров, выдающийся антрополог, этнограф и географ Д. Н. Анучин. Изучение истории народов Востока было возможно благодаря богатым материалам, собранным в экспедициях П. К. Козлова, Г. Е. Грум-Гржимайло, В. К. Арсеньева.

Научные открытия в области естественных и математических наук привели к значительным достижениям в технике. Выдающийся инженер и ученый В. Г. Шухов изобрел крекинг-процесс и различные типы нефтепроводов, создал водотрубные паровые котлы, получившие мировую известность, разработал конструкцию арочных сетчатых перекрытий и решил множество других инженерных задач. По его проектам было сооружено около 200 башен оригинальной конструкции (среди них Шаболовская в Москве) в нашей стране и за рубежом. Больших успехов достигла отечественная конструкторская мысль в авиастроении. И. И. Сикорский создал оригинальные типы истребителей, многомоторных самолетов, явившихся прототипами пассажирских авиалайнеров и транспортных самолетов. Совместно с Б. Н. Юрьевым им был теоретически разработан и построен вертолет, за что они удостоились Золотой медали на Международной выставке воздухоплавания (1912). Новаторством отличались конструкции гидросамолетов Д. П. Григоровича, выпускавшиеся на русских заводах. Г. Е. Котельниковым в 1911 г. был изобретен авиационный ранцевый парашют. Автор многочисленных трудов по органической химии и изобретений Н. Д. Зелинский создал угольный противогаз (1915), принятый на вооружение в русской и союзнических армиях.

§ 2. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Важнейшими чертами художественной культуры рубежа веков стали радикальный пересмотр прежних эстетических принципов и ценностей, изменение отношения к индивидуальному началу в искус-

стве. Наступивший этап отличался отходом от реалистических традиций, поиском новых форм в искусстве и утверждением их в общественном сознании. Эта тенденция породила модернизм, в котором новые изобразительные возможности и технические решения часто доминировали над проблемами содержания и общественного назначения искусства. Порожденный ситуацией кризиса, модернизм по-своему искал выход из нее, отводя большую роль личности художника-творца.

Одной из отличительных особенностей эпохи было распространение объединений деятелей культуры, в чем отразилась идея синтеза искусств, на которую претендовал модернизм и которая в целом была характерна для художественного сознания рубежа веков и в России, и в мире. В поиске новых форм творческой деятельности, новых методов и стилей искусства свои усилия соединяли литераторы и художники, философы и живописцы, театральные деятели, писатели и архитекторы. Часто они объединялись под эгидой журнальных изданий, например «Весы» (1904, редактор В. Я. Брюсов), «Золотое руно» (1906, редактор-издатель Н. П. Рябушинский). Центрами подобных объединений стали общедоступный Художественный театр в Москве, возглавляемый К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко, Московский литературно-художественный кружок, созданный в 1899 г. по инициативе литераторов, артистов, ученых и просуществовавший до 1920 г. Его собрания посещали М. Н. Ермолова, А. П. Чехов, В. Я. Брюсов, К. С. Станиславский, М. М. Ковалевский.

Наиболее известным, давшим название определенному художественному направлению было объединение «Мир искусства». По словам одного из ведущих его участников, А. Н. Бенуа, «Мир искусства» — это «некий коллектив, который жил своеобразной жизнью, особыми задачами, старался разными средствами воздействовать на общество, пробудить в нем желаемое отношение к искусству, понимая это в самом широком смысле, т. е. со включением литературы и музыки». В 1899—1904 гг. объединение выпускало на средства княгини М. К. Тенишевой журнал под тем же названием. Оно было участником и организатором художественных выставок. Среди создателей кружка были художники А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, К. А. Сомов, Е. Е. Лансере, литераторы Д. В. Философов, В. Ф. Нувель, А. П. Нурок, художественный критик и театральный деятель С. П. Дягилев. Истоком начальных поисков участников кружка было отторжение передвижничества. В их творчестве воплотилась мечта о подлинной европеизации русской культуры. Эстетизируя прошлое, мирискусники особо восторгались XVIII в., создав культ Петербурга. Значительных успехов они добились в книжной графике благодаря тонкому вкусу и замечательному рисунку. Идея синтеза искусств

отражена в созданных ими великолепных театральных декорациях. С «Миром искусства» сотрудничали представители других художественных направлений, в частности К. А. Коровин, В. А. Серов, М. А. Врубель. Мирискусники способствовали развитию художественной журналистики, декоративному и прикладному искусству, выставочной деятельности.

Один из создателей кружка «Мир искусства» С. П. Дягилев уделял особое внимание знакомству Западной Европы с произведениями живописи, музыки, оперным и балетным искусством России. В Париже на организованных им концертах играл С. В. Рахманинов, пел Ф. И. Шаляпин. С 1909 г. Дягилев проводит в Париже «Русские сезоны», благодаря которым русское искусство вошло в моду и получило признание западного зрителя. К участию в его спектаклях, помимо художников «Мира искусства», привлекались молодые композиторы (И. Ф. Стравинский, С. С. Прокофьев), выдающиеся постановщики и солисты балета.

В начале XX в. получают распространение Религиозно-философские собрания, что отразило духовные искания части деятелей культуры, а также стремления служителей РПЦ к обновлению. Обсуждение проблем церкви и культуры проводилось под контролем Синода. Более светский характер отличал обсуждение религиозно-философских проблем на квартире поэта-символиста Вяч. Иванова («Ивановские среды»). Довольно скоро дискуссии переросли в необходимость создания «нового христинства», или «нового религиозного сознания». В этих поисках Д. С. Мережковский исходил из идей русского философа Вл. Соловьева. «Богостроители» послереволюционной эпохи, в частности среди социал-демократов и близких к ним представителей творческой интеллигенции (В. А. Базаров, А. В. Луначарский, М. Горький), обращались к идеям Маха и Авенариуса.

Литература на рубеже XIX—XX вв. по-прежнему была краеугольным камнем русской художественной культуры. Оставаясь во многом элитарной, она сохранила значительную социальную направленность, будучи тесно связанной с общедемократическим и революционным движением. Существуя в эпоху утверждения капиталистических начал в российской экономике, наблюдая становление могущества финансового капитала и не отрицая технических, социокультурных достижений индустриальной цивилизации, русская литература не обращалась к изображению формирования буржуазных династий, описанию российских Ругон—Маккаров или Форсайтов. Прежде всего она запечатлела в своих творениях всю безысходность жизни русского крестьянства в пореформенную эпоху, разрушение ростовщическим и спекулятивным торговым капиталом дворянских гнезд с их «вишневыми садами», традиционных основ нравственности и самого народного уклада русской жизни. Идея отрицания неправедно

нажитого богатства присуща произведениям поклонника патриархальной Руси И. С. Шмелева и пролетарского писателя М. Горького. Он, пожалуй, единственный в русской литературе XX в. попытался выявить положительные черты предпринимателя, силу и красоту его хозяйственного таланта, организаторского умения («Фома Гордеев», 1899), одновременно показав внутренний кризис личности, поддавшейся власти денег.

Доминирующие позиции в русской литературе по-прежнему принадлежали реализму. В русле его традиций продолжали работать многие выдающиеся писатели старшего поколения и молодые литераторы. Центральными фигурами литературной и всей культурной жизни России рубежа веков были Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. В последнем своем романе «Воскресение» (1899), изображая невыносимо тяжелую жизнь народных масс, обличая социальную несправедивость, поддерживавшуюся государственными, в частности судебными, институтами, Толстой отвергает устои утверждавшейся в России буржуазной цивилизации. Художественные обличения великого мастера дополнялись его публицистическими выступлениями против зверских репрессий власти («Не могу молчать!», 1908). В 1900-е гг. публикуются шедевры чеховской прозы — «Мужики», «Дом с мезонином», «Дама с собачкой», «Невеста». Совершенно новым явлением искусства стала драматургия Чехова. Его пьесы прочно вошли в репертуар русского театра и определили пути развития мировой сцены XX в. Во всей силе таланта и художественного мастерства предстает в начале века творчество А. И. Куприна, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева. В произведениях Бунина изображена жизнь русского крестьянства («Деревня», 1910) и экономическое, духовное оскудение поместного дворянства на переломе эпох («Антоновские яблоки», «Суходол», 1911). Куприн представил в своих произведениях новых героев технической и творческой интеллигенции, рабочих, показал скрывавшуюся за парадным фасадом внутреннюю жизнь армии. Традиции реализма присущи литературно-художественному и публицистическому творчеству В. Г. Короленко. В романах Н. Г. Гарина-Михайловского, повестях и рассказах В. В. Вересаева отразились духовные искания демократически настроенной русской молодежи. Общественное внимание привлекли произведения М. Горького, который от романтического воспевания свободного человека пришел сначала в своих пьесах, рассказах, а потом в романе «Мать» к реалистически жестокому изображению «мерзостей жизни» фабричного люда и вызреванию в рабочей среде революционных настроений. Удивительным явлением русской литературы стало творчество Сергея Есенина. Неотделимое от поэтической традиции XIX в., оно было обогащено образностью языка крестьянского сына, его мировосприятием, органически сопричастным жизни русской деревни и родной природе.

Модернизм в литературе привел к появлению разнообразных течений, которые, провозглашая упадок современной словесности, обещали своим поклонникам новое художественное сознание. Многим из них был свойственен *декаданс*, т. е. безрадостное мироощущение, тоска и уныние, что отражалось в упаднических мотивах их произведений. Наиболее ранним направлением модернизма был символизм. Символистами называли себя Д. В. Мережковский, З. Гиппиус, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, Вяч. Иванов, А. Белый, А. А. Блок. Поэты-символисты раскрыли богатые возможности русского стихосложения, что содействовало их успеху у читающей публики. Однако их неприятие действительности, чему они старались следовать и в своей повседневной жизни, разнообразные «уходы», которые они воспевали, были понятны немногим и тем более не находили отклика в среде демократической интеллигенции, считавшей бунтарство Брюсова и Блока нарочитым.

Освобождением от символистских порывов к идеальному стал акмеизм, провозгласивший возврат к вещному миру. К нему принадлежали Н. С. Гумилев, А. А. Ахматова, М. А. Кузмин, воспевавшие первозданные чувства, гордую и сильную личность. Радикальным изменением литературной формы отличалось творчество футуристов, чей манифест «Пощечина общественному вкусу» появился в 1912 г. Футуризм, как и другие литературные течения эпохи, не отличался единством. Разные его группы дали русской поэзии таких столь непохожих между собой поэтов, как В. В. Хлебников, В. В. Маяковский, Б. Л. Пастернак. В предвоенные годы огромной популярностью пользовались стихи эгофутуриста Игоря Северянина. Позднее разнообразные в идейном и стилевом отношении, очень разные по своему художественному уровню литературно-художественные искания эпохи модернизма были объединены литераторами, принадлежавшими к этим течениям, понятием Серебряный век, что напоминало о Золотом веке русской культуры. Но многие современники подлинным Серебрянным веком русской поэзии считали эпоху Н. А. Некрасова, Ф. И. Тютчева, А. К. Толстого, А. Н. Майкова, А. А. Фета, Я. П. Полонского.

Театральное новаторство на русской сцене связано с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. В 1898 г. ими был открыт Московский Художественный театр (МХТ) как «первый разумный, нравственный, общедоступный театр», призванный передать «правду жизни». Первая постановка пьесы А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» почти буквально воспроизводила реалии старого боярского быта. Однако подлинным рождением нового театра и его символом стала чеховская «Чайка» (1898). Успеху театра способствовали репертуар, включавший пьесы Чехова и Горького на совре-

менные темы, талантливая игра актерского ансамбля (М. Г. Савицкая, О. Л. Книппер-Чехова, М. П. Лилина, В. И. Качалов, И. М. Москвин, Л. М. Леонидов и др.), продуманное оформление спектаклей, новые принципы режиссуры, позволявшие донести идею спектакля до зрителя. Значительную роль в развитии театра начала века сыграла выдающийся мастер сцены В. Ф. Комиссаржевская. Откликаясь на революционный порыв молодежи, она создавала образы, символизирующие разрыв с устоями старого мира. По ее инициативе в Петербурге в 1904 г. был открыт драматический театр, где шли пьесы Чехова и Горького. Общественная позиция Художественного театра и его новаторство, органически связанные с традициями реализма, не во всем принимались представителями модернизма. Символистам, например, ближе оказались эксперименты В. Э. Мейерхольда по созданию условного театра. В целом достижения МХТ, особенно в области актерского мастерства по системе, разработанной К. С. Станиславским и ныне признанной в мире, оставались недоступны большинству российских театров (их было около 340), из которых в начале XX в. только половина были постоянными.

Значительных успехов в начале XX в. достигло искусство балета и вокала. Этому способствовали выдающиеся постановщики А. А. Горский, М. М. Фокин, певцы (Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, А. В. Неждановa) и мастера балета (А. П. Павлова, В. Ф. Нижинский, Т. П. Карсавина, Е. Гельцер). Развитию театрального искусства, осознанию назначения театра в жизни общества и народа содействовали созданные Союз драматических и музыкальных писателей (1903) и Всероссийский союз сценических деятелей (1906).

На развитие **музыкального искусства** в стране влияло появление консерваторий в Саратове, Одессе, Киеве, народной консерватории в Москве, открытой при участии С. И. Танеева. Его творческая и общественно-педагогическая деятельность, как и выдающегося музыканта М. М. Ипполитова-Иванова, содействовала росту музыкальной культуры в России. Распространением традиций и новых достижений отечественной музыки занималось Русское музыкальное общество, имевшее отделения в провинции. В начале XX в. продолжалась творческая деятельность представителя «Могучей кучки» Н. А. Римского-Корсакова, создавшего разнохарактерные оперные произведения — от сказок, народных драм («Сказка о царе Салтане», «Сказание о невидимом граде Китеже») до сатиры («Золотой петушок»). В музыке композитора в эти годы более ярко выделяется лирико-индивидуальное начало.

В произведениях разных музыкальных форм усиливался интерес к общим философско-этическим проблемам бытия и внутреннему миру человека. Новые тенденции музыкального искусства ярко проявились

в творчестве С. В. Рахманинова и А. Н. Скрябина. Следуя традициям отечественной музыкальной классики, Рахманинов в то же время самобытно и новаторски отразил в своих произведениях неповторимое звучание русской природы, сумел передать с помощью музыкальных средств мир русского человека, его думы и чувства, голоса русских сказок и православных праздников. Его симфонии и камерные ансамбли, фортепианные концерты, сюиты, романсы переполнены чувствами, отличаются большой эмоциональной выразительностью. Музыкальному новаторству Скрябина присущи глубокий философский смысл («Божественная поэма»), необыкновенная экспрессия («Поэма экстаза»), устремленность в будущее и даже пророчество. В творчестве С. И. Танеева, А. С. Аренского, А. К. Глазунова, не порывавших с традициями реалистической культуры XIX в., присутствовали и изысканные формы модерна. Авангардные тенденции отражены в музыке И. Ф. Стравинского к балетам «Жар-птица», «Петрушка».

Неотъемлемой частью русской народной культуры было хоровое пение, особую красоту которому придавала редкая слаженность голосов. Однако основной отличительной особенностью уникального мощного звучания русского хора являются необычайно низкие басы-профундо, обладатели которых рождаются только в России. Развитие хорового искусства получает в начале XX в. существенный импульс благодаря появлению профессиональных хоровых коллективов и оркестров народных инструментов. Заслуга в этом принадлежит виртуозу игры на балалайке В. В. Андрееву, организовавшему еще в конце 1880-х гг. первый русский оркестр народных инструментов, с которым он в начале XX в. успешно концертировал в России, Европе и Америке, а также исполнителю и собирателю народных песен М. Е. Пятницкому, создавшему в 1910 г. русский народный хор. Выдающимся творением русского хорового искусства начала века стала «Всенощная» С. В. Рахманинова (1915). Она представляет собой гениальную аранжировку древних народных и церковно-православных напевов, переложение их традиционного одноголосого исполнения на многоголосие хора без оркестра.

В живописи начала века значительные позиции сохраняло реалистическое направление, связанное с Товариществом передвижников, выставки которого продолжались до 1924 г. Это нашло отражение в творчестве В. А. Серова. Унаследовав глубокий психологизм, присущий манере его учителя И. Е. Репина, он создал целую серию замечательных портретов своих современников, в частности деятелей русской культуры рубежа XIX—XX вв. (М. Н. Ермолова, Ф. И. Шаляпин, К. А. Коровин, В. В. Стасов, М. Горький и др.). Портреты Серова — итог длительного развития этого жанра в русской живописи и одно из высочайших достижений ее реалистического

направления. Неоценим вклад в развитие реалистической традиции В. Д. Поленова, А. Е. Архипова, Н. А. Касаткина, обогативших творческую манеру, технику письма мастеров реализма достижениями новейших течений. Сюжеты их полотен существенно отличались от картин передвижников XIX в., отразив мироощущение и устремления художников переломной эпохи. Творчество М. В. Нестерова выразило религиозно-этические настроения православного человека. Эти тенденции были созвучны музыкальным произведениям А. Ф. Гречанинова, С. В. Рахманинова и поискам в архитектуре (церковные сооружения А. В. Щусева). Особой темой изобразительного и музыкального искусства стала Древняя Русь, отраженная на полотнах В. М. Васнецова, Н. К. Рериха, И. Я. Билибина, в произведениях Римского-Корсакова, Стравинского («Весна священная»).

К. А. Коровин был одним из первых реалистов, овладевших системой импрессионизма и оставшихся ей верным до конца своего творческого пути. Его полотна чрезвычайно разнообразны по своей стилистике: то декоративно-артистичные (крымские пейзажи и натюрморты), то возвышенно-романтичные (вечерние интерьеры с фигурами, «Пристань в Гурзуфе»). Коровин проявил свой талант и как театральный художник. В. А. Серов был не только великим продолжателем своих учителей, но мастером, открывшим новые пути русскому искусству. В его портретах и картинах начала XX в. (Ида Рубинштейн; О. К. Орлова; «Похищение Европы»), отвечающих общей направленности модерна как стиля, присутствует поиск соединения условного и реального. В живописи М. А. Врубеля возникает фантастический мир сказки, созвучный поэзии символистов. Его многочисленные вариации на тему Демона отражают напряженность переломной эпохи и искания мятущейся души.

В 1910 гг. в условиях распространения идей модернизма возник русский авангард. Символом нового направления стал знаменитый «Черный квадрат» К. С. Малевича. Художники русского авангарда (В. В. Кандинский, К. С. Петров-Водкин, П. Н. Филонов и др.) отличались большой творческой индивидуальностью, разным пониманием меняющейся жизни русского общества.

В **архитектуре** начала XX в. господствующим стилем явился модерн. Его отличают, по мнению Д. В. Сарабьянова, построение сооружения «изнутри наружу», перетекание пространства из одного интерьера в другой, живописная композиция, отрицающая симметрию, построение декоративного убранства на соотношении гнутых форм и линий и другие признаки. Новый стиль, как и существовавшие рядом с ним неоклассицизм и неорусский (вариант модерна), выросли из эклектики второй половины XIX в. Стремление к синтезу искусств в архитектуре проявилось в сооружении первых зданий мо-

дерна при участии живописцев (В. М. Васнецов, В. Д. Поленов, К. А. Коровин). Стилевые особенности и само утверждение русского модерна связано с московским модерном и прежде всего с творчеством выдающегося архитектора Ф. О. Шехтеля. Вершиной его творчества и развития особнякового строительства в русской архитектуре начала столетия стал дом С. П. Рябушинского в Москве. Все принципы модерна здесь нашли полное художественное выражение. Распространению модерна способствовало его умение выбирать из старой архитектуры то, что позволяло более наглядно выразить черты нового стиля. С этой точки зрения показательно здание Ярославского вокзала в Москве, построенное Шехтелем в 1902—1904 гг. Черты древнерусской архитектуры в данном сооружении поглощены модерном: закомары, например, вписаны в его гнутые линии, а через кубовидные формы пробивается характерный для модерна мотив волны.

Достижения отличают развитие промышленной архитектуры, в которой трудились такие мастера, как А. В. Щусев (трамвайное депо на Шаболовке и Казанский вокзал в Москве). Пожалуй, это был единственный вид искусства, который непосредственно выразил рост отечественной индустрии. Фабричное строительство последнего десятилетия XIX и начала XX в., представленное модерном, неорусским стилем и элементами будущего конструктивизма, отмечено поиском сбалансированности производственного назначения здания и его внешней привлекательности. Многие русские художники, последователи реализма и модерна, успешно трудились в создании промышленной рекламы и оформления упаковки промышленной продукции (обертки шоколада, конфет, мыла, этикетки вин, папирос и др.) Участие представителей изобразительных искусств, в том числе мастеров, в производстве массовой печатной продукции (оформление журналов, афиш, почтовых открыток, рекламных проспектов, ресторанных меню и пр.), существенно расширившись в начале XX в., способствовало воспитанию художественного вкуса широкой публики.

Кинематограф стал новым видом искусства, появившимся благодаря изобретению братьев Люмьер. Первый показ фильмов в России начался в 1896 г. Спустя несколько лет в городских кинотеатрах показывали художественные фильмы, в основном иностранного производства, и отечественную хронику. Кинематограф шел навстречу потребностям городской публики в непритязательном и дешевом развлечении. Возникшие отечественные кинофирмы выпускали в год десятки игровых картин. Ведущие позиции среди них занимала фабрика А. А. Ханжонкова. В 1908 г. вышла первая русская игровая картина «Понизовая вольница», «Стенька Разин», позже — «Пиковая дама», «Отец Сергий» (режиссер Я. А. Протазанов). Первыми звездами немого кино стали актеры В. В. Холодная и И. И. Мозжухин.

§ 3. ОБЩИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Информационная система общества. Проявлением модернизации российского общества и существенным компонентом общественно-политической жизни страны, особенно в послереволюционную эпоху, стала периодическая печать, система которой окончательно сложилась именно в эти годы. Развитию периодики содействовало совершенствование типографского дела, в котором использовались новые машины, электричество, распространились новейшие способы передачи информации (телефон, телеграф). В начале XX в. сбором и распространением информации для печати, помимо развивавшейся корреспондентской сети, занимались Российское телеграфное агентство (1895—1907) и Санкт-Петербургское, созданное в 1904 г. на базе Торгово-телеграфного агентства. Рост выпуска повременных изданий был связан с превращением этой сферы деятельности в крупное капиталистическое производство, но главным фактором являлось развитие политической борьбы в обществе. Среди всех повременных изданий России (около 3 тыс.) политические и литературно-публицистические составляли почти 44%, а посвященные проблемам торгово-промышленной, кредитно-финансовой, ремесленной деятельности, городскому хозяйству и благоустройству, кооперации — только 10%. У периодики по всему кругу сельскохозяйственных проблем и земства этот показатель был еще ниже — 7%. Наряду с традиционными официальными и множеством церковных изданий, частной периодикой сформировалась печать политических партий, массовых общественных и корпоративных организаций. Власть после 1905 г. не смогла ликвидировать ни революционную, ни общедемократическую прессу.

В системе российской периодики доля провинциальных изданий составляла 70%, но их распространение по территории страны оставалось к 1913 г. чрезвычайно слабым. Они выходили только в 278 городах, и лишь в 43 их число превышало 10 наименований. Число газет, выходивших 6—7 раз в неделю, оставалось низким — только 22%. Типы, тематика периодических изданий были обусловлены развитием особых сфер предпринимательства. Среди «деловой печати» в период предвоенного подъема появляются издания, освещающие механизм функционирования акционерных предприятий и операции с ценными бумагами. В Петербурге выходило более 30 биржевых газет. Их появление свидетельствовало о существовании читателей, прежде всего биржевых дельцов, день которых начинался с просмотра издаваемой исключительно утром биржевой прессы. Развитие страхового дела также привело к возникновению ее специальной прессы. Создание новых отраслей и производств, связанных с научными от-

крытиями и техническими изобретениями, сопровождалось учреждением изданий, которые занимались их пропагандой (журналы «Автомобиль», «Самолет», «Холодильное дело», «Электротехника» и др.).

Важнейшим элементом информационного пространства российского общества были разнообразные энциклопедии, словари, статистические ежегодники, справочно-информационные издания и реклама в виде специальных плакатов, афиш, открыток и т. д.

Российские города, испытав воздействие модернизационных процессов, во многом сохранили в качестве основной своей функции административно-военную. Это выразилось в распространенности среди официально признанных городов страны небольших селений, которые по числу жителей, их занятиям, самому укладу жизни вряд ли могли претендовать на звание города. Из общего числа городов и административных пунктов в империи (без Польши) только 1100 имели не менее 10 тыс. жителей. В то же время селениям, складывающимся вокруг крупных фабрик и заводов, железнодорожных узлов, в районах массовых кустарных промыслов, в очень редких случаях присваивался статус города. Эти факторы предопредили типологию российских городов в начале XX в., часто обусловленную причинами их возникновения. Среди городов абсолютно преобладали административные центры (столичные, губернские и областные, уездные), дополнявшиеся категориями заштатных и военно-крепостных городков, местечек. На рубеже веков возникает ряд городских поселений в связи с железнодорожным строительством (Новониколаевск) и сооружением новых портов (Мурманск). Облик отдельных городов определялся наличием в них крупных портов (Одесса, Рига, Архангельск, Владивосток и др.) и, как исключение, — университетов (Дерпт). В начале XX в. в российских городах появляются водопровод, канализация, электрическое освещение улиц и домов, трамвай. Однако степень распространения этих нововведений, в том числе телеграфа и телефона, оставалась незначительной. Из указанного общего числа, в основном в Европейской России, электрическое освещение имело только 13% городов, водопровод — 20%, канализацию — 5%, трамвай — 4%, телеграф и телефон — 28%. Только один из восьми российских городов имел водоснабжение в домах. Примерно пятая часть городов освещалась электричеством и газом, используя керосиновое освещение на окраинах.

Изменение внешнего архитектурного облика вызывалось промышленным оснащением городов, развитием их транспортной инфраструктуры и общими переменами в общественной жизни. Повсюду строились вокзалы, рестораны, магазины, рынки, пассажи, театры, входили в моду многоэтажные доходные дома, возводились промышленные предприятия. Сооружение традиционных особняков, усадеб уступало место пригородным дачам. Строительство осуществлялось не только

на свободных землях, но и в рамках расширенных границ городов и окружающих их поселков. Социально-пространственная структура российских городов не отличалась значительными усовершенствованиями, не пережив во второй половине XIX — начале XX в. радикальной реконструкции. Не случайно проблемы градостроительства не занимали в эту эпоху умы русских архитекторов. Новой тенденцией в развитии городской среды явилось ускоренное сооружение зданий банков, торгово-промышленных, кредитно-финансовых обществ, что объясняется значительным распространением этих структур по территории империи. Почти половина городов имела банки и их отделы, общества взаимного кредита, ссудо-сберегательные кассы. Сберегательные кассы и страховые учреждения были представлены в 70—76% городов. Сооружение зданий для этих учреждений в столицах и провинции (Нижний Новгород, Самара) существенно меняло облик традиционной застройки города, поскольку в них использовались разные варианты модерна, включая готику. Особенно примечательной явилась постройка в 1912—1913 гг. по инициативе и на средства крупного промышленника и финансиста Н. А. Второва комплекса «Деловой двор», замыкающего Варварскую площадь в Москве. Архитектором И. С. Кузнецовым был выстроен целый квартал с внутренними двориками и улицами. Грандиозное 5-этажное здание выдержано в строгой ритмике вертикалей и горизонталей. Только центральная часть главного фасада, расположенная на углу двух улиц, была украшена немногими элементами классицистического ордера. Начавшееся переселение крупных предпринимателей в центр городов, на традиционные дворянские улицы, отразилось в постройке новых великолепных особняков или реконструкции приобретенных старых усадеб.

Развитая городская информационная, образовательная и культурно-просветительская системы были характерны преимущественно для административных центров. Во многом это было обусловлено политикой государства, учреждавшего в губернских, уездных, заштатных городах соответствующие типы начальной и средней школы, специальные училища, осуществлявшего издание соответствующих газет («Губернские ведомости»). В центрах административных учебных и военных округов открывались университеты (Казань, Киев, Одесса) и военные учебные заведения. Однако итоги этой деятельности были не столь значительными. Высшие учебные заведения имели 21 город в Европейской России и 2 в Азиатской, средние — соответственно 894 и 57, начальные — 1062 и 96. Заметную роль в развитии данных процессов играли земства, учреждавшие в городах школы, специальные училища, больницы, выпускавшие значительную литературу справочно-информационного характера с десятками наименований («Труды» земств, материалы земских переписей), выступавшие орга-

низаторами традиционных региональных сельскохозяйственных, кустарных и промышленных выставок, музеев. Научные и благотворительные общества, а также частные лица, содействовавшие просвещению, основывали библиотеки, музеи, картинные галереи и театры, проводили художественные выставки и научные съезды. Они принимали участие в благоустройстве городов, в частности в установке памятников в честь исторических событий, деятелей культуры, знаменитых уроженцев этих мест.

В абсолютном большинстве городов на рубеже XIX—XX вв. в силу характера занятий населения сохранялись прежние сословия, среди которых численно преобладало мещанство. Тесно связанное с крестьянством, оно выступало носителем архаичного мировоззрения и традиционной народной культуры. Среди образованных горожан большинство обладало только элементарной грамотностью. Весь уклад жизни русских городов отличался патриархальностью и следованию определенным нормам сословного общества. Различия между дворянством, купечеством и мещанством сохранялись и в городе, проявляясь в разграничении мест их компактного проживания, их профессиональных занятиях, разных типах и убранстве жилищ, одежде, пище, проведении досуга, культуре речи. В связи с ростом промышленности, железнодорожного строительства заметно увеличивалось число городов, втянутых в процесс индустриализации, что сказалось на развитии предпринимательской деятельности их жителей и появлении в них рабочих. Особенно это было характерно для обеих столиц, губернских центров (Ярославль, Тверь, Тула, Нижний Новгород, Екатеринослав, Киев, Баку, Рига, Пермь и др.) и городов основных промышленных районов страны (Коломна, Иваново-Вознесенск, Рыбинск, Николаев, Одесса). В среде предпринимателей и рабочих разрыв с архаичными нормами патриархального уклада был более заметен, чему способствовали рост образования, культуры и самосознания личности.

Слабость урбанизации России отразилась на масштабах и формах городского строительства. Большинство развивающихся городов, испытывая острую нужду в жилье, практически не знало массовой застройки. Строительство многоэтажных доходных домов, рассчитанных на достаточно состоятельных граждан, было невелико и велось в очень немногих городах. Даже в Петербурге и Москве они были единичны. Сооружение рабочих поселков только начиналось и было в основном предметом обсуждения. Большинство зданий в городах оставались деревянными или имели только каменный первый этаж (почти 70% в 50 губерниях Европейской России). Основным типом застройки были 2-этажные дома, рассчитанные, как правило, на одну семью, первый этаж в которых занимался под магазин, лавку или мастерскую.

Социокультурные процессы индустриализации еще меньше затронули **русскую деревню**. Исключение составляли крупные фабричные села, где изменение жизненного уклада проходило более активно. В основе российской традиционности и архаичности лежало отсутствие радикальных сдвигов в характере крестьянского труда и общей культуре земледелия. Патриархальность жизни крестьянской общины была связана с ее трудовым ритмом, который по-прежнему жестко определяли природные циклы и соответствующие им работы (сев, сенокос, жатва, уборка урожая и закладка нового). Разнообразие вносили праздники с их яркой эмоциональной нагрузкой, строгой обрядностью, которая уходила в глубь веков и сочетала, как и сами праздники (Масленица, Пасха, Троица, Покров) черты язычества и русского православия. Элементы языческих верований в леших, домовых, русалок, всевластие Перуна и обрядов были достаточно широко представлены в мировосприятии русского крестьянства и его оценке явлений повседневной жизни. Они сохранились и в среде городского мещанства. Не случайно о начавшемся пожаре своей красильни нижегородский мещанин Василий Каширин, дед М. Горького, сообщает жене: «Ну, мать, посетил нас Господь, — горим!»

Явления индустриальной культуры мало проникали в повседневную жизнь и быт русской деревни. Наиболее распространенные каналы ее влияния — сельская школа и больница. В немногих крестьянских домах появляются книга, часы, предметы фабричной одежды и обуви, фабричные посуда и утварь. Основная масса крестьян, особенно бедняцких семей, одевалась в домотканую одежду, лапти и полушубки собственной выделки. Специальные постельные принадлежности, в частности одеяла, подушки были единичны, а в основном укрывались одеждой. Не отличалась разнообразием способов приготовления (в русской печке, сыром и засоленном виде) и составом продуктов крестьянская пища. Деревенская семья, особенно в центре России, не имела достаточного количества овощей, выращивание которых ограничивалось нехваткой рабочих рук, отсутствием холодостойких сортов, и молока из-за малой продуктивности коров или за их неимением в хозяйстве, а также яиц, мяса и т. д. Недостаток малокалорийной и не богатой витаминами пищи частично пополнялся весной и летом, когда широко использовались различные травы, коренья, грибы, ягоды, но только в районах, где имелись леса.

Русская деревня в начале XX в. организовывала свой досуг в традиционных формах: зимой — посиделки с пением, рассказами, в теплое время года — гулянья за околицей с пением, плясками, частушками. Бедность множества российских деревень приводила к тому, что далеко не в каждой из них были музыкальные инструменты — гармонь или балалайка. По-прежнему сохраняли значение своеобразных сельских клубов кабаки и трактиры, где собиралось мужское на-

селение. В начале XX в. в них можно было не только услышать новости, но и прочитать газету. В подобных заведениях богатых сел появлялись первые граммофоны. Кабаки и трактиры, как и в городе, были рассадником пьянства в крестьянской среде.

Традиционным элементом деревенской жизни, связанным с поддержанием духовных начал личности, было регулярное посещение церкви. Эта регулярность была относительной, поскольку церкви имелись только в селах, куда не всегда можно было дойти и доехать из-за дальности расстояния, распутицы, половодья, сильных морозов и пр. Разнообразие в деревенскую жизнь вносили «престольные» праздники, которые отличались в разных приходах. На них приезжала родня из других деревень, собирались жители округи.

Если русская деревня в историческом центре страны сохраняла существенные пережитки патриархального уклада жизни, то в труднодоступных регионах Европейской России (Север, лесные зоны Заволжья и Урала, юго-восточные степи, горы Кавказа) и тем более Сибири в начале XX в. он оставался господствующим.

РАЗДЕЛ II

Советское государство 1917—1991

Глава 6

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 1917—1920

§ 1. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ

Падение самодержавия. 178-миллионная Россия вступила в Первую мировую войну наиболее слабой в экономическом отношении среди великих держав Европы, участвовавших в конфликте. Это, однако, не предвещало беды, поскольку в августе 1914 г. многие военные были уверены, что война будет недолгой. Рассчитывали, что на несколько месяцев резервов страны будет достаточно, чтобы достойно выполнить союзнические обязательства и участвовать в определении судьбы послевоенного мира в качестве одного из победителей.

Но война затянулась. А отставание военной промышленности от элементарных армейских запросов, ее несоответствие требованиям современной войны, неразвитость инфраструктуры (прежде всего транспортной), неповоротливость бюрократического аппарата самодержавия привели к тому, что расплачиваться за недостатки развития страны пришлось огромными жертвами. Русская армия понесла наиболее тяжелые потери, война вызвала чрезвычайное напряжение во всех сферах жизни российского общества.

Несмотря на то что в 1916 г. в целом удалось наладить снабжение армии и несколько стабилизировать положение на фронте, моральный дух армии был низким; цели войны для большинства оставались неясными, а жертвы не выглядели оправданными. Большие тяготы общество несло в тылу: в деревне (уход в армию почти половины трудоспособных работников, реквизиция лошадей, сокращение поступлений промтоваров из города), в городах (напряжение на заводах и фабриках, рост дороговизны, перебои со снабжением). К этому добавлялась ненависть к тем, кто наживался на военных поставках.

Переживаемые трудности общество прямо связывало с недееспособностью «верхов». Происходившее в сфере властных отношений вызывало все большее возмущение (непопулярный премьер, «министерская чехарда», частая смена губернаторов, активность Распутина, игнорирование Думы). С конца 1915 г. в политических кругах России все чаще стало звучать слово «революция». Особенно сложной была ситуация с обеспечением продовольствием. Объявленная правительством в сентябре 1916 г. хлебная монополия оказалась проваленной основными держателями товарного хлеба. Все громче и резче становились протесты в городах, делая быстрое нарастание напряженности очевидным даже для сторонних наблюдателей.

И тем не менее начало революции оказалось неожиданным для всех. В середине февраля 1917 г. из-за транспортных трудностей в Петрограде ухудшилось продовольственное снабжение. Длинные очереди за продовольствием усиливали недовольство прежде всего малоимущих городских слоев. Возмущение выплеснулось наружу 23 февраля (по старому стилю), когда отмечался Международный женский день. Тысячи работниц питерских предприятий вышли на улицы, протестуя против перебоев в снабжении хлебом и роста дороговизны. К ним присоединились мужчины забастовавших в городе заводов, общее число участников выступления составило 128 тыс. человек. Демонстрации проходили как в центре, так и на окраинах города. Начались погромы магазинов, нарушилось движение общественного транспорта. А участие в манифестациях социалистических агитаторов привело к тому, что экономические лозунги переплелись с политическими «Долой войну!», «Долой самодержавие!».

Стихийное движение нарастало лавинообразно. 24 февраля бастовало более 200 тыс. человек, а 25-го — уже более 300. К рабочим присоединились другие слои городского населения. Правительство «проснулось» лишь 26 февраля: полиция и войска стреляли в демонстрантов, число убитых и раненых составило 30 человек. Это не только подхлестнуло рабочих, но и вызвало перелом в армейской среде. Утром 27 февраля начались солдатские бунты в элитных полках, и к вечеру 70 тыс. солдат из 200-тысячного Петроградского гарнизона были на стороне революции. 28 февраля антиправительственное движение в столице приобрело всеобщий характер. В распоряжении командующего Петроградским военным округом генерала С. С. Хабалова остался лишь небольшой по численности и неспособный влиять на ситуацию отряд. Толпы солдат и рабочих заполнили улицы города. Начались погромы полицейских участков наряду с магазинами и продовольственными складами. Захват арсеналов привел к увеличению числа вооруженных людей. Питер оказался во власти неконтролируемой революционной стихии. Гнев восставших обрушился на полицейских, офицеров, которых вылавливали и не просто избивали, а порой

расстреливали на месте. Объектами насилия становились и представители обеспеченных слоев общества. Восставшие захватили Дом предварительного заключения и здание окружного суда. На волю выпускались не только политические заключенные, но и уголовники. Современники констатировали, что в столице фактически не было никакой власти.

Уже в первые дни столкновений возникла идея создания Совета рабочих депутатов. К вечеру 27 февраля в Таврическом дворце был сформирован Временный исполком Петроградского Совета рабочих депутатов, который обратился к рабочим и солдатам города с призывом выбирать депутатов в Петросовет. Вскоре прибыли примерно 250 депутатов, которые и сформировали Исполком Совета в составе 15 человек. Все они были социалистами (социал-демократами и эсерами). Председателем стал лидер социал-демократической фракции Думы меньшевик Н. С. Чхеидзе, его заместителями — трудовик А. Ф. Керенский и меньшевик М. И. Скобелев. В состав Исполкома вошли также большевики П. А. Залуцкий и А. Г. Шляпников. Группировавшиеся вокруг Петросовета политические силы стали называть себя представителями «революционной демократии». Первое, чем занялся Совет, было решение проблем обороны и продовольственного снабжения.

Одновременно с созданием Петроградского Совета лидеры либеральных партий в Государственной думе образовали 27 февраля «Временный комитет членов Государственной думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями». Комитет возглавил председатель Думы М. В. Родзянко, в него вошли лидеры Прогрессивного блока, а от революционной демократии — Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенский. Временный комитет попытался перехватить политическую инициативу, с одной стороны, стремясь стабилизировать обстановку в столице и в провинции, а с другой — оказывая давление на царя, добиться от него уступок в сфере организации власти. Первоначально требовали создания ответственного перед Думой министерства, но затем стали настаивать на отречении Николая II в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Находившийся в могилевской Ставке царь все дни, с 24 по 27 февраля, получая несвоевременную и неполную информацию, полагал, что в столице происходят лишь «беспорядки». Поэтому и приказал направить в Петроград для подавления волнений генерала Н. И. Иванова, наделив его, по сути, диктаторскими полномочиями. Намерения Николая II первоначально разделял начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев, который, однако, вскоре изменил свою точку зрения и солидаризировался с позицией Временного комитета Государственной думы. Алексеев приказал Иванову воздер-

жаться от силовых методов наведения порядка, а к вечеру 28 февраля, заручившись поддержкой командующих фронтов, убедил царя согласиться на формирование правительства, ответственного перед Думой. Если бы события не получили дальнейшего развития, то Россия превратилась бы в конституционную монархию. Однако уступки запоздали, а находившиеся в Петрограде политики были настроены более решительно.

Уже 28 февраля все в столице осознавали, что в стране происходит революция. Город и его важнейшие объекты (Зимний дворец, Адмиралтейство, Петропавловская крепость, телеграф, вокзалы и др.) находились в руках восставших солдат и вооруженных рабочих. Царское правительство ушло в отставку, некоторых министров арестовали. Вслед за этим в ночь с 1 на 2 марта в переговорах между Временным комитетом Государственной думы и Исполкомом Петросовета была достигнута договоренность об образовании Временного правительства во главе с популярным земским деятелем князем Г. Е. Львовым.

В этих условиях руководимый М. В. Родзянко думский комитет ужесточил свою позицию на переговорах с царем и уже настоятельно требовал его отречения. К этому же стали склоняться и военные: все командующие фронтов полагали, что избавление страны от непопулярного царя остановит революцию, восстановит власть и порядок в стране и армии. После некоторых колебаний Николай в 15.00 2 марта 1917 г. отрекся за себя и за своего сына от престола в пользу великого князя Михаила Александровича. Однако 3 марта и тот отказался от принятия престола без согласия Учредительного собрания. Монархия в России перестала существовать.

Раскрепощение революционной стихии, начало самоорганизации масс. Февральская революция обнажила небывалые по глубине социально-экономические, политические и духовные противоречия России начала XX столетия. Огромная страна была поднята «на дыбы», события развивались стремительно, подчиняясь своей логике. Лишенные сдерживающих начал режима, рухнувшего в одночасье, самые различные социальные группы поспешили заявить о своих интересах, о безотлагательном решении накопившихся проблем. Все это привело к активизации существовавших и появлению новых организаций, объединений, которые стремились оказывать давление на зыбкую пока еще власть.

Вслед за Петроградом по всей стране стали возникать Советы. В марте 1917 г. только в губернских, уездных и промышленных центрах их было создано около 600. Опираясь на поддержку масс, они действовали как органы народовластия: отменяли распоряжения и приказы бывших царских чинов, производили аресты полицейских и жандармов, регулировали зарплату рабочих, вводили явочным порядком

8-часовой рабочий день, руководили снабжением населения продовольствием, решали другие экономические вопросы. Возникновение большого числа Советов и значительный размах их деятельности объективно диктовали необходимость координации их усилий. Поэтому в конце марта — начале апреля в Петрограде было проведено Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. На основе его решений началось создание областных объединений Советов: к осени 1917 г. их было в России 13. Совещание избрало представителей в исполком Петросовета, который до созыва съезда стал центральным органом Советов страны.

Огромное значение для будущего России имели происходившие в армейской среде процессы. На основе «приказа № 1» Петроградского Совета (издан 1 марта) в войсках началось формирование ротных, батальонных, полковых — вплоть до армейских — солдатских комитетов. Наиболее важным в приказе был третий пункт, предписывающий воинской части во всех политических выступлениях подчиняться Совету рабочих депутатов и своим солдатским комитетам. Этим подрывался основной принцип функционирования армии — единоначалие. Не командиры, а солдатские комитеты становились реальными хозяевами воинских частей. Армия из важнейшего государственного института превращалась в мощный инструмент политической борьбы.

Создание стройной системы солдатских организаций завершилось в мае 1917 г. Число солдатских комитетов на фронте приближалось к 50 тыс., в них состояло до 300 тыс. солдат и офицеров. Высокой степенью организованности отличались моряки Балтийского флота. В конце апреля они создали Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота) — высший выборный орган матросских масс. Его возглавил большевик П. Е. Дыбенко. На состоявшемся I съезде Балтийского флота в июне был принят устав, согласно которому Центробалт становился высшей инстанцией флота. Без его санкции ни один приказ командования (кроме оперативных) или Временного правительства не имел силы.

После Февральской революции активно шла самоорганизация рабочего класса. Помимо участия в создании Советов, рабочие промышленности и транспорта образовывали фабрично-заводские комитеты (ФЗК). Их главной задачей стало осуществление рабочего контроля за производством и распределением. ФЗК явочным порядком вводили 8-часовой рабочий день, решали вопросы расценок и зарплаты, приема и увольнения, снабжения рабочих продовольствием. Выясняли они также причины закрытия предприятий, сокращения объемов производства. В середине июня 1917 г. состоялась первая конференция ФЗК Петрограда и его окрестностей, представлявшая 337 тыс. рабочих. На ней был избран Центральный совет (ЦС) ФЗК Петрограда, в котором доминировали большевики (19 из 25).

Создавались такие комитеты и в других городах, а петроградский ЦС стал всероссийским центром ФЗК. К осени 1917 г. его объединения существовали более чем в 50 промышленных центрах.

В конце марта — начале апреля 1917 г. в ряде крупных городов (Петрограде, Москве, Харькове, Одессе и др.) началось формирование отрядов Красной гвардии на основе добровольного участия рабочих. Инициатива в организации отрядов принадлежала районным организациям РСДРП(б) и ФЗК. Во внеурочное время рабочих обучали пользованию стрелковым оружием и военному строю. Создана была и рабочая милиция, которая к июлю 1917 г. влилась в Красную гвардию. К этому времени ее ряды только в Петрограде превышали 5 тыс. человек, а в октябре здесь было уже более 20 тыс. красногвардейцев. Причем Красная гвардия имела достаточно стройную структуру управления.

Победа Февральской революции создала благоприятные условия для организации профсоюзов и их деятельности. К июню в стране существовало около 2 тыс. таких объединений. В отличие от ФЗК, объединявших рабочих одного предприятия, профсоюзы строились по профессионально-цеховому признаку (металлистов, печатников, кожевенников и т.п.). У руководства большинства организаций стояли меньшевики и эсеры, а это вело к концентрации внимания профсоюзов в основном на экономической борьбе. Однако в совместных акциях с ФЗК неизбежно происходила политизация и этих организаций. Для координации деятельности всех профсоюзов в пределах городов создавались соответствующие бюро, которые летом 1917 г. были переименованы в Советы профсоюзов. В июле они объединяли около 70% всех членов профсоюзов.

После Февральской революции закономерно стало развиваться и крестьянское движение. В первые месяцы оно имело преимущественно мирные формы: у многих была уверенность, что созываемое Учредительное собрание наконец-то по справедливости решит аграрный вопрос. Эту уверенность подпитывала выступавшая от имени крестьян партия эсеров. Они и народные социалисты («энесы») много сделали для создания органов, выражающих интересы жителей села. В деревнях создавались Советы, крестьянские комитеты. Воссоздан Всероссийский крестьянский союз. В итоге была выстроена снизу доверху система Советов крестьянских депутатов. I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, на котором рассматривались наиболее животрепещущие вопросы тех дней (о текущем моменте, об отношении к Временному правительству, аграрный, продовольственный, транспортный и т.д.), прошел организованно и почти на месяц раньше Съезда рабочих и солдатских депутатов.

Ослабление центральной власти в России привело к активизации зародившихся еще в начале XX в. и вновь возникших национальных

движений. Спектр самых различных требований, выдвигаемых национальными партиями, Советами, комитетами был широк: это и предоставление независимости, автономии, и установление федеративного устройства государства, и учреждение национально-культурной автономии.

В марте 1917 г. Временное правительство согласилось на требование предоставить независимость Польше, которая, правда, в то время была оккупирована Германией. В июле финляндский сейм принял закон, провозглашавший переход законодательной и исполнительной власти на территории Финляндии к сейму. В марте украинские националисты сформировали Центральную раду, которая 10 июня 1917 г. вопреки желанию Временного правительства провозгласила национально-территориальную автономию, а фактически — независимость Украины. Созданная в июле Белорусская рада добивалась предоставления автономии Белоруссии в рамках Российской Республики. Самые разные планы обособления обсуждались в Закавказье: от требований предоставления автономии в рамках России до создания независимых Великой Армении, Великой Грузии и Великого Азербайджана с существенным расширением их границ.

Заметную тенденцию к консолидации проявило 20-миллионное мусульманское население России. В мае 1917 г. на Всероссийском мусульманском съезде была принята резолюция о государственном управлении. Она гласила: «...признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика, построенная на национально-территориально-федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются культурной автономией». Был создан Всероссийский мусульманский совет.

С падением самодержавия невиданный размах приобрел регионализм. В апреле на съезде кубанского казачества в Екатеринодаре была образована Кубанская краевая войсковая рада, избравшая свое правительство и атамана. Было введено военное положение, сформированы дружины из офицеров, юнкеров, зажиточного казачества. Позже правительство объявило себя верховной властью области.

1917 г. открыл новый этап в развитии сибирского областничества. Среди жителей края была популярной мысль о том, что Сибирь в качестве автономной единицы должна обладать всей полнотой власти на своей территории. Намечалось создание Сибирской областной думы, кабинета министров, судебных органов (в том числе с учетом национальных особенностей), местного самоуправления и контроля.

Февральская революция открыла ранее неизвестные в России возможности для деятельности различных политических партий. В течение нескольких месяцев возникло более 50 партийных объединений. Им предстояло соотнести свои программные установки с из-

менившейся ситуацией, предложить ответы на стоявшие перед страной наиболее остро вопросы, ввести революционную стихию в определенное русло. В реальной политической жизни 1917 г. будущее страны определяли четыре политические партии: кадеты (полное название — Конституционно-демократическая партия), эсеры (Партия социалистов-революционеров), а также большевики и меньшевики. До 1917 г. две последние формально действовали в рамках единой Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), но в 1917 г. произошло их окончательное организационное обособление: ленинцы объединились вокруг Российской социал-демократической рабочей партии *(большевиков)* — РСДРП(б), а меньшевики — вокруг Российской социал-демократической рабочей партии *(объединенной)*.

Кадеты превратились из оппозиционной в партию, играющую главную роль в правительстве. Поэтому в первые послефевральские месяцы от проводимой ими политики зависело наведение порядка и осуществление очевидно необходимых преобразований. Поведение кадетов в правительстве диктовалось их программными установками. Как и представители подавляющего большинства партий, они полагали, что основы политического и социально-экономического строя России должно определить Учредительное собрание, выступили за провозглашение России демократической и парламентской республикой. Кадеты в целом негативно относились к Советам, отстаивая идею единой власти Временного правительства.

На местах, по мнению лидеров этой партии, власти Советов должны были противостоять городские думы и земства. Кадеты твердо и последовательно стояли за продолжение участия России в войне и за полное выполнение обязательств перед союзниками. Только по ее окончании считалось возможным созвать Учредительное собрание, поэтому решение всех проблем сознательно откладывалось (затягивалось) до завершения военных действий. По аграрному вопросу в программу был внесен туманный пункт о том, что земля должна принадлежать всему «трудовому земледельческому населению», т.е. ведущим хозяйство помещикам, кулакам и трудящемуся крестьянству.

Признав летом 1917 г., в обстановке острого кризиса, необходимость государственного регулирования экономики, кадеты призывали делать это осторожно, не ущемляя частных собственников. Сами же на введение этих мер так и не пошли. Они отказались (в связи с войной) от введения 8-часового рабочего дня, противодействовали росту заработной платы, установлению рабочего контроля. Кадеты в принципе были сторонниками широкой политической, экономической и культурной вестернизации России. Будучи самой «образованной» партией, включавшей специалистов высокого класса (управленцев, уче-

ных, политиков), они демонстрировали редкостную нечувствительность к чаяниям подавляющего большинства населения.

Наибольшей популярностью после свержения царизма пользовались социалистические партии. Социализм рассматривался преимущественно как антитеза существовавшему порядку вещей с его самодержавием, деспотизмом, несправедливостью, экономическим неравенством, культурной отсталостью. Поэтому сторонников различных течений социалистической мысли можно было встретить среди рабочих и крестьян, а не только интеллигенции.

Заметное место в политической жизни столицы и других крупных городов занимали меньшевики. Н. С. Чхеидзе стал председателем Петроградского Совета. Меньшевики составляли в его исполкоме большинство — 14 членов из 36. Наряду с другими умеренными социалистами они во многом определяли линию поведения столичного, а также большинства провинциальных Советов. Меньшевики считали, что в России произошла буржуазная революция, а на ближайшее время перед страной стоит задача упрочения и развития буржуазно-демократического строя на основе «единения всех живых сил нации», включая буржуазию. В лице Временного правительства ей отводилась роль основного двигателя реформ, Советы же рассматривались как органы «максимального давления» и контроля.

Первоначально меньшевики не предъявляли никаких претензий на власть, затем проявили серьезные колебания относительно вхождения в правительство. Они выступали за установление демократического мира, но вместе с тем считали необходимым участие России в войне, которая, по их мнению, приобрела революционно-оборонительный характер. Выдвигая «правильные» идеи — установить рабочий контроль за производством, вести подготовку земельной реформы, обложить налогом военные сверхприбыли буржуазии, ускорить созыв Учредительного собрания, меньшевики при этом не смогли добиться от Временного правительства проведения этих мер. Характерными чертами меньшевистской части российской социал-демократии были организационная рыхлость, разобщенность входивших в партию групп и объединений.

Одной из наиболее активных и массовых была партия эсеров. Ее численность росла высокими темпами и к лету 1917 г. достигла 800 тыс. человек. Эсеры принимали деятельное участие в создании Советов, солдатских комитетов, различных крестьянских организаций. Их стратегической целью в 1917 г. стал созыв Учредительного собрания, в котором они рассчитывали получить большинство, с тем чтобы мирным, демократическим путем реализовать свою программу. После Февраля эсеры поддержали как Временное правительство, так и Советы. Вопроса о двоевластии для них не существовало. Во Временном правительстве они видели главный орган власти и государст-

венного управления страной, Советы же рассматривали как «связующий центр народных и социалистических сил», подталкивающий правительство к проведению реформ и контролирующий его деятельность.

Осознавая важность прекращения войны, они выдвинули лозунг: «Демократический мир — всему миру». Однако на практике категорически отвергали сепаратный мир, выступали за сохранение «стратегического единства фронта с союзниками», разделяли идеи революционного оборончества. Особенно много внимания эсеры уделяли аграрной проблематике. Они оставались верными своему требованию уничтожения частной собственности на землю, перехода ее в общенародное достояние без выкупа, при уравнительном трудовом пользовании угодьями. Хотя окончательное решение аграрного вопроса откладывалось до Учредительного собрания, это не мешало эсерам активно участвовать в подготовке законопроектов, реализация которых могла заметно продвинуть реформу.

Кроме того, они выступали за государственное регулирование производства и потребления, установление контроля за внешней и внутренней торговлей и финансами. Однако подавляющее большинство эсеровских инициатив правительством было провалено. В то же время лидеры эсеров не стремились к немедленному овладению властью. Когда в августе 1917 г. одна из них, М. А. Спиридонова, предложила установить в стране единовластие партии эсеров как наиболее массовой и влиятельной, ее идея была отвергнута. Руководителям партии явно не хватало политической воли и решительности. Не было у эсеров и должного организационного единства, сплоченности. К осени 1917 г., по утверждению лидера эсеров В. М. Чернова, существовали «не одна, а по меньшей мере три партии». Все это ослабляло партию как инструмент борьбы за политическую власть.

Сразу после Февральской революции партия большевиков существенно уступала меньшевикам и эсерам по численности (24 тыс.) и влиянию: в Советах они составляли очевидное меньшинство. Однако благодаря ряду объективных и субъективных обстоятельств произошел стремительный рост авторитета и массовости именно этой партии. Рубежом в ее истории можно считать возвращение в Россию В. И. Ленина в апреле 1917 г. До его приезда лидеры большевиков одобряли эсеро-меньшевистский курс условной поддержки Временного правительства. Считая Февральскую революцию буржуазной, они предостерегали от «форсирования событий»; в партийной среде сильны были тенденции объединения с меньшевиками на платформе умеренной оппозиции войне.

Приезд Ленина радикально изменил ситуацию. Его речь перед соратниками «О задачах пролетариата в данной революции» (оформленная в виде статьи, она получила известность как «Апрельские тезисы») содержала утверждение, что буржуазный этап революции в

России закончился и необходим переход к следующей ее фазе — социалистической. Основными элементами этого перехода были: прекращение войны и поддержки Временного правительства с передачей всей власти Советам; замена регулярной армии народной милицией; конфискация помещичьей собственности и национализация всей земли, контроль за промышленным производством и распределением со стороны Советов. Ленин коренным образом переосмыслил и роль Советов. Он рассматривал их как рабочее по сути своей правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Из этого вытекала новая партийная стратегия большевиков: борьба за передачу власти от Временного правительства Советам, с одной стороны, и борьба большевиков за преобладание в Советах — с другой.

Первоначально ленинская позиция вызвала смятение соратников и протесты других социалистов. Тем не менее в течение нескольких недель Ленину удалось переломить ситуацию, и на апрельской конференции большевиков основная часть его идей была одобрена. Последующее развитие событий и расстановка политических сил подтвердили основные ленинские прогнозы, что способствовало росту авторитета и влияния вождя большевиков.

К числу их несомненных преимуществ перед другими партиями относились: наличие централизованной, с высоким уровнем дисциплины организации, яркий харизматический лидер, способный чутко улавливать настроения пришедших в движение народных масс, формулировать понятные лозунги, ставить четкие задачи и не боявшийся овладеть властью. Большевики не гнушались будничной, кропотливой работы в созданных революцией объединениях. При ЦК партии было сформировано Бюро фронтовых и тыловых организаций; в Советах действовали большевистские фракции; большое внимание уделялось работе в фабзавкомах и профсоюзах. Большевистские агитаторы старались максимально использовать возможности митингов, манифестаций, стачек и других народных выступлений. Огромное значение придавалось печатной пропаганде. С лета 1917 г. выходила тиражом 90 тыс. экземпляров «Правда», а общий тираж большевистских газет составил 320 тыс. Результаты сказались уже в июне, когда численность большевиков выросла в 10 раз, достигнув 240 тыс. человек.

Изменения в системе государственной власти и политика Временного правительства. Намерения Временного правительства были изложены в декларации от 3 марта и заявлении к народу от 6 марта 1917 г. Программа из восьми пунктов предусматривала «прочное устройство исполнительной власти»; установление демократизации общества путем введения свободы слова, печати, союзов, собраний, стачек; отмена сословных, вероисповедальных и национальных

ограничений; немедленная подготовка к созыву Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненной органам местного самоуправления; выборы в органы местного самоуправления. Проведение этой программы в жизнь явилось бы крупным шагом на пути модернизации российского общества.

Правительство приступило к своей деятельности в условиях нарушения одной из важнейших государственных функций — поддержания общественного порядка, деформации исключительного права государства на применение насилия. «Приказ № 1» Петроградского совета резко снизил управляемость армией. Ликвидация полиции не сопровождалась быстрым созданием эффективной милиции. В то же время без санкции правительства существовали вооруженные формирования, которые находились под влиянием различных политических сил, а порой и вне их. Все это вело к разгулу преступности, поддерживало в обществе атмосферу тревоги и неопределенности.

Временное правительство осуществило важные преобразования в общественно-политической сфере. Отменены были смертная казнь и военно-полевые суды, узаконен разгром народными массами аппарата политической полиции, надзора и сыска, арест царского Совета министров. Упразднялись каторга и ссылка, амнистировались все политзаключенные. Закон от 12 апреля 1917 г. разрешал свободу собраний и союзов.

Произошли изменения в системе управления территориями. Вместо прежних губернаторов — эти должности ликвидировались — назначались комиссары Временного правительства. Их чаще подбирали из числа председателей земских или городских управ, лидеров других общественных организаций. К маю 1917 г. в стране было 57 губернских, 353 уездных комиссаров. Проведена была серьезная реформа местного самоуправления, подготовлены и приняты законы о городском и земском самоуправлении. Закон от 21 мая учреждал земские волостные собрания и управы, ликвидировал устаревший институт земских начальников и крестьянские сословные организации. Впервые на волостном уровне утверждался принцип всеобщих, прямых и равных выборов при тайном голосовании. Расширялась компетенция земских органов, которые распространялись на новые территории страны. В то же время переплетение системы Советов, различных общественных комитетов и земств, непроработанность правовой основы их взаимоотношений мешали созданию эффективной системы управления на местах, а порой и усиливали беспорядок.

13 (26) марта 1917 г. было создано Особое совещание по подготовке выборов в Учредительное собрание. Однако начало работы откладывалось, и его заседания начались только в конце мая. В итоге выборы были назначены на 12 (25), а созыв самого собрания — на

28 ноября (11 декабря) 1917 г. Всем было очевидно, что выборы в этот орган, с которым подавляющее большинство граждан России связывали свои надежды, Временное правительство сознательно затягивало.

Правительство понимало важность аграрных преобразований в России. В марте 1917 г. государственной собственностью стали кабинетские и удельные земли, принадлежавшие царской фамилии. 19 марта (1 апреля) при министре земледелия был образован Главный земельный комитет, а позднее земельные комитеты (губернские, уездные, волостные) появились и на местах. Положением от 21 апреля (4 мая) 1917 г. они создавались лишь для «подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием». Однако и здесь правительство не торопилось: к середине июля земельные комитеты, объявленные органами министерства земледелия, существовали лишь в 1/3 губерний Европейской России. В марте же было издано распоряжение о привлечении крестьян к уголовной ответственности за участие в «аграрных беспорядках», о противозаконности самочинных захватов, возмещении помещикам убытков в случае «народных волнений». Деятельность низовых крестьянских организаций часто входила в противоречие с правительственной линией: комитеты брали под контроль помещичьи имения, а кое-где приступили к их захвату. Крестьяне видели пассивность правительства при подходе к их проблемам, вполне активно действовавшего при пресечении «аграрных беспорядков».

Временное правительство унаследовало от царской власти такую нелегкую проблему, как продовольственная. В марте 1917 г. для ее решения был создан общегосударственный и местные продовольственные комитеты, а 25 марта (7 апреля) введена хлебная монополия и карточная система (установленная норма — 1 фунт хлеба в день). Однако основные держатели хлеба — помещики и состоятельное крестьянство — саботировали эти решения, а правительство не прибегало к жестким мерам. В результате того, что заготовок необходимого количества хлеба не предвиделось, уже в конце августа в Петрограде и Москве хлебный паек был сокращен до 0,5 фунта, и почти 3 из 12 млн (четвертая часть) солдат русской армии не получали необходимого довольствия. В то же время спекуляция должным образом не пресекалась. А когда местные Советы и продовольственные комитеты вынуждены были иногда прибегать к захвату помещичьего хлеба, их действия жестко наказывались. Острую нужду в продуктах испытывали северные и центральные губернии, в районах Средней Азии начался голод.

Правительство приняло некоторые ограниченные меры по рабочему вопросу. Для регулирования взаимоотношений между трудом и

капиталом было создано Министерство труда, организовывались особые «примирительные камеры», в которые входили как рабочие, так и администрация. Правительство объявило начало разработки законов о профсоюзах, о страховании, об охране труда. Формально легализовав законом фабзавкомы, оно на практике ограничило их полномочия, что приводило к конфликтам. Так и не был принят закон о 8-часовом рабочем дне, который, однако, вводился в крупных городах по решению Советов. Не решилось государство пойти и на ограничение экономической свободы предпринимателей, как это сделали многие страны в условиях войны. Особенно преуспела в деле государственного регулирования экономики в 1916—1917 гг. противостоявшая России Германия.

Едва ли не главным вопросом политической жизни России в 1917 г. был вопрос о войне. В подходе к ней у Временного правительства и Советов были существенные различия. Уже 4 марта 1917 г. министр иностранных дел П. Н. Милюков информировал российских послов о намерении новой власти сохранять верность взятым ранее обязательствам и продолжать войну. Десятью днями позже Петросовет опубликовал манифест «К народам всего мира», в котором призвал бороться против империалистических целей войны, а ведущуюся Россией войну против Германии объявлял революционной.

18 апреля (1 мая) Милюков опубликовал адресованную союзникам ноту, в которой от лица правительства подтвердил готовность России вести войну до победы. Этот шаг вызвал неоднозначную реакцию. В Петрограде прошли многотысячные демонстрации. Лишь незначительная часть их участников поддержала ноту. Подавляющее же большинство сторонников Советов резко ее осудило. Рабочие и солдаты несли транспаранты: «Долой войну!», «Долой Временное правительство!», «Долой министров-капиталистов!». Вызванные для усмирения солдаты отказались стрелять в манифестантов. Так возник первый острый политический кризис.

Позиции правительства зашатались. Оно было вынуждено отправить в отставку Милюкова и военного министра А. И. Гучкова — двух наиболее последовательных сторонников продолжения войны. Вопрос о расширении политической базы кабинета стимулировал идею создания коалиционного правительства, в которое наряду с кадетами и их сторонниками вошли бы представители партий, преобладавших в Советах, — меньшевики и эсеры. Это решение и правым (кадетам), и левым далось не без колебаний. Кадеты, вынужденные оглядываться на Советы, считали их обузой, препятствующей проведению разумной политики, стремились либо избавиться от советской опеки, либо ограничить ее влияние на кабинет. Вынужденно пойдя на создание первого коалиционного правительства, кадеты и стоявшие за ними си-

лы видели в этом прежде всего возможность сдержать напор стоящих за Советами партий и движений, сохранить основу проводимого курса.

Доминировавшие в Советах меньшевики и эсеры первоначально не хотели входить в правительство не только в связи с тем, что признавали революцию буржуазной, но и потому, что осознавали свою неподготовленность к практическому управлению страной. Однако угроза падения действующего кабинета заставила их изменить позицию: Исполком Петросовета 44 голосами против 19 одобрил идею вхождения социалистов в правительство. В основе этого решения были стремления контролировать «изнутри» буржуазное правительство, сохранить единство здоровых сил общества и не допустить сползания страны в пучину гражданской войны; желание с помощью этого кабинета преодолеть хозяйственную разруху и обеспечить достойный выход из войны. 5 (18) мая первое коалиционное правительство было создано. Премьером остался князь Львов, в состав кабинета вошли 10 министров-капиталистов и 6 министров-социалистов.

Оппонентами Временного правительства и руководства Советов выступали большевики. Отношение к РСДРП(б) в мае—июне было сложным. С одной стороны, далеко не все принимали ленинский призыв превратить империалистическую войну в «гражданскую войну между враждебными классами». В апрельском лозунге Ленина о переходе революции к социалистическому этапу виделись элементы экстремистского утопизма: в стране, где капитализм еще не избавился от феодальных пут, предлагалось отстранить от власти буржуазию, собственников, которых даже российские социалисты считали наиболее дееспособной частью общества. В 1917 г. была популярной и версия о связях этой партии с германской разведкой. С другой стороны, именно большевики, учитывая настроение нетерпения, обещали радикально и быстро решить волновавшие массы вопросы о мире, земле и хлебе.

На I съезде Советов крестьянских депутатов (май 1917 г.) Ленин обратился с призывом объявить землю общенародной собственностью и немедленно приступить к ее раздаче крестьянам. На I съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (июнь 1917 г.) он заявил о готовности РСДРП(б) «взять власть целиком», не боясь существующих трудностей. Объективно большевистская агитация подогревала недовольство озлобленных войной и лишениями народных масс. Правящая коалиция с раздражением реагировала на критику, считала деятельность партии разжиганием гражданской войны. Но семена большевистской агитации попадали на хорошо подготовленную почву народного недовольства, чему особенно способствовали события на фронте. 18 июня 1917 г. по решению правительства началось первое после свержения царизма наступление на фронте.

Помимо подтверждения верности союзническим обязательствам, этим шагом правительство предполагало ослабить революционное движение и укрепить свои позиции. Однако результат получился прямо противоположный. Начавшееся успешно наступление вскоре захлебнулось, русская армия несла большие потери. В начале июля в контрнаступление перешли уже Германия и ее союзники. Россия вынуждена была оставить на юге Галицию, на севере — Прибалтику. Провал наступления имел далекоидущие политические последствия. Он нанес удар по патриотическим чувствам россиян, подчеркнул бездарность правительства. Это способствовало росту леворадикальных настроений, повышению симпатий к большевикам.

Взрыв недовольства произошел 2 июля 1917 г. Острый кризис (продолжался до 5 июля) имел две составляющие: мощное антивоенное выступление в столице и отставку министров-кадетов. Волнения начались стихийно, но большевики использовали влияние в войсках и на флоте, чтобы объединить недовольных под своими лозунгами. 4 июля присланные в Питер надежные войска силой разогнали 400-тысячную демонстрацию; были и жертвы: более 50 убитых и около 660 раненых. Временное правительство объявило зачинщиками событий большевиков, которых следовало предать суду за «государственную измену». Многие политики считали свершившееся попыткой захвата власти. На РСДРП(б) начались гонения: были закрыты большевистские газеты, многие ее лидеры оказались в тюрьме, а некоторые, в том числе Ленин, ушли в подполье. Все это, однако, не привело к улучшению положения ни в стране, ни в столице, и сохраняющуюся ситуацию Л. Д. Троцкий метко охарактеризовал как «двоевластие».

«Корниловская альтернатива». Следствием июльского кризиса была потеря контроля над основными экономическими, социальными и политическими процессами; развитие стихийного движения масс. Характерной особенностью момента была разнонаправленность действий государственных структур и множества общественных организаций. Все это подводило к мысли, что восстановление порядка обычным, мирным путем уже невозможно. Вопрос состоял лишь в том, какие силы: революционная демократия в лице Советов или правые, пробуржуазные элементы, возглавят этот процесс.

После ухода из правительства кадетов и отставки Львова 8 июля премьером стал А. Ф. Керенский, который 20 июля сформировал новое, второе коалиционное правительство. В него вошли 7 эсеров и меньшевиков, 4 кадета, 2 члена радикально-демократической партии и 2 беспартийных. Кабинет получил статус «Правительства Спасения Революции» и «неограниченные полномочия». Созданием такого кабинета было преодолено существовавшее после Февраля двоевластие:

теперь Советы не противопоставляли себя правительству, а поддерживали его.

Оценку новой политической обстановки большевики дали на VI съезде РСДРП(б), проходившем с 26 июля по 3 августа в полуподпольных условиях в Петрограде. Съезд исходил из ленинских установок о завершении мирного периода революции и необходимости снятия лозунга «Вся власть Советам!», подчеркнув при этом, что речь идет не о Советах вообще, а лишь о данных, так называемых «соглашательских» Советах. В качестве главной была поставлена задача «полной ликвидации контрреволюционной диктатуры и завоевания власти путем вооруженной борьбы».

Ранее уже подчеркивалось принципиально важное положение: в Восточной Европе на протяжении тысячелетия совокупность самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения — гораздо хуже. Следовательно, объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия его создания существенно хуже, чем в Западной Европе. Разумеется, процесс модернизации в XX в. заметно ослабил негативное воздействие природно-климатического фактора. Тем не менее Россия, веками боровшаяся с большей или меньшей интенсивностью за выживание социума, даже в начале XX столетия, несмотря на серию обильных урожаев, не избавлялась от голодных лет. Земельная теснота при отсутствии реальных условий для интенсификации сельского хозяйства не могла быть преодолена путем переключения больших масс крестьянства на промышленный труд.

В 1911—1915 гг. валовый сбор хлебов в России в расчете на десятину составил 50 пудов, что было несомненным достижением. Чистый же сбор на душу населения (с учетом картофеля) за эти же годы составил по империи в целом (93 губернии) всего 23,3 пуда, что едва достигало тогдашнюю норму питания с учетом прокорма скота. И это не считая расходы зерна на переработку и доли, идущей на экспорт, которая составляла от 8 до 12% валового сбора в стране. Подобная ситуация крепко держала почти все население на земле, тормозя развитие городов, промышленности, торговли, транспорта и т.д. Напомним, что в Германии в 1901—1905 гг. средний годовой сбор зерновых достигал 152,9 пуда с десятины, а в 1911—1915 гг. — 157,6 пуда. Столь же великая разница с Россией означала, что в обозримом будущем ведущиеся аграрные преобразования вряд ли могли дать результат, сопоставимый с европейским. Все эти важнейшие обстоятельства, связанные с действием природно-климатического фактора, современниками адекватно не воспринимались, обусловливая хаотичность политической борьбы. И этому способствовал ряд моментов.

Среди них немаловажную роль в судьбе страны играла географическая близость Европейской России к высокоразвитым странам Западной Европы, вековые разнообразнейшие контакты, включенность Рос-

сии в европейскую цивилизацию — все это еще более обостряло болезненность восприятия российским обществом того разительного контраста, который был в уровне развития, с одной стороны, Европы, а с другой — России.

Необходимо также напомнить об огромном влиянии Запада на развитие общественно-политической и философской мысли в России. Вековые архаизм и отсталость, бедственное положение крестьянства, миллионные жертвы от периодических засух, слабая в сравнении с Европой урбанизация и т.п. порождали обостренную восприимчивость русской философской и политической мысли к наиболее радикальным левым идеям, что способствовало постепенному росту влияния в сложной политической борьбе между множеством сравнительно недавно созданных политических партий социал-демократического движения и в конечном счете его наиболее радикальных групп.

Ставя задачу дерзкого разгрома традиционной государственности, которая опиралась на господствующие классы и столетиями создавала несущие конструкции гигантского здания российского общества, радикальные социал-демократы с отчаянной решимостью вели страну к небывалому, а по мнению многих, — утопическому эксперименту, беря тем самым на себя величайшую историческую ответственность.

Однако губительная война, глубокий и острейший кризис общества и власти, приведший к Февралю и усугубившийся после Февраля, упадок экономики, брожение огромных масс голодных и полуголодных людей, неадекватные и нерешительные меры Временных правительств — все это ставило на первый план не стратегические проблемы перспектив развития страны, а важнейшие задачи ближайшей борьбы за власть. Именно в этой борьбе радикалы-большевики проявляли незаурядный прагматизм и тактическое мастерство.

В свою очередь, в мае—июле 1917 г. началась консолидация правых и крайне правых сил, которые группировались вокруг таких организаций, как Республиканский центр, Союз георгиевских кавалеров, Совет Союза казачьих войск, Союз офицеров армии и флота. Эти и подобные структуры поддерживались предпринимательскими кругами. В поисках «крепкой руки» в их среде все чаще привлекала внимание фигура Л. Г. Корнилова — популярного в армии, известного своей решительностью генерала, происходившего к тому же из простых казаков. Понимал необходимость армейской поддержки и Керенский. Многие надеялись, что власть, сочетавшая «красное знамя Керенского» и «крепкую руку Корнилова», сможет покончить с анархией и навести порядок. В конце июля Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим.

Для консолидации «ответственных сил» по инициативе Керенского 12 августа в Москве было созвано Государственное совещание.

Выступая на нем, премьер взывал к единству и примирению, осуждал экстремизм «слева» и «справа». Намного больше симпатий вызвала речь Корнилова, призвавшего в ближайшее время принять решительные меры. Выступавший вслед за ним от имени казачьих войск России генерал А. М. Каледин уже прямо призвал ради спасения страны ликвидировать все революционно-демократические организации. Большевики же рассматривали Совещание как собрание контрреволюционных сил и бойкотировали его. Рабочие забастовки протеста прошли в Москве, Петрограде, Киеве, Нижнем Новгороде и других городах, что свидетельствовало о сохранении глубокого политического раскола в обществе.

После Государственного совещания вопрос о наведении порядка перешел в практическую плоскость. Керенский и Корнилов находились в согласии относительно необходимости использовать армию для подавления «безответственных организаций» и «деструктивных сил». Однако были между ними и определенные расхождения. Керенский, пытаясь выполнять объединяющие функции, предпочитал лавировать между «правыми» и «левыми» (в те месяцы его часто обвиняли в «бонапартизме»). Стоявшие же за Корниловым силы готовы были пойти и на разгон массовых организаций, включая Советы. Препятствием для объединения стали и личные амбиции. Керенский считал, что как легитимный премьер именно он должен возглавить процесс «стабилизации». Военные же полагали, что будущий орган чрезвычайного управления должен возглавить Корнилов. Честолюбивый Керенский не мог согласиться на такой вариант. И буквально за одну ночь почти сложившийся альянс политика и генерала был расстроен.

26 августа Корнилов предъявил Керенскому ультиматум, в котором требовал передать ему «всю военную и гражданскую власть». Одновременно войскам под руководством генерала А. М. Крымова был отдан приказ двигаться на столицу. Актом поддержки Корнилова стал демарш министров-кадетов: в день выступления они объявили о своей отставке, спровоцировав очередной правительственный кризис. В ответ на это Керенский заявил об отставке Верховного главнокомандующего и потребовал себе диктаторских полномочий. 27 августа ВЦИК создал чрезвычайный орган — Комитет народной борьбы с контрреволюцией, в который вошли представители рабочих, солдатских и крестьянских организаций. И Керенский вынужден был пойти на сотрудничество с большевиками, без которых не приходилось рассчитывать на поддержку петроградской Красной гвардии и гарнизона. Раздав оружие рабочим, Комитет смог мобилизовать 60 тыс. человек. Но им не пришлось вступить в бой, так как корниловские войска были идеологически переориентированы агитаторами на подступах к Петрограду и в столицу не попали.

Политические противники Корнилова события конца августа на-

зывали «заговором», контрреволюционным «мятежом». Другие же современники полагали, что, строго говоря, был не «заговор Корнилова», а неудавшийся «сговор Керенского с Корниловым». Тем не менее последствия случившегося были значительны. Были дискредитированы правые, окончательно потерявшие доверие масс. Подрыв авторитета сочувствовавшего Корнилову офицерства наносил удар по дисциплине и вел к развалу армии. Политический урон понесли меньшевики и эсеры, долгое время выступавшие за сотрудничество с правыми. Вырос авторитет большевиков как партии, не «запятнавшей» себя коалицией с буржуазными кругами.

Неудавшееся выступление правых не снимало задачи наведения в России порядка. Однако сделать это могли теперь лишь левые силы, среди которых позиции большевиков становились все более предпочтительными. В этом смысле можно говорить о том, что поражение Корнилова открывало путь к завоеванию власти Лениным.

1 сентября для «восстановления потрясенного государственного порядка» была создана Директория в составе пяти человек: министр-председатель А. Ф. Керенский (эсер), М. И. Терещенко (беспартийный), беспартийные военные А. И. Верховский и Д. Н. Вердеревский, А. М. Никитин (правый меньшевик). В тот же день Россия была официально объявлена республикой. Тогда же на заседании исполкомов Советов было принято решение о роспуске Государственной думы. Итогом совместных заседаний исполкомов стала резолюция о созыве Демократического совещания, призванного решить вопрос о составе правительства в «послекорниловских» условиях. Для этого к его работе, помимо представителей Советов, привлекались делегаты от других демократических организаций — органов местного самоуправления, кооперации, продовольственных организаций, профсоюзов, казаков, национальных партий и т.д.

Совещание начало работу 14 сентября. В центре дискуссии оказался вопрос о том, какие социальные и политические силы должны сформировать новое правительство. На Совещании выявились три точки зрения. Первая исходила из того, что правительство не должно включать в себя представителей цензовых, т.е. буржуазных кругов, а в его состав должны входить лица, ответственные лишь перед революционными и демократическими организациями. Сторонники второй позиции считали нужным призвать для участия в правительстве все цензовые элементы, «готовые осуществлять неотложные задачи революции» и не запятнавшие себя участием в корниловском мятеже. Третья позиция принадлежала большевикам, которые, являясь принципиальными сторонниками передачи власти лишь Советам, в тех конкретных условиях были готовы поддержать первую точку зрения.

Работа Совещания затягивалась. Многочасовые заседания, утомительные дебаты и словопрения, противоречивые позиции партий,

фракций, «большинств» и «меньшинств», не привели к положительному результату. Президиум Совещания большинством голосов (60 — «за», 50 — «против») склонялся к формированию однородного демократического правительства, однако решение по этому поводу так и не было принято. Более того, состав будущего кабинета перепоручалось определить Всероссийскому Демократическому Совету (Предпарламенту), которому не возбранялось привлекать в правительство представителей либеральной буржуазии и торгово-промышленных кругов. Именно такое, третье по счету, коалиционное правительство и было сформировано к 26 сентября. Его вновь возглавил Керенский, а в состав кабинета вошли 6 кадетов, 1 эсер, 3 меньшевика, 2 трудовика, 1 независимый и 2 военных. В результате воссоздалась уже дважды не оправдавшая себя кадетско-социалистическая коалиция, которая затягиванием реформ вызвала недовольство масс и способствовала новому витку радикализации общественных настроений.

Приход к власти большевиков. В то время как основные политические силы были заняты дележом власти, положение в стране продолжало стремительно ухудшаться. Резко осложнилась экономическая ситуация. Упала выплавка чугуна и стали, сократилась добыча угля и нефти, почти в полное расстройство пришел железнодорожный транспорт. Треснул фундамент всей экономики. С марта по октябрь закрылись более 800 предприятий. Росла безработица. Резко повысилась инфляция: за восемь месяцев Временное правительство выпустило бумажных денег больше, чем царское в годы Первой мировой войны. Значительно повысились рыночные цены на продукты питания и предметы первой необходимости. Как и накануне февраля 1917 г., правительство не смогло решить продовольственную проблему. Нормированное снабжение городов вышло на уровень голодного пайка (0,5 фунта хлеба в день), а малые запасы продовольствия (в Питере в середине октября хлеба оставалось на 7—8 дней) делали реальной угрозу настоящего голода.

Стремительный рост разрухи вызвал подъем рабочего движения: в сентябре—октябре в стачках участвовало около 2,4 млн рабочих. На саботаж предпринимателей и локауты рабочие отвечали расширением контроля за производством и распределением, что в свою очередь усиливало конфликтность. Уставшие ждать и утратившие доверие к власти крестьяне в отчаянии стали захватывать помещичьи имения. Крестьянское движение перерастало в восстания: осенью 1917 г. было зарегистрировано более 3,5 тыс. крестьянских выступлений. На Украине, в Прибалтике, Финляндии, Закавказье, Туркестане росли сепаратистские движения. Явочным порядком шло обособление от Центра огромных частей бывшей империи. Фактически начался процесс территориального распада формально единого государства. На

грани разложения была и армия: участились случаи братания с солдатами противника, массовый характер приобрело дезертирство, до предела упала дисциплина. Все это свидетельствовало о недееспособности центральных властей, оказавшихся не в состоянии установить контроль хотя бы за одной сферой общественной жизни.

Результатом провала «корниловского мятежа», недовольства политикой Временного правительства и поддерживавших его советских партий стала начавшаяся с конца августа массовая большевизация Советов. На позиции РСДРП(б) по вопросу о власти перешли Петроградский и Московский Советы. Исполком Петросовета возглавил Л. Д. Троцкий, месяцем раньше избранный членом ЦК большевистской партии. К середине сентября уже 80 местных Советов крупных городов России поддерживали большевиков. Складывалась ситуация, когда наиболее влиятельные местные Советы переходили в оппозицию не только Временному правительству, но и руководству ВЦИК. В этих условиях политическая стабильность во многом зависела от того, какой тактики будет придерживаться большевистское руководство. В его среде в сентябре—октябре обозначились заметные расхождения. Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев склонялись к компромиссу с другими силами «революционной демократии», крайне осторожно подходили к возможным вооруженным выступлениям. Ленин же в начале октября твердо и с огромным напором доказывал не только возможность, но и необходимость восстания для захвата власти. На двух заседаниях ЦК (10 и 16 октября), которые впоследствии справедливо назвали историческими, он смог убедить большинство соратников в своей правоте, и резолюция о восстании была принята. Огромное значение имел сложившийся к тому времени альянс Ленина и Троцкого. Авторитет и воля этих политических деятелей почти не оставляла шансов на успех их конкурентам.

Именно при Петроградском Совете 12 октября был создан Военно-революционный комитет (ВРК), ставший штабом подготовки вооруженного восстания. В комитете доминировали большевики и левые эсеры, которые и направляли работу штаба. В состав бюро ВРК вошли три большевика — Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко, А. Д. Садовский, — и два левых эсера — Г. Н. Сухарьков и П. Е. Лазимир, ставший первым председателем Петроградского ВРК. Формально комитет был создан для противодействия выводу революционных войск из столицы. На деле он направлял своих комиссаров на заводы, вооружал отряды Красной гвардии: к этому времени только в Питере число их бойцов превысило 30 тыс. Красногвардейцы, большевизированные солдаты и матросы приступили к постепенному захвату ключевых объектов города. К утру 25 октября восставшие заняли Центральный телеграф, Главпочтамт и вокзалы. В 10 часов ВРК выступил с обращением «К гражданам России!», в

котором сообщалось о низложении Временного правительства и переходе власти в руки ВРК. К вечеру его сторонники овладели почти всем городом. В ночь с 25 на 26 октября был взят Зимний дворец, а находившиеся в нем министры последнего Временного правительства переправлены в Петропавловскую крепость. Керенского среди них не было: накануне он выехал на фронт в надежде привести в столицу верные правительству войска. Под давлением восставших прекратил свою работу и Предпарламент. Таким образом, к началу работы II Всероссийского съезда Советов вопрос о власти в столице был решен.

Съезд открылся 25 октября в 22 часа 40 минут в здании Смольного института. Из 670 делегатов 338 представляли большевиков, 100 — их союзников левых эсеров. Первым принятым съездом документом, который в сжатом виде объяснял смысл и цель происходящего, было написанное Лениным обращение — «Рабочим, солдатам, крестьянам!». В нем было заявлено: «...опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на свершившееся в Петрограде вооруженное восстание рабочих и гарнизона, Съезд берет власть в свои руки... Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного Собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение». И после этого следовало: «Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов». Документ содержал перечень наиболее острых проблем, волновавших подавляющее большинство населения России, и заявлял о готовности рождающейся власти решить их радикально и без проволочек.

На съезде обсуждался и вопрос о партийной структуре советской власти: будет ли она опираться на все советские партии или ее характер будет определять лишь партия-победительница — большевики со своими союзниками? Делегаты от меньшевиков и эсеров считали необходимым создание коалиционного правительства, включающего все силы революционной демократии. И съезд первоначально одобрил эту позицию. Однако вскоре под давлением Ленина и Троцкого отверг ее. В знак протеста меньшевики и правые эсеры покинули съезд. В результате в избранный новый ВЦИК вошли 62 большевика и 29 левых эсеров, но определенное количество мест было зарезервировано и для «ушедших» советских партий. Правительство же из-за отказа левых эсеров войти в него оказалось чисто большевистским.

Огромное значение имело принятие съездом первых декретов: о мире, где новая власть заявляла о готовности немедленно подписать его без аннексий и контрибуций; о земле, передававшем крестьянам помещичьи имения без всяких предварительных условий. Съезд также сформировал Временное (до созыва Учредительного собрания) рабоче-крестьянское правительство — Совет народных комиссаров (СНК), — которое возглавил Ленин. В составе первого СНК наркомы: А. И. Рыков — по внутренним делам, В. П. Милютин — земледелния, А. Г. Шляпников — труда, В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко — Комитет по военным и морским делам, В. П. Ногин — по делам торговли и промышленности, А. В. Луначарский — народного просвещения, Л. Д. Троцкий — по иностранным делам, Г. И. Оппоков (Ломов) — юстиции, И. А. Теодорович — продовольствия, Н. П. Авилов (Глебов) — почт и телеграфа, И. В. Джугашвили (Сталин) — по делам национальностей. Правительство объявлялось ответственным перед ВЦИК.

Готовность большевиков опираться исключительно на пролетариат и беднейшее крестьянство углубляла раскол и толкала общество на путь гражданской войны. Большинство политических сил России оценили события 25—27 октября как «большевистский переворот» и не признали решения съезда. Сразу же была предпринята попытка подавить этот мятеж вооруженным путем. Керенскому удалось убедить генерала Краснова двинуть на Питер войска, но под Гатчиной они потерпели поражение. Одновременно в Петрограде меньшевики и эсеры совместно с кадетами и монархистами создали «Комитет спасения Родины и Революции», который восстанием в городе должен был поддержать поход Краснова. Однако организованное ими выступление юнкеров без труда было подавлено. 1 ноября Керенский сложил с себя обязанности премьер-министра и Верховного главнокомандующего и, переодевшись в матросскую форму, скрылся. Таким образом, к началу ноября 1917 г. Россия была лишена прежних органов центральной власти и управления, а большевистский Совет народных комиссаров оказался единственным, хотя и признаваемым далеко не всеми правительством. Это обстоятельство создавало большие трудности как при формировании новых органов власти, так и для реализации провозглашенного на II съезде политического курса.

Позднее произошедшие 25—27 октября 1917 г. в Петрограде события в политических документах и в исторической науке стали называть Великой Октябрьской социалистической революцией. Октябрьская революция оказала огромное влияние на судьбу России в XX веке, вызвала мощные тектонические сдвиги за пределами нашей страны. Пафос революции был направлен на создание нового общества — общества социальной справедливости. Это на долгие годы предопределило симпатии к Советской России со стороны эксплуатируемых классов и угнетенных народов во всем мире.

§ 2. ПЕРВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Большевики об условиях построения социализма в России. Политические противники большевиков считали захват ими власти в октябре 1917 г. авантюрой, поскольку в России трудно было найти убедительные предпосылки для перехода к социализму. Но для Ленина и его соратников, как им казалось, здесь не было непреодолимого препятствия. Их уверенность в правоте своих действий основывалась на ясных для них (хотя и небесспорных) представлениях о состоянии мирового капитализма и перспективах социализма в начале XX в.

Во-первых, революция в России мыслилась как часть мировой, которая произойдет одновременно во многих (основных) развитых странах, и пролетариат более передовых государств окажет помощь тем, где капитализм был развит недостаточно. Во-вторых, хотя революция будет мировой, первоначально она произойдет лишь в нескольких или даже одной, отдельно взятой стране. В-третьих, она будет не обязательно в самой развитой стране, но в той, где острее противоречия и больше взрывной потенциал. Такую страну Ленин называл «слабым звеном в цепи империализма», и Российская империя, по его мнению, была именно таковой. В-четвертых, начавшись в России, революция обязательно должна была продолжаться в других странах. В этой связи задача взявшего власть русского пролетариата сделать все возможное, чтобы помочь, подтолкнуть мировую социальную революцию. В-пятых, для того чтобы продержаться до всемирной победы пролетариата, необходимо не только ликвидировать крупную буржуазию и помещиков, но и не дать мелкой буржуазии, а к ней Ленин относил подавляющее большинство крестьян (т.е. российского населения), сорвать то движение к социализму, которое вождь связывал лишь с рабочим классом и беднейшим крестьянством и авангардом пролетариата — РСДРП(б). Таким образом, мировая социальная революция и обуздание мелкобуржуазной крестьянской стихии были двумя главными условиями, которые, по мнению большевиков, делали возможным строительство социализма в такой стране, как Россия, после взятия власти пролетариатом.

В 1917 г. эти расчеты не казались беспочвенными. Мировая война ухудшила социально-экономическое положение во всех европейских странах. Особенно напряженно было в воевавшей на два фронта Германии. Это вызвало невиданный ранее подъем рабочего движения, которое повсеместно выливалось в мощные стачки и забастовки, направленные против войны и ведущих ее правительств. Большевики были уверены, что вслед за Россией в одной из крупных стран Европы вот-вот произойдет взрыв, который вызовет цепную реакцию.

Традиции пролетарской солидарности существовали со времен Первого Интернационала Маркса, и сознательные пролетарии должны были сказать свое слово, поддержать русских товарищей. Осенью 1917 г. большевики были уверены также в том, что революция в Европе — дело ближайшего будущего (недель или, в крайнем случае, месяцев), поэтому задача взявшего власть российского пролетариата — продержаться, пока не восстанут рабочие Запада.

В период, непосредственно предшествовавший приходу к власти, Ленин активно развивал Марксову идею диктатуры пролетариата. В концентрированном виде эти представления российского вождя пролетариата были изложены в одной из самых важных его работ «Государство и революция», написанной в июле—августе 1917 г. Во-первых, между капитализмом и социализмом лежит переходный период, содержание которого — формирование социалистических отношений. Во-вторых, диктатура пролетариата предполагает демократию для рабочего класса, подавление буржуазии и ограничение демократии для мелкой буржуазии — крестьянства. В-третьих, учитывая неизбежное сопротивление свергнутых классов, государство диктатуры пролетариата сознательно широко использует принуждение и насилие для утверждения новых отношений. В-четвертых, особая роль при этом принадлежит авангарду пролетариата, его партии — «железной и закаленной в борьбе».

РСДРП(б) создавалась как партия борьбы, революции, главной задачей которой было свержение самодержавия. Большевики даже в начале 1917 г. не подозревали, что события в России будут развиваться столь стремительно. После прихода к власти в октябре 1917 г. они из партии борьбы превращались в партию государственного управления, которая должна была решать неведомые ей ранее задачи.

Большевики захватили власть, когда Россия находилась в крайне сложных условиях. Прежде всего, страна переживала всеобъемлющий кризис, когда почти все нити управления были оборваны. Кроме того, решать накопившиеся проблемы нужно было радикально и быстро: половинчатые подходы уже доказали свою несостоятельность. Однако для срочного и последовательного решения этих проблем большевики не имели государственных инструментов — в конце 1917 г. далеко не все учреждения и организации были готовы им подчиняться, а большая часть чиновников просто саботировала указания самозваной, с их точки зрения, власти. Поэтому непременным условием реализации декретов было повсеместное утверждение Советов в качестве главных органов власти и управления. Переплетение этих двух процессов неизбежно приводило к противостоянию и острым конфликтам.

Дополнительным фактором раздражения были многие шедшие от Маркса утопические представления об устройстве нового общества.

Творчество классика было посвящено главным образом обоснованию исчерпания капитализмом своих возможностей и неизбежности появления нового общества — социалистического. Контуры же нового строя были прописаны не столь обстоятельно, а крайне лаконичные футуристические зарисовки Маркса его сторонники воспринимали на веру, хотя классики марксизма считали это не свои делом. На долю большевиков выпало стать первой партией социалистов, получившей возможность испытать на практике некоторые марксистские идеи, рассчитанные на развитые страны Европы, хотя делать это в условиях российской реальности было и нелегко, и рискованно.

Начало утверждения советской власти. Октябрь 1917 г. — март 1918 г. Победа восстания в Петрограде положила начало установлению власти Советов в масштабах всей страны. Формы утверждения нового режима зависели от соотношения политических сил, которое имело значительные региональные особенности.

В Москве становление советской власти происходило сложнее, чем в Питере. Руководство московских большевиков занимало более осторожную, чем ЦК партии, позицию: в частности, еще накануне решающих событий в Петрограде оно выступало против вооруженного захвата власти. В Москве Совет рабочих депутатов не был объединен с Советом солдатских депутатов, и если первый находился под влиянием большевиков, то во втором были сильны симпатии в отношении умеренных социалистических партий. Кроме того, Московская дума попыталась объединить силы противников большевистского переворота.

Известие о решающих событиях в Петрограде московские большевики получили в полдень 25 октября и в тот же день создали партийный орган по руководству восстанием — Боевой центр, а затем на объединенном пленуме московских Советов — Военно-революционный комитет. Согласно его приказу № 1 части московского гарнизона должны были исполнять только исходящие от ВРК распоряжения. Одновременно, 25 октября, Московская городская дума избрала Комитет общественной безопасности, которым руководили городской голова эсер В. В. Руднев и командующий войсками Московского военного округа полковник К. И. Рябцев. Комитет выступал с позиции защиты Временного правительства, но мог опираться главным образом на офицеров и юнкеров.

Первоначально обе стороны, стараясь консолидировать своих сторонников, не предпринимали решительных действий. Не был также до конца ясен исход событий в Петрограде: московские большевики лишь следили за переговорами питерских товарищей с другими социалистами о создании однородного социалистического правительства. Сторонники же Комитета общественной безопасности рассчитывали на успех войск Керенского — Краснова. В этих условиях мос-

ковский ВРК и думский Комитет вступили в переговоры о мирном соглашении. Обе стороны надеялись выиграть время и дождаться подкреплений: Рябцев ожидал переброски в Москву надежных войск с фронта, ВРК — поддержки революционных сил. Войска с фронта присланы не были, зато прибыло около 5 тыс. вооруженных сторонников большевиков. Кровопролитные столкновения с применением артиллерии начались вечером 27 октября и завершились 2 ноября: в этот день сдались оборонявшиеся в Кремле юнкера. Всего в московских событиях погибло около 300 человек. Успех большевиков в столицах во многом предопределил победу новой власти в стране.

Судьба советской власти и политическое будущее большевиков после восстания в Петрограде в решающей степени зависели от позиций солдатских масс, в особенности частей, которые находились в непосредственной близости от мест главных событий. И здесь ситуация для большевиков складывалась в целом благоприятно. В войсках Северного и Западного фронтов, на Балтийском флоте их влияние было значительным еще до свержения Временного правительства. К октябрю 1917 г. там существовали крупные партийные ячейки, которые вели активную и успешную агитационно-пропагандистскую работу среди солдат. В итоге бойцы этих фронтов и балтийские матросы активно поддержали большевиков 24—26 октября 1917 г.

В конце октября — начале ноября 1917 г. созданные во всех армиях Северного фронта военно-революционные комитеты взяли армейскую власть в свои руки. Комиссаром фронта СНК назначил большевика Б. П. Позерна. Прошли перевыборы солдатских комитетов, армейские съезды. ВРК Пятой армии взял под контроль штаб армии в Двинске и преградил путь частям, которые выдвинулись на помощь Керенскому и Краснову. На Западном фронте Минский Совет уже 25 октября взял власть. Здесь был создан ВРК Западной области, который сорвал попытку штаба фронта разгромить большевиков и сместил командующего фронтом. Прошедший 20 ноября в Минске съезд представителей Западного фронта избрал нового командующего — большевика А. Ф. Мясникова. Из 100 членов избранного фронтового солдатского комитета 80 были членами РСДРП(б). Победа революции на Северном и Западном фронтах обеспечила условия для ликвидации Ставки Верховного главнокомандования. Новым Верховным главнокомандующим был назначен прапорщик Н. В. Крыленко, который 20 ноября прибыл в Ставку с отрядом революционных рабочих и матросов, возглавив центральный аппарат управления войсками.

Борьба за влияние на солдатские массы на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах имела более сложный и затяжной характер. Лишь в декабре 1917 г. — январе 1918 г. власть СНК была признана на этих фронтах. Привлечением на свою сторону армии

большевики облегчили и ускорили установление и упрочение советской власти в России.

К началу марта 1918 г. власть перешла к Советам на большей части территории страны. Однако ее установление в регионах имело существенные отличия. В Центральном промышленном районе (Иваново-Вознесенск, Кострома, Тверь, Ярославль, Рязань и др.) многие местные Советы овладели властью еще до октябрьского восстания и после него лишь узаконили свое положение. В Царицыне, Самаре, Симбирске и Сызрани власть Советов была установлена мирным путем. Но в некоторых местах использовалась и сила. Так, в Калуге власть была установлена с помощью революционных отрядов из Москвы и Минска. В целом в городах Центрального региона советская власть была установлена к концу декабря 1917 г. В Центрально-Черноземном районе и в Поволжье, где большим влиянием пользовались эсеры, процесс признания советской власти затянулся до конца января 1918 г. Постепенно советская власть распространялась на Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Утверждение советской власти за пределами столиц имело важные особенности. Чаще всего власть переходила первоначально к многопартийным Советам, где сотрудничали представители разных социалистических партий, что не означало установления большевистской диктатуры. Однако постепенно ситуация менялась. Большевистские фракции стали объявлять властью себя; они создавали ревкомы, отстраняли, часто достаточно бесцеремонно, от руководства думы и земства, эсеро-меньшевистское большинство в Советах. Эти действия обосновывались тем, что перегруппировка сил, произошедшая в столице, диктует необходимость выстроить единую систему советской власти. Подобная практика становилась одной из предпосылок гражданской войны.

Что касается сельских и волостных Советов, то они преимущественно оставались у сторонников эсеров. И к весне 1918 г. говорить о «победном триумфе большевизма» применительно к деревне было преждевременно.

Влияние большевиков на северо-западе и в Центральном промышленном районе, поддержка советской власти солдатами Северо-Западного и Западного фронтов, овладение Ставкой Верховного главнокомандования практически лишили противников большевизма возможности организовать серьезное сопротивление в этих частях России. Поэтому недовольные новой властью силы стали стекаться прежде всего на Юг, где формировались основные очаги сопротивления. В первые месяцы наиболее опасными для советской власти были движения казаков на Дону и Южном Урале. В этот период на Юге происходит и формирование Белого движения.

Уже 25 октября 1917 г. генерал А. М. Каледин взял на себя управление в Донской области: ввел военное положение, пригласил в Новочеркасск Временное правительство для организации отпора большевикам, установил контакты с казачьим руководством Оренбурга, Кубани, Астрахани, Терека, вступил в союз с украинскими националистами. Располагая 15-тысячным войском, он сумел захватить Ростов-на-Дону, Таганрог, значительную часть Донбасса. Однако противоречия между различными социальными группами в тылу (казаки, рабочие, «иногородние»), переброска надежных советских формирований к месту противостояния привели к боям и поражению калединцев в конце января 1918 г. Первоначально успех сопутствовал атаману А. И. Дутову, который выступил почти одновременно с Калединым — 27 октября 1917 г. Казакам Дутова удалось захватить Оренбург, Троицк и Верхнеуральск. Но в середине января 1918 г. советские войска (среди которых был переброшенный из Петрограда летучий отряд революционных солдат и балтийских моряков) развернули наступление и освободили Оренбург. Однако борьба с переменным успехом продолжалась и далее, завершившись лишь в конце 1919 г.

В ноябре 1917 г. в Новочеркасске среди бежавших от большевиков оказалось много крупных общественных деятелей и военных — П. Н. Милюков, П. Б. Струве, М. В. Родзянко, Г. Н. Трубецкой, М. М. Федоров, Б. В. Савинков, генералы М. В. Алексеев, А. И. Деникин, А. С. Лукомский, С. Л. Марков. В начале декабря сюда прибыл сохранявший высокую популярность Л. Г. Корнилов. В этой среде вызрела идея создания для борьбы с «германо-большевизмом» Добровольческой армии, в командование которой вступил Корнилов (впоследствии дата 25 декабря 1917 г. стала считаться днем рождения этой армии). Ответственным за внутреннее управление и внешние связи был генерал Алексеев. Материально движение поддерживали деловые круги. К февралю численность Добровольческой армии достигла 4 тыс. человек. И хотя большевистские силы по численности заметно превосходили сторонников «Белого дела», весной 1918 г. ликвидировать очаг антисоветского сопротивления на Юге не удалось.

Приход к власти большевиков отозвался центробежными тенденциями на национальных окраинах бывшей империи. Доминировавшие там буржуазно-националистические партии стремились дистанцироваться от общего хаоса и безвластья в России, переждать его. В то же время у занятых борьбой в российских губерниях большевиков до отдаленных территорий просто не доходили руки. Вопрос существенно осложнялся повсеместным вмешательством иностранных сил (германских, турецких, британских, французских).

Новую политику в отношении нерусских народов сформулировали два документа советской власти — «Декларация прав народов России» и обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», увидевшие свет соответственно 2 и 20 декабря 1917 г. Они провозглашали равенство и право всех народов России на самоопределение, вплоть до отделения и образования независимого государства.

Большевики признали независимость уже фактически отделившейся и находившейся под германской оккупацией Польши. 18 декабря 1917 г. СНК признал и независимость Финляндии. Вскоре, однако, на ее территории началась гражданская война, исход которой весной 1918 г. был предрешен немецким вмешательством. На неоккупированных частях Эстонии и Латвии, а также в Белоруссии советская власть утвердилась в октябре—ноябре 1917 г.

Более сложная ситуация складывалась на Украине. 7 ноября 1917 г. Центральная рада провозгласила образование Украинской Народной Республики, оговорив, однако, намерение «не отделяться от Российской Республики», помочь ей «стать федерацией равных, свободных народов». Первоначально между Петроградом и Киевом складывались терпимые отношения, которые к началу декабря были испорчены. В Киеве претензии на власть стали предъявлять поддерживаемые питерским СНК Советы. В свою очередь Рада чинила препятствия борьбе советского правительства против восстания Каледина. В итоге 4 декабря 1917 г. отношения были разорваны, а 11 декабря в Харькове украинские большевики созвали Всеукраинский съезд Советов, который «принял на себя всю полноту власти на Украине», избрав украинский ЦИК. Большевики приветствовали новую власть как «подлинное правительство Народной Украинской республики». 9 января 1918 г. Рада провозгласила Украину независимым государством, а 26 января советские войска вступили в Киев и свергли Центральную раду. Ее власть была восстановлена через три недели, но сделали это уже германские войска.

В Закавказье реакцией на Октябрьскую революцию было образование в Тифлисе 15 ноября 1917 г. «Закавказского Комиссариата», созданного представителями региона, избранными (12 ноября) в Учредительное собрание, а также деятелями ведущих местных партий. Сформированное правительство выступало от имени всей «закавказской революционной демократии». Впоследствии оно не признало разгон Учредительного собрания, после чего регион стал фактически независимым. Надо отметить, что одним из последствий прекращения войны между Россией и Германией весной 1918 г. стала оккупация Турцией части грузинских территорий. В этих условиях, не надеясь на помощь России, в Тбилиси провозгласили 22 апреля 1918 г. образование независимой Закавказской Федеративной Республики, которая вскоре распалась. К концу мая 1918 г. в Закавказье уже су-

ществовали независимые Грузия, Армения и Азербайджан. Единственной цитаделью советской власти оказалась в результате сложной борьбы под руководством местных большевиков республика, созданная в Баку весной 1918 г., названная Бакинской Коммуной. Просуществовав чуть больше трех месяцев, она пала в конце июля 1918 г. под напором английских и турецких войск.

Значительным своеобразием отличалась ситуация в Туркестане. Еще в сентябре 1917 г. исполком Ташкентского Совета осуществил переворот и сверг власть представителей Временного правительства. Город стал местом пребывания первого советского, хотя и не большевистского, правительства. Однако революционное движение в крае первоначально было ограничено русской колонией, мусульманское население находилось под влиянием местных феодалов. В апреле 1918 г. на краевом съезде Советов была создана Туркестанская Советская Республика в составе РСФСР; Бухарский эмират и Хивинское ханство стали фактически независимыми. В июле 1918 г. в Ашхабаде возникло Закаспийское временное правительство, состоявшее из эсеров, меньшевиков и местных националистов. В итоге огромная территория Туркестана на долгое время выпала из сферы влияния центрального советского правительства.

Формирование высших органов государственной власти. Свержение правительства Керенского и создание большевистского Совнаркома вызвали негативную реакцию у большинства политических сил России. Ведущие лидеры и партии осуждали узурпацию власти большевиками и требовали немедленно изменить сложившееся положение. Более того, в рабочих коллективах Петрограда, Москвы, других промышленных городов от социалистических партий требовали создания единого правительства на советской основе. Профсоюзы выдвинули лозунг формирования «однородного социалистического правительства». Движение возглавил Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников (Викжель). Этот профсоюз был самым мощным (700 тыс. членов) и организованным в стране, в его руководстве доминировали эсеры и меньшевики. Угрожая всеобщей забастовкой на железных дорогах, он 29 октября 1917 г. ультимативно потребовал от большевиков создания коалиционного правительства. Для этого было предложено организовать совместное заседание ЦИК железнодорожников, ВЦИК Советов и делегатов социалистических партий.

Переговоры проходили с оглядкой на действия Краснова — Керенского и события в Москве 26 октября — 2 ноября. 29 октября ЦК РСДРП(б) в отсутствие Ленина и Троцкого признал возможным расширить политическую базу правительства, изменив его состав. Главным условием вступления в коалицию с другими партиями большевики считали признание «платформы Второго съезда», т.е. его

декретов и решений. Для ведения переговоров были делегированы Л. Б. Каменев и Г. Я. Сокольников — сторонники компромиссов, представители умеренного крыла в большевистском руководстве.

Викжель предлагал сформировать правительство из 18 человек, в котором большевикам принадлежало бы 5 портфелей. Каменев согласился на предложение эсеров заменить Ленина на посту председателя Совнаркома В. М. Черновым и на невхождение в правительство Троцкого (этих большевистских лидеров их оппоненты считали главными «виновниками Октября»). Каменев поддержал также предложение пополнить ВЦИК представителями от ЦИК Советов крестьянских депутатов, профсоюзов, Петроградской и Московской городских дум, превратив его во Временный народный совет. Идея формирования однородного социалистического правительства, опирающегося на достаточно широкую социально-политическую базу, едва не стала реальностью. Однако ситуация резко изменилась после подавления выступления Краснова — Керенского и решающих побед в Москве.

1 ноября на заседании ЦК партии Ленин подверг критике «капитулянтскую» линию Каменева, полагая, что «переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий». Однако ЦК партии не поддержал Ленина и десятью голосами против трех высказался за продолжение переговоров, но на более жестких условиях: предоставления не менее половины наркомовских портфелей большевикам и безусловного участия в правительстве Ленина и Троцкого. Эти условия были неприемлемы для других участников викжелевских переговоров, и 4 ноября заседания были прекращены.

Срыв переговоров привел к расколу в руководстве партии и первому кризису новой власти. Пять членов руководства — Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, В. П. Ногин, А. И. Рыков, В. П. Милютин — 4 ноября опубликовали в «Известиях» заявление о выходе из ЦК. В ответ ЦК решил снять Каменева с поста председателя ВЦИК и рекомендовал вместо него более «покладистого» Я. М. Свердлова. Четверо из одиннадцати народных комиссаров (Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович) подали в отставку.

Кадеты изначально занимали антисоветские и антибольшевистские позиции. В Москве они стали создателями одной из первых подпольных организаций. Традиционно кадеты пользовались значительным влиянием на Юге, среди казачества. Не случайно они предпринимали попытки создать на Дону Белую гвардию из офицеров, юнкеров, помещичьей и буржуазной молодежи. Кадетские активисты приняли деятельное участие в сборе средств для организации антибольшевистского сопротивления. Однако 28 ноября Совнарком утвердил написанный Лениным декрет, согласно которому кадеты объявлялись «партией врагов народа», а их лидеры подлежали аресту и су-

ду революционного трибунала. 2 декабря ВЦИК объявил Партию народной свободы вне закона.

В отличие от кадетов, партии меньшевиков и эсеров не имели единой, четко выраженной линии политического поведения ни в отношении свергнутого правительства Керенского, ни в отношении Совнаркома и большевистско-левоэсеровского ВЦИК. Среди меньшевиков были и сторонники соглашения с большевиками «на общей политической платформе», и лица, выступавшие за «полный разрыв с большевизмом не только на словах, но и на деле», а также те, кто считал необходимым сотрудничество с большевиками посредством их склонения к уступкам.

Драматично складывалась ситуация в эсеровской среде. К моменту вооруженного восстания уже фактически существовала, хотя и не была формально конституирована, партия левых эсеров, поддержавшая на II Всероссийском съезде декреты о земле и мире, согласившаяся на вхождение во вновь избранный ВЦИК. За это лидеры левых эсеров были исключены из партии. Окончательное разделение этой самой массовой российской партии произошло на ее IV съезде (конец ноября — начало декабря 1917 г.). Раскол партии вызвал дезорганизацию в ее рядах, сократил возможности политического влияния. Как меньшевики, так и правые эсеры не допускали никакого иного решения, кроме низложения руководимого Лениным правительства и передачи всей полноты власти Учредительному собранию и созданным по его решениям органам.

Большевики использовали раскол в эсеровской среде для расширения и укрепления социально-политической основы захваченной власти. Уже 9 ноября они начали переговоры с левыми эсерами об их вхождении в правительство, но окончательный союз сложился в результате работы Всероссийского (Чрезвычайного) и II Всероссийского съездов Советов крестьянских депутатов (Петроград, ноябрь—декабрь 1917 г.). Из 790 делегатов II съезда было: большевиков — 91, левых эсеров — 350, правых эсеров — 305. Вначале все работали вместе, но по мере нарастания противоречий (на девятый день) съезд раскололся примерно пополам, и «раскольники» заседали раздельно.

Правые эсеры увели за собой депутатов, стоявших на позиции защиты Учредительного собрания и считавших «так называемый «Совет народных комиссаров» незаконным захватчиком власти». Другая часть съезда стояла на платформе II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, что позволило большевикам и левым эсерам заключить важные соглашения, в том числе о вхождении 108 членов нового избранного исполкома съезда в объединенный ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 17 ноября и 13 декабря представители левых эсеров вошли в состав Совнаркома. В его

почти ежедневных заседаниях наркомы — левые эсеры принимали деятельное и конструктивное участие.

Союз большевиков и левых эсеров имел важные политические последствия. Во-первых, социалистические партии разделились на два лагеря: сторонников советской демократии и парламентарной демократии. Во-вторых, усилились позиции Совнаркома и объединенного ВЦИК, получивших возможность выступать от имени большей части трудового населения России. В-третьих, раскол единой партии эсеров и блок левых эсеров с большевиками давали сторонникам Ленина сильнейшие доводы для собственной, широкой интерпретации итогов выборов в Учредительное собрание.

Назначены они были на 12 ноября еще правительством Керенского. Подготовкой занималась Всероссийская комиссия по делам о выборах («Всевыборы»). 27 октября Совнарком на первом же заседании подтвердил, что выборы состоятся в назначенный срок. Однако вскоре настроение ленинцев стало меняться.

12 ноября в 68 округах состоялись выборы депутатов в Учредительное собрание, в которых приняли участие 44,4 млн избирателей. За большевиков проголосовало 24%, за эсеров, меньшевиков и схожие с ними различные национальные партии — 59, за кадетов и стоящие правее их организации — 17%. Из 703 избранных депутатов 229 были эсерами, 168 — большевиками, 39 — левыми эсерами, 17 — кадетами, 16 — меньшевиками.

Итоги выборов с очевидностью свидетельствовали, что большинство граждан высказалось за демократическое будущее России на базе многопартийности при соблюдении принципа социальной справедливости, который в разной форме исповедовали получившие подавляющее большинство голосов социалистические партии. Иначе говоря, социальная база происходящей в России революции была гораздо шире социальной базы РСДРП(б). И это обрекало будущую власть на многие осложнения и конфликты. С точки зрения тактической в ноябре—декабре 1917 г. преобладание меньшевиков и правых эсеров, готовых к союзу с кадетскими депутатами, делало реальной угрозу нового двоевластия.

Впервые идея роспуска еще неизбранного Собрания обсуждалась на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) 8 ноября. И хотя тогда она не была поддержана, участники заседания допускали возможность роспуска в том случае, если «массы ошибутся с избирательными бюллетенями» и новый учредительный орган займет враждебную в отношении советской власти позицию. Знакомство с итогами голосования подтолкнуло большевиков к практическим действиям в этом направлении.

Учитывая это, меньшевики и эсеры в конце ноября 1917 г. организовали Комитет защиты Учредительного собрания, который раз-

вернул активную устную и печатную агитацию в пользу его своевременного созыва. К середине декабря позиции сторон ужесточились. 12 декабря ЦК РСДРП(б) одобрил написанные Лениным «Тезисы об Учредительном собрании», где прямо говорилось, что «единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса» могло стать «безоговорочное заявление» Учредительного собрания о признании им советской власти и принятых ею декретов. Тезисы звучали как ультиматум. Не сидели сложа руки и противники большевиков. Активизировалась Военная комиссия партии эсеров. На предприятиях Петрограда и в частях его гарнизона она агитировала за вооруженное восстание против большевиков, которое собирались приурочить ко дню открытия Учредительного собрания. Эсеровские боевики готовились уничтожить Ленина и Троцкого.

Большевики, назначив открытие Собрания на 5 января 1918 г., тщательно готовились к этой дате. В боевую готовность были приведены части петроградского гарнизона, подступы к Таврическому дворцу и Смольному блокировали заградительные отряды, патрулировались улицы города. Для «охраны» Таврического дворца, где должно было работать Учредительное собрание, был приглашен «надежный отряд матросов» с крейсера «Аврора» и броненосца «Республика». Утром 5 января мирная манифестация в поддержку Учредительного собрания была обстреляна и затем рассеяна; около ста человек были убиты и ранены. Эти акции стали фоном, на котором в 16.00 открылось первое и последнее заседание Учредительного собрания.

Вскоре после начала его работы Я. М. Свердлов зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которую утвердил накануне ВЦИК. По сути, это был ультиматум эсеровскому большинству: Учредительное собрание должно было либо принять советскую власть и одобрить ее декреты, либо вступить с ней в конфликт. Избранный председателем Учредительного собрания лидер эсеров В. М. Чернов отказался обсуждать этот документ в первоочередном порядке, после чего большевики и левые эсеры покинули сначала зал заседаний, а затем и само Собрание. Работа тем не менее продолжалась, и к утру 6 января был принят ряд важных законопроектов. «Основная часть закона о земле» провозглашала отмену частного землевладения; обращение «К правительствам и народам воюющих стран» призывало начать мирные переговоры; Закон «О государственном устройстве России» объявлял ее «демократической федеративной республикой, союзом свободных народов, в пределах федеральной конституции суверенных».

В 4 часа утра в президиуме Собрания появился начальник караула Таврического дворца матрос А. Г. Железняков и заявил: «Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствовавшие покинули зал заседания, потому что караул ус-

тал». Явившихся к 17 часам для продолжения заседания депутатов в здание не пустили. В ночь с 6 на 7 января ВЦИК принял декрет о роспуске столь долгожданного Учредительного собрания. Этот акт почти не вызвал протестов.

Важную роль в становлении государственности нового типа сыграл III Всероссийский съезд Советов, работавший 10—18 января 1918 г. в Петрограде. Большевики стремились придать ему характер подлинно народного парламента, противопоставляя только что разогнанной «Учредилке». Съезд принял решение о слиянии Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов, создав тем самым единую систему советской государственности. Избран новый ВЦИК, в который вошли 306 человек, из них — 160 большевиков, 125 левых эсеров, 7 правых эсеров, 7 максималистов, 3 анархиста-коммуниста, 2 меньшевика-оборонца, 2 меньшевика-интернационалиста. Съезд принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» — конституционный акт, объявлявший Россию Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Утверждена была также резолюция «О федеральных учреждениях Российской Республики», где говорилось, что новое государство строится на основе добровольного союза народов «как федерация советских республик этих народов». Из всех документов исчезло указание на временный характер власти Совнаркома. ВЦИК получил поручение подготовить к следующему съезду проект «основных положений конституции Российской федеративной республики».

Таким образом, к концу января 1918 г. в столицах и центральных районах страны вопрос о власти был решен в пользу Советов. Однако в это время высшие органы советской власти уже формировались при решающем участии и доминировании представителей большевиков. После разгона Учредительного собрания Ленин прямо заявил, что «власть принадлежит нашей партии, опирающейся на доверие широких народных масс». При этом вождь большевиков считал, что «роспуск Учредилки правительством Советов означает ликвидацию идеи демократии в пользу диктатуры». Такая постановка вопроса делала неизбежными острые столкновения между большевиками и их политическим противниками, которые были ослаблены и рассеяны, но не прекратили борьбу за свой путь революции в России.

К концу января 1918 г. можно было подводить *первые итоги строительства* Советского государства. Высшим органом власти в стране стал Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Между съездами его функции выполнял избранный съездом ВЦИК. Им был подотчетен Совнарком — высший орган исполнительной власти, направлявший деятельность наркоматов и других органов управления, создание которых началось 26 октября 1917 г. Руководство хозяйственно-экономической жиз-

нью республики возлагалось на Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Его главной задачей была организация рабочего управления на национализированных предприятиях. Однако кроме того, ВСНХ должен был координировать деятельность всех хозяйственных наркоматов — финансов, земледелия, торговли и промышленности, продовольствия, путей сообщения.

Сделаны были важные шаги в сфере создания новых органов охраны общественного порядка. Первоначально эту функцию выполнял Петроградский ВРК, который после своего упразднения (в начале декабря 1917 г.) передал ее Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) и созданной при СНК Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Вместо упраздненных прежних органов юстиции учреждались выборные народные суды, а для рассмотрения особо опасных преступлений — революционные трибуналы. Их контролировал наркомат юстиции.

Одной из неотложных задач новой власти стала организация обороны республики. Строительством новой армии призван был заниматься Комиссариат по военным делам. Непопулярность войны, развал старой армии, с одной стороны, и необходимость противостоять «контрреволюционным» силам — с другой, предопределили поиск нестандартных подходов. В армии была проведена глубокая демократизация: отменены все воинские звания, введен принцип выборности командиров, солдатские комитеты контролировали штабы и другие военные учреждения. Одновременно началась планомерная демобилизация старой армии. 15 января 1918 г. Ленин подписал Декрет «О рабоче-крестьянской Красной армии», согласно которому первоначально вооруженные силы строились на добровольческих началах.

Руководство социальной сферой осуществляли наркоматы труда, государственного призрения. В числе первых были созданы наркоматы просвещения и по делам национальностей.

В первые месяцы работа преобразованных и вновь созданных государственных структур шла с большим трудом. Приход к власти большевиков правомерно вызвал неприятие большей части чиновничества. Только в Петрограде около 50 тыс. служащих государственных и коммерческих структур прекратили выполнять свои обязанности. Сломить «саботаж» удалось в основном к весне 1918 г. Нехватку служащих компенсировали направлением в советские учреждения рабочих крупных питерских предприятий. В некоторых случаях за их счет комплектовалось до 75% штатов. Большевики поощряли этот процесс, полагая, что самоуправление трудящихся способно заменить погрязший в бюрократизме чиновничий аппарат. Верность революционным идеалам новых советских служащих часто неоправданно противопоставлялась профессионализму старых «буржуазных» специалистов, что имело негативные последствия для управления.

Социально-экономические преобразования первых месяцев советской власти. Преобразования октября 1917 г. — февраля 1918 г. глубоко потрясли многовековые отношения собственности, привели к коренному изменению принципов управления хозяйственной жизнью. На характер происходившего повлияли: инерционность многих разрушительных социально-экономических процессов, начавшихся до прихода к власти большевиков и доставшихся им по наследству; обстановка противостояния советской власти; готовность большевиков радикально изменять существующие отношения и делать это с широким применением методов насилия.

Отношение к революции основной массы российского населения — крестьянства — определялось решением двух коренных вопросов: о войне и земле. Не случайно первые декреты касались именно этих проблем. Декрет о земле провозглашал уничтожение всякой частной собственности: все помещичьи, монастырские, церковные и удельные земли передавались «в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, вплоть до Учредительного собрания». Осуществлять декрет подлежало на основе «Примерного наказа», составленного эсерами на основе обобщения 242 наказов, доставленных депутатами I съезда Советов крестьянских депутатов. «Наказ» выступал как эсеровская программа по аграрному вопросу, которая включала: экспроприацию помещичьих имений, запрет на применение наемного труда, запрещение купли и продажи земли, «уравнительное распределение земли... смотря по местным условиям, по трудовой и потребительской норме», а также периодическое перераспределение, которое должно осуществляться органами местного самоуправления. Установление такого порядка означало бы, по мнению эсеров, победу социализма в российской деревне.

Большевиков сближало с эсерами отрицание помещичьего землевладения, однако социализм в деревне они представляли иначе. Эсеровские сторонники «Наказа» считали, что земля не может быть в чьей-либо собственности, а должна находиться в пользовании тех, кто ее обрабатывает. Ленинцы же полагали, что подлинный социализм наступит тогда, когда земля будет национализирована, т.е. передана в руки государства, а затем на ней будут созданы коллективные, желательно крупные, хозяйства крестьян. Тем не менее именно большевики предложили эсеровскую программу. Это был исключительно важный тактический ход, которым решался ряд важных задач. Во-первых, большевики обретали симпатии крестьянства; во-вторых, смогли внести раскол в среду эсеров и привлечь их левое крыло к сотрудничеству; в-третьих, реализация декрета рассматривалась как первый шаг на пути воплощения собственной программы.

Важный этап аграрных преобразований связан с январем 1918 г. В это время экспроприация помещичьих земель была практически за-

вершена. Однако земельные комитеты, где были сильны позиции эсеров, ждавших решения Учредительного собрания о земле, еще не начали ее перераспределение. В этих условиях III Всероссийский съезд Советов 31 января 1918 г. рассмотрел проект декрета «О социализации земли» (окончательный текст закона опубликован 19 февраля — в годовщину отмены крепостного права). Частная собственность на землю отменялась, а ее распределением поручалось заниматься земельным отделам Советов, которые должны были заменить прежние земельные комитеты. Тем самым влияние эсеров было сокращено, а большевики получили возможность реализации одного из пунктов закона, который предусматривал развитие коллективного хозяйства в земледелии. К весне 1918 г. на территории Центральной России процесс перераспределения завершился. В итоге 86% конфискованной земли роздано крестьянам, 11 перешло к государству, а 3% — сельскохозяйственным коллективам. Так были разрешены первоочередные, лежащие на поверхности вопросы. О проблеме модернизации земледелия никто на этом этапе не думал, хотя создание крупных хозяйств могло стать первым шагом в решении этой проблемы.

Аграрное законодательство первых месяцев содержало и зерна потенциальных конфликтов между большевиками и эсерами. Землю предписывалось делить «по трудовой или потребительской норме»: в первом случае речь шла о распределении по работникам, во втором — по едокам. Большевики чаще поддерживали последнее, но в обоих случаях предпочтение отдавалось бедным и малоземельным. Эсеры же стремились распределять в соответствии с трудовыми возможностями, что благоприятствовало лишь зажиточным крестьянам. Кроме того, эсеры не разделяли большевистских идей о продуктивности крупных государственных хозяйств в деревне и централизованном над ними контроле. Наконец, оставался открытым вопрос о том, какие земли должны были объединяться в общий фонд, предназначенный для последующего распределения.

Из «Наказа» следовало, что он составлялся из крестьянских наделов и конфискованных имений и уже из общей массы земли должны нарезаться новые наделы. Однако отстаивавшие интересы более обеспеченных крестьян эсеры часто выступали за то, что земля, которая уже находится в индивидуальном пользовании крестьян, должна остаться в неприкосновенности, а перераспределять нужно лишь конфискованную помещичью землю. На практике все эти вопросы решали местные органы власти — земельные отделы Советов, и от их состава зависело, чьи партийные установки и насколько твердо они готовы были воплощать. Все эти подспудные противоречия вышли наружу весной—летом 1918 г., когда большевики вынуждены были прибегнуть к радикальным мерам при решении продовольственной проблемы.

Кризис промышленного производства с неспособностью навести порядок в экономике был одной из главных причин падения как самодержавия, так и Временного правительства. Решать эти задачи пришлось Советскому правительству. Предоктябрьские представления большевиков о приоритетах экономической политики были сформулированы в ленинской брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (опубликована в середине октября 1917 г.): национализация банков и крупных торговых и промышленных синдикатов (сахарного, угольного, железного, нефтяного и пр.); отмена коммерческой тайны; принудительное объединение мелких предприятий в союзы с целью облегчения контроля; регулирование потребления. При этом национализация не означала конфискацию предприятий, а предполагала «контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределении продуктов». Важное место в этой схеме отводилось и рабочему контролю, понимание которого в 1917 г. претерпело изменения.

Необходимость регулирования производства (в смысле бесперебойной работы, предотвращения закрытия предприятий) и распределения продуктов (для их систематического поступления, предотвращения голода) в условиях военной экономики была объективно необходима и признавалась ведущими политическими силами. Однако государственное регулирование наладить не удалось: созданные правительством Керенского Экономический совет и Главный экономический комитет не обладали для этого ни властью, ни должной инициативой. В то же время стихийно возникшие по инициативе снизу в марте 1917 г. органы рабочего контроля продемонстрировали свою жизнеспособность. Весной и летом требование рабочего контроля со стороны социалистических партий означало регулирование экономических и социальных отношений с учетом интересов всех социальных групп, что осталось лишь лозунгом. Но численность низовых органов рабочего контроля (фабзавкомов) росла, они все активнее вмешивались в деятельность своих заводов, и осенью 1917 г., подобно стихийному захвату земли крестьянами, стали применять его и к промышленным предприятиям, что вело к конфликтам с предпринимателями.

Октябрьский переворот не только не остановил, а усилил анархосиндикалистские тенденции. Рабочие не просто вмешивались в деятельность предприятий, но проникались убеждением, что отныне промышленный аппарат страны принадлежит им и они могут управлять им в своих интересах. Часто фабзавком от имени рабочих брал власть на предприятии в свои руки. Не обладая, однако, необходимыми экономическими и техническими знаниями, рабочие были не способны поддерживать нормальную деятельность предприятия, используя оказавшиеся в их распоряжении ресурсы на элементарное их «проедание».

14 ноября 1917 г. ВЦИК принял Декрет о рабочем контроле. Он был ориентирован на то, чтобы обуздать анархические тенденции и нормализовать производственные процессы. Именно поэтому в нем указывалось, что рабочий контроль учреждается «в интересах планомерного регулирования народного хозяйства». Декрет содержал идеологически важный пункт об отмене коммерческой тайны, что устраняло одну из важнейших составляющих традиционных рыночных отношений. Первоначально предполагалось создание системы Советов рабочего контроля (в городах, губерниях и т.д.), которая напоминала бы политическую систему Советов и увенчивалась Всероссийским советом рабочего контроля. В измененном виде эта идея была реализована в форме создания 5 декабря 1917 г. Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Новый орган должен был «согласовывать и объединять» деятельность как местных, так и центральных учреждений, которые занимались хозяйственными делами. В него должны были входить члены Всероссийского совета рабочего контроля, представители всех наркоматов, а также эксперты (с правом совещательного голоса). Создавались и местные — городские, губернские — совнархозы.

В числе прочих на ВСНХ возлагалась функция конфискации, запрещения производства и принудительного объединения ряда функций целостных групп предприятий. Продолжена была широкая национализация промышленности. В ноябре 1917 г. — марте 1918 г. на территории 31 губернии у прежних владельцев было изъято 836 промышленных объектов. В то время национализация «производилась независимо от хозяйственных соображений, а исходя исключительно из необходимости непосредственной борьбы с буржуазией». Современники выделяли «карательную» и «стихийную» национализацию. В первом случае речь чаще шла о нежелании хозяев сотрудничать с новой властью и об угрозе закрытия важных предприятий; такие акты чаще принимались центральными властями. Во втором — об инициативе рабочих на местах. В первые месяцы существования советской власти доминировала «стихийная» национализация.

Тогда же были предприняты решительные шаги к изменению отношений в денежно-финансовой сфере, хотя и неизбежно нарушавшие экономический процесс. Первым поручением, полученным председателем ВСНХ, был контроль за захватом Государственного банка. Это произошло 14 декабря 1917 г. В тот же день отряды вооруженных рабочих, матросов и солдат заняли помещения частных коммерческих банков и кредитных учреждений. Изъяты были ключи от кладовых, сейфов индивидуального пользования, наложен арест на банковскую документацию. Чуть ранее (7 декабря) ВЧК получил от СНК поручение взять на учет состоятельных граждан. Указом от 23 декабря 1917 г. прекращались платежи дивидендов по акциям и

паям частных предприятий, сделки с ценными бумагами. Банковское дело объявлялось монополией государства в лице «единого народного банка». При этом делались оговорки о готовности соблюсти интересы «мелких трудящихся собственников».

1 января 1918 г. СНК принял Декрет об аннулировании государственных займов (подтвержден Декретом ВЦИК от 21 января). Проблема решалась резко и безоговорочно: недействительными объявлялись все государственные займы — внутренние и внешние, «заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии». К тому моменту государственный долг составлял гигантскую по тому времени сумму в 50 млрд руб., в том числе 12 млрд — иностранный. Этот шаг Советского правительства не только подорвал позиции российских собственников, но имел и крайне отрицательный международный резонанс. Политику до начала марта 1918 г. называли «красногвардейской атакой на капитал».

Приход к власти большевиков и внешний мир. Международная деятельность большевиков в первые месяцы пребывания у власти направлялась на решение главной, с их точки зрения, задачи — стимулирование мировой революции. Достичь этой цели предполагалось через использование нетрадиционных для дипломатии методов: отказа от тайной дипломатии, отстранения от власти буржуазии и решения вопроса о мире трудящимися массами, интернационального взаимодействия и взаимопомощи трудящихся в установлении мира и совершении революции. В соответствии с этими представлениями подлинно демократический выход из войны был неотделим от революционного преобразования общества. Поэтому внешняя политика понималась не как инструмент отстаивания национально-государственных интересов страны, а как средство осуществления идеи пролетарского интернационализма, который стал главным принципом внешней политики советской власти в первые годы ее существования. Исходя из такого видения международной обстановки, строилась и конкретная деятельность РСДРП(б), Совнаркома и Народного комиссариата иностранных дел (НКИД), который возглавил Л. Д. Троцкий.

Первым внешнеполитическим актом был Декрет о мире. Документ, призванный стимулировать революционные процессы в Европе, произвел сильное впечатление на правящие круги и трудящиеся массы воюющих стран. Он содержал, во-первых, призыв заключить всеобщий демократический мир без аннексий и контрибуций; во-вторых, был обращен как к правительствам, так и к народам, которые должны были стать самостоятельными субъектами борьбы за выход из войны.

Предложение заключить мир без территориальных претензий не могло вызвать поддержку правящих кругов воюющих стран. Это означало бы отказ от целей, которые были причиной войны, а согласие с большевистскими предложениями было бы равнозначно признанию

бессмысленности тягот и жертв 1914—1917 гг. Кроме того, обе воюющие коалиции в конце 1917 г. рассчитывали на успех в 1918 г. Важное место в их планах занимала и Россия. Державам Антанты было жизненно необходимо сохранить ее участие в войне, так как она оттягивала на себя огромные германские силы. Цели истощенной войной на два фронта Германии были противоположными: еще летом 1917 г. она дважды предлагала Временному правительству заключить мир на достаточно почетных для России условиях.

Большевики рассчитывали использовать эти противоречия и взорвать обстановку в воюющих странах. Огромное значение придавалось агитации и пропаганде, обращениям и воззваниям к рабочим и особенно солдатам противостоящих армий. 9 ноября 1917 г. в России и за рубежом было распространено обращение «Радио всем», подписанное Лениным и Крыленко. Фронтовым армейским комитетам предписывалось выбирать «тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем». Обращение встретило широкую поддержку в армии, противостоящие части стали заключать «солдатские миры», и к середине ноября 20 дивизий из 125 заключили перемирие в письменной форме, а большинство остальных договорились о прекращении огня.

Важную роль в стимулировании революции, по представлениям большевиков, должна была сыграть публикация тайных договоров, заключенных «империалистическими» державами. Касаясь преимущественно раздела сфер влияния и территориальных изменений народов «колониальных и зависимых» стран, они осуществлялись тайно, за их спиной. Обнародование этих документов было призвано разоблачить истинные цели войны, вызвать взрыв недовольства среди рабочих Европы и подтолкнуть выступления в колониях. Именно поэтому в числе центральных направлений в работе НКИД было выявление и публикация соглашений, заключенных царским и Временным правительствами с другими великими державами. Всего до конца 1917 г. получили огласку более 100 таких документов. Их появление в прессе сопровождалось широкой агитационной работой, во многом ориентированной на зарубежных читателей.

Однако стремление большевиков посадить за стол переговоров о перемирии представителей всех воюющих держав не увенчалось успехом. Государства Антанты игнорировали неоднократные предложения советского правительства, которое вынуждено было начать сепаратные встречи с державами противоположного Четверного союза. Российскую делегацию на переговорах в Брест-Литовске возглавляли большевики А. А. Иоффе (руководитель делегации), Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников; левые эсеры А. А. Биценко и С. Д. Масловский. Первый тур продолжался с 20 ноября по 1 декабря 1917 г. и закончился подписанием перемирия на срок до 1 января 1918 г. Второй тур

переговоров начался 12 декабря. В основу программы советской делегации легла декларация, которая предусматривала вывод войск с оккупированных территорий, предоставление политической самостоятельности народам, лишившимся ее, отказ от контрибуций, а также право свободно распространять революционную литературу.

Германская сторона не решилась открыто выступить против предоставления народам права на самоопределение, но пошла по пути реализации концепции «косвенной аннексии». Она предусматривала предоставление права на политическое самоопределение народам России, проживавшим на оккупированных немцами территориях. На деле это означало создание новых «свободных», но подконтрольных Германии стран. Фактически от России отторгались 18 губерний. Отказав в праве провоза литературы и листовок в Германию, немцы согласились на ее провоз из России во Францию и Англию.

Третий раунд переговоров начался 27 декабря 1917 г. Советскую делегацию возглавил уже сам нарком Л. Д. Троцкий. В этот день Германия заявила, что, поскольку державы Антанты не присоединились к переговорам, немецкая сторона считает себя свободной от советской формулы мира — без аннексий. Перед Троцким встала исключительно сложная задача: сделать как можно меньше уступок Германии при подготовке мирного договора, используя при этом переговоры для разоблачения германского экспансионизма в глазах мирового общественного мнения. Вторую задачу нарком выполнял успешно. Троцкий, однако, не был готов взять на себя ответственность за решение территориального вопроса и выехал в Петроград для обсуждения создавшегося положения.

К началу января 1918 г. большевики столкнулись с ситуацией, когда развитие событий существенно отличалось от их недавних прогнозов. Накануне прихода к власти большевики даже не обсуждали возможность конструктивного взаимодействия с правительствами буржуазных государств. А через два месяца после Октября российские левые социалисты вынуждены были не только контактировать с одним из самых консервативных режимов Европы, но и не имели сил противиться его требованиям, унизительным и с революционной, и с патриотической точек зрения. Именно поэтому вопрос о возможности мира с Германией в середине января 1918 г. вызвал острейшую полемику и даже раскол как в большевистской партии, так и в Советах.

Ленин полагал, что мирный договор нужно подписать немедленно, дабы не спровоцировать Германию на возобновление военных действий против ставшей фактически недееспособной русской армии. Главное — ценой любых потерь сохранить островок уже существующей пролетарской власти, который можно использовать как будущий плацдарм ее утверждения в других странах. Однако партийное и советское большинство стояло на иных позициях. (Их сторонников ста-

ли называть «левыми коммунистами», главным идеологом которых был Н. И. Бухарин.)

«Левые коммунисты» были искренне убеждены в том, что, невзирая на состояние армии, с Германией нужно вести «революционную войну», которая должна стать детонатором европейской революции. Ставя идею международной пролетарской солидарности выше возможности сохранения власти пролетариата в России, бухаринцы готовы были согласиться на падение советской власти в центре и отойти далеко в глубь российской территории, где, по их мнению, немецкая армия «завязнет». Там, как они полагали, повсеместно стихийно вспыхнет народная война рабочих и крестьян, которую они будут вести за каждую фабрику, каждое село.

Не считал возможным подписать мир с «немцами» и Троцкий, который не причислял себя к «левым коммунистам» и не выступал за ведение революционной войны. Объединяла же их позиции твердая уверенность в том, что германский пролетариат вот-вот поддержит русскую революцию и его нужно немножко «подтолкнуть». Троцкий предлагал «попытаться поставить немецкий рабочий класс и немецкую армию перед испытанием: с одной стороны, рабочая революция, объявляющая войну прекращенной; с другой стороны, гогенцоллернское правительство, приказывающее на эту революцию наступать».

Соотношение трех позиций ярко продемонстрировало совещание партийного руководства 8 января 1918 г., где за предложение Ленина проголосовали 15, Троцкого — 16, а Бухарина — 32 человека. Компромиссное решение достигнуто на заседании ЦК партии 11 января. По настоянию Ленина было решено «всячески затягивать подписание мира», по предложению Троцкого — «в случае немецкого ультиматума объявить войну прекращенной, но мира не подписывать». При этом Троцкий получил от Ленина устную инструкцию подписать мирный договор в случае угрозы Германии возобновить военные действия.

17 января Троцкий вернулся в Брест-Литовск, где 18 января Германия ужесточила свою позицию. Она предъявила российской делегации карту с обозначенной на ней линией, за которую большевики должны были отвести свои войска. Немцы не скрывали, что она «проведена в соответствии с военными соображениями». России предписывалось отказаться от территории площадью в 150 тыс. кв км (примерно треть ее европейской части). Троцкий продолжал «тянуть время», однако 27 января страны Четверного союза подписали в Брест-Литовске сепаратный договор с украинской Центральной радой, власть которой к тому времени была уже фактически свергнута войсками Красной Армии. Германский блок гарантировал Раде помощь против большевиков, а советской делегации в тот же день был предъ-

явлен ультиматум. Под угрозой возобновления военных действий от России потребовали новых территориальных уступок. В этих условиях 28 января Троцкий довел до сведения Германии, что Советская Россия договор о мире подписывать не будет, войну прекращает, а армию демобилизует. В ответ советской делегации было заявлено, что в случае неподписания мира договор о перемирии теряет свою силу и Германия возобновит военные действия. После этого Троцкий отбыл в Петроград, а 29 января Главковерх Н. В. Крыленко сообщил командованию фронтов о прекращении войны, демобилизации и «уводе войск с передовой линии».

Осведомленное о печальном состоянии русских армий немецкое командование отдало приказ о переходе в наступление, которое началось через неделю, 18 февраля. (26 января 1918 г. принято решение о переходе на новый календарь, и февраль в России начался не с первого, а с 14 числа.) Вечером того же дня на экстренном заседании ЦК РСДРП (б) Ленину большинством в два голоса (7 — за, 5 — против, 1 — воздержался) удалось склонить соратников к заключению мира. Об этом Германию известили 19 февраля, но та продолжала наступление, почти беспрепятственно захватывая все новые территории. Только 22 февраля немцы согласились на мир, предъявив еще более жесткий ультиматум, ответить на который предстояло в течение 48 часов. В Петрограде же продолжалась борьба между сторонниками и противниками этого мира. О неприятии условий договора заявило большинство членов ВЦИК, «левые коммунисты» вновь выступили против, а Бухарин вышел из состава ЦК и оставил пост редактора «Правды». Возник острейший политический кризис. Только пригрозив выйти из состава правительства, Ленин 23 февраля склонил членов ЦК принять германский ультиматум (7 — за, 4 воздержались). В Брест-Литовск выехала делегация в составе Г. Я. Сокольникова (председатель), Г. В. Чичерина, Г. И. Петровского, Л. М. Карахана. 3 марта от лица советского правительства они подписали продиктованный немцами документ.

Страсти, однако, по-прежнему бурлили, и специально для обсуждения подписанного мирного договора был созван VII Экстренный съезд РСДРП(б) (6—8 марта 1918 г.) Ленину вновь с трудом удалось убедить делегатов принять нужную резолюцию, однако «левые коммунисты» голосовали против, будучи уверенными, что ущерб, наносимый договором международной революции и экономике самой России, несравним с пользой от мирной передышки. Окончательно Брестский мир ратифицировал 15 марта IV (Чрезвычайный) Всероссийский съезд Советов.

Ленин называл этот мир «похабным». Согласно его условиям, от России отторгались Прибалтика и часть Белоруссии. На Кавказе к Турции отходила часть грузинских земель. Россия признавала неза-

висимость Финляндии и Украины. На этих территориях до войны проживала треть населения страны, производилась примерно половина промышленной продукции. Здесь располагалась треть пахотных земель, девять десятых запасов угля, более двух третей железной руды. Советское правительство должно было демобилизовать армию, страна практически лишились права использовать военно-морской флот, обязывалась вернуть 630 тыс. военнопленных. Согласно дополнению к Брестскому договору (подписано 27 августа 1918 г. в Берлине) советское правительство обязалось выплатить Германии контрибуцию в 6 млрд марок (предполагалось передать 245 т золота, но выплачено было меньше. О точной цифре историки спорят: пишут о 83,5; 94 и 101 т). Договор имел огромные внутренние и международные последствия.

Мирная передышка весны 1918 г. В экономике она ознаменовалась переходом от «красногвардейской атаки на капитал» к национализации крупной промышленности. Заключение Брест-Литовского договора и обретение мирной передышки выявили в полной мере разруху и хаос, характеризовавшие состояние российской экономики весной 1918 г. На дооктябрьские трудности управления наложились последствия стихийной национализации, введения рабочего контроля, национализации банковского дела. Следствиями нарушения сложившихся связей стали массовое закрытие крупных предприятий, усиление безработицы, которая в соединении с продовольственным кризисом создавала взрывоопасную ситуацию. В этих условиях главными задачами правительства становятся наведение порядка в экономике, восстановление бесперебойной работы промышленности и обеспечение населения продовольствием. Добиться этого предполагалось через установление максимального контроля за производством и распределением продуктов. Как отмечал Ленин, в течение первого периода лозунг «Грабь награбленное!» был совершенно правильным, во втором — девиз должен быть другим: «Награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай!».

В этой связи властью ставилась задача доведения до конца национализации промышленности. В отличие от предшествующего периода теперь она должна была носить не карательный, а планомерный характер, переводу в собственность государства подлежали лишь подготовленные для этого отрасли. Такая национализация преследовала цель повышения производительности труда. Однако о том, как этого добиться, в руководстве РКП(б) не было единства. Между «левыми коммунистами» и сторонниками более умеренных взглядов разгорелись споры о взаимоотношениях революционного правительства с лидерами (собственниками и управленцами) капиталистической промышленности. «Левые» выступали за общую «социализацию» круп-

ной промышленности и осуждали соглашения с «капитанами промышленности», поскольку возникающие при этом объединения (тресты, синдикаты) вели не к социализму, а к государственному капитализму. Они полагали, что органов «рабочего контроля» будет вполне достаточно для нормализации экономической жизни. Напротив, Ленин приходит к выводу о возможности и желательности в условиях России использовать госкапитализм как переходную ступень к социализму. (Под государственным капитализмом он понимал высококонцентрированную и монополизированную экономику, фактическое управление которой осуществляется капиталистами; при этом номинально сохранялась частная собственность, строгий контроль над которой осуществляет пролетарское государство.)

Начало национализации целых отраслей было положено еще в период «красногвардейской атаки на капитал». 23 января 1918 г. Декретом СНК в госсобственность перешел морской и речной торговый флот, затем были национализированы крупнейшие частные железные дороги. В апреле введена монополия внешней торговли. 2 мая декретом СНК национализирована сахарная промышленность. На I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в июне 1918 г. было решено «перейти к национализации отраслей промышленности и в одну из первых очередей — металлообрабатывающей и машиностроительной, химической, нефтяной и текстильной. Проведение национализации должно быть лишено случайного характера и может проводиться исключительно или ВСНХ или СНК по заключению ВСНХ».

Однако вскоре перевод в госсобственность отраслей экономики происходит уже под влиянием преимущественно неэкономических факторов. В июне 1918 г. идет стремительная эскалация Гражданской войны, потребовавшая ужесточения контроля за производством и ресурсами. Кроме того, в это время германские компании начали в широких масштабах скупать акции российской тяжелой промышленности, что потенциально могло вызвать германское вмешательство против национализации. С учетом всех этих обстоятельств СНК 28 июня 1918 г. поспешил издать декрет о национализации всех важных отраслей промышленности.

Ухудшение продовольственного снабжения и введение продовольственной диктатуры. Огромное влияние на социально-политическое развитие страны оказывало состояние продовольственного обеспечения городского населения. В основе продовольственного кризиса зимы—весны 1918 г. были связанные с общими последствиями четырехлетней мировой войны причины и результаты проводимой после Октября 1917 г. политики.

Перестройка промышленности на выпуск военных заказов привела к сокращению производства гражданской продукции (в том числе товаров для деревни) и, как следствие, к их подорожанию. В свою

очередь крестьянство уменьшило поставки продовольствия на рынок, что обострило проблему снабжения городов. Нормальный товарооборот между городом и деревней нарушился, и требовались государственно-административные рычаги для его поддержания на элементарно необходимом уровне. В аналогичных условиях в Германии еще 25 января 1915 г. был принят закон о хлебной монополии. Государство контролировало производство, обмен, устанавливало твердые цены, отбирало весь продукт. Нормировалось не только распределение промышленного сырья, но и потребление людей (через систему карточек и пайков). Вводилась трудовая повинность, свободная торговля большинством товаров была свернута. И хотя уровень потребления продуктов питания в сравнении с довоенным временем снизился в 2—3 раза, население практически не испытывало перебоев в снабжении. В России же всегда была принципиально иная ситуация: в стране большей частью был лишь минимум зернового фонда, — в два-три раза ниже, чем в той же Германии. Кроме того, в России и в организационном плане ничего не было сделано, и продовольственные трудности сыграли свою роль как при падении самодержавия, так и при отторжении политики Временного правительства осенью 1917 г.

Приход к власти большевиков и последовавшая «красногвардейская атака на капитал» еще более сократили возможности нормализации товарообмена с деревней. Ситуацию усугубили усложненные с конца 1917 г. связи с производящей зерно Украиной, которая после заключения Брестского мира оказалась в зоне германского влияния. Все это привело к тому, что в конце 1917 — первой половине 1918 г. централизованные заготовки зерна постоянно сокращались: в ноябре этот показатель составил 641 тыс. т, в декабре — 136, в январе 1918 г. — 46, в апреле — 38, а в июне — только 2 тыс. т. В некоторых промышленных центрах положение было тяжелым уже зимой 1917/18 г.

Первоначально нехватку продовольствия связывали с саботажем торговцев и лавочников. Для поиска спрятанного зерна формировали специальные отряды. Но их рейды, обыски у «спекулянтов» и стихийные «реквизиции у буржуев» не могли решить проблему. А имевшие зерно крестьяне не хотели везти его в города и сдавать по твердым ценам, которые не шли ни в какое сравнение со свободными. Однако те социальные группы, на которые опирались большевики, были не в состоянии покупать продовольствие по этим ценам. Вот почему задача изъятия продовольствия внеэкономическими средствами встала перед правительством уже в январе 1918 г.

31 января 1918 г. СНК назначил освободившегося от переговоров в Брест-Литовске Троцкого председателем Чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту. Комиссия ввела строгие меры борьбы со спекуляцией, установила расстрел «мешочников» на месте

в случае их сопротивления, организовала формирование вооруженных отрядов для реквизиции продовольствия. Для огромной массы крестьян это было началом трагедии.

В марте 1918 г. была предпринята попытка извлечения из деревни продовольствия путем налаживания товарообмена. В условиях разрыва традиционных хозяйственных связей и обесценивания денег крестьянин мог пойти на сдачу хлеба непосредственно в обмен на промышленные товары. СНК принял 26 марта соответствующий декрет. Однако вскоре стало очевидно, что и товарообмен провалился. Во-первых, для этого не оказалось достаточного фонда товаров, способных заинтересовать крестьянина. Во-вторых, практически отсутствовал местный аппарат для его осуществления: прежние органы местного самоуправления (земские, думские и т.п.) к тому времени были почти везде ликвидированы, а у Советов своих распределительных механизмов еще не было. И, в-третьих, сказалась классовая нацеленность этого, казалось бы, экономического мероприятия: имеющиеся товары подлежали распределению среди всех крестьян (волости, района), а не только тех, кто сдал продукты.

К началу мая 1918 г. проблема продовольственного снабжения выходит на первый план в крупных промышленных центрах так называемых потребляющих губерниях Северо-Запада, Центрально-промышленного района и Урала. Даже в Петрограде и Москве запасов муки порой оставалось на два-три дня. В этих условиях начинается новый этап политики большевиков в отношении деревни, связанный с введением продовольственной диктатуры. 9 мая 1918 г. ВЦИК одобрил Декрет «О предоставлении Народному Комиссариату Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». В нем констатировалось, что период убеждения и уговоров держателей хлеба закончился, а ситуация диктует необходимость перехода к насильственному изъятию продовольствия: «На насилие владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией».

Несколько дней спустя Ленин призывает рабочих «спасти революцию» организацией «продовольственных отрядов», говорит о важности массового «крестового похода» передовых рабочих, способных выступить руководителями деревенской бедноты. 20 мая 1918 г. глава государства Я. М. Свердлов развил эти идеи: «Мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о расслоении в деревне, о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоев кулацким элементам. Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая недавно шла в городах... только в том случае мы сможем сказать, что

мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов».

В декрете от 27 мая 1918 г. предусматривалось создание продовольственных отрядов и конкретизировались их задачи. Они должны были содействовать изъятию продовольственных запасов и организовать трудовое крестьянство против кулаков. С этой целью декретом от 11 июня 1918 г. предусматривалось создание комитетов деревенской бедноты (комбедов). Их формировали местные Советы при участии продотрядов. В состав комбедов могло быть избрано сельское население, за исключением «заведомых кулаков и богатеев, хозяев, имеющих излишки хлеба или других продовольственных продуктов, имеющих торгово-промышленные заведения, пользующихся батрацким или наемным трудом и т.п.». За содействие изъятию излишков участники комбедов часть конфискованной продукции вначале получали бесплатно, а затем — по льготным ценам.

Государственно-политическое развитие России. Принятие первой Советской Конституции. Весной 1918 г. произошли заметные изменения в государственно-политическом развитии страны. Заключение Брестского мира изменило отношения большевиков с их партнерами по правительственной коалиции — левыми эсерами. Первоначально они поддерживали переговоры с Германией, но оказались не готовы к заключению сепаратного мира. На IV (Чрезвычайном) Всероссийском съезде Советов левоэсеровская фракция голосовала против ратификации мира и отозвала своих наркомов из правительства. При этом было заявлено, что партия обещает Совнаркому «свое содействие и поддержку». Разрыв, однако, был неполный: левые эсеры остались во ВЦИК, входили в коллегии наркоматов, работали в других учреждениях. Левые эсеры составляли треть коллегии ВЧК и такую же часть ее отрядов. Колебания партии в полной мере проявились на ее съезде, созванном 17 апреля 1918 г. в Москве. К числу противоречий с большевиками были отнесены вопросы о мире, социализации земли, об узурпации правительством прав ВЦИК, функции которого были сведены к формальному утверждению декретов. Делегаты не поддерживали большевистские идеи демократического централизма, требовали большей свободы творчества на местах. Специально подчеркивалось, что Советы должны быть проводниками «диктатуры пролетариата и трудового крестьянства», которое называлось «самым сильным отрядом восставшей армии трудящихся России». Не ставя под сомнение власть Советов, участники съезда выступали против ее использования как орудия только большевистской политики.

Противоречия левых эсеров и большевиков резко обострились в мае—июне 1918 г. после принятия декретов о продовольственной диктатуре и комбедах. Левые эсеры были против диктатуры в продо-

вольственном деле, а идее его централизации Наркомпродом противопоставляли децентрализацию, предлагая передать осуществление продовольственной политики местным Советам. Эсеры были против развязывания гражданской войны в деревне. Лидеров партии настораживало, что в официальных документах фигурировали не только «кулаки» и «деревенская буржуазия», но и «держатели хлеба». Они не без оснований опасались, что декреты ударят не только по кулаку, но и по среднему, мелкому крестьянству: документ обязывал каждого «владельца хлеба» сдать его, а «всех имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты» объявлял «врагами народа». Левые эсеры негативно отнеслись и к созданию комбедов, называя их «комитетами лодырей».

Откровенно негативным к правлению большевиков было отношение правых эсеров и меньшевиков. Они считали необходимым восстановить в правах Учредительное собрание, осуждали подписание Брест-Литовского мирного договора, выступали против проводившейся большевиками экономической политики. Оставаясь до лета 1918 г. легальными оппозиционерами, эти партии использовали социально-экономические трудности и ошибки новой власти для укрепления своих позиций.

Обобщающим показателем снижения популярности большевиков после нескольких месяцев пребывания у власти были итоги перевыборов Советов в апреле—мае 1918 г. Во многих местных Советах в крупных городах меньшевики и эсеры одержали победу. Они превзошли большевиков в Костроме, Рязани, Твери, Ярославле, Туле, Орле, Воронеже, Тамбове, Вологде и других городах. Однако ленинцы не признали своего поражения, и в большинстве случаев новоизбранные Советы были разогнаны.

Учитывая нарастание осложнений в отношениях со своими социалистическими противниками, большевики перешли в наступление. 14 июня 1918 г. голосами большевистской фракции (левые эсеры воздержались) из ВЦИК были исключены меньшевики и эсеры, что было фактическим переворотом, ибо сделать это имел право только съезд. Вслед за ними была решена участь и партии левых эсеров, которая к лету 1918 г. оставалась самой массовой (в ее состав входило не менее 300 тыс. человек). Руководство левых эсеров попыталось добиться перемен большевистской политики на V Всероссийском съезде Советов (работал 4—10 июля 1918 г. в Москве). Однако левым эсерам, располагавшими на съезде 30% голосов делегатов, сделать этого не удалось. Тогда они прибегли к популярной в их партии форме давления — политическому террору. Эту позицию поддержал ЦК партии.

6 июля левый эсер Я. Г. Блюмкин застрелил германского посла Мирбаха. Эта акция не была антисоветским мятежом. «Единствен-

ная цель июльского восстания, — вспоминал впоследствии один из его участников, — сорвать контрреволюционный Брестский мир и выхватить из рук большевиков партийную диктатуру, заменив ее подлинной советской властью». Однако выступление было плохо подготовлено организационно и не имело четкого плана. Лишь вечером 6 июля, задним числом, левоэсеровский ЦК одобрил шаг Блюмкина. Сам он после теракта укрылся в отряде ВЧК, которым командовал левый эсер Д. И. Попов. Явившийся туда с требованием выдать виновников Дзержинский был задержан, а вслед за ним изолированы еще около 30 коммунистов. Во многие города были разосланы телеграммы с призывом к восстанию против германского империализма.

Произошедшее большевики использовали как повод для разгрома оппозиции. Изолирована была фракция левых эсеров на V Всероссийском съезде Советов, а ее лидер М. А. Спиридонова стала заложницей. В ночь на 7 июля 4 тыс. верных большевикам латышских стрелков привели к повиновению отряд Попова, который насчитывал 600 человек. 12 участников выступления во главе с заместителем Дзержинского В. А. Александровичем были расстреляны. Эхом московских событий стало выступление в Симбирске командующего Восточным фронтом левого эсера М. А. Муравьева, которое также было подавлено.

После 6 июля большевики не позволили фракции левых эсеров участвовать в работе V съезда Советов. В партии начался раскол, охвативший как руководящие органы, так и низовые организации. Одни партийцы поддержали свой ЦК, другие перешли на сторону большевиков, третьи объявили о своей независимости. В считаные дни одна из самых массовых российских партий превратилась в конгломерат разрозненных групп и де-факто прекратила существование как единая организация. Развернулась чистка местных Советов от нелояльных левых эсеров, что свело их влияние практически к нулю. Таким образом завершилось существование советской власти на двухпартийной основе, а Советы фактически превращались в органы однопартийной большевистской диктатуры.

Одновременно с решением сложных экономических и политических задач шла работа по конституционному закреплению произошедших после Октября 1917 г. перемен. 1 апреля 1918 г. ВЦИК создал комиссию по составлению проекта Конституции. Возглавил ее Я. М. Свердлов, а в состав вошли представители фракций большевиков, левых эсеров и группы максималистов. К концу июня проект был готов и поступил в специальную комиссию ЦК РКП(б), которая работала под руководством В. И. Ленина. После доработки и утверждения Комиссией текст Конституции был единогласно принят 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов.

Первая Конституция РСФСР носила открыто классовый характер. В ней провозглашался принцип: «Не трудящийся, да не ест»; цель государства определялась как «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы... установление социалистической организации общества». Право защищать революцию с оружием в руках предоставлялось только трудящимся. Конституция определяла устройство государства диктатуры пролетариата, утверждала экономические основы нового строя (общественная собственность на средства производства), закрепляла федеративное устройство России. Согласно документу вся законодательная, исполнительная власть принадлежала Советам, а принцип разделения властей отвергался как буржуазный. Высшим органом государственной власти утверждался Всероссийский съезд Советов, высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом между съездами — ВЦИК, который формировал правительство Республики — СНК. Органами советской власти на местах были областные, губернские, уездные, волостные съезды Советов, городские и сельские Советы, их исполкомы. Провозглашалось строительство государственной власти на основе демократического централизма.

Основной закон РСФСР призван был обеспечить руководящую роль рабочего класса в государстве диктатуры пролетариата. С этой целью рабочие получали значительные преимущества в сравнении с крестьянами, представлявшими большую часть населения. На съезде Советов РСФСР рабочих представлял один человек от 25 тыс., а крестьян — один от 125 тыс. избирателей. Выборы проводились открытым голосованием, что увеличивало возможности «контроля» за ними. Кроме того, часть взрослого населения лишалась избирательных прав: к «лишенцам» относились бывшие помещики, буржуазия, чиновники старого режима, жандармы, духовенство и кулачество.

Конституция принималась в условиях, когда многопартийные ранее Советы стали однопартийно-большевистскими. Поэтому она фактически узаконила государственную власть РКП(б), хотя официально об этом не говорилось.

Несмотря на заключение Брестского мира, внешнеполитическое положение Советской России оставалось шатким и неопределенным. Практически по всему периметру Республики возникли очаги напряжения, которое в марте—мае 1918 г. становилось все более ощутимым. В Прибалтике и Белоруссии существовали марионеточные прогерманские правительства. Сами державы Четверного союза с упоением «осваивали» Украину, оккупируя все новые ее области. Не считаясь с условиями заключенного мира, германская армия заняла ряд российских территорий на юге. На Дону вокруг пятитысячной Добровольческой армии концентрировались убежденные противники

большевизма. Вместе с ними против советской власти поднималось местное казачество.

В районе Оренбурга большой свободой пользовался атаман А. И. Дутов. На севере, в Закавказье, в Средней Азии и на Дальнем Востоке появились пока еще незначительные воинские контингенты Англии, Франции, США и Японии, вокруг которых группировались антибольшевистские силы. «Миной замедленного действия» оказался чехословацкий корпус, части которого были растянуты от Поволжья до Дальнего Востока. В результате конфликта с советским правительством «чехословаки» подняли 25 мая 1918 г. антибольшевистский мятеж и захватили важные узлы на Сибирской железной дороге. Посол Франции в России Нуланс заявил, что союзники решили начать интервенцию и «рассматривают чешскую армию в качестве авангарда союзной армии». Чехословацкий мятеж стал катализатором вооруженных восстаний против большевиков на обширной территории в Поволжье и Сибири. Военный вопрос выходил на главное место в жизни Советской Республики, начиналась крупномасштабная Гражданская война.

§ 3. АПОГЕЙ ВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Гражданская война в России и ее особенности. Революция и Гражданская война в России теснейшим образом связаны друг с другом. По сути, Гражданская война началась в конце февраля — начале марта 1917 г. (расстрел революционных рабочих и солдат, свержение самодержавия) и завершилась в ноябре 1922 г. (ликвидация очагов сопротивления Белого движения на Дальнем Востоке и окончательное утверждение советской власти).

Известный русский социолог П. А. Сорокин справедливо обращал внимание на то, что революция означает разлив бурной, не поддающейся управлению стихии. Однако рано или поздно любая революция вступает в фазу обуздания хаоса, которая неизбежно сопряжена с применением насилия. Его масштабы определяются как остротой накопившихся к этому времени противоречий, так и действиями тех общественных сил, которые взяли на себя ответственность за стабилизацию положения. В российской истории на роль такой силы выдвинулись большевики. Поэтому особенности Гражданской войны во многом связаны с их представлениями о формах преодоления российской смуты и путях дальнейшей эволюции общества.

В процессе вооруженного противостояния выявились три основные социально-политические силы, участвовавшие в Гражданской войне. Первая — большевики, которые опирались на большинство рабочего класса и беднейшего крестьянства. Вторую составили представи-

тели свергнутых классов и примыкающих к ним социальных групп (помещики, буржуазия, офицеры, большая часть казачества, часть чиновников, интеллигенции). В третью группу входила самая многочисленная часть населения, которую большевики называли «мелкой буржуазией», — среднее крестьянство, мелкие торговцы, ремесленники. И если первые две силы занимали непримиримые позиции, то большинство крестьян проявляли значительные колебания и в зависимости от обстановки склонялись на сторону то белых, то красных, пытаясь защититься от тех и других.

Гражданская война — сложное, многоплановое явление. Оно включает противостояние в таких сферах, как военно-организационная, социально-экономическая, идейно-политическая, культурная, внешнеполитическая, каждая из которых оказывает огромное влияние на конечный исход борьбы. Формы гражданской войны также разнообразны. Это и военные операции регулярных армий, и вооруженные столкновения отдельных отрядов; действия подполья, восстания и мятежи; политический бандитизм, партизанская борьба, саботаж, диверсионно-террористические операции.

Важной особенностью Гражданской войны в России было ее тесное переплетение с интервенцией государств Антанты. Зарубежная помощь была одним из главных источников снабжения белых армий оружием, боеприпасами, прочим снаряжением, что вело к затягиванию военного противостояния. В то же время, всячески способствуя борьбе против большевизма, бывшие союзники России решали на ее территории свои задачи. Во-первых, они были заинтересованы в том, чтобы «пожар революции» не перекинулся на их страны. Во-вторых, экспроприация иностранной собственности и отказ советской власти выплачивать внешние долги вызвали понятное желание отстоять собственные имущественные права. Наконец, ослабление России и фактическое отпадение от нее ряда крупных регионов европейские государства, США и Япония стремились использовать для своего экономического утверждения на этих территориях.

Превращение Советской республики в единый военный лагерь. Военное давление на Советскую Россию уже весной 1918 г. поставило задачу создания многочисленной боеспособной Красной армии. До середины января 1918 г. главным образом решалась задача демократизации старой армии. 15 января 1918 г. был подписан декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) на добровольческих началах. 29 мая было принято решение об обязательной мобилизации рабочих и крестьян ряда призывных возрастов, а 10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов законодательно закрепил переход к комплектованию армии и флота на основе всеобщей воинской повинности.

При создании Красной армии новой власти пришлось преодолеть ряд трудностей. Весной 1918 г. войска не имели единых штатов, формы одежды, однотипного вооружения. Управление воинскими частями осуществлялось выборными командирами и коллегиальными органами. Уровень дисциплины и боевой подготовки красноармейцев и комсостава был невысок. Сохранялись подозрительность власти в отношении офицерского корпуса и враждебность многих офицеров к большевикам.

Переход к всеобщей воинской обязанности позволил резко увеличить численность Красной армии: осенью 1918 г. она превышала полмиллиона, а к концу года — один миллион бойцов. Предпринимались жесткие меры по восстановлению дисциплины. С именем наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого связывают широкое и сознательное применение к нарушителям воинской дисциплины беспрецедентных репрессий. Помимо восстановленной еще в феврале смертной казни, летом и осенью 1918 г. на фронтах прибегали к децимации — казни каждого десятого бойца отступившей без приказа части.

Для повышения профессионализма было принято решение привлечь в новую армию офицеров и генералов старого режима. Для осуществления партийного контроля за ними был создан институт военных комиссаров. Без подписи комиссаров приказы командиров не имели силы. Семьи бывших офицеров ставились под контроль ВЧК и фактически превращались в заложников. В то же время многие офицеры искренне приняли новую власть и сознательно с ней сотрудничали. В целом за годы Гражданской войны на стороне Советов воевали 75 тыс. бывших царских генералов и офицеров. Бывшие военные специалисты составили 48% высшего комсостава и административного аппарата, 15% были из бывших унтер-офицеров. Выпускники первых советских курсов и школ составляли лишь 37% красных командиров. К концу 1920 г. в рядах Красной армии насчитывалось около 5,5 млн человек.

Милитаризация управления и концентрация ресурсов. С начала Гражданской войны для победы советское руководство предприняло энергичные меры по мобилизации всех имеющихся ресурсов. 2 сентября 1918 г. был создан Революционный военный совет Республики (РВСР). Он осуществлял непосредственное руководство армией и флотом, а также всеми учреждениями военных и морских ведомств. Его председателем стал нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий. Основными рабочими органами РВСР были Полевой штаб, ведавший вопросами военных действий, и Всероглавштаб, занимавшийся организацией тыла, комплектованием и подготовкой войск.

30 ноября 1918 г. был образован Совет рабочей и крестьянской обороны под председательством В. И. Ленина. Деятельность Совета обороны была направлена на обеспечение единства фронта и тыла. Совет собирался, как правило, регулярно — два раза в неделю. Он обсуждал возникающие проблемы, предпринимал оперативные меры, выносил также решения об объявлении тех или иных районов страны на военном (осадном) положении и передаче всей полноты власти в них ревкомам.

В сложных условиях Гражданской войны особое значение приобретало поддержание порядка в тылу. Для этой цели была создана специальная система военных и репрессивно-террористических органов защиты революции. Она включала ВЧК, милицию, Войска внутренней охраны (ВОХР), Части особого назначения (ЧОН), Войска внутренней службы (ВУНУС), продовольственную армию и некоторые другие воинские формирования, находившиеся вне подчинения командования РККА и действовавшие преимущественно в тылу. Особая роль среди них принадлежала ВЧК. С середины 1918 г. шло форсированное создание местных (губернских, уездных, волостных, сельских) чрезвычайных комиссий. В соответствии с решением ВЦИК от 28 октября 1918 г. все они получили право создавать при себе вооруженные отряды, численность которых к марту 1919 г. достигла 30 тыс. человек. В критические моменты на некоторых территориях местные ЧК брали на себя функции органов советской власти.

Большевики уже летом 1918 г. пошли на жесткое подавление всех оппозиционных политических сил, стремясь пресекать даже возможность их консолидации. С этого времени все чаще звучит слово «террор». Разъясняя его смысл в конце июня 1918 г., председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский говорил: «Общество и пресса не понимают правильно задачи и характер нашей комиссии. Они понимают борьбу с контрреволюцией в смысле нормальной государственной политики и поэтому кричат о гарантиях, судах, о следствии и т.д. Мы не имеем ничего общего с военно-революционными трибуналами, мы представляем организованный террор. Это нужно сказать открыто».

После покушения на жизнь Ленина и убийства главного петроградского чекиста М. С. Урицкого 5 сентября 1918 г. был издан Декрет СНК, который предписывал расстреливать на месте всех связанных с белогвардейскими заговорами лиц. Массовое явление приобрело заложничество. По оценкам специалистов, только в сентябре—октябре 1918 г. на территории Советской России было расстреляно около 15 тыс. человек. Главными жертвами были представители офицерства, дворянства, буржуазии, интеллигенции, а порой и члены их семей. Одновременно по стране развернулось создание сети концентрационных лагерей, контингент которых исчислялся десятками тысяч.

В годы войны большевикам удалось создать жесткую систему изъятия продовольствия у крестьян для снабжения солдат и частично городского населения, прежде всего пролетариата. Налажена была работа предприятий, обеспечивающих выпуск вооружений, боеприпасов, обмундирования для действующей армии. И хотя организация хозяйственной жизни строилась в значительной степени с использованием принуждения, а количество производимого было далеко от оптимальных потребностей, она все же позволила создать необходимые условия для выживания Советской Республики.

Большую роль в мобилизации рабочих и крестьян на отпор врагу большевики отводили агитационно-пропагандистской работе, которая была налажена в общегосударственном масштабе с участием как политических работников, так и деятелей культуры. Большими тиражами издавались листовки, плакаты, брошюры, газеты, по стране курсировали агитпоезда и агитпароходы. Интервенция стран Антанты, зарубежная поддержка Белого движения, война Польши против Советской России дали большевикам возможность перехватить у своих врагов лозунги защиты свободы и независимости Отечества.

Этапы фронтовой гражданской войны. В истории Гражданской войны и интервенции выделяют четыре этапа: с конца мая до ноября 1918 г.; с ноября 1918 г. по февраль 1919 г.; с марта 1919 г. до весны 1920 г. и с весны по ноябрь 1920 г.

На первом этапе Гражданской войны на роль ведущей и консолидирующей силы в борьбе против большевиков выдвинулись социалистические партии — эсеры и меньшевики. Очаг сопротивления возник на востоке страны, что не было случайным. С одной стороны, в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в результате выступления чехословацкого корпуса была свергнута советская власть; с другой — в этих регионах был велик удельный вес зажиточного крестьянства, которое было особенно недовольно продовольственной политикой большевиков и на первых порах охотно поддержало их противников. Все это привело к тому, что летом—осенью 1918 г. на этой территории и на Русском Севере было образовано до тридцати преимущественно эсеровских правительств. Среди них — Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ) в Самаре, Западно-Сибирский комиссариат в Новониколаевске (с 1925 г. — Новосибирск), Временное сибирское правительство в Томске, Верховное управление Северной области в Архангельске и др. Доминировавшие в составе правительств партии «революционной демократии» попытались выступить в роли «третьей силы», противопоставляя себя и диктатуре большевиков, и буржуазно-монархическим силам. Программы эсеровских кабинетов, как правило, включали лозунги созыва Учредительного собрания, восстановления политических прав всех

граждан, свободы торговли, денационализации промышленности и банков, налаживания социального партнерства.

В первый же день своего существования, 8 июня 1918 г., КОМУЧ опубликовал приказ о создании Народной армии, в рядах которой к 1 августа насчитывалось около 30 тыс. человек. Для борьбы с ней Советская Республика создала Восточный фронт (под командованием И. И. Вацетиса и С. С. Каменева). Первоначально успех сопутствовал Народной армии, но в начале сентября ценой колоссальных усилий Красной Армии удалось добиться перелома и развернуть наступление от Средней Волги к Уралу. В это время эсеры, а также кадеты образовали Директорию, объявившую себя всероссийской властью (создана в Уфе, затем переехала в Омск). Стремясь консолидировать антибольшевистские силы, она пригласила на должность военного министра популярного в армейской среде адмирала А. В. Колчака. Однако группировавшиеся вокруг него офицеры отрицательно относились к партиям «революционной демократии», считая их недееспособными, а также ответственными за приход к власти большевиков. Это предопределило недолговечность наметившегося было союза и переход инициативы в антибольшевистской борьбе от умеренных социалистов к белым. 18 ноября 1918 г. Колчак разогнал Директорию и был провозглашен Верховным правителем России.

Особенности второго этапа Гражданской войны и иностранной интервенции (ноябрь 1918 — февраль 1919 г.) во многом связаны с изменением международной обстановки осенью 1918 г. В ноябре Германия и ее союзники признали свое поражение и капитулировали перед Антантой. Войска стран Четверного союза были эвакуированы с российских территорий. В то же время после ухода Германии буржуазные правительства Польши, Украины, Белоруссии, Прибалтики переориентировались на Антанту. В самой Германии и Австро-Венгрии начались революции. 13 ноября 1918 г. Советская Россия аннулировала Брест-Литовский мирный договор. Все это привело к тому, что в руководящих кругах Антанты сочли момент подходящим для непосредственного вмешательства в дела России.

В конце ноября 1918 г. к российским берегам в Черном море подошла объединенная англо-французская эскадра в составе 32 кораблей. В Одессе и Севастополе высадились французские войска, в Батуме и Новороссийске — английские. Всего к февралю 1919 г. на Юге России находилось около 130 тыс. интервентов. Значительными были многонациональные воинские контингенты и в других регионах: на севере — 20 тыс., на Дальнем Востоке и в Сибири — 150 тыс., в Закавказье — 30 тыс. человек. Однако негативное отношение местного населения, боевые действия Красной армии и партизан, а также активная революционная пропаганда большевиков в частях противни-

ка привели к тому, что боеспособность оккупационных войск была далека от ожидаемой. Более того, на французских кораблях в Одессе и Севастополе вспыхнуло восстание разагитированных матросов. В результате руководство Антанты приняло решение об эвакуации своих войск, которая в целом была завершена только в апреле 1920 г. А отряды японцев и вовсе находились в Южном Приморье до октября 1922 г.

Одновременно шла консолидация Белого движения. После провозглашения Колчака Верховным правителем России о признании его в этом качестве заявили генералы Белой гвардии: Е. К. Миллер (действовал на севере), Н. Н. Юденич (на северо-западе), А. И. Деникин (на юге). Однако в конце 1918 — начале 1919 г. белым не удалось добиться существенных результатов: Красная армия не только отбила атаки Колчака на северо-востоке и Краснова в районе Царицына, но и восстановила советскую власть на большей части Украины, Белоруссии, Прибалтики. Тем не менее основные бои были впереди. К весне 1919 г. Колчаку путем мобилизаций удалось создать 400-тысячную армию защитников традиционной России, а Деникин сумел объединить свою Добровольческую и Донскую армию генерала П. Н. Краснова, создать Вооруженные силы Юга России численностью до 100 тыс. человек.

Третий этап Гражданской войны (с марта 1919 г. до весны 1920 г.) был самым тяжелым в ее истории. Основными противниками Советской республики были белые армии. Помимо поддержки белых генералов, Верховный совет Антанты сумел мобилизовать на борьбу против большевиков войска Польши, Финляндии, а также буржуазных правительств Латвии, Эстонии и Литвы.

В марте с востока развернула наступление армия Колчака. В числе главных ее задач было соединение с войсками Деникина для последующего совместного похода на Москву. Однако в конце апреля наступление войск адмирала было остановлено Красной армией, которая сама перешла в наступление. Уже в августе части Колчака потерпели сокрушительные поражения и были отброшены за Урал, а к началу 1920 г. были разгромлены окончательно. Сам адмирал Колчак 4 января 1920 г. отрекся от титула «Верховного правителя Российского государства» и главнокомандующего. Затем он был захвачен в плен и 7 февраля 1920 г. расстрелян по решению Иркутского ВРК. В тот же день было подписано соглашение о перемирии с чехословацким корпусом, который был эвакуирован через Владивосток к октябрю 1920 г.

В июле 1919 г. центр борьбы против Советской республики переместился на юг европейской части России, где перешли в наступление армии Деникина. Их успешные операции привели к освобождению от большевиков обширных территорий. В сентябре Деникин поставил

задачу овладеть Москвой. Его войскам противостояли части Южного фронта Красной армии. В августе—сентябре их спешно укрепляли коммунистами и комсомольцами, перебрасывали сюда лучшие части (в их числе конный корпус Буденного и дивизию латышских стрелков). В итоге к середине октября инициатива и на этом участке перешла к Красной армии. К весне 1920 г. войска Деникина были вытеснены с Украины и Северного Кавказа, а сам генерал с остатками армии в марте перебрался в Крым, сдал командование генералу П. Н. Врангелю и эмигрировал.

Более сложная обстановка складывалась на северо-западе. Здесь дважды — весной и летом 1919 г. — большевиками были отбиты наступления на Петроград 18-тысячной армии Н. Н. Юденича. В то же время организовать должный отпор буржуазным армиям Литвы, Латвии и Эстонии не удалось, и к концу 1919 г. советская власть в Прибалтике была ликвидирована. Сюда, на территорию буржуазной Эстонии, в декабре 1919 г. отошли остатки разбитой армии Юденича. В феврале 1920 г. войска Красной армии вступили в Северную область, и генерал Е. К. Миллер также эмигрировал.

Основными событиями *четвертого этапа Гражданской войны (весна—осень 1920 г.)* были война против Польши и разгром в Крыму последней белой группировки — армии Врангеля. 25 апреля 1920 г. польская армия вторглась на территорию Советской Украины, 6 мая овладела Киевом и к середине мая вышла на левый берег Днепра. Действиями главы польского государства маршала Ю. Пилсудского руководила идея создания «Великой Польши», включающей не только польские, но и украинские, белорусские, литовские территории. Откровенная польская агрессия вызвала подъем патриотических чувств в России. Во второй половине мая войска двух советских фронтов — Западного (командующий М. Н. Тухачевский) и Юго-Западного (А. И. Егоров) — перешли в наступление. Им удалось отбить Киев; к концу июля советские части продвинулись в сторону Польши и достигли так называемой линии Керзона — официально признаваемой на Западе границы Польши. В этих условиях страны Антанты выступили с предупреждением в адрес России, что в случае пересечения «линии Керзона» союзники сочтут себя обязанными защитить польскую нацию «всеми средствами, имеющимися в их распоряжении». Тем не менее советское руководство, явно переоценив свои силы, приняло решение начать поход на Варшаву, движимое убежденностью в том, что польский пролетариат не выступит против русских рабочих, а «красная интервенция» в Польшу, а затем в Германию сможет подтолкнуть революцию в Европе. Однако польское население встретило «освободителей» враждебно, а в результате просчетов советского командования Красная армия потерпела сокрушительное поражение. Поляки вновь вторглись на советскую терри-

торию. В октябре 1920 г. было заключено перемирие, а в марте 1921 г. — мир («Рижский»), по которому Польше отходила часть украинских и белорусских земель, выплачивалась контрибуция.

В июне 1920 г., в разгар войны Советской России против Польши, на юге перешли в наступление войска Русской армии Врангеля, который отклонил предложение Пилсудского о совместных действиях против большевиков. Из Крыма был высажен десант на Дон и Кубань, предпринята попытка овладеть Донбассом. Однако эти остатки белых армий стратегически были обречены. В конце октября 1920 г. войска Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе перешли в наступление и после ожесточенных боев полностью овладели Крымом. Врангелю лишь удалось организовать массовую эвакуацию морем военных и гражданских беженцев.

После захвата Крыма советскими войсками было осуществлено его «очищение» от классово «чуждых элементов», в результате которого расстреляно 8 тыс. белых офицеров. Разгромом Врангеля был положен конец Белому движению в России, а военный вопрос перестал быть главным в жизни Советской Республики. Хотя ликвидация отдельных очагов антибольшевистского сопротивления на окраинах страны продолжалась еще несколько лет.

Победив Белое движение в центре страны, большевики предприняли усилия по восстановлению советской власти в Закавказье. Несмотря на определенные местные различия, этот процесс в регионе имел общие черты. Азербайджанские, армянские, а затем и грузинские большевики поднимали восстания, создавали ревкомы, объявляли о свержении буржуазных правительств. После провозглашения своей республики социалистической следовало обращение к СНК РСФСР, и Красная армия быстро приходила на помощь «братским трудящимся» Закавказья. В Азербайджане это произошло в апреле, в Армении — в ноябре 1920 г., а в Грузии — в феврале 1921 г.

Завершение Гражданской войны и восстановление советской власти на Дальнем Востоке отличались своеобразием. После разгрома остатков колчаковских войск в районе Иркутска в начале марта 1920 г. возникла угроза прямого столкновения Красной армии с японскими частями. Понимая, что война с Японией в то время для России была «непосильна», большевики приняли решение о создании на территории от Байкала до Тихого океана «государственного образования под демократическим флагом». Так была провозглашена 5 апреля 1920 г. Дальневосточная республика (ДВР), изначально рассматриваемая как временное «буферное образование», политика которого диктовалась из Москвы. Когда части Красной армии и отряды красных партизан осенью 1922 г. разбили и вытеснили остатки частей белых атаманов в Маньчжурию, Япония вынуждена была эвакуировать свои войска из Приморья. 15 ноября 1922 г. ДВР была

ликвидирована, а ее территория объявлена «нераздельной частью РСФСР».

Гражданская война за линией фронта. Успехи и неудачи противников на фронтах в решающей степени определялись прочностью положения на прифронтовых территориях и в тылу, зависели от отношения к власти основной массы населения — крестьянства. Получившие же землю крестьяне, не желая участвовать в Гражданской войне, помимо своей воли втягивались в нее активными действиями белых и красных. Это породило движение «зеленых». Так назывались крестьянские повстанцы, боровшиеся против реквизиций продовольствия, мобилизаций в армию, произвола и насилия как белых, так и красных властей. По масштабам и численности движение значительно превосходило Белое движение. «Зеленые» не имели регулярных армий, объединялись в небольшие отряды, чаще из нескольких десятков, реже — сотен человек. Действовали повстанцы преимущественно в районах своего проживания, однако само движение охватывало всю территорию России. Не случайно Ленин считал «мелкобуржуазную контрреволюцию» опаснее, чем «взятые вместе» Колчак и Деникин, и это был трагический момент власти большевиков.

Развертывание этого массового протеста крестьян приходится на лето—осень 1918 г. Осуществление «продовольственной диктатуры», означавшей изъятие «излишков» продовольствия у среднего и зажиточного крестьянства, т.е. большинства сельского населения; «переход от демократического к социалистическому» этапу революции в деревне, в рамках которого началось наступление на «кулаков»; разгон демократически избранных и «большевизация» сельских Советов; насильственное насаждение коллективных хозяйств — все это вызвало резкие протесты в крестьянской среде. Введение продовольственной диктатуры совпало по времени с началом «фронтовой» Гражданской войны и расширением применения «красного террора» как важнейшего средства решения политических и экономических проблем. По сути дела, закладывалась основа «классовой борьбы» против своего народа.

Насильственное изъятие продовольствия и принудительные мобилизации в Красную армию взбудоражили деревню. В результате основная масса селян отшатнулась от советской власти, что проявилось в массовых крестьянских восстаниях, которых в 1918 г. насчитывалось более 400. Для их подавления использовались карательные отряды, захват заложников, артиллерийские обстрелы и штурмы деревень. Все это усиливало антибольшевистские настроения и ослабляло тыл красных, в связи с чем большевики вынуждены были пойти на некоторые экономические и политические послабления. В декабре 1918 г. они ликвидировали вызывавшие неприязнь комбеды, в январе 1919 г. вместо продовольственной диктатуры ввели продразверстку.

(Ее основной смысл — регламентация заготовок продовольствия.) В марте 1919 г. был провозглашен курс на союз с середняками, которые ранее как «держатели хлеба» фактически объединялись с кулачеством в одну категорию.

Пик сопротивления «зеленых» в тылу красных войск приходится на весну—лето 1919 г. В марте—мае восстания охватили Брянскую, Самарскую, Симбирскую, Ярославскую, Псковскую и другие губернии Центральной России. Особенно значительным был размах повстанческого движения на юге: Дону, Кубани и Украине. Драматично развивались события в казачьих областях России. Участие казаков в антибольшевистской борьбе на стороне белых армий в 1918 г. стало причиной массовых репрессий, в том числе против мирного населения Кубани и Дона в январе 1919 г. Это вновь всколыхнуло казаков. В марте 1919 г. на Верхнем, а затем и на Среднем Дону они подняли восстание под лозунгом: «За советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей». Казаки активно поддержали наступление Деникина в июне—июле 1919 г.

Сложным и противоречивым было взаимодействие красных, белых, зеленых и национальных сил на Украине. После ухода с ее территории германских и австрийских войск восстановление советской власти здесь сопровождалось широким применением террора со стороны различных ревкомов и «чрезвычаек». Весной и летом 1919 г. местные крестьяне испытали на себе продовольственную политику пролетарской диктатуры, что также вызывало резкие протесты. В результате на территории Украины действовали как небольшие отряды «зеленых», так и достаточно массовые вооруженные формирования. Наиболее известными из них стали движения Н. А. Григорьева и Н. И. Махно.

После разгрома основных сил белых в конце 1919 — начале 1920 г. крестьянская война в Европейской России вспыхнула с новой силой, и началась, как полагают многие историки, самая кровопролитная фаза Гражданской войны. Внутренний фронт для Красной армии стал главным. 1920 г. и первую половину 1921 г. называют периодом «зеленого потопа», так как это было время наиболее кровавых расправ, сожжений сел и деревень, массовых депортаций населения. В основе крестьянского недовольства лежала политика «военного коммунизма»: война завершилась, а чрезвычайные меры в экономической политике не только были сохранены, но и усилены. Крестьяне выступали против продразверстки, воинской, конной, гужевой и других повинностей, за невыполнение которых следовали арест, конфискация имущества, взятие в заложники, расстрел на месте. Массовый характер приобрело дезертирство, которое в отдельных частях достигало 20, а то и 35% состава воинских частей. Большая часть дезертиров пополняла отряды «зеленых», которые на советском официаль-

ном языке именовались «бандами». На Украине, Кубани, Тамбовщине, в Нижнем Поволжье и Сибири крестьянское сопротивление носило характер настоящей крестьянской войны. В каждой губернии были группы повстанцев, которые скрывались в лесах, нападали на карательные отряды, брали заложников и расстреливали. Против «зеленых» направлялись регулярные части Красной армии, которые возглавляли военачальники, уже прославившиеся в борьбе против белых: М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе, С. М. Буденный, Г. И. Котовский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич и др.

Неспособность консолидировать антибольшевистские силы, навести порядок в своем тылу, организовать пополнение и наладить снабжение армейских частей продовольствием были основными причинами военных неудач белых в 1919-м — 1920-х гг. Первоначально крестьянство, а также городское население, испытавшие на себе продовольственную диктатуру и террор красных «чрезвычаек», встречали белых как освободителей. И наиболее громкие победы они одержали, когда их армии по численности в несколько раз уступали советским частям. Так, в январе 1919 г. в районе Перми 40 тыс. колчаковцев взяли в плен 20 тыс. красноармейцев. В войска адмирала влились 30 тыс. вятских, ижевских рабочих, которые стойко воевали на фронте. В конце мая 1919 г., когда власть Колчака простиралась от Волги до Тихого океана, а Деникин контролировал обширные пространства на юге России, их армии насчитывали сотни тысяч человек, регулярно поступала и помощь союзников.

Однако уже в июле 1919 г. на востоке, с колчаковского фронта, начинается закат Белого движения. И белые, и красные хорошо представляли своих врагов. Для большевиков это были буржуазия, помещики, офицеры, кадеты, казаки, кулаки, националисты, для белых — коммунисты, комиссары, интернационалисты, сочувствующие большевикам, социалисты, евреи, сепаратисты. Если большевики выдвигали понятные массам лозунги и выступали от имени трудящихся, то у белых ситуация была иной. В основе Белого движения лежала идеология «непредрешенчества», согласно которой выбор формы политического устройства, определение социально-экономического порядка надлежало осуществить лишь после победы над Советами. Генералам же казалось, что одного неприятия большевиков достаточно для объединения в единый кулак их разнородных противников. А поскольку основная задача момента заключалась в военном разгроме противника, в котором главная роль отводилась белым армиям, то на всех своих территориях они установили военную диктатуру, которая либо резко подавляла (Колчак), либо задвигала на задний план организованные политические силы (Деникин). И хотя белые утверждали, что «армия стоит вне политики», они сами столкнулись с необходимостью решать острые политические проблемы.

Именно такой характер приобрел аграрный вопрос. Колчак и Врангель откладывали его решение «на потом», жестоко пресекая захваты земли крестьянами. На деникинских территориях прежним владельцам возвращали их земли, часто расправлялись с крестьянами за пережитые страхи и грабежи 1917—1918 гг. Конфискованные предприятия тоже переходили в руки прежних собственников, а выступления рабочих в защиту своих прав подавлялись. В сфере социально-экономических отношений во многом произошло отбрасывание к дофевральской ситуации, которая, собственно, и привела к революции.

Стоя на позициях «единой и неделимой России», военные подавляли любые попытки автономного обособления внутри страны, чем оттолкнули от себя национальные движения, прежде всего буржуазию и интеллигенцию; не единичными были проявления ксенофобии, особенно антисемитизма. Нежелание пойти навстречу казачеству и признать его права на автономию и самоуправление привело к разладу белых с их верными союзниками — кубанцами и донцами. (Белые даже называли их «полубольшевиками» и «сепаратистами».) Такая политика превращала их естественных антибольшевистских союзников в собственных врагов. Будучи честными офицерами, искренними патриотами, белогвардейские генералы оказались никудышными политиками. Во всех этих вопросах большевики проявляли намного большую гибкость.

Логика войны вынуждала белых проводить на своих территориях политику, аналогичную большевистской. Попытки мобилизации в армию провоцировали рост повстанческого движения, крестьянские выступления, на подавление которых направлялись карательные отряды и экспедиции. Это сопровождалось насилием, грабежами мирного населения. Массовый характер приобрело дезертирство. Отталкивающей была хозяйственная практика белых администраций. Основу управленческого аппарата составляли бывшие чиновники, воспроизводившие волокиту, бюрократизм, коррупцию. На поставках в армию наживались близкие к власти «предприниматели», а нормальное снабжение войск так и не было налажено. В результате армия вынуждена была прибегать к самоснабжению. Осенью 1919 г. американский наблюдатель так характеризовал эту ситуацию: «...система снабжения была настолько необеспеченной и стала настолько неэффективной, что у войск не было другого выхода, как снабжать себя самим с местного населения. Официальное разрешение, узаконившее эту практику, быстро выродилось во вседозволенность, и войска несут ответственность за всякого рода эксцессы».

Белый террор был столь же беспощаден, как и красный. Их различало лишь то, что красный террор был организованным и сознательно направлялся против классово враждебных элементов, белый же был более спонтанным, стихийным: в нем преобладали мотивы мести,

подозрения в нелояльности и враждебности. В итоге на контролируемых белыми территориях установился произвол, восторжествовали анархия и вседозволенность тех, у кого были власть и оружие. Все это отрицательно воздействовало на моральное состояние, снижало боеспособность армии.

Негативно на отношение к белым со стороны населения повлияли их связи с союзниками. Без их помощи наладить мощное вооруженное сопротивление красным было невозможно. Но откровенное стремление французов, англичан, американцев, японцев завладеть российской собственностью, используя слабость государства, вывоз в крупных масштабах продовольствия и сырья вызывали недовольство населения. Белые оказывались в двусмысленном положении: в борьбе за освобождение России от большевиков они получали поддержку тех, кто рассматривал территорию нашей страны как объект экономической экспансии. Это также работало на советскую власть, которая объективно выступала как патриотическая сила.

Гражданская война в России и внешний мир. Эскалация Гражданской войны с лета 1918 г. диктовала особый внешнеполитический курс Советской Республики. С одной стороны, он определялся надеждой на мировую революцию и посильной поддержкой революционных начинаний пролетариата соседних стран, с другой — стремлением (ценой возможных территориальных и экономических уступок) добиться прекращения военной интервенции и поддержки западными странами белых генералов, а также восстановления экономических связей, разрыв которых больно бил по России.

«Революционная внешняя политика» вызвала появление нетрадиционных форм дипломатической деятельности. Установленная после Октябрьского переворота 1917 г. советская власть не была признана на Западе. Тем не менее при взаимной неприязни и Россия, и Запад нуждались в прямых контактах. Так, в России возник своеобразный институт полпредов (полномочных представителей) — полудипломатических, полуреволюционных представителей Москвы. Их деятельность скорее должна была способствовать «революционному пробуждению Европы», нежели организации собственно дипломатической работы. Советские полпреды работали в Англии (М. М. Литвинов), Швеции (В. В. Воровский), Дании (Я. З. Суриц), Австрии (П. Ф. Симонов), Швейцарии (Я. А. Берзин) и в некоторых других странах. Эта ответственная работа была связана с риском, поскольку агитационно-пропагандистская деятельность вызывала неприязнь официальных властей стран пребывания.

Осенью 1918 г. большевики по-прежнему большие надежды возлагали на Германию. В сентябре—октябре в атмосфере ожидаемого военного разгрома, политической катастрофы, радикализации народных масс все, казалось, было готово к свержению кайзеровского пра-

вительства и установлению рабоче-крестьянской власти. И действительно, в ноябре 1918 г. по всей стране начались восстания рабочих и военных (солдат и матросов). Кульминацией революционного движения явилось провозглашение и деятельность Баварской советской республики (апрель—май 1919 г.). РСФСР не скрывала своей заинтересованности. Как вспоминал позже посол в этой стране А. А. Иоффе, он заплатил 100 тыс. марок за оружие для революционеров. Наше посольство в Берлине «было главным штабом германской революции... Тонны антимонархической и антивоенной литературы печатались в совпосольстве». Туда «тайком» приходили социалисты, «чтобы получить советы».

Несмотря на неудачу, германская революция воодушевила большевистское руководство, ибо вселяла надежду, что революционное брожение в Европе не завершено и принесет ожидаемый результат. Эти ощущения подпитывались тем, что весной и летом 1919 г. революционные выступления имели место в Австрии, Германии, Венгрии, Словакии.

На волне этих настроений 2—6 марта 1919 г. в Москве состоялся I конгресс Коминтерна (Коммунистического Интернационала). Его участники исходили из того, что мир вступил в эпоху разложения капитализма и коммунистических революций, а задача коммунистов — объединить свои усилия для их скорейшего приближения. Коминтерн рассматривал себя как штаб мировой революции, все входившие в него компартии считались его национальными секциями. Для координации связанной с этим работы было создано Бюро Исполнительного Комитета Коминтерна (ИККИ), который возглавил Г. Е. Зиновьев. Помимо центрального, в Москве, были открыты региональные бюро ИККИ — в Скандинавии, Центральной и Восточной Европе, на Балканах.

Коминтерн, опираясь на ресурсы Советской России, организационно и материально поддерживал коммунистическое движение в мире, не чураясь инициативных действий. Говорили и о возможности «красной интервенции». Выступая в сентябре 1920 г. на IX партийной конференции, Ленин ставил вопрос о переходе «от оборонительной к наступательной войне, чтобы помочь советизации Польши, штыком пощупать, не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?». В случае успеха похода не исключалась еще одна попытка «революционирования Германии». М. Н. Тухачевский вел свои войска под лозунгом: «Вперед на Варшаву! Вперед на Берлин!»

Летом и осенью 1918 г. все основные империалистические державы встали на путь военно-дипломатической, морской блокады России и участия в организации вооруженной интервенции противосоветских сил в разных частях страны. Это побудило советское руководство искать такой курс внешней политики, который имел бы успех

на Западе. В его основу была положена экономика. Торговля, концессии должны были стать новым полем боя между капитализмом и социализмом, на котором будет решаться вопрос, сумеет ли советское государство, пойдя на некоторые уступки, получить возможность длительного развития по пути социализма, или же буржуазный Запад сделает их каналами своего влияния на внутреннюю жизнь России в нужном ему направлении? Для проведения этой линии Россией использовалась ранее апробированная с Германией «брестская тактика». Ленин называл ее тактикой «отступления, выжидания, лавирования». Основанный на ней курс определял два первых этапа советской внешней политики. Первый, собственно «брестский», охватывал отношения с Германией после подписания мира 3 марта и добавочных соглашений от 27 августа 1918 г. — до аннулирования Брест-Литовского договора 13 ноября. На втором этапе эта политика проецировалась на отношения с государствами Антанты. Целью данного этапа было добиться мирного соглашения с бывшими союзниками ценой крупных территориальных уступок, «дани» (контрибуций) и т.п.

На Западе были силы, готовые использовать «германский опыт» военно-политического давления на Россию. В ноте от 22 января 1919 г. великие державы Запада обратились к Советскому правительству и белогвардейским режимам России с предложением провести совещание, чтобы согласовать на нем все меры уступок, которые должна осуществить Советская Россия для заключения мира. (Посвященную этому конференцию планировалось созвать на Принцевых островах в Мраморном море.) В ответной ноте Советского правительства от 4 февраля выражалась готовность предоставить державам «горные, лесные и другие концессии, с тем чтобы экономический социальный строй Советской России не был затронут внутренними распорядками этих концессий». В ней также шла речь об уплате всех довоенных долгов и о территориальных уступках в отношении тех областей, которые были заняты войсками Антанты или теми силами, которые пользовались ее поддержкой. Советское правительство обязывалось не вмешиваться и во внутренние дела держав Согласия, не прекращая, однако, международной революционной пропаганды.

Большевики стояли на грани заключения второго мира на «брестских» условиях. Его главное отличие от «первого Бреста» состояло в том, что теперь границы уступок предложило само Советское правительство, а не его противник. Обсуждению этой темы был посвящен специально созванный пленум ЦК РКП(б) 14 марта 1919 г. Однако весной 1919 г. началось колчаковское наступление, Колчак и Деникин заявили об отказе участвовать в переговорах с Советским правительством, и мирная конференция не состоялась.

В конце 1919 г., когда Красная армия добилась перелома на основных фронтах, Антанта приняла решение о прекращении помощи

белым. В феврале 1920 г. Верховный совет Антанты заявил, что «не рекомендует окраинным государствам вести войну против Советской России, но Антанта защитит их, если Советская Россия на них нападет; дипломатические отношения с Россией не возобновляются». Но именно «окраинные» прибалтийские государства, испытывавшие материальные трудности, недостаток вооружения и противодействие народов своих стран, не желавших продолжать бойню, были более других предрасположены к нормализации отношений с Россией, чем не замедлило воспользоваться ее правительство.

Осенью 1919 г. Ленин обратился к правительствам Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии с предложением начать мирные переговоры. 5 декабря 1919 г. в Юрьеве, после одобрения идеи Англией, начался завершающий этап переговоров с Эстонией. По словам Чичерина, действия советской делегации состояли в том, чтобы идти на значительные уступки ради мира, в то же время отвергая всякие преувеличения и домогательства противной стороны. Хотя эти уступки и находились в рамках «брестской тактики», они были значительно меньшими, чем ранее. Эстония получила три уезда Псковской области, часть золотого запаса Российской империи, признание независимости и обещание советской стороны отказаться от антиправительственной деятельности в Эстонии. На таких условиях 2 февраля 1920 г. был подписан Тартуский мирный договор с Эстонией. Современники чрезвычайно высоко оценили его значение, назвав это «генеральной репетицией соглашения с Антантой», первым экспериментом «мирного соглашательства с буржуазными государствами». Договор положил начало выходу России из политической изоляции, что позволяло прорубить и «торговое окно в Европу». Вскоре аналогичные соглашения были подписаны с Латвией, Литвой, Финляндией.

Потерпев неудачу в вооруженном подавлении большевизма, страны Запада должны были «определяться» в изменившихся условиях. Выражая общую позицию большевиков, Ленин отмечал: «Мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь общения с нами». Однако колебания по поводу снятия военно-морской и экономической блокады западные страны проявляли на протяжении 1920—1921 гг.

С конца февраля 1920 г. с переменным успехом шли советско-британские торговые переговоры. Первоначально Англия настаивала на принятии предварительных политических условий торгового соглашения (отказ от «революционных» действий против Англии, принципиальное согласие Советского правительства возместить долговые, имущественные убытки иностранным подданным, признание поль-

ских границ в британской редакции и т.п.). Однако осенью 1920 г. британские министры были уже уверены, что «ближайшей перспективы падения Советского правительства» нет, и советовали использовать торговлю как средство «приручить» или «свалить большевизм». 16 марта 1921 г. было подписано советско-британское торговое соглашение, которое имело огромное значение. Его не случайно называют «торгово-политическим». Фактически оно положило начало более широкому процессу нормализации отношений между Россией и странами Запада. Торгово-политические договоры, аналогичные советско-британскому, заключили с Россией в 1921 г. Германия (май), Норвегия (сентябрь), Австрия (декабрь).

В то же время Россия была отстранена от участия в подведении итогов Первой мировой войны. Главную роль в этом процессе играли Англия, Франция и США. Итоговые документы готовились в ходе Парижской (1919—1920) и Вашингтонской (1921—1922) мирных конференций. Принятые на них соглашения предопределили формирование так называемой версальско-вашингтонской системы послевоенного устройства мира. Она фиксировала произошедшие в 1914—1922 гг. в мире перемены, но содержала зерна будущих конфликтов.

«Военный коммунизм». Экономическую политику, проводимую советской властью с середины 1918 г. по март 1921 г., обычно называют политикой «военного коммунизма». Между тем это определение во многом условно. Во-первых, сам термин «военный коммунизм» появился лишь в 1921 г., когда при введении «новой экономической политики» началось осмысление предшествующего ей экономического курса, который привел к острейшему социально-экономическому и политическому кризису начала 1921 г. и едва не стоил большевикам власти. Во-вторых, та модель общественного устройства, которая утвердилась в результате Гражданской войны, складывалась постепенно, во многом стихийно и противоречиво, под давлением чрезвычайных обстоятельств военного времени. Цель проводимых в 1918—1920 гг. мероприятий была одна: сохранение советской власти в условиях фактической дезинтеграции страны, враждебного окружения, развала экономики и скудости ресурсов.

Все это объективно предопределило курс на централизацию управления экономикой; жесткую регламентацию производства и потребления; сведение на нет роли экономических рычагов; усиление административно-репрессивных методов регулирования хозяйственной жизни. И хотя проводимая в середине 1918 — начале 1921 г. политика базировалась на единых принципах, в истории «военного коммунизма» можно выделить два этапа: «складывание» системы в период решающих боев на фронтах Гражданской войны (лето 1918 — начало 1920 г.) и «расцвет» «военного коммунизма» в условиях, когда главные враги были разгромлены, а сохранение и «усугубление»

чрезвычайных мер становилось все менее оправданным (весна 1920 — март 1921 г.). Историки выделяют следующие черты экономической политики и хозяйственного развития тех лет.

Национализация крупной, средней и части мелкой промышленности. Если осенью 1918 г. в собственности государства было 9,5 тыс. предприятий, то в 1920 г. — более 37 тыс. Изменилась система управления народным хозяйством, где ведущей стала тенденция централизации. В структуре ВСНХ были созданы «главки» — чисто пролетарские органы управления соответствующими отраслями экономики. По нарядам главка подчиненные ему предприятия получали сырье, полуфабрикаты, а всю производимую продукцию сдавали государственным органам. К лету 1920 г. существовали 49 главков, центров и комиссий. Их специализацию характеризуют названия: Главметалл, Главторф, Главтекстиль, Главтоп, Центрохладобойня, Чеквалап (Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей) и т.п. А деятельность была ориентирована прежде всего на удовлетворение нужд фронта. Для персонификации ответственности назначались комиссары с чрезвычайными полномочиями. Так, в июле 1919 г. председатель ВСНХ А. И. Рыков был назначен чрезвычайным уполномоченным Совета Обороны по снабжению Красной армии (Чусоснабарм). Он мог использовать любой аппарат, смещать должностных лиц, реорганизовывать предприятия, изымать товары со складов и у населения под предлогом «военной спешности». Чусоснабарму подчинялись все заводы, работавшие на оборону. Для управления ими был образован Промвоенсовет.

Одним из центральных элементов политики 1919 — начала 1921 г. была *продразверстка*, введенная декретом СНК 11 января 1919 г. Формально в ее основе лежала идея регламентации поставок: если проводившаяся с конца весны 1918 г. «продовольственная диктатура» предполагала просто изъятие «излишков» у всех имевших их крестьян, то теперь губернии облагались «разумным» налогом в зависимости от представлений об их запасах. Эти задания «разверстывались» по уездам, волостям, общинам. На практике же изъятие хлеба по разверстке осуществлялось без учета реальных возможностей хозяев, что вызывало их недовольство и сопротивление. Планы заготовок постоянно срывались, а это в свою очередь усиливало репрессии заготовительных органов. Помимо хлеба к концу 1919 г. по разверстке стали собирать картофель и мясо.

Хронический продовольственный кризис вызвал к жизни *нормированное снабжение населения, через карточную систему.* В соответствии с классовым принципом и в зависимости от сферы деятельности городские жители были поделены на четыре категории, от принадлежности к которой зависели объем и порядок снабжения. Число продовольственных и промышленных товаров, подлежавших норми-

рованию, постоянно увеличивалось. Так, в январе 1919 г. в Петрограде было 33 вида карточек: хлебные, молочные, хлопчатобумажные, обувные и т.п. Нормы постоянно менялись, но все время были очень низкими. В мае 1919 г. в Петрограде по первой, высшей, категории, выдавалось 1/2 фунта (200 г), а по третьей — 1/8 фунта (50 г) хлеба в день. (Это была более чем «голодная» норма: даже в годы Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде минимальный паек составлял 125 г в день.) В 1920 г. по нормированному снабжению обеспечивались 24 млн человек. Сбор и распределение продовольственных и промышленных товаров были возложены на Наркомпрод, который становился вторым по важности — после военного — ведомством. Подчиненные ему Продармия (в 1920 г. — 77,5 тыс. человек) и аппарат потребительской кооперации (на 1 января 1920 г. — 53 тыс. обществ) обеспечивали решение этих задач.

Введение нормированного снабжения сопровождалось резким ограничением торговых операций. Национализированы были частные торговые фирмы, склады и даже мелкая торговля, что формально вело к ее запрещению (разрешалось продавать лишь ненормированные продукты, набор которых стремительно сокращался). Однако на деле добиться этого не удалось: мизерные «твердые» закупочные цены вынуждали производителей, а также спекулянтов продавать товары на «черном» рынке по реальным ценам. В результате мелкая рыночная торговля в местном масштабе продолжала существовать. Власти были вынуждены терпимо относиться к этому явлению. Символом неформальных отношений такого рода между властью и населением стала московская «Сухаревка» (рынок в районе Сухаревской площади, аналоги которого существовали повсеместно), где можно было купить и обменять практически все: продовольствие, бриллианты, одежду, валюту, книги, мебель и т.п. Летом 1919 г., в «разгар» «военного коммунизма», большевики признавали, что городские рабочие приблизительно половину потребляемых ими продуктов получали по госцене из органов Наркомпрода, другую — покупали на частном рынке по спекулятивным ценам.

В 1918—1920 гг. произошла натурализация заработной платы — ее выдача рабочим и служащим продовольствием и предметами первой необходимости. В 1920 г. денежная часть оплаты труда составила лишь 7,4%. Это было обусловлено резким *падением роли денег* в 1918—1920 гг. Расстройство денежного обращения было напрямую связано с хозяйственной разрухой. Источники бюджетных поступлений сократились, но государство должно было содержать армию, госаппарат, обеспечивать необходимые отрасли экономики, поддерживать инфрастуктуру в городах. В 1918—1920 гг. эти траты осуществлялись за счет безудержной денежной эмиссии: к началу 1918 г. в обращении находилось 22 млрд руб., 1919 г. — 61,3 млрд.

1920 г. — 225 млрд, 1921 г. — 1,2 трлн. При этом в ходу были разные денежные знаки: царские («николаевки»), думские деньги, «керенки» (выпущенные Временным правительством), а с февраля 1919 г. — и «расчетные знаки РСФСР». Нехватка денег и разрыв связей между районами в условиях Гражданской войны приводили к появлению местных денег или их суррогатов. Помимо фактически отделившихся окраин, «свои деньги» печатали в Ижевске, Иркутске, Казани, Калуге и других городах. В качестве заменителей использовали разные чеки, боны, трамвайные книжки, этикетки от винных бутылок и т.п. Всего в 1918—1922 гг. на территории бывшей Российской империи «ходил» 2181 денежный знак.

Обесценивание денег вело к немыслимому росту цен. Коробка спичек или билет в трамвае стоили миллионы рублей. В 1921 г. покупательная способность 50-тысячной советской купюры приравнивалась к довоенной монете в одну копейку. И хотя в государственном секторе формально сохранялись различия в зарплате (в 1919 г. — в пять раз между высшей и низшей категориями), на практике это не имело значения, так как основную часть все работники получали натуральными пайками, а здесь разрыв в обеспечении составлял от 2 до 9%. Таким образом, сложилось уравнительное распределение как неотъемлемая часть существовавшей в стране экономической системы.

Столь же характерным ее элементом была милитаризация труда, во многом обусловленная невозможностью его экономического стимулирования. Первоначально трудовая повинность касалась только представителей буржуазии, но с октября 1918 г. все трудоспособные граждане от 16 до 50 лет должны были встать на учет в отделах распределения рабочей силы, которые могли направить их на любую необходимую работу. С конца 1918 г. власти прибегали к призыву (подобно армейскому) рабочих и служащих на госслужбу и в определенные отрасли экономики. Работники принудительно закреплялись на предприятиях и в учреждениях, самовольный уход приравнивался к дезертирству и карался по законам военного времени (суд трибунала, заключение в концлагерь). Все это вело к тому, что производительность труда, как и его дисциплина, были низкими.

Быт подавляющего большинства был скудным, серым и безрадостным. Улицы городов часто не освещались, плохо убирались. В домах не работали водопровод и канализация, не хватало топлива для минимального обогрева помещений. Долго не ремонтируемые здания имели «обшарпанный» вид. Были закрыты магазины, трактиры, кафе, рестораны, чайные. Изменился внешний облик населения. Дорогую, добротную, красивую одежду носить не решались, а часто и не могли. «Барский» вид мог спровоцировать резкие проявления классовой ненависти, к тому же многие «предметы роскоши» (в том числе и одежда») у «имущих» конфисковывались. Символом революционной мо-

ды стали кожаные куртки: их часто носили представители новой власти. В то же время практически прекратилось производство одежды, обуви, предметов домашнего обихода для гражданского населения; все это приходилось с большим трудом доставать и выменивать. Многочисленные хронические нехватки формировали настроения озлобленности, неудовлетворенности, обостряли желание скорее вернуться к нормальной жизни.

Содержание прагматической экономической политики и способы ее осуществления в 1918—1919 гг. во многом совпадали с теоретическими представлениями большевиков о том, каким должно быть социалистическое общество. Это историческое совпадение породило определенную эйфорию в отношении военных, командных, административных мер, которые стали рассматриваться не как вынужденные, а как основной инструмент социалистического строительства. Совокупность этих представлений Ленин позднее назвал «военно-коммунистической идеологией». Она оформилась к началу 1920-го, когда объективные условия применения чрезвычайных методов сходили на нет. Красная армия добивала остатки крупных белогвардейских соединений, и основная масса населения не желала далее жить в условиях «деспотического социализма», рассчитывая на восстановление привычной жизни, в которой снабжение осуществлялось не по карточкам через малоэффективные структуры Наркомпрода, а посредством рынка, торговли, где главные действующие лица — покупатель и продавец — легко находили общий язык без навязчивых советских посредников. Между тем именно в начале 1920 г. был взят курс на дальнейшее «закручивание гаек» по всем направлениям.

В марте 1920 г. под руководством Л. Д. Троцкого была создана Комиссия для подготовки плана строительства социализма в мирных условиях. Ее рекомендации носили ярко выраженный военно-коммунистический характер. Предусматривались расширение продразверстки, огосударствление экономики, разработка общегосударственного плана, расширение всеобщей трудовой повинности, создание трудовых армий и милитаризация всей системы управления.

Предложения Комиссии были с энтузиазмом одобрены большинством делегатов IX съезда РКП(б) (29 марта — 5 апреля 1920 г.), которые своим решением «освятили» изложенный Троцким курс. В соответствии с этим в 1920 г. ненавидимая деревенским большинством продразверстка была распространена на новые виды сельхозпродуктов и сырья (к хлебу, мясу, картофелю прибавились молоко, яйца, шерсть, кожа, лен и т.д.). Сохранялось привлечение крестьян к другим видам трудовых «повинностей». Был утвержден план засева полей, за реализацией которого должны были следить посевкомы. В конце 1920 г. были национализированы и мелкие предприятия («с числом рабочих более десяти или пяти, но использующих механи-

ческий двигатель»). В декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов был принят план ГОЭЛРО. Формально посвященный энергетике, он содержал перспективную комплексную программу создания социалистической экономики. Апофеозом милитаризации труда стали трудовые армии. Они формировались с начала 1920 г. из высвобождающихся на фронте воинских частей. В июле в народном хозяйстве были заняты 2,5 млн красноармейцев, которых стали именовать «трудармейцами» и использовали главным образом на тяжелых работах в строительстве и на транспорте. Однако производительность их труда была низкой.

В конце 1920 — начале 1921 г. была достроена до своего логического конца военно-коммунистическая система уравнительного обеспечения населения: отменены плата за пользование жильем, транспортом, другие коммунальные услуги. В 1919—1920 гг. широкий размах приобрела кампания за упразднение денег. В июне 1920 г. ВЦИК даже принял резолюцию о важности распространения безналичных расчетов «с целью полной отмены денежной системы». В принципиальном плане по этому поводу в руководстве не было расхождений, реализация идеи уперлась в нерешенность вопроса о том, чем заменить рубль в качестве единицы измерения труда и расчета между предприятиями. Предлагалось вместо него ввести «треды» — трудовые единицы. Однако дискуссия не была завершена, хотя сама тема отпала лишь при переходе к НЭПу.

Несмотря на последовательность «военно-коммунистического» курса, на рубеже 1920—1921 гг. он все чаще давал сбои. Резко сократил перевозки железнодорожный транспорт, что было обусловлено нехваткой топлива, которое без охоты поставляли крестьяне и полуголодные шахтеры. В результате снизился подвоз продовольствия в промышленные центры. На этом сказались и массовые крестьянские выступления; их участники не только сами не сдавали хлеб, но и препятствовали его доставке другими. Армия, состоявшая в подавляющем большинстве из крестьян, становилась все менее надежным союзником в борьбе на «внутреннем фронте». Более того, демобилизованные красноармейцы, возвращаясь домой, часто прямиком шли в «бандиты».

В связи с ухудшением снабжения обострилась социальная ситуация в городах, участились рабочие волнения. В этой среде также требовали замены разверстки налогом. В феврале 1921 г. в «колыбели революции» — Петрограде — против бастующих рабочих власти направили войска. Таким образом, в движение сопротивления приходила основная опора большевиков — рабочий класс и армия. Перед руководством страны возник выбор: либо во имя идеи продолжать «военный коммунизм» и рисковать властью, либо пойти на уступки и выжидать более удобного момента для дальнейшего наступления. Как

прагматик, Ленин сделал выбор в пользу второго варианта. И уже в феврале 1921 г., еще до кронштадского выступления моряков, в партии активно обсуждались варианты снижения налогового бремени крестьян.

При общем усилении централизации и укоренении авторитарных методов в 1918—1920 гг. в партийной верхушке сохранялись элементы демократизма и достаточно свободное обсуждение принципиальных вопросов. В дискуссиях участвовали коммунисты, представлявшие различные элементы советской политической системы: ЦК РКП(б), ВЦИК, СНК, ВСНХ, ВЦСПС. Сторонники общих позиций объединялись в различные «группы», «платформы» и т.п. Причем весьма существенными были «оттенки» во мнениях: все чаще раздавались голоса в пользу проведения более гибкой экономической политики, прежде всего в отношении крестьянства.

В 1920 г. важное место занимали вопросы внутрипартийной жизни, а в более широком плане — методы управления страной. Под огонь критики попал и Ленин. Представители партийной группировки «децистов» («демократических централистов»), отмечая его выдающуюся роль в сложившейся системе «пролетарского единодержавия», указывали, что «у вождя пролетарской диктатуры политические интересы и способности подавляюще господствуют над организационными». Обращалось внимание на «бюрократическое перерождение верхушек правящего аппарата». В июле 1920 г. появилось письмо секретаря ЦК РКП(б) Е. А. Преображенского о симптомах разложения партии, которое положило начало дискуссии о «верхах и низах». «Низы» выступали против диктата «обуржуазившихся лжекоммунистов, генералов, шкурников, партбюрократов», настаивали на демократизации партии, предоставлении большей самостоятельности ее организациям.

Те же мысли звучали на IX партийной конференции (сентябрь 1920 г.) из уст представителей «рабочей оппозиции» (возглавляли А. Г. Шляпников, С. П. Медведев, А. М. Коллонтай), которые говорили об отрыве партии от рабочего класса и ее «засоренности» непролетарскими элементами, о бюрократическом перерождении «верхов» и необходимости партийной чистки. С конца ноября 1920 г. и до марта 1921 г. продолжалась бурная дискуссия о профсоюзах, многие ее участники осуждали официальный курс на «огосударствление профсоюзов», выступали против их превращения в придаток бюрократического управленческого аппарата. «Верхи» реагировали на все это созданием ЦКК (Центральной контрольной комиссии), призванной следить за единством и злоупотреблениями в партии; в феврале 1921 г. были сокращены привилегированные пайки и уравнены нормы снабжения руководящих кадров и рабочих. В то же время уже весной

1921 г. Ленин предпринял энергичные меры по подавлению «оппозиционеров» и «раскольников», сохранению в партии «железной» дисциплины.

§ 4. КУЛЬТУРНАЯ И ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В советской исторической науке справедливо использовался термин «культурная революция». Под ней понимали коренной переворот в духовной жизни общества, произошедший в России после Октября 1917 г. Содержанием «культурной революции» были утверждение социалистической идеологии в качестве единой мировоззренческой основы всех советских граждан и широкая демократизация культурной жизни. Этот путь был отмечен не только несомненными достижениями, но и значительными потерями.

На культурную политику советской власти 1917—1920 гг. оказывали влияние теоретические представления большевиков о роли и задачах культуры, обстановка острейшего противостояния Гражданской войны, а также состояние социокультурного раскола, в котором находилось российское общество с начала XX в.

Большевики следовали теории «двух культур», существующих в каждой национальной культуре; выделяли, с одной стороны, «буржуазную», «помещичью», с другой — «пролетарскую» культуру. Из этого следовал вывод, что само понимание единой национальной культуры — ложное, национальной культуры не существует. При таком подходе всей культуре, за вычетом пролетарской, объявлялась «беспощадная», «непримиримая» борьба. Это также ставило перед победившей большевистской властью практически неразрешимую задачу: из всей дореволюционной культуры предстояло «вырезать» ее пролетарские части, подавив при этом непролетарские. Учитывая незначительный удельный вес пролетариата и «социалистической интеллигенции» (главным образом профессиональных революционеров) в социальной и политической структуре России, можно объяснить и понять, почему новая власть столь широко применяла методы принуждения и насилия при создании «социалистической культуры». Большевистским подходам противостояло общедемократическое толкование культуры как области свободного духовного творчества, не ограниченного рамками партийной идеологии и тем более не подчиненного какой-либо партийной организации и ее дисциплине.

Большевистские взгляды на дореволюционную культуру имели определенную почву для распространения в связи с тем социокультурным расколом русского общества, который в начале XX в. стал осознаваемой всеми реальностью. С одной стороны — утонченная,

европеизированная культура элиты (дворянство, буржуазия, интеллигенция), с другой — бескультурная, забитая, неграмотная масса крестьян и городских низов. Первые с опасением ожидали прихода «грядущего хама» (Мережковский). Вторые в культурной элите часто видели «бар», «господ», к которым относились неприязненно. В годы войны эта неприязнь перерастала в нетерпимость, а затем — в ненависть. «Просвещенные классы» часто платили тем же, относясь к революционным массам без всякой симпатии.

Постепенно формировалась советская система руководства культурным строительством. 9 ноября 1917 г. совместным декретом ВЦИК и СНК была учреждена Государственная комиссия по просвещению, на которую возлагалась задача руководить всей системой народного образования и культуры. Комиссия занималась и созданием аппарата Наркомата просвещения РСФСР, который был образован 18 июня 1918 г. Наркомпрос возглавил А. В. Луначарский, его заместителем стал историк М. Н. Покровский. Структура Наркомпроса отражала многогранность его деятельности. Осенью 1918 г. в состав Наркомпроса входили отделы введения всеобщей грамотности, внешкольного образования, школьного строительства, высшей школы, народных университетов, театрального, изобразительного искусств. В своей работе Наркомпрос опирался на отделы народного образования, создававшиеся при местных Советах.

Вопросам народного просвещения и совершенствованию руководства этой сферой придавалось большое значение со стороны партийных структур. В конце 1920 — начале 1921 г. шла подготовка реорганизации НКП. Новое Положение о его работе (утверждено декретом СНК 11 февраля 1921 г.) разрабатывалось по решению Пленума ЦК РКП(б) комиссией во главе с Лениным. Согласно документу, Наркомпрос подразделялся на Академический центр (в составе научной и художественной секций, Главархива и Главмузея), Организационный центр, Главпрофобр (Главное управление социального воспитания и политехнического образования), Главполитпросвет (Главное внешкольное управление), Госиздат (Главное управление государственного издательства) и Совет по делам просвещения национальных меньшинств.

Особое место в налаживании культурно-просветительной работы и организации управления культурой в 1917—1920 гг. занимал Пролеткульт. Как негосударственный союз пролетарских, культурно-просветительских организаций он оформился организационно в октябре 1917 г. В 1918 г. было зарегистрировано 147 губернских, районных и фабрично-заводских организаций. В сентябре 1918 г. на I Всероссийской конференции пролеткультов был принят устав и избран Центральный комитет, который создал Всероссийский совет и отделы: организационный, литературный, издательский, театраль-

ный, школьный, библиотечный, книжный, музыкально-вокальный и хозяйственный.

Наибольший размах пролеткультовского движения пришелся на 1919 г., когда в нем участвовали почти полмиллиона человек, издавалось около 20 журналов. Между тем теоретики и руководители Пролеткульта (А. А. Богданов, В. Ф. Плетнев, М. И. Калинин) по ряду вопросов занимали существенно отличные от большевистских позиции. Во-первых, они полагали, что рабочий класс должен сначала выработать свою, «пролетарскую культуру», а затем критически освоить прошлую; некоторые отвергали всю предшествующую культуру. Во-вторых, считали, что Пролеткульт должен оставаться организацией, независимой от партийных и государственных структур, и, более того, вмешательство государства в творчество является «большим унижением культурного достоинства рабочего класса, отрицанием его права культурно самоопределиться».

Большевиков не устраивала именно эта «неподконтрольность» массовых пролетарских объединений. В октябре—ноябре 1920 г. по разным линиям давление на пролеткультовцев усилилось, и было принято принципиально важное решение о слиянии Пролеткульта с Наркомпросом: в составе последнего создавался отдел пролетарской культуры. 1 декабря 1920 г. в «Правде» было опубликовано письмо ЦК РКП(б) «О пролеткультах», где расставлялись все точки над «i»: в своей деятельности пролеткульты должны были руководствоваться «направлением, диктуемым Наркомпросу РКП».

Напряженно складывались отношения советской власти с интеллигенцией. Большая часть работников умственного труда с энтузиазмом встретила свержение царизма и приветствовала начало демократических преобразований. Однако вскоре наступило разочарование бездеятельным Временным правительством, затем возмущение большевиками, захватившими власть и разогнавшими демократически избранное Учредительное собрание. Поэтому после Октября 1917 г. многие профессиональные союзы интеллигенции и служащих отказались от сотрудничества с советской властью, которая смогла «сломить саботаж» лишь к лету 1918 г.

Большая часть интеллигенции была настроена либерально, но не готова принять те масштабы применения насилия и радикализм преобразований, которые достаточно скоро проявились в политике большевиков. Массовый террор, Гражданская война, немедленное введение социализма, мировая революция — все это оттолкнуло от ленинцев даже тех, кто ранее симпатизировал революционерам (А. М. Горький, В. Г. Короленко, А. А. Блок, Ф. И. Шаляпин и др.). Фундаментальное противоречие в отношении большевиков к культуре состояло в том, что, признавая необходимость овладевать достижениями

культуры прошлого, они неприязненно относились к интеллигенции как слою — хранителю, носителю и создателю духовных ценностей.

Многие представители интеллигенции из соображений экономических и патриотических пошли на сотрудничество с советской властью, но слой в целом оставался под подозрением, часто становился объектом репрессий. 11 сентября 1919 г. ЦК РКП(б) даже рассматривал вопрос «О массовых арестах среди профессоров и ученых». М. Горький в 1918—1920 гг. постоянно выступал в роли просителя перед высшими партийными чиновниками за арестованных деятелей культуры; «пролетарский писатель» указывал на «бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране». Все это привело к массовой эмиграции лиц интеллигентских профессий.

Сложным и противоречивым было отношение новой власти к культурному наследию. Не только руководители Пролеткульта, но и влиятельные большевистские вожди (Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин и др.) разделяли нигилистическое отношение к культуре прошлого. У руководства ряда отделов искусств Наркомпроса, а также во главе многих творческих организаций, художественных учебных заведений оказались «левые», которые при всех различиях между ними не считали нужным включать в социалистическую культуру достижения классического культурного наследия. Влиятельный тогда Д. Бедный так выразил эти настроения: «...пролетарские писатели имеются. Пусть не первого ранга. Пока не беда. Пусть три сопливеньких, но свои».

В октябре 1917 г. были предприняты шаги по сохранению культурного наследия. Луначарский подписал распоряжение об объявлении Зимнего дворца государственным музеем. Позже музеи были открыты во дворцах Царского Села, Петергофа, Гатчины. Совнарком принял важные Декреты «О запрещении вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения», «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» и др. Эти акты ориентировали на бережное отношение к культурному наследию. Однако обстановка Гражданской войны, слабость государства, нехватка кадров не позволяли в полном объеме выполнять принятые решения. Большие масштабы приобрели разрушение и разграбление художественных ценностей, многие из которых погибли, были расхищены, вывезены за рубеж. Попыткой навести порядок в этой сфере было создание по инициативе М. Горького в 1919 г. специальной Экспертной комиссии для выявления, сбора, изучения национализированных произведений искусства, антикварных ценностей, предметов роскоши.

Одной из наиболее тяжелых для новой России была проблема ликвидации массовой неграмотности населения. Большевики рассматривали ее и как образовательную, и как политическую задачу. Государственная комиссия по просвещению (создана 9 ноября 1917 г.) заявила о намерении правительства «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения». Реально приступить к решению этой задачи удалось лишь в конце Гражданской войны.

26 декабря 1919 г. Совнарком издал Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», согласно которому все граждане от 8 до 50 лет, не умеющие читать и писать, должны были обучаться грамоте. Для концентрации усилий и обобщения опыта в июле 1920 г. при Наркомпросе была организована Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧКликбез). Она занималась подготовкой преподавателей, выпуском учебников, открытием школ грамоты. За год было выпущено 6,5 млн экз. букварей, в 1920 г. грамоте удалось обучить 3 млн человек. Однако основная работа была впереди: к этому времени читать умели лишь 32% жителей центральной части России.

Большие изменения в 1917—1920 гг. претерпела школа. Здесь позиции советской власти были сформулированы в двух документах: «Положение об организации дела народного образования в Российской Республике» (утверждено СНК 18 июня 1918 г.) и «Положение о единой трудовой школе» (утверждено ВЦИК 30 сентября 1918 г.). Ликвидирована была прежняя школьная система: начальная, различные виды средней школы — гимназии, реальные училища. Вместо них вводилась двухступенчатая школа: первая для детей от 8 до 13, вторая — с 13 до 17 лет, что на три года сокращало прежний срок обучения. Вводилось совместное обучение мальчиков и девочек, из учебных планов были изъяты некоторые предметы (древние языки, Закон Божий), введены новые. Определены были новые принципы образовательного процесса: светский характер обучения, органическая связь обучения с производительным трудом — решением практических задач общества.

Несмотря на тяжелые условия, ежегодно открывались тысячи новых городских и сельских школ (к 1920 г. — 13 тыс. новых школ, с числом учащихся, на 1 млн превысившим уровень 1914 г. и достигшим 9 млн). За годы Гражданской войны были предприняты важные шаги в подготовке учительского корпуса: число педагогических вузов в сравнении с дореволюционным временем удвоилось и достигло 55. В 1920 г. их закончили около 5 тыс. человек. Менялось представление о роли учителя в учебном процессе. На VIII съезде РКП(б) (1919) отмечалось, что «учителя обязаны рассматривать себя как

агентов не только общего, но и коммунистического просвещения. В этом отношении они должны быть подчинены не только контролю своих непосредственных центров, но и местных партийных организаций».

С большими трудностями столкнулась новая власть при перестройке высшего образования. Поставлена была задача демократизации состава студенчества за счет привлечения в вузы выходцев из социальных низов. 2 августа 1918 г. утвержден Декрет «О правилах приема в вузы», согласно которому каждый гражданин, достигший 16 лет, мог быть принят в вуз без экзаменов; при этом документы о среднем образовании не требовались. Он предписывал принимать прежде всего «лиц из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии».

Решению этой задачи служило создание рабочих факультетов: на рабфаках в сжатые сроки выходцы из рабочих и крестьян должны были ликвидировать пробелы в школьном образовании и подготовиться для дальнейшей учебы в вузах. Первый рабфак был создан в феврале 1919 г. в Московском коммерческом институте (ныне Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова), затем их организовали при большинстве вузов. И хотя классовый принцип при наборе студентов проводился последовательно, задачу «пролетаризации» высшей школы решить так и не удалось: большую часть студенчества составляли выходцы из непролетарских групп.

Осенью 1918 г. была предпринята попытка подорвать позиции старой профессуры. С 1 октября 1918 г. отменялись все научные степени и звания, а преподаватели оказались выбывшими из числа сотрудников вузов и могли быть избранными лишь по всероссийскому публичному конкурсу. Это, однако, не привело к ожидаемым властью результатам: заменить вузовских «спецов» власти было некем, и большая часть преподавателей осталась на своих местах. В 1919 г. были ликвидированы гуманитарные факультеты университетов, которые заменили факультетами общественных наук и комплектовали более лояльными кадрами.

Новое наступление на высшую школу началось с конца 1920 г. Во главе Московского университета был поставлен Временный президиум, состав которого частично назначался Наркомпросом, частично избирался. Председателем президиума стал назначенный Наркомпросом профессор-коммунист Д. П. Благолепов. Право замещения профессорских должностей перешло к Государственному ученому совету (ГУС) Наркомпроса. 3 декабря 1920 г. был опубликован Декрет СНК «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях». Преподавателям предписывалось в сжатые сроки пересмотреть сквозь призму марксизма содержание курсов и обучать студентов на основе перестроенных по-новому программ.

Несмотря на изменение качества образования, общее число вузов за годы Гражданской войны возросло: в 1914 г. в России было 105 вузов, а в конце 1920 г. — 255, в которых обучались 216 тыс. студентов. Перестройка высшей школы продолжалась в 1920—1930 гг.

В сложных условиях войны и связанных с ней лишений происходило развитие отечественной науки. Большевики изначально ставили задачу привлечения ученых для развития производительных сил страны. Нехватка кадров и материальных ресурсов привели к тому, что в организацию научной деятельности стало активно внедряться плановое начало. Вопросы управления наукой были в центре внимания двух государственных учреждений: ВСНХ и Наркомпроса. В августе 1918 г. при ВСНХ был создан Научно-технический отдел (НТО), в задачу которого входило привлечение к социалистическому строительству сотрудников различных лабораторий, научных и технических обществ. опытных станций. В его составе было создано Бюро иностранной техники, призванное отслеживать зарубежные научно-технические нововведения с целью их своевременного внедрения в нашей стране.

Если ВСНХ чаще ориентировался на прикладные аспекты научной деятельности, то Наркомпрос курировал более широкий круг вопросов организации науки. В феврале 1921 г. в его составе был образован Академический центр, куда входил Государственный ученый совет (ГУС) с тремя подсекциями: научно-политической, научно-технической и научно-педагогической. В рамках этих направлений Наркомпрос осуществлял руководство как научными центрами, так и высшей школой.

Весной 1918 г. установились рабочие контакты правительства с Академией наук (президент — А. П. Карпинский). Особенно активно действовала академическая комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), в работе которой принимали участие известные ученые: В. И. Вернадский, А. Н Крылов, Н. С. Курнаков, П. П. Лазарев, А. Е. Ферсман и др. В составе комиссии действовали 20 специализированных отделов. Всего же за 1918—1920 гг. было создано около 50 научно-исследовательских институтов, в числе которых такие известные, как Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Государственный физико-технический институт, Институт изучения мозга и психической деятельности, Рентгенологический и радиологический институт, Институт по изучению Севера. Символичным для нового характера отношений между наукой и властью стало участие 200 видных специалистов в работе Государственной комиссии по электрификации России, которая разработала план ГОЭЛРО. Этот комплексный перспективный план (рассчитанный на 10—15 лет) предусматривал ускоренное

развитие энергетики, тяжелой промышленности, рациональное размещение производительных сил.

Значительно сложнее дело обстояло с положением общественных наук. Дореволюционные философия, социология, экономика, право, история считались «зараженными» буржуазной идеологией и в подавляющей части непригодными для победившего пролетариата. Активное неприятие носителей «реакционных» взглядов было продемонстрировано насильственной высылкой за рубеж по инициативе В. И. Ленина в мае 1922 г. более 160 видных ученых-гуманитариев. В то же время кадров, усвоивших марксизм, было катастрофически мало. Освоение марксистского наследия происходило одновременно с созданием учебных и научных центров коммунистического профиля, сопровождалось значительным упрощением и вульгаризацией социальной теории.

После Октября 1917 г. заметно изменились условия художественного творчества. На первый план вышли «левые», авангардные течения, которые претендовали на роль единственных представителей нового пролетарского искусства. Особым влиянием пользовались футуристы, по мнению А. В. Луначарского, «барабанщики нашей красной культуры». Они привлекали власти тем, что призывали деятелей искусства активно служить своим творчеством революции, искали новые яркие формы художественной выразительности. К числу своих достижений периода Гражданской войны они относили плакатную живопись Д. С. Моора и А. П. Апсита, агитационную пьесу В. В. Маяковского «Мистерия-буфф» в режиссуре В. Э. Мейерхольда, создание «Башни Третьего Интернационала» (модель памятника III Интернационалу) В. Е. Татлина.

К 1921 г. сложилось представление об основных задачах Наркомпроса как главного проводника государственной политики в области художественного творчества. Они были сформулированы А. В. Луначарским на встрече с представителями Всероссийского союза работников искусств: сохранение действительных ценностей искусства прошлого; критическое освоение их пролетарскими массами; всемерное содействие созданию опытных форм революционного искусства; использование всех видов искусства для пропаганды идей коммунизма и их проникновения в массу работников искусства; объективное отношение ко всем художественным течениям; демократизация всех художественных учреждений и широкая их доступность массам.

Итогом революционных событий 1917—1920 гг. стало разделение русской культуры, формирование трех ее потоков. Первый, руководимый идеологическими аппаратами партии, «официальный». Второй — «несоциалистическая» художественная культура, существовавшая в условиях советской легальности. Третий — культура русского зарубежья. В первом случае непременным требованием к произведе-

нию было сочетание социалистической направленности с убедительностью художественной формы, при этом приоритет отдавался мировоззренческой, идеологической составляющей. Во втором — литераторы и художники развивали прежние, часто дореволюционные традиции, но их произведения не несли в себе заряда «социалистического воспитания». Власть их терпела, однако создавала препятствия распространению их работ. Эти люди становились объектами идеологических и других репрессий. Третий поток русской культуры — зарубежный — развивался вне зависимости от коммунистического диктата, но изолированно от Родины и потому не оказывал заметного влияния на ее духовную жизнь. Воссоединение этих трех потоков началось лишь в конце XX в.

Драматично складывались отношения между советской властью и Церковью. РСДРП(б) была партией атеистов и рассматривала религию как один из инструментов угнетения трудящихся. Сама Русская православная церковь (РПЦ) к 1917 г. тоже находилась в состоянии кризиса. Система церковного руководства была частью государственного аппарата, управление церковью носило светский, бюрократический характер. Это вело к падению авторитета официальных церковных структур. Многие церковные деятели тяготились таким положением и стремились к выходу РПЦ из «подневольно-государственного положения к свободному выборному строю». Широкий круг проблем глубокого реформирования церкви был призван рассмотреть Поместный собор, который работал (с перерывами) в течение 13 месяцев (с 15 августа 1917 г. по 20 сентября 1918 г.). Он восстановил патриаршество. 5 декабря 1917 г. на этот пост был избран пользовавшийся авторитетом в церковной среде митрополит Московский Тихон (В. И. Беллавин).

Тем временем захватившие власть большевики начали планомерное наступление на Церковь. По Декрету от 4 декабря 1917 г. все земли, включая церковные и монастырские, отбирались государством. Постановлением Наркомпроса от 11 декабря в его ведение перешли церковно-приходские школы, семинарии, духовные академии. 18 декабря был введен гражданский брак, а церковный аннулировался; регистрация рождения также была изъята у церкви. И наконец, 31 декабря 1917 г. был опубликован проект декрета «О свободе совести», который вызвал особенно широкий резонанс. Помимо общедемократических установлений, отделявших церковные дела от государственных, в нем сообщалось, что отныне «церковные общества не имеют права владеть собственностью и не имеют прав юридического лица»; «все имущество церковных и религиозных обществ... поступает в собственность государства» и что «имуществом приходов будут ведать волостные, земские и городские самоуправления». Таким об-

разом, по проекту декрета Церковь становилась не только нищей, но и бесправной.

В глазах многих легитимность проекта декрета была сомнительной. Вопрос о месте Церкви в новой политической системе должно было решить Учредительное собрание, до созыва которого и Советское правительство имело статус «временного». Вызывало недоумение, что это далеко не всеми признаваемое правительство взялось решить судьбу института, много веков игравшего важную роль в истории страны. Возмущение этим выразили как церковные иерархи, так и рядовые верующие. Патриарх Тихон направил правительству послание, в котором предал большевистскую власть анафеме; принятые в отношении Церкви акты он назвал проявлением «самого разнузданного своеволия и сплошного насилия на святой Церковью». Тихон призвал пастырей Церкви «устраивать духовные союзы» и организовать «ряды духовных борцов» на защиту «попираемых прав Церкви». Проект декрета был осужден Поместным собором. В Петрограде и Москве прошли крестные ходы в защиту Церкви, в которых приняли участие сотни тысяч верующих.

Советская власть ответила быстро и жестко. 20 января 1918 г. Ленин изучил представленный Наркомюстом итоговый проект декрета, внеся в него более резкие формулировки. В тот же день Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» был утвержден Совнаркомом. В официальном правительственном издании Декрет появился 23 января 1918 г. под другим заголовком: «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Именно эта дата и название утвердились в литературе.

Публикация декрета не сопровождалась подготовкой разъяснений и инструкций по его применению, что привело к многочисленным эксцессам. Жертвами безбожных чиновников и разнузданных грабителей становились те, кто пытался препятствовать захвату церковного имущества и ценностей. Насилие порождало насилие: весной 1918 г. произошло более 1400 кровавых столкновений, в ходе которых убито 138 представителей партии и советской власти. С целью упорядочения работы по реализации декрета в мае 1918 г. при Наркомюсте для решения церковных дел был создан специальный отдел, который получил характерное название «ликвидационный». По февральскому (1919) постановлению наркомата осуществлялось публичное вскрытие святых мощей, что использовалось для атеистической пропаганды.

Все это привело к тому, что конфликт между большевиками и верующими стал одним из факторов эскалации Гражданской войны. Духовенство приняло активное участие в организации сопротивления большевизму. В белогвардейских армиях действовали кадры военного духовенства. В армии Деникина было около 1000 священников, у Врангеля — более 500, у Колчака — несколько тысяч. В Сибири

под общим руководством омского епископа Сильвестра (Ольшанский) образовались «полки Иисуса», «полки Богородицы», возглавлявшиеся священниками. Подобные части действовали и на юге.

В свою очередь росла ненависть большевиков к церковникам: закрывались монастыри и храмы, реквизировалось церковное имущество, массовый характер носили убийства священников. Антицерковные погромы достигли своего апогея в 1922 г.

В то же время уже в годы Гражданской войны в среде духовенства возникло течение в пользу сотрудничества с новой властью. В сентябре 1920 г. в Москве был учрежден «Комитет по делам духовенства всея России», одной из целей которого стало «умственное и моральное развитие (духовенства) в соответствии с запросами времени и для приспособления его к новому строю». Протест церковников против политики Тихона проявился и в так называемом обновленческом движении (возглавлялось протоиереем А. И. Введенским), участники которого требовали прекращения «Гражданской войны Церкви против государства».

* * *

Революция и Гражданская война явились результатом обострения российских противоречий начала XX в., которые были усугублены войной. Неспособность правящей элиты адекватно отреагировать на вызовы времени стала главной причиной революционного взрыва.

Февраль 1917 г. коренным образом изменил политическую систему России. Перед страной открывалась возможность обновления, глубоких преобразований в экономической, социальной, политической и духовной сфере. Однако оказавшиеся на гребне революционной волны партии и лидеры всячески оттягивали решение насущных российских проблем.

На фоне пассивности «буржуазных» и «мелкобуржуазных» партий позиции большевиков оказывались намного предпочтительнее. С весны 1917 г. их признанный лидер демонстрировал превосходство над другими политиками в искусстве улавливать общественные настроения и вновь адресовать их массам в виде понятных лозунгов. Это искусство, а также жесткая партийная дисциплина сыграли решающую роль в захвате власти ленинцами в октябре этого года.

Большевики приступили к овладению властью в стране, находившейся в состоянии глубокого кризиса. Задача сохранения целостности государства, необходимость восстановления порядка соединились со стремлением реализовать свой социальный идеал для России. Это, а также вмешательство извне обусловили ожесточенность и длительность Гражданской войны.

Для России Первая мировая и Гражданская войны, а также иностранная интервенция обернулись подлинной трагедией. Общий ущерб, нанесенный экономике, превысил 50 млрд золотых рублей. С 1914 по 1920 г. промышленное производство сократилось в 7 раз, сельскохозяйственное — на 38%. Более других пострадала крупная индустрия, в упадке был транспорт; страна переживала топливный голод. Велики были людские потери: за 1917—1920 гг. страна потеряла около 10 млн человек, большая часть которых погибла от голода, болезней, красного и белого террора. По образному замечанию В. И. Ленина, после войны Россия представляла собой «до полусмерти избитого человека».

В обществе произошли глубочайшие изменения: из социальной структуры устранялись целые классы: помещики, крупная и средняя буржуазия; большой урон был нанесен духовенству, казачеству, зажиточному крестьянству. Около 2 млн россиян оказались в эмиграции; среди них доминировали дворянство, предприниматели, интеллигенция. Сокращение и без того тонкого образованного слоя закрепляло разрыв нового общества с историко-культурной традицией страны.

К концу войны сформировался особый политический режим, где главную роль играла партия-государство, в которую превратилась РСДРП(б) после прихода к власти. За 1918—1920 гг. произошла радикализация большевизма: на первом послеоктябрьском съезде в марте 1918 г. (VII по общему счету) партия была переименована в Российскую коммунистическую партию (большевиков). И это была не просто смена названия. Ленинцы сознательно порывали с европейской социал-демократией и российскими социалистами из-за их умеренности, склонности к компромиссам, «буржуазному демократизму». Новые идейные основы, ставшие на долгие годы политическим эталоном для российских коммунистов, были закреплены в Программе партии, принятой в разгар Гражданской войны и «военного коммунизма» (VIII съезд, март 1919 г.). К обрисованному в ней образу светлого будущего предполагалось двигаться, в полной мере используя мощь пролетарского государства. Это стало обоснованием для чрезвычайной централизации управления всеми сферами, привело к фактическому подчинению государству обычно независимых структур гражданского общества: судов, прессы, профсоюзов, кооперативов и т. д. В экономической сфере частная инициатива и рынок заменялись диктатом государства, организующим производство и распределение продукции.

Начало 1921 г. высветило неприятие проводимой большевиками политики даже со стороны массовых трудящихся слоев — крестьянства и рабочих, что нашло отражение в популярном тогда лозунге «За Советы без коммунистов!». Стремление сохранить власть предо-

пределило политику лавирования, проводившуюся в 1920-е гг., в которой, однако, отступления от линии 1919—1920 гг. рассматривались как вынужденные и временные.

Уже к 1920 г. были фактически ликвидированы все политические партии, а Советы превратились в орудие однопартийной диктатуры, при которой государственные структуры становились проводниками большевистских идей и взглядов. В 1918—1920 гг. активно формируется партийный аппарат, роль которого растет как в самой партии, так и в государственных учреждениях. При этом развитие аппарата происходило на фоне общей бюрократизации советской системы управления. Свертывание рыночного регулирования экономической деятельности, переход к государственному учету, контролю и распределению ресурсов вызвали колоссальный рост чиновничества. К «традициям» старой бюрократии («спецов») прибавилось «комчванство» — стиль поведения вышедших из коммунистической среды чиновников, «товарищей с портфелями». Этому способствовали и значительные изменения, произошедшие в составе РКП(б): к 1920 г. вырос удельный вес служащих (до 25%), но, что особенно важно, 70% составляли люди, вступившие в нее после Октября 1917 г. Многие рассчитывали на привилегированное положение в обществе за счет принадлежности к правящей партии.

В результате к концу Гражданской войны произошло, по выражению Н. И. Бухарина, «превращение необходимого централизма в бюрократический отрыв от масс». Говорили, что место диктатуры пролетариата заняла «диктатура партийного чиновничества». В сравнении с 1917 г. ситуация изменилась разительно: степень влияния партийного и государственного деятеля определялись теперь не только его личными качествами, но и в значительной мере способностью выстроить отношения с управленческим аппаратом, подчинить его себе.

Обстановка Гражданской войны привела к милитаризации управления: решения руководящих органов принимали форму военных приказов. К 1921 г. демократические основы внутрипартийной жизни были уже во многом подорваны. Победа над многочисленными противниками усилила готовность использовать военно-коммунистические методы в условиях мирного времени. Милитаризация сознания стала одним из результатов Гражданской войны. Стоящие перед страной задачи в последующие годы формулировались в терминах военных кампаний: «хозяйственный *фронт*», «идейный *враг*», «*борьба* за выполнение плана», «*битва* за урожай» и т.п.

В 1919—1920 гг. началась романтизация насилия против «эксплуататоров», превозносилась борьба «трудящихся», «рабоче-крестьянского государства» против «буржуазии», «помещиков», «интервентов». После завершения Гражданской войны идеализация «крас-

ных» и демонизация их противников, замалчивание сложностей и противоречий стали традицией советской идеологической жизни и длительное время формировали искаженную картину великой национальной трагедии.

Глава 7

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СССР В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ 1921—1928

§ 1. ПЕРЕХОД К НЭПУ, ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

В результате семи лет мировой и Гражданской войн численность населения советских республик к 1 января 1921 г. сократилась до 134,3 млн человек. Потери одних только вооруженных формирований (и красных, и белых) за годы Гражданской войны и интервенции составляли 2,5—3,3 млн человек. С осени 1917 до начала 1921 г. население России сократилось на 10 887 тыс. человек. Сокращение продолжалось в 1921 (на 1854 тыс.) и в 1922 гг. (на 1592 тыс.). К концу 1921 г. не менее 1850 тыс. человек — почти вся политическая, финансово-промышленная, значительная часть научно-художественной элиты, их семьи — вынуждены были эмигрировать из России.

Производство в крупной промышленности в стране в 1920 г. составило 14,6% от уровня 1913 г., в металлообработке — 7%, в производстве чугуна — 2%. Большинство промышленных предприятий бездействовали, численность рабочих сократилась вдвое. Разоренная войной и продразверсткой деревня не обеспечивала промышленные центры продовольствием, не говоря уже о том, что довоенная Россия была крестьянской страной с минимальным совокупным прибавочным продуктом и не имела запасов на случай неурожая.

К весне 1920 г. Центральный регион страны, Поволжье, Северный Кавказ, Украина были охвачены голодом. В мае 1921 г. в Поволжье и ряде губерний Центра началась засуха, уничтожившая посевы и усугубившая народное бедствие. В мае 1922 г. голодало 22—27 млн человек, к этому времени от истощения и заболеваний, обострившихся в результате голода (цинга, дизентерия, сыпной и брюшной тиф) погибло около миллиона крестьян, столько же эвакуировано из пораженных бедствием губерний. В апреле 1923 г. насчитывалось 5,5 млн голодавших. Помощь государства была минимальной. Суточная норма пайка, позволявшего спастись от голодной смерти, определялась

Наркоматом продовольствия в 877 ккал для взрослого и 706 ккал для ребенка, что составляло менее 30% от нынешней научно обоснованной нормы в 3000 ккал. Районы бедствия снабжались семенами для озимого и ярового посевов.

В результате войны и голода осиротевшие дети становились беспризорниками (в 1922 г. — 7 млн). Начавшаяся демобилизация армии усилила безработицу. Поднялась волна бандитизма. С окончанием Гражданской войны обострились противоречия в партийном руководстве страны.

Решение поставленных властью перед разоренной страной первоочередных задач (восстановление народного хозяйства, переход к социалистическому производству) большевики в целом (несмотря на фракционные различия) видели на путях расширения и углубления политики «военного коммунизма». Однако попытки расширить практику «военного коммунизма» в условиях мирного времени встретили сильное сопротивление крестьян и значительной части рабочих. В 1920—1921 гг. против продразверстки с оружием в руках выступали крестьяне в Воронежской, Саратовской, Пензенской губерниях, в Сибири, на Дону и Украине. К весне 1921 г. число участников восстаний по стране достигло нескольких сотен тысяч человек. Особенно упорным и кровопролитным было восстание под предводительством эсера А. С. Антонова в Тамбовско-Воронежском регионе (около 60 тыс. крестьян). На Украине действовали анархо-крестьянские отряды Н. И. Махно численностью до 35 тыс. человек. В Западной Сибири число повстанцев-крестьян (более 200 тыс.) было соизмеримо с численностью советских войск, расположенных между Уральским хребтом и Байкалом. Восстание охватило Тюменскую, часть Омской и Челябинской губерний. Повстанцы требовали отмены продразверстки, созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, свободы торговли, денационализации промышленности.

На подавление восстаний была брошена регулярная армия. Герои отшумевшей Гражданской войны (С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе, И. П. Уборевич, И. Э. Якир и др.) были вынуждены вести части Красной армии на подавление недавних классовых союзников. Наиболее серьезным был мятеж в марте 1921 г. в гарнизоне и на кораблях Балтийского флота в Кронштадте под лозунгами «Власть Советам, а не партиям!», «Советы без коммунистов!».

Во многих городах бастовали рабочие. Они тоже добивались замены продразверстки натуральным налогом. Этого, в частности, потребовала конференция металлистов Москвы и Московской губернии в начале февраля 1921 г. Особую тревогу вызывали забастовки и демонстрации работников Трубочного, Балтийского, Путиловского и

других заводов и фабрик в Петрограде, грозившие слиться с восстанием в Кронштадте.

Под страхом утраты власти и крушения революции в России власть была вынуждена предпринять срочные меры для установления нового соглашения с крестьянством, пойти на смену внутриполитического курса. 8 февраля 1921 г. В. И. Ленин составил «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», в котором предложил удовлетворить их желание о замене разверстки хлебным налогом. Одновременно предлагалось «расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте». Ранее проводившуюся экономическую политику в этой связи пришлось назвать вынужденным «военным коммунизмом», который не отвечал и не мог отвечать хозяйственным задачам пролетариата.

X съезд РКП(б) (8—16 марта 1921 г.) в предпоследний день работы принял резолюцию «О замене разверстки натуральным налогом». Сущность НЭПа при этом была выражена следующим образом: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа в всемирном масштабе... иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора». Что касается отдельно взятой России, Ленин допускал, что «с мужиком нам придется повозиться, пожалуй, лет шесть». Соратники допускали, что НЭП продлится от 10 (Н. А. Милютин) до 25 лет (Н. Осинский). Во всяком случае, переход к НЭПу позволял не так трагично, как раньше, реагировать на «затяжку» мировой революции. Ленин полагал, что в результате новой стратегии, дожидаясь мировой революции, «мы в России выдержим не только 5 лет, но и больше».

Опасаясь утраты социалистической перспективы при слишком больших уступках мелкой буржуазии и капиталистам, уже через год после перехода к НЭПу он заявил: «*Наше экономическое отступление мы теперь можем остановить*», «*займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы*». В действительности становление системы НЭПа заняло 1921—1923 гг., его расцвет пришелся на 1924—1926 гг. Позднее, с началом масштабной «социалистической реконструкции», а по сути — модернизации народного хозяйства, НЭП сворачивался.

Первым актом новой экономической политики стал Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г., заменявший продразверстку продналогом. Поставки по налогу были почти в два раза ниже, чем по продразверстке, их размер не мог меняться в течение хозяйственного года, приспособленного к циклу сельскохозяйственного производства. В 1921—1930 гг. хозяйственный год в России начинался и заканчивался в 0 часов 1 октября.

Декрет о продналоге был встречен повсюду с удовлетворением. Это выразилось в расширении крестьянами посевных площадей,

оживлении промышленности и прежде всего — в спаде повстанческого движения. К концу 1921 г. очаги крестьянских восстаний были в основном погашены. Оставалось, конечно, много недоверчивых, усматривавших в перемене партийного курса всего лишь стремление накануне сева побудить крестьян расширить его размеры, чтобы вскоре снова вернуться к продразверстке. Таких уверяли, что НЭП вводится «всерьез и надолго».

Отказ от продразверстки полностью разрушал уже укоренившиеся представления большевиков о возможности непосредственного перехода от капитализма к социализму, о прямом продуктообмене между производителями, об отмене денег и отмирании рынка. Стремясь не допустить крушения иллюзий, руководители страны поначалу полагали, что «излишки» производившегося крестьянами продукта будут обмениваться на промышленные товары государственных предприятий в пределах местного оборота — в волости, уезде, губернии — через государственные хозяйственные органы и подконтрольную государству кооперацию. Предполагалось, что таким образом можно будет исключить частный капитал из процесса обмена.

Однако вскоре выяснилось, что малый объем обменного фонда промышленных товаров не позволяет ограничить продуктообмен определенными рамками. Уже летом 1921 г. товарообмен явочным порядком стал выходить за пределы местного оборота и заменяться денежной куплей-продажей. В октябре 1921 г. Ленин констатировал: «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля». Властям ничего не оставалось, как «отойти еще немного назад» от решений X съезда, учиться торговать, приняться за государственное регулирование денежного обращения и реформу налогообложения. Натуральная часть оплаты труда заменялась денежной. В 1920 г. последняя составляла всего 7,4% заработка фабрично-заводского рабочего; в 1921 г. — 19,3; в первом полугодии 1922 г. — 32; во втором — 61,8; в начале 1923 г. — 80%.

В 1921 г. продразверстка была заменена системой из 13 налогов в натуральной форме (продналог, подворно-денежный, трудгужналог, местные налоги). Произведенная в крестьянском хозяйстве продукция после уплаты налога могла непосредственно обмениваться на промтовары. Чтобы заработать деньги на уплату налогов и приобретение необходимой промышленной продукции, крестьяне были вынуждены продавать свою продукцию государству. В 1923 г. налоги объединили в единый сельхозналог, выплачивавшийся сначала натурой и деньгами, а с 1924 г. — только в денежной форме. Первоначальная величина продналога на уровне 20% от чистого продукта крестьянского хозяйства затем была снижена до 10% урожая. Единый сельхозналог в денежной форме выплачивался по ставке 5% от дохода с

каждого крестьянского двора. Это позволяло крестьянам наладить наконец-то свое хозяйство. Налоги существенно разнились в классовом отношении. Например, с обычного единоличника брали 18, а с кулака — 172 руб. в год. К 10-й годовщине Октября 35% всех крестьянских хозяйств (бедняцких и маломощных) были вообще освобождены от сельхозналога. Льготами пользовались коллективные хозяйства.

Важным звеном НЭПа в деревне было разрешение аренды земли и наемного труда. Это право было зафиксировано в новом Земельном кодексе РСФСР, принятом IV сессией ВЦИК 30 октября 1922 г. Крестьянам были также предоставлены права на выход из сельской общины и выбор форм землепользования. Однако запрет на куплю, продажу, завещание, дарение, залог земли не был снят: земля оставалась в собственности государства. Тем не менее право аренды земли и найма работников давало шансы для появления слоя крестьян-товаропроизводителей за 4—5 лет (традиционные для условий России сроки).

В мае 1921 г. начался процесс денационализации промышленности. В системе ВСНХ было решено оставить только наиболее крупные и эффективные предприятия. Объединенные в тресты, они стали работать на принципах хозрасчета, самофинансирования и самоокупаемости. Ликвидировалась, что очень важно, уравнительная система оплаты труда. Нерентабельные предприятия закрывались или сдавались в аренду. За 1921—1922 гг. возникли свыше 10 тыс. частных предприятий. Нередко они сдавались в аренду бывшим владельцам на срок от 2 до 5 лет взамен 10—15% производимой продукции. Арендованные предприятия порой насчитывали до 300 работников. Частникам разрешалось открывать собственные предприятия с числом занятых не более 20 человек. На арендованных мелких и средних предприятиях производились в основном потребительские товары. Всего к середине 20-х гг. на долю частного сектора приходилось от 20 до 25% производства промышленной продукции.

Началось создание смешанных акционерных обществ с участием государства и частных предпринимателей. Разрешалось предоставление концессий иностранным предпринимателям на предприятия или территории для разработки природных ресурсов. Государство контролировало использование ресурсов, не вмешиваясь в хозяйственные и административные дела. Концессии облагались теми же налогами, что и госпредприятия. Часть полученной продукции отдавалась в качестве платы государству, другая могла реализовываться за рубежом. Общее число концессионных предприятий было невелико: в 1924 г. — 55, в 1925 г. — 70, в 1926 г. — 82, в 1927 г. — 74, в 1928 г. — 68, в 1929 г. — 59. В 1926/27 хозяйственном году на них выпускалось немногим больше 1% промышленной продукции. Однако в не-

которых отраслях роль концессионных предприятий была весьма заметной. В середине 20-х гг. они давали почти 85% марганцевой руды, более 60% добытого свинца и серебра, 30% — золота, 26% — цинка, 19% — меди, 22% — производимой одежды и галантереи.

Несмотря на частичную денационализацию и концессионирование, государство сохраняло в своем распоряжении самый мощный сектор народного хозяйства. Полностью вне рынка оставались энергетика, металлургия, нефтедобыча и нефтепереработка, добыча каменного угля, оборонная промышленность, железные дороги. На XIV съезде партии (декабрь 1924 г.) отмечалось, что удельный вес концессий и аренды в стране минимален: первые насчитывали 50 тыс. рабочих, вторая — 35 тыс. Тогда же было заявлено о необходимости устранения экономической зависимости от заграницы.

Система управления государственной промышленностью была децентрализована. Вместо 50 прежних отраслевых главков и центров ВСНХ осталось 16, численность управленческого аппарата сократилась почти втрое. Основной формой управления производством стали тресты — объединения однородных или взаимосвязанных предприятий. Работая на условиях хозяйственного расчета, они самостоятельно решали, что производить, где реализовывать продукцию, несли материальную ответственность за организацию производства, качество продукции, сохранность государственного имущества. Законом предусматривалось, что «государственная казна за долги трестов не отвечает».

К концу 1922 г. 421 трест объединял около 90% всех промышленных предприятий (40% — центрального подчинения, 60% — местного), из которых 80% было охвачено синдикатами — добровольными объединениями трестов для оптовых закупок сырья, оборудования, сбыта готовой продукции, кредитования. Все эти операции осуществлялись через сеть товарных бирж, ярмарок, торговых домов (фирм). К 1928 г. в стране насчитывалось 23 синдиката, действовавших почти во всех отраслях промышленности. Столь явные признаки ведущей роли в промышленности крупных хозяйственных структур напоминали структуру дореволюционной промышленности и, видимо, в наибольшей мере отвечали российским условиям.

В феврале 1921 г. была организована Государственная плановая комиссия (Госплан). Первоначально ее деятельность сводилась к конкретизации основных направлений плана ГОЭЛРО, разработке годовых планов по отдельным отраслям народного хозяйства. С 1924 г. разрабатывались промфинпланы (в них стали учитываться финансовые возможности развития отдельных отраслей). В 1925 г. отраслевые планы впервые сливались в единый годовой план промышленности и строительства. Планирование приобретало всеобъемлющий характер.

Реформы коснулись и армии. Трудовые армии были расформированы 30 декабря 1921 г. Общая численность РККА была сокращена с 5 млн (конец Гражданской войны) до 600 тыс. в феврале 1923 г. и до 562 тыс. человек к 1925 г. С 1923 г. началось создание территориально-милиционных частей Красной армии. При новой армейской системе формирования имели численно небольшие постоянные кадры. Переменный рядовой состав обучался военному делу на кратковременных сборах без длительного отрыва от производства. Территория страны была разделена на 10 военных округов. Ежегодные расходы на Вооруженные силы в расчете на душу населения в 1925 г. в СССР составляли 3 руб. (Для сравнения: в странах Прибалтики — 7, во Франции — около 14.)

С переходом от политики «военного коммунизма» к НЭПу революционные методы преобразования общества уступали место эволюционным — на основе сосуществования всех форм собственности и разных экономических укладов: патриархального, мелкотоварного, частнокапиталистического, государственно-капиталистического, социалистического. В понятие «государственный капитализм» включались все формы использования частного капитала под контролем правительства (кооперация, аренда, концессии, торговля). Расчет делался на то, что с помощью государственной поддержки более высокий социалистический уклад со временем вытеснит остальные.

Стратегическими целями НЭПа объявлялись построение социализма, восстановление хозяйственных связей города и деревни, укрепление союза рабочего класса и крестьянства. Сущность НЭПа заключалась в частичном восстановлении рыночной экономики при сохранении командных рычагов в руках партийного и советского руководства. Начальный период НЭПа (1921—1925) связан с восстановлением народного хозяйства и созданием исходных позиций для реконструкции экономики.

Относительно времени окончания НЭПа до недавнего времени ученые расходились во мнениях. В 60—70-е гг. историки полагали, что задачи, поставленные перед НЭПом, были решены к середине 30-х гг. и он завершился победой социализма. В наши дни начало ограничения НЭПа датируется 1924 г., а отказ от него — началом свертывания в стране рыночных отношений или реализации всеобщего фактического огосударствления сельского хозяйства. В первом случае свертывание НЭПа связывается с принятием октябрьским (1925) пленумом ЦК РКП(б) решения о введении абсолютной монополии на внешнюю торговлю. Во втором — с началом осуществления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1 октября 1928 г.) или с принятием решений о проведении массовой коллективизации (ноябрь 1928 г.). В данном пособии окончание НЭПа датируется началом 1-й пятилетки. Таким образом, НЭП после Гра-

жданской войны был отброшен практически сразу же после истечения срока, требующегося в российских условиях для становления полноценного крестьянского хозяйства.

С 1928/29 хозяйственного года экономическая политика СССР становится частью опробованной в годы «военного коммунизма» и выстроенной позднее административно-командной системы. Главным инструментом имманентного системе политического режима (его называют «тоталитарным») оставалась никакими моральными и юридическими нормами не ограничиваемая в конкретно-исторических условиях конца 20-х — начала 50-х гг. диктатура правящей партии.

Длительные споры историков о том, была ли альтернатива НЭПу как политике, целью которой был социализм, к нашим дням утихли. Считается, что действенной альтернативой НЭПу является политика, ведущая к нормальной рыночной экономике, функционирующей в условиях демократической политической системы, не терпящей монополии партийно-государственной власти.

§ 2. ОБРАЗОВАНИЕ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОЮЗА ССР

Образование СССР. Согласно коммунистической доктрине, национальный вопрос (противоречия в отношениях между народами) представлялся второстепенным в сравнении с межклассовыми противоречиями. Его разрешение ставилось в прямую зависимость от успехов социалистического строительства. Считалось, что с переходом к социализму и уничтожением классовых различий национальные противоречия и различия будут также преодолены.

Большевики с дореволюционных времен были известны как сторонники централистского государства. Прогресс в государственном развитии представлялся как переход от разного типа союзных государств к единой республике, а от нее — к безгосударственному общественному самоуправлению. «Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, — писал Ленин в 1913 г., — марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации». В 1918 г. российская власть взяла курс на федерализм как новую форму государственного устройства для всей бывшей территории Российской империи, однако при этом неизменно подчеркивала стратегическую временность этой формы. «Принудительный централистский унитаризм» считалось целесообразным заменить федерализмом добровольным, для того чтобы со временем он уступил место «добровольному социалистическому унитаризму».

На начальных этапах этого пути численно преобладающему и являющемуся основной «плотью и кровью» страны русскому народу

было предназначено оказать помощь в социально-экономическом и культурном развитии отсталым и угнетенным в прошлом народам России. Такая политика усиливала факторы, способствующие их объединению в едином государстве: общность исторических судеб; сложившуюся на основе разделения труда между территориями единую хозяйственную систему и единый общероссийский рынок; общую транспортную сеть, почтово-телеграфную службу; исторически сформированную перемешанность полиэтничного населения; налаженные культурные, языковые и другие контакты; союзы между советскими республиками, оформившиеся в основном в последние годы и после Гражданской войны.

Были и факторы, препятствующие объединению: память о русификаторской политике старого режима; стеснение прав отдельных национальностей и боязнь повторения такой политики в новом виде; немалый вкус к независимой власти, приобретенный национальными элитами окраинных народов в период революционной смуты. Большевистская власть акцентировала внимание на так называемом праве наций на самоопределение. Реализация этого права в условиях Гражданской войны превратила Россию в совокупность различных национально-государственных образований. Финляндия, Польша, Тува, Литва, Эстония, Латвия силой обстоятельств были отделены от России. Украина, Белоруссия стали независимыми советскими республиками. В Средней Азии существовали Хорезмская (с февраля 1920 г.) и Бухарская (с октября 1920 г.) народные советские республики. На Дальнем Востоке в 1920 г. образована «буферная» ДВР, в составе которой с 1921 г. находилась Бурят-Монгольская автономная область (АО). Советизированные республики Закавказья (Азербайджан, апрель 1920 г.; Армения, ноябрь 1920 г.; Грузия, февраль 1921 г.) в марте 1922 г. образовали конфедеративный союз закавказских республик, преобразованный в декабре 1922 г. в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР).

В составе РСФСР на протяжении 1918—1922 гг. возникло множество автономных образований. Первыми из них были Туркестанская АССР (апрель 1918 г.), Трудовая коммуна немцев Поволжья (октябрь 1918 г.), Башкирская АССР (март 1919 г.). В 1920 г. созданы Татарская АССР, Карельская трудовая коммуна, Чувашская АО, Киргизская (с 1925 г. — Казахская) АССР, Вотская (с 1932 г. — Удмуртская) АО, Марийская и Калмыцкая АО, Дагестанская и Горская АССР; в 1921 г. — Коми (Зырянская) АО, Кабардинская АО, Крымская АССР; в 1922 г. — Карачаево-Черкесская АО, Монголо-Бурятская АО, Кабардино-Балкарская АО, Якутская АССР, Ойротская (с 1948 г. — Горно-Алтайская) АО, Черкесская (Адыгейская) АО, Чеченская АО. На долю РСФСР приходилось 90% территории и 70% населения будущего СССР.

В Закавказье образованы: на территории Азербайджана — Нахичеванская Советская Республика (1920), на территории Грузии — Аджарская АССР (1921) и Юго-Осетинская АО (1922); в 1921 г. создана Абхазская ССР.

Потенциал возникновения новых национально-государственных образований на территории бывшей царской России был весьма значителен. По переписи 1926 г. здесь проживали 185 наций и народностей — лишь 30 из них в той или иной форме обрели государственность к концу 1922 г. Основная масса малых национальностей была индифферентна к федеративному строительству и спокойно существовала в рамках прежнего статуса. К моменту создания СССР наряду с иными образованиями продолжали существовать административно-территориальные единицы, сохранявшие преемственную связь с дореволюционным губернским, областным, уездным и волостным делением.

Вопрос об укреплении государственного единства страны с множеством советизированных независимых и автономных образований, возникавших в годы революционной смуты и большевистского романтизма, появился сразу же, едва забрезжила победа в Гражданской войне. Уже в середине 1919 г. заместитель председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянский официально предлагал объединить все независимые советские республики в единое государство путем их включения в РСФСР. Это была одна из первых формулировок «плана автономизации» после победы Октября. В докладе на X съезде РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (март 1921 г.) говорилось, что «живым воплощением» искомой формы федерации всех советских республик является РСФСР — федерация, основанная на автономизации ее субъектов. План автономизации приобрел чрезвычайную актуальность в начале 1922 г. в связи с подготовкой к международной конференции в Генуе, где предстояло обсуждать судьбу долгов царского и Временного правительств и иностранной собственности в Советской России.

Наркомат иностранных дел полагал неразумным участие в конференции всех республик, образованных на месте царской России. «Если мы на конференции заключим договоры как девять параллельных государств, это положение дел будет юридически надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших сношениях с Западом», — писал Г. В. Чичерин в ЦК. Избежать международных осложнений предлагалось включением «братских республик» в РСФСР.

Идея «поставить державы перед свершившимся фактом» уже на открытии конференции в апреле 1922 г. была весьма привлекательна. Но и на этот раз она оказалась неосуществленной. И. В. Сталин в связи с предложением НКИД сожалел, что «нам нужно быть гото-

выми уже через месяц», а этого недостаточно для реализации идеи. Полное дипломатическое единство советских республик было обеспечено подписанным 22 февраля протоколом о предоставлении Российской Федерации полномочий защищать в Генуе права Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Бухары, Хорезма, ДВР и подписывать от их имени выработанные на конференции акты, договоры и соглашения.

К «автономизации» вновь вернулись летом 1922 г., когда под председательством В. В. Куйбышева приступила к работе комиссия Оргбюро ЦК по подготовке вопроса «о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к назначенному на 6 октября пленуму ЦК РКП(б). Сталин, возглавивший подготовку соответствующей резолюции, вряд ли долго над ней размышлял.

Проект резолюции (именно он в последующем назывался сталинским планом автономизации) предусматривал необходимость «признать целесообразным формальное вступление независимых советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее». План, возведенный после разоблачения культа личности в разряд едва ли не «трагедии партии и народа», был лишь очередным выражением известного положения о РСФСР как воплощенной форме федерации всех советских республик.

Принятый комиссией документ был разослан руководству Украины, Белоруссии и Закавказья, однако не встретил единодушной поддержки. Не ставя под сомнение необходимость сохранения «диктатуры пролетариата» (иначе говоря, права на власть в государстве коммунистической партии) и подчиненность этому «права наций на самоопределение», местное партийное и государственное руководство разделилось на сторонников «жестких» и «мягких» форм федерации.

Сторонники первого варианта (Ф. Э. Дзержинский, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов и др.) соглашались с предложениями Сталина, реализация которых позволила бы ликвидировать «отсутствие всякого порядка и полный хаос» в отношениях между центром и окраинами, дала бы возможность создать «действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое», обеспечивая при этом реальную автономию республик в области языка, культуры, юстиции, внутренних дел, земледелия и пр. Сторонниками второго варианта (на Украине Х. Г. Раковский, Н. А. Скрыпник; в Грузии — Ф. И. Махарадзе, П. Г. Мдивани; в центре — Н. И. Бухарин, Л. Д. Троцкий и др.) полагали необходимым сохранить за союзными республиками «атрибуты национальной независимости», считали, что они будут в большей мере способствовать хозяйственно-

му возрождению республик, отвечать интересам свободного развития наций и оказывать «максимум революционного эффекта за границей».

22 сентября 1922 г. Сталин направил Ленину письмо, в котором обращал внимание на заявления азербайджанского и армянского партийного руководства «о желательности автономизации», а также ЦК КП Грузии «о желательности сохранения формальной независимости». Познакомившись с письмом и другими материалами, Ленин 25 сентября обсудил их с наркомом Г. Я. Сокольниковым, сторонником включения в РСФСР не только независимых советских республик, но и Хивы, Бухары. 26 сентября он имел продолжительную беседу со Сталиным и в тот же день направил письмо Л. Б. Каменеву (копии — всем членам Политбюро), из которого следовало, что «Сталин немного имеет устремление торопиться» в решении «архиважного» вопроса, а мнения несогласных с ним руководителей республик заслуживают внимания. Сам он полагал, что вместо «вступления» независимых республик в РСФСР нужно вести речь о «формальном объединении» всех независимых республик в новый союз, в рамках которого «мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских республик Европы и Азии».

Каменев тут же откликнулся запиской, рекомендуя «провести Союз так, чтобы максимально сохранить формальную независимость», и обязательно зафиксировать в договоре о Союзе пункты о праве одностороннего выхода из Союза и разграничении областей ведения Союза и республик. К записке была приложена в виде схемы «Развернутая форма Союза Советских Республик».

До 29 сентября Ленин продолжал изучать вопрос об объединении республик на личных встречах с П. Г. Мдивани, Г. К. Орджоникидзе, М. С. Окуджавой, Л. Е. Думбадзе, К. М. Цинцадзе, А. Ф. Мясниковым. В результате проект резолюции предстоящего пленума ЦК был исправлен. В первом пункте нового проекта значилось: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в «Союз Социалистических Советских республик» с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза».

Исправленная резолюция означала рождение знаменитой аббревиатуры «СССР» и окончательные похороны «плана автономизации», так как Ленин неожиданно для многих встал на сторону «независимцев» Грузии и Украины. Сталин не нашел нужным противиться «национал-либерализму», полагая, по-видимому, что не вполне устраивавший его ленинско-каменевский проект образования СССР не исключал установления отношений подчиненности во всех главных вопросах окраин Центру.

Явное раздражение Сталина либерализмом, который проявили Ленин и его соратники при выработке проекта образования СССР, вызывалось его демонстративной избирательностью и усугублением несправедливости, закладываемой в основание Союза. Декларация прав народов России на заре советской власти обещала равенство, суверенность, право на свободное самоопределение и развитие всем без исключения народам страны. Теперь же оказывалось, что к созданию Союза ССР «вместе и наравне» допускались народы лишь четырех субъектов федерации. Больше всего Сталин опасался, что новый проект образования СССР может спровоцировать ненужное обострение русского вопроса — вопроса о государственности русского народа и его месте в Союзе.

Пытаясь отстаивать свою позицию, он обращал внимание членов Политбюро на нелогичность образования единого государства как союза национальных республик по принципу «вместе и наравне», но без русской республики. 27 сентября 1922 г. в письме членам Политбюро Сталин предостерегал, что «решение в смысле поправки т. Ленина должно повести к обязательному созданию *русского* ЦИКа», исключению из РСФСР восьми автономных республик и их переводу (вместе с возникающей русской республикой) в разряд независимых. Федеральная постройка, возводимая на фундаменте с очевидным изъяном, заведомо не могла обладать должной прочностью.

Тем не менее Сталину, вынужденному согласиться с ленинской идеей, впоследствии «по долгу службы» приходилось не раз и не очень убедительно отстаивать решение октябрьского пленума ЦК. Уже на X Всероссийском съезде Советов член коллегии Наркомнаца М. Х. Султан-Галиев отметил, что с образованием нового союза происходило разделение народов СССР «на национальности, которые имеют право вхождения в союзный ЦИК, и на национальности, которые не имеют этого права, разделение на пасынков и на настоящих сыновей. Это положение, безусловно... является ненормальным».

Исправленный под диктовку «национал-независимцев» проект резолюции октябрьского (1922) пленума ЦК вдохновил их на дальнейшие притязания. Уже после отказа центра от плана автономизации Х. Г. Раковский поставил вопрос о сохранении независимости Украины. Руководители Грузии на заседании расширенного пленума ЦК КПГ 19 октября 1922 г. предложили ликвидировать образованную в марте того же года Закавказскую федерацию. Они доказывали, что она искусственна и нежизненна. 20 октября решением Заккрайкома Окуджаву сняли со своего поста. 21 октября грузинский ЦК в знак протеста почти в полном составе сложил свои полномочия. Однако в Москве к коллективной отставке отнеслись прохладно.

Между тем партийные разборки в Тбилиси к 20-м числам ноября дошли до оскорблений, перебранок и рукоприкладства. Комис-

сия во главе с Ф. Э. Дзержинским, назначенная Секретариатом ЦК РКП(б) для рассмотрения грузинских событий, после четырехдневных слушаний в Тифлисе в начале декабря 1922 г. пришла к заключению, что политическая линия Заккрайкома и Орджоникидзе «вполне отвечала директивам ЦК РКП и была вполне правильной», направленной против тех коммунистов, «которые, встав на путь уступок, сами поддались давлению напора мелкобуржуазного национализма».

Ленин остался недоволен заключением комиссии. Позднее он сказал: «Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об «инциденте», и это на меня очень тяжело повлияло». 13 декабря 1922 г. повторились два тяжелейших приступа болезни. 16 декабря состояние здоровья Ленина еще более ухудшилось. В ночь на 23-е наступает стойкий паралич правой руки и правой ноги.

Тем временем работа по созданию Союза на основании принятой октябрьским (1922) пленумом ЦК резолюции «О взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками» продолжалась. Из партийных организаций она уже перешла к республиканским ЦИК. Обсуждение проекта и решения о создании СССР 10—16 декабря 1922 г. провели съезды Советов трех объединявшихся республик: VII Всеукраинский, I Закавказский, IV Всебелорусский. 26 декабря последним (чтобы не оказывать давление на другие «братские» народы) аналогичное решение принимал X Всероссийский съезд Советов. Российская Федерация к этому времени существенно выросла территориально. Дальневосточная республика была очищена от белогвардейцев и японских оккупантов и 15 ноября 1922 г. прекратила свое существование, войдя в состав РСФСР. 29 декабря в Москве работала конференция полномочных делегаций четырех союзных республик. На ней были утверждены проекты Декларации и Договора об образовании союзного государства, намечен срок открытия объединительного съезда Советов.

I Всесоюзный съезд Советов состоялся 30 декабря 1922 г. Он принял Декларацию и Договор об образовании СССР, избрал Центральный исполнительный комитет Союза ССР — однопалатный орган власти в составе 371 представителя республик по пропорциональному принципу. ЦИК получил верховные полномочия на период между съездами Советов. Избранному тогда же Президиуму ЦИК было поручено разработать Положения о наркоматах СССР, о СНК и Совете труда и обороны, о ЦИК и его членах, проекты флага и герба СССР. Для руководства работой ЦИК были избраны 4 председателя — М. И. Калинин (от РСФСР), Г. И. Петровский (УССР), Н. Н. Нариманов (ЗСФСР), А. Г. Червяков (БССР) и секретарь А. С. Енукидзе. Так, в обновленном варианте и со многими издержками было воссоздано тысячелетнее Российское государст-

во, гарантирующее безопасность существования и развития всем российским народам.

Дебаты по вопросам образования СССР положили начало двум течениям большевизма в отношении национальной государственности. Первое, ортодоксальное, — за «подлинный интернационализм», отождествлявшийся с социалистическим космополитизмом и мировой революцией. Второе, государственное (национально-большевистское), которое чаще всего связывалось с именами Сталина и Молотова, — за укрепление государства и роли в нем основного государствообразующего русского народа. В 1923 г. борьба течений проявилась в связи с XII съездом партии, на котором национальный вопрос занял одно из центральных мест. Сталин, докладчик по этому вопросу, в основном занимал оборонительные позиции, всячески стремился следовать ленинским установкам. 21 февраля на пленуме ЦК РКП(б) обсуждались подготовленные им тезисы «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве».

Решение обсуждавшихся проблем предлагалось вести исходя из того, что пролетариат уже «нашел в советском строе ключ к правильному решению национального вопроса», что «путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности» уже открыт, но для полного и окончательного разрешения вопроса еще предстояло преодолеть препятствия, переданные в наследство «пройденным периодом национального гнета». Главное препятствие усматривалось в «пережитках великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великорусов» и получающих подкрепление в виде «сменовеховских великорусско-шовинистических веяний, выражающихся в кичливо-пренебрежительном и бездушно-бюрократическом отношении русских советских чиновников к нуждам и потребностям национальных республик». Вместе с тем отмечались пережитки «радикально-националистических традиций» среди местных коммунистов, которые порождали «уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата, уклон к национализму». В частности, обращалось внимание на грузинский шовинизм, направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазцев; азербайджанский — против армян; узбекский (в Бухаре и Хорезме) в отношении туркменов и киргизов. Однако все виды шовинизма трактовались как «своеобразная форма обороны против великорусского шовинизма».

Эти «пережитки» и «уклоны» предлагалось осудить, сделав упор «на особый вред и особую опасность уклона к великодержавному шовинизму». Главное условие «полного и окончательного» разрешения национального вопроса виделось в «уничтожении фактического национального неравенства». Задача эта возлагалась на русский народ.

Преодолеть национальное неравенство, как подчеркивалось в тезисах, «можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния».

В специальной записке Сталина, направленной в Политбюро в феврале 1923 г., вновь ставился вопрос, не получивший ясного ответа в ходе образования СССР: «Входят ли наши республики в состав Союза через существующие федеративные образования (РСФСР, Закфедерация) или самостоятельно, как отдельные государства (Украина, Грузия, Туркестан, Башкирия)?» Вопрос был явно нацелен на необходимость выравнивания статуса республик в составе СССР.

Продолжая полемику главным образом с грузинскими «независимцами» и как бы становясь на их точку зрения, Сталин отмечал резоны в их требованиях: «Вхождение отдельными республиками (а не через федеральные образования) имеет несомненно некоторые плюсы: а) оно отвечает национальным стремлениям наших независимых республик; б) оно уничтожает среднюю ступеньку в строении союзного государства». Вместе с тем отмечались и «существенные минусы», якобы не позволяющие принять предложения «независимцев». Разрушение Закавказской федерации требовало аналогичного отношения к РСФСР. Но это, по мнению Сталина, было категорически неприемлемо. Разрушение РСФСР обязывало, во-первых, «создать новую русскую республику, что сопряжено с большой организационной перестройкой», и, во-вторых, вынуждало «выделить русское население из состава автономных республик в состав русской республики, причем такие республики, как Башкирия, Киргизия, Татарская республика, Крым рискуют лишиться своих столиц (русские города)». В создании русской республики, по Сталину, не было «политической необходимости». Интересы русского народа предлагалось обеспечить через представительство «русских губерний» в Союзном собрании.

В связи с позицией Сталина по национально-государственному устройству Союза некоторые историки высказывают предположение, что в конце жизни Ленин стремился уравновесить силы в политической связке «Троцкий — Сталин», а то и вовсе устранить последнего из политики. Троцкий уже 6 марта выступил с резкой критикой сталинских тезисов «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве». Он не согласился с констатацией в них того, «что мы уже разрешили национальный вопрос, наладили мирное сожительство и сотрудничество наций», считал из двух названных в резолюции национальных уклонов «абсолютно необходимым выдвинуть на первое место» великодержавный и подчеркнуть, что «второй уклон, национальный, и исторически и политически является реакцией на первый». В состоявшейся тогда же беседе с Каменевым Троцкий высказывался еще определеннее: «Я хочу радикального изменения

национальной политики, прекращения репрессий против грузинских противников Сталина... Сталинская резолюция по национальному вопросу никуда не годится. Грубый и наглый великодержавный зажим ставится в ней на один уровень с протестом и отпором малых, слабых и отсталых народностей».

Сталин был вынужден согласиться с критикой. В записке членам Политбюро он отметил, что считает поправки Троцкого «неоспоримыми и целиком совпадающими с основным тоном» тезисов. И предложил «еще больше подчеркнуть» в резолюции XII съезда особый вред «уклона к русской великодержавности». Разумеется, это было сделано.

При обсуждении национальных проблем на съезде Бухарин посчитал нужным открыто признать неравноправное положение русского народа. «Мы, — говорил он, — в качестве бывшей великодержавной нации должны... поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только... когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций». По сути, именно эту цель преследовала резолюция съезда по национальному вопросу, закреплявшая в развернутом виде известное ленинское положение об «интернационализме большой нации».

Представители «независимцев» на съезде вновь пытались провести предложение о реорганизации СССР в пользу своих республик. Раковский прямо заявил, что «союзное строительство пошло неправильным путем... Нужно отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам». Фрунзе предлагал «пересмотреть существующие федеральные объединения, превратить ряд новых республик в независимые». Предлагалось закрепить отход от русского великодержавничества переименованием РКП(б) в КПСС. Н. А. Скрыпник утверждал: «Только тот, кто в душе великодержавен, только тот может цепляться за старое название». Наиболее радикальными были вновь прозвучавшие предложения о создании вместо РСФСР и ЗСФСР целого ряда независимых национальных республик, включая русскую, их объединении в Союзе ССР на равных началах. Однако эти предложения были отвергнуты.

Не получила поддержки съезда и атака на принципы построения СССР, предпринятая Султан-Галиевым. Он считал, что доклад Сталина «не разрешает национального вопроса» в силу своей нелогичности и неясности исходных позиций. В частности, обращалось внимание на отсутствие определения того, какие национальности «доросли» до предоставления им автономий, а какие нет. Он удивлялся нападкам на грузинских уклонистов за их несогласие на образование Закавказской Федерации и в то же время отсутствию законных основа-

ний для объединения в федерации родственных народов Северного Кавказа, народов Поволжья, народов Средней Азии.

Однако делегаты съезда не стали углубляться в разбирательство нелогичностей, целиком полагаясь на способность руководства партии обеспечивать должную централизацию Союза ССР. В разъяснениях Троцкого на съезде это прозвучало следующим образом: «Национальность вообще не логичное явление, ее трудно перевести на юридический язык», поэтому необходимо, чтобы над аппаратом, регулирующим национальные отношения, «стояла в качестве хорошего суфлера партия... Если будут очень острые конфликты по вопросу о финансах и т. д., то, в конце концов, в качестве суперарбитра будет выступать партия».

Все это целиком соответствовало установке VIII съезда партии (март 1919 г.) на то, что существование особых советских республик «отнюдь не значит, что РКП должна, в свою очередь, сорганизоваться на основе федерации... Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП». Как показали дальнейшие события, унитаризм конфедеративного СССР (по признаку свободы выхода республик из союза) определялся особой, по сути диктаторской ролью в государстве коммунистической партии и ее лидеров.

Централизаторская роль партии проявилась уже вскоре после завершения съезда и выразилась в дальнейшем оттеснении от власти наиболее влиятельных «национал-уклонистов», в ряде случаев оказавшихся невольными пособниками «великорусского национализма». Так, обвиненный в связях с антисоветскими кругами Султан-Галиев был снят со всех постов, исключен из партии и вскоре арестован.

Султан-Галиев, опровергая обвинения, объяснял, что призывал сторонников активнее выступать с изложением позиций по проблемам национальных отношений лишь с тем, чтобы убедить руководство страны в правоте своих взглядов на их решение. Идея создания Туркестанской федерации с предоставлением ей «элементарнейших основ государственности» рассматривалась как фактор, способствующий ускоренному развитию производительных сил региона и пробуждению революционной активности трудящихся зарубежного Востока. В этой связи рассматривалась возможность образования независимой Республики Туран с включением в нее тюркских территорий Киргизии, Кашгарии, Хивы, Бухары, Афганистана и Персии, а также организация «Колониального Интернационала». Позднее Султан-Галиев писал о возможности создания на Востоке четырех федераций, которые

должны быть включены в Советский Союз «на равных совершенно с Украиной правах»: Федерации Урало-Волжских республик (Башкирии, Татарии, Чувашии), Марийской и Вотской областей; Общекавказской федерации с включением всех нацреспублик Закавказья, Северного Кавказа, Дагестана, Калмыкии и Кубано-Черноморья в целом; Казахстана как союзной единицы; Среднеазиатской, или собственно Туранской, республики в составе Узбекистана, Туркмении, Киргизии и Таджикистана.

Все это было свидетельством наивного революционаризма в смеси с татарским национализмом. Опасным скорее всего представлялось бесстрашие в низвержении «ленинских» принципов, на основе которых до сих пор строился СССР. Сам Султан-Галиев ничего предосудительного «с точки зрения интереса международной социальной революции» в своих предложениях не видел. Напротив, подчеркивал он в письме в ЦКК РКП(б) в июне 1923 г., *«это страшно для русского национализма, это страшно для западноевропейского капитализма, а для революции это не страшно»*. Группа руководящих работников Татарии в своем обращении к ЦК от 8 мая расценила его арест как «недоразумение» и просила об отмене репрессии.

14 июня Политбюро ЦК по предложению ВЧК приняло решение освободить Султан-Галиева из-под стражи. Ходатайство о его восстановлении в партии было отклонено. Вместе с тем, стремясь не допустить даже малейших сомнений в незыблемости освященных именем Ленина принципов устройства СССР, Политбюро решило изложить дело Султан-Галиева на специальном «совещании из националов окраинных областей».

4-е совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей состоялось 9—12 июня 1923 г. Официально оно созывалось для выработки практических мер по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу. Докладчиком по основному вопросу совещания был Сталин. Положение дел на местах обрисовали представители 20 партийных организаций. Все были солидарны в том, что коммунистические организации на окраинах могут окрепнуть, сделаться настоящими, марксистскими, только преодолев национализм.

Большое значение имел представленный на совещании от имени Центральной контрольной комиссии доклад В. В. Куйбышева о деле Султан-Галиева. Отмечалось, что султан-галиевщина получила наиболее широкое распространение в восточных республиках, особенно в Башкирии и Татарии. Совещание расценило действия обвиняемого как самое уродливое выражение уклона к местному национализму, ставящее его «вне рядов коммунистической партии».

В резолюции отмечалось, что уклон к местному национализму «яв-

ляется реакцией против великорусского шовинизма». На совещании раздавались призывы «заткнуть глотку» чудищу великодержавничества (Н. А. Скрыпник), «вытравить его окончательно, прижечь каленым железом» (Г. Е. Зиновьев), настраиваться на длительную борьбу, поскольку «великорусский шовинизм будет, пока будет крестьянство» (А. И. Микоян).

Совещание наметило целую систему мер по вовлечению местного населения в партийное и советское строительство. Предусматривались чистка государственно-партийного аппарата от националистических элементов (имелись в виду «в первую голову русские, а также антирусские и иные националисты»); неуклонная работа «по национализации государственных и партийных учреждений в республиках и областях в смысле постепенного ввода в делопроизводство местных языков, с обязательством ответственных работников изучать местные языки»; вовлечение национальных элементов в профессиональное и кооперативное строительство. Признавались необходимыми отступления от принятых норм, способные облегчить вступление в партию и выдвижение в ее руководящие органы «местных элементов».

Большое место на совещании заняли проблемы Конституции СССР. В итоге было решено учредить в составе ЦИК СССР две палаты (Союзный Совет, Совет Национальностей), установив равенство их прав и соблюдение условий, при которых ни один законопроект, внесенный на рассмотрение первой или второй, не может быть превращен в закон без согласия на то обеих палат. Конфликтные вопросы предлагалось решать посредством согласительной комиссии, в крайнем случае — съезда Советов. В решениях было записано, что во второй палате автономные и независимые республики будут иметь одинаковое представительство (4 человека или более), а каждая национальная область — по одному представителю.

Установлено было также, что палаты формируют единый Президиум ЦИК. Предложение Раковского о создании двух президиумов с законодательными функциями было отклонено. Это означало бы «раздвоение верховной власти, что неминуемо создает большие затруднения в работе». Сталин в этой связи высказывался еще определеннее: «Украинцы навязывают нам конфедерацию», «мы создаем не конфедерацию, а федерацию республик, одно союзное государство», отсутствие единого президиума ЦИК сводило бы «союзную власть к фикции».

Закрепление сталинской линии в решении национального вопроса после совещания выразилось в проведении чистки от «буржуазных националистов» всех партийных организаций Востока. Наиболее влиятельный уклонист Раковский был смещен с поста главы правительства Украины и направлен на дипломатическую работу. Таким образом, успех совещания в борьбе с национал-уклонизмом наиболее явно вы-

разился в оттеснении от власти представителей наиболее крупных нерусских этнических групп, способных реально препятствовать дальнейшему укреплению единства СССР.

Конституционное оформление СССР. Этот процесс занял больше года (1923 г. — январь 1924 г.). Его результатом были предложения о создании в ЦИК наряду с палатой классового представительства второй — национального представительства, а также об объединении принятых на I съезде Декларации и Договора в один документ под названием «Конституция (Основной Закон) СССР» и отклонении конфедералистских предложений Х. Г. Раковского — создавать не Конституцию, а дорабатывать Союзный договор.

Проект общесоюзной Конституции рассмотрели и одобрили сессии ЦИК России, ЗСФСР, Украины и Белоруссии, а 6 июля 1923 г. он был утвержден и введен в действие II сессией ЦИК СССР. (Вплоть до принятия новой Конституции СССР в 1936 г. день 6 июля праздновался как День Конституции.) 13 июля ЦИК СССР в «Обращении ко всем народам и правительствам мира» известил о создании СССР и начале деятельности первого состава Совнаркома СССР. Главой правительства был избран В. И. Ленин. Его заместителями стали Л. Б. Каменев (одновременно председатель СТО), М. Д. Орахелашвили (председатель Совнаркома ЗСФСР), А. И. Рыков (председатель ВСНХ), А. Д. Цюрупа (нарком РКИ), В. Я. Чубарь (председатель СНК Украины). В состав Совнаркома вошли также 10 наркомов СССР — руководителей 5 общесоюзных и 5 объединенных наркоматов.

На этой же сессии ЦИК было решено упразднить Наркомат по делам национальностей РСФСР. Он «закончил свою основную миссию по подготовке дела образования национальных республик и областей и объединения их в Союз республик». В дальнейшем функции комиссариата выполняли Совет национальностей ЦИК СССР и другие специальные органы по осуществлению национальной политики — отдел национальностей при Президиуме ВЦИК, постоянные комиссии по делам национальных меньшинств в республиках, при областных и краевых исполкомах.

В январе 1924 г. прошли съезды Советов союзных республик, ратифицировавшие Конституцию СССР. Окончательно утвердить ее текст должен был II Всесоюзный съезд Советов, созванный 26 января 1924 г. Он работал в траурные дни: 21 января умер В. И. Ленин. Съезд принял специальное обращение к трудящемуся человечеству и ряд постановлений об увековечивании имени вождя (сооружение мавзолея и памятников, переименование Петрограда в Ленинград, издание сочинений). Тело Ленина было помещено в Мавзолей на

Красной площади в Москве, ставший местом паломничества миллионов людей.

II съезд Советов завершил юридическое оформление союзного государства как Федерации суверенных союзных республик. 31 января 1924 г. Конституция СССР была утверждена. Как и первая Конституция РСФСР 1918 г., она носила ярко выраженный классовый характер. Верховный орган государственной власти — съезд Советов состоял из делегатов городских Советов (1 депутат от 25 тыс. избирателей) и губернских съездов Советов (1 депутат от 125 тыс. жителей). Этим обеспечивалась «руководящая роль рабочего класса». Выборы были многоступенчатыми. Классовый характер Конституции четко просматривался и в избирательном праве, которое было всеобщим только для трудящихся. Не избирали и не могли быть избранными лица, использовавшие наемный труд или жившие на нетрудовые доходы: частные торговцы, монахи и профессиональные служители религиозных культов всех исповеданий; бывшие полицейские и жандармы, лишенные избирательных прав по суду; душевнобольные.

К ведению высших органов власти были отнесены дела, связанные с внешними функциями государства (международные сношения, торговля, защита границ); хозяйственные дела (общее управление народным хозяйством, руководство его важнейшими отраслями); вопросы урегулирования межреспубликанских отношений и решения важнейших социально-культурных проблем. В ведении союзных республик находились внутренние дела, земледелие, просвещение, юстиция, социальное обеспечение и здравоохранение. Наркоматы были общесоюзные (по иностранным делам, военным и морским, внешней торговли и объединенные (ВСНХ, продовольствия, труда, финансов).

На основе новой Конституции СССР разрабатывались и принимались конституции союзных и автономных республик. В апреле 1925 г. введена в действие Конституция ЗСФСР, в мае — РСФСР. В 1927 г. принят Основной закон Белоруссии. Первые после образования СССР изменения в Конституцию Украины были внесены уже на IX съезде Советов Украины: переработанный проект утвержден в мае 1929 г. Из конституций автономных республик в 20-е гг. был разработан и вступил в силу Основной закон Молдавской АССР.

Иерархический федерализм, оформившийся в СССР с принятием Конституции 1924 г., объясняется фактическим неравенством народов. Считалось, что он представлял собой ту необходимую форму, в которой пролетариат решал национальную задачу путем действенной и длительной помощи отсталым народам в деле их хозяйственного, культурного развития, в их переходе к социализму. Автономная область и округ представлялись как форма самоуправления народов,

особо нуждавшихся в поддержке центральной власти. Поэтому распределение средств между нациями в СССР осуществлялось по правилу «больше тому, кто слабее». Подобный патернализм имел и негативные следствия, порождая иждивенческие настроения среди части населения и стремление местных элит обрести более высокий этнополитический статус. Это таило реальную опасность взращивания сепаратизма «на законных основаниях».

Конституция СССР 1924 г. принималась и в расчете на возможность расширения Союза по мере успехов революции в других странах. Она объявляла СССР интернациональным государством, открытым «всем советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем». О надежде большевиков на создание «Федерации Советских республик всего мира» свидетельствовал государственный гимн «Интернационал».

§ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ КУРСА НА СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СТРАНЕ

Борьба за власть в последние годы жизни Ленина. Налаживание мирной жизни после Гражданской войны представлялось поразному как в рядах правящей партии (в начале 1921 г. — 730 тыс. коммунистов), так и сохранявшим влияние в массах эсерам, меньшевикам и пр. В РКП(б) это наглядно проявилось в дискуссии о профсоюзах. Часть партийцев, составивших особую группу сторонников «демократического централизма» (Т. В. Сапронов, Н. Осинский и др.), считали предстоящий период хозяйственного строительства немыслимым без коллегиального управления промышленными предприятиями, невмешательства партии в работу Советов, свободы создания групп и фракций в самой партии. Лидеры «рабочей оппозиции» (А. Г. Шляпников, А. М. Коллонтай и др.), пропагандировавшие сходные «анархо-синдикалистские» идеи, требовали полностью отказаться от назначений работников на должности.

Противоположную позицию занял включившийся в дискуссию в ноябре 1920 г. Л. Д. Троцкий. Он и его сторонники основной целью советской власти полагали подготовку к «революционной войне», всемерное подталкивание мировой революции, предлагали превратить страну в военный лагерь, милитаризовать ее, резко ограничить демократизм, «держать в узде» многомиллионное крестьянство. Предлагалось «перетряхнуть», слить с хозяйственными органами, фактически превратить в придаток государства профсоюзы, а военизированные методы ввести в практику работы других общественных организаций.

В ноябре 1920 г. пленум ЦК РКП(б) отверг эти предложения. Однако троцкистов это не остановило. В Центральном комитете объединенного профсоюза работников железнодорожного и водного транспорта (с марта 1920 г. его возглавлял Троцкий) работа по-прежнему велась военными методами. Членов союза за различные проступки заключали под стражу, отправляли на принудительные работы.

На стороне Троцкого в дискуссии участвовали все 3 секретаря ЦК — Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский, Л. П. Серебряков и фактически Н. И. Бухарин. Ленин был вынужден неоднократно выступать против оппозиционеров. В опубликованном 18 января 1921 г. «Проекте постановления X съезда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов» (подписали В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин и др.), подчеркивалось, что важнейшей ролью профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата «остается их роль, как *школы коммунизма*», главным методом работы — не принуждение, а убеждение, непосредственной задачей — мобилизация трудящихся на восстановление и развитие промышленности, усиление организационного, идейного влияния городского пролетариата на трудящиеся массы деревни.

Результатом победы ленинцев в дискуссии стала принятая на X съезде резолюция «О единстве партии», предусматривающая роспуск всех группировок и недопущение фракционных выступлений. Невыполнение этого влекло «безусловное и немедленное исключение из партии». Резолюция была направлена главным образом против Троцкого, выдвинувшегося за годы Гражданской войны на роль второго по влиятельности человека в Советской России. С ослаблением здоровья Ленина (с конца 1920 г.) Троцкий, совсем недавно являвшийся непримиримым противником большевизма, становился претендентом на высшую власть в государстве.

Чтобы не допустить этого, на мартовском (1921) пленуме ЦК ленинцы существенно укрепили свои позиции. Численность ЦК была увеличена с 19 до 25 членов в основном за счет сторонников Ленина. Членом Политбюро был избран Зиновьев вместо Крестинского, новым кандидатом в члены Политбюро стал Молотов. Полностью обновился Секретариат ЦК. С середины 1921 г. контакты Ленина и Троцкого становились все более конфликтными. После выходки Троцкого, назвавшего однажды Ленина «хулиганом», участившиеся столкновения затрудняли коллективную работу. В июле 1921 г. предпринималась попытка удалить Троцкого из Москвы и назначить наркомом продовольствия Украины.

В этой связи летом 1921 г. полномочиями секретаря ЦК был фактически наделен наиболее последовательный оппонент Троцкого Сталин. В августе Политбюро поручило Сталину общее руководство

работой отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б), а в сентябре обязало «около трех четвертей своего времени уделять партийной работе». Власть стала сосредоточиваться в руках «триумвирата» (Каменев, заместитель председателя СНК и СТО, руководивший в отсутствие Ленина заседаниями Политбюро; Зиновьев, председатель Исполкома Коминтерна; Сталин).

На укрепление руководящей роли компартии были направлены меры по ликвидации остатков многопартийности в стране. Гонения против непролетарских партий приняли репрессивный характер, хотя они заявили о лояльности к власти. В 1921 г. арестованы активные анархисты, объявил о самороспуске Всеобщий еврейский рабочий союз («Бунд»), примыкавший к меньшевикам, началось следствие по делу правых эсеров, закончившееся летом 1922 г. открытым судебным процессом и приговором 12 руководителей партии к расстрелу за террористическую деятельность против советской власти.

В августе 1922 г. постановление ВЦИК и СНК о регистрации тех обществ и союзов, чьи цели не противоречили Конституции РСФСР, подводило юридическую базу под запрет небольшевистских партий и организаций. В 1923—1924 гг. они прекратили свое существование. К середине 20-х гг. обстановка в стране стала полностью соответствовать ситуации, обрисованной председателем ВЦСПС М. П. Томским в одном из выступлений против «новой» оппозиции: «В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия у власти, а остальные в тюрьме. Кто этого не понимает, тот ни черта не понимает в диктатуре пролетариата».

Резолюция X съезда РКП(б) о запрете фракций в коммунистической партии была действенным инструментом при наличии такого авторитетного лидера, как Ленин. Однако в конце 1921 г. его здоровье сильно пошатнулось: Ленин с трудом готовился к XI съезду партии, эпизодически участвовал в его работе (27 марта — 2 апреля 1922 г.), присутствуя лишь на 4 из 12 заседаний.

В этих условиях огромное значение для будущего страны имели перестановки в высшем политическом руководстве, осуществленные в последний период активной деятельности Ленина. На апрельском (1922) пленуме ЦК был сформирован новый состав Политбюро (члены: Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский, Рыков; кандидаты в члены: Молотов, Калинин, Бухарин). Важнейшим решением пленума стало учреждение поста генерального секретаря ЦК. Избрание на него Сталина было предрешено выборами членов и кандидатов в члены ЦК на съезде партии. В бюллетенях для голосования рядом с именем Сталина в скобках значилось: генеральный

секретарь. Введение этой должности фактически означало замену Троцкого Сталиным в качестве «лидера № 2» в партии.

Опираясь на подчиненный партийный аппарат, Сталин взял под контроль назначение и подбор кадров на важнейшие руководящие посты в партии и государстве. Уже за первый год деятельности Учетно-распределительный отдел ЦК произвел около 4750 назначений на номенклатурные посты. С октября 1923 г. руководители центральных учреждений и их местных органов назначались и смещались в соответствии с двумя, а с января 1926 г. — тремя номенклатурными списками. В последующем эти списки расширялись, росло и число лиц, назначаемых на должности решениями Политбюро, Оргбюро, Секретариата и Орграспредотдела ЦК. Новые назначения позволили не только упрочить положение «триумвиров», но и создать генеральному секретарю собственную опору в руководящем звене партии и государства.

С введением НЭПа радикально изменилась позиция Бухарина, который принял критику Лениным. Из противника НЭПа он вскоре превратился в его страстного проповедника. Вера в НЭП в сочетании с верой в мировую революцию открывала новые перспективы. Бухарин стал полагать, что в период ожидания революции Россия вполне могла обойтись укреплением своей аграрной сущности. С осуществлением революции, писала редактируемая им «Правда» в октябре 1923 г., «соединение самой могучей техники и промышленности Германии с сельским хозяйством нашей страны будет иметь неисчислимые благодетельные последствия. И та, и другая получат громадный толчок в развитии». Бухарин стал иначе смотреть и на индустриализацию. Он считал, что необходимость в ее ускоренном проведении отпадала, поскольку с победой революции в Германии большевистское руководство мирового пролетариата автоматически обретало бы промышленность советской Германии.

После XI съезда Ленин все более утрачивал влияние на развитие событий. В мае 1922 г. его частично парализовало, нарушилась речь. В августе Ленин возвратился к работе, но уже в декабре снова вышел из строя. Полупарализованный, он смог продиктовать с 23 декабря 1922 г. по 2 марта 1923 г. восемь статей, вошедших в историю как его «Завещание». Пять из них («Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше») излагали идеи политической реформы и плана строительства социализма в СССР и тогда же были опубликованы. Остальные («Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации») предназначались только для руководства партии (впервые опубликованы в 1956 г.).

В «Письме к съезду» отмечено, что «Сталин, сделавшись генсе-

ком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». В добавлении к письму от 4 января 1923 г. указывалось: «Сталин слишком груб, и этот недостаток... становится нетерпимым в должности генсека» и предлагалось назначить на это место человека, который был бы «более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам». Письмо создавало впечатление, что единственным приемлемым кандидатом на руководство партией и страной является Л. Д. Троцкий. Неслучайно тот постоянно пытался интерпретировать «Письмо к съезду» именно как попытку обеспечить ему лидирующее положение в партии. «Завещание меньше всего ставило себе задачей затруднить мне руководящую работу в партии, — писал он в декабре 1932 г. — Оно... преследовало прямо противоположную цель». Утверждение это верно лишь в том смысле, что письмо действительно обслуживало политический интерес Троцкого.

В конце 1922 — начале 1923 г. Троцкий не использовал шанс упрочить свое положение в борьбе за политическое лидерство. В ноябре и январе ему трижды предлагалось занять пост 1-го заместителя Ленина по Совнаркому. Троцкий, ссылаясь на свое «еврейство», отказался.

В марте 1923 г. здоровье Ленина резко ухудшилось. Он полностью лишился речи, с конца марта находился на лечении в Горках под Москвой. В середине октября наступило новое ухудшение здоровья. 21 января 1924 г. Ленина не стало. Его преемником на посту Председателя Совнаркома стал А. И. Рыков. Коммунист с 1898 г., прекрасный организатор и прагматик, он не страдал излишней амбициозностью. Это, по-видимому, сыграло решающую роль при его назначении. Реальная власть в Коминтерне и СССР с декабря 1922 г. перешла к «тройке»: Зиновьев — Каменев — Сталин. Впереди была долгая череда внутрипартийных столкновений, ибо в нищей разрушенной стране невероятно трудно было нащупать реальные пути ее модернизации, под какими бы лозунгами ни шли поиски этих путей.

Здесь представляется уместным сделать отступление и пояснить, что под модернизацией в широком плане подразумевается процесс превращения общества из традиционного (аграрного) в современное, индустриальное, городское, демократическое, индивидуалистское.

Цивилизационный подход к изучению истории предполагает, что наиболее модернизированные цивилизации служат образцами для совершенствования отставших в своем развитии стран и народов. В наиболее доходчивом варианте он формулируется так: «Десятка западных стран движется вперед, а остальные догоняют» (Л. И. Семенникова). Образцовой цивилизацией чаще всего представляются США, а отстающие «модернизируются» с учетом их достижений. Такое в целом верное, но до предела упрощенное представление об истории человечества и

отдельных стран не учитывает огромного разнообразия факторов, определяющих развитие локальных цивилизаций.

Главная особенность истории России проистекает из того, что практически на всем ее протяжении российское общество было обществом с минимальным совокупным прибавочным продуктом. Территория России располагается вокруг полюса холода, ее западные и юго-западные границы совпадают с изотермой января, равной минус −8°С, южные и восточные границы — с изотермой −16°С. В силу климатических условий период сельскохозяйственных работ в районах проживания основной части населения почти в два раза короче, чем в западных странах, располагающихся на территориях с изотермой января 0°С и выше, а неурожайным бывает практически каждый четвертый год. Развитие животноводства в России сдерживается длительным периодом содержания скота без подножного корма, дополнительными затратами на обогрев помещений для него в зимнее время. В таких условиях не только затруднено производство продуктов питания, но очень высоки издержки любого производства из-за необходимости при строительстве производственных помещений и жилья глубоких фундаментов, толстых стен, подземных коммуникаций. Все это удорожает продукцию, повышает стоимость жизни. На простое выживание приходится затрачивать больше труда и энергии, чем в других странах. К примеру, по биоценозу (совокупность растений, животных и микроорганизмов, населяющих одинаковый по площади участок суши или водоема) российское сельское хозяйство уступает американскому в 2,9 раза, по продолжительности стойлового содержания скота — в среднем в 3,4 раза, создавая во столько же раз невыгодную для него картину показателей индивидуальной производительности труда. Природно-климатический фактор оставался практически неизменным на протяжении всей российской истории. И если по мере развития цивилизации его влияние становилось менее ощутимым, то это не значит, что его влияние полностью элиминировано. Рентабельность производства из-за этого фактора в России всегда была и остается более низкой, чем на Западе. Постоянно приходилось тратить дополнительный труд, чтобы это неравенство компенсировать. При затратах одинакового с Западом труда на развитие в условиях России остается меньше ресурса.

Подчиняясь обстоятельствам, российская власть (если она интеллектуально и нравственно соответствовала насущной задаче, даже не отдавая себе отчет в истинных причинах происходящего) время от времени вводила в стране режим, который можно назвать мобилизационным (крестьяне, по существу, всегда жили в таких условиях). В этой связи период с 1917 по 1928 г. можно характеризовать как время неустанных интеллектуальных поисков реальных путей ускоренной модернизации российской экономики, страны в целом, а последующий период (1928—1953) — как единый этап мобилизационной экономики в истории страны. В политическом лексиконе этого периода, как и в трудах историков, термин «модернизация» не использовался, обходились привычными понятиями — прогресс, развитие, рост и т. п. Это, однако, сути дела не меняло.

«Триумвират» и троцкистская оппозиция. «Триумвиры» и другие бывшие соратники Ленина по-разному воспринимали его наследие и перспективы развития общества в условиях НЭПа. «Левые» во главе с Троцким были сторонниками усиления регулирующей роли государства, увеличения налогов с крестьян и нэпманов, быстрых темпов развития промышленности, свертывания НЭПа. Смысл провозглашенного в октябре 1923 г. «нового курса» Троцкого состоял в требовании вернуться от НЭПа к Октябрю, к «настоящей» коммунистической политике. «Правые» со своим духовным лидером Бухариным выступали за ограниченное плановое вмешательство в экономику, умеренные темпы индустриализации и налоги на крестьян, сохранение НЭПа как условия продвижения к социализму. Центр в лице сторонников Сталина поначалу пытался уравновесить «левых» и «правых», но в конце 20-х гг. вынужден был «отбросить» НЭП и форсировать модернизацию экономики.

До начала 1-й пятилетки в революционной идеологии отчетливо различаются два этапа. На первом (с октября 1917 г. до конца 1924 г.) руководство СССР пыталось разжечь «пожар революции» во всем мире, подчиняя этой идее все ресурсы «родины революции». Однако «запаздывание» революции вынуждало прагматически мыслящих лидеров все больше и больше переключаться с мировых проблем на обустройство «отвоеванной у мирового капитала» России. Идея строительства социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране впервые после смерти Ленина высказанная Бухариным и Рыковым, а затем (17 декабря 1924 г.) Сталиным, была поддержана большинством членов ЦК на XIV конференции РКП(б) в апреле 1925 г. Сталин подчеркивал, что именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Несмотря на это, идея еще несколько лет оставалась дискуссионной. То было время острой полемики между революционерами, считавшими невозможной победу социализма в России без мировой пролетарской революции, и их противниками, которые призывали, не дожидаясь ее, построить социализм в одной стране, чтобы использовать его в свою очередь как «базу и инструмент мировой революции».

Первыми критиками НЭПа были представители «рабочей оппозиции», тесно связанные с государственным сектором экономики. К 1923 г. отдельные выступления против НЭПа оформились в единое политическое течение «левой» оппозиции, лидером которой стал Троцкий. Его выступление против «капитулянтского» курса было предпринято в октябре 1923 г. на фоне поразившего страну экономического кризиса. Оживавшая промышленность увеличивала выпуск товаров для деревни, но цены на них явно завышались, и к осени общий их уровень втрое превысил цены на сельскохозяйственную про-

дукцию. «Ножницы цен» стали причиной затоваривания складов, остановки промышленного производства, роста безработицы. Для ликвидации кризиса пришлось снизить цены на промтовары и повысить заготовительные цены на сельхозпродукцию. В этой связи оппозиция требовала усиления плановости в экономике, пресечения попыток «бюрократической верхушки» поддерживать мелкобуржуазный сектор народного хозяйства в ущерб пролетариату.

Левые не выступали прямо против НЭПа, они наступали на «правое» партийное руководство под флагом борьбы с бюрократизацией партии и общества, расширения внутрипартийной демократии и ослабления «диктатуры одной фракции». На XIII партийной конференции (16—18 января 1924 г.) первые атаки троцкистов были отбиты. Сталин резко выступил против Троцкого, защищая при этом партийный аппарат. Позиция троцкистов была определена как «явно выраженный мелкобуржуазный уклон», «прямой отход от ленинизма», «капитулянтство».

Кончина Ленина обострила борьбу за лидерство в РКП(б) и определение основных принципов внутренней и внешней политики государства. На XIII съезде партии (23—31 мая 1924 г.) обсуждалось ленинское «Завещание» и, в частности, предложение о смещении Сталина с поста генсека. Но оно было отклонено. Не было удовлетворено и его собственное заявление об отставке.

Продолжая претендовать на роль лидера партии, Троцкий в июне 1924 г. опубликовал брошюру «О Ленине». К годовщине революции вышел сборник его статей и речей. В предисловии, названном «Уроки Октября», автор предстает руководителем ленинского масштаба, истинным революционером, способным преодолеть меньшевизм во взглядах на революцию. В развернувшейся после выхода сборника кампании по обвинению автора в сознательном извращении истории партии Сталин взял на вооружение эффектный тезис о возможности построения социализма в одной стране, разоблачая неверие Троцкого в реальность такой победы в СССР. Убийственным для оппонента оказалось обнародованное письмо Троцкого к Н. С. Чхеидзе (апрель 1913 г.), содержащее уничижительный отзыв о Ленине: «Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении».

В обстановке благоговения перед Лениным такие отзывы звучали кощунственно; Троцкий не нашел способа отвести нападки в свой адрес. В январе 1925 г. он направил в ЦК письмо с просьбой освободить его от обязанностей председателя Реввоенсовета, но выразил го-

товность работать в партии «под контролем ЦК». Пленум ЦК (17—20 января 1925 г.) осудил попытку подменить ленинизм троцкизмом и постановил продолжать разъяснение «мелкобуржуазного» характера троцкизма, начиная с 1903 г.

В 1924 г., когда Троцкий открыто призывал к устранению «самодовольно-консервативной верхушки» партии и «капитулянтской» модели социалистического переустройства общества, многих пугала опасность военного переворота в Москве. Страшились, что Троцкий мог, опираясь на армию, в первую очередь на войска Московского военного округа во главе с его сторонником Н. И. Муралов, попытаться овладеть властью. Москва полнилась слухами о письме начальника политуправления РВС В. А. Антонова-Овсеенко в Политбюро с предупреждением, что если тронут Троцкого, то вся Красная Армия встанет на его защиту. Однако Троцкий на переворот не отважился. Между тем «триумвиры» вызвали из Харькова командующего войсками Украинского военного округа М. В. Фрунзе. Сменив Э. И. Склянского на посту зампреда РВС, он начал, по постановлению пленума ЦК, военную реформу и чистку армии от сторонников Троцкого.

Одним из эпизодов реформы была отставка Тухачевского с поста командующего Западным фронтом (фронт позднее был упразднен). 25 января 1925 г. Президиум ЦИК СССР снял Троцкого с должностей председателя РВС и наркома по военным и морским делам. Заменил его на этих постах М. В. Фрунзе, его заместителем стал сторонник Сталина К. Е. Ворошилов. Троцкий оказался вытесненным на второстепенные роли, хотя еще оставался членом Политбюро.

«Дуумвират», «новая» и «объединенная» оппозиции. Выступавшие первоначально на стороне Сталина Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев в 1925 г. перешли в оппозицию. Первое столкновение «новой оппозиции» и фракции Сталина произошло в апреле при обсуждении тезисов «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным Пленумом ИККИ». Зиновьев предлагал зафиксировать в резолюции, что победа социализма может быть достигнута только в международном масштабе. Пленум отверг его проект, призвав «строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным». С этого времени и до 1928 г. высшее партийное руководство олицетворял «дуумвират» Сталина и Бухарина. Их влиятельными союзниками стали Рыков и Томский. «Новая оппозиция» объявила выдвинутый «дуумвирами» тезис о возможности построения социализма в одной стране изменой делу мировой революции.

Н. И. Бухарин, предлагая модель нового стратегического курса «врастания в социализм через НЭП», в середине апреля выдвинул лозунг политики накопления «Обогащайтесь!», обращенный ко всему крестьянству. Оппозиция осуждала этот лозунг и НЭП в целом как отступление перед капитализмом в городе и деревне, а саму идею строительства социализма в отсталой России — как «национал-большевизм», предательство пролетарского интернационализма и результат национальной ограниченности авторов идеи.

Однако на XIV партсъезде (декабрь 1925) «новая оппозиция» потерпела поражение, ее предложение о смещении Сталина с поста генсека было отвергнуто. Напротив, его позиции в Политбюро окрепли. Январский (1926) пленум ЦК ввел в Политбюро Калинина, Молотова и Ворошилова, назначенного после смерти Фрунзе наркомом по военным и морским делам. Каменев был переведен из членов Политбюро в кандидаты. 8 января 1-м секретарем Ленинградского губернского комитета был избран Киров.

На апрельском (1926) пленуме ЦК образовался «Троцкистско-зиновьевский блок», расценивающий политический курс Сталина и его сторонников как результат перерождения диктатуры пролетариата в бюрократический режим. Блок призывал усилить давление на «классово чуждые» элементы в городе и деревне, прежде всего на «кулачество».

Запрет на открытую пропаганду своих взглядов заставил оппозиционеров использовать нелегальные формы работы в массах. Начиная с лета 1926 г. конспиративный центр, руководимый Троцким и Зиновьевым, приступил к распространению агитационных материалов среди рабочих, однако успеха не достиг. 23 октября объединенный пленум ЦК и ЦКК предложил освободить Зиновьева от поста председателя Исполкома Коминтерна (освобожден в ноябре 1926 г.), вывел Троцкого из состава, а Каменева — из кандидатов в члены Политбюро.

Продолжая борьбу, левая оппозиция активно использовала провал одобренной сталинским руководством политики союза компартии Китая с Гоминьданом, закончившейся поражением коммунистов и приходом к власти в Китае Чан Кайши. В конце мая 1927 г. 83 участника троцкистско-зиновьевского блока направили в Политбюро письмо-платформу. В нем утверждалось, что провалы на внешнеполитической арене были бесспорным свидетельством неверности теории о возможности построения социализма в одной стране. Она объявлялась «мелкобуржуазной» и не имеющей ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

После попыток распространения брошюры с изложением «платформы большевиков-ленинцев», организации новой дискуссии и демонстрации под своими лозунгами 7 ноября 1927 г. объединенный

пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) исключил Зиновьева и Троцкого из партии. На пленуме Троцкий произнес речь, навсегда запомнившуюся его противникам и во многом предопределившую его гибель: «Вы — группа бездарных бюрократов. Если станет вопрос о судьбе советской страны, если произойдет война, вы будете бессильны организовать оборону страны и добиться победы. Тогда, когда враг будет в 100 километрах от Москвы, мы сделаем то, что сделал в свое время Клемансо (премьер-министр и военный министр Франции в 1917—1920 гг. — *Авт.*), — мы свергнем бездарное правительство; но с той разницей, что Клемансо удовлетворился взятием власти, а мы, кроме того, расстреляем эту тупую банду ничтожных бюрократов, предавших революцию. Да, мы это сделаем. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но вы не смеете. А мы посмеем, так как это будет совершенно необходимым условием победы».

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) исключил из партии 93 видных оппозиционеров, в том числе Каменева, Пятакова, Радека, Раковского, Смилгу. На следующий день после завершения съезда такие меры были приняты к тысячам троцкистов. Левая оппозиция утратила все свои официальные позиции в партии. В январе 1928 г. были высланы из Москвы наиболее видные оппозиционеры. Троцкий выслан вначале в Алма-Ату, а в феврале 1929 г. — за границу. Зиновьев и Каменев, написавшие покаянное письмо в президиум съезда ВКП(б), в июне 1928 г. были восстановлены в партии. Сталин, вероятно, полагал, что их помощь может понадобиться в борьбе с правыми оппозиционерами.

Начало борьбы с «правой» оппозицией. Весной 1928 г. «дуумвират» дал трещину. Сталинская группировка вступила в борьбу с наиболее последовательными защитниками НЭПа в партийном руководстве. Причиной стал кризис НЭПа, ярко проявившийся в хлебозаготовительной кампании. Весной 1927 г. пошли слухи о близкой войне с Англией, разорвавшей дипломатические отношения с СССР. Население стало впрок заготовлять товары первой необходимости, прежде всего муку и зерно. Нэпманы начали скупать червонцы и пытаться отправить их за границу. Рыночные цены выросли, в несколько раз превысив государственные заготовительные. Положение усугубилось решением государства понизить заготовительные цены на хлеб, чтобы заинтересовать крестьян в развитии животноводства и производстве технических культур. В результате срыва плана хлебозаготовок 1927 г. возник острый продовольственный кризис. Местное партийное, советское руководство и торгующие организации под давлением социального недовольства и угрозы срыва производства стали вводить хлебные карточки. Они выдавались только горожанам с це-

лью гарантировать их потребление в условиях наплыва иногородних жителей. «Саботаж» держателей зерна пытались сломить «экстраординарными» мерами. Чтобы заставить крестьян продавать хлеб только государству, закрывали хлебные базары, а у застав городов и на станциях вновь, как в пору «военного коммунизма», выставляли заградительные отряды. «Спекулянтов» стали карать тюремным заключением и конфискацией имущества.

Апрельский (1928) пленум ЦК одобрил проводимую Политбюро «линию», однако после неурожая 1928 г. ситуация с заготовками еще более ухудшилась. Новая волна «экстраординарных» мер породила волну слухов об отмене НЭПа. Поиск выхода из создавшейся ситуации стал предметом очередной внутрипартийной дискуссии. В центре внимания были вопросы: как сохранить высокие темпы индустриализации, повысить товарность сельскохозяйственного производства, избежать «крестьянских бойкотов» в будущем. Бухарин считал возможным совместить высокие темпы индустриализации с сохранением в неизменном виде хозяйственной системы НЭПа. Он предлагал повысить налог на верхушечные слои деревни, увеличить выпуск промышленных товаров. По расчетам Рыкова, разрыв между развитием промышленности и сельского хозяйства (из-за недостаточной товарности последнего) можно было ликвидировать за 2 года.

В природно-климатических условиях Западной Европы такие задачи были вполне решаемы в самые короткие сроки. Но стремительное решение их в условиях России, где земледельцы веками не могли по вполне объективным обстоятельствам кардинально увеличить урожайность и были обречены на экстенсивный путь наращивания земледельческого производства, было нереально. Субъективно выбранный путь оказался для политиков своего рода западней.

В реальной действительности к 1928 г. крестьянство едва встало на ноги. К этому времени реализация Декрета о земле резко увеличила численность крестьянских хозяйств: с 16 млн дворов в 1917 г. до 25 млн к концу 1928 г. Причем передача национализированных земель крестьянству резко увеличила середняцкую прослойку. На 1926/27 г. число середняков увеличилось до 69% от всей массы работающих в сельском хозяйстве крестьян. Однако населенность крестьянского двора оставалась низкой. Даже в зажиточной части крестьянства, составлявшей к началу 1928 г. всего около 5% крестьян, населенность двора (хозяйства) составляла всего 6,5 человека, в то время как в Черноземном и Центрально-промышленном регионах общая средняя населенность двора достигала 5—6 человек. Иначе говоря, резерв рабочей силы в зажиточной верхушке пополнялся только за счет найма, а посев — за счет аренды земли.

Достаточно напомнить, что в конце XIX — начале XX в. в регионах Черноземного и Промышленного центров населенность зажи-

точного двора достигала соответственно 9,4 человека и 8,4 человека и только бедняцкие дворы имели по 5 человек на двор. А по бюджетным обследованиям 1926/27 г. населенность даже бедняцкого двора была 4,9 человека, в середняцком дворе в среднем по стране было 5,4 человека, и только в так называемом пролетарском хозяйстве населенность была минимальной — 1,8 человека. Не достигали прежнего уровня и посевные площади. В 1926/27 г. средняя посевная площадь на одно хозяйство в Черноземном центре была 4 десятины, а в Центрально-промышленном регионе — 2,8 десятины на хозяйство. Различия в крайних по уровню состоятельности группах, даже если они были разительны, не могли иметь экономически существенное значение, так как они в совокупности составляли чуть более 30% сельского населения. На рубеже веков по двум названным регионам посевы бедняцкого двора в Нечерноземье составляли 1,6 десятины, а в Черноземье — 3,1 десятины. В то же время зажиточные дворы имели соответственно 6,3 и 21,8 десятины. Таким образом, к 1928 г. ситуация с крестьянством была далеко не лучшей, и любые реформы могли иметь непредсказуемые последствия.

Тем временем И. В. Сталин предлагал не просто ликвидировать кризисные явления и стабилизировать положение путем уступок «мелкобуржуазной стихии», а уничтожить саму возможность подобных кризисов, создавая коллективные и советские хозяйства. Товарность хлеба в немногочисленных колхозах (50%) была почти в 5 раз выше, чем в середняцких хозяйствах (11%). В этой форме хозяйствования усматривался механизм, позволяющий осуществлять перераспределение средств и снабжать города и армию хлебом, не создавая, как тогда полагали, угрозы экономических и политических потрясений. НЭП, таким образом, отодвигался на второй план. Вместо бухаринской эволюционной концепции строительства социализма стране перед лицом внешней и внутренней угрозы предлагался жесткий, если не варварский, мобилизационный план. Его элементами стали «бешеные темпы», «сплошная коллективизация», «усиление классовой борьбы». Следствием отказа от НЭПа, хозрасчета (значит, и от материальной заинтересованности) становилась командно-административная система, упование, с одной стороны, на энтузиазм масс, проникшихся величием и благотворностью планов, с другой — на принуждение трудящихся работать по плану, подчиняться трудовой дисциплине.

В результате борьбы, обострившейся из-за опасений возникновения единого оппозиционного фронта после переговоров Бухарина с Каменевым в июле 1928 г., Сталин и его сторонники (Куйбышев, Молотов, Каганович, Андреев и др.) одержали верх над «правыми уклонистами», обвиненными в пособничестве буржуазии, насаждении капитализма в деревне. Бухарин, выдвинутый после смещения Зи-

новьева в политсекретариат Коминтерна (институт председателя ИККИ был упразднен) и проводивший политику «левого поворота» в его деятельности, как лидер «правого уклона в ВКП(б)» не мог долго там оставаться. Официально он был исключен из политсекретариата 25 июня 1929 г., но еще раньше роль руководителя делегации ВКП(б) в Коминтерне занял В. М. Молотов. Окончательное вытеснение лидеров «правого уклона» с высот политической власти произошло в 1930 г.

§ 4. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА, ПЕРЕХОД К ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Финансы и торговля. Провал политики продуктообмена и возвращение в экономику торгово-денежных отношений повлекли за собой необходимость восстановления банков — учреждений, обслуживающих денежный оборот и кредитные отношения, осуществляющих эмиссию денег и контроль за хозяйственно-финансовой деятельностью предприятий. В октябре 1921 г. открылся Государственный банк. В 1922 г. с выпуска новых денежных знаков началась финансовая реформа. При этом новый рубль приравнивался к 10 тыс. прежних. В 1923 г. выпущены другие «совзнаки», один рубль которых равнялся 100 руб. образца 1922 г. Одновременно с новыми «совзнаками» Госбанк с конца ноября 1922 г. стал выпускать банковские билеты — червонцы с твердым покрытием. Один червонец приравнивался к 7,74 г чистого золота, или дореволюционной золотой десятирублевой монете.

Денежная реформа завершилась в 1924 г. В начале января этого года курс доллара на Московской бирже равнялся 2 руб. 20 коп., в апреле — 1 руб. 95,5 коп., и на этом остановился. Совзнаки к этому времени были вытеснены из обращения червонцами. Финансовая система в стране стабилизировалась. В 1925 г. червонец официально котировался на различных валютных биржах мира.

Кредитование предприятий промышленности и торговли на коммерческой основе поначалу осуществлял только Госбанк. Позднее были созданы специализированные банки (Торгово-промышленный, Электробанк, Внешторгбанк, Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства и др.). Они осуществляли кратко- и долгосрочное кредитование, распределяли ссуды, назначали ссудный, учетный и процент по вкладам. Наряду с государственными возникли акционерные банки (их акционерами были Госбанк, синдикаты, кооперативы, а также частные лица и иностранные предприниматели). Кредитование предприятий потребительской кооперации

осуществляли созданные для этой цели кооперативные банки, для сельскохозяйственного кредита — сельскохозяйственные, для кредитования частной промышленности и торговли — общества взаимного кредита, для мобилизации денежных накоплений населения — сберкассы. В 1926 г. работал 61 банк, а доля Госбанка в общих кредитных вложениях к этому времени снизилась до 48%.

Вопросы регулирования торговли, которая играла роль основного звена НЭПа, в мае 1921 г. были переданы от ВСНХ и Наркомпрода в специально созданную Комиссию внутренней торговли. В 1924 г. она была преобразована в Наркомат внутренней торговли. Наряду с государственными торговыми организациями возникли смешанные торговые общества. Допускалась свобода частной торговли. Заработали ярмарки, торговые выставки и биржи. Большое развитие получила потребительская кооперация. Но основные позиции в торговле занимало государство. Через Наркомвнешторг оно целиком контролировало внешнюю торговлю, куда частный капитал не допускался. Государственным торговым организациям принадлежало 77% оптовой торговли внутри страны, 15 — частному капиталу и 8% — кооперации. У частного капитала поначалу были особенно сильны позиции в розничной торговле: в разгар НЭПа она на 75% контролировалась капиталистами. Планомерное наступление на нэпманов, занятых в этой сфере, началось еще в ноябре 1923 г., когда были осуществлены операции ОГПУ по административной высылке из Москвы, а затем и из других крупных городов спекулянтов, контрабандистов, валютчиков и других «социально опасных элементов». В феврале 1924-го в Москве были обвинены в спекуляции и высланы на Север более тысячи нэпманов. В целом этот год стал периодом новой «красногвардейской атаки на капитал». В 1925/26 хозяйственном году удельный вес капиталистического сектора в торговле понизился до 42,2%, а в 1927/28 г. — до 24,8%. Частный капитал из этого сектора вытеснялся в основном кооперацией.

Торговля и цены были основным механизмом неэквивалентного обмена между городом и деревней, позволявшим получать накопления крестьян для индустриализации. Промышленность, объединенная в синдикаты, диктовала цены рынку. В погоне за прибылью синдикаты в урожайном 1923 г. всего за несколько месяцев подняли цены на промышленные товары в два с лишним раза. Чтобы купить плуг, крестьянин должен был продать 36 пудов ржи (в 1913 г. — 10). В некоторых губерниях пара сапог была эквивалентна стоимости 44 пудов муки. Крестьяне не могли покупать товары по таким ценам. В итоге промышленные товары лежали на складах, заводы оставались без выручки. Кризис 1923 г. стал следствием первой попытки перехода к «сверхиндустриализации», предлагавшейся Л. Д. Троцким.

Сельское хозяйство. В условиях преимущественно аграрной страны восстановление народного хозяйства после Гражданской войны было решено начинать с сельского хозяйства и легкой промышленности. Это позволяло создать основу для подъема тяжелой индустрии. Однако рост сельскохозяйственного производства начался не сразу. К концу 1922 г. деревня не оправилась от засухи 1921-го. И лишь с урожайного 1923 г. сельское хозяйство пошло на подъем. В 1925 г. посевная площадь в стране составила 99,3% от уровня 1913 г., а валовая продукция сельского хозяйства превзошла этот уровень на 12%. Сбор зерновых культур достиг почти 4,5 млрд пудов и был на 11% выше среднегодовых сборов пяти предвоенных лет.

Поголовье крупного рогатого скота, овец и свиней превысило показатели 1916 г. — наиболее высокие в дореволюционной истории России. К 1927 г. в стране насчитывалось 30 млн коров (на 15,1% больше, чем в 1916 г.), 126,8 млн овец (больше на 12,2%), 23,2 млн свиней (больше на 11,1%). Меньшим, чем в довоенное время, оставалось поголовье лошадей. В 1916 г. в стране их насчитывалось 35,8 млн, к 1920 г. — 30,5 млн, к весне 1927 г. — 31,5 млн (88,2% от уровня 1916 г.).

1925 год был последним годом в истории России, когда наблюдалось возрастание применения сох в крестьянском хозяйстве. К весне 1926 г. количество сох, косуль (род сохи, отваливающей землю в одну сторону) и сабанов сократилось по сравнению с весной 1925 г. на 100,3 тыс., а к весне 1927 г. — еще на 253,3 тыс. В то же время количество плугов и буккеров возросло соответственно на 614,1 тыс. и 924 тыс. Весной 1927 г. на территории СССР использовалось всего 17,3 млн пахотных орудий, в том числе 11,6 млн (72,8%) плугов и 5,7 млн (32,9%) сох. Замена сохи плугом обеспечивала улучшенную обработку почвы и заметное (на 15—20%) повышение урожайности.

По данным на 1927 г., когда число крестьянских хозяйств достигло своего максимума, средний надел крестьянского хозяйства землей в европейской части РСФСР составлял 13,2 га (до революции он равнялся 10,1 га). При этом только 15,2% крестьянских хозяйств имели те или иные машины (данные в среднем по СССР). Одна сеялка приходилась на 37 хозяйств, жнейка — на 24, сенокосилка — на 56, молотилка — на 47, веялка или сортировка — на 25 хозяйств. Это означает, что повсеместно преобладал ручной сев; коса и серп, деревянный цеп и молотильный каток продолжали оставаться основными орудиями уборки и обмолота урожая.

Ситуация была сравнительно лучшей на Украине, где удельный вес хозяйств с машинами составлял 20,8%, причем в Степном крае — 35%. На Северном Кавказе машины были у 22,9% крестьянских хозяйств, в Сибири — у 26,1%, в Нижнем Поволжье — у 19,3%. В крестьянских хозяйствах потребляющей полосы РСФСР,

Белоруссии и Закавказья машин было в 2—4 раза меньше; в республиках советского Востока — в 10—11 раз меньше, чем в РСФСР. В конце 20-х гг. производство сельскохозяйственных машин и орудий значительно увеличилось: с 1926/27 по 1928/29 гг. производство плугов выросло с 953,2 до 1677,3 тыс. штук; буккеров — с 22,3 до 36,6; сеялок — с 57,2 до 105,3; культиваторов — с 60,7 до 91,5; лобогреек — с 89,0 до 166,3; зерноочистительных машин — с 99,7 до 233,2 тыс. штук. Выпуск тракторов на отечественных предприятиях за эти годы увеличился с 732 до 3267. В 1929 г. в стране были выпущены первые комбайны.

Сбор зерна с одного гектара по СССР в годы НЭПа колебался от 6,2 ц (1924) до 8,3 ц (1925). Средняя урожайность зерновых в России в 1922—1928 гг. составляла 7,6 ц с га (в 1909—1913 гг. она равнялась 6,9 ц). Среднегодовой сбор зерна за пятилетие 1925—1929 гг. составил свыше 733,3 млн ц, что превышало довоенный уровень на 12,5%. Валовая продукция сельского хозяйства, достигавшая в 1921 г. 60% довоенного уровня, уже в 1926 г. превзошла его на 18%.

Существенно изменился социальный облик сельского населения. В 1924/25 г. 61,1% самодеятельного населения деревни составляли середняки, 25,9 — бедняки, 9,3 — сельскохозяйственные рабочие (батраки), 0,4% — служащие. Кулаков, по данным на этот год, было 3,3% от сельского населения. К 1927/28 г. удельный вес бедняцких хозяйств сократился до 22,1%; середняцких — увеличился до 62,7%, кулацких — до 3,9%, пролетарских — до 11,3%.

Большую роль в налаживании сельскохозяйственного производства сыграли сбытовые, потребительские, машинные кооперативы, в которые объединялись относительно зажиточные крестьяне, производившие товарную продукцию. Бедняки, которые не производили продукцию на продажу, чаще создавали коллективные хозяйства — коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы). В артелях основные средства производства обобществлялись, а в ТОЗах сохранялись в частной собственности при совместном труде. В 1925 г. в кооперативах состояли более четверти, а в 1928 г. — 55% всех крестьян. В районах специализированного производства (льноводческие, свеклосахарные, овощеводческие, молочные хозяйства) кооперация охватывала подавляющее большинство крестьян. В 1925 г. кооперативный товарооборот составлял 44,5% розничного товарооборота страны. В РСФСР на долю кооперации в 1926/27 г. приходилось 65% снабжения крестьян орудиями и машинами.

Колхозы и совхозы, которые пользовались большой поддержкой государства, были весьма немногочисленны. К середине 1927 г. в СССР существовало 14 832 колхоза, в которых объединились 194,7 тыс. крестьянских семей (0,8% от их общего числа по стране).

Через год колхозы объединяли уже 416,7 тыс. крестьянских хозяйств — 1,7% их общего числа. Еще малочисленнее были совхозы (4398 в начале 1927 г.). Хотя их обслуживало примерно 40% тракторов, имевшихся во всем сельском хозяйстве страны, на них приходилось ничтожная доля (1,5%) зернового производства (в 1929 г. — 1,8%).

В 1927 г. возникла идея организации государственных предприятий для обслуживания деревни машинной техникой. Сначала это были тракторные колонны (первая образована в сентябре 1928 г. в Азовском районе Донского округа из 18 тракторов для обслуживания двух колхозов и одного земельного общества). В ноябре 1928 г. на базе колонны в совхозе им. Шевченко (Одесская обл.) создана машинно-тракторная станция. В дальнейшем МТС сыграли важнейшую роль в коллективизации крестьянских хозяйств и развитии сельскохозяйственного производства в стране.

Промышленность. По сравнению с сельским хозяйством восстановление промышленности шло медленнее. Оно началось с легкой и мелкой промышленности, не требовавшей, в отличие от сильно разрушенной тяжелой промышленности, огромных капиталовложений, дорогостоящего сырья и топлива (железо, уголь). Легкая промышленность, получая сырье от возрождающегося сельского хозяйства, могла обходиться дешевым топливом (дрова, торф). В силу этого она была привлекательной для частников и артельщиков.

Предприятия легкой и мелкой промышленности производили ткани, обувь, мыло и многие другие потребительские товары массового спроса, способствующие быстрому налаживанию товарооборота между городом и деревней. Легкая промышленность вплотную приблизилась к довоенному уровню производства уже в 1925 г. Вместе с тем большая часть промышленного производства находилась на низкой стадии развития — мелкого кустарно-ремесленного производства. В 1925 г. им занималось две трети всех работников промышленного производства. Кустарей было вдвое больше, чем рабочих, они давали треть всей промышленной продукции.

Промышленность в целом, находившаяся в 1920 г. на уровне 13,8% от 1913 г., в 1925 г. достигла 73% от довоенного уровня. Однако уже в следующем, 1926 г., валовая продукция промышленности СССР составила 98% (добыча нефти — 90%, угля — 89%, выплавка чугуна — 52%, стали — 69%). Машиностроение при этом удавалось развивать более высокими темпами. В 1925 г. оно достигло 92,6% от уровня 1913 г., а в 1926-м превзошло его на 33,4%. Грузовой оборот железных дорог, от которых во многом зависело развитие индустрии, в 1925/26 г. составлял 88,1% по сравнению с 1913 г.

Особое внимание уделялось выполнению плана ГОЭЛРО. Вслед за открытием в 1922 г. Каширской и Петроградской районных электростанций в 1924/25 г. вступили в строй Кизеловская (на Урале), Шатурская и Нижегородская (Балахнинская) государственные районные электростанции (ГРЭС); завершалось строительство Штеровской (Донбасс), Ярославской и Волховской станций. В 1925 г. мощность всех электростанций страны составила 1,4 млрд кВт. Выработка электроэнергии в 1,5 раза превысила довоенный уровень.

План ГОЭЛРО в восстановительный период был основной базой для дальнейшего совершенствования планирования. Г. М. Кржижановский (председатель комиссии ГОЭЛРО; в 1921—1923 гг. и 1925—1930 гг. — председатель Госплана СССР) подчеркивал насущную потребность «в обобщающей перспективе, необходимой при составлении планов». В апреле 1925 г. Госплан поставил задачу постройки ряда металлургических заводов — Александровского (Запорожского), Криворожского и Керченского на юге страны; у горы Магнитной на Урале; Кузнецкого в Кузбассе. В декабре 1925 г. утвержден план строительства 14 новых машиностроительных заводов, в том числе тракторного на Волге, вагонного в Нижнем Тагиле, завода тяжелого машиностроения в Свердловске, заводов сельскохозяйственного машиностроения в Челябинске и Ростове-на-Дону. По сути, намечались контуры будущей промышленной карты 1-й пятилетки. Всего к концу 1925 г. в стадии проектирования и начального строительства находилось 28 шахт, более 100 предприятий, предназначенных для выпуска тракторов, автомобилей, самолетов, машин для электротехнической и текстильной промышленности, строительства морских и речных судов. По существу, это было уже начало технической реконструкции народного хозяйства.

Таким образом, к концу 1925 г. восстановительный период может считаться в общих чертах законченным. Новым периодом развития должна была стать перестройка хозяйства на основе новой, более высокой техники. Общий результат развития народного хозяйства, выраженный в производстве валового внутреннего продукта в России в годы НЭПа, характеризуется следующими данными. В 1928 г. объем ВВП (42 млрд руб. в сопоставимых для всего XX в. ценах) был в 1,6 раза больше, чем в 1917 г., и в 2,2 раза больше, чем в 1922-м — самом неблагополучном в этом отношении за все время советской власти.

Изменения в структуре народного хозяйства, составе и условиях жизни населения. За годы восстановления окреп «социалистический сектор» народного хозяйства. В 1924/25 г. государственная и кооперативная промышленность составляла 79,3%, частная —

20,7%. К концу 1925 г. 91,5% оптовой и 57,7% розничной торговли приходилось на долю государственных и кооперативных предприятий. 28% крестьянских хозяйств были охвачены различными видами кооперации.

По мере восстановления промышленности на фабрики и заводы возвращались рабочие, покинувшие их в годы войны и разрухи. К 1926 г. общее число рабочих в цензовой промышленности насчитывало 2261,7 тыс. (87,6% от уровня 1913 г.). Основная масса рабочих концентрировалась в промышленных районах РСФСР и Украины. Их заработная плата в промышленности составляла 94% от довоенного уровня.

В результате Гражданской войны и сдвигов в экономике в 20-е гг. кардинально изменилась социальная стратификация российского общества. В 1913 г. она включала 16,3% рабочих и служащих; 66,7% — крестьян-единоличников, некооперированных кустарей и ремесленников; 17% — помещиков, представителей крупной и мелкой буржуазии, торговцев и кулаков. В 1928 г. численность рабочих и служащих СССР выросла до 17,6%, крестьян-единоличников, некооперированных кустарей и ремесленников — до 74,9%. Появились колхозное крестьянство и кооперированные кустари (в 1928 г. — 2,9% населения страны). Из социальной структуры были вытеснены помещики, крупные буржуа, торговцы и значительная часть кулаков. 4,6% населения принадлежала к мелкой городской буржуазии, торговцам и кулакам.

Общее число жителей СССР с 1923 г. увеличивалось примерно на 2% в год. Перепись населения 1926 г. зафиксировала 147 млн жителей, из которых 120 млн (82%, как и в 1913 г.) жили на селе. Значительный прирост населения (на 13 млн за 1923—1926 гг.) во многом имел компенсаторный характер после войны и голодных лет.

Восстановление объемов выработки важнейших товаров народного потребления позволяло улучшить жизнь населения. В 1926 г. по сравнению с 1913 г. было произведено хлопчатобумажных тканей — 102,2%, фабричной обуви — 143,8%, спичек — 110,7%, мыла хозяйственного — 125,6%. Продолжало оставаться более низким производство сахарного песка (64,8%), соли (78,5%), резиновой обуви (94%), однако и по этим товарам в 1927 г. довоенный уровень был превзойден. Валовая продукция всего сельского хозяйства достигла в 1926 г. 118% по сравнению с 1913 г., в том числе по продукции земледелия — 114% и животноводства — 127%. Все это существенным образом сказывалось на уровне жизни.

В ноябре 1924 г. (после денежной реформы) средний заработок рабочего в промышленности составлял 38,5 руб., а прожиточный минимум (стоимостная оценка суммарного потребления человека, определяемая на основе минимальных норм) по РСФСР — около

18 руб. В 1926 г. средний заработок промышленного рабочего поднялся до 55,4 руб., зарплата специалистов равнялась 165 руб., служащих — 101 руб. Работники искусства получали в среднем 73 руб., работники просвещения — 42 руб. в месяц. При этом до 1-й пятилетки зарплата коммунистов ограничивалась 100—150% средней зарплаты в тех учреждениях, где они работали (партмаксимум). К примеру, директор завода получал 187,9 руб., если он был членом партии, и 309,5 руб., если был беспартийным. Годовой заработок чернорабочего в 1926/27 г. равнялся 455 довоенных руб., разрешенный для специалистов максимум — 1811 руб.

Энергетическая ценность продуктов питания в семьях фабричных рабочих в 1918 г. составляла 1786 ккал на взрослого едока в день, в 1922 г. — 2461, а в 1926 г. — 3445 ккал. При этом улучшалось качество питания, что выражалось в увеличении количества белков и жиров в рационе рабочего. В 1922 г. продукты животного происхождения составляли 4,4% потребляемых продуктов, а в 1926 г. они достигали уже 13,8%.

В крестьянской семье в 1926 г. на едока приходилось 30—32 кг мяса (до революции — около 16 кг в год. Его производство зависело не только от поголовья скота, но и от сборов зерна. Для получения пуда свинины нужно скормить 5 пудов зерна или его эквивалентов). Достигнутый уровень питания крестьянского населения в 1926 г. превышал довоенный в переводе на хлебные продукты в потребляющей полосе на 6%, а в производящей на 2%. В производящей полосе питание на одного взрослого едока в день составляло в ккал: у беспосевных крестьян — 3827, у малопосевных — 4043, у среднепосевных — 4228, у многопосевных — 4689 (в этом случае питание больше всего соответствовало расходу энергии, требуемой для выполнения тяжелой физической работы). По сравнению с дореволюционным временем разница в питании между этими группами значительно уменьшилась, поскольку удельный вес деревенской бедноты понизился в 2 с лишним раза, а удельный вес средних слоев крестьянства возрос более чем в 3 раза.

Данные обследования питания сельского населения РСФСР в феврале и октябре 1927 г. (месяцы наибольшего потребления мяса и жиров) дают следующую картину. В потребляющей полосе в февральские дни приходилось на человека в среднем разной муки (преимущественно ржаной) 538 г, в октябрьские — 549 г; круп и бобовых — соответственно 74 и 61 г, картофеля — 644 и 680 г; овощей и фруктов — 117 и 213 г; мяса — 101 и 100 г; рыбы — 25 и 24 г; сала — 12 и 9 г; коровьего масла — около 4 г; растительного масла — 7 и 5 г; сахара и сахаросодержащих продуктов — 17 г; молока — 281 и 346 г, яиц — 1 и 4 шт. в день. В производящей полосе в крестьянском рационе несколько меньше было картофеля (соответствен-

но 396 и 435 г) и молока (226 и 267 г), больше — муки (595 и 593 г), мяса (113 и 94 г) и яиц (5 и 7 шт.).

В 1927/28 г. в семьях крестьян в среднем на одного человека приходилось 239 кг хлеба и хлебопродуктов (в семьях рабочих — 187 кг), 41 кг мяса (у рабочих — 57 кг), 4,3 кг сахара (у рабочих — 14,6 кг). Основными продуктами питания крестьян в конце 20-х гг., как и встарь, были хлеб, картофель («второй хлеб», как его называли) и молоко. Эти же продукты оставались основными и на последующие 3—4 десятилетия советской власти.

Рост народного потребления ограничивался недостатком промышленных товаров. В 1925 г. производство предметов потребления достигло только 72,1% от уровня 1913 г. Однако и при этом общая сумма денежных затрат на покупку одежды и обуви увеличилась в среднем на душу населения в 1924/25 по сравнению с 1923/24 г. на 37,7%. В 1925 г. наиболее дефицитными товарами были ткани, кожа, обувь, сортовое железо, в еще большей степени — гвозди, кровельное железо, стекло, махорка.

Особенно остро ощущалась неустроенность быта из-за плохих жилищных условий населения. Расширение общей площади городского жилищного фонда в 1926 г. (по сравнению с 1913 г. на 36 млн кв. м) значительно отставало от прироста городского населения. По переписи 1926 г., жилая площадь на душу фабрично-заводских рабочих в среднем составляла 4,91 кв. м, у служащих — 6,96 кв. м. Недостатки жилья скрашивались низкими ставками его оплаты (взимание платы было возобновлено в апреле 1922 г.). В 1924 г. средняя месячная плата за 1 кв. м жилой площади составляла 11 коп. Жилищная плата покрывала лишь часть издержек по содержанию жилища.

Реальным завоеванием трудящихся было сокращение по сравнению с дореволюционной Россией продолжительности рабочего дня. До 1917 г. средняя продолжительность рабочей недели в целом по промышленности равнялась почти 60 ч (10 ч в день). В 1925/26 г. продолжительность рабочего дня промышленных рабочих составляла 7,4 ч. Все рабочие и служащие имели право на ежегодный очередной отпуск не менее двух недель. К 1923 г. в СССР сложилась система социального страхования на случай временной потери трудоспособности вследствие болезни и увечья, беременности и родов, ухода за больным членом семьи и т. д. Система соцстраха в СССР являлась по тому времени самой прогрессивной в мире. Страховые фонды составлялись целиком и полностью из общественных фондов в государственных и кооперативных предприятиях (в 1924 г. 13,6% от всей суммы выплаченной зарплаты). В 1923 г. при временной потере трудоспособности пособие равнялось 65,9% фактического заработка, с января 1924 г. пособие выдавалось в размере полного заработка. Од-

нако полностью провести все эти меры в жизнь стало возможным после ликвидации в стране безработицы.

Приметами послереволюционных социально-политических сдвигов в деревне стали новые учреждения административно-общественного, производственного и культурного назначения: сельсоветы, избы-читальни, клубы, народные дома, размещавшиеся зачастую на месте старых административных учреждений, в помещичьих и кулацких домах, в бывших церквах. Началось строительство и новых зданий, особенно для школ и больниц. В деревнях появлялись первые «лампочки Ильича».

В 20-е гг. постепенно менялся и внешний облик советского человека. Вместо шинелей, ватников и гимнастерок военного времени все большее распространение среди горожан получали довольно узкие и короткие брюки навыпуск и свободная блуза с матерчатым поясом (толстовка). Женщины носили короткие платья прямого покроя, юбки и блузки. Распространенным женским головным убором стал красный платочек, повязанный концами назад. В то же время были широко распространены кожаные куртки, ставшие во время войны как бы формой для коммунистов, а также френчи, галифе полувоенного покроя, матросские тельняшки и брюки клеш. С 1923 г. в СССР стали популяризироваться модели одежды, приемы кройки и шитья.

Переход к индустриализации и коллективизации. В декабре 1925 г. XIV съезд партии переименовал РКП(б) во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков) — ВКП(б). Главным решением съезда было принятие курса на индустриализацию страны, необходимость которой сознавали все противоборствующие в партии группировки. Они исходили из представлений об СССР как осажденной врагами крепости и не теряли надежд на мировую революцию. Общее настроение определяла альтернатива: либо ликвидировать отставание, либо погибнуть.

Концепция Бухарина (продолжение НЭПа, сбалансированное развитие промышленности и сельского хозяйства, приоритетное развитие тяжелой промышленности при одновременном внимании к производству предметов потребления, кооперирование крестьянских хозяйств на добровольной основе) была отвергнута. Утверждалась сталинская: свертывание НЭПа, усиление роли государства в развитии экономики, ужесточение дисциплины, форсированное развитие тяжелой промышленности, использование деревни как поставщика средств и рабочей силы для нужд индустриализации.

Старт мобилизационному штурму в промышленности дала XV конференция партии (октябрь—ноябрь 1926 г.). Была поставлена амбициозная цель — в минимальный срок «нагнать, а затем пре-

взойти» уровень индустриального развития передовых капиталистических стран. В качестве источников индустриализации, как и ранее, назывались накопления госпромышленности, бюджетное перераспределение средств из других отраслей (главным образом за счет изъятия прибавочной части необходимого продукта из сельского хозяйства) в пользу строительства тяжелой индустрии и привлечение сбережений населения через займы. Заметную роль среди источников индустриализации играли доходы от экспорта сельскохозяйственной продукции (зерно) и сырья, в основном леса и нефти (только за 1926—1929 гг. экспорт вырос в цене более чем на 70%), а также от продажи алкоголя. Государственные займы также составляли значительную часть бюджета СССР (в 1927/28 г. — 10%). Вместе с тем партия отвергла предложения сторонников Троцкого по дальнейшему повышению отпускных цен на промышленные товары.

Наиболее циничным выразителем троцкистской экономической программы был Е. А. Преображенский (член коллегии наркомата финансов в 1924—1927 гг.). В 1925 г. он вместе с Г. Л. Пятаковым (зампред ВСНХ) полагал: если допустить, что возможно построение социализма в одной стране, то это нужно делать с максимальной быстротой, форсируя темпы строительства. В своей книге «Новая экономика» (1926) Преображенский обосновывал экономическое понятие «первоначальное социалистическое накопление», предлагая черпать средства в основном «вне комплекса государственного хозяйства», а создавать «первичное накопление капитала за счет крестьянства». Рыков и Бухарин называли эту идею возмутительной.

Однако, по сути, на практике все и сводилось к перераспределению средств деревни, легкой и пищевой промышленности на нужды тяжелой. Конечно, это ограничивало и даже снижало жизненный уровень трудящихся. Активная часть общества считала, что индустриализация требует жертв. Фактически руководство партии в лице Сталина и его сторонников со временем все более склонялось к позиции Преображенского.

Отличительной особенностью первого этапа индустриализации было сочетание восстановительных процессов в промышленности с развертыванием нового строительства по планам ГОЭЛРО. В 1928 г. валовая продукция народного хозяйства СССР почти на треть превышала уровень 1913 г. При этом крупная промышленность только за 1926—1928 гг. выросла почти вдвое. Однако производство чугуна в 1928 г. составляло всего 78% от довоенного уровня. В эти годы завершилось строительство крупных по тем временам электростанций, а в 1927 г. началось строительство 10 новых станций, в их числе мощной электростанции на Днепре, а также Ростовского завода сельскохозяйственных машин, Сталинградского тракторного завода, Керченского металлургического и крупного завода в Кривом Роге. Велась

подготовка к строительству Кузнецкого металлургического завода, сырьевой базой которого стали коксующиеся угли Кузбасса и железные руды Урала. Развернулись работы на северном и южном участках Туркестано-Сибирской железной дороги (1452 км от Семипалатинска через Алма-Ату до ст. Луговая).

Всего в первые годы индустриализации начато строительство более 600 новых промышленных предприятий, на многих старых проводилась коренная реконструкция, почти равная новому строительству. Все это позволило поднять удельный вес промышленного производства (в сравнении с аграрным) с 36% в 1926 г. до 48% — в 1928-м. Начался процесс превращения страны из аграрной в индустриальную.

Основные экономические показатели сельского хозяйства в 1926—1928 гг. тоже превосходили показатели предреволюционной России. Валовой аграрной продукции в стране производилось на 18—20% больше по сравнению с 1913 г. Однако три четверти посевных работ в стране велось ручным способом; до половины зерновых убиралось косой и серпом, обмолачивалось цепом и другими примитивными орудиями. Низкая урожайность и частые недороды, суровые природные условия усугубляли ситуацию. Товарного хлеба (для города) деревня производила на 30% меньше, чем до революции. Число крестьянских хозяйств достигло максимума в 1927 г. — 25 млн против 21 млн в 1916 г. Основную их массу составляли бедняцко-середняцкие хозяйства, производившие зерно в основном для собственного потребления. На фоне роста промышленности нерентабельность мелкого крестьянского производства проявлялась все отчетливее. Надежды на улучшение связывались с переводом мелких хозяйств на рельсы крупного производства.

Резолюция XV съезда партии (декабрь 1927 г.) «О работе в деревне» призывала «широко развернуть пропаганду необходимости и выгодности для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному сельскому хозяйству». Начавшаяся индустриализация открывала возможность для подготовки материально-технической базы преобразования сельского хозяйства, расширяя поставку тракторов, прицепных машин и орудий.

Подготовке массовой коллективизации способствовали простейшие формы кооперации. В кооперативы (сбыто-снабженческие, ТОЗы — товарищества по совместной обработке земли и др.) к осени 1927 г. объединено около трети крестьянских хозяйств, а в 1929 г. — более 55%. Однако в колхозы (высшую форму кооперации) к июню 1929 г. было вовлечено лишь 3,9% крестьянских хозяйств. Большевики были полны решимости добиться массовой коллективизации в кратчайший срок.

Разработка пятилетнего плана. На XV съезде партии было решено разработать комплексный план развития народного хозяйства страны, устанавливавший пропорции и темпы развития различных секторов и отраслей хозяйства, регионов страны на пятилетний период. Работа была сосредоточена в Госплане и ВСНХ, проходила в острой борьбе, отражая различия во взглядах в высшем руководстве на перспективы развития страны. По предложению председателя Госплана Г. М. Кржижановского готовились два варианта пятилетнего плана — минимальный (отправной) и оптимальный. Наметки первого были на 20% ниже, чем второго.

В ВСНХ под руководством В. В. Куйбышева разрабатывался только оптимальный вариант. В этом плане индустриализация трактовалась как ускоренное развитие собственной (не импортируемой) промышленности, и прежде всего продукции машиностроения, энергетики, химической промышленности, металлургии. ВСНХ намечал обеспечить ежегодный прирост промышленной продукции на 19—20%. Старые буржуазные специалисты (В. А. Базаров, В. Г. Громан, И. А. Калинников), ссылаясь на мировой опыт, считали реальным вдвое меньший темп индустриального развития по сравнению с намеченным в отправном варианте плана. Против высоких темпов возражали и представители «правой оппозиции» (Бухарин, Рыков, Томский). Однако ноябрьский пленум ЦК (1928) заявил о возможности «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении капиталистические страны... только при напряженном темпе развития индустрии и индустриализации страны». Вариант контрольных цифр пятилетнего плана, предусматривавший рост всей промышленности на 167% (тяжелой — на 221, легкой — на 130), ВСНХ подготовил в середине декабря 1928 г.

В апреле 1929 г. оптимальный вариант плана был принят правительством, несмотря на возражения Кржижановского (в ноябре на этот пост назначен Куйбышев), затем одобрен XVI партийной конференцией и утвержден V Всесоюзным съездом Советов. План был рассчитан на период с октября 1928 г. по октябрь 1933 г. Хозяйственный год в условиях индустриализации и укрепления плановых основ в сентябре 1930 г. решили перенести с 1 октября на 1 января начиная с 1931 г.

План предусматривал увеличение за пятилетие выпуска промышленной продукции в 2,8 раза (тяжелой — в 3,3) и сельскохозяйственной — в 1,55; повышение реальной зарплаты в промышленности на 71%, доходов крестьян — на 67%. Намечалось перевести в общественный сектор сельского хозяйства к концу пятилетки 4—5 млн крестьянских хозяйств (18—20% их числа) и 17,5% общей посевной площади. Одновременно планировалось ввести всеобщее обязательное начальное образование, ликвидировать неграмотность населения

в возрасте до 40 лет, подготовить квалифицированные кадры для всех отраслей народного хозяйства. Однако многие наметки пятилетнего плана уже вскоре изменились. Летом 1929 г. ЦК принял ряд постановлений о форсированном развитии ряда отраслей промышленности.

§ 5. ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ СССР, ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Принятие Конституции завершило первый этап создания и укрепления единого союзного государства. В дальнейшем СССР пополнялся новыми членами. В октябре 1923 г. Хорезмская, а в сентябре 1924 г. Бухарская народные республики провозгласили себя социалистическими. Осенью того же года на территории этих республик и Туркестанской АССР в результате национально-территориального размежевания образовались две новые союзные республики — Узбекская и Туркменская, одна автономия — Таджикская АССР (в составе Узбекской), две российские автономные области — Кара-Киргизская (в 1925 г. переименована в Киргизскую АО, а в 1926 г. преобразована в Киргизскую АССР) и Кара-Калпакская АО в составе Казахской АССР. В январе 1925 г. в состав Таджикистана вошла территория Памира (Горно-Бадахшанская АО), в мае III съезд Советов СССР включил в состав Союза на правах союзных республик Узбекистан и Туркменистан. В 1929 г. в союзную республику была преобразована Таджикская АССР. Национальное размежевание в Средней Азии охватило территорию с населением более 17 млн человек, что позволило на долгое время обрести спокойствие и устойчивость развития всему региону.

Появились новые национальные образования в составе Азербайджана (Нагорно-Карабахская АО, 1923 г.) и Украины (Молдавская АССР, 1924 г.). Созданный в 1923 г. Нахичеванский автономный край в составе Азербайджанской ССР в 1924 г. преобразован в Нахичеванскую АССР. Тогда же на основе союзного договора были оформлены отношения Грузии и Абхазской ССР, которая в 1931 г. была включена в состав Грузии на правах АССР.

В 1924 и 1926 гг. к Белоруссии были присоединены смежные территории РСФСР (части Витебской, Гомельской и Смоленской губерний) с преобладанием белорусского населения и развитой промышленностью. В результате территория БССР увеличилась в 2,5 раза, а ее население — более чем в 3 раза.

В составе РСФСР Бурят-Монгольская и Монголо-Бурятская автономные области в 1923 г. образовали единую Бурят-Монгольскую АССР. В автономные республики преобразованы Карельская

трудовая коммуна (1923), Автономная трудовая коммуна немцев Поволжья (1924), Чувашская автономная область (1925).

В июле 1924 г. вместо упраздненной Горской АССР, изначально включавшей 7 национальных округов — Балкарский, Владикавказский, Кабардинский, Карачаевский, Назрановский (Ингушский), Чеченский и Сунженский казачий, в результате размежевания появились Ингушская и Северо-Осетинская автономные области (1924); были созданы Карачаевская (1926) и Черкесская (1928) АО. Существовавшая с 1922 г. в Краснодарском крае Адыгейская (Черкесская) АО в 1928 г. была преобразована в Адыгейскую АО. При национальном размежевании на Северном Кавказе земли с преобладанием славянского населения были выведены из подчинения автономий. В Кабардино-Балкарии, Осетии, Чечне создавались казачьи автономные округа. Владикавказ и Грозный с пригородами были отдельными округами за пределами Северной Осетии и Чечни. В начале первой пятилетки эти округа, вопреки интересам славянского населения, снова присоединили к Чечне и Северной Осетии. Грозный стал столицей Чечни, а Владикавказ (с 1931 г. — Орджоникидзе) был до 1934 г. столицей и Северной Осетии, и Ингушетии.

Во время проводившегося в 20-е гг. районирования старое административное деление (губерния, уезд, волость), не учитывавшее экономические и национальные особенности регионов, к концу 1929 г. было заменено в РСФСР трехзвенной системой: район, округ, область (край), а в других союзных республиках — двухзвенной (район, округ). Вместо 766 старых уездов в СССР было создано 176 округов. Районирование несколько изменяло положение автономных образований. Автономные области включались в состав краев и областей. В постановлении ВЦИК РСФСР от 28 июня 1928 г. подчеркивалось, что автономные республики, входя на основе добровольности в краевые объединения, полностью сохраняют конституционные права. Местные органы власти в автономиях получили возможность решать многие вопросы без согласования с центром.

При районировании национально-государственное строительство доходило до самых мелких административных единиц. В республиках выделялись округа, уезды и районы, волости и сельсоветы, компактно населенные народами, отличающимися от основного населения. При этом численная норма, необходимая для создания соответствующей национальной административной единицы, снижалась в среднем в 2,5 раза. Так в стране появились национальные округа, уезды, районы, волости и сельсоветы. Работа по их созданию получила значительное ускорение после III съезда Советов СССР, установившего 20 мая 1925 г., что «должен быть принят... ряд дополнительных мероприятий, обеспечивающих и защищающих интересы национальных меньшинств». Постановление предусматривало, в частности, «в слу-

чаях значительной численности национальных меньшинств образование отдельных Советов с употреблением языков этих меньшинств, организацию школ и судов на родном языке». В том же году образовался Коми-Пермяцкий национальный округ в Пермской, а в 1928 г. — Саранский (переименованный тогда же в Мордовский) в Средне-Волжской области (в январе 1930 г. на его базе создана Мордовская АО). Помимо этого, в России созданы 33 национальных района, 110 национальных волостей, 2930 национальных сельсоветов. Такие же миниатюрные автономии появились в других союзных республиках. Это обеспечивало наиболее полное выявление возможностей экономического, политического и культурного развития каждой национальности.

Большую роль в советизации народов Севера и Дальнего Востока, находившихся к 1920 гг. на стадии патриархально-общинных отношений, сыграл Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), работавший при ВЦИК с июня 1924 г. Поначалу в этих районах создавались «родовые Советы» и «туземные исполкомы», которые соответствовали сельсоветам и райсоветам, развивалась промысловая кооперация.

Национальная политика СССР середины и второй половины 20-х гг. за пределами русских областей была сравнительно корректной и взвешенной. В среднеазиатских республиках сохранялись вакуфные владения (земли мусульманского духовенства), старый мусульманский суд (суд казиев) и учебные заведения (медресе). В государственный аппарат привлекались «именитые и влиятельные люди» из состоятельных слоев общества. Для вовлечения в новую жизнь патриархального крестьянства Востока создавались массовые организации бедноты и середняков — «Кошчи» и «Жарлы», не имевшие аналогов в других республиках. В отношении ислама не велось широкой антирелигиозной пропаганды. У народов Северного Кавказа действовали суды адата и шариата, производившие разбирательства спорных дел по нормам местных обычаев и религиозного права. Вместе с тем причину трудностей в проведении масштабных преобразований (национальное размежевание, земельная реформа) центр нередко усматривал в деятельности так называемых национал-уклонистов. В 1925 г. под огонь критики попал председатель Совнаркома Узбекистана Ф. Ходжаев, обвинявшийся в противодействии земельно-водной реформе и покровительстве баям-землевладельцам. В конце 1928 г. возобновились репрессии против султан-галиевцев.

Углубление во второй половине 20-х гг. курса на ограничение и вытеснение капиталистических элементов, особенно переход к коллективизации, сопровождались сужением прав национальных республик и автономных образований. Самостоятельность, свободу национального развития и «расцвет» наций центральное руководство пыта-

лось все более ограничивать только культурно-национальной сферой. Однако и это не гарантировало от разного рода «уклонов» и националистических проявлений. Например, на Украине серьезной проблемой стали «хвылевизм», «волобуевщина» и «шумскизм», получившие свое название по именам видных представителей национальной элиты.

Нарком просвещения А. Шумский упрекал партийную организацию республики в том, что она недостаточно активно ведет борьбу с великодержавным шовинизмом, предлагал форсировать темпы украинизации партийного и государственного аппарата, учреждений культуры. Нарком сочувствовал писателю Н. Хвылевому, который ориентировался в своих произведениях на буржуазный Запад и выступил с призывом «Прочь от Москвы». Экономист М. Волобуев, отрицая необходимость единого социалистического хозяйства СССР, проповедовал идею экономической самостоятельности Украины — практически ее изоляции от СССР.

Издержки национальной политики на Украине пытались отнести также и на счет Сталина. Зиновьев на заседании Президиума ЦКК в июне 1927 г. назвал его политику в национальном вопросе «архибеспринципной», утверждая, что «такая» украинизация «помогает петлюровщине», а настоящему шовинизму отпора не дает. Сталин в ответ обвинял в великодержавных настроениях и извращении ленинизма оппозицию. Основания для этого имелись. Например, в теоретической работе «О национальной культуре» (1927) троцкист В. А. Ваганян писал, что «под национальной культурой следует понимать только господствующую классовую культуру буржуазии». Он утверждал, что «борьба за коммунизм немыслима без самой решительной борьбы с национальной культурой», «при социализме совершается процесс, который... приведет... к постепенному уничтожению национальных языков, слиянию их в один или несколько могучих интернациональных языков». Русский язык изображался им, с одной стороны, как «язык всесоюзной коммунистической культуры, которую мы вырабатываем *все вместе*», с другой — как «*межнациональный язык нашего Союза*».

Критикуя подобные воззрения (особенно выводы для практической политики), Сталин говорил в августе 1927 г., что Ленин призывал к развитию национальной культуры в национальных областях и республиках, а Зиновьев «думает теперь перевернуть все это, объявляя войну национальной культуре». А для пущей важности было добавлено: «То, что здесь наболтал Зиновьев о национальной культуре, следовало бы увековечить для того, чтобы партия знала, что Зиновьев является противником развития национальной культуры народов СССР на советской основе, что он является на деле сторонником колонизаторства».

Адепты мировой республики неустанно раздавали обещания о помощи всем «угнетенным» народам. Начиналось это до революции. «Когда будем правительством, — писал Ленин в 1916 г., — мы все усилия приложим, чтобы... оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь»... помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму». В 1921 г. при конкретизации таких обещаний было сформулировано одно из центральных положений всей послеоктябрьской советской национальной политики: «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую и культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях».

Партия решением X съезда обязывалась помочь отставшим народам: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке».

Однако организацией ударной работы «отсталых народов» партия не ограничилась. Она не только призывала, но и приказывала. На X съезде РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе прямо говорилось, что только «одна нация, именно великорусская, оказалась более развитой... Отсюда фактическое неравенство... которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым нациям и народностям». Русские крестьяне, в большинстве своем остававшиеся на низком уровне развития, и другие представители «развитой нации», не проявлявшие должным образом готовности помогать, рисковали быть обвиненными в великорусском национализме. Представители окраинных народов, нежелавшие перестраиваться на «социалистический лад», попадали в разряд местных националистов. Особенно наглядно такая перспектива обнаружилась в конце 1922 г.

Союзный центр с момента образования СССР опасался, что в случае появления полноправных органов власти в РСФСР он не сможет сохранить полноту власти в своих руках, использовать республику как полигон для различных социальных и национальных экспериментов. Не исключено, что именно для подавления неизбежного недовольства неравноправным положением Российской Федерации в

Советском Союзе был выдвинут лозунг «борьбы с великодержавным русским шовинизмом».

Вместе с тем официальная идеология вплоть до конца 20-х гг. исходила из тотального осуждения дореволюционной истории страны. Русскому народу навязывалась мысль, что до революции у него не было и не могло быть своего отечества. Россия именовалась не иначе как тюрьмой народов, русские — эксплуататорами, колонизаторами, угнетателями других народов. Патриотизм как таковой приравнивался к национализму — свойству эксплуататоров и мелкой буржуазии. Руководство страны призывало искоренить национализм в любой его ипостаси. При этом главная опасность виделась в великодержавном (великорусском) национализме, местный национализм до некоторой степени оправдывался.

С утверждением у власти Сталина как единоличного политического лидера его представления о процессах в национальной сфере жизни общества приобретали все большее значение. С его именем связывалось классическое определение нации, представления о новых, советских нациях. Общечеловеческая культура, к которой идет социализм, изображалась им как пролетарская по содержанию и национальная по форме. Переход к такой культуре представлялся как одновременное развитие у национальностей СССР культуры национальной (по форме) и общечеловеческой (по содержанию). Сталин внес успокоение в национальную среду дискредитацией положения о том, что в СССР уже за период социалистического строительства исчезнут нации. Особенно воодушевляющей для «националов» стала установка, согласно которой период победы социализма в одной стране будет этапом роста и расцвета ранее угнетенных наций, их культуры и языка; утверждения равноправия наций; ликвидации взаимного национального недоверия; налаживания и укрепления интернациональных связей между нациями.

В наиболее общем виде диалектика национального вопроса представлена Сталиным 27 июня 1930 г. в политическом отчете ЦК XVI съезду партии: «Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре». Таким образом, выходило, что в обозримой исторической перспективе национальным культурам

не угрожало ничего, кроме «расцвета». Всю совокупность сталинских теоретических новшеств, как и национальную политику второй половины 20-х гг., можно расценить как уступку «националам».

Обретение народами бывшей Российской империи государственности и автономии вело к пробуждению чувства национальной общности, росту национальных настроений. Политика коренизации (вовлечение представителей всех национальностей в состав руководящего аппарата, интеллигенции, рабочего класса) вела не только к позитивным сдвигам в структуре коренного населения, но и к оформлению местных элит с присущей им национальной спецификой, попытками обретения бесконтрольной самостоятельности, уклонами к местному национализму и сепаратизму.

Организуя реальную помощь отсталым в прошлом народам, государство в то же время превентивными ударами пыталось обезопаситься от национал-уклонизма и сепаратизма. Результатом стали растущие потери народов от репрессий. Однако это не означает, что национальная политика в СССР представляла собой возврат к политике великорусского национализма и восстановлению бывшей империи. С этим не согласуется отсутствие признаков господства русских над «порабощенными» народами. Эксплуатация русскими объединенных с ними народов была напрочь исключена. Русские области РСФСР начиная с 1917 г. вынуждены были постоянно больше отдавать, чем получать от других народов, имевших свои национальные образования. Русские, как и до революции, оставались главной опорой, государствообразующей нацией и во многом обеспечивали выживание и модернизацию всех советских республик.

§ 6. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ

Составной частью плана перехода от капитализма к социализму была так называемая культурная революция, предполагавшая переворот в духовной жизни общества, преобразование общественного сознания на основе марксистско-ленинской идеологии, формирование у советских людей некоторого стандартного, одинакового для всех способа понимания окружающих явлений бытия. Предстояла грандиозная работа по перевоспитанию старшего и воспитанию подрастающих поколений в духе коммунистической идейности и нравственности, интернационализма и патриотизма, коллективистской психологии. Революция не мыслилась без подавления всякого рода носителей антисоветского и антикоммунистического сознания. Она нацеливалась на создание культуры принципиально нового типа — «социалистической» по содержанию, «интернациональной» по природе (состоящей из лучших элементов всех национальных культур), национальной по форме.

Важнейшее место в государственном управлении культурой занимал Народный комиссариат просвещения РСФСР, призванный руководить не только просвещением, но и внешкольным образованием, литературой, театрами, изобразительным искусством, музыкой. Местные Советы имели отделы народного образования, которым подчинялись все (и общественные, и частные) учреждения культуры. Партийное руководство культурой осуществлял созданный в 1920 г. Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б). Помимо него при ЦК работали постоянные комиссии по различным отраслям культуры. В 1922 г. в составе Наркомпроса появилось Главное управление по делам литературы и издательств, на которое возлагались функции цензуры, а также Главный репертуарный комитет, ведавший цензурой театрально-концертной деятельности. Координация руководства культурой во всесоюзном масштабе осуществлялась Совещанием наркомов просвещения республик.

Переход к мирному строительству после Гражданской войны выявил огромный недостаток в образованных кадрах для создания государственного аппарата, управления народным хозяйством, армией, собственно культурой. Провозглашена была политика привлечения интеллигенции к сотрудничеству с советской властью с последующим ее перевоспитанием в советском духе или заменой новыми кадрами специалистов.

Значительная часть старой интеллигенции, руководствуясь идеей служения своему народу, пошла на сотрудничество с властью, часть заняла выжидательную позицию. Переход к НЭПу был воспринят ею как начало эволюции советской власти в направлении демократии и породил такое явление, как «сменовеховство». Название произошло от сборника «Смена вех», изданного в Праге в 1921 г. Стремясь расширить в условиях НЭПа социальную опору в непролетарских массах, советская власть разрешила издание в стране ряда журналов различных направлений, в том числе сменовеховских. Наиболее яркими выразителями сменовеховских идей были в зарубежье Ю. В. Ключников и Н. В. Устрялов (возвратились в 1922 и 1935 гг. и погибли в условиях репрессий), а в СССР — И. Г. Лежнев, редактировавший в 1922—1926 гг. сменовеховский журнал «Новая Россия».

Суть этого идейного движения сводилась к признанию советской власти, сумевшей спасти государственность в России и найти выход из революционной «смуты» через НЭП. Призывы сменовеховцев к сотрудничеству с большевиками основывались на том, что жизнь сама заставит их пойти по пути возрождения и разумного устройства страны вопреки революционной риторике. Переход к НЭПу способствовал возвращению части эмигрантов на родину. За 1921—1931 гг. в Россию вернулись 181 432 эмигранта, из них 121 843 — в 1921 г. Советская власть допустила также свободное соревнование

различных группировок в литературе и искусстве, ставшее основой для образования группы писателей, названных «попутчиками». К ним относили писателей непролетарского происхождения, которые принимали советскую власть, сотрудничали с ней, но в политическом отношении хотели оставаться нейтральными.

Однако так называемый классовый подход оставался главным принципом выстраивания властной политики в отношении интеллигенции. При малейшем подозрении в противодействии власть немедленно прибегала к репрессиям. Узкий догматический подход был противопоставлен реальному многообразию жизни и ее культурных проявлений. И вновь пролетарская социальная основа революции пришла в противоречие с реальной сложной социальной и культурной структурой российского общества, которая имманентно включала и должна была включать так называемые мелкобуржуазные компоненты. Противоречия эти ликвидировались варварскими методами. В 1921 г. более 200 человек были арестованы по делу так называемой Петроградской боевой организации во главе с В. Н. Таганцевым (профессор географии, секретарь Сапропелевого комитета Академии наук). По решению Петроградской ЧК от 24 августа 61 из арестованных, включая выдающегося русского поэта Н. С. Гумилева, были расстреляны.

В июне 1921 г. Ф. Э. Дзержинский направил в Политбюро докладную записку об антисоветских организациях среди интеллигенции, из которой следовало, что НЭП создает опасность объединения и консолидации сил буржуазных и мелкобуржуазных групп. Особое внимание обращалось на антисоветскую профессуру в вузах, различных научных обществах. Противников советской власти обнаружили вокруг журналов «Экономист», «Экономическое возрождение», «Летопись Дома литераторов», вестника Пироговского общества врачей, а также в частных издательствах. Отмечалось, что вокруг издательства «Задруга» группируются члены партии энесов, а издательства «Берег» — преимущественно члены ЦК партии кадетов; издательство «Книга» находится в руках ЦК меньшевиков. В записке подчеркивалась «необходимость решительного проведения ряда мероприятий, могущих предотвратить возможные политические осложнения».

На основании записки Политбюро в июне 1922 г. создало специальную комиссию в составе И. С. Уншлихта, Д. И. Курского и Л. Б. Каменева. Она должна была подготовить предложения по арестам и высылке интеллигенции, закрытию органов печати. Инициатива высылки принадлежала Ленину, а контроль за исполнением операции был возложен на Сталина. «Надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго», — писал Ленин.

С июля 1922 по апрель 1923 г. из России в несколько приемов (в том числе на пароходах) было выслано более ста старых интеллигентов (вместе с семьями 228 человек). Среди них были профессора Московского университета, Московского высшего технического училища, Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, Института инженеров путей сообщения, Археологического института; лица, проходящие по делу издательства «Берег» и по делу группы В. В. Абрикосова — священника римско-католической церкви в Москве, сторонника объединения римско-католической и православной церквей, друга патриарха Тихона; агрономы, кооператоры, врачи, инженеры, литераторы. Среди высланных были также бывший ректор М. М. Новиков и декан физико-математического факультета Московского университета В. В. Стратонов; экономисты С. Н. Прокопович и Б. Д. Бруцкус, историк А. А. Кизеветтер, писатель М. А. Осоргин, философы Н. А. Бердяев, Д. П. Карсавин, Е. О. Лосский, П. А. Сорокин, Ф. А. Степун, С. Л. Франк. Нашумевшая высылка вошла в историю под названием «философский пароход», хотя на пароходах в изгнание отбыло около 50 ученых, с членами семей — примерно 115 человек.

В СССР многие представители старой интеллигенции оказались среди репрессированных по политическим мотивам. Согласно данным МВД, общее число арестованных органами ВЧК — ОГПУ за все виды преступлений в 1921—1928 гг. составило 842 232 человека, из них 152 633 осуждено. В числе арестованных за контрреволюционные преступления насчитывалось 457 347 человек. Удельный вес «контрреволюционеров» среди всех арестантов вырос с 38% в 1921 г. до 64% — в 1928 г. и 82% — в 1929 г.

В ноябре 1923 г. ГПУ пыталось сфабриковать дело по обвинению в антисемитизме С. Есенина, его друзей А. Ганина, С. Клычкова, П. Орешина. Затравленный поэт покончил жизнь самоубийством в 1925 г. (по другой версии убит), позднее погибли и другие обвиняемые. В ноябре 1924 г. арестовали группу писателя А. Ганина, объединенную идеей борьбы с «интернационально-коммунистическим режимом во имя спасения национальной России». Группа получила название «Орден русских фашистов». В марте 1925 г. Ганина с шестью товарищами расстреляли, семерых отправили на Соловки, откуда вернулись лишь двое.

В мае—июле 1928 г. состоялся показательный процесс над «вредителями» в угольной промышленности («шахтинское дело»). Всего по делам об экономической контрреволюции в Донбассе, московского и харьковского «центров» к судебной ответственности привлекли 53 человека, в том числе 36 инженеров, 11 техников. Они обвинялись в создании организации, которая «щедро субсидировалась поляками, французскими, немецкими фирмами и своим парижским центром»,

«активно готовилась к интервенции и практически намечала совершенно реальные мероприятия по взрыву тыла изнутри». Пятеро из арестованных были расстреляны, остальные получили разные сроки лишения свободы.

Особой ожесточенностью отличалась борьба по искоренению религиозного сознания и священнослужителей, которые были зачислены в стан контрреволюции. Пионеры и комсомольцы оказались наиболее отзывчивыми на призывы покончить с «поповским мракобесием». К 1922 г. было закрыто более двух третей из примерно 1200 православных монастырей, а в Москве — все домовые церкви, составлявшие около четверти общего числа столичных храмов (в 1917 г. в Москве действовало 845 храмов различных конфессий). Началось планомерное разрушение церковных сооружений. В Москве первым снесли выдающийся памятник церковной архитектуры — часовню Александра Невского на Манежной площади. Кампания по изъятию церковных ценностей, предпринятая в голодном 1922 г., обернулась дальнейшим разгромом культурно-исторического достояния страны. Однако сломить пассивное сопротивление церкви властям не удавалось.

В начале мая 1922 г. Политбюро по предложению Ленина дало директиву московскому трибуналу немедленно привлечь патриарха Тихона к суду. Патриарха арестовали и намеревались судить по обвинениям в антисоветских преступлениях. До суда дело не дошло. И не столько из-за того, что патриарху пришлось «раскаяться в своих поступках», сколько из-за опасения бурной реакции в зарубежных странах. Например, британское правительство заявило об отзыве дипломатической миссии, если начнется намеченный на апрель 1923 г. процесс по его делу.

Созданные в СССР и издававшиеся большими тиражами газета «Атеист» (начало 1922 г.), газета и журнал под одноименным названием «Безбожник» (декабрь 1922 г.), различные антицерковные семинары, кружки, с 1925 г. — многочисленный «Союз воинствующих безбожников» вели целенаправленную работу по атеизации верующих (в середине 20-х гг. их насчитывалось до 130 млн). Стремясь ослабить Русскую православную церковь, власти поддерживали «обновленцев» — группировки духовенства, пытавшиеся провести в РПЦ реформы, нацеленные, по сути, на разрушение церкви. Различные группы «обновленцев», возглавлявшиеся протоиереем А. Введенским, священником В. Красницким, епископом Антонином (А. Грановским) и другими, заявляли о своей приверженности «христианскому социализму», отрицали патриаршество «как монархический и контрреволюционный способ руководства церковью», требовали изменений в церковных обрядах, выступали за разрешение епископам вступать в брак, овдовевшим священникам жениться вторично. Среди «обновлен-

цев» была «Свободная трудовая церковь», призывавшая к слиянию всех религий. В течение 1922—1923 гг. «обновленцы» захватили многие приходы, 37 из 73 епархиальных архиереев подчинились созданному в апреле 1923 г. «обновленческим» «Собором живой церкви» Высшему церковному управлению. Однако большинство верующих не пошли за «обновленцами».

Надеясь спасти церковь от разгрома, патриарх Тихон 16 июня 1923 г. обратился в Верховный суд РСФСР с письмом, которым подтверждал лояльность к установившейся в России власти, признал ошибочность ряда своих действий (в частности, обращения по поводу Брестского мира, анафемствования в 1918 г. власти, воззвания против декрета об изъятии церковных ценностей). «Я заявляю Верховному суду, — писал он, — что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции». После этого письма Тихон был освобожден из-под стражи и получил возможность вернуться к руководству церковью. Решения «обновленческого» собора он объявил «неканоническими и раскольническими». Большинство «обновленцев» вернулись в патриаршую церковь. К концу 20-х гг. неканоническое движение фактически прекратило свое существование, но официально «Обновленческая церковь» во главе с А. Введенским существовала вплоть до послевоенных лет.

С прекращением судебного «дела» патриарха гонения на церковь не прекратились. После смерти Тихона (1925) был арестован патриарший местоблюститель митрополит Петр (П. Ф. Полянский, расстрелян в 1937 г.). Главным местом заточения церковных иерархов в 20-х гг. стал Соловецкий лагерь, куда к 1926 г. были помещены 24 епископа. Многие епископы были высланы из епархиальных городов на Север, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. В 1922 г. только по суду было расстреляно 3447 священнослужителей, общее число преданных смертной казни в начале 20-х гг. достигло 10 тыс. Всего за годы советской власти (в основном в 20—30-е гг.) уничтожено около 200 тыс. священнослужителей.

Реальным предстоятелем Русской православной церкви еще при жизни митрополита Петра стал заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергий (И. Н. Страгородский). 29 июля 1927 г., чтобы смягчить репрессии против церкви, он с группой архиереев-«сергианцев» обнародовал «Послание к пастырям и пастве» — декларацию, в которой заявлялось о безусловной лояльности церкви по отношению к государству.

Многие видные церковные иерархи (в том числе и находившийся в ссылке митрополит Петр) поддержали декларацию как единственную возможность сохранения церкви. Однако она не была поддержана Русской православной зарубежной церковью, возглавляемой с

1921 г. митрополитом Антонием (А. П. Храповицким). Состоявшийся в сентябре 1927 г. в сербском городе Сремски-Карловцы Собор русского заграничного духовенства отстаивал позицию бескомпромиссной борьбы с советской властью и заявил, что отныне «заграничная часть церкви должна управляться сама» (позже это событие стали называть «Карловацким расколом»). В том же 1927 г. от Московской патриархии отделились приходы Северной Америки, основавшие Американскую православную церковь (ее автокефалию РПЦ признала в 1970 г.). В самом СССР несогласные с июльским посланием Сергия образовали несколько групп под названием «катакомбная», или «Истинно православная церковь», продолжавших считать советскую власть «властью Антихриста». Вскоре почти все приверженцы «катакомбной» церкви оказались в ссылке и в лагерях, остававшиеся на свободе преследовались за антисоветскую деятельность вплоть до начала 80-х гг.

Однако и декларация митрополита Сергия не остановила гонений на религию и церковь. Со сломом НЭПа и переходом в деревне к «революции сверху» гонения усилились. Из 48 тыс. церковных приходов, существовавших в России в 1918 г., к 1930 г. осталось менее 30 тыс.

Важнейшей задачей модернизации культуры («культурной революции») была ликвидация неграмотности. В начале НЭПа из каждой сотни населения в стране 32 человека были неграмотными, а в ряде национальных регионов неграмотность была едва ли не поголовной; у десятков национальностей отсутствовала письменность. Перепись населения 1920 г. показала, что даже в городах около половины населения оставалось неграмотным.

Работа по преодолению неграмотности, начавшаяся с первых лет революции и проводившаяся в неразрывной связи с культурно-политическим просвещением населения, в первый год НЭПа несколько затормозилась. С оживлением экономики этот спад был остановлен. В декабре 1922 г. X Всероссийский съезд Советов обязал губисполкомы принять все меры по предотвращению сокращения сети пунктов ликбеза. Тогда же, по решению Всероссийского съезда по ликвидации неграмотности, эта работа была сосредоточена на обучении грамоте «организованных групп населения» в возрасте 18—30 лет (красноармейцы, допризывники, рабочие, комсомольцы). В августе 1923 г. ВЦИК и СНК утвердили план ликвидации неграмотности населения РСФСР к десятилетию советской власти. Для привлечения общественности к этой работе осенью 1923 г. было создано общество «Долой неграмотность!» во главе с М. И. Калининым.

Несмотря на все усилия, быстро победить неграмотность не удалось. По данным Всесоюзной переписи населения (декабрь 1926 г.), грамотность в РСФСР составляла 60,9%, а в стране в целом —

56,6%. К 1930 г. она возросла до 63%. Число неграмотных постоянно пополнялось за счет подростков. Прекратить это можно было введением всеобщего обучения детей. Но такие возможности появились только к середине первой пятилетки: обязательное всеобщее начальное обучение в стране введено с сентября 1930 г.

На протяжении НЭПа развитие школьной системы сдерживалось нехваткой средств. Количество начальных школ в стране сократилось со 114 тыс. в 1921 г. до 87,3 тыс. в 1923 г. Количество школьных помещений в 1924 г. составляло 83% от уровня 1914 г. По мере достижения экономической стабильности негативные тенденции замедлялись. С осени 1924 г. возобновилось государственное финансирование системы образования. В 1921—1922 гг. она включала базовую четырехклассную, школу-семилетку и девятилетку. На базе начальной можно было получить специальную подготовку в технических и аграрных школах, на профессиональных курсах. Особенно быстро стали расти школы фабрично-заводского ученичества, рабочей, крестьянской молодежи. Выпускники семилетки могли получить профессиональное образование в техникумах, которые, однако, не давали необходимой подготовки для продолжения образования в вузах. Обучение в школах велось на основе учебных планов и программ, составленных Наркомпросом. По окончании Гражданской войны появились первые советские школьные учебники.

В 1924 г. характер школьного обучения был изменен. Новые комплексные учебные программы строились на отказе от традиционного для отечественной школы предметного принципа изложения учебного материала. Математику, физику, химию отныне предлагалось изучать не на соответствующих уроках, а по темам: «Трудовая деятельность людей», «Природа как объект трудовой деятельности людей», «Общество как результат труда людей». Теоретики реформы полагали, что при такой перестройке образования легче внедрить в сознание марксистскую диалектическую методологию и сконцентрировать внимание детей на реалиях окружающей жизни. Одновременно пропагандировались лабораторно-исследовательские методы, коллективные формы занятий, самостоятельная работа, при которой учитель играл роль консультанта. Новые программы Наркомпроса носили рекомендательный характер. Но многие учителя считали, что они не обеспечивают систематических знаний, и продолжали придерживаться старых приемов обучения. В 1927/28 учебном году в стране насчитывалось уже 120,1 тыс. общеобразовательных школ, в них обучалось 11,6 млн учащихся. Преподавательскую работу вели 551 тыс. учителей, но только 10% из них имели законченное (или неполное) высшее образование.

Внешкольное образование на протяжении 20-х гг. находилось в ведении Главного политико-просветительского комитета. В городах

центрами этой работы были клубы. При них открывались библиотеки, читальни, школы и курсы ликбеза. Активную просветительскую работу вели также библиотеки, музеи, центры пропаганды новой техники и политехнического обучения, Дома и Дворцы культуры. В деревне культпросветработа проводилась через избы-читальни. В 1924 г. было создано «Всероссийское общество культурной смычки», занимавшееся организацией шефской помощи деревне (сбор средств, книг, направление лекторов и т. п.). В Красной армии политпросветработу вели органы политуправления, многочисленные шефы.

В 20-е гг. существенно обновились средства массовой информации. К середине десятилетия в основном сложилась сеть периодических изданий. Большими тиражами выпускались газеты «Труд» (с 1921 г.), «Рабочая газета» (1922), «Крестьянская газета» (1923), центральная военная газета «Красная Звезда» (1924), «Учительская газета» (1924), «Комсомольская правда» (1925); журналы «Пролетарская революция» (1921), «Под знаменем марксизма» (1922), «Большевик» (1924) и др. Расширяли деятельность государственные издательства. Краткий период подъема пережили частные (в феврале 1922 г. в одной только Москве зарегистрировано свыше 143 частных издательств). В 1928 г. было издано 270,5 млн экземпляров книг, 303 млн экземпляров журналов и других периодических изданий. Разовый тираж издающихся газет достиг 9,4 млн экземпляров. (В 1913 г. издано 99 млн экземпляров книг, 117 млн экземпляров журналов, 3 млн экземпляров газет.)

С 1921 г. на главных площадях крупных городов размещались громкоговорящие радиотелефонные установки, периодически передававшие сообщения Российского телеграфного агентства. С октября 1924 г. начались ежедневные передачи радиопрограмм. В 1928 г. в стране насчитывалось около 100 тыс. радиоточек. Радио стало одним из ведущих средств массовой коммуникации.

Социалистическая перестройка народного хозяйства и социальной структуры населения не мыслилась властью без подготовки кадров «собственных» специалистов со средним и высшим образованием. Выходцам из рабочих и крестьян создавались наиболее благоприятные условия для поступления в вузы и техникумы.

К середине 20-х гг. в СССР было создано около тысячи индустриально-технических, педагогических, сельскохозяйственных, медицинских, экономических, художественных техникумов. В 1927/28 учебном году в них было подготовлено 28,6 тыс. специалистов. Примерно таким же в этом году был выпуск из 148 высших учебных заведений. Многие выпускники вузов нэповского периода пришли в вузы через рабочие факультеты, где за 1921—1925 гг. получили подготовку 26 тыс. человек. В 1925/26 учебном году на рабфаках обучалось 57 тыс. человек.

Основные трудности высшей школы были связаны с проводимым в стране курсом жесткой экономии, направлением материальных и финансовых ресурсов в основном на нужды восстановления народного хозяйства. Прием в вузы в 1924 г. был уменьшен по сравнению с предыдущим годом почти втрое — с 37 до 13 тыс. человек. В то же время в вузах была произведена очередная чистка по классовому принципу, 20% от числа всех студентов (представители непролетарских слоев населения) исключены. С 1922 г. в университетах вводились государственные стипендии. В 1924 г. единая государственная стипендия составляла 20 руб., в 1925 г. ее размеры увеличились вдвое. К концу 20-х гг. стипендией обеспечивались до 75% студентов, а при ее распределении стала учитываться успеваемость.

Учеба в вузах строилась в соответствии с уставом высшей школы, утвержденным в 1921 г. Правительственные положения о научном минимуме, обязательном для преподавания, и о факультетах общественных наук, принятые в том же году, вводили в качестве обязательных дисциплин в вузах исторический материализм, историю пролетарской революции, экономическую политику диктатуры пролетариата. С 1924 г. эти дисциплины дополнились историей коммунистической партии и основами ленинизма.

Для повышения роли коммунистов и координации деятельности студенческих партийных ячеек создавались всероссийское и городские объединения коммунистического студенчества. Партийные организации отчисляли 1% средств партийных организаций для специальных пособий студентам-коммунистам.

Высококвалифицированные кадры для высшей школы и руководящей работы в партийно-государственном аппарате, общественных организациях готовили Институт красной профессуры (1921), институты философии, истории, литературы, искусства, советского строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики, экономики, аграрный, естествознания, Социалистическая (с 1924 г. — Коммунистическая) академия. В 1925 г. была восстановлена аспирантура, готовившая научных работников и преподавателей высшей школы. Для подготовки национальных партийно-советских кадров в 1921 г. были созданы Коммунистический университет трудящихся Востока, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, Среднеазиатский и Закавказский комуниверситеты.

М. Н. Покровский, занимавший ключевые посты в системе революционной науки об обществе, был бессменным руководителем Социалистической (Коммунистической) академии, Института красной профессуры, Общества историков-марксистов, Института истории, Центрархива, редактором исторических журналов «Красный архив», «Борьба классов», «Историк-марксист». Он резко противопоставлял

фронт историков своей школы как марксистский «немарксистскому фронту» историков старой русской школы (В. В. Бартольд, С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, В. И. Пичета, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский, П. Г. Любомиров, Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов, А. И. Яковлев и др.). Противостояние закончилось переходом в октябре 1929 г. к судебной расправе над выдающимися историками дореволюционной формации по сфабрикованному «академическому делу» («делу историков»), которые обвинялись в создании контрреволюционного «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». После смерти Покровского значительная часть его «вклада» в науку правомерно была перечеркнута как проявление вульгарного марксизма, вульгарного социологизма, национал-нигилизма и нигилистического отношения к дореволюционной русской истории. Воинствующими борцами за «чистоту марксизма-ленинизма» в исторической науке были историки партии Е. М. Ярославский и М. А. Савельев.

Переход от войны к миру в начале 1921 г. резко поднял значимость подлинной науки, особенно прикладных исследований, без которых планы модернизации страны в социалистическом духе остались бы неосуществимыми. В первую очередь государство предприняло ряд мер, направленных на спасение ученых от голодной смерти. С 1920 г. появилась особая форма их обеспечения — натуральный академический паек (выдавался до 1923 г.). В 1921 г. были приняты декреты «Об улучшении быта ученых», «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников». В 1921—1931 гг. при Совнаркоме действовала Центральная комиссия по улучшению быта ученых. В 1921 г. был издан специальный декрет «О создании благоприятных условий для работы академику Павлову», единственному в то время российскому нобелевскому лауреату.

Главную форму организации науки в стране представляла собой Российская академия наук. С 1917 по 1936 г. ее возглавлял А. П. Карпинский. Другими центрами науки были университеты и специальные высшие учебные заведения, сочетавшие преподавание с научно-исследовательской деятельностью. Научные подразделения создавались также при наркоматах и ведомствах. К 1921 г. в стране существовало свыше 70 научно-исследовательских институтов, не считая имеющихся при вузах. Около 20 НИИ в области физики, химии, биологии, общественных наук работали при Наркомпросе. По данным на 1922 г., 30 научных подразделений различного профиля функционировало при ВСНХ, 40 НИИ обслуживали сферу здравоохранения, при Наркомземе было 4 НИИ и десятки опытных станций. Военная угроза стимулировала использование науки в интересах укрепления обороны страны. Общее число научных сотрудников в

стране к 1927 г. составляло около 25 тыс., что было почти в 2,5 раза больше, чем до революции.

В июле 1925 г. РАН была признана решением правительства «высшим всесоюзным ученым учреждением» и получила статус АН СССР. В 1926 г. для усиления руководства наукой со стороны государства образовались межведомственная комиссия при СНК для содействия Академии наук, отдел научных учреждений СНК, комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР. С этого года лучшие работы в области науки стали отмечаться премиями имени В. И. Ленина.

В 20-е гг. советские ученые внесли существенный вклад в мировую науку. Успешно работал выдающийся специалист в области теории чисел И. М. Виноградов. Ценные труды по математической физике, минералогии и геохимии Земли завершили академики В. А. Стеклов, В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман. Академик А. Ф. Иоффе внес крупный вклад в разработку физики кристаллов. Д. С. Рождественский сделал важные открытия в атомной спектроскопии. Н. Н. Семенов успешно работал над теорией цепных реакций.

Теоретические работы А. И. Берга по радиофизике способствовали решению проблемы радиофикации страны. Выдающийся радиотехник А. Л. Минц создал ламповую радиостанцию (1922), поступившую на вооружение войск связи (1923). В октября 1924 г. начались регулярные передачи созданной им Сокольнической радиостанции, в 1925 г. был организован первый радиорепортаж с Красной площади (с похорон М. В. Фрунзе), проводились первые опыты передачи по радио концертов и спектаклей. К 1927 г. была разработана система телевидения (Л. С. Термен, А. П. Константинов и др.). В 1923 г. по проекту коллектива, возглавляемого А. Н. Туполевым (с октября 1922 г. — руководитель Комиссии ЦАГИ по металлическим самолетам), был построен легкий спортивный самолет АНТ-1, положивший начало серии самолетов различных модификаций. В мае 1924 г. был испытан в полете АНТ-2 — первый советский цельнометаллический самолет. В ноябре 1924 г. в туполевском КБ были начаты проектирование и постройка самолета ТБ-1. Конструкция оказалась столь удачной, что самолет пошел в серию и стал прототипом всех последующих многомоторных бомбардировщиков монопланной схемы. В 1930 г. завершено строительство первого гидросамолета АНТ-22. В 1928 г. создан учебный двухместный самолет У-2 (с 1944 г. — По-2) конструкции Н. Н. Поликарпова, выпускавшийся до 1959 г. К. Э. Циолковский в конце 20-х гг. приобрел мировую известность как глава нового научного направления — ракетодинамики. Ф. А. Цандер разработал и в 1930 г. построил первый в мире реактивный двигатель, работавший на бензине и сжатом воздухе. А. Л. Чижевский вел пионерские работы по практическому применению аэроионизации.

В те же годы увидели свет новые крупные научные труды академика И. П. Павлова в области физиологии; работы Д. Н. Прянишникова и В. Р. Вильямса в области агробиологии, агрохимии, физиологии растений. Выдающийся биолог и генетик Н. И. Вавилов, автор закона гомологических рядов в наследственной изменчивости организмов (1920), развивал учение о биологических основах селекции и центрах происхождения культурных растений. Широкую известность получила деятельность И. В. Мичурина по селекции новых сортов плодовых деревьев. В 1925 г. его питомник стал научным учреждением общегосударственного масштаба. В конце 20-х гг. учеными-зоотехниками были выведены новые типы тонкорунных овец — новокавказский меринос (П. Н. Кулешов), асканийская порода (М. Ф. Иванов).

Важное значение имели труды А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева по проблемам выживаемости крестьянских хозяйств и планированию сельского хозяйства, исследования С. Г. Струмилина по методологии статистики. П. А. Флоренский, один из разработчиков плана ГОЭЛРО, выдающийся ученый-энциклопедист и богослов, пытался разрешить проблему культурно-исторического баланса между Хаосом и Логосом, полагая, что «культура есть борьба с мировым уравниванием — смертью» (так называемый второй закон термодинамики). Советские ученые и специалисты разработали проекты крупных тепловых и гидравлических электростанций. Осуществление научных и технических разработок позволило выполнить рассчитанный в 1920 г. на 10—15 лет план ГОЭЛРО к 1931 г. К 1935 г. он оказался перевыполненным в 2,5 раза.

В начале НЭПа возобновилось участие российских ученых в международных конференциях и заграничных научных экспедициях. В 1925 г. состоялся первый в СССР после революции международный научный форум специалистов в области изучения пресных вод — III лимнологический конгресс. На празднование двухсотлетия Российской академии наук в том же году прибыло свыше 130 ученых из 25 стран.

Писатели и другие творческие работники с переходом страны к НЭПу также стремились реализовать свои возможности в переустройстве действительности. Переломная эпоха оказалась очень бурной для литературно-художественной жизни страны. Советское руководство на первых порах сдерживало свое стремление к диктату в сфере художественного творчества, ограничиваясь лишь политической цензурой и полагая, что писатели, художники, композиторы, театральные деятели сами выработают оптимальные формы социалистического искусства. В конце 1920 г. ЦК партии направил на места письмо «О пролеткультах». Письмо свидетельствовало об озабоченности претензиями Союза пролетарских культурно-просветительных и ли-

тературно-художественных организаций (возникло до революции, просуществовало до 1932 г.) на выработку и утверждение в обществе особой пролетарской культуры. Пролеткульт характеризовался как движение «теоретически неверное и практически вредное». Вред усматривался в том, что под видом «пролетарской культуры» обществу прививаются нелепые, извращенные вкусы, а вместо помощи молодежи серьезно учиться навязывались полубуржуазные философские системы и взгляды.

Однако пролеткультовские идеи оказались живучими и обнаруживались в программах многих творческих объединений, возникавших в 20-х гг. и включавших в свои ряды талантливую молодежь. Только с 1920 по 1926 г. впервые выступили в печати более 150 писателей, участников Гражданской войны, среди них Н. Асеев, А. Жаров, В. Каверин, Л. Леонов, Л. Сейфуллина, Н. Тихонов, А. Фадеев, М. Шолохов.

Пролеткультовские идеи давали о себе знать в творчестве писателей объединения Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП, 1920), литературной группы «Кузница» (1920) и в ряде новых литературных объединений. Заметный след в литературной жизни оставили Петроградская литературная группа «Серапионовы братья» (1921), группа пролетарских писателей «Октябрь» (1922), литературная группа «Молодая гвардия» (1922), «Левый фронт искусств» (ЛЕФ, 1922), Московская ассоциация пролетарских писателей (МАПП, 1923), Литературный центр конструктивистов (1923), литературная группа «Перевал» (1923), Всесоюзная и Всероссийская ассоциации пролетарских писателей (1925), Всесоюзное объединение крестьянских писателей (1926), Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей с головным отрядом — Российской ассоциацией пролетарских писателей (1928).

До 1924 г. существовала возникшая в 1919 г. литературная группа «Имажинисты» (от фр. image — образ), представители которой декларировали фатальную неизбежность антагонизма искусства и государства. Особую позицию в группе занимал С. Есенин, утверждавший необходимость связи поэзии с естественной образностью русского языка.

В литературе этого периода выделяются два основных течения. Одно, так называемый левый фланг искусства, искало новые формы. Другое вело поиски в русле традиционного реалистического искусства. Активными борцами за литературу, создаваемую силами писателей-пролетариев, были ассоциации ВАПП, МАПП, РАПП и журналы «На посту» (1923—1925), «На литературном посту» (1926—1932). Литературно-художественные силы тех лет делились в журналах на три лагеря: пролетарские, крестьянские писатели и «попутчики». «Напостовцы» считали свое объединение орудием диктатуры партии

в области литературы, выступали от лица рабочего класса, подвергали разгромной критике «попутчиков», к которым относили, например, В. Маяковского, М. Горького, С. Есенина, А. Толстого, Л. Леонова. Противоположную позицию занимал журнал «Красная новь», где публиковались наиболее яркие, вне зависимости от политических убеждений и социального происхождения авторов, произведения. Главный редактор журнала А. Воронский выступал за приоритет эстетических критериев над политическими, считая, что пролетарское течение равноправно другим и не должно пользоваться привилегиями.

Резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925) осуждала крайности «напостовской» линии, призывала бережно относиться к «попутчикам», но в целом высказывала поддержку пролетарским литературно-художественным силам. Видимо, поэтому коренных изменений в позиции «неистовых ревнителей» пролетарской чистоты в литературе не произошло. В 1927 г. сторонники РАПП добились отстранения Воронского от руководства «Красной новью», а позднее обрушились на школу профессора В. Переверзева за некое вульгарно-социологическое истолкование литературных явлений. Весной 1928 г. состоялся Первый съезд писателей страны, на котором было создано Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей — ВОАПП во главе с Л. Авербахом, П. Керженцевым, А. Фадеевым и др. Рапповцы расширили свое влияние.

В результате относительно свободного соревнования различных течений и группировок в 20-е гг. были созданы выдающиеся произведения литературы. Были посмертно опубликованы мемуары В. Короленко «История моего современника»; А. Толстой написал романы «Сестры» и «Восемнадцатый год»; В. Вересаев — «В тупике», «Пушкин в жизни». С. Есенин создал такие поэтические шедевры, как «Анна Снегина», «Черный человек». А. Горький, проведший большую часть 20-х гг. за границей, написал «Мои университеты», «Дело Артамоновых». Эпоха Гражданской войны ярко отражена в романах Д. Фурманова «Чапаев» и «Мятеж», А. Серафимовича «Железный поток», И. Бабеля «Конармия», М. Булгакова «Белая гвардия», М. Шолохова «Тихий Дон». Одним из первых романов на тему восстановления промышленности стал «Цемент» Ф. Гладкова, о деревенской жизни — «Виринея» Л. Сейфуллиной. Широкое признание получили «Города и годы» К. Федина; «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова; «Одеты камнем» О. Форш.

Критическое отношение писателей к советской действительности было ярко выражено в антиутопии «Мы» Е. Замятина, в сборниках рассказов «Роковые яйца», «Дьяволиада» М. Булгакова, в «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка.

Это было время расцвета могучего поэтического творчества С. Есенина и В. Маяковского. В полный голос заявили о себе поэты Н. Асеев, Э. Багрицкий, О. Мандельштам, Б. Пастернак, Н. Тихонов, М. Светлов, А. Сурков. Родоначальниками советской детской литературы стали Б. Житков, С. Маршак, К. Чуковский.

Русская деревня в 20-е гг. также обрела новых оригинальных художников. Наряду с такими талантами, как С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков, П. Карпов, А. Ширяевец, еще в 1914—1915 гг. составивших группу «Новокрестьянские поэты», стали певцами деревни (расширительно — всей крестьянской России) и выразителями ее проблем П. Васильев, А. Ганин, И. Грузинов, Г. Деев-Хомяковский, И. Дорошин, П. Дружинин, А. Жаров, М. Исаковский, И. Молчанов, В. Наседкин, П. Орешин, А. Прокофьев, П. Родимов. Отличительной особенностью крестьянской поэзии была ее сдержанность к историческому пафосу современности.

Изобразительное искусство развивалось в условиях противостояния и взаимодействия различных объединений и группировок. Основной тон задавала Ассоциация художников революционной России (АХРР). Активно проявляли себя художники, составлявшие «Общество станковистов» и общество «Четыре искусства».

Традиции «Мира искусства» (художественное течение Серебряного века) продолжали художники общества «Жар-цвет», традиции «Бубнового валета» — художники объединений «Маковец», «Бытие» и «НОЖ» («Новое общество живописцев»). В 1925 г. «бубновалетовцы» создали объединение «Московские живописцы». В 1926 г. это объединение в полном составе вошло в АХРР, однако в 1927 г. большая его часть вышла из ассоциации и учредила в 1928 г. Общество московских художников (ОМХ).

К. Малевич, основоположник одного из видов абстрактного искусства «супрематизма» (комбинирование на плоскости простейших геометрических фигур, окрашенных в контрастные цвета) и лидер витебского объединения «Утвердители нового искусства», в 1924 г. стал директором Государственного института художественной культуры в Ленинграде. Московский институт художественной культуры находился под влиянием абстракциониста В. Кандинского. Борьба за советскую власть, восстановление народного хозяйства стали темами картин И. Бродского, А. Дейнеки, К. Петрова-Водкина, Ю. Пименова, П. Соколова-Скаля. М. Греков начал создавать советскую батальную живопись.

В 1926 г. в Москве образовалось Общество русских скульпторов, в которое вошли мастера различных художественных школ. В Москве были установлены памятники «Булыжник — орудие пролетариата» И. Шадра, А. И. Герцену и Н. П. Огареву Н. Андреева

у старого здания Московского университета, А. Н. Островскому у Малого театра, К. А. Тимирязеву С. Меркурова у Никитских ворот.

В архитектуре наибольшее признание в 20-е гг. получил и конструктивизм, развиваемый Обществом современных архитекторов, и рационализм, проявившийся в творчестве архитекторов Ассоциации новых архитекторов. Идеи конструктивизма проповедовали В. Татлин, Л. Лисицкий, И. Леонидов. Братья Леонид, Виктор и Александр Веснины разработали проект Дворца труда в Москве, который не был осуществлен, но способствовал утверждению конструктивистского направления в архитектуре. По их проектам были построены редакционное здание газеты «Ленинградская правда», Дом акционерного общества «Аркос». По проектам К. Мельникова сооружены павильон и торговый сектор СССР на Международной выставке декоративного искусства и промышленности в Париже, клубы завода «Каучук», имени И. В. Русакова, собственный дом в Кривоарбатском переулке Москвы. По проекту конструктивиста М. Гинзбурга в Москве построен экспериментальный «коммунальный» дом (Новинский бульвар, 25) для сотрудников Наркомфина, завершавший эпоху длительных поисков кардинальной перестройки в сфере социально-бытового уклада. Здание стало прообразом многих домов нового быта. В целом, однако, проекты новых жилых комплексов, предлагавшие утопические идеи и, как правило, осуществлявшиеся со значительными отклонениями от первоначальных замыслов, успеха не имели. В 20-е гг. разрабатывались также планы реконструкции Москвы (руководители А. Щусев, И. Жолтовский) и Ленинграда (И. Фомин). Приумножение культурного достояния в эти годы сочеталось с варварским уничтожением ценнейших историко-архитектурных памятников.

В 20-е гг. большую роль в просвещении и воспитании масс стал играть кинематограф. Вслед за первым полнометражным документальным фильмом о Гражданской войне, снятом в 1920 г., появились и художественные картины: о народовольцах — «Дворец и крепость» режиссера А. Ивановского, С. Эйзенштейна о революционной борьбе: «Стачка» и «Броненосец Потемкин»; В. Пудовкина — «Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Потомок Чингисхана». На экраны вышли приключенческий фильм «Красные дьяволята» И. Перестиани, фантастический «Аэлита» Я. Протазанова, кинокомедия «Папиросница от Моссельпрома» Ю. Желябужского (1924). Становление и развитие кинодокументалистики связано с именем Д. Вертова, создателя киножурнала «Кино-Правда» (1922—1925), фильма «Шестая часть мира», и творчеством других режиссеров группы «Кино-глаз» — «киноки» (М. Кауфман, Е. Свилова, И. Беляков и др.).

Большим успехом у зрителей пользовались такие театральные постановки, как «Любовь Яровая» К. Тренева и «Дни Турбиных» М. Булгакова в Малом театре; «Шторм» В. Билль-Белоцерковского в Театре имени МГСПС; «Разлом» Б. Лавренева в Театре имени Е. Вахтангова; «Броненосец 14—69» Вс. Иванова во МХАТе. Прочное место в репертуаре занимала классика (пьесы А. Островского, Н. Гоголя и др.). Наряду с признанными мастерами театра К. Станиславским и В. Немировичем-Данченко широкую известность приобрели Е. Вахтангов, В. Мейерхольд, А. Таиров. На сцене блистали артисты В. Качалов, В. Пашенная, Н. Хмелев, Б. Щукин; молодые актеры Н. Баталов, Е. Гоголева, Б. Ливанов, А. Тарасова, М. Яншин и др.

Крупные симфонические произведения создали композиторы Н. Мясковский, Ю. Шапорин, Д. Шостакович. В различных музыкальных жанрах проявили себя И. Дунаевский, Д. Кабалевский, братья Дмитрий и Даниил Покрасс, В. Шебалин. Пианист Л. Оборин занял первое место на Международном конкурсе имени Ф. Шопена (1927). Среди вокалистов выделялись В. Барсова, С. Лемешев, И. Козловский, М. Максакова.

Определенный вклад в отечественную культуру вносили представители культуры Русского зарубежья. Высокого уровня культурными ценностями стали: проза, поэзия и публицистика нобелевского лауреата И. Бунина, И. Шмелева, Д. Мережковского, С. Черного, З. Гиппиус, М. Цветаевой, В. Ходасевича, Г. Иванова; музыка и исполнительское искусство С. Рахманинова, И. Стравинского, А. Глазунова, А. Гречанинова, Ф. Шаляпина, Н. Плевицкой; театр М. Чехова и балет М. Фокина, В. Нижинского, С. Лифаря; живопись К. Коровина, В. Кандинского, Н. и С. Рерихов, М. Ларионова, Ф. Малявина, З. Серебряковой; философия И. Ильина, Н. Бердяева, Л. Карсавина, Н. Лосского, С. Франка, Б. Вышеславцева; правоведение Н. Алексеева, П. Новгородцева, П. Гронского, богословие митрополита Антония (А. Храповицкого), В. Ильина; исторические труды академика Н. Кондакова, Г. Вернадского, М. Ростовцева, П. Бицилли, П. Милюкова, С. Мельгунова, А. Лампе; лингвистика Н. Трубецкого, Р. Якобсона; социология П. Сорокина; геополитика и геоэкономика П. Савицкого; экономическая теория В. Леонтьева; изобретения В. Зворыкина, И. Сикорского, С. Тимошенко и многих других.

§ 7. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Главным направлением внешней политики РСФСР, а затем СССР в 20-е гг. была борьба за прорыв дипломатической блокады и укрепление позиций на международной арене. Центром принятия ос-

новных решений внешнеполитического характера в это время, как и на протяжении всех лет советской власти, оставалось Политбюро. В. И. Ленин, неоднократно заявлявший о том, что большевики пошли на захват власти в России «исключительно в расчете на мировую революцию», выстраивал внешнюю политику на основе крайнего прагматизма. С одной стороны, провозглашалась готовность к мирному сосуществованию, сотрудничеству с несоветскими государствами в области экономики, с другой — оказывалась всяческая помощь коминтерновским организациям, призванным «двигать революцию вперед».

Ленин полагал, что правительства зарубежных стран в стремлении завоевать советский рынок «откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах...» и «будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства». Миролюбие советской внешней политики не обещало быть долгим. В ноябре 1920 г. Ленин говорил: «Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот».

Руководители капиталистических стран не обманывались в истинных целях советской внешней политики. Они также выстраивали свои отношения с позиции силы, поддержки всего противостоящего руководству внутри советской страны и за ее пределами, настраивали российскую белую эмиграцию на военные авантюры против нее. Большие надежды при этом возлагались на возможное внутреннее перерождение правящего режима (что в конце концов и произошло к 90-м гг.). Наиболее действенным побудительным мотивом к налаживанию «добрососедских» отношений была потребность в дешевом сырье, которым располагала наша страна.

Проводниками советской внешней политики стали наркоматы иностранных дел и внешней торговли, иностранный отдел ГПУ (с 1923 г. — ОГПУ), а также Исполком Коминтерна. Успехи политики во многом были связаны с деятельностью Г. В. Чичерина, возглавлявшего НКИД с марта 1918 по июль 1930 г. и действовавший, в силу разделения функций с другими ведомствами, не «революционными», а только дипломатическими методами.

Заключив к 1921 г. мирные договоры с Эстонией, Литвой, Латвией и Финляндией, Советское государство положило начало длительному процессу своего дипломатического признания. 26 февраля 1921 г. был подписан договор между Советской Россией и Ираном, по которому эта страна освобождалась от долгов царской России. Ирану передавались все русские концессии, шоссейные дороги, железнодорожные и телеграфные линии, построенные Россией на его территории. Согласно 6-й статье договора Советская республика получала право вводить туда свои войска в случае попыток других стран использовать иранскую территорию для нападения на РСФСР или ее союз-

ные государства. (Именно это позволило ввести войска СССР на территорию Ирана в 1941 г.)

28 февраля 1921 г. Советская Россия заключила договор о дружбе с Афганистаном, первой из всех держав признав его суверенитет. Заключенный в Москве договор надолго стал основой развития дружественных отношений между двумя соседними странами.

14 марта 1921 г. РСФСР и УССР в Риге подписали мирный договор с Польшей (предварительный заключен 12 октября 1920 г.). Согласно Рижскому договору стороны обязывались установить дипломатические отношения друг с другом, признавали независимость Украины и Белоруссии. Однако при поддержке Антанты Польша добилась от Советской Украины и Советской Белоруссии отторжения их западных областей, где, по данным на 1919 г., проживало более 16 млн человек. Советско-польская граница устанавливалась значительно восточнее «линии Керзона», которая в 1919 г. предлагалась Верховным военным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Стороны обязывались предоставить русским, белорусам, украинцам в Польше и полякам в РСФСР и УССР права, обеспечивающие свободное развитие их культуры, языка, выполнение религиозных обрядов.

5 ноября 1921 г. были установлены дружественные отношения с Монголией, в которой в июле этого года победила народная революция.

Нормализации отношений Советской России с зарубежьем способствовали торговые договоры, заключенные в 1921 г. с Германией, Италией, Норвегией, Австрией. 16 марта 1921 г. было подписано советско-английское соглашение, предусматривавшее установление торговых связей между двумя странами; при этом стороны обязывались не предпринимать враждебных актов по отношению друг к другу. Это означало, что Британия фактически признала Советскую республику.

В октябре 1921 г. советское правительство выразило готовность вести переговоры со странами Антанты об уплате довоенных долгов царского и Временного правительств при условии дипломатического признания Советской России, предоставления ей кредитов и возмещения ущерба, причиненного интервенцией. Предложение заинтересовало руководителей западных стран. 6 января 1922 г. Совет Антанты решил созвать международную конференцию по экономическим и финансовым вопросам с участием всех европейских стран, включая Советскую Россию. 7 января итальянское правительство направило Советской республике официальное приглашение на конференцию в Геную, открытие которой намечалось на 10 апреля 1922 г.

Долги царского и Временного правительств, которые требовали вернуть западные страны, составляли около 18,5 млрд золотых руб. По подсчетам советской стороны, убытки, причиненные народному

хозяйству России за годы интервенции 1917—1922 гг., равнялись 39 млрд золотых руб. Эта цифра, названная 15 апреля на конференции руководителем советской делегации Г. В. Чичериным, привела западных делегатов в явное замешательство. Несмотря на это, Чичерин заявил о готовности советского правительства признать довоенные долги и преимущественное право за большинством собственников получить в концессию или аренду принадлежавшее им ранее имущество при условии признания Советского государства де-юре, оказания ему финансовой помощи, аннулирования военных долгов и процентов по ним. Предлагалась программа широкого сотрудничества в экономической, политической, культурной областях, невмешательства во внутренние дела, признания принципов ненападения, полного равноправия и взаимной выгоды, разрешения всех конфликтов мирными средствами. Советская делегация внесла также предложение о всеобщем сокращении вооружений.

Дискуссии по всем этим вопросам на Генуэзской конференции, продолжавшейся до 19 мая, оказались безрезультатными. По предложению английского премьера Д. Ллойд-Джорджа «русский вопрос» был передан для дальнейшего изучения «комиссии экспертов», которая собралась в Гааге 15 июня и работала до 19 июля 1922 г. Здесь с участием делегаций тех же 29 государств, что и на Генуэзской конференции (за исключением Германии), предложения советской делегации были конкретизированы. М. М. Литвинов заявил, что Россия при условии получения кредита для восстановления хозяйства в размере 3,2 млрд золотых руб. и отказа стран Антанты от требований военных долгов готова снять контрпретензии за ущерб, причиненный интервенцией, признать довоенные долги и реально компенсировать тех бывших иностранных собственников в России, которые не получат удовлетворения в форме концессий и участия в смешанных предприятиях. Условия, выставленные советской стороной, вновь оказались неприемлемыми для западных держав, и конференция не принесла ощутимых результатов. Однако Запад все-таки согласился на предоставление кредитов России в обмен на ее согласие разместить концессии.

Крупным успехом советской дипломатии в борьбе за установление мирных отношений с западными странами стал договор, заключенный в Рапалло во время Генуэзской конференции, между РСФСР и Германией — странами, находившимися после Первой мировой войны в тяжелейшем экономическом положении и в международной изоляции. Подписанный Г. В. Чичериным и В. Ратенау (министр иностранных дел Германии) 16 апреля 1922 г. в предместье Генуи договор предусматривал немедленное восстановление в полном объеме дипломатических отношений; урегулирование всех спорных отношений между двумя странами путем взаимного отказа от претензий; разви-

тие торговых, хозяйственных и правовых связей на основе принципа наибольшего благоприятствования. Ленин приветствовал зафиксированное договором «действительное равноправие двух систем собственности *хотя бы как временное состояние*».

20 ноября 1922 г. по инициативе Великобритании, Франции и Италии была созвана конференция в Лозанне (Швейцария) для подготовки мирного договора с Турцией и установления режима черноморских проливов. После заявления советского правительства о том, что решения, принятые без его участия, не будут им признаны, организаторы конференции вынуждены были пригласить и советскую делегацию, но только для участия в обсуждении вопроса о режиме проливов. Стремясь поставить Россию в унизительное положение, представители Великобритании и Франции навязали участникам конференции конвенцию, допускающую свободный проход в Черное море не только торговых, но и военных судов любой страны мира, что создавало угрозу безопасности России и других причерноморских государств. Требование советской делегации, чтобы Россия, Украина и Грузия пользовались равными с другими странами правами в торговом мореплавании через проливы, а проход в Черное море закрыть для всех (кроме турецких) военных судов, было проигнорировано. В результате СССР не ратифицировал принятую на Лозаннской конференции конвенцию о режиме проливов как нарушающую его законные права и не гарантирующую мир и безопасность причерноморских стран. В 1936 г. она была пересмотрена в Монтре (Швейцария) на конференции, принявшей договорной акт с определением современного правового режима черноморских проливов.

На всем протяжении Лозаннской конференции (до 24 июля 1923 г.) предпринимались попытки устранить советскую делегацию от участия в ее работе, нагнеталась скандальная истерия. В этих условиях 10 мая был убит полномочный делегат В. В. Воровский и ранены еще два сотрудника советской делегации. Швейцарский суд оправдал организатора и исполнителя террористического акта. В результате возник советско-швейцарский конфликт, выразившийся в бойкоте Швейцарии со стороны СССР, урегулированный лишь 14 апреля 1927 г. после «всемерного осуждения» теракта правительством Швейцарии.

Весной 1923 г. обострились отношения СССР и Британии. 8 мая советскому правительству была предъявлена нота британского, составленная министром иностранных дел лордом Д. Н. Керзоном и содержавшая ультимативное требование: отказаться от антибританской пропаганды и отозвать советских полпредов из Ирана и Афганистана; выплатить компенсации в связи с арестом и расстрелом английских шпионов в 1920 г., а также незаконным якобы задержанием английских траулеров, занимавшихся ловлей рыбы в советских терри-

ториальных водах. Английские эскадры намеревались войти в Черное, Белое и Балтийское моря. 11 мая советское правительство решительно отвергло эту ноту.

В конечном счете Керзон пошел на компромисс, и правительство СССР тоже согласилось на уступки. В июне 1923 г. обе стороны заявили об исчерпанности конфликта. А после прихода к власти в Британии лейбористов в январе 1924 г. правительство Д. Р. Макдональда уже 1 февраля признало СССР, а 8 августа подписало с ним общий и торговый договоры. Однако после опубликования 15 сентября в Британии так называемого письма Зиновьева, предлагавшего английским коммунистам от имени Коминтерна активизировать подготовку кадров для грядущей Гражданской войны, консерваторы вновь одержали победу на выборах. Новое британское правительство С. Болдуина, несмотря на признание «письма» фальшивкой, отказалось от ратификации англо-советского договора.

Попытку восстановить дипломатические и экономические отношения с СССР в декабре 1923 г. предпринимала Франция. Условием выставлялась выплата довоенных долгов России. Советское правительство сочло эти требования неприемлемыми. Признание Францией правительства СССР произошло в октябре 1924 г., после прихода к власти правительства «левого блока» во главе с Э. Эррио.

К концу 1924 г., вошедшего в историю советской внешней политики как «полоса признания» Советского Союза, дипломатические отношения с ним установили Италия, Норвегия, Швеция, Дания, Австрия, Венгрия, Мексика, Китай. В 1925—1927 гг. были налажены отношения с Японией, укреплены взаимовыгодные связи с Турцией, Афганистаном, Ираном. Из великих держав только США не хотели признавать СССР, несмотря на то что ряд американских фирм вел торговлю с ним — вопреки запретам госдепартамента. Признание и переговоры, по словам президента США К. Кулиджа, были невозможны, поскольку СССР опровергал обоснованность международных обязательств, отказывался от компенсации национализированного имущества американских граждан и предполагал к тому же совершить революцию в США.

В 1923 г. осложнились отношения СССР с Германией. В августе под влиянием обострившейся внутренней обстановки и угрозы всеобщей забастовки ушел в отставку правительственный кабинет во главе с В. Куно. Новое правительство Г. Штреземана, стремясь ликвидировать кризис в стране, взяло курс на отказ от «восточной ориентации» на Москву, начав искать пути сотрудничества с Францией. В ответ на это руководство СССР и подчиненного ему Коминтерна активизировали подготовку революционного переворота в Германии. В СССР для помощи бастовавшим и локаутированным германским рабочим был объявлен сбор средств; 1 млн золотых марок выделил Профин-

терн. В Германию направилась «группа товарищей», имевших большой опыт революционной работы (М. Н. Тухачевский, И. С. Уншлихт, И. И. Вацетис, В. Р. Менжинский и др.), а также выпускники и слушатели старшего курса Военной академии РККА.

В октябре 1923 г. для непосредственного руководства восстанием утверждается секретная комиссия в составе: К. Б. Радек (руководитель), Ю. Л. Пятаков (заместитель руководителя), В. В. Шмидт, И. С. Уншлихт. В Берлине к «четверке» присоединился член Политбюро, полпред РСФСР в Германии Н. Н. Крестинский. На финансирование революции выделяется гигантская сумма в 300 млн золотых руб. (И это в то время, когда СССР еще не оправился от страшного голода.) По распоряжению Л. Д. Троцкого части Красной Армии начали выдвигаться к западным границам СССР, чтобы по первому приказу прийти на помощь германскому пролетариату. Большевистское руководство, настраивая страну на скорую победу коммунистов в Германии, разослало 18 октября всем губкомам закрытое письмо «Германия накануне великих боев», в котором утверждалось: «Объединение Советской Германии с СССР будет последним ударом по капитализму и неизбежно приведет скоро к рабоче-крестьянской революции в других странах Европы и всего мира».

Вооруженное восстание начали рабочие и портовики Гамбурга 22 октября 1923 г. Однако оно не было поддержано в других землях и уже через два дня жестоко подавлено армией и полицией. 23 ноября последовал официальный запрет Компартии Германии.

Г. Штреземан, демонстрируя отход от Москвы, добился в августе 1924 г. распространения на Германию плана Ч. Г. Дауэса (директор одного из крупнейших чикагских банков). Германии предоставлялся международный заем на сумму 200 млн долларов для восстановления в стране тяжелой индустрии. Расчет был на то, что для уплаты репараций Германии потребуются новые рынки сбыта, которые она найдет в СССР, подрывая тем самым его индустриализацию. В соответствии с планом Дауэса в октябре 1925 г. в Локарно (Швейцария) состоялось подписание договора европейских государств о нерушимости западных границ Германии, однако ее восточные границы не гарантировались.

В то же время Германия не хотела отказываться от выгод сотрудничества с СССР на основе Рапалльского договора. Учитывая это, Советский Союз добился ослабления антисоветской направленности Локарнских договоров, подписав 24 апреля 1926 г. Берлинский договор с Германией о ненападении и нейтралитете сроком на 5 лет (продлен в 1931 г.). Эти договоренности создавали основу для развития экономических и военных связей, помогавших Германии обойти решения Версальской (1919) и Вашингтонской (1922) конференций, запрещавшие ей иметь современную, технически хорошо оснащенную

армию. Германия получила согласие создавать на советской территории центры военно-учебной подготовки кадров и производство новейшего оружия. В 1926 г. Германия предоставляла Советскому Союзу кредит в 300 млн марок, что до известной степени компенсировало трудности тайного военного сотрудничества двух стран.

Установление дипломатических отношений с ведущими странами мира не означало отказа советского руководства от идеи мировой революции и распространения коммунистической идеологии за рубежами СССР. Главным проводником этого курса был Коминтерн, ведущую роль в котором играла РКП(б) — ВКП(б). Для развития «мировой революции» предпринимались попытки использовать забастовку горняков в Англии, обострение классовых противоречий в Австрии и Китае.

В 1926 г. СССР открыто поддержал забастовку английских шахтеров, перечислив в их фонды по линии профсоюзов месячную зарплату советских рабочих — 16 млн руб. 23 февраля 1927 г. министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен направил СССР ноту, в резкой форме потребовав прекращения антибританской пропаганды и прямого вмешательства во внутренние дела Англии. 12 мая в Лондоне был произведен обыск помещения советского торгпредства, 27 мая заявлено о расторжении торгового соглашения и разрыве дипломатических отношений с СССР. В Москве была развернута антибританская кампания под лозунгом «Наш ответ Чемберлену» с признаками всеобщего военного психоза (закупки продовольствия на случай войны и пр.). Антисоветские акции были поддержаны Канадой, также разорвавшей дипломатические отношения с СССР, и нашими эмигрантами, которые организовали в июне 1927 г. убийство полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова. Однако дальнейшей эскалации напряженности не произошло. В немалой степени этому способствовала позиция Германии, министр иностранных дел которой заявил при вступлении в Лигу Наций в сентябре 1926 г., что его страна осудит любую агрессию против Советского Союза и при необоснованных акциях не пропустит войска через свою территорию.

Разрывом дипломатических отношений закончилось вмешательство СССР во внутренние дела Китая. Под влиянием Октябрьской революции в России там стало шириться антиимпериалистическое и антифеодальное движение, которое приобрело форму войны между правителями различных провинций. На юге страны было создано революционно-демократическое правительство во главе с основателем Национальной партии (Гоминьдан) Сунь Ятсеном. По его просьбе в 1923 г. на юг Китая были направлены военно-политические советники В. К. Блюхер и М. М. Бородин, более 130 военных специалистов, ассигновано 2 млн долларов; осуществлялась помощь оружием, боеприпасами, военным снаряжением, медикаментами. Коминтерн пола-

гал, что Китай созрел для социалистической революции. Советские советники получили указание сначала использовать Гоминьдан, а затем поддерживать Компартию Китая, действующую с 1921 г.

Заподозрив коммунистов в том, что те хотят его отстранить, Чан Кайши, ведавший организацией армии в правительстве Сун Ятсена и выходивший на первую роль в Гоминьдане после его смерти (12 марта 1925 г.), повел с ними борьбу. Гоминьдановское правительство Китая приостановило дипломатические отношения с Советским Союзом и закрыло все советские дипломатические представительства, за исключением Маньчжурии и Восточного Туркестана (Синьцзяна), где у власти стояли местные правительства.

«Двойная бухгалтерия» СССР во внешней политике стала причиной неприятия предложенного советской делегацией проекта конвенции «О немедленном полном и всеобщем разоружении», который рассматривался подготовительной комиссией Лиги Наций в марте 1928 г. Он предполагал обширную и явно невыполнимую программу: в течение года распустить все вооруженные силы; уничтожить имевшееся оружие; ликвидировать военно-морской флот и военную авиацию, крепости, морские и сухопутные базы, военные заводы; издать законы, отменяющие военную службу. Западные политики противопоставили этим явно нацеленным на разоблачение «буржуазного пацифизма» предложениям тезис: «Сначала безопасность, потом разоружение».

В целом в 20-е гг. советскому правительству удалось значительно укрепить международное положение СССР, обеспечить мирные условия для восстановления его экономики. В то же время громадные средства безрассудно, невзирая на нищенское существование основной массы населения страны, бросались в очаги всевозможных восстаний, национально-освободительных движений, на содержание разнообразных революционных организаций и экстремистского подполья по всему свету.

Глава 8

МОДЕРНИЗАЦИЯ СТРАНЫ В 1928—1937 гг.

§ 1. ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Период реализации двух первых пятилетних планов в СССР с 1 октября 1928 до конца 1937 г. был временем осуществления уникального в мировой истории опыта построения социализма «в отдельно взятой стране», объективная суть которого сводилась к модерни-

зации страны. Проект строительства вырисовывался в 1924—1928 гг. в постоянных спорах между своеобразными «почвенниками», призывавшими строить социализм на территории СССР, не дожидаясь победы мировой революции, и «интернационалистами», полагавшими невозможным его построение без помощи будущих «передовых» социалистических стран Европы и Америки заведомо «отсталому» СССР.

Победа одной из сторон далась нелегко и трагично. Она сопровождалась изгнанием с властного Олимпа, из Политбюро ЦК ВКП(б), принципиальных противников «ограниченной, националистической идеи». Однако это было не только время политических дуэлей. За эти годы в условиях рыночных отношений страна в основном восполнила экономический урон, понесенный в ходе революции и Гражданской войны. В хозяйственной жизни наряду с государственными участвовали капиталистические предприятия, кооперативы. К октябрю 1928 г. народное хозяйство СССР по ряду показателей уже существенно превосходило наиболее высокий в дореволюционной истории уровень 1913 г. Троцкий, Зиновьев и Каменев к этому времени были вытеснены с высших партийных и государственных постов и прямо влиять на принятие политических решений не могли.

К началу 1-й пятилетки стали просматриваться контуры конкретного плана индустриализации страны. ВСНХ во главе с членом Политбюро В. В. Куйбышевым определял ее как ускоренное в течение целого ряда лет развитие социалистической промышленности. Прежде всего в области производства продукции машиностроения, энергетики, химии, металлургии, при обеспечении ежегодного прироста на 19—20%, с тем чтобы промышленность стала главной отраслью народного хозяйства. Промышленный рывок должен был превратить ввозящую машины и оборудование страну в производящую их. Поскольку СССР противопоставлял себя капиталистическому миру, он вынужден был создавать военную промышленность, не рассчитывая на импорт стратегически важных товаров из капиталистических стран. Основные средства для создания индустрии должна дать социалистически перестраиваемая деревня. Само собой подразумевалось, что перестройка таких масштабов в условиях «диктатуры пролетариата» не могла обойтись без принуждения широких масс трудящихся к выполнению партийных и государственных решений. Руководящим участникам российского политического процесса репрессии представлялись «необходимым элементом» перестройки страны.

Опора на экономические рычаги в изыскании средств для индустриализации предполагала использование существовавших форм собственности, товарно-денежных отношений, предприимчивости в ведении сельского хозяйства и легкой промышленности ради накопления в этих отраслях средств, которые можно использовать для созда-

ния тяжелой промышленности. Этот путь, по которому предлагал идти лидер возникшего в партии «правого уклона» Н. И. Бухарин, предполагал продолжение НЭПа.

Второй путь, к которому все больше склонялись Сталин и его сторонники, имел целью концентрацию всего хозяйства в руках государства, использование внеэкономических, командно-административных, методов мобилизации имеющихся в стране ресурсов для индустриализации. Это означало свертывание НЭПа, жестокое и рискованное изъятие ресурсов из сферы отнюдь не самодостаточного сельского хозяйства и легкой промышленности, использование их для ускоренного создания тяжелой промышленности, которая в свою очередь могла послужить основой для перевооружения и ускоренного развития всех других отраслей народного хозяйства.

30 сентября 1928 г. Бухарин опубликовал в «Правде» статью «Заметки экономиста», в которой вновь писал о необходимости и возможности бескризисного развития промышленности и сельского хозяйства, резко критиковал не названных по именам «сверхиндустриализаторов». Статья, воспринятая как явный выпад против сталинской группы, вызвала острую перепалку на заседании Политбюро, где Сталин потребовал от Бухарина прекратить «линию торможения коллективизации», на что последний в запальчивости назвал генсека «мелким восточным деспотом».

1 октября 1928 г. страна приступила к выполнению пятилетнего плана развития экономики. Однако конкретных заданий для каждой отрасли экономики пока не было. ВСНХ в течение октября все еще сводил баланс по контрольным цифрам плана. В ноябре пленум ЦК рассмотрел эти цифры и принял план на первый год пятилетки, преодолев обвинения «правых» в том, что предусматривающийся высокий налог на крестьян означает их «военно-феодальную эксплуатацию».

Между тем Бухарин, надеясь на расширение числа своих сторонников, пытался наладить контакты с бывшими лидерами «левой оппозиции». В июле 1928 г. он встретился с Каменевым, специально приехавшим из Калуги, где отбывал ссылку. Бухарин при встрече сетовал, что «революция погублена», что Сталин — «Чингисхан», «интриган самого худшего пошиба», которого «ничего не интересует, кроме сохранения власти», предложил заключить союз против него. Каменев на это не пошел, решив, что в очередной междоусобице стороны еще не раз вспомнят о его политическом таланте и призовут во власть. Однако не упустил возможности досадить одному из своих бывших гонителей и передал слова Бухарина «молодым троцкистам», которые растиражировали их в январе 1929 г. в подпольной брошюре.

Бухарин пытался перетянуть на свою сторону К. Е. Ворошилова и М. И. Калинина; вел переговоры с Г. Г. Ягодой и М. А. Трилиссе-

ром на предмет отстранения Сталина от власти. В середине января 1929 г. вместе с Рыковым и Томским он выступил против высылки Троцкого. Но сталинское большинство проголосовало за нее, поскольку тот в письмах из Алма-Аты призывал своих сторонников перейти к активным действиям. 11 февраля 1929 г. Троцкий был посажен на пароход, направлявшийся в Константинополь, и уже никогда не возвратился в Россию. В 1933 г. он переехал во Францию, в 1935 г. — в Норвегию; с января 1937 г. жил в Мексике. В августе 1940 г. его жизнь оборвал удар альпинистского топорика, нанесенный агентом НКВД, бывшим лейтенантом Испанской революционной армии Р. Меркадером.

За первые месяцы пятилетки Бухарин трижды высказался на страницах «Правды» против сталинской «генеральной линии». Наиболее резко это прозвучало в речи, посвященной пятилетию со дня смерти В. И. Ленина (опубликована 24 января под заголовком «Политическое завещание Ленина»). Статья, излагавшая ленинские работы о плане построения социализма, воспринималась как антисталинский манифест в защиту нэповской философии и политики. Ее заголовок напоминал об известном членам партийного руководства пункте «завещания» — о необходимости перемещения Сталина с поста генсека.

Все это привело к решающему столкновению в руководстве партии на совместном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК (30 января — 9 февраля 1929 г.) Оно завершило новый раскол в Политбюро. Сталин впервые назвал имена группы «правых»: Бухарин, Рыков, Томский. Обвинялись не просто их теоретические ошибки, а порочные взгляды «группы Бухарина», ее «правооппортунистическая, капитулянтская платформа», намерение «сколотить антипартийный блок с троцкистами». Обозначившаяся победа над «правыми» была закреплена на объединенном пленуме ЦК и ЦКК (16—23 апреля 1929), созванном для принятия пятилетнего плана по промышленности. Рассчитывать на успех Бухарину не приходилось: из 300 с лишним участников пленума его сторонниками оказались немногим более десятка.

На утверждение пленума, впервые полностью проинформированного о тянувшейся уже год борьбе с «правыми», была предложена резолюция Политбюро с резкой критикой Бухарина. Он, по словам Сталина, выступал и во внешней и во внутренней политике за линию, претворение которой в жизнь означало бы «предать рабочий класс, революцию». Особый упор делался на несостоятельности Бухарина как теоретика. Его новые претензии на эту роль объявлялись «гипертрофированной претенциозностью недоучившегося теоретика», напоминалось, что Ленин называл его теоретиком «не вполне марксистским». Уничтожающей критике были подвергнуты также Рыков и

Томский. Результатом было решение пленума об отстранении Бухарина от работы в «Правде» и Коминтерне, смещение Томского с поста председателя ВЦСПС и предупреждение о выводе их из состава Политбюро при новых попытках пропаганды «капитулянтских» взглядов. Утратил свое место в Политбюро и Н. А. Угланов, еще раньше, в 1928 г., замененный Молотовым на посту 1-го секретаря Московского комитета партии.

Созванная сразу же после окончания пленума XVI партийная конференция ВКП(б) отвергла защищавшийся «правыми» минимальный проект пятилетнего плана и высказалась за оптимальный вариант. Принятый в мае 1929 г. V Всесоюзным съездом Советов, он представлял собой программу развернутого наступления социализма по всему фронту хозяйства и построения фундамента социалистической экономики.

Между тем ситуация в стране, обострившаяся после срыва плана хлебозаготовок в 1927 г., еще более усугубилась после очередного неурожая 1928 г. К лету 1928 г. хлебные карточки существовали уже во многих городах. К зиме 1928/29 г. с санкции местной власти они появились в Москве. Расширение репрессий против крестьян — держателей хлеба в конце заготовительной кампании (с января 1929 г.) не помогло: заготовительные планы выполнены не были, и это предвещало катастрофу. В этих условиях Политбюро приступило к оформлению повсеместной системы нормированного распределения хлеба. 14 февраля 1929 г. карточная система на хлеб стала всесоюзной. Хлеб населению отпускался по так называемым заборным книжкам. Книжки получало только трудовое население городов. Остальным хлеб продавался из того, что оставалось после обеспечения главных потребителей, и по двойной цене. 13 января 1931 г. карточная система была официально распространена на другие продукты питания и на непродовольственные товары первой необходимости. Система действовала до 1936 г., была иерархичной. Существовало 4 списка снабжения (особый, 1-й, 2-й и 3-й). При этом потребители первых двух списков получали 70—80% поступавших в торговлю фондов. Вне действия карточной системы находились крестьяне и лишенные политических прав («лишенцы»), составлявшие вместе 80% населения страны. Высший уровень снабжения представляли распределители для «номенклатуры», обеспечивавшие включенных в нее лиц пайками литер «А» и «Б». Ко времени отмены карточной системы число руководящих работников, получающих литерные пайки, составляло 46 тыс. человек (4,5 тыс. по литере «А», 41,5 тыс. — по литере «Б»). Международные сопоставления показывают, что материальные возможности советской элиты находились примерно на уровне высших слоев среднего класса Запада. В целом неравенство, существовавшее в советском обществе, было неравенством в бедности.

Хлебные карточки появляются в стране, где веками «нормальным» урожаем был валовой сбор сам-3 при среднем высеве в 12 пудов (5,7 ц) на десятину. Примерный подсчет по средним показателям для Промышленного и Черноземного центров за 1925/26 г. свидетельствует о следующем. При населенности 6,2 и 6,38 души на двор посев равен соответственно 0,54 и 0,76 десятины на душу. При душевом посеве на 0,66 десятины 7,92 пуда в ржаном эквиваленте и прекрасном урожае в сам-4 валовой сбор на душу составлял 31,68 пуда, а чистый сбор — 23,76 пуда. Это 380 кг зерна на душу в год, или 1 кг 42 г в сутки на душу населения. Из них следует вычесть подкормку скота. Исходя из реальной населенности хозяйства в 5,4 человека (3,8 полного едока), подкормка в 500 г муки в сутки на голову для 1,6 головы составит 800 г (0,66 лошади и 0,96 коровы). На одного едока это равно 210 г в сутки. В итоге на питание выходит 832 г зерна в сутки, или 2531 ккал. И это при норме в 3200 ккал. Следовательно, под нажимом властей немного можно было продать.

Данный пример иллюстрирует благоприятный вариант итогов годовой работы. Но меры государства были направлены на более резкое (может, до 1500 ккал) уменьшение этой нормы. А если урожай с десятины сам-3 (при той же густоте высева), то валовой сбор на душевую долю посева будет 2,51 ц (15,7 пуда), а чистый — всего 7,7 пуда (124,3 кг). В этом случае суточная норма снизится до 456 г, и на подкормку скота нельзя уделить ни грамма. Фактически это полуголодный режим, и ни о какой продаже и речи не могло быть. Разумеется, это приблизительная, среднестатистическая модель. При реальной дифференциации хозяйств какая-то, немалая, доля их могла продавать государству хлеб, но это всего лишь часть крестьян.

Поиск выхода из создавшейся ситуации был предметом продолжавшейся в 1929—1930 гг. дискуссии, в центре которой оставался вопрос, как сохранить высокие темпы индустриализации и в то же время повысить товарность сельскохозяйственного производства. Победа Сталина и его сторонников над «правоуклонистами» открывала путь безудержному форсированию индустриализации и коллективизации. Несмотря на принятый закон о пятилетнем плане, Сталин уже через несколько недель добился увеличения его показателей. 20 января 1929 г. в «Правде» была впервые опубликована написанная Лениным в 1917 г. статья «Как организовать соревнование». Вскоре после этого в стране началось своеобразное движение за то, кто «больше пообещает» в деле досрочного выполнения пятилетки. 14 августа 1929 г. Президиум ВСНХ принял решение об увеличении во втором году пятилетки прироста валовой продукции крупной промышленности не на 21, а на 28%.

27 октября 1929 г. газеты опубликовали обращение рабочих завода «Красное Сормово» к трудящимся Советского Союза с призывом начать борьбу за выполнение пятилетки в четыре года. Через не-

сколько дней этот лозунг подхватили крупнейшие предприятия страны. В ноябре пленум ЦК партии одобрил начинания угольщиков о выполнении пятилетки за 4 года и тракторостроителей — в 3 года обогнать Америку. Первый всесоюзный съезд ударных бригад (5—10 декабря 1929 г.) принял обращение к рабочим страны с призывом о досрочном выполнении заданий пятилетки за четыре года.

К осени 1929 г. стали приносить свои плоды мероприятия по подготовке перехода деревни к сплошной коллективизации, предпринимавшиеся с XV съезда партии (декабрь 1925 г.). Если летом 1928 г. в стране существовало 33,3 тыс. колхозов, объединявших 1,7% всех крестьянских хозяйств, то к лету 1929 г. их стало 57 тыс. В них было объединено свыше миллиона, или 3,9%, хозяйств. В некоторых районах Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, ЦЧО колхозными стали до 30—50% хозяйств. За три месяца (июль—сентябрь) в колхозы вступило около миллиона крестьянских дворов, почти столько же, сколько за 12 послеоктябрьских лет. Это означало, что на путь колхозов стали переходить основные слои деревни — середняки. Немаловажным обстоятельством, облегчавшим этот процесс, были общинные традиции в ментальности российского крестьянства.

Опираясь на эту тенденцию, Сталин и его сторонники, вопреки ранее принятым планам, потребовали завершить коллективизацию в основных зерновых районах страны за год. Теоретическим обоснованием форсирования перестройки деревни явилась статья Сталина «Год великого перелома» (7 ноября 1929 г.). В ней говорилось, что крестьяне пошли в колхозы «целыми деревнями, волостями, районами» и уже в текущем году достигнуты «решающие успехи в деле хлебозаготовок», «рухнули, рассеялись в прах» утверждения «правых» о невозможности массовой коллективизации.

Пленум ЦК (ноябрь 1929 г.), обсудивший итоги и дальнейшие задачи колхозного строительства, подчеркнул в резолюции, что произошедший перелом в отношении крестьянства к коллективизации «в предстоящую посевную кампанию должен стать исходным пунктом нового движения вперед в подъеме бедняцко-середняцкого хозяйства и в социалистической перестройке деревни». Это был призыв к немедленной сплошной коллективизации.

В разгар работы пленума, 12 ноября, лидеры «правых» обратились к членам ЦК и ЦКК с заявлением. Признав «рекордные цифры по промышленности и развитию коллективных форм земледелия» в истекшем году, они предупреждали, что отказ от НЭПа и возрождение идеалов «военного коммунизма» приведут к кризису в сельском хозяйстве, неблагоприятно скажутся на снабжении больших городов продовольствием. Ответная резолюция была суровой: «Бухарина, как застрельщика и руководителя правых уклонистов, вывести из

состава Политбюро». Пропаганда взглядов «правого» оппортунизма и примиренчества с ним была признана несовместимой с пребыванием в рядах партии.

Резолюция подействовала отрезвляюще. 26 ноября лидеры «правых» решили, казалось бы, окончательно прекратить борьбу. В опубликованном от имени Томского, Бухарина и Рыкова в «Правде» заявлении говорилось: «В течение последних полутора лет между нами и большинством ЦК ВКП(б) были разногласия по ряду политических и тактических вопросов... Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре оказались правы партия и ее ЦК... Признавая свои ошибки, мы со своей стороны приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии, и прежде всего против правого уклона». В последующие дни один за другим заявили о своем отходе от оппозиции и члены «бухаринской школы» — представители интеллигенции, занимавшие руководящие посты в центральных и местных идеологических учреждениях, плановых и хозяйственных органах.

Таким образом, в ноябре 1929 г. Центральным Комитетом была дана установка местным партийным и советским органам развернуть сплошную коллективизацию не только селений и округов, но и областей. Для оказания помощи в организации колхозов было решено направить в деревню не менее 25 тыс. передовых рабочих.

В речи на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. Сталин сформулировал задачу ликвидировать класс кулачества как необходимое условие развития колхозов и совхозов. «Большим скачком» в развитии, новой «революцией сверху» предполагалось разом покончить со всеми социально-экономическими проблемами, коренным образом сломать и перестроить сложившийся хозяйственный уклад и народнохозяйственные пропорции. Революционное нетерпение, энтузиазм масс, настроения штурмовщины, в определенной мере присущие русскому национальному характеру, умело эксплуатировались руководством страны. В управлении экономикой возобладали административные рычаги, материальное стимулирование стало подменяться работой на энтузиазме людей. Конец 1929 г., по существу, стал завершением периода НЭПа.

Декабрь 1929 г. был отмечен празднованием 50-летия Сталина. Генсек, приведший своих сторонников к победе в борьбе с политическими оппонентами, утверждался в их глазах и мнении всех соотечественников бесспорным вождем ВКП(б) и Коминтерна. Культ личности, ярко проявлявшийся на предыдущих этапах российской истории не только в отношении царей и патриархов, но также в отношении Ленина (в партии), Троцкого (в армейских кругах), Зиновьева (в Ленинграде), к концу 20-х гг. сосредоточился на фигуре Сталина,

который обеспечил себе поддержку большинства в новом правящем слое, интересам которого служил. Празднование его юбилея показало, что началось целенаправленное формирование нового культа личности, неотделимого в последующую четверть века, с одной стороны, от достижений и побед, с другой — от поражений и трагедий советского народа.

В начале 30-х гг. можно было предполагать, что с разгромом «правых» инакомыслие надолго уйдет из партии. Однако этого не произошло. С проявлением первых трудностей и массового недовольства крестьян во время форсированной коллективизации Бухарин в завуалированной форме стал вновь выражать сомнение в том, что это продуманное продолжение НЭПа. А когда Сталин в статье «Головокружение от успехов» (2 марта 1930) отмежевался от экстремистов, допускавших «перегибы» в деревне, Бухарин немедленно (7 марта) опубликовал памфлет «Финансовый капитал в мантии папы». В нем иронически повествуется о том, как наместник Христа на земле пустил людей по миру, а затем попытался переложить ответственность за это на других.

XVI съезд партии (26 июня — 13 июля 1930 г.), названный съездом развернутого наступления социализма по всему фронту, призвал «добиться действительного выполнения пятилетки в четыре года». Выступая на съезде, Сталин не преминул показать превосходство партийной политики над «крохоборнической мудростью троцкистов», которые, «с точки зрения темпов, являются самыми крайними минималистами и самыми поганенькими капитулянтами». Он утверждал, что пятилетка в некоторых отраслях может быть выполнена даже за 1,5—2 года, ежегодное производство чугуна в конце пятилетки должно быть поднято до 17 млн т (в отличие от 10, намеченных планом), тракторов — до 170 тыс. штук (вместо 53 тыс.), автомобилей — до 200 тыс. штук (при запланированных 100 тыс.).

Правые уклонисты на съезде вновь обвинялись за предложения снизить темпы индустриализации. В этой связи Сталин сказал: «Люди, болтающие о необходимости снижения темпов развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших врагов». Сущность правого уклона, использовавшего трудности колхозного движения для дискредитации линии партии, была определена как кулацкая. К этому были добавлены обвинения «правых» в намерениях «насильственно изменить состав ЦК». В октябре 1930 г. Сталин упрекнул в проповеди терроризма Бухарина. Последний отвечал: «Я считаю твои обвинения чудовищной, безумной клеветой, дикой и в конечном счете неумной». Этим «ты меня не напугаешь и не запугаешь», но провокация, «на которой ты строишь свою политику... до добра не доведет, хотя бы ты и уничтожил меня физически».

Идеологическая борьба, обострившаяся из-за опасений возникновения единого оппозиционного «право-троцкистского» фронта, закончилась победой сторонников Сталина. Она закреплялась вытеснением оппозиционеров из руководства. Томский утратил пост члена Политбюро в июле, а Рыков — в декабре 1930 г. Занимаемый Рыковым пост Председателя СНК СССР был передан Молотову.

В ноябре 1930 г. из числа кандидатов в члены Политбюро выведен С. И. Сырцов, сменивший в 1929 г. Рыкова на посту Председателя правительства РСФСР. В августе 1930 г. в связи с трудностями со снабжением Сырцов направил в парторганизации письмо с названием «Что-то надо делать?». В нем предлагалось снизить темпы коллективизации, открыть колхозам и совхозам свободный доступ на рынок, ослабить плановое регулирование. Письмо было расценено как «право-левацкая растерянность» (Каганович), «клевета» и «попытка создать новую оппозиционную группировку» (Сталин). В декабре 1930 г. Сырцов и солидаризировавшийся с ним 1-й секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) В. В. Ломинадзе были осуждены комиссией ЦК и ЦКК как организаторы блока, «платформа которого совпадает с взглядами правого уклона». (Выдвинутый на пост Председателя Совнаркома РСФСР Д. Е. Сулимов позднее, в июне 1937 г., был также репрессирован.)

Места «вычищенных» из Политбюро оппозиционеров занимали приверженцы сталинской линии на осуществление революции сверху. В июле 1930 г. новыми членами Политбюро стали Л. М. Каганович, С. М. Киров и С. В. Косиор (1-й секретарь ЦК Компартии Украины), в декабре — Г. К. Орджоникидзе. С исключением Рыкова из Политбюро в составе этого органа из числа входивших в него при Ленине оставался только Сталин. Таким образом, коллективное руководство, возглавлявшее партию и государство в первые годы после смерти Ленина, к концу 1930 г. разрушилось до основания и, по существу, заменялось режимом личной власти Сталина.

Утверждение этого режима и его эволюция в дальнейшем уже не приводила к появлению на политическом небосклоне новых ярких звезд и сколько-нибудь значительных оппозиционных групп. Можно сказать, что последующая история сталинского режима сопровождалась «боями местного значения» и зачистками политического поприща от приверженцев Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина. По числу жертв эти бои, в силу особенностей личных качеств Сталина (главным образом легкости, с которой он прибегал к насилию для подавления несогласных с его политической линией, не останавливаясь перед уничтожением действительных и мнимых противников режима), многократно превосходили жертвы 1920-х гг. В идейном плане антисталинисты чаще всего не могли простить ему «измены» идее ми-

ровой революции и других утраченных альтернатив исторического развития.

Например, в 1932 г. ряд членов партии попытались создать организацию и развернуть антисталинскую пропаганду. Идейным вдохновителем протеста стал М. Н. Рютин, секретарь Краснопресненского райкома партии Москвы в 1924—1928 гг., исключенный из партии в сентябре 1930 г. с формулировкой: за «предательско-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов».

К марту 1932 г. М. Н. Рютин подготовил два документа. В обращении «Ко всем членам ВКП(б)», в частности, говорилось: «Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение реальной заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляция, рост цен и падение стоимости червонца; авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий, террора... привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревне, так и в городах... Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики».

В другом документе — «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» — политика генсека бичевалась как изменническая по отношению к международному социализму начиная с Брестского мира: «Ленин подходил к вопросу о Брестском мире как большевик-интернационалист, Сталин же — как национал-большевик. Для Ленина Брестский мир был средством задержаться до появления общей социалистической революции... Ленин страстно верил в революционное движение на Западе и видел его, Сталин не верил в него».

Документы не получили широкого распространения, так как «Союз марксистов-ленинцев» был разгромлен в самом зародыше. В сентябре члены партии Н. К. Кузьмин и Н. А. Стороженко передали в ЦК полученное ими для ознакомления обращение «Ко всем членам ВКП(б)». На следующий день члены «право-левацкого» союза были арестованы. К этому времени с документами ознакомились Зиновьев, Каменев, Угланов, члены «бухаринской школы» (Д. П. Марецкий, А. Н. Слепков, Я. Э. Стэн и др.). Создатели «Союза марксистов-ленинцев» и все, кто имел какое-либо отношение к его деятельности (30 человек), были привлечены к ответственности с назначением различных мер наказания. В октябре 1932 г. отправились в ссылку Зиновьев и Каменев за то, что знали о документах и не сообщили о них в ЦКК.

В октябре 1932 г. были арестованы также 38 участников «груп-

пы Слепкова и других» («бухаринская школа»). В качестве обвинений выдвигались два факта: проведение конференции в августе 1932 г. на квартире В. Н. Астрова (в его ходатайстве о реабилитации утверждалось, что это была дружеская встреча сокурсников) и подготовка террористических актов против руководителей партии и правительства. В апреле 1933 г. 34 человека из «школы» были осуждены на различные сроки лишения свободы по обвинению в создании организации, «ставившей своей целью активную борьбу с советской властью и восстановление капиталистического строя в СССР».

К концу 1932 г. в списке «контрреволюционных заговорщиков» оказались известные участники Гражданской войны В. Н. Толмачев и Н. Б. Эйсмонт, входившие до 1927 г. в «объединенную троцкистско-зиновьевскую оппозицию», а также член ЦК партии А. П. Смирнов (член Президиума ВСНХ СССР, в 1928—1930 гг. секретарь ЦК). «Преступным» оказался разговор на вечеринке 7 ноября 1932 г., в котором Толмачев заявил о необходимости «убрать Сталина», а согласившийся с этим Эйсмонт предложил своему близкому знакомому Н. В. Никольскому «самоопределиться» и высказать мнение «относительно своего участия в этом деле».

Обвиняемые категорически отрицали наличие у них террористических намерений. Тем не менее январский (1933) объединенный пленум ЦК и ЦКК своим постановлением их в этом обвинил и потребовал, чтобы члены ЦК Томский, Рыков и кандидат в члены ЦК Шмидт, якобы поощрявшие антипартийную деятельность группы, коренным образом изменили свое поведение. Результатом стало заключение Толмачева и Эйсмонта в спецлагерь сроком на 3 года. Смирнов был исключен из членов ЦК, но оставлен в рядах партии и предупрежден, что если своей работой в дальнейшем не заслужит доверия партии, то будет исключен из ее рядов.

Под впечатлением событий рубежа 1932—1933 гг. речь Сталина на этом пленуме была довольно резкой. Он вновь заявил, что по мере успехов социализма классовая борьба будет обостряться и «на этой почве могут ожить и зашевелиться» разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов.

Однако в отношении к главным лидерам оппозиционеров «обострения» не наблюдалось. Напротив, Зиновьев, исключенный из партии в октябре 1932 г. и отправленный ссыльным в Кустанай, в декабре 1933 г. был вторично восстановлен в партии, избран членом правления Центросоюза, позднее включен в редколлегию журнала «Большевик». Каменев, исключенный из партии в 1932 г. и приговоренный к 3 годам ссылки в Минусинске, в декабре 1933 г. тоже был возвращен

в партийные ряды и назначен директором издательства «Academia», позднее стал директором Института мировой литературы АН СССР. Изгнанный из Политбюро Бухарин вскоре был избран академиком АН СССР, оставался членом ЦК (после XVII съезда — кандидатом в члены) и членом ЦИК СССР, начальником Научно-технического управления и членом Президиума ВСНХ, работал в Наркомате тяжелой промышленности. 27 февраля 1934 г. он был назначен ответственным редактором газеты «Известия». Томский, пониженный в партийном статусе с члена Политбюро до кандидата в члены ЦК партии, с 1932 по 1936 г. заведовал Объединенным государственным издательством.

XVII съезд партии (26 января — 10 февраля 1934 г.), фигурировавший в истории как съезд победителей, отметил победу на фронте социалистического строительства в результате успешного выполнения первого пятилетнего плана и утвердил резолюцию «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)», задачей которого были окончательная ликвидация капиталистических элементов и завершение технической реконструкции народного хозяйства. Съезд провозгласил полный идейный разгром всех фракционных и оппозиционных группировок.

Однако к концу съезда, несмотря на клятвы верности вождю и отповеди оппозиционерам, самобичевание и льстивые речи бывших «левых» и «правых» уклонистов (Каменев призывал «всеми силами, всей энергией противодействовать малейшему колебанию» авторитета Сталина, Бухарин величал его фельдмаршалом пролетарских сил), обнаружились признаки новой «оппозиции», наметившейся при обсуждении кандидатур на пост генерального секретаря.

Участники событий (А. В. Снегов, в 1934 г. секретарь Иркутского горкома партии; старый большевик Л. С. Шаумян; Н. Андреасян, возглавлявший одну из счетных подкомиссий на съезде; О. Г. Шатуновская, в 1934 г. парторг МК и МГК, репрессированная позднее за принадлежность к троцкистской организации) рассказывали, что на роль генсека на XVII съезде партии «примерялись» кандидатуры Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутака, И. М. Варейкиса и чаще всего — С. М. Кирова. Известно, что 8 депутатов во главе с секретарем Северо-Кавказского крайкома Б. П. Шеболдаевым приглашали его на совещание и предлагали выдвинуть на пост генсека. Но он не просто отказался, а сообщил об этом предложении Сталину. И это имело трагические последствия.

10 февраля 1934 г. пленум ЦК, избранный XVII съездом партии, сформировал Политбюро, Оргбюро и Секретариат. В Политбюро вошли Андреев (нарком путей сообщения СССР), Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев (зампред СНК,

председатель Комиссии советского контроля), Молотов, Орджоникидзе, Сталин. Секретариат ЦК образован в составе Жданова, Кагановича, Кирова и Сталина. С этого времени и вплоть до апреля 1966 г. должности генерального секретаря в ЦК партии не было. До появления в ЦК должности первого секретаря (сентябрь 1953 г.) формально все секретари ЦК были равноправны. Можно сказать, Сталин с 1934 г. сохранял «неформальное» лидерство в партии, фактически выполняя функции генсека.

1934 год вошел в историю не столько как год XVII съезда партии, сколько как год убийства Кирова и начала широкомасштабных репрессий против участников бывших оппозиций. Киров был одним из самых последовательных сторонников Сталина. С января 1926 г. и вплоть до убийства он был первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии. В октябре 1926 г. на пленуме ЦК Киров предложил вывести из состава Политбюро Троцкого и Каменева, а сам был избран кандидатом в члены Политбюро. В 1930 г. он стал полноправным членом Политбюро, а с февраля 1934 г. вдобавок еще и секретарем ЦК партии.

Казалось, ничто не предвещало его гибели. Накануне XVII съезда партии, 17 января 1934 г., Киров выступил на объединенной областной и городской Ленинградской конференции с «культовым» докладом «Сталин — великий организатор побед рабочего класса». С конца июля по август отдыхал в Сочи вместе со Сталиным и с Ждановым. С 3 по 30 сентября был в командировке в Казахстане. 25—28 ноября принимал участие в работе пленума ЦК в Москве, а 29 ноября возвратился в Ленинград и стал готовить доклад, с которым должен был выступить 1 декабря в 18 часов на партийном активе. Но за полтора часа до выступления был убит выстрелом из револьвера в коридоре Смольного. Убийство совершил бывший партработник Л. В. Николаев, у которого было не все ладно с психикой. Незадолго до убийства (15 октября) он задерживался с пистолетом у квартиры Кирова. Однако это не вызвало подозрений: уволенный с работы партиец ходатайствовал о предоставлении какой-либо должности; пистолет принадлежал ему на законных основаниях.

Причины убийства С. М. Кирова руководству партии стали ясны с самого начала следствия. Но, как писал позднее один из руководителей МВД П. А. Судоплатов, следователи не могли объявить, что член Политбюро погиб, запутавшись в интимных связях с замужними женщинами, в частности с привлекательной латышкой, женой убийцы.

Вероятно, Сталину сразу же пришла в голову идея использовать убийство в политических целях как повод для организации расправы над неугодными кадрами партии и государства. В момент поступления сообщения об убийстве в кремлевский кабинет Сталина он тут же,

до какого-либо расследования, заявил соратникам, что зиновьевцы, потерпев поражение в открытой борьбе, перешли к террору против партии.

Уже в первые часы после убийства Сталин, совещаясь с ближайшими сподвижниками, подготовил постановление, получившее название «закона от 1 декабря». Вечером того же дня закон был введен в действие постановлением Президиума ЦИК СССР. На обсуждение и утверждение сессией ЦИК СССР, как это требовалось по Конституции, постановление не выносилось, хотя действовало до апреля 1956 г. Справедливости ради следует отметить, что спустя десятилетия точно так же, в политических целях, хотели использовать убийство Кирова и разоблачители культа личности. Они безуспешно пытались доказать, что Сталин только ждал, а может быть, готовил убийство как повод для резкой смены курса страны. Судя по всему, он не ждал и не готовил, а использовал убийство в политических целях. Следователи получили установку: «Ищите убийц среди зиновьевцев». 6 декабря определилась схема следствия, согласно которой якобы существовало два центра. Первый — в Ленинграде под руководством Н. И. Котолынова, одного из лидеров ленинградского комсомола до 1925 г. Второй — в Москве во главе с Зиновьевым и Каменевым. Уже 29 декабря были расстреляны 14 членов первого центра, обвиненные в непосредственной организации убийства.

Декабрьские события в Ленинграде увеличили число арестованных по стране за год по обвинению в подготовке террористических актов и за высказывания террористического характера до 6501. По данным на 30 декабря 1934 г., на оперативном учете НКВД состояло всего 418 зиновьевцев (113 из них уже находились под следствием) и 10 835 бывших троцкистов (из них 1765 отбывали наказания или находились под следствием). По оценкам Сталина на февральско-мартовском (1937) пленуме ЦК, общее число лиц, увлеченных антипартийным течением (троцкисты, зиновьевцы, «рабочая оппозиция», «правые», демократический централизм), составляло около 30 тыс. членов партии.

Зиновьева и Каменева арестовали 16 декабря 1934 г. Вскоре было объявлено о существовании руководящего «Московского центра» в составе 19 человек. В январе 1935 г. ЦК разослал по местным партийным организациям закрытое письмо «Уроки, связанные со злодейским убийством тов. Кирова». В письме говорилось о существовании заговора, в который были вовлечены троцкисты и зиновьевцы, содержался призыв выискивать и изгонять из партии сочувствовавших Троцкому, Зиновьеву, Каменеву. Все это стало предвестником широкой волны террора, призванного положить конец самой возможности зарождения каких-либо новых оппозиций.

§ 2. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Основой первого пятилетнего плана стала обширная строительная программа. Новое строительство поглотило безработицу (1365 тыс. человек на 1 октября 1928 г.) и аграрное перенаселение (около 9 млн человек — по оценкам на середину 20-х гг.). В 1931 г. была закрыта биржа труда и торжественно провозглашено отсутствие и недопущение впредь безработицы. С 1927 по 1930 г. в СССР было сдано в эксплуатацию 323 новых предприятия. В одном только 1931 г. введено в строй 518 первенцев отечественной индустрии (по одному-два в день). Создавались новейшие по тем временам промышленные комбинаты с десятками производств — автомобильные и тракторные, заводы тяжелого машиностроения, электростанции, металлургические и химические комбинаты. Однако удвоения и утроения темпов промышленного развития (по сравнению с запланированными) не получилось. К примеру, чугуна в СССР в 1928 г. было произведено 3,3 млн т, в 1932 г. планом предусматривалось поднять производство до 10 млн, а по «поправкам» Сталина до 15—17, фактически же произведено 6,1 млн т. По тракторам были аналогичные цифры (тыс. штук): 1,8, 53, 170 и 50,8; по автомашинам — 0,8, 100, 200 и 23,9.

Искусственное взвинчивание темпов роста промышленности привело к серьезному нарушению баланса между отраслями. Распыление ресурсов на строительство не предусмотренных планом объектов не могло быть компенсировано только энтузиазмом строителей нового общества. Новостройки создавались в тяжелейших условиях: не хватало механизмов, строительных материалов, инженеров и техников. Однако большевикам удалось создать обстановку вдохновенного труда. Строители, воодушевлявшиеся мечтами через четыре года преобразить новостройки в «город-сад», жили в наскоро построенных бараках и землянках, скудно питались, не имели подобающей одежды. Почти каждый индустриальный центр имел район трущоб, называемый «шанхаем». Тем не менее новые заводы строились в невиданно короткие сроки. В июне 1930 г. был введен в действие Сталинградский тракторный завод, построенный за 11 месяцев, в январе 1932 г. опубликован рапорт о вводе в строй Нижегородского автомобильного завода, построенного и смонтированного за 17 месяцев.

Большой проблемой оказалось освоение новых предприятий. За пятилетку численность рабочих в стране более чем удвоилась (в 1928 г. в промышленности, строительстве и на транспорте было 4,6 млн рабочих, в 1932 г. — 10 млн), но многим из них катастрофически не хватало квалификации: вчерашние строители и землепашцы с трудом осваивались с непривычной заводской техникой. Запускать новые предприятия помогали специалисты из других стран. Немаловажное значение имели вновь используемые материальные стимулы (индиви-

дуально-целевая оплата труда, премии за сэкономленное сырье, материалы, инструменты). В последующем возобновилось движение хозрасчетных бригад, поощрялся труд ударников; обеспечена была поддержка движению за передачу передовыми рабочими своего опыта молодежи и отстающим, названное изотовским по имени его зачинателя — донецкого шахтера Н. А. Изотова.

Индустриализации СССР «помогал» совпавший с советской пятилеткой мировой экономический кризис, начавшийся в «черный четверг» 24 октября 1929 г. с обвала курса акций на нью-йоркском рынке ценных бумаг. Кризис длился до 1933 г., когда падение производства несколько приостановилось и он перешел в фазу депрессии. В условиях кризиса запреты на продажу стратегических товаров было трудно контролировать, Советский Союз имел практическую возможность закупать оборудование, приглашать на работу специалистов и квалифицированных рабочих.

В ходе индустриализации осуществлялась реорганизация управления промышленностью. Начало ей положило принятое в сентябре 1930 г. постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия». Совершенствовалась система ВСНХ, однако с расширением производства он становился все более громоздким и малоэффективным. Поэтому в январе 1932 г. был преобразован в наркоматы: тяжелой промышленности, лесной и легкой.

Достигнутые в экономике успехи позволили уже в январе 1933 г. объявить о выполнении пятилетки за 4 года и 3 месяца. В строй действующих за это время вступили 1500 крупных предприятий. Значит, в стране каждый день вводилось в действие новое предприятие. Удельный вес производства средств производства в валовой продукции промышленности поднялся до 53% в 1932 г. против 39,5% — в 1928-м. За пятилетку заново созданы тракторостроение, автомобильная промышленность, станкостроение, авиационная промышленность, современное сельскохозяйственное машиностроение, мощная черная металлургия. По объему всей промышленной продукции к концу пятилетки СССР занял 2-е место в мире и 1-е в Европе. Что касается легкой промышленности и производства сельскохозяйственной продукции, то итоговые показатели их прироста за пятилетку оказались ниже запланированных. Производство хлопчатобумажной ткани составляло 59%, шерстяной — 34% от уровня 1928 г.

С учетом опыта 1-й пятилетки тактика претворения в жизнь форсированной индустриализации на новом этапе была изменена. Искусственного взвинчивания темпов уже не наблюдалось. В целом плановые задания 2-й пятилетки (1933—1937), принятые на XVII съезде партии, оказались более взвешенными по сравнению с первоначальными (намечены XVII партконференцией в феврале 1932 г.). Высту-

пающие на съезде предлагали отказаться от излишне централизованного планирования и предоставлять большую инициативу местным органам власти; говорили о роли хозрасчета, отрицательных последствиях чрезвычайщины. В окончательном варианте план был одобрен на заседании ЦИК и СНК СССР в ноябре 1934 г.

Как и предыдущая, пятилетка была объявлена выполненной досрочно — за 4 года и 3 месяца. Основные усилия в этот период подчинялись задаче завершения технической реконструкции народного хозяйства, завершению строек и освоению новых предприятий. За 1933—1937 гг. в различных регионах СССР возведено 4,5 тыс. новых заводов, фабрик, шахт, электростанций (каждый день в строй действующих вступало в среднем три новых предприятия). По сравнению с 1932 г. основные производственные фонды страны выросли в 2,2 раза. Гордостью советских людей надолго стали автогиганты в Москве и Нижнем Новгороде, Турксиб, Ростсельмаш, Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные заводы; Днепрогэс, Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты, Московский станкостроительный, Уральский завод тяжелого машиностроения, Березниковский и Соликамский химические комбинаты, первые в мире Ярославский и Воронежский заводы синтетического каучука, город Комсомольск-на-Амуре, Новокраматорский машиностроительный завод в Донбассе, Чимкентский свинцовый завод, каналы Беломорско-Балтийский и имени Москвы, первая очередь Московского метрополитена.

В крупнейшие центры промышленного развития превращались бывшие национальные окраины, где реконструкция народного хозяйства проводилась более высокими темпами, чем в РСФСР. Заработали крупный моторный завод в Уфе, текстильные и трикотажные комбинаты в Ташкенте, Бухаре, Баку. Крупным районом цветной металлургии, добычи угля и химической промышленности стал Казахстан. В Башкирии и Татарии, между Волгой и Уралом, возник новый крупный район нефтедобычи — «Второе Баку». Карелия и Коми стали крупными поставщиками лесоматериалов, Якутия — золота.

К концу 2-й пятилетки техническая реконструкция СССР была в основном завершена. Неимоверным напряжением сил всего населения обеспечивался постоянный рост промышленного производства, в среднем на 17% за год. За пятилетку оно в целом выросло на 120% (группа «А» — на 139, группа «Б» — на 99%). Станочный парк машиностроения в 1937 г. состоял на 75% из новых станков отечественного и зарубежного производства. Введенные в строй заводы тяжелого машиностроения начали производить полные комплекты сложного оборудования для предприятий черной металлургии, ранее ввозимого из-за рубежа. Прекратился импорт паровозов и вагонов, тракторов и врубовых машин, паровых котлов, молотов, прессов,

подъемно-транспортного оборудования. По производству валовой продукции в некоторых отраслях СССР обогнал Германию, Великобританию, Францию или вплотную приблизился к ним. Однако он еще весьма значительно, до 5 раз, отставал от этих стран по производству продукции на душу населения.

Необходимость индустриализации далеко не в последнюю очередь диктовалась неотложностью модернизации Вооруженных сил страны. К началу 1-й пятилетки по технической оснащенности они лишь немногим отличались от времен Гражданской войны и значительно уступали армиям ведущих европейских стран. В армии было, например, всего 92 танка, 300 тракторов-тягачей, 1200 грузовых автомашин, 1394 самолета устаревших конструкций. Летные испытания первого отечественного серийного истребителя И-5 конструкции Н. Н. Поликарпова начаты лишь в апреле 1930 г.

В 1935 г. на вооружении РККА находилось 7633 танка различного назначения; свыше 35 тыс. автомобилей; 6672 самолета, в том числе истребители И-15, И-16, бомбардировщики СБ, ТБ-3, разведчик Р-5. Впервые в войска стали поступать зенитные пушки и пулеметы, новейшие по тем временам средства связи, в том числе полевые радиостанции, шифровальные машинки. Модернизированы или разработаны заново образцы стрелкового оружия (винтовка образца 1891—1930 гг., пулеметы и пистолеты). Восстанавливались и модернизировались корабли Военно-морского флота. Новым центром военного судостроения на Дальнем Востоке стал город Комсомольск-на-Амуре.

Нарастание угрозы мировой войны требовало дальнейшего укрепления оборонной мощи СССР. В декабре 1936 г. образован общесоюзный Наркомат оборонной промышленности (наркомы: М. Л. Рухимович, 1936—1937; М. М. Каганович, 1937—1939). Во 2-й пятилетке, как и в 1-й, советский ВПК развивался более быстрыми темпами, чем промышленность в целом. За 1933—1937 гг. общий прирост производства ВПК возрос на 286% по сравнению с общим промышленным приростом на 120%. Численность Красной армии увеличилась с 900 тыс. человек в марте 1933 г. до 1,5 млн к концу 1937 г.

Расширение строительства и промышленного производства в годы 2-й пятилетки не потребовало столь же масштабного увеличения численности рабочих. За 1932—1937 гг. их ряды выросли с 10 до 11,7 млн человек. Костяком рабочего класса СССР были промышленные рабочие. В 1-й пятилетке их численность увеличилась на 93%, во 2-й — на 32%. Они составляли 34—38% всех рабочих и 27—30% от общего числа рабочих и служащих страны.

Государство много сделало для повышения культурно-технического уровня рабочего класса. Практически все рабочие за годы 2-й

пятилетки без отрыва от производства прошли через школы и курсы повышения квалификации. Производительность труда, выросшая за 1-ю пятилетку, по официальным данным, на 40%, в годы 2-й пятилетки увеличилась на 82%.

Высокие темпы промышленного развития были достигнуты в том числе и за счет низкого стартового уровня, а также командно-приказных методов руководства. Целям форсированной индустриализации отвечало массовое использование дешевой рабочей силы и энтузиазма масс, воодушевленных утопической идеей строительства бесклассового, изобильного общества. Большую роль сыграли различные формы социалистического соревнования — ударничество в годы 1-й пятилетки, стахановское движение за повышение производительности труда и лучшее использование техники — во 2-й. Движение получило название по фамилии забойщика донбасской шахты А. Г. Стаханова, который 30 августа 1935 г. добыл за смену вместе с двумя крепильщиками 102 т угля вместо 7 по норме. Его знаменитыми последователями были кузнец А. Х. Бусыгин, фрезеровщик И. И. Гудов, машинист паровоза П. Ф. Кривонос, обувщик Н. С. Сметанин, колхозница М. С. Демченко, ткачихи Е. В. и М. И. Виноградовы и многие тысячи других героев труда. В ноябре 1935 г. состоялось Всесоюзное совещание стахановцев. Назвав движение «высшим этапом социалистического соревнования», Сталин не преминул отметить, что оно появилось «вопреки воле» и даже «в борьбе» с администрацией и консервативной технической интеллигенцией.

Вина за срывы планов, многочисленные аварии, поломки, пожары, росту которых объективно способствовала и неподготовленность кадров, и форсирование индустриализации и коллективизации, зачастую перекладывалась на всевозможных «вредителей». Так, в феврале 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности». В августе была осуждена за массовый падеж лошадей в деревнях группа ученых-бактериологов; в сентябре якобы за организацию в стране продовольственных трудностей расстреляли 48 руководителей пищевой промышленности.

2 сентября 1930 г. Политбюро постановило опубликовать в газетах сообщение о том, что арестованы Н. Д. Кондратьев, В. Г. Громан, А. В. Чаянов, Л. Н. Юровский, Н. Н. Суханов (Гиммер), Л. К. Рамзин и другие «участники и руководители контрреволюционных организаций, поставивших целью свержение советской власти и восстановление власти помещиков и капиталистов».

В ноябре—декабре 1930 г. проходил суд над Промышленной партией. Согласно обвинительному акту, Промпартия была образована в конце 20-х гг., включала более 2 тыс. представителей старой технической интеллигенции и создавала почву для переворота, кото-

рый должны были поддержать англо-французские интервенты. Обвиняемые (профессор МВТУ и директор Теплотехнического института Л. К. Рамзин, ответственные работники Госплана и ВСНХ И. А. Иконников, В. А. Ларичев и др.) «признались», что в случае прихода к власти намеревались сформировать правительство, в которое вошли бы П. И. Пальчинский (товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве, председатель Всесоюзной ассоциации инженеров при советской власти — в качестве премьер-министра), Е. В. Тарле (известный историк — министра иностранных дел) и др.

Позднее было объявлено о ликвидации «вредительских центров», куда, кроме Промпартии, входили Союзное бюро ЦК меньшевиков и Трудовая крестьянская партия. В 1933 г. осудили 18 специалистов фирмы «Метрополитен-Виккерс» (6 из них — британские граждане), якобы организовавших в СССР вредительскую сеть. Осужденные по этим и другим, часто вымышленным, делам пополняли армию заключенных и ссыльных. Уже к началу 1933 г. общее число заключенных в лагерях составило примерно 300 тыс. человек, в 1937-м — уже 996,4 тыс.

Еще в 1928 г. заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции Н. М. Янсон в письме Сталину предложил использовать труд заключенных в освоении отдаленных местностей, на заготовках леса и добыче полезных ископаемых, на трудоемких земляных и других неквалифицированных работах. В июне 1929 г. Политбюро одобрило это предложение и постановило создать в ведении ОГПУ систему исправительно-трудовых лагерей. 11 июля 1929 г. появилось постановление СНК СССР об использовании труда уголовнозаключенных. В апреле 1930 г. в составе ОГПУ было образовано Управление лагерями (с октября 1930 г. — Главное управление). Так появился ГУЛАГ, ставший символом советской репрессивной политики. Труд заключенных стал включаться в государственные планы. Лагерный сектор экономики возглавляли руководящие работники ОГПУ (с 10 июля 1934 г. — НКВД) Г. Г. Ягода, М. Д. Берман, И. И. Плинер, Я. Д. Рапопорт, С. Г. Фирин, Н. А Френкель и др. По данным на начало 1938 г., в лагерях и исправительно-трудовых колониях (для осужденных к лишению свободы на сроки до 3 лет) находились 1 851 570 заключенных. Кроме того, использовался труд так называемых спецпоселенцев, численность которых составляла 880 007 человек.

По плану на 1937 г. НКВД поручалось освоить около 6% общесоюзных капиталовложений. В 30-е гг. трудом заключенных строились города (Магадан, Ангарск, Норильск, Тайшет), каналы (Беломорско-Балтийский, Москва—Волга), нефтяные промыслы Ухты и Печоры, угольные шахты Воркуты, золотые прииски Колымы и Ма-

гадана, Карагандинские угольные шахты, Балхашский медный и Норильский никель-кобальтовый комбинаты, леспромхозы, многие тысячи километров железных дорог. В 1936 г. в составе НКВД было создано Главное управление шоссейных дорог, в ведении которого находилось все дорожное строительство.

§ 3. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Коллективизация крестьянства (80% населения страны) была призвана не только интенсифицировать труд и поднять уровень жизни на селе. Она облегчала перераспределение средств и рабочей силы из деревни в город. Предполагалось, что получать хлеб из сравнительно небольшого числа работающих по плану колхозов (коллективные хозяйства) и совхозов (государственные сельскохозяйственные предприятия) будет значительно легче, чем от 25 млн распыленных частных производителей. Именно такая организация производства позволяла максимально концентрировать рабочую силу в решающие моменты земледельческого цикла работ. Для России это было всегда актуально и делало крестьянскую общину «бессмертной». Массовая коллективизация обещала также высвободить из деревни рабочую силу, необходимую для строительства и промышленности.

Для государственного управления процессом коллективизации и сельскохозяйственного производства в ноябре 1929 г. создан Народный комиссариат земледелия СССР. В его состав вошел Колхозцентр СССР, образованный в 1928 г. специально для управления колхозами. В качестве образца для будущих хозяйств в советской деревне был избран кибуц — близкая к коммуне модель кооператива, разработанная в начале XX в. во всемирной сионистской организации. Выбор оказался неудачным, поскольку он изначально был ориентирован на колонистов-горожан, не видевших смысла в крестьянском подворье. Представление о методах руководства коллективизацией дает напутствие председателя Колхозцентра Г. Г. Каминского собранным в январе 1930 г. в Москве представителям районов сплошной коллективизации: «Если в некотором деле вы перегнете и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело».

Старт форсированной коллективизации дан 5 января 1930 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В нем выделялись зерновые районы (Нижняя и Средняя Волга и Северный Кавказ), в которых коллективизацию предстояло завершить в первую очередь — осенью 1930 или весной 1931 г., и районы второй очереди (Украина, Центральная Черноземная область, Урал, Сибирь и Казахстан) с возможной ее отсрочкой на год. Для других районов сроки отодвигались

на 1933 г. Основой колхозного строительства постановлением признавалась сельскохозяйственная артель как «переходная к коммуне» форма хозяйства. Такая формулировка сориентировала «коллективизаторов» на усиление обобществления средств производства и личного имущества крестьян. (Уровень обобществления в Товариществах по совместной обработке земли достигал 30%, в артелях — 50%, коммунах — 100%.) Сразу после опубликования постановления была развернута «безоглядная» кампания, всемерно поощрявшая ускорение темпов коллективизации. Роль авангарда в борьбе за колхозы играли бедняцко-середняцкие группы в деревнях и направленные из городов рабочие-коммунисты. Как известно, сельский труд всегда имел специфику, состоящую в том, что это не только тяжелый физический, но и труд умственный, требующий пытливости и знаний. Избранный большевиками авангард имел большей частью лишь «классовые достоинства», обеспечивавшие не только быстроту реорганизации производства, но и «классовый гнев», драматизировавший этот процесс.

Пятилетний план по коллективизации был выполнен в январе 1930 г., когда в колхозах числилось свыше 20% всех крестьянских хозяйств. Но уже в феврале «Правда» ориентировала читателей: «Наметка коллективизации — 75% бедняцко-середняцких хозяйств в течение 1930/31 года не является максимальной». Угроза быть обвиненными в правом уклоне из-за недостаточно решительных действий толкала местных работников на разные формы давления в отношении крестьян, не желающих вступать в колхозы (лишение избирательных прав, исключение из состава Советов, правлений и других выборных организаций). Сопротивление оказывали чаще всего зажиточные крестьяне.

Резкому обострению ситуации способствовало принятое 30 января 1930 г. постановление Политбюро ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Оно отменяло действие принятого ранее закона об аренде и применении наемного труда, предписывая конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке продукции, продовольственные, фуражные и семенные запасы.

Кулаки делились на три категории. Первая, «контрреволюционный актив», подлежала заключению в концлагеря, а организаторы терактов, повстанчества — расстрелу. Вторая — «элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков» — подлежала высылке в отдаленные районы данного края и за его пределы. В третью входили кулаки, расселявшиеся на территории данного района за пределами колхозных массивов на худших по плодородию, неудобных землях. Указывалось, что общее число ликвидируемых хозяйств должно оставаться в пределах 3—5% от общего числа.

Это значительно превышало установленное ранее число кулацких хозяйств (осенью 1929 г. их насчитывалось 2,3%, около 600 тыс.). Названные в постановлении цифры предполагали «раскулачивание» середняков, не соглашавшихся вступать в колхозы. В действительности число раскулаченных в отдельных районах достигало 10—15%. Конфискованное у кулаков имущество и вклады подлежали передаче в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов бедняков и батраков. Это способствовало привлечению в колхозы неимущих слоев деревни. Раскулачивание стало мощным катализатором коллективизации и позволило уже к марту 1930 г. поднять ее уровень в стране до 56%, а по РСФСР — 57,6%.

Общее количество ликвидированных «кулацких хозяйств» только в 1929—1931 гг. составило 381 тыс. (1,8 млн человек), а всего за годы коллективизации достигло 1,1 млн хозяйств. В январе 1932 г. 1-й заместитель председателя ОГПУ Ягода докладывал Сталину, что в спецпоселках Урала, Сибири, Европейского Севера и Казахстана расселено 1,4 млн крестьян. Большинство из них работали на лесозаготовках, в горнодобывающей промышленности и «неуставных» колхозах. Примерно 10% от общей численности раскулаченных приговаривались к заключению в лагеря.

Нежелание работать в «уставных» колхозах резко усилило поток крестьян, перебиравшихся в города. Только за 1931 г. их число составило более 4 млн. Среди них была и часть кулаков, заблаговременно распродавших свое имущество и сумевших избежать репрессий. Неконтролируемую миграцию была призвана упорядочить введенная в декабре 1932 г. система паспортов и прописки (ранее она осуждалась как проявление полицейщины в странах капитала). Колхозники могли получать паспорта только с согласия правления колхоза.

Коллективизация сопровождалась разгромом экономической науки. Был многократно усилен нажим на церковь. Уже к началу 1931 г. было закрыто около 80% всех сельских храмов страны. Значительная часть духовенства попала в разряд «раскулаченных».

Все это не могло не вызвать ответных мер отпора, в том числе с оружием в руках. По данным ОГПУ, за январь—апрель 1930 г. произошло 6117 выступлений, насчитывавших 1755 тыс. участников. Другим следствием спешки и административного произвола стал массовый стихийный забой скота. Власть была вынуждена пойти на уступки. 2 марта 1930 г. в «Правде» одновременно с Примерным уставом сельскохозяйственной артели появилась статья Сталина «Головокружение от успехов», осуждавшая «перегибы». Вслед за этим, 14 марта, было принято постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», требовавшее прекратить практику принуждения, не допускать перевода сельхозартелей на устав коммуны.

К августу 1930 г. в колхозах осталось 21,4% крестьянских хозяйств, т. е. на уровне заданий пятилетки. Погоня за темпами принесла огромный вред. Однако осенью того же года колхозное наступление возобновилось. К июню 1931 г. колхозы объединили 53% всех крестьянских хозяйств. Сплошная коллективизация завершилась в важнейших сельскохозяйственных районах страны. Значительное число единоличников сохранялось в Закавказье и Таджикистане (здесь показатель коллективизации к лету 1931 г. составлял 42%), в Белоруссии (49%), а также на севере, северо-западе и в центральных нечерноземных районах. К концу пятилетки в стране было создано более 200 тыс. довольно крупных (в среднем по 75 дворов) колхозов, объединивших около 15 млн крестьянских хозяйств, 62% их общего числа. Наряду с колхозами были образованы 4,5 тыс. совхозов. По замыслу они должны были стать школой ведения крупного социалистического хозяйства. Их имущество являлось государственной собственностью; крестьяне, работавшие в них, были государственными рабочими. В отличие от колхозников они получали за работу фиксированную заработную плату.

Опыт организации труда в колхозах позволил уже к началу 1931 г. установить, что наиболее целесообразной формой учета колхозного труда является трудодень с применением сдельщины. VI съезд Советов СССР в марте 1931 г. утвердил его как общую для всех колхозов меру учета количества и качества труда, основной принцип распределения колхозных доходов. Организованности труда способствовало создание производственных бригад с постоянным составом колхозников. ЦК партии постановлением от 4 февраля 1932 г. предлагал создать их во всех колхозах.

Хозяйственные результаты исключительно благоприятного по погодным условиям первого колхозного года были обнадеживающие: колхозы дали стране около трети валовой и товарной продукции, доходы колхозников были выше, чем у единоличников. Однако в целом коллективизация и раскулачивание подорвали производительные силы деревни. Поголовье скота в стране за пятилетку сократилось почти наполовину.

Поступление зерновых государству к концу 1931 г. снизилось. Уже в этом году в ряде регионов начался голод. Весной 1932 г. пришлось снизить нормы карточного снабжения горожан хлебом. В связи с пониженным сбором зерна (отчасти из-за погодных условий, но главным образом вследствие тяжелого продовольственного положения крестьян и их массового сопротивления хлебозаготовкам, проводимым по принципу продразверстки) в августе 1932 г. принят жестокий закон, сурово карающий даже мелкие хищения колхозной собственности. Начались аресты за «саботаж хлебозаготовительной работы». Одновременно правительство пошло на некоторые уступки крестья-

нам, своего рода неоНЭП — сокращение государственного плана хлебо- и мясозаготовок, разрешение торговли по свободным ценам в случае выполнения поставок государству. Однако эти запоздалые меры не дали облегчения.

Голод, охвативший в 1932—1933 гг. ряд зерновых районов на Украине и в России, унес жизни, по не установленным еще точно историками данным, около 5 млн человек. Нередки были и случаи людоедства. Жертвами голода на Украине и в РСФСР стали более 3 млн человек, причем основные потери понесли сельские жители — 2 млн. Из них не менее 1 млн приходится на российские регионы — Поволжье, Дон, Кубань и Ставрополье. Сильно пострадал Казахстан, население которого из-за смертей и безвозвратных откочевок за границу с 1931 по 1933 г. сократилось почти на 1,8 млн человек.

Введенная в декабре 1932 г. паспортная система была призвана препятствовать массовому наплыву голодающих крестьян в города. Масштабы народной трагедии из-за ограниченности государственных хлебных запасов в стране не удалось снизить ни резким сокращением экспорта, ни попытками найти валюту за счет продажи музейных ценностей. Ситуация усугублялась и тем, что во имя политических целей сталинское руководство пыталось скрывать сам факт голода и отказалось от международной помощи.

О хозяйственных результатах коллективизации в годы пятилетки можно судить по следующим цифрам. Объем сельскохозяйственного производства в 1932 г. составлял 73% от уровня 1928 г., животноводческой продукции — 47%. В то же время «товарность» сельскохозяйственного производства повысилась с 15% накануне коллективизации до 36—40% во 2-й и 3-й пятилетках. В 1930 г. собрано 84 млн т зерна, в 1931 г. — 70, в 1932 г. — 67, в 1933 г. — 68 млн т. Заготовки хлеба государством с 10,8 млн т в 1928 г. и 16,1 млн т в 1929-м выросли до 23,3 млн т в 1933 г. Разница цифр означает, что для внутреннего потребления в деревне хлеба оставалось все меньше и меньше. Значительная часть заготовленного зерна направлялась на экспорт, закупку крайне необходимого промышленного оборудования за границей. За годы 1-й пятилетки было вывезено 12 млн т зерна, в 1930 г. — 4,8, в 1931 г. — 5,1, в неурожайном 1932 г. — 1,8 млн т. (Для сравнения: царская Россия в 1909—1913 гг. вывозила в среднем 11,6 млн т зерна в год.)

Начало 2-й пятилетки в деревне связано с преодолением трудностей и провалов, порожденных ошибками предыдущего этапа коллективизации. В целях укрепления колхозного строя и усмирения деревни в январе 1933 г. партия приняла решение о создании чрезвычайных органов управления — политотделов МТС и совхозов, наделенных огромными правами. Они осуществляли политический контроль за расстановкой и использованием на работе колхозников и работников

совхозов, обеспечивали своевременное выполнение их обязательств перед государством. Под лозунгом «Сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными!» в феврале 1933 г. была организована работа Первого всесоюзного съезда колхозников-ударников.

Призыв съезда организовать Всесоюзное соревнование за высокую урожайность напрямую связывался с возможностью повысить благосостояние колхозников, усиливал и материальную заинтересованность, и производственную инициативу. Налаживанием работы в колхозах занялись свыше 250 тыс. колхозников, в том числе около 30 тыс. председателей колхозов, выдвинутых на руководящие должности политотделами МТС за 2 года своей работы (преобразованы в обычные партийные органы в ноябре 1934 г.).

В 1933—1935 гг. власть сумела добиться выполнения поставок хлеба каждой республикой, краем и областью. Экспорт зерна был сокращен, с 1934 г. он не превышал 1 млн т в год. Тогда же стали прибегать к дополнительным государственным закупкам сельхозпродукции по заготовительным ценам, которые были на 25—30% выше плановых. Благодаря этому объем дополнительных хлебозаготовок увеличился с 4,1 млн ц в 1933 г. до 33,6 — в 1934-м. Часть хлеба государство получало от колхозов в виде натуральной оплаты за работу МТС. С 1933 по 1935 г. эти поступления выросли в структуре хлебозаготовок с 15,5 до 25,4%. Ноябрьский (1934) пленум ЦК принял решение сократить (или даже вовсе прекратить) экспорт хлеба, направив его на внутренний рынок.

Однако перелом ситуации в деревне и улучшение продовольственного снабжения населения городов в основном определялись расширением поставок техники в сельское хозяйство. Перед революцией почти половина земель в стране все еще обрабатывалась сохой. К 1928 г. соху вытеснил железный плуг (сохой обрабатывалось 10% пашни), в стране насчитывалось 25 тыс. тракторов, с их помощью обрабатывался 1% пашни. К концу 1-й пятилетки тракторным инвентарем обрабатывалось 22% пашни, к концу 2-й — до 60%. Снабжение деревни машинами осуществлялось главным образом через МТС.

К лету 1930 г. организовано 158 государственных и 479 кооперативных МТС. В районах их деятельности уровень коллективизации был на 20—30% выше, чем там, где их не было. Первоначально МТС задумывались как межколхозные акционерные предприятия, но расходы на них для колхозов оказались непосильными, и в конце 1-й пятилетки все они стали государственными предприятиями. За годы пятилетки сельскому хозяйству было поставлено 154 тыс. тракторов, из них 94 тыс. отечественных (в 1923—1924 гг. всего 13 тракторов). В конце 1934 г. сельское хозяйство располагало 281 тыс. тракторов, 31 тыс. комбайнов, 34 тыс. грузовых автомобилей, многими

другими сложными сельскохозяйственными машинами. Во 2-ю пятилетку сельское хозяйство получило 405 тыс. тракторов, и все они были изготовлены на отечественных заводах. Число МТС за эти годы удвоилось и достигло в 1937 г. 5,8 тыс. Если в 1932 г. они обслуживали только треть колхозов страны, то в 1937 г. — 78%. Применение новейшей сельскохозяйственной техники улучшало обработку земли, повышало урожаи.

Успехи в колхозном строительстве были закреплены в новом колхозном Уставе, принятом в феврале 1935 г. Вторым всесоюзным съездом колхозников-ударников. В него было внесено положение о закреплении за колхозами земли на вечное и бесплатное пользование: она не подлежала ни купле-продаже, ни сдаче в аренду. Устав разрешал колхознику вести личное подсобное хозяйство на 0,25—0,5 га, а в отдельных районах — до 1 га земли, иметь 2—3 коровы, неограниченное количество птицы.

В личном подсобном хозяйстве к концу 2-й пятилетки производилась значительная масса валовой продукции колхозного сектора: 52,1% картофеля и овощей, 56,6% — плодовых культур, 71,4% — молока, 70,9% — мяса. Основная часть шла на личное потребление, но примерно четверть животноводческой продукции и до половины картофеля, овощей продавались на рынке. Рыночные цены к 1938 г. по сравнению с 1933 г. снизились на 64%.

К концу 2-й пятилетки коллективизацию можно считать завершенной. Число крестьянских хозяйств в стране уменьшилось с 25,6 млн на 1 июня 1929 г. до 19,9 млн на 1 июня 1937 г. В связи с коллективизацией, с налоговыми, заготовительными и другими хозяйственно-политическими кампаниями в 1929—1937 гг. было раскулачено около 750 тыс. крестьянских хозяйств (в ссылку отправлено 2,4 млн человек). Кроме того, примерно 200—250 тыс. хозяйств «самораскулачились», т. е. распродали или побросали свое хозяйство и ушли из деревни. К июню 1937 г. индивидуальных крестьянских хозяйств оставалось 7% (1,4 млн). Большую их часть составляли хозяйства скотоводов, оленеводов, охотников, рыболов на окраинах страны. Основными ячейками сельской жизни стали колхозы, которых по всей стране насчитывалось 242,5 тыс. В 1937 г. в стране был собран хороший урожай (98 млн т), животноводство приблизилось к довоенному уровню.

Коллективизация в национальных регионах проводилась с некоторым учетом местных хозяйственно-бытовых особенностей. Ее завершение здесь отодвигалось на более поздние сроки. Наиболее распространенной формой объединений в Закавказье, Казахстане, Средней Азии и Бурятии были ТОЗы. Колхозникам разрешалось содержать не только продуктивный, но и рабочий скот. В Казахстане и Киргизии скотоводы могли иметь до 20 коров, 100—150 овец,

10 лошадей, 8 верблюдов. Проведению коллективизации в Средней Азии во многом способствовало государственное строительство ирригационных систем.

По мере решения задач сплошной коллективизации сокращалась численность «кулацкой ссылки». В 1933 г. на спецпоселение отправлено почти 400 тыс. кулаков и членов их семей, в 1934-м — 255 тыс., 1935-м — 246 тыс., 1936-м — 165 тыс., в 1937 г. — 128 тыс. В мае 1934 г. трудпоселенцы были восстановлены в гражданских правах, с января 1935 г. — в избирательных. Однако они все еще не имели права возвращаться на старые места своего проживания, не призывались в армию. Эти ограничения были сняты с них в конце 1938 г., когда все неуставные артели были переведены на устав обычной сельскохозяйственной. К началу Великой Отечественной войны многие спецпереселенцы вернулись на места прежнего жительства, но 940 752 человека (из них 871 851 «бывший кулак») оставались на спецпоселении, продолжали жить и трудиться в сельском хозяйстве, в совхозах, артелях и предприятиях Наркомзема (208 тыс. человек), в промышленности (526 тыс.), на предприятиях НКВД и в стройбатах Красной армии (34 тыс.). Всего с начала сплошной коллективизации и до начала войны было выслано, с учетом вселенных в спецпоселки после освобождения из тюрем и лагерей, около 4 млн человек.

Если сравнить коллективизацию, проведенную в конце 20-х — 30-е гг. XX в., с осуществлявшейся двумя десятилетиями ранее столыпинской аграрной реформой, можно обнаружить, что второе по времени преобразование деревни в известном смысле явилось завершением первого, несмотря на внешне принципиальные различия в их проведении. Как известно, П. А. Столыпин стремился создать на селе средний класс «крепких и сильных» единоличных собственников — фермеров-хуторян и отрубников. Во втором случае речь шла тоже о создании на земле крупных сельскохозяйственных предприятий, только осуществлялось оно уже после национализации помещичьей земли путем ликвидации кулацких и обобществления бедняцких и середняцких хозяйств. В конечном итоге и в первом и во втором случаях дело сводилось к созданию на земле очагов крупного сельскохозяйственного производства. Однако в первом случае оно базировалось на разрушении общины и ее традиций, а во втором — на сохранении и использовании общинных (коллективистских) традиций. Большевикам, в отличие от Столыпина и несмотря на все жестокое варварство раскулачивания и других форм принуждения и насилия над крестьянами, задачу создания крупных земледельческих хозяйств в целом решить удалось.

Вместе с тем коллективизация, кардинально изменившая весь облик российской деревни, не могла не положить начало новому процессу — так называемому раскрестьяниванию, разрушению многове-

кового уклада деревенской жизни, традиций и опыта сельского мира. Она превращала крестьянина из мелкого собственника в зависимого от государства работника, отчужденного от средств производства и лишенного права распоряжаться результатами своего труда. По закону от 17 марта 1937 г. колхознику запрещалось покидать свой колхоз без согласия администрации. Из жизни деревни уходили в прошлое трудовая этика и нравственные устои, основанные на трудолюбии, бережливости, общности, семейных и религиозных традициях. Еще труднее эти черты могли сохранить миллионы крестьян, вынужденные отправиться из родных краев в места спецпоселений, на строительные площадки и в промышленные города.

Валовой внутренний продукт России, в создание которого значительный вклад вносили и труженики деревни, в течение двух пятилеток возрастал ежегодно на 14—15%. В 1937 г. его объем (141 млрд руб. в сопоставимых для всего XX в. ценах) превышал уровень 1928 г. в 3,6 раза, уровень 1932 г. — почти в 2 раза. Увеличение ВВП не влияло автоматически на улучшение благосостояния народа, однако оно позволило уже в ноябре 1934 г. принять решение «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам». В 1935 г. возобновилась свободная продажа хлеба (январь), мясных продуктов, сахара, жиров и картофеля (октябрь). С января 1936 г. были отменены карточки на промышленные товары. Несмотря на это, уровень жизни рабочих оставался в среднем более низким, чем до революции. С 1925 (когда этот уровень приближался к довоенному) по 1937 г. номинальная заработная плата рабочих выросла в 5,5 раза, а стоимость продуктов питания — минимум в 8,8. Вместе с тем общий рост народного хозяйства позволял развернуть жилищное строительство и несколько улучшить быт трудящихся. Значительной реконструкции подверглись Москва, столицы республик, расширялись новые города.

В конечном счете форсированная модернизация страны была настоящим подвигом рабочих, крестьян и всего советского народа. С точки зрения цивилизационного подхода в это время осуществлялся переход от доиндустриального и раннеиндустриального к развитому индустриальному типу производства. В стране с суровыми природно-климатическими условиями этот переход имел трагический характер. По прошествии многих лет у потомков героев и историков сложилось убеждение, что и индустриализация, и преобразование деревни могли бы иметь более значительные результаты без немыслимых жертв (штурмовщина, голод, искусственное обострение классовой борьбы, репрессии) и авторитарно-деспотического режима, подчинявшего жизнь не правовой, а произвольной, командно-приказной власти.

§ 4. ПЕРВЫЕ ПЯТИЛЕТКИ КАК ЭТАП КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Руководство преобразованиями в культурной сфере по партийной линии в годы первых пятилеток осуществлялось Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В январе 1930 г. оно было разделено на два отдела — культуры и пропаганды с секторами научной работы и просвещения включая искусство; пропаганды марксизма-ленинизма; печати, в том числе художественной литературы, и отдел агитации и массовых изданий, состоящий из секторов общей агитации, массовых кампаний промышленного характера, массовых кампаний сельскохозяйственного характера, массовой работы среди работниц и крестьянок. На тех же началах выстраивался культурно-идеологический аппарат ЦК компартий союзных республик, краевых, областных, городских и районных партийных органов.

Практическую реализацию установок партии в области культурного строительства осуществляли наркоматы просвещения союзных республик. В России эту работу вел наркомат под руководством А. В. Луначарского (до 1929 г.) и А. С. Бубнова (1929—1937). В сентябре 1933 г. в Наркомпросе было создано пять управлений: начальной и средней школы; подготовки учителей; университетов и научно-исследовательских учреждений; библиотечное; театральных и зрелищных предприятий. В структуре Наркомпроса сохранялись Главлит, Главрепертком и ОГИЗ. Соответствующим образом были организованы наркоматы других союзных республик.

Развернутое наступление на всех направлениях социалистического строительства с началом 1-й пятилетки требовало организации новой мощной атаки на фронте борьбы с неграмотностью. (К 1927/28 учебному году неграмотное население городов составляло 21,5%, села — 56,7%.) Начатый в 1928 г. по инициативе комсомола всесоюзный культпоход по борьбе с неграмотностью превратился в массовое движение. В 1930 г. на эту борьбу было мобилизовано более миллиона студентов, слушателей советских партийных школ, учителей, культпросветработников. В 1931 г. число обучающихся взрослых достигло 10 млн.

Система общеобразовательных школ России к концу 20-х гг. включала несколько их типов. Действовали начальная, школа второй ступени, семилетка, девятилетка, школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и школы крестьянской молодежи. Всеми формами обучения было охвачено около 8% населения. С сентября 1930 г. в стране вводилось всеобщее бесплатное и обязательное начальное (четырехклассное) обучение детей. В городах и рабочих поселках всеобуч предусматривался в объеме школы-семилетки. Местным советским органам предоставлялось право вводить обязательное образова-

ние и в других районах. В деревне предлагалось значительно увеличить количество дневных и вечерних школ для молодежи.

Государственные ассигнования на школьное образование в 1930 г. выросли в 10 раз по сравнению с 1925/26 г. В августе 1930 г. разработана и утверждена программа введения обязательного начального образования. Финансовое ее обеспечение предопределяло сооружение новых школ, бесплатное снабжение учащихся начальных классов одеждой, обувью, питанием, учебниками, письменными принадлежностями. Соответственно, новые задачи предстояло решать бумажной промышленности, полиграфии и т. д.

Нехватку учителей с переходом к всеобучу решали предоставлением права каждому, кто имел семилетнее образование, работать в начальной школе — достаточно было закончить краткосрочные (от полугода до трех недель) курсы по подготовке и переподготовке учителей. Проводились ускоренные выпуски из пединститутов и училищ. Прием в педагогические вузы увеличился более чем в 2, в педтехникумы — в 3 раза. В 1930—1932 гг. комсомол провел три всесоюзные мобилизации на педагогическую работу комсомольцев. Все это позволило охватить к концу 1-й пятилетки обучением в начальной школе 98% детей в возрасте от 8 до 11 лет (в 1927/28 г. — 51,4%). Одновременно велась работа по обучению неграмотных и малограмотных. План обучения неграмотных и малограмотных в 1-й пятилетке (18,5 млн) был перевыполнен в СССР более чем в 2,5 раза. На просвещение в 1932 г. было истрачено средств в 6 раз больше, чем в 1927/28 г., и почти в два раза больше, чем предусматривалось пятилетним планом.

Индустриализация страны потребовала ускорить подготовку квалифицированных кадров для промышленности. Обучение рабочих осуществлялось в стационарных учебных заведениях с отрывом и без отрыва от производства. Массовую подготовку осуществляли школы ФЗУ.

С переходом к индустриализации было перестроено также среднетехническое и высшее образование. С 1931 г. ускорение темпов создания новой технической интеллигенции осуществлялось под лозунгами: «Пора большевикам самим стать специалистами», «Техника в период реконструкции решает все». Для реализации этих задач было предложено за 2—3 года увеличить число новых кадров технических специалистов в 4 раза, в связи с чем срок обучения в технических вузах сокращался с 5 до 3 лет. Старшие классы общеобразовательных школ превращались в техникумы, некоторые техникумы — в вузы, ряд политехнических институтов и многоотраслевых вузов разукрупнялись — их факультеты и отделения становились самостоятельными учебными заведениями. В результате выпуск специалистов из технических вузов был увеличен к концу 1-й пятилетки почти в

4 раза, из техникумов — в 6,5. За 1929—1932 гг. в вузах было подготовлено 170 тыс. специалистов, 1933—1937 гг. — 370 тыс. Всего в вузах и техникумах за 1928—1937 гг. подготовлено около 2 млн специалистов. Но при сокращении сроков обучения сохранить высокий уровень профессиональной подготовки было очень трудно.

Для подготовки высококвалифицированных кадров хозяйственных руководителей в конце 20-х гг. создана Всесоюзная промышленная академия в Москве (первый выпуск состоялся в 1930 г.). Аналогичные учебные заведения работали в других промышленных городах. Проблемы улучшения качества и приближения подготовки кадров технических специалистов к производству с началом 1-й пятилетки решались путем передачи части соответствующих вузов из ведения Наркомпроса в отраслевые наркоматы. Это способствовало укреплению материально-технической базы вузов.

В середине 30-х гг. после ряда левацких экспериментов 20-х гг. удалось создать эффективную систему образования. В начале 30-х отменили практиковавшийся ранее бригадный метод зачетов, резко снижавший личную ответственность и качество учебы студентов. В июне 1936 г. было принято постановление СНК СССР «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», которое узаконило лекции, семинары, производственную практику.

Новая советская интеллигенция формировалась из трех источников — специалистов дореволюционной школы, выдвиженцев из рабоче-крестьянской среды и путем подготовки в средних специальных и высших учебных заведениях. Для общего руководства вузами в 1933 г. создан Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию при ЦИК СССР, преобразованный в 1936 г. во Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК. С мая 1936 г. по ноябрь 1937 г. комитет возглавлял И. И. Межлаук, позднее — С. В. Кафтанов.

Во 2-й пятилетке в СССР была в основном создана материальная база для реализации программы достижения сплошной грамотности: появилось до 20 тыс. новых школ — примерно столько же, сколько было в царской России. Школьное образование приобрело большую смысловую стройность. В соответствии с постановлением правительства от 15 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы» устанавливались три типа общеобразовательной школы: начальная (1—4 классы), неполная средняя (1—7) и средняя (1—10).

Численность учащихся начальной и средней школы во 2-й пятилетке выросла с 21,3 млн до 29,4 млн. Расходы государства на культурное строительство (школа, кадры, наука, печать и т. п.) в 5 раз превысили затраты 1-й пятилетки. В 1934—1938 гг. был вдвое увеличен выпуск школьных учебников.

С развитием всеобуча менялось само понятие ликбеза. Азбучная грамотность перестала удовлетворять, поскольку не обеспечивала запросов хозяйственного и культурного строительства. Человек, не имевший знаний в объеме четырех классов, стал считаться малограмотным. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе по обучению неграмотных и малограмотных» (январь 1936 г.) ставило задачу в течение двух лет добиться реальных успехов в полной ликвидации неграмотности и малограмотности трудящихся в возрасте до 50 лет. В соответствии с этим было расширено обучение взрослых в общеобразовательных школах. Действия властей в этой сфере жизни резко поднимали настроения трудящихся масс.

Развитие науки в стране было во многом направлено на помощь народнохозяйственному производству. V съезд Советов СССР (май 1929 г.) предложил «немедленно» приступить к возможно полному развертыванию научно-исследовательских институтов в целях развития сельскохозяйственного опытного дела». Всесоюзная сельскохозяйственная академия с 12 институтами, созданная в 1929 г., была подчинена Наркомзему СССР и включена в единую систему научно-исследовательских институтов, охватывавших все отрасли сельскохозяйственного производства. С реконструкцией народного хозяйства была тесно связана и деятельность индустриальных научно-исследовательских институтов. В 1928—1931 гг. их количество увеличилось с 30 до 205. К концу 2-й пятилетки в стране насчитывалось 867 научно-исследовательских институтов и 283 их филиала, где работали почти 38 тыс. научных сотрудников. На протяжении 30-х гг. связи науки с практикой хозяйственного строительства укреплялись также путем развертывания сети заводских лабораторий.

13 января 1934 г. Совнарком принял постановление «Об ученых степенях и званиях». Вместо существовавшего с 1918 г. единого звания ученого специалиста устанавливались ученые степени кандидата и доктора наук (первая присуждается на основе защиты кандидатской, вторая — докторской диссертации) и ученые звания ассистента, младшего научного сотрудника, доцента, профессора, действительного члена научного учреждения. Звания присваивались в зависимости от выполняемой педагогической и научно-исследовательской работы. К 1 января 1936 г. в СССР было более 2500 профессоров, свыше 3800 доцентов, около 1800 докторов и 3 тыс. кандидатов наук.

Высокая общественная значимость труда работников вузов выразилась в принятой в 1937 г. штатно-окладной системы заработной платы преподавательского состава, с увеличением ее более чем на 30%. Преподаватели стали получать от 500 руб. (ассистент, не имеющий ученой степени) до 1500 руб. (профессор, доктор наук, заведующий кафедрой). Вузы могли ходатайствовать о персональных окладах для отдельных преподавателей: до 2000 руб. для профессоров, 1500 руб.

для доцентов. Стипендии в вузах составляли от 173 до 183 руб., их получали от 60 до 70% всех студентов. (Для сравнения: в 1937 г. минимум зарплаты составлял 110 руб., а в 1939 г. среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих народного хозяйства СССР составляла 328 руб.)

Академия наук СССР, президентами которой были крупные ученые и организаторы А. П. Карпинский (1917—1936) и В. Л. Комаров (1936—1945), в 1930 г. перешла в ведение Ученого комитета ЦИК, а с декабря 1933 г. — Совнаркома СССР. В апреле 1934 г. она переехала из Ленинграда в Москву.

Всего в СССР к весне 1929 г. насчитывалось 1227 научных учреждений (из них 7 академий и ассоциаций, 789 институтов, 34 центроархива). В них трудилось около 25 тыс. научных работников (в 1917 г. — около 12 тыс.). К 1929 г. почти треть составляли выпускники советских вузов. В годы 1-й пятилетки к ранее созданным научным учреждениям Академии наук СССР добавились вновь образованные институты: Геологический (1930), Энергетический (1930), Институт физической химии (1931).

Перевод АН СССР в Москву вызвал перебазирование многих академических научных учреждений. Сюда переехал Президиум Академии, физико-математические, химические, геологические и частично биологические учреждения. Образован целый ряд новых академических научно-исследовательских институтов: Математический им. В. А. Стеклова (1934), Физический им. П. Н. Лебедева в Москве (1934, руководитель С. И. Вавилов), Институт органической химии (1934, А. Е. Фаворский и Н. Д. Зелинский), общей и неорганической химии (1934, Н. С. Курнаков), физических проблем (1934, П. Л. Капица). В 30-е гг. начали исследовательскую работу Азербайджанский, Армянский, Грузинский, Дальневосточный, Казахский и Уральский филиалы, Кольская, Северная и Таджикская базы АН СССР. С середины 30-х гг. развертывается сеть научно-исследовательских институтов в вузах. Большой вклад в совершенствование военно-технических знаний и боевой техники вносили новые специализированные военные академии: механизации и моторизации РККА, Артиллерийская, Военно-инженерная, Военно-химическая, Военно-электротехническая, Военно-транспортная и др.

Во главе всех крупных научных центров и НИИ стояли известные ученые, создатели научных школ и новых исследовательских направлений. За особо выдающиеся научные достижения с 1925 по 1934 г. присуждались премии им. В. И. Ленина. С 1934 г. в этих же целях АН СССР учредила и начала присуждать премии имени выдающихся отечественных ученых и деятелей Советского государства.

30-е гг. отмечены важными достижениями в естествознании. Укрепляла свои позиции в мире советская математика. И. М. Виногра-

дов, Д. Ф. Егоров, С. Н. Бернштейн, Н. Н. Лузин, А. Н. Колмогоров, Л. С. Понтрягин, Н. Н. Боголюбов внесли крупнейший вклад в развитие новейших разделов математики и ее приложений.

В конце 20-х — 30-е гг. советские ученые сделали ряд выдающихся открытий. Например, явления комбинационного рассеяния света на кристаллах (1928, Л. И. Мандельштам и Г. С. Ландсберг); квантовую теорию этого явления разработал И. Е. Тамм, а метод обнаружения космических лучей — Д. В. Скобельцын (1929); обнаруженное особое свечение чистых жидкостей под действием гамма-лучей получило название «Эффект Вавилова—Черенкова» (1934); полная теория эффекта представлена И. Е. Таммом и И. М. Франком (1937). За открытие и объяснение этого явления Черенков, Франк и Тамм в 1958 г. удостоены Нобелевской премии. В 1934 г. опубликована монография Н. Н. Семенова «Химическая кинетика и цепные реакции». Дальнейшие работы над проявлением деталей цепной реакции и обобщением результатов открытий, сделанных ученым и его учениками, отмечены Нобелевской премией по химии в 1956 г. Большое практическое значение имела созданная в 1936 г. в МХТИ им. Д. И. Менделеева профессором А. С. Бакаевым рецептура пороха для реактивных снарядов, используемая для изготовления снарядов «катюш».

В начале 30-х гг. в СССР получили развитие исследования по физике атомного ядра. Первые успехи в этой области связаны с теоретическими работами: протон-нейтронная модель ядра (Д. Д. Иваненко), обменные силы (Тамм и Иваненко). Л. Д. Ландау в 1932 г., после открытия нейтрона, предсказал существование нейтронного состояния вещества. Передовые позиции СССР в ядерных исследованиях проявились на первой (сентябрь 1933 г.) и второй (сентябрь 1937 г.) всесоюзных конференциях по физике атомного ядра, в которых принимали участие иностранные ученые. И. В. Курчатов в 1934 г. открыл явление разветвления ядерных реакций. В 1937 г. в Радиевом институте был создан первый в СССР и Европе циклотрон — установка для расщепления атомного ядра.

Больших успехов достигли ученые в области физики твердого тела, полупроводников и диэлектриков (А. Ф. Иоффе, И. Е. Тамм, И. К. Кикоин). П. Л. Капица в 1934 г. создал первый в мире гелиевый ожижитель, его последующие разработки в этой области стали большим вкладом в развитие советской и мировой техники ожижения газов.

Незадолго до старта 1-й пятилетки берет свое начало советский ракетный проект. Он возник на базе работ исследовательской группы инженеров Н. И. Тихомирова — В. А. Артемьева. Созданная ими и впервые запущенная 3 марта 1928 г. ракета на бездымном порохе

пролетела 1,3 км. Для форсирования работ была организована Газодинамическая лаборатория. После смерти Тихомирова ее возглавлял Б. С. Петропавловский, а с 1933 г. — И. Т. Клейменов, Г. Э. Лангемак. Именно здесь создавались реактивные снаряды «эрэсы». Уже к концу 1937 г. снаряды были хорошо отработаны, в последующем они лишь совершенствовались. Однако это происходило уже без участия Лангемака, репрессированного в 1937 г.

17 августа 1933 г. на инженерном полигоне рядом с подмосковным поселком Нахабино поднялась в воздух первая жидкостная ракета, созданная работниками Группы по изучению реактивного движения под руководством С. П. Королева. Ракета находилась в полете всего 18 секунд и поднялась на высоту 400 м, но именно ей суждено было стать прообразом советских ракет, осваивавших космическое пространство. Результатом первого успеха стало создание Реактивного НИИ.

21 августа 1934 г. под Москвой проведены испытания первых радиолокаторов (создатели П. К. Ощепков и др.). В 1937 г. созданы первые отечественные радиопеленгаторы для кораблей и подводных лодок. Одним из пионеров электронной технологии, основанной на применении электронных и ионных пучков, электрических и электромагнитных полей, был А. Л. Чижевский. Ему принадлежит первое в мире изобретение способа электроокраски. Он же стал основоположником гелиобиологии — науки о взаимосвязи солнечных явлений с жизнью земных организмов, которая в те годы была несправедливо подвергнута критике.

Блестящая школа советских ученых-механиков сложилась в ЦАГИ под руководством С. А. Чаплыгина. В 30-е гг. институт превратился в уникальный научный центр теоретических и экспериментальных исследований в области гидроаэродинамики применительно к задачам авиации, гидромашиностроения, кораблестроения и других отраслей промышленности. Для развертывания научно-исследовательских работ в этих областях из ЦАГИ были выделены отделы и на их базе созданы Всесоюзный институт авиационных материалов и Центральный институт авиационного моторостроения. В 1934 г. туполевцы создали крупнейший в мире 8-моторный транспортный самолет АНТ-20 «Максим Горький». В 1930 г. оторвался от земли первый советский вертолет, созданный А. М. Черемухиным. Советская авиация выходила в мировые лидеры по дальности, высоте полетов, грузоподъемности и другим параметрам. Самолеты отечественной конструкции позволили осуществить перелеты, прославившие Советский Союз. В частности, в июне и июле 1937 г., затем в 1939 г. совершены беспосадочные перелеты из Москвы в США через Северный полюс.

В 30-е гг. появились классические труды Н. И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений и об их географии. К сожалению, на биологии и генетике пагубно сказалась деятельность группы биологов под руководством создателя псевдонаучного учения Т. Д. Лысенко и философа И. И. Презента. Тем не менее сельскохозяйственная практика в 30-е гг. обогащалась достижениями научных школ по травопольной системе земледелия (глава школы В. Р. Вильямс), вопросам питания растений и химизации сельского хозяйства (Д. Н. Прянишников) и борьбе с засухой (Н. М. Тулайков). Под руководством последнего составлялась новая почвенная карта страны.

Менее значимыми оказались достижения 30-х гг. в гуманитарной и художественной сфере. Литература, искусство, кино переживали процесс организационной и идейной унификации. Идеология «социалистического наступления» характеризовалась свертыванием многообразия процессов духовной жизни, присущих 20-м гг., и утверждением монополизма, вождизма и культового сознания. В апреле 1932 г. ЦК партии принял постановление о перестройке литературно-художественных организаций, призванное преодолеть их раздробленность, кружковую замкнутость и «отрыв от политических задач современности». В литературе и искусстве насильственно насаждался «творческий» метод «социалистического реализма», который требовал изображать действительность в «социалистической перспективе» и превращал деятелей литературы и искусства в апологетов социализма.

Многие произведения, созданные в традициях «социалистического реализма», проникнуты духом вульгарной политизации, классовой вражды и ненависти. Однако разнообразие приемов художественного творчества в рамках единого метода, творческий талант позволяли создавать масштабные художественные произведения, навсегда вошедшие в золотой фонд литературы, музыки, кинематографии, живописи, оказавшие огромное воздействие на общество и формирующие в нем новые идеалы, интересы, потребности, стандарты, стереотипы поведения.

Советская литература и искусство в 30-е гг. обогащены новыми произведениями А. Горького, М. Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева, П. Павленко, Ф. Гладкова, Ф. Панферова, Л. Леонова, М. Булгакова, А. Платонова, С. Маршака, К. Чуковского, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, Б. Пильняка, Е. Замятина, И. Бабеля, Н. Клюева, О. Мандельштама; спектаклями К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, В. Мейерхольда и А. Таирова; фильмами Н. Экка (режиссер первого звукового фильма), С. Герасимова, Г. и С. Васильевых, Г. Александрова, С. Эйзенштейна, Г. Козинцева, Д. Трауберга, Е. Дзигана; музыкой С. Прокофьева, Д. Шостаковича, А. Хачатуряна, Т. Хренникова, Д. Кабалевского, И. Дунаевского; живописью М. Грекова, Б. Иогансона, М. Нестерова,

П. Корина, И. Грабаря, А. Дейнеки, А. Пластова, Ю. Пименова, К. Петрова-Водкина, П. Кончаловского, А. Рылова, М. Сарьяна, П. Филонова, К. Малевича; скульптурами В. Мухиной, Н. Томского, М. Манизера, Н. Андреева, И. Шадра; архитектурными сооружениями В., Л. и А. Весниных, К. Мельникова, А. Щусева, И. Жолтовского, Б. Иофана, А. Лангмана, Л. Руднева.

Заметный след в истории культур национальных и всего советского народа оставили мастера культуры республик СССР. К их числу относятся, например, такие писатели и поэты, как М. Бажан, М. Рыльский, П. Тычина, В. Сосюра, А. Корнейчук (Украина), Я. Купала, Я. Колас, П. Бровка (Белоруссия), Т. Табидзе, П. Яшвили (Грузия), С. Зорьян, Е. Чаренц (Армения), С. Рустам, С. Вургун (Азербайджан), М. Турсун-заде, С. Айни (Таджикистан), Б. Кербабаев (Туркмения), Зульфия, Айбек (Узбекистан), М. Ауэзов (Казахстан), К. Кулиев (Кабардино-Балкария), Сулейман Стальский, Г. Цадасы (Дагестан), Ш. Кемал, М. Джалиль (Татария) и многие другие.

Утверждению основ новой идеологии и культуры служили не только созданные в 30-е гг. единые организации творческой интеллигенции (союзы писателей, художников, композиторов, архитекторов), но и цензурные органы (Главлит, Главискусство, Главрепертком), осуществлявшие идеологический контроль за деятельностью творческих организаций, проведением выставок, конкурсов, выпуском кинофильмов, репертуаров театров. Этим же целям служили «чистки» библиотек и передача на «спецхранение» научных трудов, художественных и публицистических произведений, не укладывающихся в новую систему ценностей. Сознательное игнорирование этих установлений, как и отклонение художников от партийной линии, вело к исключению из союза, лишению возможности обнародования произведений (а значит, и материальных благ), прямым репрессиям.

30-е гг. связаны с целой серией кампаний по критике и переосмыслению состояния философии, политэкономии, искоренению враждебных взглядов и теорий. Наиболее значимым оказалось переосмысление роли исторической науки и образования как наиболее действенных средств контроля над памятью народа и формирования патриотических чувств. Исторический нигилизм, насаждавшийся школой М. Н. Покровского, был осужден. В марте 1934 г. Политбюро признало необходимым восстановить с 1 сентября 1934 г. исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах, а затем в Томском, Казанском, Ростовском и Саратовском. С открытием исторических факультетов в университетах началась кампания по пересмотру отношения к истории страны, восстанавливалась преемственность в развитии истории Российской империи и СССР.

Утверждению таких представлений в массовом сознании служили одобренный в августе 1937 г. правительственной комиссией учебник А. В. Шестакова по истории СССР для начальной школы и «Краткий курс истории ВКП(б)», написанный в основном Е. М. Ярославским и П. Н. Поспеловым. Он был впервые опубликован в «Правде» в сентябре 1938 г. Автором названий всех глав книги, текста центрального раздела IV главы «О диалектическом и историческом материализме», многочисленных вставок, редакционной правки был Сталин.

Преподавание общественных дисциплин давало широкие возможности для приобщения к истории страны и пониманию значения революционного опыта последних десятилетий. Однако преподавание было слито с пропагандой культа личности, оправданием репрессий, шпиономанией. Так, в учебнике Шестакова сообщалось, что «у врагов народа была программа — восстановить в СССР ярмо капиталистов и помещиков... Шпионы пробираются на заводы и фабрики, в большие города и села. Надо тщательно следить за всеми подозрительными людьми, чтобы выловить фашистских агентов».

§ 5. КОНСТИТУЦИЯ 1936 г. И БОРЬБА С «ВРАГАМИ НАРОДА»

К середине 30-х гг. в стране произошли существенные экономические, социальные и политические изменения. Ликвидированы были многоукладность экономики, остатки господствующих классов; социально трансформировалось крестьянство, сформировались новая интеллигенция и новый правящий слой. 1 февраля 1935 г. пленум ЦК ВКП(б) выступил с предложением внести «некоторые изменения» в существующую Конституцию. Но в процессе работы выяснилось, что одними уточнениями и поправками текста Основного закона страны обойтись не удается. В результате к маю 1936 г. появился новый целостный его проект.

Прежняя Конституция СССР в юридическом плане состояла из двух частей: Декларации и Договора об образовании Союза ССР. Конституционная комиссия, созданная на VII Всесоюзном съезде Советов 6 февраля 1935 г., практически отошла от договорного характера, свойственного первой союзной Конституции и встала на путь подготовки принципиально нового документа — единой общегосударственной Конституции, охватывающей все стороны государственной жизни.

Проект Конституции, одобренный в начале июня 1936 г. пленумом ЦК партии и Президиумом ЦИК, 12 июня опубликован для всенародного обсуждения. Оно продолжалось почти полгода. Было

зарегистрировано около 170 тыс. предложений по изменению и дополнению текста. Конечно, подавляющее большинство из них не получили отражения в Конституции, но некоторые были все же учтены. В ноябре, после публичного обсуждения проекта, он подвергся на VIII Чрезвычайном съезде Советов дополнительному редактированию. 5 декабря 1936 г. съезд утвердил проект Конституции.

Новый Основной закон провозглашал победу социализма в стране. Экономической основой государства объявлялась социалистическая собственность, существовавшая в двух формах — государственной и кооперативно-колхозной. Наряду с социалистической системой хозяйства закон допускал мелкое индивидуальное хозяйство, основанное на личном труде. Наиболее существенное отличие новой Конституции заключалось в том, что она не содержала «Декларацию об образовании СССР» — самую идеологизированную часть прежнего Основного закона.

Статья 2 новой Конституции декларировала: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся». При этом вместо всесоюзных, республиканских и областных съездов Советов закреплялась система, включавшая районные, городские, республиканские Советы. Вершиной пирамиды государственной власти становился Верховный Совет СССР, образованный вместо прежнего ЦИК, как высший орган власти в СССР, избираемый всеобщим прямым и тайным голосованием и состоящий из двух равноправных палат.

Одна из палат — Совет Союза — избиралась по округам при норме один депутат на 300 тыс. жителей. Другая — Совет Национальностей — по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: 25 депутатов от каждой союзной республики, 11 депутатов от каждой автономной республики, 5 депутатов от каждой автономной области, 1 депутат от каждого национального округа.

Впервые в Конституции законодательно определялись место и роль компартии в политической системе. ВКП(б) объявлялась «передовым отрядом трудящихся», представляющим собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Статья 126, содержащая эту запись, в действительности понималась как конституционное закрепление монополии партии на политическую власть. Партийным комитетам учреждений, предприятий, МТС и колхозов, как следовало из Устава ВКП(б), принятого на ее первом съезде после вступления в силу новой Конституции, предоставлялось право контроля за деятельностью администрации.

Реальная власть в стране фактически сосредоточилась в руках узкой группы лиц, входящих в Политбюро ЦК. А всю управленческую систему государственных и общественных организаций полно-

стью контролировал ЦК ВКП(б). В аппарате ЦК действовало Управление кадров, в котором было 45 отделов по всем отраслям государственной, хозяйственной и общественно-политической жизни. Оно не только формировало руководство, назначая высших руководителей (рекомендовало избрать или утвердить имярек в должности), но и осуществляло повседневный контроль за номенклатурными работниками.

В статье 126 Конституции фактически определялась структура политической системы общества, перечислялись все ее элементы. Помимо ВКП(б), назывались «профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества». Это значило, что только названные элементы системы рассматривались как законные. Иные организации, партии или движения, которые могли возникнуть, должны были рассматриваться как неформальные, незаконные.

В новой Конституции по сравнению с предыдущей усиливалась централизация экономической и политической жизни. Основной закон содержал перечень союзных, союзно-республиканских и республиканских наркоматов. К первым относились наркоматы обороны, иностранных дел, внешней торговли, путей сообщения, связи, водного транспорта, тяжелой промышленности, оборонной промышленности. Ко вторым — наркоматы пищевой, легкой, лесной промышленности, земледелия, зерновых и животноводческих колхозов, финансов, внутренней торговли, внутренних дел, юстиции, здравоохранения. Ряд отраслей государственного управления находился только в ведении союзных республик: просвещение, местная промышленность, коммунальное хозяйство, социальное обеспечение.

Конституция декларировала широкий круг гражданских и личных прав, включая право на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Объявлялось равноправие всех граждан независимо от их национальности и расы во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, а также равноправие мужчин и женщин.

Однако принцип равноправия во многом остался лишь на бумаге. Например, он не действовал в отношении представителей наций и национальных меньшинств, народов, создавших свою национальную государственность и не имеющих таковой. Не был доведен до конца этот принцип и в ситуации с правовым равенством городского и сельского населения. Большинство сельских жителей в отличие от горожан не имели паспортов и были фактически прикреплены к колхозам; на них не распространялось пенсионное законодательство и другие социальные гарантии.

Конституция впервые говорила о неприкосновенности личности, жилища и охране тайны переписки (ст. 127, 128). Это должно было гарантироваться тем, что аресты, обыски, выемки корреспонденции могли производиться лишь с санкции прокурора или по решению суда. Однако эти гарантии повсеместно нарушались при массовых репрессиях.

Новая Конституция отразила ужесточение позиции государства в отношении Церкви, произошедшее в начале 1929 г. Статья 124 закрепляла явное неравноправие между верующими и неверующими. За первыми уже не признавалось право вести религиозную пропаганду, им гарантировалась лишь свобода отправления религиозных культов. Вторые же имели по закону право вести антирелигиозную пропаганду.

Конституция 1936 г. провозглашала отмену ограничений демократии, свойственных переходному периоду. Устанавливались всеобщие прямые (вместо многоступенчатых), равные (вместо пропорциональных), тайные (вместо открытых) выборы в Советы всех уровней. Было отменено исключение из политической жизни каких-либо категорий населения, кроме осужденных судом и умалишенных. Лишение избирательных прав резко расширилось в период «великого перелома». Во время избирательной кампании 1928—1929 гг. в СССР в списки лишенцев были внесены 3,7 млн человек, или 4,9% взрослого населения (4,1% жителей сельской местности и 8,5% — горожан). В 1930 г. категория лишенцев пополнилась бывшими «нэпманами». Теперь в ней значились «бывшие»: землевладельцы, торговцы, кулаки, дворяне, полицейские, царские чиновники, владельцы частных предприятий, члены оппозиционных политических партий, белые офицеры, а также служители культа, монахи. В 1932 г. «лишенцы» вместе с семьями насчитывали 7 млн человек, не имеющих прав — избирательных, на жилье, медицинское обслуживание и даже продуктовые карточки.

На основе новой Конституции СССР были разработаны и приняты Конституции союзных республик, в частности — РСФСР (21 января 1937 г.). Она закрепила новые системы органов власти, управления и выборов; изменившееся административно-территориальное деление, вызванное резко усилившейся централизацией управления при переходе к форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

В 1929 г. трехзвенная система административно-территориального деления страны — область (край), округ, район — была признана неэффективной, поскольку центральный партийно-государственный аппарат оставался слишком далеким от управления местными органами. Переход к двухзвенной системе привел к росту во всех республиках СССР количества районов (с 2443 в 1934 г. до 3463 в 1938 г.), краев и областей (в 2,5 раза на протяжении 30-х гг.).

Ликвидация не коснулась национальных округов. Напротив, их число увеличилось за счет созданного в 1929 г. Ненецкого национального округа в Архангельской области и появившихся в 1930 г. сразу нескольких новых национальных округов: Витимо-Олекминский (Читинская область; упразднен в 1938 г.), Корякский (Камчатская область); Остяко-Вогульский (с 1940 г. Ханты-Мансийский — в Тюменской область), Таймырский (Красноярский край); Чукотский (Магаданская область); Эвенкийский (Красноярский край), Ямало-Ненецкий (Тюменская область). В 1934 г. возник Аргаяшский национальный округ в Читинской области (упразднен в ноябре того же года). В 1934—1936 гг. существовал Охотский национальный округ в Нижнеамурской области. В 1937 г. были образованы Агинский Бурятский и Усть-Ордынский Бурятский национальные округа. В том же году в Калининской (Тверской) области были созданы Карельский и Опочецкий национальные округа (упразднены в 1938 и 1944 гг.). На территории СССР в июле 1934 г. насчитывалось 240 национальных районов и 5300 национальных сельсоветов. К категории национальных относился каждый 10-й район и 8—9-й сельсовет в стране.

В РСФСР к началу 1931 г. насчитывалось 14 краев и областей, 11 автономных республик, 14 автономных областей, 2085 районов. К принятию новой Конституции СССР ее состав существенно изменился. В автономные республики были преобразованы Кара-Калпакская (1932), Мордовская (1934) и Удмуртская (1934) автономные области. В 1934 г. образованы Чечено-Ингушская и Еврейская автономные области. 5 декабря 1936 г. созданы Коми, Марийская, Северо-Осетинская, Кабардино-Балкарская и Чечено-Ингушская автономные республики. В то же время Казахская и Киргизская АССР выделились из состава России и на правах союзных республик вошли в Союз ССР.

В новой Конституции СССР и разработанных на ее основе конституциях союзных республик ничего не говорилось о национальных районах и сельсоветах, что, как вскоре оказалось, означало переход к политике, направленной на их ликвидацию. Раньше национальные районы рассматривались едва ли не в первую очередь как средство для распространения идеи мировой революции через национальные диаспоры в приграничных регионах. В условиях избавления от утопии, совпавшего с ужесточением репрессивного режима, отношение к ним кардинально изменилось. На них стали смотреть не столько как на проводников революционных идей, сколько как на потенциальную «пятую колонну», готовую в случае войны выступить заодно с зарубежным ядром своего народа.

В 1937 г. РСФСР состояла из 5 краев, 19 областей, 17 автономных республик, 6 автономных областей, 10 автономных округов. На-

кануне Отечественной войны, 31 марта 1940 г., Карельская АССР преобразована в Карело-Финскую ССР, также выведенную из состава РСФСР. Созданные автономные образования обеспечивали наиболее полное выявление возможностей экономического, политического и культурного развития соответствующих национальностей, обеспечивали наиболее благоприятные условия для подготовки национальных кадров.

Система органов власти и управления в союзных республиках строилась по аналогии с центральными. Конституции союзных республик должны были соответствовать Основному закону СССР. В случае расхождения союзного и республиканского вариантов действовал союзный закон.

Выборы в новые органы власти в соответствии с новыми конституциями проходили в 1937 и 1938 гг. в праздничной обстановке. Однако «триумф демократии» уживался с массовыми репрессиям. Они назывались «ежовщиной» — по имени назначенного в сентябре 1936 г. наркомом внутренних дел СССР Н. И. Ежова, который сменил обвиненного в заговоре Г. Г. Ягоду.

Идеологическая кампания, связанная с принятием новой Конституции СССР и проведением на ее основе первых выборов, стала своеобразной ширмой, скрывавшей до предела обострившуюся к этому времени борьбу с инакомыслием в партии и стране в целом. Истоки ее следует искать в стремлении И. В. Сталина и его окружения не допускать оппозиции в условиях проведения в жизнь дерзостных, почти авантюристических планов перестройки страны. Конфронтации периода коллективизации заставили обратиться к испытанному ранее оружию — «красному террору» против «классовых врагов». Оправданием решительных мер служила необходимость быть во всеоружии перед угрозой со стороны гитлеровской Германии.

Убийство С. М. Кирова послужило поводом для физического устранения всех действительных и вероятных противников Сталина, способных стать потенциалом действующей в случае войны на стороне врага «пятой колонны». (Выражение получило распространение с 1936 г., с заявления по радио франкистского генерала Э. Моло о том, что его войска наступают четырьмя колоннами на Мадрид, а пятая, ранее созданная в самом Мадриде, готова в любой момент ударить изнутри, в спину республиканцам.)

В СССР официальным стал тезис, что «враги народа» проникли всюду — во все партийные, советские, хозяйственные органы, в руководство Красной Армии. В одном из выступлений конца 1934 г. М. И. Калинин говорил: «Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соответствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостническому». В согласии именно с такими представления-

ми в 1935—1938 гг. велась кампания по выявлению и очищению «крепости» от «врагов», которая сопровождалась многочисленными судебными процессами.

Первыми из наиболее громких были процессы по делам «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Г. И. Сафарова, П. А. Залуцкого и других» (январь 1935 г.) и «московской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции» (март—апрель 1935 г., главные обвиняемые А. Г. Шляпников, С. П. Медведев).

В самом начале 1935 г. возникло так называемое кремлевское дело, в результате которого был снят с поста секретаря ЦИК А. С. Енукидзе. Как отмечалось в постановлении Политбюро «Об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе» (апрель 1935 г.), действительные мотивы его перемещения «на меньшую работу» не могли быть объявлены официально в печати, «поскольку их опубликование могло дискредитировать высший орган советской власти».

Окружение Енукидзе обвинялось в распространении «клеветы о товарище Сталине». Здесь активно обсуждалась версия о неестественной смерти его жены — о том, что самоубийство, а возможно, убийство Аллилуевой было вызвано ее несогласием с проводимым в стране политическим курсом. Вопреки официальной трактовке смерти Кирова утверждалось, что убийство не носит политического характера, а является результатом личной мести и т. д. В результате «дела» на работе в Кремле из 107 работников секретариата осталось только 9 человек. Остальные в большей своей части были репрессированы.

«Кремлевское дело» отразило разочарование политикой Сталина значительной части революционеров ленинского призыва, не связанных ранее ни с какими оппозициями, в частности его явной «изменой» идее мировой революции, выразившейся во вступлении СССР в буржуазную Лигу Наций. «Дело» укрепило Сталина в необходимости физического устранения разного рода оппозиционеров и значительной части старых революционеров. В мае 1935 г. было ликвидировано «Общество старых большевиков», в котором состояли 3,3 тыс. членов. В июне 1935 г. ЦИК принял постановление «О ликвидации Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» (2,7 тыс. членов).

Новым толчком к репрессиям могла послужить изданная летом 1936 г. книга Л. Д. Троцкого «Что такое СССР и куда он идет?» (с 1991 г. публиковалась в России под названием «Преданная революция»). В ней не только развивалась тема о «бюрократическом абсолютизме» в СССР, но и содержался открытый призыв к советской секции Четвертого Интернационала и ко всем оппозиционерам в ВКП(б) (20—30 тыс. человек, по оценке Троцкого) начать революю-

цию против сталинского режима. «Снять бюрократию, — писал он, — можно только революционной силой и, как всегда, с тем меньшими жертвами, чем смелее и решительнее будет наступление».

19—24 августа 1936 г. советская и мировая общественность были шокированы публичным процессом над крупнейшими деятелями ВКП(б) и Советского государства по делу о так называемом антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре. К уголовной ответственности были привлечены Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов (секретарь ЦК партии в 1926—1927 гг.), И. П. Бакаев (член ЦКК в 1925—1927 гг.), С. В. Мрачковский (командующий Приуральским, затем Западно-Сибирским военными округами в 1920—1925 гг.), В. А. Тер-Ваганян (секретарь Московского комитета РСДРП(б) в 1917 г., ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма» в 1922—1923 гг.), И. Н. Смирнов (нарком почт и телеграфа в 1923—1927 гг.), И. И. Рейнгольд (заместитель наркома земледелия до декабря 1934 г.), Р. В. Пикель (в прошлом заведующий секретариатом председателя ИККИ), Е. А. Дрейцер (комиссар дивизии в годы Гражданской войны, накануне ареста — заместитель директора завода «Магнезит» в Челябинской области), Э. С. Гольцман (сотрудник Наркомата внешней торговли), а также члены Германской компартии И-Д. И. Круглянский, В. П. Ольберг, К. Б. Берман, М. И. и П. Л. Лурье, прибывшие в СССР в начале 30-х гг. якобы по заданию Троцкого с целью совершения террористических актов. Подсудимым вменялись в вину подготовка и осуществление террористического акта против Кирова, подготовка покушения на Сталина и лиц из его ближайшего окружения, другие преступления. Все 16 подсудимых приговорены к расстрелу.

23—30 января 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело «параллельного антисоветского троцкистского центра». По нему арестованы, преданы суду и приговорены к расстрелу Ю. Л. Пятаков (первый заместитель наркома тяжелой промышленности с 1932 г.), Л. П. Серебряков (секретарь ЦК РКП(б) в 1920—1921 гг., до ареста — заместитель начальника Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта НКПС), Н. И. Муралов (один из руководителей Московского вооруженного восстания в октябре 1917 г., до ареста — начальник управления рабочего снабжения Кузбасстроя), а также ряд менее известных партийных и хозяйственных руководителей. Другие участники процесса — Г. Я. Сокольников (кандидат в члены Политбюро в 1924—1925 гг., первый заместитель наркома лесной промышленности с 1935), К. Б. Радек (заведующий бюро международной информации ЦК с 1932 г.) и В. В. Арнольд (заведующий гаражом и отделом снабжения на рудниках в Кузбассе) — приговорены к

десяти, а М. С. Строилов (главный инженер треста Кузбассуголь) — к восьми годам тюремного заключения. Впоследствии все они тоже погибли.

Полной неожиданностью для многих советских людей стало сообщение (12 июня 1937 г.) о разоблачении «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии» и расстреле 8 осужденных — представителей ее высшего командования. В прошлом это были: первый заместитель наркома обороны маршал М. Н. Тухачевский; командармы 1-го ранга командующий Киевским особым военным округом И. Э. Якир и командующий Белорусским особым военным округом И. П. Уборевич; командарм 2-го ранга начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе А. И. Корк; комкоры Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков и В. К. Путна. Начальник Политуправления Красной Армии армейский комиссар 1-го ранга Я. Б. Гамарник застрелился накануне ареста.

Наиболее вероятной причиной репрессий в армии была борьба внутри военного ведомства за власть — между «кавалеристами» (Ворошилов, Буденный и др.) и «мотористами» (Тухачевский, Уборевич и др.). В мае 1936 г. Тухачевский и его сторонники уже ставили перед Политбюро вопрос об отставке Ворошилова с поста наркома. Следовательно, «антиворошиловский заговор» в армии не был ни для кого секретом. Но снятие его было бы явным умалением власти Сталина, а передача армии в руки, по мнению сталинистов, сомнительного в политическом отношении наркома и его сторонников была и вовсе неприемлемой.

Уже через 9 дней после суда над «троцкистской военной организацией» по обвинению в военном заговоре были арестованы 980 командиров и политработников, в том числе 1 маршал, 3 командарма, 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров. Обвинение военных в первую очередь коснулось лиц, которые в 1923—1925 гг. учились в Военной академии РККА и голосовали на партийном собрании за резолюцию, предложенную сторонниками Троцкого. От арестованных были получены показания об участии в заговоре, послужившие основанием для арестов новых тысяч командиров и политработников.

Таким образом, в результате судебных и внесудебных репрессий уже к концу 1937 г. физически ликвидированы значительная часть старой большевистской гвардии, многочисленные представители партийного и государственного аппарата, Вооруженных сил, заподозренные в нелояльности к существующему в стране режиму. В этом отношении характерна судьба 1966 делегатов XVII партийного съезда, представлявших значительную часть управленческой верхушки советского общества. 1108 (56,4%) делегатов были арестованы, и большинство из них погибли. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, из-

бранных на съезде, 97 (69,8%) впоследствии были репрессированы, пятеро (3,6%) покончили самоубийством, четверо (2,9%) расстреляны за нарушения законности. Масштабы репрессий позволяют говорить о фактическом перевороте в партии. Пик террора пришелся на период с августа 1937 по ноябрь 1938 г.

Начало «большому террору» было положено приказом наркома внутренних дел СССР «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 31 июля 1937 г. Наряду с бывшими кулаками в приказе назывались репрессированные в прошлом церковники и сектанты, бывшие активные участники антисоветских вооруженных выступлений, кадры антисоветских политических партий — эсеров, грузинских меньшевиков, дашнаков, мусаватистов, иттихадистов, бывшие активные участники бандитских восстаний, белые, каратели, репатрианты и т. п. Все эти миллионы обиженных политикой власти людей и составляли отнюдь не вымышленный потенциал «пятой колонны», внушавшей страх представителям правящего режима. Приказом предписывалось до декабря текущего года арестовать 268 950 человек, значительную часть из них заключить в лагеря сроком на 8—10 лет, а 75 950 человек — расстрелять. (Цифры были результатом сводки предложений местных управлений НКВД.) Таким образом уничтожалась и изолировалась в ГУЛАГе значительная часть населения, пострадавшая от режима в недавнем прошлом, но получившая по Конституции 1936 г. право голосовать наравне со всеми на предстоящих выборах.

В руководящих кругах не было сомнений в том, что голоса этой части электората на альтернативных выборах, при тайном голосовании, будут поданы против представителей партийной и государственной власти, баллотирующихся в Верховный Совет СССР. Работавшие на местах члены ЦК, первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК национальных компартий явно не желали альтернативных выборов. Они прекрасно сознавали, что за перегибы, допущенные в ходе коллективизации и индустриализации, при тайном голосовании никто за них не проголосовал бы. Не случайно «квоты» на репрессии, зафиксированные в июльском приказе НКВД по первоначальным наметкам республиканских, областных и краевых управлений НКВД, по настоянию местных властей, наиболее обеспокоенных исходом голосования, были увеличены в 3—5 раз. Всего, в соответствии с этим приказом, репрессировано почти 770 тыс. человек. Среди репрессированных в 1937 г. было 137 тыс. служителей культа, из них расстреляно свыше 85 тыс. человек.

С сентября 1937 г. в репрессивной политике обнаружилась новая тенденция. Началась кампания в печати против «буржуазного национализма». Многие из репрессированных в национальных регионах погибли по обвинениям в национализме и связанном с ним шпионаже,

измене Родине. Репрессии были напрямую связаны с представлениями о враждебности к Союзу ССР окружающих государств. Идеи национального и государственного патриотизма, военно-государственного противостояния, которые стали все в большей мере определять советскую национальную политику, отодвинули на задний план традиционные схемы классовой борьбы и во многом обусловили жестокость репрессий против всех, кто был прямо или косвенно связан с государствами «враждебного окружения». Отношение к немцам и японцам — гражданам стран вероятного противника — было с вызывающей откровенностью выражено 12 апреля 1938 г. в издававшейся в Москве для распространения за рубежом газете «Journal de Moscou»: «Не будет ни в коем случае преувеличением, если сказать, что каждый японец, живущий за границей, является шпионом, так же как и каждый немецкий гражданин, живущий за границей, является агентом гестапо».

20 июля 1937 г. Политбюро ЦК постановило «дать немедля приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах». 30 июля подписан приказ, касавшийся уже советских граждан немецкой национальности. В августе появились аналогичные решения относительно поляков, а затем и корейцев, латышей, эстонцев, финнов, греков, китайцев, иранцев, румын. Под нож репрессий попали 30 938 советских граждан, ранее работавших на Китайско-Восточной железной дороге и вернувшихся в СССР после продажи дороги в 1935 г. В приказе НКВД от 20 сентября 1937 г. говорилось, что они «в подавляющем большинстве являются агентурой японской разведки». 23 октября издан приказ, в котором делался упор на то, что агентура иностранных разведок переходит границу под видом лиц, ищущих политического убежища, и предлагалось: «всех перебежчиков, независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию, немедленно арестовывать». Предавались суду и профессиональные революционеры, переходившие на территорию СССР. В результате выполнения названных приказов к 10 сентября 1938 г. были осуждены к расстрелу 172 830 человек, к разным мерам наказания — 46 912 человек.

Соображениями государственной безопасности были продиктованы и меры об «очищении» приграничной полосы от населения, этнически родственного народам сопредельных стран. Первые операции такого рода были проведены в 1929—1930 гг. Они коснулись небольшой части корейцев, поляков и финнов, живших в приграничных районах. С 1933 г. началось выселение неблагонадежных граждан из так называемых режимных городов, местностей и железнодорожных узлов (со временем их число достигло 340). С 1935 г. стала расширяться практика выселения из приграничной зоны шириной от 15 до 200 и даже (на Дальнем Востоке) — до 500 км. В апреле 1936 г. прави-

тельство СССР приняло решение о переселении из Украины в Казахстан 45 тыс. поляков и немцев. В 1937 г. из районов Дальнего Востока депортированы в Казахстан и Узбекистан 172 тыс. корейцев. С включением в СССР Западной Украины и Белоруссии, республик Прибалтики и Молдавской ССР политика депортаций получила дальнейшее развитие. За 1939—1941 гг. только на территории новых западных областей Украины и Белоруссии арестовано 134,5 тыс. бывших граждан польского государства и около 200 тыс. выслано.

Растущей подозрительностью в отношении всех, кто был прямо или косвенно связан с враждебными Советскому Союзу государствами, вызвана ликвидация многих культурно-образовательных и территориально-управленческих учреждений национальных меньшинств. 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК рассмотрело вопрос «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». В обосновании решения указывалось, что «в ряде областей и краев искусственно созданы различные национальные районы и сельсоветы (немецкие, финские, корейские, болгарские и др.), существование которых не оправдывается национальным составом их населения. Более того, в результате специальной проверки выяснилось, что многие из этих районов были созданы врагами народа с вредительскими целями». В результате численность национальных районов и сельских Советов в стране существенно уменьшилась.

Средством избавления ВКП(б) от членов, замешанных в связях с оппозицией и «врагами народа», были «чистки партии». По решению XVI партийной конференции генеральная чистка партии прошла в 1929—1930 гг. (исключено 7,8% коммунистов). Еще одна чистка проводилась по постановлению объединенного пленума ЦК и ЦКК (январь 1933 г.). К середине 30-х гг. в стране насчитывалось 1,5 млн бывших членов партии.

Жесточайшие репрессии и чистки выросли по существу из идейных споров, возникших после смерти Ленина между сталинистами и оппозицией. Вместе с тем логика идеи «социализма в одной стране» уже в 1934 г. привела к осознанию, что победа мировой революции невозможна без опоры на наиболее многочисленный в СССР русский народ, его патриотизм и национальные традиции. Эта же логика повлекла выдвижение во власть нового слоя людей.

Согласно официальным данным, в процессе «обострения классовой борьбы» за уголовные и политические преступления в 1929 — 1934 гг. по делам ОГПУ — НКВД приговорены к смерти 39 899 человек, причем большинство (77,4%) приходилось на 1930 и 1931 годы — первые годы массовой коллективизации; в 1935 г. — 1229 человек, в 1936 — 1118. В последующие два года «большого террора» число репрессированных достигло своего пика. В 1937 г. — 353 074 приговоренных к расстрелу, в 1938-м — 328 618.

Жертвами массового террора становились не только руководители партийных, советских, хозяйственных, военных структур, но и многие рядовые члены партии, деятели науки и культуры, инженеры, рабочие, колхозники. Молотов, оправдывая репрессии, утверждал позднее: «Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны».

§ 6. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Годы первых пятилеток были временем кардинальных изменений в национальной политике Советского государства. Если национальную политику 20-х гг. расценивать как постоянную уступку «националам», то с началом 30-х гг. начинает меняться отношение к русским национальным чувствам и интересам. Этот поворот обнаружил себя в решении положить конец экспериментам с русской национальной письменностью. В январе 1930 г. Политбюро ЦК дало указание прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита, рассматривавшейся ранее необходимым условием приобщения к «передовой» европейский культуре. 12 лет советской истории превращали этот проект в явный анахронизм.

Формально СССР уже назывался страной социалистической (значит, передовой) культуры, а латинизированный Запад — буржуазной (следовательно, отсталой). Вместе с тем победа мировой революции все далее отодвигалась за горизонт обозримого будущего, а объективные интересы СССР требовали знания единого межнационального языка от всех его граждан. Обстоятельствами исторического развития таким языком с давних пор становился русский, и власть проявила готовность признать эту роль языка вместе с кириллической основой его письменности. Латинизация стала представляться искусственной преградой, загораживающей нерусскому населению доступ к средству межнационального общения.

В октябре 1933 г. комиссия под руководством М. И. Калинина предложила заменить латинизированный алфавит у малочисленных народов СССР русским. В 1934 г. в только начавших создаваться школах для кетов и ительменов было решено ввести преподавание целиком на русском языке, в остальных школах народов Севера вводить его изучение со второго класса, и с третьего переводить на него обучение. Практически перевод на кириллицу письменности народов Севера (а позже и других) начался после выхода постановления Президиума ЦИК (июнь 1935 г.).

Показательным было также постановление Секретариата ЦК конца 1930 г., резко осуждавшее помещенные в «Правде» и «Известиях» фельетоны Демьяна Бедного, в которых в привычном дотоле духе огульно охаивались дореволюционная Россия как страна «рабски-ленивая, дикая, в хвосте у культурных Америк, Европ» и патриоты такой России с их якобы неизменно низменными чувствами. Предметом нападок фельетониста были К. Минин и Д. Пожарский, «исторических два казнокрада». Памятники таким патриотам предлагалось «взрывать динамитом» и вместе с прочим «историческим хламом» сметать с городских площадей. Бичевались «национальные черты» русских — «лень», «сидение на печке», «рабская, наследственно-дряблая природа». Фельетоны были осуждены как клевета на народ, развенчание СССР, русского пролетариата и как выражение троцкистских представлений о России.

В феврале 1931 г. краеугольный камень в основание нового идеологического курса в решении национального вопроса заложило выступление Сталина на всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. Он заявил: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость». Новое определение «социалистического отечества» потребовалось для того, чтобы сузить его неопределенные пролетарско-мировые очертания до реальных границ СССР. Это позволяло «реабилитировать» патриотизм в его привычном для широких масс виде, начать его культивирование как высшей доблести советских людей.

31 октября 1931 г. в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» Сталин сделал особое ударение на «русском первенстве» в мировом революционном движении. Он утверждал, что русский пролетариат является авангардом международного пролетариата, а последовательный и до конца революционный интернационализм большевиков — образец пролетарского интернационализма для рабочих всех стран. Согласно этому не западные марксисты должны давать уроки своим русским товарищам, а наоборот. Несогласие с подобного рода русоцентризмом означало, по определению Сталина, «троцкистскую контрабанду».

Окончательному закреплению поворота к признанию значимости отечественной истории и патриотизма в сплочении советского общества способствовал приход Гитлера к власти в Германии в январе 1933 г. под лозунгами национального возрождения, реваншизма и расширения «жизненного пространства» для немецкой нации. Развитие германских событий ускорило эволюцию сталинского режима в национал-большевистском направлении, все более отклонявшемся от курса на мировую революцию. 19 декабря 1933 г. Политбюро ЦК

заявило о готовности СССР вступить в Лигу Наций и заключить в ее рамках региональное соглашение «о взаимной защите от агрессии со стороны Германии». Вскоре после принятия 18 сентября 1934 г. СССР в Лигу Наций Сталин начал утверждать, что намерений произвести мировую революцию «у нас никогда не было».

Важные последствия имел анализ ситуации в Германии в Политбюро с участием Г. Димитрова. (В феврале 1933 г. он был обвинен в поджоге рейхстага и заключен в нацистскую тюрьму. Спустя год освобожден и вскоре после прибытия в Москву введен в Президиум Исполкома Коминтерна.) Политбюро пришло к выводу, что главная причина неудач коммунистов крылась в неправильном подходе к европейским рабочим, в пропаганде, замешанной на национальном нигилизме, игнорировании своеобразия национальной психологии. Димитров, избранный генеральным секретарем Исполкома Коминтерна, начал перестраивать его работу с учетом выявленных ошибок.

Исправление ошибок в СССР началось со снятия проклятия с «великорусского национализма». Постановление X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (март 1921 г.) решало этот вопрос однозначно: из двух возможных уклонов в национальном вопросе «особый вред» представляет «великорусский». XVII съезд партии (январь 1934 г.) предписал парторганизациям впредь руководствоваться положением о том, что «главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности». Как показали дальнейшие события, репрессии чаще всего сопрягались с обвинениями в местном национализме.

Важнейшее значение имел пересмотр взглядов на роль исторической дисциплины в школьном и вузовском образовании. Было признано необходимым использовать ее как мощное средство целенаправленного формирования общественного исторического сознания и воспитания патриотических чувств. С марта 1933 г. работала комиссия при Наркомпросе РСФСР по написанию нового учебника по истории России и СССР. Первые опыты оказались неудачными.

20 марта 1934 г. вопрос об учебнике стал предметом обсуждения на расширенном заседании Политбюро. Подготовленные учебники были забракованы Сталиным, считавшим, что в них представлены только «эпохи» без фактов, событий, людей. На заседании был сформулирован важный тезис о роли русского народа в отечественной истории. В этой связи Сталин заметил: «Русский народ в прошлом собирал другие народы. К такому же собирательству он приступил и сейчас».

По итогам обсуждения были сформированы и утверждены авторские группы по написанию новых учебников. В 1934—1937 гг. прошел конкурс на составление лучшего учебника по истории СССР. Его про-

ведение отразило столкновение национально-русской и национал-нигилистской позиций. Член конкурсной комиссии Бухарин полагал, что учебник должен содержать описание вековой русской отсталости и России как «тюрьмы народов». Этапы становления Руси — принятие христианства, собирание русских земель — предлагалось рассматривать с нигилистических позиций. В проекте, подготовленном группой И. И. Минца, события делились на революционные и контрреволюционные. Контрреволюционерами представлялись Минин и Пожарский. В этой связи, по свидетельству А. С. Щербакова, «уже в конце 1935 г. по указанию Центрального Комитета был поставлен вопрос о Минине и Пожарском, о защите Москвы... Поставленные вопросы многих удивили. Много было нигилизма к своей русской истории (непонимание наследства)».

Не дожидаясь итогов конкурса, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли 15 мая 1934 г. постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Три недели спустя, 9 июня, передовая статья «Правды» возвела в ранг высших общественных ценностей понятия «Родина», «патриотизм». Честь и слава, мощь и благосостояние Советского Союза провозглашались высшим законом жизни патриотов. Советский патриотизм (любовь и преданность своей родине) определялся как высшая доблесть советского человека. Опубликованное тогда же постановление ЦИК «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза СССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине» возводило такую измену в разряд преступления, караемого расстрелом виновного и лишением свободы членов его семьи. В августе 1934 г. Сталин, Жданов и Киров подготовили замечания о конспектах учебников по «Истории СССР» и «Новой истории». Замечания были незамедлительно доведены до сведения историков, участвовавших в создании учебников.

Таким образом определился курс на превращение СССР в родину советских патриотов. В качестве силы, призванной по-новому собирать другие народы, был признан русский народ. По сталинской футурологии, русские должны были стать своеобразным цементом «зональной» общности советских народов.

Новое качество этой общности отмечено в связи с принятием новой Конституции СССР. По Сталину, она стала результатом уничтожения эксплуататорских классов, «являющихся основными организаторами межнациональной драки»; наличия у власти класса — носителя идей интернационализма; фактического осуществления взаимной помощи народов. Наконец, она связывалась с расцветом национальной культуры народов СССР. «Изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, на-

стоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства».

Конституция СССР 1936 г. и конституции союзных республик, принятые на ее основе, не упоминали о национальных меньшинствах, существовавших в то время национальных районах и сельсоветах, о политике «коренизации», которой придавалось большое значение в 20-е гг. Было объявлено, что в Советский Союз входит «около 60 наций, национальных групп и народностей», несмотря на то что перепись населения 1926 г. зафиксировала в три раза больше национальностей, проживающих в стране. Все это не могло не свидетельствовать о коренном изменении политики в отношении национальных меньшинств и малых народов.

В начале 1936 г. пресса отмечала большие успехи на языковом фронте строительства социалистической культуры, выразившиеся, в частности, в переходе на латинизированный алфавит 68 национальностей, или 25 млн советских граждан. Для развития успеха ЦИК предлагал созвать всесоюзное совещание по вопросам языка и письменности национальностей СССР. Однако Сталин и Молотов неожиданно выступили против. Более того, в мае 1936 г. отдел науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК партии предложил осудить латинизацию как «левацкий загиб Наркомпроса и т. Луначарского». Работа по латинизации алфавитов критиковалась как надуманная и вредная, которая «не сближает малые национальности с основными народами, а разъединяет и отталкивает их». В июле 1937 г. Всесоюзный центральный комитет нового алфавита был ликвидирован.

Новая Конституция уже не рисовала перспективу превращения СССР в будущем в мировую республику. Она исходила из представлений об отечестве, суженном до реальных границ государства. Отношение к его прошлому резко менялось. Этот поворот был явно обозначен в год принятия Конституции. В начале 1936 г. Бухарин, живописуя в «Известиях» блеск большевистских достижений в перестройке страны, привычно пытался усиливать их сопоставлениями с позорной отсталостью дореволюционной России, темнотой и убогостью ее народов: «Нужны были именно большевики... чтобы из аморфной, малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала *нация* Обломовых, сделать ударную бригаду мирового пролетариата! ...Эта расейская растяпа! Эти почти две сотни порабощенных народов, растерзанных на куски царской политикой! Эта азиатчина! Эта восточная «лень»! Куда все это девалось?»

Упражнениям такого рода было решено положить конец. Передовая статья «Правды» гласила: «Только любители словесных выкрутасов, мало смыслящие в ленинизме, могут утверждать, что в на-

шей стране до революции «обломовщина была самой универсальной чертой характера».

«Правда» призывала преодолеть «левацкий интернационализм», непонимание того, что «коммунисты отнюдь не должны отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны». Дело изображалось таким образом, будто «партия всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии «Иванов, не помнящих родства», пытающихся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет».

Знаком решительных перемен на историческом фронте стала ликвидация Коммунистической академии, возглавлявшейся ранее Покровским. К преодолению ошибок его школы были привлечены ранее осуждавшиеся как «великорусские националисты» историки дореволюционной школы С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, А. И. Яковлев и др. Выученики «школы Покровского» (Н. Н. Ванаг, А. Г. Пригожин, С. Г. Томсинский, Г. С. Фридлянд и др.), не сумевшие правильно сориентироваться в новых условиях, были репрессированы. Их участь разделил и академик Н. М. Лукин (директор Института истории Комакадемии в 1932—1936 гг., затем директор Института истории АН СССР), бывший после смерти Покровского фактическим руководителем советских историков.

Основание «национальной» школы советских историков связывается с именем академика Б. Д. Грекова, возглавлявшего Институт истории АН СССР в 1937—1953 гг. Отличие новой исторической концепции от прежней заключалось в трактовке места и роли русского народа в отечественной и мировой истории.

В канун принятия новой Конституции СССР значимость новой исторической концепции наглядно продемонстрирована в случае с постановкой А. Я. Таировым в Камерном театре Москвы пьесы Д. Бедного «Богатыри». Герои былинного эпоса выведены в спектакле в карикатурном виде. В духе антирелигиозных кампаний 20-х гг. в спектакле было представлено крещение Руси как случайное событие «по пьяному делу». Казалось, что постановку с использованием музыки великого русского композитора А. П. Бородина ожидал больший успех в сравнении со столь же карикатурным спектаклем «Крещение Руси» (шел в Ленинграде в 1931—1932 гг.).

Однако реакция на «Богатырей» оказалась совершенно иной. На премьере спектакля был Председатель Совнаркома Молотов. Посмотрев один акт, он демонстративно встал и ушел. Режиссеру передали его возмущенную оценку: «Безобразие! Богатыри ведь были замечательные люди!» Пьеса Д. Бедного никак не соответствовала изменившемуся отношению к истории. Газета «Правда» подвергла спектакль подлинному разгрому. Официальная реакция на постановку,

усиленная многочисленными собраниями творческой интеллигенции, воочию демонстрировала серьезность намерений власти отбросить негодные традиции в изображении истории русского народа.

В 1937 г. концепция об исторической роли русского народа приобрела новую составляющую. «Великого» и «первого среди равных» впредь было предложено именовать еще и «старшим братом» других советских народов. Связано это было скорее всего с новой трактовкой старой задачи о ликвидации фактического неравенства наций. В 20-е гг. она отличалась явно некорректной прямолинейностью. Например, в книге Г. С. Гурвича «Основы Советской Конституции» (1929) утверждалось: «Одно из драгоценнейших прав отсталых наций в Советском Союзе есть их право на активную помощь, и праву этому соответствует обязанность «державной нации» оказать помощь, которая есть только возвращение долга».

Новое титулование русского народа позволяло по существу дезавуировать заявления об окончательном разрешении национального вопроса, которые вели к нежелательным практическим выводам, в частности о том, что дальнейшей помощи «отставшим» народам и регионам со стороны русского народа не требовалось. В интересах же «отставших» было продолжение политики ликвидации «остатков» национального неравенства. В 1938 г. обозначившаяся коллизия разрешилась в пользу продолжения помощи.

Концепция отечественной истории, отражавшая новое видение исторической роли русского народа, складывалась при подготовке нового школьного учебника по истории и сопровождалась постоянной критикой участников конкурса в нежелании отречься от схемы Покровского. Авторы почти всех 46 конкурсных рукописей учебников, заявил А. С. Бубнов на заседании жюри конкурса в январе 1937 г., проводят антиисторическую линию при анализе процесса собирания Руси, образования и укрепления Московского княжества. Их упрекали, в частности, в непонимании того, что вхождение Украины и Грузии в единоверное Московское царство в конкретных исторических условиях было «наименьшим злом» для этих народов. Историков призывали к пересмотру старой точки зрения, «которая изображала колониальную политику России как сплошное черное пятно в истории».

Лучшим из представленных на конкурс учебников был признан «Краткий курс истории СССР» для 3—4 классов, подготовленный историками Московского государственного педагогического института во главе с А. В. Шестаковым. Советский период истории рассматривался в нем в преемственной связи с общим развитием российской государственности. Доработанный с участием опытных историков старой школы (К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, В. И. Пичета) и утвержденный в июле 1937 г.

текст учебника представлял своеобразный сплав двух главных идей — возвеличивания старой государственности, а также неизбежности и благотворности победы социализма в России. В начале октября 1937 г. издание вышло в свет. Воплощенные в нем государственно-патриотическая концепция отечественной истории, идея преемственности лучших традиций предков новыми поколениями соотечественников повторялись другими учебниками.

Для занятий в высшей школе были рекомендованы переизданные тогда же курс русской истории В. О. Ключевского, материалы из учебника по русской истории С. Ф. Платонова, другие работы историков старой школы. Решено было переиздать «Историю XIX века» французских историков Э. Лависса и А. Рамбо — с частью, посвященной истории России. Особенно примечательно в этом издании предисловие Е. В. Тарле, напечатанное и в журнале «Большевик». Роль России и русского народа в мировой истории представлялась здесь в духе, диаметрально противоположном «школе Покровского». Россия, писал Тарле, была не только жандармом Европы; от начала и до конца XIX в. она оказывала колоссальное влияние на судьбы человечества. Этот век был временем, когда русский народ властно занял одно из центральных, первенствующих мест в мировой культуре. Россия дала миру не только четырех титанов — Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского. Одно из первых мест заняли русские и в области живописи (Суриков, Репин, Верещагин, Серов), и в музыке (Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков, Даргомыжский, Рахманинов и Чайковский), и в точной науке (Лобачевский, Менделеев, Лебедев, В. Ковалевский). Этот век «был временем, когда впервые особенно ярко проявилось мировое значение русского народа, когда впервые русский народ дал понять, какие великие возможности и интеллектуальные и моральные силы таятся в нем и на какие новые пути он может перейти сам и в будущем повести за собой человечество».

Новая историческая концепция, утверждавшаяся в 1936—1937 гг., отнюдь не была лишь событием науки. В условиях подготовки к войне она становилась основой массовой пропаганды, героико-патриотического воспитания, духовной мобилизации населения на защиту Родины. Традиции Гражданской войны и пролетарской солидарности для Отечественной войны мало подходили. Новым целям историко-патриотического воспитания служили и широкое празднование столетия памяти А. С. Пушкина в начале 1937 г., и выход на экраны в июле кинофильма «Петр Первый», в котором российский император предстал перед зрителями положительным героем, величайшим государственным деятелем, пекущимся исключительно о благе отечества. 7 сентября 1937 г. состоялось открытие Бородинского исторического музея, приуроченное к 125-летию войны с Наполеоном.

Оно стало поводом для прославления фельдмаршала Кутузова и других полководцев, еще недавно изображавшихся врагами трудящихся, реакционерами.

§ 7. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

С конца 20-х гг. на обстановку в мире и внешнюю политику СССР во многом влиял мировой экономический кризис, приобретший наиболее выраженный характер в 1929—1933 гг. Это привело к значительному сокращению промышленного производства в развитых капиталистических странах: в США — на 46%, в Германии — на 40%, во Франции — на 31%, в Англии — на 16%. Начало кризиса расценивалось в СССР, и особенно в Коминтерне, как предвестие нового этапа долгожданной мировой пролетарской революции. Однако капитализм в очередной раз продемонстрировал свою прочность: кризис был преодолен. Во многом — благодаря усилению государственного вмешательства в экономическую и общественную жизнь и перекачке ресурсов из колониальных и зависимых стран. Преодоление кризиса в силу особенностей разных стран носило либерально-реформистский (характерный для США, Англии), социал-реформистский (скандинавские страны, на первых порах Франция) и тоталитарный (Германия, Италия, Япония) характер.

Советский Союз, приступивший к модернизации своей экономики в условиях враждебного окружения, фактически был вынужден вести борьбу за выживание. В наиболее отчетливой форме такая стратегия выражена И. В. Сталиным в феврале 1931 г. на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Внешняя политика на период форсированной модернизации страны имела целью обеспечить безопасность для проведения реконструкции народного хозяйства страны и создания надежных Вооруженных сил, способных оградить страну от внешней угрозы.

По Конституции страны, самыми высокими полномочиями в области внешних сношений обладал Верховный Совет СССР. Общее руководство сношениями возлагалось на правительство. В действительности непосредственно руководили внешней политикой Политбюро и его глава. Повседневную внешнеполитическую деятельность осуществляли Наркомат (министерство) иностранных дел (главы: Г. В. Чичерин, 1923—1930 гг.; М. М. Литвинов, 1930—1939 гг.; В. М. Молотов, 1939—1949 гг.), внешнеэкономическую — наркоматы, ведавшие внешней торговлей.

В начале 1-й пятилетки внешнюю политику СССР пришлось

вести в условиях усиления интервенционистских настроений в империалистических странах. Стремясь к мирному сосуществованию государств с различными социально-политическими системами, Советский Союз присоединился к подписанному в Париже девятью державами в августе 1928 г. «пакту Бриана—Келлога» (инициаторы — министр иностранных дел Франции и госсекретарь США) об отказе от войны как средства внешней политики и первым ввел его в действие. В октябре 1929 г. удалось восстановить дипломатические отношения СССР и Великобритании, разорванные в 1927-м.

В том же, 1929 г. Советская страна впервые после окончания Гражданской войны подверглась серьезной военной провокации. 10 июля отряды маньчжурских войск и белогвардейцев разгромили советское консульство в Харбине; захватили Китайско-Восточную железную дорогу, находившуюся с 1924 г. в совместном советско-китайском управлении; арестовали советскую администрацию дороги (более 200 человек). Одновременно маньчжурские войска начали обстреливать советские пограничные заставы и населенные пункты. Попытки советского правительства разрешить конфликт мирными средствами были сорваны, 16 августа оно разорвало дипломатические отношения с Китаем. Была создана Особая дальневосточная армия под командованием В. К. Блюхера (18,5 тыс. бойцов и командиров), которая в октябре—ноябре 1929 г. изгнала интервентов из советских районов Приморья и Забайкалья. 22 декабря 1929 г. было подписано советско-китайское соглашение, по которому на КВЖД восстанавливалось прежнее положение. Однако полномасштабное восстановление дипломатических отношений между двумя странами произошло лишь в 1932 г.

В 1931 г. на Дальнем Востоке возникла новая опасность. Япония, захватив Маньчжурию, стала превращать ее в военный плацдарм для нападения на СССР. Началась интенсивная подготовка Квантунской армии к будущей войне. Япония отказывалась подписать предложенный СССР пакт о ненападении. В 1935 г. Советский Союз был вынужден продать КВЖД властям Маньчжоу-Го (Маньчжурская империя, создана Японией на территории северо-восточных провинций Китая; существовала с марта 1932 г. до августа 1945 г.). Поставлен он был также и перед необходимостью преодолевать экономическую блокаду со стороны западных держав.

В 1930 г. Вашингтон и Лондон обвинили СССР в вывозе на мировой рынок товаров по демпинговым ценам и добились введения запретов на советский экспорт. Правительство Франции в мае 1930 г. выступило с планом создания блока европейских государств под названием «пан-Европа», направленного против Советского Союза. Враждебную политику в отношении СССР вело правительство США. Оно упорно отказывалось признать его.

Советское правительство отвечало на эти меры перенесением внешнеторговых сделок на страны, которые воздерживались от подобных действий. В условиях кризиса многие капиталистические фирмы, несмотря на эмбарго, продавали Советскому Союзу станки и оборудование. В США удалось закупить до 50% общего экспорта тракторов из этой страны, в Германии — около 25% сельскохозяйственных машин, в Англии — более 10% текстильного оборудования, в Польше — почти все ее литье. Таким образом, советские заказы даже помогали выходу экономики этих стран из кризиса. Поэтому и деловые круги Запада были заинтересованы в нормализации отношений с СССР. В результате Франция отменила запретительные меры в отношении советского экспорта, Германия и Италия предоставили Советскому Союзу кредиты.

В 1932 г. международные позиции СССР значительно окрепли. После длительных переговоров состоялось подписание договоров о ненападении с Латвией, Эстонией, Финляндией, Францией и Польшей. В том же году советская делегация выступила на Международной конференции в Женеве с предложением о всеобщем и полном разоружении.

В 1933 г., в условиях нарастания военной угрозы в Европе (после прихода в Германии к власти фашистов) и Азии (в связи с агрессией Японии против Китая), СССР стал участником Конвенции об определении агрессора и выступил с инициативой создания системы коллективной безопасности в Европе и Азии. В августе 1933 г. он подписал акты об определении агрессора с Литвой, Ираном, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Чехословакией, Эстонией, Югославией и Афганистаном. В 1934 г. к Конвенции присоединилась Финляндия. В сентябре 1933 г. заключен договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Италией. Позиции нашей страны укрепились также с признанием существования Советского Союза правительством США. Дипломатические отношения между СССР и США были установлены 16 ноября 1933 г.

20 декабря 1933 г. состоялось важное заседание Политбюро ЦК, рассмотревшее разработанный Наркоматом по иностранным делам план по созданию системы коллективной безопасности. Одобрение нового внешнеполитического курса на развертывание «борьбы за коллективную безопасность против агрессоров», заключение «регионального соглашения о взаимопомощи большого числа европейских государств», возможность вступления СССР в Лигу Наций означало отказ от обанкротившейся тактики «разжигания мировой революции» и сосредоточение на борьбе за сохранение мира на Европейском континенте.

18 сентября 1934 г. СССР был принят в Лигу Наций. К середине 30-х гг. он установил дипломатические отношения с большинством

стран мира. Одной из его инициатив было предложение о заключении «Восточного пакта», в который, помимо СССР, вошли бы Польша, Чехословакия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Германия. Пакт предусматривал оказание военной помощи любому его участнику, подвергшемуся агрессии, кто бы ни был агрессором, и был направлен на то, чтобы создать препятствие на пути развязывания войны, в первую очередь со стороны Германии. Одновременно предлагалось заключить и Тихоокеанский пакт с участием СССР, США, Англии, Голландии и Японии. Предложения не были приняты. В сентябре 1934 г. отвергла свое участие в пакте Германия. Ее поддержала Польша. Однако Советскому Союзу удалось заключить в мае 1935 г. пакты о взаимопомощи в случае агрессии с Францией и Чехословакией. Тогда же обе эти страны заключили договор о взаимопомощи между собой.

В СССР была резко сокращена риторика о мировой революции. VII конгресс Коминтерна, работавший в Москве в июле—августе 1935 г., провозгласил курс на создание единого антифашистского народного фронта. Между тем обстановка на Европейском континенте продолжала обостряться. В 1935 г. фашистская Германия односторонним актом порвала Версальский мирный договор 1919 г., введя в марте всеобщую воинскую повинность и объявив о создании военной авиации. В июне 1935 г. Великобритания и Германия заключили морское соглашение, разрешавшее Германии, вопреки Версальскому договору, иметь военно-морской флот до одной трети надводных и почти половину подводных судов от уровня английского флота. 3 октября 1935 г. Италия напала на Абиссинию (Эфиопию) и оккупировала ее в начале мая следующего года. 9 мая 1936 г. в Риме провозглашено создание итальянской империи. Из крупных держав только СССР, не имевший дипломатических отношений с Абиссинией, решительно выступил в ее защиту. Однако западные державы блокировали советские предложения о бойкоте агрессора.

7 марта 1936 г. гитлеровская Германия отказалась от Локарнских соглашений 1925 г., по которым обязалась соблюдать положения Версальского мирного договора относительно демилитаризации Рейнской области, ввела войска на ее территорию и вышла к границам Франции. Последняя не воспользовалась правом по Версальскому договору принудить Германию отвести свои войска. В сентябре 1936 г. в Нюрнберге прошел съезд нацистской партии, который объявил о четырехлетнем плане подготовки Германии к большой войне за «жизненное пространство» для немцев. 30 января 1937 г. Гитлер заявил в рейхстаге о том, что «Германия убирает свою подпись с Версальского договора». После этой декларации новая война в Европе становилась неизбежной.

25 октября 1936 г. воодушевленные безнаказанностью агрессоры оформили Берлинским соглашением союз Германии и Италии под названием «Ось Берлин—Рим». В нем признавался захват Италией Эфиопии, устанавливалась общая линия поведения в отношении событий в Испании, фиксировалась договоренность о разграничении сфер «экономического проникновения» на Балканах и в бассейне реки Дунай. Образование «оси» положило начало формированию блока фашистских агрессоров, готовивших Вторую мировую войну.

Продолжением этой политики стало подписание 25 ноября 1936 г. Германией и Японией «Антикоминтерновского пакта». Участники этого соглашения обязывались информировать друг друга о деятельности революционной пролетарской организации и вести борьбу против нее. Другим государствам рекомендовалось «принять оборонительные меры» в духе соглашения или присоединиться к пакту. Пакт был нацелен против СССР, где располагалась штаб-квартира Коминтерна. В 1937 г. к пакту присоединилась фашистская Италия.

Германия вместе с Италией участвовала в интервенции против республиканской Испании. В феврале 1936 г. к власти в этой стране по результатам выборов пришло правительство Народного фронта, созданного по инициативе компартии. В июле того же года в стране вспыхнул военно-фашистский мятеж, возглавленный генералом Ф. Франко, который опирался на «Испанскую фалангу» (правую политическую партию Испании, основанную в 1933 г.) и большую часть армии (до 100 тыс. человек). Лига Наций отклонила требование республиканского правительства о применении коллективных действий против агрессоров. Из Германии и Италии в помощь сторонникам Франко направлялись военная техника, вооружение, а также офицеры, военные инструкторы. Когда этого оказалось недостаточно, начали поступать регулярные войска: из Германии — более 50 тыс. (легион «Кондор»), из Италии — около 200 тыс. Правовой основой появления этих лишь формально добровольческих войск интервентов стало признание 18 ноября 1937 г. Германией и Италией режима Франко.

В развернувшейся гражданской войне помощь испанским республиканцам оказывали коммунисты и социалисты многих стран. Советский Союз, откликнувшись на просьбу законного испанского правительства, поставлял республиканцам оружие и военную технику. Около 3 тыс. советских добровольцев (военные советники, летчики, танкисты, моряки и другие специалисты) сражались против фалангистов в рядах интернациональных бригад, включавших более 50 тыс. человек из 64 стран мира.

Англия, Франция и другие западные державы проводили политику «невмешательства» в национально-революционную войну. С сентября 1936 г. в Лондоне работал Международный комитет по невме-

шательству в дела Испании, состоящий из представителей 27 европейских стран. Однако, как вскоре обнаружилось, фактически он стал служить ширмой для прикрытия германо-итальянской интервенции в Испании. Советский представитель в комитете И. М. Майский вел борьбу за прекращение помощи мятежникам со стороны Германии, Италии, Португалии, оказывавшейся при пособничестве Англии, Франции и фактическом попустительстве США. В октябре 1936 г. правительство СССР заявило, что, поскольку соглашение о невмешательстве «перестало фактически существовать», оно считает необходимым «вернуть правительству Испании права и возможность закупать оружие вне Испании». Благодаря усилиям Советского Союза в сентябре 1937 г. удалось заключить соглашение о мерах борьбы с пиратскими действиями подводных лодок фашистских держав. Однако политика пособничества агрессии не позволила сделать Комитет по невмешательству действенным политическим инструментом. Это во многом предопределило падение республиканской Испании.

Укрепляя свои позиции на Дальнем Востоке, СССР в марте 1936 г. заключил договор о взаимопомощи с Монгольской Народной Республикой. Это было предупреждением для японских милитаристов. Однако, продолжая экспансию на Дальнем Востоке, Япония 7 июля 1937 г. напала на Китай, оккупировала его северные районы, захватила Шанхай, Пекин и другие важные центры. В этих условиях Советский Союз, подписав 21 августа 1937 г. с Китаем договор о ненападении, предоставил ему крупный заем на льготных условиях, поставлял самолеты, оружие, горючее.

Таким образом, к концу 1937 г. усилия СССР по организации системы коллективной безопасности не достигли своих целей. Не удалось использовать и возможности создания широкого народного фронта для совместной борьбы против фашизма и войны.

Глава 9

СССР НАКАНУНЕ ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ 1938—1941

§ 1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ. РАСШИРЕНИЕ СССР

События, которые разворачивались на международной арене с началом 3-й пятилетки в СССР, все отчетливее обнаруживали втягивание мировых держав в орбиту военной эскалации.

Не встречая сопротивления со стороны Англии, США и Фран-

ции, Гитлер в марте 1938 г. оккупировал Австрию и провозгласил ее присоединение к Германии. 16 апреля премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен подписал соглашение с главой фашистского правительства Италии Б. Муссолини. Оно содержало обязательство Италии отозвать своих «волонтеров» из Испании, но только «после окончания гражданской войны». Тем самым британское правительство молчаливо соглашалось на участие итальянских войск в борьбе на стороне Франко.

Весной 1938 г. национально-освободительная война испанского народа вошла в заключительную фазу. Преимущество, остававшееся за республикой до августа 1936 г., стало переходить к франкистам. Политика пособничества агрессии практически парализовала работу Комитета по невмешательству, и после 5 июля 1938 г. он фактически перестал действовать. В марте 1938 г. мятежники, усилившись за счет новой помощи от немцев и итальянцев, прорвали Арагонский фронт и 15 апреля вышли к Средиземному морю, разрезав надвое территорию республики. 28 марта 1939 г. пал Мадрид. В стране установилась фашистская диктатура. Главой государства стал Ф. Франко, сразу же присоединивший Испанию к «Антикоминтерновскому пакту».

В конце сентября 1938 г. Великобритания и Германия приняли декларацию, содержащую обязательство «никогда не воевать друг с другом». 6 декабря такую же декларацию о ненападении подписала Франция с Германией. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне полагал, что с этого момента германская политика «ориентирована на борьбу против большевизма».

29 сентября 1938 г. Германия на переговорах в Мюнхене добилась согласия Великобритании и Франции на отторжение от Чехословакии Судетской области, населенной в основном немцами (в Чехословакии наряду с 7,5 млн чехов, 2,5 млн словаков проживало почти 3,5 млн немцев), а в марте 1939 г. с «согласия» тогдашнего чехословацкого президента Э. Гахи оккупировала всю территорию этой страны. 16 марта декретом Гитлера Чехословакия была расчленена на протекторат Богемия и Моравия, включенный в состав Третьего рейха, и Словакию, ставшую фактически полным вассалом Германии. Вслед за тем 22 марта немецкие войска заняли литовский порт Мемель (Клайпеда), навязав Литве «договор» об уступке этого порта Германии. 23 марта в Бухаресте был подписан румынско-германский договор о развитии экономических отношений, по которому румынское правительство обязалось принять меры по увеличению добычи и переработки нефти для поставки ее в Германию. В том же месяце Гитлер предъявил территориальные претензии Польше, потребовав включения Данцига в состав Германии. Польша отвергла эти требования. Гитлер расторг договор о ненападении с Польшей. В апреле 1939 г. союзница Германии — Италия оккупировала Албанию.

В феврале 1939 г. к «Антикоминтерновскому пакту» (в котором объединялись Германия, Япония и Италия) присоединились Венгрия и Маньчжоу-Го. Месяцем позже пакт подписала Испания. 27 сентября 1940 г. он был превращен в открытый военный союз («Берлинский пакт»). В ноябре 1941 г. действие пакта продлялось на 5 лет. Тогда же к нему присоединились Болгария, Финляндия, Румыния, Дания, правительства Словакии, Хорватии и Нанкина (столица Китая, находившаяся в 1937—1945 гг. в зоне японской оккупации). Этим было закончено оформление складывавшегося с середины 30-х гг. агрессивного блока фашистских государств и их сателлитов.

Одновременно с обострением политической ситуации в Европе накалялась обстановка на Дальнем Востоке. Милитаристская Япония, оккупировав северные районы Китая, в 1938 г. продолжила войну за захват всей этой страны. В июле 1938 г. японские войска вторглись на советскую территорию Приморья в районе озера Хасан, в мае 1939 г. совершили нападение на Монголию в районе реки Халхин-Гол. Изгнав агрессоров с советской земли, Советский Союз, связанный с МНР пактом о взаимопомощи, пришел ей на помощь. Англия пыталась подогреть советско-японский конфликт, обязуясь не препятствовать действиям Японии в Китае, что было зафиксировано в июле 1939 г. англо-японским соглашением, вошедшим в историю как «дальневосточный Мюнхен». В августе 1939 г. советско-монгольские войска, сведенные в 1-ю армейскую группу под командованием Г. К. Жукова (57 тыс. бойцов и командиров), разгромили японских интервентов. 15 сентября в Москве было подписано соглашение между СССР, МНР и Японией о ликвидации конфликта.

СССР оказывал морально-политическую поддержку и значительную материальную помощь народу Китая в его борьбе за национальную независимость. К середине февраля 1939 г. в Китае работали и участвовали в борьбе с японскими захватчиками 3665 советских военных специалистов. Всего с осени 1937 до начала 1942 г., когда советские советники и специалисты в основном выехали из Китая, в тылу и на фронтах антияпонской борьбы трудилось и воевало более 5 тыс. советских людей. За эти годы СССР поставил Китаю 1285 самолетов, 1600 орудий, 82 танка, 1850 тракторов, большое количество пулеметов, винтовок, боеприпасов, имущества связи, медицинского оборудования.

К концу 30-х гг. СССР имел дипломатические отношения с большинством стран мира. С 1934 г. он был представлен в Лиге Наций, международной межправительственной организации, призванной обеспечивать «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности». В 1935 г. наша страна заключила с Францией и Чехословакией договоры о взаимопомощи в случае агрессии.

Однако сентябрьский (1938) мюнхенский сговор премьер-министров Н. Чемберлена (Великобритания) и Э. Даладье (Франция) с А. Гитлером и Б. Муссолини и его одобрение правительством США вновь поставили СССР в положение международной изоляции, практически сводя на нет усилия по созданию действенной системы коллективной безопасности. Советское правительство осудило мюнхенскую сделку как незаконную, но это не изменило сложившейся ситуации. В условиях быстрого роста военного потенциала Германии западные страны стояли перед выбором. Они могли пойти на создание единого фронта против потенциального агрессора и в этом случае — на взаимодействие с СССР или договариваться с Германией за счет третьих стран. Западные «демократии» пошли по второму пути.

Судя по докладу И. В. Сталина на XVIII съезде партии (10 марта 1939 г.), советское правительство стремилось «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». Оно критиковало политику «нейтралитета» Англии и Франции, за которым угадывалось желание «не мешать Германии впутаться в войну с Советским Союзом». Из речи следовало, что именно Англия и Франция, а не Германия, являются поджигателями войны. Таким образом, открывалась возможность сближения СССР с Германией.

Тем не менее после оккупации Чехословакии, произошедшей в дни работы съезда, советское правительство в целях предотвращения новой агрессии со стороны Германии внесло 17 апреля 1939 г. предложение о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи и военной конвенции. Гитлер, уже принявший решение о подготовке войны с Польшей, стремился не допустить англо-франко-советского договора и предложил западным державам заключить «пакт четырех» (Германия, Италия, Англия, Франция). Советскую линию в хитросплетениях мировой политики был призван проводить Молотов. 3 мая 1939 г., оставаясь Председателем СНК, он заменил на посту наркома иностранных дел М. М. Литвинова.

В конце мая британское и французское правительства сделали свой выбор в пользу переговоров по политическим вопросам с СССР. Однако их истинной целью было не столько достижение конкретных договоренностей, сколько противодействие возможной нормализации отношений между Германией и СССР. Британский премьер-министр заявил, что он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами», который предусматривал бы немедленную помощь Англии и Франции Советскому Союзу, если последний окажется в состоянии войны с Германией. Переговоры Молотова с британским и французским дипломатическими представителями в Москве в июне—июле 1939 г. успеха не имели. Западные партнеры не хотели связывать себя

обязательствами гарантировать независимость пограничным с СССР державам от Балтийского до Черного моря.

Считая целесообразным для успокоения общественного мнения какое-то время поддерживать переговоры, французское и британское правительства согласились продолжить переговоры о заключении одновременно с политическим и военного соглашения с СССР. Однако их военные миссии, прибывшие в Москву 12 августа, состояли из второстепенных лиц, не имевших полномочий на его заключение. Советская сторона на переговорах предложила план, предусматривающий совместные действия вооруженных сил трех стран во всех возможных случаях агрессии в Европе. Запрошенное в этой связи правительство Польши отказывалось принять предложение о пропуске советских войск через свою территорию в случае нападения Германии. Переговоры зашли в тупик. Сожалея об упущенных возможностях, бывший французский премьер П. Рейно в 1947 г. говорил: «С кем мы должны были заключить союз? Здравый смысл, география, история и планы Гитлера давали нам ясный ответ на этот вопрос. Когда Гитлер объявил о своем намерении «рассчитаться» с Францией, а потом расчленить Россию, он, можно сказать, собственноручно толкал наши страны к заключению союза. Но, может быть, в этом союзе, который был столь явно необходим, нам отказали? Нет, нам его предлагали, но мы сами его отвергли». Неудача англо-франко-советских переговоров в Москве в августе 1939 г. способствовала развязыванию Германией Второй мировой войны.

Прекращение Москвой англо-франко-советских переговоров во многом объясняется также получением ею к этому времени конкретного предложения от Германии о «возобновлении политической линии, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий». Оно было подтверждено Гитлером в телеграмме Сталину от 21 августа 1939 г. Германия явно опасалась успешного завершения московских англо-франко-советских переговоров.

Обсуждая с членами Политбюро складывающуюся ситуацию, Сталин решал непростую дилемму: «Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Англией, то Германия откажется от Польши и станет искать «модус вивенди» с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта». Ему явно импонировал второй вариант развития событий. Помимо всего прочего, он вполне согласовывался с подписанным 19 мая 1939 г. секретным франко-польским протоколом, по которому Франция обязалась в случае агрессии оказать Польше не-

медленную военную помощь, а также с заключенным 25 августа того же года соглашением о взаимопомощи между Англией и Польшей.

19 августа 1939 г. советское правительство дало согласие на прибытие в Москву И. Риббентропа. В тот же день в германской столице подписано торгово-кредитное соглашение, предусматривавшее предоставление СССР 200-миллионного кредита на 5 лет под 4,5% годовых. Соглашение стало поворотным моментом в развитии отношений между СССР и Германией.

23 августа 1939 г. после трехчасовых переговоров в Москве был подписан советско-германский пакт о ненападении сроком на 10 лет, получивший название «пакт Молотова—Риббентропа». Приложенный к нему секретный протокол определял разграничение сфер интересов двух стран в Европе. Особый смысл имели положения протокола о том, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР... В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, границы сфер интересов Германии и СССР будут приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана... Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях». Это означало, что в случае войны немецкие войска не будут вторгаться в Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию, а на территории Польши продвигаться дальше названных рек.

Договор и протокол стали политико-юридической базой для дальнейшего развития советско-германских отношений. Они потеряли силу после нападения Германии на СССР. Делая выбор в пользу рокового августовского решения, сталинское руководство по примеру Англии и Франции также предпочло занять позицию «невмешательства», чтобы при случае не проливать кровь за чужие интересы и, более того, «подталкивать» одну капиталистическую страну против другой. Во всяком случае, договор давал возможность выиграть время для укрепления обороны СССР. Вдобавок он ослаблял единство внутри фашистского блока. Например, правительство Японии 25 августа 1939 г. решило прекратить линию на усиление антикоминтерновской «оси» между Японией и Германией и «ликвидировать прежние планы». Кабинет министров во главе с К. Хиранумой, выступавший застрельщиком совместной японо-германской войны против СССР, 28 августа подал в отставку.

Как показало дальнейшее развитие событий, «пакт Молотова—Риббентропа» в значительной степени предопределил победный ис-

ход Великой Отечественной войны. Кто знает, если бы у СССР не было двух дополнительных лет подготовки к отражению агрессии, немецкие армии, начав наступление с прибалтийского плацдарма, могли бы быстро дойти до Москвы. Вместе с тем послевоенная публикация секретного протокола, в котором подписавшие его государственные деятели фактически решали судьбы третьих стран без их участия, вызвала справедливое осуждение этих деятелей в СССР и других странах мира.

1 сентября Германия напала на Польшу. 3 сентября войну Германии объявили Великобритания и Франция. Началась Вторая мировая война. Польская армия не смогла оказать достаточного сопротивления германским войскам и отступала к востоку. 17 сентября части Красной армии вошли на территорию Польши, заняли западноукраинские и западнобелорусские земли. Польша как независимое государство перестала существовать. 28 сентября был подписан советско-германский договор «О дружбе и границе», по которому западная граница СССР проходила по рекам Западный Буг и Нарев. Договор сопровождался секретным дополнительным протоколом, гласившим, что подписанный 23 августа 1939 г. документ изменяется «таким образом, что территория Литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии».

В походе во имя освобождения «единокровных украинцев и белорусов» советскими войсками были взяты в плен 450 тыс. польских военнослужащих, в том числе 18,8 тыс. офицеров. Судьба многих из них оказалась трагичной. По решению Политбюро ЦК от 5 марта 1940 г. 21 857 офицеров и других арестованных поляков были расстреляны. Сказалась неприязнь к «белополякам», беспощадно уничтожавшим пленных красноармейцев во время и после советско-польской войны 1920 г. (К сентябрю 1921 г. из 130 тыс. русских пленных в Польше погибло 60 тыс.) «Катынское дело» — своего рода «ответное преступление» сталинского режима, которое углубляло противоречия с соседним народом.

После «освободительного похода» на запад Украины и Белоруссии взоры советского правительства были устремлены на Финляндию. В октябре 1939 г. ее правительству СССР предложил отодвинуть на несколько десятков километров советско-финляндскую границу на Карельском перешейке и сдать Советскому Союзу в аренду территорию у входа в Финский залив для обеспечения защиты Ленинграда. После того как эти предложения были отвергнуты, советское руководство начало войну. В качестве предлога использован обстрел советской пограничной территории у деревни Майнила на Карельском перешейке, объявленный финнами провокацией Москвы.

Начавшиеся 30 ноября военные действия рассматривались советской стороной как завершение борьбы с «финской белогвардейщиной». Многие страны Запада не сочли позицию СССР убедительной. В декабре Советский Союз как «агрессор» был исключен из Лиги Наций.

Неся большие потери, части Красной армии в феврале 1940 г. прорвали финскую систему укреплений (линию Маннергейма) и начали наступление на Хельсинки. 12 марта был заключен советско-финляндский мирный договор. Согласно договору к СССР отходила значительная территория на Карельском перешейке, передавался в аренду полуостров Ханко. 31 марта 1940 г., после всех этих событий, в составе СССР образована новая, 12-я по счету, Карело-Финская союзная республика. Ее правительство возглавил известный деятель Коминтерна О. В. Куусинен.

В июне 1940 г. советское правительство обвинило Латвию, Литву, Эстонию в нарушении пактов о взаимопомощи, заключенных в сентябре—октябре 1939 г., и ввело на их территории свои войска. Во всех трех странах были сформированы просоветские правительства, а вскоре при поддержке местного населения провозглашены Латвийская, Литовская и Эстонская ССР, которые в августе 1940 г. были включены в состав СССР.

В конце июня 1940 г. СССР потребовал от правительства Румынии вывести войска из оккупированной в 1918 г. Бессарабии, а также из Северной Буковины, населенной преимущественно украинцами. Бессарабия присоединена к Молдавской АССР, которая была преобразована в 16-ю союзную советскую республику. Северная Буковина вошла в состав Украины.

Стремясь также обезопасить и свои дальневосточные рубежи, советское руководство весной 1941 г. добилось подписания договора о нейтралитете с Японией. Оккупировав к тому времени Северный Индокитай, она расширяла экспансию в южном направлении и не желала быть раньше времени втянутой в войну с СССР по союзническим обязательствам с Германией. Советско-японский пакт о нейтралитете сроком на 5 лет был подписан 13 апреля после непростых переговоров с министром иностранных дел Японии И. Мацуокой.

Германия, находившаяся с сентября 1939 г. в состоянии войны с Великобританией и Францией, под влиянием быстрого успеха в Польше сосредоточилась на расширении «жизненного пространства» за счет западных стран. 9 апреля 1940 г. гитлеровские войска вторглись в Данию и Норвегию, 10 мая — в Бельгию, Нидерланды, Люксембург, затем в результате блицкрига одержали верх над Францией, которая капитулировала 24 июня. С 10 июня на стороне Германии в войне участвовала Италия. Потери Германии — 27 тыс. убитых в кампании против Франции, — по немецким оценкам, были вполне

терпимы, «учитывая грандиозность достигнутого успеха». Экономика оккупированных стран была поставлена на службу рейху.

События 1939—1940 гг. оказались далеки от прогнозов Сталина. Самый большой его просчет состоял в том, что соседние с Германией страны оказали неожиданно слабое сопротивление агрессии. Изнурительной «драки» между капиталистическими странами, по существу, не случилось. Потенциал Германии не только не был ослаблен, но и значительно возрос. Однако для успешного завершения войны с Англией ресурсы Германии оказались недостаточными. Гитлер поддался соблазну сначала нарастить их за счет завоевания СССР, а потом достичь господства над всей Европой.

В июле 1940 г. в германском генштабе началась разработка конкретного плана войны против СССР, и уже 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил директиву, согласно которой вооруженным силам предписывалось «разбить Советскую Россию в кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии (вариант «Барбаросса»)». По «оптимистическим» прогнозам, кампания могла быть успешно завершена за 1,5—2 месяца, по «более осторожным» — за 4—5. Во всяком случае, войну планировалось закончить в 1941 г. до наступления зимы. Ставка делалась на уничтожение СССР и радикальное сокращение его населения от военных действий, голода и насильственного выселения на восток от линии Астрахань—Волга—Архангельск. Гитлеровцы рассчитывали, что сопротивление нашествию можно ослабить путем выдвижения лозунга освобождения советских людей от «угнетательской», чуждой народу «жидо-большевистской» власти.

10 июня 1941 г. Верховное командование Германии отдало приказ: «22 июня, 3 часа 30 минут, начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу». Нападение на СССР было отложено на месяц от ранее намечавшегося срока в связи с непредвиденной войной Германии против Югославии, где 27 марта было свергнуто профашистское правительство, присоединившееся к Тройственному пакту (соглашение о политическом и военно-экономическом союзе между участниками антикоминтерновского пакта от 27 сентября 1940 г., известное также как «ось Берлин—Рим—Токио»). Война велась с 6 по 17 апреля и закончилась поражением Югославии. До 29 апреля Германия была занята также войной с Грецией.

Неотвратимость войны с Германией отчетливо осознавалась высшим руководством СССР и подавляющей частью советского народа. Определенно имелись люди, видевшие в надвигавшейся войне возможность побед очередных «большевистских революций». Сталин же, занявший 5 мая 1941 г. пост Председателя Правительства, сознавал неготовность Вооруженных сил к участию в современной вой-

не. Надеясь, что пока Германия не разделается с Англией, она не решится напасть на СССР, он избрал тактику всемерного оттягивания начала войны с тем, чтобы завершить техническое перевооружение и увеличить численность армии. В конкретных условиях июня 1941 г. сталинская тактика привела к катастрофе.

По широко распространенному мнению, если бы военным и политическим деятелям, обладавшим данными о неотвратимом нападении Германии на СССР, удалось убедить Сталина в необходимости привести войска в боевое состояние хотя бы за 10—12 часов до нападения, победа в войне наступила бы задолго до 1945 г. В действительности директива о возможном нападении немцев и их союзников «в течение 22—23 июня» и необходимости войскам соответствующих военных округов «быть в полной боевой готовности» была передана в округа в 00.30 мин 22 июня, за три часа до начала войны, и не успела дойти даже до всех командиров дивизий.

§ 2. ПРЕДВОЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

К началу 3-й пятилетки техническая модернизация СССР была в основном завершена. По общему объему промышленного производства страна вышла на первое место в Европе и второе в мире после США. Однако по эффективности производства СССР все еще значительно отставал от США, Англии, Франции, Германии. Третий пятилетний план развития народного хозяйства рассчитывался на 1938—1942 гг. Окончательная разработка, утверждение его XVIII съездом партии (10—21 марта 1939 г.) и выполнение пришлись на годы постоянного нарастания военной угрозы.

Задачей нового пятилетнего плана было догнать и перегнать наиболее передовые капиталистические страны по производству на душу населения. Объем капитальных вложений в народное хозяйство устанавливался планом в 192 млрд руб., что почти равнялось вложениям за 1928—1937 гг. Планировалось увеличить объем промышленной продукции на 92%, в 1,5 раза увеличить производство продукции сельского хозяйства и народное потребление. Расширялись угольно-металлургическая база на востоке страны, нефтяная — между Волгой и Уралом. Особое внимание уделялось развитию качественной металлургии и химической промышленности. Особенностью индустриализации на этом этапе было форсированное наращивание потенциала машиностроения, оборонной промышленности; создание стратегических резервов. Доля расходов на оборону в государственном бюджете выросла с 5,4% в первой пятилетке до 12,7% во второй и до 25,4% в третьей.

Стремительное развертывание производства потребовало разукрупнить громоздкие главки и наркоматы. В 1940 г. число промышленных наркоматов увеличилось с 6 до 21. Каждый из них осуществлял руководство технологически однородными отраслями производства. По решению XVIII Всесоюзной партийной конференции (февраль 1941 г.) в горкомах, обкомах и крайкомах партии был создан институт секретарей по основным отраслям промышленности и транспорту. Предусматривалось новое увеличение расходов государства на оборону: с 1939 по июнь 1941 г. их доля в бюджете повысилась с 26 до 43%. В восточных районах строились оборонные заводы и предприятия-дублеры. Накануне войны там находилась почти пятая часть всех военных заводов.

За три первых года 3-й пятилетки валовая продукция промышленности выросла в 1,5 раза (машиностроения — в 1,7) и составляла 86% от уровня, намеченного на конец пятилетки. Введено в действие около 3 тыс. новых крупных промышленных предприятий. Среди вступивших в строй были Уфимский нефтеперерабатывающий завод (1938), Грозненский нефтемаслозавод (1939), Среднеуральский медеплавильный завод (1939), целлюлозно-бумажные комбинаты в Волжске Марийской АССР (1938) и в Сегеже Карельской АССР (1939), Уральский алюминиевый завод (1939), Новотагильский (1940) и Петровско-Забайкальский (1940) металлургические заводы, Кемеровская ТЭЦ (1940), Угличская ГЭС (1940). В 1939 г. было закончено строительство крупных оросительных систем в долине реки Вахш в Таджикистане, Чимбайской системы в Узбекистане, Алхан-Чуртской, Алейской, Терско-Кумской систем в РСФСР.

Численность промышленных рабочих в стране за мирные годы 3-й пятилетки выросла с 7,9 до 8,3 млн человек (на 5%), количество строителей осталось на уровне 1937 г. (1,9 млн), транспортники увеличили свои ряды с 1,9 до 2,4 млн (на 26,3%). Общее число рабочих в этих ведущих отраслях народного хозяйства с 1937 по 1940 г. выросло с 11,6 до 12,6 млн человек (на 8,6%). Большую роль для качественного пополнения рабочего класса стала играть созданная в 1940 г. система трудовых резервов, позволявшая готовить значительно более квалифицированных рабочих по сравнению с прежней системой индивидуальной подготовки и краткосрочного обучения в системе ФЗУ.

Поистине жертвенный труд народа обеспечил увеличение выпуска промышленной продукции в 1940 г. на 45% по сравнению с 1937 г. Ежегодный прирост всей промышленной продукции в мирные годы 3-й пятилетки составлял в среднем 13%, а оборонной — 39%. Опасность близившейся войны требовала всемерного развертывания работы предприятий военно-промышленного комплекса. Наркомат оборонной промышленности СССР, созданный в 1936 г., в январе 1939 г.

был разделен на четыре самостоятельных общесоюзных наркомата: авиационной промышленности (руководители: М. М. Каганович, А. И. Шахурин), судостроительной промышленности (И. Ф. Тевосян, И. И. Носенко), вооружения (Б. Л. Ванников, Д. Ф. Устинов), боеприпасов (И. П. Сергеев, П. Н. Горемыкин). На укрепление отрасли военной промышленности были брошены все силы и средства, часто в ущерб остальным отраслям. Например, в 1939 г. Ростсельмаш выполнил свое годовое плановое задание на 80%, но в том числе план по военной продукции — на 150%. Однако опыт войны в Испании показал, что советские истребители И-16 и танки БТ-5 с появлением у немцев истребителя «Мессершмитт-109» и танков Т-3 устарели. Надо было срочно ликвидировать отставание.

Развитию авиационной промышленности во многом способствовала деятельность ЦАГИ (научный руководитель С. А. Чаплыгин). В 1940 г. институт был подвергнут новой реконструкции. Из опытно-конструкторского бюро, в недавнем прошлом возглавлявшегося А. Н. Туполевым, выделились самостоятельные конструкторские бригады во главе с В. М. Петляковым, А. А. Архангельским, П. О. Сухим, В. М. Мясищевым. Были созданы новые конструкторские бюро под руководством А. И. Микояна, М. И. Гуревича, С. А. Лавочкина, М. И. Гудкова, В. П. Горбунова. В области моторостроения наряду с действовавшими конструкторскими бюро В. Я. Климова, А. А. Микулина, А. Д. Шевцова стали работать коллективы С. К. Туманского, Е. В. Урмина, А. Д. Чаромского и др. Деятельность этих и других конструкторских бюро содействовала укреплению оборонного потенциала СССР.

В конце 30-х — начале 40-х гг. страна осваивала производство новых видов военной техники, превосходивших зарубежные аналоги: танк Т-34 (конструкторы М. И. Кошкин, А. А. Морозов, Н. А. Кучеренко), тяжелый танк «Клим Ворошилов» (Ж. Я. Котин), реактивный миномет БМ-13 (А. Г. Костиков, Ю. А. Победоносцев, И. И. Гвай и др.), штурмовик Ил-2 (С. В. Ильюшин). В серийное производство были запущены верно служившие в годы войны истребители Як-1 (конструктор А. С. Яковлев), МиГ-3 (А. И. Микоян, М. И. Гуревич), ЛаГГ-3 (С. А. Лавочкин, М. И. Гудков, В. П. Горбунов), скоростной пикирующий бомбардировщик Пе-2 (В. М. Петляков). Хорошо зарекомендовали себя в годы войны артиллерийские орудия и минометы, созданные в 30-е г. В. Г. Грабиным, И. И. Ивановым, Ф. Ф. Петровым, автоматическое оружие В. А. Дегтярева и Ф. В. Токарева.

Широкое применение в танко- и судостроении, в изготовлении многих других металлоконструкций получили созданные в 1939 г. в институте электросварки АН УССР под руководством Е. О. Патона аппараты скоростной автоматической электросварки под слоем флю-

са. На вооружение Красной Армии приняты системы для радиообнаружения самолетов и определения расстояния до них, разработанные под руководством Ю. Б. Кобзарева (РУС-1) и А. Б. Слепушкина (РУС-2). В 1940 г. создан первый отечественный гидролокатор «Тамир». Показателем успешного продвижения ученых и техников СССР в области ракетостроения является состоявшийся 28 февраля 1940 г. первый полет (летчик-испытатель В. П. Федоров) на экспериментальном одноместном ракетоплане с жидкостным ракетным двигателем конструкции С. П. Королева.

Все это позволяло существенно повысить техническую оснащенность Красной армии и Военно-морского флота. С января 1939 г. по 22 июня 1941 г. промышленность СССР дала армии 17 745 боевых самолетов, свыше 7 тыс. танков, около 30 тыс. полевых орудий, почти 52,4 тыс. минометов. С 1938 г. флот пополнили 276 боевых кораблей, в том числе 212 подводных лодок. Ежегодный прирост военной продукции в 1938—1940 гг. втрое превосходил прирост всей промышленной продукции. Однако и при таких темпах полностью обеспечить армию новым вооружением можно было лишь в 1942—1943 гг.

При реализации к июню 1941 г. трех первых пятилетних планов (соответственно 2-й, 3-й и 4-й этапы индустриализации) был обеспечен постоянный рост промышленного производства (в среднем на 15% за год). В строй действующих вступило около 9 тыс. крупных, передовых по мировым меркам тех лет, промышленных предприятий. Во второй половине 30-х г. СССР достиг экономической независимости от Запада. Если в 1913 г. доля России в мировой торговле составляла 3,9%, а в 1929 г. — 1,3%, то в 1938 г. она снизилась до 1,1%. Это означало, что страна, даже оказавшись в полной экономической изоляции, могла продолжать развиваться, опираясь на возможности только своей промышленности.

Валовой внутренний продукт СССР в 1941 г. достиг 219 млрд руб. (в сопоставимых для всего XX в. ценах) и был в 1,6 раза больше, чем в 1937 г., и на 4,8% превышал уровень предвоенного 1940 г. Однако расширение объемов производства мало сказывалось на уровне жизни населения. Цены на потребительские товары в годы 3-й пятилетки продолжали расти, хотя и не так значительно, как в годы первых двух пятилеток. Правда, на отдельные виды товаров цены снижались. В целом за 3 предвоенные пятилетки индекс розничных цен вырос в 6,3 раза, а индекс заработной платы — в 6,4 раза. Доступность товаров населению увеличилась незначительно.

В 1939 г. среднегодовая заработная плата рабочих и служащих по СССР составляла 3943 руб., на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири — 5396 руб. По данным на 1940 г., среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих народного хозяйства СССР равнялась 331 руб.; средняя зарплата рабочих промышленно-

сти — 324 руб., инженерно-технических работников — 696, служащих — 360 руб., зарплата строительных рабочих — 311 руб., рабочих в сфере торговли, общественного питания, материально-технического снабжения — 206 руб., рабочих в совхозах — 207 руб. Розничные цены 1940 г. на товары народного потребления позволяют составить представление о покупательной способности этих сумм. По данным на 1940 г. зарплата председателя райисполкома составляла 17 тыс. руб. в год, торгпред во Франции получал 16 тыс., первый секретарь ЦК ВЛКСМ — 24 тыс. руб. В 1939 г. власти обнаружили, что примерно такой же доход (15—20 тыс. руб.) приносит подсобное хозяйство отдельных крестьянских хозяйств, и стали жестче следить за «порядком»: участки, превышающие нормы колхозного устава, обрезали, личный скот передавался в колхозы, размеры обязательных поставок государству с подсобных хозяйств были увеличены.

8 февраля 1932 г. Политбюро отменило так называемый партмаксимум — максимальный уровень окладов коммунистов, занимавших руководящие посты в государственных и общественных учреждениях и организациях, соизмеримый с зарплатой высококвалифицированных рабочих. В результате уже на протяжении 30-х гг. разрывы в уровне жизни (с учетом не только зарплаты, но и обеспеченности жильем, одеждой, личным транспортом, качества питания, медицинского обслуживания и т.д.) между верхушкой номенклатуры и наименее обеспеченными слоями населения стали приближаться к величинам, характерным для капиталистического общества, хотя пока еще и сдерживались установкой на материальный эгалитаризм. Постановления СНК СССР (от 25 мая 1936 г. и от 9 мая 1937 г.) предусматривали выплату дотаций в размере 80 руб. на питание работникам аппарата ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, ряда центральных партийных учреждений. В таком же размере дотация выплачивалась работникам обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик и горкомов партии областных и республиканских центров.

Жизнь большинства рядовых тружеников оставалась тяжелой. Начало Второй мировой войны не оставляло надежд на ее облегчение. 17 сентября 1939 г. Молотов еще говорил по радио о том, что «страна обеспечена всем необходимым», а люди бросились запасаться самым необходимым. Соль, спички, крупы и другие «стратегические» продукты были сметены с магазинных полок.

Выполнение напряженных планов 3-й пятилетки во многом обеспечивалось возвратом к милитаризации труда. Под угрозой заключения рабочим и служащим было запрещено переходить с одного предприятия на другое без разрешения дирекции. В 1938 г. были введены «трудовые книжки», которые хранились в отделе кадров по месту работы. В них записывались как благодарности за хорошую работу, так и нарушения трудовой дисциплины. Без отметки в трудовой книжке о

причинах увольнения с предыдущего места работы человека не могли принять на новую работу.

В 1940 г. рабочий режим промышленных предприятий стал еще более жестким. Если в 1939 г. опоздание на работу на 20 мин без уважительной причины считалось прогулом, то с 1940 г. за это рабочий мог быть осужден на шесть месяцев «условно»: он продолжал трудиться на своем месте, но у него вычитали до 25% заработка в пользу государства. С 26 июня 1940 г. длительность рабочего дня увеличилась с 7 до 8 ч, вместо шестидневной рабочей недели была введена семидневная. Воскресенье, соответственно религиозной традиции, вновь стало единым днем отдыха. Ранее оно таковым не было: с 24 сентября 1929 г. действовала пятидневная рабочая неделя (4 дня работы и 1 день отдыха), а с декабря 1931 г. еще и шестидневная (5 дней работы и 1 выходной). Помимо воскресных дней, нерабочими были 22 января, 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября, 5 декабря.

Фактически многие отрасли промышленности переводились на полувоенные рельсы. С 1940 г. ежегодно проводилась мобилизация молодежи для обучения в ремесленных училищах. Стремление построить коммунизм в одной стране, догнать и перегнать наиболее передовые капиталистические страны по производству на душу населения в этих условиях приобретало специфические очертания.

Высокие темпы промышленного развития в 30-е гг. были достигнуты как за счет низкого стартового уровня, так и тотального внедрения командных методов руководства. Целям форсированной индустриализации отвечало массовое использование дешевой рабочей силы и энтузиазма масс, воодушевленных идеей строительства бесклассового общества. Большую роль сыграли различные формы соревнования (ударничество в годы 1-й пятилетки, стахановское движение во 2-й и 3-й) за выполнение и перевыполнение производственных заданий. Для стимулирования производительного труда 27 декабря 1938 г. были учреждены звание Герой Социалистического Труда и медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие». Утопическое сознание формировалось официальной пропагандой, утверждавшей, к примеру, что «коммунизм станет в ближайший исторический период таким же реальным фактом, каким является уже построенный в основном социализм — первая фаза коммунизма».

Такая пропаганда велась в период, когда в стране широко использовался труд сотен тысяч заключенных. К началу войны ГУЛАГ включал 53 лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, 50 колоний для несовершеннолетних. Внутри системы были созданы специальные отраслевые управления. Общее количество заключенных выросло со 179 тыс. в 1930 г., до 996 тыс. в конце 1937 г. и до 2,2 млн в канун войны. В одних только лагерях в 1940 г. число заключенных составляло более 1,5 млн. Трудом заключенных выполнялось до 10%

всех объемов работ и до 20% общего объема строительных работ в стране. В 1940 г. удельный вес капиталовложений, освоенных НКВД, в общих централизованных капитальных вложениях достиг самого высокого уровня за весь период 30—50-х гг. — 14%. По объему выпускаемой продукции система ГУЛАГа занимала 1-е место среди всех наркоматов. На предприятиях НКВД производили цемент, строили пароходы, катера, баржи, автотракторные прицепы, дорожную технику, сельскохозяйственные орудия, выпускали мебель, трикотаж, обувь и многое другое.

К 1939 г. в «ведомстве Берии» оказался ряд талантливых конструкторов и инженеров, возникли конструкторские бюро, именуемые на лагерном жаргоне «шарашками». В них работали авиаконструкторы А. Н. Туполев, В. М. Петляков, В. М. Мясищев, ракетостроители С. П. Королев, В. П. Глушко. Одна из причин недоверия ко многим из них заключалась в том, что они начинали свою деятельность в научно-исследовательских институтах и конструкторских бюро, курируемых по военной линии «троцкистом» М. Н. Тухачевским. Всего на учете в ГУЛАГе к концу 1939 г. состояло свыше 36 тыс. специалистов различных профессий, но только несколько сотен (по данным на июль 1939 г. — 316 человек) работали по своей специальности.

Заключенные внесли значительный вклад в решение ряда насущных технических и экономических задач. Однако следует принимать во внимание, что в общем числе экономически активного населения страны (более 100 млн человек) доля заключенных составляла не более 2%. Их труд не использовался в таких областях экономики, как электроэнергетика, машиностроение, транспорт и другие решающие области экономики. Производительность труда заключенных не могла быть выше, чем у тружеников основных производств. Это значит, что общий вклад ГУЛАГа в создание ВВП вряд ли мог намного превышать долю его обитателей в общем числе занятых в народном хозяйстве.

В годы 3-й пятилетки стабилизировалось положение в аграрном секторе, производство имело тенденцию к росту, хотя и сдерживалось переключением внимания и ресурсов на оборонные отрасли хозяйства. Если в канун «революции сверху» в стране ежегодно производилось 72—73 млн т зерна, более 5 млн т мяса, свыше 30 млн т молока, то в конце 30 — начале 40-х гг. соответственно: 75—80, 4—5 и 70 млн т. В расчете на душу населения валовой сбор зерна достиг примерно 475 кг, и это было серьезным достижением, на центнер превышавшим дореволюционную норму. Вместе с тем в конце 20-х гг. эту продукцию производили 50—55 млн единоличников, а в предвоенные годы 30—35 млн колхозников и рабочих совхозов.

К началу Великой Отечественной войны в СССР производилось товарного зерна больше, чем перед Первой мировой войной. Повы-

шение производительности труда в деревне обеспечило высвобождение для индустрии, других отраслей народного хозяйства и Вооруженных сил 20 млн человек. Оценивая итоги драматической истории коллективизации, В. П. Данилов, один из крупнейших отечественных историков, писал: «Уже в первые годы коллективизации — даже при общем снижении сельскохозяйственного производства — стало возможным сначала вдвое, а затем втрое увеличить хлебозаготовки, обеспечить экспортные операции и снабжение городов, армия беженцев из деревни пополнила армию городского рабочего класса... Иными словами, насильственная коллективизация предопределила в некоторой мере успех индустриализации, нашу победу над фашизмом».

Численность Красной армии, перешедшей в 1938 г. от территориально-кадровой к кадровой системе комплектования, быстро наращивалась. 1 сентября 1939 г. в СССР был принят закон «О всеобщей воинской обязанности». В соответствии с ним призывной возраст снижался с 21 года до 18 лет, увеличивались сроки военной службы, удлинялся срок пребывания военнообязанных в запасе. Это позволило уже через год удвоить армейские ряды. В начале 1939 г. в Вооруженных силах СССР служили 2485 тыс. человек, а к 22 июня 1941 г. — 5774 тыс. (Для сравнения: германский вермахт на 15 июня 1941 г. насчитывал 7329 тыс. человек.) Для улучшения управляемости Вооруженными силами были разукрупнены военные округа: в 1933 г. их было 8, к началу 1939 г. — 14, к июню 1941 г. — 16. Помимо этого, имелся Дальневосточный фронт, 4 военно-морских флота и 5 военных флотилий. В руководство армией выдвигались командиры, отличившиеся в Испании, Монголии и Финляндии. В мае 1940 г. С. К. Тимошенко сменил К. Е. Ворошилова на посту наркома обороны. В июне 1940 г. Г. К. Жуков выдвинут на пост командующего войсками Киевского особого военного округа, а в январе 1941 г. — на пост начальника Генштаба — заместителя наркома обороны СССР.

Подготовке молодежи к военному делу способствовало развертывание оборонно-массовой работы в стране. Только в Добровольном обществе содействия обороне, авиации и химическому строительству к 1941 г. состояло около 14 млн человек. Квалифицированные военные кадры готовились в быстро расширявшейся системе военных училищ и школ. Офицерский корпус советских Вооруженных сил за 1937—1940 гг. вырос в 2,8 раза, при этом число офицеров с высшим и средним военным образованием увеличилось в 2,2 раза — со 164 тыс. до 385 тыс. Однако, по данным на начало 1941 г., в сухопутных войсках некомплект комсостава составлял 66,9 тыс. командиров, в летно-техническом составе ВВС — 32,3%. Лишь 7,1% наличного комсостава имели высшее военное образование. К началу Великой Отечественной войны три четверти командиров находились на своих должностях менее года и не обладали должным военным опытом.

3-я пятилетка модернизации народного хозяйства страны завершила целый период развития советской экономики, начатый 1-й пятилеткой. За это короткое время были заложены основы успешного развития советской экономики на протяжении нескольких последующих десятилетий. Была фактически заново создана материальная база развития тяжелой промышленности и пищевой промышленности, коренной реконструкции подверглась материально-техническая база растениеводства, создано крупное производство в сельском хозяйстве, обучена огромная масса инженерно-технических работников и рабочих. Был подобран сильный состав руководящих работников в промышленности и на транспорте, в управлении экономикой. Была создана разветвленная сеть научно-исследовательских институтов, высших и средних учебных заведений. Начали создаваться специализированные строительные производства. Наиболее слабыми местами советской экономики в предвоенный период, которые только начали преодолеваться в 3-й пятилетке, были низкая квалификация большинства рабочих и инженерно-технических работников основных отраслей экономики, расточительное использование материальных и производственных фондов, плохая организация труда, низкое качество продукции. Одни из этих недостатков носили системный характер, другие стали следствием ускоренных темпов индустриализации и коллективизации. Значительная их часть была обусловлена малым опытом управления командной экономикой при необходимости направлять огромные средства на укрепление военной мощи страны.

17 января 1939 г. в СССР проведена Всесоюзная перепись населения, призванная заменить январскую (1937), которую признали дефектной. В 1937 г. в СССР насчиталось 162 млн человек. Это означало, что население страны по сравнению с переписью 1926 г. увеличилось на 15 млн человек. Однако результат существенно расходился с прогнозами, по которым численность населения Союза должна была составить 166—180 млн человек. На этом основании результаты переписи, которые по оценкам современных историков являются довольно точными (считается, что перепись недоучла около 0,4% населения страны, 700 тыс. человек), посчитали сфальсифицированными (а значит, увеличивавшими и без того большую цифру потерь населения от репрессий). Данные 1939 г. некоторые современные специалисты считают завышенными на 1,6—1,7%.

Перепись 1939 г. зафиксировала 170,5 млн человек, в РСФСР — 109,4 млн. Она отразила бурный процесс урбанизации страны в межпереписной период. Городское население СССР выросло за это время на 34,3 млн человек (в России на 19,8 млн). Если в 1926 г. горожанами были 17,8% жителей СССР и 17,9% жителей РСФСР, то в 1939 г. в СССР горожан насчиталось 31,7%, а в России — 33,5%.

Коренные изменения в социальном составе общества выразились прежде всего в росте числа рабочих (33,3% от всего населения), колхозников и кооперированных кустарей (47,2%), служащих и интеллигенции (16,5%). Сохранялся небольшой слой крестьян-единоличников и некооперированных кустарей — 2,6%.

С присоединением к СССР в 1939—1940 гг. новых территорий численность советских людей на 22 июня 1941 г. выросла до 196,7 млн человек. 73% жителей страны насчитывали три славянских народа. Русских было около 102 млн человек (51,8%), украинцев — около 34 млн (17,6%), белорусов — более 7 млн (3,6%). Демографический потенциал Советского Союза был гораздо более высоким, нежели тот, которым располагал его вероятный военный противник. К началу Второй мировой войны население Германии насчитывало 69,3 млн человек. Аншлюс Австрии (март 1938 г.) увеличил население Третьего рейха до 80 млн человек.

§ 3. УДАРЫ ПО ПОТЕНЦИАЛУ «ПЯТОЙ КОЛОННЫ»

К середине 30-х гг. руководство СССР во многом прониклось представлениями и пыталось убедить все население страны в том, что во всех партийных, советских, хозяйственных органах, в руководстве Красной армии безнаказанно орудуют «враги народа». «Очищение» страны от «внутренних врагов» приобрело массовый характер в 1937 г. Столь же интенсивно оно велось и в 1938-м, что было вызвано, по заверениям сталинистов, необходимостью ликвидации «пятой колонны» в условиях надвигавшейся войны. Это было верным только отчасти. Одновременно это была борьба за сохранение сталинского режима. Оппозиционеры, вероятно, не только в 20-е, но и на протяжении значительной части 30-х гг. искали пути устранения Сталина и его ближайшего окружения.

Из судебных процессов, проведенных в 1938 г., наиболее громким был процесс по делу «Правотроцкистского антисоветского блока». Он начался 2 марта в Октябрьском зале Дома Союзов. На скамье подсудимых находился 21 человек. Трое из них были членами ленинского состава Политбюро — Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Н. Н. Крестинский. Еще один бывший член этой когорты — М. П. Томский — покончил жизнь самоубийством накануне ареста. Среди подсудимых были также бывшие высшие работники центрального государственного и партийного аппарата — наркомы внешней торговли А. П. Розенгольц. лесной промышленности В. И. Иванов, земледелия М. А. Чернов, финансов Г. Ф. Гринько, внутренних дел Г. Г. Ягода, председатель Центросоюза И. А. Зеленский.

В качестве подсудимых оказался также ряд бывших первых лиц в

руководстве союзных республик: председатель СНК Украины Х. Г. Раковский, 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии В. Ф. Шарангович, председатель СНК Узбекской ССР Ф. У. Ходжаев, 1-й секретарь ЦК КП Узбекистана А. И. Икрамов. К этим главным политическим обвиняемым были присоединены несколько бывших работников менее высокого ранга — советник советского торгпредства в Берлине, секретарь НКВД, заместитель наркома земледелия, бывшие секретари Ягоды, Куйбышева и М. Горького, 3 врача.

13 марта 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР объявила приговор. Для 18 подсудимых — смертный. В результате этой и подобных судебных и внесудебных расправ физически ликвидировали значительную часть старой большевистской гвардии, многочисленных представителей партийного и государственного аппарата, заподозренных в нелояльности и непригодности.

В 1938 г. завершились чистки по «национальным операциям». Общее число репрессированных по ним за 1937—1938 гг. составило 335 513 человек, из которых приговорено к расстрелу 247 157 (73,6%). Предавались суду и профессиональные революционеры, переходившие из сопредельных стран на территорию СССР. В январе 1938 г. Политбюро ЦК приняло специальное решение — расстреливать всех задерживаемых перебежчиков, если они перешли границу «с враждебной целью», когда же такой цели не обнаруживалось — осуждать на 10 лет тюремного заключения.

Репрессии по национальному признаку не обошли и силовые структуры. В соответствии с директивой наркома обороны (24 июня 1938 г.) из армии подлежали увольнению военнослужащие всех «национальностей, не входящих в состав Советского Союза», в первую очередь — родившиеся за границей, а также имеющие там родственников. В мае 1938 г. ЦК партии дал указание об удалении из органов НКВД всех сотрудников, имеющих родственников за границей и происходивших из «мелкобуржуазных» семей. Из руководящего состава НКВД исчезли поляки, латыши, немцы, значительно сократилось число евреев (с 21,3% на начало сентября 1938 г. до 3,5% — к концу 1939).

К концу 1938 г. борьба за уничтожение «пятой колонны» пошла на спад. 17 ноября правительственным постановлением запрещалось проведение «массовых операций по арестам и выселению» и осуждалось «нарушение законности». 25 ноября от должности наркома внутренних дел освобожден, в апреле 1939 г. арестован по обвинению в заговоре и в феврале 1940 г. расстрелян Н. И. Ежов. Его участь разделил 101 высший руководитель ведомства — все заместители наркома, почти все начальники отделов центрального аппарата НКВД, наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники многих краевых, областных и городских управлений. При новом

наркоме Л. П. Берии масштабы репрессий сократились. В 1939 г. «за контрреволюционные и государственные преступления» приговорены к смерти 2552 человека, в 1940 г. — 1649, в 1941 г., включая военное полугодие, — 8001 человек. В 1939—1940 гг. реабилитированы и освобождены из мест заключения 837 тыс. человек.

О масштабах репрессий в самой правящей партии можно судить по динамике исключений из ее рядов: в 1937—1938 гг. — 216 тыс. человек, в 1939 г. — 26,7 тыс., в 1940 г. — около 40 тыс. В то же время в 1939—1940 гг. в партии восстановлено 164,8 тыс. человек. Из 34 членов Политбюро, входивших в него в 1917—1939 гг., репрессировано 17, из 27 членов Секретариата ЦК — 15, из 64 членов Оргбюро — 42, из 71 члена ЦК — 49, из 18 председателей и заместителей председателя Совнаркома СССР — 10.

В марте 1939 г. Сталин обнародовал цифры, согласно которым на XVIII съезде партии было представлено на 270 тыс. коммунистов меньше, чем на предыдущем съезде в 1934 г. За период между съездами «были выдвинуты на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 тыс. молодых большевиков, партийных и примыкающих к партии». Если предположить, что выдвижения осуществлялись главным образом для замены репрессированных руководителей, то можно сделать заключение и о числе репрессированных коммунистов, занимавших руководящие посты в партии и государстве.

В результате репрессий, завершивших «революцию сверху», в стране окончательно утвердился режим личной власти Сталина, который умел подчиняться социальным и экономическим реальностям, но и в дальнейшем широко использовал страх, жестокое насилие наряду с иными методами управления обществом.

Наиболее пострадавшей от репрессий оказалась Красная армия, особенно ее высший командный состав. Из 837 человек, имевших в 1935 г. персональные воинские звания от полковника и выше, арестовано 720 (86%). Всего же в 1937—1938 гг. из РККА уволено 37 тыс. офицеров (для сравнения: до 1935 г. во всей армии их было около 40 тыс.), из них по политическим мотивам — 29 тыс. К 1941 г. 13 тыс. из них были восстановлены в армии, арестовано было до 8 тыс., расстреляно — до 5 тыс. человек. Число уволенных составляло около 2,5% от общей численности офицеров накануне войны.

Выдающиеся военные деятели СССР позднее почти единодушно отмечали губительную роль репрессий в армии в предвоенные годы. Маршал Г. К. Жуков считал: «Не будь 1937 года, не было бы и лета 1941 года». Такой же позиции придерживался маршал И. С. Конев. «Не подлежит сомнению, — говорил он, — что если бы тридцать седьмого — тридцать восьмого годов не было, и не только в армии, но и в партии, в стране, то мы к сорок первому году были бы несрав-

ненно сильней, чем были». «А я скажу больше, — утверждал маршал А. М. Василевский. — Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году». Правда, некоторые, например известный философ А. А. Зиновьев, утверждали: «Если бы не сталинские жестокие меры, нас уже в 41-м году не было бы».

§ 4. МОДЕРНИЗАЦИЯ В КУЛЬТУРЕ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА НАСЕЛЕНИЯ К ВОЙНЕ

Модернизацию в культуре в основном определяла политика советского руководства в сфере образования и науки. Со времен Гражданской войны в стране велась ликвидация неграмотности. Созданы были тысячи школ, кружков, пунктов, где грамоте обучали взрослых и детей. С середины 30-х действовала эффективная система народного образования. В средней и высшей школе фактически была восстановлена дореволюционная модель с регламентированной системой занятий и достаточно жесткими требованиями к оценке знаний. Введены обязательные государственные программы обучения, стабильные учебники, строгий порядок учебного процесса. Вместе с тем политика во многом подчинялась задаче создания тотального контроля над всей социокультурной сферой жизни общества.

В соответствии с правительственным постановлением «О работе по обучению неграмотных и малограмотных» (январь 1936 г.) к концу 30-х гг. расширено обучение взрослых в средних общеобразовательных школах. В 1939 г. здесь обучалось более 750 тыс. человек (81% — в подготовительных и 5—7-х классах, 19% — в 8—10-х классах). Налажена была система заочного обучения взрослых с использованием консультационных пунктов. В РСФСР заочным обучением было охвачено около 40 тыс. человек.

К концу 30-х гг. в стране функционировало 152 тыс. школ, более 800 вузов (в 1917 г. их было немногим более 100, в 1941 г. — 817), более 3,7 тыс. техникумов и других средних специальных учреждений. Число учащихся в школах достигло 34 млн, в вузах — 601 тыс., в техникумах — 1,1 млн. Всего же в стране обучалось около 48 млн человек. В городах к этому времени был завершен переход к семилетнему образованию, поставлена задача перехода к всеобщему среднему образованию в городах и семилетнему — в сельской местности и национальных районах.

С 1920 по 1940 г. в стране было обучено грамоте до 60 млн взрослых, и это великое достижение, несомненно, повышавшее духовно-нравственное состояние социума. В 1940/41 учебном году количество учащихся средних школ по сравнению с 1937 г. увеличилось почти в 10 раз, почти в 3 раза выросло число учащихся неполных

средних школ на селе. Число лиц, имеющих среднее образование, росло с каждым годом. Если в 1918—1928 гг. среднее образование, полное и неполное, общее и специальное, в среднем за год получали 67 тыс. человек, то в 1929—1932 гг. — уже 222 тыс., а в 1938—1940 гг. — 468 тыс. В начале 40-х г. СССР вышел на первое место в мире по числу учащихся, по темпам и объему подготовки специалистов.

По данным переписи 1939 г., 81,2% жителей СССР умели читать и писать (в 1913 г. — 27%). Однако в целом уровень грамотности в стране оставался невысоким: лиц со средним образованием насчитывалось 7,8%, с высшим — 0,68%. Имели образование не выше начального 90%, грамотных в объеме семилетки — 12,3% всего населения, 8% рабочих и 1,8% колхозников. Даже на самом «верху», среди членов и кандидатов в члены ЦК, всей номенклатуры союзных и автономных республик, краев и областей, с высшим образованием было всего 6%, у большинства из них образование ограничивалось двухклассной церковно-приходской школой и различного рода краткосрочными курсами, совпартшколами. На 1 января 1941 г. высшего образования не имели 81,6% руководящих работников и специалистов в промышленности (от директора до мастера и экономиста цеха). Эти цифры — явное свидетельство незавершенности модернизации культуры. Тем не менее фактическая ликвидация безграмотности основной массы населения страны наряду с другими достижениями в области культуры характеризует период 1934—1939 гг. как поистине период «культурной революции». Без нее, как и без индустриализации, коллективизации победа в Великой Отечественной войне была бы невозможной.

Нужда в специалистах удовлетворялась через формирование кадров новой интеллигенции — преимущественно за счет выходцев из рабочих и крестьян. Всего за 30-е гг. вузы дали народному хозяйству около 900 тыс. специалистов. В 1940 г. при вузах и НИИ имелось 16,9 тыс. аспирантов против 3 тыс. в 1930-м. Среди ученых росла партийная прослойка. Если в 1929 г. в АН СССР было всего 16 членов партии (из 1158 сотрудников), а в 1933 г. — 348, то к началу 3-й пятилетки в научных учреждениях страны их насчитывалось 13,6 тыс.

К концу 30-х гг. в стране действовали 90 институтов сельскохозяйственного профиля, 127 социально-экономических и педагогических НИИ, 268 научных учреждений в системе народного здравоохранения. В 1940 г. исследовательскую работу в стране вело 1821 научное учреждение. В системе АН СССР работали 200 научных учреждений, в том числе 78 институтов. С 1938 г. Академия наук СССР имела 8 отделений: физико-математических, технических, химических, биологических, геолого-географических наук, экономики и пра-

ва, истории и философии, литературы и языка. В 1938—1939 гг. система Академии расширилась за счет создания институтов теоретической геофизики, автоматики и телемеханики, металлургии, механики. В 1939—1941 гг. были организованы Узбекский, Туркменский и Таджикский филиалы АН СССР. В январе 1941 г. на базе филиала была создана Академия наук Грузинской ССР и образована Академия наук Литовской ССР.

Численность сотрудников АН СССР возросла с 1018 человек в 1927 г. до 16 335 — в 1940-м. Во всех областях науки трудились 98,3 тыс. человек, в 4 раза больше, чем в 1928 г. Среди научных сотрудников Академии наук было 126 действительных и почетных членов и 191 член-корреспондент, 402 доктора и 1271 кандидат наук.

В вузах страны в предвоенном учебном году работали 61,4 тыс. научных работников и преподавателей, а в научных учреждениях системы здравоохранения — 9166 научных сотрудников. Всего в народном хозяйстве страны к концу 1940 г. трудилось 2,4 млн специалистов с высшим и средним специальным образованием (в 1913 г. — 190 тыс.).

К началу 40-х годов многие представители старой интеллигенции встали на путь тесного сотрудничества с советской властью. Доля старой интеллигенции среди работников умственного труда в 1939 г. составляла 10% (в 1926 г. — 50). Это говорило о том, что формирование новой советской интеллигенции в СССР в основном завершалось.

Во второй половине 30-х гг. было осуществлено массовое обновление руководящих кадров народного хозяйства. Одним из варварских способов их замены на более квалифицированных и энергичных был «большой террор» 1937—1938 гг. Характеризуя эти годы, известный специалист в области управления академик Д. М. Гвишиани писал, что объективная причина выдвижения плеяды новых молодых руководителей «состояла в вынужденной потребности в компетентных кадрах управления народным хозяйством». Это обстоятельство заставило отказаться от сложившейся практики назначения руководящих кадров по принципу идеологической преданности. Новые люди были специалистами, выросшими на производстве, способными отвечать за конкретное дело. Приближение войны спасло от проводившегося прежде фактически планомерного уничтожения колеблющихся в политическом отношении и просто сохранявших независимость суждений интеллигентов старой формации.

В. М. Молотов, отвечая много лет позднее на вопрос поэта Ф. И. Чуева, «почему сидели Туполев, Стечкин [выдающийся специалист в области двигателестроения], Королев», незамысловато объяснял: «Они ведь не поддерживали нас... Некоторое время они были противниками, и нужно было еще время, чтобы приблизить их к

советской власти... И не считаться с тем, что в трудный момент они могут стать особенно опасны, тоже нельзя. Без этого в политике не обойдешься. Своими руками они коммунизм не смогут построить... Иван Петрович Павлов говорил студентам: «Вот из-за кого нам плохо живется!» — и указывал на портреты Ленина и Сталина. Этого открытого противника легко понять. С такими, как Туполев, сложнее было. Туполев из той категории интеллигенции, которая очень нужна Советскому государству, но в душе они — против, и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, а даже если и не вели, то дышали этим».

Молотов был по-своему прав. Но своя правда была и у А. Н. Туполева, который обращался в «шараге» к товарищам по несчастью: «Нас не информируют, нам приказывают, однако только осел не может не видеть, что дело идет к войне. Не менее ясно, что никто, кроме нас, спроектировать нужный стране бомбардировщик не может. Вероятно, я буду прав, если скажу, что мы любим свою родину не менее других и, наверное, больше, чем те, кто собрал нас сюда. Условия трудные, а если отрешиться от личных огорчений и взглянуть шире, — трагичные. И понимая все это, я ставлю перед вами задачу, которую никто, кроме вас, не выполнит. А вы — я знаю, что вы выполните, на то вы и есть вы».

И если верно заключение о том, что победа в войне была невозможна без «культурной революции» (прежде всего — приобщения к грамотности основной массы населения страны), то с такой же уверенностью можно утверждать, что победа была бы невозможна и без труда представителей старой интеллигенции, перешедших или силой переведенных на позиции советской власти. Стране нужны были орудия, танки, самолеты, моторы, подводные лодки, ракеты, радиолокаторы и другие научно-технические новшества. И многие представители интеллигенции дореволюционной формации, с присущим им чувством долга, культурой, гуманизмом, патриотизмом, совестливостью, жертвенностью, выполнили свою миссию, внеся едва ли не решающий вклад в создание научно-технического потенциала, сокрушившего фашистскую Германию.

Вторая половина 30-х гг. отмечена рядом выдающихся научных достижений. П. Л. Капица внес уникальный вклад в развитие техники ожижения газов: создал первый в мире гелиевый ожижитель (1934), предложил метод ожижения газов с использованием цикла низкого давления (1939), открыл сверхтекучесть гелия (1938). Объяснение сверхтекучести было дано Л. Д. Ландау (1941). Оба они позднее за эти работы стали лауреатами Нобелевской премии. 14 июня 1940 г. Г. Н. Флеров и К. А. Петржак (лаборатория Курчатова) открыли явление спонтанного деления урана.

О накоплении значительного опыта в изучении физики атомного

ядра свидетельствовали III (1938), IV (1939) и V (1940) Всесоюзные конференции советских ядерщиков и специалистов по космическим лучам. Советские ученые уже перед Великой Отечественной войной держали в руках ключи к решению задач по овладению атомной энергией. Подчеркивая это, П. Л. Капица говорил в октябре 1941 г.: «Последнее время дает нам новые возможности использования внутриатомной энергии, об использовании которой писалось раньше только в фантастических романах... Теоретические подсчеты показывают... атомная бомба, даже небольшого размера... с легкостью могла бы уничтожить крупный столичный город с несколькими миллионами населения».

Новые успехи советских химиков позволили приступить к работам по синтезированию каучуков специального назначения и к изготовлению искусственных алмазов.

Большую работу проделали во второй половине 30-х гг. советские геологи и географы. К 1939 г. территория страны уже на 45,6% была охвачена геологической съемкой (в 1929 г. — на 17,7). В конце 30-х гг. СССР занимал первое место в мире по выявленным запасам нефти, гидроэнергии, торфа, железной и марганцевой руд, цинка, свинца, апатита, калийных солей.

Сельскохозяйственная практика обогащалась достижениями научных школ В. Р. Вильямса, Д. Н. Прянишникова. Под руководством Н. М. Тулайкова составлялась новая почвенная карта страны. В 1939 г. была опубликована сводка по почвам СССР в трех томах.

В 30-е гг. были созданы классические труды в области биологии и генетики. В то же время на этих отраслях науки пагубно сказалась деятельность группы Т. Д. Лысенко и И. И. Презента, результатом которой стали репрессии против Н. И. Вавилова, Н. М. Тулайкова, Н. К. Кольцова, А. С. Серебровского.

Значительно скромнее в сравнении с естественными и точными науками были достижения гуманитарных наук, в наибольшей степени испытывавших на себе давление господствующей идеологии. Тем не менее в 1939 г. была опубликована работа Л. В. Канторовича «Математические методы в организации и планировании производства», где давалась общая постановка задачи линейного программирования и метод ее решения. За работы в этой области ученый был удостоен Нобелевской премии по экономике (1975). В 30-е гг. появились и другие оригинальные труды по экономике и истории народного хозяйства (Е. С. Варга, П. И. Лященко), а также — по истории русского феодализма (Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин), общественному движению XIX в. (Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина), источниковедению (М. Н. Тихомиров, С. Н. Валк, С. А. Никитин), славяноведениию (В. И. Пичета), всеобщей истории (Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, Е. В. Тарле и др.).

Постановлением СНК от 20 декабря 1939 г. для поощрения «выдающихся работ в области науки и искусства, за лучшие изобретения и выдающиеся достижения в области военных знаний были учреждены Сталинские (с 1966 г. они стали называться Государственными) премии. Первые такие премии были присуждены в марте 1941 г.

В 30-е гг., как и ранее, большое значение придавалось подготовке кадров в системе партийно-государственного руководства культурой. Их подготовкой занимались Высшая школа марксизма-ленинизма, Высшая школа партийных организаторов, Высшая партийная школа. С середины 20-х гг. в вузах действовали кафедры истории партии и ленинизма. Изучение истории партии велось сначала на основе 4-томной «Истории ВКП(б)» под редакцией Е. М. Ярославского, изданной в 1926—1930 гг. С сентября 1938 г., сразу после выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», текст его стал каноническим, и началась проработка его во всех вузах, где были созданы однотипные кафедры основ марксизма-ленинизма, а также в пропагандистской системе страны.

«Культурной революции» во многом способствовало расширение приобщения советских поколений к отечественной истории, народным традициям, национальным ценностям. Национально-патриотические чувства формировали различные мероприятия, напоминавшие о судьбоносных для народа исторических победах, деяниях выдающихся людей, при активном содействии исторических, художественных, мемориальных музеев. Особое значение в воспитании патриотизма имело почитание великих предков народа. «Когда мы любим, гордимся отечеством — это значит, что мы гордимся его великими людьми, т. е. теми, которые сделали его сильным и уважаемым на исторической сцене» (И. П. Павлов). Чувство принадлежности к нации формировалось и регулярным приобщением к произведениям искусства и архитектуры, созданным людьми, идентифицировавшими себя с нацией. Все это в полной мере стало использоваться для сплочения советского общества в предгрозовые 30-е гг.

В мае 1938 г. страна торжественно отметила 750-летие со дня создания национальной святыни «Слова о полку Игореве». В этом году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга К. Осипова «Суворов». «Великое прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения» стало темой выставки, открытой в Эрмитаже в сентябре 1938 г. В ноябре того же года на киноэкранах появился фильм, созданный С. М. Эйзенштейном, «Александр Невский» — «патриотический фильм о величии, мощи и доблести русского народа, его любви к родине, о славе русского оружия, о беззаветной храбрости в борьбе с захватчиками Русской земли», как писала о нем газета «Правда».

Значительным событием культурно-политической жизни Москвы стала открытая в феврале 1939 г. в Третьяковской галерее выставка, на которой впервые за годы советской власти были представлены свезенные из разных городов страны лучшие полотна русских художников, работавших в области исторической живописи, — В. Васнецова, В. Верещагина, В. Перова, И. Репина, Г. Угрюмова и др. Большой резонанс имела опера «Иван Сусанин» (первичное название «Жизнь за царя»), премьера которой состоялась в апреле 1939 г. Осенью того же года широко отмечалось 125-летие со дня рождения «великого поэта-патриота» М. Ю. Лермонтова. В 1939 г. была восстановлена как музей «Кутузовская изба» в Филях, началась реставрация памятников Отечественной войны 1812 г. на Бородинском поле. В октябре 1939 г. состоялась всесоюзная премьера фильма «Минин и Пожарский» В. И. Пудовкина. В первой половине 1941 г. вышли на экраны кинофильмы «Богдан Хмельницкий» (кинорежиссер И. А. Савченко) и «Суворов» (Пудовкин), прочно вошедшие в обойму советской классики. В канун войны особую актуальность приобретало обращение А. В. Суворова к потомкам: «Горжусь, что я русский!.. Потомство мое прошу брать мой пример... до издыхания быть верным Отечеству».

Историческое и национальное самосознание народов СССР во многом обогащалось творчеством писателей. Во второй половине 30-х гг. они все чаще обращались к созданию образов выдающихся государственных и военных деятелей прошлого, к раскрытию поворотных событий в истории страны и отдельных народов. Наибольшую известность получил роман А. Толстого «Петр Первый». Героической историей русского народа были вдохновлены поэмы К. Симонова «Ледовое побоище» и «Суворов», роман С. Бородина «Дмитрий Донской». Трагические страницы русской истории получили художественное освещение в романе В. Яна «Чингисхан». Высоким духом патриотизма были пронизаны романы «Цусима» А. Новикова-Прибоя, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» А. Степанова. Культурно-историческими и патриотическими мотивами наполнены романы «Десница великого мастера» К. Гамсахурдиа, «Великий Моурави» А. Антоновской.

Искренние приверженцы пролетарского интернационализма воспринимали вполне обозначившуюся тенденцию отхода от «принципов коммунизма» в национальном вопросе как пагубную ошибку. Некоторые из них пытались опорочить произведения на патриотическую тему как якобы олицетворение квасного патриотизма («кузьма-крючковщины»). Таким приверженцам социалистического космополитизма «объясняли», что отношение большевиков к патриотизму было уже «далеко не таково, как во времена Кузьмы Крючкова (донской казак, один из прославленных героев Первой мировой войны. —

Авт.), когда ленинцы стояли на пораженческих позициях». Специальное постановление ЦК партии (сентябрь 1939 г.) осуждало «вредные тенденции огульного охаивания патриотических произведений».

В конце 30-х гг. были внесены существенные изменения в национально-языковую политику государства, означавшие дальнейшее отступление от политики 20-х гг. С ликвидацией большого числа национальных районов, пришедшейся на 1938 г., соответственно решалась судьба национальных школ в этих районах: отдельные национальные школы (финские, эстонские, латышские, немецкие, греческие и др.) реорганизовывались «в советские школы обычного типа». Одновременно развертывалась работа по приобщению населения всех национальных республик к русскому языку. Огромную роль в этом сыграло правительственное постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г., обязавшее ввести с сентября обучение языку во всех нерусских начальных школах со второго класса и во всех неполных средних и средних школах — с третьего. Увеличивалось количество часов на изучение русского языка, расширялась подготовка учителей, активизировалось издание учебной и методической литературы.

Приобщение к русскому языку облегчалось переводом латинизированной письменности на кириллицу. В соответствии с решением от 16 октября 1936 г. на кириллицу переведена письменность кабардинцев. Аналогичными мерами унифицировали письменность других народов РСФСР, имевших автономные республики и области, национальные округа. С декабря 1939 г. преобразования коснулись письменности «титульных» народов Узбекской, Азербайджанской, Таджикской, Туркменской, Киргизской, Казахской, Молдавской союзных республик.

Новая фаза в языковой политике открывала следующий этап в строительстве Красной армии. В Конституции СССР 1936 г. записано: «Всеобщая воинская обязанность является законом». Реализовать этот закон в полном объеме становилось возможным лишь со знанием русского языка (языка армейских приказов, команд, уставов и наставлений) призывниками из национальных регионов.

Практически одновременно с постановлением о русском языке принято постановление «О национальных частях и формированиях РККА». В 20—30-е гг. создававшиеся со времен Гражданской войны по территориальному принципу части выступали одной из основных форм привлечения к военной службе представителей национальностей, «ранее в армии вовсе не служивших (узбеки, туркмены, бурят-монголы, киргизы, часть народов Северного Кавказа и т. д.)». Сыграв свою роль, национальные формирования, как гласило постановление, «в настоящее время не могут оправдать своего назначения». Они опирались на местные культурные и хозяйственные условия, были

прикованы к своей территории, что лишало возможности осуществлять подготовку бойцов и частей к действиям в различных условиях климата, быта и боевой обстановки.

Начавшиеся в соответствии с законом «О всеобщей воинской обязанности» призывы на службу в Средней Азии и Закавказье выявили «неожиданно большие» масштабы контингента красноармейцев, не владеющих русским языком. Проблему пришлось решать на основе постановления Политбюро «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка» (от 6 июля 1940 г.).

Государственная политика, определяемая сознанием особой значимости национального фактора в жизни страны, требовала соответствующего информационного обеспечения. С 1935 г. в аппарате ЦК вводилась новая форма учета номенклатурных кадров (справка-объективка), в которой впервые предусматривалась графа «национальность». «Пятый пункт» официальных кадровых документов становился для их обладателей таким же важным, как и пункт о социальном происхождении. 2 апреля 1938 г. установлен новый порядок указания национальности в паспортах, свидетельствах о рождении и других официальных документах. Если раньше в них фиксировалась национальность, к которой причислял себя сам гражданин, то теперь следовало исходить исключительно из национальности родителей. С конца 30-х гг. политика явно определялась стремлением сгладить вполне очевидные диспропорции в представленности национальностей в структурах власти.

В условиях начавшейся мировой войны советское руководство убеждалось в правоте избранного ранее курса национальной политики и воспитательной работы с населением. Война с Финляндией показала тщетность надежд на пролетарскую солидарность в предстоящей большой войне. Политуправление Красной армии настраивалось искоренять «вредный предрассудок», согласно которому население стран, вступающих в войну с СССР, «якобы неизбежно и чуть ли не поголовно восстанет и будет переходить на сторону Красной армии». Беспроигрышным представлялось воспитывать армию на ее героических традициях и прошлом русского народа.

В конце 30-х г. появились признаки явных изменений политики государства в отношении религии и церкви. На 1 апреля 1936 г. в СССР было 15 835 действующих православных храмов (28% от числа действовавших до революции), 4830 мечетей (32% от дореволюционных), несколько десятков католических и протестантских храмов. При перерегистрации служителей культа их число оказалось равным 17 857 (15,8% от их численности в 1914 г. и 25,5% — от 1928 г.). По данным переписи населения 1937 г., о своей вере в Бога заявили более 45% населения СССР. При этом среди пожилых лю-

дей верующих оказалось почти в два раза больше, чем неверующих; среди неграмотных верующие составляли 74%. Это свидетельствовало о тщетности усилий по завершению атеизации населения за годы «безбожных пятилеток». (Начиная с 1932 г. вторую из них, Союз воинствующих безбожников полагал, что на третьем году «должна быть разрушена последняя церковь, а на пятом в стране вообще не будет произноситься слово «Бог».)

Возрождая некоторые русские традиции, власть сочла необходимым умерить антирелигиозный пыл партийных богоборцев. Пошли на убыль и безвозвратные потери служителей Церкви. Среди арестованных в 1937 г. было 136 900 православных священнослужителей, из них расстреляно — 85 300; в 1938 г. арестовано 28 300, расстреляно — 21 500. В предвоенные годы репрессии не прекращались, но их размах сужается. По данным правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, в 1939 г. было арестовано 1500 православных священнослужителей, из них расстреляно 900 (в 95 раз меньше, чем в 1937 г.); в 1940 г. арестовано 5100, расстреляно — 1100 (в 77 раз меньше); в 1941 г. арестовано 4000, расстреляно 1900 (в 45 раз меньше, чем на пике террора).

Составной частью работы по воспитанию советского патриотизма стала, мягко говоря, неуклюжая борьба с носителями «низкопоклонства» перед заграницей, свойственного отдельным представителям интеллигенции и политической элиты. Открытие нового «фронта» было связано с именем выдающегося математика дореволюционной школы Н. Н. Лузина, который в июле 1936 г. подвергся шельмованию в печати за то, что, подобно многим другим крупным ученым, публиковал свои работы в зарубежных изданиях. С января 1937 г. главными «низкопоклонниками» изображались троцкисты. На XVIII съезде партии «низкопоклонство» было распространено едва ли не на всех «вычищенных» из общества «врагов народа».

По мере изживания крайностей национального нигилизма в 30-е гг. заявила о себе и тема о необходимости преодоления космополитизма. Так, писатель И. Катаев призывал: «Безнадежных «космополитов», отщепенцев, эту вялую богему, не помнящую родства, надо поскорее вымести вон из искусства». А. Толстой, прослеживая развитие отечественной литературы, говорил, что к 1941 г. она «от пафоса космополитизма, а порою и псевдоинтернационализма, пришла к Родине как к одной из самых глубоких и поэтических своих тем».

В канун Великой Отечественной войны И. В. Сталин намеревался по-новому разъяснить связь между национальными и интернациональными основами патриотизма. «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом, — говорил он Г. Димитрову в мае 1941 г. — Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм...

Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготовляет почву для вербовки разведчиков, агентов врага».

Спустя десятилетия в сознании интеллигенции 30-е гг. российской истории вполне справедливо представлялись одновременно и великими, и ужасными. В сознании широких слоев народа, не затронутых репрессиями, десятилетие предстает отмеченным особым жизненным тонусом — трудовым энтузиазмом. При выявлении питающих его источников отмечается прежде всего чувство «хозяина жизни» у простого человека, возможности его продвижения по социальной лестнице, жертвенность ради чего-то большего, чем одна человеческая жизнь, патриотизм и коллективизм, которым «нет преград ни в море, ни на суше». «Какое это было замечательное время, 30-е годы, — говорил позднее известный драматург А. Арбузов, — все шевелилось, да и что шевелилось, бурлило, наполняя нашу жизнь каким-то все заливающим потоком радости. Радости и гордости за свое великое Отечество. Да ведь и войну-то мы выиграли не в 40-е годы, а именно в 30-е, когда мы стали именно тем великим народом, который победить невозможно».

Глава 10

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. 1941—1945

§ 1. НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ. 1941—1942

Гитлеровское вторжение. Германия напала на Советский Союз на рассвете воскресного дня 22 июня 1941 г. На основных участках советско-германской границы немецкие войска начали боевые действия в 3 ч 15 мин. Через 15 минут в Генштаб РККА стали поступать сводки о бомбардировках советских городов Украины и Белоруссии. С первыми залпами немецкой артиллерии началось осуществление плана «Барбаросса», предусматривавшего исчезновение СССР с карты мира через считаные недели.

Планируя блицкриг, верховное командование немецких вооруженных сил намеревалось достичь линии Астрахань—Архангельск «максимум через 70 дней» после начала военных действий. Согласно документам, фигурировавшим на процессе главных немецких военных преступников в г. Нюрнберге, поверженный СССР предполагалось расчленить на 7 государств. «Великороссию» намечалось максималь-

но ослабить «полным упразднением еврейско-большевистского управления». Громадная часть коренного населения обрекалась на смерть. Гитлер требовал расстреливать «каждого, кто посмеет поглядеть на немца косо». Генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт полагался на голод, который «действует гораздо лучше, чем пулемет, особенно среди молодежи».

Планировалось также в ближайшие 30 лет выселить с территории Польши, Чехословакии и западных районов СССР более 50 млн человек, а на эти территории переселить 10 млн немцев, которых оставались бы обслуживать 14 млн коренных жителей. Значительную часть населения Литвы, Латвии и Эстонии предполагалось переместить в центральные районы России. Новые балтийские провинции рейха намечалось заселить народами германской расы, «очищенными от нежелательных элементов» — поволжскими немцами, датчанами, норвежцами, голландцами, англичанами.

Центральное место в планах составляли «соображения» о политике по отношению к русскому народу. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, — говорилось в одном из дополнений к плану Ост, — достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа». Считалось, что их обучение ограничивалось бы тем, чтобы они запомнили дорожные знаки, выучили таблицу умножения, «но только до 25», и научились подписывать свою фамилию.

Все планы в отношении СССР держались в тайне. Выступая на совещании по вопросам реорганизации Восточных областей 16 июля 1941 г., Гитлер говорил: «Мы не должны опубликовывать действительные наши цели, но мы должны точно знать, чего мы хотим. Надо действовать так, как мы действовали в Норвегии, Дании, Бельгии и в Голландии. Мы объявим, что мы вынуждены оккупировать, управлять и умиротворять, что это делается для блага населения; что мы обеспечиваем порядок, сообщение, питание. Мы должны изображать себя освободителями. Никто не должен догадываться, что мы подготавливаем окончательное устройство, но это не помешает нам принимать необходимые меры — высылать, расстреливать, — и эти меры мы будем принимать. Мы будем действовать так, как будто мы здесь только временно. Но мы-то хорошо будем знать, что мы никогда не покинем этой страны».

Бомбардировка советских городов началась до предъявления германской декларации об объявлении войны. Германский посол в Москве Ф. Шуленбург вручил ее наркому В. М. Молотову. В Берлине соответствующий документ был вручен министром И. Риббентропом

советскому послу В. Г. Деканозову. Члены высшего руководства СССР узнали о декларации по прибытии (5 ч 45 мин) в кабинет Сталина в Кремле. Действия немецкой стороны представлялись в ней превентивными мерами (слово «война» не использовалось). Впоследствии эта фашистская позиция неизменно воспроизводилась политиками и историками, пытающимися обелить величайшее преступление XX в., придать нападению на СССР хотя бы какую-то видимость морального оправдания.

В действительности решение о вторжении принято не потому, что СССР угрожал Германии, а потому, что гитлеровцам представлялось нетрудным реализовать свой план. В заявлении фюрера, зачитанном по немецкому радио министром пропаганды Й. Геббельсом в 7 ч утра, утверждалось, что опасность с Востока может быть быстро устранена. Если для разгрома Франции, армия которой считалась сильнейшей в мире, потребовалось шесть недель, то для того, чтобы покончить с Россией, усилий понадобится меньше: «Нужно только громко хлопнуть дверью». Экономическую систему России Гитлер представлял как находящуюся в состоянии хаоса, коммунистическую диктатуру — ненавидимой народами страны. Руководитель прессы Третьего рейха Г. Фриче на Нюрнбергском процессе в 1946 г. говорил, что «никаких оснований к тому, чтобы обвинить Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было. В своих выступлениях по радио я прилагал все усилия к тому, чтобы запугать народы Европы и население Германии ужасами большевизма».

Внезапность нападения вызвала явное замешательство руководства СССР. В Кремле обсуждались возможные пути предотвращения дальнейшего военного развития событий. В директиве Главного военного совета СССР, направленной в войска начальником Генерального штаба РККА генералом армии Г. К. Жуковым через 15 мин после трансляции речи Гитлера, предписывалось «обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу», но «границу не переходить».

До середины дня советский народ оставался в неведении о начавшейся войне. Председатель СНК И. В. Сталин отказался выступить с обращением к стране. Видимо, он чувствовал вину за тяжкий просчет и внезапность нападения бывшего союзника. Только в полдень 22 июня В. М. Молотов объявил собравшимся у радиоприемников и громкоговорителей о том, что «сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу и без объявления войны германские войска напали на нашу страну». Призвав советский народ дать решительный отпор агрессору, Молотов закончил лаконичное выступление словами, ставшими программными для всех дней войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

В первые же дни в войну против СССР на стороне Германии вступили Румыния, Финляндия, Италия; в июле к ним присоединилась Венгрия. Военные действия на границе с Финляндией начались 29 июня, на границе с Румынией — 1 июля. В войне против СССР участвовали также части, укомплектованные гражданами Албании, Бельгии, Дании, Испании, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Сербии, Франции, Хорватии, Чехии, Швеции. Помимо того, в конце войны в вермахте насчитывалось почти 500 тыс. иностранцев, главным образом немцев, проживавших ранее вне территории Германии.

Вооруженные силы Германии перед нападением на Советский Союз насчитывали 8,5 млн человек. К западным границам СССР были выдвинуты 153 дивизии и 2 бригады. Кроме того, там приводились в боевую готовность 29 дивизий и 16 бригад союзников Германии. Всего в восточной группировке противника насчитывалось 5,5 млн человек, 47,2 тыс. орудий и минометов, 4,3 тыс. танков, 5 тыс. боевых самолетов.

Им противостояли советские войска в западных военных округах численностью 2,9 млн человек (60,4% личного состава армии и флота). Кроме того, в формированиях других ведомств, состоявших на довольствии в наркомате обороны, находилось около 75 тыс. человек. Еще 805,3 тыс. военнообязанных было в войсках на «больших военных сборах». С объявлением мобилизации 22 июня они были включены в списочную численность войск.

Всеобщая мобилизация военнообязанных мужчин 1905—1918 гг. рождения, в возрасте от 23 до 36 лет, позволила уже к июлю пополнить армию на 5,3 млн человек. 10 августа 1941 г. для восполнения боевых потерь, а также для создания резервов были мобилизованы военнообязанные 1890—1904 гг. и призывники 1922—1923 гг. рождения. Призыв последующих возрастов (1925, 1926, 1927 гг. рождения) осуществлялся в обычном порядке. От призыва за годы войны было освобождено 20—25% мужчин от 18 до 55 лет по четко определенным основаниям: наличие брони и инвалидность.

За все годы войны в армию и для работы в промышленности были мобилизованы, с учетом уже служивших к началу войны и ушедших воевать добровольцами, 34,5 млн человек, или 17,5% от довоенной численности населения страны. Более трети этого состава находились в армейском строю, из них 5—6,5 млн — в действующей армии. (Для сравнения: на службу в вермахт были привлечены 17 893 тыс. человек, или 25,8% численности населения Германии в 1939 г.) Мобилизация позволила сформировать в 1941 г. 410 новых дивизий, а за всю войну — 648.

Советские войска, выдвинутые к западным границам страны,

имели 167 дивизий и 9 бригад; в них насчитывалось 32,9 тыс. орудий и минометов, 14,2 тыс. танков, 9,2 тыс. боевых самолетов. Запущенные накануне войны в серийное производство новейшие танки Т-34 и КВ составляли лишь 10% всего танкового парка, 2,7 тыс. самолетов новейших конструкций не могли существенно изменить соотношение старой и новой техники в авиационных частях.

В целом силы и средства Германии и ее союзников в начале войны в 1,2 раза превосходили имевшиеся у СССР. По ряду позиций Вооруженные силы СССР количественно превосходили армии противника, однако уступали ему в стратегическом развертывании, качестве многих образцов вооружения, опыте и подготовке кадров. В отличие от германских 75% советских войск не обладали современным боевым опытом. Значительная часть командных кадров (55%) занимали свои должности менее шести месяцев. Это было связано с тем, что численность Красной армии увеличилась почти вдвое с 1939 г., а кадрам был нанесен урон сталинскими чистками.

Настроенные на блицкриг германские войска после недолгой артподготовки устремились в глубь СССР по трем основным направлениям. Группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. Лееб) имела задачу уничтожить советские войска в Прибалтике и захватить Ленинград. Группа «Центр» (генерал-фельдмаршал Ф. Бок) наступала по линии Минск—Смоленск—Москва. Группа «Юг» (генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт) должна была разгромить силы Красной армии на Западной Украине, выйти к Днепру и наступать в направлении на Киев. Основную задачу войны должны были решить войска Ф. Бока, обладающие наибольшей мощью. Советские стратеги ошиблись в определении направления основного удара, и основные силы отпора врагу были сосредоточены на южном направлении.

К исходу первого дня войны германские войска продвинулись в глубь советской территории в Прибалтике на расстояние до 80 км, в Белоруссии — до 60, на Украине — до 20 км. В тот же день германская авиация уничтожила 1489 советских самолетов на земле и 322 в воздухе. Немецкие танковые колонны, не опасаясь атак с воздуха, быстро продвигались вперед. На основных направлениях германской армии удалось обеспечить трех-четырехкратное превосходство в силе над пытавшимися наступать советскими частями. В течение решающих первых дней войны московское руководство не обеспечило управление войсками. Верхом непонимания складывающейся ситуации была направленная войскам вечером 22 июня, в 21 ч 15 мин, директива, предписывавшая немедленно перейти в контрнаступление, в течение двух дней «окружить и уничтожить» главные силы группировки противника.

В ряде приграничных мест советские войска оказали ожесточенное сопротивление наступающим войскам противника и надолго задержали его продвижение в глубь страны. 3,5 тыс. защитников Брестской крепости (в их числе героически сражались представители более 30 народов СССР) во главе с капитаном И. Н. Зубачевым и полковым комиссаром Е. М. Фоминым целый месяц сковывали пехотную дивизию врага, поддерживаемую танками, артиллерией и авиацией. Контрудары 8-го, 9-го и 19-го механизированных корпусов (к началу войны создано 9 таких корпусов, 20 находились в стадии формирования) нанесли серьезный урон наступающим немецким танковым дивизиям в районе Дубно, Луцка и Ровно, отбросив их на 10—35 км, что не только задержало вражеское наступление на Киев до конца июня, но и позволило вывести из-под угрозы окружения главные силы Юго-Западного фронта в районе Львова.

Не имея должного представления об обстановке на фронтах, советское правительство занялось спешной перестройкой руководства Вооруженными силами. 22—24 июня на базе довоенных приграничных округов были образованы Северный, Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты. Их командующими стали генерал-лейтенант М. М. Попов, генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, генерал армии Д. Г. Павлов, генерал-полковник М. П. Кирпонос. 25 июня из 9-й и 18-й армий был сформирован Южный фронт (генерал армии И. В. Тюленев). На последующих этапах войны одновременно действовало до 10—15 фронтов. Каждый из них включал: 5—9 общевойсковых армий по 8—9 стрелковых дивизий; 1—3 танковые, 1—2 воздушные армии; несколько отдельных танковых, механизированных и кавалерийских корпусов; соединения и части артиллерии; специальные войска фронтового подчинения. Численность офицеров и солдат в составе фронта достигала 800 тыс. человек.

На второй день войны СНК и ЦК партии создали Ставку Главного Командования во главе с маршалом Тимошенко. Само наименование говорило о восстановлении исторических традиций. Ставка была призвана принимать решения стратегического характера, она включала в себя маршалов Советского Союза, начальника Генерального штаба, руководителей военно-морских и военно-воздушных сил; позднее в нее были включены главы родов войск.

Смятение в Москве длилось до конца июня. Из всех приказов, поступавших в войска, фактически действовал лишь один — сражаться до последнего. Однако ситуация на фронтах не улучшалась. Советские войска отступали. 24 июня они оставили Вильнюс, 28 июня были вынуждены покинуть Минск. 30 июня немцы захватили Львов, вели бои за Ригу, которая пала 1 июля. Непрерывной бомбардировке подвергались Мурманск, Орша, Могилев, Смоленск, Киев, Одесса, Севастополь. 29 июня Гитлер заявил: «Через четыре недели мы бу-

дем в Москве, и она будет перепахана». 30 июня Гальдер произнес: «Русские потерпели поражение в этой войне в течение первых же восьми дней». И вскоре «уточнил»: «Кампания против России выиграна за четырнадцать дней». Эти оценки, пока еще вполне согласные с планом «Барбаросса» и самоуверенностью агрессора, были ошибочными. Основные события на советско-германском фронте только начинались.

Перестройка страны на военный лад. Начавшаяся с первых часов войны перестройка жизни в стране стала приобретать заметную организованность с конца июня 1941 г. По образному замечанию наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, «государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, вынуждена была остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов». Вечером 29 июня Сталин был крайне удручен потерей Минска и грандиозностью масштаба катастрофы, разворачивающейся на западе страны. При выходе из наркомата обороны он произнес фразу, которую позже в разных вариантах воспроизводили мемуаристы: «Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда». Ответственность за катастрофическое развитие событий, во многом лежавшая лично на диктаторе, не могла не вывести его из равновесия. Он воспрянул духом только после того, как соратники не только не высказали ему претензий, но предложили образовать и возглавить чрезвычайный орган — Государственный Комитет Обороны, передав ему всю полноту партийной и государственной власти в стране.

Решение Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома о создании ГКО принято 30 июня. Вначале в него, помимо Сталина, были включены В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия. В дальнейшем постановлениями Президиума Верховного Совета СССР в феврале 1942 г. в состав ГКО введены А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский и Л. М. Каганович, а в ноябре 1944 г. — Н. А. Булганин, сменивший Ворошилова. При образовании ГКО заместителем председателя был назначен Молотов (практически второй человек в государстве). Однако с учреждением 8 декабря 1942 г. Оперативного бюро ГКО и утверждением Берии его руководителем и зампредом ГКО Молотов стал постепенно утрачивать свое положение, а на вторые роли после Сталина выходили Берия и Маленков.

Комитет обладал обширной компетенцией: назначал и смещал высшее командование, решал военно-стратегические вопросы, занимался подготовкой военных и трудовых резервов, налаживал работу промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Каждый член ГКО ведал определенным кругом вопросов. Постановления Комите-

та имели силу законов военного времени. Все партийные, государственные, военные, хозяйственные и профсоюзные органы были обязаны беспрекословно выполнять его решения и распоряжения. В своей деятельности ГКО опирался на аппарат СНК СССР, своих уполномоченных на местах, которыми, как правило, были секретари партийных комитетов краев и областей, на местные городские комитеты обороны, партийные и государственные органы.

Рабочими органами и исполнителями решений Комитета были наркоматы обороны, ВМФ и их управления. Стратегическое руководство вооруженной борьбой осуществлялось через Ставку ВГК. В городах, оказывавшихся в непосредственной близости к фронту, создавались городские комитеты обороны (в составе председателя из местных руководителей, командующего фронтом, представителя НКВД). Они действовали в более чем 60 городах и наделялись правом объявлять город на осадном положении; производить мобилизацию, эвакуацию населения; создавать народные ополчения и истребительные отряды; давать предприятиям задания по выпуску вооружения и боеприпасов; организовывать строительство оборонительных рубежей.

За годы войны ГКО принял около 10 тыс. постановлений, руководил деятельностью всех государственных ведомств и учреждений, от которых зависели ход и исход войны. Под руководством Комитета Ставка спланировала 9 кампаний, 51 стратегическую и 250 фронтовых операций. Не все оказались успешными, но многие из них стали, по оценке Г. К. Жукова, «беспримерными в истории войн как по своим масштабам, так и по классическому их осуществлению». К их числу принадлежат битвы под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге; Ясско-Кишиневская операция; разгром немецких войск в Белоруссии; Висло-Одерская и Берлинская операции.

30 июня 1941 г. Совнарком СССР утвердил общий мобилизационный народно-хозяйственный план, предусматривающий перестройку экономики на военный лад в кратчайшие сроки. В августе принят военно-хозяйственный план на последний квартал 1941 г. и на весь 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Основная программа действий по превращению страны в единый боевой лагерь сформулирована в «Директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» от 29 июня 1941 г. В ней осуждались сохранявшиеся в стране с довоенных времен «благодушно-мирные настроения», непонимание смысла угрозы и опасности, создающейся продолжавшимся наступлением германских войск. Разъяснялось, что целью нападения является не только уничтожение советского строя, но и ограбление страны, за-

хват хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов, что в войне «решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение». Родина оказалась в величайшей опасности, и «мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад».

Из текста первоначального варианта директивы был вычеркнут призыв к мобилизации всех сил для «организации победы». Упор сделан на оборонительные задачи, необходимость «отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу». Директива призывала «организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным отрядам». Отдельный пункт директивы требовал «немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица».

При вынужденном отходе частей Красной армии директива призывала оставлять на пути захватчиков лишь выжженную землю и ни одного паровоза, ни одного вагона, ни килограмма хлеба, ни литра горючего, угонять скот. «Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться». В занятых врагом районах требовалось «создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде».

Эта директива была положена в основу выступления Сталина по радио 3 июля и определила характер действий советского руководства и всего народа в годы войны. Сталин, однако, включил в речь ряд новых важных тем, а главное, сумел найти такие слова и такой тон, которые превратили директиву в одну из самых волнующих его речей, оказавших колоссальное воздействие на сограждан. Он признал тяжелые потери, оправдывал заключенный в 1939 г. пакт с Германией, сказал о нависшей над страной громадной опасности, выразил надежду на помощь Британии и Америки, которые становились союзниками в борьбе. Необычными были первые слова обращения: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры!», явно перекликавшиеся с обращениями служителей РПЦ.

Сталин, скорее всего, уже прочитал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной церкви» Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Московского и Коломенского Сергия. Оно было написано утром 22 июня и разослано по всем приходам страны. Священники (в 1941 г. их было 5665) оглашали послание в церквах по-

сле богослужений, и вскоре оно стало известным значительной части верующего населения страны.

Иерарх призывал «пасомых» встать против неправды и голого насилия «врагов православного христианства», помнить по примеру предков «не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной», вспомнить святых вождей Александра Невского, Дмитрия Донского и неисчислимые тысячи простых православных воинов, полагавших свои души за народ и Родину. В заключение говорилось: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг». Слово предстоятеля РПЦ несло огромный заряд патриотизма, указывало на глубинный исторический источник народной силы и веры в конечную победу над врагами. Послание стало важным сигналом к изменению отношения власти к Церкви и верующим. В июле 1941 г. состоялась краткая встреча Сталина с митрополитом Сергием, положившая начало нормализации государственно-церковных отношений. В стране прекратилась антирелигиозная пропаганда, перестали выходить в свет журналы «Безбожник», «Антирелигиозник». С осени 1941 г. почти не было арестов священнослужителей.

С началом войны были прекращены всякие попытки актуализировать популярную ранее идею о превращении войны в революцию. Г. Димитров уже утром 22 июня получил указание: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы». На срочно собранном заседании Секретариата ИККИ Димитров развил эти установки: «Мы не будем на этом этапе призывать ни к свержению капитализма в отдельных странах, ни к мировой революции», коммунисты должны включиться в борьбу «за национальную свободу» в качестве ее «руководящего элемента».

Эти же мысли прозвучали в июльской речи Сталина. В ней особый упор сделан на то, что война с фашистской Германией не должна рассматриваться как обычное противостояние между армиями, это — «война всего советского народа», «всенародная отечественная война», «война за свободу нашего отечества», которая «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». Он говорил и об опасности разрушения национальной культуры и национальной государственности народов Советского Союза, угрозе их онемечивания, превращения в рабов немецких князей и баронов.

В основу перестройки деятельности партии, органов государственной власти и управления был положен принцип максимальной централизации руководства. За годы войны ни съездов партии, ни пленумов ЦК (за исключением январского 1944 г.) не проводилось. Оргбюро ЦК не собиралось, решения от имени Секретариата принимались путем устного опроса. Политбюро осуществляло свои функции постольку, поскольку практически из его состава был сформирован ГКО.

Тенденция к централизации прослеживается и в эволюции такого института, как Ставка. 10 июля 1941 г. Ставка Главного Командования была реорганизована в Ставку Верховного Командования. Вместо Тимошенко ее фактически возглавил Сталин. С 19 июля он заменил Тимошенко и на посту наркома обороны. Тенденция к централизации и дальнейшее восстановление исторических традиций проявились также в учреждении в СССР поста Верховного Главнокомандующего. Одним из деятельных проводников этих тенденций был заместитель наркома обороны Б. М. Шапошников, признанный военный теоретик, начальник Генерального штаба с июля 1941 г.

8 августа 1941 г. указом Президиума ВС на пост Верховного Главнокомандующего назначен Сталин. Тогда же Ставка Верховного Командования преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования. Возглавляя одновременно партию, правительство и Вооруженные силы, Сталин был наделен чрезвычайными полномочиями по отношению ко всем ведомствам и учреждениям страны. Г. К. Жуков, назначенный в августе 1942 г. 1-м заместителем наркома обороны и заместителем Верховного Главнокомандующего, позднее вспоминал: «Трудно было разобрать, где кончается Государственный Комитет Обороны и начинается Ставка, и наоборот». Сталин «командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным и обжалованию не подлежало». Но, отмечал полководец, в начале войны он «плохо разбирался в способах, методике и формах ведения современной войны». По мнению маршала А. М. Василевского, «на первых порах войны Сталин явно переоценивал свои силы и знания в руководстве войной». На практике это означало дополнительные потери на фронте.

Осуществляя перестройку экономики страны на военный лад, правительство в начале июля 1941 г. приняло постановление, значительно расширявшее права наркомов в условиях военного времени. В сентябре и ноябре были образованы новые наркоматы — танковой промышленности, минометного вооружения. На военный лад перестраивалась и ВКП(б). Свыше 500 секретарей, начиная с ЦК компартий союзных республик, были мобилизованы и назначены членами Военных советов фронтов и армий. 270 ответственных сотрудников ЦК направлены в Красную Армию и на ВМФ. Одновременно расширялся институт парторгов ЦК. Они работали на 1170 крупных заводах. В ноябре созданы политотделы в МТС и совхозах (сущест-

вовали до мая 1943 г.). За первое полугодие войны в армию влилось более миллиона членов партии, что составляло треть ее состава. В 1942 г. в рядах Красной армии и флота находилось свыше 2 млн коммунистов, 54,3% всего состава партии; в конце войны — 2,6 млн коммунистов из 6 млн.

В июле 1941 г. Политбюро ЦК приняло постановление об организации партизанского движения на оккупированных противником территориях силами партийных органов, диверсионных военных групп и органов НКВД. (На оккупированной территории осталось более 5,5 млн военнообязанных рождения 1890—1925 гг.) К концу года стали создаваться штабы и отделы партизанского движения при политуправлениях фронтов. В мае 1942 г. при Ставке Верховного Главнокомандования образован Центральный штаб партизанского движения (начальник П. К. Пономаренко). Главнокомандующим партизанским движением в сентябре—ноябре 1942 г. был К. Е. Ворошилов.

Ухудшившееся продовольственное снабжение страны заставило уже 18 июля 1941 г. ввести в Москве, Ленинграде, их пригородах карточки на хлеб, мясо, жиры, сахар и другие важнейшие продукты, в октябре их пришлось ввести почти во всех городах, в конце года — по стране в целом. Поначалу на карточное снабжение перевели 56 млн человек — 26,9 млн работающих, 17,4 млн иждивенцев, 11,7 млн детей до 12 лет. К декабрю 1942 г. в связи с оккупацией территории, где до войны проживали 80 млн человек, численность населения, снабжаемого по карточкам, сократилась до 38,1 млн человек, затем она снова увеличилась. Население деревни на государственное довольствие не принималось. Основным источником питания для огромной массы крестьянских семей были приусадебные участки.

Летом 1941 г. началась эвакуация промышленных предприятий в восточные районы страны. Для этой работы был создан Совет по делам эвакуации при ГКО. В октябре образован Комитет по эвакуации продовольственных запасов, промышленных товаров и предприятий промышленности. К началу 1942 г. перевезены и вскоре запущены более 1,5 тыс. промышленных предприятий (из них 1360 оборонных), число эвакуированных рабочих достигало трети штатного состава. С 26 июня 1940 г. действовала уголовная ответственность за самовольный уход, прогулы и опоздания на работу, а с 26 декабря 1941 г. рабочие и служащие военных предприятий объявлялись мобилизованными на весь период войны, самовольный уход с предприятий карался как дезертирство.

Оборонительные бои лета и осени 1941 г. Этап тяжелейших неудач и отступления Красной армии продолжался до декабря 1941 г. Немецкие войска рвались к Ленинграду, Москве и Киеву — центрам

районов, в которых находилось около 70% всех военных заводов страны. Усилия советских войск, действующих на этих направлениях, координировали созданные 10 июля три штаба главного командования войск направлений: Северо-Западного (главнокомандующий К. Е. Ворошилов, член Военного совета А. А. Жданов), Западного (С. К. Тимошенко и Н. А. Булганин), Юго-Западного (С. М. Буденный и Н. С. Хрущев). Главную роль на войне были призваны играть герои Гражданской войны. Однако, как показали дальнейшие события, бывшие герои-конники, несмотря на личную храбрость, заслуги и популярность, с этой ролью справлялись плохо. Уже через полтора-два месяца Ворошилова и Буденного освободили от должности главкомов. 27 августа 1942 г. Буденный был снят с поста 1-го заместителя наркома обороны (назначен Г. К. Жуков).

В попытках остановить катастрофическое развитие ситуации на фронтах власть прибегла к экстраординарным мерам. Через три недели после начала войны, 16 июля 1941 г., были восстановлены институты военных комиссаров в корпусах, дивизиях и полках, а также политруков в ротах, батареях и эскадрильях. В последующем эти органы по усилению партийного влияния в Вооруженных силах были распространены на другие структурные части РККА и ВМФ. Институт военных комиссаров ограничивал принцип единоначалия в армии и должен был способствовать всемерному укреплению стойкости командиров и личного состава, их готовности сражаться до конца. В июле 1941 г. были преданы суду, обвинены в трусости, бездействии, сознательном развале управления войсками и приговорены к высшей мере наказания командующий Западным фронтом Д. Г. Павлов, группа генералов Западного и Северо-Западного фронтов. До апреля 1942 г. по обвинениям в подобных преступлениях расстреляны 30 генералов. 16 августа 1941 г. издан приказ об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия. По нему пленные командиры и политработники объявлялись «злостными дезертирами», их семьи подлежали репрессиям, родные пленных солдат лишались льгот. Однако методы устрашения не давали ожидаемого результата. Просуществовав 15 месяцев, 9 октября 1942 г. институт военных комиссаров был упразднен.

Уже в первые месяцы войны Красной армии пришлось оставить Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, западные области Украины. В результате двухмесячного Смоленского сражения (город оставлен 29 июля, бои на востоке от него продолжались до 10 сентября) германский план молниеносной войны был сорван, однако наступление немцев продолжалось. К концу июля сложилась угрожающая обстановка для советских войск в районе Киева. Жуков предложил сдать город. Возмущенный предложением Сталин сместил его с поста. Новым начальником Генштаба стал маршал Б. М. Шапошников. Жуков

был назначен командующим Резервного фронта, и ему удалось успешно провести наступательную операцию по разгрому группировки немецких войск в районе Ельни. 5 сентября город был освобожден. Это была первая, пусть не очень масштабная, победа советского оружия в Великой Отечественной войне.

На других направлениях успех сопутствовал вражеским войскам. 1 сентября они взяли станцию Мга, и Ленинград попал в кольцо блокады. Вместе с полутора миллионами жителей в городе оказались запертыми 30 советских дивизий. 16 сентября фашисты вошли в Новгород, перерезали в Чудове Октябрьскую железную дорогу, соединявшую Москву с Ленинградом.

В середине августа наступавшие на Москву войска столкнулись с упорным сопротивлением. В начале сентября гитлеровское командование отдало приказ о переходе войск на московском направлении к временной обороне и начало готовить наступательную операцию по захвату Москвы под кодовым названием «Тайфун». Танковая группа немецкого генерал-полковника Х. Гудериана получила приказ повернуть из района Смоленска на юг. Созданный для отражения опасности Брянский фронт (командующий генерал-лейтенант А. И. Еременко) не сумел помешать движению. 15 сентября наступающие с севера немецкие войска сомкнулись в Лохвице, в 200 км восточнее Киева, с танковой группой Э. Клейста, наступавшей из района Кременчуга.

Окруженный Киев пал 19 сентября. 655 тыс. советских солдат были пленены; при выходе из окружения погибли командующий Юго-Западным фронтом М. П. Кирпонос, член Военного совета фронта секретарь ЦК КП Украины М. А. Бурмистенко, начальник штаба фронта В. И. Тупиков. Выйдя за пределы Украины, немецкие войска взяли Белгород (24 октября) и Курск (2 ноября). 25 октября был захвачен Харьков. К ноябрю немцы овладели частью Донбасса, в ноябре вышли на подступы к Ростову-на-Дону и создали угрозу прорыва на Кавказ. 21 ноября город был оставлен, но через неделю его отбили. 16 октября сдана врагу героически сражавшаяся 73 дня и оказавшаяся в глубоком тылу противника Одесса. Более 100 тыс. ее защитников и большое количество различной техники и вооружения было перевезено в Крым кораблями и судами Черноморского флота. К концу октября фронт на полуострове приблизился к Севастополю. 16 ноября советские войска были вынуждены оставить крымский промышленный центр и порт Керчь. С 30 октября шло беспримерное по ожесточенности сражение за Севастополь, длившееся 250 дней и ночей.

30 сентября немецкие войска приступили к осуществлению операции «Тайфун». Началась битва за Москву. Под командование фельдмаршала Бока было стянуто три четверти германских войск. Им противостояли три советских фронта. Войска Западного (генерал-

полковник И. С. Конев) занимали полосу обороны шириной 340 км, от Осташкова до Ельни. Войска Резервного (маршал С. М. Буденный) обороняли фронт протяженностью 100 км на рославльском направлении и располагались в тылу Западного фронта. Войска Брянского фронта (генерал-полковник А. И. Еременко) удерживали рубеж западнее и южнее Брянска протяженностью 290 км. При этом советские войска значительно уступали немецким в танках, авиации, противотанковой и зенитной артиллерии.

К 7 октября противнику удалось окружить в районе Вязьмы четыре советские армии. Под командованием генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина они до середины октября сражались в окружении. 10 октября войска Западного и Резервного фронтов были объединены в Западный под командованием Г. К. Жукова и продолжали вести бои на Можайской линии обороны. К концу октября враг был остановлен на рубеже восточнее Волоколамска и далее — по рекам Нара и Ока до Алексина.

Немецкие танковые войска, наступавшие из районов Рославля и Шостки, обошли основные силы Брянского фронта. 3 октября был захвачен Орел. 9 октября пресс-секретарь Гитлера заявил: «Все военные задачи решены, с Россией покончено». Однако советские войска к 23 октября прорвали фронт окружения и отошли на линию Белев—Мценск—Поныри. Преодолев этот рубеж, немцы к концу месяца вышли на линию Таруса—Тула. Но все попытки захвата Тулы, предпринимавшиеся с 29 октября, были отбиты. 18 ноября фашисты начали наступление с целью ее обхода с востока и к 25 ноября вышли на подступы к Кашире, продвинулись в направлении Рязани, создавая угрозу прорыва в район восточнее Москвы. Контрудары войск Западного фронта вынудили противника в начале декабря начать отход с северо-востока от Тулы.

Особенно тревожная обстановка складывалась к северо-западу от Москвы. 14 октября, несмотря на упорное сопротивление войск Западного фронта, немцы овладели городами Ржев и Калинин (Тверь). Войскам созданного 17 октября нового Калининского фронта (генерал-полковник И. С. Конев) удалось отбить попытки их прорыва из Ржева на Торжок (в тыл Северо-Западному фронту) и закрепиться на рубеже Селижарово — Калинин — Волжское водохранилище.

Самые тяжелые дни для Москвы начались 15 октября. В тот день ГКО принял постановление об эвакуации столицы. На совещании у Сталина командующему Московским военным округом генерал-лейтенанту П. А. Артемьеву было приказано подготовить план обороны города и удерживать хотя бы часть его до тех пор, пока подойдут войска из Сибири и вышибут немцев из Москвы. Грузовики развозили взрывчатку для минирования мостов, которые должны были взрываться «при виде противника». Двести поездов и 80 тыс. грузовиков

вывозили посольское и государственное имущество. В Москве даже квалифицированные рабочие принимались в истребительные батальоны. Более полумиллиона москвичей рыли мерзлую землю, создавая оборонительные рубежи вокруг столицы.

Между тем слухи о приближении немецких войск и решении правительства покинуть Москву быстро распространились по городу. В ряде случаев они породили беспорядочное бегство административных работников разного уровня, сожжение архивной документации, грабежи брошенных магазинов. 17 октября по поручению Сталина по московскому радио выступил руководитель столичной парторганизации А. С. Щербаков. Он заверил: «За Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови». И все же панические настроения и беспорядки не прекратились до тех пор, пока не стало ясно, что представители власти и сам Сталин остаются в Москве.

19 октября ГКО ввел в столице осадное положение. Всякое движение — как отдельных лиц, так и транспорта — запрещалось с 24 ч до 5 ч утра, нарушители порядка немедленно привлекались к ответственности. За два месяца действия этого положения на месте были расстреляны 16 человек; 357 человек расстреляны по приговорам военного трибунала; осуждены на тюремное заключение на разные сроки 4741 человек. Беспорядки были пресечены. Тем временем к Москве спешно выдвигались дивизии с Дальнего Востока, где 750 тыс. хорошо обученных и хорошо оснащенных солдат и офицеров готовились отражать японскую агрессию. К декабрю советская сторона располагала надежной информацией о том, что Япония не намеревалась начинать военные действия против СССР.

15 ноября противник усилил натиск на клинско-солнечногорском и волоколамско-истринском направлениях. Врагу удалось выйти к Дмитрову, занять Яхрому, на одну ночь Лобню, а также несколько деревень на восточном берегу канала им. Москвы, захватить Красную Поляну, Крюково. 30 ноября, в зимнюю ночную пургу, мотоциклисты немецкого разведывательного батальона прошли сквозь северо-западные пригороды столицы и вышли на мост через канал Москва—Волга (вблизи нынешней станции метро «Речной вокзал») в 15 км от Кремля. В ночь на 1 декабря авиадесант противника был высажен на Воробьевых горах и в Нескучном саду — в 4 км от Кремля. Мотоциклисты были отогнаны, авиадесант уничтожен. Наступление немцев на Москву выдохлось.

Германское командование полагало, что к декабрю 1941 г. силы Красной армии будут полностью исчерпаны. Между тем 59 новых советских пехотных и 17 кавалерийских дивизий уже ждали приказа вступить в бой. 30 ноября Жуков представил Сталину план контрнаступления под Москвой.

Итоги летне-осенней кампании 1941 г. были ужасающими.

К 1942 г. безвозвратные потери личного состава советских войск составили 3,1 млн человек (из них 0,8 млн убиты и умерли от ран, 2,3 млн пропали без вести и пленены). Вместе с санитарными потерями (раненые, контуженные, заболевшие) потери увеличивались до 4,5 млн человек. То большое преимущество в танках и самолетах, которое имела Красная армия в начале войны, растаяло. Противник захватил треть железнодорожных путей. Страна потеряла треть самого плодородного клина пахотной земли, имея теперь хлеба и мяса на душу населения вдвое меньше, чем до войны. Производство жизненно важных для военной индустрии алюминия, меди, марганца упало на две трети. Потеря трехсот военных заводов резко сократила поступление в армию снарядов, мин, бомб.

Падение производства боеприпасов продолжалось до конца года. Выпуск самолетов сократился с 2,3 тыс. в сентябре до 627 в ноябре. С лета 1941 г. отправлена на фронт лишь половина запланированного количества танков. Объем валовой продукции промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 г. уменьшился в 2,1 раза. Большая часть военных заводов еще перемещалась на восток. Сотни тысяч квалифицированных рабочих были либо убиты, либо мобилизованы в армию, их заменили ранее не работавшие на производстве женщины, подростки, старики. Однако Челябинский тракторный завод уже размещал на своих площадях оборудование Харьковского дизелестроительного завода, производившего непревзойденный дюралюминиевый мотор для Т-34, и цеха частично эвакуированного из Ленинграда Кировского завода. В декабре 1941 г. падение промышленного производства в стране удалось остановить, а с марта 1942 г. начать быстрое его наращивание.

Неудачи первого этапа войны поставили под сомнение коренные, казавшиеся ранее незыблемыми идеологические постулаты, определявшие жизнь общества, внутреннюю и внешнюю политику государства. Создание антигитлеровской коалиции приглушило антиимпериалистическую пропаганду. Международная классовая солидарность на поверку не обнаружила своей действенности. Германские пролетарии, вопреки наивным призывам из советских окопов, вовсе не спешили повернуть оружие против своего правительства.

Национальная солидарность сплачивала людей несравненно прочнее, нежели классовая, не только в стане врага, но и в самом СССР. В беседе с У. А. Гарриманом, возглавлявшим делегацию США на московском совещании представителей СССР, США и Великобритании (29 сентября — 1 октября 1941 г.), Сталин сказал: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию... Может быть, будет сражаться за Россию».

Неожиданное признание Сталина было явным признаком суще-

ственного пересмотра идейных основ партийно-политической работы в армии и стране. Отсюда — демонстрация готовности уважать традиционные верования, воскрешение вдохновляющих традиций старой русской армии, выразившееся, в частности, в возрождении гвардейских званий (18 сентября 1941 г.). Слово «гвардия», появившееся в России еще в петровское время, всегда означало самые отборные, боеспособные, отличающиеся особым мужеством войска.

7 ноября 1941 г., выступая с трибуны Мавзолея, Сталин призвал уходящих на фронт солдат помнить имена тех, кто создал и защитил Россию, ее исторических героев — Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. 10 декабря 1941 г. был отдан приказ о снятии со всех военных газет лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», чтобы он не мог «неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих». Спасение страны и социализма виделось в превращении войны в отечественную, национальную, а не классовую. Идеологический поворот, уже в 1941 г. получивший название «идеологический НЭП», с позиций коммунистического фундаментализма мог быть вынужденным и временным отходом от идей революции и пролетарского интернационализма. Тем не менее выбор этот оказался единственно верным. Идеологический поворот предшествовал коренному повороту в войне.

Московская битва. К контрнаступлению под Москвой привлекались войска Западного (командующий генерал армии Г. К. Жуков), Калининского (генерал-полковник И. С. Конев) и Юго-Западного (маршал С. К. Тимошенко) фронтов. Замысел контрнаступления заключался в одновременном разгроме угрожающих Москве ударных группировок группы армий «Центр». У советской стороны было 1100 тыс. солдат и офицеров, 7,7 тыс. орудий и минометов, 774 танка, 1 тыс. самолетов против 1708 тыс. вражеских солдат и офицеров, 13,5 тыс. орудий и минометов, 1170 танков, 615 самолетов. Решить исход сражения должны были боевой дух войск, воля и талант полководцев.

Моральный дух германских войск был существенно надломлен. Их потери на Восточном фронте к декабрю 1941 г. оказались в три раза больше, чем за всю кампанию в Польше и на Западном фронте. Потери в офицерском корпусе были в пять раз больше, чем в 1939—1940 гг. В битве под Москвой только с 16 ноября по 5 декабря германские войска потеряли 155 тыс. человек убитыми и ранеными, около 800 танков, 300 орудий и до 1,5 тыс. самолетов. Всего с начала войны и до конца 1941 г. войска Германии и ее союзников потеряли на Восточном фронте 273,8 тыс. человек убитыми, 802,7 тыс. ранеными, 57,2 тыс. пропавшими без вести.

На нашей стороне был не только известный «генерал Мороз», который преподнес немало сюрпризов по-летнему обмундированным немцам. По плану «Барбаросса» их «работа» на Восточном фронте должна была закончиться задолго до наступления холодов. В этой связи имперский министр вооружения фон Тодт 29 ноября 1941 г. заявил Гитлеру: «Войну необходимо немедленно прекратить, поскольку она в военном и военно-экономическом отношении уже проиграна». Гитлер не захотел признать правоту министра. В дальнейшем убеждать его пришлось главным образом советским военным вождям, овладевшим современным военным искусством.

В 3 ч ночи 5 декабря 1941 г. при температуре минус 30 градусов на заснеженные передовые позиции германских войск обрушились войска советских фронтов. Ценой невероятных усилий и героизма Красная армия перешла в контрнаступление на фронте от Калинина (Тверь) до Ельца. Одновременно наши войска вели активные боевые действия юго-восточнее Ленинграда и в Крыму, что лишало немцев возможности перебрасывать подкрепления своим войскам под Москву.

Эффект внезапности сработал в полной мере. Немецкие войска дрогнули и начали отступать. Их стойкость не увеличилась и после того, как Гитлер снял с командных постов 35 корпусных и дивизионных командиров и отправил в отставку главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршала В. Браухича (этот пост Гитлер занял сам). Продвигаясь вперед, советские войска за первые шесть дней отбили у врага 400 городов и деревень. 15 декабря освобожден Клин, 16 — Калинин, 20 — Волоколамск, 30 — Калуга, 17 января 1942 г. — Великие Луки.

Наступающим войскам открывалась варварская жестокость врага. В Московской битве возникало то, что И. Г. Эренбург назвал «подлинной ненавистью к врагу», что переводило в реальность сталинское предостережение: «Если немцы хотят иметь истребительную войну с народами СССР, они ее получат». Воспитывая ненависть к врагу, советские идеологи всеми средствами нагнетали критически-негативную характеристику германского государства и его армии. И, напротив, побуждая граждан СССР защищать его от врага, усиливали апологетику советского общества, выделяли и поддерживали достоинства его защитников, замалчивали недостатки.

За месяц кровопролитных боев были освобождены Московская, Тульская и значительная часть Калининской области. Однако к марту 1942 г. мощь советского наступления иссякает — сибирские дивизии понесли тяжелые потери. Развить успех в контрнаступлении советских войск по всему фронту, которое продолжалось до 20 апреля 1942 г., не удалось.

Не достигла целей наступательная операция в районе Барвенково (к югу от Харькова), проведенная 18—31 января 1942 г. Сил и ис-

кусства для ее успешного развития явно не хватало. Неудачей окончилась попытка прорвать блокаду Ленинграда. Январь 1942 г. был пятым месяцем блокады города. Здесь уже умерли 200 тыс. жителей. 2-я ударная армия Волховского фронта, на которую возлагались особые надежды по прорыву блокады, в январе попала в окружение и несла огромные потери. В июле ее командование оказалось в плену. Командующий армией генерал-лейтенант А. А. Власов, находясь в Винницком военном лагере для пленных офицеров, согласился сотрудничать с врагами своего народа и возглавить русское «антисталинское движение». (12 мая 1945 г. он был пленен, позднее казнен.)

Тем не менее главным событием первого года Великой Отечественной войны, одного из самых горьких в русской истории, стал явный переход стратегической инициативы к СССР и первое крупное поражение Германии в битве под Москвой. «Блицкриг» был окончательно похоронен. Обозначился коренной поворот: перед Германией вырисовывалась перспектива затяжной и гибельной для нее войны. Союзные ей Турция и Япония воздержались от выступления против СССР. Начался подъем антифашистского сопротивления в Западной Европе. Советский Союз превращался в решающий фактор Второй мировой войны.

Создание и укрепление антигитлеровской коалиции. После нападения Германии на Советский Союз правительства Англии и США заявили о поддержке СССР в его борьбе против агрессии. Они не верили, что он сможет оказывать длительное сопротивление немецким войскам (британская разведка определяла этот срок в 10 дней), но были заинтересованы в том, чтобы оказывать помощь. «Не для того, чтобы обеспечить ошеломляющую русскую победу, а для того, чтобы удерживать Германию связанной до тех пор, пока наш собственный вес в войне не станет решающим», — так считали в военных кругах США. Как бы то ни было, жизненные интересы СССР и ведущих стран западной демократии на ближайшее время совпадали. Вечером 22 июня глава британского кабинета У. Черчилль объявил по Би-би-си о намерении предоставить СССР «всю возможную помощь». Президент США Ф. Рузвельт сделал такое же публичное заявление на пресс-конференции 24 июня.

12 июля 1941 г. в результате переговоров в Москве подписано советско-английское соглашение о совместных действиях в войне с Германией. Обе страны обязывались оказывать друг другу помощь и поддержку, не вести с Германией переговоры и не заключать перемирие или мирный договор иначе, как с обоюдного согласия. Аналогичные соглашения были заключены с находящимися в изгнании правительствами Чехословакии (18 июля) и Польши (30 июля). В соот-

ветствии с ними на территории СССР создавались чехословацкие и польские военные формирования.

В августе 1941 г. Великобритания и США подписали декларацию о целях войны, получившую наименование «Атлантическая хартия». В ней говорилось, что территориальные изменения по итогам войны возможны лишь по согласию заинтересованных в том государств, что они будут уважать право народов самим выбирать формы правления, создавать равные возможности для экономического сотрудничества. Советское правительство выразило согласие с основными принципами хартии. Однако вопрос об открытии второго фронта против Гитлера в Северной Франции, поставленный Сталиным в послании У. Черчиллю, не встречал понимания. Премьер-министр английского правительства считал, что Англия для этого «не могла быть готова ранее лета 1943 г.».

Более конкретных результатов удалось достичь на конференции СССР, США и Англии по вопросам военных поставок (Москва, 29 сентября — 1 октября 1941 г.). США и Англия обязывались ежемесячно с октября 1941 по июнь 1942 г. поставлять в СССР 400 самолетов, 500 танков, 200 противотанковых ружей, материалы военного значения. Советское правительство в свою очередь обязалось поставлять союзникам сырье для производства военной продукции. Нашей стране предоставлялся беспроцентный кредит на сумму в 1 млрд долларов. 7 ноября 1941 г. президент США принял решение о распространении на Советский Союз действия закона о ленд-лизе от 11 марта 1941 г. По этому закону США предоставляли оружие и снаряжение любой стране, оборона которой становилась жизненно важной для США. Материалы, поставленные по ленд-лизу и уничтоженные, утраченные или потребленные во время войны, не подлежали после ее окончания никакой оплате. Оставшиеся оплачивались полностью или частично и могли быть затребованы обратно.

Помощь по ленд-лизу, без сомнения, укрепляла военную мощь СССР. В общей сложности поставки составили около 4% продукции, произведенной в нашей стране в годы войны. В стоимостном выражении американские поставки СССР с учетом транспортных расходов и услуг составили около 11 млрд долларов (24% общей суммы американских расходов по ленд-лизу). По ряду видов помощи — танки и самолеты, особенно грузовые автомобили, консервы — помощь была существенной. Оценивая значимость ленд-лиза, А. И. Микоян полагал, что без него «мы бы наверняка еще год-полтора лишних провоевали».

Связь с союзниками становилась более осязаемой в дни битвы под Москвой и по другим причинам. 7 декабря 1941 г. Япония без объявления войны напала на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор. На следующий день США объявили войну Японии,

то же самое сделала и Англия. 11 декабря Германия и Италия объявили войну США. 1 января 1942 г. 26 государств антифашистской коалиции (включая СССР и Китай) подписали декларацию, по которой обязались использовать свои военные и экономические ресурсы против фашистского блока. Впоследствии к декларации присоединились более 20 стран. Все вместе они стали называться «Объединенными Нациями».

Новые неудачи на фронте. Поздравляя красноармейцев и краснофлотцев по случаю 1 мая 1942 г., Сталин приказал Красной армии «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли». Мнение Шапошникова и Жукова, предлагавших перейти к стратегической обороне на период, пока военная промышленность освоит новые образцы вооружений и решительно превзойдет германскую промышленность, поддержки не нашло. Однако успешного советского наступления по всем направлениям не получилось.

Весной и летом 1942 г. германские войска воспользовались просчетами советского командования, ожидавшего нового наступления на Москву и сосредоточившего здесь более половины армий, 62% самолетов, до 80% танков. Немецкие стратеги готовили основной удар на юге, стремясь овладеть Кавказом и Нижним Поволжьем. Советских войск на юге явно недоставало для сдерживания удара. Отвлекающие, по замыслу Сталина, наступательные операции в Крыму и на харьковском направлении при недостатке сил обернулись крупными поражениями.

30 декабря 1941 г. советские войска освободили Керчь и начали готовить новое наступление. На Керченском полуострове плотно друг к другу стояли три советские армии Крымского фронта, призванные оттянуть германские силы от Севастополя. Фронтом командовал генерал-лейтенант Д. Т. Козлов, представителем Ставки ВГК был начальник Главного политического управления РККА Л. З. Мехлис. Немцы имитацией удара сумели отвлечь внимание командования Крымского фронта к северному флангу, а сами 8 мая нанесли удар с юга, смешали порядок в советских войсках и через неделю вышли к пригороду Керчи. Шесть дней продолжалась отчаянная переправа людей и техники на Таманский полуостров. 14 мая немцы вновь заняли Керчь, захватили большие трофеи и взяли в плен 176 тыс. солдат и офицеров.

Крупной неудачей окончилась и попытка нанести удар по германским войскам в районе Харькова силами войск Юго-Западного направления (главнокомандующий С. К. Тимошенко, член Военного совета Н. С. Хрущев, начальник штаба И. Х. Баграмян). Харьков-

ское сражение (12—29 мая) было проиграно. При этом в плен попали 240 тыс. человек, захвачено 1249 танков, 2026 орудий.

Стратегическая инициатива вновь оказалась в руках противника. После керченской катастрофы осложнилось положение осажденного Севастополя. Несмотря на самоотверженность защитников города, их силы таяли. 4 июля, после 250-дневной героической обороны, Севастополь пал. 28 июня германская армейская группа «Вейхс» начала наступление из района северо-восточнее Курска на воронежском направлении. 6 июля противнику удалось овладеть большей частью Воронежа. Гитлеровцы назвали его «проклятым городом» из-за ожесточенности боев на выживание в городских кварталах. Основные силы Воронежского фронта (командующие Ф. И. Голиков, Н. Ф. Ватутин) с боями отходили за Дон в его нижнем течении.

В боях на южном крыле советско-германского фронта немецкие войска заняли Донбасс, вышли в большую излучину Дона, создавая угрозу Сталинграду. 24 июля противник захватил Ростов-на-Дону — ключ к воротам Кавказа. Положение складывалось критическое. Неудачи летних сражений отрицательным образом сказались на боеспособности войск, их моральном духе. По воспоминаниям Г. К. Жукова, «вновь появились панические настроения и нарушения воинской дисциплины».

28 июля нарком обороны издал приказ № 227 («Ни шагу назад!»), который имел целью самыми жестокими мерами пресечь проявления трусости и дезертирства, категорически запрещал отступление без особого распоряжения командования. Он был зачитан всем бойцам Красной армии. Суровый приказ сыграл свою роль, поскольку способствовал осознанию величайшей опасности государству и отвечал внутреннему настрою народа. Отступать действительно было некуда. Летом и осенью 1942 г. война велась уже на территории РСФСР и становилась в полном смысле войной за спасение России.

Приказ № 227 вводил штрафные батальоны и роты для отбывания военнослужащими наказания за уголовные и воинские преступления. Они использовались на наиболее тяжелых и опасных участках боевых действий и несли в 3—6 раз большие потери, чем обычные войска. В 1942 г. в них направлено 25 тыс. человек, в последующие годы войны — 403 тыс. В соответствии с приказом в пределах каждой армии создавались 3—5 заградотрядов (по 200 человек в каждом), обязанных в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать паникеров на месте. Надобность в таких отрядах, о которых позднее распространялось много небылиц, через 3 месяца, с изменением обстановки в пользу для Красной армии, отпала. Отряды были расформированы по приказу наркома обороны от 29 октября 1944 г.

В августе 1942 г. противник вышел к берегам Волги в районе Сталинграда и к предгорьям западной части Кавказского хребта, к перевалам его центральной части, и на рубеж реки Терек, в район Моздока. На этих рубежах враг был остановлен. 25 августа началась битва за Сталинград, проходившая для советских солдат зачастую на грани человеческих возможностей. Германское командование придавало особое значение городу, захват которого позволял перерезать Волжскую транспортную артерию и создать смертельную опасность центру страны. 13 сентября начался штурм города, продолжавшийся более двух месяцев. Натиск немцев отражали войска Юго-Восточного и Сталинградского фронтов под единым командованием генерал-полковника А. И. Еременко. Сталинград стал синонимом массового героизма солдат, стойкости советских людей.

Основная тяжесть борьбы выпала на долю армий, возглавляемых В. И. Чуйковым, М. С. Шумиловым, А. И. Лопатиным; дивизий А. И. Родимцева, И. И. Людникова, на долю всех жителей города-героя. Оборонительная операция в Сталинграде стоила жизни 324 тыс. советских воинов. Немногим меньшими цифрами измерялись санитарные потери. Немецкие генералы вспоминали сражение за город как «не поддающуюся никакому описанию битву, ставшую символом борьбы двух враждебных миров». К середине ноября наступательные возможности немцев окончательно иссякли, и они перешли к обороне.

§ 2. КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ВОЙНЕ. 1942—1943

Победа под Сталинградом. Стойкость советских войск позволила в очередной раз выиграть время, мобилизовать резервы и подготовить наступление в районе Сталинграда. Ко второй половине 1942 г. советскому руководству удалось добиться общего превосходства сил над войсками противника. Промышленность, переведенная на военные рельсы, стала быстро наращивать выпуск вооружений. Численность Красной армии, несмотря на все потери, начинала увеличиваться и приближалась к 6,6 млн человек против 6,2 млн у вермахта и его союзников. Достигнуто было превосходство по орудиям (78 тыс. против 52), танкам (7,3 тыс. против 5), самолетам (4,5 тыс. против 3,5).

Идея контрнаступления под Сталинградом родилась практически с началом вражеского штурма города. 12 сентября Г. К. Жуков и А. М. Василевский (начальник Генштаба с июня 1942 г.) докладывали обстановку в городе и вокруг него И. В. Сталину. Когда он начал изучать карту с расположением резервов Ставки, стратеги, отойдя подальше от стола, стали говорить, что, видимо, надо искать какое-то иное решение, нежели просто помогать резервами обороняющимся.

Услышав этот разговор, Сталин попросил «подумать хорошенько», что надо предпринять в складывающейся ситуации.

Идея, которая легла в основу плана операции, была простой: активной обороной ослабить противника, затем нанести во фланги вражеской группировки удары большой силы, которые резко изменили бы стратегическую обстановку на юге страны. План получил название «Уран» и тщательно разрабатывался в сентябре—октябре 1942 г. Операцию удалось подготовить втайне от противника. Она осуществлялась войсками вновь созданного Юго-Западного фронта (командующий Н. Ф. Ватутин), Донского, образованного в результате переименования бывшего Сталинградского фронта (К. К. Рокоссовский), и вновь созданного Сталинградского фронта (А. И. Еременко) при содействии Волжской военной флотилии (контр-адмирал Д. Д. Рогачев). Руководство подготовкой контрнаступления по Юго-Западному и Донскому фронтам было возложено на Г. К. Жукова, по Сталинградскому — на А. М. Василевского.

19 ноября 1942 г. советские войска перешли в контрнаступление. 23 ноября танковые части Сталинградского и Юго-Западного фронтов соединились у города Калач-на-Дону и замкнули кольцо окружения, в котором оказалось 22 дивизии врага (более 330 тыс. человек). Уничтожение и пленение окруженных войск продолжалось до 2 февраля 1943 г. Днем ранее московское радио сообщило о взятии в плен командующего 6-й армии генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. Всего в Сталинградской битве противник потерял четвертую часть сил, действовавших на Восточном фронте.

Успешное осуществление Сталинградской операции отмечено присвоением звания Маршал Советского Союза выдающимся полководцам — Г. К. Жукову (18 января) и А. М. Василевскому (16 февраля). 6 марта того же года маршальское звание присвоено И. В. Сталину. Это были первые присвоения высшего воинского звания с начала войны. В 1944 г. его обладателями стали еще шесть военачальников: И. С. Конев, Л. А. Говоров, К. К. Рокоссовский, Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин, К. А. Мерецков. Всего за годы советской власти в СССР был 41 Маршал Советского Союза.

Победа под Сталинградом была подкреплена общим наступлением советских войск. Врага вынудили вывести части с Северного Кавказа. От оккупации были освобождены миллионы советских людей и огромная территория, потенциально богатая хлебом, углем, нефтью. Огромное значение имел частичный прорыв блокады Ленинграда, совершенный 18 января 1943 г. после семидневных боев. Между Ладожским озером и линией фронта был образован коридор шириной до 11 км, по нему за две недели проложены автомобильная и железная дороги. Город-герой, потерявший за время блокады 642 тыс. человек от голода, болезней и 21 тыс. от артобстрелов, вздохнул свободнее.

За первую половину 1943 г. освобождены города Ржев, Вязьма, Ростов-на-Дону, Шахты и многие другие. 8 февраля 1943 г. советские войска освободили город Курск, который вскоре приковал к себе всеобщее внимание в связи битвой, завершившей перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Курская битва. К лету 1943 г. фронт стабилизировался. Стороны готовились к летней кампании. Немецкое командование с апреля разрабатывало операцию «Цитадель», надеялось «добиться успеха быстро и тотально». Планировалось разгромить войска Центрального и Воронежского фронтов, оборонявших так называемую (по конфигурации линии фронта) Курскую дугу, и развить наступление на Москву. Для осуществления операции немцы сконцентрировали свыше 900 тыс. человек, около 100 тыс. орудий и минометов, 2700 танков и штурмовых орудий, более 2 тыс. самолетов. Пополнения войск удалось достичь за счет тотальной мобилизации.

На этот раз советское командование своевременно разгадало вражеский замысел и разработало ответный план, рассчитанный на то, чтобы сначала обескровить врага в оборонительных боях, затем перейти в контрнаступление. Важные сведения о готовившейся «Цитадели» были получены из Британии. Английские криптографы в июле 1941 г. разгадали код немецкой шифровальной машины «Энигма» («Загадка»), используемый на Восточном фронте. К 1943 г. советская сторона имела возможность не раз убедиться в достоверности сведений английской разведки. Расшифрованная «Энигма» позволяла следить за «Цитаделью» начиная с 15 апреля. Сыграли свою роль и сведения, поступавшие от агентурной группы лондонской резидентуры советской разведки, известной как «Кембриджская пятерка». Д. Кернкросс, один из членов пятерки, накануне Курской битвы сообщил о дислокации на этом направлении 17 немецких аэродромов. Советская авиация уничтожила на них 500 самолетов.

5 июля 1943 г. немецкие войска перешли в наступление с целью окружения советских частей в районе Курска. Плененные накануне немецкие солдаты показали, что наступление назначено на 4 ч утра, а солдаты уже получили шнапс и рацион на пять дней. Таким образом, удалось уточнить сведения о начале наступления, которое ранее неоднократно переносилось. Командующие фронтов К. К. Рокоссовский (Центральный) и Н. Ф. Ватутин (Воронежский) приказали упредить наступление артиллерийской контрподготовкой.

Противнику удалось вклиниться в нашу оборону на отдельных участках до 10—35 км. На северном крыле курского выступа немцы к 7 июля продвинулись к населенному пункту Поныри, который стал, как отметил один из германских участников событий, «Сталинградом

Курской битвы». Здесь произошло мощное сражение между ударными частями трех немецких танковых дивизий и советскими войсками 2-й танковой (командующий генерал-лейтенант А. Г. Родин) и 13-й армии (генерал-лейтенант Н. П. Пухов). Потеряв до 50 тыс. человек убитыми и около 400 танков, противник вынужден был прекратить наступление.

На южном фланге курского выступа кульминация битвы пришлась на седьмой день немецкого наступления. На рассвете 12 июля в расположении войск Воронежского фронта, у деревни Прохоровка, на поле примерно 7 на 5 км началось сражение, в котором во встречном бою сошлись до 1200 советских и немецких танков и самоходных орудий. Невиданная битва продолжалась 18 ч кряду и затихла далеко за полночь. На поле остались остовы 300 немецких танков из 400 участвовавших в наступлении. Среди них 70 новых «Тигров». Советские войска потеряли в этом сражении 500 из 800 танков. Битва не закончилась в один день, хотя потери немцев были такими, что уже нельзя было рассчитывать на решающий прорыв. Тем не менее три последующих дня они бросались на Прохоровку, но пробиться ни через нее, ни в обход не смогли.

Всевластие вермахта на полях сражений кончилось. Элитную танковую дивизию «Мертвая голова» немцы были вынуждены вывести из фронтовой полосы. Танковая армия Г. Гота потеряла половину личного состава и машин. Тяжелые потери понесли советская 5-я гвардейская танковая армия (генерал-лейтенант П. А. Ротмистров), два танковых корпуса и пехотинцы 5-й гвардейской армии (генерал-лейтенант А. С. Жадов).

15 июля операция «Цитадель» была прекращена, немцы перешли к обороне. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. Манштейн и его штаб полагали, что для активных действий у советской стороны сил не осталось. Это было ошибкой: Г. К. Жуков и А. М. Василевский уже приступили к реализации второй части плана. 12 июля войска Брянского (командующий М. М. Попов), Центрального (К. К. Рокоссовский) и части Западного (В. Д. Соколовский) фронтов перешли в наступление на орловскую группировку противника (операция «Кутузов»), первым крупным результатом которого было освобождение Орла (5 августа). 3 августа началось осуществление белгородско-харьковской наступательной операции «Румянцев». 5 августа был освобожден Белгород, 23 августа — Харьков. 5 августа впервые за годы войны Москва салютовала 122 пушками в честь освобождения Орла и Белгорода. Этот салют звучал и в память 70 тыс. человек, полегших в боях на Курской дуге. А всего пали смертью храбрых при осуществлении операций «Кутузов» и «Румянцев» 183 тыс. наших воинов.

Великая победа под Курском достигнута меньшей, чем прежние, кровью. Сталинград унес жизни 470 тыс. наших солдат и офицеров. Все более ощутимыми становились и потери германской стороны. По ее данным, с начала войны по 31 августа 1943 г. вермахт потерял на Восточном фронте 548,5 тыс. солдат и офицеров убитыми и более 2 млн ранеными. Увеличивалось число военнопленных противника: в 1941 г. — 10,6 тыс., в 1942 г. — 178,8 тыс., в 1943 г. — 442,6 тыс. человек. Восполнить эти потери Германии оказалось очень трудно. Советская сторона располагала возможностями возместить относительно большие потери своих войск и наращивать их превосходство.

Освободив Орел, Белгород, Харьков, советские войска перешли в общее стратегическое наступление по фронту в 2 тыс. км. Коренной перелом в войне, начатый под Сталинградом, завершился битвой за Днепр. 6 ноября освобождена столица Украины. От врагов очищены ряд областей РСФСР, Левобережная Украина, Донбасс, захвачены плацдармы под Новороссийском («Малая земля») и в Крыму (на северо-восточной окраине Керчи и южнее города). С ноября 1942 по декабрь 1943 г. было освобождено 46,2% захваченной ранее советской территории, а с учетом территории, освобожденной до ноября 1942 г., — 53% (до войны здесь проживали почти 46 млн человек). К 1944 г. разгромлена половина дивизий противника, начался распад фашистского блока. Из войны была выведена Италия.

Разгром итальянских войск под Сталинградом и высадка англо-американских войск на Сицилии (9 июля 1943 г.) привели к смещению королем 25 июля с поста премьер-министра и аресту Б. Муссолини. Однако он был освобожден немцами и создал под их защитой «республику Сало». 8 сентября 1943 г. север и центр Италии были оккупированы Германией. Фашисты держались здесь до конца войны, ведя борьбу с партизанскими отрядами итальянского Сопротивления.

§ 3. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Мобилизация народного хозяйства. Главным фактором коренного перелома в войне на советско-германском фронте стала завершившаяся к середине 1942 г. перестройка тыла на военный лад. На выпуск военной продукции было переключено производство практически всех отраслей промышленности, выпуск гражданской резко сократился. За 1941—1942 гг. на восток страны удалось эвакуировать и ввести в строй более 2,5 тыс. предприятий. Урал и другие восточные районы стали основной базой военного хозяйства. Удельный вес предприятий военной промышленности в восточных районах повысился с 18,5% в июне 1941 г. до 76% в июне 1942 г. Героическим

трудом местного и эвакуированного в эти края населения производилось три четверти всей боевой техники, вооружения, боеприпасов. В 1942 г. объем валовой продукции промышленности превзошел уровень 1941 г. в 1,5 раза. К концу 1942 г. в СССР создано слаженное военное хозяйство, в 1943 г. выпуск военной продукции вырос еще на 20%.

В соответствии с правительственным постановлением «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупации» (август 1943 г.), к концу войны в очищенных от врага районах вступила в действие примерно треть довоенного промышленного производства. Несмотря на тяготы военного времени, в стране с июня 1941 до января 1946 г. построено 3,5 тыс. новых и восстановлено 7,5 тыс. крупных промышленных предприятий. В 1944-м — начале 1945 г. валовой объем промышленной продукции превысил довоенный, выпуск военной возрос в 3 раза. В области военной экономики СССР достиг полного превосходства над Германией.

Сверхцентрализованная система управления экономикой демонстрировала свои преимущества в условиях войны. В СССР в расчете на 1 тыс. т выплавленной стали выпускалось в 5 раз больше танков и оружия, чем в Германии. Располагая в целом меньшим, чем Третий рейх и работающие на него страны, промышленным потенциалом, СССР с конца 1942 г. значительно больше, чем они, стал выпускать танков, самолетов, других видов вооружения. К 1945 г. трудоемкость изготовления танка Т-34 по сравнению с предвоенным уровнем снизилась в 2,4, а производительность труда в танкостроении выросла в 2 раза. Качество советской боевой техники — истребителей А. С. Яковлева, С. А. Лавочкина, штурмовиков С. В. Ильюшина, бомбардировщиков А. Н. Туполева, Н. Н. Поликарпова, В. М. Петлякова, средних и тяжелых танков М. И. Кошкина, А. А. Морозова, Ж. Я. Котина, артиллерийского вооружения В. Г. Грабина, Ф. Ф. Петрова, И. И. Иванова — было выше аналогичных образцов германской армии.

Потери первых месяцев войны выявили острую нехватку стрелкового оружия, а также орудий и минометов. В 1942 г. нехватка была ликвидирована: оружейные заводы Тулы и Ижевска отправили воинам 4 млн винтовок, освоили производство автоматов Г. С. Шпагина, отличавшихся своей безотказностью. За время войны советская промышленность выпустила 1515,9 тыс. пулеметов всех типов, 12 139,9 тыс. винтовок и карабинов, 6173,9 тыс. пистолетов-пулеметов. Для борьбы с танками выпускались новые образцы противотанковых ружей В. А. Дегтярева и С. Г. Смирнова. Утолению нужды в боеприпасах способствовали предприятия и гражданского сектора, где их производством занимались в основном женщины. В этот период выпуск боеприпасов увеличился до такой степени, что вес артилле-

рийско-минометного залпа, составлявший в 1941 г. 548 кг, вырос в декабре 1944 г. до 1589 кг. В 1942 г. промышленность удовлетворила потребность армии в минометах, был освоен серийный выпуск особенно грозных для врага реактивных систем залпового огня («катюша»). Быстро расширялись самолетостроение (особенно в Поволжье) и производство танков.

К концу 1941 г. на площадке Челябинского тракторного завода был размещен эвакуированный из Ленинграда Кировский завод, возник огромный комбинат по производству танков («Танкоград»). Эвакуированный Харьковский завод им. Коминтерна объединен с Уралвагонзаводом в Нижнем Тагиле. Здесь создавались тяжелые и средние танки. Знаменитые Т-34 выпускались также на Уралмаше, горьковском судостроительном заводе «Красное Сормово». В августе 1942 г. в эвакуированном в Нижний Тагил институте электросварки под руководством Е. О. Патона была создана линия автоматической сварки бронекорпусов танка Т-34, внедренная на 40 заводах страны. Электросварка повышала производительность труда в 8 раз и впервые в мире позволила применить вместо индивидуального конвейерно-поточный метод изготовления танков. За годы войны Урал дал фронту более 70% всех боевых машин.

Ведущими отраслями и предприятиями военной экономики умело руководили талантливые и волевые организаторы производства: Б. Л. Ванников (нарком боеприпасов), В. А. Малышев (нарком среднего машиностроения, танковой промышленности), П. И. Паршин (нарком минометного вооружения), И. Т. Пересыпкин (нарком связи), И. Ф. Тевосян (нарком черной металлургии), Д. Ф. Устинов (нарком вооружений), А. В. Хрулев (начальник Главного управления тыла Красной армии и одновременно нарком путей сообщения), А. И. Шахурин (нарком авиационной промышленности) и другие «генералы и маршалы от нефти, металлургии и транспорта, машиностроения и сельского хозяйства». За 1942 г. в СССР произведено 28 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, в 1943 г. — 27,3, в 1944 г. — 34,7, в 1945 г. (с января по август) — 13,5 тыс. Боевых самолетов соответственно — 22, 33,1, 35,6, 15 тыс.; орудий всех видов и калибров — 57,4, 57,7, 41,3, 9,8 тыс.; установок реактивной артиллерии — 3,3, 3,3, 2,6, 0,8 тыс.

Сражения на трудовом фронте выиграны при резком сокращении численности рабочих и служащих. С 31,2 млн в 1940 г. она уменьшилась до 18,4 млн в 1942-м. Значительную часть занятых в экономике составляли женщины. В 1945 г. их было до 60% от общей численности рабочих и служащих и до 70% работников сельского хозяйства. Помимо них, на заводах и в колхозах трудились сотни тысяч подростков и стариков. Патриотизм, убежденность в правоте своего дела помогали не сломиться от страшного напряжения.

В первый день войны было захвачено в плен или убито 136 тыс. военных строителей, оборудовавших укрепленные районы на западной границе. Тем не менее совместными усилиями военных и гражданских строителей только за первые 2 года войны было возведено более 50 тыс. км укрепленных рубежей. Объем работ, трудовых и материальных затрат на них намного превысил аналогичный показатель всей совокупности гидротехнического строительства предшествовавших двух десятилетий советской власти.

Потери, понесенные индустрией и сельским хозяйством, привели к сокращению производства продуктов народного потребления. Значительная часть произведенной продукции направлялась на вещевое и продовольственное снабжение фронта. Доля же рыночных фондов для личного потребления населения уже в 1942 г. уменьшилась по сравнению с 1940 г.: сахара — в 6,6 раз, кондитерских изделий — в 4,8, жиров — в 2, мясных продуктов — в 2,8, хлопчатобумажных тканей — в 12, льняных тканей — в 11,6, кожаной обуви — в 11, мыла хозяйственного — в 4,4, спичек — в 8 раз.

К началу 1942 г. в СССР был осуществлен переход к карточной системе снабжения населения хлебом, мясом, жирами и другими важнейшими продовольственными товарами, а также промтоварами первой необходимости. При этом по первой, более высокой, категории — хлебом по норме от 0,8 до 1,2 кг в сутки — снабжались рабочие и служащие предприятий оборонной, угольной, нефтяной, химической промышленности, а также строительные и транспортные рабочие. По второй категории хлебом по норме в среднем 0,5 кг снабжались работники остальных отраслей промышленности и народного хозяйства.

Особые трудности приходилось переживать населению прифронтовых городов. В блокированном Ленинграде за сентябрь—ноябрь 1941 г. нормы выдачи продуктов снижались 5 раз. В июле ленинградские рабочие получали 800 г хлеба, с 20 ноября — 250 г, а служащие, иждивенцы и дети — по 125. С февраля 1942 г. норму снабжения ленинградских рабочих и ИТР вновь удалось поднять до 500 г хлеба в сутки. В последние дни обороны Севастополя его население довольствовалось в среднем 200—300 г. хлеба в сутки.

Резко изменился внешний вид городов и горожан и в тыловых районах. Текущий ремонт домов, тротуаров и дорог с начала войны, по существу, прекратился. Вечером города погружались в сплошную тьму. Увеличилось число нищих, попрошаек, гадалок, особенно на базарах. Резко возросло число верующих. Одежда горожан потеряла всякие претензии на моду, стала однообразнее, беднее. Большая часть ресторанов, кафе, увеселительных учреждений закрылась, но кинотеатры, театры, парки культуры, библиотеки продолжали работать. Большое значение приобрело самообеспечение предприятий продук-

тами питания, в частности — огородничество. Число огородов рабочих и служащих за годы войны увеличилось в 3,5 раза, а производство картофеля на них — в 5 раз.

Труженикам многострадальной, часто недоедающей деревни в исключительно тяжелых условиях (мобилизация мужчин на фронт, потеря наиболее хлебородных районов, сокращение машинно-тракторного парка и поголовья лошадей, мизерность капиталовложений) из последних сил удавалось поставлять продовольствие фронту и городам. Валовая продукция сельского хозяйства в засушливом 1943 г. составляла всего 37% от уровня 1940 г. Валовые сборы зерна в колхозах сократились с 76,2 млн т. в 1940 г. до 33,3 млн в 1945 г.

Потребление важнейших продуктов питания на селе в годы войны сократилось по сравнению с невысоким довоенным уровнем в 2—3 раза. Из-за недостатка муки в хлеб нередко приходилось добавлять тертый картофель, отруби и даже жмых. С крестьянского стола почти полностью исчезло мясо и такие продукты промышленного производства, как сахар, кондитерские изделия. Сахар при случае заменялся полученным в обмен на картошку сахарином, вырабатываемым из толуола, синтетическим продуктом, очень сладким, но совершенно бесполезным для организма человека, поскольку не усваивался. Чаще заменой сахара была обжаренная свекла, а заваркой вместо чая служили фруктовая смесь, настои из листьев и трав, желуди. Основным блюдом на крестьянском столе был картофель с молоком, а чаще с луком, огурцами или грибами. Крахмальный, тем более овсяно́й, кисель с молоком был праздничным угощением. В южных районах страны ассортимент питания был, естественно, разнообразнее. В других же местах нередко случалось и так, что к маю—июню не оставалось и картошки. Тогда в пищу шли свекольный лист, крапива, лебеда, щавель.

Во время войны в деревенский быт вернулись ручные мельницы-самоделки, картофелетерки, прялки, дедовские ступы, кресала, лучины, оживилось старое ремесло, восстанавливались самоткаческие навыки, приемы плетения лаптей (в 1944 г. их было изготовлено около 740 тыс. пар). В деревнях резко возросла роль старинной русской печи. В ней не только готовили еду, она была источником тепла, служила постелью, когда нужно — становилась и баней, обогревала подполье, сушила зерно, овощи, одежду. Ватная стеганка, хлопчатобумажные шаровары, ручной катки валенки с галошами — такова чаще всего была одежда крестьян в осенне-зимний сезон. Летом было легче — донашивали старую одежду любого размера, солдатские гимнастерки, для подростков приспосабливали отцовские вещи. Перелом к лучшему в деревенском быту наметился только к концу войны.

Невзирая на чрезвычайные тяготы военного времени, жертвен-

ность и героизм сельчан вкупе с исключительными мобилизационными возможностями колхозно-совхозной системы позволили государству сосредоточить в своих руках большое количество продукции сельского хозяйства. За 1941—1944 гг. в СССР было заготовлено 4264 млн пудов хлеба, из которых почти 83% дало крестьянство. (Для сравнения: в Первую мировую войну хлеба в России было заготовлено и закуплено втрое меньше.) Даже в самые трудные дни военного лихолетья фронт и города снабжались необходимым минимумом продовольствия. Все это имело важнейшее значение для исхода войны. «В венок Великой Победы, — по образному выражению М. А. Шолохова, — навечно вплетен мозолистыми крестьянскими руками и золотой колос».

На фоне всеобщего материального бедствия обеспеченность партийно-государственной номенклатуры представлялась высокой. Так, с образованием Кемеровского обкома ВКП(б) в январе 1943 г. были утверждены фонды зарплаты его аппарата. Оклад 1-го секретаря обкома составлял 2000 руб. (такие же оклады были у директоров трех крупнейших заводов области), оклады секретарей обкома — 1800 руб., помощников секретарей — 950, заведующих отделами — 1600, их заместителей — 1000—1600, заведующих секторами и лекторов — 950, инструкторов обкома — 900 руб. (Для сравнения: зарплата обкомовской машинистки и кассира составляла 325 руб., уборщицы — 160, дворника — 150, гардеробщицы — 125 руб.). В районном звене зарплата партработников и обслуживающего персонала была меньше на 30—50%. Руководящие работники имели право на бесплатное получение промышленных и продовольственных товаров по так называемым «лимитным книжкам». В 1944 г. этот вид снабжения по Кемеровской области распространялся на 331 партийного, комсомольского, советского и профсоюзного работника. При этом 60 человек имели право на получение товаров общей стоимостью 1000 руб., а 271 человек — 750 руб.

Большой вклад в победу над фашизмом внесли ученые. Физики создавали теоретические и экспериментальные предпосылки для конструирования новых видов вооружения; математики разработали приемы наиболее быстрых вычислений для артиллерии, авиации и боевых судов; химики нашли новые способы производства взрывчатых веществ, сплавов, фармацевтических средств; биологи отыскали дополнительные ресурсы питания для Красной армии. Ученые много сделали для мобилизации ресурсов и развития производительных сил восточных районов. В частности, благодаря поискам геологов начата эксплуатация крупной Волго-Уральской нефтегазоносной области. Успешно решались и сложные проблемы в достижении технического превосходства над противником (обезвреживание электромагнитных

мин, создание новых оптических приборов, использование автоматической электросварки, технологии направленного взрыва и др.). Неоценимую роль в обеспечении армии лучшими в мире образцами вооружения и боевой техники сыграли выдающиеся ученые И. Б. Бардин, А. И. Берг, А. А. Благонравов, С. И. Вавилов (президент АН СССР в 1945—1951 гг.), А. Н. Колмогоров, М. А. Лаврентьев, Е. О. Патон. В 1942 г. изготовил свой первый пистолет-пулемет М. Т. Калашников. Его дальнейшие разработки увенчались созданием знаменитого «АК-47».

В самый тяжелый период войны СССР приступил к созданию ядерного оружия (в США такая работа велась с октября 1939 г.). Начало исследованиям положили распоряжения ГКО «Об организации работ по урану» (сентябрь 1942 г.) и «О дополнительных мероприятиях в организации работ по урану» (февраль 1943 г.). В соответствии с этими решениями в Москве создана Лаборатория № 2 Академии наук СССР (апрель 1943 г.). Научное руководство атомным проектом возглавил 39-летний профессор Ленинградского физико-технического института И. В. Курчатов. Первые шаги к успеху вместе с ним делали его брат Б. В. Курчатов, В. А. Давиденко и Г. Н. Флеров, физики-теоретики Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, И. Я. Померанчук и др.

Существенный вклад в общую победу вносили медицинские работники. Из общего числа поступивших в медучреждения за годы войны 72% были возвращены в строй, 8% умерли, 20% уволены из армии.

В тылу врага. Одним из факторов победы стала стойкость советских людей, попавших под оккупацию. На захваченных территориях гитлеровцы установили режим, полностью соответствующий их человеконенавистнической идеологии и преступным планам. Экономическая эксплуатация и грабеж сопровождались массовыми репрессиями и уничтожением населения. Общее число жертв оккупационного режима превысило 14 млн человек, что составило примерно пятую часть проживавшего здесь населения. Свыше 4,8 млн человек угнали на рабский труд в Германию. Поголовному истреблению подвергались евреи и цыгане. На разобщение народов СССР было рассчитано решение военных властей от 25 июля 1941 г. об освобождении из германского плена немцев Поволжья, украинцев, белорусов, латышей, литовцев, эстонцев, румын и финнов. Соответствующий приказ действовал до ноября 1941 г., освобождено 318,8 тыс. человек.

Лживой пропагандой, посулами и угрозами оккупанты пытались привлечь на свою сторону часть местного населения, недовольного большевистским режимом. Коллаборационисты направлялись в поли-

цейские части, в различные воинские формирования. На оккупированной территории одних только полицаев, сельских старост и мелких чиновников из местного населения к 1942 г. насчитывалось 60,4 тыс. человек. Выпускалось 130 газет (из них 60 на украинском языке, 16 — на русском) с участием местных журналистов.

В сентябре 1943 г., в разгар Сталинградской битвы, советская армейская разведка обнаружила, что против войск Закавказского фронта действуют вместе с немецкими войсками национальные формирования из военнопленных — выходцев с Кавказа и из среднеазиатских республик. В составе вермахта были также легионы из мусульман Поволжья и Крыма, казачьи соединения, с начала войны — западноукраинские и прибалтийские эсэсовские дивизии. К концу войны украинские коллаборационисты были объединены в Украинское освободительное войско («бандеровцы»), а русские — в Русскую освободительную армию («власовцы»). Общая численность таких формирований достигала миллиона человек. Всего на германских фашистов в годы войны работало до 1,5 млн предателей: почти миллион из них находился на службе в вермахте и СС, до 0,4 млн — в полиции и других формированиях на оккупированной территории.

Официальная фашистская пропаганда с первого дня представляла войну как освобождающую народы СССР от «еврейско-большевистского ига». В «Обращении к советскому народу», зачитанном 22 июня 1941 г. по берлинскому радио на русском языке, утверждалось, что «население СССР превращено в рабов, в крепостных еврейских комиссаров, а патриоты России расстреляны этой жидобольшевистской властью». Обращение завершалось призывом «срубить голову еврейскому Коминтерну». Этим же днем Й. Геббельс разослал своим пропагандистам «Указание № 13», озаглавленное — «Ответ Германии на предательство еврейско-большевистского Кремля», которое предписывало представлять войну как вынужденную самооборону: «Война ведется не против народов страны большевиков, а против еврейского большевизма и тех, кто его представляет».

В СССР, по сути, только начинавшем выходить из состояния «обострения классовой борьбы», еще не оправившемся от потрясений, вызванных коллективизацией, массовыми репрессиями, существовала определенная часть населения, недовольная экономической и социальной политикой. Некоторые считали, что с приходом немцев «хуже не будет»: страна будет избавлена от евреев, коммунистов, воинствующих атеистов, а к нуждам «простых людей» немцы будут относиться с пониманием. Давали о себе знать и прозападнические настроения части советских людей.

Однако предатели и разного рода коллаборационисты не имели шансов привлечь на свою сторону основную массу народа, противопоставить его руководству страны и оказать серьезное влияние на ис-

ход войны. Подлинное состояние страны и ее армии хорошо выразил один из попавших в немецкий плен и с достоинством державшийся генерал: «Когда дело касается судьбы России, русские будут сражаться — потеря территории ничего не означает, и указывать на недостатки режима бессмысленно». Репрессии ужесточившегося в годы войны режима не прекращались, но характер их изменился. На первое место при этом вышли мотивы измены, коллаборационизма, национал-сепаратизма. (Одними только особыми отделами НКВД, а с апреля 1943 г. созданным на их основе Главным управлением контрразведки СМЕРШ во главе с В. С. Абакумовым, за период с июля 1941 по май 1946 г. были арестованы около 700 тыс. человек, из них 70 тыс. расстреляны.)

Основная масса людей на захваченной врагом территории не теряла надежды на освобождение. Одни сопротивлялись оккупантам, саботируя их мероприятия, другие — уходя в подпольные организации и партизанские отряды. Их основу составляли заранее подготовленные партийные и советские работники, не сумевшие выйти из окружения военнослужащие, разведывательно-диверсионные группы, перебрасываемые из-за линии фронта. Уже в 1941 г. на оккупированной территории действовали 18 подпольных обкомов партии, объединявшие 65,5 тыс. коммунистов — партизан и подпольщиков. К осени 1943 г. число подпольных обкомов увеличилось до 24. Общая численность партизан за годы войны составила 2,8 млн человек. Действуя как вспомогательные силы Красной армии, они отвлекали на себя до 10% вооруженных сил противника. В августе—сентябре 1943 г. операциями «Рельсовая война» и «Концерт» партизаны на длительное время дезорганизовали железнодорожные перевозки в тылу врага. Одновременно по тылам противника был проведен Карпатский рейд под командованием С. А. Ковпака. Борьба советских людей в тылу врага сыграла немалую роль в обеспечении коренного перелома в Отечественной войне и освобождении в 1944 г. советской земли от оккупантов.

Фашистская пропаганда и оккупационная политика не могли не обострять существовавшие в стране противоречия, в частности в межнациональных отношениях. Одним из результатов этого стала подлинная трагедия еврейского населения на оккупированной гитлеровцами территории СССР.

Патриотизм — важнейший фактор победы. В коренном переломе военной ситуации в пользу СССР обнаружила себя несопоставимость духовных потенциалов агрессора и жертвы. Человеконенавистнической фашистской идеологии расизма и геноцида в отношении порабощаемых народов советская сторона противопоставляла такие об-

щечеловеческие идеи, как национальная независимость, солидарность и дружба народов, справедливость, гуманизм. Несмотря на то что практическая политика по претворению этих принципов была далека от идеалов, постоянное декларирование питало надежду на их полное воплощение в жизнь после победы.

В идеологии в течение всей войны проводилась линия на укрепление патриотизма и межнационального единства народов СССР. В ряды Красной армии призывались граждане всех национальностей, на фронте они сражались за общую Родину. В самую тяжелую пору, когда довоенная армия была, по сути дела, уничтожена врагом, а украинские и белорусские земли оккупированы, пришлось в большей мере использовать демографический потенциал неславянских народов СССР. Создавались национальные воинские формирования в значительной мере из-за слабого знания русского языка призывниками. Национальные республики Востока приняли эвакуированные предприятия, вовлекались в налаживание их работы, вносили посильный вклад в общую борьбу. Укрепление братского содружества народов было одной из ведущих тем пропаганды. Хотя в годы войны имели место многие случаи измены и предательства среди представителей разных национальностей, а также проявлялось недоверие к некоторым народам, дружба народов это тяжелое испытание в целом выдержала.

По ходу войны объективно и во все большей мере возрастала роль русского народа. В канун войны русских в составе всего населения СССР было 51,8%. Их удельный вес среди мобилизованных составлял 65,4% и был особенно велик в кризисный период войны. Это заставляло руководство страны постоянно обращаться, как к наиболее вдохновляющим, к исконным стремлениям и ценностям русского народа, к его историческим корням и самобытным традициям. Классовые социалистические ценности заменялись обобщающим понятием «Отечество». В пропаганде перестали делать особый упор на принцип классового интернационализма. Утверждению этих тенденций способствовала смена руководства Главного политического управления Красной армии, произошедшая весной 1942 г. Л. З. Мехлиса на ответственном посту начальника управления сменил А. С. Щербаков, имеющий стойкую репутацию патриота-государственника. В том же году началась работа по замене «Интернационала» на патриотический гимн, в котором был бы отражен исторический путь народов страны, а не борьба международного пролетариата. С начала 1944 г. официальные торжественные мероприятия и ежедневные передачи советского радио начинались с исполнения гимна о нерушимом союзе республик, сплоченных великой Русью. В его основу положена величественная музыка А. В. Александрова с ее устремленностью и призывом к подвигу, так необходимыми сражающейся стране.

Огромную вдохновляющую роль сыграли ордена, учрежденные в честь Александра Невского, Суворова, Кутузова (июль 1942 г.), Богдана Хмельницкого (октябрь 1943 г.), ордена и медали Ушакова и Нахимова (март 1944 г.). Красной армии возвращаются традиционная форма русской военной одежды с погонами (январь 1943 г.), офицерские звания. Учреждаются Суворовские и Нахимовские училища (август 1943 г.) типа старых кадетских корпусов. На фронте и в тылу пропагандистская работа организуется на основе директивы о воспитании советского патриотизма на примерах героического прошлого русского народа. В октябре 1944 г. на самом высоком уровне рассматривался вопрос об официальном разрешении военнослужащим носить полученные еще в Первую мировую войну солдатские Георгиевские кресты.

В мае 1943 г., когда события на фронте для советской стороны вновь поворачивались к худшему, а второй фронт еще не был открыт, руководство ВКП(б) пошло на роспуск Коминтерна, известного всему миру «штаба мировой революции». Такая идея впервые выдвигалась в апреле 1941 г. Тогда она мыслилась как разменная карта в торге с Гитлером, способная устранить основу антикоминтерновских пактов. В условиях весны 1943 г. важно было как можно скорее развеять распространенные на Западе подозрения о коминтерновских планах «большевизации» Европы и добиться укрепления союзнических отношений с капиталистическими странами ради расширения их помощи советскому народу. Между тем эти отношения в мае 1943 г. совсем не удовлетворяли СССР, причем настолько, что советские послы М. М. Литвинов и И. М. Майский были отозваны из столиц США и Великобритании. О роспуске Коминтерна было объявлено в прессе 15 мая, в самом начале Вашингтонской конференции с участием Рузвельта и Черчилля, от результатов которой зависело, когда будет открыт второй фронт. Объявление, положительно воспринятое в странах Запада и особенно в США, привело к укреплению их отношений с Советским Союзом.

С 1943 г. получило широкую известность сталинское суждение, во многом определившее последующую национальную политику: «Необходимо опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу сказать, что мы его всегда правильно решали... Это проклятый национальный вопрос... Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране — великая великорусская нация... Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведется за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются, Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом».

Сугубо прагматическими соображениями вызвано и широко разрекламированное решение январского (1944) пленума ЦК о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений. Оно было связано с предложениями добиваться включения в состав создававшейся ООН 16 советских республик. Попытаться сделать это можно было, придав (хотя бы символически) большую «суверенность» союзным республикам. В расчете на это приняты указы ВС СССР о преобразовании союзных наркоматов обороны и иностранных дел в союзно-республиканские. Конституция СССР была дополнена статьей 18: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями». Республики получили конституционное право иметь самостоятельные воинские формирования.

Впервые о необходимости включения в число членов ООН всех союзных республик СССР было официально заявлено в августе 1944 г. на заседании глав делегаций на переговорах представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе. Встретившись с неприятием этой инициативы, руководители СССР позднее, на Крымской (Ялтинской) конференции (февраль 1945 г.), говорили, что было бы справедливо, если «три или по крайней мере две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации». При этом речь велась об Украине, Белоруссии и Литве, которые «принесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями, на которые вторглись немцы».

В конечном итоге усилия советской стороны увенчались соглашением о включении в ООН, помимо СССР, еще двух советских республик. Несомненное достижение советской дипломатии на международной арене с внутриполитической точки зрения выглядело явной дискриминацией остальных «равноправных» субъектов федерации. Особенно Советской России, изначально лишенной возможности какого-либо самостоятельного участия в деятельности международных организаций. Объяснение этому видится одно — советским руководством РСФСР рассматривалась как государствообразующая республика, и в силу этого факта отпадала необходимость ее отдельного представительства в международных организациях.

Еще один парадокс истории СССР военного времени заключается в том, что одновременно с «расширением прав» отдельных народов набирала силу противоположная тенденция. По предложению наркомата внутренних дел ГКО 31 января 1944 г. принял постановление о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР, фактически предрешив ликвидацию Чечено-Ингушской АССР. За годы войны это был уже четвертый случай ликвидации советского национально-государственного образования (в 1941 г. приняты решения

о выселении немцев Поволжья, в 1943 г. — карачаевцев и калмыков).

Противоречил декларациям о великой дружбе народов ряд других постановлений ГКО. 10 января 1942 г. было принято решение, предписывающее «всех немцев — мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовать... в рабочие колонны на все время войны» и направить на лесозаготовки, строительство заводов и железных дорог. В октябре 1942 г. принято постановление о дополнительной мобилизации немцев. Мобилизация распространялась на мужчин в возрасте от 15—16 до 51—55 лет и женщин в возрасте от 16 до 45 лет включительно. 14 октября 1942 г. январское постановление, касавшееся немцев, было распространено на проживавших в СССР румын, венгров, итальянцев, финнов. В соответствии с постановлениями ГКО от 13 октября 1943 г. и 25 октября 1944 г. не производился призыв в Вооруженные силы представителей коренного населения Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа. По данным на январь 1942 г., только на Урале трудовая армия насчитывала около 290 тыс. бойцов. Более чем на 50% она состояла из советских немцев и выходцев из Средней Азии и Казахстана. В марте 1942 г. в СССР было 1473 рабочих колонны, в которых служили свыше 1,2 млн человек.

В достижении победы значительную роль сыграла позиция Русской православной церкви. Тяготы войны, утраты и лишения оживили религиозные настроения в народе. Власть высоко ценила патриотическую деятельность РПЦ по сбору денежных средств и вещей для нужд фронта. (Всего за годы войны в Фонд обороны от граждан поступило 24 млрд руб.) Государство делало все новые шаги к признанию важной роли Церкви. Ей была отдана типография Союза воинствующих безбожников, где в 1942 г. напечатана большая книга под названием «Правда о религии в России», предназначенная, главным образом, для пропаганды за границей. В книге отмечались полная свобода религии в СССР, традиционный патриотизм Русской православной церкви, подчеркивалась тесная связь между русским народом и его Церковью.

В конце марта 1942 г. в Ульяновске был созван первый за время войны Собор епископов Русской православной церкви. На нем были осуждены иерархи, вставшие на путь сотрудничества с германскими оккупационными властями. Осуждение «изменников веры и отечества» не могло не сокращать общих масштабов коллаборационизма на оккупированных территориях. Оно во многом способствовало тому, что большинство попавших в оккупацию рядовых священников сохраняли верность Родине, помогали партизанам, укрывали мирных жи-

телей от репрессий гитлеровцев. Патриотическая деятельность священников нещадно каралась оккупантами.

Демонстрируя меняющееся отношение к Церкви, московские власти в апреле 1942 г. впервые способствовали организации религиозного празднования православной Пасхи. 2 ноября 1942 г. один из трех высших иерархов РПЦ, митрополит Николай (Б. Д. Ярушевич), был включен в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. 5 января 1943 г. митрополит Сергий послал Сталину телеграмму с просьбой разрешить открытие Церковью банковского счета, на который вносились бы деньги, жертвуемые на оборону. В ответной телеграмме Сталин дал свое согласие и поблагодарил Церковь за ее труды. Открытие банковского счета означало признание Церкви де-факто юридическим лицом. Главные перемены в отношениях между государством и Церковью произошли после встречи Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем. Во встрече участвовали также В. М. Молотов и начальник отдела НКВД Г. Г. Карпов, намеченный на пост будущего председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совмине СССР.

Встреча состоялась 4 сентября 1943 г. На ней был очерчен круг вопросов, требующих решения для нормализации государственно-церковных отношений в СССР. Сразу же после встречи Патриархии был передан особняк, занимаемый ранее германским послом. 8 сентября был созван Архиерейский собор для избрания патриарха, престол которого пустовал со дня смерти патриарха Тихона. 12 сентября Собор в составе 19 иерархов (16 из них были доставлены из лагерей и ссылок) избрал митрополита Московского Сергия новым Патриархом Московским и всея Руси. Затем Сергий, уже в новом качестве, объявил об образовании совещательного органа при патриархе — Священного синода из трех постоянных и трех временных членов. Собор принял актуальный для военного времени документ, в котором говорилось, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана». Не менее значимым было обращение Собора к христианам всего мира с призывом «объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом».

8 октября 1943 г. образован Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. С конца года открываются для службы храмы, растет число православных общин, возвращается из лагерей репрессированное духовенство. В ноябре 1944 г. правительство приняло решение об открытии Православного богословского института и богословско-пастырских курсов для подготовки кадров священнослужителей.

По мере освобождения советских земель от оккупантов в лоно РПЦ возвращались монастыри и храмы, в большом количестве открытые по разрешению немецких властей в целях противопоставления их советской власти. Всего за 3 года на занятой гитлеровцами территории восстановлено около 9400 церквей, более 40% от их дореволюционного количества. В то же время фашистское нашествие привело к разрушению 1670 православных храмов, 237 костелов, 532 синагог, 69 часовен, 258 других культовых зданий. Гитлеровцы, в принципе враждебно относящиеся к любой форме христианства, религиозную свободу допускали временно. В последующем, как писал гитлеровский идеолог А. Розенберг, христианский крест должен быть заменен свастикой. Однако первый этап религиозной политики гитлеровцев на оккупированной территории оказал существенное влияние на государственно-церковные отношения в СССР.

Кульминацией признания советской властью роли и авторитета Церкви стало проведение Поместного собора РПЦ (31 января — 2 февраля 1945 г.), созванного в связи со смертью патриарха Сергия. Собор принял «Положение об управлении Русской православной церкви» и избрал 13-м Патриархом Московским и всея Руси ленинградского митрополита Алексия (С. В. Симанский).

Урегулирование государственно-церковных отношений распространилось и на другие религиозные объединения, развернувшие активную патриотическую деятельность в годы военного лихолетья. Так, Союз мусульман, созванный в Уфе в июне 1942 г., призвал всех мусульман страны к борьбе против фашистов и осудил сотрудничество части мусульман с гитлеровцами. Евангельские христиане-баптисты собрали средства на транспортный самолет, а Армяно-григорианская церковь — на танковую колонну «Давид Сасунский».

К концу войны в СССР действовали 10 547 православных церквей и 75 монастырей, в то время как перед ее началом было только около 380 церквей и ни одного монастыря. В 1945 г. в РПЦ возвращается Киево-Печерская лавра, из запасников музеев передаются в действующие храмы «чудотворные мощи», изъятые в 20—30-е гг. Годы войны стали годами религиозного возрождения в СССР.

Любовь к Родине, ненависть к врагу, вера в победу, патриотизм и героизм советского народа были ведущими темами произведений литературы и искусства. Советская литература еще до начала войны, по словам А. Толстого, «от пафоса космополитизма пришла к Родине». Война многократно усилила эту тенденцию в публицистике и всей художественной культуре. Практически в первые часы войны появилась торжественная песня Г. Александрова на стихи В. Лебедева-Кумача «Священная война», ставшая гимном военных лет. В августе 1941 г. К. Симонов написал стихотворение «Жди меня», которое, как молитву, постоянно твердило почти все население страны. Появи-

лись задевающие самые заветные струны души произведения А. Толстого, раскрывающие русский характер. Поистине народной стала поэма А. Твардовского «Василий Теркин». Настоящим подвигом было создание и исполнение в блокадном Ленинграде «Ленинградской симфонии» Д. Шостаковича.

Все это, включая публицистику М. Шолохова и И. Эренбурга, лирику А. Суркова, симфонии С. Прокофьева, песни Б. Мокроусова и В. Соловьева-Седого, выступления популярных артистов фронтовых театров Л. Руслановой, Л. Утесова, К. Шульженко, живопись А. Герасимова, П. Корина, А. Дейнеки и многие другие выдающиеся достижения культуры военных лет, поднимало моральный дух советских граждан, развивало чувство национальной гордости, укрепляло настроенность на победу. Укреплению этого духа служила знаменитая серия «Жизнь замечательных людей» (книги: И. П. Павлов, К. А. Тимирязев, И. Е. Репин, Н. Е. Жуковский, М. С. Щепкин, А. С. Пушкин, В. В. Маяковский, А. Н. Радищев, М. И. Глинка, С. О. Макаров, К. Д. Ушинский, Г. Я. Седов, П. С. Нахимов, Ф. Ф. Ушаков, Л. Н. Толстой, П. И. Чайковский, М. Ф. Казаков, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский, Д. К. Чернов, И. М. Сеченов, Н. В. Гоголь, И. А. Крылов, Н. И. Лобачевский, А. С. Попов, И. И. Мечников, В. И. Баженов).

Свою лепту в общее дело победы внесли общественные организации — 25-миллионные профсоюзы (организаторы массового соцсоревнования и других патриотических починов); 10-миллионный комсомол, роль которого в вооруженной борьбе и организации труда в тылу была очень большой; Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству; Общество Красного Креста и Красного Полумесяца; антифашистские комитеты.

Воспитание у советских людей чувства ненависти и мести средствами публицистики, кино, всей системой политико-воспитательной работы, особенно поощряемое на первых этапах войны и выраженное в призывах «Смерть немецким оккупантам!», «Убей немца!», имело свои пределы. На заключительном этапе войны была дана установка на сдерживание крайностей, с тем чтобы ненависть к врагу не вылилась во всеобщую слепую ярость ко всему немецкому народу.

Имело свои границы и отступление в духе «националистического НЭПа». В 1944 г. в ЦК состоялось совещание историков, на котором осуждались крайности, идущие по линии как очернения прошлого русского народа, преуменьшения его роли в мировой истории, так и сползания на позиции «великодержавного шовинизма» и «квасного патриотизма». В частности, были отвергнуты предложения о включении в число исторических героев А. А. Брусилова, А. М. Горчакова, А. П. Ермолова, М. И. Драгомирова, К. П. Кауфмана, М. Д. Ско-

белева, М. Г. Черняева и других военных и государственных деятелей дореволюционной России.

Еще более жестким было осуждение «националистических проявлений» в других республиках. 31 января 1944 г. Сталин принял личное участие в обсуждении киноповести А. Довженко «Украина в огне» и негодующе заметил: «Если судить о войне по киноповести Довженко, то в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы». Заключение было суровым: повесть является «ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности». В феврале Политбюро КП(б)У приняло решение, в соответствии с которым А. Довженко сняли со всех занимаемых должностей как в государственных учреждениях, так и в общественных организациях.

В августе 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждающее республиканскую газету «Красная Татария» за принижение роли Красной армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и «преклонение перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран». Татарскому обкому партии предлагалось устранить «серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идегее)». В январе 1945 г. аналогичное внушение сделано руководству Башкирской партийной организации. Серьезные идеологические просчеты были обнаружены в подготовленных к печати «Очерках по истории Башкирии», в литературных произведениях «Идукай и Мурадым», «Эпос о богатырях», в пьесе «Кахым-Туря». Формулировки постановлений были ужесточены на X пленуме правления Союза советских писателей (май 1945 г.). Здесь уже говорилось, что в Татарии «поднимали на щит ханско-феодальный эпос об Идегее и делали Золотую Орду передовым государством своего времени»; нечто подобное произошло и в Башкирии с эпосом «Карасахал», где тоже «извратили историю и впали в идеализацию патриархально-феодального прошлого».

Таким образом, историкам и литераторам предписывалось впредь быть очень осторожными в проведении грани между «героическим прошлым» народа и «идеализацией» его исторического прошлого.

Мобилизация внешнеполитических сил. Успехи советских войск в битве под Сталинградом создали благоприятные условия для открытия второго фронта в Европе. На конференции в Касабланке (январь 1943 г.) США и Англия решили объединить усилия в целях захвата Сицилии, а по отношению к Германии пока ограничиться воздушными налетами. В начале июня 1943 г. союзники известили И. В. Сталина о своем решении не открывать второй фронт в Европе

в 1943 г. Отношение к этому вопросу изменилось после победы советских войск под Курском. У союзников возникли опасения, что без второго фронта противодействие советской политике окажется невозможным.

На конференции в Квебеке (август 1943 г.) лидеры США и Англии пришли к соглашению о начале операции «Оверлорд» по форсированию Ла-Манша 1 мая 1944 г. На конференции министров иностранных дел в Москве (октябрь 1943 г.) был подписан протокол, подтверждающий намерения США и Англии начать операцию в Северной Франции весной 1944 г. США при этом рассчитывали, что Берлин должны занять их войска.

На конференции в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) состоялась первая встреча глав правительств «Большой тройки», решавшая кардинальные вопросы ведения войны и послевоенного устройства мира. В итоговом документе этой конференции зафиксировано, что форсирование Ла-Манша будет предпринято в течение мая 1944 г. Стремясь обезопасить операцию, союзники выдвинули требование: немцы не должны иметь возможности перебросить с других фронтов более 15 дивизий в течение первых 60 дней операции. И. В. Сталин заверил союзников, что советские войска предпримут наступление в это время с целью предотвратить переброску германских войск.

В Тегеране обсуждалось и послевоенное устройство Европы. Союзники согласились на передачу Советскому Союзу части Восточной Пруссии и восстановление независимой Польши в границах 1918 г. Признано было также присоединение Прибалтики к СССР. В обмен на эти уступки Сталин соглашался на то, что Советский Союз объявит войну Японии не позднее чем через три месяца после победы над Германией. Эти договоренности во многом способствовали скорейшему победному окончанию Второй мировой войны.

Свою лепту в мобилизацию внешнеполитических факторов победы над фашизмом были призваны внести созданные в 1941—1942 гг. антифашистские комитеты. Таких комитетов было пять: советских женщин, молодежи, ученых, всеславянский и еврейский. Они были образованы при Совинформбюро для налаживания и объединения усилий советской и зарубежной общественности в борьбе против фашизма.

Драматические последствия имела деятельность Еврейского антифашистского комитета. Идея его создания принадлежала Л. П. Берии. Первоначально предполагалось использовать для его образования лидеров Еврейской социалистической партии Польши Г. Эрлиха и В. Альтера, арестованных в Восточной Польше в 1939 г. На встрече с ними в сентябре 1941 г. Берия предложил организовать работу

ЕАК, и они согласились. Планировалось, что председателем комитета будет Эрлих (известный в широких кругах с 1917 г., когда он был членом Исполкома Петросовета), его заместителем — С. М. Михоэлс, ответственным секретарем — Альтер. Однако от плана пришлось отказаться. Эрлих и Альтер на намеченные роли не подошли. Они, как писал П. А. Судоплатов, «слишком много знали о намерениях Сталина воспользоваться ими для выколачивания денег на Западе». В декабре 1941 г. их арестовали по обвинению в пропаганде в пользу подписания мирного договора с Германией, а руководителем создаваемого ЕАК стал С. М. Михоэлс, известный актер и режиссер, народный артист СССР, художественный руководитель (с 1929 г.) Московского государственного еврейского театра.

В начале 1943 г. через каналы Коминтерна были установлены контакты с руководством Американского комитета еврейских писателей, артистов, ученых и Еврейского совета помощи России, которые организовали официальное приглашение в США Михоэлсу и секретарю ЕАК поэту И. С. Феферу. И уже в середине июня американский журналист и общественный деятель Б. Гольдберг, выходец из России, встречал их. Помимо США, они посетили также Мексику, Канаду и Великобританию. В Москву делегация вернулась в начале декабря 1943 г.

Вскоре по предложению Молотова руководство ЕАК подготовило письмо, адресованное Сталину, с предложением создать в Крыму еврейскую республику. 15 февраля 1944 г. проект был представлен Молотову. После редактирования письма заместителем наркома иностранных дел С. А. Лозовским оно было направлено Маленкову, Щербакову и Вознесенскому с поручением рассмотреть этот вопрос.

Образование еврейской республики в Крыму, куда могли бы приехать евреи со всего мира, обещало приток в СССР больших капиталов. Сталину говорили о возможности получить таким путем от Запада 10 млрд долларов на восстановление разрушенной войной экономики. Предложение было заманчивым, но требовало переселения значительной части жителей Крыма. В 1944 г. ГКО принял постановления (от 2 апреля и 11 мая) о выселении крымских татар, составлявших, по переписи 1939 г., 19,4% населения Крыма. Обосновывая предложение, Берия писал Сталину: «Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения ГКО о выселении всех татар с территории Крыма». Операция была осуществлена 18—20 мая.

Депортация открывала возможность для перехода к практической реализации плана ЕАК. Однако с его осуществлением решили

повременить. Изменившиеся с окончанием войны условия, связанные главным образом с подготовкой провозглашения государства Израиль на территории Палестины, сделали организацию еврейской социалистической республики в Крыму неосуществимой.

§ 4. ПОБЕДНЫЙ ЭТАП ВОЙНЫ. 1944—1945

Победа над Германией. К 1944 г. для укрепления Восточного фронта германское командование перебросило с запада 75 дивизий. Промышленность Германии уже не была в состоянии удовлетворять возраставший спрос вермахта на боевую технику; мобилизации становились недостаточными для качественного возмещения потерь в живой силе. Однако германская армия вместе с войсками сателлитов на советско-германском фронте все еще представляла внушительную силу. Она насчитывала 4,9 млн человек. На вооружении войск было 54,6 тыс. орудий и минометов, 5,4 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3 тыс. самолетов. Советские Вооруженные силы к этому времени почти по всем параметрам превосходили вражеские. В самом начале 1944 г. советские войска захватили инициативу и уже не выпускали ее.

В январе усилиями Ленинградского и Волховского фронтов (командующие — генералы армии Л. А. Говоров и К. А. Мерецков) полностью ликвидирована 900-дневная блокада Ленинграда. Со взятием 19 января Вороньей горы, одной из твердынь возведенного гитлеровцами «стального кольца Северного вала», где был захвачен артиллерийский комплекс крупнокалиберных и дальнобойных орудий, прекратился каждодневный обстрел города. Ленинград начал постепенно залечивать раны. До конца 1944 г. историки особо выделяют еще девять наиболее крупных ударов по врагу.

В конце января и феврале в результате Корсунь-Шевченковской наступательной операции, блестяще осуществленной войсками 1-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов, ведомых генералами армии Н. Ф. Ватутиным, И. С. Коневым, Р. Я. Малиновским, освобождена Правобережная Украина. В марте советские войска вышли к границе с Румынией, а в ночь на 28 марта форсировали пограничную реку Прут.

В апреле и мае освобождены Одесса, Севастополь и весь Крым (4-й Украинский фронт, командующий генерал армии Ф. И. Толбухин).

В июне Ленинградский и Карельский фронты (командующие — генералы армии Л. А. Говоров и К. А. Мерецков) нанесли удар по врагу на Карельском перешейке. В августе наши войска освободили Карелию и вывели из войны Финляндию. Президент Финляндии

К. Маннергейм был вынужден принять решение о выходе страны из агрессивного Берлинского пакта и войны. 19 сентября Финляндия подписала соглашение о перемирии с СССР.

23 июня началась одна из крупнейших в войне наступательных операций «Багратион». Ее осуществляли 1-й Белорусский (маршал К. К. Рокоссовский), 2-й Белорусский (генерал армии Г. Ф. Захаров), 3-й Белорусский (генерал армии И. Д. Черняховский), 1-й Прибалтийский фронт (генерал армии И. Х. Баграмян). Результатом операции стало освобождение Белоруссии, Литвы и части Латвии. 17 августа войска вышли на западную границу Белоруссии.

В июле началась и продолжалась все лето битва за освобождение Западной Украины. Ее вели войска 1-го Украинского фронта (маршал И. С. Конев), партизаны С. А. Ковпака, П. П. Вершигоры. С успешным завершением в августе наступательной Львовско-Сандомирской операции Украина была полностью освобождена.

В августе войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов (генерал армии Р. Я. Малиновский, маршал Ф. И. Толбухин) разгромлена Ясско-Кишиневская группировка германской армии. Ее результатом стали освобождение Молдавии, капитуляция Румынии и Болгарии. К концу октября войска 2-го Украинского фронта совместно с румынскими частями, выступившими против Германии, полностью освободили Румынию. 8 сентября Красная армия вступила на территорию Болгарии. Освободители были встречены хлебом-солью, цветами. Их появление дало новый импульс народному вооруженному восстанию против фашистской диктатуры, начавшемуся в конце августа. 9 сентября фашистское правительство было свергнуто. Власть перешла в руки Отечественного фронта.

В сентябре и октябре войска Ленинградского фронта (маршал К. А. Мерецков) и Балтийского флота (адмирал В. Ф. Трибуц) освободили Эстонию, большую часть Латвии и прижали остатки немецкой группы армий «Север» к морю в Курляндии, в районе Мемеля (Клайпеды).

В сентябре и октябре последовал удар войск 4-го Украинского фронта (генерал армии И. Е. Петров) между Тисой и Дунаем. Наращивая его, советские войска к февралю 1945 г. овладели Венгрией, соединились с войсками союзной Югославии, освободили Закарпатье.

В октябре нанесены удары войск Карельского фронта (маршал К. А. Мерецков) и Северного флота (вице-адмирал А. Г. Головко) на севере. Советское Заполярье было освобождено, части Красной армии вступили на территорию Норвегии.

Лето и осень 1944 г. принесли свободу столицам союзных республик: Петрозаводску (освобожден 28 июня), Минску (3 июля), Вильнюсу (13 июля), Кишиневу (24 августа), Таллину (23 сентября), Риге (13 октября), тысячам других городов и сел. Войска Герма-

нии и ее союзников были полностью изгнаны с территории СССР в ноябре 1944 г. (исключение составляли районы Лиепаи и Вентспилса в Латвии, освобожденные в мае победного года). На алтарь победы в 1944 г. советский народ принес 1,6 млн жизней своих лучших сыновей и дочерей. Однако основные потери на фронте несли уже захватчики. В 1944 г. только в советском плену оказалось 1,2 млн вражеских солдат и офицеров. Всего с начала войны и до 9 мая 1945 г. Германия потеряла на Восточном фронте пленными 3777 тыс. человек.

6 июня 1944 г. западные союзники, полностью убедившись в способности СССР самостоятельно завершить разгром Германии, высадили свои войска на северо-западе Франции. (В период между июнем 1941 г. и июнем 1944 г. 93% общих военных потерь немцы понесли в боях с советскими войсками.)

Объединенными войсками союзников в Западной Европе командовал генерал армии США Д. Эйзенхауэр. Нормандская десантная операция по форсированию Ла-Манша была крупнейшей во Второй мировой войне. В ней участвовало до 1 млн человек. К середине сентября войска союзников вышли к западной границе Германии. СССР оказался верен обязательствам, взятым в Тегеране. В момент высадки союзников советские войска провели успешную операцию на северном крыле советско-германского фронта, а 23 июня начали одну из крупнейших в войне операцию «Багратион».

В конце 1944 г. и первые месяцы 1945 г. Красная армия освободила Румынию, Болгарию, Югославию (совместно с частями Народно-освободительной армии Югославии), Венгрию, Польшу, часть Австрии, Чехословакию. Стряхивали с себя коричневое наваждение и становились свободными столицы европейских государств: в 1944 г. — Бухарест (23 августа), София (9 сентября), Белград (20 октября); в 1945 г. — Варшава (17 января), Будапешт (13 февраля), Вена (13 апреля), Прага (9 мая). В Румынии и Болгарии были свергнуты профашистские правительства, их войска выступили против бывшего союзника. 3 марта 1945 г. в войну против Германии на стороне СССР вступила Финляндия. Турция сделала это десятью днями ранее.

20 января 1945 г. войска 3-й армии (командующий — генерал-полковник А. В. Горбатов), преследуя неприятеля, пересекли польскую границу, вступили на территорию Восточной Пруссии и ворвались в Алленштейн (позднее польский город Ольштым). Война пришла на землю Третьего рейха. 13 апреля был взят центр Восточной Пруссии Кенигсберг. В 1945 г. советские войска успешно осуществили крупнейшие за годы войны наступательные операции: Восточно-Прусскую (завершена 23 апреля), Восточно-Померанскую (4 апреля), Венскую (15 апреля), Берлинскую (8 мая), Пражскую (11 мая).

Заключительным сражением в Великой Отечественной войне стала начавшаяся 16 апреля битва за Берлин, который ожесточенно обороняли более миллиона немецких солдат. Для проведения операции привлекались войска 2-го Белорусского (командующий маршал К. К. Рокоссовский); 1-го Белорусского (маршал Г. К. Жуков) и 1-го Украинского фронтов (маршал И. С. Конев), часть сил Балтийского флота. Наступающие войска насчитывали 2,5 млн бойцов, 41,6 тыс. орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7,5 тыс. самолетов.

21 апреля танкисты 3-й гвардейской танковой армии, ведомой лучшим танковым генералом Красной армии П. С. Рыбалко, первыми ворвались на северо-восточные окраины Берлина. 25 апреля войска 1-го Белорусского фронта перерезали все пути, ведущие к нему с запада, и соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, окружавшими Берлин с юга. Тем же днем бойцы одной из рот 58-й стрелковой дивизии (командир роты — лейтенант Г. С. Голобородько) встретились в центре Германии, в районе города Торгау на реке Эльба, с разведгруппой 9-й пехотной дивизии США (командир группы — лейтенант А. Л. Котцебу). Встреча на Эльбе разрезала немецкие войска надвое.

Окруженным в Берлине гитлеровским войскам отступать было некуда, они ожесточенно оборонялись, надеясь на деблокирование столицы 12-й армией генерала В. Венка, снятой с Западного фронта. Надежды оказались тщетными. На девятый день штурма Берлина, в 21 ч 50 мин 30 апреля сержант М. А. Егоров и младший сержант М. В. Кантария водрузили Знамя Победы на рейхстаге. За шесть часов до этого покончили жизнь самоубийством А. Гитлер и его жена Ева Браун. Днем позже их примеру последовал Й. Геббельс со своим семейством.

В 6 ч 30 мин 2 мая начальник обороны Берлина генерал Г. Вейдлинг сдался в плен и отдал приказ остаткам войск берлинского гарнизона о прекращении сопротивления. Столица Германии капитулировала. В середине дня сопротивление гитлеровцев в городе прекратилось. Тогда же совместными действиями войск 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов ликвидированы окруженные группировки немецких войск юго-восточнее Берлина. В этот день Москва салютовала победителям дважды: в 21 ч залпами из 222, а в 23 — из 324 орудий. В военной истории Берлина ставилась точка. Начиналось официальное оформление итогов войны.

В ночь на 9 мая в берлинском предместье Карлхорсте в здании бывшего военно-инженерного училища подписан Акт о капитуляции германских вооруженных сил. От имени германского военного командования его подписали уполномоченные К. Дёница (по завещанию Гитлера, гросс-адмирал, командовавший всеми подводными силами

Германии, с 1 мая 1945 г. был ее рейхсканцлером и верховным главнокомандующим): бывшие начальник штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал флота Х. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф. От командования союзных стран Акт скрепили подписями маршал Г. К. Жуков (он поставил свою подпись в 22 ч 43 мин по центральноевропейскому времени, в Москве было 0 ч 43 мин 9 мая), главный маршал авиации Великобритании А. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс, главнокомандующий французской армии генерал Ж. М. де Латр де Тассиньи. Великая Отечественная война завершилась. 9 мая объявлено в СССР Днем Победы.

Вопросы послевоенного устройства мира на конференциях в Ялте и Потсдаме. На завершающем этапе Второй мировой войны союзники по антифашистской коалиции выработали ряд принципиальных решений, определивших основные черты послевоенного мироустройства. На Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств «Большой тройки» (4—11 февраля 1945 г.) были согласованы планы окончательного разгрома Германии, условия ее капитуляции, порядок оккупации, механизм союзного контроля. Оккупация, к которой на равных правах с великими державами привлекалась Франция, предпринималась в целях демилитаризации, денацификации и демократизации Германии. Законными признаны требования СССР о немецких репарациях в размере 10 млрд долларов. «Декларация об освобожденной Европе», принятая на Ялтинской конференции, предусматривала необходимость уничтожения следов нацизма в освобожденных странах Европы и создания демократических учреждений по собственному выбору народов. На ее основании СССР добился укрепления своих позиций в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии. И. В. Сталин подтвердил на конференции обещание вступить в войну с Японией и получил согласие союзников на «восстановление прежних прав России, нарушенных предательским нападением японцев в 1904 г.» — возвращение Советскому Союзу южной части Сахалина, передачу Курильских островов, использование Порт-Артура как военно-морской базы и права на Китайско-Восточную железную дорогу (с августа 1945 г. магистраль находилась в совместном управлении СССР и Китая; в 1952 г. советские права на дорогу безвозмездно переданы КНР). В Ялте принято также решение о созыве 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций (стран, которые объявили войну общему врагу к 1 марта 1945 г.) с целью подготовки устава международной организации безопасности.

Острое противоборство по проблемам послевоенного урегулирования развернулось 17 июля — 2 августа 1945 г. на Берлинской (Потсдамской) конференции глав правительств держав-победительниц во Второй мировой войне. Советскую делегацию возглавлял И. В. Сталин, американскую — Г. Трумэн (президент США, сменивший умершего 12 апреля Ф. Рузвельта), английскую — сначала У. Черчилль, а с 28 июля его преемник на посту премьер-министра К. Эттли. Как представитель державы, взявшей столицу рейха, Сталин чувствовал себя на конференции увереннее представителей других союзных держав, пытавшихся отстаивать «жесткий курс» (предвестник послевоенной «холодной войны») в отношении СССР. Однако этот курс, даже несмотря на испытание 16 июля в США атомной бомбы, не повлиял на позицию главы советской делегации.

На конференции удалось достичь взаимоприемлемых решений о проведении в отношении Германии так называемой политики четырех «Д», предусматривающей демилитаризацию — роспуск всех вооруженных сил Германии, ликвидацию военной промышленности; декартелизацию — уничтожение монополий; денацификацию — запрет национал-социалистической партии, нацистской и военной пропаганды, наказание военных преступников; демократизацию — постепенную реконструкцию политической жизни на демократической основе. В соответствии с этим решением политические и военные руководители фашистской Германии — Г. Геринг, Р. Гесс, И. Риббентроп и др., признанные главными виновниками, приговорены в октябре 1946 г. судом в Нюрнберге к смертной казни, остальные — к пожизненному заключению. Конференция подтвердила передачу СССР города Кенигсберга и прилегающего к нему района, установила новые западные границы Польши по рекам Одер и Нейсе.

Для управления Германией на период ее оккупации был учрежден Контрольный совет — совместный орган СССР, США, Великобритании и Франции. В него от каждой стороны входил главнокомандующий вооруженных сил в зоне оккупации. Представителем Советского Верховного Главнокомандования в Контрольном совете 31 мая 1945 г. назначен главнокомандующий Советскими оккупационными войсками в Германии маршал Г. К. Жуков, он же возглавлял Советскую военную администрацию в Германии, будучи Главноначальствующим СВАГ. За неделю до этого назначения по решению руководителей союзных держав правительство К. Дёница было распущено, члены правительства и чиновники правительственных учреждений арестованы. С ликвидацией нацистского правительства Третий рейх как государство официально перестал существовать.

Германия в первые послевоенные годы представляла собой четыре зоны оккупации. Ее население, по данным всеобщей переписи в октябре 1946 г., составляло 65,9 млн человек. Из них 17,3 оказались в

восточной (советской) зоне оккупации, 22,8 — в северо-западной (английской) зоне, 16,7 — в юго-западной (американской) и 5,9 — в западной (французской) зоне; 3,2 млн человек населяли Берлин.

В апреле—июне 1945 г. в Сан-Франциско состоялась учредительная конференция Организации Объединенных Наций. На ней был выработан и 26 октября 1945 г. вступил в силу Устав ООН. Этот день стал днем рождения ООН как инструмента поддержания и укрепления мира между народами и государствами.

Разгром Квантунской армии. 9 августа 1945 г., выполняя союзнические обязательства перед странами антигитлеровской коалиции, Советский Союз вступил в войну с Японией. К этому времени ее военно-экономический потенциал был серьезно подорван поражениями в районе Тихого океана. 6 августа США сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а 9 августа — на Нагасаки. Миру была продемонстрирована страшная сила новых средств массового уничтожения, что и преследовали правящие круги США, поскольку бомбардировки не имели военно-стратегического смысла.

К августу советское командование перебросило на Дальний Восток часть высвободившихся на западе войск (свыше 400 тыс. человек, свыше 7 тыс. орудий и минометов, 2 тыс. танков). Вместе с дислоцированными там войсками они составили три фронта: Забайкальский (командующий маршал Р. Я. Малиновский), 1-й Дальневосточный (маршал К. А. Мерецков) и 2-й Дальневосточный (генерал армии М. А. Пуркаев). Против миллионной Квантунской армии были сосредоточены свыше 1,5 млн воинов, более 27 тыс. орудий и минометов, свыше 700 реактивных минометных установок, 5,2 тыс. танков и САУ, более 3,7 тыс. самолетов. К проведению операции привлекались силы Тихоокеанского флота (командующий адмирал И. С. Юмашев), Амурская флотилия, пограничные войска. Действия сил ВМФ и ВВС координировали адмирал Н. Г. Кузнецов и главный маршал авиации А. А. Новиков. Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке был маршал А. М. Василевский. Вместе с нашими войсками против японских вооруженных сил выступили войска Монгольской народной революционной армии.

9 августа Квантунская армия подверглась одновременным ударам с суши, воздуха и с моря. Японцы не выдержали мощных ударов. Наши войска за первую неделю наступления форсировали Амур, Уссури, преодолели горные хребты Большого и Малого Хингана, пустынные степи Внутренней Монголии. К 20 августа они продвинулись в глубь Северо-Восточного Китая с запада на 400—800, с востока и севера на 200—300 км, вышли на Маньчжурскую равнину, расчленили вражеские войска на изолированные группировки и заверши-

ли их окружение. В порты Северной Кореи высадились морские десанты, в города Харбин, Гирин, Далян, Чаньчун, Шеньян, Порт-Артур — воздушные десанты советских воинов. С 19 августа японцы стали капитулировать. 19 августа маршал А. М. Василевский и главнокомандующий Квантунской армии генерал О. Ямада подписали Акт о капитуляции Квантунской армии. 24 августа части 1-го Дальневосточного фронта освободили Пхеньян. Их продвижение на юг Кореи было остановлено на 38-й параллели — линии разграничения между советскими и американскими войсками. Потери японцев за 25 дней войны насчитывали 83,7 тыс. человек убитыми и более 640 тыс. пленными. Безвозвратные потери Красной армии в этой войне составляли около 12 тыс. человек, монгольской армии — 72 человека. Успешное проведение наступательной операции позволило в сравнительно короткие сроки освободить Маньчжурию, Северо-Восточный Китай, северную часть Кореи — территорию с населением свыше 40 млн человек, а также Южный Сахалин и Курильские острова.

В 9 ч 4 мин 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури», вошедшего в Токийский залив, подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии. От имени императора и японского правительства Акт подписал министр иностранных дел И. Сигэмицу, от имени императорского генштаба — генерал Й. Умэдзу, от всех союзных наций, находившихся в состоянии войны с Японией, — Верховный командующий союзных войск американский генерал Д. Макартур и от СССР — генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. Вторая мировая война завершилась победой стран антигитлеровской коалиции.

Итоги и последствия войны. Советский Союз выходил из войны с самой многочисленной армией в Европе (11 млн 365 тыс. человек) и расширенными границами своего государства. Договоренности с союзниками закрепляли права СССР на территории Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, присоединенные в начале Второй мировой войны; на часть Пруссии (Кенигсберг и прилегающие к нему районы, ставшие Калининградом и Калининградской областью РСФСР). С Литовской ССР воссоединилась Клайпеда. По соглашению о перемирии с Финляндией Советский Союз расширился за счет района Петсамо (ныне Печенгский район Мурманской области) и стал граничить с Норвегией. По договорам о границах с Чехословакией и Польшей в СССР включены Подкарпатская Русь (нынешняя Закарпатская область Украины) и район Владимира-Волынского. На востоке в границы нашей страны вошли Южный Сахалин и Курильские острова, а в ок-

тябре 1944 г. к РСФСР добровольно присоединилась на правах автономной области Тува, преобразованная позже в автономную республику (1961).

Главным итогом Великой Отечественной войны была ликвидация угрозы порабощения и геноцида народов СССР. Враг всего за 4 месяца дошел до Москвы и вплоть до Курской битвы сохранял наступательные возможности. Перелом в войне и победа стали результатом неимоверного напряжения сил, массового героизма народа, изумлявшего и врагов, и союзников. Идеей, вдохновлявшей тружеников фронта и тыла и даже примиряющей с жестокостями чрезвычайных мер собственного руководства, колоссальными жертвами, явилось осознание необходимости защиты Отечества как дела правого и праведного. Победа пробудила в народе чувство национальной гордости, уверенности в своих силах.

Ущерб, нанесенный войной Советскому Союзу, огромен. Официальные данные о людских потерях, впервые названные в феврале 1946 г., были явно занижены и оценивались в 7 млн человек. 5 ноября 1961 г. Н. С. Хрущев уточнил: война унесла два десятка миллионов жизней. Через четыре года, согласно уточнению Л. И. Брежнева, оказалось, что страна потеряла в войне свыше 20 млн человек. В марте 1990 г., на страницах «Военно-исторического журнала» были изложены результаты многолетней работы комиссии, работавшей под эгидой Министерства обороны СССР. Президент М. С. Горбачев, сославшись на эти результаты, объявил в докладе, посвященном 45-летию Победы: война унесла почти 27 млн жизней советских людей.

В наиболее полном виде новейшие данные о потерях представлены в книге: «Россия и СССР в войнах XX века» (2001). По этим данным, за период с июня 1941 г. до начала 1946 г. население страны сократилось с 196,7 до 170,5 млн. Общие безвозвратные демографические потери СССР в результате войны составили 26,6 млн человек — 13,5% от довоенной численности населения. В России довоенная численность населения была восстановлена лишь в 1955 г.

Потери Вооруженных сил СССР за годы войны, в том числе и за кампанию на Дальнем Востоке, составили 11,4 млн (33% от мобилизованных в армию) человек. Из них 5,2 млн погибли в боях и умерли от ран на этапах санитарной эвакуации; 1,1 млн умерли от ран в госпиталях. 0,6 млн составили разные небоевые потери — от болезней, в результате происшествий, самоубийств, расстрелов; 5 млн человек пропали без вести и попали в фашистские концлагеря. С учетом вернувшихся из плена после войны (1,8 млн) и почти миллиона человек из числа учтенных ранее как пропавшие без вести, но выжившие и вторично призванные в армию на освобожденной территории, демографические потери Вооруженных сил СССР равнялись 8,7 млн человек.

Это означало, что каждые сутки на советско-германском фронте выбывали из строя в среднем 21 тыс. человек, из них около 8 тыс. — безвозвратно. Самые большие среднесуточные потери отмечались в летне-осенних кампаниях 1941 и 1943 гг.

Общие демографические потери СССР (26,6 млн) в 2,2 раза превышают потери Германии и ее сателлитов (11,9 млн). Большая разница в утратах объясняется геноцидом гитлеровцев в отношении гражданского населения на оккупированной территории, унесшим жизни 17,9 млн человек. (Для сравнения: США потеряли во Второй мировой войне 405 тыс., Великобритания — 350 тыс., Франция — 635 тыс.)

Жертвами войны стали миллионы мирных граждан. Они гибли от боевого воздействия противника в прифронтовых районах, в блокадных и осажденных городах. 7,4 млн советских людей преднамеренно истреблены гитлеровцами на оккупированной территории. 5,3 млн советских граждан насильственно вывезены на работы в Германию. Из них 2,2 млн человек погибли в фашистской неволе, 451 тыс. не вернулись по разным причинам и стали эмигрантами. На 4,1 млн человек сократилось население на оккупированной территории в результате повышенной смертности от жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи). По причине повышенной смертности умерли 1,3 млн детей из числа родившихся в годы войны. Не следует забывать и о том, что в Восточной Европе в силу более сурового климата совокупность базовых потребностей в принципе была существенно большей, чем на Западе, а условия их удовлетворения — гораздо менее благоприятными, что, несомненно, усугубило наши потери.

Помимо своей страны, советские войска освободили полностью или частично 13 стран Европы и Азии. Это стоило жизни более чем миллиону советских солдат, покоящихся в земле Польши (более 600 тыс.), Венгрии (свыше 140 тыс.), Чехословакии (около 140 тыс.), Германии (102 тыс.), Румынии (69 тыс.), Австрии (26 тыс.), Китая (9,3 тыс.), Югославии (8 тыс.), Норвегии (3,4 тыс.), Болгарии (977 человек), Северной Кореи (691 человек).

Развязанная гитлеровцами Вторая мировая война обернулась трагедией для самой Германии и ее союзников. Только на советско-германском фронте (с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г.) безвозвратные потери Германии составили 7181 тыс. военнослужащих, а вместе с союзниками — 8649 тыс. человек. Соотношение между советскими и немецкими безвозвратными потерями составляет 1,3:1. На это соотношение во многом повлиял тот факт, что количество военнопленных, погибших в нацистских лагерях (более 2,5 млн из 4,6 млн), в 5 с лишним раз превысило число военнослужащих противника, умерших в советском плену (420 тыс. из 4,4 млн).

Война оставила после себя миллионы раненых, искалеченных, потерявших здоровье людей. По состоянию на 1 июля 1945 г. на излечении в госпиталях находились более миллиона человек. Среди 3,8 млн человек, уволенных в годы войны из армии по ранению и болезни, 2,6 млн стали инвалидами.

В годы войны несли невосполнимые утраты все народы СССР. При этом потери граждан России равнялись 71,3% от общих демографических потерь Вооруженных сил СССР. Среди мобилизованных на выполнение ратного долга перед Отечеством в годы войны русские насчитывали 65,4%; украинцы — 17,7; белорусы — 3,2; татары — 1,7; евреи — 1,4; казахи и узбеки — по 1,1. Из погибших военнослужащих по национальному составу наибольшая доля приходится на русских — 5,7 млн (66,4% погибших); украинцы составляли 1,4 млн (15,9%); белорусы — 253 тыс. (2,9%); татары — 188 тыс. (2,2%); евреи — 142 тыс. (1,6%); казахи — 125 тыс. (1,5%); узбеки — 118 тыс. (1,4%).

Огромная территория на западе СССР к маю 1945 г. была практически в руинах. Материальный ущерб, нанесенный стране войной, равен потере почти 30% ее национального богатства. (Для сравнения: в Великобритании — 0,9%, в США — 0,4%.) Враг полностью или частично разрушил 1710 городов и поселков, более 70 тыс. деревень, около 6 млн зданий; лишил крова 25 млн человек. Уничтожены почти все находившиеся на этой территории заводы, фабрики, шахты; 65 тыс. км железнодорожных путей; разграблены музеи и библиотеки. Восстановление хозяйства к концу войны свелось здесь большей частью к разборке завалов; ремонту сохранившихся сооружений; вводу в строй предприятий, наименее пострадавших от разрушений или крайне необходимых для военных и хозяйственных нужд, восстановлению железнодорожных путей. К концу войны промышленность освобожденных районов обеспечивала выпуск 30% объема довоенного производства.

Труднейшее положение к концу войны сложилось в деревне, на которую приходятся гораздо большие по сравнению с городом человеческие потери. Хлебозаготовки почти подчистую опустошали запасы колхозных и личных хозяйств. В освобожденных от оккупантов сельских районах на месте многих сел и деревень остались только печные трубы. 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного скота было угнано в Германию или уничтожено. Возвращавшиеся на родные пепелища жители вынуждены были начинать все сначала: обзаводиться жильем, скотом, орудиями производства, семенами. Помощь этим районам ложилась дополнительным бременем на крестьянство, не пострадавшее от оккупации. Весной 1944 г. ценой чрезвычайных усилий на освобожденной территории удалось засеять 60% посевных площадей.

К концу войны со всей остротой встала проблема репатриации на родину 5 млн советских граждан («перемещенных лиц», включая военнопленных, «восточных рабочих», узников концлагерей, военнослужащих в немецких формированиях и пр.), оказавшихся за пределами СССР и оставшихся в живых. Согласно соглашениям в Ялте, «перемещенные лица» должны были в обязательном порядке возвращаться на родину. До 1 марта 1946 г. в СССР было репатриировано 4,2 млн советских граждан (2,7 млн гражданских лиц, 1,5 млн военнопленных). В результате разлада между союзниками обязательный принцип репатриации начал нарушаться сначала в отношении «западников» (граждане из районов СССР, присоединенных после 1939 г.), а затем и «восточников». «Невозвращенцы» составили так называемую вторую волну эмиграции из России на Западе. В 1952 г. численность этой эмиграции (в основном не желающих или побоявшихся возвратиться в СССР) составила около 620 тыс. человек, из них 140 тыс. — бывшие советские немцы, принявшие гражданство ФРГ.

Судьба тех, кто был возвращен в СССР, также оказалась непростой. Сталинское руководство опасалось, что длительное бесконтрольное пребывание за границей повлияло на их мировоззрение и политические настроения. «Контраст между уровнем жизни в Европе и у нас, контраст, с которым столкнулись миллионы воевавших людей, — писал К. Симонов, — был нравственным и психологическим ударом, который не так легко было перенести нашим людям, несмотря на то что они были победителями в этой войне». Этот контраст мог стать основой «низкопоклонства перед Западом».

Этапом возвращения репатриантов к родным домам стали сборно-пересыльные пункты наркомата обороны и проверочно-фильтрационные — НКВД (для гражданских лиц), специальные запасные части военных округов (для военнопленных — бывших военнослужащих Красной армии). Выявленные в результате проверки «преступные элементы» (служившие у немцев), а также «внушающие подозрение» направлялись в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД «для дальнейшей проверки». В итоге 2,4 млн репатриантов направлены к месту жительства, 800 тыс. призваны в армию, 608 тыс. зачислены в рабочие батальоны НКО и 273 тыс. (среди них 123 тыс. офицеров) переданы в лагеря НКВД.

Особая участь ждала «власовцев», всех коллаборационистов, а также дезертиров, уклонявшихся от службы в армии в военное время. В составе германских вооруженных сил (войска СС, вермахт, вспомогательные формирования, полиция, самооборона) воевали 1178 тыс. бывших граждан СССР. В их числе были русские (32,6%), украинцы (21,2%), латыши (12,7%), эстонцы (7,6%), белорусы (5,9%), литовцы (4,2%), народы Средней Азии (3,8%), азербайджанцы

(3,3%), народы Северного Кавказа (2,4%), грузины (2,1%), армяне (1,9%), народы Поволжья и Урала (1,1%), крымские татары (0,85%), калмыки (0,6%). (Сравнение этих цифр с удельным весом национальностей в населении страны накануне войны позволяет говорить о более и менее «отличившихся» в этом отношении.)

Помимо коллаборационистов, по данным НКВД СССР, начиная со второй половины 1941 г. по июль 1944 г. по Союзу ССР было выявлено 1210,2 тыс. дезертиров и 456,7 тыс. уклонявшихся от службы в армии. В некоторых случаях уклонение приобретало значительные размеры. К примеру, 63% чеченских мужчин, призванных в армию в начале войны, нарушили присягу и стали дезертирами; мобилизацию на территории Чечни пришлось прекратить. Созданные в горах мятежные отряды чеченцев при приближении немецких войск установили с ними связь и вели крупные бои в тылу Красной армии.

По законам военного времени многих стран лицам, перешедшим на сторону противника, полагалась смертная казнь. Смягчая правило, советское руководство заменило эту меру для большинства рядовых коллаборационистов заключением или шестилетней ссылкой на поселение. Клеймо изменника стало для них позорным и страшным. Работа по их выявлению и наказанию продолжалась долгие послевоенные годы. Среди заключенных лагерей и колоний на 1 января 1951 г. числились 335 тыс. «изменников родины», среди спецпоселенцев — 135 тыс. «власовцев» (на 1 января 1949 г.). Суровое наказание ожидало и тех, кто запятнал себя сотрудничеством с немцами в оккупированных областях. Проверки, проводимой карательными и политическими органами, не избежали партизаны и подпольщики.

В освобожденных районах граждане обязаны были в 24 часа сдать оружие и военное имущество. Уклонение влекло за собой лишение свободы, а при отягчающих обстоятельствах — расстрел. Особое внимание обращалось на мужчин призывного возраста. Выяснялось, почему они оказались на оккупированной территории, примкнули или нет к партизанам, как проявили себя в их рядах. Почести и продвижение по службе получали участники борьбы с оккупантами.

Следствием войны были вооруженные антисоветские националистические организации на территориях, вошедших в состав СССР незадолго до ее начала, главным образом на Западной Украине и в Прибалтике. Сотрудничавшие ранее с гитлеровцами и сражавшиеся в одних рядах с ними против Красной армии националисты и после их ухода продолжали вооруженную борьбу с советской властью. С марта 1944 г. развернулись акции НКВД по подавлению отрядов Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) на Западной Украине. Только с февраля по октябрь 1944 г. уничтожено более 44 тыс. оуновцев, взято в плен

более 37 тыс., выселено из городов и сел и отправлено в ссылку около 100 тыс. человек. Всего в 1944 г. внутренние войска провели 5627 специальных операций против националистических формирований. Среди бандитов погибло, ранено, захвачено 76 386 человек. Потери внутренних войск составили 2202 человека. В 1945 г. проведено более 20 тыс. специальных операций, в ходе которых было убито 28 845 участников банд, ранено 77 027, сдалось 35 615 человек. Борьба с бандитизмом продолжалась и после окончания войны.

Трагическим наследием Великой Отечественной войны стала депортация в Казахстан, Сибирь и другие восточные районы населения из ряда национальных регионов. Причиной выселения одних была повышенная готовность к пособничеству оккупантам или подозрения в этом (ингерманландцы, финны и немцы, 1941 г.; карачаевцы и калмыки, 1943; чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, 1944 г.). Другие народы выселялись только за то, что имели несчастье жить в приграничных районах, рискующих стать новым театром военных действий (курды, турки-месхетинцы в 1944 г.). Выселение мусульманских народов Кавказа и Крыма во многом связано с напряженными отношениями между СССР и Турцией во время войны, а также с пантюркистскими планами турецких националистов, получавшими одобрение со стороны гитлеровской Германии. В основном депортации осуществлялись по соображениям военно-стратегического характера. По данным на конец 1945 г., в местах спецпоселений насчитывалось 967 085 семей, 2342,5 тыс. человек. Среди них оказались около 157 тыс. (6,7%) отозванных из армии представителей «наказанных народов».

7 июля 1945 г. Президиум ВС объявил амнистию в связи с победой над Германией. По указу были освобождены 841 тыс. заключенных, осужденных на срок не свыше трех лет. Амнистия не коснулась осужденных за контрреволюционные преступления, доля которых среди заключенных выросла до 59%. Преимущественно за счет этого контингента пополнялся ГУЛАГ, а также вся сфера принудительного труда и в последующем.

Однако главное, что осталось в народной памяти о войне, — это беспощадность врага и величайшие испытания, с честью выдержанные нашими соотечественниками. Навсегда в благодарной памяти потомков сохранятся акты высочайшего самопожертвования и героизма во имя Победы. Их олицетворением и символами стали командир эскадрильи бомбардировщиков Н. Ф. Гастелло (совершил свой бессмертный подвиг в июне 1941 г.), 28 бойцов-панфиловцев во главе с политруком В. Г. Клочковым (ноябрь 1941 г.), подпольщица Лиза Чайкина (ноябрь 1941), партизанка Зоя Космодемьянская (ноябрь 1941 г.), летчик-истребитель Ал. Петр. Маресьев (март 1942 г.), сержант Я. Ф. Павлов и его знаменитый Дом Павлова в Сталингра-

де (сентябрь 1942 г.), подпольщик из «Молодой гвардии» Олег Кошевой (февраль 1943 г.), рядовой Александр Матросов (февраль 1943 г.), разведчик Н. И. Кузнецов (март 1944 г.), юный партизан Марат Казей (май 1944 г.), генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев (февраль 1945 г.) и многие тысячи других героев Великой Отечественной войны.

На 41-м километре Ленинградского шоссе стоит величавый памятник погибшим защитникам Москвы. Здесь в декабре 1941 г. гвардейцы-пехотинцы 7-й и 8-й стрелковых дивизий А. С. Грязнова и И. В. Панфилова, гвардейцы-кавалеристы 2-го кавалерийского корпуса Л. М. Доватора и гвардейцы-танкисты 1-й танковой бригады М. Е. Катукова совместно с другими частями и соединениями 16-й армии остановили рвавшиеся к Москве фашистские полчища, разгромили их и сделали первые шаги к Великой Победе. Здесь же 3 декабря 1966 г. был взят прах Неизвестного солдата, торжественно со всеми воинскими почестями перевезен в Александровский сад и похоронен у Кремлевской стены. 8 мая 1967 г. над могилой зажжен Вечный огонь (факел доставлен из Ленинграда от Вечного огня на Марсовом поле). И стал Неизвестный солдат гордостью Отечества на все времена.

За мужество и героизм защитникам Родины вручено более 38 млн орденов и медалей, звание Героя Советского Союза получили свыше 11,6 тыс. человек. Среди них были представители большинства национальностей страны, в том числе 8160 русских, 2069 украинцев, 309 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов. 104 человека удостоены этого высокого звания к концу войны дважды, а А. И. Покрышкин, Г. К. Жуков и И. Н. Кожедуб — три раза. Указом Президиума ВС СССР от 9 мая 1945 г. учреждена медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Ее получили все военнослужащие, принимавшие участие в войне на фронте, а также не принимавшие участия в военных действиях, но прослужившие определенное время в системе наркомата обороны; работники тыловых эвакогоспиталей Красной армии и Военно-морского флота; рабочие, служащие и колхозники, принимавшие участие в борьбе с оккупантами в составе партизанских отрядов в тылу врага. Всего этой медалью награждены 14 млн 900 тыс. человек, а медалью «За победу над Японией» награждено более 1 млн 800 тыс. Высшим полководческим орденом «Победа» награждены 11 выдающихся советских военачальников: маршалы Л. А. Говоров, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин и генерал армии А. И. Антонов, а генералиссимус И. В. Сталин, маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский награждены этим орденом дважды.

16 млн 100 тыс. тружеников тыла — рабочие, служащие, колхозники, деятели науки и культуры, работники советских, партийных, профсоюзных и других общественных организаций, обеспечивавшие своим трудом победу, награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Для того чтобы удостоиться этой чести, надо было проработать в период с июня 1941 по май 1945 г. не менее одного года. Звание Героя Социалистического Труда за годы войны присвоено 202 труженикам тыла.

Не все подвиги были оценены вовремя и по достоинству. Например, находившийся в ссылке в одном из отдаленных поселков Красноярского края епископ Лука (В. Ф. Войно-Ясенецкий) с началом войны телеграфировал М. И. Калинину: «Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку». Епископ был талантливейшим хирургом своего времени, доктором медицинских наук, профессором и не хотел оставаться безучастным свидетелем постигшей страну трагедии. Ответ на его телеграмму пришел незамедлительно. В сентябре 1941 г. епископу разрешили переехать в Красноярск и назначили главным хирургом эвакуационных госпиталей. Профессор немедленно приступил к работе, проводя в операционной по 9—10 часов и совершая до пяти сложнейших операций ежедневно. Результаты были блестящими, слухи о сибирском чудотворце распространились очень широко. Лечение раненых епископ совмещал с архиерейским служением. В 1943 г. он был назначен управляющим Красноярской епархией, а в феврале 1944 г. переведен в Тамбов, стал архиепископом Тамбовским и Мичуринским, одновременно работал в местных госпиталях. Награда в декабре 1945 г. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и Сталинская премия 1-й степени вряд ли соответствовали подвигу врачевателя и архиепископа.

На Балтике прекрасно воевал, но крупно проштрафился капитан 3-го ранга А. И. Маринеско. Изрядно выпив с товарищами-офицерами в ресторане порта Турку (Финляндия), он остался ночевать у хозяйки заведения и появился на своей базе только на третий день. Преступление полагалось «смыть кровью». 13 января 1945 г. «штрафники» вышли в море и после длительных поисков обнаружили в районе Данцигской бухты немецкий суперлайнер. 30 января «Вильгельм Густлов» был потоплен торпедной атакой подлодки С-13. Вместе с ним на дно пошли свыше 7 тыс. германских солдат и офицеров, в том числе свыше 3700 специально выученных подводников для укомплектования 70 субмарин. Это потопление приравнивают к гибели семи «Титаников».

После потопления (10 февраля 1945) еще одного мощного кораб-

ля, крейсера «Генерал фон Штойбен» (3,6 тыс. солдат и офицеров вермахта), в Германии был объявлен трехдневный траур, Маринеско — личным врагом Гитлера. По приказу Черчилля подводнику был прижизненно установлен памятник в музее военно-морского флота в Портсмуте «за срыв блокады Великой Британии». В родной стране А. И. Маринеско был удостоен звания Героя Советского Союза в 1990 г., много лет спустя после смерти, последовавшей в 1963 г.

Общее водоизмещение судов, потопленных подводными лодками, которыми командовал Маринеско, составило пятую часть водоизмещения всех судов, уничтоженных нашим подводным флотом в Балтийском море. Количество уничтоженных фашистов, приходящихся на каждого члена экипажа подводной лодки, также поражает воображение.

В мае 1945 г. Советский Союз выходил из войны не только с радостью победы и надеждой его народов на лучшее будущее. И не только с новыми территориальными приобретениями. Но и с деформированной экономикой, с однобоким развитием военно-промышленного комплекса, с нарушенной социальной структурой общества, с еще более ущербной, чем до войны, социальной сферой и подорвавшим свои силы народом. Вместе с тем этот выход был сопряжен и с укоренившейся привычкой руководства действовать приказами и принуждением, с нетерпимостью к инакомыслию, излишней уверенностью в неисчерпаемости сил и ресурсов страны. Многие оказались во власти победной эйфории. Ею были захвачены известные военные деятели, например Буденный, Жуков. По свидетельству Жданова, последний предлагал Сталину: путь открыт, можно идти до Ла-Манша. Ответом было: «Это была бы авантюра. Наш народ истекает кровью, в армии осталось немного солдат, которые два или три раза не прошли бы через госпиталь. А Америка за океаном только набирает силы. Конфликт с ней стал бы бесконечным и бесперспективным».

Глава 11

СССР В 1945—1953 гг.: ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПРЕТЕНЗИИ НА МИРОВОЕ ПЕРВЕНСТВО

§ 1. ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Начало «холодной войны». Послевоенная жизнь в СССР во многом определялась изменениями внешнеполитических условий развития страны. Народ возвращался к миру с надеждой не только на

лучшую жизнь в своей стране, но и на согласие, расширение связей с бывшими союзниками по войне. Большая его часть, окрыленная гордостью за свою державу-победительницу, испытывала ощущение непобедимости, возможности утверждения, по меньшей мере в Европе, праведных коммунистических идей.

Население в целом и после войны продолжало верить в мудрость И. В. Сталина. Советские люди поддерживали возглавляемые им партию, правительство. Все это отразилось на выборах в высшие органы власти в феврале 1946 г. Отвечая на чаяния сограждан, Сталин в предвыборных заявлениях подтвердил довоенный курс на построение полного социализма в ближайшие 15—20 лет, утверждая при этом, что в СССР можно построить и коммунизм. Для начала, считал он, надо в ближайшие 3 пятилетки втрое поднять уровень промышленности, гарантировать страну «от всяких случайностей».

Вместе с тем он хорошо представлял соотношение потенциалов СССР и капиталистического мира и не разделял чрезмерных иллюзий насчет быстрых побед на международной арене. Согласно его выступлениям, не предназначенным для печати (апрель 1945 г.), через 15—20 лет следовало ожидать непременного возобновления войны между СССР и капиталистическими странами. В то же время в сталинском окружении, как свидетельствовал Н. С. Хрущев, были надежды на то, что Европа, «пережив катастрофу Второй мировой войны, станет советской». В частности, полагали, «что послевоенная Германия устроит революцию и создаст пролетарское государство... были такие же надежды в отношении Франции и Италии». И действительно, огромный вклад СССР в победу вызвал всплеск симпатий в мире не только к СССР (к концу войны число стран, установивших с ним дипломатические отношения, выросло с 26 до 52), но и к социализму. Численность компартий за годы Второй мировой войны увеличилась на Западе почти втрое. В 1945—1947 гг. коммунисты входили в правительства 13 буржуазных государств мира, в Италии и Франции они были близки к приходу к власти.

Относительная сплоченность держав-победительниц после войны наблюдалась недолго. Она проявилась при создании Организации Объединенных Наций на конференции в Сан-Франциско в июне 1945 г., во время Нюрнбергского процесса 1945—1946 гг., при подписании мирных договоров государств-победителей во Второй мировой войне с бывшими союзницами гитлеровской Германии — Италией, Финляндией, Болгарией, Венгрией, Румынией. Договоры подписаны 10 февраля и вступили в силу 15 сентября 1947 г. после их ратификации СССР, США, Великобританией и Францией.

Однако по ряду других важных вопросов согласовать позиции не удавалось. Руководители США полагали, что со временем весь мир будет жить по американским принципам. Уверенность опиралась на

мощный экономический потенциал государства, выросший за годы войны в полтора раза. Производство промышленной продукции в США за эти годы увеличилось в 2,5 раза и было в 5 раз больше, чем в СССР. У Соединенных Штатов в 1945 г. уже был запас атомных бомб. «Холодная война» началась в декабре 1945 г. с поручения президента Г. Трумэна госсекретарю Д. Бирнсу проводить «жесткую политику в отношении СССР», ее окончание провозглашено 1 февраля 1992 г. после переговоров президентов Б. Н. Ельцина и Дж. Буша в Кэмп-Дэвиде. Это была реакция Запада во главе с США на революционные процессы и рост советского влияния в мире. Одним из главных ее выражений стала идеологическая конфронтация проамериканского и просоветского блоков государств.

Особую подозрительность в отношении СССР демонстрировал У. Черчилль, руководитель Великобритании, теряющей лидерство в мире. Еще весной 1945 г. он предложил командующему британскими войсками в Германии фельдмаршалу Б. Монтгомери собирать немецкое оружие для вооружения пленных немцев в случае, если русские не остановятся в Берлине и продолжат поход на Запад. В апреле 1945 г. объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании получил задание Черчилля на разработку операции «Немыслимое» против войск Красной Армии. Планом предусматривалось начать военные действия 1 июля 1945 г. и нанести русским тотальное поражение. Война не началась из-за того, что имперский генеральный штаб пришел к выводу о неосуществимости операции ввиду превосходства сил Красной Армии. В 1946 г. Великобритания пыталась втянуть в реализацию «Немыслимого» американцев и канадцев. В речи в Вестминстерском колледже города Фултон (США, штат Миссури, 5 марта) Черчилль в присутствии американского президента заявил, что «Советская Россия хочет... безграничного распространения своей силы и своих доктрин», и призвал противопоставить этому силу «братской ассоциации народов, говорящих на английском языке».

Такие призывы находили отклик в США, где уже в 1945 г. также началась разработка планов ведения войны против СССР (к декабрю составлен план бомбардировки промышленных центров СССР атомными бомбами). Однако в сентябре 1946 г. генерал Д. Эйзенхауэр и фельдмаршал Б. Монтгомери пришли к выводу, что, если Советская Армия предпримет в Европе наступление, западные союзники не в силах будут его остановить. План операции «Немыслимое» был отправлен в архив. Инициатива в разработке новых планов войны против СССР перешла к США, в дальнейшем — к НАТО.

К нашим дням стали известны разработанные в 1946—1949 гг. планы войны с СССР с кодовыми названиями «Пинчер», «Бройлер», «Граббер», «Флитвуд», «Дропшот», «Оффтэкл» и др. По пла-

ну «Флитвуд» (сентябрь 1948 г.) предполагалось одновременно сбросить на 70 городов СССР 133 атомные бомбы (8 — на Москву, 7 — на Ленинград), а в случае затягивания войны использовать до 200 бомб, которые, по расчетам, привели бы к разрушению 40% промышленности СССР, гибели 7 млн человек. По плану «Дропшот» (начало 1949 г.) намеченную на 1957 г. войну предполагалось выиграть за 2—4 недели интенсивных ядерных ударов; результат войны виделся в оккупации территории СССР сухопутными силами и ее расчленении на 5 зон. В марте 1947 г. президент США обнародовал «Доктрину Трумэна», согласно которой мир в целом должен принять американскую систему, а Соединенные Штаты обязаны вступать в бой с любым революционным движением, любыми притязаниями Советского Союза.

Политика США в отношении СССР определялась задачами — не допустить дальнейшего расширения сферы влияния Советского Союза («доктрина сдерживания социализма»), а затем заставить «социализм» уйти в свои прежние границы («доктрина отбрасывания социализма»). Конкретным шагом к достижению этого стало оказание широкомасштабной помощи странам Европы, ставившей их экономику в зависимость от США и фактически закреплявшей американскую гегемонию в мире. Это делалось в соответствии с программой, выдвинутой государственным секретарем США Дж. К. Маршаллом в июне 1947 г. и вступившей в действие в апреле 1948 г. Эту же цель преследовали создание военно-политических союзов стран во главе с США, направленных против СССР; размещение у его границ сети военных баз; поддержка антисоциалистических сил внутри стран советского блока, не останавливаясь перед использованием вооруженных сил.

Конфронтация сторон начала отчетливо проявляться в связи с обсуждением «плана Маршалла» на совещании министров иностранных дел Великобритании, Франции и СССР летом 1947 г. в Париже. Заинтересованность в нем проявили и страны Центральной Европы. Однако условия для осуществления плана, выдвинутые В. М. Молотовым на совещании и не допускавшие диктата США, не были приняты. В связи с этим СССР, «страны народной демократии» и Финляндия отказались от участия в нем. Примкнувшие к плану Маршалла 16 стран получили за четыре года его осуществления помощь в виде поставок товаров массового потребления на 12,4 млрд долларов США. Важнейшим политическим условием получения американской помощи стало требование удаления коммунистов из правительств стран-реципиентов. Требование было выполнено уже в 1947 г. Реализация плана фактически завершила раздел сфер влияния в Европе.

1947 год стал переломным и в оформлении просоветского блока государств. И. В. Сталин надеялся, что в условиях, когда на конфе-

ренциях «Большой тройки» де-факто признан послевоенный раздел мира на сферы интересов великих держав, социалистические преобразования в Восточной Европе пройдут постепенно и без ухудшения отношений с союзниками. Эти надежды не оправдались. Коммунистические правительства сразу после освобождения от оккупантов были созданы лишь в Югославии и Албании. В Восточной Европе процесс шел сложнее. Приход коммунистов к власти в этих странах был осуществлен в два этапа.

Первый продлился до середины 1947 г. Основной моделью государственного устройства была «народная демократия», в основе которой лежала концепция «национальных путей к социализму», опиравшаяся на признание постепенного поступательного движения к новому строю путем эволюционного развития. Такой процесс ориентировался на гражданский мир и широкий межклассовый союз, исключал гражданскую войну и «диктатуру пролетариата». В экономике отрицалась советская практика насильственной экспроприации частной собственности. Но «холодная война» внесла существенные коррективы в эти планы. С середины 1947 г. ситуация в Европе сместилась вправо. Коммунисты потеряли свои позиции во Франции, Италии и Финляндии. Коммунистическое Сопротивление потерпело поражение в Греции. Боясь потерять свое влияние в Восточной Европе и стремясь оградить ее от американского влияния, СССР взял курс на форсирование здесь социально-экономических и политических преобразований.

Преобразования восточноевропейских стран по советской модели означали отставку коалиционных правительств «народного фронта» и выдвижение к руководству коммунистов. В ноябре 1946 г. такое правительство сформировано в Болгарии. В январе 1947 г. президентом и председателем Государственного совета Польши стал председатель ЦК Польской объединенной рабочей партии. С августа 1947 г. по февраль 1948 г. коммунистические режимы были установлены в Венгрии, Румынии и Чехословакии. Вместе с СССР, Монголией, Северной Кореей, Северным Вьетнамом и Китаем все эти страны составили единый социалистический лагерь, или, как стали говорить позднее, мировую систему социализма. Однако в этой системе, как показала дальнейшая ее судьба, далеко не все было благополучно. Внутрипартийная борьба за власть нередко выдвигала на первые посты далеко не самых умных и тонких политиков, да и действия советских коллег в этих странах подчас ущемляли национальные чувства народов. Для координации их экономического сотрудничества в январе 1949 г. был создан Совет экономической взаимопомощи. Одной из форм сплочения коммунистов социалистического лагеря и других стран Европы стал Коминформ, образованный в сентябре 1947 г.

Открытое противостояние бывших союзников по Второй мировой войне возникло летом 1948 г. Поводом послужил германский во-

прос. Советское правительство пыталось не допустить раскола оккупированной Германии (в том числе из-за репараций). Американцы, англичане, а затем и французы, объединив свои зоны оккупации (в июле 1946 г. в «бизонию», в мае 1948 г. — в «тризонию»), повели дело к образованию отдельной Западной Германии. В связи с обострением отношений между СССР и западными державами Контрольный совет в Германии в марте 1948 г. прекратил свое существование. 17 июня в «тризонии» была введена особая валюта, распространявшаяся и на Западный Берлин. Пытаясь воспрепятствовать этому, Советский Союз 24 июня закрыл железнодорожное и автотранспортное сообщение с Западным Берлином. Возник острейший кризис, грозивший перерасти в полномасштабную войну. После длительных переговоров четырех держав в Нью-Йорке кризис удалось преодолеть. 12 мая 1949 г. караван украшенных цветами грузовиков с Запада, проехав по территории Восточной Германии, въехал в Берлин. Кризис ускорил образование Федеративной Республики Германии.

ФРГ возникла 20 сентября 1949 г., когда было объявлено о создании правительства во главе с К. Аденауэром в Бонне. В ответ на это 7 октября в советской зоне оккупации создана ГДР во главе с президентом В. Пиком. Раскол Германии (длился до октября 1990 г.) стал ярким проявлением разделения мира на два лагеря. Оно был закреплено образованием противостоящих военно-политических блоков. Одну сторону представляли блок НАТО, образованный в апреле 1949 г. США, Канадой и десятью западноевропейскими странами, и АНЗЮС (сентябрь 1951 г., с участием США, Австралии, Новой Зеландии). Другой стороной была Организация Варшавского договора, образованная в мае 1955 г. В нее вошли СССР, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия и Албания (последняя не участвовала в работе организации с 1962 г. и вышла из договора в 1968 г.).

В 1948 г. произошел раскол в советско-югославских отношениях. Причиной стало негативное отношение Сталина к стремлению компартии Югославии занять руководящее положение на Балканах. Его раздражала независимость И. Б. Тито, оспаривавшего принадлежность Триеста Италии, юга Каринтии — Австрии и части Македонии — Греции. В конце 1947 г. Тито объявил о своем решении начать поэтапное осуществление федерации, в которой сначала объединились бы Югославия и Болгария, с возможным присоединением к ней в последующем и других стран. Подразумевалось, что Тито станет лидером нового объединения. 28 января 1948 г. «Правда» опубликовала статью, где утверждалось, что названным странам не нужна никакая искусственная федерация. 10 февраля Сталин созвал советско-болгарско-югославское совещание, на котором вопреки высказанному ранее мнению стал настаивать на создании болгаро-югослав-

ской федерации, рассчитывая, что с помощью болгар он получит возможность контролировать действия Белграда. 1 марта Югославия отклонила советское предложение. Тито вывел из своего правительства министров, поддерживавших это предложение, и отказался предстать в качестве обвиняемого перед Коминформом. 29 июня члены Коминформа осудили «неправильную линию» югославского руководства. Поскольку оно должным образом не реагировало на критику, последовали санкции. СССР аннулировал экономические соглашения с Югославией и 25 октября 1949 г. расторг с нею дипломатические отношения. 29 ноября в «Правде» была помещена резолюция Коминформа. Ее заголовок гласил: «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». В итоге нормальных дипломатических и экономических отношений с Югославией долгое время не имел не только СССР, но и страны народной демократии.

В результате поражения во Второй мировой войне Япония утратила свои позиции в Корее (с 1905 г. она находилась под протекторатом Японии, с 1910 г. была ее колонией). В освобожденной советскими войсками северной части страны в 1946 г. под руководством Трудовой партии Кореи (лидер Ким Ир Сен) была осуществлена народно-демократическая революция. К югу от 38-й параллели с сентября 1945 г. функционировала американская военная администрация. В мае 1948 г. здесь была образована Республика Корея со столицей в Сеуле, опиравшаяся на поддержку США. В противовес этому в Пхеньяне в сентябре 1948 г. была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. Оккупационные войска СССР из Кореи были выведены в декабре 1948 г., войска США — в июне 1949-го.

После образования КНР (1 октября 1949 г.) между советским и китайским руководством установились самые дружественные отношения. 14 февраля 1950 г. обе страны подписали договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, содержавший взаимные гарантии по оказанию военной помощи в случае, «если одна из сторон подвергнется нападению Японии или ее союзников». После переговоров лидеры СССР и Китая согласились оказать помощь руководству Северной Кореи вооруженным путем воссоединить страну.

29 июня 1950 г. войска КНДР вторглись на юг и к середине сентября освободили почти всю территорию страны. Южнокорейцы обратились за помощью к американцам. США возложили ответственность за эту войну на СССР и заявили, что с ним «нельзя вести переговоры, пока он не согласится со своим поражением на всех фронтах холодной войны». Совет Безопасности ООН единогласно (СССР бойкотировал его в знак протеста против участия в нем Тайваня вместо КНР) обвинил КНДР в агрессии и санкционировал военную поддержку Южной Кореи войсками ООН, на 2/3 представ-

ленными американцами. Под флагом ООН в войне принимали участие войска Австралии, Бельгии, Великобритании, Греции, Турции, Франции и др.

Советский Союз оказывал КНДР помощь вооружением и специалистами. Важную роль в отражении американской агрессии сыграли советские летчики и зенитчики. С ноября 1950 г. непосредственное участие в боях принимал советский 64-й истребительный корпус, численность которого в 1952 г. достигала 26 тыс. человек. Советские летчики, которых водили в бой опытные участники Великой Отечественной войны во главе с И. Н. Кожедубом, сбили 1309 самолетов противника (еще 212 были уничтожены огнем зенитной артиллерии), потеряв при этом 335 своих самолетов. С октября 1950 г. в войне участвовали китайские добровольцы. Вооруженное противоборство в Корее продолжалось до стабилизации фронта по 38-й параллели. 28 июля 1953 г. удалось достичь перемирия, по которому между КНДР и Республикой Корея была образована демилитаризованная зона шириной в 4 км.

Война принесла неисчислимые страдания корейскому народу и многочисленные людские потери. Авиация США беспощадно превращала в руины города и села КНДР, сбросив на них больше бомб, чем на Германию и Японию за годы Второй мировой войны. Американцы потеряли в этой войне 57 тыс. военнослужащих, их союзники из 15 государств — 3,1 тыс., южнокорейская армия — 1,3 млн, северокорейская — 520 тыс., китайская — 900 тыс. Потери мирного населения Кореи — около 3 млн человек. В боях погибли 315 советских военнослужащих.

Корея осталась разделенной. Такая же участь постигла и Вьетнам. После освобождения этой страны от японских оккупантов в ее северной части в результате Августовской революции 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам, правительство которой возглавил лидер патриотического фронта Хо Ши Мин. Независимость вьетнамского народа отстаивалась в войне, которую повели против ДРВ французские войска из южных районов Вьетнама. Война длилась более 10 лет и была прекращена после ряда серьезных поражений французов. Она завершилась заключением Женевских соглашений 1954 г. Вьетнам оставался разделенным демаркационной линией, к югу от которой в 1956 г. была создана Республика Вьетнам, опиравшаяся на поддержку США.

Обстановка «холодной войны» не позволила Советскому Союзу своевременно прекратить состояние войны с Японией. Американо-английский проект мирного договора с этой страной был подготовлен без участия СССР и рассматривался на сан-францисской конференции в сентябре 1951 г. Глава советской делегации А. А. Громыко внес ряд поправок и дополнений к проекту договора, предусматрив-

ших, в частности, признание суверенитета СССР над южной частью Сахалина и Курильскими островами и отказ Японии от всех прав, правооснований и претензий на эти территории. США при поддержке своих союзников добились в сентябре 1951 г. подписания договора без учета советских требований и поправок, который вступил в силу 28 апреля 1952 г. СССР, Польша и Чехословакия его не подписали. Согласно договору, Япония отказывалась от всех своих захватов, в том числе сделанных до Второй мировой войны. Отказывалась она и от претензий на Курильские острова и Южный Сахалин. Тем самым их отход к СССР явно подразумевался. Однако в договоре умалчивалось о возвращении этих территорий СССР. Таким образом, в 1951 г. была создана формальная «небрежность» в признании законных прав СССР на Курильские острова и был порожден длящийся до сих пор территориальный спор с Японией.

Впрочем, глава Советского государства не был склонен драматизировать ситуацию. В книге «Экономические проблемы социализма в СССР» он писал: «Чтобы устранить неизбежность войн, надо уничтожить империализм». В свете такого вывода территориальные споры представлялись мелочью. В январе 1951 г. Сталин заявил, что в течение ближайших четырех лет существует возможность установить социализм по всей Европе. С ликвидацией ядерной монополии США и опережением СССР в работах над созданием термоядерного оружия опасность третьей мировой войны возросла.

В обострении международных отношении в конце 40 — начале 50-х гг. были виноваты не только лидеры НАТО, но и сталинское руководство и его союзники.

Переход к мирному строительству, изменения в структурах власти. Главной задачей внутренней политики СССР в послевоенные годы было восстановление народного хозяйства. Оно началось еще в 1943 г. и расширялось по мере изгнания оккупантов. Сразу же после победы над Германией ГКО постановил перевести часть оборонных предприятий на выпуск товаров для населения. Пересмотрен был государственный бюджет на III и IV кварталы 1945 г. и на 1946 г. Предусматривалось сокращение ассигнований на военные нужды и увеличение расходов на развитие гражданских отраслей экономики. В августе 1945 г. Госплан СССР получил задание подготовить проект плана восстановления и развития народного хозяйства.

В июне 1945 г. принят закон о демобилизации 13 возрастов личного состава армии. 17 июля на Белорусский вокзал Москвы прибыли первые эшелоны с демобилизованными, которых встречали тысячи горожан с цветами. В 1947 г. демобилизация в основном завершилась, к мирной жизни вернулись 8,5 млн человек. Численность Красной

армии сократилась с 11,4 млн человек (май 1945 г.) до 2,9 млн (конец 1948 г.).

В соответствии с задачами мирного времени после войны была проведена реорганизация ряда наркоматов. В 1946 г. Наркомат боеприпасов стал Министерством сельскохозяйственного машиностроения, Наркомат минометного вооружения — Министерством машиностроения и приборостроения, Наркомат танковой промышленности — Министерством транспортного машиностроения. Создавались новые министерства — промышленности средств связи; медицинской промышленности и др. Возобновлению нормального режима труда способствовала отмена обязательных сверхурочных работ, восстановление 8-часового рабочего дня и ежегодных оплачиваемых отпусков.

4 сентября 1945 г. был упразднен ГКО. Основные функции по управлению страной сосредоточились в руках Совнаркома. 10 февраля 1946 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР второго созыва. Как и до войны, в бюллетени вносились фамилии предварительно согласованных во всех инстанциях кандидатов в депутаты. В марте 1946 г. открылась первая сессия нового Верховного Совета СССР. На ней утвердили пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 гг., сформировали новое правительство. На пост Председателя Президиума избран Н. М. Шверник, а М. И. Калинин с почестями отправлен на пенсию. 15 марта принят закон о преобразовании Совнаркома в Совет министров СССР. Новое наименование шло в русле возвращения от революционной символики к традиционно российской. Незадолго до этого была осуществлена реформа органов военного управления. 25 февраля 1946 г. был упразднен Наркомат Военно-морского флота (образован в декабре 1937 г.), военно-морские силы включены в состав Наркомата Вооруженных сил СССР, Красная Армия переименована в Советскую армию.

В 1945—1952 гг. роль Политбюро как генератора политического курса по сравнению с предвоенным временем заметно снизилась. За эти годы состоялось только два его заседания с протоколами, в остальных случаях решения принимались опросом. Сталин возглавлял Совмин СССР и в официальных случаях именовался «Глава Советского государства». Функции партийных и государственных органов переплетались все теснее. Внутри Политбюро сложился узкий круг приближенных к Сталину лиц (в разное время так называемые пятерка, шестерка, семерка, восьмерка, позже — девятка руководителей). С марта 1946 г. в состав «семерки» входили Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов, Вознесенский. На «ближний круг» замыкались вопросы внешней политики и внешней торговли, госбезопасности, вооружения и функционирования армии, другие вопросы государственного управления.

Совет министров с февраля 1947 г. был разбит на восемь бюро, каждое из которых координировало родственные министерства и ведомства. Председателями бюро стали Маленков, Вознесенский, Сабуров, Берия, Микоян, Каганович, Косыгин, Ворошилов. В аппарате ЦК партии остались только два управления: кадров, агитации и пропаганды, а также два отдела — оргинструкторский и внешней политики; отраслевые отделы были ликвидированы. В публичных выступлениях упоминание о «руководящей роли Коммунистической партии» звучало сравнительно реже. В феврале 1946 г. Сталин заявил, что единственная разница между коммунистами и беспартийными состоит в том, что первые являются членами партии, а вторые нет, что тоже воспринималось как снижение авангардной роли партии.

Разногласия, имевшиеся в руководстве СССР при определении наметок плана 4-й пятилетки, вызывались различием представлений об основных тенденциях послевоенного развития. А. А. Жданов, Н. А. Вознесенский и ряд других деятелей считали, что с возвращением к миру в капиталистических странах наступит экономический кризис, усилятся межимпериалистические противоречия и конфликты. Это сулило ослабление угрозы СССР со стороны западных держав и позволяло отказаться от традиционной политики форсированного развития тяжелой промышленности, остановиться на сравнительно либеральных вариантах плана, в большей мере опираться на экономические рычаги (цены, стоимость, кредит, прибыли) в дальнейшем развитии народного хозяйства.

Маленков, Берия и другие больше полагались на экономические оценки и прогнозы академика Е. С. Варги и не исключали способности капитализма справиться с внутренними противоречиями. С этой точки зрения послевоенная международная обстановка виделась крайне тревожной, наличие у противника атомной бомбы делало ее еще мрачнее. Отказ от дальнейшего форсированного развития индустриальных и оборонных отраслей и от командно-административных методов руководства экономикой исключался. Развитие событий оправдывало прогнозы политических «ястребов».

Соратники И. В. Сталина, занимавшие ключевые посты в партийных и государственных структурах власти, были вовсе не единой и однородной командой, как могло казаться в свете показного почитания и славословий, расточавшихся в адрес лидера. Стремясь закрепить свою власть, они в определенном отношении выступали единой командой, но в других — не брезговали древнейшими методами политической интриги. Победы и поражения в невидимой для населения страны борьбе за выход на ближайшие подступы к власти позволяют различать три этапа в почти восьмилетнем послевоенном сталинском руководстве. Рубежами между ними выступают март 1949 г. и июль 1951 г.

На первом этапе Сталин несколько дистанцировался от наиболее влиятельных в годы войны членов ГКО и постарался обезопасить властный Олимп от возможных покушений со стороны генералитета, вышедшего из войны в ореоле спасителей Отечества. К концу войны Советские Вооруженные силы имели в своих рядах 12 Маршалов Советского Союза, 3 Главных маршала и 12 маршалов родов войск, специальных войск, 2 адмиралов флота и 5597 генералов и адмиралов.

Под пристальным вниманием сразу после войны оказался Г. К. Жуков. 27 июня 1945 г. он пригласил на дачу под Москвой знатных гостей. Среди них были военачальники С. И. Богданов, В. Д. Соколовский, В. И. Чуйков. Продолжая праздновать победу, они всячески превозносили вклад в нее Жукова, говорили о нем как о победителе Германии. А на следующий день с записями разговоров был ознакомлен Сталин, и это стало одной из первых причин его послевоенного недовольства маршалом.

Западная пропаганда подогревала подозрения в советских верхах в отношении военных, утверждая, что они выступят на ближайших выборах в Верховные Советы союзных республик с альтернативными списками кандидатов в депутаты. Выдвижение на самые высшие посты в государстве прочили Жукову.

Для компрометации полководца было использовано так называемое дело авиаторов. Командующий Военно-воздушными силами Советской армии А. А. Новиков и нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин, по показаниям арестованного в начале 1946 г. маршала авиации А. С. Худякова, были обвинены в приеме на вооружение самолетов и моторов с производственными дефектами, что вело к большому числу катастроф. На основе сфабрикованных в ведомстве В. С. Абакумова материалов Новиков, Шахурин и пятеро их подчиненных были осуждены на разные сроки лишения свободы. Тень пала и на Маленкова с Берией, отвечавших за работу авиационной промышленности. Во время следствия были также получены показания о попытках Жукова «умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования».

Весной 1946 г. были арестованы 74 генерала и офицера Группы советских войск в Германии по обвинениям в вывозе для себя из Германии и Австрии разного имущества, мебели, картин, драгоценностей. Но вскоре в обвинениях стал фигурировать антиправительственный заговор военных во главе с Жуковым.

Г. К. Жуков был отозван с руководящих постов в Германии, где его заменил маршал В. Д. Соколовский. В марте 1946 г. Жуков получил назначение на пост главнокомандующего Сухопутными войсками Советской армии. А 1 июня 1946 г. состоялся разбор «дела Жукова» на заседании Высшего военного совета. Обвинения против него поддержали Г. М. Маленков и В. М. Молотов. Однако маршалы

И. С. Конев, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, П. С. Рыбалко хотя и отметили недостатки и ошибки в работе обвиняемого, твердо стояли на том, что заговорщиком он быть не может. Обсуждение закончилось выводом Сталина: «А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву».

3 июня 1946 г. Жуков получил назначение на пост командующего Одесским военным округом. Однако этим дело не закончилось. Против него выдвигались новые обвинения, в частности, в присвоении и вывозе из Германии для личных нужд большого количества различных ценностей. В феврале 1947 г. его вывели из числа кандидатов в члены ЦК, в январе 1948 г. назначили на командование менее значимым Уральским военным округом. Сталин, сложивший с себя обязанности министра Вооруженных сил СССР, передал их сначала Н. А. Булганину (март 1947 г.), затем А. М. Василевскому (март 1949 г.).

В феврале 1950 г. из Министерства Вооруженных сил СССР были выделены Военно-морские силы и образовано Военно-морское министерство (министры — И. С. Юмашев, Н. Г. Кузнецов), а Министерство Вооруженных сил переименовано в Военное министерство. 15 марта 1953 г. оно вновь объединено с Военно-морским министерством в одно — Министерство обороны СССР. Опала Жукова закончилась летом 1951 г., а на XIX съезде партии его вновь избрали кандидатом в члены ЦК.

Жертвами интриг после войны стали и другие представители генералитета (Г. И. Кулик и В. Н. Гордов, изобличенные как «сторонники реставрации капитализма в СССР»; флотоводцы Н. Г. Кузнецов, Л. М. Галлер, В. А. Алафузов, Г. А. Степанов, обвиненные в том, что в рамках соглашений об обмене военно-технической информацией передали союзникам во время войны документацию на парашютную торпеду; Кузнецов был понижен в звании, остальные приговорены к различным срокам заключения).

Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев (начальник Главного артиллерийского управления в годы войны, а с 1948 г. заместитель военного министра) постановлением Совмина «О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60» снят с поста и арестован по обвинению во вредительстве (февраль 1952 г.). Вместе с ним были арестованы начальник ГАУ И. И. Волкотрубенко и заместитель министра вооружения И. А. Мирзаханов. Но за 15 с лишним месяцев следствие так и не выявило фактов, которые могли бы дать основание для их осуждения.

Уже к концу войны становились заметными изменения в расстановке сил в самом Политбюро ЦК. Явно ослабевали позиции старших по политическому возрасту соратников Сталина. Л. М. Каганович снят с поста наркома путей сообщения как «не сумевший справиться

с работой в условиях военной обстановки» (март 1942 г.). К. Е. Ворошилов выведен из ГКО (1944). В. М. Молотов был резко осужден за санкцию на публикацию речи Черчилля в советской печати, обещания ослабить цензуру (декабрь 1945 г.) и даже за согласие в 1946 г. на избрание почетным членом АН СССР, в котором Сталин увидел умаление достоинства «государственного деятеля высшего типа».

«Дело авиаторов» пошатнуло позиции Г. М. Маленкова. В мае 1946 г. он утратил влиятельный пост секретаря ЦК. Однако остался одним из заместителей председателя Совмина и членом Политбюро, возведенным в этот ранг из кандидатов в марте того же года. В мае 1946 г. он возглавил образованный тогда же Специальный комитет по реактивной технике и первые месяцы опалы был сосредоточен на делах этого комитета.

Как некоторое умаление власти Берии следует рассматривать его перемещение с поста министра внутренних дел на пост председателя Специального комитета при ГКО по руководству «всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». На эту должность он был назначен 20 августа 1945 г. Оставаясь в Политбюро, Берия и Маленков пользовались любой возможностью для дискредитации Жданова и его выдвиженцев — Н. А. Вознесенского (председатель Госплана СССР), А. А. Кузнецова (секретарь ЦК), М. И. Родионова (председатель Совмина РСФСР).

Неблагоприятно для «ленинградцев» развивались события на международной арене. Вопреки их предположениям, противоречия между социализмом и капитализмом проявились в большей мере, чем внутренние противоречия капитализма. Объективно виноватыми они оказались и в том, что в подведомственном Жданову Ленинграде был проявлен либерализм в отношении поэтессы А. Ахматовой и писателя М. Зощенко. Главным прегрешением Ахматовой было то, что она в ноябре 1945 г. несколько раз без санкции властей встречалась с И. Берлиным, 2-м секретарем британского посольства в СССР, литературоведом, позднее президентом Британской академии. Они беседовали не только о поэзии, Достоевском, Джойсе и Кафке, но и о гибели Н. Гумилева и О. Мандельштама, о расстрелах в лагерях. Недовольство Сталина было вызвано также триумфальным поэтическим вечером Ахматовой в московском Колонном зале Дома Союзов (апрель 1946 г.), несмотря на негласное постановление 1925 г.: не арестовывать, но и не печатать. У Зощенко «недостатки» оказались еще существеннее. Недоброжелатели Жданова играли на том, что сатирические произведения писателя использовались в годы войны Геббельсом для уничижительных оценок русского человека.

Проигрыш «ленинградцев» явственно обозначился 1 июля 1948 г. в связи с возвращением из опалы Маленкова и назначением его на пост секретаря ЦК. Внезапная смерть Жданова 31 августа 1948 г.

ускорила разгром «ленинградцев». В начале 1949 г. от обязанностей секретаря ЦК был освобожден Кузнецов, из Политбюро вывели Вознесенского. Падение «ленинградцев» еще больше ослабило позиции «старой гвардии» — Молотова, Микояна, Андреева, которые нередко поддерживали их в решении политических вопросов. В марте 1949 г. Молотов утратил пост министра иностранных дел (назначен А. Я. Вышинский). Микоян (связанный родственными отношениями с Кузнецовым) был освобожден от обязанностей министра внешней торговли.

Период с марта 1949 г. по июль 1951 г. характеризуется резким усилением в руководстве позиций Маленкова и Берии (шансы последнего подкреплялись успешным испытанием атомной бомбы), приближением к властному Олимпу Н. С. Хрущева (в декабре 1949 г. избран 1-м секретарем МК и МГК, секретарем ЦК партии). Параллельно происходило укрепление позиций заместителя председателя Совмина СССР Н. А. Булганина. В феврале 1948 г. он был переведен из кандидатов в члены Политбюро, а в феврале 1951 г. утвержден председателем бюро Совмина по военно-промышленным и военным вопросам.

В 1949 г. по сфабрикованному при активном участии Маленкова «ленинградскому делу» началось уголовное преследование большой группы руководителей. Первые аресты произведены в августе. Обвинялись А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков в проведении в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки без специальной санкции правительства, Н. А. Вознесенский — в умышленном занижении государственных планов, фальсификации статистической отчетности и утере секретных документов. Очевидно, что в связи с арестами «преступников» столь высокого ранга в январе 1950 г. восстановлена смертная казнь, отмененная 26 мая 1947 г.

Подоплека преследований «ленинградцев» хорошо представлена в подготовленном Маленковым и Берией проекте закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК от 12 октября 1949 г.: «Можно считать установленным, что в верхушке бывшего ленинградского руководства уже длительное время сложилась враждебная партии группа... С одним из руководящих членов этой группы Капустиным, как выяснилось теперь, во время пребывания его в 1936 г. в Лондоне установила связь английская разведка. Сейчас стало очевидным, что Кузнецов А. и Попков имели сведения об этом, но скрыли их от ЦК... Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготавливался вопрос о необходимости создания Российской коммунистической партии большевиков... и ЦК РКП(б) и о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и др. мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и Союзное правительство проводят анти-

русскую политику и осуществляют протекционизм в отношении других народов за счет русского народа. В группе было предусмотрено, что в случае осуществления их планов Кузнецов А. должен был занять пост первого секретаря ЦК РКП(б)». Большую долю ответственности Маленков и Берия возлагали и на покойного Жданова. Сталин не дал своей санкции на рассылку письма, однако карательную машину против «ленинградцев» не остановил.

В конце сентября 1950 г. обвиняемые предстали перед судом. Средства массовой информации о нем ничего не сообщали, чтобы не давать повода для слухов о расколе в руководстве страны. После расстрелов 26 главных обвиняемых последовала «чистка», закончившаяся увольнением с работы и осуждением 69 руководителей, обязанных своим выдвижением ленинградской партийной организации, и 145 их близких и дальних родственников.

Проигрыш «ленинградцев» обусловлен отнюдь не тем, что их противники оказались более искусными в интригах и аппаратных комбинациях. В более широком плане он означал поражение направления в руководстве страной, ориентированного на первоочередное решение внутренних политических, экономических и гражданских проблем — смещение приоритетов хозяйственного развития в сторону группы «Б», решение проблем политического образования и культуры, подготовку новых Конституции и Программы партии.

С арестом министра государственной безопасности В. С. Абакумова (июнь 1951 г.) начался этап подготовки более радикальных изменений в руководстве страной. Министр МГБ, бывший главным исполнителем расправы над «авиаторами», Жуковым, «ленинградцами», видимо, не вполне устраивал Сталина как организатор расследования «преступлений» Еврейского антифашистского комитета.

Преследования комитета перешли в активную фазу со времени гибели (январь 1948 г.) его руководителя С. М. Михоэлса, подозревавшегося в попытках использовать дочь Сталина Светлану и ее мужа Г. И. Морозова в корыстных интересах евреев. С деятельностью ЕАК было решено покончить после образования государства Израиль (14 мая 1948 г.), приезда в Москву в сентябре 1948 г. израильского посланника Голды Меерсон (Меир с 1956 г.) и обнаружившейся в этой связи готовности многих советских евреев переселиться на историческую родину или отправиться добровольцами на войну израильтян с арабами. Все это было расценено как измена социалистической Родине. Не нравились Сталину и дружеские отношения, завязавшиеся у Меерсон с женой Молотова П. С. Жемчужиной.

Советское руководство пыталось удержать Израиль в орбите своего влияния, помогая оружием, а также беспрецедентным предложением переселить палестинских арабов-беженцев (свыше 500 тыс.) в советскую Среднюю Азию и создать там арабскую союзную рес-

публику или автономную область. Его сделал осенью 1948 г. в Совете Безопасности ООН советский представитель Д. З. Мануильский. Однако это не вызвало ожидаемой реакции.

Еврейский «национализм», как и в случае с другими наказанными народами, было решено покарать. 28 ноября 1948 г. Политбюро ЦК постановило «немедля распустить» Еврейский антифашистский комитет. Вскоре по «делу» Комитета были арестованы 14 членов его президиума и активистов.

Абакумов проявил медлительность в организации расследования «дела ЕАК». Появились подозрения, что делает он это намеренно. Такое предположение высказано 2 июля 1951 г. в письме следователя по особо важным делам МГБ М. Д. Рюмина на имя Сталина, которое готовилось с помощью аппарата Маленкова. В нем утверждалось, что Абакумов сознательно тормозил расследование дела «еврейского националиста», врача Я. Г. Этингера, которое позволяло получить сведения о якобы масштабной вредительской деятельности врачей.

Немедленно созданная постановлением Политбюро комиссия в составе Маленкова, Берии, заместителя председателя КПК при ЦК партии М. Ф. Шкирятова, нового министра госбезопасности С. Д. Игнатьева должна была проверить изложенные Рюминым факты. Так зародилось «дело врачей-отравителей», будто бы погубивших А. С. Щербакова, А. А. Жданова и намеревавшихся извести других высших руководителей страны, привести к власти Абакумова с заговорщиками из руководимого им министерства.

Правдоподобность существования заговора обосновывалась показаниями арестованного заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ полковника Л. Л. Шварцмана, оговорившего многих своих коллег по репрессивному ведомству и признавшегося в самых невероятных собственных преступлениях. В раскручивании дела использовались письма заведующей отделением лечебно-санитарного управления Кремля Л. Ф. Тимашук, по недавним еще представлениям давшие толчок «делу врачей», в которых отстаивался правильный диагноз смертельного заболевания Жданова. Они стали поводом для дискредитации возглавлявшего почти четверть века личную охрану Сталина генерал-лейтенанта Н. С. Власика и А. Н. Поскребышева, члена ЦК, бессменного заведующего канцелярией руководителя партии с августа 1935 г.

Для Сталина версия о заговоре в МГБ стала большой находкой. Используя жупел еврейского национализма и сионизма, можно было окончательно устранить от власти Молотова, Ворошилова, Микояна, Кагановича, А. А. Андреева и многих других деятелей, имевших родственные связи в еврейской среде.

Кадровые перестановки, оформленные после XIX съезда партии на пленуме ЦК 16 октября 1952 г., положили начало этому процессу.

Если по решению предшествующего съезда в Политбюро было 9 членов и 2 кандидата, а в Секретариате 4 члена, то новый состав Президиума ЦК КПСС (новое название партии и высшему органу партийной власти дал XIX съезд) включал 11 кандидатов и 25 членов, Секретариат — 10. Расширение этих структур мотивировалось также упразднением существовавшего прежде Оргбюро ЦК.

Новый ареопаг становился своего рода резервом для выдвижения на первый план новых властителей взамен оттесняемых в задние ряды. На пленуме Сталин обрушился с резкой критикой на Молотова и Микояна, обвиняя их в нестойкости, трусости и капитулянтстве перед американским империализмом. Как грубая политическая ошибка было расценено стремление Молотова быть «адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым». Принародно выражено политическое недоверие Ворошилову. В образованном на пленуме, но не предусмотренном Уставом партии бюро Президиума ЦК, помимо Сталина, значились только Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Сабуров и Хрущев.

В ноябре 1951 г. начало рассматриваться еще одно «дело», чреватое важными политическими последствиями. Было принято постановление «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе Барамия», в котором утверждалось, что в этой республике вскрыта мингрельская националистическая организация, которую возглавлял секретарь ЦК КП Грузии М. И. Барамия. Новое постановление ЦК (от 27 марта 1952 г.) о положении дел в Компартии Грузии «уточняло», что нелегальная националистическая группа «ставила своей целью отторжение Грузии от Советского Союза». По этому «делу» арестованы как «буржуазные националисты» 7 из 11 членов бюро ЦК КП Грузии, 427 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии. Арестован весь партийный актив Мингрелии. В одном из докладов Сталину по этому «делу» Рюмин и Игнатьев изложили подозрения министра государственной безопасности Грузии Н. М. Рухадзе в адрес Берии, который якобы готовил заговор против Сталина.

Скорее всего, Берия не оставался безучастным к надвигавшейся опасности. Незадолго до марта 1953 г. оказались арестованными Поскребышев и Власик, неприязненно относившийся к Берии. 15 февраля 1953 г. скончался полный сил комендант Кремля генерал-майор П. Е. Косынкин, назначенный Сталиным на эту должность из своей охраны. Оставаясь на своих постах, они вряд ли позволили бы проявить медлительность в оказании медицинской помощи сраженному инсультом Сталину, какую продемонстрировали Берия, Маленков и Хрущев. По их распоряжению врачи были вызваны к постели больного только через 10 часов после обнаружения его охраной лежащим на полу в одной из комнат подмосковной Ближней дачи в полупарализованном состоянии.

«Дело врачей» приобрело зримые очертания в ноябре 1952 г., когда на Лубянке оказались начальник Лечебно-санитарного управления Кремля П. И. Егоров, известные профессора медицины В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, М. С. Вовси, Б. Б. Коган. Сталин был недоволен нерешительностью министра Игнатьева, приказал отстранить от дела одного из главных его вдохновителей — Рюмина. 15 ноября вместо него был назначен новый следователь по «делу врачей» — заместитель министра госбезопасности С. А. Гоглидзе. Вскоре врачи «дали» нужные показания.

Вопросы о вредительстве в лечебном деле и положении в МГБ были вынесены на обсуждение Президиума ЦК КПСС. Заседание состоялось 1 декабря 1952 г. Судя по дневниковым записям члена Президиума ЦК В. А. Малышева, Сталин говорил: «Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться нам вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, появилось благодушие, ротозейство, зазнайство. Любой еврей-националист — это агент американской разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов. Неблагополучно в ГПУ (используется одно из старых названий органов МВД и МГБ. — *Авт.*). Притупилась бдительность. Они сами признаются, что сидят в навозе, в провале. Надо лечить ГПУ». Лечить принялись безотлагательно.

Уже 4 декабря в постановлении ЦК партии вина за деятельность «врачей-отравителей» возлагалась на Абакумова и Власика. Снят с поста министр здравоохранения Е. И. Смирнов. Принято также постановление «О положении в МГБ», в котором отмечалось, что «партия слишком доверяла и плохо контролировала» его работу, указывалось на необходимость «решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов».

9 января 1953 г. бюро Президиума ЦК обсудило проект сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей». 13 января появилась «хроника ТАСС» о раскрытии органами госбезопасности «террористической группы врачей, ставящих своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В числе ее участников были названы девять человек. Шестеро из них были евреями по национальности, трое — русскими. 22 февраля по всем областным управлениям МГБ разослан приказ, предписывавший немедленно уволить из МГБ сотрудников еврейской национальности. Однако до суда над «врачами-отравителями» дело не дошло. Развязки событий по сценарию, известному только его подлинным авторам, не последовало из-за скоропостижной смерти Сталина.

В целом послевоенный период сталинского руководства характеризуется значительным сокращением числа руководящих работников еврейского происхождения в советской номенклатуре. По данным статистического сборника о руководящих кадрах партийных, советских, хозяйственных и других органов, подготовленного в 1952 г. по указанию Г. М. Маленкова, количество евреев-руководителей среди руководящих кадров центрального аппарата министерств и ведомств СССР и РСФСР сократилось с начала 1945 г. до начала 1952 г. с 516 до 190 человек (с 12,9% до 3,9% в общей массе руководителей этого звена, насчитывающей 4 тыс. человек в 1945 г. и 4,9 тыс. в 1952-м). Среди руководителей предприятий и строек (около 4,2 тыс. человек) доля евреев за этот же период снизилась — с 11,2 до 4,6%, среди директоров промышленных предприятий (около 2 тыс. человек) — с 12,3 до 4,6%, среди руководителей НИИ, КБ и проектных организаций (около 430 человек в 1945 г. и 1 тыс. в 1952 г.) — с 10,8 до 2,9%, среди руководящих кадров центральной печати (около 300 человек в 1945 г. и 480 в 1952 г.) — с 10,7 до 5,4%, среди руководителей вузов и партшкол (около 730 человек в 1945 г. и 1900 в 1952 г.) — с 10,9% до 3,1%. В то же время доля евреев среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик (около 770 человек в 1945 г. и 1000 в 1952 г.) сократилась с 1,3 до 0,1%, доля евреев среди наиболее многочисленной когорты руководителей основных окружных, городских и районных советских и хозяйственных учреждений и организаций (свыше 50 тыс. в 1945 г. и около 57 тыс. в 1952 г.) снизилась с 2,8 до 2,2%.

Смерть Сталина. Передел власти. В ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 г. диктатора сразил удар. Диагноз вызванных на дачу 2 марта врачей был однозначным: инсульт с кровоизлиянием в мозг. 3 марта стало ясно, что смерть неизбежна. По радио передали правительственное сообщение о болезни И. В. Сталина. 5 марта он умер. Миллионы советских людей были искренне опечалены утратой, но многие связывали с его кончиной надежды на лучшую жизнь.

С этой смертью заканчивалась одна из наиболее противоречивых эпох отечественной истории. Эпоха, вобравшая в себя героизм, энтузиазм, социальное творчество масс, форсированную модернизацию страны, победу в Отечественной войне и утверждение крайне жестких командных методов их достижения; прорывы к демократии и насаждение культа личности вождя, безжалостно уничтожавшего не только политическую оппозицию, но зачастую и ростки здравого инакомыслия.

Гигантское разнообразие мнений и оценок исторической роли И. В. Сталина до сих пор не позволяет прийти к какому-то единому

мнению. Очевидно, однако, что посмертный суд над Сталиным, начатый по инициативе Берии, а затем Хрущева, и попытки оценить его роль только негативно и даже полностью вычеркнуть это имя из истории не удаются.

5 марта в 20 ч 40 мин (более чем за час до смерти Сталина) в Кремле закончилось совместное заседание членов ЦК, Президиума ВС СССР, министров правительства. Л. П. Берия от имени бюро Президиума ЦК предложил избрать на пост Председателя правительства Г. М. Маленкова. Собрание единогласно поддержало предложение. Пакет новых кадровых назначений далее собранию предлагал уже новый глава Совмина. На посты 1-х заместителей Предсовмина выдвинуты Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. А. Булганин и Л. М. Каганович. Председателем Президиума ВС СССР предложено избрать К. Е. Ворошилова, а освобождающегося от этого поста Н. М. Шверника — председателем ВЦСПС. Предлагалось также объединить ряд министерств, в том числе слить МГБ с МВД и назначить главой укрупненного министерства Берию. На пост министра иностранных дел выдвинут Молотов, министра Вооруженных сил — Булганин, министра внутренней и внешней торговли — Микоян. Здесь же было решено иметь в ЦК партии вместо Президиума и бюро Президиума один орган — Президиум, «как это определено Уставом». В его состав предложили 11 человек вместо избранных ранее 25.

Членами Президиума ЦК были избраны Сталин, Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин. Секретарями ЦК вместо одиннадцати прежних стали четверо: Н. С. Хрущев, С. Д. Игнатьев, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин. Хрущев среди них был единственным членом Президиума ЦК. Постановление совещания было объявлено 7 марта (уже без имени Сталина среди членов Президиума ЦК). Новая конфигурация власти определилась. На самый верх властной пирамиды возвращены представители потесненной Сталиным старой гвардии.

Что касается причин смерти Сталина, то многие историки склонны считать, что она стала следствием заговора ряда лиц из его ближайшего окружения с непременным участием министра С. Д. Игнатьева. На митинге 19 июля 1964 г. в честь венгерской партийно-правительственной делегации Хрущев филиппику в адрес Сталина закончил недвусмысленным заявлением: «В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором».

Наиболее существенной в новой конфигурации власти является полная «реабилитация» совсем было оттесненных от нее Ворошилова, Микояна, Молотова, Кагановича. Молотов, имевший большой запас политического опыта и пользовавшийся большей популярностью в

стране, объективно становился возможным кандидатом на пост председателя правительства, который он занимал с декабря 1930 г. по май 1941 г. Это проявилось в событиях 1957 г.

§ 2. ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Восстановление и развитие промышленности. Утвержденный в марте 1946 г. план 4-й пятилетки предусматривал восстановление разрушенного войной народного хозяйства, а также увеличение выпуска промышленной продукции по сравнению с довоенным уровнем на 48%, сельскохозяйственной — на 23%. Одной из первоочередных задач пятилетки было «обеспечение технического прогресса во всех отраслях». На Западе этот план посчитали нереальным. Известные экономисты предрекали, что только на восстановление советской экономики потребуется 40—50 лет.

Тем временем далекий от мрачных политических интриг и прогнозов народ напряженно трудился над восстановлением мирной жизни страны. Труд народа, талант организаторов производства, ученых и конструкторов обеспечили выполнение и перевыполнение плановых заданий пятилетки как раз в тех областях экономики, где западные скептики ожидали этого меньше всего. Конверсия промышленности (перевод на выпуск мирной продукции), сопровождавшаяся сокращением объемов производства на 17%, завершилась в 1946 г. Еще около года понадобилось, чтобы вывести экономику на довоенные уровни выпуска промышленной продукции. С октября 1947 г. страна уже наращивала предвоенный уровень, через 4 года и 3 месяца выполнила плановые задания и к концу пятилетки увеличила выпуск промышленной продукции на 73% по сравнению с 1940 г. За пятилетку пущено 6200 восстановленных и вновь построенных предприятий. Это были феноменальные темпы развития.

В соответствии с планом первоочередное внимание уделялось развитию отраслей тяжелой промышленности. Сюда направлялись значительные финансовые средства, материальные и трудовые ресурсы. Уже в 1946 г. вошли в строй действующих восстановленные Макеевский труболитейный, Днепродзержинский азотно-туковый, Рижский электромашиностроительный, Минский станкостроительный заводы. Восстанавливались предприятия металлургической промышленности (Запорожсталь и Азовсталь), угольные шахты Донбасса. Одновременно создавались новые угольные районы, расширялась металлургическая база на востоке страны. Новые гиганты индустрии возникли на Урале, в Сибири, республиках Закавказья и

Средней Азии (Закавказский металлургический завод, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат, Кутаисский автомобильный завод). Построены Калужский турбинный, Коломенский завод тяжелого станкостроения, Рязанский станкостроительный.

Большой объем индустриальных работ осуществлен в республиках и областях, включенных в состав СССР накануне войны. В западных областях Украины, республиках Прибалтики созданы новые промышленные отрасли, в частности газовая и автомобильная, металлообрабатывающая и электротехническая. В Западной Белоруссии получили развитие электроэнергетика и торфяная промышленность. В 1946—1950 гг. вступили в строй газопроводы Саратов—Москва, Кохтла-Ярве—Ленинград.

Особое внимание уделялось наращиванию производства электроэнергии. В 1945 г. восстановлена Волховская ГЭС, начаты работы по восстановлению Дубровской, Свирской и других электростанций в Ленинградской области. Быстрыми темпами восстанавливался Днепрогэс, крупнейшая электростанция Европы. Уже в 1947 г. станция дала первый ток, а к концу пятилетки заработала на полную мощность. Начали действовать Рыбинская и Сухумская гидроэлектростанции. Построены Нижнетуринская и Щекинская государственные районные электростанции (ГРЭС). В конце 40-х гг. в СССР для производства электричества решили использовать атомную энергию, начато строительство атомной станции в Обнинске. Электровооруженность труда в промышленности к концу пятилетки в полтора раза превзошла уровень 1940 г.; предприятия оснащались новой технологией, увеличилась механизация трудоемких процессов.

Важным событием послевоенной экономической жизни стал ввод в строй 7 ноября 1949 г. первой нефтяной скважины на Каспийском море (к 1953 г. их было уже несколько десятков). В угольной промышленности были сделаны серьезные шаги по завершению механизации подземной транспортировки угля, по переводу машин и механизмов на автоматическое и дистанционное управление. Большими успехами увенчались работы по автоматизации на электростанциях и электросетях. К 1950 г. были автоматизированы агрегаты на более чем 65% ГЭС. К 1953 г. работа 25% ГЭС переведена на телемеханическое управление.

В августе 1950 г. опубликованы правительственные решения о начале строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС на Волге. В сентябре объявлено о начале строительства Каховской ГЭС на Днепре, главного туркменского оросительного канала Аму-Дарья—Красноводск длиной 1100 км, Южно-Украинского и Северо-Крымского оросительных каналов. Вместе с планом создания полезащитных полос грандиозные гидросооружения в печати стали именовать «великими стройками коммунизма».

Важнейшее место в послевоенный период отводилось оборонной промышленности, и в первую очередь — решению атомной проблемы. Импульс этой работе был придан в августе 1945 г. образованием Специального комитета при ГКО по реализации советского аналога американского «уранового проекта». В комитет вошли государственные деятели Л. П. Берия (председатель), Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, физики И. В. Курчатов и П. Л. Капица, выдающиеся организаторы производства Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, В. А. Махнев, М. Г. Первухин. Для предварительного рассмотрения научных и технических вопросов, вносимых на обсуждение Спецкомитета, создавался Технический совет под председательством Б. Л. Ванникова. В него были включены академики А. И. Алиханов (ученый секретарь), А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, И. В. Курчатов, В. Г. Хлопин, член-корреспондент АН СССР И. К. Кикоин, профессор Ю. Б. Харитон и др.

Непосредственное руководство организациями и предприятиями, решавшими атомную проблему, осуществляло Первое главное управление при СНК, подчиненное Спецкомитету. Начальником ПГУ назначен Б. Л. Ванников. Н. А. Вознесенский обязывался организовать в Госплане управление по обеспечению заданий Спецкомитета. В постановлении ГКО подчеркивалось, что никакие организации, учреждения и лица не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность ПГУ. Постановление предусматривало организацию «закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах». В апреле 1946 г. в системе ПГУ было организовано КБ-11 («почтовый ящик» Арзамас-16) во главе с П. М. Зерновым и Ю. Б. Харитоном с четкой задачей — изготовить атомную бомбу.

Параллельно развертывалось ракетостроение. В апреле 1946 г. оно было выделено в самостоятельную отрасль оборонной промышленности, в следующем месяце создан Спецкомитет по реактивной технике (председатель Г. М. Маленков, затем Н. А. Булганин), а 18 октября 1947 г. на построенном в том же году полигоне Капустин Яр испытана советская ракета среднего радиуса действия — копия немецкой ракеты Фау-2, воспроизведенная под руководством С. П. Королева. В 1950 г. испытывалась баллистическая ракета с дальностью до 3000 км. 10 июля 1946 г. при Совете министров СССР создан специальный Комитет радиолокации (возглавляли Г. М. Маленков, затем М. З. Сабуров), также развернувший работы по упрочению оборонного щита страны. В сентябре 1952 г. Сталин подписал постановление о создании атомной подводной лодки.

Все это требовало огромных затрат. В годы Корейской войны только прямые военные расходы СССР поглощали четверть годового

бюджета страны. В 1980 г. один из участников решения оборонных задач президент АН СССР А. П. Александров заявил: «Теперь можно прямо и откровенно сказать, что значительная доля трудностей, пережитых советским народом в первые послевоенные годы, была связана с необходимостью мобилизовать огромные людские и материальные ресурсы с тем, чтобы сделать все возможное для успешного завершения в самые сжатые сроки научных исследований и технических проектов для производства ядерного оружия».

Решение атомной, ракетной и других оборонных проблем велось в десятках новых закрытых городов с уникальными предприятиями, лабораториями, конструкторскими бюро. Позже эти производственные центры стали известны как Арзамас-16, Снежинск, Маяк, Приозерск, Шиханы, Горный, Камборка, Капустин Яр, Сунгул, целые районы вокруг Красноярска, Томска, Москвы.

25 декабря 1946 г. И. В. Курчатов запустил опытный урано-графитовый реактор (работы велись с марта 1943 г.) и осуществил на нем цепную ядерную реакцию деления. 22 июня 1948 г. под Челябинском, в нынешнем г. Озерске, был запущен первый промышленный ядерный реактор и введен в эксплуатацию завод по производству плутония. Началось накапливание продукции для первого ядерного заряда. Успешное испытание советской атомной бомбы было проведено 29 августа 1949 г. на полигоне в 170 км западнее Семипалатинска. Это была бомба, созданная на основе американской схемы. Бомба собственной оригинальной конструкции (разрабатывалась с весны 1948 г.) испытана 24 сентября 1951 г. Она была почти в 2 раза легче копии американской и в 2 раза мощнее ее.

В то же время приоритетное развитие тяжелой индустрии, перераспределение средств в ее пользу привели к углублению разрыва в производстве продукции групп «А» и «Б». Это была своего рода мина замедленного действия. Планы по развитию легкой и пищевой промышленности не выполнялись. Тем не менее годы 1-й послевоенной пятилетки стали временем начала массового выпуска ряда сложных потребительских товаров — легковых автомобилей «Победа» и «Москвич», мотоциклов, радиоприемников, телевизоров, существенно преображавших облик городов и быт советских людей.

По новым генеральным планам развития обновлялись разрушенные войной Ленинград, Киев, Минск, Сталинград, Севастополь. В ноябре 1945 г. принято специальное решение о восстановлении 15 крупных и старейших русских городов (Новгород, Смоленск, Курск, Орел, Калинин, Великие Луки и др.). Восстанавливались пострадавшие исторические памятники и сооружения. В Москве с 1947 г. возводились помпезные «сталинские» дома, высотные здания, определившие на долгие годы новый облик столицы. К концу пятилетки введено в строй 100 млн кв. м жилья, однако до решения жилищного вопроса

было еще далеко, большинство населения городов жили в коммунальных квартирах.

Восстановление промышленности и транспорта, новое индустриальное и жилищное строительство привели к росту численности рабочего класса. За годы 4-й пятилетки ряды рабочих увеличились на 8 млн человек. Общая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве в 1950 г. достигла 40,4 млн человек. Из них в промышленности трудились 15,3 млн, на стройках — 2,6 млн, на транспорте — более 4 млн. Производственный героизм советских людей, выразившийся в многочисленных трудовых починах, способствовал успешному выполнению планов пятилетки. Широкую известность и поддержку в эти годы получили начинания токарей — ленинградца Г. С. Борткевича и москвича П. Б. Быкова (скоростное резание металла); слесаря московского часового завода А. Я. Якушина; ткачих из Купавны М. И. Рожневой и Л. Ф. Кононенко (сокращение производственных потерь); помощников мастеров предприятий московской легкой промышленности В. И. Волошина (повышение культуры производства) и А. С. Чутких (движение за звание бригад отличного качества). Возникшие вместе с этим заорганизованность и планирование починов мало способствовали расширению самих движений.

Свой вклад в развитие народного хозяйства СССР вносили заключенные (в 1945 г. численность лагерников составляла 1,5 млн человек, в 1950 г. — 2,6 млн, в 1953 г. — 2,5 млн); спецпереселенцы (к концу 40-х гг. — 2,3 млн), военнопленные (1,5 млн немцев и 0,5 млн японцев). Трудом заключенных строились военные объекты, рудники, шахты, Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, железная дорога Воркута—Салехард—Норильск. В Московской области прокладывались кольцевые бетонированные дороги в радиусе 50 и 100 км от центра столицы, создавалась система ПВО Москвы (разработана «Специальным бюро-1» под руководством П. Н. Куксенко). В Башкирии и Иркутске возводились крупнейшие нефтехимические комбинаты.

Существенной была роль репараций, полученных СССР от побежденной Германии на сумму 4,3 млрд долларов. В счет репараций из побежденных стран вывозилось промышленное оборудование, включая целые заводские комплексы. Этот источник позволил оснастить оборудованием значительную часть восстановленных и вновь построенных промышленных предприятий. Взимание репараций прекратилось с 1 января 1954 г.

Сельское хозяйство. Аграрный сектор экономики вышел из войны крайне ослабленным. В деревне почти на треть уменьшилось трудоспособное население. На протяжении нескольких лет сюда не

поставлялась новая техника; на оккупированных территориях была уничтожена почти четверть довоенного тракторного и комбайнового парка. Недостаток техники не мог быть восполнен живой тягловой силой — поголовье лошадей в колхозах сократилось за годы войны более чем наполовину.

В отличие от 20-х гг. решено было начать восстановление хозяйства не с деревни, а с тяжелой промышленности. На село продолжали смотреть как на источник сырья, рабочих рук и хлеба для промышленности. Это означало, что помощь города ему была минимальной. Положение осложнилось тем, что 1946 г. оказался неблагоприятным по погодным условиям: сильная засуха охватила Украину, Молдавию, правобережные районы Нижнего Поволжья, Северный Кавказ, центрально-черноземные области. На востоке урон урожаю нанесли затяжные дожди. Валовой сбор зерновых в 1946 г. был в 2,2 раза меньше, чем в 1940 г. Начавшийся голод привел к гибели 770,7 тыс. человек и вызвал массовый отток сельского населения в города. Летом 1946 г. 87,8 млн человек были переведены на централизованное государственное снабжение.

Обязательные поставки сельхозпродуктов государству большей частью колхозов выполнялись на пределе возможного, а для многих оказывались непосильными. Как и в 30-е гг., заготовительные цены оставались значительно ниже себестоимости, возмещая лишь небольшую часть затрат. В 1950 г. на зерновые это составляло 8 руб. за центнер при себестоимости 49. Заготовительные цены на молоко в Белоруссии возмещали колхозам четвертую часть его себестоимости, на свинину — двадцатую часть. Планы хлебозаготовок в 1944 г. выполнили 58% колхозов страны, в 1945 г. — 50%, в 1946 г. — 42%, в 1948 г. — 44%.

Вознаграждение за труд в колхозах носило символический характер. Это был, по сути, бесплатный труд. Колхозники были вынуждены жить в основном за счет личных подсобных хозяйств. В годы войны эти хозяйства заметно расширились за счет колхозных земель с разрешения правлений и председателей колхозов, а в ряде случаев путем самозахвата земель. Городские жители также разбивали огороды и садовые участки на общественных землях. По окончании войны государство усмотрело в этом тенденцию к реставрации доколхозных порядков.

19 сентября 1946 г. принято правительственное постановление «О мерах по ликвидации нарушений устава сельхозартели в колхозах». В нем отмечались факты «расхищения» земель колхозов и колхозной собственности, злоупотреблений со стороны партийно-советских органов. Постановление обязывало руководителей всех уровней положить конец «извращениям и нарушениям», а виновных «привлекать к судебной ответственности». Для контроля за соблюдением устава и

решения вопросов дальнейшего колхозного строительства был создан Совет по делам колхозов во главе с членом Политбюро А. А. Андреевым. Деятельность Совета и его представителей на местах способствовала наведению порядка, однако подъема хозяйств это обеспечить не могло. Отношение к индивидуальным крестьянским хозяйствам в последующем постоянно ужесточалось, налоги с приусадебных участков увеличивались.

Неурожайный 1946 г. заставил руководство страны обратить особое внимание на положение в деревне. В феврале 1947 г. вопрос о мерах подъема сельского хозяйства рассматривался на пленуме ЦК. В соответствии с его решениями был увеличен выпуск тракторов, сельскохозяйственных машин и удобрений, расширились работы по электрификации села. Это позволило к концу пятилетки создать свыше тысячи новых МТС, обновить материально-техническую базу производства. В 1950 г. в колхозах и совхозах тракторов и комбайнов стало на 40—50% больше, чем до войны. Принятый правительством план развития сельской электрификации на 1948—1950 гг. позволил снабдить к концу пятилетки электроэнергией 15% колхозов (в 1940-м — 4), 80% МТС и 76% совхозов. Однако в колхозах энергия использовалась пока главным образом на освещение.

В октябре 1948 г. было принято постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». В его основе лежало учение В. В. Докучаева, П. А. Костычева и В. Р. Вильямса о борьбе с засухой. План был рассчитан на 1950—1965 гг., в печати тех лет он именовался «Сталинским планом преобразования природы». Из-за дороговизны план выполнялся медленно. Тем не менее удалось внедрить государственные лесозащитные полосы длиной более 6 тыс. км; миллионы деревьев и кустарников выращивались в полезащитных полосах местного значения. Это благотворно сказывалось на урожайности.

В апреле 1949 г. принят «Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства». Из-за недостатка капиталовложений полностью выполнить его тоже не удалось. Однако к концу пятилетки производство мяса, молока и шерсти в стране в целом превысило довоенный уровень. Задел для последующего повышения продуктивности животноводства создавали достижения сельскохозяйственной науки послевоенных лет. Ученые-зоотехники разработали методы замораживания семени производителей (В. К. Милованов, И. И. Соколовская) и технику искусственного осеменения. В каракулеводстве стал использоваться метод искусственного повышения плодовитости животных (М. М. Завадовский).

Были разработаны нормы кормления (М. Ф. Томмэ), методы промышленного скрещивания сельскохозяйственных животных.

На рубеже 40—50-х гг. в соответствии с курсом на концентрацию колхозно-совхозного производства проведено укрупнение колхозов. С 1950 по 1953 г. их число уменьшилось с 255 до 94 тыс. К этому же времени можно говорить и о завершении коллективизации в СССР в его послевоенных границах. В 1945 г. вне колхозов оставались 3,6 млн крестьянских хозяйств. К началу 1949 г. было коллективизировано лишь 3,8% крестьянских хозяйств Литвы, 5,5% — Эстонии и 10,2% — Латвии. К концу 1950 г. колхозный строй был введен во всех республиках, хотя часть крестьян западных областей Белоруссии и Украины, Правобережной Молдавии и республик Прибалтики продолжала оставаться вне колхозов — от 2% (Украина) до 16,3% (Белоруссия). Понадобилось еще полтора-два года, чтобы коллективизация была практически завершена. Она проводилась по образцам 30-х гг., сопровождалась репрессиями и депортациями населения. Только из Прибалтики на спецпоселение выслано в 1945—1949 гг. 142,5 тыс. «кулаков, бандитов и националистов» с семьями, что, несомненно, оборачивалось усилением протестных националистических движений и далекоидущими последствиями.

Предпринимавшиеся государством меры и стремление крестьян к улучшению условий своей жизни оказались недостаточными для того, чтобы вывести деревню на уровень заданий пятилетнего плана. Урожаи, не говоря об ущербности природно-климатических условий, из-за нехватки сельскохозяйственной техники, удобрений и длящейся многие годы незаинтересованности колхозников в труде были низкими. «Зверские» (по фамилии министра финансов А. Г. Зверева) налоги по-прежнему душили крестьянское личное подсобное хозяйство. Это была недальновидная политика.

По официальным данным, в 1950 г. продукция земледелия всех категорий хозяйств составляла 97% от уровня 1940 г.; показатели животноводства оказались выше довоенных; валовая продукция сельского хозяйства в целом составила 99% довоенного уровня. Однако производство зерна и в 1951 г. составляло от уровня 1940 г. лишь 82%, картофеля — 77%, овощей — 69%. Даже в относительно благоприятном 1952 г. валовой сбор зерна не достиг довоенного уровня, а урожайность в 1949—1953 гг. составляла 7,7 ц с гектара (в 1913 г. — 8,2).

Оказались невыполненными и планы повышения уровня потребления продовольственных товаров жителями страны. В 1950 г. его удалось лишь приблизить к довоенному. На протяжении 1946—1951 гг. 42—65% совокупного дохода колхозникам приносило подсобное хозяйство, в то время как оплата по выработанным в колхозе трудодням составляла 15—20%. В некоторых районах доля личного

подсобного хозяйства на рубеже 40—50-х гг. превышала 90%. В мирные годы это выглядело преступным цинизмом по отношению к крестьянам.

Подавляющее большинство колхозов в послевоенные годы оставались слабыми и убыточными. Только отдельным из них во главе с такими опытными председателями, как Ф. И. Дубковецкий (колхоз «Здобуток Жовтня» Черкасской области), П. А. Малинина (колхоз «12-й Октябрь» Костромской области), К. П. Орловский («Рассвет» в Белоруссии), М. А. Посмитный (им. Буденного Одесской области), П. А. Прозоров («Октябрь» Кировской обл.) и другим, удавалось достичь высоких производственных результатов.

Одними из самых важных событий в социальной сфере стали отмена в декабре 1947 г. карточной системы, введенной в годы войны, и денежная реформа, носившая в значительной степени конфискационный характер. Вклады в сберегательных кассах за первые 3 тыс. руб. сохранялись (за 1 руб. старых денег вкладчик получал 1 руб. новых); суммы от 3 до 10 тыс. обменивались в соотношении 3:2; свыше 10 тыс. — 2:1. Находящиеся у населения наличные деньги обменивались в соотношении 10:1. Таким образом, все, кто хранил доходы дома, крупно проигрывали. Денежная реформа, по оценке министра А. Г. Зверева, «позволила ликвидировать последствия войны в области денежного обращения, излишние деньги изъяты из обращения. Ликвидированы крупные накопления, образовавшиеся у отдельных групп населения в результате высоких рыночных цен, а также спекуляции. Сокращен государственный долг и уменьшены связанные с ним расходы государственного бюджета».

Одновременно с денежной реформой было объявлено о снижении розничных цен на основные продукты питания и промышленные потребительские товары. В 1947—1950 гг. розничные цены на товары массового потребления снижались пять раз, и к концу пятилетки они были на 43% ниже уровня 1947 г. Жизненный уровень населения, хотя в целом оставался довольно низким, имел тенденцию к повышению. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих составляла 640 руб. в 1948 г., а в 1953 г. — более 800 руб.

Однако в сравнении покупательной способности одного часа затраченной работы советские трудящиеся все больше отставали от своих собратьев по классу в развитых капиталистических странах. Если взять один и тот же объем продуктов, который мог купить рабочий в СССР в 1928 г. и в 1951—1952 гг., за 100, то по другим странам, за те же годы, показатели будут такими: Австрия — 90 и 167; Франция — 112 и 200; Германия — 142 и 233; Великобритания — 200 и 361; США — 370 и 556. Иными словами, в 1951—1952 гг. покупательная способность одного часа работы американского рабочего была почти в 5,6 раза более высокой, чем рабочего в СССР.

Отмена карточной системы в послевоенном СССР сопровождалась дальнейшим обособлением партийно-советской верхушки от основной массы трудящихся в материальном отношении. С января 1948 г. согласно постановлению Совмина СССР в дополнение к основному окладу руководящим работникам стало выплачиваться так называемое временное денежное довольствие. К примеру, 1-й секретарь Кемеровского обкома ВКП(б) довольствовался тремя дополнительными месячными окладами, секретари обкома — 2,5; заместители секретарей и секретарь партколлегии — 1,5; заведующие отделами и их заместители — одним дополнительным окладом в месяц. Выплаты производились, как говорится в наши дни, «черным налом». В соответствии со специальной ведомостью кассир приносил в кабинет номенклатурного чина деньги в запечатанных конвертах, с них не взимались налоги, партийные и иные взносы. По форме это смахивало на банальный подкуп должностных лиц. Установившийся порядок содержания номенклатуры действовал до 1956 г.

В декабре 1955 г. временное денежное довольствие по стране выплачивалось 9136 работникам партийных органов на сумму 169 млн руб. в год. В дальнейшем выплаты в конвертах не осуществлялись. Вместе с тем значительно расширился круг ответственных работников (как в центре, так и на местах), получивших все более ощутимые льготы и привилегии без фиксации их общего денежного выражения: улучшенное жилье, медицинское обслуживание, лечебное питание, льготные санаторные путевки, пользование автомобилями, дачами, улучшенное пенсионное обеспечение. Предоставление руководящим кадрам все новых и новых льгот и привилегий приводило к снижению их социального престижа в сознании основной массы трудящихся.

Социально-экономическое положение в начале 50-х гг. Экономика в начале десятилетия развивалась на основе сложившихся в предшествующий период тенденций. Созванный 5 октября 1952 г. XIX съезд ВКП(б) проходил в обстановке, когда промышленная продукция СССР составила 223% от уровня довоенного 1940 г., а сельское хозяйство было лишь выведено на довоенный уровень. Теоретическим обоснованием принципов дальнейшей экономической политики стала работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», опубликованная незадолго до съезда. Утвержденными съездом партии директивами по пятому пятилетнему плану на 1951—1955 гг. намечалось повысить промышленное производство на 70%, примерно вдвое увеличить продукцию машиностроения, металлообработки и мощность электростанций, на 65% — производство предметов потребления. В области сельского хозяйства ставились задачи увеличить за пятилетие валовой урожай зерна на 40—50%, молока — на 45—50%, мяса и сала — на 80—90%.

Однако при выполнении плана новой пятилетки, как и прежде, первостепенное внимание уделялось тяжелой и особенно оборонной индустрии. Выпуск предметов народного потребления (хлопчатобумажные ткани, обувь и др.) значительно отставал от плановых заданий и нужд населения, со времен войны мечтавшего о лучшей жизни. Сельское хозяйство, как и раньше, не удовлетворяло потребностей легкой и пищевой промышленности в сырье. Обострявшаяся международная обстановка, согласно действующим стереотипам политики, также сдерживала принятие мер по улучшению условий жизни населения.

Сосредоточение усилий на развитии промышленности и нового строительства позволило уже в 1953 г. довести выпуск валовой продукции промышленности до объемов, в 2,5 раза превышавших уровень 1940 г. На площадках гигантских новостроек (Куйбышевская, Сталинградская, Каховская ГЭС; Волго-Донской судоходный канал; Цимлянский гидроузел) появилась самая мощная по тем временам техника. 27 июля 1952 г. Волго-Дон был открыт для движения судов. 20 июля 1953 г. официально сообщено об испытании в СССР водородной бомбы, что означало решение самой масштабной и одной из самых дорогостоящих научно-технических программ в послевоенной истории страны. Ведущую роль в создании бомбы сыграли академики И. Е. Тамм, А. Д. Сахаров, В. Л. Гинзбург, Я. Б. Зельдович. Она имела такие же габариты и вес, как и сброшенная на Хиросиму, но превосходила ее по мощности в 20 раз.

Поступательное в целом развитие страны в послевоенные годы демонстрируют обобщающие экономические показатели. По официальным данным, в 1941—1950 гг., несмотря на тяжелейшую войну, производство национального дохода в СССР (вновь созданная стоимость во всех отраслях сферы материального производства) в среднегодовом исчислении вырастало на 4,7%, а на протяжении следующего десятилетия — по 10,3% в год (в то время как в 1922—1940 гг. — на 15,3%). Альтернативные данные показывают, что в 1922—1940 гг. национальный доход ежегодно возрастал на 8,5%, а в 1941—1950 гг. составлял отрицательную величину, минус 0,6% в год; на протяжении же следующего десятилетия он возрастал на 9,3% в год.

Валовой внутренний продукт страны в 1952 г. достиг величины в 406 млрд руб. (в сопоставимых для всего XX в. ценах), был в 1,9 раза больше, чем в предвоенном 1940 г. и превышал уровень 1945 г. в 1,5 раза. Национальное богатство России (совокупность материальных благ, которыми располагает общество, в основном созданные трудом людей за весь предшествующий период его развития) в 20-е гг. прирастало в среднем на 3,4% в год, в 1931—1940 гг. — по 6% в год, а в 1941—1950 гг. сократилось на 4,6% по сравнению

с предшествующим десятилетием. В целом за 1941—1950 гг. среднегодовой темп прироста национального богатства имел отрицательную величину и составлял минус 0,5% в год. В 50-е гг. национальное богатство страны увеличивалось в среднем на 10% ежегодно.

Население СССР увеличилось со 170 550 тыс. человек на начало 1946 г. до 178 547 тыс. к началу 1950 г. С начала 50-х гг. оно ежегодно увеличивалось более чем на 3 млн.

§ 3. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ И ДИСКУССИИ

Послевоенные достижения и проблемы науки, образования и культуры. Сталинское правительство в полной мере сознавало решающую роль образования, науки, культуры в осуществлении стоящих перед страной задач и дальнейших преобразованиях самого общества. Несмотря на крайнее напряжение госбюджета, были изысканы средства на их развитие. Сразу же после войны была восстановлена отстроенная в 30-е гг. система всеобщего начального образования, с 1952 г. обязательным становится семилетнее, открываются вечерние школы для работающей молодежи. Уже к 1948 г. превзойдена довоенная численность студентов. В 1953 г. в стране насчитывалось свыше 4,5 млн человек с высшим и средним специальным образованием. Возможности культурной и политической просвещенности населения резко расширялись с развитием вещания радио и телевидения (в 1945 г. в стране было несколько сот телевизоров, а в 1953 г. — несколько десятков тысяч).

В годы 4-й пятилетки почти на треть увеличилось число научно-исследовательских институтов (в 1946 г. их было 2061), созданы академии наук в Казахстане, Латвии и Эстонии, образована Академия художеств СССР. История этого периода отмечена выдающимися достижениями ученых и конструкторов, появлением литературных произведений, ярко отразивших минувшую войну (А. Фадеев, Б. Полевой, В. Некрасов) и другие этапы исторического прошлого советских народов (Л. Леонов, Ф. Гладков, К. Федин, М. Ауэзов); новыми достижениями композиторов (С. Прокофьев, Д. Шостакович, Н. Мясковский), живописцев (А. Герасимов, П. Корин, М. Сарьян), кинорежиссеров (И. Пырьев, В. Пудовкин, С. Герасимов) и др.

Годы войны породили у интеллигенции большие надежды на либерализацию послевоенной общественной жизни, ослабление жесткого партийно-государственного контроля в области литературы и искусства, расширение свободы творчества. Личные впечатления миллионов советских людей, побывавших в Европе, ослабляли пропагандистские стереотипы об ужасах капитализма. Союзнические отношения со стра-

нами Запада в военные годы позволяли надеяться на расширение культурных связей и контактов после войны.

А. Толстой, к примеру, послевоенное время представлял так: «Десять лет мы будем восстанавливать города и хозяйство. После мира будет НЭП, ничем не похожий на прежний НЭП. Сущность этого НЭПа будет в сохранении основы колхозного строя, в сохранении за государством всех средств производства и крупной торговли. Но будет открыта возможность личной инициативы, которая не станет в противоречие с основами нашего законодательства и строя, но будет дополнять и обогащать их. Будет длительная борьба между старыми формами бюрократического аппарата и новым государственным чиновником... Победят последние. Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен. Расцветут ремесла и всевозможные артели, борющиеся за сбыт своей продукции. Резко повысится качество. Наш рубль станет мировой валютой. Может случиться, что будет введена во всем мире единая валюта».

Начавшаяся «холодная война» перечеркнула подобные прогнозы и надежды. Противоборство с капиталистическим миром заставило вспомнить об уже наработанных в 30-е гг. приемах и методах утверждения «классового подхода» в идеологическом воспитании масс. С первыми признаками похолодания в отношениях с Западом руководство СССР принялось «завинчивать гайки» в отношении интеллигенции, ослабевшие в военные годы. Основной целью советской идеологии в новых условиях являлась, как и прежде, апологетика советского строя, идеалов советского общества и беспощадное осуждение всего, что этому не соответствовало. Эту цель, в частности, преследовали постановления ЦК ВКП(б) по вопросам культуры, принятые в 1946—1948 гг.

Постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 г.) подвергло беспощадной критике творчество известных советских писателей. М. Зощенко был заклеймен как «пошляк и подонок литературы», А. Ахматова названа «типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии». С разъяснением постановления выступал в Ленинграде 29 сентября главный идеолог партии А. А. Жданов. В нем обличался один из главных, по мнению власти, пороков, искоренению которого была подчинена идейно-воспитательная работа периода «холодной войны», — «дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада». В Киеве в тот же день с одинаковым со ждановским по сути и разносным по форме докладом выступил Н. С. Хрущев.

Постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 г.) требовало запретить постановки

театрами пьес буржуазных авторов. В них усматривалась пропаганда реакционной буржуазной идеологии и морали. Постановления «О кинофильме «Большая жизнь» (4 сентября 1946 г.), «Об опере «Великая дружба» (10 февраля 1948 г.) давали уничижительные оценки творчеству режиссеров Л. Лукова, С. Юткевича, А. Довженко, С. Герасимова; композиторов В. Мурадели, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, В. Шебалина. Им вменялись в вину безыдейность творчества, искажение советской действительности, заискивание перед Западом, отсутствие патриотизма. С. Эйзенштейна обвиняли в том, что он «обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клус-Клана»; создателей «Великой дружбы» — за то, что они представили грузин и осетин врагами русских в 1918—1920 гг., в то время как «помехой для установления дружбы народов в тот период на Северном Кавказе являлись ингуши и чеченцы».

В 1947 г. для повсеместной кампании по искоренению низкопоклонства было использовано «дело» члена-корреспондента Академии медицинских наук Н. Г. Клюевой и профессора Г. И. Роскина, предложивших опубликовать в США книгу «Биотерапия злокачественных опухолей» (выпущена в Москве в 1946 г.; в США к изданию не принята). Кампания долго и тщательно готовилась. В феврале этот факт стал предметом обсуждения с участием Сталина и Жданова. В мае Сталин апробировал основные идеи закрытого письма по этому поводу в партийные организации в беседе с писателями А. Фадеевым, Б. Горбатовым, К. Симоновым. Он сетовал, что у наших интеллигентов среднего уровня «недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой... Эта традиция отсталая, она идет от Петра».

В июне 1947 г. в Министерстве здравоохранения СССР был проведен «суд чести» над Клюевой и Роскиным, со всеми атрибутами — членами суда, выступлением главного обвинителя, показаниями свидетелей, попытками обвиняемых оправдаться. И вынесен приговор: общественный выговор. Тогда же начаты съемки фильма «Суд чести» (выпущен в январе 1949 г.). О серьезности подхода к кампании свидетельствовали наказания главным виновникам. Академик В. В. Парин, возивший рукопись в США и предлагавший ее издание, был осужден на 25 лет за «шпионаж». Министр здравоохранения Г. А. Митерев смещен со своего поста.

17 июня 1947 г. парторганизациям страны направлено закрытое письмо ЦК «О деле профессоров Клюевой и Роскина». Их антипатриотический и антигосударственный поступок был усмотрен в том, что, якобы движимые тщеславием, честолюбием и преклонением пе-

ред Западом, они поторопились оповестить о своем открытии весь мир, передав в американское посольство при помощи Парина рукопись своего труда. ЦК констатировал, что «дело» свидетельствует о серьезном неблагополучии в морально-политическом состоянии интеллигенции. Корни подобных настроений виделись в пережитках «проклятого прошлого» (русские-де всегда должны играть роль учеников у западноевропейских учителей), во влиянии капиталистического окружения на наименее устойчивую часть нашей интеллигенции. В противовес ей рабочие, крестьяне и солдаты изображались как умеющие постоять за интересы государства. Письмо заканчивалось предложением создавать «суды чести» по всем аналогичным проступкам. Суды были созданы по всей стране в научных, учебных заведениях, в государственных учреждениях, министерствах, творческих союзах. В июле 1948 г. срок действия судов был продлен на год, но после этого власти потеряли к ним интерес. Всего за 2 года состоялось около 50 процессов.

Следствием политики изоляции, направленной на устранение потенциально возможного воздействия со стороны капиталистического мира на советских граждан, стал выпущенный 15 февраля 1947 г. указ «О воспрещении регистрации браков граждан СССР с иностранцами» (отменен в сентябре 1953 г.).

Дискуссии по истории буржуазной философии и экономике. В 1947 г. были проведены две дискуссии (в январе и июне) по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» (1946). Книга подвергалась критике за объективизм, терпимость к идеализму и декадентству, за отсутствие полемического задора в критике философских противников. Осуждение «беззубого вегетарианства» настраивало ученых на более решительные наступления на философском фронте и беспощадную борьбу с буржуазным объективизмом. От руководства Управлением агитации и пропаганды ЦК автор был освобожден.

В мае 1947 г. состоялась дискуссия по книге Е. С. Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны» (1946). Особой критике в книге академика подверглись главы «Возросшая роль государства в экономике капиталистических стран» и «Регулирование хозяйства и бесплановость в капиталистических странах во время войны». Как научная и политическая ошибка расценивался вывод о возможности функционирования «организованного капитализма». Если в прошлом эффективность регулирования не признавалась для мирного времени, то теперь она трактовалась как невозможная в годы войны. Критиковались места в книге, посвященные прогрессу производительных сил капитализма: в этом усматривался

достойный осуждения «технико-экономический уклон». Тональность критики быстро повышалась — от обвинений в «недопонимании» до ярлыка «агента». Результатом «дискуссии» стало состоявшееся осенью 1947 г. решение о закрытии возглавляемого Е. С. Варгой с 1927 г. Института мирового хозяйства и мировой политики.

Дискуссия по вопросам агробиологии, кибернетики, физики. Философская и экономическая дискуссии 1947 г. стали предвестниками ужесточения идеологического контроля и в других областях науки, а также тщетности надежд на расширение научных контактов с зарубежными коллегами, свободы дискуссий и мнений, общей послевоенной либерализации. Навязывание косных идеологических догм отрицательным образом сказывалось на развитии не только гуманитарных наук, но и естествознания. Монопольное положение в агробиологии, занятое группой академика Т. Д. Лысенко, привело к отстранению от работы многих его оппонентов — генетиков, физиологов, морфологов, почвоведов, медиков.

В конце 40-х гг. с порога отвергалась кибернетика — наука об общих законах получения, хранения, передачи и переработки информации, становление которой связано с книгой американского ученого Н. Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948). «Реакционная лженаука», как сказано о кибернетике в «Кратком философском словаре» (1954). Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» был создан в СССР лишь в 1959 г.

В конце 1948 г. началась подготовка (создан Оргкомитет) Всесоюзного совещания заведующих кафедрами физики — для исправления упущений в науке в соответствии с духом времени: физика-де преподавалась в отрыве от диамата, учебники излишне пестрят именами иностранных ученых. После успеха Лысенко в разгроме «вейсманизма-морганизма-менделизма» на августовской (1948) сессии ВАСХНИЛ выдвигались идеи разгромить в физике «эйнштейнианство». Издан был сборник статей «Против идеализма в современной физике», в котором атаковались советские последователи А. Эйнштейна. Среди них значились Л. Д. Ландау, И. Е. Тамм, Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, В. Л. Гинзбург, А. Ф. Иоффе и др.

Пагубность назначенного на 21 марта 1949 г. совещания физиков скорее всего была осознана в комитете, ведущем работы по атомной проблеме. И атомщики не остались в стороне от защиты науки. Когда Берия поинтересовался у Курчатова, правда ли, что теория относительности и квантовая механика — это идеализм и от них надо отказаться, он услышал в ответ: «Если от них отказаться, придется отказаться и от бомбы». Берия сразу же отреагировал: самое главное — бомба, а все остальное — ерунда. Совещание было отменено. Таким образом, «бомба спасла физиков». По позднейшим оценкам, если бы

совещание состоялось, то наша физика была бы отброшена на 50 лет назад. Тем не менее борьба с «физическим идеализмом» на этом не закончилась, она продолжалась до середины 50-х гг.

Дискуссии о патриотизме и космополитизме. Основой долговременной пропагандистской кампании по воспитанию народов СССР в духе советского патриотизма стало выступление И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г. В тосте «за здоровье русского народа», в сущности, признавалось, что победа достигнута не только за счет преимуществ социалистического строя, но прежде всего за счет патриотизма русского народа. В этом выступлении Сталин провозгласил, что этот народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», что он заслужил в войне «общее признание как руководящей силы» Союза. Отмечены были не только его «ясный ум», но и такие качества, как стойкий характер и терпение, доверие правительству в моменты отчаянного положения, готовность идти на жертвы.

Политика и патриотическое воспитание народов СССР с опорой на эти качества таили определенную опасность окрашивания их в цвета русского национализма и великодержавия. Некоторые усматривали проявление национализма уже в самом сталинском тосте, выделявшем в многонациональном советском народе только одну «выдающуюся» нацию. Это не могло не вызывать обеспокоенности за будущность национального развития у представителей других народов страны.

Руководители пропагандистского аппарата старались не допустить кривотолков в понимании тоста. Передовые статьи «Правды» и других изданий разъясняли, что патриотизм советского, русского народа ничего общего не имеет с выделением своей нации как «избранной», «высшей», с презрением к другим нациям. Утверждалось, что русскому народу, «старшему и могучему брату в семье советских народов», довелось взять на себя главную тяжесть борьбы с гитлеровцами и он с честью исполнил эту великую историческую роль. Без помощи русских «ни один из народов, входящих в состав Советского Союза, не смог бы отстоять свою свободу и независимость, а народы Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, временно порабощенные немецкими империалистами, не могли бы освободиться от немецко-фашистской кабалы».

Вслед за интерпретациями давались установки: «Партийные организации обязаны широко пропагандировать замечательные традиции великого русского народа как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав СССР. Партийные организации должны разъяснять, что сталинская оценка русского народа... является клас-

сическим обобщением того исторического пути, который прошел великий русский народ». Требовалось также разъяснять, что «история народов России есть история преодоления... вражды и постепенного их сплочения вокруг русского народа», а освободительная миссия русского народа, его руководящая роль заключаются только в том, чтобы «помочь всем другим народам нашей страны подняться в полный рост и стать рядом со своим старшим братом».

Победа в войне позволяла по-новому оценить значение русской культуры для культуры других народов СССР и мировой. Вызвано это было не только тем, что советские ученые и деятели культуры внесли большой вклад в уничтожение угрозы истребления гитлеровцами многовековых завоеваний человеческой культуры. Другим фактором, способствовавшим переоценке русской культуры, было стремление противопоставить ее достижения культуре Запада, представление о высоком уровне которой в ее повседневных проявлениях могли составить многие миллионы побывавших за годы войны в Европе советских людей.

Молотов, вероятно, хотел более, чем кто-либо, быть уверенным в правоте своих слов, когда 6 ноября 1947 г. говорил: «Наемные буржуазные писаки за рубежом предсказывали во время войны, что советские люди, познакомившись в своих боевых походах с порядками и культурой на Западе и побывав во многих городах и столицах Европы, вернутся домой с желанием установить такие же порядки на Родине. А что вышло? Демобилизованные... взялись с еще большим жаром укреплять колхозы, развивать социалистическое соревнование на фабриках и заводах, встав в передовых рядах советских патриотов».

Власти стремились питать исторический оптимизм советского человека не только героизмом свершений советского периода истории, но и всей многовековой культурой страны. Уже в военные годы начались прославления ее деятелей, с именами которых связывались «великие вклады в мировую науку, выдающиеся научные открытия, составляющие важнейшие вехи развития современной культуры и цивилизации». С новой силой они были продолжены после ее окончания.

2 января 1946 г. П. Л. Капица направил Сталину письмо, в котором сетовал, что мы «мало представляем себе, какой большой кладезь творческого таланта всегда был в нашей инженерной мысли. В особенности сильны были наши строители». Рекомендуя к изданию книгу Л. И. Гумилевского «Русские инженеры» (издавалась в 1947 и 1953 гг.), он утверждал: «Большое число крупнейших инженерных начинаний зарождалось у нас», «мы сами почти никогда не умели их развивать (кроме как в области строительства)», причина в том, что «обычно мы недооценивали свое и переоценивали иностранное». Переоценку заграничных сил, излишнюю скромность инженеров ученый называл недостатком еще большим, чем излишняя самоуверенность.

В ходе антизападнической кампании пропагандировалась концепция исторического приоритета нашей страны во всех важнейших областях науки, техники, культуры. К. Е. Ворошилов (председатель Бюро по культуре при Совмине СССР в 1947—1953 гг.), добиваясь издания двухтомника «Люди русской науки» (1948), писал, что многие открытия и изобретения, носящие имена иностранцев, принадлежат нашим ученым: «Закон сохранения вещества открыт Ломоносовым, а не Лавуазье, так называемая «вольтова дуга» открыта Петровым, а не Дэви, что первая паровая машина изобретена Ползуновым, а не Уаттом, изобретение радиотелеграфа принадлежит Попову, а не Маркони, открытие неэвклидовой геометрии — Лобачевскому, а не Гауссу» и т. д. Перегибы в кампании по выдвижению претензий на первенство, стремление объявить детищем русских талантов почти любое изобретение, от велосипеда до самолета, давали поводы для анекдотов о «России — родине слонов».

Однако и послевоенные проявления «националистического НЭПа» власти стремились держать в определенных рамках. В редакционной статье журнала «Вопросы истории» (1948, № 2) вновь прозвучали жесткие требования: не допускать ошибочного понимания, игнорирования классового содержания советского патриотизма; сползания на позиции квасного патриотизма. Не менее опасными и вредными представлялись и ошибки, идущие по линии «очернения прошлого», преуменьшения роли русского народа в истории. Подчеркивалось, что «всякая недооценка роли и значения русского народа в мировой истории непосредственно смыкается с преклонением перед иностранщиной. Нигилизм в оценке величайших достижений русской культуры, других народов СССР есть обратная сторона низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада». Таким образом, известный баланс в отношении уклонов в национальном вопросе восстанавливался.

В этой связи несправедливой критике подверглись работы академика Е. В. Тарле — за «ошибочное положение об оборонительном и справедливом характере Крымской войны», за оправдание войн Екатерины II «тем соображением, что Россия стремилась якобы к своим естественным границам», за пересмотр характера похода в Европу в 1813 г., представленного «таким же, как освободительный поход в Европу Советской армии». Осуждались «требования пересмотреть вопрос о жандармской роли России в Европе в первой половине XIX в. и о царской России как тюрьме народов», попытки поднять на щит генералов М. Д. Скобелева, М. И. Драгомирова, А. А. Брусилова как героев русского народа. Как недопустимый объективизм в науке осуждены предложения о замене «классового анализа исторических фактов оценкой их с точки зрения прогресса вообще, с точки зрения национально-государственных интересов».

Ярким примером критики будто бы ошибочного понимания советского патриотизма, игнорирования его классового содержания была критика произведений А. Твардовского тогдашним литературным начальством. В декабре 1947 г. была опубликована статья главного редактора «Литературной газеты» В. Ермилова о книге Твардовского «Родина и чужбина». Раздумья знаменитого поэта и писателя о войне, природе патриотизма, о свойствах и качествах народа, проявленных в годы бедствий, были охарактеризованы как «фальшивая проза», «попытка поэтизировать то, что чуждо жизни народа».

Критики писали о «русской национальной ограниченности» поэта, которая «нисколько не лучше, чем азербайджанская, якутская, бурят-монгольская». В «Василии Теркине» обнаруживалось любование литературного героя своим маленьким мирком, отсутствие признаков интернационализма. Утверждалось, что творчество Твардовского, «будучи само по себе очень талантливо, в поэтическом отношении консервативно, а в идейном реакционно». Это аргументировалось тем, что Теркин «на протяжении 5000 строк не заметил ни революции, ни партии, ни колхозного строя, а битву с германским фашизмом рассматривает как войну с немцем». История с огульной критикой А. Твардовского обнаружила явное стремление влиятельных литераторов признавать советский патриотизм не иначе как в отождествлении с «подлинным интернационализмом» (социалистическим космополитизмом).

В то же время явные признаки космополитизма были обнаружены в мае 1947 г. в книге профессора-литературоведа И. М. Нусинова «Пушкин и мировая литература» (1941). В рецензии, написанной поэтом Н. Тихоновым, отмечалось, что Пушкин и вместе с ним вся русская литература представлялись в этой книге «всего лишь придатком западной литературы», лишенным «самостоятельного значения». По Нусинову выходило, что все у Пушкина «заимствовано, все повторено, все является вариацией сюжетов западной литературы», что «русский народ ничем не обогащал мировую культуру». Такая позиция современного «беспачпортного бродяги в человечестве» объявлялась следствием «преклонения» перед Западом и забвения заповеди: только наша литература «имеет право на то, чтобы учить других новой общечеловеческой морали». Вскоре (в июне) эта тема была вынесена на пленум правления Союза писателей СССР, где критика «очень вредной» книги была развита А. Фадеевым. С этого выступления дискуссия стала перерастать в кампанию по обличению низкопоклонства, отождествленного с космополитизмом.

Первое за послевоенный период теоретическое осмысление феномена космополитизма в сравнении с патриотизмом и национализмом предложено известным партийным теоретиком О. В. Куусиненом в статье «О патриотизме», открывавшей в 1945 г. первый номер жур-

нала «Новое время». Автор признавал, что в прошлом патриотизм сторонников коммунизма и социализма долгое время оспаривался, а обвинения коммунистов и всех левых рабочих в отсутствии у них патриотизма было свойственно врагам рабочего движения. В действительности же возрожденный в годы войны патриотизм означал «самоотверженную борьбу за свободное, счастливое будущее своего народа». Национализм в социалистической стране исключался по определению: «Даже умеренный буржуазный национализм означает противопоставление интересов собственной нации (или ее верхушечных слоев) интересам других наций». Ничего общего с национализмом не мог иметь и истинный патриотизм. «В истории не было ни одного патриотического движения, которое имело бы целью покушение на равноправие и свободу какой-либо чужой нации». Космополитизм — безразличное и пренебрежительное отношение к отечеству — тоже органически противопоказан коммунистическому движению каждой страны.

Для народов Советского Союза космополитизм стал восприниматься растущей опасностью по мере расширения в США возникшего в конце Второй мировой войны движения за создание «всемирного правительства». В сентябре 1945 г. к движению примкнул А. Эйнштейн, заявивший, что единственный способ спасения цивилизации и человечества — создание мирового правительства, обеспечивающего безопасность нации, основанную на законе, решения такого правительства должны иметь обязательную силу для государств — членов сообщества наций. ООН такими полномочиями не обладал. К теме мирового правительства ученый неоднократно возвращался и позже. По представлениям американских приверженцев этой идеи, образцом мирового правительства являлись США, и дело оставалось лишь за тем, чтобы все независимые народы и страны были сведены к положению штатов Техас или Юта.

В 1947 г. крупнейшие советские ученые (С. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов и А. А. Фрумкин) в открытом письме высказали свое несогласие с Эйнштейном. В ответном письме тот расценил несогласие как тенденцию к «бегству в изоляционизм», особенно опасный для Советского Союза, «где правительство имеет власть не только над вооруженными силами, но и над всеми каналами образования, информации, а также над экономическим существованием каждого гражданина». Иначе говоря, утверждалось, что только разумное мировое правительство может стать преградой для неразумных действий советского правительства. Для советских властей это выглядело абсурдом.

Летом 1947 г. И. В. Сталин пометил на странице проекта новой Программы партии: «Теория «космополитизма» и образования Соед[иненных] Штатов Европы с одним пр[авительст]вом. «Мировое

правительство». Эта запись, неразрывно связывавшая теории космополитизма и всемирного правительства, объясняет, по существу, главную причину открытия в СССР кампании по борьбе с космополитами. Кампания была направлена не только против претензий США на мировое господство под новыми лозунгами, но и против разрабатываемых там проектов, нацеленных на разрушение советского патриотизма и замену его «общечеловеческими ценностями», вполне совместимыми с традиционным патриотизмом американцев и отношением к Америке «космополитов» в других странах. Известное положение речи американского президента Г. Трумэна перед канзасскими избирателями о том, что «народам будет так же легко жить в добром согласии во всемирной республике, как канзасцам в Соединенных Штатах», имело в СССР недвусмысленную реакцию. В статье «За советскую патриотическую науку права» (1949) известный правовед Е. А. Коровин писал: «Первая и основная ее задача — отстаивать всеми доступными ей средствами национальную независимость, национальную государственность, национальную культуру и право, давая сокрушительный отпор любой попытке посягательства на них или хотя бы на их умаление».

Кампанию по борьбе с космополитизмом направляло Управление (отдел) пропаганды и агитации ЦК. Его возглавлял М. А. Суслов (с сентября 1947 по июль 1948 г. и снова с июля 1949 г.) и Д. Т. Шепилов (в 1947—1948 гг. 1-й заместитель начальника, в июле 1948 — июле 1949 г. заведующий). Установки на проведение кампании были даны в статье Шепилова «Советский патриотизм» (Правда, 1947, 13 августа). Из ее содержания видно, что советские лидеры готовы были подозревать в антипатриотизме всякого, кто не соглашался с тем, что теперь не мы догоняем Запад в историческом развитии, а «странам буржуазных демократий, по своему политическому строю отставшим от СССР на целую историческую эпоху, придется догонять первую страну подлинного народовластия». Соответственно, утверждалось, что советский строй «во сто крат выше и лучше любого буржуазного строя»; «теперь не может идти речь ни о какой цивилизации без русского языка, без науки и культуры народов Советской страны»; «капиталистический мир уже давно миновал свой зенит и судорожно катится вниз, в то время как страна социализма, полная мощи и творческих сил, круто идет по восходящей». Наличие низкопоклонства перед Западом в СССР признавалось, но изображалось свойством отдельных «интеллигентиков», которые все еще не освободились от пережитков «проклятого прошлого царской России» и с лакейским подобострастием взирают на все заграничное только потому, что оно заграничное.

Наиболее громким рупором в этой кампании был секретарь ЦК А. А. Жданов. Выступая в феврале 1948 г. на совещании в ЦК дея-

телей советской музыки, он выдвинул универсальное обоснование резкого поворота от интернационализма как некоего социалистического космополитизма к интернационализму как высшему проявлению социалистического патриотизма. Применительно к ситуации в искусстве он говорил: «Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродным космополитом».

Начавшаяся в 1947 г. кампания по укреплению советского патриотизма, преодолению низкопоклонства перед Западом к концу 1948 г. стала приобретать заметно выраженный антисемитский оттенок. Если поначалу космополитами зачастую представлялись анонимные приверженцы определенных направлений в науке, то со временем среди них стали все чаще фигурировать представители еврейской интеллигенции. Происходило это, скорее, по объективной причине. Евреи, как исторически сложившаяся диаспора Европы, издревле занимали прочные позиции в области интеллектуального труда. После Октябрьской революции они были представлены в советской интеллигенции во много раз большим удельным весом, чем в населении страны, и активно участвовали в политической и идеологической борьбе по разные стороны баррикад.

Кампания по борьбе с космополитами приобрела разнузданную форму вскоре после арестов активистов Еврейского антифашистского комитета. Поводом для ее развязывания стал доклад Г. М. Попова, 1-го секретаря МК и МГК ВКП(б). В первой половине января 1949 г., будучи на приеме у Сталина, он обратил его внимание на то, что на пленуме Союза писателей при попустительстве Агитпропа ЦК «космополиты» сделали попытку сместить А. Фадеева, он же из-за своей скромности не смеет обратиться к товарищу Сталину за помощью. (На протяжении 1948 г. Агитпроп не придавал значения рекомендациям Фадеева заняться Всероссийским театральным обществом — «гнездом формалистов, чуждых советскому искусству».) Когда Д. Т. Шепилов, в свою очередь принятый Сталиным, начал говорить о жалобах театральных критиков на гонения со стороны руководства Союза советских писателей и в доказательство положил на стол соответствующее письмо, Сталин, не взглянув на него, раздраженно произнес: «Типичная антипатриотическая атака на члена ЦК товарища Фадеева». После этого «оказавшемуся не на высоте» Агитпропу не оставалось ничего иного, как немедленно включиться в отражение «атаки».

24 января 1949 г. решением Оргбюро ЦК главному редактору «Правды» П. Н. Поспелову было поручено подготовить по этому вопросу редакционную статью. После указаний Маленкова она получила название «Об одной антипатриотической группе театральных

критиков» и опубликована 28 января 1949 г. Вслед был выдан залп газетных статей с заголовками: «Эстетствующие клеветники»; «Против космополитизма и формализма в поэзии»; «Космополиты в кинокритике и их покровители»; «Безродные космополиты в ГИТИСе»; «Против космополитизма в музыкальной критике»; «Против космополитизма в философии»; «Изгнать буржуазных космополитов из советской архитектурной науки»; «Против буржуазного космополитизма в литературоведении» и т. п.

Научные журналы помещали отчеты о собраниях, призванных искоренять космополитизм, в менее эмоционально окрашенных статьях с заголовками типа «О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии», «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте». Космополиты обнаруживались повсюду, но главным образом в литературно-художественных кругах, редакциях газет и радио, в научно-исследовательских институтах и вузах. В процессе кампании 8 февраля 1949 г. принято решение Политбюро о роспуске объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске, о закрытии альманахов на идиш. Дело не ограничивалось критикой и перемещениями «космополитов» с престижной на менее значимую работу. Их преследование нередко заканчивалось арестами. До 1953 г. арестовано 217 писателей, 108 актеров, 87 художников, 19 музыкантов.

С 23 марта 1949 г. кампания пошла на убыль. Еще в ее разгар Сталин дал указание Поспелову: «Не надо делать из космополитов явление. Не следует сильно расширять круг. Нужно воевать не с людьми, а с идеями». Видимо, было решено, что основные цели кампании достигнуты.

В большом разбросе мнений о причинах и целях кампании выделим утверждение о том, что главное в кампании не антисемитизм и не русофобия, а стремление режима взять под контроль некоторые национальные импульсы, допущенные им во время войны в пропагандистских целях и представлявшие определенную угрозу для последующей консолидации советского общества.

Дискуссия о языкознании. В 1950 г. Сталин принял личное участие в дискуссии по проблемам языкознания. К этому времени учение Н. Я. Марра, провозглашенное в конце 20-х гг. «единственно правильным», обнаруживало свою несостоятельность. Вопреки обычным лингвистическим представлениям о постепенном распаде единого праязыка на отдельные, но генетически родственные, в нем утверждалось прямо противоположное, а именно, что языки возникали независимо друг от друга и по мере своего развития претерпевали процессы скрещивания.

Теории Марра были созвучны представлениям 20-х гг. о близкой мировой революции и надеждах многих еще успеть поговорить с пролетариями всех континентов на мировом языке. В Советском Союзе Марр видел не только возможность создания новых национальных языков, но и то, как в результате их взаимопроникновения развивается процесс «снятия множества национальных языков единством языка и мышления».

К началу 50-х гг. явно утрачивали актуальность предложения о форсировании работы по созданию искусственного мирового языка. Время выявило особую роль русского языка в процессе перехода к будущему мировому языку в пределах СССР. Об этом, в частности, говорилось в написанной ранее, но только что опубликованной статье Сталина «Ленинизм и национальный вопрос». После ее появления последовательная смена мировых языков изображалась в «Правде» следующим образом: латынь была языком античного мира и раннего Средневековья, французский был языком господствующего класса феодальной эпохи, английский стал мировым языком эпохи капитализма; заглядывая в будущее, мы видим русский «как мировой язык социализма»; его распространение обогащает национальные литературы, «не посягая на их самостоятельность».

К 1950 г. выявилось также, что марризм оскорбляет национальные чувства китайцев и грузин. Известен целый ряд случаев, когда китайские студенты и стажеры, обучавшиеся в СССР, отказывались изучать языковедение по Марру. Согласно его учению, выделялись четыре стадии развития языков. На низшей пребывал китайский и ряд африканских языков; на второй находились угро-финские, турецкие и монгольские языки; на третьей — яфетические (кавказские) и хамитские; на высшей — семитские и индоевропейские (арабский, еврейский, индийский, греческий, латинский). Получалось, что китайский язык связан лишь с начальным этапом развития языков, а грузинский по развитию стоял ниже еврейского.

Немаловажным было и то, что марризм вошел в противоречие с национально-политическими устремлениями влиятельной части грузинской элиты, обнаружившей, что он содействует суверенным настроениям в Абхазии. Марр не относил абхазский язык к иберийской группе языков. В противовес этому развивалась концепция единства кавказско-иберийских языков, включая в них кабардинский, адыгейский, абазинский, абхазский. Это соответствовало стремлениям грузинской элиты со временем поглотить Абхазию и территории, подвассальные Грузии во времена ее наибольших военно-политических успехов.

С чисто академической точки зрения представления о стадиальности развития языка оспаривали крупные ученые В. В. Виноградов, А. А. Реформатский и др. С позиций марризма они продолжали «от-

жившие свой век традиции дореволюционной либерально-буржуазной лингвистики». Ситуация в языкознании по настоянию 1-го секретаря ЦК КП Грузии К. Н. Чарквиани была обрисована в письме Сталину, направленному грузинским академиком А. С. Чикобавой в марте 1950 г. Большое значение имела и поддержка ученого со стороны такого «лингвиста», как Л. П. Берия.

Личные беседы Сталина с приглашенным в Москву Чикобавой укрепили его в необходимости пересмотреть господствующую в стране языковедческую теорию. По предложению Сталина Чикобава подготовил статью для «Правды». 9 мая 1950 г. она была опубликована «в порядке обсуждения». В ней говорилось о насущности пересмотра общелингвистических построений Марра, без которого «невозможна разработка системы советской лингвистики». Марристы поначалу посчитали статью самоубийственной выходкой сошедшего с ума языковеда и опровергали ее до тех пор, пока не появилась статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании» (20 июня) с продолжением 11 и 28 июля.

Сталин решительно отвергал утверждения о том, что краеугольные положения теории Н. Я. Марра («язык есть надстройка над базисом», «классовый характер языка», «стадиальность развития языка») являются марксистскими. С этого времени Марр стал восприниматься как ученый, который хотел быть марксистом, но не сумел стать им: «Он был всего лишь упростителем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев».

Существенной для теории и практики была интерпретация сталинских статей. Русский представал теперь языком, который «будет безусловно одним из наиболее богатых и выдающихся зональных языков, мощных средств межнационального общения и сыграет большую роль в создании будущего единого мирового языка, в создании его основного словарного фонда и грамматического строя».

Дискуссия по вопросам политэкономии. Еще одна дискуссия, оставившая большой след в истории науки и идеологической жизни страны, состоялась в ноябре 1951 г. Она была связана с подготовкой учебника политической экономии, которому придавалось исключительно большое значение. Работа эта началась еще до войны. По поручению Сталина ее вел известный экономист Л. А. Леонтьев. После войны работа была продолжена, однако ни один из подготовленных вариантов Сталина не удовлетворил. В мае 1950 г. решением Политбюро ЦК написание учебника поручили группе ученых-экономистов (К. В. Островитянов, Л. А. Леонтьев. Д. Т. Шепилов и др.).

Через год макет учебника был представлен в Политбюро, затем разослан специалистам по общественным наукам, партийным и хо-

зяйственным работникам с предложением обсудить его на Всесоюзной экономической дискуссии. Председательствовавший на ней Г. М. Маленков подчеркивал, что ЦК готов рассмотреть любые предложения, связанные с совершенствованием макета. С 10 ноября по 8 декабря 1951 г. в рамках дискуссии проведено 21 заседание, в которых приняли участие около 240 ученых.

По воспоминаниям Д. Т. Шепилова, подавляющее большинство участников одобрили подготовленный проект, вносили поправки, давали советы по структуре и формулировкам, но были и «явно заушательские», «вульгарные, совершенно неквалифицированные» выступления. На основе материалов дискуссии были подготовлены и посланы Сталину предложения по улучшению макета, устранению ошибок и неточностей, справка о спорных вопросах.

1 февраля 1952 г. Сталин откликнулся на прошедшую дискуссию и присланные материалы своими «Замечаниями по экономическим вопросам, связанными с ноябрьской дискуссией 1951 г.». Высказав ряд собственных соображений по содержанию учебника, он не согласился с разносной критикой макета, считая, что он «стоит на целую голову выше существующих учебников». Решением Политбюро его авторам был предоставлен еще один год для доработки учебника. Свою роль в его подготовке Сталин свел к написанию замечаний к проекту и ответов на адресованные ему вопросы. Их содержание вошло в книгу «Экономические проблемы социализма в СССР», ставшую последней теоретической работой И. В. Сталина.

В ней, по сути дела, отвергалась рыночная экономика; обосновывались еще большее огосударствление экономической жизни в стране, приоритетность развития тяжелой промышленности, необходимость свертывания и превращения кооперативно-колхозной собственности в государственную, сокращение сферы товарного обращения. Книга содержала важное в политическом отношении положение: «чтобы устранить неизбежность войн, надо уничтожить империализм».

С высоты наших дней видно, что в этом произведении не получили поддержки новаторские подходы ученых, которые выступали за учет интересов широких масс трудящихся и за более масштабное включение в производственный процесс хозяйственных методов. Существенно была также переоценена степень внутренних противоречий капиталистической системы и не учтены ее способности к саморегуляции. Объясняется это тем, что постаревший Сталин оказался в состоянии эйфории от казавшейся близкой окончательной победы социализма.

Некоторые положения классиков марксизма-ленинизма Сталин объявил несостоятельными. Так, неверным было названо положение Ф. Энгельса о том, что ликвидация товарного производства должна стать первым условием социалистической революции. Сталин утвер-

ждал, что законы товарного производства действуют и при социализме, но их действие носит ограниченный характер. Отбрасывалось как ошибочное положение Энгельса, будто стирание грани между городом и деревней должно повести к гибели больших городов. Объявлен был устаревшим тезис Ленина (1916) о том, что, «несмотря на загнивание капитализма в целом, капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде». Отказался Сталин и от собственного высказанного до войны тезиса «об относительной стабильности рынков в период общего кризиса капитализма». По поводу развития ведущих капиталистических стран он заявил: «Рост производства в этих странах будет происходить на суженной базе, ибо объем производства в этих странах будет сокращаться». Отдельные члены Политбюро (Молотов, Микоян) не были уверены в правильности положений «Экономических проблем». Это стало причиной дальнейшего охлаждения к ним Сталина.

Пожалуй, наиболее значимым для тогдашних властей в этой книге было положение о возможности построения коммунизма в СССР даже в условиях капиталистического окружения. Для решения этой исторической задачи, по Сталину, требовалось бы выполнить три условия: 1. Обеспечить не только рациональную организацию производительных сил, но и непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным развитием производства средств производства, что дает возможность осуществить расширенное воспроизводство. 2. Путем постепенных переходов поднять колхозную собственность до уровня общенародной, а товарное обращение тоже постепенно заменить системой продуктообмена с целью охвата им всей продукции общественного производства. 3. Добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей.

По свидетельству Молотова, Сталин работал над второй частью своего труда. Но она так и не увидела света. Учебник «Политическая экономия» (1954), доработанный с учетом опубликованных сталинских положений, стал первым систематическим изложением теоретических основ и апологией административно-командной экономической системы социализма, просуществовавшей в почти неизменном виде до 1985 г.

Таким образом, можно сказать, что политический процесс 1945—1953 гг. не совсем укладывается в расхожие представления о постоянном нарастании черт тоталитаризма в годы правления Сталина. В тот период тесно переплетались два противоположных курса — на сохранение и развитие репрессивной роли государства и на формальную демократизацию политической системы.

Первая тенденция выразилась в большом количестве арестованных и осужденных за контрреволюционные преступления и антисо-

ветскую агитацию. О масштабах репрессий дает представление справка, составленная по требованию Н. С. Хрущева в 1954 г. В ней значилось, что с 1921 по 1 февраля 1954 г. в СССР за контрреволюционные преступления были осуждены коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией Верховного суда СССР и военными трибуналами 3 777 880 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642 980 человек, 236 922 человека осуждены на различные сроки заключения, 765 180 человек высланы. Ежегодно в исправительно-трудовых лагерях содержалось от 0,5 до 1,5 млн человек, из которых политические заключенные составляли в 30-е гг. до 35%. В 1946—1950 гг. общее число политзаключенных увеличилось (в основном из-за осуждения предателей и бывших военнопленных) с 338 883 до 578 912 человек, однако их доля в общем количестве заключенных снизилась до 23%. Всего в СССР в 1953 г. заключенных (включая контингент исправительно-трудовых колоний) насчитывалось 2 468 524 человека. Все последующие попытки уточнения этих данных не привели к сколько-нибудь существенному изменению порядка приведенных цифр. По данным КГБ (февраль 1990 г.), в СССР с 1930 по 1953 г. осуждены за государственные и контрреволюционные преступления 3 778 234 человека. Из них 786 098 приговорены к расстрелу, реабилитированы (прижизненно и посмертно) 844 470. Через исправительно-трудовые лагеря с 1930 по 1953 г. прошли 11,8 млн человек, через колонии — 6,5 млн. Из общего числа заключенных (18,3 млн) за контрреволюционные преступления осуждено 3,7 млн (20,2%).

Вторая тенденция в послевоенном политическом процессе проявилась в оживлении общественной жизни, возобновлении после долгого перерыва съездов общественных и общественно-политических организаций СССР. В 1949 г. состоялись X съезд профсоюзов и XI съезд комсомола (спустя соответственно 17 и 13 лет после предыдущих). В 1952 г. состоялся XIX съезд партии.

В 1946—1947 гг. велась разработка проектов новой Конституции СССР и Программы ВКП(б). Конституционный проект предусматривал развитие демократических начал в жизни общества. В процессе обсуждения проекта высказывались пожелания о децентрализации экономической жизни, расширении хозяйственной самостоятельности местных управленческих организаций. Проект партийной Программы базировался на доктрине перерастания диктатуры пролетариата в общенародное государство. Работа над обоими проектами прекратилась в связи с ужесточением внутриполитического курса и осуждением главных руководителей разработок, деятелей ленинградской «антипартийной группировки». Внимание вновь направлялось не столько на выработку эффективных мер по подъему экономики, сколько на поиски конкретных «виновников» ее неудовлетворительного разви-

тия. Вопрос о новой Программе КПСС был вновь поставлен на XIX съезде партии. Признав устаревшими многие положения действовавшей программы, съезд постановил руководствоваться при подготовке нового главного партийного документа положениями сталинской книги «Экономические проблемы социализма в СССР». Основные постулаты этого произведения, так же как и наработки программной комиссии А. А. Жданова 1947 г., легко обнаруживаются в принятой много лет позже, в 1961 г., третьей Программе КПСС.

Наиболее пагубным в послевоенном сталинском курсе было продолжение прежней стратегии в отношении деревни и сельского хозяйства (сохранение неэквивалентного обмена с городом, отчуждение тружеников от средств производства) и непонимание того, что такая стратегия рано или поздно приведет к кризису снабжения городов и легкой промышленности продовольствием и сырьем. Только понимание особой роли сельского хозяйства в «холодной стране», многократное расширение вложений в аграрное производство, его форсированная модернизация могли стать надежной основой развития всей промышленности, социальной сферы, науки, страны в целом.

Глава 12

СССР В 1953—1964 гг.: ВЗЛЕТ К ЗВЕЗДНЫМ ВЫСОТАМ И НАЧАЛО ОТСТУПЛЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ

§ 1. ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ В БОРЬБЕ ЗА НОВЫЙ КУРС РАЗВИТИЯ СТРАНЫ. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Расстановка сил в политическом руководстве. Начало преодоления «культа личности». Первые 11 лет после смерти И. В. Сталина вошли в историю как время «оттепели» — относительной либерализации во внутренней и внешней политике СССР. Однако реформы в политической и экономической сферах, проводимые сверху, оказались непоследовательными. Традиции авторитаризма, присущие российской политической истории и сугубо усиленные «сталинской эпохой», крепко держали в своем плену наследников власти Сталина и были особенно сильны в партийно-государственном аппарате.

Наследники сталинской власти заявили о своей готовности осуществлять коллективное руководство страной. Еженедельно собирались заседания Политбюро ЦК и правительства СССР, регулярно созывались пленумы ЦК, съезды партии. Однако с первых же дней со-

вместной работы началась борьба за лидерство. Основными соперниками в ней выступали Л. П. Берия, Г. М. Маленков и Н. С. Хрущев, которые находились в ближайшем окружении Сталина и были причастны к необоснованным репрессиям. В то же время они в большей мере, чем представители старшего поколения политических деятелей — А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, тоже причастные к репрессиям и поставленные на грань исключения из большой политики в конце сталинского правления, — понимали необходимость смены политического курса, восстановления законности, проведения реформ.

В развернувшейся борьбе Берия опирался на силовые ведомства, базой Маленкова было правительство страны, Хрущева — партийный аппарат. Политический вес партаппарата в то время был меньше не только веса Совета министров, но и МВД. О соотношении сил можно судить хотя бы по таким фактам: заработная плата уполномоченных госбезопасности на районном уровне была в 4 раза больше, чем у секретарей райкомов партии. У госчиновников квартиры были лучше, чем у партчиновников. О личном отношении лидера партноменклатуры к шефу МВД свидетельствует выразительная фраза, сказанная Хрущевым Н. А. Булганину сразу после смерти Сталина: «Если Берия получит госбезопасность, это будет началом нашего конца».

Борьба за лидерство стоила Берии жизни (декабрь 1953 г.). Она же привела к утрате завоеванных Маленковым (в феврале 1955 г. он потерял пост главы правительства), Молотовым (снят с поста министра иностранных дел в июне 1956 г.) позиций, разгрому так называемой антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова (июнь 1957 г.), отстранению Г. К. Жукова от руководства Вооруженными силами страны (октябрь 1957 г.). В марте 1958 г. Булганин смещен с поста председателя Совмина СССР. Хрущев, возглавив с этого времени два высших поста в партийно-государственном руководстве (1-го секретаря ЦК партии и председателя Совмина), стал единоличным лидером.

Сторонники Хрущева, пришедшие на освобожденные места в Президиуме ЦК и Совмине СССР, известными по сталинским временам методами пытались укреплять авторитет нового лидера. Удалось, однако, создать «культ без личности». Безудержное реформаторство Хрущева по большей части не давало плодов и заставляло сомневаться в его мудрости. Большой поддержки Хрущеву не могли оказать А. Н. Косыгин (с июля 1957 г. заместитель, с мая 1960 г. 1-й заместитель Предсовмина) и Л. И. Брежнев, избранный в мае 1960 г. Председателем Президиума ВС СССР вместо Ворошилова. Напротив, Брежнев оказался в итоге одним из организаторов заговора, положившего конец политической карьере Хрущева в октябре 1964 г.

Все отставки представлялись народу как следствие ошибок в определении и проведении нового курса внутренней и внешней политики государства.

С первых шагов новое руководство попыталось дистанцироваться от сталинской политики. Это проявилось уже 10 марта 1953 г., когда отчет о похоронах Сталина в «Правде» был оформлен в духе «культа». Речь нового главы правительства на траурном митинге набрана более крупным шрифтом, в газете опубликована сфальсифицированная фотография Маленкова, помещенного между Сталиным и Мао Цзедуном. В этой связи премьер заявил: «В прошлом у нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности. И сейчас надо сразу поправить тенденцию, идущую в этом направлении... Считаем обязательным прекратить политику культа личности!»

Однако вплоть до февраля 1956 г. официальное понятие «культа личности» и имя Сталина как бы не имели между собой ничего общего. В газетах, как и раньше, неизменно подчеркивалась его «неоценимая» роль в решении всех вопросов деятельности партии и государства. Например, в редакционной статье «Правды» от 14 января 1954 г. указывалось: «Ленинские программные указания по национальному вопросу нашли свое дальнейшее творческое развитие в произведениях великого продолжателя бессмертного дела Ленина — И. В. Сталина». Его «классические» статьи по национальному вопросу переиздавались до 1959 г.

Поражение Берии. Несмотря на то что сразу после смерти Сталина фигурой номер один в руководстве страны считался Маленков, фактически ведущую роль начал играть Берия. Он исходил из того, что главным звеном в послесталинском обществе по-прежнему должны оставаться силовые ведомства, к руководству которыми выдвигались его ставленники. Уже 19 марта 1953 г. были заменены руководители МВД во всех союзных республиках, 12 автономных областях, 6 краях и 49 областях России. Новые руководители в свою очередь проводили замену кадров в среднем руководящем звене. Органы госбезопасности имели решающее слово при любых выдвижениях или перемещениях партийных, государственных и хозяйственных кадров. Такая активность не могла не вызывать настороженности коллег Берии по Президиуму ЦК. Однако на первых порах они поддерживали Берию и его инициативы.

Первыми приказами новый министр создал следственные группы и комиссии по пересмотру дел, находящихся в производстве отделов и управлений МВД. Такие группы занимались делами «арестованных врачей», «бывших сотрудников МГБ», «работников Главного артиллерийского управления Военного министерства», по делам «о

выселении граждан из Грузии», «по обвинению бывшего руководства ВВС и Министерства авиационной промышленности».

26 марта Берия направил в Президиум ЦК записку об амнистии. В ней отмечалось, что в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержится 2 526 402 заключенных, из них 221 435 (8,8%) особо опасных государственных преступников (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, эсеры, националисты и др.). В то же время, по данным на начало 1953 г., в стране насчитывалось 2 819 776 состоящих на учете в органах МВД спецпереселенцев, высланных, ссыльных и ссыльно-поселенцев, увеличивая общее число репрессированных до 5,3 млн человек.

Намечая курс на преодоление последствий людоедской сталинской политики, МВД для начала предложил освободить из мест заключения осужденных на срок до 5 лет, осужденных за должностные, хозяйственные, некоторые воинские преступления независимо от срока заключения, а также женщин, имеющих детей до 10 лет, и беременных женщин, несовершеннолетних, пожилых мужчин и женщин, неизлечимых больных. Предлагалось также сократить наполовину наказание осужденным к лишению свободы на срок свыше 5 лет. 27 марта 1953 г. Президиум ВС издал указ «Об амнистии», по которому на свободу выходило более трети советских заключенных. По подписи, стоявшей под указом, амнистию называли «ворошиловской». Реально было освобождено свыше миллиона человек и остановлено производство около 400 тыс. дел.

Начатые по инициативе Берии расследования привели не только к освобождению в апреле 1953 г. многих осужденных и подследственных по пересматриваемым делам. Они свидетельствовали о его намерениях найти виновников фальсификаций пересматриваемых дел. Главным ответственным за возникновение «дела врачей» был назван М. Д. Рюмин; за убийство С. М. Михоэлса — Сталин и Абакумов; за фальсификацию не только «дела врачей», но и «ленинградского», а также дела о Еврейском антифашистском комитете — бывший министр МГБ С. Д. Игнатьев. Расследование предыстории всех этих дел создало бы большую опасность для Маленкова. Идее «коллективного руководства» грозило разрушение новыми чистками по образцу 30-х гг.

Однако предложения Берии пересмотреть всю систему арестов, суда и следствия не получили поддержки. С большим сомнением коллеги отнеслись и к его предложениям ослабить контроль государства над колхозами (как способ разрешить аграрный кризис), ограничить функции ЦК партии работой с кадрами и пропагандой, отказаться от курса на строительство социализма в ГДР (для смягчения международной напряженности). В апреле 1953 г. Берия сократил аппарат МВД в ГДР в 6 раз, выступал против начатого руководством ГДР

«ускоренного» строительства социализма. Более того, он предлагал объединить ГДР с ФРГ на капиталистической основе в расчете на то, что воссоединенная Германия будет признательна СССР и в будущем поможет ему в экономическом плане.

Принятые 12 июня 1953 г. по инициативе Берии коррективы национальной политики — замещение руководящих кадров национальных республик преимущественно местными уроженцами, ведение делопроизводства на местном языке, отзыв в распоряжение ЦК не знающих местного языка номенклатурных работников — были чреваты, как показала начавшаяся практика их реализации, оживлением антирусских настроений и межнациональной напряженности, усилением потенции центробежных тенденций.

17 июня 1953 г. начались волнения рабочих в Восточном Берлине, а затем и в других городах ГДР, вызванные повышением с апреля цен на мясо, мясо- и сахаросодержащие продукты на 10—15% и обнародованием в мае решения о повышении с июля 1953 г. норм выработки на 10%. Восстание дало повод для развенчания либеральной политики Берии в германском вопросе.

После первых же сообщений о беспорядках в Берлин была направлена группа МВД во главе с заместителем министра С. А. Гоглидзе. С полудня 17 июня к наведению порядка была подключена Группа советских войск в Германии. К 23 июня в ГДР воцарилось спокойствие. Меры, вызвавшие недовольство германского рабочего класса, пришлось отменить. Были расширены поставки в ГДР продовольствия из СССР и других социалистических стран.

Сосредоточенность Берии на германских событиях сыграла свою роль в формировании заговора против него. В Президиуме ЦК КПСС образовался единый фронт всех (за исключением Микояна) членов. Поначалу предполагалось ограничиться перемещением Берии из МВД в Министерство нефтяной промышленности. Но в конце концов согласились с Молотовым, полагавшим, что «без решительных мер» не обойтись. Это означало необходимость ликвидации Берии как «шпиона и заговорщика». 26 июня он был арестован. Большая роль в успехе ареста принадлежала Хрущеву, заместителю министра обороны Г. К. Жукову, командующему Московским военным округом Г. К. Москаленко и его заместителю П. Ф. Батицкому (маршалы Советского Союза с 1955 и 1968 г.). В тот же день указом Президиума ВС Берия снят с поста 1-го заместителя председателя правительства и министра внутренних дел, лишен всех званий и наград. Дело о его «преступных действиях» было передано на рассмотрение Верховного суда СССР.

Были преданы суду и выдвиженцы Берии: министр государственной безопасности СССР, на момент ареста министр госконтроля В. Н. Меркулов; начальник одного из управлений НКВД СССР,

перед арестом — министр внутренних дел Грузии В. Г. Деканозов; заместитель наркома внутренних дел Грузии, затем замминистра Госбезопасности СССР, замминистра внутренних дел СССР Б. З. Кобулов; нарком внутренних дел Грузии, перед арестом — начальник одного из управлений МВД СССР С. А. Гоглидзе; начальник одного из управлений НКВД СССР, перед арестом — министр внутренних дел Украины П. Я. Мешик; а также начальник следственной части по особо важным делам МВД Л. Е. Влодзимирский.

Находясь под арестом в помещении штаба Московского округа ПВО, Берия направил в адрес ЦК несколько писем (опубликованы три — от 28 июня, 1 и 2 июля). В них он признал некоторые свои ошибки и просил не допустить расправы над ним «без суда и следствия», назначить комиссию, чтобы его дело тщательно разобрали и убедились, «что я абсолютно чист, честен, верный Вам друг и товарищ, верный член нашей партии». Письма остались без ответа.

2—7 июля «преступные антипартийные и антигосударственные действия» Берии были рассмотрены на пленуме ЦК. Выступивший на нем Маленков сообщил, что Президиум ЦК выявил множество вопиющих фактов нарушения Берией социалистической законности, уставных требований партии, злоупотребления служебным положением. Хрущев рассказал, что Берия не только осуществлял массовые репрессии советских людей, но и в огромных размерах злоупотреблял служебным положением, что на деле граничило с уголовным преступлением; нанес огромный вред ключевым отраслям народного хозяйства, внутренней и внешней политике СССР. Н. Н. Шаталин говорил о найденных в сейфах Берии документах, свидетельствовавших о его слежке за другими членами руководства страны и сборе компромата для того, чтобы при удобном случае их уничтожить. Особо отмечалось нравственное разложение Берии.

23 декабря 1953 г. он был расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Версия об убийстве Берии в момент ареста, пущенная в оборот еще в 1953 г., живет во многом благодаря тому, что материалы судебного процесса над Берией не опубликованы. Вместе с Берией в измене Родине и совершении террористических актов обвинены и приговорены к смертной казни его «приспешники». На эту группу были взвалены все преступления сталинского режима.

Разоблачение Берии и его сподвижников проходило в полном соответствии с традициями 30—40-х гг. В информационном заявлении об антипартийных и антигосударственных действиях Берии сообщалось, что его исключили из КПСС «как врага Коммунистической партии и советского народа». Игнатьев, предназначавшийся ранее Берией на эту роль, на июльском (1953) пленуме ЦК был восстановлен в

рядах его членов и вскоре избран 1-м секретарем Башкирского обкома партии.

Возглавлявшееся Берией МВД после его расстрела было реорганизовано. На базе выделенных из министерства подразделений и учреждений 13 марта 1954 г. образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. Председателем назначен генерал-полковник И. А. Серов (руководил комитетом до декабря 1958 г.). Это был человек, формировавшийся в окружении Берии и Жукова, известный грубостью и бескультурьем, один из непосредственных исполнителей противозаконных акций по отношению к целым народам. Но он обладал также несомненным «достоинством» — был давним другом Хрущева. 8 августа 1955 г. он стал генералом армии. При проведении кампании по разоблачению Берии и чистке чекистских рядов от его единомышленников Серов за 2 года уволил из комитета 16 тыс. сотрудников «как не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, карьеристов, морально неустойчивых».

Падение Маленкова. Упрочение позиций Хрущева. 8 августа 1953 г. Г. М. Маленков выступил на сессии ВС СССР с изложением соображений «о неотложных задачах в области промышленности и сельского хозяйства и мерах по дальнейшему улучшению материального благосостояния народа». Он предложил резко увеличить производство продовольствия и предметов потребления путем увеличения капиталовложений в легкую и пищевую промышленность, а также за счет повышения заготовительных цен на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, снижения налогов (в 2 раза) и обязательных поставок с подсобного хозяйства колхозников.

Выступление имело оглушительный резонанс, имя председателя Совмина стало пользоваться огромной популярностью, особенно на селе. Казалось, что «никто не сможет в ближайшее время угрожать доминирующим позициям Маленкова». Таким был и прогноз спецслужб США. Однако они ошибались. Консерваторы в ЦК нашли обещания Маленкова чрезмерными (попросту говоря, демагогией). Они не видели возможностей для их выполнения. Симпатии оказались на стороне Хрущева — предложенный им курс казался предпочтительнее.

3 сентября 1953 г. на пленуме ЦК учрежден пост 1-го секретаря ЦК, на который был избран Хрущев. В ноябре на совещании по кадровым вопросам он сумел добиться расположения многочисленных и влиятельных работников партийного аппарата. Маленков, выступая на совещании, стал сетовать на перерождение партаппарата и невозможность обновления страны без его обновления. Хрущев заступил-

ся, напомнив, что «аппарат — это наша опора». Одобрением этих слов были долгие аплодисменты.

Суд над Берией значительно ослабил позиции Маленкова. Хрущев же, сделав Украине подарок в виде Крыма, переданного в январе 1954 г. из РСФСР по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией, ослабил горечь потерь украинцев от недавних репрессий и приобрел новых влиятельных сторонников в лице руководства украинской парторганизации и секретарей обкомов партии, располагавших значительным числом голосов в ЦК КПСС.

В марте 1954 г. Маленков допустил очередную «оплошность». Он заявил на одном из предвыборных собраний, что новая война при современных средствах ее ведения приведет к «гибели мировой цивилизации». Этим он навлек на себя гнев Молотова и других консерваторов. Маленкова обвиняли в том, что его заявление не способствует мобилизации общественного мнения на активную борьбу против преступных замыслов империалистов, может породить настроения безысходности и ненужности усилий народов, протестующих против империалистических планов. «Добил» Маленкова состоявшийся в декабре 1954 г. суд над бывшими руководителями МГБ, обвиненными в фабрикации «ленинградского дела». Он был сильно скомпрометирован как один из организаторов расправы над «ленинградцами».

31 января пленум ЦК решил освободить Маленкова от обязанностей председателя Совмина. На этом же пленуме его обвинили в сотрудничестве с Берией и возложили на него ответственность за «ленинградское дело». Покаявшийся и обещавший исправить «ошибки», он был оставлен членом Президиума ЦК и рекомендован на пост министра электростанций. 8 февраля 1955 г. ВС СССР назначил давнишнего сторонника Хрущева Н. А. Булганина новым руководителем правительства. На освобожденный им пост министра обороны был назначен Г. К. Жуков.

В мае 1955 г. по инициативе Хрущева был подписан мирный договор с Австрией, в соответствии с которым советские войска должны были покинуть эту страну в обмен на объявление ею постоянного нейтралитета. Сразу же после этого нормализованы отношения между СССР и Югославией. Хрущеву пришлось при этом признать вину и принести извинения за разрыв отношений в 1948 г., назвав ответственным за это Берию. Докладывая об итогах переговоров на пленуме ЦК в июле 1955 г., Хрущев отметил противодействие Молотова майским договоренностям. Тот пытался отстоять свою позицию, доказывая ошибочность уступок руководителям Югославии, которых продолжал считать «предателями, антимарксистами, перерожденцами», а посылку делегации к ним — «умалением престижа нашей великой страны». Выступившие в прениях члены Президиума ЦК позицию Молотова не поддержали.

Сразу же после июльского (1955) пленума ЦК началась подготовка к очередному партийному съезду. Она велась в условиях усиления процесса освобождения политических заключенных. На 1 января 1954 г. их численность составляла 475 тыс. человек, к началу 1956 г. сократилась до 114 тыс. Росло и число реабилитированных. В 1954 г. реабилитированы жертвы «ленинградского дела», в ноябре 1955 г. — члены Еврейского антифашистского комитета. Реабилитированы были арестованные после войны военачальники, положено начало пересмотру политических обвинений 30-х гг. До начала 1956 г. реабилитированных насчитывалось около 16 тыс.

При подготовке к съезду была создана комиссия под руководством секретаря ЦК П. Н. Поспелова для изучения того, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства членов ЦК, избранных на XVII съезде партии. По мере расследования и докладов о нем Президиуму ЦК Хрущев все настойчивее требовал осудить былые «ошибки и извращения», заявлял: «Сталин был предан делу социализма, но все делал варварскими способами. Он партию уничтожил».

Молотов, Каганович, Ворошилов и Маленков выступали против, считая, что осуждение Сталина вызовет недоумение в партийных рядах, создаст трудности для КПСС, плохо скажется не только на престиже страны, но и на авторитете каждого, кто был соратником Сталина. Хрущев заявил, что свою долю ответственности он нести готов, надеясь, видимо, не только не пострадать при этом больше остальных, но и выиграть.

В конце концов в Президиуме ЦК был достигнут компромисс: решено сделать доклад на закрытом заседании съезда, не публиковать его в печати. В нем не должна была идти речь о реабилитации подсудимых открытых процессов 1936—1938 гг. Хрущев обещал также «не смаковать» прошлое. 23 февраля вариант доклада был роздан членам Президиума. В нем были объединены материалы комиссии П. Н. Поспелова, предварительные «диктовки» самого Хрущева, текст, подготовленный Д. Т. Шепиловым. Последний вариант доклада помощники Хрущева П. Н. Демичев и Г. Т. Шуйский представили утром 25 февраля.

XX съезд партии. Преодоление сопротивления курсу съезда. На съезде, открывшемся 14 февраля 1956 г., были подведены итоги 5-й пятилетки, приняты директивы по 6-й пятилетке (1956—1960), поставлена задача догнать и перегнать развитые капиталистические страны «в краткие исторические сроки». Однако съезд вошел в историю в первую очередь благодаря докладу «О культе личности и его последствиях» на последнем, закрытом заседании 25 февраля, когда

повестка дня, известная делегатам, была исчерпана и прошли выборы нового состава ЦК КПСС.

Доклад был неожиданным для делегатов. Впервые было официально заявлено, что большинство репрессированных «врагов народа» — честные граждане. Приводились шокирующие сведения о массовых расстрелах невинных людей, о депортации народов в 30—40-е гг. Основная позиция доклада заключалась в том, что репрессии и «культ личности» Сталина являлись в первую очередь следствием отрицательных черт его характера, отступлений от марксистско-ленинского понимания роли личности в истории. Доклад не ставил под сомнение сложившийся при Сталине политический режим, он был призван создать впечатление, что достаточно лишь осудить и искоренить «извращения» социализма — и путь к коммунизму будет открыт. Прения по докладу не открывались.

На заседании съезда было решено ознакомить с содержанием доклада партийные организации. 5 марта Президиум ЦК принял постановление об ознакомлении с ним «всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников» и рассылке брошюры с отредактированным текстом доклада. Для широких масс «культ личности» был впервые соединен с именем Сталина 28 марта 1956 г. в статье «Правды» под названием «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма».

Чтение брошюры на собраниях, ее содержание вызывали у слушателей возмущение и стремление понять причины попустительства беззакониям со стороны партийных органов, а публичное разоблачение преступлений сталинского режима порождало глубокие перемены в общественном сознании, разрушало систему страха. Поэтому партийное руководство стремилось всячески ограничить нарастающую критику «культа». Желая не допустить использования понятия «сталинист» в негативном свете, А. Н. Шелепин заявил на пленуме ЦК ВЛКСМ в апреле 1956 г., что слово это изобретено буржуазной пропагандой, которая пытается сделать его ругательным в своих черных целях. В нашем же понимании «сталинист», утверждал он, «как и сам товарищ Сталин, неотделимы от великого звания коммуниста».

Рамки критики «культа» очерчивало опубликованное в июне 1956 г. постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий». В нем предлагалось объяснение объективных и субъективных причин возникновения этого феномена. Постановление объявляло «культ» следствием борьбы «отживших классов» с политикой советской власти, наличием острой фракционной борьбы внутри самой партии, сложностью международной обстановки. Все это приводило к ограничению демократии, к чрезмерной бдительности и централизации. Особый упор делался на утверждения, что, несмотря на все принесенное зло, «культ» «не изменил природу» социализма: все

негативные явления преодолены благодаря решительности «ленинского ядра» партийных руководителей. Перекладывание вины исключительно на Сталина, Берию и Ежова было предпринято с целью снять политическую ответственность со сталинского окружения, местных исполнителей и организаторов репрессий.

Большое недовольство вызывалось тем, что власти не решились опубликовать доклад Хрущева, а лишь знакомили «подданных» с его содержанием. Это воспринималось как нежелание говорить всю правду народу. Положение усугублялось еще и тем, что содержание доклада начиная с 16 марта 1956 г. пересказывалось ведущими средствами массовой информации стран Запада. Вскоре стали распространяться и копии официального текста доклада, а 4 июня доклад был опубликован в газете «Нью-Йорк таймс», тогда как в СССР он впервые появился в открытой печати только в конце перестройки (Известия ЦК КПСС, 1989, № 3).

Критика «культа личности» не могла не разрушить одномерности в восприятии прошлого, канонов «Краткого курса истории ВКП(б)» и не порождать новых критических оценок. С доклада Н. С. Хрущева на XX съезде началось очищение партии и общества от идеологии и практики государственного террора. Вместе с тем доклад имел и негативные последствия. Многие партийцы считали, что под видом развернувшейся борьбы с культом личности со временем была недопустимо снижена значимость достижений советского народа, по сути, началось очернение модернизации сельского хозяйства и промышленности, Великой Отечественной войны; в руководстве страной активно проявились элементы волюнтаризма, а порой и авантюризма. Доклад положил начало расколу в международном коммунистическом движении, стал детонатором для антикоммунистических выступлений в Польше, кризисной ситуации в Венгрии, где началась активная критика старого руководства Венгерской партии трудящихся и просоветской ориентации страны.

Советское руководство видело причину кризиса в происках спецслужб и контрреволюционеров в самой Венгрии. Кризис был разрешен восстановлением советского влияния в Венгрии вводом войск и подавлением всех очагов сопротивления новому Временному революционному правительству во главе с Я. Кадаром (образовано 3 ноября 1956 г.). В ряде партий доклад Хрущева на XX съезде осуждался как ревизионистский. Критику сталинизма болезненно встретило китайское руководство, проявившее в этой связи претензии на лидерство в мировом коммунистическом движении, а также Албания, КНДР, Румыния, где в тот период утверждались собственные «культы личности».

Президиум ЦК признал плохими политические итоги 1956 г. Об этом свидетельствовало его письмо от 19 декабря. Оно имело харак-

терный заголовок «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В нем сообщалось о многочисленных фактах распространения «расширительной» критики «культа личности», об антисоветских выступлениях молодежи в Москве, Свердловске, Каунасе, Таллине, Ереване; о воздействии на общественное сознание мнений злобно настроенных против советской власти амнистированных и реабилитированных. Письмо призывало «своевременно пресекать преступные действия», но зачастую стимулировало оппозиционные настроения в среде рядовых коммунистов.

В начале 1957 г. Хрущев дал новые поводы для разногласий в Президиуме ЦК. Он предложил реорганизовать управление промышленностью и строительством, создав советы народного хозяйства на местах вместо отраслевых министерств в центре. Члены Президиума начали обсуждение замысла, результаты которого не представлялись однозначными. Не дожидаясь одобрения своих предложений, Хрущев 13 февраля вынес вопрос на пленум ЦК, затем, игнорируя заключение Молотова о проекте (что он «явно недоработан», «может внести серьезные затруднения в аппарат управления») и нарушая установленный порядок дальнейших согласований, добился утверждения предложений на сессии ВС СССР. 10 мая 1957 г. реформа стала законом, упразднившим 10 общесоюзных и 15 союзно-республиканских министерств. Подчиненные им предприятия были переданы в ведение совнархозов. Схожим образом Хрущев добился принятия решения об отмене внутренних государственных займов и выплат по ним.

Управление народным хозяйством было кардинально перестроено. В результате реорганизации в марте 1953 г. из 24 министерств осталось 11. Однако уже в конце 1953 — начале 1954 г. громоздкие министерства были снова разукрупнены. В 1954 г. их стало 25, в 1956-м — 29. В соответствии с законом 1957 г. упразднено 10 общесоюзных и 15 союзно-республиканских министерств, в целом по стране — 141 общесоюзное, союзно-республиканское и республиканское министерство. Вместо них создано 105 совнархозов (по числу экономических административных районов): 70 — в РСФСР, 11 — на Украине, 9 — в Казахстане, 4 — в Узбекистане и по одному в остальных республиках.

22 мая 1957 г. без совета с Президиумом ЦК Хрущев от имени ЦК и правительства поставил перед страной задачу догнать и перегнать Америку по производству мяса на душу населения к 1960—1961 гг., по молоку — к 1958 г., пообещав колхозникам вскоре отменить обязательные поставки с подсобных хозяйств. Специалистам была ясна нереальность выдвинутой задачи, поскольку в 1956 г. США производили 16 млн т мяса, а СССР — 7,5 млн и для сокращения такого разрыва условий явно не было.

Уже в мае 1957 г. оппоненты Хрущева в Президиуме начали поговаривать, что пора бы избавиться от него: ликвидировать должность 1-го секретаря ЦК; произвести необходимую перестановку кадров. 18 июня на заседании Президиума ЦК Маленков подверг резкой критике деятельность Хрущева и предложил отрешить его от должности. Большинство принадлежало противникам Хрущева, их голосов хватало для принятия решения. Однако председательствовавший на собрании Булганин вел заседание нерешительно и согласился перенести его на следующий день, с тем чтобы к собранию присоединились трое отсутствовавших членов Президиума.

Возобновившееся обсуждение затянулось. Этим воспользовались сторонники Хрущева. Л. И. Брежнев, Ф. Р. Козлов, Е. А. Фурцева стали вызывать в Москву секретарей республиканских, краевых и областных комитетов партии, чтобы с их помощью настоять на переносе обсуждения вопроса о Хрущеве на пленум ЦК. Расчет делался на то, что большинство членов ЦК, значительно укреплявших свое положение на местах с переходом к совнархозам, не пожелают поддержать партийный переворот. Расчет оказался верным. Открывшийся 22 июня пленум ЦК решительно поддержал Хрущева. Тогда начали каяться Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, М. Г. Первухин и М. З. Сабуров, утверждая, что они были в неведении относительно подлинных замыслов «тройки» (Маленкова, Кагановича, Молотова).

29 июня пленум вынес окончательный приговор. Деятельность «тройки» и «примкнувшего» к ней Шепилова была признана фракционной. Шепилов оказался принципиальным противником Хрущева не как сталинист, а как противник «культа личности», в том числе в его новом виде, поэтому и был назван «примкнувшим». Противников Хрущева лишили руководящих постов и вывели из ЦК. Состав Президиума ЦК был расширен до 15 членов. В него введены сторонники Хрущева. Новыми членами Президиума стали Брежнев, Жуков, Козлов, Фурцева, Шверник, переведенные из кандидатов, и вновь избранные А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, Н. Г. Игнатов и О. В. Куусинен.

Воодушевленный победой, Хрущев решил окончательно закрепить ее отставкой министра обороны. Жуков представлялся опасным (как в свое время Сталину) своим авторитетом, независимостью суждений и решений, способностью стать реальной альтернативой первому лицу в государстве. Многим из ближайшего окружения Хрущева казалось, что маршалу не дает покоя «корона Эйзенхауэра», бывшего главкома экспедиционными войсками союзников в Западной Европе, ставшего президентом США.

19 октября 1957 г. на заседании Президиума ЦК в отсутствие Жукова (он был отправлен с государственным визитом в Албанию и

Югославию) было решено вывести его из Президиума и членов ЦК за недостатки партийно-политической работы в армии, преувеличение своей роли в истории Отечественной войны и бонапартизм. Армия с новым министром обороны маршалом Р. Я. Малиновским (назначен в октябре 1957 г.) стала вновь полностью подконтрольной партийному аппарату.

В конце 50-х гг. от власти были отстранены и другие активные участники демарша 1957 г. против Хрущева. В марте 1958 г. Булганин был смещен с поста председателя правительства, назначен главой Госбанка, через несколько месяцев отправлен председателем совнархоза в Ставрополь, а в сентябре освобожден от обязанностей члена Президиума ЦК. 7 мая 1960 г. Ворошилов покинул пост Председателя Президиума Верховного Совета. Новым председателем почти до конца хрущевского генсекства был Л. И. Брежнев.

Победив лидеров сопротивления курсу XX съезда, Хрущев форсировал разоблачение «культа личности». На XXII съезде партии (октябрь 1961 г.) Сталин и его защитники были в очередной раз резко осуждены за их преступления. Тело Сталина по решению съезда было вынесено из Мавзолея и захоронено у Кремлевской стены. Отправленные на обычную (не персональную) пенсию Каганович, Маленков и Молотов были исключены из партии. Шепилов, поначалу отправленный в Киргизию руководить Институтом экономики местной Академии наук, был лишен звания члена-корреспондента АН СССР и переведен на работу в Главное архивное управление при Совмине СССР. В феврале 1962 г. он был тоже исключен из партии.

В промежутке между XX и XXII съездами партии и позднее продолжалась работа по пересмотру дел репрессированных ранее «врагов народа». К 1962 г. уже было реабилитировано около 1,2 млн человек. Процесс реабилитации наиболее активно развернулся с 1987 г., когда была образована Комиссия Политбюро ЦК по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30 — начала 50-х гг. С сентября 1987 г. по октябрь 1988 г. Комиссия работала под руководством М. С. Соломенцева, позднее ее возглавлял А. Н. Яковлев. По предложению Комиссии в январе 1989 г. был принят указ об отмене как противозаконных всех внесудебных решений, принятых «тройками», коллегиями и особыми совещаниями. В соответствии с указом к началу 1990 г. было реабилитировано 807 288 человек. Помимо этого, были реабилитированы 31 342 человека, привлеченные к ответственности решениями судебных и прокурорских органов.

К августу 1990 г. общее число тех, кому с начала реабилитации было возвращено доброе имя, составляло более 2 млн человек. Вместе с тем в реабилитации было отказано 21 333 лицам как изменникам Родины, нацистским преступникам, участникам националистиче-

ских бандформирований и их пособникам, бывшим работникам административных органов, уличенным в фальсификации уголовных дел. По данным комиссии, ей предстояло изучить материалы еще более 40 политических процессов. Однако летом 1990 г. комиссия прекратила работу. Причиной было разделение функций между партийными и государственными органами и раскол среди членов Комиссии по вопросу об убийстве С. М. Кирова.

13 августа 1990 г. был выпущен Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов», которым признавались незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам и полностью восстанавливались права этих граждан. Указ не распространялся на лиц, обоснованно осужденных за совершение преступлений против Родины и советских людей. Однако число «обоснованно репрессированных» осталось невыясненным. В 1993 г. начальник Центрального архива Министерства безопасности России заявил, что если исходить из наличия уголовных дел, то за контрреволюционные преступления с 1917 по 1990 г. в СССР было осуждено 3 853 900 человек. Из них в 1921—1953 гг. приговорено к расстрелу 815 639 человек.

Реорганизация управления в связи со «строительством коммунизма». Внеочередной XXI съезд партии (январь 1959 г.) объявил о полной и окончательной победе социализма в СССР и начале развернутого строительства коммунизма. Он обсудил перспективы развития народного хозяйства на 1959—1965 гг. Заложенное в плане ежегодное ускорение темпов роста во всех отраслях экономики создавало иллюзию достижимости победы в экономическом соревновании с капиталистическими странами и выхода СССР к 1965 г. на первое место в мире по абсолютному объему производства.

Одновременно было решено ускорить подготовку новой, третьей Программы партии, для работы над которой создавались специальные комиссии на трех предыдущих съездах партии. Ее проект был опубликован летом 1961 г., для обсуждения и принятия созывался XXII съезд КПСС. На состоявшемся в октябре форуме, нареченном Съездом строителей коммунизма, Программа КПСС была утверждена. Она определяла перспективы дальнейшего движения советского народа, а заодно и всего человечества к коммунизму.

В связи с разработкой новой Программы плановые органы подготовили расчеты возможных уровней и темпов развития народного хозяйства СССР на 1961—1980 гг. По расчетам «выходило», что в

ближайшее десятилетие Советский Союз превзойдет США по производству продукции на душу населения, а в итоге второго — «вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям». В выступлении по случаю полета первого космонавта Ю. А. Гагарина в апреле 1961 г. Хрущев говорил, что выполнение семилетки «приблизит нас к тому, что мы переступим высший рубеж достижений капиталистического мира и вырвемся, как мы вырвались сейчас в космос, вперед в развитии нашей экономики, в удовлетворении запросов народа».

Вряд ли стоит относить эту высокопарность только на волюнтаризм советского лидера. Определенные основания для радужных прогнозов имелись. Экономический рост, демонстрировавшийся Советским Союзом на протяжении 50-х гг., был настолько значителен, что у многих не только советских, но и западных экономистов складывалось представление, что в будущем СССР неизбежно опередит в своем развитии ведущие капиталистические страны. В атмосфере эйфории, во власти которой оказались ведущие советские экономисты Е. С. Варга и С. Г. Струмилин, в конце 50-х гг. и рождались планы перехода СССР к коммунизму. Замедлению темпов экономического роста, ставшему результатом начавшегося ранее постепенного демонтажа плановой экономики и малоквалифицированных действий политического и хозяйственного руководства страны, не было придано должного значения.

В результате уже на первых этапах «взлета» к коммунистическому изобилию стали возникать непредвиденные осложнения. 1 июня 1962 г. в обращении к народу пришлось откровенно сказать о трудностях, возникающих в обеспечении населения городов мясными продуктами. Отмечалось, что при существующем уровне механизации животноводства и производительности труда затраты на производство мяса и молока значительно превышают цены, по которым государство закупает эти продукты. Во многих колхозах животноводство приносит не прибыль, а убытки. Учитывая это, руководство страны решило повысить закупочные цены на мясо крупного рогатого скота, свиней, овец, коз и птицу в среднем на 35%. Одновременно решено было повысить цены на мясо и мясные продукты в среднем на 30% (в том числе на говядину в среднем на 31%, баранину — на 34%, свинину — на 19% и на колбасные изделия — на 31%), а также на масло животное в среднем на 25%.

В обращении впервые официально отмечались объективно неблагоприятные факторы сельскохозяйственного производства «в наших суровых климатических условиях, когда в большинстве районов страны семь-восемь месяцев продолжается осенне-зимний период, что затрудняет содержание скота и производство кормов. Требуются огромные затраты средств и труда для строительства животноводче-

ских помещений, механизации и электрификации ферм». Однако должных выводов из этого и на сей раз сделано не было.

С начала 60-х гг. для ликвидации перебоев со снабжением населения продуктами питания стали прибегать к импорту зерна и нормированному распределению дефицитных продуктов в виде «заказов» по предприятиям и организациям. Ситуация усугубилась в 1963 г., оказавшемся самым засушливым после 1946 г. Урожайность и валовые сборы зерна снизились почти на 30% по сравнению с 1962 г. Импорт зерна в 1963 г. составлял 3 млн т при экспорте 6,2 млн, в 1964 г. — 7,2 млн т при экспорте 3,5 млн. К закупкам приходилось обращаться и позже, несмотря на рост валовых сборов и государственных заготовок зерна в стране. В 1985 г. СССР импортировал 45,6 млн т зерна.

Продовольственные трудности и значительное повышение закупочных и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло вызвали волнения в ряде городов, в частности Муроме, Александрове, Бийске, Кривом Роге, Сумгаите. Наиболее масштабными оказались беспорядки в Новочеркасске 1—2 июня 1962 г., которые пришлось подавлять силой. В результате погибли 23 демонстранта, 70 были ранены. 105 участников протестных акций позднее были осуждены, семеро из них — к высшей мере наказания.

Возникшие экономические и социальные проблемы заставили Хрущева начать поиски новых возможностей совершенствования хозяйственного руководства, в частности повести борьбу с «теневиками», занимавшимися подпольной экономической деятельностью. О масштабах перехода представителей партийной и государственной элиты в «тень», начавшего набирать силу в условиях хрущевской «оттепели» и ставшего в конце концов одной из главных причин краха советской системы, позволяют судить цифры, обнародованные на ноябрьском (1962) пленуме ЦК: в начале 60-х годов к суду по обвинению в коррупции и злоупотреблениях властью было привлечено около 12 тыс. руководящих работников, в том числе 4 тыс. партийных функционеров.

Этот же пленум по настоянию Хрущева взял курс на перестройку по производственному принципу всех руководящих органов сверху донизу. Решения пленума положили начало уникальному в истории эксперименту — отказу от территориальной организации управления, приведшему к невообразимому хаосу. Партийные организации — от областных и ниже — делились на промышленные и сельские. По такому же принципу пришлось создавать вместо единых Советов и их исполкомов сельские и промышленные Советы и исполкомы. Соответствующим образом разделялись организации профсоюзов, комсомола. Лихорадочные меры привели лишь к росту управленческого аппарата, значительному увеличению расходов на его содержание (на-

пример, в Самаркандской области они выросли в 1,7 раза), но были неэффективны. Областные организации и управления связи, торговли, народного образования, здравоохранения, административные органы, подчинявшиеся и промышленным и сельским партийным и советским органам, стали ежедневно получать дублирующие постановления и распоряжения по одним и тем же вопросам. Вместо своей непосредственной работы их руководители и специалисты были вынуждены многие часы проводить на совещаниях и собраниях, число которых увеличилось по меньшей мере вдвое.

Не оправдались расчеты на ускорение экономического развития за счет создания новых звеньев в управлении хозяйством. Для этого были образованы отраслевые комитеты, укрупнялись совнархозы (в ноябре 1962 г. их стало 43), созданы советы по координации и планированию работы совнархозов. В марте 1963 г. образован Высший совет народного хозяйства СССР.

В конце 50-х гг. власти приняли еще одно ошибочное решение, приведшее к углублению отчуждения значительной части народа от государственного руководства. В связи с курсом на «строительство коммунизма» власть вновь принялась ужесточать государственно-церковные отношения, по сути дела, возобновила гонения на РПЦ. Секретарь ЦК Л. Ф. Ильичев в своем выступлении на совещании по идеологии (декабрь 1961 г.) заявил, что религия «сейчас становится нетерпимой помехой на нашем пути к коммунизму». Атеистическая работа признавалась главным рычагом формирования научно-материалистического мировоззрения. Создание «общества без религии», причем в самое ближайшее время, объявлялось программной целью.

Новое наступление на Церковь выражалось не только в усилении атеистической пропаганды, но и в сносе церковных сооружений (в 1954—1964 гг. ежегодно сносилось более тысячи храмов, примерно столько же закрывалось), в административном сокращении числа действующих религиозных объединений. В 1958 г. их насчитывалось 18,6 тыс., в том числе православных — 13,4 тыс., в 1961 г. — соответственно 16 и 11 тыс., в 1971 г. — 11,7 и 7,2 тыс. Противоречие между провозглашенной в Конституции СССР свободой совести и практикой ее реализации не было снято и впоследствии. (Лишь с середины 70-х гг. отношение к религии со стороны государства становится более терпимым. Существование и деятельность религиозных объединений стало рассматриваться как необходимое условие обеспечения свободы совести и прав человека.)

Отставка Хрущева. Недовольство Хрущевым в стране по большей части вызывалось его необдуманными действиями в октябре 1962 г., которые привели к острейшему «ракетному кризису» в отно-

шениях с США, поставившему мир на грань ядерной войны. Популярность Хрущева резко упала с повышением цен на продукты питания. Импорт зерна в 1963—1964 гг. означал крах той самой политики, в которой Хрущев считал себя самым большим специалистом. Недовольство членов Президиума ЦК начало оформляться в новый заговор против Хрущева.

События были ускорены хрущевскими затеями новых реорганизаций. В июле 1964 г. он предложил идею очередной перестройки управления сельским хозяйством, замышляя создать около дюжины специализированных главков (отдельно по зерну, сахарной свекле, хлопку и т. д.), перевести сельскохозяйственные научные учреждения из Москвы и Ленинграда в провинцию. Подъем сельского хозяйства и ускорение роста производства средств потребления Хрущев предлагал осуществить также за счет сокращения «прорвы вооружения» и армии. Не находило понимания его предложение о введении десятилетних народнохозяйственных планов.

Во время отпуска и отдыха Хрущева на юге в октябре 1964 г. коллеги по Президиуму ЦК завершили приготовления к его отставке с руководящих постов. Главные роли в подготовке заговора играли А. Н. Шелепин (в 1958—1961 гг. председатель КГБ, с октября 1962 г. председатель Комитета партийно-государственного контроля при ЦК); Д. С. Полянский, Председатель Совета министров РСФСР в 1958—1962 гг., затем заместитель Председателя Совмина СССР; В. Е. Семичастный, председатель КГБ. В центре заговора оказался Л. И. Брежнев — секретарь ЦК, отвечавший за работу с кадрами.

12 октября остававшиеся в Москве члены Президиума ЦК приняли решение созвать членов и кандидатов в члены ЦК, членов Центральной ревизионной комиссии КПСС для обсуждения вопроса о разработке нового народнохозяйственного плана. Хрущевым предлагалось одобрить не пятилетку, а восьмилетку, а также провести реорганизацию, которая практически ликвидировала бы районные комитеты партии. У членов Президиума это вызвало открытое несогласие. Однако они не хотели отвергать предложение в отсутствие автора и поэтому решили пригласить его.

13 октября Хрущев прибыл из Пицунды, началось заседание Президиума ЦК, на котором вопрос о плане сразу же превратился в вопрос о положении, сложившемся в Президиуме ЦК из-за «непартийных» действий Хрущева. Попытки смягчить критику Хрущева делал лишь А. И. Микоян, Председатель Президиума Верховного Совета с июля 1964 г. Но это было слабой помощью Хрущеву. На следующий день он подписал заявление об отставке. Состоявшийся в тот же день пленум ЦК заслушал доклад М. А. Суслова и, не открывая прений, освободил Н. С. Хрущева от его постов «в связи с пре-

клонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». 1-м секретарем ЦК избрали Л. И. Брежнева, на пост Председателя Совмина рекомендовали А. Н. Косыгина. Через год с небольшим был отправлен на пенсию Микоян. 9 декабря 1965 г. Председателем Президиума Верховного Совета стал Н. В. Подгорный.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Промышленность. В 1953—1964 гг. экономическое развитие страны осуществлялось по планам пятой и шестой пятилеток, а также семилетки, оказавшейся единственной в советской истории. Точнее, на этот период пришлись три последние года пятой, три года шестой пятилеток и 6 лет семилетки. Идея последней возникла при уточнении и развитии заданий 6-й пятилетки, 2 последних года которой и следующее (седьмое) пятилетие были сведены в один план. Главной причиной появления 7-летнего плана был переход к территориальной структуре управления народным хозяйством, требовавший соответственных изменений в планировании. Для периода в целом характерны довольно высокие (если сравнивать с последующими годами) темпы экономического развития. Опережающими темпами развивалась промышленность.

За годы 5-й пятилетки (1951—1955) промышленное производство в СССР удалось увеличить на 85%, за 3 года 6-й пятилетки — на 64, за семилетку (1959—1965) — на 84%. В пересчете на пятилетия промышленное производство за 1956—1960 гг. возросло на 64,3%; за 1961—1965 гг. (7-я пятилетка) — на 51%.

Пятый пятилетний план выполнен досрочно. К началу 1956 г. выпуск промышленной продукции на 15 процентных пунктов превысил плановые задания. Всего за годы пятилетки построены и введены в действие 3,2 тыс. новых промышленных предприятий, в том числе доменные печи в Череповце, на Орско-Халиловском комбинате; трубопрокатный и металлургический заводы в Закавказье; шахты в Донбассе, Кузбассе, Караганде, в Печорском угольном бассейне; Березниковский калийный и Новокуйбышевский нефтеперерабатывающий комбинаты. Вступили в строй крупные ГРЭС (Приднепровская в Днепропетровской области, Черепетская — в Тульской, Южно-Кузбасская — в Кемеровской, Южно-Уральская — в Челябинской области); мощные гидроэлектростанции (Мингечаурская в Азербайджане, Усть-Каменогорская — в Казахстане; первая очередь Куйбышевской ГЭС). Объем капиталовложений в промышленности был почти в 2 раза большим, чем в 4-й пятилетке.

В 50-е годы был осуществлен ряд крупных мер по расширению прав союзных республик в управлении народным хозяйством.

В 1954—1955 гг. вопреки оправданному для громадной страны «имперскому» принципу управления из союзного подчинения в ведение союзных республик было передано свыше 11 тыс. промышленных предприятий. В 1956 г. на основе решений XX съезда партии в ведение республик было передано еще 3,5 тыс. предприятий различных отраслей народного хозяйства. Постановлением Совета министров СССР от 4 мая 1955 г. Совминам союзных республик предоставлялось право самостоятельно утверждать планы производства и распределения всех видов промышленной продукции, вырабатываемой в республиках. Республиканские власти стали самостоятельно распределять средства между республиканским и местным бюджетом, полнее учитывать местные условия и нужды при распределении бюджетных средств.

Несмотря на все ошибки хрущевского руководства, 50-е гг. стали временем перехода СССР к научно-технической революции, выразившегося в переходе к автоматизации некоторых производств и развитии таких принципиально новых научно-технических направлений, как электроника, атомная энергетика, космонавтика. В 1950 г. были созданы отечественные электронно-вычислительные машины для решения статистических задач. В мае 1954 г. принято постановление Совмина о создании межконтинентальной баллистической ракеты и выводе в космос искусственного спутника Земли. В этой связи в феврале 1955 г. развернулось строительство ракетно-космического комплекса Байконур, в январе 1957 г. — испытательного полигона в Архангельской области (ныне космодром Плесецк). 27 июня 1954 г. в СССР дала ток первая в мире атомная электростанция в Обнинске. Июльский (1955) пленум ЦК партии рассмотрел вопрос о дальнейшем подъеме промышленности, техническом прогрессе и улучшении организации производства. Именно на этом пленуме было впервые отмечено, что страна стоит на пороге новой научно-технической и промышленной революции. Работники промышленности и ученые призывались всесторонне изучать достижения отечественной и зарубежной науки и техники, внедрять их в производство.

Во второй половине 50-х гг. упор по-прежнему делался на развитие промышленности, особенно на производство средств производства (группа «А»), которое составило к началу 60-х гг. почти три четверти общего объема промышленного производства. Опережающими темпами развивались машиностроение, металлообработка, химия, нефтехимия, электроэнергетика. В 50-х — первой половине 60-х гг. объем их производства вырос в 4—5 раз. Предприятия группы «Б» (легкая, пищевая, деревообрабатывающая и другие отрасли промышленности) развивались гораздо медленнее, однако и их рост был двукратным.

За 1955—1958 гг. вступили в строй 2690 крупных промышленных предприятий. Летом 1958 г. закончено строительство Куйбышевской ГЭС. Завершение строительства Волгоградской (Волжской) ГЭС положило начало созданию единой энергетической системы. Сданы в эксплуатацию Иркутская и Новосибирская ГЭС, Томь-Усинская и Верхнетагильская ГРЭС, Серовский завод ферросплавов, Саратовский химический комбинат, Новогорьковский и Волгоградский нефтеперерабатывающие заводы, введен в строй газопровод Ставрополь—Москва. Развитие газовой промышленности на территории Северного Кавказа, в Поволжье и других районах позволило газифицировать более 160 городов.

Объем промышленного производства за годы семилетки (1959—1965) увеличился на 84% вместо намечавшихся 80% (при этом предприятия группы «Б» план не выполнили); введено в действие около 5,47 тыс. новых крупных промышленных предприятий. Наибольшие успехи были связаны с ускоренным развитием нефтяной и газовой индустрии, внедрением автоматики, сооружением гигантов металлургии и электроэнергетики. Построены мощные ГРЭС в Сибири (Беловская и Назаровская), на Урале (Троицкая и Яйвинская), Конаковская в Калининской (Тверской) области. В 1960 г. пущена в ход самая крупная в мире по тому времени Сталинградская ГЭС мощностью 2541 МВт. В июне 1959 г. перекрыта Ангара, где возводилась Братская ГЭС, ставшая после монтажа последнего агрегата в 1964 г. мощнейшей в мире. В марте 1963 г. строители Красноярской ГЭС перекрыли Енисей, где велось сооружение еще более мощного гиганта электроэнергетики — на 6 тыс. МВт. В 1964 г. Нововоронежская и Белоярская атомные электростанции дали промышленный ток.

Один за другим вводились в строй новые объекты на металлургических предприятиях Урала и Череповца, на Новотульском и Новолипецком заводах. Построены Качканарский горно-обогатительный, Барнаульский шинный и Щекинский химический, Солигорский калийный комбинаты. В 1961 г. завершена электрификация железнодорожной магистрали Москва — Байкал; создан самый большой в мире пассажирский теплоход на подводных крыльях; «Аэрофлот» обогнал все страны мира по темпам роста авиаперевозок.

22 июня 1960 г. мощный нефтяной фонтан обозначил появление Шаимского месторождения в Тюменской области, с 1964 г. началась промышленная добыча нефти в Западной Сибири. Уже в 1955 г. ее добыча в СССР составляла 70,7 млн т (в 3,6 раза больше, чем в 1945 г.), в 1960 г. — 147,9, в 1964 г. — более 223 млн т. Расширение добычи и экспорта нефти становилось спасительным источником нефтедолларов, заменявшим оскудевающие ресурсы деревни и сельского хозяйства.

Выполнению плановых заданий способствовали рост численности рабочих, занятых механизированным трудом, повышение их общеобразовательного уровня и квалификации, поддержка рационализаторства и изобретательства, различных форм соревнования, распространение передового опыта, шефства комсомола над строительством предприятий. Молодежь откликалась на призывы участвовать в возведении «строек коммунизма» в необжитых краях Сибири и Дальнего Востока. В апреле 1958 г. коллектив железнодорожной станции Москва-Сортировочная выступил с почином о проведении ежегодных коммунистических субботников с переводом заработанных денег в различные фонды. В том же году прядильщица из Вышнего Волочка В. И. Гаганова стала инициатором движения за переход передовиков производства на отстающие участки, чтобы поднять их до уровня передовых. Эти и другие примеры различных общественных инициатив находили многих последователей.

Опережающими темпами в 50—60-е гг., как и ранее, развивался в стране военно-промышленный комплекс, предприятия которого отличались высокой производительностью труда, отменным качеством продукции. По данным на 1962 г., предприятия ВПК производили 6 основных видов военной продукции: общевойсковые системы вооружения и боеприпасы (в научно-исследовательских, конструкторских и производственных организациях этого профиля было занято около 270 тыс. человек); общую и специальную авиационную технику (250 тыс.); боевые надводные и подводные корабли (428 тыс.); радиоэлектронное военно-техническое снаряжение (1 млн); системы ракетно-космической техники (свыше 100 тыс.); ядерные и термоядерные боеприпасы.

Значительная часть предприятий атомной промышленности (предприятия по добыче сырья, производству расщепляющихся материалов для атомных энергетических установок и снаряжения ядерных боезарядов, переработке, локализации и захоронению отходов отработанного топлива) размещалась в «закрытых» городах. В общей сложности на этих предприятиях в начале 60-х гг. было занято не менее 1 млн человек. Если не брать в расчет атомную промышленность, то в 1962 г. на предприятиях ВПК работали 3,6 млн — около 5% от общего числа рабочих и служащих, занятых в промышленности, образовании, науке, культуре и здравоохранении.

Для производства военной продукции привлекалось также более 800 предприятий «гражданских» министерств и ведомств. В то же время предприятия ВПК производили значительное количество мирной продукции. В 1962 г. здесь планировалось изготовить 22 тыс. металлорежущих станков, 35,5 тыс. тракторов, 438 тыс. мотоциклов и мотороллеров, 1450 тыс. велосипедов, 342,5 тыс. холодильников, 804 тыс. стиральных машин, 150 тыс. швейных машин, 3175 тыс. ча-

сов, 2150 тыс. телевизоров, 4765 тыс. радиоприемников. В общем объеме производства предприятий ВПК мирная продукция в 1962 г. составляла 42%, в авиапромышленности — 25%, в судостроении — 40%.

Среднегодовые темпы роста промышленного производства в СССР в 1951—1955 гг. составляли, по официальным данным, 13,1%; в 1956—1960 гг. — 10,3%; в 1961—1965 гг. — 8,6%. Альтернативные подсчеты каждый из этих показателей представляют меньшим на несколько процентных пунктов, но общую динамику развития промышленности под сомнение не ставят.

Сельское хозяйство. Новый курс во внутренней политике, провозглашенный в августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР, предполагал повернуть экономику «лицом к человеку», повысив благосостояние народа через ускорение производства предметов потребления и подъем сельского хозяйства. Между тем его уровень едва превышал довоенный. В 1952 г. сельскохозяйственное производство составляло 101% к 1940 г. В начале 50-х гг. в село вкладывали лишь около 20% от общей суммы капиталовложений в промышленность. В 1953 г. только 22% колхозов были электрифицированы, огромное большинство крестьянских изб продолжали освещаться керосиновыми лампами и свечами.

Основы новой аграрной политики были утверждены на сентябрьском (1953) пленуме ЦК КПСС. Основными причинами отставания деревни были названы материальная незаинтересованность колхозников в результатах своего труда; низкий уровень его механизации; отсутствие толкового руководства колхозами, совхозами и МТС. (Все это было следствием принципиальной недооценки особого места сельского хозяйства в экономике «холодной страны».)

Для оздоровления сельской экономики власти ограничились повышением (в 2—5 раз) закупочных цен на молоко, масло, картофель, скот, птицу. Одновременно снижались нормы поставок с личных подворий, уменьшалось налогообложение колхозников. Налог взимался теперь с размера приусадебного участка, а не в отдельности за скот, сады, кусты, ульи и т. п. Уже в 1954 г. налоги на крестьянство были уменьшены вдвое по сравнению с 1952 г., закупочные цены в следующее пятилетие выросли в 3 раза, денежные доходы колхозов в расчете на каждый колхозный двор — в 2,3, выдача денег на трудодень — в 3 раза.

Увеличивалось государственное финансирование отраслей агросферы. В 1954—1955 гг. МТС, совхозы и колхозы получили более 400 тыс. тракторов, 227 тыс. грузовых машин, свыше 80 тыс. комбайнов. Для укрепления руководящих кадров колхозов на работу в них в

качестве председателей было направлено более 30 тыс. партработников («тридцатитысячников»). Свыше 120 тыс. специалистов сельского хозяйства из управленческого аппарата переведены на работу в село.

Ситуация в деревне стала поправляться. Производительность труда в сельском хозяйстве в 1955 г. выросла на 38% по сравнению с 1940 г. В течение 5 лет после сентябрьского (1953) пленума среднегодовой прирост продукции аграрного сектора превышал 7%.

На февральско-мартовском (1954) пленуме ЦК было решено для быстрого увеличения производства зерна в течение ближайших трех лет освоить в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья 13 млн га целинных и залежных земель. Обращение к молодежи получило широкий отклик. Более 500 тыс. юношей и девушек из разных городов и сел страны отправились на освоение целины. Их трудовой энтузиазм уже за три первых целинных года (1953—1956) позволил освоить 32 млн га новых земель и резко увеличить сбор зерна в стране. Из общего прироста производства зерна с 1953 по 1958 г. в целом по стране в 58 млн т на долю целинных районов приходилось 31,5 млн (54,3%). В 1958 г. на долю этих районов приходился 41% всего выращенного в стране хлеба. В последующем из-за ветровой эрозии почв урожаи в целинных районах снизились, в 60-е гг. часть освоенных земель пришлось перевести в пастбища. Тем не менее целина продолжала обеспечивать стране заготовку каждой четвертой тонны хлеба.

Гораздо меньший эффект дала попытка ускорить разрешение продовольственной проблемы в стране путем повсеместного посева кукурузы. В 1954 г., обращаясь к комсомольцам, уезжающим на целину, Хрущев говорил: «Нам необходимо иметь больше кукурузы... главным образом на откорм птицы, свиней и других видов скота». В январе 1956 г. ЦК КПСС постановил считать распространение этой культуры важнейшей задачей. Под расширение посевов кукурузы планировалось и развитие животноводства. После визита Хрущева в Америку (1959) в стране началась просто кукурузная лихорадка. К 1963 г. площади под кукурузу были увеличены до 37 млн га (с 18 млн га в 1955 г.). Однако «королеве полей» не удалось вывести страну на «орбиту коммунистического изобилия». Сокращение посевов пшеницы и ржи ради кукурузы привело к общему снижению сбора зерновых.

«Соревнование» с США, где условия хозяйствования несравненно более благоприятны, в производстве мяса, молока и масла на душу населения окончилось конфузом. Желание поскорее догнать Америку вело не только к росту производства (в первый год «соревнования» в СССР удалось увеличить производство мяса на 301 тыс. т, а в 1960 г. — на 1007 тыс.), но и к приписками, созданию видимости успеха. Наиболее показательна была попытка руководства Рязанской области увеличить в 1959 г. производство мяса в 4—5 раз. Мясо

скупалось у населения и в соседних областях, школьники выращивали кроликов. В декабре было доложено, что область продала государству 100 тыс. т мяса вместо плановых 50 тыс., а в следующем году продаст 180—200 тыс. Секретарь обкома А. Н. Ларионов получил звание Героя Социалистического Труда, опыт рязанцев был рекомендован для повсеместного распространения. Но в конце 1960 г. обман раскрылся, и секретарь застрелился. В 1964 г., когда сошел с дистанции главный лидер соревнования, производство мяса в СССР достигло 8,3 млн т. Лишь в 1983 г. СССР произвел 16 млн т мяса (столько же, сколько США в 1956 г.).

В 1963 г. надежды на подъем сельскохозяйственного производства власти справедливо стали связывать уже не с кукурузой, а с развитием промышленности минеральных удобрений и химизацией сельского хозяйства. В октябре ЦК КПСС и правительство СССР опубликовали письмо ученым и работникам химической промышленности об увеличении производства минеральных удобрений и химических средств защиты растений, декабрьский (1963) пленум ЦК принял специальное постановление об ускоренном развитии химической промышленности. Отдача от химизации пришлась на 70-е гг.

Не дала ожидаемого результата и осуществленная в соответствии с постановлением февральского (1958) пленума ЦК реорганизация машинно-тракторных в ремонтно-тракторные станции. Технику продавали колхозам. Предполагалось, что эта мера укрепит их материальную базу, ликвидирует «двоевластие» на земле (колхозов и МТС), разбудит инициативу. Однако для многих слабых колхозов расходы на приобретение техники были непосильными. Ремонтная база в сельском хозяйстве оказалась подорванной, значительная часть механизаторов и специалистов МТС не захотели превращаться в колхозников и отправились в города.

Губительным для деревни было начавшееся в 50-х гг. сселение «неперспективных» деревень, ставшее реализацией высказанной Хрущевым еще при Сталине идеи об агрогородах в сельской местности. Идея была реанимирована на декабрьском (1959) пленуме ЦК, призвавшем разработать «схемы районных и внутрихозяйственных планировок». В выпущенных в 1960 г. рекомендациях Академии строительства и архитектуры СССР говорилось: «Существующие населенные пункты колхозов и совхозов рекомендуется разделять на две группы — перспективные и неперспективные». К концу государственной деятельности Хрущева в России исчезло 139 тыс. деревень (13 за день). Провозглашенный же ранее тезис о «сближении города и деревни» предполагал лишь выравнивание уровня жизни, а не уменьшение населения сел.

Не менее пагубным оказалось укрупнение и преобразование колхозов в совхозы с одновременным свертыванием личного подсобного

хозяйства. В 1939 г. в стране было 234,1 тыс. колхозов, не считая рыболовецких, и 4 тыс. совхозов. К концу 1965 г. число колхозов сократилось до 36,3 тыс. (в 6,4 раза), количество совхозов выросло до 11,7 тыс. (в 2,9 раза); в них было занято соответственно 18,6 и 8,2 млн человек.

В 1958—1964 гг. размеры приусадебных участков в колхозах сократились на 12% (до 0,29 га), в совхозах — на 28% (до 0,18 га). Производство мяса и молока в личном подсобном хозяйстве упало на 20%. В августе 1958 г. было принято постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Оно касалось около 12 млн городских семей, имевших свои огороды, и воспринималось как «малое раскулачивание». Сведение к минимуму мелкого крестьянского хозяйства опустошало важнейший источник поступления продовольствия, недостаток которого страна остро ощутила уже в начале 60-х гг. Все это существенно отразилось на уровне производства продукции сельского хозяйства в целом и на общем настрое жителей деревни, особенно молодежи. В 1960—1964 гг. 7 млн сельчан, включая 6 млн молодых людей (до 29 лет), перебрались на жительство в города. С отставкой Хрущева необоснованные ограничения, касающиеся подсобных хозяйств, были отменены, но это не вернуло людей в село.

Общий баланс успехов и неудач в развитии сельского хозяйства виден из следующих цифр. Сельскохозяйственное производство в СССР за 1951—1955 гг. выросло на 20,5%, в 1956—1960 гг. — на 30%, в 1961—1965 гг. — на 18% (за 3 года 6-й пятилетки — на 32%, в годы семилетки — на 15% вместо запланированных 70%). Среднегодовые темпы прироста валовой продукции сельского хозяйства были значительно ниже, чем в промышленности. В первое из названных пятилетий они составляли 4,1% в год, во второе — 5,7%, в третье — 2,4%. Планы подъема сельского хозяйства выполнить не удалось.

Низкие темпы развития сельского хозяйства замедляли рост национального дохода страны (вновь созданная стоимость во всех отраслях сферы материального производства). Тем не менее 1951—1960 гг. в отечественной истории XX в. оказались рекордными по среднегодовому приросту национального дохода — 10,3%, по официальным данным. На протяжении следующего десятилетия они составляли 7% в год. Альтернативные подсчеты показывают, что в 50-е гг. национальный доход ежегодно возрастал на 9,3%, в 60-е — на 4,2%.

По данным академика Н. П. Федоренко, национальное богатство России в 50-е гг. прирастало в среднем на 10% в год, в 60-е — по 10,5%. В целом хрущевский период характеризуется ежегодным приумножением национального богатства на 9,3%. Объем ВВП в 1964 г. составлял 1205 млрд руб. (в сопоставимых для всего XX в.

ценах) и был почти в 3 раза больше, чем в 1952 г., и в 1,6 раза больше, чем в 1959 г.

Результаты могли быть более впечатляющими, если бы не издержки безудержного реформаторства. Несмотря на это, экономическое развитие страны в 50-е гг. по объективным показателям оказалось наиболее успешным в сравнении с другими периодами развития плановой экономики. Рост ВВП в СССР, основой которого стал мощный экономический потенциал, созданный в 30—40-е гг., многократно превосходил рост в таких странах, как США и Великобритания, значительно опережал экономический рост во Франции, был выше, чем в ФРГ, и лишь незначительно уступал экономическому росту Японии. Достижения СССР позволяют, по мнению экономиста Г. И. Ханина, назвать 50-е гг. эпохой «советского экономического чуда».

Социальная сфера. Первая послевоенная перепись населения СССР, проведенная 15 января 1959 г., отразила существенный рост численности жителей страны (на 22,4%). Их насчитывалось 208,8 млн человек против 170,5 млн, зафиксированных на январь 1939 г. В 1962 г. впервые в истории страны численность городского населения (111,2 млн) превысила численность сельских жителей (108,6 млн). Если за четвертое десятилетие XX в. число рабочих и служащих в промышленности выросло в 1,17 раза, то за пятое десятилетие — почти в полтора раза (с 15,3 до 22,3 млн). Рост происходил за счет колхозников и членов городских промысловых артелей (на их долю в 1955 г. приходилось 8% всей промышленной продукции, они оказывали также различные услуги населению). В 1956 г. были переведены в государственную собственность наиболее крупные промартели, а в 1960 г. промкооперация в городах полностью слилась с государственным сектором экономики. Таким образом 1,4 млн бывших членов артелей приобрели статус рабочих и служащих.

Отрадным явлением 50-х гг. стало завершение истории «архипелага ГУЛАГ» с его своеобразной структурой населения. В 1959 г., прошедшим под знаком эйфории по поводу возможностей общественности в охране правопорядка (к этому времени в стране было 84 тыс. добровольных народных дружин, насчитывающих более 2 млн человек), было предложено упразднить общесоюзное Министерство внутренних дел, в структуре которого находился ГУЛАГ. В январе 1960 г. министерство было упразднено, ряд его служб и функций передали в МВД союзных республик.

Приток новых осужденных «контрреволюционеров» в места заключения с середины 50-х гг. сократился, поток освобожденных и реабилитированных усилился. Если на 1 января 1955 г. в лагерях и

колониях содержалось 309 тыс. политических заключенных, то к началу 1956 г. — 114, а к апрелю 1959 г. — 11 тыс., или 1,5% от всего населения ГУЛАГа. Сокращение числа заключенных в лагерях было связано также со смягчением наказаний по уголовным преступлениям. В результате размер подведомственного Главному управлению лагерей МВД «хозяйства» сократился к 1959 г. по сравнению с 1953 г. более чем в 2 раза: в нем насчитывалось 948 тыс. заключенных.

Еще более масштабные изменения в социальную структуру общества вносило сокращение численности таких сограждан, как спецпоселенцы (трудпоселенцы, спецпереселенцы). В 1954 г. сняты ограничения с бывших кулаков, выселенных из своих мест в годы коллективизации, а в 1955 г. спецпоселенцам начали выдавать паспорта, их стали призывать в Советскую армию. Объявлена была амнистия гражданам, сотрудничавшим с оккупантами в годы Великой Отечественной войны. В 1956 г. последовал целый ряд указов, снимавших правовые ограничения с выселенных в годы войны народов.

В 1956—1957 гг. восстановлена государственность чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, калмыков. Поволжских немцев и крымских татар это не коснулось. В 1964 г. был отменен августовский (1941) указ в отношении советских немцев, но лишь в части, содержащей огульные обвинения в пособничестве оккупантам. В 1967 г. подобное обвинение сняли с крымских татар. В конце 60-х гг. процесс реабилитации был свернут.

Развитие народного хозяйства в 1953—1964 гг. позволяло государству направлять все увеличивающуюся часть национального дохода на социальные нужды, улучшать условия труда, повышать заработную плату, продовольственную и товарную обеспеченность населения. В 1955 г. средняя заработная плата рабочих и служащих составляла 71,8 руб. в месяц. В то же время цена на ржаной хлеб равнялась 12 коп. за килограмм, за говядину 1-го сорта — полтора руб. за кг, за литр молока — 22—29 коп. (в зависимости от сезона), яйцо — 70—90 коп. за десяток, картофель — 10 коп. за килограмм, яблоки — 70 коп. — 1 руб. 20 коп. за килограмм, ситец — 53 коп. за погонный метр, чистошерстяная костюмная ткань (бостон) — 37 руб. 60 коп. за метр, кожаные мужские полуботинки — 19 руб. 80 коп. Уже к 1956 г. люди стали покупать по сравнению с началом десятилетия почти в два раза больше мяса и масла, а также одежды и обуви.

После XX съезда эта линия была продолжена. С января 1957 г. повышалась минимальная зарплата на производстве, в строительстве и на транспорте, был установлен необлагаемый минимум заработной платы. В марте 1957 г. снижены налоги на рабочих и служащих. Прекратились внутренние займы, раньше составлявшие минимум месячную зарплату и носившие принудительный характер. В 1956 г. ра-

бочий день рабочих и служащих по субботам и в предпраздничные дни был сокращен на два часа, в 1957-м начался переход на семичасовой рабочий день. Реальные доходы рабочих и служащих с 1950 по 1958 г. выросли в 1,6 раза и увеличивались в последующем. Минимальная зарплата выросла с 40—45 руб. в 1957 г. до 60 в середине 60-х гг.; среднемесячная — с 78 в 1958 г. до 96,5 руб. При этом месячная зарплата промышленных рабочих в 1965 г. равнялась 101,7 руб., инженеров и техников — 148,4 руб., служащих — 85,8 руб.; средний заработок рабочего совхоза (72,4 руб. в месяц) составлял 71,2% от заработка промышленного рабочего. Основную часть семейных расходов горожан составляли затраты на питание — более 50% заработной платы.

Доходы семей несколько возросли с отменой с сентября 1956 г. всех видов оплаты за обучение в школах и вузах, введенной накануне войны, и особенно — в результате радикальной реформы пенсионного законодательства. С июля 1956 г. пенсию могли получать мужчины после 60 лет и женщины — с 55. Размер государственной пенсии составлял от 55 до 100% средней заработной платы, что привело к увеличению пенсий по отдельным группам в два раза и более.

Общее улучшение условий жизни в стране выразилось в увеличении продолжительности жизни. Если в среднем по СССР она составляла в 1926—1927 гг. 44 года, а в 1953—1954 гг. — 63, то в 1958—1959 гг. — 68 лет. По сравнению с дореволюционным временем средняя продолжительность жизни к концу 50-х гг. увеличилась более чем вдвое. В 1896—1897 гг. люди жили в среднем по 32 года.

Настоящей революцией в социальной сфере стало введение пенсий для колхозников. 15 июля 1964 г. Верховный Совет страны принял закон о пенсиях и пособиях членам колхозов, для которых впервые в истории советской деревни устанавливалась государственная система социального обеспечения. Пенсии по старости стали получать мужчины в возрасте 65 лет, женщины — 60. Выплаты проводились из центрального фонда, созданного за счет отчислений колхозов и ежегодных ассигнований из государственного бюджета. До 1964 г. престарелые колхозники и инвалиды получали пенсии от колхозов. Однако пенсионерами была лишь четвертая часть этой категории людей, три четверти из них находились на содержании работающих детей и родственников.

Сумма ежемесячной пенсии рабочих и служащих колебались от 30 до 120 руб., колхозников — от 12 до 15 руб. К 1980 г. пенсионные выплаты колхозникам были увеличены до 28 руб. Считалось, что остальные средства для жизни вышедшие на пенсию колхозники могут получить от подсобного хозяйства. С февраля 1958 г. началась постепенная паспортизация крестьян-колхозников. Паспортный режим в городе и деревне окончательно унифицирован только в 1974 г.

Быстрое развитие промышленности строительных материалов позволило перевести жилищное строительство на индустриальную основу и многократно расширить его масштабы. В 1954 г. специальным решением были осуждены «парадность и украшательство» в архитектуре. В 1954—1957 гг. принимается целая серия решений, направленных на внедрение типового домостроения, символом которого стали московские Черемушки. Стоимость строительства жилья по новому методу уменьшилась на 25%, трудоемкость в 3—4 раза, сроки сдачи — до одного-полутора месяцев. Это позволило в 1958 г. впервые отказаться от планирования «коммуналок» и начать решение вопроса о посемейном расселении в отдельные квартиры.

В этой связи следует отметить огромную сложность решения жилищной проблемы в нашей «холодной» и бедной стране. По своей реальной стоимости городские жилища и после их относительного удешевления были не по карману для большинства населения. Феноменальный рост городов и городского населения, происходивший в СССР с конца 20-х гг., шел в основном за счет строительства государством бесплатного для горожан жилья. Без такой политики не было бы индустриализации и последующих успехов промышленного развития страны.

За 1956—1960 гг. в новые квартиры переселились почти 54 млн человек, что составляло четвертую часть жителей СССР. И хотя со временем дешевое жилье перестало отвечать возросшим потребностям людей, его огромную значимость для своего времени трудно переоценить. Остроту проблемы жилья сглаживали получившие большое распространение недорогие жилищные кооперативы на достаточно льготных условиях, с рассрочкой выплаты всей стоимости квартиры на 15 лет.

§ 3. КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Наука и техника. После смерти Сталина начались процессы освобождения сферы культуры от жесткого партийного контроля, мелочной регламентации спецслужбами, преодоления догматизма. Относительная терпимость к плюрализму мнений, литературно-художественных и научных школ в 50—60-е гг. по-разному проявлялись в различных областях культуры и психологии масс. «Шоковый» характер разоблачения «культа личности» имел и свое пагубное следствие — разочарование (и прежде всего в элите) в идее построения коммунизма и реальности социализма, приведшее в итоге к распаду СССР. С наибольшим драматизмом менялись после XX съезда партии насквозь идеологизированные гуманитарные сферы культуры и генерируемые ими общественные движения. С наименьшими потря-

сениями «десталинизация» сказывалась на развитии естественных и технических наук, системе образования. Жизненная необходимость разрешения атомной и ракетной проблем породила особое отношение руководства страны к ученым. Колоссальные успехи советской науки, которые в ряде приоритетных направлений превосходили мировой уровень, еще больше подняли престиж ученых в обществе.

Идеология вступления страны в эпоху научно-технической революции, подкрепленная решениями июльского (1955) пленума ЦК, широкая пропаганда научных и технических достижений СССР наряду с завесой секретности вокруг определенных научных учреждений делали научную стезю привлекательной и романтичной для молодежи. Материальная основа науки непрерывно расширялась. С начала 50-х до конца 60-х гг. расходы на науку выросли почти в 12 раз. К этим годам относится мировое признание большей части всех советских работ, удостоенных Нобелевских премий в области точных и естественных наук: изыскания академиков Н. Н. Семенова (1956), П. А. Черенкова, И. М. Франка и И. Е. Тамма (1958), Л. Д. Ландау (1961), Н. Г. Басова и А. М. Прохорова (1964). Позднее нобелевскими лауреатами стали П. Л. Капица (1978), Ж. И. Алферов (2001), А. А. Абрикосов и В. Л. Гинзбург (2003).

Академию наук СССР в эти годы возглавляли замечательные ученые и организаторы — основатель научной школы по химии элементоорганических соединений А. Н. Несмеянов (1951—1961), математик и механик, руководитель ряда советских космических программ М. В. Келдыш (1961—1975). Позднее президентами избирались один из основателей отечественной ядерной энергетики А. П. Александров (1975—1986), математик и физик Г. И. Марчук (1986—1991). С 1991 г. во главе Российской академии наук стоит математик и механик Ю. С. Осипов.

В 50-е — первой половине 60-х гг. произошло существенное количественное и территориальное расширение сети научно-исследовательских институтов. Только в системе Академии наук СССР за 1956—1958 гг. было организовано 48 НИИ. В 1957 г. был основан Новосибирский академгородок, занявший ведущие позиции в области прикладной математики и физики. Одновременно было создано Сибирское отделение Академии наук с Дальневосточным, Западно-Сибирским и Восточно-Сибирским филиалами, возникли научно-исследовательские институты в Красноярске и на Сахалине.

Приоритет в научных разработках в 50-е гг., как и в 40-е, отдавался интересам ВПК. С его нуждами во многом связали свою работу выдающиеся ученые И. В. Курчатов, С. П. Королев, М. В. Келдыш, Ю. Б. Харитон, А. Д. Сахаров, конструкторы А. Н. Туполев, В. П. Глушко, П. Д. Грушин, Н. А. Пилюгин, В. Н. Челомей, М. К. Янгель и др.

Крупнейшими достижениями науки и техники того времени стали: создание турбореактивного пассажирского лайнера Ту-104 (1955), запуск самого мощного в мире синхрофазотрона (1957); испытание на космодроме Байконур 21 августа 1957 г. ракеты межконтинентальной дальности Р-7, позволившей осуществить запуск в космос искусственного спутника Земли (4 октября 1957 г.); спуск на воду атомного ледокола «Ленин» (конец 1957 г.); ходовые испытания атомной подводной лодки (июль 1958 г.); создание в 1959 г. первой отечественной крылатой ракеты, стартующей с подводной лодки (генеральный конструктор В. Н. Челомей); полет Ю. А. Гагарина в космос (12 апреля 1961 г.); осуществление 30 октября 1961 г. беспрецедентного по мощности (50 мегатонн) взрыва водородной бомбы над Новой Землей (испытанием доказана возможность конструировать на основе предложенного принципа заряда практически неограниченной мощности); создание системы залпового огня «Град» (1962); запуск в 1963 г. маневрирующего автоматического искусственного спутника Земли серии «Полет» — прототипа перехватчиков искусственных спутников; пуск Белоярской и Ново-Воронежской АЭС (1963); вывод на орбиту первого многоместного космического корабля «Восход-1» с космонавтами В. М. Комаровым, К. П. Феоктистовым и Б. Б. Егоровым (1964).

Прокладывание новых путей в будущее было связано с огромным риском. 29 сентября 1957 г. на химкомбинате, расположенном неподалеку от станции Муслюмово Южно-Уральской железной дороги (ныне производственное объединение «Маяк»), произошел взрыв емкости с радиоактивными отходами. После него возник так называемый восточноуральский радиоактивный след, загрязнивший около 23 тыс. кв. км Челябинской, Свердловской и Тюменской областей, облучены около 300 тыс. человек. Радиоактивное заражение реки Течи до сих пор вызывает у окрестных жителей разных поколений болезни и генетические мутации. 24 октября 1960 г. во время подготовки к запуску на одной из площадок Байконура новой ракеты Р-16, созданной в конструкторском бюро М. К. Янгеля, произошел взрыв, унесший жизни десятков людей. Среди погибших был главнокомандующий ракетными войсками маршал М. И. Неделин. Засушливым летом 1967 г. озеро Карачай, куда многие годы сливались отходы производства химкомбината «Маяк», обмелело. Радиоактивная пыль с высушенных солнцем берегов озера была разнесена ветром почти на 2 тыс. км. В этот раз пострадало 400 тыс. человек, а жители 42 населенных пунктов были эвакуированы. В дождливые годы Карачай переполняется, создавая опасность попадания отравленных вод в общую гидросистему края.

В 50-е гг. возобновлены работы в области генетики, несмотря на то что Н. С. Хрущев продолжал поддерживать влиятельного против-

ника этого направления в науке Т. Д. Лысенко, который вплоть до 1962 г. в качестве президента ВАСХНИЛ (1938—1956 и 1961—1962 гг.) осуществлял руководство сельскохозяйственной наукой страны, во многом в ущерб науке.

Во второй половине 50-х гг. большой проблемой для сельскохозяйственной науки стала ветровая эрозия и резкое снижение плодородия освоенных целинных земель, ставшая результатом шаблонного переноса на эти земли агротехнических приемов, применявшихся в центральных влагообеспеченных районах страны. На этом фоне развернулась острая критика травопольной системы земледелия и повсеместное насаждение в административном порядке пропашной системы. В засушливых районах по рекомендации ученых стали с успехом применять безотвальную вспашку, поверхностную обработку почвы и зернопаровые севообороты (Т. С. Мальцев и его ученики), почвозащитную систему земледелия (А. И. Бараев и его ученики).

Определенные достижения наблюдались и в гуманитарных науках. Постепенному преодолению сталинского догматизма, восстановлению, пусть и частично, правды в отношении исторических процессов, событий и отдельных личностей способствовало расширение со второй половины 50-х гг. публикаций воспоминаний, статистических и документальных материалов, доступа к архивам. Большое значение имело обнародование утаиваемых ранее статей В. И. Ленина, связанных с образованием СССР, характеристиками политических деятелей из ленинского окружения. Развитие общественных наук шло по линии «возврата к ленинизму», выискивания ошибок Сталина даже там, где их не было, романтизации «чистой» коммунистической идеи периода революции и 20-х гг. Развитию гуманитарных исследований способствовали новые журналы: «История СССР», «Вопросы истории КПСС», «Новая и новейшая история», «Мировая экономика и международные отношения», «Вопросы языкознания» и др.

В гуманитарной среде создавались новаторские для своего времени труды, подводились итоги исследований в конкретных областях знания, возникали и развивались новые научные школы. За период с начала 50-х до середины 60-х гг. заметный след в науке оставили философы Э. В. Ильенков, П. В. Копнин, В. С. Степин; специалисты в области отечественной истории М. Н. Тихомиров, Н. М. Дружинин, Б. А. Рыбаков; в области всеобщей истории — В. С. Сергеев, С. Д. Сказкин, А. И. Неусыхин; этнологи С. П. Толстов, С. А. Токарев; археолог А. В. Арциховский; юристы Н. Г. Александров, М. Н. Гернет; экономисты Л. В. Канторович, В. В. Новожилов, В. С. Немчинов; литературоведы М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев; языковеды В. В. Виноградов, Ф. П. Филин; психологи А. Н. Леонтьев, А. Л. Лурия; социолог Г. В. Осипов; педагог М. Н. Скаткин и др.

Вместе с тем попытки научной интеллигенции выйти за пределы сложившихся догм, расширение критики «культа личности» вне рамок известного партийного постановления не допускались, упоминания о Троцком, Бухарине, Рыкове и других оппозиционерах тщательно ограничивались цензурой. Дискуссии на темы репрессий пресекались, нередко с подключением органов КГБ.

Образование. В 50-е гг. произошли существенные изменения в системе образования. В соответствии с переписью населения 1959 г. высшее, среднее и неполное среднее образование имело 43% населения. Этот показатель вырос на 76,1% по сравнению с показателем 1939 г. Однако выпускники средней школы, как и в 30-е гг., ориентировались на учебу в вузах и с неохотой шли на производство. Возникла необходимость реформирования школы таким образом, чтобы превратить ее в резерв пополнения кадров рабочего класса и технической интеллигенции.

Развернувшаяся в 1956 г. дискуссия о том, как приблизить школу к производству, завершилась принятием в декабре 1958 г. закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования». Вместо семилетки была создана обязательная восьмилетняя политехническая школа. Среднее образование молодежь получала, оканчивая среднее профтехучилище, техникум, вечернюю (заочную) школу рабочей молодежи, аналогичную сельскую или проучившись 3 года в средней образовательной школе «с производственным обучением». Для желающих продолжить образование в вузе вводился обязательный производственный стаж. К осени 1963 г. стало ясно, что реформа не удалась. Школьники по-прежнему с неохотой шли на производство, вечерние и заочные старшие классы хороших знаний не давали. Слабая материально-техническая база, узкий и случайный выбор профессий, предлагаемых в школе с производственным обучением, не обеспечивали должной профессиональной подготовки. Качество образования снижалось. С 1964 г. средняя школа вновь стала десятилетней, а школьная реформа 1958—1964 гг. — достоянием истории.

Предпринятые усилия по увеличению в высшей школе молодежи с производства привели к развитию системы вечернего и заочного обучения. Если в 1946 г. по этим формам обучалось 28% всех студентов, то в 1961 г. — 61%. С этой же целью в 1957 г. были изменены правила приема в высшие учебные заведения. Преимущественное право получали демобилизованные из армии и отработавшие не менее двух лет на производстве. К середине 60-х гг. принятые на льготных основаниях составили среди студентов 70%, что неизбежно вело к снижению требований к уровню подготовки, к девальвации высшего образования.

«Оттепель» в литературно-художественной жизни. Критика «культа личности», начало реабилитации репрессированных и другие признаки потепления общественно-политической атмосферы вызвали повсеместный горячий отклик. Одними из первых на перемены откликнулись литераторы. Осенью 1953 г. редактируемый А. Твардовским «Новый мир» опубликовал статью В. Померанцева «Об искренности в литературе». В ней проводилась мысль о благотворности различных литературных школ, направлений и необходимости «честно писать», не думая «о выражении лиц высоких и невысоких читателей». В обновленческом ключе написаны роман «Времена года» В. Пановой, напечатанный в этом журнале в октябре—декабре 1953 г., и опубликованные ранее статьи В. Овечкина, показывавшие действительность без прикрас и лакировки. В апреле 1954 г. на страницах журнала появляется статья Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» с резкой критикой схематического изображения реальности в «образцовых» романах о деревне, созданных в 40-е гг. Той же весной в журнале «Знамя» появились главы из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», а в «Новом мире» — повесть «Оттепель» И. Эренбурга. Эти произведения подводили читателей к осознанию губительности атмосферы, царившей ранее в стране.

Однако первую «оттепель» уже в мае 1954 г. сменили «заморозки». Центральные газеты вдруг нашли большие недостатки в повестях В. Пановой, И. Эренбурга, статьях В. Померанцева, Ф. Абрамова, пьесах Л. Зорина, А. Мариенгофа, С. Городецкого, Ю. Яновского и подвергли их резкой критике за «клеветнический характер», «очернение советской действительности». А 23 июля секретариат ЦК принял постановление в духе 1946 г.: осудил Твардовского за подготовленную к публикации поэму «Теркин на том свете». В августе 1954 г. он был отстранен от руководства «Новым миром» (назначен К. Симонов). Поэма, ставшая причиной отставки, была впервые опубликована по благословению Н. С. Хрущева в августе 1963 г. в газете «Известия». На II съезде советских писателей (декабрь 1954 г.) первые «оттепельные» произведения были осуждены как проявление «стихийного» развития литературы.

Консервативная линия развития литературы, связанная с большими сомнениями по поводу взятого курса на «десталинизацию» и необходимости прекращения борьбы с космополитизмом, получила выражение в журналах «Октябрь» и «Нева». Литературным памятником консерватизма послесталинской эпохи является роман «Тля» И. Шевцова, герои которого, молодые московские художники, ведут борьбу «за реалистическое искусство» с критиками, которым покровительствует художник-модернист Барселонский (пародия на И. Эренбурга). Роман написан в 1952 г. После смерти Сталина он, естественно, в свет не вышел и впервые опубликован после грубой ругани Хрущевым

1 декабря 1962 г. художников-модернистов в Центральном выставочном зале «Манеж».

Таким образом, уже вскоре после марта 1953 г. дали о себе знать группировки реформаторов-антисталинистов и консерваторов-сталинистов, которые породили в дальнейшем все разнообразие направлений в литературно-художественной и общественной жизни страны. Часть интеллигенции, ставшая на сторону хрущевских реформаций и названная позднее, в конце 60-х гг., либеральной интеллигенцией, поначалу не имела ничего общего с либерализмом как идеологическим течением, отстаивающим свободу предпринимательства, буржуазно-парламентский строй и буржуазную демократию. Понятие «либерализм» в отношении к этой части интеллигенции применимо лишь в смысле, означающем некое свободомыслие, вольнодумство, терпимость, снисходительность. Сталинисты начала 50-х гг. также не имели ничего общего с консерватизмом как идеологическим течением. Их приверженность к «устаревшим традициям» не предполагала ни «буржуазного национализма», ни воскрешения традиций, порядков дореволюционной России. Просто они увидели в антисталинизме угрозу основам социалистического строя и только в силу партийной дисциплины не выступали открыто против начавшейся борьбы с «культом личности». Но все новые тенденции в художественной культуре, выходившие за рамки догматических установок, встречались ими непримиримо.

Своеобразие ситуации в литературно-художественном мире после марта 1953 г. во многом определялось тем, что группа писателей и художников, проявившая активность в борьбе с космополитизмом, явно проигрывала в численном отношении «жертвам» антикосмополитической борьбы. Возникшая на этой основе в литературно-художественной среде «групповщина» стала проблемой всей последующей истории советской культуры.

Конфликт групповых интересов перешел в открытую фазу в период с апреля 1955 по март 1956 г. Требования реабилитации бывших «космополитов» и расследования конкретной вины некоторых литературных чиновников вызвали упреки в «реваншистских настроениях» со стороны писателей, обличавших космополитизм. «Групповщина» в литературной среде осуждалась уже на II съезде писателей, в частности Л. Соболевым, крупнейшим писателем того времени, одним из лидеров русского национального течения в литературе.

«Либеральный лагерь» с середины 50-х гг. контролировал обстановку в крупнейших Московской и Ленинградской писательских организациях, оказывал сильное влияние на столичные литературные журналы и газеты — «Новый мир», «Юность» (с 1959 г.), «Литературная газета». Из других журналов, подчиняющихся правлению

Союза советских писателей, либералам сочувствовал журнал «Октябрь» (до 1961 г.).

После XX съезда КПСС идеологическое давление со стороны официальных политических и литературных начальников на деятелей литературы и искусства было ослаблено. Ответственность за «перегибы» прежних лет была возложена на Сталина и Жданова. Восстановлены были имена репрессированных деятелей литературы и искусства (В. Мейерхольд, Б. Пильняк, И. Бабель, И. Катаев). Появились новые издания С. Есенина, А. Ахматовой и М. Зощенко. В мае 1958 г. постановлением ЦК об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца», «реабилитированы» обвиненные в «формализме» великие творцы музыки Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, а также Н. Мясковский и В. Шебалин. Однако отчаянные попытки А. Фадеева добиться изменения стиля руководства Союзом писателей путем изъятия у Министерства культуры идеологических функций привели к опале и самоубийству писателя.

Интенсивность и противоречивость обновленческого процесса в культуре и идеологии получили свое выражение в работе I съезда художников и II съезда композиторов (1957), III съезда писателей (1959), совещания историков (1962), на встречах руководителей партии с творческой интеллигенцией (1957, 1962, 1963), в расширении экспозиционной деятельности музеев и выставочных залов. Открытием целой эпохи стала художественная выставка 1962 г., где впервые были экспонированы полотна 20—30-х гг., не укладывающиеся в рамки «социалистического реализма» и находившиеся в запасниках музеев.

Потепление общественной атмосферы отразилось и на культурных связях с внешним миром. Проведенный летом 1957 г. в Москве фестиваль молодежи и студентов положил начало послевоенным контактам советской и иностранной молодежи. В 1958 г. в столице прошел первый Международный музыкальный конкурс им. П. И. Чайковского, ставший триумфом советской исполнительской школы. Победа на конкурсе молодого американского пианиста В. Клиберна сделала его в ту пору любимцем советских меломанов. В конце 50-х гг. проводятся выставки западного искусства — картин из собрания Дрезденской галереи, выставлявшихся перед передачей их правительству ГДР, полотен П. Пикассо и др. Все это стало вехами на пути к установлению нормальных отношений с зарубежным миром.

Развитию литературы способствовали новые литературно-художественные журналы — «Юность», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Иностранная литература», «Советский экран» и др. Центром притяжения либеральной интеллигенции стал «Новый мир», вновь возглавленный в июне 1958 г. А. Твардовским. Большой резо-

нанс в обществе вызвали опубликованные в журнале рассказы В. Шукшина, роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», посвященный интеллигенции, и особенно — опубликованная в ноябре 1962 г. повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» о жизни политического заключенного в лагерях.

В декабре 1960 г. в «Юности» опубликована статья критика Ст. Рассадина «Шестидесятники» — о писателях нового литературного поколения, их героях и читателях. В дальнейшем определение «шестидесятник» стало общеупотребительным — так называли писателей демократического направления, творивших во второй половине 50-х и в 60-х гг. Называя отличительную черту «шестидесятников», Ю. Карякин говорил о себе и многих других «детях XX съезда»: «Мы ругали Сталина, но это был эзопов язык, потому что по-настоящему нам хотелось ругать Ленина».

Деятельность «шестидесятников» находила «понимание» и поддержку высокопоставленных либералов в правящей Коммунистической партии. Свидетельством тому служит статья А. Н. Яковлева «Большевизм — социальная болезнь XX века» (1999). «После XX съезда, — писал он, — в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потом без устали говорили о гениальности позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т. д. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения «культа личности Сталина». Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна».

Консервативные тенденции в развитии культуры 50 — начала 60-х гг. проявлялись в ряде инициированных «сверху» акций, направленных на поддержание должного уровня ее идейности. В начале 1957 г. резкой критике за «нигилистическое перечеркивание советской действительности» был подвергнут роман В. Дудинцева. Оскорбительную критику испытали на себе писатели А. Вознесенский, Д. Гранин, С. Кирсанов, художник Р. Фальк, скульптор Э. Неизвестный, режиссер М. Хуциев. Самый громкий скандал разразился в декабре 1962 г., когда Хрущев во время посещения художественной

выставки в Манеже подверг резкой критике работы молодых художников.

Гуманистические тенденции в развитии литературы и кинематографа тех лет наиболее ярко сказались на художественном осмыслении темы войны, совершенно по-новому прозвучавшей в рассказе М. Шолохова «Судьба человека» — о тяжелой дороге через войну и фашистский плен русского солдата, в первой части трилогии К. Симонова «Живые и мертвые», в фильмах Г. Чухрая «Баллада о солдате» и М. Калатозова «Летят журавли».

На развитии литературно-художественной и общественной жизни в стране во многом сказалось образование бюро ЦК по РСФСР. В структуре нового органа из семи отделов начал функционировать отдел школ и культуры. В годы работы бюро (1956—1966) в РСФСР был создан ряд республиканских организаций, в том числе Союз писателей, Союз художников, Союз композиторов, Сибирское отделение Академии наук СССР. С июля 1956 г. стала издаваться газета «Советская Россия». Все это оказывало существенное влияние на развитие культурной жизни в РСФСР и стране в целом.

Самым существенным образом на развитие литературно-общественной жизни страны повлиял Союз писателей РСФСР (решение о создании принято 13 мая 1957 г., в декабре того же года прошел учредительный съезд). Руководителями Союза стали Л. Соболев и другие писатели, сочувствующие русской национальной идее. И уже вскоре после этого центральный печатный орган Союза газета «Литература и жизнь» стала выступать как оппонент либеральных начинаний в литературе, а принадлежащий Союзу альманах (с 1964 г. — ежемесячный журнал) «Наш современник» превратился в один из главных журналов «консервативного» направления в литературе.

Группировка русских «консерваторов», сложившаяся в Союзе советских писателей СССР к середине 50-х гг., в основном состояла из двух частей. В первую входили признанные писатели С. Сергеев-Ценский, Л. Соболев, Л. Леонов, М. Шолохов и др. Вторую группу образовали недавние фронтовики, большая часть которых училась во второй половине 40-х гг. в Литературном институте им. А. И. Герцена. Из них известность приобрели М. Алексеев, Ю. Бондарев, В. Бушин, В. Солоухин, И. Стаднюк и др. Фронтовики были главной силой русского общественного движения, которое возродилось как нормальный русский патриотизм в годы войны с фашистской Германией и являлось одной из форм борьбы за права человека.

Свои действия в борьбе с «либералами» «консерваторы-националисты» координировали с «консерваторами-интернационалистами» В. Кочетовым, Н. Грибачевым, С. Бабаевским — государственниками и антизападниками, полагавшими, что любые либеральные, особенно прозападные, веяния ведут к разрушению социалистического госу-

дарства. Популярным журналом этого направления был «Огонек», возглавлявшийся с 1953 по 1986 г. А. Софроновым.

Основным печатным органом, оппонирующим «Новому миру», был журнал «Октябрь». В 1961—1973 гг. его редактировал В. Кочетов, известный еще со времен своей работы в Ленинграде и во главе «Литературной газеты» (1956—1961) как непримиримый борец против либеральных веяний в литературе и искусстве. Его романы «Братья Ершовы» (1958), «Секретарь обкома» (1961) вызывали неприятие взыскательных читателей. Одни находили их слишком политизированными, другие — слабыми в литературном отношении, натуралистическими, схематическими, провокационными. Из редакции «Октября» в свою очередь стрелы критики летели в адрес и молодых, и маститых авторов: В. Аксенова и Е. Евтушенко, В. Розова и И. Эренбурга. Опубликованная в «Новом мире» повесть Солженицына критиковалась как «идейно порочная, рассчитанная на сенсацию». В «Октябре» находили изъяны в фильмах «Летят журавли», «Чистое небо». Либералы обижались, считая, что журнал «обливает помоями» самое передовое в кинематографе.

Тем не менее и романы редактора, и сам журнал находили массового читателя. По тиражу он опережал «Новый мир». Кочетов, как и Твардовский, полагал, что возглавляемый им журнал проводит правильную линию партии, и тот и другой пользовались поддержкой влиятельных политических кругов. Выражалось это, в частности, в том, что Кочетов был членом Центральной ревизионной комиссии КПСС (1955—1966), Твардовский — кандидатом в члены ЦК КПСС (1961—1966). «Октябрь» много сделал для В. Шукшина: на его страницах опубликован ряд произведений молодого писателя. «Октябрь» стал первым журналом, который в 1964 г. напечатал первую в Москве подборку стихотворений талантливого поэта Н. Рубцова.

В начале 60-х гг. в редакции журнала «Знамя» сформировалась группа русских «националистов», учеников Я. Смелякова. Ее вдохновителем стал поэт С. Куняев (с 1989 г. — главный редактор «Нашего современника»). В группу входили поэты А. Передреев, Н. Рубцов, В. Соколов, И. Шкляревский. К этой группе был близок известный литературовед и историк В. Кожинов.

Расклад сил, сложившийся в литературной среде, был нарушен XXII съездом КПСС, на котором прозвучала резкая критика в адрес Сталина, усилившая процесс десталинизации и либеральные настроения в обществе. В то же время стремительно возрос политический вес главного покровителя консерваторов А. Н. Шелепина. Председателем КГБ СССР, традиционно уделявшим пристальное внимание настроениям в литературной среде, с ноября 1961 г. был его ближайший сподвижник В. Е. Семичастный. С усилением этого тандема боль-

шую возможность для самостоятельной деятельности получил 1-й секретарь ЦК комсомола С. П. Павлов, которому подчинялось издательство «Молодая гвардия». Возвышение Шелепина и Павлова усиливало позиции «консерваторов» в литературе. Одним из результатов нового расклада сил стала публикация романа И. Шевцова «Тля» издательством «Советская Россия». А. Н. Шелепин и секретарь ЦК по идеологии Л. Ф. Ильичев сумели спровоцировать Хрущева на борьбу с современным искусством, которое было символом либеральных надежд.

Либерализму как таковому и либеральному пониманию «жизненной правды» противопоставлялся исторический оптимизм и советский патриотизм в трактовке журнала «Молодая гвардия». Этот патриотизм был связан с традициями военно-патриотического воспитания на материалах не только Гражданской войны, но и дореволюционной истории. Видный «молодогвардеец» В. Н. Ганичев впоследствии отмечал: «Все мы, позже осознавшие себя русскими и возглавившие те или иные русские национальные организации, были воспитаны в русле военного патриотизма». Русская идея без каких-либо противоречий сочеталась в их понимании с идеей социализма. Оказавшись на комсомольской работе, Ганичев вошел в число тех, кто придумал дополнить идею популярных тогда походов по местам боевой славы походами к памятным местам русской культуры. Идея широко популяризировалась журналом «Молодая гвардия» и его редактором А. Никоновым — «предтечей всего русского движения».

Главным творческим приобретением русских «консерваторов» в 60-е гг. стали авторы «деревенской прозы». Ее родоначальниками были В. Солоухин с его книгой «Владимирские проселки» (1958) и В. Шукшин, опубликовавший в издательстве «Молодая гвардия» в 1962 г. одну из наиболее ярких книг «деревенского» направления — «Сельские жители». Массовый приход «деревенщиков» в литературу начался в середине 60-х гг. Он был связан с именами Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, А. Знаменского, В. Лихоносова, Е. Носова, В. Распутина, А. Романова, Г. Троепольского, О. Фокиной, В. Шугаева.

Представители сложившихся в литературе к середине 60-х и четко обозначившихся двух течений — либерального и консервативного — старались найти поддержку во властных структурах. Первые, делавшие ставку на разрядку и «интернациональные» («антинационалистические») силы внутри страны, чаще находили сочувствие у секретарей ЦК М. А. Суслова и Б. Н. Пономарева, а вторые, опиравшиеся на силы внутреннего национального развития, — у секретарей ЦК Шелепина и Ильичева, первого секретаря ЦК КП Белоруссии К. Т. Мазурова, Председателя Правительства России Д. С. Полянского.

Зарождение диссидентства. Термин «диссидент» (от *лат.* «несогласный») в послевоенной отечественной истории получил хождение с середины 70-х гг. Он применялся для обозначения лиц, открыто споривших с официальными доктринами в тех или иных областях общественной жизни СССР и пришедших к явному столкновению с аппаратом власти. Диссидентство возникло в условиях относительной либерализации сталинского режима после XX съезда партии, когда радикальные, оппозиционные режиму группировки получили сравнительно большие, чем при Сталине, возможности для оформления и существования. Это относится и к деятельности отдельных ярких оппозиционеров, вокруг которых со временем появлялось соответствующее окружение сторонников и последователей. Отличительными особенностями зарождения диссидентского движения в СССР в 50-е гг. стали подпольная (скрываемая от властей) деятельность, использование такой возможности для мобилизации сторонников и пропаганды оппозиционных идей и программ, как «тамиздат» и «самиздат».

Первым проявлением диссидентства, обратившим на себя внимание властей и общества, стало «дело» Б. Пастернака, удостоенного в 1957 г. Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго», опубликованный итальянским издательством Фельтринелли (первый случай «тамиздата»). Публикация стала поводом для шумной кампании по дискредитации писателя. Угрожая высылкой из страны, его вынудили отказаться от премии, в октябре 1958 г. исключили из Союза писателей.

Менее заметными для общества были такие первые проявления либерального диссидентства, как передача для публикации на Западе гротескно-сатирической повести А. Синявского «Суд идет» (1956), деятельность в 1956—1957 гг. ленинградского кружка математика Р. Пименова (пять его участников осуждены в сентябре 1957 г. за то, что «создали из студентов библиотечного института нелегальную группу для организованной борьбы с существующим строем», а фактически — за распространение листовки против безальтернативных выборов).

К событиям того же рода можно отнести деятельность кружка под руководством студента Ленинградского педагогического института В. И. Трофимова. Восемь его участников осуждены 19 сентября 1957 г. за объединение в организацию, стоящую на позициях революционно-марксистской теории, и распространение листовок с призывом к студентам требовать демократических свобод.

С 1956 г. действовал кружок под руководством аспиранта исторического факультета МГУ Л. Н. Краснопевцева. Его участники пытались создать новую концепцию истории КПСС и новую идеологию. Весной 1957 г. они установили связь с польскими оппозиционерами. Писали исторические заметки об СССР как помехе прогресса

цивилизации. Выступали против «сталинского социализма», за создание рабочего самоуправления. В июле 1957 г. распространили листовки с требованиями суда над сообщниками Сталина, усиления роли Советов, права рабочих на забастовки, отмены 58-й статьи Уголовного кодекса. В феврале 1958 г. девять членов этого кружка были осуждены за «антисоветскую» деятельность на сроки от 6 до 10 лет заключения.

Как экстраординарные и таящие опасность восприняты властями неформальные собрания нонконформистской молодежи у памятника Маяковскому в Москве. Собрания начались со дня открытия памятника (29 июля 1958 г.). На них в основном читали стихи, иногда выступали с речами по поводу свободы творчества в СССР. Чтение стихов со временем приобретало все более политизированный оттенок. Наряду с разрешенными стихами читались произведения репрессированных авторов. К осени 1961 г. собрания разогнали, а наиболее активных участников (В. Н. Осипов, Э. С. Кузнецова, И. В. Бокштейн) осудили по статье за антисоветскую агитацию и пропаганду.

В октябре 1958 г. пресечена деятельность группы выпускников ленинградского университета во главе с М. Молоствовым. Они были арестованы за содержание переписки, которую вели между собой, за обсуждение возможности создания организации и рукописи о путях реформирования социализма.

В конце 50-х гг. ряд писателей и публицистов либеральной волны начали помещать свои произведения в машинописных журналах, возник «самиздат». Наибольшую известность приобрел журнал «Синтаксис» под редакцией А. И. Гинзбурга. В нем печатались «лагерная» проза В. Шаламова и Е. Гинзбург, не принятые к официальной публикации работы Б. Ахмадулиной, В. Некрасова, Б. Окуджавы и др. Арест в 1961 г. Гинзбурга, приговоренного к двум годам лагерей, прервал издание журнала.

С конца 50-х гг. участилась практика передачи либеральными писателями своих произведений для публикации их на Западе (А. Синявский, В. Тарсис и др.). «Тамиздат» обнаруживал явную тенденцию к росту. Не нашел понимания у властей и законченный в 1960 г. роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба»: его публикацию запретили, рукопись арестовали. Роман Гроссмана, как и его же произведение «Все течет...» (1963), изображающие «русское развитие» как странное развитие несвободы и категорически не принятые «русофильскими» кругами, стали известны соотечественникам благодаря ввезенным из-за рубежа экземплярам.

Заметным явлением общественной жизни стало выступление в сентябре 1961 г. генерал-майора П. Г. Григоренко на Московской городской партконференции, посвященной обсуждению проекта Программы партии. Он считал, что в ней недостаточно отработан вопрос о возможности появления нового культа личности, и предлагал «уси-

лить демократизацию выборов и широкую сменяемость, ответственность перед избирателями. Изжить все условия, порождающие нарушение ленинских принципов и норм, в частности высокие оклады, несменяемость... прямо записать в программу о борьбе с карьеризмом, беспринципностью, взяточничеством, обворовыванием покупателей, обманом партии и государства в интересах получения личной выгоды». Выступление очень характерно как первый шаг к освобождению от догм прошлого. Последующие шаги генерала привели к созданию возглавляемого им «Союза борьбы за возрождение ленинизма», исключению его из партии, превращению в активного диссидента и в результате — помещению в феврале 1964 г. в специальную психиатрическую больницу. Григоренко стал одним из тех диссидентов, к которым трудно было предъявить конкретное обвинение, но можно было заподозрить в отклоняющемся от нормы поведении. Таких диссидентов по судебным решениям направляли в психиатрические больницы. В 1956 г. в спецпсихбольницах МВД СССР содержалось 3350 заключенных; при последующих экспертизах выяснилось, что многие из них действительно были нездоровы психически.

Большой резонанс имело выступление известного кинорежиссера М. Ромма на конференции «Традиции и новаторство в искусстве социалистического реализма» (ноябрь 1962 г.). Пятикратный лауреат Сталинской премии впервые публично и недвусмысленно высказался об известной кампании против «космополитов» конца 40-х гг., утверждая, что она была создана искусственно, носила антисемитский характер и, по существу, сводилась к избиению писательских кадров. Виновниками «избиения» назывались здравствующие Н. М. Грибачев, В. А. Кочетов, А. В. Софронов и «им подобные». Выступление произвело сенсацию в интеллигентской среде, его текст широко разошелся в списках по Москве. Это был один из первых документов «самиздата», имевших большое значение для дальнейшего развития диссидентского движения.

Пожалуй, наибольшее влияние на развитие диссидентства в СССР оказала неудачная попытка публикации в «Новом мире» романа А. Солженицына «В круге первом». В июне 1964 г. А. Твардовский, заручившись согласием редакции журнала на опубликование романа, передал рукопись на одобрение помощнику Хрущева В. С. Лебедеву. 21 августа тот вернул рукопись, решительно отказавшись от участия в ее «пробивании» через цензуру. Это фактически переводило Солженицына из участников легального либерального общественного движения в ряды диссидентов. Он стал искать возможность издания романа в бесцензурной печати.

Рост русского национального самосознания генетически связан с признанием идейного авторитета русской истории в годы войны, с победой над фашизмом и послевоенными кампаниями по воспитанию

патриотизма, преодолению низкопоклонства перед Западом и космополитизма. Это определило и основные направления деятельности радикальных групп, выступающих за дальнейшее укрепление сознания и проведение политики, соответствующей, по их мнению, русским национальным интересам. Поэтому для ряда нелегальных и полулегальных русских общественных объединений, возникавших в 50-е гг., были характерны так называемый русский национализм и усматриваемый либералами «антисемитизм».

Активность такого рода была характерна в основном для провинции, где возникали и быстро раскрывались КГБ многочисленные мелкие группы диссидентов. Большая часть их была социалистической ориентации различных толков — от неосталинистов до меньшевиков и анархо-синдикалистов. Среди таких организаций выделяются две московские группы. Считается, что они положили начало диссидентскому движению «русских националистов».

Одной из них была Народно-демократическая партия, основанная осенью 1955 г. шофером В. С. Поленовым, уволенным из армии младшим лейтенантом В. Л. Солоневым и студентом Литературного института им. А. И. Герцена Ю. А. Пироговым. В «партию» было вовлечено около 10 человек. А деятельность в основном заключалась в разговорах ее членов о тяжкой доле рабочих и крестьян, недовольстве правящей партией, не обращавшей должного внимания на нужды простых людей. Столь же малочисленной была «Российская национально-социалистическая партия» (фактически дворовая компания), организованная в декабре 1956 г. грузчиком типографии издательства «Правда» А. А. Добровольским, осужденным в мае 1958 г. по обвинению в антисоветской пропаганде и контрреволюционной агитации, содержащей «призыв к свержению советской власти и угрозы расправы с коммунистами и комсомольцами».

В Ленинграде в начале 60-х гг. возникло более серьезное антикоммунистическое объединение. Организационно оно оформилось 2 февраля 1964 г., когда выпускник восточного факультета ЛГУ И. Огурцов прочел трем своим друзьям программу «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа» для борьбы с существующим строем. Через два месяца учредители распределили между собой обязанности по организации: Огурцов — ее руководитель, филолог Е. А. Вагин — идеолог, бывший десантник и чемпион Ленинграда по классической борьбе М. Ю. Садо — ответственный за работу с личным составом и контрразведкой, студент-юрист Б. А. Аверичкин — хранитель архива и списков организации. Разработана была присяга, которую принимал каждый вступающий в союз. Новым членам говорилось, что они вступают в организацию, объединяющую тысячи людей по всей стране. Деятельность организации раскрыли в феврале 1967 г. по доносу одного из ее участников. К то-

му времени она насчитывала 28 членов, 30 кандидатов и была самой крупной подпольной группой, раскрытой КГБ за послесталинский период. По делу организации осудили 21 человека.

Наряду с писательскими группировками, пытающимися подвигать власти на усиление русской составляющей в советском патриотизме, в литературно-художественной среде 50 — начала 60-х гг. заявили о себе интеллектуальные группировки, вдохновлявшиеся либеральными русскими идеями и ценностями. Одной из таких группировок можно назвать окружение художника И. Глазунова, который в конце 50-х гг. начал читать лекции по русской культуре и собирать иконы по деревням. Около него к 1962 г. сложилась группа антикоммунистически настроенных монархистов. В нее вошли, в частности, известный и влиятельный литератор В. А. Солоухин и функционер Министерства культуры СССР В. А. Десятников, один из активнейших участников движения за охрану памятников.

Либеральным радикализмом и критическим отношением к советской власти отличались взгляды выпускников МГУ, группировавшихся вокруг литературоведов В. В. Кожинова и П. В. Палиевского (окончили филфак в 1954 и 1955 гг.). Они еще на университетской скамье увлекались эстетикой дореволюционной России, видели положительную альтернативу коммунизму в монархизме, пытались в качестве мировоззренческой установки использовать русскую философию Серебряного века. К этой группе примыкали поэт С. Ю. Куняев, литературоведы О. Н. Михайлов, В. В. Петелин, историк С. Н. Семанов. По идейным воззрениям этой группе были близки Ф. Ф. Кузнецов и В. А. Чалмаев, оставившие заметный след в качестве членов «русской партии». В 50-е гг. Кожинов имел продолжительное общение с крупным российским философом М. М. Бахтиным и стал популяризатором его работ. Он был также близок к кругу не скрывавшего своих православных убеждений философа А. Ф. Лосева, в числе учеников и последователей которого оказалось немало известных ученых и общественных деятелей (Ю. М. Бородай, А. В. Гулыга, П. В. Палиевский, В. И. Скурлатов).

Во второй половине 50-х гг. приобрела известность «группа А. А. Фетисова», называвшая себя «Обществом изучения теории систем». Под вывеской общества устраивались лекции и семинары, пользовавшиеся большой популярностью среди студентов технических вузов. В 1963 г. общество раскололось. «Чистых системников» возглавил математик Г. П. Щедровицкий. «Политизированные системники» (10—15 человек) под руководством Фетисова перешли от научной деятельности к политической. Для пропаганды своих идей они использовали популярные в то время в технических вузах лекции и научные дискуссии. В 1965 г. диспуты с их участием были запре-

щены, в 1968 г. Фетисов и трое его последователей оказались в спецпсихбольницах.

Укреплению позиций русского национального либерализма способствовала деятельность священника Д. С. Дудко, который, по словам писателя Л. И. Бородина, был духовным вождем борцов в стане «неофициальных русистов». Широкую известность принесла ему проповедническая и миссионерская деятельность — незаконная с точки зрения советского права. В период с 1961 по 1974 г. количество обращений людей в зрелом возрасте в его приходе возросло до 400 человек в год, и если сначала большинство неофитов были малообразованными людьми, то со временем среди них стали преобладать люди с высшим образованием.

В попытке ответить на отнюдь не простой вопрос, почему среди творческой интеллигенции не стало единства, а проблемы будущего страны отошли на задний план, можно лишь предположить следующее: несмотря на огромные успехи в развитии экономики, колоссального роста тяжелой промышленности и «оборонки», быт людей был попрежнему скромен, деревня в бытовом отношении была просто отсталой. Все это подспудно тревожило интеллигенцию и замыкало ее на круг частных сиюминутных проблем. Это были предвестники грозного кризиса.

§ 4. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Инициативы Л. П. Берии. Национальная сфера получила, пожалуй, наиболее заметные импульсы для изменений сразу же после смерти Сталина. Во-первых, это было связано с решениями, принятыми по докладным запискам Берии в ЦК. В них предлагалось реабилитировать и немедленно освободить из-под стражи лиц, привлеченных по «делу о врачах-вредителях», осудить операцию по убийству Михоэлса и высылку П. С. Жемчужиной как результаты «провокационного измышления обвинения в антисоветской националистической деятельности».

Уже 4 апреля 1953 г. постановление Президиума ЦК о фальсификации «дела врачей» и принятии предложений МВД санкционировало полную реабилитацию и освобождение из-под стражи 37 врачей и членов их семей, привлечение к уголовной ответственности работников бывшего Министерства госбезопасности, «особо изощрявшихся» в фабрикации этого дела; проведение мер, «исключающих возможность повторения впредь подобных извращений».

Содержащийся в записке Берии тезис об «измышлениях» обвинений в националистической деятельности практически являлся осно-

вой для осуждения и окончательного прекращения кампании по борьбе с космополитизмом, а также неоднозначной реакции на это общественности. Стремясь приглушить нежелательную антисемитскую реакцию в обществе, Хрущев в начале апреля 1953 г. направил закрытое письмо парторганизациям с требованием не комментировать опубликованное в газетах сообщение МВД и не обсуждать проблему антисемитизма на партийных собраниях. Видимо, этими же соображениями продиктовано первоначальное отклонение предложения о немедленной реабилитации осужденных по делу Еврейского антифашистского комитета: они были реабилитированы лишь в ноябре 1955 г., причем решение о реабилитации не было обнародовано.

Другой импульс для изменений в сфере национальных отношений дали принятые по инициативе Берии постановления от 26 мая и 12 июня 1953 г. Они направлялись на то, чтобы «решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной политики партии» на Украине, в Литве и Белоруссии. 12 июня на основании записки Хрущева аналогичное решение было принято по Латвии. Основу предложенной концепции десталинизации межнациональных отношений составляли коренизация (вторая после 20-х гг.) партийно-государственного аппарата и введение делопроизводства в союзных республиках на родном языке.

Бериевская «коренизация» высшего и среднего звена партийно-хозяйственного аппарата грозила немалыми осложнениями, поскольку практика хозяйственной деятельности в многонациональной стране приводила к постоянной миграции кадров из России в другие республики и из республик в Россию. Началась она заменой на посту 1-го секретаря ЦК КП Украины русского Л. Г. Мельникова украинцем А. И. Кириченко. В Белоруссии пленум ЦК принял решения, предопределенные постановлением ЦК КПСС: освободить Н. С. Патоличева от обязанностей 1-го секретаря ЦК КП Белоруссии и рекомендовать 1-м секретарем М. В. Зимянина, бывшего 2-го секретаря ЦК КП Белоруссии, освободив его от работы в Министерстве иностранных дел СССР.

В докладе, подготовленном группой Зимянина для пленума в духе записки Берии, предлагалось ввести белорусскую письменность в государственном аппарате, ведя только на белорусском языке всю переписку, совещания, собрания и съезды. В докладе признавалось, что русским, конечно, труднее будет работать, поскольку не все они хорошо знают белорусский язык. А отношение к ним в выступлениях сторонников коренизации, по воспоминаниям Патоличева, было таково: «Русские товарищи во многом помогли белорусам. Земной поклон им за это. А сейчас, кому из них будет очень трудно, мы им поможем переехать в другое место».

Против доклада Зимянина выступил Герой Советского Союза П. М. Машеров, затем и другие участники пленума. Однако смещение Патоличева не состоялось лишь в связи с арестом Берии и последовавшей отменой (2 июля 1953 г.) его предложений, направленных против сталинских «извращений» национальной политики.

Коренизация партийно-хозяйственного аппарата, осуществленная в духе предложений Берии на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, его попытки ввести в республиках собственные ордена в честь выдающихся национальных деятелей для награждения местных работников культурного фронта, другие меры по развитию национальных традиций в области культуры и языка, которые способствовали бы воспитанию чувства национальной гордости, — все это не проходило бесследно, имея двоякий результат. С одной стороны, это способствовало ликвидации вооруженного националистического подполья в этих республиках. С другой — активизировало национал-сепаратистские и антирусские настроения, способствовало возникновению многочисленных националистических кружков и групп, участниками которых была в основном молодежь.

Стремясь не допустить разрастания местного национализма, Н. С. Хрущев порой резко реагировал на факты явного нарушения «интернационалистских принципов» кадровой политики. Так, он публично выговаривал азербайджанскому руководителю И. Д. Мустафаеву за то, что в Азербайджане был принят ряд решений, ущемляющих представителей некоренной национальности, в частности русских: «Никто... не может заподозрить, что они проводят какую-то шовинистическую политику... Они нередко в ущерб своей республике оказывали и оказывают помощь братским народам. И сейчас эти народы не только выровнялись, а нередко по жизненному уровню стоят выше отдельных областей Российской Федерации».

Первые последствия хрущевских реабилитаций. Одна из первых инициатив Н. С. Хрущева, оказавшая в целом негативное влияние на развитие национальных отношений в стране, связана с празднованием в начале 1954 г. 300-летия воссоединения Украины с Россией. По этому поводу 12 января от имени ЦК опубликованы «Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией», где в очередной раз подчеркивалась огромная прогрессивная значимость решений Переяславльской рады: «соединившись с Россией в рамках единого Российского государства, Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и поглощения султанской Турцией»; «рост силы и могущества СССР дал возможность претворить в жизнь вековые чаяния украинского народа о его национальном воссоединении» (включении в Советскую Украину Западной Украины, Буковины и Измаильской

области, Закарпатской Украины); «только благодаря братской помощи великого русского народа и других народов СССР Украина была освобождена от фашистского ига».

Успехи Украины (17-кратный рост промышленности в советское время, опережение всех стран Европы по числу студентов и др.), согласно «Тезисам», были еще одним доказательством того, что «только социализм обеспечивает свободную и счастливую жизнь, развитие и расцвет всех народов и наций, подлинную дружбу народов, их сотрудничество и взаимопомощь».

В пропагандистской литературе степень единства народов Советского Союза приобретала законченное выражение. Говорилось, что следствием преобразований жизни советских народов после 1917 г. «явилось полное и окончательное разрешение национального вопроса». В 1951 г. со страниц партийного журнала («Большевик Украины», № 9) было объявлено, что единство народов СССР приобрело принципиально новое качественное состояние. «В ходе социалистических преобразований в нашей стране сложилась невиданная в истории общность людей — советский народ, содружество двух классов, рабочих и крестьян, и подлинно народной интеллигенции, содружество всех народов СССР. Советские люди всех национальностей являются тружениками единой социалистической системы хозяйства, имеют единую систему государственной жизни — советское государство, единую идеологию — марксизм-ленинизм, единую цель — построение коммунизма, единую партию, выражающую их кровные интересы и ведущую их от победы к победе, — партию Ленина — Сталина. Все народы имеют единое Отечество — Советский Союз». Противоречия в национальных отношениях стали связываться только с предрассудками в сознании отдельных советских людей и кознями капиталистического окружения.

К долговременным негативным последствиям привела передача Крымской области из состава России — Украине по решению Президиума ВС СССР от 19 февраля 1954 г. Мотивировка этой акции была весьма неубедительной («общность экономики, территориальная близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР»). Реальной причиной дара крымской территории с преобладающим русским населением (из 1,2 млн жителей русские насчитывали 71,4%) было стремление загладить личную вину за санкционированные в 1938—1940 гг. репрессии. Их жертвами стали 167 465 жителей Украины, в том числе более 2 тыс. представителей руководства республики. С осуществлением этой операции («завоевания на свою сторону Украины», как говорил Д. Т. Шепилов) Хрущев рассчитывал не только на поддержку представителей республики в Президиуме ЦК КПСС, но и

на 36 гарантированных голосов от украинской партийной организации на пленумах ЦК.

Одним из основных направлений национальных движений в СССР в 50-е гг. стало движение народов, высланных со своих земель, за предоставление конституционных прав. Письма и жалобы от спецпоселенцев на незаконность депортаций стали поступать в центральные партийные и государственные органы практически с момента выселения. В 1952 г. в различные инстанции ежемесячно направлялось около 6 тыс. жалоб, в 1954 г. — около 11 тыс. В 1953 г. делегация калмыков-иммигрантов добилась приема в ООН, в госдепартаменте США и просила содействовать освобождению репрессированных народов СССР.

Новая ситуация стала складываться после 10 апреля 1953 г., когда были отменены «как неправильные» постановления 1951 г. о выселении из Грузии около 11 тыс. граждан, связанных с «мингрело-националистической группой». Реабилитирующее постановление предписывало «всех незаконно выселенных граждан вернуть к прежнему месту жительства». Правительство Грузии обязывалось вернуть им имущество, конфискованное при выселении.

В 1954 г. начался половинчатый и противоречивый процесс реабилитации и возвращения гражданских прав другим выселенным народам. Поначалу были сняты с учета по спецпоселению без права возвращения к прежним местам жительства все немцы, крымские татары, калмыки и балкарцы. В июле 1954 г. сняты административные ограничения с детей карачаевцев, чеченцев и ингушей в возрасте до 16 лет. В марте 1955 г. все спецпоселенцы получили право иметь паспорта, а в мае 1955 г. постановлением Президиума ЦК ликвидированы ограничения для членов КПСС. В декабре 1955 г. последовал указ о снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении. Однако права на выезд в места прежнего обитания народы не получили. Рассматривалась возможность создания национально-административных образований этих народов в местах высылки. Репрессированные народы категорически возражали против этого и требовали, по примеру мингрелов, возвращения на земли предков и восстановления ранее существовавших автономий.

XX съезд партии дал новый мощный толчок движению наказанных народов. 17 марта 1956 г. издан указ «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Вскоре аналогичные указы приняты в отношении находившихся на спецпоселении греков, болгар и армян (27 марта), крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов и хемшилов (апрель), чеченцев, ингушей и карачаевцев (июль 1956 г.). Осуждение сталинской политики депортации народов было воспри-

нято как отмена несправедливых решений военных лет. Положения указов о том, «что снятие ограничений по спецпоселению с лиц... не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они выселены», воспринимались как имеющие временный характер. Не дожидаясь официального разрешения, тысячи бывших спецпоселенцев стали самовольно возвращаться на прежние места жительства.

Опасаясь выпустить ситуацию из-под контроля, ЦК партии принял в ноябре 1956 г. постановление о восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов. Оно предусматривало организованное переселение этих народов в течение 3—4 лет начиная с весны 1957 г., с тем чтобы подготовить необходимые условия для устройства населения на местах. Спецпоселенцы ждать не хотели. Начался их массовый выезд. Власти стали препятствовать этому, выставляя «оперативные заслоны» на железнодорожных станциях.

Стихийное возвращение обострило межнациональную обстановку на Северном Кавказе, где на место выселенных были поселены другие люди. Относительно спокойно проходило возвращение балкарцев. Однако стихийное возвращение карачаевцев вызвало конфликты. Еще большее обострение породило возвращение чеченцев и ингушей. Жители Грозненской области, Дагестанской и Северо-Осетинской АССР выступали против их возвращения.

Возвращавшихся встречали враждебно. Им отказывали в прописке, не брали на работу. Однако это их не останавливало. Прибывшие ходили вооруженными по селам и устраивали стрельбу, провоцируя местных жителей на ответные действия. Угрозами и силой они вселялись в свои дома, выгоняя из них проживавшие там семьи. Некоторые из возвратившихся пополнили действовавшие в горах со времен войны повстанческие отряды, которые частенько занимались грабежом, угоном скота из колхозов. Их жертвами были и рядовые колхозники. Все это вызвало массовый выезд русского населения из республики.

Борьба народов за попранные права дала первые результаты. 9 января 1957 г. Президиум ВС СССР рекомендовал восстановить национальную автономию балкарского, ингушского, калмыцкого, карачаевского и чеченского народов. В соответствии с этим были приняты указы о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР, о восстановлении Чечено-Ингушской АССР, о преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область, о восстановлении Калмыцкой автономной области.

Чечено-Ингушская республика восстановлена с расширением ее территории. Переданная в свое время в Северную Осетию часть При-

городного района (977,5 кв. км) оставлена в составе этой республики. В то же время к исторической территории расселения чеченцев и ингушей были щедро присоединены три равнинных района поймы реки Терек из состава Ставропольского края — Наурский, Надтеречный и Шелковской, территория которых равнялась 5,2 тыс. кв. км. Они были населены в основном русскими. Включение этих районов позволяло сделать экономику республики более устойчивой, за счет увеличения численности русского населения власти надеялись усилить влияние Центра на общественную жизнь автономии. В этих актах и расчетах в очередной раз дала о себе знать давнишняя традиция решать национальные проблемы в стране за счет русского народа.

Продолжавшиеся мелкие националистические эксцессы при попустительстве властей привели к трехдневному столкновению в августе 1958 г. в Грозном. Поводом послужило убийство ингушом русского. Волнения подавили, однако противостояния коренного и «пришлого» населения в республике преодолеть не удалось. Тем не менее в последующие годы возвращение чеченцев и ингушей на Северный Кавказ происходило более организованно и сопровождалось меньшими эксцессами. К 1963 г. оно в основном завершилось. Из 418 тыс. чеченцев, проживавших в Казахской и Киргизской ССР, в Чечено-Ингушетию прибыли 384 тыс. (91,7%), из 106 тыс. ингушей — 84 тыс. (79,2%). Еще 8 тыс. ингушей (7,5%) направились в Дагестан и Северную Осетию.

Камнем преткновения в отношениях между ингушами и осетинами стала правобережная часть Пригородного района, до 1944 г. принадлежавшая ингушам и оставшаяся в составе Северо-Осетинской ССР после воссоздания Чечено-Ингушской АССР. Ингуши не переставая посылали заявления и делегации в ЦК КПСС и правительство с требованием о передаче района Чечено-Ингушетии.

Национальное движение советских немцев долгое время ограничивалось борьбой за восстановление их автономии в Поволжье. Оно включало только легальные методы борьбы: письма, обращения, петиции, делегации, демонстрации. Декабрьский (1955) указ Президиума Верховного Совета снял с немцев ограничения в правовом положении. Реабилитационное движение имело своим результатом другой указ Президиума (август 1964 г.) о внесении изменений в принятый в 1941 г. указ о переселении немцев, снимавший клеймо предателей и изменников со всего народа. До этого времени советские немцы испытывали скрытую дискриминацию. Ущемление касалось развития культуры, языка, поступления в высшие учебные заведения; проявлялось при приеме в партию и назначении на руководящие партийные и хозяйственные посты. При призывах на службу в Советскую Армию немецкую молодежь не брали в элитные подразделения (воздушно-

десантные, пограничные и др.). Нежелание властей восстанавливать автономию немцев в Поволжье вызвало эмигрантские настроения.

В сложных условиях проходила борьба крымских татар за восстановление автономии и право жить на своей земле. Подозрительное отношение властей к лицам крымско-татарской национальности подогревалось воспоминаниями бывших командиров партизанских отрядов в Крыму. Клеймо предателей и изменников, лежавшее на всем народе со времен войны, было снято постановлением Президиума Верховного Совета (сентябрь 1967 г.). Беспрестанные обращения в высшие партийные и государственные инстанции с просьбами о восстановлении автономии крымских татар не имели положительных последствий. Нелегально переехавших в Крым татар, как правило, сразу же выдворяли.

Запрет властей Украины на переезд татар в Крым стал причиной национального движения, возглавляемого «инициативными группами» из представителей крымско-татарской интеллигенции, бывших руководящих партийных и советских работников Крыма. Помимо петиций, устраивались митинги и демонстрации, приуроченные к знаменательным датам — годовщине образования Крымской АССР, ко дню рождения В. И. Ленина, считавшегося основателем республики. Эти акции нередко заканчивались разгоном участников.

Чтобы как-то приглушить проблему, власти предпринимали попытки представить крымских татар частью татарской нации. Тем из них, кто хотел уехать из Средней Азии, разрешалось поселиться на территории Татарстана. Но это не устраивало крымских татар. В начале 60-х гг. их движение приняло более организованные формы. Это проявилось в попытке создания массовой организации — Союза крымских татар.

За возвращение выступали и представители других выселенных из Крыма национальных групп — греки, болгары, армяне. Неудовлетворенность половинчатой реабилитацией усилила среди них эмиграционные настроения, но власти препятствовали выезду. За создание своих автономий в 50—60-х гг. выступали месхетинские турки (огрузиненные турки, или отуреченные грузины), курды и хемшины (исламизированные армяне), депортированные в свое время из республик Закавказья. Однако власти в Москве и Закавказских союзных республиках игнорировали требования малых народов, считая национальный вопрос в стране успешно и окончательно решенным.

Национально-государственное устройство СССР за послевоенные годы принципиально не изменилось. В начале 60-х гг. в стране было 15 союзных и 19 автономных республик (из них 15 в РСФСР, 2 в Грузии, по одной в Азербайджане и Узбекистане). Число последних, по сравнению с довоенными годами, менялось с преобразованием в июле 1956 г. Карело-Финской союзной республики в Карельскую

автономную республику, включенную в РСФСР, а в октябре 1961 г. Тувинской автономной области РСФСР в автономную республику. В стране насчитывалось также 8 автономных областей: 5 из них входили в состав российских краев, 3 были составными частями других союзных республик. Неизменным с довоенных времен оставался перечень национальных округов. Все они входили в состав областей и краев РСФСР.

Движения в союзных республиках. Одной из проблем в национальных отношениях 50—60-х гг. оставался «прибалтийский вопрос». Недавнее буржуазное прошлое Литвы, Латвии и Эстонии, традиции либерально-демократического управления, большое влияние в обществе служителей церкви, наличие многочисленных диаспор за рубежом, поддерживающих тесные связи с родиной; позиция США и стран Западной Европы, не признававших легитимности вхождения республик в СССР, — все это действовало против ускоренной «социалистической модернизации» республик, вызывало рост сепаратистских общественных настроений, поддерживало националистическое подполье. Этому способствовали бериевская коренизация высшего и среднего звена партийно-хозяйственного аппарата, возвращавшиеся из ссылок бывшие участники вооруженного националистического подполья, которые выдвигались на ответственные посты в сфере образования и культуры. Осуждение Сталина XX съездом партии многими руководителями в республиках Прибалтики было воспринято как карт-бланш на дальнейшую коренизацию руководящих кадров.

Прибалтика живо откликнулась на события осени 1956 г. в Польше и Венгрии. Особенно сильным всплеск национального движения был в Литве и Эстонии. В конце октября в Вильнюсском университете появились лозунги и листовки с заголовками: «Да здравствует революция в Венгрии, последуем ее примеру!»; «Литва — литовцам, русские оккупанты, убирайтесь вон!». В начале ноября 1956 г. в Каунасе и Вильнюсе состоялись многотысячные шествия католиков, требующих свободы отправления религиозных обрядов. Демонстранты пели гимн буржуазной Литвы, выкрикивали лозунги «Последуем примеру Венгрии!», «Русские, убирайтесь!». В Каунасе прошла молодежная демонстрация (до 4 тыс. участников) с лозунгами: «Долой Москву!», «Долой коммунистов!». Листовки с аналогичными лозунгами появились и в Тарту.

Особую тревогу коренного населения вызывал значительный наплыв русскоязычной рабочей силы на промышленные стройки в Прибалтике. По данным переписи населения 1959 г., доля коренной национальности в Литве составляла 79,3%, в Эстонии — 74,6%, в Латвии — 62%. Особенно много инонационального населения было

в крупных городах. Лиц коренной национальности в Риге насчитывалось около 44,7%, в Вильнюсе — 33,6%. Возникшую острую жилищную проблему местным националистам представлялось «легко решить, если выгнать всех русских». Чтобы избежать потери Ригой своего национального облика, горком партии принял решение, предписывающее нелатышам изучить в течение двух лет латышский язык; не усвоивших его освобождать от работы с предложением покинуть республику. Решение вводило ограничение прописки нелатышей в городе. В апреле 1959 г. ЦК КП Латвии принял аналогичное решение, распространяющееся на республику в целом. Подобные решения созревали и в Таллинском райисполкоме.

В письмах, поступающих в ЦК КПСС из республик Прибалтики, сообщалось о проявлениях неприязненного отношения со стороны коренного населения к русским в автобусах, магазинах и других общественных местах. А решением ЦК КП Азербайджана в июне 1959 г. предписывалось, что все граждане республики — неазербайджанцы — обязаны в течение полугода выучить и сдать письменный и устный экзамен по азербайджанскому языку. Не выдержавшие его подлежали освобождению от работы. Вскоре, однако, эти решения были отменены, а первые секретари компартий республик Я. Э. Калнберзиньш и И. Д. Мустафаев сняты со своих постов.

Негативное отношение к русскоязычному населению в Прибалтике формировалось еще из-за того, что большинство работников милиции состояло из лиц некоренной национальности. Это создавало зримый образ «оккупанта» в лице русскоязычного населения. Действенность советской пропаганды в Прибалтике была невелика. Благодаря незнанию языка русскими представителями власти радиовещание на национальных языках практически вело постоянную антисоветскую пропаганду. Еще эффективнее была работа западных радиостанций и обширная переписка с зарубежными соотечественниками.

Усилением идеологической работы и организационными мерами союзное и республиканское партийное руководство стремилось не допустить разрастания националистических настроений. Июньский пленум ЦК КП Латвии (1959) квалифицировал как проявление национализма предложения ряда руководящих работников Латвии увеличить капиталовложения в легкую промышленность вместо строительства в республике крупных промышленных объектов, намеченного семилетним планом. В октябре 1959 г. ряд министров был снят с работы за предложения не развивать в Латвии тяжелую индустрию, которая требовала импорта рабочей силы. Принятые под нажимом Москвы меры устранили наиболее яркие проявления национализма, однако не смогли полностью ликвидировать его. Учитывая настроения большинства коренного населения, руководители Прибалтийских республик стремились и в последующем проводить политику «мягкой» деруси-

фикации, всячески демонстрируя при этом показной интернационализм и лояльность центральным властям.

Широкий спектр различных течений и форм имело украинское национальное движение. Выдвижение в 1953 г. украинца на пост 1-го секретаря ЦК КПУ способствовало возрождению политики украинизации, большему учету национальной специфики, в первую очередь на Западной Украине. Репрессивная политика советского руководства на Украине, связанная с послевоенной борьбой против националистического подполья в западной ее части и новой кампанией против «украинского буржуазного национализма» — в восточной, смягчилась и сошла на нет.

Однако часть западных украинцев сохраняла неприязненное отношение не только к русским кадровым работникам, но и к восточным украинцам, зачисляемым в разряд «москалей». Националистическое мировоззрение объяснялось многовековой социокультурной изоляцией и недавним присоединением Западной Украины к СССР, негативной реакцией на недальновидное форсирование после войны социалистической перестройки края, сохранением влияния на широкие слои населения запрещенной в 1946 г., но действующей в подполье униатской церкви.

Главной целью национального движения на Украине была в основном легальная борьба за сохранение национальной культуры, языка. В начале 60-х гг. творческая интеллигенция повела движение за чистоту родного языка, против его русификации. В феврале 1963 г. состоялась конференция по вопросам украинского языка в Киеве. На ней присутствовало более тысячи работников украинской культуры — писателей, учителей, языковедов. Конференция возбудила ходатайство перед ЦК КП Украины и правительством страны о том, чтобы «во всех учреждениях и предприятиях, на железной дороге и других видах транспорта, в торговле все дела вести на украинском языке». Ее участники предлагали также открыть средние школы с преподаванием на украинском языке во всех республиках СССР, где живут украинцы. Предложения, выдвинутые на этой конференции, со временем стали требованиями диссидентов.

Движение украинских «шестидесятников» вовлекало в свои ряды значительную часть национальной интеллигенции. Ратующие за сохранение национальной культуры собирались в мастерских художников, выставочных залах, музеях, квартирах почитателей украинской старины. Большую известность приобрел киевский клуб творческой молодежи, который возглавлял молодой режиссер Лесь Танюк. Там проводились литературные и поэтические вечера, организовывались выставки украинских художников. При нем возникли студенческий межвузовский фольклорно-этнографический кружок и разъездной хор «Жаворонок». Клуб положил начало Шевченковским чтениям

22 мая у памятника поэту. На ставших традиционными чтениях со временем все более откровенно зазвучали диссидентские мотивы. Это стало причиной закрытия клуба властями в 1965 г.

Одним из направлений украинского национального движения была борьба за независимость путем выхода из состава СССР. Движение имело многочисленных сторонников на Западной Украине. Здесь и после разгрома националистического вооруженного движения ОУН были случаи убийства советских работников, поджога партийных и хозяйственных зданий, другие антисоветские акты. Участники нелегальных групп занимались вывешиванием национальных флагов, распространением листовок с антисоветским содержанием. Относительно спокойнее обстояло дело в восточных областях Украины, хотя и здесь (например, в Харькове в 1957 г.) были случаи распространения листовок с антисоветским и националистическим содержанием.

Иногда поводом для образования сепаратистских групп служила действовавшая Конституция страны, содержащая статью о сохранении за каждой республикой права свободного выхода из СССР. Рубеж 50—60-х гг. для украинского национального движения в целом был временем перехода от подпольного этапа к мирному, открытому демократическому движению за национальные права.

В 60-е гг. отмечены случаи отдельных национал-сепаратистских выступлений в Белоруссии и Молдавии, которые не носили столь ощутимого характера, как в Прибалтике и на Украине. Характерной особенностью Молдавии была этнокультурная близость молдаван с румынами. «Национализм» в республике чаще всего проявлялся в разговорах о том, что ей необходимо воссоединиться с Румынией. Там такие разговоры подогревались некоторыми официальными лицами и печатью.

Одним из «слабых мест» советской национальной политики в 50-е гг. стала Грузия. Почитание Сталина в этой республике имело широкое распространение. Разоблачение его преступлений на съезде партии было воспринято как национальное оскорбление. Недовольство центральной властью вылилось в трагические события в Тбилиси 9—10 марта 1956 г., сопровождавшиеся многочисленными человеческими жертвами. Молодежные просталинские митинги и демонстрации прошли во многих других городах Грузии. Местами они носили откровенно антирусскую направленность. Вместе с лозунгами «Долой Хрущева!», «Молотова — во главу КПСС!» демонстранты несли и лозунги «Русские, убирайтесь из Грузии!». Националистические настроения в массах не утихали в течение многих лет.

Борьба за сохранение чистоты грузинского языка привела к возникновению различного рода нелегальных культурных обществ. Одно из них, «Мекартвела сазогадоеба», существовало в Батуми в 1961—

1962 гг. В него кроме представителей интеллигенции входили государственные служащие. За употребление русских слов на собраниях организации взимался штраф в пользу общества. Грузинское партийное руководство во главе с В. П. Мжаванадзе снисходительно наблюдало за попытками части грузинской интеллигенции выступать против «русификации» и в то же время решительно пресекало радикальные формы проявления национализма. Поэтому экстремизм не стал характерным признаком грузинского национального движения.

Армянское национальное движение инспирировалось главным образом идеей возвращения всех исконных армянских земель в единое армянское государство. Имелись в виду Карс, Ардаган, Саракамыш, оказавшиеся в составе Турции, а также Нахичевань и Нагорный Карабах, включенные в Азербайджан. Вокруг идеи о возвращении этих территорий с редким единодушием объединялись партийные и религиозные деятели, радикальные армянские националисты, представители творческой интеллигенции и заграничных диаспор. Подавляющее большинство армян за рубежом жили мыслями о возвращении на историческую родину. Только в первой половине 50-х гг. в Армению возвратились 100 тыс. репатриантов. Они во многом способствовали популярности заграничной националистической партии «Дашнакцутюн».

Карабахский вопрос был поставлен руководителем компартии Армении в ноябре 1945 г. Г. А. Арутинов писал И. В. Сталину, что Нагорно-Карабахская автономная область, примыкающая к территории Армении, с 1923 г. входит в состав Азербайджана; население этой области в основном армянское (137 тыс.; 89,5%), и просил рассмотреть вопрос о включении области в Армению. Запрошенный в этой связи 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана М. Багиров соглашался на передачу при условии включения в Азербайджан трех примыкающих к нему районов Армении с преимущественно азербайджанским населением. Начались переговоры, но вопрос остался нерешенным. Предложение возвратить армянам территории, занятые Турцией, было сделано Арутиновым в 1948 г. на выступлении в ООН. Нерешенность этих вопросов значительная часть армян связывала с нежеланием советского руководства разрешить армянскую проблему. Это подогревало антисоветские и националистические настроения в массах.

В национальном движении Азербайджана доминирующими были мусульманский фактор и социокультурная отчужденность местного населения от советского мировоззрения. Устойчивой национальной оппозиции там в рассматриваемый период не было. Политическая «неразвитость» национального движения в Азербайджане сближала его с национальными движениями республик Средней Азии и Казахстана. Противостояние союзной власти было слабым. Наиболее остро в

республике стоял армяно-азербайджанский этнический конфликт. С молчаливого одобрения азербайджанского руководства в республике фактически проводилась политика этнической дискриминации национальных меньшинств — армян, лезгин, талышей. Политика азербайджанизации проявлялась в том, что руководящие партийные и хозяйственные посты в высшем и среднем звеньях были заняты преимущественно представителями коренного этноса, несмотря на то что свыше 40% жителей республики не были азербайджанцами.

«Незрелость» национальных движений в Средней Азии и Казахстане объясняется их сравнительно поздним вступлением в процесс национального строительства. Советская политика коренизации привела к формированию национальной интеллектуальной и политической элиты. Впечатляющим был и подъем культуры, науки, образования. Местное население в основном положительно восприняло блага индустриальной и урбанизированной культуры. В то же время форсированная модернизация традиционных среднеазиатских культур привела к заметной утрате народами собственных этнических и культурно-экологических ценностей. Навязчивая пропаганда Центром идей о старшем брате в содружестве народов, о прогрессивном влиянии русской культуры, языка вызывала обратную реакцию.

Огромное влияние на поведение, характер и стереотипы народов Средней Азии оказывал ислам, являющийся не просто религией, но и образом жизни, мировоззрением, системой этических и эстетических норм. Государственная антирелигиозная политика привела к вытеснению ислама из идеологии и политики в сферу семейно-бытовых отношений. Но эта сфера оставалась практически неприступной для советско-коммунистического мировоззрения.

С ослаблением диктата над республиками Средней Азии и Казахстана, расширением прав союзных республик в 1957 г. (в связи с образованием совнархозов) протест против политической опеки Центра со стороны партийных лидеров коренной национальности выражался в требованиях дальнейшего расширения прав регионов, увеличения инвестиций, сокращения притока русских, выступлениях против тенденции к языковой русификации. Центральные органы власти еще достаточно жестко реагировали на это. В 1958—1961 гг. высшие партийные руководители Туркмении, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана (как и Азербайджана, Латвии и Молдавии) были обвинены в националистических проявлениях и сняты с занимаемых должностей. Кадровые перемещения вызвали болезненную реакцию со стороны коренной интеллигенции и номенклатуры, которая усматривала в них проявление имперской сущности Центра и русскоязычного населения.

Так, с перемещением Н. А. Мухитдинова с поста лидера коммунистов Узбекистана в Президиум ЦК КПСС (1957) и с выдвиже-

нием к руководству С. К. Камалова в республике началась вторая масштабная коренизация кадров. Местное население воспринимало ее как начало эпохи национального «предвозрождения», отличительным признаком которой стало массовое и демонстративное соблюдение мусульманских обрядов: посещение мечетей, обрезание мальчиков, совершение бракосочетаний и погребений умерших по обычаям предков. Коммунисты в этом отношении вели себя так же, как и «отсталые носители феодально-байских пережитков». На рассмотрение высших партийных инстанций был внесен вопрос о замене кириллической основы узбекской письменности арабским алфавитом. Мотивировалось это необходимостью создания кадров арабистов для работы в арабских странах.

Такая коренизация не имела поддержки и была осуждена московским руководящим центром. В республике против нее выступил председатель Президиума ВС, народный писатель Узбекистана Ш. Р. Рашидов. 14 марта 1959 г. на республиканском пленуме ЦК Камалов был снят с руководящих постов «за допущенное засорение кадров политически неблагополучными элементами» и «примиренчески-покровительственное отношение к националистическим проявлениям». С поста секретаря ЦК по идеологии был также снят Х. Турсунов, как «не внушающий доверия и скрывший националистическое прошлое свое и отца — активного участника басмаческого движения». 1-м секретарем ЦК избран Рашидов, который вплоть до 1983 г. стоял во главе республиканского руководства. В 1959—1961 гг. в республике заменены десятки руководителей министерств и ведомств, многие секретари обкомов, райкомов и горкомов партии.

4 февраля 1961 г. на закрытом партийном активе Рашидов выступил с докладом «Об итогах двухлетней борьбы с антисоветскими элементами», в котором благодарил руководителей КПСС и органов КГБ за «фактическое спасение узбекского народа от попыток империалистов вновь его поработить». В апреле на пленуме ЦК он призывал общественность республики «принять еще более решительные меры по искоренению остатков националистических элементов». Рашидову удалось создать прочную систему личной власти в республике. Она из года в год увеличивала сдачу хлопка — важнейшего сырья не только для легкой промышленности, но и для оборонного ведомства. Однако созданный в ней режим был очень далек от социализма. В октябре 1964 г., с переменой руководства в Москве, недруги Рашидова предприняли попытку отрешить его от власти. Он обвинялся, в частности, в том, что «расставил на ключевые позиции более 300 своих родственников и лично преданных ему людей». Только в аппарате ЦК КП Узбекистана было 14 его родственников. Однако Рашидов вполне устраивал Л. И. Брежнева, и не в последнюю очередь из-за щедрых подарков.

К началу 60-х гг. миграция русскоязычного населения в Среднюю Азию и особенно в Казахстан достигла своего апогея. В 1959 г. доля населения коренной национальности по сравнению с 1939 г. снизилась в Казахстане с 38,2 до 30%, в Узбекистане — с 64,4 до 62,1%, в Таджикистане — с 59,6 до 53,1%, в Киргизии — с 51,7 до 40,5% и лишь в Туркмении она чуть выросла — с 59,2 до 60,9%. Переселенцы в большинстве своем не тяготели к полному вживанию в среднеазиатское общество. Многие из них с чувством мнимого превосходства и пренебрежения относились к местным жителям. Те платили им тем же, видя в них персонифицированных носителей «имперства» советской власти. Бытовой национализм проходил по линии этнического размежевания и возникал между русскоязычным (русские, украинцы, евреи и др.) и коренным населением. Национальная дискриминация в пользу лиц местной национальности проявлялась в кадровой политике и при приеме в вузы, в антирусских настроениях местного населения. Все это приводило к сравнительно более быстрому росту национального самосознания русского населения национальных окраин в сравнении с центральными районами России. В русском национальном движении в этих регионах были заметны не столько этнические, сколько «державные» мотивы.

Коррективы теоретических основ национальной политики. На волне критики «культа личности» в 1956 г. впервые опубликованы ленинские письма («К вопросу о национальностях или об «автономизации» и др.), свидетельствующие о разногласиях между Лениным и Сталиным по вопросам образования СССР. Смысл публикации сводился к тому, что Сталин имел особую, «неправильную» позицию по этим вопросам в отличие от «правильных» установок истинного создателя Союза. Как считают многие современные историки, реализация сталинского плана создала бы гораздо лучшие предпосылки для последующей оптимизации государственного устройства и всей системы межнациональных отношений в стране. История образования и последующего развития СССР показывает, что русские национально-государственные интересы, по сути дела, были принесены в жертву интересам призрачного мирового СССР и национализму «угнетенных» народов бывшей царской России. Для осуществления принципа об участии в строительстве и функционировании союзного государства всех народов бывшей России «вместе и наравне» ленинский план был не пригоден. Ярким свидетельством этого является иерархия народов и национально-государственных образований, без труда различаемая в архитектонике СССР.

Вместо реалистического анализа процессов в национальной сфере и соответствующего реформирования национально-государственного

устройства СССР власть при Хрущеве в очередной раз увлеклась утопическим проектом «окончательного решения национального вопроса», связывая его с форсированной ломкой «национальных перегородок», стиранием национальных различий. Оживление ленинских установок, ориентирующих политику на слияние наций, происходило в связи с разработкой плана построения коммунизма в СССР к 1980 г. Этот план объективно отражал отсутствие в структуре партии серьезных теоретических разработок прогностического характера, опирающихся на глубокий анализ действительности. Выдвинутый Хрущевым лозунг-призыв о том, что «нынешнее поколение будет жить при коммунизме», ошеломил многих незнанием проблемы и примитивизмом понимания задачи, упрощенной до фарса.

Тем не менее Хрущев говорил в 1959 г., что по мере реализации этого плана «успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью». В проект новой Программы КПСС было включено положение о том, что «в СССР происходит слияние наций и их языков, образование одной нации с одним языком, с единой общей культурой».

Коллегам Хрущева по Президиуму ЦК (прежде всего О. В. Куусинену, Н. А. Мухитдинову) удалось убедить его не ставить в партийной программе невыполнимые задачи. Частично согласившись с ними, Хрущев актуализировал высказанную ранее идею о появлении в СССР «новой исторической общности». В докладе о Программе КПСС он объявил, что результаты интеграционных процессов в национальной сфере уже привели к тому, что «в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие черты, — советский народ». Однако в программный документ положение включено не было. Это значило, что ему, как и ранее высказанным аналогичным утверждениям, еще не придавалось концептуально-методологического значения.

Развитие национальных отношений в СССР в партийной программе характеризуется следующим образом: «В условиях социализма происходит расцвет наций, укреплявших их суверенитет. Развитие наций осуществляется не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы. Возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств, освоение целинных земель и развитие всех видов транспорта усиливают подвижность населения, содействуют расширению взаимного общения народов Советского Союза... Границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все

они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму. У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР». В этом тексте исчезла диалектическая противоречивость «единства противоположностей». Без нее текст становился уязвимым для критики. Критики postfactum увидели, что эта характеристика весьма показательна сочетанием лакировочной полуправды с противоречивым смыслом.

При разработке комиссией под председательством Хрущева новой советской Конституции снова рассматривались предложения о необходимости учитывать, что в СССР «идет консолидация единых национальностей в единую коммунистическую нацию», поэтому рекомендовалось снять графу о национальности из паспортов. Однако здравый смысл взял верх и от рекомендаций такого рода воздержались. Состоявшийся после отставки Хрущева XXIII съезд партии (март—апрель 1966 г.) внес успокоение в смятенные ряды интеллектуалов и творческой интеллигенции из союзных республик. В докладе ЦК съезду содержалась новая уточненная формулировка о советском народе. Применен был термин «многонациональный советский народ». Это исключало возможность отождествления «новой общности» с новой коммунистической нацией, якобы выковывающейся из традиционных этнических групп и заменяющей их.

§ 5. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Смерть И. В. Сталина и успешное испытание водородной бомбы стали, пожалуй, двумя наиболее значимыми событиями, определившими как либерализацию, так и конфронтационность внешнеполитического курса СССР последовавшего десятилетия. Выразителем одной из этих тенденций был В. М. Молотов, возглавлявший внешнеполитическое ведомство СССР до июня 1956 г., другой — министр иностранных дел Д. Т. Шепилов и сменивший его 15 февраля 1957 г. А. А. Громыко.

1953 г. открыл короткий период «оттепели» в международных отношениях. В июне этого года с одобрения СССР было подписано соглашение о перемирии в Корее. В 1954 г. СССР вступил в ЮНЕСКО. Обозначившееся в мае 1953 г. сближение с Югославией завершилось подписанием в июне 1955 г. советско-югославской декларации. В мае 1955 г. СССР подписал договор о восстановлении суверенитета Австрии. Советский Союз по договоренности с другими державами-победительницами согласился вывести свои войска из этой страны, обязавшейся соблюдать строгий нейтралитет. Июльская

(1955) встреча лидеров четырех держав-победительниц в Женеве обозначила потепление мирового политического климата — «дух Женевы». В сентябре 1955 г. при посещении Москвы канцлером ФРГ К. Аденауэром достигнута договоренность о прекращении состояния войны и установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ. В октябре 1956 г. нормализованы отношения с Японией.

Большое внимание вопросам международной обстановки и перспективам мирового развития было уделено на XX съезде КПСС. В его документах сделаны выводы о возможности предотвращения новой мировой войны и разнообразии форм перехода к социализму. Линия на примиренчество с Западом и терпимость к различиям в соцлагере отразилась в роспуске в апреле 1956 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, ассоциировавшегося с диктатом КПСС в отношении «братских» партий. С 1955 г. руководство СССР выступало с призывом прекратить гонку вооружений и созвать всемирную конференцию по этому вопросу.

В подтверждение нового внешнеполитического курса Советский Союз сократил численность своих Вооруженных сил с 5,8 млн человек на начало 1955 г. до 3,6 млн к декабрю 1959-го. В рамках сокращения были ликвидированы советские военные базы в Порккала-Удд в Финляндии, Порт-Артуре в Китае, выведены войска из Австрии, Румынии, уменьшены группы войск в Венгрии, ГДР, Польше. Новое «значительное сокращение» Советской армии объявлено в 1960 г. (По западным оценкам, советские Вооруженные силы достигли минимальной численности в 3 млн человек к июлю 1961 г., затем она вновь увеличивалась.) Смягчению международной напряженности способствовало развитие внешней торговли. К концу 50-х гг. СССР был связан торговыми договорами более чем с 70 странами мира.

В то же время политику СССР отличала твердость в отстаивании внешнеполитических интересов страны. В ответ на включение в октябре 1954 г. Западной Германии в военную организацию НАТО в мае 1955 г. по инициативе нашей страны была создана Организация Варшавского договора — военно-политический союз стран «социалистического лагеря», противостоящий НАТО и другим военно-политическим блокам, возникшим под руководством США. (ОВД просуществовала до 1 июня 1991 г.) В августе 1957 г. в СССР успешно прошли испытания межконтинентальной баллистической ракеты, делавшие уязвимой территорию США в случае войны. Призрак советского ядерного возмездия стал новым фактором на переговорах советских лидеров с Западом. Во многом благодаря этому осенью 1956 г. удалось прекратить агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта в так называемом Суэцком кризисе.

С кризисом связана отставка Д. Т. Шепилова с поста министра иностранных дел. (На этот пост он был назначен 1 июня 1956 г., накануне визита И. Б. Тито в СССР. В этой связи Молотов как проводник политики, приведшей к разрыву с Югославией, был освобожден от руководства МИДом.) 26 июля 1956 г. Египет национализировал компанию Суэцкого канала, заявив, что будет уважать свободу судоходства по каналу. Англия и Франция воспротивились национализации, квалифицировали ее как произвольный и односторонний акт. Хрущев выступил за решительную поддержку Египта, обещая при необходимости помочь президенту Египта Г. А. Насеру военной силой. Англия, Франция и США предприняли попытку добиться «интернационализации» канала на Лондонской конференции по этому вопросу. Шепилов поддерживал на ней проект Индии, в основе которого лежал принцип строгого соблюдения прав Египта на канал в сочетании и с учетом интересов его международных пользователей. Американский проект, предполагавший передачу управления каналом в руки международной администрации, не был принят.

Шепилов считал, что конференция прошла хорошо. Однако накануне ее завершения он получил шифровку из Москвы от Хрущева и Булганина: «Перед самым отъездом дайте по мордам этим империалистам», т. е. Англии, Франции, США. Шепилов не пошел на конфронтацию, поскольку канал остался у Египта. Хрущев расценил это как стремление Шепилова самостоятельно руководить внешней политикой страны. По существу, это и стало причиной его отставки.

По окончании конференции события в зоне Суэцкого канала развивались вопреки ожиданиям Шепилова. Англия и Франция использовали для развязывания агрессии против Египта Израиль. В ночь на 30 октября израильские войска вторглись на его территорию, Англия и Франция начали бомбардировки Египта. 5 ноября они высадили десант в районе Порт-Саида. Советский Союз выступил с посланиями к правительствам Великобритании, Франции, Израиля с серьезными предупреждениями. Они оказали решающее влияние на прекращение агрессии: 7 ноября военные действия были остановлены. В декабре 1956 г. из зоны канала выведены войска Англии и Франции, в марте 1957 г. — войска Израиля. Во время этих событий 15 февраля 1957 г. состоялось назначение на пост министра иностранных дел А. А. Громыко.

В 1957—1959 гг. в Вооруженных силах формировались первые части и соединения межконтинентальных ракет, велось строительство их стартовых площадок. Сознание своей силы позволяло СССР прибегать к резким приемам в отношении западных партнеров. Войска ПВО методично сбивали американские самолеты, нарушавшие наше воздушное пространство. В 50-х — первой половине 60-х гг. сбито 39 самолетов. После 1 мая 1960 г., когда в небе над Свердловском

был уничтожен высотный разведывательный самолет У-2 (сбит ракетным комплексом С-75, созданным под руководством А. А. Расплетина), а американский летчик Ф. Пауэрс пленен, нарушения свелись к минимуму.

В конце 50-х гг. одним из очагов напряженности в Европе оставался Западный Берлин. В ноябре 1958 г. СССР предложил странам-победительницам заключить мирный договор с двумя германскими государствами и объявить Западный Берлин вольным городом. Предложение было отвергнуто. Не решен был германский вопрос и на встрече министров иностранных дел в Женеве. СССР настаивал на признании ГДР, Запад — на объединении Германии под эгидой ФРГ. Не была достигнута договоренность по этому вопросу и во время визита Н. С. Хрущева в США в сентябре 1959 г. Намечавшаяся на май 1960 г. встреча советского лидера с американским президентом Д. Эйзенхауэром в Париже была сорвана из-за полета У-2.

Тем не менее в июне 1961 г. советско-американские отношения получили развитие на встрече Хрущева с новым американским президентом Дж. Кеннеди в Вене, во время которой главным вопросом вновь стала ситуация вокруг Берлина. Из-за жесткой позиции Н. С. Хрущева встреча закончилась провалом. В результате Западный Берлин не стал вольным городом и остался в составе ФРГ, однако по рекомендации совещания руководителей стран — участниц Варшавского договора в ночь с 12 на 13 августа 1961 г. граница между Восточным и Западным Берлином была закрыта проволочными заграждениями, а затем — бетонной стеной. Существовавший до возведения стены порядок движения и контроля на путях между Западным Берлином и Западной Германией был сохранен, но массовый отток населения ГДР на Запад остановлен так же, как и ежедневный наплыв западноберлинцев в ГДР для приобретения там по более дешевым ценам продуктов и некоторых услуг, что, собственно, и было главной причиной кризиса. Напряжение вокруг Западного Берлина некоторое время еще сохранялось, но угроза военного столкновения все же была устранена. Стена, ставшая символом «холодной войны» на многие десятилетия, демонтирована после присоединения ГДР к ФРГ (3 октября 1990 г.).

В 1962 г. разразился Карибский кризис в советско-американских отношениях, возникший после ввоза на Кубу советских ракет, 164 ядерных боеголовок, 43 тыс. военнослужащих. Пик противостояния пришелся на 23—28 октября. Благоразумие Хрущева и Кеннеди позволило в последний момент избежать катастрофы. СССР согласился вывезти свои ракеты в обмен на гарантии безопасности Кубы со стороны США и вывоз американских ракет с баз в Турции. После кризиса началась полоса новой относительной разрядки в советско-американских отношениях. 5 августа 1963 г. СССР, США и Вели-

кобритания подписали договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой, в 1964 г. — соглашение о нераспространении ядерного оружия.

Советский Союз уделял большое внимание развитию взаимоотношений с государствами «третьего мира» — Индией, Индонезией, Бирмой, Афганистаном и др. Им оказывалась помощь в строительстве крупных народно-хозяйственных объектов (металлургический комбинат в Индии, Асуанская плотина в Египте и др.). В 1953—1964 гг. при финансовой и технической помощи СССР в разных странах построено около 6 тыс. предприятий.

В начале 60-х гг. СССР потерпел ряд неудач в отношениях со своими союзниками по «социалистическому лагерю», прежде всего Китайской Народной Республикой. Советские лидеры с конца 40-х гг. видели в союзе с ней залог победы социализма во всемирном масштабе. При поддержке СССР в КНР были созданы первоклассные предприятия по производству реактивных истребителей и бомбардировщиков, артиллерийских систем. Китайские специалисты были ознакомлены с советскими достижениями в области ядерных технологий. Однако курс КПСС на разоблачение культа Сталина вызвал протест руководства Компартии Китая. Маоисты считали, что вооруженные столкновения с империализмом неизбежны, мировой социализм может восторжествовать в результате ядерной войны. Победившие народы, как утверждали маоисты, «крайне быстрыми темпами создадут на развалинах империализма в тысячу раз более высокую цивилизацию, чем при капиталистическом строе».

Отношения осложнились в конце 50-х гг., когда руководство КНР отвергло просьбу СССР о размещении на ее территории советских военных баз. В ответ Советский Союз отказался от выполнения подписанного ранее соглашения о сотрудничестве двух стран в области ядерной физики. Весной 1960 г. советское руководство отозвало несколько тысяч своих специалистов, помогавших Китаю в создании индустриальной базы. В 1963 г. советско-китайские отношения перешли в фазу идеологической войны. Советская сторона обвинялась в обуржуазивании, ревизионизме, гегемонизме, капитулянтстве перед американским империализмом в период Карибского кризиса. Позиции Китая в определенной степени разделяли Албания, КНДР, Румыния, «левацкие» национально-освободительные движения стран Латинской Америки, Азии, Африки. Вскоре отношения между СССР и КНР ухудшились настолько, что Китай выдвинул территориальные претензии к СССР на 1,5 млн кв. км в пограничных районах.

Внешнеполитические конфликты начала 60-х гг. отрицательно сказались на престиже СССР.

Глава 13

«РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ». 1964—1985

§ 1. РАННИЙ «РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ». 1964—1977

Утверждение Брежнева у власти. Переход к консервативному внутриполитическому курсу. 16 октября 1964 г. газеты сообщили о состоявшемся двумя днями ранее пленуме, который «удовлетворил просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Население встретило известие с чувством удовлетворения и настороженности. Первое вызывалось надеждой на исправление негативных последствий бесконечных реформаций, второе — очевидной неправдой насчет «ухудшения здоровья» и опасениями возврата к сталинским порядкам.

И действительно, пришедшие к власти лидеры были едины лишь в решимости положить конец хрущевским новациям и измене принципу коллективности руководства. В остальном они существенно разнились. А. Н. Косыгин был известен как сторонник реформ, внедрения некоторых экономических стимулов в административно-командную систему; Ю. В. Андропов — сторонник последовательного продолжения курса XX съезда партии и решительных мер в защиту социалистических ценностей; А. Н. Шелепин — сталинист. Л. И. Брежнев занимал центристскую позицию, М. А. Суслов — правоцентристскую. Позиция нового 1-го секретаря ЦК КПСС в сочетании с его личными качествами (кажущееся отсутствие амбициозности, осторожное пользование властью) оказалась наиболее приемлемой для большинства членов нового коллективного руководства. Его первые шаги диктовались стремлением покончить с «волюнтаризмом» Хрущева в области партийно-государственного управления.

На ноябрьском (1964) пленуме ЦК КПСС с докладом «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов» выступил Н. В. Подгорный. Контрреформы были распространены на советские, комсомольские и профсоюзные учреждения. На сентябрьском (1965) пленуме объявлено о ликвидации совнархозов и восстановлении отраслевых министерств с начала новой пятилетки. Однако в адрес Косыгина, выступавшего на пленуме, Брежнев в неофициальной обстановке говорил: «Ну что он придумал? Реформа, реформа... Кому это надо, да и кто это поймет? Работать нужно лучше, вот и вся проблема». В дальнейшем неприятие реформ стало одной из существенных характеристик

нового политического курса, демонстрирующих полное непонимание экспериментального характера строящегося, хотя и ставшего «вооруженным до зубов» государства.

Важный шаг к переходу на консервативный курс сделан в мае 1965 г. на праздновании 20-летия победы в Отечественной войне. В докладе Брежнева впервые после многих лет хрущевских обвинений упомянуто о вкладе Сталина в победу над фашистской Германией. Упоминание буквально утонуло в аплодисментах, внося успокоение в номенклатурную среду, осуждавшую немотивированные всплески хрущевского антисталинизма. Линия на отказ от дальнейших разоблачений ужасов сталинизма была продемонстрирована и на XXIII съезде партии (март—апрель 1966 г.). Наиболее отчетливое выражение она получила в выступлении руководителя МГК КПСС Н. Г. Егорычева. «В последнее время, — говорил он, — стало модным... выискивать в политической жизни страны какие-то элементы так называемого сталинизма, как жупелом, пугать им общественность, особенно интеллигенцию. Мы говорим им: не выйдет, господа!»

Просталинским настроениям отвечало избрание Брежнева не первым (как Хрущева), а генеральным (как Сталина) секретарем ЦК КПСС. Президиуму ЦК было возвращено название Политбюро. Кроме того, сталинисты получили возможность гневно осудить с трибуны съезда писателей-диссидентов. Съезд стал сигналом для поворота к идеологическим ориентирам прошлого, главным из которых было усиление контроля над общественной жизнью.

Реабилитационные настроения относительно Сталина достигли своего пика в 1969 г., когда ряд членов высшего руководства КПСС (Г. И. Воронов, К. Т. Мазуров, П. М. Машеров, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин) пытались существенно подправить официальные оценки исторической деятельности Сталина. В журнале «Коммунист» была опубликована статья просталинского толка. К 90-летию со дня рождения Сталина готовились к изданию его сочинения. Эти планы расстроились главным образом из-за публикаций на Западе хрущевских воспоминаний. Новые разоблачения репрессивного режима, сталинского антигуманизма и антисемитизма резко усилили протесты руководителей компартий и всех «прогрессивных деятелей» Запада по поводу наметившейся частичной реабилитации Сталина. Реабилитация не состоялась. Против нее настраивало также и чувство самосохранения, идущее от ощущения большинства партийных и государственных аппаратчиков. Возврат к сталинизму мог создать угрозу их собственному положению.

На упрочение позиций партийной номенклатуры были направлены и поправки к Уставу КПСС, принятые XXIII съездом партии. Из него были устранены введенные в 1961 г. указания о нормах сменяемости состава партийных органов и секретарей партийных органи-

заций. Ротация «по закону» вносила беспокоящие партийных руководителей элементы неопределенности. Они почти целиком устранялись новым туманным положением о необходимости систематического обновления партийных органов и преемственности руководства, фактически обеспечивавшим бессменное пребывание у власти значительной части секретарского корпуса. Стабильность кадров оборачивалась их старением, губительной «геронтократией».

Важнейшей составляющей нового политического курса стала концепция «развитого социализма», заменившая концепцию развернутого строительства коммунизма с ее посулами «догнать и перегнать» США. 21 декабря 1966 г. в «Правде» опубликована статья Ф. М. Бурлацкого под названием «О строительстве развитого социалистического общества». В следующем году в речи по случаю 50-летия Октябрьской революции Брежнев объявил, что в СССР *построено* развитое социалистическое общество.

Официально этот вывод был закреплен решениями XXIV съезда партии (март—апрель 1971 г.). На нем провозглашен курс на повышение эффективности общественного производства и соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства; на расцвет и сближение социалистических наций; достижение большей социальной однородности общества в условиях «развитого социализма». Хотя действенных механизмов для реализации этих целей создано не было, расхождение теории с реальными социальными процессами, падением эффективности общественного производства становилось менее заметным, чем при Хрущеве.

Концепция «развитого социализма» стала, по существу, крупной ревизией представлений хрущевского окружения о возможности в исторически обозримом будущем построить коммунизм в отдельно взятой стране. Но она оказалась весьма удобной в том отношении, что переводила «строительство» из практической задачи в теоретическую. Согласно концепции, путь к коммунизму предполагал неопределенно длительный этап развития, во время которого социализм обретал целостность, гармоническое сочетание всех сторон и отношений — производственных, социально-политических, нравственно-правовых, идеологических.

В 1973 г. коллективное партийно-государственное руководство рьяно принялось за осуществление мер «по повышению авторитета» своего лидера, сворачивая на известную дорогу «культа». Л. И. Брежнев, Герой Социалистического Труда с 1961 г., стал вскоре носителем многих новых наград и отличий — звания генерала армии (1975), маршала (1976), золотых звезд Героя Советского Союза (1966, 1976, 1978, 1981), ордена «Победа» (1978), высшей награды в области общественных наук — Золотой медали им. Карла Маркса

(1977), становится лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1973).

Публичные славословия в адрес Брежнева и поток наград ширились по мере того, как он становился все менее дееспособным вследствие перенесенного в 1976 г. инсульта. 16 июня 1977 г. окружение возвело его на пост Председателя Президиума ВС СССР. К этому времени консервативный курс советского партийно-государственного руководства сложился в полной мере, его следствием стал «застой» в развитии общества, характерный для эпохи позднего Брежнева и позднего «развитого социализма».

Изменения в политическом руководстве. С формированием нового политического курса менялся и состав высшего партийно-государственного руководства страны. Первые кадровые перестановки были осуществлены уже через месяц после переворота. На ноябрьском (1964) пленуме ЦК новыми членами его Президиума избраны П. Е. Шелест (1-й секретарь ЦК Компартии Украины) и А. Н. Шелепин (один из главных организаторов переворота). В декабре 1965 г. принята отставка председателя Президиума ВС А. И. Микояна. На этот пост в августе 1966 г. избран активный участник антихрущевского заговора Н. В. Подгорный.

Однако уже с 1965 г. обнаружилась другая тенденция. На периферию власти начали оттесняться соратники, представлявшие угрозу новому курсу. Декабрьский (1965) пленум ЦК реформировал Комитет партийно-государственного контроля. Его переименовали в Комитет народного контроля. Это сделано с явной целью сузить властные претензии создателя комитета А. Н. Шелепина. В сентябре 1967 г. он был освобожден от обязанностей секретаря ЦК в связи с избранием его председателем ВЦСПС, позже, в 1975 г., выведен и из состава Политбюро. Такая же участь постигла друга Шелепина и его преемника на посту главы КГБ В. С. Семичастного. Поводом для отставки стали недостатки спецслужб, не сумевших воспрепятствовать в марте 1967 г. дочери Сталина С. Аллилуевой остаться жить на Западе. В апреле 1973 г. посты в Политбюро утратили председатель Совмина РСФСР Г. И. Воронов и 1-й секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест, в июне 1977 г. — Н. В. Подгорный.

Выбывших заменяли люди, лично близкие генсеку со времен работы на Украине, в Молдавии и Казахстане — А. П. Кириленко (секретарь ЦК с 1966 г.), К. У. Черненко (секретарь ЦК с 1976 г.), Д. А. Кунаев (1-й секретарь ЦК Компартии Казахстана с 1964 г.). Верными соратниками Брежнева оставались М. А. Суслов (партийный идеолог), А. А. Громыко (министр иностранных дел), Ю. В. Андропов (председатель КГБ), А. А. Гречко и сменивший его в 1976 г.

Д. Ф. Устинов (министры обороны), Н. А. Щелоков (министр охраны общественного порядка в 1966—1968 гг., затем министр внутренних дел), Н. А. Тихонов, ставший в 1965 г. заместителем, а в 1976 г. — первым зампредом Совмина СССР.

Реформа Косыгина. Председатель Совета министров СССР, утвержденный на этом посту после отставки Хрущева в октябре 1964 г., хорошо сознавал, что одной административной контрреформой (переходом от территориального принципа управления к отраслевому) преодолеть негативные тенденции экономического развития не удастся. В основе его подхода к руководству народным хозяйством лежала идея о необходимости дополнения партийно-административных рычагов элементами рыночной экономики.

Идея эта не родилась в 1964 г. Поиски модели оптимального планирования советские экономисты (Л. В. Канторович, В. С. Немчинов, В. В. Новожилов и др.) вели с конца 50-х гг. В статье харьковского ученого-экономиста Е. Г. Либермана «План, прибыль, премия», опубликованной в «Правде» (сентябрь 1962 г.), доказывалось, что прибыль и рентабельность (отношение прибыли к основным и нормируемым оборотным фондам) надо рассматривать как один из важнейших критериев успешной работы предприятия. В дискуссии по статье высказывались различные соображения о необходимости перехода к экономическим методам управления, оживлению товарно-денежных отношений. Предложенная Либерманом система внедрена на двух фабриках (в Москве и Горьком), в Западном угольном бассейне на Украине, а также в ряде транспортных предприятий еще до отставки Хрущева. Отставка ускорила реализацию выработанных в ходе дискуссии и эксперимента предложений. Новый экономический курс был обозначен решениями двух пленумов ЦК КПСС 1965 г. — мартовского (по сельскому хозяйству) и сентябрьского (по промышленности). Решения положили начало перестройке, вошедшей в историю как экономическая, или косыгинская, реформа. Ее образцом, по сути дела, была система, существовавшая при НЭПе, но при отсутствии частных предприятий.

Мартовский пленум наметил ряд мер, призванных реформировать сельское хозяйство на основе сочетания общественных и личных интересов, усиления материальной заинтересованности работников в росте производства. План обязательных закупок зерна был снижен и объявлен неизменным на предстоящие 10 лет. Закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию повышались в 1,5—2 раза. Сверхплановые закупки должны были осуществляться по повышенным ценам (надбавки составляли 50% к основной цене). Снижались цены на технику и запчасти. С колхозов и совхозов были списаны долги го-

сударству. Уменьшались ставки подоходного налога на крестьян. Количество отчетных показателей, устанавливаемых для хозяйств сверху, резко ограничивалось. В пределах государственных заданий хозяйствам предоставлялась полная самостоятельность планирования производства. В то же время в решениях пленума особый акцент делался на повышение роли Министерства сельского хозяйства в планировании и руководстве производством и на увеличение капиталовложений. Мероприятия принесли выгоду колхозам и совхозам. За сданную в 1965 г. продукцию они выручили почти на 15% больше, чем в 1964 г. Выгода увеличивалась за счет снижения цен на машины, электроэнергию и списания с колхозов задолженностей по ссудам.

Нововведения в промышленности провозглашены на сентябрьском (1965) пленуме ЦК в докладе А. Н. Косыгина «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленных предприятий». Призывая к отказу от совнархозов и восстановлению отраслевого принципа управления, председатель правительства подчеркивал, что речь идет не о простом восстановлении досовнархозовской системы министерств, а о сочетании централизации руководства с расширением оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий.

Добиться этого предполагалось прежде всего путем сокращения числа обязательных плановых показателей до 9 вместо 30 в прежние годы. Главным в работе предприятий и отраслей вместо объема валовой становился объем реализованной продукции. Таким образом, производитель ставился в непосредственную зависимость от спроса на свою продукцию. Натуральные плановые показатели заменялись стоимостными. Для повышения заинтересованности коллективов в лучшем использовании производственных фондов вводилась плата за эти фонды. Зарплата определялась уровнем рентабельности, прибылью, перевыполнением планов. Обобщающий результат хозяйствования измерялся размерами прибыли. Из отчислений от нее предприятия создавали фонды развития производства и материального поощрения. Из этих фондов тратились деньги на премии и «13-ю зарплату» по итогам года; на улучшение условий труда и быта, в частности на строительство жилья.

В развитие решений пленума в октябре 1965 г. приняты законы об изменении органов управления, созданы 11 общесоюзных и 17 союзно-республиканских министерств. В республиках создавались не все союзно-республиканские министерства, а лишь те, которые имели в этой республике объекты управления. Всего в стране на начало 1966 г. действовало около 600 министерств, госкомитетов и других ведомств. Примерно такой же структура управления оставалась и в середине 80-х гг.: 594 министерства и ведомства, в том числе 322 союзно-республиканских, 88 республиканских министерств, 172 союз-

но-республиканских и 12 республиканских госкомитетов. Работа промышленных предприятий строилась на основе Положения о промышленном предприятии, утвержденном в октябре 1965 г. В нем излагались новые права и обязанности предприятий, освобождавшие их от мелочной опеки, регламентирования всех деталей и частностей в работе.

В соответствии с задачами реформы были определены основные направления хозяйственной деятельности 8-й пятилетки (1966—1970). Директивы по новому пятилетнему плану приняты на XXIII съезде партии в конце марта 1966 г. Новых рубежей в «строительстве коммунизма» предполагалось достичь, увеличив за 5 лет выпуск промышленной продукции на 47—50%, сельскохозяйственной — на 25%, реальные доходы населения — в 1,5 раза.

Процесс перехода промышленности на новые условия хозяйствования происходил постепенно. В январе 1966 г. на систему хозрасчета перешли первые 43 завода и фабрики в 20 городах страны. Это были наиболее опытные коллективы. Их работа по-новому показала, что реформа благотворно влияет на деятельность предприятий. В 1967 г. по новой системе работало уже 7 тыс. предприятий с занятостью свыше 10 млн человек. На их долю приходилось около 40% всей промышленной продукции. На новую систему перешли уже целые отрасли индустрии, она стала внедряться на транспорте. К концу пятилетки переход промышленности на систему хозрасчета был в основном завершен. В процессе осуществления реформы развернулось слияние мелких предприятий с крупными. Создавались производственные объединения. Входившие в их состав заводы и фабрики были связаны производственной кооперацией по выпуску готовой продукции или комплексной переработке сырья. Крупнейшие объединения (АвтоЗИЛ и др.) размещали заводы-филиалы и подразделения в разных экономических районах.

Работа по-новому позволила успешно выполнить 8-й пятилетний план, увеличить выпуск продукции на 50,5% и несколько приостановить падение среднегодовых темпов роста промышленного производства. За пятилетие возведено 1900 новых крупных промышленных предприятий и объектов, в том числе уникальные Западно-Сибирский и Карагандинский металлургические комбинаты, Волжский трубный завод, Красноярская ГЭС, тепловые электростанции в Криворожье и Конакове, первая очередь Волжского автомобильного завода в Тольятти, трикотажные фабрики в Волгограде, Шахтерске и Лениногорске, обувные фабрики в Волгограде и Череповце. Закончено было формирование единой энергетической системы европейской части страны, создана объединенная энергосистема Центральной Сибири.

Новая система хозяйствования в 8-й пятилетке внедрялась и в сельском хозяйстве. Совхозы переходили на полный хозрасчет, из своих средств покрывали все производственные затраты, создавали фонды. К концу пятилетки на новых условиях работало более 40% совхозов. Экономическая реформа позволила отказаться от системы оплаты труда колхозников по трудодням — с мая 1966 г. вводилась гарантированная ежемесячная оплата труда деньгами по тарифным ставкам соответствующих категорий рабочих совхозов. Созданный для этого фонд формировался из доходов колхозов (раньше на оплату труда шли средства, остающиеся в колхозах после расчетов с государством). При недостатке средств государство предоставляло колхозу кредит. К концу 1966 г. новая форма оплаты труда введена в большинстве колхозов.

Новые условия хозяйствования в колхозах, расширение самостоятельности и демократии (выборность не только членов правления, председателей колхозов, но и бригадиров, руководителей других подразделений) получили отражение в новом Примерном уставе колхозов, принятом в ноябре 1969 г. на III съезде колхозников СССР. Он заменил Устав 1935 г., закреплял права колхозников на гарантируемую зарплату и пенсионное обеспечение. На съезде избран Союзный совет колхозов, в задачу которого входило обсуждение наиболее важных вопросов колхозной жизни и деятельности; обобщение опыта; выработка рекомендаций по совершенствованию производства. Советы колхозов избирались в республиках, краях, областях, районах.

Для обеспечения намеченных пятилетним планом устойчивых темпов развития сельского хозяйства в соответствии с решениями майского (1966) пленума ЦК за счет государственного бюджета проводились работы по мелиорации, повышению плодородия земель. Октябрьский (1968) пленум ЦК принял меры по увеличению поставок колхозам и совхозам машин, минеральных удобрений. К концу пятилетки на полях страны работало около 2 млн тракторов, 623 тыс. зерноуборочных комбайнов; почти все колхозы и совхозы пользовались электроэнергией от государственных энергетических сетей. В основе этих сдвигов было понимание необходимости в российских природно-климатических условиях крупного производства, обладающего возможностями концентрации в критические моменты цикла сельхозработ максимума рабочей силы и техники. Это приводило к успеху даже при отсутствии настоящей заинтересованности в труде.

В годы 8-й пятилетки получил дальнейшее развитие процесс преобразования колхозов в совхозы. В 1970 г. в стране насчитывалось 15 тыс. совхозов, а число колхозов за 5 лет сократилось с 36,9 до 33,6 тыс. На долю совхозов приходилось 40% всей товарной продукции сельского хозяйства. Широко практиковалось создание межкол-

хозных, колхозно-совхозных производственных объединений, аграрно-промышленных комплексов с предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции, производству стройматериалов, откормочных пунктов. Улучшался состав кадров руководителей колхозно-совхозного производства. К концу пятилетки 95,5% директоров совхозов и более 80% председателей колхозов имели высшее или среднее специальное образование; численность специалистов сельского хозяйства выросла на 400 тыс. человек. Как и в предыдущие пятилетки, большое значение придавалось поддержке соревнования за высокую производительность труда.

Результатом труда колхозников и работников совхозов было увеличение производства продукции сельского хозяйства с 1966 по 1970 г. на 21% вместо 12% в предыдущем пятилетии. Однако и в эту, относительно благополучную, пятилетку плановые задания оказались недовыполненными. (Намечалось увеличение производства на 25%.) Реформа не давала ожидаемого эффекта.

Замедление социально-экономического развития страны, давшее о себе знать уже в конце 8-й пятилетки, во многом объясняется свертыванием управленческих нововведений. Директивная экономика сумела довольно быстро нейтрализовать реформы, предполагавшие расширение демократии и самостоятельности трудовых коллективов. Консерваторы в руководстве страны с самого начала усматривали в реформах угрозу политической стабильности. События «Пражской весны» 1968 г. стали, с подобной точки зрения, реальным подтверждением угрозы. Используя чехословацкие события как повод, охранители догматической идеологии начали, как позднее выразился Н. И. Рыжков, «откровенно и резко скручивать» реформу уже в конце 60-х гг. В 70-е она не получила дальнейшего развития. Этому способствовали и недостатки, присущие самой реформе.

Она предоставляла предприятиям широкое поле для маневров, но не создавала рачительного хозяина, поскольку господство государственной собственности сохраняло отчуждение работника от средств производства. Ущербность реформы во многом определялась абсолютизированием прибыли как обобщающего экономического показателя. Ее можно было получать как за счет оптимизации производства, так и путем искусственного повышения цен, выпуска менее качественной продукции. Такие стремления подчас объединяли и предприятия, и министерства. В итоге в хозяйственный механизм само собой внедрялся механизм инфляции. Стимулирование выпуска сверхплановой продукции вызывало стремление предприятий к занижению планов. Их перевыполнение сулило большие выгоды, чем работа по напряженным планам.

Непредсказуемость последствий косыгинских реформ ярко вы-

светили эксперименты, произведенные в 8-й пятилетке. Так, на Щекинском химическом комбинате в Тульской области в 1967 г. было разрешено сокращать излишний персонал, а часть зарплаты уволенных передавать оставшимся. К началу 1969 г. численность работников на комбинате уменьшилась на 800 человек, выпуск продукции увеличен на 73,3%, производительность труда — на 87%. За счет прибыли комбината в городе строились жилье, предприятия культурно-бытового назначения. К сожалению, «не каждого высвобожденного работника, — признавал директор комбината П. Шаров, — можно было перевести на другое, новое предприятие». Широкомасштабное внедрение опыта было чревато возникновением массовой безработицы.

Не вписывался в «социалистические» представления и эксперимент в Акчи — одном из целинных районов Казахстана. Экономисту-практику И. Н. Худенко было разрешено организовать всю работу по выращиванию зерна небольшими звеньями, получавшими полную хозяйственную самостоятельность, и оплачивать их работу по конечному результату (количество и качество зерна) без ограничения заработной платы. Несколько лет эксперимента позволили увеличить прибыль на одного работающего в 7 раз, сократить себестоимость зерна в 4 раза, во столько же раз увеличить заработки. Повсеместное введение такой системы позволяло резко расширить производство сельскохозяйственной продукции при столь же резком сокращении числа работников. Однако эксперимент закончился арестом новатора по обвинению в «хищении государственного имущества в крупных размерах». Худенко был осужден на 6 лет содержания в лагере и умер в 1974 г. по отбытии двух лет заключения.

Как видим, власти уже вскоре после начала реформы убеждались, что она имеет не только светлые стороны. Создавая благоприятную среду для роста теневой экономики, она высвечивала также перспективу безработицы, обострения социальной напряженности в стране из-за трудностей с обустройством новых рабочих мест, хотя со всем этим советская власть могла бы и справиться. Главный же «недостаток» заключался в том, что реформа не довольствовалась полумерами, требовала коренных изменений в организации промышленного и сельскохозяйственного производства, подводя к необходимости полного отказа от командно-распределительной системы. К этому брежневское руководство оказалось не готовым.

Социально-экономическое развитие в 70-е гг. проходило под знаком усиления централизованного управления, свертывания реформ и падения темпов роста основных социально-экономических показателей. Оно определялось планами 9-й и 10-й пятилеток, директивы

которых одобрили соответственно XXIV (1971) и XXV (1976) партийные съезды. Планы намечали увеличение производства продукции и национального дохода страны, однако ускорения темпов роста уже не предполагали. Снижение темпов объяснялось возрастающими масштабами производства. Если в 1966—1970 гг. 1% прироста национального дохода равнялся 1,9 млрд, то в 1971—1975 гг. должен был составлять 2,7 млрд руб.

В годы 9-й пятилетки удалось увеличить объемы промышленной продукции на 43%, в десятой — на 24% по сравнению с предыдущими пятилетиями. Производство сельскохозяйственной продукции увеличено за пятилетку на 13%, за десятую — на 9%. Однако плановые задания оказались невыполненными. План по увеличению валового объема промышленной продукции в 1971—1975 гг. выполнен на 91%, в 1976—1980 гг. — на 67%, сельскохозяйственной продукции соответственно — на 68% и 56%. Все это не могло не вести к снижению среднегодовых темпов прироста. Производство промышленной продукции в годы 8-й пятилетки ежегодно увеличивалось, по официальным данным, на 8,5%, в 9-й — на 7,4%, в 10-й — на 4,4%. Производство сельскохозяйственной продукции прирастало в 8-й пятилетке на 3,8% в год, в 9-й — на 2,3%, в 10-й — на 1,7%.

Упор в промышленном развитии в 70-е гг. был сделан на создание гигантских территориально-производственных комплексов. Всего их было несколько десятков. Главное внимание уделялось Западно-Сибирскому ТПК. В Тюменской области еще в 60-е гг. были обнаружены огромные залежи нефти и газа. В 1969 г. ЦК партии и правительство приняли решение об ускоренном развитии здесь нефте- и газодобычи. На освоение новых районов Западной Сибири (Самотлор, Сургут, Уренгой, Ямбург и др.) были брошены человеческие ресурсы из всех республик страны, с затратами на освоение не считались. В результате за 70-е гг. добыча нефти в Западной Сибири выросла в 10 раз. В 80-е гг. Западная Сибирь стала давать более 10% мирового объема добычи нефти и газа.

Ускорение получила угледобыча. Развернуты были два комплекса по добыче угля открытым способом: в Казахстане — Павлодарско-Экибастузский топливно-энергетический, в Красноярском крае — Канско-Ачинский. Здесь добывался самый дешевый уголь страны. На базе Усть-Илимской ГЭС был создан Братско-Усть-Илимский лесопромышленный комплекс, а на базе Саяно-Шушенской ГЭС — Саянский ТПК по обработке цветных металлов.

В целях активизации развития экономики Сибири и Дальнего Востока в 1974 г. было возобновлено строительство Байкало-Амурской магистрали: первая попытка ее создания предпринималась нака-

нуне Великой Отечественной войны. Ее строительство длиной более 3 тыс. км в основном было завершено в 1984 г.

Руководство страны максимально использовало естественное преимущество СССР перед другими странами — колоссальные природные богатства. Однако экстенсивное развитие экономики сдерживало развитие наукоемких отраслей, которые определяли научно-технический прогресс — электроники, кибернетики, робототехники, биотехнологии. Расширение продажи нефти и газа в страны Запада давало валюту, на которую закупалось недостающее зерно, высокотехнологичное оборудование.

В области сельского хозяйства в 70-е гг. упор делался на агропромышленную интеграцию — объединение сельского хозяйства с отраслями, которые его обслуживают (промышленность, транспорт, торговля, строительство). Такая интеграция рассматривалась как главное направление сращивания двух форм собственности — государственной и кооперативно-колхозной. Развернуты были большие работы по мелиорации сельскохозяйственных земель. Строились грандиозные каналы (Большой Ставропольский, Северо-Крымский, Каракумский) и системы для обводнения и орошения. В 1974 г. ЦК партии и союзное правительство приняли совместное постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР».

Программа подъема Нечерноземья была рассчитана на 15 лет и предполагала резкое увеличение капиталовложений в социально-экономическое развитие 29 областей и республик России. Средства выделялись, но существенного улучшения ситуации в деревне не наступало. Деньги шли на «широкую мелиорацию земель», «комплексную механизацию и химизацию»; социальная сфера недопустимо недооценивалась. Более того, положение усугублялось массовой ликвидацией «неперспективных» деревень, якобы препятствующих развитию агропромышленной интеграции и концентрации сельскохозяйственного производства. Численность сельских поселений, по данным переписей населения 1959 и 1979 гг., сократилась с 294 тыс. до 177, т. е. количество деревень уменьшалось на 16 каждый день. Для исконного центра Московской Руси это было настоящим бедствием.

Бичом народного хозяйства оставались отвлечение на «шефскую помощь» селу во время уборочной страды до 20% всего активного населения страны, огромные, до 30—40%, потери урожая, неразвитость сферы переработки сельскохозяйственной продукции. Сельское хозяйство все меньше справлялось с задачами продовольственного снабжения страны. С 70-х гг. в разряд дефицита все чаще попадали мясо, колбасы, а в ряде районов — сыры и молочные продукты.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на все противоречия

экономического развития на этапе раннего «развитого социализма», экономический потенциал, созданный за 8 и 9-ю пятилетки (1966—1975), оказался равен потенциалу, на создание которого в стране ушли предыдущие полвека. Если в 1922 г. доля СССР в мировом промышленном производстве составляла 1%, то в 1975 г. она выросла до 12,6%.

Победе директивной экономики над ростками реформ способствовала «холодная война». Соревнование с США и странами НАТО, а также с Китаем в области наращивания военного потенциала вело к милитаризации народного хозяйства СССР. Военные расходы поглощали десятую часть валового национального продукта. По заказам ВПК работала значительная часть машиностроительных заводов страны. «Оборонка» снижала возможности интенсификации «гражданского» производства, примиряла с нерациональным расходованием сырья, электроэнергии, экстенсивным капитальным строительством, растущей диспропорцией в развитии отраслей народного хозяйства. Значительных средств требовала Советская армия, увеличившаяся за 1965—1977 гг. с 3,68 до 4,19 млн военнослужащих (для сравнения: состав армии США уменьшен за эти годы с 3,5 до 2,06 млн).

Замедление темпов роста экономики отражалось на социальных программах и уровне благосостояния советских людей. При росте в 60—70-е гг. национального дохода в 3,2 раза реальные доходы населения выросли лишь в 2,3. С середины 60-х гг. замедлились темпы жилищного строительства. С 1956 г. не изменялось законодательство о пенсиях, а число пенсионеров в СССР выросло с 32 млн (1966) до 46 млн (1977). Усиливавшаяся уравниловка в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда вела к падению престижа интеллектуальных профессий (инженер, учитель, врач и др.). Постоянно увеличивавшийся с начала 70-х гг. разрыв между объемом и товарным покрытием денежной массы привел к товарному голоду, который поначалу распространялся на особо престижные товары и предметы длительного пользования, а с годами затронул практически всю сферу товаров и услуг.

«Монолитность» советского народа как новой исторической общности людей в отличие от пропагандистских клише отнюдь не была таковой из-за экономического неравенства республик и различий их вклада в развитие страны. По официальной статистике, Российская Федерация в 1975 г. могла оставить себе 42,3% собранного на ее территории налога с оборота, Украина — 43,3, Латвия — 45,6, Молдавия — 50, Эстония — 59,7, Белоруссия — 68,2, Азербайджан — 69,1, Грузия — 88,5, Армения — 89,9, Таджикистан — 99,1, Киргизия — 99,2, Литва — 99,7, Узбекистан — 99,8, Казахстан и Туркмения — 100%. Темпы капитальных вложений в экономику со-

южных республик в 2—4 раза превышали аналогичные показатели для России. Вместе с тем за ее пределами были сильны настроения, что именно Россия и русские виноваты в экономических проблемах республик. Тревожным проявлением таких настроений стали взрывы в Москве в январе 1977 г., организованные армянскими националистами.

Внешняя политика. Со второй половины 60-х гг. в отношениях СССР со странами Запада дала о себе знать известная «разрядка» напряженности. Она явилась следствием достигнутого к тому времени стратегического паритета СССР и США, лишавшего любую из сверхдержав возможности победы в ядерной войне. В 1969 г. Запад поддержал предложение стран Варшавского блока о проведении общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В 1970 г. советско-западногерманским договором признавались окончательными послевоенные границы в Европе; аналогичные договоры ФРГ заключила с Польшей и Чехословакией; в декабре 1972 г. состоялось взаимное признание ФРГ и ГДР. В мае 1972 г. СССР и США заключили Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений сроком на 5 лет, названное впоследствии договором ОСВ-1. Договор устанавливал для обеих сторон ограничения по количеству межконтинентальных баллистических ракет, а также ракет, запускаемых с подводных лодок; однако число ядерных зарядов у сторон не оговаривалось, их наращивание продолжалось.

В ноябре 1974 г. удалось договориться о новом соглашении об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Этот договор должен был регулировать предельные рамки по более широкому спектру вооружений, включая стратегические бомбардировщики и разделяющиеся боеголовки. Подписание договора намечалось на 1977 г., однако не состоялось из-за появления в США нового типа вооружений — «крылатых ракет» и отказа устанавливать на них ограничения. Таким образом, не останавливая гонку вооружений, договор сужал ее фронт. Этому способствовала подписанная в 1972 г. и вступившая в силу в марте 1975 г. конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического и токсического оружия и об их уничтожении.

Плодотворное развитие сотрудничества между СССР и США сделало возможным совместный космический полет в июле 1975 г. двух кораблей — «Союза» и «Аполлона». В мае 1976 г. заключен

советско-американский договор, регламентирующий проведение подземных ядерных испытаниях в мирных целях.

Кульминацией «разрядки» международной напряженности стал Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный 1 августа 1975 г. главами 33 европейских государств, а также США и Канады. Он устанавливал, что впредь взаимоотношения стран — участниц Совещания будут определяться рядом принципов. Таковыми считались: суверенное равенство, неприменение силы или угрозы силой, нерушимость послевоенных границ, территориальная целостность государств, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека и основных свобод. Однако, как показали дальнейшие события, СССР рассматривал Акт прежде всего с точки зрения признания границ в Европе и своего особого положения в ней. Западные же страны ключевым считали пункт о соблюдении прав человека в Советском Союзе и странах Восточной Европы. С развертыванием на Западе кампании в защиту прав человека «разрядка» оказалась подорванной, а с началом войны в Афганистане (декабрь 1979 г.) и вовсе похороненной.

Отношения со странами «третьего мира» в период раннего «развитого социализма» в СССР определялись его стремлением приобрести новых союзников, наладить взаимовыгодное сотрудничество с ними. Советский Союз выступил на стороне Египта и Сирии в «семидневной войне» с Израилем в июне 1967 г., способствовал погашению очередной военной вспышки на Ближнем Востоке осенью 1973 г., поддерживал Индию в ее конфликтах с Пакистаном в середине 60-х гг. и в 1971-м. В отношениях с развивающимися странами приоритет отдавался странам «социалистической ориентации» (Кампучия, Лаос, Сомали, Ангола, Мозамбик, Никарагуа). Они получали экономическую и военную помощь, исчисляемую порой миллиардами долларов. Военно-блоковая логика во внешней политике приводила к установлению союзнических отношений и с режимами диктаторского типа (Ирак, Сирия, Ливия, Эфиопия). Точно такую же политику вели США, поддерживающие крайне реакционные режимы антикоммунистической и антисоветской ориентации.

Отношения с соцстранами в этот период испытывали определенные трудности. В стороне от согласованной с Советским Союзом политики находились Китай, Албания, Румыния, Югославия, КНДР. Обострились отношения с Китаем. В июле 1964 г. Мао Цзэдун заявил, что «примерно сто лет назад район к востоку от Байкала стал территорией России, и с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не предъявляли счета по этому реестру». Вскоре был оглашен список

претензий на 1,5 млн кв. км, а в неофициальных беседах говорилось о 3 млн кв. км. В марте 1969 г. произошли вооруженные столкновения в районе острова Даманский на реке Уссури (290 км южнее Хабаровска), а затем и на других участках советско-китайской границы. Всего было около 500 инцидентов, в которых участвовали 2,5 тыс. китайских военных и гражданских лиц. С осени 1969 г. начаты переговоры по пограничным спорным вопросам. Они шли тяжело, часто заходили в тупик. После смерти Мао Цзэдуна (сентябрь 1976 г.) ситуация не улучшилась. (Даманский с сентября 1969 г. стал де-факто, а с марта 1992 г. де-юре китайским о. Чженьбаодао.)

СССР оказывал поддержку Северному Вьетнаму в его борьбе за объединение страны против южновьетнамского режима и открыто выступивших на его стороне США. 5 февраля 1965 г. наше правительство заявило, что «советский народ выполнит свой интернациональный долг в отношении братской социалистической страны». Помощь (в основном вооружением и специалистами, обслуживавшими пусковые установки зенитных ракет) оказывалась более 10 лет, вплоть до поражения южновьетнамского режима. Война, начавшаяся в августе 1964 г., закончилась вступлением северовьетнамских войск в Сайгон 30 апреля 1975 г. и провозглашением Социалистической Республики Вьетнам в июле 1976 г.

«Мировая система социализма» испытывала большие потрясения и в Восточной Европе. В декабре 1967 г. к руководству компартией Чехословакии пришел А. Дубчек. В апреле 1968 г. в ЧССР была принята программа, открывавшая дорогу экономической реформе и демократизации. Однако уже к лету в стране явственно обозначились признаки общественно-политического кризиса. Средства массовой информации вышли из-под партийного контроля, авторитет КПЧ стремительно падал, вырисовывалась вполне реальная перспектива ее поражения на выборах в Национальное собрание, назначенных на осень. Руководители «братских партий» увидели во всем этом угрозу и для социализма в своих странах.

«Пражская весна» закончилась вводом в Чехословакию в августе 1968 г. войск СССР, Польши, Венгрии, ГДР и Болгарии. «Угроза контрреволюции» была предотвращена. Но эта акция усилила раскол в «социалистическом лагере». Албания вышла из Организации Варшавского договора. Однако реакцией на чехословацкие события стала серия межгосударственных договоров и соглашений в рамках СЭВ, направленных на усиление экономической и военной интеграции стран Восточной Европы. Роль СССР в содружестве усилилась.

На Западе «право на вторжение» СССР в союзные страны под предлогом защиты социализма и «ограничение суверенитета» восточноевропейских стран стали называть «доктриной Брежнева». Она ока-

залась, однако, малоэффективной. Кризисные явления вскоре дали о себе знать в Польше. С 70-х гг. здесь начались массовые выступления жителей страны против существовавшего политического режима. Польша стала первой страной социалистического содружества, в которой реально возникала альтернативная политическая власть.

§ 2. КОНСТИТУЦИЯ СССР И ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ В ГОДЫ ПОЗДНЕГО «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА». 1977—1985

Конституция 1977 г. Новый Основной закон, часто называвшийся «Конституцией развитого социализма», принят 7 октября. По жестокой иронии Истории, завершение разработки и введение его в действие пришлись на время, когда социализм утратил способности к динамичному развитию. Работа над проектом закона заняла долгие годы. Первый проект, который призван был заменить Конституцию 1936 г., готовился и обсуждался вскоре после Великой Отечественной войны. Однако до принятия новой Конституции дело тогда не дошло.

В апреле 1962 г. Верховный Совет СССР утвердил состав Конституционной комиссии во главе с Хрущевым. С его отставкой и ревизией курса на непосредственное строительство коммунизма направление дальнейшей работы над проектом Конституции, естественно, изменилось. Угроза существованию традиционных наций со стороны грядущей «коммунистической нации» (и беспокойство в национальных республиках на этот счет) была снята записью в резолюции XXIII съезда КПСС, из которой следовало, что советский народ как новая общность *многонационален*.

Работа над проектом Конституции завершалась в соответствии с указаниями XXV съезда партии (февраль 1976 г.), когда либеральные и технократические тенденции в руководстве страной были прерваны, окончательно возобладала доктрина партийности, формировался жесткий внешнеполитический курс, были ярко выражены персонализация власти и укрепление позиций партийно-государственной бюрократии. Одновременно пропагандировались тезисы об упрочении «ведущей роли рабочего класса», о возрастании социальной однородности общества, расширении прав и свобод граждан (следствие подписания Хельсинкского акта), растущем демократизме. Все это находило отражение в новом проекте Конституции, авторы которого были вынуждены подчас соединять несоединимое.

Завершенный проект Конституции в мае 1977 г. был одобрен пленумом ЦК и вынесен на обсуждение общественности. 7 октября

на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета девятого созыва Конституция была принята. В ней подчеркивалась преемственность идей и принципов с предшествующими ей Конституциями 1918, 1924 и 1936 гг.

Конституция состояла из преамбулы и девяти разделов: Основы общественного строя и политики; Государство и личность; Национально-государственное устройство; Советы народных депутатов и порядок их избрания; Высшие органы власти и управления; Основы построения органов государственной власти и управления союзных республик; Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор; Герб, флаг, гимн и столица; Действие Конституции и порядок ее применения.

Главной новацией была преамбула, в которой констатировалось построение «развитого социализма» и создание «общенародного государства». Таким образом, «отмирание государства» отодвигалось на неопределенный срок, а приоритетной становилась задача всестороннего укрепления законности и правопорядка. В качестве высшей цели государства называлось построение «бесклассового коммунистического общества». Основой экономической системы Союза ССР признавалась социалистическая собственность на средства производства, основой политической системы — Советы, социальной основой — союз рабочих, крестьян и интеллигенции. В тексте Конституции появились новые разделы: о политической системе общества, социальном развитии и культуре, статусе народного депутата.

Новая глава (не имевшая аналогов в предыдущих Конституциях) трактовала вопросы внешней политики. Подчеркивалась ее направленность на обеспечение благоприятных международных условий «для построения коммунизма в СССР»; на «укрепление позиций мирового социализма; поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс». Закреплялся принцип социалистического интернационализма в отношениях СССР с социалистическими странами и государствами, освободившимися от колониальной зависимости. На практике эти положения порой вступали в противоречие с обязательствами соблюдения принципа суверенного равенства и прав народов распоряжаться своей судьбой, оправдывали внешнеполитическую экспансию социалистического государства.

Впервые в Основном законе отражен действительный механизм власти в СССР. КПСС называлась «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» (6-я статья). Это узаконение реальной роли партии привело к монопольному контролю партийных организаций за деятельностью предприятий и учреждений. Оно резко повышало значение партийного аппарата по всей властной вер-

тикали, превращало членство в партии в практически обязательное условие для любой служебной карьеры.

На развитие «подлинной демократии» были ориентированы новые формы «непосредственной демократии»: всенародное обсуждение и референдум; новые гражданские права — на обжалование действий должностных лиц: судебную защиту от посягательства на честь и достоинство; критику действий государственных и общественных организаций. В Конституции закреплялись права на охрану здоровья, жилище; пользование достижениями культуры; на свободу творчества.

Согласно Конституции, все Советы депутатов: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик, краевые, областные и другие — составляли единую систему органов государственной власти. Высшим из них являлся двухпалатный Верховный Совет СССР, состоящий из Совета Союза и Совета Национальностей. Он правомочен был решать важнейшие государственные вопросы: принятие, изменение общесоюзной Конституции, включение в состав Союза новых республик, утверждение государственных бюджетов, планов социального и экономического развития. В перерывах между сессиями ВС СССР его функции выполнял Президиум. Повседневная управленческая деятельность осуществлялась при помощи системы государственного управления, которую возглавлял Совет министров СССР. Конституция также закрепила усилившуюся экономическую и политическую роль союзного центра за счет соответствующих прав республик.

Новый Основной закон сохранял положения Конституции 1936 г. о национально-государственном устройстве. Многочисленные предложения, направленные на устранение иерархии национальных образований (и народов) внутри Союза ССР путем возвращения к традиционному, дореволюционному территориальному принципу административного деления страны, выравнивания статуса республик, перевода отдельных республик из автономных в союзные, в расчет не были приняты. В то же время само определение Союза ССР как «единого союзного многонационального государства» (ст. 69) свидетельствовало о стремлении усилить федеральные централистские начала. В противоречии с этим находилось закрепленное Конституцией за каждой союзной республикой «право свободного выхода из СССР» (ст. 71), подчеркивание ее суверенности (ст. 75, 80).

Таким образом, Конституция СССР 1977 г. окончательно оформила консервативный курс брежневской внутренней и внешней политики, узаконила жесткий идеологический контроль партии над обществом, законсервировала взрывоопасные противоречия в национальном вопросе.

Изменения в государственно-политическом руководстве в последние годы нахождения у власти Брежнева. Следствием отказа от экономических методов управления стала централизация, бюрократизация и разбухание управленческого аппарата. К 1985 г. общая численность управленцев в стране приблизилась к 18 млн человек: на каждых 6—7 работающих приходился один руководитель. Наиболее значительный бюрократический слой (11,5 млн) составлял низовой аппарат предприятий и организаций. На содержание бюрократических структур ежегодно расходовалось до 10% госбюджета. Подчеркивание неуклонного возрастания роли КПСС сопровождалось ее численным ростом. К середине 80-х гг. в ней насчитывалось 19 млн человек. Соответственно расширялся и партийный аппарат.

В 1982 г. партийная структура включала 14 ЦК компартий союзных республик, 6 крайкомов, 150 обкомов, 2 горкома, приравненных к обкомам (Московский, Киевский), 10 окружкомов, 872 горкома, 631 городской райком, 2885 сельских райкомов, 419,7 тыс. первичных партийных организаций. Таким образом, одних только первых лиц в партийной иерархии в начале 80-х гг. набиралось (если не считать первичные парторганизации, 80% которых состояли из 3—45 членов партии) 4570 человек. Однако продвижение наверх уже не было, как раньше, связано с обязательным восхождением по партийной лестнице. Высшая элита страны с 70-х гг. начинает все больше воспроизводить себя не за счет выдвиженцев снизу, а путем отбора и подготовки кадров в элитных школах. Таковыми были Академия общественных наук при ЦК КПСС, Высшая партийная школа, Высшая школа профдвижения, Высшая комсомольская школа, Дипломатическая академия, Институт международных отношений.

Вместе с тем в настоящие бастионы бюрократии превращались министерства и ведомства. К 1985 г. союзный аппарат органов управления министерств и ведомств насчитывал 107 тыс. человек, республиканский — 140 тыс., число работников министерств АССР, краевых, областных управлений и отделов составляло 280 тыс. человек. С 1965 г. министерства были абсолютными монополистами в своей отрасли. Они распоряжались всеми ресурсами, непосредственно руководили предприятиями и организациями по всей стране. Переход к строительству предприятий-гигантов практически во всех отраслях привел к расширению влияния их руководителей.

Главной опорой верховной власти в годы брежневского генсекства стал ЦК КПСС и особенно его аппарат. Если во второй половине 60-х гг. основные решения принимались на пленумах, то в последующем центр властных полномочий все больше смещался в отделы ЦК. Общая численность ответственных сотрудников аппарата ЦК достигала 1500 человек. Пленумы ЦК и съезды партии, хотя и собирались

регулярно, стали все больше носить формальный характер, лишь «одобряя» подготовленные аппаратом решения. Механизм пополнения аппарата ЦК и самого Центрального Комитета к концу 70-х гг. был отлажен до «совершенства». В определенных пропорциях соблюдалось представительство в аппарате республиканских партийных организаций, краев и областей, ВПК, науки и искусства, правоохранительных органов. В ЦК и его аппарате отражались интересы всех властных структур. Такая ситуация стала благоприятной для лоббирования интересов регионов и отраслей.

Высший уровень власти в стране представляли около тысячи человек в Москве и около 3 тыс. по всему Советскому Союзу. В это число входили руководители аппарата ЦК КПСС, Совмина СССР, крупнейших министерств (обороны, внутренних дел, МИДа), секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик. В него включались министры, заместители министров, члены коллегии министерств и союзных ведомств, высшие представители советского аппарата, армии, КГБ, юстиции, промышленности, науки, пропаганды и культуры, являвшиеся членами и кандидатами в члены ЦК и ЦКК КПСС. На местах к этому перечню добавляются заведующие отделами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, директора крупнейших промышленных предприятий, командующие военными округами и крупными воинскими частями, начальники управлений КГБ.

Высшее руководство страны к концу 70-х гг. выродилось в настоящую геронтократию. Средний возраст входящих в Политбюро (21—22 члена и кандидата в члены), секретарей ЦК (10—11) за 1971—1981 гг. вырос с 60 до 68 лет. «Коллективное руководство» проявляло исключительное внимание к здоровью друг друга. 24 марта 1983 г. было принято специальное решение об ограничении времени работы членов и кандидатов в члены Политбюро старше 65 лет. Увеличивалась продолжительность отпуска, один день в неделю они могли работать в домашних условиях. Брежнев около 6 последних лет имел 3 выходных дня в неделю; врачи требовали для него еще один выходной. По этой причине заседания Политбюро, принимавшие важнейшие политические решения, зачастую длились не более 15—20 мин.

Установленные при «позднем Брежневе» порядки сохранились до 1985 г. «Можно по-всякому смотреть на возрастной состав Политбюро, — говорил Ю. В. Андропов (1983). — Здесь концентрация политического опыта нашей партии, и поэтому спешная, непродуманная замена людей далеко не всегда может быть на пользу дела». С заменой действительно не спешили. В 1978 г. вместо скончавшегося Ф. Д. Кулакова секретарем ЦК по сельскому хозяйству избрали М. С. Горбачева, 1-го секретаря Ставропольского крайкома КПСС.

Новым кандидатом в члены Политбюро в марте 1976 г. стал Г. А. Алиев, 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана, затем (с ноября 1978 г.) — Э. А. Шеварднадзе, 1-й секретарь ЦК КП Грузии. Погибшего в октябре 1980 г. в автомобильной катастрофе П. М. Машерова на посту кандидата в члены Политбюро заменил новый 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии Т. Я. Киселев, скончавшийся в 1983 г. На руководство КГБ был выдвинут В. В. Федорчук (май 1982 г.).

Подчеркивая свою значимость, представители старой гвардии в Политбюро охотно награждали себя всевозможными премиями, орденами и медалями. Л. И. Брежнев с 1981 г. стал рекордсменом по обладанию «Золотыми звездами» Героя. Три брошюры воспоминаний генсека («Целина», «Малая земля», «Возрождение»), подготовленные с помощью профессиональных журналистов, отмечены Ленинской премией по литературе (1979).

Вопрос о своем преемнике Брежнев склонялся решить в пользу К. У. Черненко. В качестве резервной фигуры рассматривался 1-й секретарь ЦК КП Украины В. В. Щербицкий. По свидетельству В. В. Гришина, незадолго до смерти Брежнев «хотел на ближайшем пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого генеральным секретарем ЦК КПСС, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии».

«Застой» «развитого социализма» стал временем расцвета номенклатурных привилегий, которые по-прежнему включали госдачи, спецпайки, спецлечение, спецтранспорт и т. п. Однако все эти атрибуты «власти-собственности» нельзя было перевести в личную собственность и передать детям. Стремление к обеспечению безбедного существования родных и наследников в условиях безопасности от преследований для номенклатуры, установленной при Брежневе, привело к тому, что в значительной части она не считала обязанной жить по «моральному кодексу строителей коммунизма».

Ординарным явлением становится злоупотребление служебным положением, стремление пристроить родственников к «хлебной» должности, в элитарный вуз и пр. Было, например, образовано надуманное Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства, которое возглавил свояк Брежнева. Сын Брежнева без должных на то оснований стал 1-м заместителем министра внешней торговли (в 1983 г. освобожден от должности). Зять Брежнева стал заместителем министра МВД. Сын Андропова с 1979 г. успешно делал карьеру в МИДе, в 1984 г. стал послом в Греции.

Наиболее коррумпированными в годы позднего «развитого социализма» были среднеазиатские республики, где дача взяток чиновникам составляла целую систему. Началось сращивание партийного и государственного аппарата с теневой экономикой. Масштабы послед-

ней приобретали все более угрожающий характер. По позднейшим оценкам, в середине 70-х гг. дельцы теневой экономики отчуждали себе примерно седьмую часть доходов трудящихся, к началу 80-х гг. — 18%, к 1985 г. — 21%, а в 1989 г. — 25%. В стране множились бригады «шабашников», строивших дачи и целые поселки. Легальными школами капитализма были молодежно-жилищные кооперативы (МЖК), создававшиеся с 1971 г. для обеспечения молодых семей квартирами на основе хозрасчета. К середине 80-х гг. только в Москве действовали 52 МЖК. Комсомольцы, «выбивая» фонды, стройматериалы, кредиты, становились предпринимателями. Впоследствии на базе МЖК вырастали строительные фирмы, банки.

Все это происходило на фоне навязчивой псевдокоммунистической пропаганды, непрерывных праздников и награждений по случаю разных годовщин, юбилеев и успехов в «совершенствовании» «развитого социализма». В то же время созданный десятилетиями производственный механизм страны продолжал действовать, улучшая условия жизни сотням миллионов людей.

Поиски путей упрочения социализма при Андропове и Черненко. 12 ноября 1982 г., через два дня после смерти Л. И. Брежнева, пленум ЦК партии избрал генеральным секретарем ЦК Ю. В. Андропова. Ему было 68 лет. С июня 1967 г. он был председателем КГБ, а после смерти М. А. Суслова в феврале 1982 г. — главным идеологом партии. Нетерпимость к инакомыслию, приверженность авторитарному стилю, репутация просвещенного партократа, личная скромность — все эти качества перевесили шансы других претендентов на высший пост. Как нельзя лучше они отвечали и ожиданиям «простого народа»: навести порядок в стране, укоротить привилегии, пресечь мздоимство, повести борьбу с «теневиками». Первые шаги Андропова-генсека не обманули ожиданий. «Хотя нельзя все сводить к дисциплине, — заявил он в декабре 1982 г., — но начинать надо именно с нее». Одновременно было дано указание готовить серьезные меры в сфере экономики. В 1983 г. начат широкомасштабный экономический эксперимент в трех республиканских и двух союзных министерствах (Минтяжмаше и Минэлектропроме).

С начала 1983 г. сотрудники КГБ занялись выявлением нарушителей трудовой дисциплины. Рейдами по магазинам, кинотеатрам, баням и т. п. выявлялись и наказывались те, кому в это время полагалось находиться на работе. Одновременно был дан ход громким делам о коррупции, объявлена борьба с нетрудовыми доходами, спекуляцией. Большой масштаб приобрела борьба со злоупотреблениями в торговле. Отдан был под суд и расстрелян начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома; следом за ним заключены под стра-

жу 25 ответственных работников московского Главторга, директора крупнейших московских гастрономов, автомобильного магазина. Потеснены были позиции «хлопковой мафии» в Узбекистане; добрались до 1-го секретаря Краснодарского обкома КПСС С. Ф. Медунова, министра МВД Н. А. Щелокова и его заместителя Ю. М. Чурбанова, крупно замешанных в коррупции. За короткое время правления Андропова в Москве сменено более 30% партийных руководителей, на Украине — 34%, в Казахстане — 32%.

Страна с напряженным вниманием следила за информационным нововведением, предвосхитившим будущую «гласность». Каждую неделю газеты публиковали сообщение «В Политбюро ЦК КПСС». Опираясь прежде всего на Д. Ф. Устинова и А. А. Громыко, Андропов «омолодил» Политбюро и Секретариат ЦК. В Политбюро введены Г. А. Алиев, ставший 1-м заместителем председателя правительства СССР Н. А. Тихонова; В. И. Воротников (председатель Совмина РСФСР с июня 1983 г.); М. С. Соломенцев (председатель Совмина РСФСР до июня 1983 г., позже председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС с июля 1983 г.). Новым кандидатом в члены Политбюро стал В. М. Чебриков (председатель КГБ с декабря 1982 г.). Новыми секретарями ЦК избраны Н. И. Рыжков (заведующий экономическим отделом ЦК); член Политбюро Г. В. Романов (1-й секретарь Ленинградского обкома партии, отвечающий в Политбюро за координацию работы предприятий ВПК); Е. К. Лигачев (заведующий отделом оргпартработы ЦК).

Большое оживление в обществоведении вызвала статья Ю. В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» (Коммунист, 1983, № 3). Генсек предостерегал «от возможных преувеличений в понимании степени приближения страны к высшей фазе коммунизма». Признание противоречий и трудностей «развитого социализма» и фраза Андропова «мы не знаем общества, в котором живем» воспринимались как необходимая предпосылка для дальнейшего самопознания и возможного реформирования советского общества. Однако «возрождение коммунистического фундаментализма» оказалось недолгим. 9 февраля 1984 г. Ю. В. Андропов, страдавший неизлечимой болезнью почек, скончался.

Некоторое наведение порядка, дисциплины и другие мероприятия, связанные с его именем, дали заметный экономический эффект. По официальным данным, темпы роста экономики в 1983 г. составили 4,2% (против 3,1% — в 1982 г.); национальный доход вырос на 3,1%; промышленное производство — на 4%; производство сельскохозяйственной продукции — на 6%.

Андропова на посту генерального секретаря ЦК и Председателя Президиума Верховного Совета сменил давний соратник Брежнева

К. У. Черненко. (Ему в тот момент было 73 года, и у него была тяжелая форма астмы.) Его приход к власти сразу же обернулся отказом от андроповских новаций. Новых назначений в Политбюро и Секретариат ЦК при Черненко не произошло, но на второе место в руководстве вместо Н. А. Тихонова был выдвинут М. С. Горбачев. Борьба за дисциплину была свернута, нити дел о коррупции оборваны на уровне среднего управленческого звена. Представители партийной и государственной элиты вновь оказались вне всяких подозрений. На время самыми важными стали разговоры о новой Программе КПСС и дискуссия о «стадии развития общества», которую предлагалось теперь именовать не развитым, а *развивающимся* социализмом. Черненко полагал, что таким образом начиналась работа, придающая «мощное ускорение развитию народного хозяйства».

Знаковым для периода нахождения у власти Черненко стало восстановление в партии Молотова (июнь 1984 г.). Просталинское настроение старой генерации Политбюро при этом было отчетливо выражено Устиновым, предлагавшим восстановить в партии и Маленкова с Кагановичем. По его словам, «ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также и в отношении Сталина». Однако В. М. Чебриков напомнил о резолюциях на списках репрессированных и о потоке писем с возмущениями, которые следует ожидать в случае восстановления. Неизвестно, как разрешился бы этот вопрос, поскольку «ренессанс» позднего «брежневизма» вскоре закончился. 20 декабря 1984 г. скончался Д. Ф. Устинов, 10 марта 1985 г. — К. У. Черненко.

Положение в экономике и социальной сфере. Неспособность руководства переломить негативные тенденции в народном хозяйстве обусловила дальнейшее снижение темпов экономического развития. В 10-й пятилетке (1976—1980) национальный доход вырос на 21%, объем промышленной продукции — на 24%, сельскохозяйственной — на 9%. В 11-й пятилетке (1981—1985) соответствующие показатели составляли 16,5, 20 и 11%. В начале правления М. С. Горбачева на волне «ускорения» планировалось увеличить в 12-й пятилетке (1986—1990) национальный доход на 20—22%, промышленную продукцию — на 21—24%, продукцию сельского хозяйства — вдвое.

Среднегодовые темпы прироста национального дохода, составлявшие, по официальным данным, в 1971—1975 гг. 5,7%, в годы 10-й пятилетки снизились до 4,3%, 11-й — до 3,6%. Соответствующие показатели среднегодовых приростов промышленной продукции равнялись 7,4, 4,4 и 3,7%, сельскохозяйственной — 2,3, 1,7 и 1,4%.

Аналогично снижались и показатели роста производительности общественного труда. Плановые задания по увеличению валовой продукции промышленности в 10-й пятилетке удалось выполнить на 67%, в 11-й — на 77%; по увеличению продукции сельского хозяйства и того меньше — соответственно на 56 и 42%. Последние цифры свидетельствуют, помимо прочего, о невысоком качестве народнохозяйственного планирования.

Задания 11-й пятилетки, утвержденные на XXVI съезде КПСС (март 1981 г.), не были выполнены ни по одному показателю. Тем не менее развитие страны имело поступательный характер. Темпы роста национального дохода (вновь созданная стоимость во всех отраслях сферы материального производства) на протяжении всех 70-х гг. сохранялись на уровне 4,9% ежегодного прироста, и даже в самую «застойную» пятилетку (1981—1985) обеспечивался ежегодный прирост в среднем на 3,6% в год. Альтернативные данные показывают, что в 70-е гг. национальный доход ежегодно возрастал на 2,1%, а в 1981—1985 гг. — на 0,6%, но и эти показатели были ненамного ниже, чем в большинстве развитых стран. Что же касается общего промышленного производства, то с 1970 по 1988 г. оно возросло в СССР в 2,38 раза против 1,32 раза в Англии, 1,33 — в ФРГ, 1,48 — во Франции, 1,68 — в США, в 2 раза — в Японии.

Национальное богатство России в 1970—1980 гг. прирастало в среднем на 7,5% в год против 10,5% ежегодного прироста в 60-е гг. В целом брежневский, андроповский и черненковский периоды (1964—1985) характеризуются ежегодным приумножением национального богатства на 6,5%, и лишь в горбачевский период этот показатель снизился до 4,2% в год. Рост валового внутреннего продукта России в эти годы характеризуется следующими данными. В 1985 г. его объем составлял 3494 млрд руб. и был в 2,9 раза больше, чем в 1964 г., и в 1,4 раза больше, чем в 1977 г.

СССР располагал мощной многоотраслевой экономикой, обеспеченной практически всеми видами сырья, кадрами ученых, инженеров, рабочих. Произошли существенные сдвиги в решении извечной для страны транспортной проблемы. За 60—80-е гг. произведена полная замена паровозов тепловозами, самолетов с поршневыми моторами на реактивные, речные и морские суда оснащены дизельными двигателями. В народном хозяйстве появились мощные специализированные грузовые автомобили, комфортабельные скоростные автобусы, налажено массовое производство легковых автомобилей («Волга» с 1956 г., «Запорожец» с 1960 г., «Жигули» с 1970 г.), заметно расширилась и улучшилась автодорожная сеть, был создан магистральный трубопроводный транспорт. Производственный потенциал был вполне высоким и позволял вести эксперименты по переустрой-

ству экономики в нужном направлении без коренной перетряски жизни народов страны. Однако руководству СССР периода позднего «развитого социализма» эта задача оказалась не по силам.

«Наверху», конечно, многие осознавали неблагополучие в развитии экономики. Предпринимались и попытки найти выход из положения. В 1979 г. группой аналитиков под руководством заместителя председателя Совмина академика В. А. Кириллина был подготовлен доклад о состоянии и перспективах советской экономики. Он содержал реалистическую картину тяжелого положения советской экономики: страна начинает безнадежно отставать в использовании передовых технологий, а нарастающие проблемы нельзя решить без радикального, структурного реформирования экономики. Предложения аналитиков, как и все более ранние проекты реформ в экономике, были так или иначе связаны с представлениями о необходимости расширения роли элементов рыночных отношений в социалистической экономике.

Однако доклад вызвал лишь раздражение и недовольство большинства членов Политбюро. В. А. Кириллин был снят с работы. Это, по всей видимости, стало одной из причин обострения болезни А. Н. Косыгина. В октябре 1980 г. он был освобожден от работы. Назначенный 23 октября 1980 г. председателем Совмина Н. А. Тихонов к реформам относился столь же подозрительно, как и Брежнев.

«Совершенствование» управления народным хозяйством пошло в ставшем к концу 70-х гг. уже привычным русле замещения экономических рычагов административными. Постановление ЦК от 12 июля 1979 г. «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов» делало упор на дальнейшее повышение роли государственного плана как важнейшего инструмента государственной политики. Число обязательных плановых показателей вновь было увеличено, их содержание уточнялось в одновременно принятом постановлении «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Параллельно с этим усложнялась и дифференцировалась отраслевая структура управления экономикой.

Попытки интенсифицировать экономику посредством составления многочисленных программ автоматизации и комплексной механизации, носивших административно-бюрократический характер, оказались малоэффективными, поскольку они не влияли на зарплату и уровень жизни. Не удавались и попытки реанимировать трудовой энтузиазм. Многочисленные трудовые почины, вахты, встречные обязательства, работа по бездефектному методу имели мало общего с ударничеством довоенных лет и трудовым энтузиазмом послевоенной

пятилетки. Они чаще всего были «инициативой» партийных органов, а не масс, и быстро угасали. Это, конечно, не исключает того, что в трудовых коллективах было немало замечательных, уважаемых мастеров своего дела и честных тружеников, служащих примером для подражания.

С конца 70-х гг. нарастало влияние ряда объективных факторов, препятствовавших развитию экономики экстенсивными методами. Осложнилась демографическая ситуация. Уменьшение рождаемости в 60-х гг. привело к сокращению притока трудовых ресурсов. Перемещение центров добывающей промышленности в восточные районы повысило себестоимость топливно-энергетического сырья. Так, добыча топлива с 1971 по 1980 г. увеличилась в СССР более чем в 4 раза, газа — более чем в 8, а нефти — почти в 7 раз. Нефть и газ были важнейшими предметами советского экспорта. Только от вывоза нефти страна получала ежегодно около 16 млрд долларов. Доля топлива и энергоносителей в общем объеме советского экспорта выросла с 15,6% в 1970 г. до 54,4% — в 1984 г. В 1960 г. почти вся нефть и газ добывались в европейской части СССР, в середине 80-х гг. две трети общесоюзной добычи нефти и газа обеспечивала Западная Сибирь. Добывать топливо в северных районах страны становилось все труднее, и в 1984 г. впервые за годы советской власти годовая добыча нефти снизилась.

За 1965—1982 гг. общая валютная выручка СССР от экспорта нефти и газа составила около 170 млрд долларов. Возникла явная зависимость страны от конъюнктуры мирового рынка. Падение цен на уголь и нефть на мировом рынке в середине 80-х гг. стало важнейшей причиной финансового и бюджетного кризиса. Годы позднего «развитого социализма» стали называть годами «застоя» прежде всего потому, что, поглощая потоки нефтедолларов, советское руководство мало что сделало для перестройки экономических механизмов.

В декабре 1978 г. введена в строй первая очередь огромного Волгодонского завода тяжелого машиностроения (Атоммаш). Именно здесь начиналось поточное производство различных типов ядерных реакторов для АЭС. Однако наряду с работами по завершению этого строительства сооружались дорогостоящие, бесперспективные и экологически небезупречные Астраханский газоконденсатный комбинат, газохимический комплекс Тенгизполимер, канал Волга—Чограй в Калмыкии.

Деревне. традиционно выступавшей донором экстенсивного развития промышленности, с годами все труднее было играть прежнюю роль. Капиталовложения в сельское хозяйство хотя и возрастали, но явно недостаточно. Молодежь продолжала уезжать в город. С 1967

по 1985 г. деревню ежегодно покидало в среднем 700 тыс. человек. Средний возраст сельских жителей неуклонно повышался.

Особенно тяжелое положение складывалось в Нечерноземье — на огромной территории исторического центра России, охватывающей 29 областей и автономных республик. Это была тяжелая расплата за непонимание того, что в «холодной стране» инвестиции в сельское хозяйство должны быть в несколько раз больше, чем в практике властей. Тем не менее реализация принятого в 1974 г. постановления «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» позволила построить ряд крупных производственных комплексов. Несомненным достижением стало и завершение электрификации села. Однако на развитие социальной сферы и на инфраструктуру средств выделялось значительно меньше, сельский быт продолжал оставаться примитивным и тяжелым. Продукция, проданная государству колхозниками Нечерноземья в 1980 г., после всех реформ, оставалась убыточной. По молоку убыток составлял 9%, по крупному рогатому скоту — 13%, по свиньям — 20%, по птице — 14%, по шерсти — 11%. Это оставалось одной из главных причин упадка сельского хозяйства.

Курс на укрупнение мелких населенных пунктов фактически обнаруживал незаинтересованность властей в развитии каждой деревни из-за высоких затрат на индивидуальное жилищное строительство, дороги, мосты, газопроводы. В результате число населенных пунктов постоянно сокращалось под предлогом неперспективности. Жизнь в отдаленных от центральных усадеб деревнях замирала. Закрывались школы, больницы, магазины, предприятия службы быта. По материалам переписей населения 1959 и 1989 гг., численность сельского населения в стране сократилась на 10%, в Нечерноземье — на 42%. Число сельских поселений в РСФСР уменьшилось за это время на 139 тыс., в Нечерноземье — на 76 тыс. Возникла и обнаружила тенденцию к росту особая категория сельских поселений, не имеющих трудоспособного населения. Традиционный и важнейший источник роста численности населения страны фактически не действовал. Исторический центр России исчезал, словно в каком-то мощном катаклизме. Политику ликвидации мелких деревень писатель В. Белов с полным основанием охарактеризовал как «преступление против крестьянства».

В результате преобразований на селе к концу 1985 г. в стране насчитывалось 26,2 тыс. колхозов и 22,7 тыс. совхозов. В них было занято соответственно 12,7 и 12 млн человек и производились примерно равные объемы продукции сельского хозяйства (на 73,9 и 75,2 млрд руб.).

Обстановка кризиса, складывавшегося в сельском хозяйстве в условиях позднего «развитого социализма», коренным образом отлича-

лась от дореволюционного положения в российской деревне. Несмотря на все потрясения советского периода истории и разрушения военных лет, совокупные усилия советской власти и крестьянства позволили увеличить к началу 80-х гг. производство сельскохозяйственной продукции по сравнению с дореволюционным уровнем в 3—4 раза, годовую производительность индивидуального труда в сельском хозяйстве более чем в 6 раз, а часовую в 10—11 раз (средняя продолжительность рабочего дня крестьянина составляла около 7 ч, а в начале века — 11). Общественная производительность труда в агропромышленном комплексе СССР с учетом худших природных условий (по биоценозу в 2,9 раза, продолжительности стойлового содержания скота в 3,4 раза и т.д.), в сущности, не уступала американскому. Все это позволяло Советскому Союзу иметь общенародный продовольственный фонд, достаточный для того, чтобы гарантировать своим гражданам потребление продовольствия на 1/3 большее, чем в среднем в мире.

При всем этом поиски вывода деревни из кризиса, предпринятые в конце 70-х гг., во многом лежали в традиционном архаичном стереотипе мышления. М. С. Горбачев, ставший в 1978 г. секретарем ЦК по сельскому хозяйству, возглавил разработку очередного проекта его оздоровления под названием «Продовольственная программа СССР на период до 1990 г.» (одобрена в мае 1982 г.). Ее суть состояла в комплексном использовании всего арсенала административно-бюрократических мер для решения продовольственной проблемы в стране к 1990 г.

В основе программы лежала идея агропромышленной интеграции — установления производственных связей между колхозами, совхозами, предприятиями пищевой промышленности, торговыми, строительными и транспортными организациями. Производство замыкалось в единый государственный агропромышленный комплекс. На региональном уровне в АПК объединялись все предприятия, связанные с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, с производством удобрений, сельхозтехники и пр. Создавались соответствующие структуры агропромышленных объединений. В ноябре 1985 г. высшей инстанцией стал Госагропром СССР, вобравший функции пяти союзных министерств. К середине 80-х гг. в агросфере экономики действовало 4,8 тыс. межхозяйственных предприятий. Однако агропромышленная интеграция не принесла ожидаемого эффекта. За счет дополнительных бюджетных ассигнований в 11-й пятилетке удалось преодолеть спад производства в сельском хозяйстве и даже обеспечить некоторый его рост по сравнению с 10-й. В целом же намеченных показателей достичь не удалось. Продуктов на «душу населения» в стране больше не становилось. Советский Со-

юз был вынужден ввозить из-за рубежа все большее количество продовольствия. В 1976—1980 гг. импорт составлял 9,9% от уровня сельскохозяйственного производства страны, в 1980 г. — 18,1%, в 1981 г. — 28,4%.

Стратегическая, длящаяся десятилетиями недооценка необходимости особо крупных вложений в сельское хозяйство «холодной страны» и быт крестьян обернулась проеданием нефтедолларов и отсутствием масштабных инноваций в высокотехнологичные отрасли хозяйства. А это имело в будущем роковые последствия.

В целях ускорения развития сельского хозяйства в южных районах страны в начале 80-х гг. в СССР разработаны проекты переброски части стока северных рек на юг: сибирских — в Среднюю Азию, европейских — в Каспий через Волгу. Проекты широко обсуждались в правительстве, находили поддержку в южных регионах страны. Благодаря резкой критике общественности, прежде всего русских писателей (В. Белов, Ю. Бондарев, С. Залыгин, В. Распутин) и ученых (академики А. Л. Яншин, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков), осуществление экологически опасных проектов в 1986 г. было отложено.

Противоречия индустриальной модернизации страны отражались и на социальной сфере. Социальная структура советского общества приобретала все более городской характер, что явно не соответствовало географической специфике страны. Численность населения городов выросла с 164 млн человек в 1979 г. до 180 — в 1985 г., сельское население уменьшилось с 99 до 96 млн. Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве с 1975 до 1985 г. выросла со 102 млн до 118,5 млн, число колхозников сократилось с 15 до 12,5 млн человек. Горожане составляли почти 2/3, в отдельных республиках и регионах — до 3/4 населения. Однако его общий прирост происходил главным образом за счет высокой рождаемости в среднеазиатских республиках. Естественный прирост населения в 1986 г. составлял в России 0,68%, в то время как в Эстонии, Латвии он равнялся 0,40%, на Украине и в Литве — 0,44 и 0,66%, в Белоруссии и Грузии — 0,74 и 0,99%, в Молдавии — 1,30%, в Казахстане и Армении — 1,81 и 1,83%, в Азербайджане — 2,09%; а в Киргизстане и Туркменистане — 2,55 и 2,85%, в Узбекистане и Таджикистане — 3,08 и 3,52%.

Несмотря на официальный тезис об усилении социальной однородности общества, на деле усиливалась дифференциация в качестве и уровне жизни различных слоев населения. Доходы верхнего слоя, составлявшего около 2% населения, в 20—25 раз превосходили заработки низших слоев. По официальным данным на март 1986 г., 4,8% рабочих и служащих народного хозяйства СССР зарабатывали

менее 80 руб. в месяц; 32,3% — 80—140; 29,5% — 140—200; 22,7% — 200—300; 9,5% — свыше 300 руб. На рабочего в СССР в виде заработной платы приходилась все меньшая часть стоимости созданного им продукта. В 1971 г. доля зарплаты в чистой продукции промышленности составляла 58%, а в 1985 г. — 36%. В середине 80-х гг. свыше 50 млн человек все еще были заняты на производстве неквалифицированным ручным трудом.

Уравнительные тенденции привели к падению престижа квалифицированного труда. Это имело тяжелые последствия, сдвигало в «тень» доходы, получаемые сверх официальной зарплаты. Росла прослойка врачей, помогавших больным за дополнительную плату; расширялись репетиторские услуги в сфере образования; в товарный оборот включался используемый гражданами жилищный фонд. Теневая экономика была связана и с чисто уголовной деятельностью, хищениями товаров и сырья, махинациями с отчетностью, изготовлением на государственных предприятиях и последующей продажей неучтенной продукции через государственную торговую сеть, с валютными операциями. По различным оценкам, к середине 80-х гг. в теневой сфере экономики было занято 15 млн человек. Ее объемы оценивались в 80 млрд руб. В городах на долю этой экономики приходился ремонт 45% квартир, 40% автомобилей, 30% бытовой техники. На селе эта доля доходила до 80%.

Вместе с тем о позитивных сдвигах в развитии общества свидетельствовали многократный рост расходов на культуру; увеличение тиражей книг, периодических изданий; укрепление материальной базы СМИ. В 70-е гг. страна вступила в эпоху «телевизионной культуры». Однако в целом доля государственных средств, выделяемых на социальные и образовательные нужды в условиях позднего «развитого социализма», сокращалась. При Брежневе доля на просвещение в государственном бюджете была меньше, чем даже перед войной, когда страна была гораздо беднее. Это происходило на фоне роста расходов на содержание бюрократических и управленческих структур.

В конечном итоге 60—80-е гг. были временем существенного повышения благосостояния народа. Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих, занятых в 1970 г. в промышленности, равнялась 133,3 руб. в месяц, в сельском хозяйстве — 100,9 руб., она в 2,2 и 1,6 раза превышала прожиточный минимум. Дополнительные доходы из фонда общественного потребления и личных подсобных хозяйств значительно увеличивали этот разрыв. Съезды партии постоянно требовали усилить внимание к производству товаров потребления и обеспечить коренные сдвиги в качестве и количестве товаров и услуг для населения. Повышались денежные доходы населения, увеличивалась гарантированная заработная плата колхозников,

оклады низкооплачиваемых слоев населения подтягивались к оплате среднеоплачиваемых. Однако в реальности эта политика приводила к тому, что нередко ущемленными в оплате труда оказывались специалисты высокой квалификации. Создавалась нелепая ситуация, когда в машиностроении и строительстве инженеры получали меньше, чем рабочие-сдельщики. Если в конце 50-х гг. инженерно-технические работники в целом получали на 70% больше, чем рабочие, то к середине 80-х гг. разрыв составил лишь 10%, что снижало престиж инженерной профессии и не способствовало развитию научно-технического прогресса.

Реальные доходы в расчете на душу населения за 1965—1975 гг. выросли на 46%, в 1976—1980 гг. — еще на 18%, в 1981—1985 гг. — на 10%. Вместе с тем на протяжении 70-х гг. в стране ежегодно вводилось более 100 млн кв. м жилья, что позволило улучшить жилищные условия более чем 107 млн человек. В 11-й пятилетке новое жилье получили еще 50 млн человек. В 1976—1980 гг. построено жилых домов площадью 527,3 млн кв. м, в 1981—1985 гг. — 552,2 млн. Городской жилищный фонд увеличился с 1867 млн кв. м в 1975 г. до 2561 млн в 1985 г. Это было огромное достижение.

Жизнеобеспечение людей в годы «развитого социализма» улучшалось в результате огромного по масштабам дорожного строительства. Эксплуатационная длина железных дорог Министерства путей сообщения СССР увеличилась с 125,8 тыс. км (конец 1960 г.) до 144,9 тыс. км в конце 1885 г. Длина автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием за это время возросла с 258 тыс. км до 812 тыс. км. К построенным в послевоенные годы метрополитенам в Ленинграде (1955) и Киеве (1960) во времена «застоя» прибавилось метро еще в 8 крупнейших городах — Тбилиси (1966), Баку (1967), Харькове (1972), Ташкенте (1977), Ереване (1981), Минске (1984), Горьком и Новосибирске (1985). Быт людей в городе в основном вышел на современный уровень и существенно улучшился на селе (главным образом за счет завершения его электрификации). Были сделаны большие капиталовложения в гарантированное жизнеобеспечение на долгую перспективу: созданы единые энергетические и транспортные системы, построена сеть птицефабрик, в основном решившая проблему белка в рационе питания. Громадные вложения в Сибирь и Урал, сделанные в 1960—1980-е гг., в принципе обеспечивали жизнь страны на многие десятилетия вперед. Судя по динамике множества показателей, СССР в 1965—1985 гг. находился в состоянии благополучия, несмотря на многие неурядицы, которые в принципе могли быть устранены.

Советские люди пользовались бесплатным образованием, медицинским обслуживанием, государство несло большие расходы по со-

держанию жилищного фонда. Выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления, в 1979 г. составляли 4,9 млрд руб., а в 1985 г. — 9,3 млрд. К концу 70-х гг. возрастало или было стабильным потребление непродовольственных товаров и обеспечение товарами длительного пользования.

Розничные цены на основные потребительские товары не претерпели существенных изменений по сравнению с 50-ми гг., увеличивались медленнее, чем заработная плата основной массы трудящихся. В целом ситуация в этом отношении в 50—80-е гг. была куда как более выигрышной в сравнении с 30-ми и 40-ми гг.

С 1962 г. цены на продовольствие почти не менялись, за исключением рыбных и деликатесных товаров, шоколада, кофе, цитрусовых и винно-водочных изделий. В целом индекс государственных розничных цен на все товары повысился в 1984 г. по сравнению с 1965 г. на 11%. Повышение цен на продовольственные товары произошло главным образом за счет алкогольных напитков. Если это влияние исключить, то повышение цен на продовольствие составляло к 1965 г. — 6%, а к 1980 г. — 2%. Достигалось это во многом за счет дотаций государства по продаже продовольствия, главным образом мяса и молока. Впервые дотации появились в 1965 г. в сумме 3,6 млрд руб. и увеличивались в последующем почти на 4 млрд руб. в год, создавая известные «ножницы» цен и серьезные перекосы в экономике. В 1987 г. дотации составляли 57 млрд руб. Рыночные цены на продукты питания в среднем в 2,5 раза превышали государственные розничные цены.

Поддержание заниженного уровня цен на продовольствие порождало дефицитность, спекуляцию, подрывало принцип социальной справедливости из-за разной доступности каждого покупать продукты по низким государственным розничным ценам. Например, население Москвы и ряда других крупных городов, лучше снабжавшихся мясо-молочными продуктами, меньше тратило на покупку продовольствия, чем население других городов и районов, где эту продукцию можно было приобрести в основном в комиссионной торговле и на рынке по ценам в 2 и более раза выше государственных.

Несмотря на все эти перекосы и трудности, вплоть до середины 80-х гг. происходили благоприятные сдвиги в структуре питания населения: увеличилось потребление мяса, овощей, фруктов, ягод; сокращалось потребление хлебопродуктов, картофеля. В 1985 г. в расчете на душу населения в СССР потреблялось: мяса — 61,7 (по РСФСР — 67) кг, молока и молочных продуктов — 325 (по РСФСР — 344) кг, яиц — 260 (по РСФСР — 299) шт. (Соответствующие цифры по РФ на 1995 г. — 55, 253, 214.) В целом во второй половине 60 — первой половине 80-х гг. в СССР поддержи-

валось благосостояние на уровне среднеразвитых стран, а по ряду показателей даже выше. К 1985 г. средняя калорийность питания в СССР составляла 3389 ккал, в США — 3652, ФРГ — 3567, Великобритании — 3316, Франции — 3156, Японии — 2916 ккал.

С начала 70-х гг. страна пошла по пути массовой автомобилизации населения (в 1970 г. на каждые сто семей приходилось два легковых автомобиля, в 1980 г. — 10, в 1985 г. — 15). Несмотря на то что она не шла в сравнение с зарубежными аналогами, ее последствия были значительными. Семейный автомобиль ломал многие стереотипы «советской цивилизации», способствовал индивидуализации повседневной жизни, досуга. Со времени хрущевских Новых Черемушек жизненным ориентиром советского человека становятся отдельная квартира для семьи в противовес коммуналкам и все расширяющееся приобретение бытовых товаров длительного пользования: холодильников, стиральных машин, радио- и видеоаппаратуры, мебели.

В 1970 г. 32 из каждых 100 семей имели телевизоры, в 1980 г. их число удвоилось, а в 1985 г. достигло 90. Достаточно образованное советское общество получало все больше информации не только о своей стране, но и о реальной жизни за рубежом. И эта возможность сравнения была зачастую не в пользу «благоденствия» при «развитом социализме». При дефиците очень многих товаров и услуг в СССР радио, телевидение, видеопродукция, появившиеся в стране товары западного производства создавали впечатление, что общество «загнивающего капитализма» вовсе не знает, что такое дефицит. На деле не знала его и верхняя часть советской партийно-государственной «номенклатуры», для которой еще со сталинских времен власть практически превратилась в синоним частной собственности.

Неблагоприятные тенденции общественного развития, скептическое отношение населения к официальной пропаганде стали причиной нараставшего отчуждения масс от творцов политики, усиления оппозиционных настроений в обществе. Постоянно давало о себе знать недовольство национальной политикой.

Осложнение внешнеполитических условий развития. Прямолинейность «геронтократов» в осуществлении курса во внешней политике СССР стала одной из причин нового обострения международной напряженности. Соглашение с США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), которым устанавливалась предельная численность у сторон стратегических бомбардировщиков и разделяющихся боеголовок, действовало с 1974 г. Однако оно не приобрело юридической силы из-за отказа США учитывать предельно допустимые уровни по новым видам вооружений. 18 июня 1979 г. во время встречи в Вене Л. И. Брежнева и президента США

Д. Картера договор ОСВ-2 был все-таки подписан. Он ограничивал у сторон на период до 1985 г. количество ядерных вооружений всех видов числом 2400. Однако американский конгресс договор не ратифицировал, и администрация США до 1986 г. выполняла его условия «добровольно».

В 1978 г. США развернули кампанию по размещению в Западной Европе нейтронных боеприпасов. Идея массовых убийств при сохранении материальных ценностей вызвала возмущение европейской общественности. 7 апреля 1978 г. нейтронный проект был приостановлен. Но уже 12 декабря 1979 г. на сессии НАТО принято решение о размещении в Западной Европе крылатых ядерных ракет среднего радиуса действия (Першинг II) и крылатых ракет «Томагавк», способных достигать территории Советского Союза за считаные минуты.

Администрация президента США Р. Рейгана (1981—1988) оказалась совсем не расположенной к поискам компромиссов с «коммунистами». В июне 1982 г., предпринимая новое пропагандистское наступление против СССР, Рейган провозгласил «всемирную демократическую революцию», которая «сметет марксистско-ленинские режимы на свалку истории, как это уже случилось с другими тиранияями». В ноябре 1982 г. вышла директива Рейгана по защите национальной безопасности, провозглашавшая, что цель политики США — подрыв сырьевого комплекса СССР. Другая директива, от января 1983 г., предусматривала дополнительное финансирование оппозиционного движения в странах Восточного блока в размере 108 млн долларов. По словам одного из ее авторов, она четко формулировала, что американской целью является «не сосуществование с СССР, а изменение советской системы».

В 1983—1984 гг. новые ракеты были размещены на территории ФРГ, Великобритании, Италии. В свою очередь Советский Союз, по согласованию с правительствами ЧССР и ГДР, разместил в этих странах в 1984 г. вместо устаревших новые ядерные ракеты среднего радиуса действия РСД-20 (на Западе их называли СС-20).

Таким образом, европейская разрядка была сломана, гонка вооружений ускорилась, мир снова стал приближаться к опасной черте. Гонка ложилась тяжелым бременем на советскую экономику, усугубляя негативные тенденции ее развития. Темпы гонки оказались для СССР непосильными. С конца 70-х гг. он начал постепенно отставать от США по отдельным видам вооружений. Это обнаружилось с появлением у американцев крылатых ракет и стало еще более очевидно после обнародования в марте 1983 г., в нарушение Договора по ПРО 1972 г., программы стратегической оборонной инициативы (СОИ). Гонка вооружений явилась одной из причин кризиса в СССР. По американской оценке, она отвлекала от работы на потребительские

нужды 25—30% производственных мощностей СССР, а у США этот показатель находился на уровне 5—6%.

Другим «источником разорения» СССР становилась помощь развивающимся странам. В конце 70-х гг. он был связан дипломатическими отношениями более чем со 130 государствами, почти половину из них составляли развивающиеся. Стремясь к расширению своего влияния, Советский Союз направлял для работы в страны «третьего мира» военных и гражданских специалистов, выделял огромные льготные долговременные кредиты, осуществлял поставки дешевого вооружения и сырья. Если в 1955—1968 гг. поставки оружия «братским режимам» составляли сумму в 4,5 млрд долларов; а в 1966—1975 гг. — 9,2 млрд; то в 1978—1982 гг. они равнялись 35,4 млрд долларов. СССР нес большие затраты на обучение иностранных студентов и аспирантов. Однако эффективность помощи оказалась незначительной, кредиты по большей части не возвращались.

В конце 70 — начале 80-х гг. возросли противоречия в отношениях СССР с его союзниками по Организации Варшавского договора. В государствах Восточной Европы усилилось стремление освободиться от опеки со стороны СССР, добиться самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики. Особенно острым стал социально-экономический и политический кризис, разразившийся в конце 70-х гг. в Польше. Расширение советской экономической помощи успеха не имело. Кризис разрастался. В 1980 г. рабочий профсоюз «Солидарность» организовал ряд крупных антиправительственных выступлений, требуя проведения экономических и политических реформ. Правительство было вынуждено пойти на уступки, признав, что «контрреволюция сильнее власти». Избранный 1-м секретарем ЦК ПОРП генерал В. Ярузельский ввел 13 декабря военное положение в стране. СССР поддерживал Польшу суммами в 3—4 млрд долларов в год, в середине 80-х гг. эти расходы уменьшились до 1—2 млрд. «Солидарность» была запрещена, антиправительственные силы ушли в подполье, но кризис преодолеть не удалось. В 1989 г. лидеры профсоюза пришли к власти.

Кризис социалистической системы проявился и в военном столкновении 1979 г. между Китаем и Вьетнамом, в котором Советский Союз поддерживал Вьетнам. В конце 70-х гг. в Китае началось проведение экономических реформ, основанных на принципах НЭПа. Советские руководители не сумели извлечь пользы из этого опыта, расценив реформы как начало реставрации капитализма в Китае.

Ослабление, неудачи СССР во внешней политике и особенно участие в афганской войне стали причинами падения его авторитета и растущей изоляции на международной арене. Ведущие капиталистические страны объявили научно-технический бойкот Советскому

Союзу и его союзникам. Координационный комитет по экспортному контролю (создан в 1949 г. по инициативе США) ввел запрет на ввоз в СССР широкого круга наукоемкой продукции и технологий. Следствием широкой антисоветской кампании, развернутой на Западе, стал и отказ сената США ратифицировать подписанный с Советским Союзом в 1979 г. договор ОСВ-2, бойкот XXII Олимпийских игр в Москве и ответный бойкот соцстранами XXIII Олимпиады 1984 г. в США. (Бойкот осуществлен в знак протеста против размещения американских ракет в Европе и военного присутствия в Никарагуа.) Антисоветская кампания особенно усилилась в связи со сбитым в ночь на 1 сентября 1983 г. над Сахалином южнокорейским «Боингом», принятым за американский самолет-разведчик, и гибелью 269 пассажиров самолета. Тон кампании задал президент США Р. Рейган, который назвал Советский Союз «империей зла» и объявил о начале работ над программой СОИ («звездные войны»).

Призывы к разрушению советской «империи» в США с особенной силой звучали ежегодно в течение третьей недели июля, отмечаемой как Неделя порабощенных Советским Союзом наций. Резолюция о них принята Конгрессом США в июле 1959 г. В ней утверждалось, что «с 1918 г. империалистическая агрессивная политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет зловещую угрозу для безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира». Решено было ежегодно отмечать в США Неделю порабощенных наций до тех пор, пока не будет достигнута их свобода и независимость.

Особенно негативным по последствиям оказалось решение Политбюро об оказании помощи революционному движению в Афганистане, на практике — Народно-демократической партии Афганистана, пришедшей к власти в результате «апрельской революции» 1978 г. Увидев в Афганистане «вторую Монголию», перепрыгивающую из феодализма в социализм, руководители СССР решили не упускать возможности расширения социалистического содружества. Помощь оказывалась правительству Н. М. Тараки, с сентября 1979 г. — правительству Х. Амина, свергшего Тараки. По его просьбе 25 декабря советские войска вошли в Афганистан. 27 декабря с помощью советского «спецназа» в Кабуле был совершен переворот, к власти пришел Б. Кармаль. На стороне последнего советские войска были втянуты в гражданскую войну. После ввода советских войск в Афганистан США объявили торговые санкции против СССР, а страны НАТО — бойкот предстоящих Олимпийских игр в Москве в 1980 г.

«Интернациональная помощь» афганскому народу растянулась на 10 лет. Она обернулась для СССР ежегодными расходами в 3—4 млрд долларов, гибелью 14,5 тыс. советских солдат. Через Афгани-

стан за это время прошло 620 тыс. советских военнослужащих; 35 тыс. из них вернулись оттуда ранеными, более 100 тыс. — больными гепатитом. Вывод советских войск в феврале 1989 г. не остановил гражданской войны в Афганистане.

Осложнение внешнеполитических условий развития, неблагоприятная конъюнктура для нашей страны, складывавшаяся на мировом экономическом рынке, ускорили нарастание в ней кризисных явлений.

§ 3. КУЛЬТУРА, ОФИЦИАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ, ИНАКОМЫСЛИЕ

Противоречия общественной жизни и культуры. В условиях научно-технического прогресса в СССР особое значение придавалось народному образованию и всей системе подготовки квалифицированных кадров. В 70-х годах был осуществлен переход к всеобщему среднему образованию, каждый год в стране открывалось до десятка новых вузов, численность обучающихся в них к 1977 г. достигла почти 5 млн человек. В 1979 г. высшее и среднее (полное и неполное) образование имело 80,5% занятого населения, в 1989 г. — 92,1%. К началу 80-х годов около 40% городских жителей имели вузовские дипломы.

Государственные ассигнования на науку увеличивались от десятилетия к десятилетию. В 1940 г. они составляли 300 млн руб., в 1950 г. — 1 млрд, в 1960 г. — 3,9, в 1970 г. — 11,7, в 1980 г. — 24 млрд руб. Это позволяло расширять сеть научных учреждений. В 1985 г. в СССР было 2607 НИИ и 1 млн 491 тыс. научных работников. На финансирование науки выделялось 5% национального дохода. Однако в начале 80-х г. становилось заметным отставание СССР от США в освоении космоса, в прикладных областях науки и особенно в компьютеризации. (Первый персональный компьютер был собран в США в 1976 г.)

Советские ученые занимали передовые позиции по многим направлениям математики, физики, естествознания. СССР произвел множество запусков пилотируемых космических кораблей. 18 марта 1965 г. космонавт А. А. Леонов осуществил первый выход человека в открытый космос во время полета на космическом корабле «Восход-2». Для изучения Луны и космического пространства в 1959—1976 гг. осуществлено 24 полета автоматических межпланетных станций, в 1970 г. на Луну была доставлена первая в мире автоматическая лунная станция — «Луноход-1».

История отечественной науки и техники пополнилась целым рядом выдающихся достижений. Так, в 1966 г. в СССР был построен

первый отечественный самолет с изменяемой в полете стреловидностью крыла конструкции П. О. Сухого; в 1967 г. под Серпуховым был запущен синхрофазотрон, остававшийся в течение многих лет крупнейшим в мире; в том же году была введена в эксплуатацию сеть наземных станций «Орбита» для приема телевизионных передач через искусственные спутники Земли и построена самая высокая в Европе Останкинская телебашня; созданы: в опытно-конструкторском бюро им. М. Л. Миля вертолет-гигант В-1, в 1968 г. сверхзвуковой пассажирский самолет Ту-144 (главный конструктор — А. А. Туполев), переносной зенитный ракетный комплекс «Стрела» с самонаводящейся ракетой. В 1969 г. построены титановая атомная подводная лодка с крылатыми ракетами, десантный корабль на воздушной подушке «Зубр»; в 1970 г. в Харькове построен самый крупный в стране турбогенератор мощностью 1000 МВт; в 1974 г. спущен на воду атомный ледокол «Арктика»; в 1975 г. осуществлен совместный советско-американский экспериментальный полет космических кораблей по программе «Союз»—«Аполлон», построен первый отечественный авианосец «Киев», на котором базировались самолеты Як-38 вертикального взлета и посадки и вертолеты Ка-25; в 1976 г. создан первый российский аэробус — пассажирский широкофюзеляжный самолет Ил-86; в 1977 г. появилась противолодочная быстроходная подводная ракета «Шквал»; в 1978 г. построен самый крупный в мире вертолет Ми-26; в 1979 г. в Институте атомной энергии им. М. В. Курчатова пущена первая в мире термоядерная установка со сверхпроводящими электромагнитами «Токамак-7», создан многопроцессорный вычислительный комплекс «Эльбрус-Х-1»; в 1980 г. построена самая бесшумная в мире дизель-электрическая подлодка «Черная дыра»; в 1981 г. — самая большая в мире атомная подлодка (подводный крейсер «Акула»); в 1982 г. созданы один из самых больших в мире транспортных самолетов Ан-124 конструкции О. К. Антонова и боевой вертолет Ка-50 «Черная акула»; в 1983 г. завершено бурение Кольской сверхглубокой скважины (12 тыс. м); в 1984 г. построена глубоководная титановая подводная лодка К-278, впервые в мире достигшая рабочей глубины погружения 1000 м; в 1985 г. создан многопроцессорный вычислительный комплекс «Эльбрус-2».

В 60—80-е гг. с принятием курса на химизацию сельского хозяйства активно разрабатывались приемы эффективного применения новых форм удобрений (М. В. Каталымов, Я. В. Пейве, Н. С. Авдонин), совершенствовались методы мелиорации, техника и способы полива (Б. А. Шумаков). Ученые-селекционеры создали около 100 высокоурожайных сортов озимой и яровой пшеницы (П. П. Лукьяненко, В. Н. Ремесло, Ф. Г. Кириченко), 42 сорта подсолнечника (В. С. Пустовойт), новые гибриды кукурузы (Г. С. Галлеев, Б. П. Соколов); ученые-зоотехники вывели новые высокопродуктивные породы крупного рогатого

скота (А. С. Всяких, С. Я. Дудин), тонкорунных и полутонкорунных овец (В. А. Бальмонт, А. В. Васильев), высокопродуктивные породы свиней (Л. К. Гребень, А. И. Овсянников), новые кроссы кур (В. И. Фысин и др.), обеспечивающие ныне в России свыше 50% яиц и мяса птицы. Во многом благодаря ученым в стране с 1940 по 1985 г. удалось поднять урожаи зерновых с 8,6 до 16,2 ц с га, производство мяса с 4,7 до 17,1 млн т, производство шерсти — с 161,1 до 446,6 тыс. т. Факты говорят о существенном вкладе ученых в повышение эффективности сельского хозяйства и выводе его на сравнительно высокий уровень (особенно если учесть, что средняя биологическая продуктивность почвы территории, на которой ведется сельскохозяйственное производство в СССР, в несколько раз ниже уровня биологической продуктивности почв США и западноевропейских стран).

Явное неблагополучие наблюдалось в области гуманитарных наук. Их развитие сковывал жесткий идеологический прессинг, приведший к застою общественной мысли. Несмотря на это, имелись достижения и в этой сфере. Издавались результаты многолетних обобщающих исследований больших коллективов ученых: «Всемирная история» (т. 1—13, 1956—1983); «Советская историческая энциклопедия» (т. 1—16, 1961—1976), «История СССР с древнейших времен до наших дней» (т. 1—11, 1966—1980); «История Коммунистической партии Советского Союза» (т. 1—5, 1964—1980); «История социалистической экономики СССР» (т. 1—7, 1976—1980); «История Второй мировой войны. 1939—1945» (т. 1—12, 1973—1982); «Очерки истории исторической науки в СССР» (т. 1—5, 1955—1985); «История философии в СССР» (т. 1—5, 1968—1988); «История искусства народов СССР» (т. 1—9, 1971—1984); «Очерки развития техники в СССР» (т. 1—5, 1968 — 1976) и др. Продолжалась работа по подготовке и изданию многотомных публикаций исторических источников: «Декреты Советской власти» (т. 1—17, 1957—2006); «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1988)» (т. 1—15, 1983—1989); «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам» (т. 1—16, 1967—1988); «Собрание постановлений Правительства СССР» (1939—1989); «Ведомости Верховного Совета СССР» (1938—1989) и др. Эти издания являются не только памятниками минувшей эпохи, но и основой для осмысления ее реальных достижений.

Консервативный политический курс, утверждавшийся в стране после октября 1964 г., сопровождался свертыванием демократических начинаний Хрущева. Первоначально это объяснялось необходимостью борьбы с волюнтаризмом и субъективизмом, затем — тезисом об обострении идеологической борьбы между социалистической и капиталистической системами. Культурная политика брежневского

руководства возводила в принцип борьбу с «очернительством» и «лакировкой» действительности в художественных произведениях, с «фальсификацией истории».

Со второй половины 60-х гг. значительно усиливается идеологический контроль за СМИ, учреждениями культуры. Основанием для этого стало постановление ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» (январь 1969 г.). Цензура нередко запрещала выпуск художественных и публицистических произведений, кинофильмов, организацию художественных выставок. Приоритет отдавался произведениям на историко-революционные, военно-патриотические и производственные темы.

Плюрализм литературного и общественно-политического процесса находил отражение в тенденциях, обозначаемых деятельностью разных журналов. У либералов был «Новый мир», у сталинистов — «Октябрь» и «Огонек», у почвенников — «Молодая гвардия» и «Наш современник». Власти, стремясь не допустить их радикализации, в 1970 г. наносят удар и по либералам, и по «русофилам».

В феврале 1970 г. на заседании секретариата Союза писателей была подвергнута резкой критике редакция журнала «Новый мир». Поводом стала публикация за рубежом поэмы А. Твардовского «По праву памяти». Попытки литературной общественности защитить главного редактора журнала ни к чему не привели. Твардовский ушел с этого поста, и линия, проводившаяся журналом, была прервана. Однако идеологии неосталинизма и «застоя» объективно противостояли писатели-«деревенщики»: Ф. Абрамов, В. Белов, Б. Можаев, В. Распутин, В. Тендряков, показывавшие в своих произведениях негативные последствия коллективизации для судеб российской деревни. Этой линии придерживались также «Наш современник» (главный редактор в 1968—1989 гг. С. В. Викулов) и журнал русской культуры «Москва» (главный редактор в 1968—1990 гг. М. Н. Алексеев).

5 ноября 1970 г. состоялось заседание Секретариата ЦК партии. Редактор «Молодой гвардии», бывший летчик-истребитель А. В. Никонов, был снят со своего поста за публикацию статей В. Чалмаева и С. Семанова. Формальным поводом для отставки послужило обращение группы видных писателей (Ч. Айтматова, В. Амлинского, В. Цыбина и др.). Вместо Никонова редактором журнала был назначен инструктор ЦК Ф. Овчаренко. После его смерти в 1972 г. этот пост занял идейный соратник прежнего редактора А. С. Иванов, автор известного романа «Тени исчезают в полдень» (1963) и трилогии «Вечный зов» (1970—1976).

Противодействие властей и либеральной критики испытывала

также редакция журнала «Октябрь», возглавлявшаяся до 1973 г. известным писателем В. Кочетовым. Публика долго оставалась взбудораженной впервые печатавшимися на страницах журнала романами его главного редактора «Угол падения» (1967), «Чего же ты хочешь» (1969) и опубликованным уже после смерти автора незавершенным романом «Молнии бьют по вершинам» (1979).

Столь же неоднозначно встречались романы И. Шевцова «Любовь и ненависть» (1969), «Во имя отца и сына» (1970) и вышедший позднее «Набат» (1979). Романы, изображавшие либеральных советских интеллигентов как империалистических агентов, считались властями неуместными как слишком откровенные. Роман «Чего же ты хочешь» был полон неприятия разоблачений прошлого, сделанных на партийных съездах, и глубокого убеждения во вредоносности западного влияния на страну. Он был направлен против не только либеральной интеллигенции, но и почвенников — «националистов-славянофилов».

Однако, несмотря на строгую цензуру, время от времени появлялись труды, отражавшие поиски и движение русской мысли. Патриотическим духом пронизана книга Ф. Нестерова «Связь времен» (1980) — своеобразный манифест, направленный на подчеркивание национально-исторических особенностей России и развенчание нигилистических концепций русской истории.

8 ноября 1971 г. секретариат Союза писателей РСФСР на своем заседании подверг критике редколлегию журнала «Октябрь» за «ложные и путаные» общественно-политические утверждения журнальных публикаций. Резолюция требовала кадровых изменений в руководстве журнала. С назначением в 1973 г. главным редактором журнала А. Ананьева «Октябрь» вернулся к относительно либеральной линии.

Кураторы советских писателей из ЦК партии и литературные критики, выражавшие их настроения, в 60—70-е гг. старались воспрепятствовать перемещению центра литературной жизни из «Нового мира» и «Октября» в журнал и издательство «Молодая гвардия», позднее в журналы — «Наш современник» и «Москва», издательство «Современник». Однако сделать этого не удалось. Откровением и потрясением для многих стали «Письма из Русского музея» и «Черные доски» В. Солоухина; «Прощание с Матерой» В. Распутина; «Привычное дело» В. Белова; «Матренин двор» А. Солженицына; «Драчуны» М. Алексеева; «Мужики и бабы» Б. Можаева; исторические романы о великом прошлом России Д. Балашова, В. Чивилихина, В. Пикуля; художественные биографии Суворова, Макарова, Достоевского, Гончарова, Аксакова, Державина, изданные в серии

«ЖЗЛ». Все это вызвало большой интерес в обществе и стало причиной специальных мер со стороны ЦК КПСС и КГБ.

Объективно оппозицию брежневскому руководству в культурной области представляли общерусские организации и движения. Одним из таких центров стало основанное в 1966 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Духовными руководителями движения были замечательные патриоты: археолог и историк Б. А. Рыбаков; физико-химик И. В. Петрянов-Соколов; художники П. Корин, И. Глазунов; писатели Л. Леонов, В. Солоухин, В. Д. Иванов; руководитель музеев Московского Кремля В. Н. Иванов (первый фактический председатель центрального совета общества). Архитектор-реставратор П. Д. Барановский в сотрудничестве со своими соратниками по клубу любителей памятников истории и культуры «Родина» (1962—1968) Л. И. Антроповым, Г. И. Гунькиным и В. А. Десятниковым провели всю подготовительную и организаторскую работу по созданию ВООПИиК.

В 1968—1969 гг. в его составе на базе секции по комплексному изучению русской истории и культуры действовал «Русский клуб» — негласное объединение русской интеллигенции. В нем впервые за многие годы начинали обсуждаться животрепещущие вопросы формирования русской культуры и духовности. Среди национальных ценностей все большее место и значение приобретают имена и наследие выдающихся русских деятелей и мыслителей: Н. Я. Данилевского, М. Н. Каткова, Иоанна Кронштадтского, К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева, Сергия Радонежского, В. В. Розанова, Серафима Саровского и др. Клуб возглавляли писатель, специалист по Югославии Д. А. Жуков; историк, заведующий серией «ЖЗЛ» в издательстве «Молодая гвардия» С. Н. Семанов; критик и литературовед П. В. Палиевский.

Членами «Русского клуба» были ставшие со временем широко известными П. В. Паламарчук, литературовед и историк, автор классической работы «Сорок сороков» о московских православных храмах; О. Н. Михайлов, литературовед и автор исторических романов; В. В. Кожинов, литературовед, литературный критик и историк; А. П. Ланщиков, журналист и литературовед; А. М. Иванов (Скуратов), автор самиздатских статей; С. И. Шешуков, историк рапповского движения в литературе.

Заметной вехой в возрождении отечественного самосознания стала организованная ВООПИиК в Новгороде конференция «Тысячелетние корни русской культуры». На конференции (май 1968 г.) выступили десятки видных деятелей культуры. В 1969 г. члены «Русского клуба» приняли участие в дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы литературы», о месте и роли славяно-

филов в истории. Положение о том, что главной чертой, которую ценили славянофилы в русском народе, было вовсе не смирение, а общинный дух, чувство коллективизма, противопоставляемое индивидуализму и эгоизму буржуазного Запада, существенно скорректировало бытовавшие ранее негативные оценки славянофильства.

Некоторые исследователи полагают возможным охарактеризовать движение, складывающееся вокруг ВООПИиК, как «Русскую партию». Ее организационное оформление относят к 1966 г. Костяк «партии» составляли О. В. Волков, П. В. Палиевский, В. В. Кожинов, А. П. Ланщиков, С. Н. Семанов, Д. А. Жуков, И. В. Петрянов-Соколов, М. Н. Любомудров. Возродив давнюю традицию патриотизма, «партия» была на грани того, чтобы перерасти в широкое национальное движение. Однако в результате «чисток» общества от национально мыслящих деятелей этого не произошло.

Попытками остановить «русификацию» общественного сознания была продиктована статья «Против антиисторизма» в «Литературной газете» от 13 ноября 1972 г., опубликованная за подписью А. Н. Яковлева, занимавшего долгие годы пост исполняющего обязанности заведующего отделом. Обрушиваясь на писателей и критиков М. Лобанова, В. Петелина, В. Чалмаева, В. Кожинова, отстаивавших самобытную русскую культуру, Яковлев полагал: «Сегодняшние ревнители патриархальщины, восторгаясь созданным ими же иллюзорным миром, защищают то прошлое в жизни крестьянства, с которым без какого-либо сожаления расстался современный колхозник».

Статья по своей сути бросала вызов русской интеллигенции. С протестом против нее выступила большая и влиятельная группа писателей, поддержанная М. Шолоховым. Их письмо было направлено в адрес руководства ЦК. Статья не понравилась и осторожному Брежневу. В результате Яковлев был отправлен послом в Канаду.

Тем не менее на рубеже 70—80-х гг. власти провели масштабную чистку средств массовой информации. От работы были освобождены директора и главные редакторы издательств, журналов и газет «Московский рабочий» (Н. В. Есилев), «Молодая гвардия» (А. В. Никонов), «Комсомольская правда» (В. Н. Ганичев), «Человек и закон» (С. Н. Семанов), «Современник» (Ю. Л. Прокушев, В. В. Сорокин), «Наш современник» (Ю. И. Селезнев), «Волга» (Н. Е. Палькин), «Техника — молодежи» (В. Д. Захарченко). Цензура, Агитпроп ЦК, КГБ видели тогда, как и в 20—30-е гг., главную опасность в проявлениях русского шовинизма и через либерально-демократические «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» всячески клеймили эти «проявления».

Объективная сложность проблемы состояла в восприятии русского патриотизма как альтернативы строящемуся «развитому социа-

лизму». «Интернационалистам» было невдомек, что, как и в Великую Отечественную войну, русский патриотизм мог спасти «развитой социализм», год от года увязающий в проблемах и противоречиях. Позиция правящего режима выражена известной фразой Ю. В. Андропова: «Главная забота для нас — русский национализм; диссиденты потом — их мы возьмем за одну ночь».

Вразрез с официальной идеологической линией и с известным уклоном к либерализму в рассматриваемый период вели свою деятельность такие яркие режиссеры, как М. Захаров, О. Ефремов, Г. Товстоногов и другие деятели культуры, предлагавшие свой взгляд на смысл жизни и роль в ней интеллигента.

Идейное противоборство в литературе и художественной жизни страны в 60—80-е гг. проявлялось и в иных формах, в частности — в диссидентских движениях консервативно-охранительного и либерально-разрушительного свойства.

Диссидентские движения. Идейную и организационную оппозицию власти в условиях «развитого социализма» представляли разномастные диссидентские движения. Основные из них обнаруживали идейное родство с известными с середины XIX в. славянофилами, западниками и социалистами. С учетом реалий второй половины XX столетия это были русофильские (почвеннические) течения в их консервативном и либеральном вариантах и новые западники. Разновидностями последних были либерально-демократические, социально-демократические и еврокоммунистические потоки. В диссидентстве различались также националистические, религиозные, экологические и другие течения.

Известное единство движению в целом придавали активное неприятие сложившихся в стране порядков, стремление к свободе и правам человека. Со временем диссидентское движение приобретало все более выраженные черты антикоммунизма и антисоветизма. Именно с этой, наиболее радикализированной частью диссидентского движения в конце 80-х гг. объединилась значительная часть неспособной к «социалистическому новаторству» партийно-советской элиты. Программные лозунги диссидентов, по существу, стали официальными. Объединение власти с «общественностью» в едином стремлении кардинально «исправить» пороки социалистического строя стало главной причиной разрушения СССР.

В 1994 г. Администрация Президента РФ издала книгу «Слово о Сахарове», включающую материалы конференции, приуроченной ко дню рождения выдающегося ученого. В книге помещено выступление С. А. Филатова, который целиком отождествлял тогдашнюю власть с участниками возглавляемой А. Д. Сахаровым ветви дисси-

дентства и теми его учениками, «кто взял на себя тяжкую обязанность реализовать многое из того, о чем Андрею Дмитриевичу мечталось». «Да помогут нам выполнить эту нелегкую миссию опыт Сахарова, мысли Сахарова, идеи Сахарова и чувства Сахарова!» — восклицал он. В этом выступлении заключена официальная оценка исторической роли одного из диссидентских течений.

В диссидентстве социал-демократического направления наибольшую известность имели братья Р. А. и Ж. А. Медведевы. Они полагали, что все недостатки общественно-политической системы проистекают из сталинизма, являются результатом искажения марксизма-ленинизма, и видели основную задачу в «очищении социализма».

Из национально-либеральных, почвеннических течений общественной мысли и диссидентства наибольшим антисоветизмом выделялись А. И. Солженицын и И. Р. Шафаревич. Менее радикальными были разрозненные национально-патриотические течения консервативно-государственнического и социально-культурного склада, лидерами которых были И. В. Огурцов, В. Н. Осипов, Л. И. Бородин и др. В «реальном социализме» они не видели почти ничего ценного, но и не поддерживали тех диссидентов, которые, как выяснилось позднее, «целились в коммунизм, а стреляли в Россию».

Начиная с середины 60-х гг. в диссидентском движении выделяется несколько этапов: становление (1964—1972); кризис (1973—1974), международное признание и расширение деятельности (1974—1979); сужение движения под ударами репрессий (1980—1985).

Р. А. Медведев с 1964 по 1970 г. ежемесячно выпускал тиражом 20—40 экземпляров «самиздатские» материалы (опубликованы в 1972 г. в Амстердаме под названием «Политический дневник»). К 1968 г. закончил работу над книгой «К суду истории», в которой рассматривал преступления Сталина. В 1969 г. он был исключен за нее из КПСС. В 1971 г. книга издана за рубежом. В 1972 г. там же увидела свет его работа «Социализм и демократия». Книги и дневник принесли автору широкую известность «независимого специалиста» по вопросам внутренней и внешней политики СССР.

Либеральное западничество дало о себе знать выпуском в 1965 г. в Москве «самиздатского» журнала «Сфинксы» (редактор — поэт В. Я. Тарсис), публикацией за рубежом и распространением в СССР гротескно-сатирических повестей о социальных и психологических феноменах тоталитаризма А. Д. Синявского («Суд идет», 1959; «Любимов», 1963) и Ю. М. Даниэля («Говорит Москва», 1962; «Искупление», 1964). «Литературная газета» назвала эти произведения, опубликованные под псевдонимами А. Терц и Н. Аржак, самой настоящей антисоветчиной, вдохновленной ненавистью к социалистическому строю. КГБ квалифицировал их как «особо опасные государственные преступления». В сентябре 1965 г. писателей арестовали.

5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве состоялась несанкционированная демонстрация под правозащитными лозунгами: «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!», «Уважайте Советскую Конституцию — наш Основной закон!». Одним из организаторов демонстрации был математик и поэт А. С. Есенин-Вольпин. Этот день принято считать началом правозащитного движения в СССР.

В феврале 1966 г. Тарсис, выехавший в Англию, был лишен советского гражданства; в Москве состоялся суд над Даниэлем и Синявским, обвиненными по статье 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда, направленная на подрыв или ослабление советской власти». В защиту обвиняемых поступило 22 письма от «общественности». Подписали их 80 человек, главным образом члены Союза писателей.

Наиболее известными событиями истории либерального диссидентства стали суд над 21 участником Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (февраль—декабрь 1967 г.) и выпуск 64 номеров «самиздатского» правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий» (апрель 1968 г. — 1983 г.). Ее составители (Н. Е. Горбаневская и др.) стремились фиксировать все случаи нарушения прав человека в СССР, а также выступлений в их защиту. Хроника содержала информацию о национальных движениях (крымских татар, месхов, прибалтов), религиозных (православных, баптистов) и др.

Большую роль в развитии диссидентства сыграли публикация в «самиздате» в июне 1968 г. работы А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (либерально-западническая программа движения); демонстрация протеста против ввода войск в Чехословакию и суд (октябрь 1968 г.) над ее участниками; исключение в ноябре 1969 г. А. И. Солженицына из Союза писателей СССР за публикацию на Западе романов «В круге первом» и «Раковый корпус», присуждение ему Нобелевской премии по литературе (1970).

«Нобелевская лекция» Солженицына стала выражением либерального почвеннического направления в движении. В этой связи он писал: «Когда в Нобелевской лекции я сказал в самом общем виде: «Нации — это богатство человечества...» — это было воспринято всеобщеодобрительно... Но едва я сделал вывод, что это относится также и к русскому народу, что также и он имеет право на национальное самосознание, на национальное возрождение после жесточайшей и суровой болезни, — это было с яростью объявлено великодержавным национализмом». Свою идеологию писатель неоднократно определял не как национализм, а как национальный патриотизм.

Летом 1970 г. у трапа пассажирского самолета, курсировавшего из Ленинграда в Приозерск, были арестованы 12 человек, намеревавшихся захватить и использовать самолет для вылета в Израиль. Суд над «самолетчиками», безуспешно добивавшимися разрешения на эмиграцию, закончился вынесением суровых приговоров зачинщикам этой акции и арестами среди сионистской молодежи в ряде городов страны. Суд привлек внимание мировой общественности к проблеме свободы выезда из СССР. Благодаря этому властям пришлось с каждым годом увеличивать количество разрешений на выезд. Всего из СССР с 1971 по 1986 г. эмигрировало за рубеж более 255 тыс. взрослого населения (с учетом детей — свыше 360 тыс.). Почти 80% всех эмигрантов составляли лица еврейской национальности, автоматически получавшие статус беженцев при въезде в США и Канаду. Согласно переписям, численность еврейского населения в СССР сократилась с 2151 тыс. человек в 1970 г. до 1154 тыс. — в 1989 г.

Громкий «самолетный процесс» не мог не привлечь внимания властей и общественности также и к проблеме еврейского национализма и сионизму как одной из форм его выражения. При выработке международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации в 1973 г. представители некоторых государств в ООН пытались осудить антисемитизм, но возражали против предложения советской делегации отнести к расовой дискриминации как антисемитизм, так и сионизм. Тем не менее 10 ноября 1975 г. ООН приняла резолюцию, определявшую, что «сионизм является формой расизма и расовой дискриминации». После упразднения СССР резолюция была отменена.

Процесс над угонщиками самолета показывал, что значительная часть «правозащитников» использовала правозащитную идею для прикрытия воинствующего национализма и других далеких от прав человека идей. Однако именно в 70-х гг. правозащитное движение становится одним из главных составляющих диссидентского движения. В ноябре 1970 г. В. Н. Чалидзе создал Комитет защиты прав человека, куда вошли крупные ученые А. Д. Сахаров и И. Р. Шафаревич. Комитет действовал до 1973 г. В 1973 г. возникла русская секция «Международной амнистии».

Летом 1972 г. были арестованы диссидентские деятели П. И. Якир и В. А. Красин. Арестованные согласились сотрудничать со следователями. Результатом стали широкая волна новых арестов и заметное затухание диссидентского движения. Его новый подъем во многом связан с появлением на Западе в 1973 г., а затем и в «самиздате» солженицынского «опыта художественного исследования» государственной репрессивной системы под названием «Архипелаг ГУЛАГ».

5 сентября 1973 г. А. И. Солженицын написал «Письмо вождям

Советского Союза», в котором предлагал выход из главных, по его мнению, опасностей, грозивших нам в ближайшие 10—30 лет: войны с Китаем и общей с западной цивилизацией гибели в экологической катастрофе. Предлагалось отказаться от марксистской идеологии, «отдать ее Китаю», а самим, по опыту Сталина от первых дней Отечественной войны, развернуть «старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь» и уже не повторять ошибок конца войны, когда «снова вытащили Передовое Учение из нафталина». Предлагалось также перенести все усилия государства с внешних задач на внутренние: отказаться от водки как важнейшей статьи государственного дохода, от многих видов промышленного производства с ядовитыми отходами; освободиться от обязательной всеобщей воинской повинности; ориентироваться на строительство рассредоточенных городов, признать на обозримое будущее необходимым для России не демократический, а авторитарный строй.

По изучении письма власти в январе 1974 г. решили привлечь писателя к уголовной ответственности «за злостную антисоветскую деятельность», а затем — лишить гражданства и выдворить из страны. Писателя арестовали, поместили в Лефортовскую тюрьму, а 13 февраля выслали за границу. В Швейцарии он основал Русский фонд помощи заключенным, первым распорядителем которого стал освободившийся из заключения А. И. Гинзбург. Помогать было кому. За 1967—1974 гг. к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду было привлечено 729 диссидентов. В 1976 г. в СССР насчитывалось около 850 политзаключенных, из них 261 — за антисоветскую пропаганду.

В 1974 г. А. Д. Сахаров написал работу «Тревога и надежды», в которой было представлено видение будущего мировой цивилизации, возможное только при условии предотвращения мировой ядерной конфронтации. Лучшим способом избежать этого он полагал конвергенцию двух систем. «Я считаю, — писал он, — особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающийся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного личного начала в человеке. Я предполагаю, что экономический строй, возникший в результате этого процесса сближения, должен представлять собой экономику смешанного типа». Странно выглядит эта идея, если принять во внимание, что объем валовой продукции советской экономики составлял всего 12% от мировой (а она почти вся капиталистическая). Видимо, речь шла о преобразованиях в СССР.

Суждения «отца водородной бомбы» производили большое впечатление в стране и мире. Однако один лишь М. С. Горбачев со временем положил их в основу курса внутренней и внешней политики государства, полагая возможным начать конвергенцию в одностороннем порядке.

В декабре 1975 г. А. Д. Сахаров стал третьим советским диссидентом, удостоенным Нобелевской премии. Этот акт наряду с высылкой из страны А. И. Солженицына (февраль 1974 г.) принес диссидентскому движению в СССР широкую международную известность, соответственно и влияние на массы в своей стране. Позднее лауреатом Нобелевской премии стал осужденный в Ленинграде в феврале 1964 г. за «злостное тунеядство» диссидентствующий поэт И. А. Бродский. В 1972 г. он эмигрировал в США, где продолжал писать (по-русски и по-английски) стихи, принесшие ему эту премию (1987).

Расширению известности диссидентского движения способствовала деятельность Р. А. Медведева. В 1975—1976 гг. он редактировал «самиздатский» журнал «XX век», десять номеров которого вышли в СССР, два из них переизданы в Лондоне.

После заключения Хельсинкских соглашений была создана Московская группа содействия выполнению гуманитарных статей этих соглашений (май 1976 г.). В нее вошли член-корреспондент Армянской Академии наук Ю. Ф. Орлов (руководитель) и еще 10 человек: Л. М. Алексеева, М. Бернштам, Е. Г. Боннэр и др. Вскоре подобные группы возникли на Украине, в Грузии, Литве и Армении. В январе 1977 г. при московской Хельсинкской группе образована рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях, одним из основателей которой стал А. Подрабинек. В феврале 1977 г., оказавшись перед перспективой расширения оппозиции, власти перешли к репрессиям против участников хельсинкских групп.

Власти считали, что одна из главных опасностей для государства исходит от диссидентства. Стремясь приглушить усилившуюся с началом участия советских войск в гражданской войне в Афганистане напряженность общественной жизни, они ужесточили репрессии против диссидентов. В конце 1979 — начале 1980 г. были арестованы и сосланы почти все лидеры и активные участники не только правозащитных, но и оппозиционных властям национальных, религиозных организаций. А. Д. Сахаров за выступление против войны в Афганистане был лишен правительственных наград и выслан в г. Горький (январь 1980 г.). Через полтора года заместитель председателя КГБ С. К. Цвигун объявил со страниц журнала «Коммунист» (1981. № 14), что антиобщественные элементы, маскировавшиеся под по-

борников демократии, обезврежены, правозащитное движение перестало существовать.

По данным Верховного суда и прокуратуры СССР, в 1956—1987 гг. за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй, было осуждено 8145 человек. Количество осужденных имело заметно выраженную тенденцию к уменьшению. Так, за 1956—1960 гг. за такие преступления ежегодно в среднем осуждалось 935 человек, в 1961—1965 гг. — 214, в 1966—1970 гг. — 136, в 1971—1975 гг. — 161, в 1976—1980 гг. — 69, в 1981—1985 гг. — 108, в 1986—1987 гг. — 14 человек. Из общей тенденции «выбиваются» 2 года. В 1957 г. было осуждено 1964 человека, в 1958 г. — 1416, что в 20—30 раз больше, чем в последние годы брежневского правления. Казалось бы, приведенные данные свидетельствуют о явных успехах репрессивных органов в искоренении диссидентства. Однако, как показали события второй половины 80 — начала 90-х гг., победа оказалась эфемерной.

Горбачевская перестройка в полной мере выявила значимость диссидентского движения. Оказалось, что открытая борьба нескольких сот инакомыслящих при моральной и материальной поддержке Запада против пороков существовавшего режима власти вызывала сочувствие неизмеримо более широкого круга сограждан. Противостояние свидетельствовало о существенных противоречиях в обществе. Идеи диссидентов широко популяризировались мировыми средствами массовой информации. Один только Сахаров в 1972—1979 гг. провел 150 пресс-конференций, подготовил 1200 передач для иностранного радио. Диссидентам в Советском Союзе активно содействовало американское ЦРУ. Известно, например, что к 1975 г. оно участвовало в издании на русском языке более 1500 книг русских и советских авторов. Все это во много раз увеличивало силу собственно диссидентской составляющей. По оценке Ю. В. Андропова, сделанной в конце 1975 г., в Советском Союзе насчитывались сотни тысяч людей, которые либо действуют, либо готовы (при подходящих обстоятельствах) действовать против советской власти. Имелись таковые и в составе партийно-государственной элиты советского общества.

Спуск государственного флага СССР с флагштока над куполами Кремля 25 декабря 1991 г., если смотреть на это событие через призму антисоветского диссидентства, означает, что на позиции движения перешли, по существу, главные силы бывшего партийного и государственного руководства. Они стали движущей силой номенклатурной революции 1991—1993 гг., которая моментально (по историческим меркам) подрубила устои «развитого социализма» и обрушила здание «нерушимого Союза». Феномен внутрипартийного либерального дис-

сидентства, его метод хорошо обрисованы в статье А. Н. Яковлева «Большевизм — социальная болезнь XX века» (1999). Автор утверждает, что во времена «развитого социализма» группа «истинных реформаторов» раскрутила новый виток разоблачения «культа личности Сталина» «с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна». Партдиссиденты исходили из убеждения, что «советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма».

В 60—80-е гг. в диссидентстве было заметным течение русской либеральной национально-патриотической мысли, дающее о себе знать главным образом в «самиздатской» публицистике, являвшейся своеобразным ответом на «самиздат» либерального космополитизированного толка. Первым из ставших известными широкой публике текстов русских «националистов» было «Слово нации», написанное 31 декабря 1970 г. А. М. Ивановым (Скуратовым) как ответ на анонимную «Программу Демократического движения Советского Союза», появившуюся в 1969 г.

Основным для России в «Слове» представляется национальный вопрос. Констатировалось, что русские играют в жизни страны непропорционально малую роль. Изменить положение должна была национальная революция под лозунгом «Единая неделимая Россия», которая превратила бы русский народ в господствующую нацию. В национальном государстве, которое необходимо было построить, традиционная русская религия должна занять подобающее ей почетное место.

Важным событием в русском либерально-патриотическом движении стало появление журнала «Вече», который тоже был своеобразным ответом на диссидентские либеральные и национальные издания. Инициатором издания стал В. Н. Осипов, отсидевший 7 лет на строгом лагерном режиме за организацию «антисоветских сборищ» на площади Маяковского в Москве в 1960—1961 гг. и поселившийся в 1970 г. в Александрове. Журнал задумывался как лояльный по отношению к власти (на обложке значились фамилия и адрес редактора).

Первый номер журнала вышел 19 января 1971 г. Почти сразу же на журнал был повешен ярлык шовинистического антисемитского издания. В этой связи редакция 1 марта выступила с заявлением, в котором говорилось: «Мы решительно отвергаем определение журнала как «крайне шовинистического»... Мы отнюдь не собираемся умалять достоинства других наций. Мы хотим одного — укрепления русской национальной культуры, патриотических традиций в духе славянофилов и Достоевского, утверждения самобытности и величия России.

Что касается политических проблем, то они не входят в тематику нашего журнала».

Число постоянных читателей журнала составляло примерно 200—300 человек. Он рассылался в 14 городов России, а также в Киев и Николаев. Одним из кругов «Веча» были «молодогвардейцы», члены «Русского клуба». Степень их вовлеченности в издание журнала ограничивалась темой защиты памятников истории и культуры, некоторой финансовой поддержкой.

Наиболее ярким выразителем русской идеологии применительно к новым условиям был Г. М. Шиманов, издавший в 1971 г. на Западе книгу «Записки из Красного дома». Публицист обнажал корень мирового зла (и трагедии России), усматривая его в катастрофическом тупике западной цивилизации, по сути, отказавшейся от христианства и заменившей полноту духовной жизни фальшивым блеском материального благополучия. Он полагал, что судьба России — не только ее судьба, но всего человечества, которое сумеет выйти из тупика, опираясь на традиционные духовные ценности русского народа. Русским нужно объединяться на своих духовных основах. И в этом объединении атеистическая советская власть не является препятствием, ибо она может быть преобразована изнутри, главное же — возродить в себе коренное русское самосознание.

Журнал просуществовал недолго. В феврале 1974 г. в редакции произошел раскол, а в июле, после выпуска 10-го номера журнала, он был закрыт. Осипов решил возобновить издание под новым названием «Земля», вскоре был выпущен его первый номер. Тем временем КГБ начало следствие по факту издания журнала. В конце ноября 1974 г. Осипов был арестован, а пока находился под следствием, В. С. Родионов и В. Е. Машкова выпустили второй номер «Земли». На этом история журнала закончилась. В сентябре 1975 г. В. Н. Осипов осужден Владимирским облсудом на 8 лет строгого режима.

В 1974 г. бывший член ВСХСОНа Л. И. Бородин начал издание журнала «Московский сборник», посвятив его проблемам нации и религии. В своей издательской деятельности он опирался на помощь молодых христиан, которые группировались вокруг Г. М. Шиманова (прораб В. В. Бурдюг, поэт С. А. Бударов и др.), принадлежали к пастве отца Дмитрия Дудко и поддерживали отношения с другими диссидентами либерально-патриотической ориентации. Тиражом 20—25 экземпляров вышло 2 номера, подготовлено еще два, но издание прекратилось. Бородин, получив в прокуратуре «Предупреждение по Указу ПВС СССР от 1972 г.» о том, что его действия могут нанести ущерб безопасности страны и повлечь наказание, отошел от издания, вернулся в Сибирь и занялся литературной деятель-

ностью. В 1982 г. он был арестован и осужден за публикацию своих произведений на Западе к 10 годам лагерей и 5 годам ссылки.

В середине 70-х гг. произошла идеологическая переориентация математика и диссидента И. Р. Шафаревича (академик РАН с 1991 г., президент Московского математического общества). Он написал ряд работ с критикой тоталитарной системы. Особенно широкую известность приобрели его статьи «Обособление или сближение?», «Есть ли у России будущее?», вошедшие в сборник «Из-под глыб» (составлен А. И. Солженицыным, издан в 1974 г. в Париже), а также книги «Социализм как явление мировой истории» (впервые опубликована в Париже в 1977 г.) и «Русофобия» (написана в 1980 г., распространялась в «самиздате», многократно переиздавалась начиная с 1989 г.). Эти работы создали автору репутацию идеолога национально-православного движения, сразу же вызвав критику в кругах демократически настроенной интеллигенции, профессиональных историков и этнографов, находящих в них разного рода натяжки и неточности. Однако теория «малого народа», развиваемая Шафаревичем вслед за французским историком О. Кошеном, получила широкое признание в патриотических кругах.

Во второй половине 70-х гг. в «самиздате» появилось течение, позднее названное «национал-коммунистическим». Оно претендовало на то, чтобы вместе с властями бороться против сионизма за самобытное Российское государство. Существовали две группировки таких «коммунистов»: православные во главе с Г. М. Шимановым и Ф. В. Карелиным; язычники во главе с А. М. Ивановым (Скуратовым), В. Н. Емельяновым, В. И. Скурлатовым. Обе группировки активно отмежевывались от диссидентства в его либеральной ипостаси, критиковали деятельность МХГ, Рабочей комиссии, Христианского комитета защиты верующих, Солженицынского фонда.

В 1980—1982 гг. выпущено пять номеров «самиздатского» журнала «Многая лета». Основными его авторами, кроме редактора Шиманова, были Ф. В. Карелин и В. И. Прилуцкий. Вокруг них группировался кружок из десятка единомышленников. Основная идея журнала состояла в том, чтобы склонить советскую власть к политике «здравого смысла», укрепить власть за счет коммун, объединенных по родовому и религиозному признакам. В 1982 г. после угроз КГБ Шиманов прекратил выпуск журнала. С его закрытием организованные структуры русского диссидентского национального движения перестали существовать.

В религиозном отношении в русском национально-патриотическом движении были не только христиане. К середине 70-х гг. сформировались небольшие, но устойчивые группы «неоязычников», призывавших вернуться к дохристианским верованиям. «Неоязычники» считали праславян и древних славян частью племен древних ариев,

имевших общую культуру и религию на пространстве от Индии до Испании.

С середины 70-х гг. предметом внимания советского общества становится тема масонства. Интерес к ней пробудился после выпуска массовым тиражом книги Н. Н. Яковлева «1 августа 1914» (1974). В ней впервые в подцензурной советской исторической литературе показана значительная роль масонских лож в организации и осуществлении в России Февральской революции 1917 г. Заметен был и круг авторов, разоблачавших в своих книгах реакционную сущность сионизма и теоретически обосновывавших советскую антиизраильскую и проарабскую политику (Ю. С. Иванов, В. В. Большаков, Е. С. Евсеев, В. Я. Бегун и др.).

После официального заявления об «обезвреживании» страны от антиобщественных элементов (1981), русское национально-патриотическое движение было представлено обществом «Память». Объединение получило название по историко-публицистическому двухтомнику В. А. Чивилихина «Память» (1978, 1981), в котором с патриотической позиции рассказывалось о русской истории и культуре, показывалось величие России, ее героев и подвижников. Оно выросло из общества книголюбов Министерства авиационной промышленности (1979; руководитель инженер Г. И. Фрыгин) и объединения «Витязи», созданного в 1978—1979 гг. для подготовки к празднованию 600-летия Куликовской битвы (его возглавлял журналист Э. Д. Дьяконов, руководитель московского городского общества ВООПИиК). Название «Память» появилось в 1982 г.

Участники объединения были активистами подготовки и проведения празднования 600-летия Куликовской битвы (1980), реставрационных субботников, встреч с отечественными писателями и историками, обсуждений творчества поэтов и художников прошлого, движений против поворота северных рек и в защиту Байкала, трезвенического движения. Работа «Памяти», носившая в 1982—1984 гг. умеренный характер, подготовила почву для более радикальных выступлений в период «гласности». Новый период в истории общества связан с лидерством в нем с октября 1985 г. фотографа Д. Д. Васильева.

§ 4. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

С принятием в 1961 г. новой Программы КПСС связывалось начало нового этапа в развитии национальных отношений в стране. Его особенности виделись в дальнейшем сближении и достижении «полного единства» наций. Национальную политику, призванную регулировать национальные отношения на новом этапе, партия обязы-

валась проводить «на основе ленинской национальной политики», не допуская «ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей». Важнейшая цель политики виделась «по-прежнему» — в обеспечении фактического равенства наций, народностей «с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии». Растущие в процессе коммунистического строительства блага было обещано «справедливо распределять среди всех наций и народностей».

Однако «развернутое строительство коммунизма» в стране продолжалось недолго. В ноябре 1967 г. Л. И. Брежнев объявил, что в СССР построено развитое социалистическое общество, в дальнейшем предстояло его совершенствовать. Новые власти отказались и от других методологических новаций хрущевского периода. Положение о новой исторической общности при этом было сохранено и получило дальнейшее развитие с уточнением представления о ней как о многонациональном народе.

Положение о якобы вполне сформировавшейся в СССР новой исторической общности содержалось в выступлениях генерального секретаря на XXIV (1971) и XXV (1976) съездах партии. В развитие этого положения Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил и выпустил двумя изданиями книгу «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» (1972, 1974), дававшую официозную трактовку феномена. В книге разъяснялось: «Советский народ представляет собой не какую-то новую нацию, а является исторической, более широкой, чем нация, нового типа общностью людей, охватывающей все народы СССР. Понятие «советский народ» появилось как отражение коренных изменений сущности и облика советских наций, как выражение их всестороннего сближения, роста их интернациональных черт. Но и при тесном переплетении интернационального и национального в социалистических нациях последние образуют советский народ, оставаясь в то же время его национальными компонентами». Упрочение новой исторической общности представлялось важнейшей целью государственной национальной политики.

На протяжении 70—80-х гг. в стране издавалось несметное количество книг и статей о расцвете и сближении советских наций, о соотношении национального и интернационального, о торжестве «ленинской национальной политики». Однако работы грешили декларативностью и схоластичностью, практически не способствовали сокращению разрыва между наукой, политикой и жизнью. Быстро оживляющееся национальное самосознание третировалось как проявление национализма. Реальные противоречия национальной жизни и межнациональных отношений упорно игнорировались. «Нациология» в условиях «развитого социализма» заметно активизировалась по празд-

ничным датам — в связи с юбилеями Октябрьской революции и образования СССР. Это не могло не накладывать отпечатка «заздравности» на значительную часть трудов, посвященных национальной проблематике.

Разумеется, новая историческая общность людей в СССР была не только сотворенным мифом, но и реальностью. В нынешних средствах массовой информации признание того, что были действительно советские люди, часто отождествляется либералами лишь со своего рода неполноценностью (отсюда презрительное — «совок»). Однако этим не отменяется тот факт, что на уровне общественной рефлексии ощущение «советсконародности» имелось. Любители футбола разных национальностей в крупных международных матчах болели, как за *своих*, за киевское и тбилисское «Динамо», ереванский «Арарат», за *наших* космонавтов, независимо от их национальной принадлежности. Иными словами, определенно существовало некое субстанционарное пространство не с этническим, а гражданским основанием.

«Согласно всем современным представлениям о государстве и нации советский народ был нормальной полиэтнической нацией, не менее реальной, чем американская, бразильская или индийская», — справедливо утверждает в наши дни С. Г. Кара-Мурза. Разумеется, степень «советскости» была различной у разных групп населения, однако единое хозяйство, единая школа и единая армия делали советский народ гораздо более сплоченным, чем названные полиэтнические нации. Убедительным аргументом в пользу существования такой общности является рост числа этнически смешанных браков. Переписью населения 1959 г. в стране зафиксировано 50,3 млн семей, из них 10,3% смешанных в национальном отношении. К 1970 г. смешанные семьи составляли 13,5%, в 1979 г. — 14,9, а в 1989 г. — 17,5 (12,8 млн из 77,1 млн семей). За каждым из супругов обычно стояли группы родственников, многократно увеличивавшие число породненных между собой людей различных национальностей.

О формировании новой общности говорили также данные о значительном числе нерусских, признававших русский язык языком межнационального общения, своим «родным» языком. По переписи 1926 г. их зафиксировано 6,4 млн, в 1959 г. — 10,2, в 1979 г. — 13; в 1989 г. — уже 18,7 млн. Если бы процесс перехода на русский язык не был достаточно естественным и добровольным, то подавляющее большинство нерусских не стали бы называть его «родным», ограничиваясь указанием на «свободное владение» им. Переписи населения показывали также постоянный рост числа свободно использующих русский язык наряду с родным национальным языком. В 1970 г. в СССР проживали 241,7 млн человек (из них 53,4% были русскими). К 1989 г. их число увеличилось до 286,7 млн, среди них русских по национальности насчитывалось 145,2 млн (50,6%). При этом

русский язык считали родным и свободно им владели 81,4% населения СССР и 88% населения России.

Принятая в 1977 г. Конституция характеризовала построенное в СССР «развитое социалистическое общество» как общество, «в котором на основе сближения всех социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей возникла новая историческая общность людей — советский народ». Народ провозглашался главным субъектом власти и законотворчества в стране. Декларировалось равноправие граждан вне зависимости от расовой и национальной принадлежности; утверждалось, что «экономика страны составляет единый народнохозяйственный комплекс»; в стране имеется «единая система народного образования». В то же время Основной закон утверждал, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР», каждая союзная и автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую их «особенности», территория республик «не может быть изменена» без их согласия, «суверенные права союзных республик охраняются Союзом ССР». Таким образом, «советский народ» в Конституции представал на словах единым, но реально разрезанным на различные «суверенные» и «особенные» части. Последнее соответствовало также духу никем не отмененной Декларации прав народов России, провозгласившей еще на заре советской власти (2 ноября 1917 г.) не только «равенство и суверенность народов России», но также их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства».

Исследователи выделяли в единой новой исторической общности явно различающиеся по возможностям реализации своего суверенитета нации, народности, этнические и национальные группы. Единого мнения об их соотношении в советское время так и не было сформировано. Разные возможности для реализации жизненных интересов имели народы «титульные» и «нетитульные», национальные большинства и меньшинства.

Территориальный принцип национально-государственного устройства СССР с течением времени обнаруживал все большее противоречие с растущей интернационализацией состава населения «национальных» образований. Наглядным примером служила Российская Федерация, где в 1989 г. проживали 51,5% населения СССР. Общее число российских народов чаще всего обозначалось неопределенным выражением: «более ста». Республика имела сложную иерархическую систему национально-государственного и административного устройства. При такой ситуации среди разных народов естественным образом возникали движения за выравнивание и повышение своего «государственного» статуса или его обретение, что довольно чувствительно и проявлялось в 60—70-х гг.

Народы СССР существенно различались по темпам роста численности. Например, с 1959 по 1989 г. число эстонцев и латышей увеличилось соответственно на 3,8 и 4,2%, украинцев и белорусов — на 19 и 27%, русских и литовцев — на 27 и 31%, грузин, молдаван и армян — на 48, 51 и 66%, казахов и азербайджанцев — на 125 и 130%, киргизов и туркмен — на 161 и 172%, а узбеков и таджиков — на 178 и 202%. Все это создавало естественную озабоченность отдельных народов демографической ситуацией, которая усугублялась нерегулируемой миграцией населения.

Противоречия в национальной сфере, созданные на разных этапах истории, спустя годы и десятилетия выходили на поверхность общественной жизни. По-прежнему давали о себе знать движения советских немцев и крымских татар за восстановление утраченных в годы войны автономий. Другие репрессированные народы требовали разрешения возвратиться к местам прежнего жительства (турки-месхетинцы, греки и др.). Недовольство условиями жизни в СССР порождало среди ряда народов (евреи, немцы, греки) движения за право эмигрировать на «историческую родину». Протестные движения, эксцессы и другие акты недовольства национальной политикой возникали и по другим поводам. Целый ряд из них можно отметить в соответствии с хронологией событий.

Так, 24 апреля 1965 г. в связи с 50-летием геноцида армян в Турции состоялось стотысячное траурное шествие в Ереване. Студенты и присоединившиеся к ним рабочие и служащие многих организаций шли к центру города с лозунгом «Справедливо решить армянский вопрос!». Демонстрантов разогнали с использованием пожарных машин.

8 октября 1966 г. по случаю 45-летия образования Крымской АССР прошли митинги крымских татар в узбекских городах Андижане и Бекабаде, 18 октября — в Фергане, Кувасае, Ташкенте, Чирчике, Самарканде, Коканде, Янгикургане, Учкудуке. Многие митинги были разогнаны. При этом только в Ангрене и Бекабаде 17 митинговавших были осуждены за участие в «массовых беспорядках».

В марте 1967 г. в течение двух недель продолжались «абхазские события», участники которых требовали узаконения абхазской топонимики в республике, предоставления привилегий представителям абхазской национальности в трудоустройстве и поступлении в высшие учебные заведения, изучения абхазского языка во всех неабхазских школах республики и даже выделения Абхазии из состава Грузии со статусом союзной республики в составе СССР. В сентябре 1967 г. в Москву прибыла группа деятелей культуры Абхазии с требованием изъять из обращения изданную в Тбилиси книгу, автор которой пытался доказать, что абхазской национальности не существует, абхазы — это грузины, принявшие когда-то мусульманство. В результате

секретарь обкома и председатель правительства Абхазии были освобождены от должностей и на их место рекомендованы абхазы. Грузинские названия и вывески на грузинском языке заменены абхазскими. В Тбилисском университете были открыты отделения абхазского языка и литературы.

22 мая 1967 г. во время традиционного собрания и возложения цветов к памятнику Тарасу Шевченко в Киеве задержали за участие в несанкционированном мероприятии несколько человек. Возмущенные люди обступили милицию и скандировали: «Позор!» Позднее 200—300 участников собрания направились к зданию ЦК, чтобы выразить протест и добиться освобождения арестованных. Власти пытались остановить движение колонны водой из пожарных машин. Министр охраны общественного порядка республики был вынужден освободить задержанных.

2 сентября 1967 г. милиция разогнала в Ташкенте многотысячную демонстрацию крымских татар, протестующих против разгона 27 августа двухтысячного собрания-встречи с представителями крымско-татарского народа, возвратившимися из Москвы после приема их 21 июня Ю. В. Андроповым, Н. А. Щелоковым, секретарем Президиума ВС СССР М. П. Георгадзе, генеральным прокурором Р. А. Руденко. При этом были задержаны 160 человек, 10 из них осуждены. Однако 5 сентября 1967 г. был издан указ Президиума ВС, снимающий с крымских татар обвинение в предательстве. Им возвращались гражданские права. Татарская молодежь получала право учиться в вузах Москвы и Ленинграда, но татарские семьи не могли приезжать и селиться в Крыму. Против их возвращения возражали партизаны Крыма, но главная причина состояла в том, что Крым к тому времени был «подарен» Н. С. Хрущевым Украине.

Длительного времени потребовало преодоление последствий столкновения между узбекской и русской молодежью, произошедшего в Ташкенте во время и после футбольного матча между командами «Пахтакор» (Ташкент) и «Крылья Советов» (Куйбышев) 27 сентября 1969 г. на более чем стотысячном стадионе. Неприязнь местного населения к русским была вызвана отрицательными чертами (пьянство, хулиганство, воровство, проституция), якобы принесенными в республику в 20-е гг. преимущественно из Поволжья. Презрительное прозвище «самарские» с тех пор укоренилось среди узбеков и перенесено на всех русских. Конфликт возник в середине матча, когда судья не засчитал гол, забитый «Пахтакором». Столкновения продолжались и после матча. В результате более тысячи человек были арестованы. Руководители республики пытались свести к минимуму информацию о масштабах эксцесса. Понимая всю неприглядность случая, особенно на фоне огромной помощи Ташкенту из РСФСР и

других союзных республик после разрушительного землетрясения 1966 г., они не хотели, чтобы инцидент расценивался как узбекский национализм.

Период 60—80-х гг. характеризуется значительным усилением сионистских настроений среди советских евреев. Следствием «пробуждения у молодежи еврейского сознания» был рост эмиграционных побуждений. В целях опровержения обвинений в том, что в СССР якобы проводится политика государственного антисемитизма, была выпущена официозная брошюра «Советские евреи: мифы и действительность» (1972). В ней отмечалось, что составлявшие менее 1% общей численности населения страны евреи насчитывали 11,4% лауреатов Ленинской премии, высшее звание Героя Социалистического Труда получили 55 человек, дважды этого звания удостоены 4, трижды — 3 представителя этой национальности. При политике государственного антисемитизма такое было бы невозможно.

В 1972 г., когда в Грузии произошла смена на посту 1-го секретаря ЦК Компартии республики, открывалась возможность для пересмотра отношения ее руководства к национальной проблеме месхетинских турок. В. П. Мжаванадзе в бытность 1-м секретарем ЦК (1953—1972) считал невозможным их возвращение. «Во-первых, — говорил он, — земли месхетинцев уже заняты другими, а во-вторых, рядом граница, месхи же занимаются контрабандой, и поэтому пограничники возражают против их возвращения». Попытки руководителей КГБ и погранвойск показать, что это неверная информация, не возымели действия. Э. А. Шеварднадзе, когда он стал 1-м секретарем ЦК, продолжал придерживаться версии своего предшественника. В результате в Грузию смогли вернуться лишь месхетинцы, решившиеся изменить свою национальность и стать грузинами по паспорту.

30 марта 1972 г. в Политбюро ЦК КПСС при обсуждении книги одного из его членов П. Е. Шелеста «Украина наша советская» (1971) прозвучало: «В этой книге воспевается казачество, пропагандируется архаизм», «на Украине много вывесок и объявлений на украинском языке. А чем он отличается от русского? Только искажением последнего. Так зачем же это делать?». Высказывались возражения против установления гербов городов, экскурсий и туризма по старинным городам и памятным местам. А. Н. Косыгин говорил: «Создание в свое время совнархозов тоже было проявлением национализма... Непонятно, почему на Украине в школах должны изучать украинский язык?.. Севастополь испокон веков русский город. Почему и зачем там имеются вывески и витрины на украинском языке?» Можно предположить, что каждый из выступавших в глубине души считал украинцев или, по крайней мере, их предков русскими. В итоге в журнале

«Коммунист Украины» (1973, № 4) была опубликована редакционная статья «О серьезных недостатках одной книги», было дано указание обсудить статью и книгу Шелеста на всех городских и областных активах. Книга была изъята из продажи. В апреле 1973 г. по решению пленума ЦК ее автор «пошел на отдых по состоянию здоровья».

В 1972 г. большой резонанс вызвали похороны Р. Каланты, 18-летнего юноши из Каунаса, совершившего 18 мая самосожжение в знак протеста против «советской оккупации Литвы». Они переросли в масштабную манифестацию национального протеста. Около 400 демонстрантов были задержаны, а 8 из них осуждены.

В 1973 г. обострилась ситуация вокруг Пригородного района Северной Осетии. 16—19 января тысячи ингушей съехались в Грозный, требуя от властей решения этой проблемы. В переданном властям заявлении перечислялись факты дискриминации ингушского населения в Осетии главным образом при приеме на работу. Ингуши просили обеспечить им на территории спорного района равные с осетинами права. Демонстрации и митинги продолжались несколько дней и в конце концов были разогнаны водой из брандспойтов и милицейскими дубинками.

В январе 1977 г. дело дошло до террора на национальной почве. Трое армян, являвшиеся членами подпольной «Национальной объединенной партии», приехали из Еревана в Москву, взорвали 8 января три бомбы — в вагоне метро и двух продовольственных магазинах. 37 человек погибли и были ранены. После неудавшейся попытки взорвать три заряда на Курском вокзале накануне ноябрьских праздников преступники были задержаны. Характерно, что и в этом случае, чтобы не «компрометировать армянский народ», по указанию руководства Компартии Армении ни одна газета, выходившая на армянском языке, не опубликовала сообщения о террористическом акте. Документальный фильм о процессе над террористами тоже запретили показывать. Когда же в «Известиях» появилось выступление А. Д. Сахарова, который протестовал против якобы незаконного ареста армян (он отказывался верить, что террористы могли приехать в Москву совершать убийства), К. С. Демирчян возмущался: «Как смел Сахаров разглашать фамилии преступников, кто дал разрешение редакции печатать этот материал!»

На принятую новую Конституцию СССР одними из первых откликнулись футбольные болельщики в Вильнюсе. 7 октября 1977 г., после победы «Жальгириса» над витебской «Двиной», а через три дня над смоленской «Искрой», несколько сотен зрителей первого футбольного матча и более 10 тыс. после второго двинулись по улицам города, выкрикивая: «Долой конституцию оккупантов!», «Свободу

Литве!», «Русские, убирайтесь вон!». Литовская молодежь срывала плакаты к 60-летию Октября, била витрины с наглядной агитацией. Инциденты закончились в первом случае задержанием 17, а во втором — 44 участников этих своеобразных демонстраций.

Противоречия в национальной сфере проявились при принятии в 1978 г. на основе Конституции СССР новых республиканских конституций. Чтобы отразить процесс «сближения» наций, из проектов конституций закавказских союзных республик по предложению Центра исключили статьи о государственном языке. Эта «новация» вызвала волну открытого протеста со стороны студенчества и интеллигенции. Статьи пришлось сохранить, невзирая на то что их не было ни в конституциях остальных союзных республик, ни в союзной Конституции.

Весной 1978 г. состоялись митинги абхазского населения в различных населенных пунктах автономной республики с требованиями придания государственного статуса абхазскому языку, прекращения миграции в республику грузин, отделения от Грузии и вхождения в состав РСФСР. Уступкой требованиям абхазов стало включение в конституцию автономной республики положения о введении в ней трех государственных языков: абхазского, русского и грузинского.

В декабре 1978 г. прошла демонстрация немцев-«отказников» в Душанбе с требованием разрешить им покинуть страну. Перед собравшимися выступил 1-й секретарь горкома и пообещал увеличить число разрешений на выезд. Обещание было выполнено.

В 1979 г. открывалась возможность решения проблемы советских немцев, выселенных в годы войны из мест своего проживания. В книге «КГБ и власть» (1995) Ф. Д. Бобков писал об этом: «Трудно было объяснить, почему их права не были восстановлены после войны... В ФРГ появились центры, которые поддерживали эмиграционные настроения советских немцев... Мы же вели страусову политику, делая вид, будто проблемы вообще не существует. Дело доходило до абсурда. Например, в Казахстане проживало около миллиона немцев, изгнанных с обжитой земли в Поволжье, и этот факт пытались скрыть от советской и мировой общественности. В энциклопедии Казахстана немцы даже не упоминались как национальность в составе населения республики... Но вот Москву собрался посетить канцлер ФРГ Аденауэр. В ЦК КПСС засуетились, понимая, что советские немцы непременно будут апеллировать к нему. И тогда было принято поистине соломоново решение: из многих тысяч желающих уехать в ФРГ разрешение на выезд получили... около трехсот семей. Точно так же поступали и потом, при посещении СССР другими высокопоставленными лицами из обоих немецких государств».

Возглавляемое Бобковым управление КГБ вошло в ЦК с пред-

ложением создать немецкую автономную область на территории Казахстана. Предложение было принято, Политбюро издало соответствующее решение. Руководители республики обещали решить вопрос. Определена была территория будущей автономии, названа ее столица (г. Ерментау на востоке Целиноградской области), выбрано здание обкома, намечен его состав. Оставалось лишь провозгласить образование автономной области, намеченное на 15 июня. Однако утром этого дня в Целинограде состоялась манифестация казахских студентов против решения властей в Москве и Алма-Ате о создании автономии. Она проходила под лозунгами: «Казахстан неделим!», «Нет немецкой автономии!». Пришлось просить активистов автономистского движения «подождать» с провозглашением их национально-территориального образования.

Осень 1980 г. стала временем молодежных беспорядков в Эстонии. 22 сентября, после отмены выступления молодежного поп-оркестра «Пропеллер», назначенного на таллиннском стадионе после футбольного матча, около тысячи эстонских школьников вышли на улицы с протестом против этого решения. Концерт был отменен в связи с обнаружением в текстах песен «националистических мотивов». Демонстрацию разогнала милиция, нескольких старшеклассников исключили из школ. А 1 и 3 октября милиции пришлось разгонять уже более чем тысячную демонстрацию протеста против этих исключений. Демонстранты размахивали флажками независимой Эстонии, выкрикивали лозунги «Свободу Эстонии!», «Русские — вон из Эстонии!». 7 и 8 октября последовали новые демонстрации протеста в Таллинне (несколько сотен участников), а 10 октября — молодежные демонстрации в Тарту и Пярну. В результате из школ исключили около 100 учащихся, нескольких человек осудили за «хулиганство».

1981 г. характеризует усиление наступления властей на русские патриотические силы. 28 марта Ю. В. Андропов направил в Политбюро записку, в которой отмечал создание среди интеллигенции движения «русистов». Русизм в записке представлялся «демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за «спасение русской нации», которой «прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя». Под лозунгами защиты русских национальных традиций русисты, доносил глава КГБ, «по существу занимаются активной антисоветской деятельностью». Андропов ставил вопрос о скорейшей ликвидации этого движения, угрожавшего, по его мнению, коммунистическим устоям больше, чем так называемые диссиденты.

Результатом наступления на «русистов» было увольнение С. Н. Семанова в апреле с поста главного редактора журнала «Человек и закон». В августе арестовали публициста А. М. Иванова, автора известных в патриотических кругах статей в журнале «Вече», ра-

бот «Логика кошмара» и «Рыцарь неясного образа», изображающих историю компартии как цепь заговоров, переворотов, грубого насилия, задуманных и осуществленных людьми, мечтавшими только о сохранении своей личной власти. В конце 1981 г. была разгромлена редакция «Нашего современника» за публикацию материалов В. Кожинова, А. Ланщикова, С. Семанова, В. Крупина. Авторов осудили публично, редактора журнала С. В. Викулова после соответствующего внушения оставили на посту, но обоих его заместителей уволили. На совещаниях в ЦК подвергались критике такие яркие книги русских писателей, как «Лад» В. Белова и «Память» В. Чивилихина.

В 1982 г. развалили саратовский журнал «Волга». Поводом послужила статья М. Лобанова «Освобождение», написанная по поводу романа М. Алексеева «Драчуны», где рассказывалась правда о голоде 1933 г. в Поволжье. В статье впервые в публицистике осмысливались масштабы и причины народной трагедии раскрестьянивания. Публикация была осуждена специальным решением Секретариата ЦК. Главного редактора Н. Е. Палькина уволили. Журнал захирел. Осенью 1983 г. в «Литературной газете» и «Вопросах литературы» начались нападки на ученых, изучающих творчество русских философов В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, П. А. Флоренского. Получили строгие взыскания издатели книги выдающегося русского философа А. Ф. Лосева. Во время преследований «русистов» власти помиловали (апрель 1983 г.) арестованных годом ранее диссидентствующих «еврокоммунистов» (А. Фадин, П. Кудюкин, Ю. Хавкин и др.) из Института мировой экономики и международных отношений, которым руководил либеральный академик Н. Н. Иноземцев, а в 1983—1985 гг. — А. Н. Яковлев.

Осенью 1981 г. случились крупные беспорядки в столице Северной Осетии. Волнения начались 24 октября, во время похорон в Орджоникидзе таксиста-осетина, убитого двумя ингушами, выпущенными на свободу через три дня после убийства за выкуп в один миллион рублей. Участники похоронной процессии организовали митинг и захватили здание обкома. К вечеру порядок на площади был восстановлен силами курсантов местного военного училища. На следующий день столкновения митингующих (более 10 тыс. человек) с силами правопорядка распространились по всему городу. За три дня беспорядков задержано более 800 человек, 40 из них были осуждены. 1-й секретарь обкома КПСС Б. Е. Кабалоев снят с должности.

К концу рассматриваемого периода после нескольких довольно спокойных лет произошло крупное волнение на этнической почве в столице Таджикистана Душанбе.

Весной 1985 г. вновь фиксируются давно забытые беспорядки в воинских эшелонах с призывниками в Советскую армию. В течение двух дней разгоряченные алкоголем призывники-мусульмане выясня-

ли отношения с немусульманами. Этим событием открывалась череда эксцессов с националистической подоплекой в наступившей «эпохе перестройки». События на Северном Кавказе удостоились специального рассмотрения на заседании Секретариата ЦК. Причина неблагополучия в национальной сфере усматривалась, как и ранее, в изъянах нравственного и интернационального воспитания, тлетворном влиянии религии. ЦК тоже привычно призвал строить воспитание таким образом, чтобы советский человек ощущал себя в первую очередь гражданином СССР, а уж потом представителем той или иной нации.

Глава 14

СССР В 1985—1991 гг.

§ 1. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. 1985—1986

Периодизация перестройки. Время, когда СССР возглавлял М. С. Горбачев (с середины марта 1985 г. до конца декабря 1991 г. он занимал посты генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР), вошло в историю под названием «перестройка». Внутри этого периода выделяются *четыре этапа*, качественно отличающиеся друг от друга. В основе их выделения лежат характер представлений о путях реформирования общества и соотношение политических сил, готовых отстаивать свою позицию.

Первый этап — апрель 1985 г. — 1986 г. — прошел под лозунгом *«ускорения социально-экономического развития советского общества»*. Преобразования в СССР осуществлялись на основе прежних, преимущественно административных подходов. Это время называют «авторитарной перестройкой». *В рамках второго этапа — 1987 г. — весна 1990 г. — началось изменение системы политических, идеологических, экономических отношений.* В качестве *главного рычага*, посредством которого предполагалось изменить общество, рассматривались *демократизация* и реформа политической системы. Однако на этом этапе резко ухудшилось социально-экономическое положение и обострились межнациональные отношения. *Третий этап перестройки — лето 1990 г. — август 1991 г.* — связан с *суверенизацией республик и хаотизацией общественной жизни*. К середине 1990 г. были наконец созданы программы последовательных рыночных реформ, однако реализовать их было уже невозможно из-за начавшейся борьбы между органами власти СССР, с одной стороны, и союзных республик — с другой. (Последние вы-

ступали за «суверенитет», который понимался как бóльшая самостоятельность республик в рамках СССР.) Противостояние союзных и республиканских элит вело к потере управляемости всеми общественными процессами. Весной — летом 1991 г. страна была свидетелем острого кризиса власти, который завершился политическим кризисом 19—21 августа 1991 г. *Четвертый этап* охватывает *конец августа — конец декабря 1991 г.* Это время постепенного угасания союзных органов власти, когда шел последовательный *демонтаж* (преобразование и ликвидация) *государственно-политических структур СССР.*

Постановка новых задач. После смерти К. У. Черненко в марте 1985 г. на пленуме ЦК КПСС новым генеральным секретарем был избран М. С. Горбачев. Избрание молодого, энергичного лидера опосредованно отражало стремление общества в целом и непосредственно правящей элиты к давно назревшим переменам. Проработанного плана реформирования у Горбачева и его единомышленников вначале не было, но их объединяло желание разгрести накопившиеся «завалы», преодолеть стагнацию, придать былой динамизм построенной в СССР общественной системе, ускорить социально-экономическое развитие страны. Осуществить это предполагалось путем перегруппировки и концентрации сил и средств на главных направлениях развития.

В политическом плане задачи нового этапа были сформулированы в выступлении Горбачева на апрельском (1985 г.) пленуме ЦК КПСС. Он говорил о необходимости повышения темпов социально-экономического развития. При этом на первый план выдвигались задачи перевода производства на рельсы интенсификации, ускорения научно-технического прогресса. Для реализации масштабных задач предлагалось «решительно поднимать ответственность кадров, организованность, дисциплину». В ускорении научно-технического прогресса центральное место отводилось машиностроению. Темпы его развития предстояло ускорить в полтора-два раза, быстро перейти на производство новых поколений машин и оборудования. Первостепенное внимание предполагалось уделить совершенствованию станкостроения, ускорению развития вычислительной техники, приборостроения, электротехники и электроники как катализаторов научно-технического прогресса. Прозвучало намерение решительно ликвидировать ведомственные барьеры в агропромышленном комплексе.

В числе приоритетных была названа подготовка Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг. На пленуме говорилось о необходимости удовлетворить потребности населения в садовых участках, изменить ситуацию в здра-

воохранении, продвинуть школьную реформу, улучшить материальное положение ряда массовых социальных групп.

Горбачев говорил о необходимости перестройки стиля работы и гласности в работе партийных и государственных учреждений. С большим одобрением воспринимались заявления нового лидера, пришедшего на смену дряхлым старцам, о недопустимости застоя в движении кадров, о назревшей потребности выдвигать молодых, инициативных работников, о роли «человеческого фактора».

Изменения в общественно-политической жизни. Первые позитивные перемены в наибольшей мере проявились в общественно-политической атмосфере. Она во многом определялась личностными качествами нового лидера. «Умное улыбчивое лицо с правильными чертами, необычайно выразительные глаза... ладная, чуть полноватая, но подтянутая фигура; уверенная манера держаться; открытость и доброжелательность в сочетании со строгостью и властным видом. Словом, он весь соткан из обаяния, и этого было достаточно, чтобы с первых появлений на экране и на улице завоевать симпатии», — так воспринимали современники нового генерального секретаря. «Эффект Горбачева» усиливался и благодаря невольным сопоставлениям нового генсека с его предшественниками. Кроме того, несколькими хорошо продуманными акциями Горбачев сразу заявил о своей особой близости к народу. Этому способствовали его поездки в Ленинград, Киев, на московские заводы и в подмосковные колхозы, на Урал, Север, Дальний Восток, в некоторые республики, где он часто «без бумажки» общался с «трудящимися». Благоприятное впечатление произвело пресечение Горбачевым попыток возродить унизительную традицию восхваления вождей.

Постепенно набирала темпы «кадровая революция» Горбачева. Позитивное впечатление производило избавление от престарелой когорты партийных и государственных деятелей, выдвинувшихся при Брежневе. В 1985—1986 гг. своих постов лишились Г. А. Алиев, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов. В числе первых важные посты в центральном партийном аппарате получили Н. И. Рыжков, Е. К. Лигачев, Э. А. Шеварднадзе, Л. Н. Зайков, Б. Н. Ельцин. Началась стремительная и радикальнейшая замена кадров в основных звеньях управления государством. К началу 1987 г. было заменено 70% членов Политбюро, 60% секретарей областных партийных организаций, 40% членов ЦК КПСС, получивших свои посты при Брежневе. Изменения шли сверху вниз. С 1986 по 1988 г. на уровне горкомов и райкомов было заменено 70% руководителей. Еще более высокими темпами заменялись хозяйственные управленцы. Из 115 членов Совета министров СССР, назначенных до 1985 г., в первый год пребывания Горбачева у власти сменилась

одна треть, в 1988 г. их осталось 22, а в 1989 г. — 10 человек. Ротация продолжалась и позднее.

Широкий общественный резонанс получили действия нового первого секретаря Московского горкома Б. Н. Ельцина, который провел настоящую чистку горкома и райкомов столицы от прежних кадров. Ельцин изначально выделялся из горбачевских выдвиженцев своей решительностью. В декабре 1985 г. он выступил с остро критической речью в Ташкенте о ситуации в Узбекистане, ставшим одним из первых полигонов для разоблачений коррупции, расцветшей в брежневскую эру.

На смену, как правило, пожилым, утратившим динамизм руководителям, часто подолгу «сидевшим» на своих местах, приходили люди молодые, энергичные, стремящиеся «развернуться». Это отражало давно назревшую общественную потребность уйти от «геронтократического» правления. Со временем, однако, темпы и масштабы перемен начали вызывать настороженность. Их стали называть «кадровой чисткой», сопоставимой со сталинской «кадровой революцией». При очень быстрой смене кадров нарушается преемственность в работе, дестабилизируется система управления.

Благотворное воздействие на атмосферу первых лет горбачевского правления оказало расширение информированности общества. Этот процесс разворачивался постепенно, шел по нарастающей, ни у кого не вызывая протеста. Люди стали больше узнавать об экономических и социальных проблемах, замалчиваемых ранее страницах прошлого.

Определенные итоги первого «послеапрельского» года были подведены в материалах XXVII съезда КПСС (конец февраля 1986 г.). В принятых им новой редакции Программы КПСС и директивах на двенадцатую пятилетку был отчетливо обозначен курс на ускорение социально-экономического развития советского общества.

Поиск путей совершенствования экономики. В 1985—1986 гг. назревшие в стране хозяйственные проблемы пытались решать преимущественно административными методами, вопрос о создании экономических механизмов реализации поставленных задач звучал в самой общей форме.

Чрезвычайно показательным для первого этапа реформ является антиалкогольная кампания — первое крупное комплексное мероприятие новых лидеров, последовательно осуществлявшееся в 1985—1988 гг. Кампания имела большой политический смысл. Речь шла не только о хронической, но и о постоянно прогрессировавшей социальной болезни. «Пьяные» деньги давно и активно использовались бюджетом, а предпринимавшиеся ранее попытки «борьбы против пьянства и алкоголизма» фактически носили лицемерный характер: государству катастрофически не хватало средств, и отказываться от

надежных источников финансовых поступлений оно не решалось. Упор на «пьяные» деньги, паразитирование на теневых чертах человеческой натуры были результатом неспособности добиваться бюджетного успеха более «квалифицированным» путем.

Начатая в мае 1985 г. борьба против пьянства и алкоголизма свидетельствовала о серьезности намерений нового руководства взяться за решение сложнейшей проблемы. В целом она была встречена доброжелательно, хотя многие сомневались в возможности ее успешного завершения. Кампания велась преимущественно административными методами. Некоторые члены нового руководства изначально предупреждали о ее бессмысленности, указывая прежде всего на риск недополучения денег в бюджет. Однако победила позиция сторонников более широкого взгляда на проблему, которые помимо политических приводили также экономические доводы. По их расчетам, сокращение потерь от пьянства на производстве (а они оценивались в 80—100 млн руб. ежегодно) вместе с постепенным свертыванием выпуска спиртного должны были если не свести на нет, то по крайней мере минимизировать неизбежные поначалу бюджетные потери.

Проведенные мероприятия имели определенный положительный эффект: сократился травматизм, снизилась смертность людей, потери рабочего времени, хулиганство, разводы по причинам пьянства и алкоголизма. Но, как писал позже Горбачев, «негативные последствия антиалкогольной кампании намного превзошли ее плюсы». К числу издержек кампании относят: спешное закрытие магазинов, винно-водочных заводов; вырубку виноградников; свертывание производства сухих вин; сокращение выпуска пива; массовое развитие самогоноварения, повлекшее исчезновение сахара. Нехватка сахара потянула за собой резкое сокращение ассортимента кондитерских изделий; с прилавков стали исчезать недорогие одеколоны, употреблявшиеся вместо водки, а использование других ее «заменителей» привело к росту заболеваний, озлобленности значительных масс населения. По данным Горбачева, в результате массированной антиалкогольной кампании бюджет недополучил 37 млрд руб. Современники приводили и бóльшие цифры: 67 (Н. И. Рыжков) и 200 млрд (В. С. Павлов). Уже в 1989 г. доходы от торговли спиртным вновь пошли вверх и достигли 54 млрд руб., на 1 млрд превысив уровень 1984 г. Тревожная информация о «перегибах» по разным каналам доходила до руководства, но «наверху» не считали необходимым корректировать курс. «Уж очень велико было наше стремление побороть эту страшную беду», — писал позже Горбачев. Стремление «быстрее побороть беду» определяло характер многих решений, принятых в сферах экономической и социальной политики в 1985—1986 гг.

Курс на ускоренное внедрение достижений научно-технического прогресса нашел отражение в создании ряда структур. Было создано

Бюро Совмина СССР по машиностроению, образован Государственный комитет по вычислительной технике и информатике, принято решение о создании межотраслевых научно-технических комплексов, организовано Главное управление по созданию и использованию космической техники для народного хозяйства и научных исследований. Административный ресурс управления активно использовался и в других сферах. Стремлением ликвидировать бюрократизм и ведомственность было продиктовано создание 22 ноября 1985 г. Госагропрома — структуры, поглотившей пять министерств и один госкомитет, отвечавших за производство сельхозпродукции, ее хранение и переработку. Неповоротливость и неэффективность нового управленческого гиганта постепенно становилась очевидной (он был ликвидирован в 1989 г.). Однако в 1985 г. идея единого управления всей сферой агропромышленного производства была новаторской и выглядела перспективной.

Повысить эффективность использования новой техники были призваны решения о проведении аттестации рабочих мест и о переводе предприятий, обладавших высокопроизводительным современным оборудованием, на трехсменную работу. Улучшения качества производимых изделий предполагалось добиться через использование оправдавшего себя в отраслях оборонной промышленности опыта государственной приемки продукции. Майским решением 1986 г. она вводилась с января 1987 г. С идеей наведения порядка было связано и принятие постановления Совета министров СССР «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» от 15 мая 1986 г. Стремление более активно использовать не административные, а экономические стимулы наметилось лишь в середине — второй половине 1986 г.

«Революция ожиданий». 1985—1986 гг. связаны с попыткой проведения активной социальной политики — государство широко формулировало задачи в области образования и здравоохранения, социального обеспечения и заработной платы, в сфере жилищного строительства.

Уже 14 мая 1985 г. были приняты постановления о первоочередных мерах по улучшению материального благосостояния малообеспеченных пенсионеров и семей, усилению заботы об одиноких престарелых гражданах, а также распространении льгот участников Великой Отечественной войны на ленинградцев, работавших в городе в период блокады. Через неделю, 22 мая, был принят документ, предусматривавший улучшение пенсионного обеспечения рабочих, служащих, членов колхозов и их семей. В январе 1986 г. были повышены пособия на детей военнослужащих и выплаты вдовам, а также пособия для одиноких матерей. Тогда же вводились надбавки к зарплате работникам ряда регионов. В мае 1986 г. были повышены пенсии пенсионе-

рам, постоянно проживающим в сельской местности, а в сентябре введены дополнительные льготы участникам Великой Отечественной войны и семьям погибших военнослужащих.

Намечалось осуществить ряд мер по повышению заработной платы. В мае 1985 г. было принято постановление по совершенствованию оплаты труда научных работников, конструкторов и технологов промышленности, а в июле — о повышении материальной заинтересованности некоторым категориям работников аграрной сферы. Решением от 12 декабря 1985 г. улучшалось материальное стимулирование мастеров, начальников цехов и участков предприятий. И наконец, постановление от 17 октября 1986 г. предусматривало введение новых тарифных ставок и окладов, а также снятие ограничений на фонд заработной платы в производственных отраслях.

Предполагались радикальные изменения в деле строительства школ, детских садов, больниц и поликлиник. Специальное постановление касалось поощрения садоводства и огородничества. Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и услуг на 1986—2000 гг. обещала прорыв на этом направлении. Пожалуй, наиболее грандиозной была программа «Жилье-2000», которая предусматривала решение одной из наиболее болезненных социальных проблем в СССР. Согласно документу каждая семья к 2000 г. должна была иметь квартиру или жить в собственном доме.

Все эти и другие решения по социальной сфере породили «революцию ожиданий», связанную с надеждой на быстрое решение накопившихся проблем. Первоначально казалось, что для этого будет достаточно политической воли нового руководства. «Революция ожиданий» сыграла злую шутку с инициаторами апрельского курса. К 1989—1990 гг. оказалось, что большую часть обещаний выполнить не удалось.

Решение задач по техническому перевооружению экономики и реализации социальных программ требовало больших ассигнований. Между тем ресурсы государства значительно сократились в связи с неблагоприятной международной конъюнктурой. В 1985 г. резко упали цены на нефть, и союзный бюджет лишился многомиллиардных долларовых поступлений, которые в 70-х — начале 80-х гг. во многом компенсировали недостатки прежней советской экономической системы, позволяя закупать за рубежом недостающие стране продукты питания, изделия легкой промышленности и высокотехнологичное оборудование. Взятый в 1985 г. курс на ускоренное развитие машиностроения повлек увеличение технических приобретений за рубежом, сокращая возможности трат на социальные нужды. Позднее, в 90-е гг., инициаторы реформ признали ошибкой начало реформирования экономики со сферы тяжелой индустрии. Концентрация внима-

ния на сельском хозяйстве и легкой промышленности позволила бы сохранять социальную стабильность и устойчивую политическую поддержку намечаемым крупномасштабным переменам.

Чернобыльская катастрофа. Весной 1986 г. произошло событие, оказавшее шоковое воздействие на советское общество. 26 апреля случилась авария на Чернобыльской атомной электростанции, где в ходе проведения эксперимента взорвался четвертый энергоблок. Первоначально не было ясного понимания, что произошедшее — катастрофа не только национального, но и мирового масштаба, однако по мере накопления информации приходило осознание небывалого трагизма случившегося. Радиационному заражению подверглась значительная часть украинской территории, но самый тяжелый удар пришелся на Белоруссию, впоследствии загрязнение было обнаружено в Брянской и Тульской областях.

Для ликвидации последствий аварии была создана специальная правительственная комиссия, которая координировала эту работу в масштабах всей страны. Уже в первые после катастрофы дни была развернута сеть медицинской помощи, охватившая почти миллион человек. Было принято решение о выселении жителей из города энергетиков Припять. Сначала эвакуировали людей из 10-, а затем и из 30-километровой зоны. Это оказалось трудным делом: многие не хотели уезжать, их пришлось перемещать принудительно. В первых числах мая было переселено 135 тыс. человек и установлен контроль над всем районом. В район аварии были переброшены войска химической защиты, со всей страны прибывала техника. В Москве, Ленинграде, Киеве круглосуточно работали научные институты, срочно решая целую серию необычных проблем. В послечернобыльские месяцы проявились лучшие качества советских людей: самоотверженность, человечность, высокая нравственность. Многие просили направить их в район Чернобыля, предлагали бескорыстную помощь.

Ликвидация последствий взрыва только в 1986 г. обошлась в 14 млрд руб., требовала миллиардных затрат и в последующие годы. Организованными усилиями удалось ограничить число пострадавших и локализовать аварию. К июлю была разработана концепция «саркофага», а затем в сжатые сроки возведено уникальное укрытие для поврежденного реактора с постоянно функционирующей системой контроля за его состоянием. По сути, вторая половина 1986 г. прошла под знаком Чернобыля.

Чернобыльская катастрофа оказала большое влияние и на общественно-политическую ситуацию в стране. Первоначально скупая информация и очевидная недосказанность поставили под сомнение авторитет власти, заявлявшей о необходимости гласности и большей открытости. Стремление граждан своевременно узнавать правду привело

к расширению круга обсуждения ранее запретных тем, способствовало раскрепощению общественного сознания. Большей информационной открытости в связи с Чернобылем требовало и мировое общественное мнение. Катастрофа воочию продемонстрировала разрушительный потенциал атомной энергии, явилась одним из факторов активизации переговоров о сокращении ядерных вооружений.

Разработка новой стратегии. Курс на ускорение социально-экономического развития был важным этапом в осмыслении ситуации, сложившейся в стране к весне 1985 г. Принимаемые в 1985 г. решения опирались на представление о том, что «так (как ранее) жить нельзя», являлись не столько результатом продуманной системы мер, сколько отражали определенную «философию действия», стремление руководства взяться за решение накопившихся проблем. Одновременно у Горбачева и его окружения постепенно формировалась собственная концепция необходимых реформ. XXVII съезд КПСС стал определенным рубежом. Формула ускорения наполнялась новым содержанием, проводилась мысль о необходимости более комплексного и глубокого реформирования. В мае—июле 1986 г. термин «ускорение» постепенно вытесняется понятием «перестройка». Раскрывая его, Горбачев подчеркивал, что перестройка охватывает не только экономику, но и социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль и методы работы партии, всех кадров. Генеральный секретарь поставил знак равенства между словами перестройка и революция, подчеркнув, что «перестройка — не разовый, одномоментный акт, а процесс, который будет протекать в рамках определенного исторического периода».

Летом 1986 г. у Горбачева появляется еще одна тема, которая со временем стала звучать все громче. Это тема противодействия переменам со стороны партийной и государственной бюрократии, заинтересованной в сохранении отживших порядков и собственных привилегий. Социологи горбачевского круга приводили обширный перечень групп, подверженных консервативным настроениям. Перечень впечатлял, поскольку фактически в него включалась вся управленческая верхушка.

Этим людям Горбачев противопоставлял других — «новаторов», «активных, неугомонных, беспокойных», которые разрушают сложившийся стереотип работы руководящих кадров. В выступлениях новый лидер все чаще апеллирует к интеллигенции и молодежи — двум социальным группам, интеллектуальный потенциал и динамизм которых позволял видеть в них наиболее естественных союзников задуманных масштабных перемен. Так формировалось представление о перестройке как о революции, начатой «просвещенным» руководством «сверху» и проводимой при активной поддержке снизу.

С середины 1986 г. в выступлениях Горбачева начинает повторяться мысль о том, что перемены в обществе идут недостаточно быстро. Среди главных причин этого он чаще выделял две: сохраняющуюся пассивность подавляющей массы населения и приверженность управленческих структур директивным формам управления. В связи с этим проблема демократизации ставится не только как одна из целей реформ, но и как обязательная их предпосылка.

В середине 1986 г. происходят перемены в трактовке понятия «гласность». Инициаторы перестройки начинают рассматривать ее как важнейший рычаг демократизации, повышения социальной активности пока еще достаточно инертного населения. Значительное расширение информированности, повышение уровня критичности обсуждаемых проблем, востребованность ранее не задействованного интеллектуального потенциала — все это должно было способствовать преодолению идеологического догматизма и ломке прежних стереотипов политического поведения, что в конечном счете и должно было ускорить перестроечные процессы во всех сферах. По этой логике, гласность, интеллектуальное раскрепощение должны были предшествовать проводимым преобразованиям, обогащая теорию и практику перестройки анализом зарубежного и отечественного опыта. Роль идейной оппозиции консерватизму отводилась прессе. Выступая в 1986 г. перед работниками средств массовой информации, Горбачев говорил: «Многие из наших консервативных проявлений, ошибок и просчетов, вызывающих застой мысли и действия и в партии, и в государстве, связаны с отсутствием оппозиции, альтернативы мнений, оценок. И здесь, на нынешнем этапе развития общества, такой своеобразной оппозицией могла бы стать наша пресса». Таким образом, высшее руководство само стимулировало возникновение оппозиции.

В 1986 г. происходит организационная подготовка «наступления гласности»: во главе целого ряда массовых изданий были поставлены новые люди. Новых главных редакторов получили «Известия», «Огонек», «Московские новости», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Московская правда», «Московский комсомолец», «Юность», «Новый мир», некоторые другие газеты и журналы, ставшие в 1987—1991 гг. самыми острыми и читаемыми изданиями. При этом «политика гласности» не означала введение свободы слова, но была изначально «дирижируемым» явлением. Содержание проводимых кампаний определялось на инструктажах руководителей СМИ, которые регулярно проводились в идеологических подразделениях ЦК КПСС.

Во второй половине 1986 г. в СССР сложились два различающихся между собой подхода к вопросу о путях реформирования общества. Часть управленцев считала необходимым сконцентрировать-

ся на экономике. Суть преобразований они видели в коренном изменении управления народным хозяйством и мотивации труда. Систему планового централизованного управления экономикой предполагалось перевести с приоритета материально-вещественных показателей на приоритет стоимостных критериев, сократить сферу государственного регулирования. Одной из главных задач сторонники этого подхода считали строгую взаимоувязку личных, коллективных и общегосударственных интересов. Добиться этого предполагалось через реализацию комплекса разноплановых мер, среди которых особое место отводилось реформе ценообразования. Все это в итоге должно было привести в том числе и к легализации частной собственности. Частный сектор должен был развиваться в дополнение к государственному. Принципиальной особенностью данного подхода являлось то, что кардинальные экономические реформы предполагалось осуществить при незыблемости политической системы.

Второй подход предполагал иной порядок реформирования. В середине — второй половине 1986 г. Горбачев и его окружение пришли к убеждению, что решение всех стоящих перед страной проблем упирается в неэффективность существующей в СССР политической системы. С этого времени ее реформа рассматривается как главное условие поступательного движения советского общества. В перспективе предполагалось реформировать КПСС, уменьшить ее «глобальную» роль в жизни общества и государства, организовать полноценные выборы в Советы, повысить ответственность депутатов и их зависимость от избирателей; утвердить всестороннюю гласность; добиться реальной независимости судебной власти; утвердить организационные формы осуществления права на демонстрации, свободу слова, совести, печати, собраний, на свободное перемещение; двигаться по пути глубокой демократизации хозяйственной жизни. Все эти вопросы предстояло поставить на специальном пленуме ЦК КПСС, интенсивная подготовка к которому шла всю осень 1986 г. и зиму 1986/87 г. Проблемы экономической реформы были отодвинуты на второй план.

В декабре 1986 г. произошли два события, имевшие «знаковый» смысл. 23 декабря был возвращен из горьковской ссылки и фактически реабилитирован духовный лидер советских диссидентов западнической ориентации академик А. Д. Сахаров. А с начала месяца в кинотеатрах страны началась демонстрация фильма Т. Е. Абуладзе «Покаяние». Формально посвященная осуждению абстрактного «диктатора», лента не оставляла сомнений в том, о ком идет речь на самом деле. Физиономическое сходство главного героя с Л. П. Берией, воссоздание атмосферы ужаса, порожденного бессмысленными кровавыми репрессиями, давали такую художественную версию событий, которая далеко выходила за рамки официальной трактовки истории

20—50-х гг. Выход на экраны фильма впоследствии назвали «началом обвала коммунистической идеологии». Тем самым лидирующая группа демонстрировала, в каком направлении и насколько далеко она была готова идти в будущем переосмыслении истории и политики.

В первые после апреля 1985 г. полтора года объективно назревшие перемены происходили на базе политических подходов, намеченных еще в андроповский период. Не случайно на Западе это время называют «авторитарной перестройкой». Конец 1986 г. стал определенным рубежом в истории преобразований 1985—1991 гг. К этому времени постепенно стали обозначаться экономические трудности. Они явились результатом, с одной стороны, неблагоприятного стечения ряда обстоятельств (падение цен на нефть, затраты на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы), а с другой — просчетов собственного горбачевского курса (увеличение ассигнований на машиностроение при сокращении закупок товаров народного потребления за рубежом, широкомасштабные социальные акции, а также антиалкогольная кампания). Все эти мероприятия объективно носили проинфляционный характер и способствовали бюджетной дестабилизации, которая предшествовала значительному ухудшению положения в народном хозяйстве СССР.

Значение этого обстоятельства не было в должной мере осознано в то время. Более того, во второй половине 1986 г. был взят стратегический курс на приоритетное преобразование политической системы общества в многонациональной и поликонфессиональной стране. Прогрессирующее же ухудшение экономических параметров развития, обострение ситуации в социальной сфере стали тем фоном, на котором разворачивались основные политические и идейные баталии тех лет. В этих условиях от реформаторов требовались крайняя осторожность и тщательный просчет своих дальнейших шагов, ибо кредит доверия, полученный советским лидером в 1985 г., не мог быть бессрочным.

§ 2. РЕФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. ИЗМЕНЕНИЯ В ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ

Курс на демократизацию и гласность. Период 1987—1988 гг. является в определенном смысле ключевым, во многом предопределившим последующее развитие событий. В это время была сформулирована собственно горбачевская стратегия преобразований и началось ее воплощение. Основные усилия были направлены на пробуждение общества, повышение активности всех заинтересованных в обновленческих процессах. Новый план преобразований был обна-

родован на январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС. Принципиально новым в нем было то, что, по сути, впервые в советской истории основное внимание концентрировалось не на изменениях в экономике, а на преобразованиях политической системы, которые, в конечном итоге, должны были дать мощный импульс социально-экономическому и духовному развитию общества.

В докладе на пленуме М. С. Горбачев констатировал, что к середине 80-х гг. в стране сложился «механизм торможения», сдерживающий социально-экономическое развитие и не позволяющий раскрыть преимущества социализма. Утверждалось, что корни этого торможения — в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии, в устаревших политических и теоретических установках, в консервативном механизме управления. В качестве главного средства слома «механизма торможения» предлагалось углубление социалистического демократизма, развитие самоуправления народа. Рассматривались вопросы совершенствования работы Советов, профсоюзов, комсомола, говорилось о необходимости повышения роли суда, усиления прокурорского надзора, обеспечении прав и свобод граждан. Поистине революционной была установка на реформирование избирательного процесса на всех уровнях: впервые за долгие годы предлагалось проведение выборов на альтернативной основе.

После пленума завершается формирование нового понимания гласности. Ее начинают рассматривать и как средство пробуждения общественного сознания, и как инструмент его формирования в определенном направлении, и как форму контроля за действиями неповоротливых управленцев, и как один из путей мобилизации активных сторонников перестройки. Гласность революционизировала и политизировала общество; она резко расширила возможности общественного анализа: по диапазону доступной информации, снятию запретных тем, возможности задавать любые вопросы и предлагать варианты ответов.

Решения январского пленума стимулировали пробуждение общественной активности. Начавшаяся самоорганизация общества проявилась в возникновении так называемых неформальных движений. Во многих городах стали появляться дискуссионные клубы, самодеятельные объединения и группы, которые удовлетворяли потребности прежде всего рядовой интеллигенции и молодежи в свободном общении и активной полезной деятельности. Определенную известность получил созданный в феврале 1987 г. в Ленинграде клуб межпрофессионального общения «Перестройка». В инициативную группу вошли молодые экономисты, социологи, философы, в их числе И. Б. Чубайс, Е. Т. Гайдар. Деятельность клуба была направлена на «выработку

программ эффективного и ненасильственного разрешения общественных конфликтов, а также проведение экспертиз по вопросам экономического и политического развития страны». Одним из центров встреч представителей неформального движения в Москве стал созданный при Советской социологической ассоциации «Клуб социальных инициатив».

Курс на проведение политики гласности дал толчок развитию так называемой альтернативной прессы. И хотя ее тиражи были ограничены, тем не менее именно здесь острые проблемы общественной жизни обсуждались в достаточно откровенной и резкой форме. Издания такого рода становились не только средством выражения определенных позиций, но и сыграли важную роль в организационной консолидации «неформалов». К осени 1987 г. существовало более ста «неформальных» газет и журналов.

Осень 1987 г. явилась определенным водоразделом в развитии общественно-политической ситуации в СССР. На нее повлияли и новые оценки истории и политики, прозвучавшие в связи с празднованием 70-летия Октябрьской революции. В своем докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» и книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» лидер партии отметил творческий характер ленинизма, подчеркнув способность Ленина отказываться от не отвечающих жизни догм. В историческом плане обращалось внимание на важность живого творчества масс, на необходимость смелых социальных экспериментов при созидании нового. Говорилось и о значении внутрипартийных дискуссий, которые помогали выработке нужных решений; о недоиспользованных возможностях НЭПа; при признании переломного характера коллективизации необычно много внимания уделялось ее негативным последствиям. Едва ли не впервые в советской истории лидер такого уровня поставил вопрос о социальной цене революционных преобразований.

На официальном уровне было признано создание к концу 30-х гг. административно-командной системы, охватившей не только экономику, но и распространившуюся на надстройку. При признании «противоречивости» оценки Сталина, больше говорилось о беззакониях, совершенных им и «его ближайшим окружением». Указывая на необоснованность репрессий против руководителей партии, государства, а также деятелей культуры, Горбачев призвал довести до конца приостановленный в середине 60-х гг. процесс реабилитации невинно пострадавших. Политическая реабилитация Н. И. Бухарина, прозвучавшая в докладе, положила этому начало. В докладе было названо имя Л. И. Брежнева как человека, прямо ответственного за нарастание негативных процессов в жизни общества в 70-х — начале 80-х гг.

Доклад Горбачева привел к радикализации политики гласности,

которая в свою очередь вела к поляризации общественных настроений и впоследствии — к политическому размежеванию. Активно велась кампания по «дебрежневизации»: в печати разоблачались факты злоупотреблений и коррупции, в которых были замешаны многие «первые лица» эпохи «застоя». Особенно большой резонанс вызвала информация по так называемому узбекскому делу — о крупномасштабных хищениях в республике. Новый мощный импульс получила и кампания по «десталинизации», принявшая широкий размах и имевшая различные формы. В январе 1988 г. при ЦК КПСС была создана комиссия по реабилитации жертв репрессий конца 30-х гг. Одновременно разворачивается «десталинизация» «снизу». Учрежденное рядом творческих организаций историко-просветительское общество «Мемориал» ставило своей задачей содействие полной реабилитации жертв репрессий, оказание помощи пострадавшим от них лицам, создание на территории СССР памятника жертвам сталинизма, восстановление исторической правды о незаконных и террористических методах политической деятельности.

Однако происходящее неоднозначно оценивалось общественным сознанием, так как под лозунгом «возрождения ленинского облика социализма» в средствах массовой информации развертывается кампания по «демифологизации» прошлого, в ходе которой начинается критика идеологических ценностей социализма. На страницах некоторых изданий ликвидация «белых пятен» постепенно превращалась в закрашивание черной краской целых исторических периодов. При этом с понятием «сталинизм» все чаще начинают ассоциировать все происходившее в стране в 20-х — середине 50-х гг., ставить под сомнение социалистичность построенного в СССР общества.

Все это привело к тому, что на рубеже 1987—1988 гг. начинается размежевание относительно проводимого в стране курса. При этом одни полагали, что преобразования идут слишком медленно и не дают результатов — именно в таком духе было оценено выступление Б. Н. Ельцина на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК. Другие полагали, что под флагом перестройки идет «сдача» социализма, при том что цели «реформаторов» остаются туманными. Эти настроения нашли отражение в нашумевшей весной 1988 г. статье Н. А. Андреевой «Не могу поступиться принципами». Обе позиции были резко осуждены «горбачевцами». Ельцин даже был лишен своего поста в Московском горкоме КПСС.

Главным политическим событием 1988 г. явилась XIX Всесоюзная партийная конференция. Она проходила в совершенно новой атмосфере, отразившей перемены последних лет. Это был первый относительно свободный за многие годы форум, на котором прозвучали действительно разные точки зрения по ключевым проблемам. Неравнодушие аудитории проявилось в бурных овациях одним и «захлопы-

вании» других. Влияние конференции на идейный климат в обществе было усилено трансляцией ее работы по телевидению.

Выступление Горбачева свидетельствовало о дальнейшей идейной эволюции партийного лидера: в качестве «общечеловеческих» прозвучали те принципы, которые ранее считались атрибутами «буржуазной демократии»: права человека, правовое государство, разделение властей, парламентаризм. Фактически было заявлено о намерении создать гражданское общество.

Новые подходы были конкретизированы в предложениях по реформе политической системы общества, которые затрагивали два базовых института: государство и партию. Предполагалось реально разграничить их функции. Партии предстояло уйти из сферы оперативного управления социальными процессами. Демократизации общества, усилению влияния граждан на принятие решений были призваны способствовать два новых государственных института: съезд народных депутатов и действующий на постоянной основе парламент. При этом была предпринята попытка обеспечить плавный переход от старой политической системы к новой. Из общего числа в 2250 депутатов, которые должны были составить корпус народных избранников, 750 предполагалось выбирать от так называемых общественных организаций на их съездах и пленумах — имелись в виду партийные, профсоюзные, кооперативные, молодежные, женские, ветеранские, научные, творческие и другие организации. Это предполагало менее болезненное встраивание активной части традиционной элиты в новую политическую систему, что должно было умерить возможное сопротивление реформе, обеспечить преемственность власти и управления.

На конференции прозвучали и критические выступления в адрес нового партийного руководства. Обращали внимание на то, что за три года не удалось добиться ощутимых перемен, прежде всего в социально-экономической сфере. Звучали и упреки в отсутствии ясного плана преобразований, чрезмерной импровизации. Наиболее ярким выступлением, отразившем скептическое отношение к происходящим переменам, стала речь писателя Ю. В. Бондарева. Многие сочли точным его сравнение перестройки с самолетом, который подняли в воздух, не зная, «есть ли в пункте назначения посадка».

Осенью 1988 г. развернулась работа по реализации мер, намеченных XIX партконференцией. Удовлетворив «просьбу» А. А. Громыко об уходе на пенсию, М. С. Горбачев 1 октября 1988 г. возглавил Президиум Верховного Совета СССР, сконцентрировав, таким образом, в своих руках высшую партийную и государственную власть. Та же сессия Верховного Совета утвердила поправки к Конституции СССР, которые узаконили будущую реформу политической системы. В сентябре началась крупнейшая за многие годы реорганизация аппа-

рата ЦК КПСС. Вместо более чем двадцати «отраслевых» отделов были созданы шесть комиссий в соответствии с основными направлениями партийной работы в новых условиях. Все комиссии возглавили секретари ЦК. Значительно сократилась общая численность сотрудников аппарата, что подчеркивало стремление освободить высшие партийные органы от функций оперативного управления. В то же время к работе в ЦК привлекались специалисты, не «отягощенные» опытом длительного пребывания на аппаратной работе, призванные формировать ее современный стиль. Создаваемая в Центре модель должна была стать образцом для нижестоящих партийных комитетов.

На идеологический фон осени 1988 г. оказывали влияние и другие события. Постановлением ЦК КПСС от 20 октября было отменено постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград», а в редакционной статье «Коммуниста» были дезавуированы и другие партийные акты второй половины 40-х гг. по вопросам культуры и искусства. Были предприняты дополнительные меры по возвращению из спецхранов ранее изъятых из широкого обращения книг и журналов. Активизировала свою работу Комиссия Политбюро по реабилитации жертв необоснованных репрессий. Ее итогом стало принятие мер по отмене решений внесудебных органов («двоек», «троек» и др.). Комиссии по реабилитации было разрешено создавать и при Советах различных уровней.

Еще одним важным шагом в сфере идеологии была отмена ограничений на подписку газет и журналов на 1989 г. К тому времени безлимитно печатались только издания КПСС. Ограничения же касались главным образом непартийных и неполитических изданий, пользовавшихся большим читательским спросом; в 1987—1988 гг. к ним прибавилась и общественно-политическая литература оппозиционного плана. И не случайно «неформальные» объединения активно участвовали в кампании за отмену ограничений на подписку. В результате впервые в 1989 г. граждане СССР могли свободно выбирать газеты и журналы по «своему вкусу». Это был крупный шаг в отходе от административных методов регулирования информационной сферы, превращении прессы в самостоятельный субъект идейных и политических баталий в условиях стремительной поляризации общества.

Расширение информированности, поощрение социально значимой самодеятельности, постепенное возвращение некогда изъятых имен и идей значительно стимулировали интеллектуальную активность прежде всего в научной и творческой среде. И хотя партийное руководство старалось регулировать этот процесс, определять рамки становилось все труднее. В постановке волнующих ее проблем интеллигенция начинает чувствовать себя намного свободнее, выходя за формально установленные пределы. Так, фактически явочным порядком, «сни-

зу», осенью 1988 г. началась постепенная реабилитация А. И. Солженицына. Группа писателей и кинематографистов поставила вопрос об отмене дискриминационных мер в отношении Солженицына и о восстановлении его в Союзе писателей. В партийном и государственном аппарате предложения о реабилитации писателя поначалу вызывали активное неприятие. Не было единства и в Политбюро. Однако Горбачев не захотел ссориться с интеллигенцией. В результате в 1989—1990 гг. в центральных журналах началась публикация наиболее острых антисоветских произведений писателя, в частности «Архипелага ГУЛАГ».

Подготовка к XIX партконференции и ее решения подтолкнули идейно-политическое размежевание в среде «неформалов». Наряду со сторонниками совершенствования социализма все громче заявляли о себе те, кто предпочитал либеральный, буржуазный выбор. В июне—июле 1988 г. по всей стране создаются «народные фронты», что позволило их представителям 13 августа провести рабочую встречу в Ялте. Наиболее крупными структурами в то время были: Байкальский народный фронт (Иркутск), Ивановский и Уральский народные фронты. Итогом этой инициативы стало создание в середине декабря Российского народного фронта. Процесс образования более массовых, чем элитарные клубы, структур привел к резкой активизации митинговой деятельности. Показательно, что официальные власти сразу же (в июле 1988 г.) отреагировали на это принятием нового акта, регламентирующего проведение митингов и демонстраций. В сентябре—октябре Московский народный фронт развернул широкую кампанию против введенных правил, а также против лимитов на подписку. Начиная с октября в Москве проводились многотысячные политические митинги (7 октября, 20 ноября, 10 декабря). В это время «неформальное» движение постепенно изживает стихийность в своем развитии, становится более организованным.

В середине — второй половине 1988 г. активизировались группы откровенно антикоммунистической направленности. Заметный резонанс вызвали митинги Демократического союза 21 августа и 5 сентября. В первом случае собрание на Пушкинской площади было связано с 20-летием со дня ввода войск в Чехословакию, во втором — приурочено к 70-летнему «юбилею» «красного террора». По сути, впервые призывы к насильственному свержению существующего в СССР строя не получили действенного отпора со стороны правоохранительных органов.

Изначально достаточно высокой организованностью отличались неформальные движения в Прибалтике. Здесь разворачивался основанный на национальной идее процесс массовой политизации. Осенью 1988 г. в Латвии, Эстонии и Литве также оформились Народ-

ные фронты. Общий «враг» — союзные партийно-государственные и ведомственные органы — обусловил идейную и организационную солидарность прибалтийских народнофронтовцев и российских «неформалов», которые изначально рассматривали себя частями единого протестного движения. При этом российские «демократы» не без ревности поглядывали в сторону прибалтийских союзников, создавших опережающую модель демократического движения и сумевших собрать под свои знамена большую часть граждан своих республик. Российские «демократы» оценивали роль Прибалтики в качестве «передовой периферии», где быстрее, чем в целом по стране, появлялись ростки гражданского общества.

Взятый в январе 1987 г. курс на демократизацию и гласность к концу 1988 г. привел к важным последствиям. К этому времени происходит стремительная стихийная эволюция представлений о путях, степени радикальности и конечных целях реформирования общества. И, что особенно важно, в это время перестройка теряла контроль со стороны своих инициаторов, что открывало и возможные альтернативы в дальнейшем развитии событий.

Начало реформы политической системы. События 1985—1988 гг. «развязали» ряд важных социально-экономических, социально-политических и идеологических процессов, которые в 1989—1990 гг. зажили своей жизнью, дестабилизируя общественную жизнь и осложняя проведение реформы политической системы.

1989 год явился переломным в истории перестройки: в это время складываются объективные предпосылки широкой антигорбачевской и антикоммунистической оппозиционности. Негативные тенденции в развитии экономики приобрели необратимый характер. Ухудшение экономического положения повлекло повсеместное обострение социальных проблем. В марте 1989 г. состоялась первая шахтерская забастовка, которая летом охватила уже всю отрасль. В 1989—1990 гг. расширились география и масштабы забастовочного движения, а к экономическим требованиям прибавились политические.

В 1989 г. в большинстве республик Союза политическая жизнь все более окрашивается в этнические краски, что приводит к обострению существующих и появлению новых противоречий и конфликтов. Происходит дальнейшая эскалация начавшихся в 1988 г. вооруженных столкновений (Закавказье, Средняя Азия), отрабатывается прибалтийская модель сепаратизма, на союзной политической сцене впервые как самостоятельный появляется российский фактор.

В 1989 г. продолжавшееся углубление критики советского периода отечественной истории подводило к отрицанию социализма как общественной системы; все большее обоснование получала либерально-демократическая альтернатива развития. Одновременно происходит организационное оформление политической оппозиции (наиболее

массово в ней была представлена интеллигенция), радикальная часть которой изначально была нацелена на жесткую борьбу за овладение властью.

Общественно-политическая ситуация начала 1989 г. во многом определялась выборами на Первый съезд народных депутатов. Созданные на предшествующем этапе неформальные клубные объединения стали превращаться в организационные ячейки по выдвижению и поддержке независимых кандидатов, подготовке их предвыборных программ. В столице был популярен клуб «Московская трибуна», участники которого много сделали для поддержки демократических кандидатов. «Демократ» в терминологии начала 1989 г. — активный сторонник реформ, антипод «консерваторов-партократов». Именно против последних был направлен основной огонь критики, с их нежеланием менять существующие порядки связывали неудачи в экономике 1985—1988 гг. Это привело к тому, что многие «номенклатурные» кандидаты потерпели поражение. Так, в Ленинграде не был избран ни первый секретарь обкома Ю. Соловьев, ни первый секретарь горкома А. Герасимов. В то же время мандаты депутатов здесь получила целая группа независимых кандидатов с радикальными программами: А. А. Собчак, Ю. Ю. Болдырев, А. Денисов и др. Скандально для партаппарата выглядели результаты выборов по Московскому городскому избирательному округу: несмотря на чинимые препятствия, здесь триумфально победил «опальный» Б. Н. Ельцин, получивший рекордное число голосов — около 90%. Популярности многих независимых кандидатов способствовала такая форма выражения общественного мнения и протестных настроений, как массовые митинги, получившие широкое распространение в это время. На митингах можно было услышать самые радикальные предложения и требования, вскоре митинговая стихия стала более управляемой и часто использовалась как эффективное средство давления на официальные власти.

Важнейшим политическим событием 1989 г. стал I съезд народных депутатов СССР (май—июнь), работа которого означала вступление реформы политической системы в практическую фазу. На съезде был избран постоянно действующий двухпалатный Верховный Совет СССР, а М. С. Горбачев — его Председателем. На форуме развернулась острая полемика по самому широкому кругу проблем, свидетелями которой благодаря телевидению были многие жители страны. В центре внимания депутатов были волнующие общество экономические проблемы. Сформулированная в докладе Н. И. Рыжкова программа работы правительства удовлетворила далеко не многих. Акцент на поэтапность и постепенность перехода к рынку не соответствовал остроте социально-экономической ситуации. Доклад был подвергнут критике. Высказывались самые разные предложения. Звучали идеи о проведении референдума о целесообразности сохра-

нения колхозов и совхозов, о скорейшем переходе к республиканскому и региональному хозрасчету, о важности ограничения произвола ведомств.

А. Д. Сахаров выступил с предложением принять Декрет о власти, который предполагал отмену шестой статьи Конституции о руководящей роли партии в жизни советского общества и установление независимости высших должностных лиц государства от решений КПСС. Много времени на съезде заняло обсуждение проблем межнациональных отношений. Острота их постановки была связана и с тем, что за две недели до первого съезда в Тбилиси произошло кровопролитие, явившееся следствием столкновения демонстрантов с армейскими частями. На съезде это вызвало антироссийские и антирусские высказывания. Решено было создать специальную комиссию съезда для выяснения причин трагедии. По предложению делегаций от прибалтийских республик была сформирована комиссия по расследованию секретного приложения к пакту Молотова—Риббентропа 1939 г.

На I съезде народных депутатов впервые за долгие годы началось формирование организованной политической оппозиции. 7 июня 1989 г. было заявлено о создании Межрегиональной группы депутатов, в которую первоначально вошли 150 человек. Летом 1989 г. группа увеличилась до 388 членов, 286 из которых представляли РСФСР. Окончательное организационное конституирование Межрегиональной группы произошло 29 июля на первой общей конференции ее членов. На ней были избраны пять сопредседателей — Ю. Н. Афанасьев, Б. Н. Ельцин, В. Пальм, Г. Х. Попов и А. Д. Сахаров — и Координационный совет в количестве 20 с лишним человек. С программными тезисами группы выступил Ельцин, выделив следующие принципиальные идеи: признание частной собственности, децентрализация власти, экономическая самостоятельность республик, их реальный хозяйственный суверенитет. Реформа политической системы связывалась с превращением Советов в главный источник власти, что на политическом языке означало необходимость отмены 6-й статьи Конституции СССР, закреплявшей ведущую роль КПСС. В экономической сфере упор был сделан на ускоренный переход к рыночным отношениям. Одним из главных было предложение о перераспределении объектов общественной собственности: в руках государства должны были остаться только те отрасли, которые требуют централизованного управления. В социальной сфере декларировалось создание системы льгот для малообеспеченных и оказание всех бесплатных социальных услуг на конкурентной основе между учреждениями, работающими в этой сфере. Впоследствии идеи Межрегиональной группы были «отчеканены» в пяти «де»: децентрализация, демонополизация, департизация, деидеологизация, демократизация.

При популярности демократических депутатов в обеих столицах и некоторых крупных городах их позиции не были столь прочными, чтобы оказывать влияние на официальные структуры. Поэтому изначально перед ними стояла проблема привлечения политических союзников, которые также обозначились в досъездовский период. Наметившееся сближение с националистами и сепаратистами закончилось формированием политического альянса на I съезде.

Другим союзником конституирующейся оппозиции становилось стачечное движение. Летом 1989 г. в регионах, охваченных шахтерскими забастовками, идет создание чисто политических объединений. 17 августа 1989 г. на конференции стачечных комитетов шахт, производственных объединений и городов Донбасса был учрежден Союз стачечных комитетов Донбасса. Был принят его Устав и организован Координационный совет. С Донбассом координировали свои действия шахтеры Воркуты и Караганды. Из руководителей Межрегиональной группы наиболее тесные контакты с лидерами стачкомов поддерживали Г. Х. Попов и Н. И. Травкин, которые в ходе своих поездок по шахтерским регионам вели переговоры о координации действий с рабочими лидерами. Объективной основой этого альянса была неприязнь к центральным властным структурам: шахтеры «нажимали» на союзные ведомства, требуя быстрого решения накопившихся за десятилетия проблем. «Демократы» подсказывали, когда и какие шаги (лозунги, протесты, забастовки) нужно предпринимать, подключая шахтеров к общеполитической схватке за власть.

Возможности оппозиции в борьбе за власть были во многом усилены благодаря наличию в ее рядах яркого харизматического лидера популистского толка. В 1989 г. степень популярности Ельцина являлась зеркальным отражением уровня падения авторитета Горбачева, который воспринимался в качестве его политического антипода. После смерти в декабре 1989 г. А. Д. Сахарова, обладавшего непререкаемым авторитетом в демократическом движении, Ельцин становится главным лидером антикоммунистических сил.

В то время как оппозиционное движение находилось на подъеме, ситуация в КПСС складывалась иначе. Традиционные партийные структуры оказались малопригодными для конкуренции с новыми динамичными организациями. Отставание демократизации в партии от демократизации в обществе было очевидным для многих. Однако ЦК партии не спешил определяться в стратегии перестройки ее деятельности в новых условиях. При запаздывании реформирования «сверху» импульсы стали поступать «снизу». 2 августа 1989 г. на заседании Московского партийного клуба было принято решение о создании «Демократической платформы» в КПСС. Ее лидеры — В. Н. Лысенко, И. Б. Чубайс, В. Н. Шостаковский — объявили о

создании организации коммунистов — сторонников многопартийности и радикальной демократизации КПСС. Сторонники «Демплатформы» выступали за немедленную отмену 6-й статьи Конституции СССР; введение фракционного плюрализма в КПСС; переход к созданию Компартии России; превращение КПСС в парламентскую партию. Постепенно объединялись и коммунисты, разделявшие иные взгляды. Таким образом, в 1989-м — начале 1990 г. в КПСС фактически развернулся процесс политического «размежевания», официально не признаваемого ее руководством.

В 1989 г. происходили стремительные изменения в идеологической жизни общества. Все чаще в публикациях ученых, прежде всего философов, можно было прочитать, что в СССР построен не социализм и даже не ранний социализм, а казарменный псевдосоциализм, тоталитаризм. Предлагалось полностью и без остатка избавиться от авторитарно-бюрократической социальной и политической системы. Избавление от прошлого виделось в возвращении на путь к демократическому, гуманному обществу, через движение к некой «мировой цивилизации». Воплотить эти намерения предполагалось через осуществление антитоталитарной, антиказарменной революции, которая будет решать свои задачи в течение определенного переходного периода. Показательно, что в вышедшей в конце 1989 г. работе Горбачева впервые лидером столь высокого ранга не упоминалось понятие «реальный социализм» — его вытеснила «социалистическая идея», что фактически означало отрицание социалистического характера построенного в СССР общества. Отсюда вытекала задача не совершенствования, а самого радикального реформирования существовавшего в СССР общества.

К 1990 г. политическая система СССР находилась в кризисном состоянии. Начало ее реформы привело к общему снижению уровня управляемости социальными процессами. Передача властных функций от партийных структур советским, которые организационно не были к этому подготовлены, привела к ослаблению централизованного влияния на экономику и политику, межнациональные отношения и социальные процессы. Современники констатировали повсеместную «эскалацию безнаказанности». Одновременно приходило осознание необходимости создания политического института, который бы компенсировал утрату интеграционной функции КПСС.

В этих условиях в январе—феврале 1990 г. в окружении Горбачева решают дать ход идее о введении в СССР президентской системы. Представление о том, что Горбачеву «не хватает власти», было связано с растущей нелегитимностью партии в условиях проведения курса на разделение функций между КПСС и государством, когда

вмешательство в конфликтные ситуации по линии партаппарата стало затруднительным и малоэффективным.

Учреждение поста Президента СССР на III съезде народных депутатов в марте 1990 г. произошло одновременно с отменой 6-й статьи Конституции, закреплявшей руководящую роль КПСС. М. С. Горбачев так оценил это событие: «Это же, товарищи, в буквальном смысле слова переворот, завершение, полное завершение изменения политической системы». Действительно, революционный смысл произошедшего состоял в том, что верховная государственная власть законодательно отделялась от партийной и становилась подотчетной всем гражданам независимо от их политических взглядов. Сама же партия юридически превращалась в одну из общественных организаций, призванную бороться за влияние сугубо политическими методами.

Развитие культуры в период перестройки. Основные процессы в развитии культуры перестроечного периода связаны с раскрепощением общественного сознания, преодолением его одномерности, формированием более объективной картины окружающего человека мира.

Одной из главных черт культуры тех лет стала ее публицистичность, постановка крупных общественно значимых тем, широкое и заинтересованное внимание к обсуждаемым вопросам. В 1987 г. в толстых журналах была напечатана серия материалов о настоящем, прошлом и будущем России. В «Новом мире» появились статьи И. Клямкина «Какая улица ведет к храму?», В. Селюнина и Г. Ханина «Лукавая цифра», Н. Шмелева «Авансы и долги». Эти и другие материалы вызвали большой интерес новизной привлеченных фактов и своим разоблачительным пафосом. В статьях ставился глобальный вопрос о содержании пройденного страной в XX в. пути и правильности избранной в 1917 г. модели развития.

Утоляя накопившийся за многие годы информационный голод, средства массовой информации печатали огромное количество материалов на самые острые современные темы, сюжеты из прошлого, о том, чем и как жили люди в других государствах. Тиражи газет и журналов стремительно шли вверх: в 1989 г. тираж «Аргументов и фактов» «взлетел» до 30 млн экземпляров (это было даже зафиксировано в Книге рекордов Гиннесса), тираж газеты «Труд» вырос до 20 млн, а «Правды» — до 10 млн. Значительно изменился стиль работы телевидения. Оно быстро освоило ранее практически неиспользуемый жанр — «прямой эфир». Большими симпатиями зрителей пользовались передачи «Взгляд», «До и после полуночи», «Пятое колесо». Ведущие этих передач были необычайно популярными, становились и фигурами российской политики. Возможности создания независимых СМИ стали больше после выхода в 1990 г. Закона «О печати».

Никогда ранее не был столь значительным интерес к истории. Страна переживала настоящий «исторический бум». В 1987—1991 гг. газеты и журналы часто печатали материалы «круглых столов» на исторические темы, «размышления» историков и публицистов. Упрощение доступа к архивным фондам привело к появлению в печати массы сенсационных документов, которые становились достоянием самой широкой публики. Принципиально важным было снятие покрова тайны с многих страниц истории КПСС. Было возобновлено издание журнала «Известия ЦК КПСС», знакомившего с закрытыми ранее партийными решениями. Здесь, например, был впервые в СССР опубликован доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина. Политические преобразования в СССР позволили реабилитировать не только тех, кто был предан забвению, но и тех, кто еще недавно подвергался беспощадной разносной критике во всех учебниках по истории КПСС. В историю были «возвращены» Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Ф. Ф. Раскольников, В. А. Антонов-Овсеенко и многие другие.

Восстановлению исторической памяти способствовала публикация работ русских философов и писателей, чьи имена были под запретом. Среди них — Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, Г. П. Федотов, П. А. Сорокин, В. В. Розанов, И. А. Ильин. В 1990 г. был переиздан сборник «Из глубины», написанный русскими философами в 1918 г. В 1991 г. были опубликованы не менее знаменитые «Вехи», явившиеся в свое время «предостережением русских философов судьбе России и интеллигенции». Массовыми тиражами издавались «Реквием» А. Ахматовой, «Котлован» и «Чевенгур» А. Платонова, «Мы» Е. Замятина. Потрясение вызывали публикации А. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ») и В. Шаламова («Колымские рассказы»).

Событием огромной культурной важности стал фактический отказ государства от агрессивного атеизма. Возрождалась прерванная в 1917 г. традиция христианства. Восстанавливались ранее разрушенные храмы, открывались духовные школы, семинарии. В 1988 г. было зарегистрировано 176, а в 1989 г. — 460 новых православных объединений, и в начале 1990 г. в РСФСР действовало 3120 православных приходов. Возрождению интереса к религии и церкви способствовало празднование в 1988 г. тысячелетия крещения Руси. Возрождались и другие конфессии, исторически существовавшие в России. Восстанавливались старые и открывались новые мусульманские мечети, иудейские синагоги, буддийские пагоды. Важным событием 1990 г. стало принятие союзного и российского Законов «О свободе совести и религиозных организациях» и «О свободе вероисповеданий», закреплявшие новый характер государственно-церковных

отношений. Признание важности религиозной традиции в жизни общества нашло отражение во включении дня Рождества Христова в число национальных праздников России. Впервые в новом качестве он был отпразднован 7 января 1991 г.

Бурные перемены происходили в кинематографе. В 1986 г. потрясением стала демонстрация фильма Т. Абуладзе «Покаяние». Картина свидетельствовала о готовности кинематографического сообщества к глубокому переосмыслению важнейших событий новейшей отечественной истории. С «полок» были возвращены более ста ранее «отложенных» фильмов. Публика смогла познакомиться с работами А. Тарковского, А. Германа, А. Михалкова-Кончаловского, других режиссеров. Увлечение публицистической документалистикой в 1985—1991 гг. также отразилось в кино. Классикой тех лет стали полудокументальные фильмы С. Говорухина «Так жить нельзя» и Ю. Подниекса «Легко ли быть молодым». Кино в числе первых среди других видов искусства столкнулось с таким новым явлением, как коммерциализация, значительно влиявшая на содержание художественного творчества.

Во второй половине 1980-х гг. новый образ обретал и театр. Характерным стало широкое развитие студийного движения. Интерес публики привлекли театральные эксперименты С. Кургиняна (театр-студия «На досках»), М. Розовского (театр-студия «У Никитских ворот»), В. Беляковича (театр-студия на Юго-Западе). Свойственная времени публицистичность нашла яркое отражение в популярных постановках М. Захарова в театре Ленинского комсомола (пьесы М. Шатрова «Диктатура совести», «Синие кони на красной траве», «Дальше... дальше... дальше!», по-новому выводившие на сцену ленинскую проблематику). В первые перестроечные годы из подполья вышла музыкальная рок-культура. Концерты отечественных и зарубежных рок-групп собирали целые стадионы зрителей.

Однако далеко не все происходившие в духовной сфере процессы были однозначно позитивными. «Освобожденные» от прямого партийного диктата средства массовой информации очень быстро оказались втянутыми в острые политические баталии, порой доходя до разнузданного и малоприглядного шельмования оппонентов, что негативно влияло на общественную атмосферу. Провозглашенная «деидеологизация», избавление от коммунистического догматизма на деле оборачивались ускоренным утверждением другой, буржуазно-либеральной идеологии. Отказ от конфронтации и сближение с Западом часто выливались в некритическое к нему отношение, увлечение его далеко не бесспорными «достижениями». Это особенно пагубно сказалось в сфере культуры, искусства и общественных наук. С экранов кинотеатров, телевидения, с театральных подмостков демонстрировались преимущественно невысокого художественного качества ленты и по-

становки, основным содержанием которых были пропаганда культа насилия, порнография, не ограниченная моралью страсть к наживе. Тем самым наносились весьма ощутимые удары по эстетическим и нравственным ценностям российского общества, что особенно пагубно влияло на формирование сознания молодого поколения.

§ 3. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Эволюция представлений о путях экономических преобразований. Первые значительные новации в экономической политике появились в середине — второй половине 1986 г. 14 августа Совмин СССР принял постановление, разрешавшее организацию кооперативов по сбору и переработке вторичного сырья при местных Советах. Постановлением от 19 августа 20 министерств и около 60 предприятий получили право самостоятельно выходить на внешний рынок. 19 ноября был принят Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», разрешавший частную деятельность и создание кооперативов в некоторых видах производства товаров и услуг. Осенью 1986 г. было разработано, а 13 января 1987 г. принято постановление и разрешалось создание и деятельность на территории СССР совместных с зарубежными фирмами предприятий. Все это были шаги в сторону рыночной экономики, ограничения вмешательства государства в деятельность предприятий.

Что же касается целостной концепции экономической реформы Горбачева и его «команды», то она была сформулирована на июньском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС. Подготовка к нему шла трудно. Горбачев вспоминал, что только в марте 1987 г. стали нащупываться новые подходы.

Основным результатом июньского пленума стало принятие Закона «О государственном предприятии (объединении)» и «пакета» из конкретизирующих закон 11 совместных постановлений ЦК и Совмина СССР (о Совмине, о Госснабе, Госплане, Минфине, республиканских органах управления, о реформе ценообразования, совершенствовании банковской системы). Законом изменялось соотношение прав министерств и предприятий, союзных и республиканских органов власти. Вместо привычного плана вводился «государственный заказ», охватывавший лишь часть производимой продукции, остальную разрешалось реализовывать по своему усмотрению самим предприятиям. На предприятиях предусматривалось избрание руководителей, а также создание советов трудовых коллективов, что также должно было мобилизовать активность, повысить ответственность и заинтересованность работников. Эту же цель преследовало расширение прав предприятий в определении зарплаты и выбора ассортимента выпус-

каемой продукции. Очень «рыночной» была статья 23 Закона, допускавшая возможность прекращения деятельности убыточного предприятия.

Закон о государственном предприятии обобщил все «лучшее», что существовало в тогдашней практике хозяйствования и было апробировано в порядке эксперимента. Одновременно он явился вершиной предшествующего этапа экономического вольномыслия, предоставляя предприятиям невиданную ранее свободу и вводя реальные элементы рыночного регулирования хозяйственных отношений. И тем не менее уже первые результаты действия закона были далеки от ожидаемых.

В 1988 г. госзаказ составил в среднем 85%, однако предприятия требовали его увеличения, так как отсутствие опыта, а также рыночной инфраструктуры (бирж, посреднических контор и др.) осложняли реализацию изготовленных изделий. Связи между предприятиями принимали форму преимущественно бартерных отношений (натурообмена) и, следовательно, были шагом назад даже не только в плане продвижения к проектируемому рынку, но и в сравнении с реальной социалистической экономикой. Выборность директоров часто приводила к выдвижению не лучших профессионалов, в деятельности которых к тому же усиливался популизм. Многие предприятия, воспользовавшись возможностью поднять зарплату своим работникам, в то же время поднимали цены на свои изделия, сокращали выпуск дешевого ассортимента. Не всегда повышали уровень управления и советы трудовых коллективов, дублируя функции и профсоюзов, и администрации. «Зависала» статья 23 закона (о возможном банкротстве): в 1988 г. более 30% предприятий были убыточными, а еще 25% получали небольшую прибыль; при переходе на самофинансирование и лишении господдержки они рисковали стать банкротами, вызывая взрывы безработицы. К такому повороту событий не было готово ни общество, ни государство.

Столь же неоднозначной оказалась и кооперативная политика. В 1987—1988 гг. был принят ряд актов, поощряющих частную инициативу. Главным из них стал Закон «О кооперации в СССР» (май 1988 г.). За счет невероятного роста кооперативного движения государство стремилось улучшить положение в социальной сфере: неудовлетворенный спрос на промтовары широкого потребления составлял более 30 млрд руб., а в сфере услуг, оказываемых госпредприятиями, — около 15 млрд. Однако чем активнее развивалось кооперативное движение, тем более настороженное отношение оно вызывало. Льготы позволяли кооператорам закупать сырье по низким госценам, а продавать свою продукцию по высоким, коммерческим. При сопоставимой интенсивности труда зарплата в кооперативах была несравненно выше, чем в государственном секторе. Несовершенство систе-

мы контроля приводило к тому, что руководители многих предприятий создавали при них кооперативы. Возможности использовать государственную материально-техническую базу и ресурсы, соединенные с преимуществами и льготами кооператоров, давали особенно значительный эффект. Такие кооперативы откровенно паразитировали на государственной экономике. Закон о кооперации способствовал легализации теневого бизнеса, создавал условия для «отмывания» криминальных денег, увеличения социальных диспропорций, появления рэкетиров. В 1988 г. было зафиксировано 600 случаев рэкета, и только в 137 из них потерпевшие обратились за помощью в правоохранительные органы.

Реформирование экономики страны в 1987—1988 гг. не ограничилось принятием законов о госпредприятии и кооперации. Создавались совместные предприятия; были расширены права госпредприятий и кооперативов во внешнеэкономической деятельности; началась коммерциализация отраслевых банков; в августе 1988 г. был зарегистрирован первый кооперативный банк; в ходе обсуждения аграрных проблем продвигалась идея аренды; было разрешено приступить к выпуску акций предприятиями и организациями; рассматривался вопрос о возможной конверсии. Преимущественно в этих сферах концентрировалось социально активное население, наиболее заинтересованное в радикализации экономической реформы.

И тем не менее реализация закона о государственном предприятии, попытка использовать «кооперативный» ресурс были наиболее значимыми направлениями экономического курса 1987—1988 гг. Ни одно из них не решило тех задач, которые первоначально на них возлагались. Более того, наложившись на проинфляционные меры предшествующего этапа, эти два элемента политики значительно усугубили ситуацию как в производственной сфере, так на потребительском рынке. С начала 1988 г. отмечается ажиотажный спрос, к осени стала реальностью перспектива развала потребительского рынка в результате финансовых диспропорций.

Одна из главных причин хозяйственных неудач в СССР в конце 1988 г. — недооценка роли финансовых рычагов регулирования экономики, что было характерно для мышления высшей партийно-хозяйственной элиты в 1985—1988 гг. По мнению специалистов, ценовая и денежная реформы должны были если не предшествовать, то хотя бы сопутствовать, не отставать от других «прорыночных» преобразований. В СССР же ситуация развивалась иначе. Принципиальное решение о реформе ценообразования было принято на июньском (1987 г.) пленуме ЦК, она должна была начаться с 1 января 1988 г. Всю вторую половину 1987 г. Госкомцен интенсивно занимался подготовкой реформы, к началу января 1988 г. ее параметры были определены. Однако реформу пришлось «отложить». Это было сделано в

силу существования психологических стереотипов, мощное давление которых испытывали и рядовые граждане, и руководство страны.

Известный экономист Е. Ф. Сабуров прямо писал о «разрушительном страхе» как мотиве бездействия. Этим можно объяснить тот факт, что аргументы в пользу изменения системы цен принимались, неоднократно предлагаемые меры «в принципе» одобрялись (в том числе и на заседаниях Политбюро), но важнейшая рыночная реформа так и не была запущена ни в 1988 г., ни позже.

О ней открыто заговорили лишь под влиянием кризиса в 1989 г., и она сразу же оказалась в центре политической борьбы и стала предметом популистских спекуляций. Призывая к проведению рыночных реформ, горбачевское руководство само оттягивало их начало. В результате кризисная ситуация в социально-экономической сфере становилась все менее управляемой, сужая возможности относительного плавного перехода к рыночным отношениям и создавая питательную почву для политического и экономического радикализма.

В 1989 г. негативные тенденции в развитии экономики приобретают необратимый характер. Это вынудило руководство страны искать новые рецепты решения экономических проблем. В 1985—1988 гг. советником М. С. Горбачева по экономическим вопросам был академик А. Г. Аганбегян. В 1988—1989 гг. большую известность своими критическими и конструктивными выступлениями приобрел директор Института экономики АН СССР академик Л. И. Абалкин. В июле 1989 г. он в ранге вице-премьера возглавил Государственную комиссию по экономической реформе при Правительстве СССР. Комиссия была призвана разработать сценарий преобразований, обеспечивающих плавный, регулируемый перевод советской плановой экономики на рыночные рельсы.

Почти сразу после создания комиссия вызвала к себе настороженно-критическое отношение. Ее руководитель часто ассоциировался с нерешительным премьером Н. И. Рыжковым и печальными результатами хозяйствования 1985—1989 гг. Ученые-экономисты вне правительства все громче высказывали идеи о необходимости ускоренного движения к рынку, радикального реформирования советской экономики. К этим идеям стал склоняться и Горбачев, что нашло отражение в приглашении им в декабре 1989 г. к себе в качестве советника по экономическим вопросам известного своими последовательно рыночными взглядами академика Н. Я. Петракова. Однако новые комплексные подходы перехода страны к рынку оформились лишь весной 1990 г., а летом были предложены в виде получивших широкую известность программ.

Трудности перехода к рынку. К середине 1990 г. в среде советской хозяйственно-управленческой элиты при значительном влиянии научного экономического сообщества сложилось представление о

той системе мер, которую необходимо осуществить для перехода к рыночным отношениям. Намерение проводить решительные, хотя и очевидно болезненные преобразования было существенно простимулировано нарастающим экономическим хаосом в СССР.

В середине 1990 г. в окружении Н. И. Рыжкова были разработаны два варианта перехода к рынку. Первый план («Основные направления») связывался с именем академика Л. И. Абалкина, отвечавшего в ранге вице-премьера союзного правительства за подготовку экономической реформы. Авторами второго варианта плана («500 дней») были С. С. Шаталин и Г. А. Явлинский. Последний длительное время работал в «абалкинской» комиссии, поэтому не случайно специалисты отмечали совпадение базовых положений обеих программ. Они включали приватизацию государственной собственности, поддержку малого и среднего предпринимательства и создание конкурентной среды, восстановление товарно-денежного баланса, плавную реформу ценообразования, индексацию денежных доходов и социальную защиту лиц, оказавшихся за чертой бедности, реорганизацию службы трудоустройства в связи с неизбежным появлением безработицы. Отличия программ касались двух моментов. Программа «500 дней» предполагала проведение реформы при заключении лишь экономического союза между республиками, отодвигая на дальний план заключение политического договора. Основными субъектами государственного регулирования считались «суверенные государства», предполагалось верховенство их законодательств. Выражая настроение нетерпения, авторы полагали возможным перейти к рынку за 500 дней. Сторонники абалкинского подхода считали, что на это уйдет 6—8 лет.

Осенью 1990 г. в полной мере проявилось противоречие между необходимостью проведения активной экономической политики и неготовностью государственно-политических структур это делать. Кризис народного хозяйства требовал принятия срочных мер, однако в Москве не было единства в том, какими они должны быть. Российский парламент одобрил программу «500 дней», Верховный Совет СССР принял свой план рыночного реформирования («Основные направления»). В результате не только не было согласованных действий, но отношения между союзными и республиканскими властями приобрели остро конфронтационный характер, блокируя любые реформаторские начинания. Союзный премьер-министр Н. И. Рыжков подвергался беспощадной критике за неудачи в экономике предшествующих лет, за осторожность при выборе мер преобразований, за неготовность и даже нежелание переходить к рынку. Внезапная болезнь (инфаркт в конце декабря 1990 г.) поставила окончательную точку в вопросе о его отставке. Вместо него премьером 11 января 1991 г. был назначен В. С. Павлов (в прежнем правительстве — министр финан-

сов), старавшийся в 1989—1990 гг. сохранять политическую нейтральность.

Правительство Павлова приступило к работе в нелегких условиях. Оно получило охваченную спадом экономику, острый дефицит бюджетных средств. Эти трудности были усугублены тем, что суверенные республики явочным порядком стали проводить в жизнь систему одноканального поступления налогов в бюджет. Накануне 1991 г. российское руководство решило сократить отчисления Союзу на 100 млрд руб. Отрицательно повлиял на советскую экономику переход на мировые цены и расчеты в свободно конвертируемой валюте с бывшими социалистическими странами. Связывала руки правительству и усиливавшаяся политическая конфронтация между союзными и республиканскими властями. В результате отсутствовала возможность своевременно и комплексно проводить непопулярные, но необходимые меры, что, с одной стороны, снижало их эффективность, а с другой — вновь ставило правительство под огонь жесткой критики.

Экономическое неблагополучие особенно болезненно проявлялось в социальной сфере. В 1991 г. основных продуктов в расчете на душу населения в целом было столько же или несколько меньше, чем в 1985 г., хотя уже тогда этот уровень признавался недостаточным, сокращалось производство продовольственных изделий. Меньше было произведено сахара, мяса, колбасных изделий, мясных полуфабрикатов, животного масла и цельномолочной продукции. Продолжавшийся рост объема денежной массы привел к повышению цен практически на все потребительские товары, которые от этого не стали доступнее. Нехватка товаров порождала ажиотажный спрос, усиливая всяческие дефициты: «про запас» скупалось то, что имело относительно продолжительный срок хранения. В марте 1991 г. Госкомстат констатировал, что на долю нормированной розничной продажи основных видов продукции приходится от 70 до 100% всех ресурсов. В связи с нехваткой товаров в ряде регионов отменялась талонная система, так как власти не могли обеспечить население даже по заявленным скудным нормам.

§ 4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

«Новое политическое мышление». К середине 1980-х гг. СССР находился в сложных отношениях с окружающим миром. Непопулярной советскую внешнюю политику делало участие страны в многочисленных локальных конфликтах, среди которых на первом месте стояла война в Афганистане. Американская администрация во главе с Р. Рейганом, объявившая «крестовый поход» против коммунизма, много сделала для ограничения экономического сотрудничества

между СССР и странами Запада. Это наносило огромный ущерб советской экономике. Разорением для СССР грозило начало работы в США над Стратегической оборонной инициативой (СОИ, или «Программа звездных войн»), предполагавшей перенос гонки вооружений в космос. Народное хозяйство Советского Союза и без того было уже деформировано непомерными военными расходами. Стремление компенсировать эти расходы заставляло пересматривать отношения СССР со странами «социалистического лагеря» и государствами «социалистической ориентации», делая их более прагматичными, а главное — дешевыми.

Нормализация отношений с окружающим миром требовала переосмысления концептуальных основ внешней политики СССР, нацеливая на отказ от явно не оправдавших себя подходов и выработку нового кодекса поведения на международной арене, который бы соответствовал современным реалиям, отвечал национальным интересам страны, обеспечивал условия для внутреннего социального и экономического прогресса. Эту сложную задачу была призвана решить новая советская внешнеполитическая доктрина, получившая название «новое политическое мышление», о переходе к которому в международных делах Горбачев заявил уже в 1985 г. Доктрина означала отказ от одного из базовых блоков советского марксизма — теории мирового революционного процесса. Аксиомой считалось, что развитие человечества непременно приведет к утверждению на Земле социалистических общественных отношений. Задача коммунистов всех стран виделась в том, чтобы своей борьбой, носящей не национальный, а интернациональный характер, приближать это время.

Согласно официальной доктрине международный курс СССР определялся двумя основными принципами — пролетарского интернационализма и мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Первый принцип предполагал поддержку коммунистических партий и движений, а также «антиимпериалистических» тенденций («социалистической ориентации») как в развитых странах, так и в государствах «третьего мира». Советские лидеры считали себя ответственными и за защиту «завоеваний социализма», что не исключало оказание военной помощи в тех случаях, когда возникала «угроза власти трудящихся». Другой принцип советской внешней политики — «мирное сосуществование» — касался отношений СССР с капиталистическими государствами. И хотя «борьба за мир» занимала важное место в советской внешней политике, мирное сосуществование рассматривалось как форма классовой борьбы в международных отношениях. Поэтому в международной деятельности СССР переплетались как реализация национальных интересов, так и решение идеологизированных задач. В свою очередь это нашло отра-

жение в сложном сочетании сотрудничества и соперничества, которые характеризовали связи «восточного» и «западного» блоков. В идеологическом отношении обе стороны занимали непримиримые позиции, рассматривая весь мир как арену борьбы за утверждение либо «социалистических», либо «демократических» ценностей.

Первоначально именно в сфере внешней политики новое советское руководство продемонстрировало готовность решительно отойти от традиционных подходов. Прежде всего был сделан вывод о том, что в новую эру, в ядерный век, глобальные вызовы и угрозы, стоящие перед человечеством, намного важнее и опаснее тех противоречий, которые существуют между государствами различных социальных систем. На первый план выходят общечеловеческие ценности, которые выше классовых. Поэтому система международных отношений не должна далее рассматриваться как сфера классовой борьбы, но призвана стать областью взаимодействия и сотрудничества. Для нашей страны это означало необходимость сближения с государствами, находящимися за пределами «социалистического содружества». Утверждение приоритета общечеловеческих ценностей повлекло за собой отказ от проблематики пролетарского интернационализма и солидарности, которые постепенно вообще исчезают из лексикона советских лидеров, им на смену приходит подход, основанный на свободе выбора.

Представление о том, что безопасность может быть только всеобщей, привело к радикальному изменению подходов к обеспечению национальной безопасности. Место традиционного для эпохи «холодной войны» «баланса сил» должен был занять соответствующий новому времени «баланс интересов», а это в свою очередь предполагало отказ от гонки вооружений и переход к национальному оборонному строительству на основе разумной достаточности. Вооружений должно хватать лишь для организации обороны, избыточное же оружие подлежало ликвидации, чтобы сократить угрозу потенциальной агрессии. Первоначально блок идей под названием «новое мышление и общечеловеческие ценности» охватывал только международную сферу, в 1988—1991 гг. сюда стали включать те ценности, которые ранее считались атрибутами «демократических» обществ: приоритет прав человека, система разделения властей, гражданское общество и т.д.

В центре внимания советского руководства в 1985—1989 гг. находились прежде всего отношения с США, голос которых был решающим при развязывании всех международных «узлов». В 1985—1991 гг. Горбачев 9 раз встречался с американскими президентами. Уже в ноябре 1985 г. в Женеве состоялась первая после длительного перерыва советско-американская встреча на высшем уровне, которая была призвана возобновить диалог и оздоровить отношения между

двумя странами. На второй встрече в Рейкьявике в октябре 1986 г. стороны были уже близки к тому, чтобы совершить прорыв в области сокращения ядерных вооружений. Горбачев предложил три проекта соглашений. Первый — в течение пяти лет на 50% сократить арсенал стратегических ракет. Второй — вернуться к «нулевому варианту» Р. Рейгана (1981) и полностью уничтожить американские и советские ракеты средней и меньшей дальности. Третий — в течение 10 лет не пользоваться правом выхода из бессрочного договора об ограничении систем противоракетной обороны (1972), притом что США работы по программе СОИ ограничивают лишь лабораторными исследованиями. Все три проекта предполагалось рассмотреть в едином пакете. Американцы были готовы подписать лишь два первых соглашения. Горбачев обвинил американскую сторону в стремлении добиться превосходства, а Рейган — советскую в попытке навязать неприемлемые условия. В итоге в Рейкьявике не было подписано ни одно из соглашений. Чуть позже, в феврале 1987 г., Кремль, идя на уступки, отказался от «пакетного» подхода, что позволило постепенно продвигаться по пути ядерного разоружения.

Большое значение советский руководитель придавал установлению личных доверительных отношений с лидерами западных стран, что, по его мнению, позволяло быстрее решать накопившиеся за долгие годы проблемы. На Западе же первоначально достаточно сдержанно относились к «новому мышлению», усматривая в нем прежде всего стремление СССР облегчить бремя гонки вооружений и получить доступ к современным технологиям.

В 1985—1986 гг. продолжалось развитие связей со странами, входившими в Организацию Варшавского договора. В 1985 г. договор вновь был продлен на очередные 20 лет. В соответствии с новым курсом внутри СССР была утверждена Комплексная программа научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 года. Продолжались регулярные встречи на высшем уровне с лидерами этих стран, в ходе которых, правда, стали звучать новые нотки: советская сторона давала понять, что намерена отходить от роли «старшего брата» в отношениях со своими партнерами и что СССР не намерен более вмешиваться во внутренние дела соседей.

Коренные изменения в системе международных отношений. В 1987—1990 гг., на которые приходится начало реализации принципов «нового политического мышления», произошли события, повлекшие большие изменения в мировой политике и имевшие неоднозначные последствия для нашей страны.

Активно развивался советско-американский диалог. Одним из его важных итогов явилось заключение 8 декабря 1987 г. договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Согласно до-

говору ликвидации подлежали 1752 советские ракеты и 869 таких же американских, т.е. сокращение носило асимметричный характер. Плюс к этому советской стороной добровольно были уничтожены ракеты малой дальности «Ока», размещавшиеся в Сибири и на Дальнем Востоке и в договоре вообще не упоминавшиеся. В договоре по РСМД впервые зафиксировано согласие СССР контролировать соблюдение условий договора не только национальными средствами (спутниками-«шпионами»), но и проведением инспекций на местах (на ракетных базах, в местах уничтожения). Все это отражало новый общий подход советского руководства к проблеме разоружения. Как писал Горбачев, «от мелочной военной бухгалтерии пора было выходить на широкие политические подходы».

Согласно таким подходам в 1986—1988 гг. СССР не раз выступал с масштабными инициативами по сокращению как ядерных, так и обычных вооружений. В январе 1986 г. М. С. Горбачев выступил с заявлением, в котором предлагал государствам, имеющим ядерное оружие, добиваться его поэтапной ликвидации к 2000 г. Выступая в декабре 1988 г. в Организации Объединенных Наций, советский лидер сообщил о решении своего правительства в ближайшие два года сократить численность Вооруженных сил на 500 тыс. человек. Там же было объявлено о намерении к 1991 г. вывести из ГДР, ЧССР и ВНР шесть танковых дивизий, сократить на европейской территории СССР и в государствах — союзниках по ОВД 10 тыс. танков, 8,5 тыс. артиллерийских систем, 800 боевых самолетов.

В 1985—1991 гг. СССР последовательно проводил курс на свертывание своего участия в вооруженных конфликтах в странах «третьего мира». Принципиальное решение о выводе войск из Афганистана было принято советским руководством еще в 1985 г. Однако сразу это сделать было нельзя. В 1987—1988 гг. в Женеве шли сложные переговоры между СССР, США, Пакистаном и Афганистаном по вопросам прекращения военных действий и последующего устройства страны. Вывод советских войск начался 15 мая 1988 г. и был завершен 15 февраля 1989 г. Окончание афганской войны способствовало улучшению отношений с Китаем. Одновременно СССР отошел от участия и в других региональных конфликтах (в Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Никарагуа), резко сократил объем экономической помощи дружественным странам.

В 1988 г. Горбачев развивал концепцию «свободы выбора» в качестве универсального принципа международных отношений. В 1989 г. эта позиция была подкреплена началом вывода советских войск с территорий, которые ранее рассматривались в качестве зоны влияния СССР, в частности из стран Центральной и Восточной Европы. Это привело к стремительному развитию событий в государствах

«социалистического содружества». Специалисты отмечают, что впервые в послевоенный период СССР не проявил внимания к процессам, которые шли внутри этих стран. В итоге к концу 1989 г. в Восточной Европе повсеместно произошли «бархатные» (за исключением Румынии) антикоммунистические революции. Всего за один год континент стал свидетелем разительных перемен. На Западе оценили в первую очередь, что в СССР даже не обсуждались какие-либо варианты «интернациональной помощи братским партиям и народам» в духе «доктрины Брежнева». Во всех восточноевропейских государствах формировались новые политические системы. Они исключали «ведущую роль коммунистической партии», утверждали политический плюрализм, многопартийность, предполагали проведение радикальных рыночных реформ, активно переориентировали внешнюю политику на Запад.

С конца 1989 г. на внешнюю политику СССР все большее влияние оказывали внутренние экономические трудности. Советский лидер все чаще выступал не только как партнер Запада в решении международных проблем, но и как проситель зарубежной помощи. Ее оперативное получение (а порой и просто обещание) были условиями политического выживания Горбачева внутри страны. Это подталкивало его к неоправданным внешнеполитическим уступкам, которые не были компенсированы ни политически, ни даже экономически. Уязвимость советского лидера тонко чувствовали и особенно эффективно использовали руководители США и ФРГ.

Лавинообразное развитие событий в Восточной Европе резко подтолкнуло к началу объединения Германии. В ноябре 1989 г. в ходе стихийных выступлений был разрушен символ «холодной войны» — бетонная стена, разделявшая Западный и Восточный Берлин. В Москве на это событие отреагировали достаточно спокойно. Признание неизбежности объединения Германии предполагало решение комплекса проблем по обеспечению безопасности СССР (нерушимость границ в Европе, членство объединенной Германии в НАТО). Все эти вопросы обсуждались на переговорах по формуле «2+4», в которых участвовали ФРГ и ГДР, а также СССР, США, Англия и Франция. Однако планы поэтапного объединения были окончательно отброшены весной 1990 г. в результате победы на выборах в ГДР «Альянса за Германию» — коалиции партий, выступавшей за немедленное объединение с ФРГ. В современной литературе нет единого мнения о причинах пассивности и избыточной уступчивости Горбачева при решении серьезнейшего вопроса об объединении Германии. В феврале 1990 г. советский лидер предоставил канцлеру ФРГ возможность «взять процесс объединения Германии в свои руки». Первоначально камнем преткновения был вопрос о членстве объединенной

Германии в НАТО. Однако, как пишет известный советский дипломат А. Ф. Добрынин, «к немалому удивлению Запада, да и большинства наших дипломатов, во время «блиц-встречи» с Колем в июле 1990 г. в одной из курортных зон Кавказа Горбачев практически снял все важные возражения и оговорки относительно объединения Германии... Важнейший вопрос о безопасности СССР в рамках новой системы безопасности в Европе даже не стал предметом сколько-нибудь серьезного рассмотрения, а тем более решения... Коль, по его собственному выражению, был поражен таким внезапным полным согласием Горбачева». В числе недостаточно урегулированных вопросов был и вопрос о размерах участия Германии в финансировании затрат, связанных с выводом из ГДР почти полумиллионной Западной группы войск. Предложенная Германией сумма была явно заниженной. Проявленная советской стороной поспешность и уступчивость обернулась тем, что возвращавшиеся на родину сотни тысяч семей были вынуждены жить в палатках, мириться с отсутствием школ, поликлиник.

3 октября 1990 г. ГДР прекратила свое существование, присоединившись к ФРГ. 10 ноября 1990 г. в ходе визита М. С. Горбачева в уже единое государство был подписан советско-германский Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, закрепивший произошедшие перемены.

Отношение советского руководства к событиям, произошедшим в Европе в 1989 г., стало в глазах Запада своеобразным тестом на действительную приверженность СССР принципам «нового политического мышления». Итоги года были подведены в декабре на Мальте в ходе встречи Горбачева и нового президента США Дж. Буша. Здесь были также определены перспективы активного сотрудничества двух стран по самому широкому кругу международных проблем, которое диктовалось качественно новыми историческими условиями. Не случайно именно встречу на Мальте Горбачев назвал началом конца «холодной войны».

Колоссальные изменения, произошедшие в 1989—1990 гг. в мире и в особенности на европейском континенте, были закреплены в серии важных документов. В ноябре 1990 г. в Париже в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе состоялась встреча делегаций 34 стран. По ее итогам была принята «Парижская хартия для новой Европы», которая зафиксировала окончание «эры конфронтации и раскола» европейского континента и декларировала намерение открыть «новую эру демократии, мира и единства». Подписавшие Хартию страны выразили готовность взаимодействовать не только по проблемам безопасности, но развивать широкое всестороннее сотрудничество на основе единых ценностей.

19 ноября 1990 г. в Париже лидеры 22 государств, входивших в Организацию Варшавского договора и НАТО, подписали Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Переговоры по этой проблематике продолжались более 30 лет, но лишь в 1990 г. стороны смогли достичь согласия. Договор предусматривал значительное сокращение вооружений от Атлантики до Урала. Оставшихся сил должно было быть достаточно для решения оборонительных задач, но при этом возможности для ведения наступательных операций резко сокращались. Устанавливались коллективные предельные уровни для стран НАТО и ОВД. Так, по танкам они не должны были превышать 20 тыс. единиц (на момент подписания страны НАТО располагали 30 тыс., а ОВД — 60 тыс.), т.е. сокращение вновь имело асимметричный характер. Договор был призван стать основой новой системы безопасности. В принятой по его итогам 19 ноября 1990 г. «Совместной декларации двадцати двух государств» констатировалось, что подписавшие ее страны «больше не являются противниками, будут строить новые отношения партнерства и протягивают друг другу руку дружбы».

Личный вклад Горбачева в коренное изменение системы международных отношений (прежде всего в Европе) в 1989—1990 гг. был отмечен присуждением ему Нобелевской премии мира за 1990 г. Однако действия советского президента столь неоднозначно оценивались в СССР, что лауреат не решился лично поехать в Стокгольм для получения награды.

Внешняя политика СССР в конце 1990—1991 гг. В 1990—1991 гг. динамично развивались советско-американские отношения. В июне 1990 г. в ходе визита М. С. Горбачева в Вашингтон была подписана серия документов, касавшихся сотрудничества в самых разных областях — соглашение по торговле, соглашение по уничтожению и непроизводству химического оружия, протокол к договору по ядерным испытаниям, соглашение по сотрудничеству в области использования атомной энергии, соглашение по студенческим обменам. По мнению Горбачева, эти документы демонстрировали, что «наша совместная линия на переход от конструктивного взаимопонимания к конструктивному взаимодействию приносит свои плоды». Новые отношения между СССР и США подверглись серьезному испытанию в ходе острого военно-политического кризиса в Персидском заливе (в августе 1990 — феврале 1991 г.) В ответ на оккупацию Ираком Кувейта страны Запада решили применить силу против агрессора. Для СССР ситуация осложнялась тем, что Ирак длительное время выступал в качестве его важного торгового партнера, связанного к тому же с нашей страной с 1972 г. Договором о дружбе и сотрудничестве. Тем не менее СССР выступил против агрессора единым фронтом с западными странами. 29 ноября 1990 г. наш представитель в ООН

голосовал за резолюцию, санкционировавшую использование силы против Ирака.

31 июля 1991 г. в Москве был подписан важный советско-американский Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Согласно договору количество межконтинентальных баллистических ракет у каждого государства сокращалось на 30—40% с тем, чтобы добиться равного предельного уровня у обеих сторон. Он не должен был превышать 1600 носителей и 6000 зарядов. Сокращение учитывало различия в структуре ядерных вооружений СССР и США. Как и в случае с договором по РСМД (1987), подписание этого соглашения стало возможным благодаря решению вопроса о проведении инспекций на местах. Договор явился прорывом в деле сокращения атомных арсеналов двух крупнейших ядерных держав.

В 1990—1991 гг. Советский Союз утрачивал свои позиции в странах Центральной и Восточной Европы, лидеры которых активно переориентировались на Запад. Этому способствовали ошибочные шаги советского руководства, в частности резкий переход в 1990 г. в расчетах со странами СЭВ на мировые цены с использованием свободно конвертируемой валюты. Угасало и сотрудничество бывших соцстран в рамках ОВД, что привело к упразднению этой организации в марте 1991 г. С весны 1991 г. СССР пытался строить новые отношения с бывшими партнерами на двусторонней основе. В проекты договоров включался пункт, согласно которому ни одна из сторон не могла вступать в союзы, направленные против другой стороны договора, а также размещать на своей территории иностранные войска. Однако никто из бывших советских союзников не изъявил готовности пойти на подобное ограничение своего суверенитета в будущем. Устные же договоренности с американской и европейскими сторонами о нерасширении НАТО не были подкреплены документально.

Ухудшение экономического положения и политические трудности в СССР конца 1990—1991 гг. осложняли возможности проведения эффективной внешней политики. Негативное влияние оказывал и подрыв единства страны в результате центробежных устремлений ряда союзных республик. Весной 1991 г. в политике США по отношению к СССР постепенно вызревает идея «подмены Центра» и переноса центра тяжести в сотрудничестве с союзных структур преимущественно на республиканские. В июле 1991 г. на встрече «Большой семерки» и М. С. Горбачева в Лондоне советскому лидеру вполне закономерно было отказано в предоставлении масштабной экономической помощи, о которой он просил. В тех конкретных условиях это серьезно подрывало позиции союзных властных структур. А после политического кризиса 19—21 августа 1991 г. сторонники дезинтеграции СССР на Западе уже практически не скрывали своих взглядов.

Американскую стратегию в отношении СССР в годы перестройки позднее достаточно откровенно разъяснил президент Б. Клинтон. Выступая в октябре 1995 г. в Объединенном комитете начальников штабов, он сказал: «Последние 10 лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать... В ходе так называемой перестройки... расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке».

§ 5. ОБОСТРЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Поиск решения национальных проблем. Взрыв «национальной бомбы» был полностью неожиданным для инициаторов реформ. В апреле 1990 г. М. С. Горбачев говорил: «Раньше считали, что все вопросы решены, ими можно особо и не заниматься. Ваш покорный слуга на первом этапе перестройки искренне полагал, что здесь больших проблем нет. Так уж мы были воспитаны».

В основе обострения национальных противоречий лежал ряд причин. Во-первых, проводившаяся длительное время бюрократическая унификация всех сторон жизни оказала негативное влияние на этнокультурную сферу. Под лозунгом «социалистического интернационализма» часто скрывался великодержавный космополитизм, вызывавший естественное неприятие у всех национальностей. Во-вторых, все народы страны за годы советской власти в различной форме и в разное время (от депортаций до гонений на национальную культуру) испытали немало несправедливостей. Перестройка теперь воспринималась как время для утверждения новой национальной политики. В-третьих, в 1918—1920-е гг. было заложено противоречие между национальным составом населения и национально-государственной структурой СССР. В то время как в стране проживало более ста больших и малых народов, лишь 14 «избранных» получили «свою» союзную республику. Другие довольствовались различного уровня автономиями, у иных не было и автономий. Стремление «выравнять права» было тем обоснованней, что «титульные» народы на «своих» территори-

ях обладали преимуществами в плане политического, экономического, социального, этнокультурного развития в сравнении с другими национальными группами. И наконец, национализм выступал как мощное оружие местных элит в их борьбе против союзного «центра» за контроль над республиканскими ресурсами в ходе грядущей экономической реформы.

Проводимая Горбачевым политика демократизации привела к тому, что национальные проблемы вышли на поверхность общественной жизни (Якутск и Алма-Ата, 1986 г.) В 1988—1991 гг. они дали о себе знать в череде кровавых межэтнических конфликтов в самых разных частях СССР: в Карабахе и Сумгаите (Азербайджан, 1988 г.), в Новом Узене (Казахстан, 1989 г.), в Фергане (Узбекистан, 1989 г.), в Кишиневе (Молдавия, 1989 г.), в Сухуми (Абхазия, 1989 г.), Баку (Азербайджан, 1990 г.), в Цхинвале (Южная Осетия, 1990 г.). Если в 1989 г. в них погиб 221 человек, то за шесть месяцев 1990 г. — уже 632 человека. К этому времени было совершено 4648 погромов, более 600 тыс. человек стали беженцами в своей стране. Межэтническая нестабильность все чаще становилась мотивом эмиграции из СССР.

Национальные проблемы стали предметом всестороннего обсуждения на пленуме ЦК КПСС лишь в сентябре 1989 г. Однако принятый в итоге документ «О национальной политике партии в современных условиях» не содержал практически никаких новых подходов, а решения пленума, как полагают современные авторы, даже усугубили ситуацию. Лишь в апреле—мае 1990 г. Верховный Совет СССР принял ряд законов, призванных регулировать межнациональные и федеративные отношения. Среди них: «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР», «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик». Однако эти акты появились тогда, когда центральная власть уже была ослаблена, а ситуация в республиках требовала твердой политической воли и немедленных и решительных действий. В результате на всех направлениях национальной политики руководство страны катастрофически запаздывало с принятием необходимых решений, а если и действовало, то крайне вяло. Это проявлялось и в Закавказье, и в Средней Азии, и в Прибалтике. Неэффективность действий Горбачева на «национальном» направлении стала одним из факторов перманентного падения политического авторитета лидера.

Националисты во всех республиках пользовались схожим набором идей. Вначале использовались экологические мотивы. Естественная реакция на вредные последствия развития индустрии для природ-

ной среды и здоровья за пределами РСФСР приобретала форму заботы о сохранении этнической среды, а пренебрежение экологической безопасностью со стороны союзных ведомств — как, в лучшем случае, безразличие к судьбе нерусских народов. Аналогичным образом трансформировались идеи национального возрождения. Вдруг «обнаружилось», что все нерусские народы оказались в состоянии глубокого культурного упадка, деэтнизации и даже на грани исчезновения. Причины этого связывались со «зловредной» политикой Москвы. В сознание населения республик внедрялась и мысль о неэквивалентном экономическом (естественно, в пользу «Центра») обмене и возможности быстрого улучшения социально-экономической ситуации при условии автономного ведения хозяйства.

Много внимания уделялось обоснованию идеи об аннексии Советским Союзом, а до него Россией тех государств и территорий, историческими наследниками которых провозглашали себя претендующие на независимость союзные республики. Согласно этой логике СССР и русские были и остаются оккупантами, пребывание республик в Союзе — незаконно, восстановление исторической справедливости требует воссоздания государственной независимости. Одна из главных исторических идеологем состояла в переносе пороков и преступлений сталинизма на русский народ. К моменту роспуска СССР исторический образ России — страны-агрессора всех времен и при всех вождях в республиках Советского Союза был демонизирован до немыслимых размеров.

Нарастающая русофобия в республиках вызвала ответную реакцию в РСФСР. «Взрыв» произошел на сентябрьском (1989 г.) пленуме ЦК, когда впервые союзному руководству был «предъявлен счет» за бедственное положение России. Здесь констатировалось, что крупнейшая в стране республика — Россия — находится в условиях финансовой, ценовой, экономической дискриминации. Между тем Горбачев и его окружение оказались не в состоянии предложить какой-либо разумный вариант разрешения давнего исторического противоречия между союзными и российскими властными структурами. Поощряя суверенизаторские «изыски» в других республиках, Горбачев настаивал на «интеграционной особенности» русских, «сложившейся исторически». Как вспоминал помощник генсека А. С. Черняев, его «патрон» «железно» стоял против создания компартии РСФСР, против полного статуса России в качестве союзной республики.

Иначе развивались события вокруг Прибалтики. Здесь изначально в основе действий национальных движений лежала идея обретения независимости от СССР. В середине 1988 г. в республиках потребовали «внести ясность» в события 1939 и 1940 гг., связанные с их присоединением к СССР. Тогда же в политический обиход вводится термин «республиканский суверенитет», который трактуется доста-

точно широко. В документе «Саюдиса» (Литовского Народного фронта в поддержку перестройки) было записано, что «суверенитет Литовской ССР должен охватывать управление всеми отраслями хозяйства, включая экономику, политику, формирование бюджета, финансовую, кредитную, торговую, налоговую и таможенную политику». Осенью 1988 г. — зимой 1988/89 г. в Прибалтике были приняты важные законодательные акты, отразившие движение в этом направлении: местным языкам был придан статус государственных, а сессия ВС Эстонии приняла «Декларацию о суверенитете» и дополнения к Конституции, позволявшие в «определенных случаях» приостанавливать или устанавливать пределы применения союзных законов. Позднее такие же акты приняли Литва и Латвия.

В декабре 1989 г. на II съезде народных депутатов СССР «прибалтам» удалось добиться осуждения советско-германского договора 1939 г. К этому же времени литовцы смогли «оторвать» местную партийную организацию от КПСС. XX съезд компартии Литвы (19—20 декабря 1989 г.) объявил ее независимой от КПСС. Тем самым каналы политического влияния Москвы на регион быстро сужались.

11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы принял Акт «О восстановлении независимого Литовского государства». Литовская ССР переименовывалась в Литовскую Республику, отменялось действие Конституции Литовской ССР, а также Конституции СССР на территории Литвы. Вместо них утверждался временный Основной закон Литовской Республики на основе Конституции 1938 г. 30 марта и 4 мая 1990 г. схожие акты приняли соответственно Эстония и Латвия.

Таким образом, к середине 1990 г. прибалтийские «независимцы» прошли значительную часть пути к «свободе». Дальнейшая судьба «воссозданных стран» зависела от позиции союзного руководства, а также от ситуации в других республиках и прежде всего в России.

Начало независимой политики РСФСР. Начало движения за российский суверенитет по времени совпало со вступлением СССР в кризисную фазу развития. С 1990 г. обозначившиеся ранее негативные тенденции приобрели обвальный характер, ведя к разрушению всего государственного организма. Продолжалось углубление кризиса в экономике. Практически все параметры хозяйственного развития имели отрицательную динамику (внутренний валовой продукт, капитальные вложения и др.). Невиданными ранее темпами росла инфляция. Значительно снизился жизненный уровень населения. По словам А. А. Собчака, страна оказалась перед «устрашающей экономической пропастью».

Зимой—весной 1990 г. разворачивается движение за российский суверенитет, ставшее важнейшим фактором союзного значения. Самые различные организации считали необходимым уточнить место и полномочия РСФСР в Союзе ССР, сформировать в полном объеме

республиканские органы власти и общественные организации по аналогии с другими республиками. Предлагалось делегировать центральному правительству лишь часть властных полномочий, установить новые формы взаимоотношений с национальными регионами на демократической основе. Показательно, что этот напор снизу уже не могли игнорировать обычно лояльные Горбачеву российские официальные структуры. Так, 26 марта 1990 г. Совет министров РСФСР обсудил проект Концепции экономической самостоятельности республики.

Единство в стремлении к суверенитету совмещалось с существованием фундаментальных различий в представлениях о перспективах развития РСФСР. В рамках сложившейся к 1985 г. системы многие беды связывались с отсутствием в рамках КПСС российской республиканской компартии. Поэтому движение за ее создание получило достаточно широкую поддержку.

В то же время в первой половине 1990 г. шло интенсивное структурирование «антикоммунистической альтернативы» в российской политике. В этот период происходит создание новых партий: возникли Социал-демократическая партия, Демократическая, Социалистическая, Конституционно-демократическая, Христианско-демократическая, Республиканская. Большинство их объединились в рамках движения «Демократическая Россия». Основой консолидации стал не только антикоммунизм, но и отторжение социалистического принципа в любом его виде. Для достижения своих целей лидеры «демороссов» поставили задачу овладения республиканским уровнем управления, что и определило их активное участие в кампании по выборам народных депутатов России зимой—весной 1990 г.

В ходе этой бурной кампании активно эксплуатировался популизм: щедро раздавались обещания поднять зарплату и увеличить пенсии, обеспечить жильем и хорошим медицинским обслуживанием, наполнить магазины продовольствием и защитить от распоясавшихся преступников, очистить от загрязнения водный и воздушный бассейны, помирить враждующие нации и дать всем долгожданную свободу. «Фирменным знаком» кампании стала борьба с необоснованными привилегиями партийно-советской номенклатуры, оскорбляющими чувство социальной справедливости масс.

Кампания демонстрировала разъединенность левых сил в ходе ее проведения и высокую степень организованности «демократических движений». Не стали серьезной силой организации и объединения патриотической направленности, группировавшиеся вокруг блока «Общественно-патриотических движений России». На том этапе радикалам удалось консолидировать вокруг себя большую часть протестного электората, куда входили и патриоты-государственники, и представители различных социалистических и коммунистических течений.

Лозунги демократии как антитезы несвободы, тоталитаризма пользовались широкой популярностью.

Формально дискуссии второй половины 1990 — первой половины 1991 г. велись вокруг вопросов, связанных с различным толкованием понятия «суверенитет» и будущего национально-государственного устройства обновленного Союза. Фактически же расхождения между союзными и российскими политиками касались проблемы социалистического выбора и радикального изменения существовавшей социально-экономической и социально-политической системы. И если Горбачев по-прежнему утверждал, что целью преобразований является обновление социализма, то Ельцин и его окружение все определеннее заявляли о либерально-демократическом характере будущих реформ.

Принятие 12 июня 1990 г. I съездом народных депутатов РСФСР Декларации о российском суверенитете, выборы новых руководителей, готовых этот суверенитет отстаивать, создали уникальную в истории СССР ситуацию: российская власть вышла из тени общесоюзной. Однако если провозглашение суверенитета было делом относительно легким, то для проведения реформ в РСФСР по сценарию радикалов в их руках не было достаточно материальных и властных ресурсов: в 1990—1991 гг. подавляющая часть экономических объектов в России была по-прежнему подчинена союзным ведомствам. Непосредственно республике подчинялись лишь 17% предприятий, расположенных на ее территории (в других союзных республиках эта доля колебалась от 25 до 60%). Общесоюзные же власти управляли и всеми силовыми структурами. Все это и предопределило политику российских лидеров: ее содержанием стала борьба за овладение находящимися на территории республики материальными, финансовыми и другими ресурсами. По форме это была жесткая борьба «по всему фронту» против союзных властных структур и проводимой ими политики.

У оппонентов Горбачева изначально была определенная «фора»: они могли резко критиковать Президента СССР за ошибки, бездействие и обещать быстрые решения волновавших общество проблемы. Осознание же народом того, что в настоящее время у российских властей нет возможности выполнить обещанное, отодвигало на второй план вопрос о потенциальной ответственности за явно утопические рецепты решения наболевших проблем. Тактика «встречного пожара», при которой любая, даже разумная инициатива Центра «побивалась» более широкомасштабными декларациями, носила конфронтационный характер. Во второй половине 1990 г. «двоецентрие» постепенно превращалось в «двоевластие».

С середины 1990 г. начинается проведение независимой полити-

ки России. Реализация принципов ее суверенитета рассматривалась как основа выхода из кризиса. В правовом плане эта политика опиралась на ст. 5 Декларации о суверенитете, где провозглашалось верховенство республиканской Конституции и законов над союзными. Эти идеи были развиты в ряде других документов. 24 октября 1990 г. был издан закон, дававший право российским органам власти приостанавливать действие союзных актов в том случае, если они нарушают суверенитет РСФСР. Предусматривалось также, что решения высших органов государственной власти СССР, указы и другие акты Президента СССР вступают в действие лишь после их ратификации Верховным Советом РСФСР. Соответствующие изменения и дополнения в декабре 1990 г. были внесены в российскую Конституцию.

Конкретная российская политика выразилась в принятии серии актов, где развивалось положение одного из первых новых законов России — Закона «О собственности на территории РСФСР» от 4 июля 1990 г. В нем говорилось о том, что право собственности на природные богатства и основные производственные фонды регулируется законами РСФСР и автономных республик. Союзу ССР эти фонды могли предоставляться «в пользование на основе законов РСФСР и Союзного договора». Постановлением Президиума ВС РСФСР от 9 августа 1990 г. признавались недействительными ранее заключенные без согласования с РСФСР внешнеэкономические соглашения и сделки по продаже драгоценных металлов и других стратегических ресурсов и товаров. Здесь же говорилось о том, что РСФСР не несет ответственности за кредиты, соглашения и сделки, заключенные без согласия соответствующих органов РСФСР. Намечалось введение особого режима торговых операций с произведенной в республике продукцией. Решением от 28 августа 1990 г. Совмину РСФСР поручалось заключить торгово-экономические соглашения с правительствами основных стран-импортеров российских товаров. Одновременно Правительству СССР запрещалось «реэкспортировать» произведенные в республике изделия или добытое сырье без ведома российского правительства. Для реализации этой задачи предполагалось создание Торгово-промышленной палаты РСФСР, Главного таможенного управления РСФСР, Главного управления по туризму, Академии внешней торговли, Товарной биржи РСФСР. Оптово-посреднические фирмы Госснаба СССР, находившиеся на территории РСФСР, переводились в ведение Госкомитета РСФСР по материально-техническому обеспечению республиканских и региональных программ.

Те же цели преследовала и реформа российской финансовой системы. Собственностью России объявлялись расположенные на территории республики учреждения Госбанка СССР, Промстройбанка

СССР, Агропромбанка СССР, Жилсоцбанка СССР, Сбербанка СССР, Внешэкономбанка СССР. Российский республиканский банк СССР был преобразован в Государственный банк РСФСР. Ряд законов и постановлений конкретизировал политику России в банковском деле, регулируя статус и взаимоотношения действующих здесь субъектов. Изменения в банковской системе были тесно связаны с коренными новациями в подходе к формированию союзного бюджета. Российские законодатели предполагали лишить бюджет СССР собственных источников налоговых поступлений — теперь все собираемые налоги должны были идти в республиканский бюджет; Россия же передавала Союзу ССР «целевые финансовые средства» в размере, утвержденном ВС РСФСР.

Новые задачи ставились и перед судами республики. Постановлением ВС РСФСР от 18 октября 1990 г. Государственному арбитражу РСФСР и его территориальным организациям вменялось в обязанность при разрешении споров исходить из принципа верховенства в республике законодательства РСФСР, решений ее Верховного Совета и съездов народных депутатов. Защищать республиканские интересы был призван и создаваемый Конституционный суд РСФСР.

Постепенно формировались и другие параллельные союзным государственные структуры. Организация Министерства печати и информации предполагала ускорить создание «четвертой власти», без которой нельзя «сделать демократию необратимой». В противостоянии с союзными властями рождалось российское телевидение; развернулась борьба за обретение республикой своих газет. В январе 1991 г. был постановлен вопрос о необходимости собственной армии для России. Вскоре было принято решение о создании Комитета по обороне и безопасности, а в мае 1991 г. — собственного КГБ. В январе 1991 г. был создан Совет Федерации РСФСР. Определялся порядок введения чрезвычайного положения и проведения референдума на территории республики. На государственном уровне началось внедрение идеи о департизации официальных учреждений.

Используя наработки предшественников, российские власти демонстрировали осознанную и энергичную прорыночную политику, выступали на скорейшую реализацию программы «500 дней». Закон «О собственности в РСФСР» от 24 декабря 1990 г. легализовал многообразие ее форм: имущество может находиться в частной, государственной и муниципальной собственности, а также в собственности общественных объединений. Принятый вслед за ним Закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности» был призван стимулировать активность предприятий, относящихся к различным формам собственности. Была разработана и законодательно оформлена про-

грамма приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР. Созданием конкурентной среды и ограничением монополистической деятельности на товарных рынках должен был заниматься соответствующий Госкомитет. Был принят закон о приватизации жилищного фонда. Стимулировалась и регламентировалась инвестиционная деятельность, создавались предпосылки для привлечения иностранного капитала. Российские власти поощряли создание свободных экономических зон: к середине 1991 г. этот статус был предоставлен девяти территориям. Все юридические лица и отдельные граждане получили право на участие во внешнеэкономической деятельности и прямого выхода на внешний рынок. Большое внимание российские законодатели уделяли аграрной проблематике: здесь и списание долгов с колхозов и совхозов, и решения о приоритетном финансировании производственной и социальной сферы деревни, и попытки начать аграрную реформу через поощрение всех форм хозяйствования.

Решения, кардинально отличавшиеся от горбачевских, выдвигались и применительно к проекту нового союзного договора: вместо постепенной трансформации государства «сверху» «россияне» предлагали фактически его разрушить и строить новую федерацию «снизу». Переход к новой стратегии был осуществлен во второй половине 1990 — начале 1991 г. В октябре 1990 г. были заключены прямые двусторонние договоры между Россией и Украиной, Россией и Казахстаном. Выдвигалась идея «Союза четырех»: России, Украины, Белоруссии и Казахстана. В подписанных договорах говорилось о готовности строить межгосударственные отношения на основе признания взаимного суверенитета, отказа от вмешательства во внутренние дела, нерушимости существующих границ. Аналогичные, откровенно антисоюзные договоры были подписаны Россией с Латвией, Литвой, Эстонией в январе 1991 г. В том же месяце за подписью первого заместителя председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатова появился проект преобразования Союза, где автор определял предлагаемое им «Сообщество» как «конфедеративное объединение».

В 1990—1991 гг. автономные республики стали объектом борьбы за влияние между союзным Центром и Россией. Важный шаг, стимулирующий самостоятельность автономий, был сделан в конце апреля 1990 г. в Законе СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации». Закон повышал статус автономий, рассматривая их в качестве советских социалистических государств — субъектов федерации (СССР). Они получили право передавать полномочия Союзу ССР, минуя «свою» союзную республику. Отношения же автономных республик с союзными, в состав которых они входили, предписывалось строить на договорах и соглашениях.

После принятия российской Декларации о суверенитете борьба за автономии проходила под лозунгом «Кто больше даст?» и разогревала аппетиты местных национальных элит. При этом союзные власти предполагали участие автономий в общем переговорном процессе, российские же таких условий не ставили. «Не надо исходить из того, сколько прав даст вам Россия. А надо исходить из того, сколько вы можете взять и какую долю власти делегировать России... Возьмите такую долю самостоятельности, какую можете переварить», — так летом 1990 г. в Татарстане сформулировал позицию руководства РСФСР Б. Н. Ельцин.

Новые «субъекты Союза» сразу же стали действовать по примеру «старших братьев»: до зимы 1990 г. 14 из 16 российских автономных республик провозгласили свой суверенитет, а две оставшиеся и некоторые из автономных областей также в одностороннем порядке повысили свой политический статус. Из названий «Автономная Советская Социалистическая Республика» исчезли слова «автономная», «советская», «социалистическая». Декларации бывших автономий повторяли содержание союзных аналогов: в них встречались и требования верховенства республиканского законодательства над российским, а также собственности республики на ресурсы на ее территории. Борьба за автономии между союзными и российскими властями продолжалась вплоть до августа 1991 г.

В сфере внешней политики началась разработка концепции национально-государственных интересов России. Как отмечает бывший министр иностранных дел РСФСР А. В. Козырев, «направленность этой концепции была задана программными документами «Демократической России», идеями ряда публицистов и общественных деятелей, стремившихся выработать альтернативу внешнеполитическому курсу Союза».

Отношения новых российских структур с союзными властями носили остро конфронтационный характер. Российский парламент отверг союзную программу перехода к рынку, не признавая возможности компромисса. Российские власти постоянно требовали отставки правительства Н. И. Рыжкова. В ноябре 1990 г. они резко осудили решение союзного парламента по изменению системы президентской власти в СССР с целью ее усиления. Российская сторона не пошла на заранее согласованную реформу системы ценообразования. Российский парламент выступал против посылки граждан РСФСР за пределы республики для урегулирования межнациональных конфликтов, а также против вовлечения войск в политические конфликты.

Несогласованность в действиях союзного и российского центров власти оказала огромное влияние на ситуацию в стране в целом, привела к таким последствиям, которые в 1990 г. едва ли кто мог бы предсказать. В масштабах СССР ситуация осложнялась также тем, что

вслед за Россией декларации о суверенитете были приняты и в других союзных республиках, власти которых стремились проводить самостоятельную политику.

Осложнение общественно-политической обстановки. «Парад суверенитетов», экономический хаос, межнациональные конфликты привели к значительному осложнению общественно-политической ситуации. С весны 1990 г. началось возникновение партий откровенно антисоциалистического характера. Судьба же провозглашенных в 1985 г. реформ и Союза ССР во многом зависела от состояния ведущего элемента советской политической системы — КПСС. В инициированном «сверху» идеологическом и политическом плюрализме партия формально оставалась единой «монолитной» организацией. Руководство уклонялось от признания того факта, что и КПСС уже не была союзом единомышленников, а внутрипартийные разногласия часто носили непримиримый характер. Произошел фактический раскол на ряд фракций, или «платформ». «Демократическая платформа» выступала с социал-демократических позиций. «Марксистская платформа» критиковала отступления от марксизма и ратовала за возврат к его классическим образцам. Крайне левые силы объединились в движении «Коммунистическая инициатива» и общество «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы».

Кризис в КПСС возник не случайно. В 1985—1991 гг. сложились два подхода к партии, которые можно условно назвать ликвидаторский и прагматический. Первый исходил из того, что КПСС являлась хребтом тоталитарной системы, поэтому ее необходимо ликвидировать. Сторонники такого взгляда не только не занимались разработкой концепции перестройки партии, но и доказывали ее ненужность. Перестройка же жесткой иерархической организации могла быть осуществлена лишь «сверху». Эту позицию разделял М. С. Горбачев. Его скептическое отношение к КПСС к лету 1990 г. заметно усилилось. В ответ на совет помощника А. С. Черняева оставить пост генерального секретаря ЦК КПСС Горбачев произнес: «Знаешь, Толя, думаешь не вижу... как сговорились все, уговаривают бросить генсекство. Но пойми: нельзя эту паршивую взбесившуюся собаку отпускать с поводка. Если я это сделаю, вся эта махина целиком будет против меня».

Сторонники другого подхода к КПСС рассматривали ее не столько как «тоталитарную структуру», сколько как исторически сложившийся институт управления, «партию власти». Они полагали, что КПСС — единственная общесоюзная сила, держащая в своих руках все общественные связи. Поэтому быстрое ее отстранение от власти фактически будет означать не шаг к демократии, а дезертирство, которое непременно ввергнет страну в еще больший хаос. Счита-

лось, что партия, произведя внутреннюю реорганизацию, должна была возглавлять преобразования при сохранении высокой степени управляемости социальными процессами. Но эти идеи оказались невостребованными и даже всерьез «наверху» не обсуждались.

Кризис партии в полной мере проявился на ставшем последним XXVIII съезде КПСС (июль 1990 г.) Многие делегаты выразили неудовлетворенность работой высшего партийного руководства и ближайшего окружения генсека. Съезд заменил Программу партии программным документом «К гуманному демократическому социализму», содержавшем достаточно общие декларации. Коренное изменение претерпели и организационные основы деятельности КПСС. Съезд закрепил «право отдельных коммунистов и групп выражать свои взгляды в платформах», т.е. возродил фракционность. Кроме того, он установил фактически неограниченную «самостоятельность компартий союзных республик». КПСС вместо единой централизованной организации становилась «союзом» республиканских компартий, что наносило удар по государственному единству СССР.

Осенью 1990 г. наблюдалась повсеместная радикализация общественно-политических настроений. Это было во многом связано с ухудшением продовольственного снабжения, нехваткой самых различных товаров. В августе по стране прокатилась волна «табачных» бунтов — только в Москве их было более ста. Несмотря на то что летом 1990 г. был собран рекордный урожай зерна (220 млн т.), в сентябре разразился хлебный кризис. Одновременная остановка на ремонт табачных фабрик и хлебопекарен у многих вызывала недоумение. Подозрения в «рукотворном» характере трудностей подогревались информацией о наличии огромных запасов товаров в разного рода «накопителях». Одни политики объясняли это пороками существовавшей системы, другие усматривали намеренный саботаж.

Так или иначе и сторонники сохранения социализма, и те, кто хотел от него уйти, стали говорить о необходимости «наведения порядка», введения жестких, чрезвычайных мер для преодоления кризиса. При этом стороны обвиняли друг друга в стремлении к диктатуре. Так, 16 сентября, в день проведения демократического митинга на Манежной площади в поддержку программы «500 дней», были замечены передвижения войск под Москвой, что дало основание бросить обвинение властям в подготовке силовой акции. В этом же месяце заметное распространение получил документ под названием «Программа действий—90», подготовленный одной из входивших в «Демократическую Россию» организаций. Текст содержал призывы к созданию комитетов гражданского действия, цель которых — дестабилизация в обществе, разгром общественно-политических структур с помощью массовых акций — демонстраций, пикетирования, за-

бастовок. Предлагалось перейти и к «явочной приватизации» — насильственному изъятию у колхозов и совхозов земель с помощью особых групп захвата.

7 ноября, в разгар праздничной демонстрации на Красной площади, член Ленинградского народного фронта с расстояния в 50 метров дважды стрелял в Горбачева. Неудачный теракт заставил президента направить свой курс резко вправо. Он внес в Верховный Совет предложения, нацеленные на укрепление исполнительной власти («8 пунктов Горбачева»). При этом подчеркивалось, что речь идет не о диктатуре, а о наведении порядка, развитии подлинно демократических процессов, восстановлении управляемости экономикой, пресечении межнациональных распрей и борьбе против преступности. В начале января 1991 г. была введена, по сути, форма президентского правления, реорганизованы исполнительно-распорядительные органы власти. Был введен в действие совместный приказ министра обороны и министра внутренних дел об организации совместного патрулирования городов и населенных пунктов солдатами и милицией.

Возможность укрепления союзных структур вызывала озабоченность у либеральных политиков. Они полагали, что Горбачев попал под влияние «реакционеров», под которыми понимали «партократов», верхушку ВПК, генералитет и офицерство, сотрудников союзных ведомств, большинство членов Верховного Совета СССР. Отражая эти настроения, Э. А. Шеварднадзе на IV съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990 г.) заявил, что «грядет диктатура», и в знак протеста подал в отставку с поста министра иностранных дел. На том же съезде вице-президентом СССР стал Г. И. Янаев (ранее работал в комсомольских и профсоюзных структурах), что было расценено как подтверждение новой, консервативной тенденции.

Огромное влияние на эскалацию противостояния между российскими и союзными властями оказали столкновения гражданского населения и подразделений армии и МВД в Литве и Латвии. В Вильнюсе в ночь с 12 на 13 января 1991 г. при попытке захвата телевизионного центра пролилась кровь. Противостоящие стороны, как и многие советские граждане, по-разному определяли приведшие к этому причины. Напряженность нарастала и в связи с отсутствием вразумительных объяснений со стороны союзного руководства, что некоторыми трактовалось как свидетельство соучастия в конфликте. Российские либералы болезненно реагировали на произошедшее, опасаясь повторения «вильнюсского сценария» в схожих ситуациях. Усилилась критика в адрес Горбачева, союзного правительства, военных. 19 февраля 1991 г., выступая по телевидению, Ельцин потребовал отставки Президента СССР, а 9 марта призвал своих сторонников «объявить войну руководству страны».

Контрпродуктивность проводившейся руководством РСФСР политики становилась для многих очевидной. Недовольство сложившейся ситуацией проявилось на самом высоком властном уровне России. 21 февраля 1990 г. на сессии Верховного Совета РСФСР шесть членов его Президиума выступили с заявлением, содержавшим осуждение действий Ельцина, и потребовали его отставки. Заявление подписали заместители председателя Верховного Совета С. П. Горячева и Б. М. Исаев, председатели палат Верховного Совета Р. Г. Абдулатипов и В. Б. Исаков, заместитель председателя палаты А. А. Вешняков и секретарь Президиума Верховного Совета В. Г. Сыроватко. В прошлом все они были сторонниками Ельцина. В документе отмечался «авторитарный характер руководства со стороны председателя Верховного Совета, пренебрежение законно избранными органами», единоличное принятие многих важных решений. Отмечалось также, что Ельцин «проводит узкопартийный курс, отвечающий интересам блока новых политических сил, но противоречащий коренным интересам России». Ельцин обвинялся в развале СССР, в неспособности организовать консолидированную и созидательную работу Верховного Совета РСФСР, нежелании проводить реформы при громогласных призывах к ним.

Определенной политической развилкой стал III внеочередной съезд народных депутатов РСФСР, созванный в марте 1991 г. для отчета российского руководства. Его судьба после форума могла сложиться по-разному. Однако ввод союзными властями войск в столицу накануне открытия съезда лишь усилил «антицентристскую» консолидацию российских депутатов, которые почувствовали себя оскорбленными горбачевской акцией. Ельцин и его сторонники максимально использовали предоставленный им шанс. Осудив давление на российский съезд, Ельцин заявил, что является сторонником коалиционной политики, в реализации которой могут принять участие все, в том числе «прогрессивно мыслящие члены КПСС». Возможность такой коалиции была подтверждена демаршем полковника А. В. Руцкого, заявившего об образовании фракции «Коммунисты — за демократию» и о ее готовности поддержать Б. Н. Ельцина. Это раскололо коммунистов на съезде. Давление на съезд «снизу» оказали и шахтеры. В серии резолюций горняки требовали отставки Горбачева и безоговорочно поддерживали российских радикалов. Учитывая общие настроения, Ельцин также выступил за скорейшее подписание Договора о Союзе Суверенных Государств как «федеративного добровольного и равноправного объединения». В результате Ельцин не только не был отстранен от власти, но, наоборот, на III съезде получил дополнительные полномочия, а на IV съезде (май 1991 г.) — решение о проведении выборов президента в сжатые сроки, что повышало его шансы на победу.

12 июня 1991 г. состоялись выборы Президента Российской Федерации. Б. Н. Ельцин набрал 57,3% от числа пришедших. Конкурировавшие с ним Н. И. Рыжков — 16,8%, В. В. Жириновский — 7,8%, А. М. Тулеев — 6,8%, А. М. Макашов — 3,7%, В. В. Бакатин — 3,4%. Победа с большим отрывом от соперников уже в первом туре голосования была политически важна, поскольку давала статус «всенародно избранного» и позволяла трактовать предвыборную программу как волю большинства граждан России. Начало оформления института российского президентства, радикализм лидера, поддерживаемого не менее радикально настроенными реформаторами, оказали значительное влияние на последующее развитие событий.

Что же касается М. С. Горбачева, то к весне 1991 г. он был уже не столь популярен, все чаще публично подвергался жесткой критике как со стороны «левых», так и «правых». На съездах народных депутатов и в Верховном Совете СССР против президента активно выступала группа «Союз», обвинявшая его в поощрении сепаратизма и развале государства, сдаче внешнеполитических позиций СССР. Резкая критика за фактический отход от социализма и СССР и провалы в социально-экономической политике на апрельском пленуме ЦК КПСС едва не привела Горбачева к отставке с поста генерального секретаря. В июне 1991 г. глава союзного правительства В. С. Павлов запросил у Верховного Совета дополнительные полномочия для принятия срочных мер по спасению экономики, что являлось прямой реакцией на нерешительность президента. В свою очередь радикально-либеральные силы критиковали президента за нежелание порвать с социализмом и избавиться от влияния связанных с ним «консервативных» сил.

§ 6. КРИЗИС ВЛАСТИ И РАСПАД СССР. МАРТ—ДЕКАБРЬ 1991 г.

Подготовка нового союзного договора. К весне 1991 г. потеря управляемости всеми социальными процессами в СССР стала очевидной для всех. Единственное, в чем сохранялись различия, так это в объяснении причин кризиса. Руководство страны во главе с Горбачевым связывало их с неуемными суверенизаторскими амбициями союзных республик, которые развернули фронтальную атаку на «имперский Центр». Группировавшиеся же вокруг Ельцина российские лидеры во всем винили «реакционные силы», партийно-хозяйственную номенклатуру, не желающие демонтировать отжившие экономические и политические структуры СССР. Каждая из сторон претендовала на большую обоснованность своего права вытаскивать страну из пропасти.

В первые месяцы 1991 г. политическое противостояние между общесоюзными и республиканскими властями приняло форму борьбы за «рамочные» условия влияния в Союзе. На первый план вышла проблема разграничения полномочий между Центром и союзными республиками, получившая название «подготовки нового союзного договора». Стремясь сохранить СССР, Горбачев в январе 1991 г. выдвинул идею проведения всесоюзного референдума. 17 марта 1991 г. граждане СССР отвечали на вопрос: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

Шесть республик — Грузия, Литва, Молдавия, Латвия, Армения и Эстония — отказались проводить референдум на своей территории. Российское руководство также критиковало этот замысел, указывая прежде всего на то, что вынесенная на голосование формулировка вопроса содержит не один, а несколько вопросов, а это способно исказить волю граждан, имеющих разные ответы на фактически различные вопросы. Одновременно в России объявляется свой референдум об учреждении в республике института президента. Введение этого поста было призвано укрепить ее суверенитет. В условиях того времени это означало усиление центробежных тенденций, так как суверенитет понимался преимущественно как обособление.

Всего на участки для голосования пришли 80% граждан, имевших право участвовать в референдуме. Из них 76,4% ответили на вопрос референдума «да», 21,7% — дали отрицательный ответ. Около 2% бюллетеней были признаны недействительными. Результаты голосования в РСФСР выглядели несколько парадоксально: с одной стороны, 71,3% участников проголосовали за сохранение Союза в горбачевской формулировке, а с другой — почти столько же (70%) высказались за введение в республике поста президента. Итоги референдума по России трудно было трактовать как победу замысла Президента СССР. Во-первых, республика находилась на предпоследнем месте по проценту положительных ответов, меньше (70,2%) было только у Украины. Во-вторых, они говорили о высоких шансах Ельцина на победу на грядущих выборах. Все это не сулило мира в отношениях между двумя центрами власти.

Интеграционный ресурс результатов референдума был ослаблен не только в России. На Украине по постановлению Верховного Совета УССР одновременно с общесоюзным референдумом проводился опрос населения по вопросу «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза советских суверенных государств на началах декларации о государственном суверенитете Украины?» Количество

граждан, ответивших «да» на вопрос республиканского бюллетеня, составило 80,17%, т.е. больше, чем высказалось за Союз. Это подтверждало базовую идею Декларации о приоритете украинских законов над союзными, что практически исключало создание нового федеративного государства с полноценным участием Украины. «Отличился» и Казахстан: его власти вместо союзной предложили свою формулировку вопроса референдума: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза ССР как Союза равноправных суверенных государств?» Положительный ответ в республике дали 94% голосовавших.

Итоги референдума дали возможность Президенту СССР продолжить попытки возобновить разработку нового союзного договора, чтобы завершить ее в сжатые сроки. Началась подготовка третьего с весны 1990 г. проекта. Политическая инициатива с конца 1990 г. целиком перешла к республиканским элитам, влияние центральных структур было ослаблено. В этих условиях Горбачев переориентируется на прямой диалог с республиканскими лидерами, игнорируя позицию высших органов власти СССР. Теперь успех переговоров мог быть достигнут лишь при молчаливом согласии Президента СССР на конфедеративное устройство будущего Союза, хотя это означало отход от позиции, зафиксированной референдумом. Президент СССР пытался хоть как-то задержать продолжающийся развал страны. Республики же требовали себе все новые полномочия, до предела усекая власть Центра. Решая свои весьма различающиеся задачи, стороны, однако, не могли полностью игнорировать итоги референдума и поэтому в своей риторике активно использовали понятия «единое союзное государство», «федерация», в правовом же плане все более отходя от них.

Все это ярко проявилось в так называемом новоогаревском процессе (от названия резиденции в подмосковном поселке Ново-Огарево, где проходили переговоры), первый этап которого продолжался с 23 апреля по 23 июля 1991 г. Переговоры лидеров республик проходили очень трудно. Как вспоминал их участник А. И. Лукьянов, даже последнее заседание 23 июля, где обсуждался итоговый вариант договора об ССГ, было неконструктивным. К договору были готовы присоединиться лишь 8 из 15 союзных республик.

В результате, одобрив в целом проект, участники встречи пришли к выводу о целесообразности подписать договор в сентябре—октябре на съезде народных депутатов СССР. Горбачев поддержал такой порядок его подписания. Однако 29—30 июля 1991 г. в Ново-Огарево прошли закрытые встречи Горбачева с Ельциным и Назарбаевым, где союзный президент предложил президентам России и Казахстана начать подписание проекта не в сентябре—октябре, а

20 августа. Республиканские лидеры согласились с этой идеей, ибо понимали, что проект договора в последней редакции не пройдет в Верховном Совете СССР и уж тем более на союзном съезде народных депутатов. А поскольку в августе парламентарии были на каникулах, то время для подписания «нужного» проекта представлялось удачным. В обмен на согласие республиканских лидеров Горбачев принял требование Ельцина об одноканальной системе поступления налогов в бюджеты. Горбачев согласился произвести перестановки в высшем эшелоне союзной власти: замене подлежали В. С. Павлов, В. А. Крючков, Д. Т. Язов, Б. К. Пуго, Г. И. Янаев. Это были люди, которые в июне—июле 1991 г. активно выступали за принятие энергичных мер по сохранению СССР. 4 августа Горбачев отправился в отпуск в Крым.

Итоговый проект договора отразил как масштабы претензий республик, так и уровень фактической дезинтеграции СССР. Согласно документу республики-участники признавались суверенными государствами, «полноправными членами международного сообщества». Союз Советских Суверенных Республик определялся как «суверенное федеративное демократическое государство», однако из контекста следовало, что суверенитет республик первичен. За Союзом предусматривалось сохранение объектов собственности, необходимых для осуществления возложенных на него полномочий, но он лишался собственных налоговых поступлений. В документе не фиксировались сроки принятия нового основного закона, что не связывало государства-участники никакими определенными обязательствами по этому поводу. Фактически же это означало бы «мягкий» выход из СССР, который освобождал новые страны от выяснения отношений с бывшими «братьями» по Союзу по принятому в апреле 1990 г. закону.

Юридическая оценка итогового проекта договора была сделана группой из 15 экспертов еще до 19 августа 1991 г. Они поставили под сомнение правовую значимость документа, признав его внутренне противоречивым, нелогичным и не имеющим значения правопреемственного. Эксперты констатировали, что, «признав федерацию, договор на деле создает даже не конфедерацию, а просто клуб государств. Он прямым путем ведет к уничтожению СССР, в нем заложены все основы для завтрашних валют, армий, таможен и др. Проводя эту линию тайно, неявно, он вдвойне опасен, поскольку размывает все понятия в такой мере, что возникает государственный монстр». По замечанию свидетеля новоогаревских дискуссий правоведа Ю. М. Батурина, «выбор между юридическим качеством и политической целесообразностью был сделан в пользу последней».

Верховный Совет СССР имел возможность рассмотреть лишь первый, подготовленный 16 июня 1991 г. проект договора. В принятом

по итогам рассмотрения постановлении (12 июля 1991 г.) союзные парламентарии сформулировали целый ряд принципиальных замечаний, учет которых был обязательным при подготовке итогового варианта договора. Однако эти замечания не были учтены при доработке итогового текста.

Определенные демарши предприняло и союзное правительство. 17 августа итоговый текст договора обсудил Президиум Кабинета министров СССР. Он также выразил одобрение идее, но сформулировал ряд требований, которые министры считали необходимым включить в прилагаемый к договору протокол. Горбачев согласился встретиться с премьером 19 августа для обсуждения предложений, но их характер был таков, что компромисс уже едва ли мог быть достигнут.

Все это привело к тому, что итогом «новоогаревского процесса» еще до 19 августа стало создание документа, который означал прекращение существования СССР как единого государства. Возможное подписание договора еще не означало бы «мгновенного» исчезновения СССР, поскольку еще сохранялись единая армия, валюта, связывающая советское пространство инфраструктура (энергетическая, транспортная и т.д.), но их раздел при сознательной ликвидации общих управленческих институтов становился вопросом ближайшего времени. Подготовленный к подписанию проект договора, по своей сути, легализовал отношения между бывшими союзными республиками, зафиксированные позднее в декабрьских документах 1991 г.

Политический кризис 19—21 августа 1991 г. К середине 1991 г. деструктивные процессы в стране развивались столь интенсивно, что для восстановления элементарной управляемости обычных мер было уже недостаточно. И это осознавали все политические силы. За право вывода страны из кризиса боролись два четко обозначившихся центра политической власти: союзное руководство за вычетом Горбачева и российские лидеры. На бескомпромиссность противостояния повлияло то, что за каждым из них стояли не просто личностные амбиции, а различные представления о путях экономического, политического и национально-государственного развития страны. Первые выступали за социалистический выбор, развитие системы Советов, сохранение единого государства в рамках СССР. Вторые заявляли о приверженности либеральным подходам в экономике, о необходимости изменения советской системы, считали возможным осуществить это лишь в рамках конфедеративного союза государств.

Высшие руководители СССР возражали против намеченного на 20 августа подписания Союзного договора. Потерпев неудачу в попытках убедить Горбачева внести в текст необходимые изменения, они решили действовать самостоятельно. В отсутствие Президента СССР (он находился на отдыхе в Крыму) 18 августа на одном из «объектов» КГБ в Москве был создан Государственный комитет по

чрезвычайному положению (ГКЧП). В его состав вошли О. Д. Бакланов (первый заместитель председателя Совета обороны СССР), В. А. Крючков (председатель КГБ СССР), В. С. Павлов (премьер-министр СССР), Б. К. Пуго (министр внутренних дел СССР), В. А. Стародубцев (председатель Крестьянского союза СССР), А. И. Тизяков (президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР), Д. Т. Язов (министр обороны СССР), Г. И. Янаев (вице-президент СССР). Состав комитета был призван продемонстрировать единство высших органов власти и основных социальных групп в их озабоченности судьбой Союза. Вечером того же дня прервал свой отпуск и вернулся в Москву председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов, который, однако, в состав ГКЧП не вошел.

Утром 19 августа был обнародован указ вице-президента Г. И. Янаева, в котором сообщалось о «невозможности» Горбачева выполнять обязанности президента «по состоянию здоровья» и о вступлении в исполнение обязанностей главы государства самого Янаева. Вторым документом было «Заявление советского руководства», подписанное Янаевым, Павловым и Баклановым, где сообщалось, что в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 19 августа вводится чрезвычайное положение, осуществлять режим которого был призван ГКЧП. Третьим документом комитета было «Обращение к советскому народу», где впервые на столь высоком уровне констатировалось, что «начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ... зашла в тупик», и анализировались причины, вызвавшие «безверие, апатию и отчаянье», потерю доверия к власти и неуправляемость страны. В числе главных причин называлось «возникновение экстремистских сил, взявших курс на ликвидацию Советского Союза и захват власти любой ценой».

В четвертом документе — «Постановлении ГКЧП № 1» перечислялся комплекс первоочередных для исполнения мер: незамедлительное расформирование структур власти и управления, военизированных формирований, противоречащих Конституции СССР и законам СССР; подтверждение недействительности законов и решений, противоречащих Конституции и законам СССР, приоритет общесоюзного законодательства; приостановка деятельности политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки. Далее следовали меры по охране общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан, меры, не допускающие проведения митингов, уличных шествий и демонстраций, а также забастовок, меры по установлению контроля над средствами массовой информации, по наведению порядка и дисциплины во всех сферах жизни общества. Правотворчество ГКЧП

было подкреплено вводом в столицу войск (4 тыс. солдат и офицеров) и бронетехники.

Российское руководство, преимущественно против которого была направлена активность ГКЧП, оперативно, продуманно и комплексно отреагировало на действия комитета. Во-первых, была развернута мощная информационная кампания. На одно из центральных мест вышла тема «заботы» о Президенте СССР и его здоровье, что было призвано сфокусировать внимание на сомнительности повода отстранения Горбачева от должности. Удалось демонизировать ГКЧП, назвав в первый же день происходящее «путчем хунты», что вызывало ассоциации с образами кровавых диктаторов и правового беспредела. Во-вторых, российские руководители призвали под стены Белого дома своих сторонников и старались на протяжении всего периода противостояния сохранять «живое кольцо» (по разным сведениям там находилось от 4 до 90 тысяч «защитников»). Это было важным сдерживающим фактором, поскольку противостоящие стороны осознавали политические последствия возможного кровопролития. В-третьих, Ельцин, отталкиваясь от идеи утраты легитимности союзным руководством в связи с «совершением государственного преступления», подписал серию указов, которыми переподчинил себе все органы исполнительной власти СССР, находящиеся на территории РСФСР, в их числе — подразделения КГБ, МВД и МО СССР. Противостояние между сторонниками ГКЧП и российских властей происходило лишь в центре столицы. Руководители других союзных республик, а также областей и краев России чаще проявляли сдержанность, ограничиваясь принятием документов, в которых выражалась готовность следовать Конституции СССР и российским законам и осуждалось введение чрезвычайного положения.

На исход событий 19—21 августа 1991 г. повлияли не столько силовые факторы или правовая обоснованность позиций сторон, сколько чувство политической ситуации, умение собрать в нужный момент и в нужном месте своих сторонников и поставить противника в такие условия, в которых даже численное или силовое превосходство не принесет ему победу. Сказалось и нежелание силовых структур (армии, КГБ, МВД) участвовать в политических «разборках». Активное неприятие ГКЧП со стороны ряда высокопоставленных военных во многом предрешило исход начавшегося 19 августа противостояния.

В ночь с 20 на 21 августа произошел инцидент, оказавший значительное влияние на развитие политической ситуации. При странных обстоятельствах погибли три молодых человека из числа «защитников» Белого дома. Последовавшее позже расследование этих событий показало, что случившееся было скорее даже не несчастным случаем, а результатом заранее продуманной провокации. Тем не менее факт пролития крови «мирных» жителей находящимися в подчинении

ГКЧП военными стал последней каплей, которая предрешила конец колебаний и без того неустойчивых сторонников комитета и позволила российскому руководству начать развернутое политическое наступление на своих противников и одержать полную и безоговорочную победу.

События 19—21 августа можно было рассматривать и как проявление острого политического кризиса, и как попытку государственного переворота. Многое зависело от позиции Горбачева, которая не была ясна ни для одной из конфликтующих сторон. Было важно, кто первым встретится с Горбачевым и «перетянет» его на свою сторону. В Форос к Горбачеву почти одновременно прибыли и сторонники ГКЧП, и представители российского руководства во главе с вице-президентом А. В. Руцким. Горбачев сделал свой выбор, отказался принять «заговорщиков» и поздним вечером 21 августа вернулся в Москву в окружении «победителей». В последующие дни по распоряжению Генерального прокурора России В. Г. Степанкова члены ГКЧП были задержаны и изолированы.

Демонтаж государственно-политических структур СССР. После августовского кризиса сложилась ситуация, при которой принимаемые лидерами решения определялись не Конституцией и законами СССР, а реальным соотношением сил и по-разному понимаемой «политической целесообразностью». Республиканские органы власти действовали уже без оглядки на союзный «Центр». Выступление ГКЧП стало удобным поводом для отказа от серьезных интеграционных предложений. С конца августа 1991 г. начался демонтаж союзных политических и государственных структур. На этом основании некоторые историки полагают, что в действительности Советский Союз «умер» сразу после августа, продолжая формально существовать до конца года.

2—6 сентября 1991 г. в Москве работал V внеочередной съезд народных депутатов СССР. Из принятых на нем документов следовало, что действовавшая Конституция СССР утратила силу. Объявлялось вступление страны в переходный период, окончание которого связывалось с принятием новой конституции и выбором новых органов власти. Съезд принял конституционный Закон «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период», который предусматривал «прекращение деятельности» высших органов государственной власти СССР — Съезда и Верховного Совета, обладавших правом принятия общих для всех республик законов. В соответствии с законом был создан Госсовет СССР, состоявший из Президента СССР и высших должностных лиц республик, к которому на неопределенный по времени «переходный период» передавались реальные функции управления. Оценивая происходящее, Пре-

зидент России заявил, что наступает конец длившейся больше года между республиками и союзным центром «холодной войне».

23 августа 1991 г., Ельцин подписал Указ «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», положения которого были позднее развиты в серии других актов и привели к фактическому запрещению КПСС. Основанием для подготовки указа послужила уверенность в том, что КП РФ поддержала совершивший государственный переворот ГКЧП. Согласно Указу Президента РСФСР от 25 сентября «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» все партийное имущество, включая денежные и валютные счета, становилось государственной собственностью России. В тот же день и Горбачев объявил о сложении с себя обязанностей генерального секретаря и призвал партию самораспуститься. Эти события вызвали цепную реакцию в союзных республиках. До конца августа 1991 г. деятельность компартий была приостановлена в Белоруссии, Грузии, Киргизии, Эстонии; компартии были запрещены на Украине, в Молдавии, в Литве. Процесс «департизации» республик в основном завершился к середине сентября 1991 г.

Одним из компонентов демонтажа союзных структур стало назначение на высшие должности СССР только тех лиц, которых поддерживало российское руководство. Горбачев был лишен права самостоятельно подбирать людей по своему усмотрению. Определился и главный критерий выдвижения на ключевые должности: отношение к ГКЧП и степень поддержки российского руководства в августовские дни 1991 г. Шанс на назначение получали лишь те, кто активно выступил на стороне Белого дома, «нейтральные» кандидатуры не рассматривались.

25 августа указом Горбачева был ликвидирован Совет министров СССР. Вместо него был создан Комитет оперативного управления народным хозяйством, который возглавил российский премьер И. С. Силаев. Создание Комитета и назначение его руководства обозначили еще одну важную послеавгустовскую тенденцию — перевод союзных структур под управление российских органов власти. Тем самым преодолевалось «двоевластие», существовавшее на территории республики более года. До конца 1991 г. под юрисдикцию России перешли органы гражданской и военной прокуратуры, Министерство финансов и Госплан СССР.

24 августа 1991 г. ВС УССР провозгласил Украину независимым демократическим государством, заявив, что с этого момента действующими на территории являются лишь Конституция, законы, постановления и другие законодательные акты республики. В тот же день свою независимость провозгласила Белоруссия, 27-го это сделала Молдавия, 30-го — Азербайджан, 31 августа — Киргизия и Узбекистан. Грузинский лидер З. Гамсахурдия выступил с требованием,

чтобы мировое сообщество фактически и юридически признало независимость Грузии. Верховные Советы Латвии, Литвы и Эстонии еще 20—21 августа объявили о своей независимости и восстановлении своих конституций, действовавших до 1940 г. Независимость трех последних Россия признала уже 24 августа.

В августе—ноябре 1991 г. развернулось реформирование КГБ. Оно шло по двум направлениям. Первое — дезинтеграция, раздробление КГБ на ряд самостоятельных ведомств и лишение его монополии на все виды деятельности, связанные с обеспечением безопасности. Предполагалось «разорвать комитет на части» (В. В. Бакатин), которые, находясь в прямом подчинении главе государства, конкурировали и уравновешивали бы друг друга. Второе направление — децентрализация или вертикальная дезинтеграция, предоставление полной самостоятельности республиканским органам безопасности в сочетании с главным образом координирующей работой межреспубликанских структур.

Уже в августе КГБ был лишен нескольких десятков тысяч войск специального назначения. Служба охраны была выделена из КГБ и преобразована в Управление охраны при аппарате Президента СССР. 29 августа 1991 г. произошло выделение из КГБ комплекса управлений, отвечавших за правительственную связь, шифровку и радиоэлектронную разведку. На их базе был создан Комитет правительственной связи при Президенте СССР. После этих сравнительно небольших по масштабам структурных изменений дошла очередь и до самых крупных подразделений комитета — разведки, контрразведки, пограничных войск.

11 сентября вместо Коллегии КГБ был создан Координационный совет в составе председателей комитетов республик. Республиканские органы власти получили право самостоятельно назначать председателей своих комитетов, которые фактически становились автономными руководителями с большими полномочиями. Еще до формальной ликвидации КГБ СССР характер его отношений с республиканскими комитетами стал определяться двусторонними соглашениями, где фиксировались компетенция и объем делегируемых в Центр функций.

К началу декабря 1991 г. большинство союзных структур были либо ликвидированы, либо поделены, либо перешли под юрисдикцию России, либо были просто дезорганизованы. Как отмечал в начале декабря 1991 г. С. М. Шахрай, к этому моменту «юридически и фактически существование Союза не может быть доказано».

Юридическое оформление распада СССР. В центре внимания созданного по решению V внеочередного съезда народных депутатов СССР Госсовета находились вопросы, касавшиеся возможной формы объединения союзных республик. Эти дискуссии, как и ранее, проходили в Ново-Огареве. Теперь главную роль в них играли Рос-

сия и Украина. За время своего существования (сентябрь—ноябрь) Госсовет провел семь заседаний.

После августа 1991 г. сторонники сохранения Союза считали, что на подписание экономического договора республики пойдут быстрее и охотнее, чем на заключение политического соглашения. Поэтому во второй половине сентября — первой половине октября 1991 г. много внимания уделялось именно этому сюжету. Ответственный за разработку документа Г. А. Явлинский полагал, что главная задача Экономического союза состоит в консолидации усилий суверенных государств с целью образования общего рынка и проведения согласованной экономической политики как условия преодоления кризиса. При этом он подчеркивал, что вступление в Экономический союз не обусловливается подписанием договора о Союзе Суверенных Государств.

18 октября 1991 г. Президент СССР и руководители 8 республик (без Украины, Молдавии, Грузии и Азербайджана) в Кремле подписали Договор об экономическом сообществе суверенных государств. Документ исходил из факта разрушенности прежнего государства, предполагал «доделить» союзную собственность, ликвидировать общий центральный банк и допускал введение собственных национальных валют. Для того чтобы Договор действовал, были необходимы примерно 20 дополнительных соглашений по конкретным сферам экономики. Они, однако, в лучшем случае могли быть подготовлены и ратифицированы только через четыре месяца. В условиях же острого экономического кризиса это делало весь Договор декларативным документом. Республики крайне подозрительно относились к возможности создания наднациональных органов управления, что изначально ставило под сомнение реализацию всех договоренностей.

Параллельно с подготовкой экономического соглашения велись и интенсивные консультации о будущем Союзном договоре. С начала сентября 1991 г. разработкой его проекта занимались преимущественно представители союзных и российских властей, причем тон задавали последние. В итоговом новоогаревском проекте 14 ноября будущее объединение определялось как «конфедеративное демократическое государство». Была достигнута договоренность начать парафирование нового Договора 25 ноября 1991 г. Но в этот день российская делегация предложила вернуться к уже согласованному тексту и заменить формулировку о «конфедеративном демократическом государстве» другой — «конфедерацией независимых государств». Ельцин обосновывал это позицией Верховного Совета РСФСР, а также необходимостью «подождать» Украину, пока там не пройдет референдум.

1 декабря 90,32% от принявших участие в голосовании высказались за независимость Украины, а Л. М. Кравчук был избран ее президентом. 2 декабря независимость республики признала Россия, а 3 декабря в разговоре с американским президентом Дж. Бушем

Кравчук сообщил, что в ближайшие дни состоится встреча лидеров славянских республик в Минске. 5 декабря 1991 г. Кравчук был приведен к президентской присяге, а Верховный Совет Украины принял «Послание к парламентам и народам всех стран», где было сказано, в частности, что Договор об образовании СССР 1922 г. утратил свою силу.

8 декабря 1991 г. Председатель Верховного Совета Республики Беларусь С. С. Шушкевич, Президент РСФСР Б. Н. Ельцин и Президент Украины Л. М. Кравчук в местечке Белая Вежа под Минском подписали «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств», в преамбуле которого заявлялось, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Однако формально Союз продолжал существовать, так как о выходе из него не заявили другие республики, согласно Конституции являвшиеся соучредителями единого государства наравне с Россией, Украиной и Белоруссией. Поэтому с международно-правовой точки зрения СССР перестал существовать 21 декабря 1991 г., когда в Алма-Ате к Беловежским соглашениям об образовании СНГ на правах учредителей присоединились еще восемь республик.

23 декабря во время встречи М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина были обсуждены вопросы, связанные с прекращением деятельности союзных структур. 25 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР утвердил новое название республики — Российская Федерация (Россия). В тот же день в 19 ч 38 мин. над Кремлем был спущен красный союзный флаг и заменен на трехцветный российский.

РАЗДЕЛ III

Россия на современном этапе

Глава 15

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В 1992—2005 гг.

§ 1. ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ. СЕНТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1991 г.

Изменения в системе государственной власти и управления. Время с конца августа 1991 г. до декабря 1993 г. было особым периодом политической истории России, который называют «августовской республикой». Его начальная грань связана с обретением Россией фактической независимости после «путча», а последняя — с политико-юридическим оформлением новых отношений в результате референдума по Конституции и выборов в Думу. «Августовская республика» была начальной — революционной — фазой трансформации всех общественных подсистем, причем вектор изменений был направлен от советского социализма к капитализму. 1992—1993 гг. стали началом: в экономике — смены формы собственности и ее перераспределения, уходом государства из сферы прямого управления экономикой; в социальной сфере — демонтажом институтов и гарантий, созданных за годы советской власти; в идеологической — временем агрессивной либеральной экспансии, имевшей целью изменение традиционных социокультурных стереотипов народов России. Однако главные события развернулись в политической области. В 1992—1993 гг. решался ключевой вопрос всякой революции — вопрос о власти. Внешне он принял форму столкновения двух моделей ее организации: президентской и парламентской республики.

После политического кризиса 19—21 августа 1991 г. начинается качественно новый этап политики российских властей. Если в 1990-м — середине 1991 г. их усилия были направлены на борьбу против союзного центра, то теперь появилась возможность сконцентрироваться собственно на осуществлении реформ. Развернулось активное преобразование всей системы политических, экономических, социальных отношений.

В среде августовских победителей доминировали антикоммунистические настроения, которые во второй половине 1991 г. стали оп-

ределять официальный курс политики быстро идущей к независимости РСФСР. Этот курс получал и теоретическое обоснование. 28 августа 1991 г. группа известных общественных деятелей «Демроссии» выступила с Заявлением, где произошедшие 19—21 августа события трактовались как «Августовская революция». Политики отмечали, что можно с разными и смешанными чувствами воспринимать развал государства, которое раньше называлось Российской империей, а затем СССР, но «этот свершившийся факт должны приветствовать все истинные демократы как существенную сторону краха коммунистического режима и как проявление в принципе прогрессивной тенденции». Вскоре политический кризис 19—21 августа стали называть антикоммунистической, или демократической, революцией. Зримым доказательством перемен стал демонтаж памятников — символов «тоталитарной эпохи» — Ленину, Дзержинскому, Андропову, возвращение исторических названий городам, улицам (Екатеринбург, Павловский Посад).

Поражение высших представителей союзных структур придало новый мощный импульс концентрации управленческих полномочий в руках исполнительной власти России, олицетворяемых институтом президента. Это было связано с представлением о том, что в период динамичных экономических и политических изменений страна нуждается в усилении исполнительной власти, которая должна квалифицированно и оперативно решать выдвигаемые жизнью проблемы. На государственно-политическом уровне это вело к изменению существовавшей в СССР системы советской власти, которая соединяла законодательные, распорядительные и контрольные функции. Первыми практическим шагами в этом направлении были прямые выборы глав исполнительной власти на общероссийском уровне (Президента РСФСР) и в обеих «столицах» (мэров Москвы и Ленинграда), состоявшиеся 12 июня 1992 г. Дальнейшее развитие этой тенденции требовало избрания глав исполнительной власти краев, областей, городов России. Следующий шаг диктовал необходимость разделения власти и полномочий между новыми исполнительными структурами и ранее «всевластными Советами».

21 августа на волне противостояния с ГКЧП было принято постановление Верховного Совета РСФСР, согласно которому Президенту РСФСР предоставлялось право впредь до принятия закона РСФСР об управлении краем, областью отстранять от должности председателей (всех уровней) Советов народных депутатов в случае неисполнения этими Советами законодательства РСФСР, указов Президента РСФСР, актов Правительства РСФСР, а также исполнения ими решений антиконституционных органов. Не менее революционным был второй пункт постановления, которым вводилась должность главы администрации в крае, области и т. д. как руководи-

теля соответствующего исполнительного органа. Глава администрации становился правопреемником исполкома Совета народных депутатов. В третьем пункте постановления Президенту РСФСР предоставлялось право («впредь до принятия Закона», где бы регулировался порядок выборов, т.е. на четко не определенный срок) единолично назначать глав администраций и освобождать от этих должностей. Постановление вводилось в действие с момента принятия. Документ существенно изменял действовавшую систему управленческих отношений, значительно ограничивая властные функции Советов и усиливая «исполнительную вертикаль», подчиненную непосредственно (и почти исключительно) президенту. Подбором кандидатов и координацией их деятельности занималось Контрольное управление, входившее в структуру Администрации Президента. Забегая вперед, можно отметить, что первые выборы глав администраций (притом лишь в пяти субъектах Федерации) прошли в апреле 1993 г., затем — в виде исключения — в декабре 1995 г. в двенадцати регионах, а с января 1996 г. по март 1997 г. — в 56 субъектах Российской Федерации.

Огромное влияние на последующее политическое развитие страны оказали решения об изменении властного баланса, принятые на втором этапе — V внеочередном съезде народных депутатов РСФСР (28 октября — 6 ноября 1991 г.). Постановление «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» предоставляло президенту право самостоятельно реорганизовывать структуру высшей исполнительной власти России и самостоятельно решать вопросы кадрового назначения в системе исполнительной власти. Президент получал необычайную свободу в отборе лиц на высшие посты в структуре исполнительной власти, не будучи при этом обязанным даже согласовывать с парламентом свои назначения.

Другое постановление — «О правовом обеспечении экономической реформы» — предусматривало, что законы СССР и РСФСР «в период проведения радикальной экономической реформы применяются в части, не противоречащей актам, принятым в соответствии с настоящим Постановлением». Эти акты (указы президента) предполагалось издавать в целях оперативного регулирования экономической реформы. Принятие этого постановления знаменовало вступление России в весьма специфический период политико-правового развития, когда президентские указы стали выполнять роль замещающего или конкурирующего законодательства. О направлениях развития формирующегося «указного права» можно судить по сфере интересов Государственно-правового управления (ГПУ) Администрации Президента, созданного и возглавлявшегося в 1991 г. С. М. Шахраем. В структуру управления входили отделы: государственного, административного и международного права; правового обеспечения вопро-

сов безопасности, обороны и правоохранительных органов; правовых проблем федерализма, местного самоуправления и взаимодействия с федеральными представительными органами; судебной реформы и судопроизводства; гражданского права и хозяйственного законодательства; систематизации законодательства и правовой информатизации.

Решения V внеочередного съезда народных депутатов РСФСР легализовали ситуацию, при которой представительные органы власти фактически лишались реального права корректировать то, что делала власть исполнительная. Уже тогда Б. Н. Ельцин получил огромные полномочия. И хотя решения предусматривали, что полномочия даются «временно», на один год, президент впоследствии настаивал на том, что такое положение следует сохранить на значительно больший период. Со времени V съезда эти темы (выбор модели экономических преобразований и формирование команды реформаторов, время «чрезвычайных полномочий») являлись основными в политическом противостоянии 1992—1993 гг.

На V съезде было принято еще одно решение, усиливавшее влияние высшей исполнительной власти. Президент получил право приостанавливать действие актов главы исполнительной власти (республик в составе РСФСР), а также иные решения органов власти, если они противоречат Конституции и законам РСФСР. Съезд также своим постановлением отменил назначенные ранее Верховным Советом РСФСР на 8 декабря 1991 г. выборы глав администраций, сохранив «августовский» порядок — назначение на эти должности указами президента. V съезд народных депутатов сыграл важную роль в рождении нового политического режима.

Выстраивание «президентской вертикали» было одной из стратегических задач российских лидеров и началось до августовского кризиса. Еще 14 августа 1991 г. указом президента были назначены первые 14 его представителей на местах. До конца года представители президента имелись в более чем 50 регионах России. Все они были народными депутатами либо РСФСР (в основном члены фракций, входящих в «Демократическую Россию»), либо СССР (практически все члены Межрегиональной депутатской группы). Как отмечали в печати, президентские назначенцы играли на местах роль «демократических комиссаров».

Стремлением к концентрации власти можно объяснить и появление Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 г. «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР», которое предполагалось создать через слияние существовавших раздельно структур органов госбезопасности и внутренних дел. Указ сразу же вызвал огромную тревогу в обществе, всколыхнув воспоминания об аналогичном «объединенном ведомстве» начала 1950-х гг. Поэтому

одновременно две депутатские группы и несколько комитетов ВС РСФСР обратились в Конституционный суд с ходатайством о проверке конституционности указа. Это было первое дело, которым занимался недавно созданный Конституционный суд. Оперативно рассмотрев вопрос, он своим решением уже 14 января 1992 г. отменил президентский указ, признав его неконституционным, и слияние ведомств, к удовлетворению многих, не состоялось.

Поворот в федеративной политике. После августа 1991 г. начинается новая федеративная политика России. Звучавшее в 1990 г. предложение «глотать суверенитеты» осенью 1991 г. было окончательно признано ошибочным, и началась борьба за сохранение бывших автономий в правовом поле России. Однако сделать это было нелегко, так как процесс суверенизации уже имел свою инерцию.

Наиболее сложная ситуация складывалась в Чеченской республике. Здесь оппозиция в лице Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН) под руководством генерала Д. Дудаева сразу после «путча» приступила к свержению «партократического клана», который возглавлял председатель Верховного Совета (ВС) республики Д. Завгаев. Началось формирование национальной гвардии, захват хранящегося на складах оружия и боевой техники. 1 сентября 1991 г. Исполком ОКЧН постановил распустить ВС Чечено-Ингушской республики, преемником которого должен был стать Временный Высший Совет. 4 сентября отряды гвардейцев взяли под контроль республиканское телевидение и административные здания исполнительной власти, включая здание Совета министров. А 6 сентября сторонники Дудаева взяли штурмом здание ВС Чечено-Ингушской республики, где в это время происходило заседание. Депутаты, оказавшие сопротивление, были избиты, председатель горсовета Грозного В. Куценко погиб. Именно 6 сентября 1991 г., «день низложения тоталитарного режима и перехода на путь демократически-правовых» структур, отмечается в Чечне как День независимости.

Взятый курс на независимость Чечни предполагалось легализовать через ряд правовых процедур. На октябрь и ноябрь назначались принятие гражданства, выборы президента и парламента. Осуждалась проводившаяся ранее политика «геноцида» и «колониального гнета» чеченского народа со стороны «имперских сил», а для наблюдения за ходом выборов приглашались представители лишь тех союзных республик, которые однозначно взяли курс на выход из СССР. По сути, уже в первой половине сентября 1991 г. в Чечено-Ингушской республике произошел военный переворот, совершенный националистическими радикальными силами, направленный не столько против прежней партийно-советской номенклатуры, сколько нацеленный на выход автономии из России.

В сентябре в Грозном побывали многие московские политики,

пытавшиеся ввести ситуацию в контролируемое федеральными властями русло. Однако миссии Р. И. Хасбулатова, М. Н. Полторанина, Г. Э. Бурбулиса, А. В. Руцкого успеха не имели. По докладу последнего Президиум Верховного Совета России принял постановление «О положении в Чечено-Ингушской республике», сыгравшее большую роль в дальнейшей эскалации напряженности. В документе единственной законной властью на территории республики был назван Временный Высший Совет, а «незаконным вооруженным формированиям», под которыми подразумевались дудаевские структуры, предписывалось к 10 октября 1991 г. сдать оружие.

Исполком ОКЧН воспринял решение российского руководства, выглядевшее как ультиматум, буквально в штыки. В Чечне была объявлена мобилизация всех лиц мужского пола от 15 до 55 лет, а Национальная гвардия была приведена в боевую готовность. К 1 ноября 1991 г. в ней насчитывалось 62 тыс. человек, а в народном ополчении — более 90 тыс. человек.

Б. Н. Ельцин разделял решительные настроения А. В. Руцкого относительно необходимости принятия чрезвычайных мер в отношении Чечено-Ингушской республики. 19 октября 1991 г. он подписал жесткое по тону «Обращение к лидерам Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа», где предупредил, что в случае невыполнения федеральных требований примет все предусмотренные законодательством РСФСР меры «в интересах нормализации обстановки, обеспечения безопасности населения и защиты конституционного строя». Выборы в Чечне объявлялись незаконными, а их итоги заранее признавались недействительными. Тем не менее 27 октября выборы были проведены, в них не участвовали ингуши и часть русскоязычного населения. Голосование прошло менее чем в половине районов республики. Дудаев получил подавляющее большинство голосов участвовавших в голосовании и стал первым чеченским президентом. Избранный парламент оказался практически мононациональным. Результаты выборов не признали не только российские власти, но и оппозиционные Дудаеву силы в Чечне.

С ноября 1991 г. начался особенно драматичный период российской политики в Чечне, который надолго усугубил ранее сделанные ошибки. 4 ноября российский президент распорядился готовить указ о введении в республике чрезвычайного положения. На различных стадиях в его разработке участвовали А. В. Руцкой, С. М. Шахрай, Р. И. Хасбулатов, В. Г. Степанков, Н. В. Федоров, В. П. Баранников, А. Ф. Дунаев. Текст был подписан Ельциным 7 ноября. Согласно указу в ЧИР с 9 ноября по 9 декабря 1991 г. вводилось чрезвычайное положение. В качестве формы управления учреждалась Временная администрация, ее приказы и постановления подлежали исполнению всеми государственными и общественными организация-

ми. Предполагалось привлечь «дополнительные силы и средства органов МВД и КГБ в зону чрезвычайного положения». Согласно плану в операции против Дудаева должны были участвовать более 1,5 тыс. человек.

Таким образом, осознав, что ситуация зашла слишком далеко, российский президент решился на применение силы. Однако операция была провалена прежде всего технически. 8 ноября, когда она началась, техника приземлилась в аэропорту Моздока, а люди — в Беслане (оба — в Северной Осетии). Дороги, по которым войска из Северной Осетии должны были двигаться в Чечено-Ингушетию, были перекрыты. Аэропорт Ханкала в окрестностях Грозного был блокирован несколькими тысячами хорошо вооруженных людей, а взлетные полосы перегорожены тяжелогруженными автомобилями. Прибывшие ранее спецназовцы были заблокированы в здании МВД республики.

Главные причины неудачи попытки вооруженного вмешательства, видимо, находились в политической сфере. Ельцин в тот период еще не имел возможности в полной мере опереться на российские силовые структуры, которые находились в стадии формирования и еще подчинялись союзному президенту. М. С. Горбачев же был категорически против применения войск и давал указания союзным «силовикам» — В. П. Баранникову, Е. И. Шапошникову и В. В. Бакатину — не делать этого. Попытки Ельцина, Руцкого, Хасбулатова уговорить Горбачева успеха не имели. В итоге исполнение указа Ельцина о введении в Чечне чрезвычайного положения было фактически заблокировано.

В Чечне известие о намерении ввести в республике чрезвычайное положение привело к сплочению вокруг Дудаева. Распространявшийся слух о якобы вновь готовящейся депортации чеченцев консолидировал чеченское общество. Чеченский парламент потребовал от президента РСФСР в течение 24 часов вывести с территории республики все вооруженные формирования. Не прекращались массовые акции протеста, были блокированы здания МВД, полк внутренних войск, дислоцированный в Грозном. 9—10 ноября от руководства Исполкома ОКЧН прозвучали угрозы осуществить террористические акты на территории России и превратить Москву в «зону бедствия». О серьезности чеченских деклараций свидетельствовал захват самолета, который следовал по маршруту Минеральные Воды — Свердловск.

В этих условиях 11 ноября на заседании ВС РСФСР произошло бурное обсуждение вопроса о конституционности указа Ельцина о введении чрезвычайного положения в Чечне. Парламент отказался утвердить указ, обязал урегулировать конфликт политическими средствами путем переговоров с основными политическими группами, не делая исключения для Исполкома ОКЧН. Как выражение недоверия

президенту звучал пункт о том, что состав «представительной делегации» на переговорах и ее полномочия будет утверждать Верховный Совет РСФСР. В пользу отмены указа по разным причинам выступили представители самых разных фракций.

В то же время продолжалась милитаризация чеченского властного режима. Указом от 9 декабря 1991 г. Дудаев подчинил себе все вооруженные формирования на территории республики, предписывал создать Штаб Вооруженных сил «для управления частями и подразделениями армии и частями народного ополчения». В ноябре—декабре 1991 г. продолжался «ползучий» захват имущества и вооружений расположенных на территории Чечни частей Советской армии. Указом от 19 декабря 1991 г. Дудаев возрождал «утраченное в условиях тоталитарной системы право граждан Чеченской республики на приобретение и хранение огнестрельного оружия», что обусловливалось и «состоянием социально-политической обстановки в республике».

При этом Дудаев не принял 3 декабря независимых экспертов, направленных в Грозный Верховным Советом РСФСР для подготовки материалов для переговоров. 19 декабря 1991 г. заместитель председателя ВС РСФСР Ю. Ф. Яров обратился к Дудаеву с просьбой прислать свою экспертную группу в Москву. Тон письма свидетельствовал, что Москва смирилась с лидерством генерала в республике. Однако письмо было оставлено без ответа, переговоры начались лишь в марте 1992 г.

В октябре—декабре 1991 г. «совершенствование» федеративных отношений разворачивалось и на других направлениях. Продолжался начавшийся ранее процесс избрания президентов республик в составе России, однако теперь он шел не «явочным порядком», а на основе согласительных постановлений ВС РСФСР. Так были избраны президенты Марийской ССР, Чувашской ССР, Мордовской ССР, Якутской (Саха) ССР. В соответствии с рекомендацией Верховного Совета России выборы в Кабардино-Балкарии были перенесены на более поздний срок. Были проведены выборы в новых субъектах Федерации, созданных на базе повысивших статус национальных областей: в Адыгее, Горно-Алтайской, Карачаево-Черкесской и Хакасской республиках. Это были «инерционные шаги» по укреплению провозглашенных ранее суверенитетов, но теперь они носили более упорядоченный характер.

Особняком на общем фоне стоял Татарстан. Выборы президента здесь состоялись еще 12 июня 1991 г., одновременно с общероссийскими. За избранного на этот пост М. Ш. Шаймиева проголосовали 70% принявших участие в голосовании, в то время как на общероссийских выборах за Ельцина в республике проголосовали лишь 45%. При этом Президент Татарстана изначально имел статус «главы рес-

публики», в то время как российский — лишь статус «высшего должностного лица, главы исполнительной власти». В сентябре 1991 г. в Казани проходили волнения и митинги с требованиями независимости Татарстана, 24 октября ВС этой республики принял постановление «Об акте государственной независимости Республики Татарстан». 26 декабря 1991 г. ВС Татарстана принял декларацию о вхождении в СНГ на правах соучредителя. В те месяцы получило распространение высказывание Шаймиева: «Нет президентов больших и малых, есть президенты равные».

Выбор модели экономических преобразований. Результаты предшествовавшего хозяйствования и политического развития предопределили выбор команды реформаторов и характер проводившегося ими курса. Экономическое положение страны к концу 1991 г. можно охарактеризовать как катастрофическое. За один лишь 1991 г. национальный доход снизился более чем на 11%, ВВП — на 13%, промышленное производство — на 2,8%, сельскохозяйственное — на 4,5%, добыча нефти и угля — на 11%, выплавка чугуна — на 17%, производство пищевой продукции — на 10%. Валовой сбор зерна сократился на 24%, а его государственные закупки — на 34%. Особенно сильно уменьшился внешнеторговый оборот — на 37%, причем объем экспорта упал на 35%, а импорта — на 46%. При сокращении поступления товаров на рынок продолжалась и даже усиливалась накачка экономики деньгами. Прибыли предприятий увеличились в 1,9 раза, денежные доходы населения — в 2, а выпуск денег в обращение — в 4,4 раза. За один лишь 1991 год уровень потребительских цен увеличился более чем в два раза (на 101,2%), притом что годом раньше рост цен составил всего 5%.

В итоге к осени 1991 г. был полностью потерян контроль над финансовыми процессами и денежным обращением, реальностью стала дезинтеграция денежной системы страны. Ее признаками были: растущая долларизация экономики, вытеснение товарно-денежных отношений бартером, а также административные ограничения межрегионального товарообмена. Некоторые республиканские и областные власти приступили к вводу фактических заменителей денег (талонов, карточек покупателей, купонов), а в ряде случаев (Украина, Эстония, Латвия, Литва) заявили о намерении введения полноценных национальных валют. Это увеличивало находящуюся в обращении денежную массу и выталкивало ее на территорию России, усугубляя финансовую ситуацию.

В 1991 г. дефицит государственного бюджета СССР увеличился в сравнении с запланированным в 6 раз и составил огромную цифру в 20% ВВП (по зарубежным оценкам — 30%), причем бывшие союзные республики фактически прекратили перечисление средств в общесоюзный бюджет. Соответственно финансирование федераль-

ных служб, внешнеполитической деятельности, армии, спецслужб практически полностью перешло под эгиду бюджета РСФСР.

Значительно ухудшилась валютная ситуация. Внешний долг увеличился до 76 млрд, а внутренний — до 5,6 млрд долл. Резко сократились золотовалютные резервы, их запас был рекордно низким: в 1989—1991 гг. за рубеж было вывезено более 1000 т золота, и на 1 января 1992 г. его осталось лишь 289,6 т. К концу октября 1991 г. ликвидные валютные ресурсы были полностью исчерпаны, и Внешэкономбанку пришлось приостановить все платежи за границу (за поставляемые товары и услуги, взносы в международные организации), за исключением платежей по обслуживанию внешнего долга.

Неблагополучие в производственной и денежно-финансовой сферах привело к распаду потребительского рынка. В разряд дефицитных перешли практически все виды товаров. Большинство городов страны было охвачено карточной системой. Однако даже скудные нормы, определяемые местными властями, не обеспечивались ресурсами, снабжение не гарантировалось, талоны не отоваривались месяцами, а реализация товаров по ним проходила нервно, с огромными очередями. В результате паралича всех звеньев и систем управления снабжение, прежде всего городов и армии, оказалось практически нарушенным. Так, в январе 1992 г. ресурсы продовольственного зерна составили около 3 млн т в месяц при потребности страны свыше 5 млн т. Это делало обязательным ежемесячный импорт около 3 млн т зерна, на что, как уже отмечалось, в казне не было средств.

Таким образом, любые реформаторы в России в конце 1991 г. должны были в своей деятельности исходить из сочетания трех кризисов: инфляционного (ускоряющаяся открытая инфляция при острой нехватке товаров), платежного (острый дефицит золотовалютных ресурсов и подрыв кредитоспособности страны) и системного (утрата органами госвласти на всех уровнях способности регулировать ресурсопотоки).

Экономический кризис 1991 г. был усугублен (а во многом и обусловлен) острой политической борьбой между различными центрами власти. Особенно жестким и непримиримым было противостояние между российскими и союзными государственно-политическими институтами. Сложилось противоречие: в руках союзного руководства находился хозяйственно-управленческий аппарат, но лидерам явно не хватало политического авторитета, были ослаблены и властные механизмы. У России же не было достаточных административно-хозяйственных структур, но авторитет поднявшихся на протестной волне лидеров был явно выше, более привлекательно выглядела и их публичная риторика. В этих условиях рассчитывать на эффективное управление экономикой было невозможно. Поэтому экономический кризис в СССР в 1991 г. следует рассматривать прежде всего как кризис

власти. Радикальные и быстрые изменения в системе властных отношений между союзным и российским центрами начались лишь после событий 19—21 августа 1991 г.

Каковы были возможные пути и реальные возможности реформирования российской экономики? Говоря о переходе к рынку, обычно обсуждают «китайский путь» и «польский вариант», обращая внимание прежде всего на то, что в первом случае реформы проводятся в огромной стране постепенно, поэтапно, охватывают достаточно длительный период. Во втором — вхождение в рынок произошло в не столь крупном государстве быстро, стремительно, набор проводимых мероприятий был столь радикален и непривычен для населения, что получил название «шоковой терапии». На самом же деле различия носили более глубокий характер.

В отличие от широко пропагандируемых представлений об априорной неэффективности социалистической экономики и невозможности ее реформирования, в Китае полагали, что «нереформируемых экономик нет». Здесь считали, что решающая роль принадлежит способности правящего слоя проводить необходимые изменения с учетом уже существующих экономических реалий и менталитета связанных с ними людей. В Китае были уверены, что внедрение рыночных отношений не обязательно должно сопровождаться коренной ломкой политико-государственных институтов, напротив, разделяли убеждение в том, что сохранение политической стабильности снижает связанные с переходным состоянием риски. Признавая достижения стран с развитой рыночной экономикой, в Китае делали акцент не на копирование их опыта, не на вестернизацию, а на более широкое использование промежуточных, переходных форм хозяйствования. Это нашло отражение, в частности, в том, что капиталистический сектор в Китае строился не вместо, а параллельно с государственным, социалистическим, а рыночное регулирование постепенно распространялось на все большее число субъектов хозяйствования независимо от формы собственности, к которой они принадлежали. Концепция китайских реформ была сформулирована Дэн Сяопином в декабре 1978 г.

Ситуация в Польше была принципиально иной. Польская элита считала свою страну частью западной цивилизации, возвращение в лоно которой было естественным после освобождения от советской опеки. Здесь был и больший опыт взаимодействия с западным миром. Период существования «социализма советского типа» в Польше был намного короче, чем в СССР, сохранение и воспроизводство рыночного менталитета подпитывалось наличием заметного рыночного сектора (прежде всего в сфере услуг и в сельском хозяйстве). В то же время с конца 1970-х гг. польская экономика находилась в состоянии затяжного и глубокого кризиса, который к концу 1980-х гг. подвел к ее полному краху.

Развал экономики требовал принятия срочных мер, которые осуществлялись при поддержке Запада, таких его финансовых институтов, как Международный валютный фонд (МВФ) и Мировой банк. Проведение структурных реформ по их сценарию стало главным условием предоставления новых займов и отсрочек по платежам, полученных ранее, без которых польская экономика уже не могла существовать. Для получения поддержки требовалось реализовать четыре важнейшие группы мероприятий. Туда входили: 1) обвальная либерализация цен, доходов, всей хозяйственной деятельности; 2) обеспечение макроэкономической стабилизации за счет жесткой денежной политики подавления инфляции (сокращение бюджетного дефицита и эмиссии денег, конвертируемость валюты); 3) проведение срочных системных преобразований в экономике (пересмотр роли государства в экономике, приватизация, развитие рыночной инфраструктуры); 4) курс на открытость экономики (либерализация внешней торговли, сокращение тарифов). Эти рецепты были первоначально разработаны МВФ для стран «третьего мира» — с неразвитым перерабатывающим сектором и сырьевой направленностью экономики — и апробированы на них. Цель такой политики состояла не в комплексном развитии экономики этих стран, а в повышении их способности расплачиваться по ранее полученным кредитам.

Однако реализация перечисленных мер в Польше сопровождалась крутым падением объема промышленного производства, сохранением высокой инфляции, резким ростом дифференциации доходов населения. Реформы были связаны с именем Л. Бальцеровича (в те годы — министр финансов, исполнявший обязанности премьера польского правительства), которого Е. Т. Гайдар назвал «одним из самых выдающихся экономических реформаторов двадцатого века».

Что касается функционирования рыночной экономики капиталистического типа, то здесь также имелись разные ориентиры. Один из них был основан на идеях британского экономиста Дж. Кейнса, сформулированных им на основе результатов анализа мирового кризиса и Великой депрессии конца 1920—1930-х гг. Кейнс пришел к выводу, что капиталистическая рыночная экономика не является саморегулирующейся и для ее оптимального функционирования необходимо постоянное вмешательство государства. Это касалось прежде всего отраслей, обеспечивающих все национальные экономические комплексы сырьем и энергоресурсами, поддержание инфраструктуры. Эффективность подходов Кейнса была подтверждена практикой послевоенного развития в ряде европейских стран (Германии, Франции и др.), где идеи кейнсианства, дирижизма разделяются многими экономистами и поныне.

Сторонники другого подхода — либерализма — полагают, что экономическая свобода, основанные на ней конкурентность, гибкость

и динамизм всех хозяйственных институтов выступают непосредственной производительной силой, т.е. прямо определяют экономическую эффективность. В 1970-е гг. оформилась идеология радикального неолиберализма, или либерал-монетаризма. Монетаризм предполагает использование финансов в качестве главного рычага регулирования экономики. Возникновение этой доктрины и определенный авторитет, который она завоевала, были связаны с кризисной ситуацией 1970-х гг. в мировой экономике, а также с появлением кризисных явлений в социалистической системе хозяйства. Начавшаяся в это время мировая волна либерализации и приватизации (наиболее известные примеры — тэтчеризм и рейганомика) позволили ведущим странам преодолеть опасную инфляцию и спад. Это ослабило позиции кейнсианства и способствовало экспансии идеологии либерализма. Исследователи считают, что в наиболее крайних формах он утвердился в таких международных финансовых организациях, как МВФ и Мировой банк.

Что касается России, очевидно, эволюционный, градуалистский путь реформирования был бы предпочтительнее хаотичной революционной ломки, всегда сопровождающейся большими социальными издержками. В этом плане заслуживал внимания «китайский путь». Однако уже тогда для России он был неприемлем по ряду причин. В Китае изначально сконцентрировались на экономических преобразованиях, необходимость государственно-политической реформы даже не обсуждалась, как не ставилась под сомнение и социалистическая идеология. Государство являлось главным проводником политики по внедрению и развитию рыночных отношений, определяя и контролируя их формы, сферы применения и темпы внедрения. Необходимость реформ диктовалась крайне низким уровнем жизни населения и отсталостью китайской экономики даже в сравнении со среднеразвитыми странами, здесь не было хозяйственного кризиса.

В СССР ситуация была принципиально иной. Здесь экономическим преобразованиям в рыночном направлении предшествовала радикальная реформа политической системы, которая ослабила государство, сопровождалась полной сменой идеологических ориентиров. Острая политическая борьба между различными частями элиты привела к тому, что к осени 1991 г. старое союзное государство уже было сломано, а создание нового российского находилось лишь в начальной стадии. Не было ясности и в вопросе о том, как в перспективе будут строиться отношения между РСФСР и бывшими союзными республиками, которые к тому времени объявили себя суверенными государствами.

Поэтому слабость государства и кризисное состояние экономики делали практически невозможным постепенный и контролируемый переход к рыночным отношениям в России осенью 1991 г. Шансы на

использование мер, напоминавших китайский опыт, остались в прошлом. В это время у российского руководства выбора уже не было, пропаганда либерализма была экономически вынужденной и политически безвариантной. Сохранение хотя бы относительной социально-политической стабильности и, следовательно, выживание российской власти, диктовали необходимость любой ценой предотвратить проявления массового недовольства (с непредсказуемыми последствиями) в связи с кризисом продовольственного снабжения на рубеже 1991—1992 гг. Преодолеть же его можно было лишь через закупку продовольствия за рубежом, для чего не было средств и требовались займы. Заимствование предстояло осуществить у МВФ, который предоставление денег обусловливал проведением экономических преобразований по своим рецептам, напоминавшим ранее выписанные Польше. Не случайно именно эту страну Е. Т. Гайдар рассматривал «как точку отсчета, позволяющую выявить, проанализировать те проблемы, с которыми предстоит столкнуться России в ходе рыночных преобразований».

Своеобразие российских преобразований в 1990-е гг. состояло в том, что становление новой системы государственной власти происходило одновременно с радикальным реформированием экономики. Политическая обстановка и состояние социальной сферы осенью 1991 г. требовали преобразований, но при этом неминуемо нарушалась бы общепризнанная логика перехода к рынку: разгосударствление, приватизация собственности должны были предшествовать освобождению цен и либерализации торговли. В российской же действительности все произошло наоборот: рыночные отношения в торговле и финансовой сфере стали утверждаться до приватизации государственного имущества, т.е. до возникновения основного субъекта рыночных отношений — собственника. Отсюда — необычайная стихийность экономических процессов, слабая управляемость начатыми реформами. Отсутствие разработанной нормативно-правовой базы и слабость госструктур привели к тому, что огромные сегменты национального хозяйства вынужденно уходили в «тень» и (или) были во многом криминализированы. А это в свою очередь оказывало все большее влияние на политическую сферу. Все это осложняло и оформление новой системы власти, и руководство хозяйственными преобразованиями. В результате в России был реализован вариант реформ, отличный и от китайского, и от польского, который некоторые называют «шок без терапии»: быстрые и радикальные изменения в хозяйственной жизни происходили без видимого улучшения состояния экономического организма.

После августа 1991 г. в РСФСР остро встал вопрос о формировании нового кабинета министров и поиске кандидатуры нового премьера. И. С. Силаев и его кабинет решали преимущественно не эконо-

мическую, а политическую задачу: боролись за российский суверенитет. Осенью же 1991 г. для вывода страны из кризиса требовалось по-настоящему «работающее правительство», создать которое оказалось нелегко. Недоверие к союзному правительству лишало Б. Н. Ельцина возможности использовать управленцев из его состава: все они рассматривались как «горбачевцы». Возникшие разногласия в «своем» окружении не позволили назначить на пост главы правительства М. А. Бочарова (председатель Высшего экономического совета России), Е. Ф. Сабурова (министр экономики РСФСР), Г. А. Явлинского (самого популярного, по словам Ельцина, в то время экономиста). В числе возможных претендентов на этот пост рассматривались Ю. А. Рыжов, Ю. В. Скоков, А. М. Емельянов, С. Н. Федоров, М. Н. Полторанин, которые, однако, по разным причинам отказались.

Неудача с подбором кандидата в премьеры традиционным путем заставила Ельцина обратиться к другим вариантам решения этой проблемы. Новое предложение исходило от Госсекретаря РСФСР Г. Э. Бурбулиса, который представил президенту уже известного, но прямо не связанного с политическими баталиями 1990—1991 гг. экономиста Е. Т. Гайдара. В 1994 г. свои мотивы выбора Гайдара Ельцин обосновывал следующим образом: «Гайдар прежде всего поразил своей уверенностью... Это... очень независимый человек... Было видно, что он не будет юлить... было важно, чтобы от меня не только ничего не скрывали, но и не пытались скрыть... Он умеет заразить своими мыслями, и собеседник ясно начинает видеть тот путь, который предстоит пройти. И, наконец, два последних, решающих фактора. *Научная концепция Гайдара совпала с моей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро.* Я не мог снова заставлять людей ждать, оттягивать главные события... на годы. Решились — надо идти!» (Выделено мной. — *Авт.*) Выделенные слова, видимо, имеют ключевое значение и для объяснения действий гайдаровской команды осенью 1991 г. В 1993 г. один из ее участников признавался: «Наша команда не претендует на роль инициаторов или заказчиков социальной политики. Заказчиком является Ельцин. Мы выступили как пожарники — для спасения экономики и для спасения власти Ельцина».

Конкретизация новой политической и экономической линии российского руководства началась сразу после кризиса 19—21 августа 1991 г. В начале сентября на госдаче в Архангельском (Подмосковье) по инициативе Г. Э. Бурбулиса над стратегией и тактикой правительства начали работать Е. Т. Гайдар, В. М. Машиц, А. А. Нечаев, А. А. Головков, К. Г. Кагаловский, А. П. Вавилов; позже к ним присоединились Е. Г. Ясин и Л. М. Григорьев. В обсуждении и подготовке материалов в различных формах участвовали А. Б. Чубайс, В. И. Данилов-Данильян, П. О. Авен, Б. Г. Салтыков, С. Ю. Глазь-

ев, М. Н. Полторанин, В. А. Махарадзе, А. В. Козырев, Н. В. Федоров, С. М. Шахрай. Идеология будущих преобразований нашла отражение в двух концептуальных документах. Первый имел название «Стратегия России в переходный период» (известен также как «Меморандум Бурбулиса»), и второй — «Ближайшие экономические перспективы России».

Авторы «Стратегии...» полагали, что главный вопрос осени 1991 г. не вопрос о последовательности реформ, а совсем другой — осуществлять ли реформирование российской экономики, сохраняя «рудименты союзного государства, интегрированного хозяйства... или осуществлять стратегию скорейшего достижения Россией экономической самостоятельности и независимого проведения экономических реформ». Разработчики концепции утверждали, что до августа 1991 г. существовал промежуточный союз республиканских элит, которые боролись против союзного Центра. Однако после августа на первый план вышли объективные противоречия между Россией и остальными республиками. Эти противоречия связывали с различными масштабами экономик, разницей ресурсных потенциалов, неодинаковым видением перспектив исторического развития, а также с различным «политическим весом» в глазах международного сообщества. «Стратегия...» определила принципиальный курс на экономическую независимость при «мягком» политическом союзе. Из него вытекала необходимость создания независимого российского государства со всеми его атрибутами, включая собственную валюту, таможенную и пограничную службы и т.п.

«Ближайшие экономические перспективы России» конкретизировали эти установки применительно к ее хозяйственной политике. В перспективе виделись, во-первых, обретение полноценной экономической независимости и самостоятельное проведение реформ, к которым могут присоединиться (или не присоединиться) другие республики. Во-вторых, возложение Россией на себя ответственности по обязательствам, касающимся внешнего долга СССР, что давало ей возможность претендовать на союзный золотой запас, собственность за границей и долги иностранных государств Союзу. При этом Россия становилась естественным партнером западных стран и международных финансовых организаций, помощь которых была остро необходимой. Привлекательность же России для Запада связывалась с ее емким внутренним рынком и богатым экспортным потенциалом, которые предполагалось переориентировать на развитые страны. В-третьих, объявление госсобственностью России находящейся на ее территории союзной и сохранение контроля над финансовой сферой во всей рублевой зоне до тех пор, пока она будет существовать. Документ фиксировал необходимость в межреспубликанских расчетах переходить на мировые цены. И наконец, именно в «Экономических перспекти-

вах» гайдаровцы определили финансово-денежную сферу в качестве первичного звена стабилизационных и реформаторских усилий.

В последовавших за «Стратегией...» и «Перспективами» документах были определены основные направления послеавгустовского политического курса. Анализ событий сентября—декабря 1991 г. свидетельствует о том, что в своей практической деятельности российские лидеры руководствовались сформулированными в них идеями.

Начало перехода к политике реформ связано с решениями V съезда народных депутатов России. 28 октября 1991 г. с его трибуны Б. Н. Ельцин обратился к гражданам Российской Федерации. Констатируя, что «поле для реформ разминировано», он призвал осуществить «крупный реформистский прорыв» в экономике. Для этого предлагалось: 1) разовое введение свободных цен, которое должно было «запустить» механизм рыночной конкуренции и ликвидировать товарный дефицит; 2) либерализация торговли, призванная создать рыночную инфраструктуру и активизировать товарооборот; 3) приватизация жилья, государственных промышленных, торговых и проч. предприятий, имевшая целью создание как можно большего числа субъектов рынка и экономических мотивов деятельности. Из речи Ельцина следовало, что Россия приступала к преобразованиям самостоятельно, без согласования с другими республиками. Как справедливо отмечал Е. Т. Гайдар, в выступлении были обозначены «контуры программы реформ».

Признавая болезненность предложенных мер, президент заметил, что их может осуществить лишь правительство народного доверия, состоящее не из политиков, а из профессионалов. Стремясь поддержать их своим авторитетом, президент предложил лично возглавить правительство, на что и получил согласие съезда. Ельцин попросил депутатов внести ряд важных изменений в систему высшей государственной власти России, и съезд также пошел ему навстречу.

В начале ноября президент, возглавивший правительство реформ, начал практическую подготовку к их реализации. 5 ноября был подписан указ о назначении Г. Э. Бурбулиса первым вице-премьером, Е. Т. Гайдара — вице-премьером, министром экономики и финансов, а А. Н. Шохина — вице-премьером, министром труда и занятости. Дальнейший подбор «экономических» министров и их заместителей проходил при участии всех трех вице-премьеров преимущественно на основе «архангельской» команды Гайдара.

15 ноября, после формирования нового Правительства РСФСР, Ельцин подписал пакет из десяти президентских указов и правительственных распоряжений, которые намечали конкретные шаги в сторону рыночной экономики. Начался процесс слияния российских органов управления с общесоюзными: функции 88 министерств и ведомств СССР передавались соответствующим министерствам России,

количество которых — 41 — подлежало сокращению. Вместо 129 союзных и российских структур предполагалось сформировать лишь 20 при уменьшении численности чиновников более чем в два раза, что означало крупнейшую административно-управленческую реорганизацию. В числе первых был взят под контроль Госплан СССР, следующим шагом стало объединение Минфинов Союза и России и консолидация их бюджетов. В конце ноября 1991 г. Россия взяла на себя обязательства по долгам СССР и активизировала попытки убедить западных лидеров предоставить ей крупномасштабную помощь.

Новый курс правительства нашел отражение в базовых параметрах бюджета на 1992 г. Резкому сокращению подверглись государственные расходы. Ассигнования на закупку вооружений снижались в 7,5 раза, централизованные капиталовложения — в 1,5 раза, ценовые дотации — почти в 3 раза. Снижались расходы в аграрном секторе и социальной сфере. По словам Гайдара, эти «драконовские меры» давали шанс избежать гиперинфляции и «послать импульс для запуска мотора рыночной экономики».

К январю 1992 г., когда начались преобразования, программы перехода к рынку как комплексной системы поэтапных мер, имеющих целью достижение определенного экономического и социального результата, в России создано не было. Существовало лишь представление о наборе необходимых экономических инструментов, позволяющих включить в действие рыночные механизмы. Е. Т. Гайдар и члены его кабинета рассматривали свою деятельность исключительно как стратегическую, направленную на изменение исторического вектора развития страны, осуществления в ней системной трансформации. Поэтому понимание и верность избранному курсу ценились выше навыков профессионального управления.

§ 2. ПЕРВЫЙ ГОД НЕЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ. 1992

«Шоковая терапия». История современной России начинается с конца декабря 1991 г., когда в результате глубокого социально-экономического и политического кризиса прекратил свое существование СССР. Новому государству предстояло остановить действие деструктивных процессов, охватывавших многие сферы, восстановить управляемость в стране и перейти к реформированию всей системы общественных отношений. В этом плане особое место занимает 1992 год, события которого оказали большое влияние на последующее развитие государства и общества.

В экономической политике сочетались антикризисные меры и рыночные преобразования. Они начались 2 января 1992 г. Именно с этого дня вступал в силу президентский указ об освобождении цен:

на подавляющее большинство товаров (за исключением хлеба, молока, спиртного, а также коммунальных услуг, транспорта и энергоносителей) цены были освобождены, а оставшиеся регулируемые — повышены. Это привело к тому, что на полках магазинов появились многие забытые продукты и товары, которые, однако, оказались малодоступны основной части населения из-за их необычайной дороговизны.

Большие изменения произошли во внешнеэкономической сфере. Были сняты количественные ограничения по экспорту готовой продукции, сохранялись лишь квоты на вывоз топливно-энергетических и сырьевых ресурсов. В то же время, учитывая тяжесть давившего на рынок «денежного навеса» и скудость товарных запасов, были временно отменены ограничения на импорт. Это было достигнуто посредством установления нулевого импортного тарифа. Принятые меры привели к тому, что в страну хлынул поток товаров самого различного ассортимента и качества. Свободный импорт в начале 1992 г. сыграл роль катализатора в развитии частной рыночной торговли.

Для того чтобы активизировать рыночный товарооборот, ликвидировать монополию государственной торговли, стимулировать адаптацию населения к новым условиям, 29 января 1992 г. Президент РФ подписал Указ «О свободе торговли». Это был весьма демократичный акт, дававший возможность заниматься торговлей каждому, кто пожелает. Население быстро откликнулось на указ. Повсеместно в российских городах появились многолюдные неорганизованные «толкучки», где можно было приобрести самые разнообразные вещи.

В последние дни 1991 г. появился президентский указ, утверждавший основные положения программы приватизации, — временный документ, действовавший до принятия Верховным Советом соответствующей госпрограммы. 29 января 1992 г. в его развитие был подписан важный указ, которым утверждались основные нормативные документы, регламентирующие порядок главных приватизационных процедур: проведение конкурсов и аукционов, порядок оплаты и т.п. В этих документах были сформулированы принципы, идеология и технология приватизации, которые действовали до 1996 г. В феврале—марте 1992 г. на их основе набирает темп «малая приватизация» (предприятия торговли, общественного питания, сферы обслуживания). К июню в частную собственность перешло почти 10 тыс. объектов государственной и муниципальной собственности и на 30 тыс. были поданы заявки.

К весне 1992 г. относятся попытки осмысления первых результатов нового экономического курса, которые выглядели достаточно противоречиво. Либерализация цен привела к такому их росту, который значительно отличался от правительственных прогнозов. Первоначальный скачок цен в январе сопровождался их относительной ста-

билизацией в феврале, но за март—май потребительские цены на товары и услуги выросли почти вдвое, и летом этот процесс не остановился. Вместо первоначально обещанного двух-, трехкратного повышения цен на многие основные товары они выросли в 10—12 раз (к концу года — в 36). Резкое сокращение розничного товарооборота (в первом квартале в среднем на 50% в сравнении с аналогичным периодом 1991 г.) свидетельствовало о резком снижении покупательной способности и без того неизбалованного российского населения.

Неблагополучно складывалась ситуация и с денежными доходами граждан. Либерализация цен позволила снять «денежный навес» — накопленный к 1991 г. избыток денег над товарами. Это, однако, привело к тому, что в огне инфляции сгорели многолетние сбережения населения. Большую их часть составляли относительно небольшие вклады далеко не самых богатых граждан. Отрицательный общественный резонанс вызывало равнодушие властей к этой острой проблеме. Ухудшилось положение пенсионеров, работников бюджетных организаций и структур. Усилилась дифференциация населения по уровню доходов. На старте реформ не удалось предотвратить кризис наличной денежной массы: темпы инфляции были столь значительны, что власти не успели и не успевали напечатать требуемое в обороте количество денег. В результате постоянно росла задолженность государства по выплате зарплат, пенсий и пособий (на 1 апреля 1992 г. — 40 млрд руб., а к 1 июня — уже 150 млрд), что являлось дополнительным фактором роста социальной напряженности. Согласно опросам общественного мнения примерно половина населения страны стала жить гораздо хуже, более четверти — немного хуже, чем в декабре 1991 г. Определенные улучшения констатировал лишь каждый одиннадцатый из опрошенных.

Не более оптимистично складывалась ситуация в сфере материального производства. В промышленности наблюдалось сокращение объемов выпускаемой продукции при значительном росте цен на изделия. В результате прекращения финансирования государством нерентабельных предприятий весной 1992 г. все более острым становился платежный кризис. Резко увеличилась взаимная задолженность предприятий, усилился дефицит платежных средств. Взаимная задолженность нарастала как снежный ком: к концу января она составляла 140, к концу февраля — 390, а к концу марта 780 млрд руб., что соответствовало примерно 40% объема продукции промышленного производства (в июне сумма достигла двухтриллионного уровня). Чисто «рыночное» решение этой проблемы требовало банкротства несостоятельных плательщиков, однако масштабность проблемы делала неизбежным государственное вмешательство.

Нелегким было положение в аграрном секторе. Правительство делало ставку на форсированное развитие фермерства, активно лоб-

бировало введение свободной купли-продажи земли. В СМИ развернулась кампания по дискредитации колхозно-совхозного строя. Новации должна была подтолкнуть и начавшаяся перерегистрация хозяйств, в ходе которой крестьянам предстояло как бы заново определиться, с каким производством — коллективным или индивидуальным — связать свое будущее. В результате же проводимого курса проиграла деревня в целом: «неперспективным», часто дотационным, колхозам и совхозам были значительно урезаны масштабы финансовой поддержки, хотя они неизбежно на ближайшее будущее оставались главными поставщиками продовольствия и сырья для пищевой и легкой промышленности. В то же время фермерское движение получило преимущественно моральную поддержку: не были решены вопросы его финансового, материально-технического и правового обеспечения.

Ставка на «фермерское» семейное хозяйство была связана с непониманием того, что в силу специфики климата в большинстве регионов страны, за исключением юга Европейской России, рабочий период в сельском хозяйстве был до предела коротким. Это вынуждало страну так или иначе поддерживать крупное производство, позволявшее концентрировать массу рабочей силы и техники в предельно короткие по времени, важнейшие по сути циклы аграрного производства. Для России такая организация труда веками была главной, хотя часто невыполнимой задачей. В частности, для ее реализации в российском крестьянстве тысячелетия существовала община. Лукавые эксперты, видимо, не объясняли власть предержащим, что в условиях острого кризиса промышленности абсолютно нереально налаживание производства принципиально новых видов сельхозтехники и приобретение ее бывшими членами колхозов и совхозов. Кроме того, мировой опыт становления аграрного капитализма четко свидетельствовал о том, что только тогда, когда капитализм овладевал промышленностью и становился реальностью межотраслевой перелив капитала, появлялись и условия развития капитализма в сельском хозяйстве. Политика Гайдара, сделав все наоборот, ввергла аграрное производство и огромную часть населения в глубокий, длительный, а главное, немотивированный кризис, не говоря уже о других не менее важных последствиях.

В центре внимания правительства находились почти исключительно стратегические и макроэкономические проблемы. Прежде всего предполагалось восстановление утраченного контроля над государственными финансами. Проводилась жесткая бюджетная политика, направленная на устранение дефицита госбюджета, который к концу 1991 г. достигал огромной суммы в 20% ВВП. Эта политика включала резкое сокращение расходных статей, куда включались затраты на отрасли социальной сферы (здравоохранение, образование,

наука, культура, коммунальная сфера), закупки вооружений, централизованные инвестиции, бюджетные дотации и субсидии территориям и предприятиям. Резкое сокращение государственных расходов привело к тому, что уже в январе 1992 г. дефицит бюджета сменился его профицитом в размере 5,1%, в феврале бюджетный дефицит составил 2,7%, в марте — 2,3%, а в апреле был вновь зафиксирован профицит в 4,4%. Реформаторы в качестве позитивного отмечали тот факт, что за пять месяцев от начала либерализации дефицит государственного бюджета не превысил 0,5% ВВП.

Жесткая бюджетная политика привела к снижению темпов инфляции. После всплеска в январе 1992 г. в феврале ее уровень составил уже 38,3%, в марте — 30%, в апреле — 22%, в мае — 12%. Объем же производства понижался высокими, но вполне допустимыми, по мнению правительства, темпами: по сравнению с декабрем 1991 г. ВВП сократился в январе 1992 г. на 3,9%, в феврале — на 6,9%, в марте — на 7,2%, в апреле — на 11,7%.

Однако формальное улучшение макроэкономических показателей оставляло без ответа насущные вопросы о том, как выживать основной массе населения (при потере накоплений и резком уменьшении доходов) и каким образом смогут функционировать в новых условиях промышленные и сельскохозяйственные предприятия, из которых около половины не могли обходиться без государственных бюджетных «вливаний». Теоретически было ясно, что в «будущем» все должно измениться и экономику страны ожидает динамичный рост. Но когда это произойдет и какие хозяйственные субъекты станут реальной опорой движения к новому общественно-экономическому порядку, сказать было нелегко.

Преобразования первых месяцев 1992 г. привели к появлению большого числа людей, недовольных их результатами. Поэтому перед президентом и правительством весной 1992 г. встала проблема определения той социальной базы, которая позволит двигаться к рынку дальше. После августа 1991 г. существовала определенная коалиция сил, выступавших за ускоренное движение к рынку. Социальные группы, заинтересованные в этом, можно условно разделить на три части. В первую вошли те, кто составлял основу массового «протестного», антитоталитарного, антиноменклатурного демократического движения 1988—1991 гг., выступавшего под лозунгом «демократия и рынок». Это были преимущественно представители интеллигенции, инженерно-технические работники, управленцы, служащие, которые после провала «путча» надеялись быстро реализовать свои надежды. Во вторую входили те элитные и околоэлитные слои, которые в 1987—1991 гг. уже включились в полуофициально поощряемые «сверху» рыночные отношения через валютно-финансовые, экспортно-импортные и прочие коммерческие операции. Сюда же примыкали организа-

торы торговли разного уровня и связанные с ними предприниматели, которые лучше других видели перспективы, открывавшиеся перед ними в случае появления свободного рынка и ликвидации «социалистических» ограничений. Третья группа включала руководителей промышленности, директоров предприятий и связанных с ними структур. Их «рыночные перспективы» определялись расширяющимися возможностями распоряжаться материальными и финансовыми ресурсами, которые формально оставались государственными. «Директорский корпус» рассчитывал также на активное участие в приватизации, неизбежность которой становилась очевидной. В то же время эта группа была неоднородной. Более заинтересованными в либерализации экономических отношений были управленцы сырьевых отраслей, продукция которых пользовалась гарантированным спросом. Особенно привлекательным для них был самостоятельный выход на внешние рынки, где газ, нефть и другие ресурсы продавалась по ценам, намного превышавшим внутренние, что существенно облегчало адаптацию к новым хозяйственным условиям и снимало зависимость от государственного бюджета. Иной была позиция руководителей отраслей перерабатывающей промышленности, многие предприятия которых могли существовать лишь при финансовой поддержке государства. Эта группа выступала за постепенное вхождение страны в рынок, за активное регулирование этого процесса правительством, рассчитывая на его помощь через бюджетные источники.

Следует отметить, что хотя первая и третья из названных групп в целом были ориентированы на рыночные преобразования, их позиции и интересы были потенциально конфликтны. Массовое протестное движение выступало за отстранение от власти партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры и стояло за радикально-демократический вариант проведения реформ. Директорский же корпус сам являлся во многом частью существовавшей системы, в которой политические и экономические связи были переплетены. Поэтому советские хозяйственные управленцы стояли за более плавную социальную трансформацию, позволившую бы им сохранить уже «завоеванные» преимущества. На этапе начала реформ эти различия были приглушены. Но позднее правительство и президент неизбежно должны были выбирать между двумя этими ориентациями.

Проблема широкой общественной поддержки начатых преобразований была существенно осложнена тем, что перед их началом в 1992 г. власти не проводили практически никакой работы по морально-психологической подготовке населения к неизбежно болезненным реформам. Никто не разъяснял, в чем эти реформы будут состоять, какова в них роль основных социальных групп и как может измениться положение каждой из них. В 1990—1991 гг. в противовес союзным лидерам российское руководство настойчиво убеждало население

в том, что необходимые меры возможно осуществить без снижения уровня жизни, а президент даже заверял, что «ляжет на рельсы», если это произойдет. Отсюда — завышенные ожидания, надежды лишь на позитивные перемены, готовность в лучшем случае к умеренно-жертвенному курсу перемен, но никак ни к их радикальному варианту.

Практически впервые публично о трудностях, которые предстоит испытать населению, президент сообщил лишь в конце октября 1991 г. на V съезде Советов РСФСР *одновременно* с объявлением о начале преобразований. Характеризуя разовый переход к рыночным ценам как «тяжелую, вынужденную, но необходимую меру», он вновь сообщил, что «хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами. А к осени 1992 г., как я обещал перед выборами, — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей». Далее россиян информировали, что «либерализация цен будет сопровождаться мерами по социальной защите населения», и лишь на этом фоне следовали достаточно осторожные предупреждения о том, что «защитить уровень жизни всех на первом этапе реформ мы не сможем», что «нам придется нелегко». Именно «поддержку и веру» (а не осознанное участие) президент считал необходимыми условиями успеха реформ. В новогоднем обращении Ельцин вновь говорил о трудном периоде в 6—8 месяцев и подтверждал, что к концу 1992 г. начнется улучшение жизни.

Не более многословным было и «правительство реформ». В то же время о понимании неизбежности нарастания конфликтного потенциала свидетельствовало подписание 15 ноября 1991 г. президентского Указа «О социальном партнерстве», которым создавалась трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений. В комиссию должны были входить представители государства, предпринимателей и профсоюзов.

Все это привело к тому, что к весне 1992 г. политическая поддержка «правительства реформаторов» кардинально сократилась. Вместе с президентом оно опиралось лишь на те силы, которые уже получили выигрыш от реформ и были кровно заинтересованы в их продолжении. Им противостояли съезд народных депутатов и Верховный Совет России, которые как представительные органы власти, отражавшие широкий спектр интересов избирателей, во все большей степени испытывали на себе давление тех, кто был недоволен реформами. Помимо традиционных противников из лево-патриотического лагеря, в число оппонентов попали и те, кто ранее горячо выступал за рыночные преобразования или был объективно заинтересован в их успешном продвижении. В этом суть того «парадокса», на который указывают некоторые авторы: «демократический» Съезд народных депутатов, в целом одобривший правительственный курс в октябре

1991 г., столкнувшись с его первыми результатами, к апрелю 1992 г. уже стал «консервативным».

Рубежным в плане изменения экономического курса и складывании новой конфигурации прореформистских сил стал VI съезд народных депутатов России, работавший в апреле 1992 г. На съезде деятельность правительства была подвергнута резкой критике. Депутаты приняли постановление, в котором содержалась малоприятная оценка работы кабинета «профессионалов»: «Признать ход экономической реформы неудовлетворительным в области социальной защиты граждан, инвестиционной, промышленной и аграрной политики, комплексности проводимых мероприятий». Президенту было предложено в месячный срок подготовить и представить Верховному Совету проект закона о правительстве и, что важно, новую кандидатуру его руководителя. Разразился кризис, когда «гайдаровцы» коллективно подали в отставку. Конфликт был разрешен при активном участии главы правительства — президента. Ему удалось убедить съезд предоставить кабинету возможность спокойно работать до декабря 1992 г., когда, как он надеялся, смогут проявиться и какие-то позитивные итоги проводимого курса. За согласие депутатов пришлось заплатить серией важных уступок, которые вносили существенные коррективы в экономическую политику и на многие годы определили лицо российских реформ.

В Российской Федерации компромисс между либералами-рыночниками и «старой» хозяйственной элитой начинает оформляться весной—летом 1992 г. Он нашел выражение в смягчении денежно-кредитной политики и восстановлении льготного кредитования предприятий, а также в привлечении в правительство представителей директорского корпуса. Уже в мае 1992 г. под влиянием лоббистских групп вновь началось, пока, правда, не широко, выделение государственных средств некоторым группам предприятий. Тогда же вице-премьерами были назначены В. С. Черномырдин, В. Г. Шумейко, Г. С. Хижа, призванные представлять в правительстве интересы разных секторов отечественной индустрии. Однако не менее знаковым было назначение в июне 1992 г. вице-премьером А. Б. Чубайса, к тому времени уже приобретшего репутацию одного из самых жестких либералов-рыночников. В итоге президент как глава кабинета намного расширил границы для столь необходимого в тех условиях политического и экономического маневрирования.

В своей программной работе «Государство и эволюция» (1995) Е. Т. Гайдар признавался, что весной 1992 г. реформаторы исходили из того, что «экономически оправданных решений достичь практически едва ли удастся. В долгосрочной перспективе экономически оптимальным может стать то, что сегодня является максимально социально приемлемым». На том этапе основные революционные изменения

должны были произойти в сфере отношений собственности. Поэтому упор был сделан на «создание приватизационных коалиций», позволяющих инициировать массовый приватизационный процесс снизу, «интегрировать интересы тех социальных групп, которые способны его парализовать, если не увидят в нем своего места (трудовые коллективы, руководители предприятий, региональные органы власти)». Под влиянием «промышленников» в правительственную программу был введен новый, не самый оптимальный, по мнению «реформаторов», вариант приватизации, позволяющий «трудовым коллективам» выкупать по остаточной стоимости 51% акций своих предприятий. На деле это означало закрепление преимуществ для администраций переходящих в собственность объектов, и не случайно впоследствии около 70% предприятий были приватизированы именно по этой схеме.

Складывание коалиции (или союза) «либеральных рыночников» и старой хозяйственно-управленческой элиты происходило постепенно в течение второй половины 1992 г. и сопровождалось острыми противоречиями. В июне 1992 г. возник политический блок «Гражданский союз». В него вошли Демократическая партия России (наиболее массовая в «Демроссии», лидер — Н. И. Травкин), Народная партия «Свободная Россия» (лидер — вице-президент А. В. Руцкой) и Союз промышленников и предпринимателей (лидер — А. И. Вольский). Президент и правительство не могли не считаться с блоком: по некоторым оценкам, входившие в него организации могли контролировать до 40% голосов на съездах народных депутатов, имели хорошо отлаженные связи с хозяйственными, а также региональными руководителями. Кроме того, «Гражданский союз» поддерживал тесные контакты с Федерацией независимых профсоюзов России, претендуя на выражение интересов самых широких и разнообразных социальных групп. «Гражданский союз», с одной стороны, заявлял о себе как о центристской организации, чуждой крайностей, а с другой — резко выступал против макроэкономического курса Гайдара, настаивал на необходимости разработки государственной промышленной политики, которая должна была смягчить тяготы кризиса и стимулировать структурную перестройку в производящих отраслях.

Опасаясь открытого социального взрыва, неизбежного при последовательном проведении гайдаровской политики финансовой стабилизации, и испытывая давление стоящих за «Гражданским союзом» сил, Б. Н. Ельцин внес существенные изменения в правительственный курс. В июне—августе 1992 г. правительство и Центральный банк предприняли меры по дополнительному кредитованию и отраслей, и регионов, сельского хозяйства, угольной и некоторых других отраслей промышленности, северных районов, по отсрочке и частичному погашению за счет госбюджета ранее выданных кредитов, введению новых налоговых и таможенных льгот, кредитованию предпри-

ятий под чрезвычайно льготный процент. А в сентябре—октябре 1992 г. был произведен взаимозачет долговых платежей предприятий, резко увеличивший их оборотные средства и общий объем предложения денег. Все эти меры в корне противоречили идеологии российских «монетаристов», но приближалось 1 декабря 1992 г., когда на VII съезде народных депутатов России предстояло проанализировать работу правительства и рассмотреть вопрос о продлении дополнительных полномочий президенту. И хотя глава правительства к тому времени уже не раз допускал малопочтительные выражения в адрес парламента и съезда, полностью их игнорировать *тогда* Ельцин еще не мог.

Более того, весь ноябрь 1992 г. прошел в интенсивных консультациях с «Гражданским союзом», в ходе которых Ельцин заявлял о близости позиций «Союза» и правительства, выражал готовность учесть мнение «Союза» при корректировке состава правительства, удалил из своего окружения фигуры, вызывавшие наибольшее раздражение оппозиции (руководителя «Останкино» Е. В. Яковлева, вице-премьера и министра печати и информации М. Н. Полторанина, Госсекретаря Российской Федерации Г. Э. Бурбулиса, чья должность была вообще ликвидирована). По поручению Ельцина Гайдар несколько раз встречался с лидерами «промышленников», в результате чего была согласована компромиссная экономическая программа, которая впоследствии и была представлена съезду.

Оставляя *пока* в стороне политические перипетии, предшествовавшие и сопутствовавшие работе VII съезда народных депутатов России, отметим, что *первоначально* съезд признал неудовлетворительной работу правительства по реализации экономической реформы, констатировал, что формы и методы ее проведения не соответствуют интересам большинства граждан и привели к отрицательным социально-экономическим последствиям; отклонил кандидатуру Гайдара, предложенного Ельциным на пост премьера; не принял предложенные президентом поправки к Конституции, сохранявшие за ним право формировать правительство и издавать акты, имевшие, по сути, законодательный характер.

В результате возникшего политического кризиса съезд пошел на уступки президенту, вновь оставив за ним почти все полученные годом ранее «временные» полномочия. Ельцин в свою очередь должен был учитывать мнение депутатов. С его стороны проявлением компромисса было то, что для мягкого рейтингового (т.е. прямо не обязывающего) голосования на пост премьера президент предложил съезду не одну, а пять кандидатур, четыре из которых представляли директорский корпус. Наибольшую поддержку получил Ю. В. Скоков («за» — 637, «против» — 254, «воздержались» — 25), далее следовал В. С. Черномырдин («за» — 621, «против» — 280, «воз-

держались» — 24), и лишь затем — Е. Т. Гайдар («за» — 400, «против» — 492, «воздержались» — 33).

Внешне казалось, что все говорило в пользу назначения премьер-министром Ю. В Скокова — директора оборонного предприятия, человека из ближнего окружения Б. Н. Ельцина, преданность и высокие деловые качества котировались достаточно высоко. Однако президент отказал этому кандидату. Ельцина как политика не могло не смущать то, что Скоков пользовался авторитетом в среде старых хозяйственных и политических управленцев, но главное, имел тесные связи с группами интересов, которые оказались ущемленными в результате «рыночного штурма» 1992 г. и стремились к исправлению «макроэкономических перегибов».

Фигура В. С. Черномырдина выглядела более предпочтительно. Он также был прочно связан с прежней экономической элитой, но в то же время сумел перевести газовую отрасль страны на рыночные рельсы и вполне оценил полученные от этого выгоды. Назначение премьером Черномырдина позволяло президенту снять еще один упрек оппозиции: она обвиняла «молодых реформаторов» в том, что они не знают реальной экономики, промышленности. Сказалось и понимание зависимости от топливно-энергетического комплекса общего экономического состояния страны, и то, что эта ситуация изменится не скоро. Черномырдин как представитель слоя «директоров-предпринимателей» был более других способен выступить в качестве центра консолидации центристских сил, заинтересованных в стабилизации, что и подтвердило съездовское голосование: за Черномырдина проголосовал 721 депутат, против — всего 172.

Полная, по сути, политико-правовая зависимость главы кабинета от президента предопределяла его лояльность по отношению к «высшему должностному лицу» государства (он, а не премьер подбирал и назначал министров, несопоставимыми выглядели их полномочия в нормотворческой сфере). В то же время были все основания предполагать, что в центре внимания премьера-газовика окажутся, прежде всего, проблемы выживания и развития близких ему отраслей (газовая, нефтяная, энергетика). Но в правительстве на ключевых должностях остались и активные либералы-рыночники «гайдаровского призыва»: пост вице-премьера и министра финансов занимал Б. Г. Федоров, вице-премьером, ответственным за приватизацию, по-прежнему был А. Б. Чубайс, вице-премьером остался и А. Н. Шохин. Такой персональный состав высших исполнительных структур отразил одну из характерных черт новой России — сращивание власти, администрации и бизнеса. Эта модель воспроизводилась и на более низких уровнях управления.

Статистические показатели итогов 1992 г. не удовлетворяли — хотя и по разным причинам — ни одну из политических сил. На про-

довольственные товары цены выросли в 26 раз, реальные доходы населения составили 44% от уровня начала года, доля расходов семьи на питание в среднем превышала 60%. Прямые потери населения по вкладам составили около 500 млрд руб. По производству национального дохода страна оказалась отброшена к уровню 1976 г., а по уровню потребления — к середине 1960-х гг. Вопреки прогнозам в трудной ситуации оказались не только отсталые производства, но и технически современные предприятия. Практически прекратились инвестиции. Без финансовой поддержки государства угрожающе ухудшалось положение в сельском хозяйстве. Тяжелый удар был нанесен интеллектуальному потенциалу общества, что в перспективе обрекало на упадок и промышленность, и сельское хозяйство, и общество в целом. Сокращение ассигнований на науку, высшую школу спровоцировало массовый исход из исследовательских учреждений в коммерцию, началась «утечка мозгов» за рубеж, резко сократился приток в науку молодежи. На «голодный паек» были переведены и другие бюджетники: средняя школа, здравоохранение, система социального обеспечения, учреждения культуры. Для государства все эти сферы надолго выпали из числа приоритетных.

«Реформаторам» не удалось решить и главную из поставленных ими задач — добиться бездефицитного бюджета и сбить инфляцию. После профицита в апреле и мае 1992 г. бюджетный дефицит вырос до 5,2% ВВП, в июне — до 17, в августе — до 19,6%, что осенью вновь привело к всплеску инфляции. В сентябре она составила 11,5%, в октябре — 22,9%, в ноябре — 26,1%, а в декабре — 25,4%, т.е. уже к октябрю 1992 г. страна вновь оказалась на грани гиперинфляции. В декабре 1991 г. соотношение рубля и доллара равнялось 1:20, в середине 1992 г. предполагалось удержать его на отметке 1:60, а в декабре за один доллар давали уже 308 руб. (а летом 1993 г. — более 1000).

В то же время в оценке экономических преобразований 1992 г. общество раскололось на две части. Лица, выигравшие от перемен, вслед за реформаторами давали им сугубо позитивные оценки. В заслугу правительству ставили то, что в отличие от своих предшественников оно от разговоров перешло к делу и наконец-то «двинуло» экономику в сторону рынка. Говорили, что реформы в России, хотя и получились болезненными, пошли по единственно возможному в тех условиях пути. Достижением считалось начало массовой приватизации, призванной создать рыночную конкурентную среду. К числу наиболее важных с точки зрения перспективы называлось изменение сознания населения: лишенные традиционной государственной поддержки, люди были вынуждены все больше полагаться на собственные силы. А это должно было раскрепостить созидательный, пред-

принимательский потенциал тех, кто был более готов утверждать новые формы общественного устройства.

Лица, проигравшие от перемен, оценивали произошедшее совершенно иначе. Указывали на непомерно высокую социальную цену, которую платит население за переход к рынку. Ставился под сомнение профессионализм команды «реформаторов»: ими были допущены существенные просчеты при прогнозировании роста цен и динамики инфляции, пренебрежение к реальной экономике, «жесткое» (если не жестокое) отношение к бюджетным отраслям и социальной сфере. Недовольство вызывала и криминализация общественной, прежде всего экономической жизни: коррупция чиновничества и рост имущественных преступлений с применением физического насилия.

Упомянутые группы пользовались различными критериями при оценке изменений, произошедших в 1992 г. Сторонники первой группы полагали, что было сделано все возможное в тех конкретных исторических условиях. Хозяйственная разруха, принципиальная недееспособность прежней системы управления, отсутствие навыков рыночного поведения привели, согласно этой позиции, к большим «издержкам» при выходе из социализма. Сопротивление «консервативных» сил, «родимые пятна социализма» предопределили болезненное восприятие необходимых мер, которые не были осуществлены полностью, что и затянуло процесс в целом.

Основная же масса российского населения исходила из сопоставления ранее обещанного и реально полученного в результате начала реформ. На фоне удручающей действительности конца 1992 г. особенно досадно вспоминались популистские обещания власти 1990—1991 гг. перейти к рынку быстро и с минимальными потерями. Накануне 1993 г. стало ясно, что утверждения рынка не только не произошло, но что страна находится в начале нового «переходного периода», конца которому пока не видно, а «потерпеть» всем придется явно не 6—8 месяцев. И политики, и экономисты все чаще использовали термин «обман» при сравнении того, на что было ориентировано население изначально, и тем, что позже правительство ставило себе в заслугу. Недоверие к реформаторам, ощущение осознанного обмана подпитывалось отсутствием с их стороны самокритики, а ускоренное перераспределение ранее накопленного богатства усиливало впечатление того, что сутью происходящих в стране «реформ» является вульгарное ограбление основной части населения.

Федеративный договор. В сфере федеративного устройства в 1992 г. новое российское государство унаследовало проблемы, возникшие в период противостояния между российскими и союзными властями в 1990—1991 гг. «Запущенные» тогда процессы имели мощную инерцию. Стремясь их пресечь, российские власти еще осенью 1991 г. в противовес идее Федеративного договора предложили в

первую очередь создать документ о разграничении полномочий между федеральными органами власти и властями субъектов Федерации. Такую позицию активно поддержали российские края и области, которые еще с весны 1991 г. выражали недовольство своим заниженным в сравнении с республиками статусом.

Трудности первого этапа экономических преобразований, начало противостояния исполнительных и законодательных структур России способствовали оживлению этносепаратистских движений в начале 1992 г. Это заставило центральные власти ускорить подготовку документа, регламентирующего федеративные отношения. Им стал подписанный 31 марта 1992 г. Федеративный договор. В действительности этот термин объединял три документа. Начальная часть названия каждого элемента звучала одинаково: «Федеративный договор: Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти», но различными были их окончания: 1) «и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации», 2) «и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации», 3) «и органами власти автономной власти, автономных округов в составе Российской Федерации». Из текстов следовало, что республики имели более высокий статус в сравнении с краями, областями и автономиями. Республики назывались «суверенными», за ними закреплялась целостность их территорий, достоянием проживавших в них народов объявлялись земля и недра, для них предусматривалась вся полнота государственной власти, они являлись самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений. Юридический статус краев и областей этого не предусматривал.

Документы оказали противоречивое влияние на политическую жизнь страны. С одной стороны, они зафиксировали именно федеративный характер устройства государства и тем самым ослабили центробежные процессы. С другой — сохранили неравенство статусов республик и краев (областей) России, создали ситуацию соперничества и отчуждения одних территорий Федерации от других. Вскоре после подписания договора был создан «Совет глав республик», что было призвано вновь подчеркнуть их отличие от других субъектов Федерации. Да и само понятие «субъект Федерации» главы республик не считали возможным использовать применительно к краям и областям. В 21 республике были приняты конституции, 19 из которых противоречили российской. «Суверенные» образования добивались больших привилегий в бюджетных отношениях с центром, в формировании своей правоохранительной системы.

Уже осенью 1992 г. началась активная борьба краев и областей за выравнивание своих прав. В ноябре 1992 г. представителями 53 регионов был создан «Союз губернаторов», руководитель которого во-

шел в «Совет глав республик». Ликвидацию несправедливости края и области видели в повышении их статуса до уровня республик. Вновь активизировался процесс суверенизации, в котором теперь основная роль принадлежала региональным образованиям. Вскоре в Вятке и Туле были приняты свои конституции, государственный суверенитет был провозглашен в Вологде, о повышении статуса заявили и другие края и области. Апогеем борьбы стало провозглашение в ноябре 1993 г. Уральской республики.

Строительство новой Федерации осложнялось и ситуацией в отдельных регионах страны. Федеративный договор не подписала Республика Татарстан. Более того, вопреки протестам федеральных властей в ноябре 1992 г. после референдума ее Верховный Совет утвердил новую Конституцию, где Татарстан характеризовался как «суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Россией на основании Договора». Тем самым между Россией и одним из ее субъектов в одностороннем порядке фактически устанавливался конфедеративный характер отношений. Татарстан, Башкортостан, Якутия встали на путь «бюджетного сепаратизма», одностороннего перераспределения ресурсов, собственности и власти в пользу своих республик.

В 1992 г. все дальше от правового поля Федерации отходила Чеченская Республика, превращаясь в особую зону России. На территории Чечни осуществлялся беспошлинный ввоз и вывоз товаров, нелегальная торговля оружием, финансовые спекуляции. Регион стал крупным производителем и перевалочным пунктом торговли наркотиками. Республика вступила в полосу острого социально-экономического кризиса, шла стремительная криминализация чеченского общества. С конца 1991 г. начался захват военных объектов и складов с вооружением. К маю 1992 г. в распоряжении дудаевцев оказалось 80% боевой техники (108 танков, 51 самолет, 153 артиллерийских орудия и миномета, 600 противотанковых управляемых ракет и зенитно-ракетных комплексов) и 75% стрелкового оружия, ранее принадлежавших Советской армии. К июню численность регулярных войск республики достигла 15 тыс. человек. Камнем преткновения на переговорах между Москвой и Грозным оставался вопрос о статусе Чечни: чеченская сторона настаивала на признании независимости республики.

Формирование пояса нестабильности. Ликвидация СССР в конце 1991 г. породила ситуацию политико-правовой неопределенности в отношениях между бывшими союзными республиками. С одной стороны, они провозгласили себя суверенными государствами, добились независимости от «имперского центра» в Москве. С другой — объединение в рамках СНГ позволяло определить возможные формы и направления нового взаимодействия. Этого, однако, в 1992 г. сделано не было. Внимание местных элит было сконцентрировано на

строительстве независимой государственности, стремлении контролировать начавшиеся экономические реформы. Отношения между Россией и ее ближними соседями осложнялись и рядом других факторов.

Экономическая политика России значительно отличалась от методов преобразований в других республиках, но все они продолжали находиться в единой рублевой зоне, что порождало острые межгосударственные противоречия. Новые государства начали интенсивный поиск политических и экономических союзников в Европе и Азии.

Политики понимали трудности возможного раздела вооружений бывшего Союза, и первоначально тлела надежда на сохранение в рамках СНГ единой армии. В конце 1991 г. было создано общее командование Объединенных Вооруженных сил (ОВС) СНГ, которое возглавил маршал авиации Е. И. Шапошников. В самой армии были сильны настроения против ее раздела. В феврале 1992 г. участники Всеармейского офицерского собрания выступили с обращением, в котором призвали «руководителей государств Содружества на переходный период сохранить целостность государственной границы, единую систему безопасности, единое военно-стратегическое пространство, единую систему управления Вооруженных сил». Тогда же, в феврале, под юрисдикцию России были переведены войска в Прибалтике, Закавказье, Молдове, а также в странах Центральной и Восточной Европы.

Однако верх взяла тенденция к созданию собственных армий. В «авангарде» шла Украина. Ее позицию открыто выразил президент Л. М. Кравчук: «У нас нет единого государства и не может быть единых вооруженных сил». Процесс образования новых армий проводился в одностороннем порядке, без предварительных договоренностей. Он часто приобретал форму «национализации» целых военных округов, армий и «приватизации» военного имущества и вооружений. Положение армии в «правовом вакууме» становилось критическим. Нередкими стали переходы солдат на территории «своих» республик. На советское военное имущество заявили свои претензии и агрессивные националистические силы, в частности в Закавказье. Начался стихийный захват вооружений, в результате которого большое количество оружия попало в руки неконтролируемых формирований. Все это подтолкнуло Россию к созданию собственной армии, и соответствующий указ был подписан Б. Н. Ельциным 7 мая 1992 г. В мае 1992 г. прекратило существование единое командование ОВС СНГ.

Начало практического раздела «советского военного наследства» привело к острому кризису в российско-украинских отношениях летом 1992 г. В центре внимания оказались вопросы о статусе Севастополя и судьбе Черноморского флота. Уже в январе 1992 г. Украина, игнорируя статус его как составной ОВС СНГ, стала требовать от личного состава принятия присяги на верность республике. В ответ

последовал визит Ельцина в Севастополь, в ходе которого российский президент заявил о неправомерности претензий Украины. В конце марта Кравчук издал указ о переводе всех дислоцированных на Украине формирований под ее юрисдикцию, на что Ельцин 7 апреля отреагировал указом о переводе Черноморского флота под юрисдикцию России. 9 апреля действие обоих указов было приостановлено, однако решение о поднятии на кораблях флота русского Андреевского флага едва не привело к вооруженному столкновению в Крыму. Конфликт подтолкнул президентов двух стран к личной встрече, которая состоялась 3 августа 1992 г в Ялте. Решение проблемы Севастополя и флота было отложено до 1995 г., а на «переходный период» Черноморский флот переходил в совместное подчинение президентов России и Украины.

В 1992 г. возникли проблемы и с ядерным оружием бывшего СССР. Первоначально предусматривалось сохранение объединенных стратегических сил сдерживания и нерасчлененность ядерного оружия. Его управление находилось лишь в руках Президента России и Главнокомандующего ОВС СНГ. Далее, однако, в отличие от Белоруссии и Казахстана Украина не стала отказываться от статуса ядерной державы. Более того, 2 июля 1992 г. она объявила своей собственностью две тысячи ядерных боеголовок, находящихся на ее территории (одна пятая стратегического потенциала бывшего СССР), что вызывало дополнительную тревогу, и не только у России. Начались «торги»: отказ от статуса ядерной державы Украина обусловливала требованиями материального и политического порядка, которые адресовались как России, так и мировому сообществу в целом.

Обретение независимости почти повсеместно сопровождалось ростом национализма титульных наций, что сказалось на «некоренном» населении. В новых государствах оказалось 25 млн русских. Трудности получения гражданства огромной части русских людей, сокращение сферы применения русского языка и возможности получения на нем образования, официальные и неформальные препятствия для занятий определенными видами деятельности — все эти проблемы ставили новую для Правительства России проблему — защиту прав этнических россиян в новом зарубежье.

Распад СССР и раздел его вооружений привели к новым вспышкам межэтнических конфликтов в молодых государствах. Молдова усилила политический и военный нажим на Приднестровье, апогеем которого явился вооруженный штурм Бендер в июне 1992 г. Почти одновременно Грузия предприняла попытку с помощью оружия «усмирить» Южную Осетию. В августе начались грузинские войсковые операции против «абхазских сепаратистов». В ходе войны в Абхазии дала о себе знать Конфедерация горских народов Кавказа — организация солидарности, созданная четырнадцатью народами

Северного Кавказа. Конфедерация объявила Грузии тотальную партизанскую войну и направила в зону конфликта до 5 тыс. добровольцев. В их числе находился и чеченский батальон под командованием Ш. Басаева.

В октябре 1992 г. начались столкновения между ингушами и осетинами — первый вооруженный межнациональный конфликт на территории собственно Российской Федерации. Неблагоприятно для России складывалась ситуация и в других регионах бывшего СССР. К моменту свержения в Афганистане дружественного нашей стране режима Наджибуллы и занятия войсками моджахедов Кабула в Таджикистане уже началась гражданская война. Россия, заинтересованная в сохранении порядка на границе с Афганистаном, была вынуждена вмешаться и в межтаджикские столкновения.

Все конфликты на постсоветском пространстве сопровождались многочисленными человеческими жертвами, в том числе и среди мирного населения. Россия по историческим и политическим мотивам не могла оставаться в стороне от конфликтов, что дестабилизировало обстановку внутри страны, осложняло ее отношения как с «ближним», так и с «дальним» зарубежьем.

Рост политической напряженности. Стремление обеспечить России достойное место в Союзе ССР и начать проведение эффективных реформ в 1990-м — середине 1991 г. сплачивало россиян, что на политическом уровне нашло отражение в поддержке действий президента и правительства со стороны съезда и Верховного Совета РСФСР. С началом обсуждения конкретных путей преобразований во второй половине 1991 г. ситуация стремительно меняется, а с 1992 г. политический климат в обществе определяется в первую очередь состоянием экономики, которое оказывало решающее влияние на расстановку и позиции основных политических сил. В оппозицию правительству стали переходить значительные социальные группы, а также самые различные общественно-политические организации. При этом условно можно выделить «непримиримую», «конструктивную» и парламентскую оппозицию.

Зимой—весной 1992 г. дало о себе знать возрождающееся коммунистическое движение. Руководство Российской Коммунистической рабочей партии в качестве основной формы протеста против политики правительства избрало демонстрации и митинги. Совместно с «Трудовой Россией» оно 9 февраля провело в Москве манифестацию, названную «походом на Белый дом», в которой участвовали до 100 тыс. человек. Активизировались и различные течения национально-патриотической направленности. 8 февраля в Москве состоялся Конгресс гражданских и патриотических сил России, а 15 февраля был образован «Русский национальный собор».

23 февраля 1992 г. «коммунисты» и «патриоты» приняли активное участие в демонстрации в Москве. В этот день произошло первое

открытое столкновение между властями и «непримиримой» оппозицией. На пути демонстрантов, собравшихся в центре столицы для шествия к Могиле Неизвестного Солдата и возложения цветов, оказались отряды ОМОНа. У многих участников осталось ощущение, что власти сознательно пошли на обострение ситуации, желая «преподать урок» левым силам. События 23 февраля были названы «кровавым воскресеньем» и послужили катализатором объединения оппозиции в блок коммунистических и державно-патриотических сил. Такое решение было принято 1 марта на встрече лидеров партий, движений, депутатов Советов различных уровней, редакторов «патриотических» изданий. Участники приняли декларацию о создании объединенной оппозиции под лозунгом «Справедливость. Народность. Государственность. Патриотизм». Организационное оформление этого замысла произошло 24 октября 1992 г., когда был создан Фронт национального спасения.

К «конструктивной» оппозиции принадлежал ряд разноплановых организаций. Сюда входил известный своей государственно-патриотической ориентацией блок «Народное согласие» (участники блока — Демократическая партия (ДПР), Российское христианско-демократическое движение, Конституционно-демократическая партия), вышедший в ноябре 1991 г. из движения «Демократическая Россия». Корректировки реформ также требовал образованный в январе 1992 г. блок «Новая Россия», который объединил партии «левого центра» (Социал-демократическую партию, Народную партию России, Крестьянскую партию России, Социально-либеральное объединение Российской Федерации). Наиболее влиятельной организацией центристского толка считался возникший в июне 1992 г. «Гражданский Союз» (ГС). В него вошли ДПР во главе с Н. И. Травкиным, Народная партия «Свободная Россия» во главе с вице-президентом А. В. Руцким, а также Союз промышленников и предпринимателей (впоследствии — Российский союз «Обновление»), лидером которого был А. И. Вольский.

В течение 1992 г. нарастало противоборство между законодательной и исполнительной властью, которое часто называют «кризисом двоевластия». Формально в его основе лежали противоречия в конституционном строе России, фактически — недовольство со стороны парламентариев проводимыми преобразованиями. Конфликтующие стороны оспаривали друг у друга право определять экономический курс и влиять на формирование правительства. К весне 1992 г. в парламенте сложились три основных блока: проправительственный, объединявший около 250 депутатов, центристский, куда входили более 300 человек, и откровенно оппозиционный «Российское единство» — до 350 депутатов. Два последних во время голосований часто занимали сходные позиции в отношении президентского курса.

Первый кризис между законодательной и исполнительной властью проявился в апреле 1992 г. на VI съезде народных депутатов. Тогда его удалось разрешить президенту, который своим авторитетом «прикрыл» правительство, обещал пойти на некоторые уступки взамен на предоставление «молодым реформаторам» возможности поработать до конца года, чтобы «выправить» ситуацию.

Однако основные баталии между законодательной и исполнительной властью развернулись на VII съезде (1—15 декабря 1992 г.) Уже в первый день работы съезда Б. Н. Ельцин выдвинул предложение о введении «стабилизационного периода», в рамках которого законодательная и исполнительная власть следовали бы предварительно оговоренным «правилам игры». Предлагалось расширить полномочия правительства, подотчетного как президенту, так и съезду, при этом Верховный Совет терял право прямо вмешиваться в его деятельность, но мог «оспаривать решения правительства как в Конституционном суде, так и у президента». Последний же сохранял право выбора премьера и назначения министров. Ельцин предлагал съезду на время отказаться от попыток усилить влияние на исполнительную власть, используя свое право внесения поправок в Конституцию. По сути, это означало сохранение того соотношения властных полномочий, которое было одобрено V съездом РФ в октябре 1991 г.

Съезд отверг эти предложения, отклонив затем большинством голосов и кандидатуру Гайдара, которого президент предложил на пост премьер-министра. В ответ на это 10 декабря Ельцин на заседании съезда «через голову» депутатов выступил с телеобращением к народу. Он назвал съезд и лично Хасбулатова главными оплотами консерватизма, возложил на них основную ответственность за тяжелую ситуацию в стране, обвинил в подготовке «ползучего переворота». Ельцин предложил провести референдум по вопросу: «Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации: нынешнему составу съезда и Верховного Совета или Президенту России?» Вслед за этим Ельцин призвал своих сторонников покинуть зал заседаний.

Однако попытка сорвать работу съезда не удалась: вместе с президентом ушли лишь около 150 парламентариев, а в зале остался кворум. В накаленной обстановке съезд принял ряд поправок к Конституции, ограничивавших полномочия президента. Возник острейший политический кризис, чреватый дестабилизацией в стране и расколом государственного аппарата. Компромисс был достигнут 12 декабря при активном посредничестве председателя Конституционного суда В. Д. Зорькина. В результате обращение президента и поправки к Конституции отменялись, а на апрель 1993 г. было намечено проведение референдума по проекту нового Основного закона; президент же обязался назначить премьер-министра с учетом мнения съезда.

§ 3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ИХ ИТОГИ. 1992—1998

Курс на финансовую стабилизацию. Применительно к посткоммунистическим преобразованиям в экономике России часто используют термин «шоковая терапия», хотя ее временные границы понимаются различно. Некоторые связывают «шоковую терапию» лишь с мерами правительства зимы—весны 1992 г., когда либеральный курс проводился в наиболее чистом виде. Другие имеют в виду весь 1992 г., когда реформами руководила команда во главе с Гайдаром. Третьи этот курс связывают с 1992—1998 гг., когда правительство возглавляли соответственно Е. Т. Гайдар, В. С. Черномырдин и С. В. Кириенко. Четвертые считают, что базовые идеи «шокотерапии» не исчезли и из сегодняшней экономической политики. Существует также мнение, что «шоковая терапия» как целостная система определенных мер в нашей стране вообще не применялась. Однако во всех случаях в качестве грани выделяют 1998 г., когда, по утверждению известного экономиста А. В. Улюкаева, «закончился важнейший цикл рыночных реформ в России. Начался новый и очень сложный этап развития страны». Бесспорным же является то, что в 1992—1998 гг. в центре внимания российского руководства стояла проблема финансовой стабилизации, добиться которой предполагалось средствами монетаристской политики.

Путь к финансовой стабилизации лежал через борьбу с инфляцией и сокращение бюджетного дефицита. Из мировой практики было известно, что экономический рост наблюдается в тех случаях, когда годовой уровень инфляции не превышает 40%, в России же в 1992 г. он составлял 2509%. В 1993—1998 гг. подавление инфляции осуществлялось высокими темпами: в 1993 г. она равнялась 840%, в 1994 г. — 215%, в 1995 г. — 131%, а в 1996 г. — уже 21%. Несмотря на столь заметный результат, он мало кем в обществе воспринимался как достижение. Это было связано с ухудшением основных макроэкономических показателей, которое было намного очевиднее. За 1992—1998 гг. российский ВВП сократился почти на 44% (для сравнения: за годы Великой Отечественной войны — на 24%), объем промышленного производства — на 56%, резко снизились масштабы инвестиций. Дефицит бюджета уменьшился с 30% до 4,8%, что было достигнуто, однако, за счет отказа государства от важных традиционных обязательств и функций (в медицине, образовании, науке, социальной сфере).

Потребительский рынок был наполнен разнообразными товарами, но эта проблема была решена не в результате развития собственного производства, а за счет увеличения импорта в обмен на топливно-энергетические ресурсы, металлы и другие сырьевые материалы.

Если следовать этой тенденции, то только для закупки хлеба за счет экспорта нефти ее добычу необходимо увеличить в 6—8 раз. При открытости экономики в чисто рыночных условиях отечественное производство развивать было просто невыгодно, так как Россия — самая холодная страна мира, здесь выше уровень удельного потребления энергии и, следовательно, — затраты. В то же время добыча топливно-энергетических ресурсов в районах Крайнего Севера и за Уралом ведет и к их удорожанию, по крайней мере, в 1,5—2 раза.

Помимо этого, российский рынок был наполнен товарами не вследствие активизации и расширения их производства, а через элементарное повышение цен. Это привело к колоссальному разрыву между платежеспособным спросом большинства населения и предлагаемой для потребления товарной массой. В 1995 г. 40% населения, относящегося к бедным, имели душевой доход в 2,5 раза ниже среднего уровня, а 20% состоятельного населения имели душевой доход в 2,3 раза выше среднего уровня. 22% населения имели доходы меньше прожиточного минимума. Это говорило о том, что «экономика дефицита» не была ликвидирована, а перешла из одной формы (товарной) в другую (денежную).

Результатом «шокового» характера изменений в 1992—1998 гг. явился отрыв экономической жизни на монетарном, денежно-финансовом уровне от процессов в реальной экономике, уход или даже бегство денег из сферы производства. Это привело к тому, что в 1990-е гг. отечественную экономику охватил глубочайший инвестиционный кризис. Абсолютный уровень инвестиций снизился с 1990 г. на 75%, а объем инвестиций производственного назначения — на 80%. Многие предприятия были лишены возможности обновлять свою техническую базу. При общем сокращении вложений в производственный сектор повысился удельный вес инвестиций в топливно-энергетический комплекс, металлургию, транспорт, связь. Доля вложений в обрабатывающие отрасли сократилась. Наметилась тенденция опережающего развития энергосырьевых отраслей, нефтегазовой промышленности, черной и цветной металлургии, лесозаготовительного производства, ориентированных на экспорт. Все это вело к тяжелым последствиям для российской экономики. Снижалась конкурентоспособность отечественных товаров не только на мировом, но и на внутреннем рынке, росло число аварий, расходы на ремонт изношенного оборудования, сузились возможности экономического роста, особенно в наукоемких отраслях, уменьшился спрос на строительно-монтажные работы и научно-техническую продукцию. Складывалась угрожающая ситуация, когда неизбежно масштабное и быстрое сокращение устаревшего производственного оборудования не сопровождалось его заменой новым.

Причины кризиса инвестиций носили комплексный характер.

Основная была связана с тем, что государство из этой сферы фактически ушло, а новые субъекты инвестирования были либо экономически слабы, либо до конца не сформировались, либо не имели достаточных стимулов для вложений в реальный сектор. Этот уход был бы оправдан при условии восстановления государством обрушенного в ходе реформы уровня производства. Приватизированным предприятиям не всегда хватало средств даже для обслуживания текущих производственных нужд, многие оставались нерентабельными (в 1996 г. 40% предприятий по-прежнему были убыточными). Нехватка денежно-кредитных ресурсов приводила даже к воспроизводству бартерных отношений, введению заменителей, суррогатов денег. Сложные процессы становления переживали инвестиционные фонды, страховые компании и другие институты, обычно аккумулирующие в условиях рынка финансовые ресурсы населения и ориентированные на их приумножение.

Не были прямо заинтересованы в финансировании промышленности и коммерческие банки, которые в 1992—1998 гг. вели себя вполне «по-рыночному». В это время государство прибегало к заимствованию средств у банков под очень высокий процент. По уровню доходности и степени риска финансовые рынки выглядели намного предпочтительнее реального сектора. В отдельные периоды вложения в государственные ценные бумаги обеспечивали инвесторам стабильную доходность на уровне 80—100 и более процентов годовых. Это создавало неблагоприятную для капиталовложений конъюнктуру, которая предъявляла предельно высокие требования к эффективности предпринимательских проектов. Чтобы быть сопоставимой с финансовым сектором, норма прибыли на вложенный капитал должна была составлять как минимум 50—80% годовых, чего отечественные предприятия обеспечить практически не могли. Таким образом, сформировалась хозяйственная модель, которую называют спекулятивной экономикой.

Взятые в совокупности, все эти факторы обусловили *депрессивное состояние* реального сектора российской экономики 1992—1998 гг.

Главным фактором углубления кризиса было состояние российского бюджета. Правительство жестко придерживалось курса на сокращение государственных расходов, которые тем не менее составляли около 45% ВВП. В то же время через всю финансовую систему удавалось мобилизовать намного меньше средств — в среднем 32—33% ВВП. Бюджетный дефицит воспроизводился из года в год, составляя около 7%. Это было связано с сокращением финансовой базы в результате падения объема ВВП, широко распространившейся практикой неплатежей в бюджет, плохой собираемостью налогов, сокрытием значительной части доходов от налогообложения. Государ-

ство было вынуждено постоянно заимствовать средства для покрытия дефицита государственного бюджета. В России дефицит покрывался: облигациями федеральных займов (ОФЗ) — 25—40%; кредитами международных финансовых организаций — до 25%; кредитами зарубежных коммерческих банков и фирм — 10%; кредитами иностранных правительств — свыше 5%; государственными краткосрочными обязательствами (ГКО) — 25%. В 1990-е гг. государственный долг превратился в одну из центральных экономических проблем России. Стремительно увеличивался внутренний государственный долг: к середине 1998 г. он превысил 25% ВВП. Соответственно возрастали бюджетные расходы по его обслуживанию, достигшие почти 4% ВВП. Не менее опасным было и нарастание внешнего государственного долга, к началу 1998 г. превысившего 20% ВВП. К унаследованным Россией от СССР 105 млрд долл. (большая часть заимствований приходится на горбачевский период) прибавились более 50 млрд новых, и в 1998 г. сумма внешнего долга превысила 156 млрд долл. По этому показателю Россия переместилась с 12-го на первое место в мире. Она в течение нескольких лет вела переговоры о реструктуризации долгов. В результате для нашей страны реструктуризация означала не их списание, а лишь отсрочку возврата основной суммы с уплатой процентов. С 2000 г. Россия должна была ежегодно выплачивать по внешнему долгу свыше 10 млрд долл.

Реформирующие свою экономику государства часто пользуются техническими кредитами, которые берутся на длительный срок для реализации конкретных промышленных и прочих проектов. Россия прибегала к потребительским кредитам, шедшим преимущественно на удовлетворение текущих потребностей в экономике и социальной сфере. При этом материализация кредитов осуществлялась за счет приобретаемых за рубежом потребительских товаров. В этом случае фактически происходило кредитование производства страны-кредитора.

Однако основной проблемой государственного долга России являлась не его величина, хотя она была огромна, а его срочность (бóльшая доля «коротких», до одного года, долгов) и «дороговизна», высокая стоимость его обслуживания. В результате все большая доля новых заимствований тратилась на выплаты процентов по старым долгам, а доля средств, шедших на финансирование собственно бюджетного дефицита, т.е. на внутренние нужды, сокращалась. Если в 1996 г. расходы по обслуживанию государственного долга составили 12,8% от общего объема расходов федерального бюджета, то в 1998 г. аналогичные выплаты должны были составить почти 33%! Это была критическая точка, после которой хронический кризис российской финансовой системы перешел в острейший. 17 августа 1998 г. правительство пошло на ряд чрезвычайных мер, в числе которых была девальвация рубля: его стоимость по отношению к доллару снизилась

втрое; а уровень инфляции «прыгнул» с 11% в 1997 г. до 84,4% к концу 1998 г.

Важнейшими социально-экономическими последствиями кризиса 17 августа стали: масштабное свертывание деятельности в наиболее рыночно продвинутых секторах экономики, заметное увеличение безработицы, подрыв позиций среднего класса, быстрый рост потребительских цен, существенное сокращение реальных доходов и снижение уровня жизни населения, снижение доверия к банкам и российской национальной валюте. Кризис продемонстрировал не только неэффективность проводившегося с 1992 г. курса реформирования, но и нанес мощный удар по профессиональному и политическому авторитету тех, кто за ним стоял.

Форсированная приватизация государственной собственности. Приватизация государственной собственности в России — одно из наиболее сложных и дискуссионных направлений экономической политики 1992—1998 гг. Логика инициаторов избранного в этой сфере курса изложена в книге «Приватизация по-российски», вышедшей в 1999 г. под редакцией А. Б. Чубайса. К работе следует относиться как к документу, в котором обозначены основные проблемы и наиболее спорные моменты.

В результате сложных политических, экономических и идеологических процессов перестроечного времени в 1990 г. в СССР была легализована частная собственность. Осознание необходимости демонополизации, создания конкурентной среды как обязательного условия вывода страны из кризиса и экономического роста привело к тому, что в наиболее известных программах перехода к рынку (план Л. И. Абалкина, программа «500 дней» Г. А. Явлинского) приватизация уже фигурировала в качестве одного из главных элементов структурной реформы экономики. С конца 1990 г. в комитете по экономической реформе ВС РСФСР началась проработка возможных вариантов приватизации. Весной 1991 г. в России был создан Государственный комитет по управлению имуществом, который также занимался этой проблематикой. 3 июля 1991 г. ВС РСФСР принял закон о приватизации. Однако политические перипетии в СССР в июле—октябре 1991 г. заблокировали возможность проведения какой-либо целенаправленной экономической политики, в том числе и в сфере приватизации.

Провозглашение Россией курса на самостоятельное проведение рыночных преобразований на V съезде народных депутатов (октябрь 1991 г.) в качественно новой политической и экономической ситуации, создание «правительства реформ» под фактическим премьерством Е. Т. Гайдара сопровождалось существенной корректировкой представлений о приоритетах и форме осуществления необходимых мероприятий. Заниматься приватизацией в правительстве было пору-

чено А. Б. Чубайсу, который в ноябре 1991 г. возглавил комитет. Вместе с ним в него пришли М. М. Бойко, Д. М. Васильев, А. М. Евстафьев, А. М. Казаков, А. М. Кох и др. Активное участие в создании правовой базы приватизации приняли приглашенные правительством американские эксперты.

Новая «команда» активно занялась подготовкой изменения отношений собственности в контексте намеченных на 1992 г. радикальных экономических перемен. При этом реформаторы исходили из своего видения обстановки, сложившейся в этой сфере к концу 1991 г. Во-первых, по их мнению, процесс «стихийной приватизации» уже шел полным ходом, происходило неконтролируемое растаскивание государственного имущества. Во-вторых, государство было разрушено и не способно влиять на то, что происходило в этой сфере. В-третьих, тяжелейшее состояние российской экономики требовало срочного принятия нестандартных мер, которые не встретят широкой социальной и политической поддержки. Все это было отягощено отсутствием проработанной нормативно-правовой базы приватизации, необходимых организационных структур и подготовленных кадров.

В таких условиях прогнозировать экономическую эффективность приватизации представлялось затруднительным, главной считалась задача «запустить процесс». Поэтому перевод государственной собственности в частные руки должен производиться не «штучно», а приобрести массовый характер: предстояло «разгосударствить» более 240 тыс. хозяйственных объектов. Нехватка средств, инфляционное сгорание сбережений делали невозможным полноценный «выкуп» общественного имущества, что обусловливало его распродажу по символическим, явно заниженным ценам. Требовалась срочная разработка правовой основы приватизации, осуществить которую предстояло «правительству реформаторов» при согласовании с Верховным Советом и, что особенно важно, активно используя ресурс огромных правовых полномочий президента.

Уход государства из сферы управления экономикой аксиоматически считался условием ее подъема в будущем. Однако появление «эффективного собственника», «стратегического инвестора» мыслилось как результат вначале денационализации, а затем уже рыночного перераспределения бывшей «общенародной» собственности. От скорости и интенсивности этого процесса зависело приближение времени экономического роста. Поэтому, как считают некоторые исследователи, курс на «перманентную приватизацию» рассматривался и как часть рыночной переделки экономики страны, и как способ изменения менталитета ее населения.

Новая идеология приватизации нашла отражение в двух документах конца декабря 1991 г., определивших ее задачи на ближайший период. Ими были указ президента «Об ускорении приватизации го-

сударственных и муниципальных предприятий» и «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год», одобренные Президиумом ВС. Отвечать за реализацию программы должен был Госкомитет по управлению имуществом. Он издавал собственные распоряжения и готовил относящиеся к приватизации постановления правительства. Для минимизации возможных злоупотреблений было решено разделить функции подготовки объектов к приватизации и их продажи. Реализацией первой должен был заниматься сам комитет, а для продажи был создан Российский фонд федерального имущества. Аналогичные структуры создавались в регионах.

В первой половине 1992 г. набирала темпы «малая приватизация», однако в центре внимания политиков находилось обсуждение поправок к ранее принятому закону о приватизации. Эти поправки должны были определить рамочные условия «большой приватизации» — массовой приватизации средних и крупных предприятий самых различных отраслей промышленности. 11 июня 1992 г. такой закон Верховным Советом был принят.

14 августа 1992 г. был опубликован указ президента, предопределивший начало и содержание первого, «ваучерного» этапа приватизации, продлившегося 22 месяца, до 1 июля 1994 г. Ваучерная, или чековая, модель приватизации предусматривала преобразование крупных и средних государственных предприятий в акционерные общества с их последующей передачей непосредственно гражданам, среди которых работники трудового коллектива приватизируемого предприятия получали льготы. Для участия населения в приобретении акций вводились приватизационные чеки — ваучеры, которые должны были символизировать равенство стартовых условий для всех участников приватизации.

Балансовая стоимость производственных фондов России к концу 1991 г. оценивалась в сумму 1 трл 260,5 млрд руб. Она была разделена на численность населения страны — 148,7 млн человек, что дало цифру в 8 476 руб. Для удобства она была округлена до 10 тыс., что и было определено как доля собственности каждого гражданина России в ее имуществе. В сентябре 1992 г. в отделениях Сбербанка началась выдача ваучеров населению, которая была в основном завершена к весне 1993 г. Всего граждане России получили 146 064 млн ваучеров. В связи с ростом инфляции стоимость ваучера катастрофически падала: если в конце 1991 г. 10 тыс. руб. составляли примерно половину стоимости автомобиля (типа «Жигулей»), то в конце 1993 г. это была цена 3—4 бутылок водки.

Полученные ваучеры населению предстояло обменять на акции предприятий, что означало бы юридическое вхождение в права собственника. Однако поскольку далеко не все были готовы вникнуть в

тонкости приватизационного процесса, то в стране началось создание чековых инвестиционных фондов, которых к весне 1994 г. было уже около 650, многие из них получили широкую рекламу. Задача этих фондов состояла в аккумулировании значительных пакетов ваучеров населения с целью их дальнейшего вложения в акции наиболее рентабельных предприятий и, следовательно, получения максимального дохода. Отсутствие же контроля со стороны государства, неквалифицированное, а то и просто полууголовное руководство фондами привело к тому, что большая их часть «умерла», обесценив десятки миллионов ваучеров и сформировав у рядовых граждан негативное представление о приватизации.

В целом же судьба ваучеров была такова. 25% чеков ушло в чековые фонды. 25% ваучеров было продано, с ними расстались преимущественно люди, относившиеся к приватизации скептически. Эти чеки перешли в руки физических, а также юридических лиц, которые реально участвовали в чековых аукционах и вкладывали ваучеры более или менее эффективно. Оставшиеся примерно 50% чеков были вложены членами трудовых коллективов и их родственниками в акции предприятий, на которых они работали.

Решения о закреплении акций в федеральной собственности или их продаже (полной или частичной) принимали правительство и госкомитет управления имуществом, они же определяли и сроки сделок. В приватизации участвовали все граждане России, но работники приватизируемых предприятий получали преимущества. Всего было три группы льгот.

В первом варианте именные привилегированные неголосующие акции (25% уставного капитала предприятия) передавались членам трудового коллектива. Еще 10%, но уже обыкновенных акций, работники могли купить на льготных основаниях. 5% акций имела право приобрести администрация предприятия.

Во втором варианте все члены трудового коллектива могли приобрести обыкновенные голосующие акции, составляющие до 51% капитала. В этом случае не было безвозмездной передачи и льготной продажи акций, но работникам предприятия было предоставлено право участвовать в закрытой подписке на его акции.

В третьем варианте группа работников предприятия (чаще включавшая его высших управленцев) при выполнении определенных обязательств перед коллективом, а также государственными органами, получала право на приобретение 20% обыкновенных акций. Кроме этого, все работавшие на предприятии (и администрация, и другие сотрудники) могли на льготных основаниях приобрести еще 20% обыкновенных акций.

Выбор льгот приватизации по второму и третьему вариантам осуществлялся на основании решения трудового коллектива, если за него

высказалось не менее 2/3 общего числа работников. При отсутствии согласованного решения льготы предоставлялись по первому варианту. Помимо перечисленных, одним из способов российской приватизации была аренда с правом выкупа.

По оценкам Госкомитета по управлению имуществом к весне 1994 г. доля в капитале внутренних акционеров составила 60—65%, внешних — 18—22%, государства — до 17%. Это свидетельствовало о том, что сформировалась достаточно размытая структура собственности, не предоставлявшая явных преимуществ контроля ни одной группе акционеров.

К 1 июля 1994 г. было разгосударствлено 70% промышленных предприятий, а доля государственной собственности в общем объеме стоимости имущества сократилась до 35%.

В обобщающей работе «Экономика переходного периода», изданной в 1998 г. под редакцией Е. Т. Гайдара, так оценивается чековая модель приватизации: «Достаточно наивно оценивать итоги реализации этой модели по тем формальным целям, которые были записаны в программах приватизации. Реальная цель была лишь одна: временное массовое распределение и закрепление формальных прав частной собственности... при минимуме социальных конфликтов в расчете на следующие трансакции в пользу эффективных собственников».

9 декабря 1994 г. Государственная дума приняла постановление, в котором признала итоги первого этапа приватизации неудовлетворительными. Ее негативное восприятие было обусловлено расхождением между публично декларированными принципами, целями, задачами и теми непосредственными результатами приватизации, с которыми столкнулось большинство граждан. Позднее сами «приватизаторы» отличия от «эталонной» модели связывали с сопротивлением проводимому курсу, в ходе реализации которого многочисленные нарушения закона стали неизбежной платой за то, чтобы радикальное перераспределение собственности состоялось в принципе. Противоречия первого этапа нашли в документе, подготовленном для главы правительства В. П. Полевановым, на короткое время после А. Б. Чубайса (конец 1994 — начало 1995 г.) в ранге вице-премьера возглавившим Госкомитет по управлению имуществом и попытавшимся проанализировать доставшееся ему наследство.

В документе отмечалось, что программа приватизации намечала семь главных целей. Первая — формирование слоя частных собственников, способствующих созданию социально ориентированной рыночной экономики. Полеванов констатировал, что формально 40 млн человек стали акционерами, на деле же распоряжается и владеет собственностью незначительная часть населения. Вторая цель программы — повышение эффективности деятельности предприятий путем их приватизации — также оказалась невыполненной. Не была

реализована и третья цель — социальная защита населения и развитие объектов социальной инфраструктуры за счет средств, поступивших от приватизации. Четвертая цель — содействие процессу стабилизации финансового положения страны — также оказалась лишь продекларированной. Движение к пятой цели — создание конкурентной среды и содействие демонополизации — также вызвало большие нарекания, так как стремление к демонополизации любой ценой способствовало разрыву технологических цепочек и спаду промышленного производства. Оказалась иллюзорной и надежда на реализацию шестой цели — привлечение иностранных инвестиций: они, во-первых, даже сократились, а во-вторых, направлялись преимущественно в добывающие отрасли. Седьмая цель предусматривала создание условий и организационных структур для расширения масштаба приватизации. Для ее реализации по всей стране была создана система органов Госкомитета по управлению имуществом, Российского фонда федерального имущества, Федерального агентства по банкротству, сеть чековых инвестиционных фондов.

Таким образом, из семи целей приватизации полностью была реализована седьмая, формально — первая и практически провалены пять. Отрицательным следствием избранной модели разгосударствления явился колоссальный рост преступности, связанной с приватизацией. Полеванов также полагал, что преобразования способствовали подрыву национальной безопасности, что проявилось в трех сферах. В сфере экономической — произошло крупнейшее в России разбазаривание государственной собственности, что явилось одним из источников кризиса и будущих конфликтов, направленных на ее передел. В социально-политической сфере — недовольство граждан властью, устойчивое убеждение большинства населения, что его не столько наделили собственностью, сколько ее экспроприировали, лишив и без того скудных социальных гарантий. В оборонной сфере — скрытая интервенция иностранного капитала в отрасли ВПК с целью его ослабления.

Полеванов предлагал воздержаться от форсированного проведения второго этапа приватизации, выявить и устранить очевидные просчеты, усилить внимание к управлению государственным имуществом и государственными пакетами акций, отстранить от управления приватизацией тех людей, которые несут ответственность за ошибки первого этапа.

Доклад Полеванова получил определенное распространение и понимание в политической и научной среде, однако в правящей элите был встречен без энтузиазма. Вскоре он был отправлен в отставку, а на его место был назначен С. Г. Беляев — человек из «команды Чубайса», и курс на приватизацию с многочисленными «компромиссами» и «учетом российской специфики» был продолжен.

22 июля 1994 г. был издан указ президента, утвердивший «Основные положения государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий после 1 июля 1994 года». Указ положил начало второму, «денежному» этапу приватизации, который продолжается и поныне. С этого времени предприятия или пакеты их акций стали передаваться исключительно за деньги. Приватизация имущества осуществлялась через проведение денежных, специализированных аукционов, коммерческих и инвестиционных конкурсов, по закрытой подписке. Интенсивно развивался фондовый рынок, складывалась система институциональных инвесторов и оформление социального слоя, обладающего правами собственника.

Несмотря на заявления руководителей Комитета о начале после июня 1994 г. «инвестиционной эры» в российской приватизации, ситуация оказалась намного сложнее. В 1994—1997 гг. правительство использовало приватизацию преимущественно как средство получения бюджетных доходов. Это было во многом обусловлено конъюнктурными политическими мотивами: в 1995 г. проходили парламентские, а в 1996 г. — президентские выборы, и выполнение обязательств перед «бюджетниками» становилось одним из важных условий сохранения сложившегося политического режима. Помимо продажи, получили распространение и различные «нестандартные» методы приватизации: «залоговые аукционы», передача федеральных акций регионам в качестве покрытия федерального долга, конвертация долгов в ценные бумаги и др. Особенно широкий общественный резонанс получили «залоговые аукционы».

Во второй половине 1995 г. правительство заимствовало у ряда банков деньги, отдав им в залоговое управление по конкурсу на год большие пакеты акций крупнейших объектов государственной собственности (всего 21 предприятие). Это принесло в бюджет 5,1 трлн руб., однако всем было ясно, что средства в казне для выкупа акций во второй половине 1996 г. едва ли найдутся. Как отмечают экономисты гайдаровского круга, это была фактически неконкурентная продажа пакета акций заинтересованным банкам (среди победителей доминировали два крупнейших — «ОНЭКСИМ» и «МЕНАТЕП»). Легитимность этих сделок уже тогда многими ставилась под сомнение, но в ходе судебных разбирательств 1996—1997 гг. их правомерность удалось отстоять. Однако это признание, по мнению специалистов, свидетельствовало не о «чистоте» проделанных операций, а прежде всего о неполноте и несовершенстве нормативной базы приватизации. Не меньше вопросов вызывала и «экономическая эффективность» осуществленных продаж: после президентских выборов 1996 г. цены на их акции выросли в 5—10 раз. Фактически было создано несколько промышленно-финансовых империй.

Некоторые авторы с 1997 г. выделяют и третий этап приватизации

(после «чекового» и «денежного»), считая его специфической чертой отказ от фискальной направленности, переход от массовой приватизации к индивидуальным проектам с акцентом на эффективное использование приватизированного имущества. Начало этапа связывают с новым Федеральным законом «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации» (21 июля 1997 г.). Не все экономисты считают возможным выделять третий этап приватизации, поскольку изменения в экономической политике середины 1997 г. не носили качественного характера. Действительно, отныне правительством и органами Госкомитета по управлению имуществом ежегодно составлялись списки выставляемых на продажу предприятий, что позволяло сделать приватизацию «штучной». Теперь цена «имущественного комплекса» определялась не только его уставным капиталом и балансовой оценкой, но и рыночной стоимостью. Все это позволяло продать объект гораздо дороже.

«Модельной» была сделка по приватизации «Связьинвеста», компании — монополиста в сфере коммуникаций. В июле 1997 г. 25% акций компании было продано за 1875 млн долларов — сумму, почти вдвое превышавшую ту, которую правительство получило во всех «залоговых аукционах» второй половины 1995 г. Руководители Комитета заговорили о начале «приватизации нового типа», когда собственность передается в результате действительной конкуренции между претендентами. Цель же приватизации, по сути, не изменилась: увеличение финансовых поступлений для покрытия текущих нужд бюджета. И действительно, 1997 год был первым годом в истории проведения «денежной приватизации», который увенчался успехом с точки зрения выполнения бюджетного задания без схем типа «залоговых аукционов».

В результате проведенных преобразований в России к концу 1990-х гг. произошли радикальные изменения в структуре собственности. В 1998 г. к государственной (федеральной, муниципальной) собственности относилось 12,5% предприятий, к частной — 73,1%, в собственности общественных организаций находилось 5,7%, к смешанной принадлежало 8,7% хозяйственных объектов. В 1998 г. негосударственный сектор произвел свыше 2/3 ВВП, доля государства в акционерном капитале большинства предприятий перестала играть ключевую роль. Российскую экономику отличает более высокая, чем в развитых макросистемах, концентрация собственности, где крупным считается пакет в 5—10% акций. В нашей стране внешний акционер, являющийся крупнейшим владельцем акций, обладает в среднем пакетом в 26—35%. Причем размер минимального пакета акций для крупного акционера не является обратно пропорциональным раз-

меру хозяйственного объекта; наоборот, на сверхкрупных предприятиях концентрация собственности выше.

Приватизация в России к концу 1990-х гг. не привела к возникновению рациональной системы корпоративного управления, не сделала поведение предприятий рыночным. Это было связано с тем, что при ее проведении государство одновременно не стимулировало производственные и инновационные процессы на предприятиях, явно отставало с разработкой комплексной, действительно эффективной экономической политики, направленной не просто на раздел собственности, но сконцентрированной на создании по-настоящему конкурентной среды для производства товаров и услуг.

Подводя итоги политики приватизации в 1992—1998 гг., следует отметить, что она рассматривалась как важнейшая часть процесса системной трансформации, предполагавшей утверждение рынка, либеральной демократии и открытости внешнему миру. При этом инициаторы курса исходили из неподготовленности большинства населения к решительному движению в этом направлении. Они тем не менее считали допустимым осуществить намеченные реформы «сверху», используя имеющийся властный ресурс. А это было возможно только при поддержке того политического режима, который был готов реализовать именно этот вариант преобразований. Поэтому на первых этапах экономическая политика была во многом подчинена задаче сохранения и упрочения сложившейся к началу 1992 г. системы властных отношений.

Для того чтобы придать процессу изменения отношений собственности необратимый характер, его осуществляли директивно (спускали из центра жесткие планы и добивались их выполнения), в сжатые сроки, принимая как неизбежное зло многочисленные отступления от несовершенного законодательства. В результате были минимизированы масштабы государственной собственности, произошло ее перераспределение, концентрация в руках ограниченного круга новых владельцев. Было трудно говорить о позитивных итогах ухода государства из сферы регулирования экономики, негативно оценивался уровень социальной защищенности населения. Всем было очевидно, что пока не удалось создать экономический и правовой механизм эффективного использования новых отношений собственности в целях роста отечественного производства и повышения благосостояния больших групп российского общества. Сторонники избранного курса объясняют это незавершенностью качественного изменения отношений собственности, полагая, что переход имущества от формального владения к эффективному использованию займет определенный исторический период.

Криминализация экономической жизни. Рыночные преобразования в России привели к росту преступности, породили качествен-

ные перемены в структуре экономики и общества. Происходящее в России в 1990-х гг. С. С. Говорухин назвал «великой криминальной революцией». По выражению Г. А. Явлинского, страна стала «криминальной олигархией с монополистическим государством», В. С. Черномырдин говорил о «тотальной криминализации российского общества».

В публицистике и научной литературе часто пишут о «коррумпированности власти», отражающей сращивание власти и криминала. Многие признают усиление влияния преступности на развитие экономики и общества, беспрецедентность масштабов взаимодействия госчиновников и криминальных группировок. Это, в частности, нашло отражение в появлении нового смысла известного слова «крыша». Под «крышами» понимают неформальные (чаще всего преступные) объединения, захватившие и успешно выполняющие функции, которые должно выполнять государство, но в силу своей слабости выполнять не в состоянии. Речь идет, прежде всего, о сборе налогов, обеспечении безопасности граждан и предприятий, о выполнении принятых законов.

«Крыша» может выступать как параллельная власть, сосуществующая с легальной, например, с властью владельцев контрольных пакетов акций предприятий. Однако методы действия «крыш» преимущественно криминальны: шантаж, запугивания, убийства тех собственников и управленцев, которые нарушают определенные «условия» и «обязательства». «Крыша» может возбуждать судебные дела с участием подставных лиц для сокрытия истинных заказчиков убийств, оказывать давление (в разных формах) на работников правоохранительных органов с целью недопущения раскрытия преступлений. И, как пишут, чем крупнее бизнес, тем более мощной должна быть охраняющая его «крыша». С легкой руки бывшего министра финансов России А. Я. Лившица в обиход политиков и бизнесменов вошла фраза: «Надо делиться». Не меньшее распространение получил связанный с «дележом» неформальный термин «наезжать».

Следствием стремительного перехода к рынку является криминализация социальной структуры российского общества, что связано со значительным ростом численности «групп риска», которые появились в начале 1990-х гг. Это обнищавшие слои населения, определенная часть безработных и не полностью занятых, «социальное дно» — нищие, бомжи, бывшие заключенные, беспризорные и т.п., некоторые группы беженцев из «горячих точек» на территории бывшего СССР, неустроенные лица, демобилизованные из армии и находящиеся в состоянии «поствоенного шока». Все эти группы способны репродуцировать криминогенное поведение и асоциальную мораль, выходящие за пределы собственно перечисленных слоев.

1991—1992 гг. ознаменованы всплеском преступности, рост ко-

торой продолжался и в последующем. Так, в 1992 г. увеличение числа правонарушений составило более 70% в сравнении с предыдущим годом. Росли «традиционные» виды преступности: кражи имущества, хищения государственной собственности, хулиганство, бандитизм, убийства на бытовой почве, изнасилования и др. Появились и такие почти не известные ранее в стране преступления, как политический терроризм, захват заложников с целью выкупа, заказные убийства, связанные прежде всего с предпринимательской деятельностью. К 1995 г. в стране совершалось более тысячи заказных убийств в год. Резко росли обороты наркобизнеса, которые, по оценкам МВД, в 1992 г. достигли 2 млрд долларов в год и увеличивались ежегодно на один миллиард. Широкий размах приобрела торговля оружием.

Если в 1991 г. в России действовало не менее трех тысяч организованных преступных групп, то на конец 1994 г. сообщалось о пяти с половиной, а на конец 1995 г. — уже о шести с половиной тысячах таких «объединений». Около 50 из них имели «отделения» по всей стране. В распоряжении этих организаций «под ружьем» находились группы хорошо подготовленных боевиков. Около тысячи группировок были организованы по этническому принципу: азербайджанская, грузинская, чеченская, таджикская, армянская, осетинская и др. О точной численности «бойцов» преступного мира судить трудно; в печати встречались упоминания о десятках и даже о сотнях тысяч. В российских тюрьмах и лагерях в 1990-е гг. постоянно находилось около миллиона людей, приговоренных к разным срокам за различные преступления, мест для вновь осужденных не хватало.

В прессе часто публиковались материалы, авторы которых били тревогу по поводу масштабов криминальной деятельности в различных отраслях экономики (например, в автомобилестроении, в алюминиевой промышленности), а также в регионах России. Так, в Красноярском крае, по свидетельству газеты «Известия», «в 1994 г. действовало полторы сотни бандитских группировок, объединенных в пять сообществ. В каждом по 2—2,5 тыс. человек. Они контролируют все банки, рынки, 90% коммерческих и 40% государственных структур. Город разделен на 8 секторов. Но это не просто шайки рэкетиров. Ныне хорошо организованные группы вторглись в область экономики. Красноярский союз товаропроизводителей должен был объявить край «зоной, неблагоприятной для развития экономики». Из-за тотальной криминализации, вездесущего рэкета свертывается производство, сокращаются рабочие места. Сопротивление подавляется жестоко. За декаду убрали пять гендиректоров и президентов компаний... Некогда подпольные «малины» снимают оборудованные компьютерами офисы, набирают штаты клерков и отнюдь не шарахаются от человека в милицейской форме. Реальной силой обладают сегодня именно лидеры откровенно бандитских и полукриминальных групп,

что свидетельствует как о силе криминального сообщества, так и о немощи официальных властей».

Рост преступности и криминальных группировок привел к появлению таких новых профессий, как частный телохранитель, частный детектив, которые обычно объединялись в рамках частных охранных структур и агентств, число которых также росло. К защите частного предпринимательства и бизнесменов привлекались и высококвалифицированные кадры, ранее работавшие в правоохранительной системе, но оказавшиеся невостребованными государством в новых условиях. Масштабы деятельности «криминалитета» диктовали необходимость адекватных ответных мер, значительного увеличения частных ассигнований на эту сферу (создание служб безопасности, приобретение спецтехники и т.п.), что приводило к «ползучей» милитаризации общества в целом. При этом до 10% частных охранных фирм действовало без лицензий, порой понятие «защита» трактовалось достаточно широко.

С криминализацией экономической жизни связана и ее *теневизация*, хотя второй процесс шире первого. Теневая, «неофициальная» экономика включает некриминальные виды предпринимательской деятельности, находящиеся вне системы государственного учета и регулирования и, как правило, вне сферы выполнения официальных налоговых обязательств. С криминальной ее роднит избирательное отношение к существующему законодательству, вовлеченность в «неформальные» контакты с представителями госаппарата, а также занятие некоторыми видами бизнеса (например, в 1992—1995 гг. государство контролировало лишь 1/3 производства алкогольной продукции, приносившего очень высокую прибыль). От криминальной экономической деятельности теневую отличает то, что это — преимущественно социально необходимая и полезная активность, легализации которой в современной России препятствуют некоторые политические, экономические, правовые и другие факторы. Причина масштабной теневизации хозяйственной жизни заключается в том, что на смену административному регулированию экономики, существовавшему 75 лет, пришло если не полное отсутствие государственного управления, то его явная недостаточность. Как отмечал известный экономист Е. Ф. Сабуров, «государственное управление экономикой исчезло, а какое-либо иное не возникло». Начало перехода к рынку не сопровождалось созданием адекватных ему новых институтов, новых форм государственного регулирования. Между тем и отечественные, и зарубежные исследователи ныне признают исключительную роль государства в обеспечении условий функционирования именно «свободной», рыночной экономики. В работе по истории развития капиталистического хозяйства в Европе отмечается, что «правительства предоставляли правовые механизмы, обеспечивавшие возврат кредитов и выполнение соглашений; они решительно определяли и защищали

права собственности, без которых невозможны инвестиции и торговля; они создавали правовые нормы, отвечавшие потребностям предприятий; они субсидировали сооружение каналов, железных и шоссейных дорог; разумно или ошибочно, но они защищали с помощью тарифов и квот национальную промышленность от иностранной конкуренции. Некоторые достижения правительств, такие, как бесплатное обязательное образование и транспортные системы, просто изумительны» («Как Запад стал богатым?» Новосибирск, 1995). По мнению многих российских экономистов, эти универсальные для всех демократических обществ и рыночной экономики задачи наше государство в 1990-е гг. решало недостаточно эффективно, связывая это прежде всего с неудовлетворительным состоянием налоговой, денежно-кредитной и банковской систем, налоговой службы страны. Некоторые авторы оценивают ситуацию еще жестче. Известный социолог Р. В. Рывкина полагает, что «государство оказалось фактором не институционального порядка, а дезорганизации работы всех функциональных институтов российской экономики на этапе ее перехода к рынку».

Теневизация экономических отношений была обусловлена и той политической нестабильностью, которая сопровождала реформы с самого начала. Многочисленные политические кампании — преодоление последствий «путча», противостояние Президента и Верховного Совета, борьба за новую Конституцию, выборные кампании, — все это отвлекало от решения сложных экономических проблем, отодвигало их на второй план. При этом часто доминировала не борьба против свергнутых классов, а противостояние политических группировок. Эксперты выделяли четыре группы политических факторов, воспроизводивших в 1990-е гг. угрозу распада государства и дестабилизировавших экономическую жизнь. Они определялись характером взаимодействия: 1) законодательной и исполнительной власти, 2) центральных и местных органов власти, 3) взаимоотношений России с бывшими союзными республиками, 4) взаимоотношений между регионами России.

Политическая нестабильность провоцировала то, что стали называть «правовым беспределом», когда многие законы не действовали, а граждане (как руководящие работники, так и исполнители) часто считали необязательным связывать себя правовыми рамками. Отсутствие необходимых и несовершенство имевшихся актов также ограничивали возможности полнокровной и эффективной работы судебной системы и института прокурорского надзора. Все это делало проблематичным здоровое развитие экономики и обрекало ее на уход в «тень». Много внимания в литературе обращают на проблемы охраны безопасности граждан в 1990-е гг., что связано с изменениями, происходившими в это время с милицейскими службами.

Особую роль в теневизации экономики отводят действовавшей в России в 1990-е гг. налоговой системе. Можно встретить ее определение как «несовершенной», «порочной», «полностью неадекватной реальным условиям в стране», «основным препятствием для развития предприятий, привлечения как национальных, так и иностранных инвестиций». Указывают, во-первых, на высокий уровень налоговых ставок, делающий затруднительным рентабельное ведение бизнеса, во-вторых, на скрытую налоговую дискриминацию ряда секторов экономики (особенно предприятий-производителей), в-третьих, на неясность и противоречивость налоговых норм, что допускало их различные трактовки и применение. В этой связи не выглядят удивительными результаты исследования (опроса руководителей различных форм собственности), проведенного в 1996 г. Рабочим центром экономических реформ при Правительстве России. Выяснилось, что только 1,5% предпринимателей оформляют в установленном порядке сделки и уплачивают все налоги. Треть (33,1%) считала, что 25% сделок остаются в тени; 29% опрошенных предпринимателей полагала, что в «тени» совершается около 50% сделок. Остальные — около 36,4% — были уверены, что теневыми являются 70—90% деловых операций. По различным оценкам, в России в теневом секторе производилось от 25 до 40% товаров и услуг. В 1994—1995 гг. с теневой экономикой в качестве рабочей силы соприкасались не менее 60 млн человек, которые, самое меньшее, уклонялись от уплаты налогов.

Одной из важных составляющих теневой экономики является *коррупция*, понимаемая как поборы, которые вынуждены испытывать граждане в ходе своей трудовой и иной деятельности. Некоторые политики полагают, что причиной коррупции является дефицит правовой базы и для искоренения коррупции достаточно принять закон или разработать и реализовать какую-либо антикоррупционную программу. Другие считают, что коррупция в России носит системный характер и является следствием роста масштабов теневых процессов, без минимизации которых излечить страну от этой болезни едва ли возможно.

Теневизация экономики повлекла за собой *теневизацию всей системы общественных отношений*, в которые оказались втянутыми как сферы материального производства, так и обслуживания (в широком смысле) населения. Распространение теневых процессов на политику, органы правопорядка, СМИ, медицину, образование, науку и т.д. способствует формированию и воспроизводству «теневых» стереотипов поведения, которые сами становятся важным фактором социального развития.

О характере российской экономики середины 1990-х гг. можно судить по тому, какие виды деятельности отечественные бизнесмены

считали наиболее прибыльными. Согласно проведенному среди них опросу, на первое место была поставлена торговля, в особенности сырьем, валютой, электроникой и алкоголем. На втором месте по доходам оказался банковский бизнес. На третьем месте находилась государственная служба. (Имелись в виду доходы некоторых чиновников, получаемые ими за «содействие» предпринимателям. В начале 1990-х гг. широкий общественный резонанс вызвало предложение известного политика, предлагавшего легализовать взятки, уподобив их чаевым, которые получает официант ресторана за хорошее обслуживание.) На четвертом месте по доходности стояло брокерство. На пятом — воровство, под которым понималась реализация недостаточно контролируемых и охраняемых ресурсов. Шестое место в списке занимали операции с недвижимостью. На седьмое были поставлены консалтинговые услуги. И наконец, на восьмом месте оказалось производство товаров широкого потребления — та отрасль, которая и составляет основу динамичного развития естественно развивающейся экономики.

Социальные последствия преобразований. Экономические преобразования 1990-х гг. оказали большое влияние на социальную структуру общества. Масштабы, глубина и особенности ее трансформации определяются, во-первых, изменениями отношений собственности, прежде всего, появлением частной собственности и развитием предпринимательства; во-вторых, глубокими переменами в системе занятости (система планового использования рабочей силы уступила место стихийному рынку трудовых ресурсов); в-третьих, снижением уровня жизни подавляющей части населения; в-четвертых, социальной аномией (разрушением одной системы ценностей и несформированностью другой) и социальной депривацией (ограничением или лишением доступа к материальным и духовным ресурсам).

Основу современной социальной структуры по-прежнему составляют рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, по сравнению с советским прошлым их количественные показатели и социальные роли изменились, появились и новые социоструктурные слои. Ведущие тенденции социальных изменений состоят в *углублении неравенства* (экономического, политического, социального) и *маргинализации* значительной части населения. Неравенство между регионами достигает соотношения 1:10. Увеличивается разрыв в оплате труда в различных отраслях хозяйства. Особенности процессов социального расслоения определяются их быстротой и биполярностью: верхние слои (до 8% населения) все более обособляются от тех, кто тяготеет к полюсу бедности. Это приводит к гипертрофированным формам социального неравенства, создавая внутри одной страны две России, все более отдаляющиеся друг от друга. Наблюдается процесс «размывания» границ прежних классов групп и слоев, что связано с исчезнове-

нием зависимости между качественным содержанием труда и его оплатой: большее значение имеет не кто и *как*, а главное — *где* работает.

Переплетение в современной России прежней советской и новой постсоветской социальных структур не позволяет рассматривать нынешнее общество как единую социальную систему. Фактически в 1990-е гг. оно распадается на отдельные сегменты — или уклады — авторитарный, олигархический, либеральный, криминальный, в которых, в свою очередь, существуют собственная иерархия, система ценностей, мораль, социальные институты. Эти сегменты находятся в сложных, часто конфликтных отношениях.

Для характеристики российского общества социологи используют многомерные стратификационные модели с использованием различных критериев. В их числе: имущественное положение и доход, образование, позиция во властной структуре, социальный статус и престиж, самоидентификация. По мнению академика Т. И. Заславской, стратификационная модель современного общества в России выглядит следующим образом: элита (правящая политическая и экономическая) — до 0,5%; верхний слой (крупные и средние предприниматели, директора крупных и средних приватизированных предприятий, другие субэлитные группы) — 6,5%; средний слой (представители мелкого бизнеса, квалифицированные профессионалы, среднее звено управления, офицеры) — 20%; базовый слой (рядовые специалисты, помощники специалистов, рабочие, крестьяне, работники торговли и сервиса) — 60%; нижний слой (малоквалифицированные и неквалифицированные работники, временно безработные) — 7%; социальное дно — до 5%.

По уровню материального благосостояния выделяют следующие слои: богатые (средств достаточно не только для удовлетворения своих потребностей, но и для организации самостоятельной экономической деятельности) — 7%; состоятельные (средств достаточно не только для высокого уровня жизни, но и для приумножения капитала) — 7%; обеспеченные (средств достаточно для обновления предметов длительного пользования, улучшения жилищных условий, для собственного переобучения и образования детей, для организации отдыха во время отпуска) — 15,8%; малообеспеченные (средств хватает только на повседневные расходы и в случае крайней необходимости — минимум средств для лечения и укрепления здоровья) — 57%; неимущие (наличие минимальных средств только для поддержания жизни и отсутствие средств для улучшения своего существования) — 20,2%.

Социальная структура современной России заметно отличается от структуры развитых стран. В нашем случае обращает на себя внимание малочисленность средних слоев, которые во всех обществах

рассматриваются как цементирующая сила. При этом за 1990-е гг. Россия «потеряла» средний класс интеллектуалов и интеллигенции («новый» средний класс) и получила средний класс предпринимателей («старый» средний класс). В то же время многочисленная часть российского населения пребывала в состоянии маргинальности, связанном с вынужденным переходом человека из одной социально-профессиональной группы в другую и существенным изменением статуса. В это число входят несколько групп: 1) квалифицированные рабочие, специалисты, инженерно-технические работники, часть управленческого корпуса, работавшие в государственном секторе экономики (ВПК, конверсионные производства, закрывающиеся предприятия), имевшие в прошлом высокий статус, а ныне оказавшиеся среди социально беспомощных; 2) представители мелкого и среднего бизнеса, представители «новых» профессий, соответствующих рыночным условиям («челноки», охранники, члены криминальных сообществ и т.д.), чье положение оставалось неустойчивым; 3) мигранты (вынужденные переселенцы из зон конфликтов в России и ближнего зарубежья). Маргинализация общества сопровождается ростом напряженности, экстремизма, различных форм нетерпимости. Получают распространение различные виды девиантного поведения: пьянство, наркомания, проституция и т.д.

Обобщающим показателем неблагополучия социального развития России является прогрессирующая депопуляция — сокращение численности ее населения. С 1992 по 2000 г. население страны уменьшилось на 3,2 млн человек.

Спад производства, безработица, инфляция, конверсия и т.д. привели к резкому уменьшению доходов большей части населения. В их числе оказались люди по прежним меркам достаточно обеспеченные. Появились «новые бедные», ядро которых составляют научные работники, учителя, врачи, руководители низшего уровня, инженеры. В основном это люди дееспособного возраста. Дальнейшее развитие социальной структуры российского общества будет зависеть от скорости и направленности экономического реформирования страны и социальной политики государства, способности населения адаптироваться к радикальным переменам.

§ 4. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. 1992—1999

Углубление конституционного кризиса. Январь—октябрь 1993 г. В начале 1993 г. острота конфликта между съездом советов народных депутатов, с одной стороны, и президентом, с другой, определялась не только неудовлетворительными итогами развития страны

в 1992 г., но и противоречиями конституционного строя России, которые стали особенно очевидны. Государственно-политический строй определялся Конституцией 1978 г., однако вследствие внесения поправок в 1990—1992 гг. он претерпел большие изменения (всего к лету 1993 г. в Конституцию было внесено 320 поправок). В 1990 г. в РСФСР (вслед за СССР) был введен новый государственный институт — съезд народных депутатов. С одной стороны, он стал вершиной системы советской власти: согласно Конституции, съезд был «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации», с другой — именно съезд поправкой статьи 1 внес в Конституцию норму, провозглашавшую принцип разделения властей. В соответствии с этим был учрежден действующий на постоянной основе парламент, принято решение о создании Конституционного суда, введена должность Президента, который являлся «высшим должностным лицом, главой исполнительной власти» России. Все это коренным образом видоизменяло традиционную систему Советов, построенных на соединении нормотворчества, контроля и исполнительно-распорядительных функций.

По ходу самостоятельной деятельности между этими четырьмя институтами (съездом, парламентом, Конституционным судом и президентом) неизбежно возникал вопрос о разделении полномочий. И если функции последних трех в системе разделения властей были понятны, то съезд постепенно превращался бы в рудиментарный элемент переходного времени. Передавая свои полномочия соответствующим ветвям власти, он явно требовал реорганизации как выполнивший свои учредительные функции. Все это обсуждалось уже с конца 1991 г.

Первоначально противоречие между всевластием съезда и исполнительной властью в лице Президента было разрешено через компромисс, заключенный на V съезде народных депутатов РСФСР, который добровольно на время (один год) передал часть своих огромных конституционных полномочий Президенту. Это решение уже тогда содержало большой конфликтный потенциал, так как в своих политических и экономических воззрениях президент проявлял готовность опираться лишь на радикально-либеральные силы. Начало экономических преобразований вызвало раскол сложившейся в 1990—1991 гг. протестной коалиции, и к концу 1992 г. президент мог опираться лишь на последовательных сторонников либеральных реформ и тех, кто получил от них выгоду, а таких было меньшинство. В этих условиях съезд, выражавший интересы более широких слоев населения, объективно становился препятствием на пути избранной модели преобразований, что и обусловило резкие атаки на него со стороны исполнительной власти, которые с конца 1992 г. шли по нарастающей.

В конце 1992 — первой половине 1993 г. в центре дискуссии ме-

жду высшей законодательной властью и президентом был вопрос о порядке формирования правительства и, следовательно, решающем влиянии на характер и методы проводимого экономического курса. Претензии на решающую роль парламента в определении состава министров обосновывались неудачами первого этапа реформ, что связывалось с некомпетентностью исполнительной власти и ее неспособностью учесть весь спектр существующих в обществе интересов. Сторонники же президента рассматривали события в более широком историческом контексте. В отличие от подходов 1988 — середины 1991 г., когда переход от социализма («тоталитаризма») к демократии виделся как относительно безболезненный и ограниченный во времени акт, в конце 1991-го — 1993 г. ситуацию анализировали совершенно иначе. Утвердилось представление о том, что между тоталитаризмом и демократией неизбежен достаточно продолжительный во времени переходный период — «диктатуры демократии» («демократуры»), — в рамках которого будут утверждаться новые ценности и нормы. С учетом того, что смысл и направленность происходящих изменений понимали далеко не все, что существовововало сопротивление (сознательное или стихийное) проводимым необычным мерам, представлялось, что «диктатура демократии» должна осуществляться в форме авторитарного правления. Этот «просвещенный авторитаризм» связывался с концентрацией властных ресурсов в руках президента, который своей последовательной борьбой против «тоталитарных» структур в 1987—1991 гг. доказал преданность демократическим идеалам и продемонстрировал готовность их решительно отстаивать.

В 1993 г. стороны использовали различную аргументацию для обоснования своего права определять содержание и методы реформ. Сторонники высшей законодательной власти, Конституционный суд делали акцент на следовании «букве закона», настаивая на соблюдении действовавших законов и Конституции. Сторонники же президента подчеркивали ее «социалистическое происхождение» и обращали внимание на содержавшиеся в ней лакуны и противоречия. В полемике с оппонентами они использовали политико-правовые аргументы, ставя во главу угла «дух закона», трактуя «право как справедливость». В этой связи сторонники президента прямо ставили под сомнение «конституционность Конституции». Большую легитимность политики президента связывали с его прямым избранием 12 июня 1991 г., а также с победой «августовской демократической революции» в России. Юристы из президентского окружения особое значение придавали факту всенародного избрания Ельцина, поскольку, по их мнению, выбирали не просто главу исполнительной власти, но политика с определенной политической и экономической программой, которая и была освящена результатами общенародного голосования. По этой логике съезд и Конституция обладали более низким уровнем легитимности,

так как появились ранее, в условиях «ушедшего социалистического порядка». На этом основании вполне легитимными считались формально антиконституционные меры по ограничению деятельности съезда, которые якобы соответствовали «духу» общенародного волеизъявления. Отсюда также вытекал соблазн трактовать правовые нормы с точки зрения политической целесообразности.

Несовершенство действовавшей Конституции в начале 1993 г. осознавали обе противостоящие стороны, но выход из кризиса видели по-разному. Большинство народных депутатов исходило из того, что острой необходимости принятия новой Конституции нет, что следует продолжить постепенное внесение поправок в действующий Основной закон, которые делают его реально демократическим. По их мнению, съезд народных депутатов и Верховный Совет объективно играют стабилизирующую роль, поэтому новую Конституцию следует разрабатывать под их эгидой и принять на одном из съездов.

Депутатам решительно противостояла президентская сторона. Она активно развивала тезис о том, что «Советы и демократия несовместимы», что нужно упразднить эти «последние бастионы тоталитаризма, партократии» и создать принципиально новую политическую систему. Поэтому принятие новой Конституции — неотложная и важнейшая задача современной России, без решения которой невозможно вести работу по ее глубокому реформированию. Было очевидно, что президентские идеи не встретят поддержки в депутатском корпусе и подготовленная на их основе Конституция не будет одобрена на съезде. Поэтому президентская сторона придавала исключительное значение проведению референдума либо по основным положениям новой Конституции, либо о доверии ветвям власти. Трактовку результатов в обоих случаях можно было использовать для конституционного закрепления своих идей или обоснования возможных «нестандартных действий». Обе противостоящие стороны были готовы к решительным политическим баталиям, свидетелем которых стала страна весной—осенью 1993 г.

Собравшийся 10 марта 1993 г. VIII съезд народных депутатов отказался от ряда компромиссных соглашений предыдущего съезда, в числе которых было и согласие на проведение референдума. В ответ на это президент 20 марта выступил с телевизионным обращением к гражданам России, где сообщил, что подписал Указ № 379 «Об особом порядке управления страной до преодоления кризиса власти». В соответствии с Указом на 25 апреля назначалось голосование о доверии президенту и вице-президенту, а также по проекту новой Конституции и проекту закона о выборах в федеральный парламент. В случае поддержки президента и внесенных им проектов документов новые Конституция и закон вступают в силу, а съезд и Верховный Совет автоматически лишаются своих полномочий.

Созванный на экстренное заседание Конституционный суд 23 марта пришел к заключению, что предпринятые президентом действия не соответствуют Основному закону. Вердикт суда послужил основанием для созыва 26 марта IX внеочередного съезда народных депутатов РФ, который оценил случившееся как попытку государственного переворота и принял решение о проведении процедуры импичмента. Ельцин заранее отказался подчиниться возможному отрицательному решению съезда. Однако отстранить президента от власти не удалось: вместо необходимых 689 голосов оппозиция собрала 617, против отрешения выступили 268 парламентариев. Депутаты и президент пришли к очередному компромиссу: на 25 апреля назначался референдум, результаты которого открывали возможность досрочных выборов как президента, так и Верховного Совета.

На референдум было вынесено четыре вопроса: 1. Доверяете ли вы Президенту РФ Б. Н. Ельцину? 2. Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом и правительством с 1992 г.? 3. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов президента? 4. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ? Положительный ответ на первый вопрос дали 40 млн человек (отрицательный — 27), на второй — 36 млн (против — 31), на третий — 34 млн (против — 32) и на четвертый — 47 млн (против — 21). Чаша весов склонилась в пользу президента в значительной мере благодаря доминированию его команды на информационном поле.

Результаты голосования для Ельцина выглядели предпочтительнее, хотя и абсолютной победой их назвать было трудно. Они свидетельствовали прежде всего о глубоком расколе общества. Президенту и его сторонникам не удалось набрать большинства почти в половине республик и регионов России. Голосование о доверии депутатам выглядело еще менее утешительным. Кроме того, из 107 млн россиян, имевших право голоса, избирательными бюллетенями воспользовались лишь 69 млн (около 65%). Это означало, что доверие президенту выразили лишь 37% избирателей, имеющих право голоса. Тем не менее сторонники президента говорили о своей победе, а некоторые из них считали, что президент может использовать и силовые структуры при разрешении острых конфликтных ситуаций. Итоги референдума позволяли президенту активизировать конституционный процесс по своему сценарию. Для этого указом Ельцина от 12 мая 1993 г. создавалось Конституционное совещание, которое 5 июня начало свою работу. Совещание должно было окончательно доработать подготовленный сторонниками сильной президентской власти проект. Тщательно продуманный состав его участников (всего 762 человека) был призван продемонстрировать представленность всех уровней российской власти (федеральной, региональной, местного самоуправления),

всех ее ветвей (законодательной, исполнительной и судебной), а также партий, движений, профсоюзов, предпринимателей и товаропроизводителей, представителей конфессий, Академии наук. Участники совещания, однако, не видели возможности для конструктивного взаимодействия с Конституционной комиссией съезда народных депутатов, разработавшей проект с более сбалансированным разделением власти между ее ветвями. 12 июля 1993 г. в руках президента находился доработанный совещанием документ.

На совещании выявилось, что на конфликт между исполнительной и представительной властью накладывается и конфликт между Центром и провинцией, а также между «суверенными» республиками, с одной стороны, и российскими краями и областями — с другой. Республики упорно пытались сохранить завоеванный ими суверенный статус и придать Федерации не конституционный, а договорной характер. Края же и области активизировали попытки поднять свой статус до уровня республик. Существовавшие подспудно противоречия на совещании вышли наружу. Показательно, что именно в дни его работы — 1 июля 1993 г. — областной совет Екатеринбурга принял решение образовать Уральскую республику. Характерно и объяснение этого шага губернатором Э. М. Росселем: «Все области и республики в равной степени экономически самостоятельны. Но где равенство, если область платит от прибыли налог 50%, а субъекты Федерации — 12—20%? Жители республик более защищены в социальном плане, чем жители областей». Центральной власти было трудно в равной мере учесть столь различающиеся интересы, она была вынуждена балансировать, поскольку обе ее ветви нуждались в политической поддержке со стороны регионов.

После получения от Конституционного совещания 12 июля 1993 г. «нужного» проекта Конституции перед президентом в практическую плоскость перешла проблема ее принятия. Осознание сложности этой задачи, с одной стороны, и готовность решительно выйти из конституционного кризиса — с другой, прозвучали в выступлении Ельцина еще 12 июня. В этот день президент оповестил журналистов о том, что к уже существующим вариантам принятия Конституции он намерен прибавить еще один, говорить о котором счел преждевременным.

Июль 1993 г. прошел относительно спокойно, но 10 августа президент, прервав отпуск, вернулся в Москву и в тот же день на заседании Президентского совета в узком составе прямо заявил, что «нерешенность вопроса о Конституции выводит нас на силовые методы». 12 августа состоялась встреча Ельцина с руководителями СМИ, значение которой вышло далеко за рамки информационной политики. Здесь президент сообщил, что «план действий уже готов... По всему видно, что настоящая политическая схватка наступит в сентябре. Ав-

густ — время артподготовки, в том числе и для средств массовой информации». И со стороны президента, и со стороны спикера парламента звучали все более хлесткие и жесткие политические обвинения, которые дополнительно накаляли обстановку.

20 августа 1993 г. президент прямо обратился к депутатам Верховного Совета с предложением «обсудить вопрос об условиях и порядке проведения досрочных парламентских выборов». Через десять дней «предложение» было подкреплено излюбленным «фирменным» жестом — Ельцин совершил поездку в Таманскую и Кантемировскую дивизии. Демонстрация в СМИ политической воли президента на фоне стрельб из танков, выброски десанта и показательного рукопашного боя имела четкую адресную направленность. В начале сентября в прессе появились статьи, призванные обосновать, что Россия не готова к «широкой» демократии и «чрезмерному парламентаризму». В то же время особенно популярными стали ссылки на режим генерала де Голля и опыт Пятой республики в преодолении внутриполитического кризиса.

Политический кризис осени 21 сентября — 4 октября 1993 г. 16 сентября президент посетил дивизию внутренних войск имени Ф. Э. Дзержинского. В ходе визита он объявил о возвращении в правительство на должность вице-премьера и министра экономики Е. Т. Гайдара, что было открытым вызовом депутатскому корпусу. В ответ Всероссийское совещание народных депутатов всех уровней 18 сентября принимает антипрезидентское обращение к гражданам России, где апеллирует «с особым чувством к личному составу армии, милиции и органам государственной безопасности». Обстановка накаляется настолько, что в ночь на 20 сентября члены Президиума Верховного Совета решили провести в Белом доме. Они заявили, что пошли на это, так как «имели место передвижения воинских частей, подозрительные сборы... руководства МВД».

И, наконец, 21 сентября в 20 часов с телеэкрана прозвучало обращение Ельцина, в котором он просил граждан России «поддержать своего президента в это переломное для страны время», а затем был оглашен его указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Президент постановлял: прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций съездом народных депутатов и Верховным Советом, а до избрания нового парламента руководствоваться указами президента и постановлениями правительства. Запрещались заседания съезда народных депутатов, а полномочия самих народных депутатов России прекращались. В то же время полномочия представительных органов власти в субъектах Федерации сохранялись. Конституционному суду было «предложено» не созывать заседания до начала работы нового парламента. Выборы в Государственную думу назначались на 11—12 де-

кабря 1993 г. К этому же времени Конституционной комиссии и Конституционному совещанию предписывалось представить единый согласованный проект Конституции. К президенту переходило право назначения Генерального прокурора. Все это означало, что в стране фактически вводилось не предусмотренное законом прямое президентское правление. Отдавая себе отчет в правовой «небезупречности» указа, президент отметил, что для него «безопасность России и ее народа имеют большую ценность, чем формальное соблюдение изживших себя норм». Началось длившееся две недели противостояние сторонников президента и Верховного Совета.

30 сентября по инициативе и посредничестве Патриарха в Москве в Свято-Даниловом монастыре была предпринята попытка примирить конфликтующие стороны. Начались переговоры между представителями президента и парламента, которые завершились безрезультатно. Президентской стороной был взят курс на окончательную победу. Наличие оружия в местах противостояния сторонников президента и Верховного Совета, провокации и недостаточный уровень ответственности некоторых политиков привели к кровопролитию 3 октября у здания Московской мэрии и, особенно массовому, — у телекомплекса «Останкино». Эти события послужили для президента поводом для введения в Москве чрезвычайного положения и перехода в наступление. 4 октября в 6 часов 45 минут начался штурм Белого дома, в 9.00 он был обстрелян из танков. К 17 часам здание было захвачено, а руководство парламента и его защитники были препровождены в тюрьму «Лефортово». В тот же день на месяц был приостановлен выпуск «Правды», «Советской России», «Рабочей трибуны» и еще 12 оппозиционных изданий.

Согласно официальным данным, в ходе трагических событий погибли 145 человек. Однако в российской и зарубежной печати приводились многократно большие цифры погибших и без вести пропавших. Случившееся в сентябре—октябре 1993 г. историки расценивают как ограниченный во времени и пространстве эпизод гражданской войны, который ограничился верхушечной борьбой за власть в столице. Он не распространился на другие регионы страны и не привел к масштабному столкновению тех социальных сил, интересы которых объективно представляли президент и Верховный Совет. Президента и руководимые им исполнительные структуры поддерживали те группы, которые стали после августа 1991 г. активными участниками передела власти и собственности. На стороне народных депутатов, напротив, были разнородные слои, которые многое утратили за годы реформ, чувствовали себя «униженными и оскорбленными» в результате шокового «лечения» экономики. И хотя «потерпевшие» по численности в 2—4 раза превосходили своих более удачливых сограждан, исход столкновения был предрешен другими факторами. Как это

бывало и ранее в периоды революционных потрясений, меньшинству удалось в решающем месте и в решающий час добиться силового перевеса над большинством. События 21 сентября — 4 октября 1993 г. убедительно подтвердили, что инициативное политическое поведение и политическая воля являются далеко не абстрактными историческими категориями.

До середины декабря 1993 г. Россия оставалась без высшей представительной и законодательной власти. Многие важные стороны ее жизни регулировались президентскими указами. Б. Н. Ельцин воспользовался сложившейся ситуацией, чтобы в правовом плане закрепить достигнутую в начале октября победу.

Символическим жестом, призванным продемонстрировать смысл произошедшего, явилось снятие 6 октября почетного караула у Мавзолея В. И. Ленина. Вслед за этим Ельцин подписал ряд важных указов, определивших дальнейшую судьбу Советов. 7 октября были прекращены полномочия Московского городского и районных Советов. 24 октября был подписан указ о реформировании органов государственной власти и местного самоуправления в Москве и Московской области: выборы в столичном регионе предлагалось провести 12 декабря 1993 г. И наконец, Указом от 26 октября «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» прекращалась деятельность всех местных Советов. Их функции передавались к назначаемой президентом администрации. Выборы новых органов местного самоуправления (дум, собраний, муниципальных комитетов и т.д.), а также глав местного самоуправления (глав администраций, старост, мэров) должны были пройти с декабря 1993 г. по июнь 1994 г. Таким образом, советская власть через 76 лет после ее провозглашения в России завершила свое существование.

27 октября 1993 г. президент подписал Указ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России». Он провозглашал многообразие форм собственности на землю. Здесь подчеркивалось равноправие форм хозяйствования, основанных на личном, семейном или коллективном труде; писалось о самостоятельности сельских товаропроизводителей и одновременно декларировалась государственная поддержка аграриев. Однако главным в указе было радикальное решение вопроса о собственности на землю: в документе она приравнивалась к обычной недвижимости, имуществу, которое разрешалось продавать, покупать, сдавать в аренду, дарить. Государство гарантировало неприкосновенность и защиту частной собственности на землю. Это формально экономическое решение вызвало громкий политический резонанс и противоположные оценки со стороны различных общественных сил.

Указом президента от 6 ноября 1993 г. вводилась в действие новая Военная доктрина России. В ней определялись основные задачи

и направления реформирования Вооруженных сил. Документ ставил цель создания более дешевой, компактной, хорошо технически оснащенной армии, отвечающей самым высоким современным стандартам. Реорганизацию структуры Вооруженных сил намечалось завершить к 2000 г., к этому же времени предполагалось перейти на смешанную систему их комплектования. Наряду с сохранением призыва на срочную службу по экстерриториальному принципу важнейшую роль в армии должны были играть профессионалы, служащие по контракту. Уже к 1995 г. численность Вооруженных сил должна была сократиться до 1,9 млн человек (в 1993 г. она составляла 3 млн).

В доктрине впервые в отечественной законодательной практике исполнительная власть в лице президента и правительства были наделены правом использовать армию при решении не только внешних, но и внутриполитических проблем. Критиковали и внешнеполитическую часть доктрины за недооценку собственных национальных интересов. При чтении документа создавалось представление о большей приоритетности для России общих с международным сообществом целей. Это ощущение подпитывалось действовавшей Концепцией внешней политики (январь 1993 г.), где на первом плане также стояли задачи укрепления партнерских отношений со странами Запада, с международными институтами.

Претерпела изменение и государственная символика страны. Еще в 1990 г. Россия обрела свой гимн, созданный на основе «Патриотической песни» М. И. Глинки. После событий августа 1991 г. в качестве государственного стал использоваться бело-сине-красный флаг. А 30 ноября 1993 г. указом президента прежний государственный герб РСФСР — с серпом и молотом, пшеничными колосьями — был заменен новым. Им вновь, как и до 1917 г., стал двуглавый орел. Таким образом, и из государственных символов страны исчезли элементы, связывавшие ее с 76-летним периодом советской истории.

Выборы в Федеральное собрание и принятие новой Конституции. С середины октября набирала темп предвыборная кампания. Ее условия были определены указами президента, и оппозиционные политики были поставлены перед дилеммой: либо отказаться от участия, признав выборы незаконными, либо принять предложенные правила игры. Большая часть политиков пошла по второму пути. «Победители» же попытались сформировать новую, приемлемую для себя партийно-политическую конфигурацию в парламенте, и в октябре—ноябре полным ходом шло формирование новых партий и движений, которым предстояло конкурировать с уже существующими. Называвшие себя демократами политики решили идти на выборы разными партийными «колоннами». «Отколовшись, мы самоорганизуемся и можем использовать некоторую энергию оппозиционности. Безграмотно этот капитал отдавать непримиримым», — говорил Г. А. Яв-

линский. Ряд создаваемых партий и движений был призван представлять интересы отдельных групп населения (региональных, экологических, женских, молодежных), ориентируя их на конструктивное взаимодействие с исполнительной властью.

Центральная избирательная комиссия зарегистрировала списки 13 партий и движений, собравших необходимое для участия в выборах количество подписей избирателей. Блок «Выбор России» объединил сторонников продолжения радикальных либеральных реформ. В него вошли объединенные Всероссийской ассоциацией приватизируемых и частных предприятий предприниматели, ряд небольших по численности демократических партий, некоторые творческие союзы, а также члены правительства и президентской администрации. Это дало основание рассматривать блок как главную «партию власти». Блок выступал под девизом: «Свобода, собственность, законность», а возглавил его вице-премьер Е. Т. Гайдар. Предвыборные плакаты с его изображением сопровождались словами: «Говорят все, делает он!»

17 октября представители 72 регионов России учредили Партию российского единства и согласия (ПРЕС), положившую в основу своей платформы идею развития федерализма и местного самоуправления. ПРЕС выступал под девизом «В единстве и согласии — к обновленной России». Партию возглавил вице-премьер правительства, министр по делам национальностей и региональной политики С. М. Шахрай. Объявив, что объединяет управленцев-профессионалов, партия декларировала, что не является ни проправительственной, ни оппозиционной.

Тогда же был создан избирательный блок «Яблоко», названный так по первым буквам фамилий учредителей и лидеров (Г. А. Явлинский, Ю. Ю. Болдырев, В. П. Лукин). Блок выступал под девизом «Достоинство, порядок, справедливость», ставил целью построение в России гражданского общества и правового государства с учетом историко-культурных особенностей страны, обеспечение экономических и политических свобод граждан, создание эффективной, социально ориентированной рыночной экономики. Блок заявил о себе как о демократической оппозиции Б. Н. Ельцину, хотя его активисты в конфликтах 1991—1993 гг. поддерживали президента. Были созданы также Политическое движение «Женщины России» (лидер — А. В. Федулова), молодежное движение «Будущее России — новые имена» (лидер — В. В. Лащевский), «конструктивно-экологическое» движение «Кедр».

На роль основной оппозиционной политической силы выдвинулась Коммунистическая партия Российской Федерации, воссозданная в феврале 1993 г. В ходе избирательной кампании партия выступала за ненасильственное возвращение страны на социалистический путь развития, в экономическом плане настаивала на формировании

многоукладного рыночного хозяйства с эффективным государственным регулированием и активной социальной политикой. В политической сфере партия ставила своей задачей «избавление России законными методами от правящего политического режима». Возглавляемая Г. А. Зюгановым КПРФ являлась наиболее массовым общественным объединением, насчитывая в своих рядах более 500 тыс. членов.

В качестве союзника КПРФ по оппозиции выступала Аграрная партия России, созданная также в феврале 1993 г. Партия была призвана отстаивать интересы как агропромышленного комплекса в целом, так и преимущественно тех его работников, которые были связаны с предприятиями коллективных форм собственности — бывшими колхозами и совхозами, ставшими в годы реформ акционерными обществами. (Интересы фермеров бралась защищать Крестьянская партия России во главе с Ю. Д. Черниченко, входившая в «Выбор России».) Аграрная партия выступала против частной собственности на землю, за постепенный переход к рыночным отношениям, за государственную поддержку АПК. Партию возглавлял М. И. Лапшин.

На роль третьей силы, выступавшей с государственнических, национально-патриотических позиций, претендовала Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), учрежденная — как ЛДП СССР — еще в 1990 г. Партия выступала за возрождение Российского государства в границах СССР, за сильную президентскую республику с регулируемой и социально ориентированной рыночной экономикой. В ходе кампании партия остро ставила проблемы армии, защиты прав русскоязычного населения в республиках бывшего Союза ССР, положения беженцев из зон межэтнических конфликтов. Известность ЛДПР была во многом связана с личностью ее лидера В. В. Жириновского, который проявил себя как яркий оратор популистского плана, способный своими адресными обращениями привлекать симпатии достаточно широкого числа в первую очередь «обездоленных» избирателей.

Состоявшиеся 12 декабря 1993 г. выборы в Думу дали следующую картину. По партийным спискам из 225 мест ЛДПР получила 59, «Выбор России» — 40, КПРФ — 40, Аграрная партия — 21, «Женщины России» — 21, Яблоко — 20, ПРЕС — 18, Демократическая партия России (ДПР) — 14 мест. При этом 7% бюллетеней были признаны недействительными, 17% избирателей проголосовали против всех кандидатов, что свидетельствовало о недовольстве властью и всеми политическими силами. Всего же из 450 мест в Думе (с учетом избранных и по территориальным округам) «Выбор России» получил 96, ЛДПР — 70, КП РФ — 65, Аграрная партия — 47 депутатских мандатов.

В сравнении с распущенным Верховным Советом Государственная дума не стала менее оппозиционной. Намного более деполитизи-

рованными и «сдержанными» были члены верхней палаты Федерального собрания — Совета Федерации. Среди них было немало представителей правящей региональной элиты, которая была более заинтересована в конструктивном взаимодействии с центральными властями. Для президента и правительства высший представительный и законодательный орган России уже не мог быть «тормозом реформ», поскольку, согласно принятой Конституции, обладал достаточно ограниченными полномочиями.

Новый Основной закон был одобрен на референдуме 58,4% от принявших участие в голосовании (32,3% от общего числа избирателей страны). Сам президент главным итогом волеизъявления 12 декабря считал именно принятие новой Конституции. В ней подробно излагались принципы устройства нового Российского государства. Конституция провозглашала, что Россия — «демократическое федеративной государство с республиканской формой правления». В документе содержалось положение о том, что Россия является социальным государством, призванным создать условия для достойного развития человека, а также указывалось на светский характер республики, где ни одна из религий не является государственной. Важнейшее значение имел обширный раздел о правах и свободах человека и гражданина, выдержанный в полном соответствии с нормами международного права. Здесь содержался перечень экономических и социальных гарантий граждан, которые брало на себя государство. Важным был пункт Конституции, предполагавший выравнивание статуса краев, областей и республик: все они становились «субъектами Федерации», объединенными в государство не на основе договоров, а на базе общей Конституции.

Для политиков наиболее значимым являлся раздел, в котором устанавливался принцип разделения властей и новое соотношение полномочий между ее ветвями. Становилось очевидным превращение России в «суперпрезидентскую» республику. Большинство реальных прерогатив передавалось от законодательной власти к президенту. Он определяет основные направления внутренней и внешней политики, утверждает военную доктрину, назначает без согласия парламента всех членов правительства (за исключением его председателя), назначает референдум и выборы Государственной думы. Президент обретает реальный контроль над назначением высших должностных лиц государства. Он представляет Думе и Совету Федерации кандидатуры на должность председателя Центробанка, судей Конституционного, Верховного, Высшего арбитражного судов, Генпрокурора. Ранее инициатором таких назначений выступала законодательная власть. Правительство фактически выводилось из-под контроля парламента, и решающая роль в его формировании отводилась президенту. Он не только назначает главу правительства, но и получает право в случае

сопротивления парламента (трехкратное отклонение президентских кандидатур либо парламентское недоверие правительству) распустить Госдуму. В этих условиях президент и правительство получали возможность проводить политический курс, не оглядываясь на парламент. В свою очередь, лишенная ответственности и возможности влиять на правительство, Государственная дума оказалась перед соблазном усилить в законотворческой деятельности популистскую составляющую, способную осложнить работу кабинета.

По новой Конституции парламент утратил право приостановки или отмены президентского указа, напротив, президент приобрел возможность приостанавливать действие некоторых правовых актов. В общей форме была предусмотрена возможность отстранения президента от должности, однако определяющая ее процедура делала такую возможность иллюзорной. Таким образом, баланс полномочий между ветвями власти, по существу, не фиксировался.

Все это дало основания политологам утверждать, что в конце 1993 г. в России установился особый «внесистемный политический режим Бориса Ельцина» (И. М. Клямкин), некоторые называют этот режим «выборной монархией» (Л. Ф. Шевцова). Академик П. В. Волобуев предложил другой термин — «четверооктябрьская политическая система» — по аналогии с «третьеиюньской системой» (1907), возникшей в России после разгона Государственной думы.

Общественно-политическое развитие России в 1994-м — середине 1996 г. Принятие новой Конституции и выборы 12 декабря 1993 г. способствовали формированию политико-правовой определенности в государственном строе России, открывали возможности для всех ветвей власти сконцентрироваться на решении созидательных задач. Стремление к снижению напряженности, к стабильности нашло отражение в ряде событий первой половины 1994 г. В феврале Госдума приняла решение об амнистии участникам событий августа 1991 г. и 3—4 октября 1993 г. в Москве. 28 апреля 1994 г. по инициативе Кремля был подписан «Договор об общественном согласии». Под документом поставили подписи более 800 политиков: лидеры общественных движений, руководители думских фракций. Цель Договора видели в поиске компромиссов, налаживании конструктивного диалога между государственными структурами и различными политическими силами России. В феврале 1994 г. в своем первом ежегодном послании президент говорил о неприемлемости как возвращения к плановой экономике советского образца, так и продолжения «шоковой терапии», проводил мысль о необходимости усилить социальную направленность реформ. О важности «корректировки» и исправления экономического курса в начале 1994 г. неоднократно говорил и премьер-министр В. С. Черномырдин.

В то же время именно экономика продолжала оставаться самым уязвимым местом действовавшего под эгидой президента правительства. Все более деградировали наукоемкие отрасли и укреплялись позиции сырьевых. Быстро увеличивался внешний и внутренний долг. При росте социальных контрастов сокращались реальные доходы основной массы населения. Однако даже при этом на первое место среди волнующих тем граждане выдвигали рост преступности. Давали о себе знать и нерешенные ранее проблемы федеративных отношений.

15 февраля 1994 г. был подписан Договор между Россией и Татарстаном. В документе не было положений о том, что республика находится в составе России и признает верховенство федеральной Конституции. Договор снял некоторые проблемы, но многие политики считали, что он является шагом назад в сравнении с Конституцией, отступлением от конституционной Федерации к асимметричной, договорной. Татарстан сохранял большую, чем другие субъекты, самостоятельность во внутренних делах, но, что важнее, оговорил особые, льготные бюджетные отношения с Москвой. Пример Татарстана оказался заразительным. В 1994—1995 гг. другие республики также пошли на заключение договоров с федеральным центром. В результате они перечисляли в общий бюджет намного меньше средств, чем «рядовые» субъекты, и, следовательно, не участвовали в решении программ, требовавших общегосударственного финансирования. Естественно, что к борьбе за привилегии, а фактически к расшатыванию Федерации, позже подключились и другие регионы.

Намного более драматично складывалась ситуация вокруг Чеченской республики. Негативные последствия ее фактического пребывания вне правового поля России осознавали многие политики. Но в отношении путей исправления ситуации единства не было. В 1992—1994 гг. ставка делалась на поддержку внутричеченской оппозиции режиму Д. Дудаева, которая, однако, не привела к ожидаемому результату. Особенно трагичными выглядели события 26 ноября 1994 г., когда возглавляемая У. Автурхановым группа противников Дудаева (численностью около двух тысяч человек) двинулась на штурм Грозного. Группу сопровождали более ста танков и бронетранспортеров. Город взять не удалось, танковая колонна была разгромлена, а несколько десятков танкистов попали в плен к дудаевцам. На допросах выяснилось, что это не представители оппозиции, а кадровые российские офицеры, привлеченные для спецоперации. Ее неудача склонила некоторых московских политиков и военных к убеждению, что проблему можно решить только силами войсковой операции. 11 декабря 1994 г. на территорию республики при поддержке танков и авиации были введены армейские части. Они должны были «разоружить незаконные бандформирования» и «восстановить конституционный порядок». Расчеты на то, что поставленные задачи можно решить огра-

ниченными силами и в сжатые сроки, не оправдались. Начавшаяся, как говорили, «война в Чечне» унесла десятки тысяч человеческих жизней, стала одним из важнейших факторов внутренней политики России.

Неудачи в социально-экономическом развитии, вызывающая все большее общественное возмущение вооруженная кампания в Чечне делали правительство все менее популярным, часто под огонь критики попадал и президент. Важным индикатором массового недовольства явились результаты выборов в Госдуму, прошедших в декабре 1995 г. Всего в кампании участвовало 43 партии и избирательных объединения, но в Думу прошли лишь четыре. КПРФ получила 157 мест (34,9%), ЛДПР — 51 (11,4%), «Яблоко» — 45 (10%) и «Наш дом Россия» — 55 (12,2%). Результаты выборов выглядели крайне неблагоприятно для исполнительной власти. Во-первых, более чем вдвое увеличили свое представительство коммунисты. Секретарь ЦК КПРФ Г. Н. Селезнев стал спикером, а его товарищи по партии возглавили важные думские комитеты. Во-вторых, прошедшие в Думу ЛДПР и «Яблоко» также демонстрировали оппозиционность правительству. В-третьих, «Демократический выбор России» (преемник «Выбора России») Гайдара в Думу не прошел, а проправительственный НДР набрал голосов намного меньше, чем прогнозировали его лидеры.

В этой связи намного более важными представлялись намеченные на июнь 1996 г. президентские выборы. Кандидатами на этот пост были зарегистрированы Б. Н. Ельцин, Г. А. Зюганов, Г. А. Явлинский, В. В. Жириновский, А. И. Лебедь, С. Н. Федоров, М. С. Горбачев, М. Л. Шаккум, В. А. Брынцалов. Рейтинг действующего главы государства не превышал 7—8%, в то время как его основной потенциальный соперник Зюганов опирался на поддержку 20% населения. Стремление сохранить за собой высший государственный пост заставило Ельцина особенно чутко учитывать и внимательно откликаться на доминирующие в обществе настроения, оперативно решать волновавшие людей проблемы. Эти обстоятельства предопределили общественно-политическое развитие страны в 1996 г.

В конце 1995 — начале 1996 г. президент отправил в отставку непопулярных лиц из своего окружения (А. В. Козырев, А. Б. Чубайс, С. М. Шахрай, С. А. Филатов), с именами которых связывались неудачи 1992—1995 гг. В январе 1996 г. правительство призывает к разработке новой программы преобразований, выступает с осуждением «реформ, не нацеленных на человека», против некритического использования западного опыта. В январе—апреле 1996 г. президент подписывает серию указов, направленных на своевременную выдачу зарплат работникам бюджетной сферы, компенсационные выплаты пенсионерам, повышение стипендий студентам и аспирантам. Предпринимаются энергичные шаги по решению чеченской проблемы (от

разработки плана мирного урегулирования до физического устранения Дудаева и прекращения военных операций). Подписанием соглашений между Россией и Белоруссией, а также между Россией, Белоруссией, Казахстаном и Киргизией демонстрируется серьезность интеграционных намерений на постсоветском пространстве. Президент совершил 52 поездки в регионы, Москва активизировала заключение двусторонних договоров — наподобие «татарстанского» — теперь уже с краями и областями России, в которых им предоставлялись льготы. Мобилизуется международная поддержка: России обещают новые кредиты, в мае 1996 г. в Москве лидеры «Большой семерки» собираются для обсуждения проблем ядерной безопасности. В эфире абсолютно доминировал действующий президент, выступавший в роли общенационального лидера.

Все эти и другие меры дали значительный, но все же ограниченный эффект. Ельцину удалось быть избранным 53,8% голосов во втором туре во многом благодаря заключенному с А. И. Лебедем союзу. Набравший в первом туре 14,5% генерал принял предложение президента возглавить Совет безопасности и призвал своих избирателей голосовать за Ельцина. В первом туре превосходство действовавшего президента над основным конкурентом не выглядело убедительно: несмотря на использование многих преимуществ (административных, финансовых, информационных ресурсов), Ельцин получил лишь 35,2 % голосов против 32% Зюганова. Вторая победа первого российского президента знаменовала сохранение сложившейся к тому времени системы общественных отношений.

Второе президентство Б. Н. Ельцина. Эффективное функционирование политической системы России во многом зависит от президента. Его взгляды, позиции, а также дееспособность и яркие личностные особенности оказывают большое влияние на формирование государственной политики в самых разных областях. В период второго президентства Ельцина стали очевидны авторитаризм, стремление удержаться у власти, патернализм, отход от конструктивного диалога с другими структурами публичной власти при подготовке и принятии многих важных решений.

«Президентская гонка-96» оказала большое влияние на социально-экономическую и политическую ситуацию в России. В 1996 г. ускорился промышленный спад, было заморожено большинство инвестиционных проектов. Правительству пришлось пойти на значительные заимствования, чтобы профинансировать предвыборные обещания президента (не только прямые агитационные затраты, но и расходы, направленные на временное улучшение благосостояния избирателей). Под выборы был выделен кредит МВФ на 10,2 млрд долл., а также 3 млрд долл. в виде займов западных правительств. Однако основное бремя расходов пришлось нести населению России. За 6 ме-

сяцев внутренний государственный долг в виде обязательств по ГКО вырос почти на 100 трлн руб., или на 20 млрд долл. Это означало, что правительству долгое время предстояло отказываться от реализации насущных бюджетных нужд во имя погашения долгов, наделанных накануне выборов.

В то же время не оправдались прогнозы некоторых политиков и экономистов, согласно которым после ликвидации угрозы победы коммунистов инвестиции «хлынут в страну рекой». После выборов Запад открыто дал понять, что угроза возвращения к власти КПРФ — не единственное препятствие для вложений. Ныне основной тормоз для экономического роста виделся в политической нестабильности России, в непредсказуемом поведении ее лидеров.

Вновь обострилось положение в Чеченской республике. Возобновились боевые действия, 6 августа 1996 г. отряды чеченских боевиков штурмом взяли Грозный. 10 августа — следующий после своей инаугурации день — Б. Н. Ельцин объявил днем траура. 22 и 30 августа в Хасавюрте состоялись переговоры секретаря Совета безопасности России А. И. Лебедя и начальника штаба дудаевских войск А. Масхадова. В результате были подписали важные документы, согласно которым стороны прекращали боевые действия, федеральная власть выводила свои войска с территории Чеченской республики, решение вопроса о статусе Чечни откладывалось до 2001 г.

Хасавюртовские соглашения вызвали неоднозначную оценку. Чеченцы трактовали их как закрепление своей победы в войне и суверенитета, поскольку «враг» покидал территорию республики. Генерал Лебедь усматривал успех в том, что удалось остановить кровопролитие и открывалась возможность вновь перевести урегулирование конфликта в политическое русло. Лебедя поддержали правозащитники. Однако соглашение резко осудили воевавшие в Чечне генералы. Военные были недовольны тем, что политики, решая свои сиюминутные задачи, не дали войскам возможности «добить противника». Они обращали внимание и на то, что передышка до 2001 г. была выгоднее чеченским сепаратистам, дала им возможность найти поддержку внутри России и за ее пределами, лучше подготовиться к возобновлению войны. («Помех» со стороны политиков военные опасались и в ходе второй чеченской кампании, но в ноябре 2002 г. новый президент заверил, что «второго Хасавюрта не будет».)

Примерно в это же время в политический лексикон вошло и прочно утвердилось слово «олигарх». Понятие «олигархия» стали использовать при характеристике взаимоотношений власти и бизнеса в России. Под олигархией имелись в виду неформальные союзы крупных предпринимателей и высшего чиновничества. Эти союзы при поддержке зависимых от них СМИ показали способность добиваться значительных результатов и в бизнесе, и в политике. После 1996 г.

это выразилось, в частности, в подборе кадров высшей бюрократии. Ранее при назначении чиновника определяющее значение имела его политическая ориентация, теперь — принадлежность к олигархической группировке. После выборов, когда миновала общая для всех опасность «коммунистической реставрации», на первый план вышли противоречия между различными кланами. Это породило череду публичных скандалов, приводивших к настоящим «информационным войнам».

В 1996—1999 гг. существенным фактором российской политики стало состояние здоровья президента. Известие о своем повторном избрании Ельцин встретил на больничной койке. Осенью 1996 г. он перенес тяжелую операцию на сердце, а зимой 1996/97 г. боролся с простудным заболеванием. Все это привело к возникновению специфического «российского института» поддержки президентской власти, в который входили некоторые члены семьи Б. Н. Ельцина и люди, предельно ей близкие или стремившиеся стать таковыми, а также те, кто был готов играть по правилам «семейной» политики. Подобная ситуация была вызвана к жизни условиями отсутствия демократических процедур «подстраховки» теряющего дееспособность лидера, их роль могла выполнять близкая президенту неформальная группа. Она брала на себя функции выработки курса и подбора кадров. Тем самым актуализировались теневые политические механизмы, которые содержали большой риск их использования в узкогрупповых интересах.

Оправившись от болезней, весной 1997 г. Б. Н. Ельцин вернулся к активной деятельности. Была произведена реорганизация правительства, в котором ключевая роль отводилась двум вице-премьерам — А. Б. Чубайсу и Б. Е. Немцову, тесно связанным с партией «Демократический выбор» Е. Т. Гайдара. Новым кабинетом была разработана программа первоочередных мер, известная под названием «Семь главных дел». Намечалось ликвидировать задолженности по зарплате, перейти к «адресной» социальной поддержке, внедрить единые правила игры для банкиров и предпринимателей, ограничить влияние «естественных монополий», вести борьбу с чиновничьим произволом и коррупцией, активизировать региональную экономическую инициативу, широко разъяснять общественности смысл и цели предпринимаемых шагов. Проводимый курс стали называть «Второй либеральной революцией».

Правительство энергично взялось за решение поставленных задач, однако не все предлагаемые им меры получили парламентскую и более широкую общественную поддержку. Особенно бурно обсуждалась намеченная реформа жилищно-коммунального хозяйства, означавшая для населения «шоковое» повышение цен на услуги в этой сфере. До 1997 г. население оплачивало лишь 10—20% от реальных коммунальных расходов. Внимание общественности привлекли и же-

сткие бескомпромиссные столкновения между различными группировками российского бизнеса, развернувшими борьбу за передел приватизируемой госсобственности. Осенью 1997 г. в обществе широко обсуждали обстоятельства приватизации кампании «Связьинвест» и проявленную при этом необъективность некоторых членов кабинета. Это наносило ощутимый удар по престижу власти, провоцируя скандалы и отставки.

Итоги годовой деятельности правительства «младореформаторов» получили в целом доброжелательную оценку в прессе, несмотря на то что большую часть намеченного сделать не удалось. В ежегодном Послании Президента Федеральному собранию в феврале 1998 г. было четко объяснено, что правительство не справилось со своими задачами, но острой публичной критики премьера и его заместителей не последовало. Тем не менее 23 марта 1998 г. был издан указ Ельцина об отставке Черномырдина. Отсутствие объяснений со стороны главы государства возбудило недоумение в политических кругах и прессе. Однако уже вскоре стало ясно, что в основе решения президента лежало осознание приближения краха проводившейся много лет экономической политики, которую связывали с именем премьера.

Указ президента положил начало затяжному политическому кризису. На фоне отставки политического «тяжеловеса» В. С. Черномырдина предложение Думе одобрить в качестве премьера малоизвестного молодого С. В. Кириенко выглядело не мотивировано. И хотя под нажимом Ельцина депутаты утвердили внесенную кандидатуру, правительство Кириенко не могло рассчитывать на безоговорочную поддержку парламента в то время, когда ситуация требовала быстрых и решительных действий.

Финансовый обвал 17 августа 1998 г. («дефолт») привел не только к падению правительства. 21 августа на внеочередном заседании Думы 248 депутатов призвали президента добровольно уйти в отставку, в его поддержку выступили лишь 32 законодателя. Чтобы обезопасить Думу от роспуска, депутаты выразили готовность инициировать процедуру импичмента. Перед угрозой утраты власти Ельцин был вынужден уступить. 10 сентября 1998 г. президент предложил на пост премьера академика Е. М. Примакова. Глава государства впервые назначил главой правительства кандидата, предложенного Думой: его одновременно выдвинули и коммунисты, и «Яблоко», поддерживали и другие фракции. Показательно, что Примаков был утвержден с первой попытки, получив 315 голосов вместо необходимых 226.

Включение в состав правительства на должность вице-премьера коммуниста Ю. Д. Маслюкова дало основания говорить о «полевении» исполнительной власти, хотя в целом премьер и новый кабинет стремились быть политически нейтральными. Стремясь уйти от воз-

можных обвинений, Примаков не выступал с широковещательными программами, придерживаясь тактики решения конкретных дел. В то же время правительство не пошло на радикальные изменения курса. Важность широкой общественной поддержки для исполнительной власти была ярко продемонстрирована при обсуждении бюджета на 1999 г.: самое «левое» после 1992 г. правительство провело через Думу самый «жесткий», «либеральный» бюджет. Были сделаны шаги в сторону поддержки реального сектора экономики страны. Примаков выступал за государственное регулирование экономики, которое, по его мнению, отличает цивилизованный капитализм от дикого.

Время премьерства Примакова в политической истории России характеризуется как период «двойного лидерства». С одной стороны, главой государства, обладавшим огромными полномочиями, являлся утративший былую популярность президент. Другим лидером был председатель правительства, который опирался на поддержку большинства Думы, пользовался авторитетом среди предпринимателей. Его влияние и популярность росли и в связи с длительными перерывами в работе часто болевшего Ельцина. За восемь месяцев удалось добиться некоторых позитивных перемен в экономике, но главное — значительно стабилизировать общественно-политическую ситуацию. Тем неожиданней был указ об отставке Е. М. Примакова, подписанный президентом 12 мая 1999 г. Причины этого казавшегося тогда иррациональным шага обнаружились позднее.

Примаков за короткое время сумел стать крупной, достаточно самостоятельной политической фигурой. Стремясь оставаться в политическом «центре», он не торопился бросить весь свой авторитет на поддержку уже не очень популярного президента. Так, президентская администрация не могла быть довольна тем, что лояльная к премьеру Дума не отказалась от проведения импичмента в отношении президента в мае 1999 г. Для успеха задуманной акции требовалось собрать 300 голосов по одному из пяти пунктов обвинения. За признание Ельцина виновным в подписании Беловежских соглашений и развале СССР голосовали 240 депутатов, против — 72. Виновным в трагических событиях осени 1993 г. Ельцина признали 263 депутата, против голосовали 60. За обвинение в развязывании войны в Чечне проголосовали 283 депутата, против — 43. В развале армии виновным президента посчитал 241 депутат, против голосовали 77. В проведении политики геноцида против российского населения президента обвинили 238 депутатов, против голосовали 88. Это означало, что фактически три четверти депутатов выразили политическое недоверие Ельцину. Результаты голосования отражали массовые общественные настроения: по данным социологов, в конце 1998 г. 85% опрошенных преодоление кризиса в России связывали с уходом в отставку действующего президента.

С весны 1999 г. в центре внимания Ельцина была именно проблема поиска преемника. Его имя было названо Ельциным 9 августа 1999 г. после подписания указа о назначении В. В. Путина исполняющим обязанности премьер-министра. Вступление в должность премьера по времени совпало с началом крупномасштабной операции против чеченских боевиков. Путин возглавил антитеррористическую операцию, выступив не только в качестве энергичного организатора борьбы, но и человека, способного морально, психологически объединить россиян, которые стали связывать с молодым премьером надежды на восстановление стабильности, порядка и постепенное улучшение жизни. О росте популярности Путина свидетельствовал значительный успех поддержанного им нового общероссийского движения «Единство», которое на парламентских выборах в декабре 1999 г. набрало 23,3% голосов, едва не обойдя коммунистов (24,2%).

Наличие политической воли, готовность российского руководства решительно вести борьбу против терроризма и сепаратизма не могли автоматически гарантировать установление скорого мира в Чеченской Республике. Это было во многом обусловлено той ситуацией, которая сложилась в Чечне к лету 1999 г.

После хасавюртовских соглашений 1996 г. чеченские политики пытались решить три задачи: консолидировать общество и заложить основы чеченской государственности, наладить отношения с Россией и получить от нее компенсацию за ущерб, добиться международного признания Чеченской Республики Ичкерия. Однако ни одну из этих целей им достигнуть не удалось.

Радикально настроенные чеченские политики выступили за объединение Северного Кавказа на основе исламской идеологии. В середине 1999 г. их главной задачей стало даже не закрепление независимости Чечни, а политическая и идейная экспансия в ближайшие республики, прежде всего в Дагестан и Ингушетию. Поход Ш. Басаева в августе 1999 г. в Дагестан, несмотря на всю его авантюрность, в случае успеха мог быть использован для окончательного оттеснения Масхадова в Чечне и ужесточения отношений с Москвой. Однако этим планам не суждено было сбыться, поскольку ситуация менялась в России.

§ 5. РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В 1990-е ГОДЫ

Новые условия развития культуры. На развитие российской культуры в 90-е гг. большое влияние оказывали сложные процессы, происходившие в экономической, социальной и политической сферах. Государственное регулирование культурной жизни осуществлялось прежде всего на базе «Основ законодательства Российской Федера-

ции о культуре», утвержденных в 1992 г. Документ определяет, что к обязанностям государства в области культуры относятся: разработка и осуществление федеральных государственных программ сохранения и развития культуры, создание условий для развития национальных культур РФ, обеспечение доступности для граждан культурной деятельности, культурных ценностей и благ, обеспечение свобод и самостоятельности всех субъектов культурной деятельности, создание условий для самореализации талантов, сохранение памятников истории и культуры, ведение статистики культуры, деятельность по преодолению монополии в области культуры.

Специальные акты (законы, указы, постановления) конкретизировали политику в отдельных областях культуры. В 1990-е гг. были приняты Законы «О библиотечном деле», «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»; Федеральные государственные программы сохранения и развития культуры и искусства (на 1993—1996 гг., на 1997—1999 гг., на 2001—2005 гг.). Однако острейшим вопросом оставалось выполнение государством обширного перечня взятых на себя обязательств, их ресурсное обеспечение, создание организационных и правовых механизмов их реализации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В 1990-е гг. произошли коренные изменения в сфере управления культурой. Если ранее монопольную роль здесь играло государство, то теперь в центре внимания — активизация внутренних сил культуры, усиление самоорганизации культурных процессов. Речь идет о преодолении жестких рамок контроля административной системы, бюрократических традиций, о повышении автономности учреждений культуры и ее создателей при усилении контроля со стороны гражданского общества. В этой связи выделяют следующие принципы современной культурной политики. Во-первых, принцип проблемно-целевой ориентации культурной политики, предполагающий решение проблем в определенной сфере культуры, а также вопросов, касающихся социально-культурной деятельности конкретных групп и категорий населения. Во-вторых, принцип самоорганизации культурной жизни. В-третьих, принцип обеспечения многообразия, полифоничности социально-культурной жизни, который предполагает многосубъектность социокультурной деятельности, альтернативность проектов, программ, концепций, идей.

Практическая реализация целей и принципов культурной политики в современной России сталкивается с большими трудностями. Следует отметить значительную сложность происходящих в российской культуре изменений. Положительные перемены противоречивы и зависят от ее освобождения от идеологического диктата, приобретения художниками невиданной ранее свободы творчества, усиления

интенсивности культурного обмена, децентрализации управления процессом создания, распространения и потребления духовно-культурных ценностей. Констатация позитивных перемен не снимает вопроса о кризисном состоянии культуры, выражающемся в информационной и культурной изоляции ряда регионов, ухудшающемся состоянии материальной базы культуры и сохранности памятников, музейных экспонатов и архивных фондов, сокращении кадрового потенциала и оттоке работников в другие сектора, миграции за рубеж. Следствием реформ стало отчуждение многих людей от богатств национальной культуры, утрата контроля над важными процессами в этой сфере.

Еще в 1992—1993 гг. ассигнования на культуру были невелики. Однако ситуация радикально изменилась в середине 1990-х гг., когда произошло обвальное сокращение бюджетного финансирования социально-культурной сферы. В 1995 г. объем финансирования культуры уменьшился на 40% по сравнению с 1994 г., а в 1996 г. — на 43% по сравнению с 1995 г. Из-за секвестрования федерального бюджета в 1996 г. средств на культуру выделено 42% от запланированных, а в 1997 г. — только 40%. В 1998 г. реальные расходы бюджета (с учетом инфляции) на социально-культурную сферу и науку по сравнению с предшествующим годом снизились в 2,2 раза. Только в 1999 г., по свидетельству вице-премьера В. И. Матвиенко, впервые культура была профинансирована на 100%, а федеральные программы — на 90%. Не выглядела оптимистично и динамика бюджетных расходов: в 1996 г. ассигнования на культуру и искусство составили 0,83%, а в 2000 г. — 0,55% от бюджета. Установленные законом нормативы бюджетных расходов на культуру (2%) на федеральном уровне не только не выдерживались, но и уменьшались. Резко ухудшилось материальное положение работников образования, науки и культуры, что повлекло падение престижности их профессий.

Образование и наука. Скудость финансирования (в 2000 г. — 40% от уровня 1991 г.) предопределила кризисное состояние системы образования. В 1992 г. был принят Закон «Об образовании», согласно которому уровень обязательного школьного образования был понижен до 9 классов. Конкурсный отбор в десятый класс оставил за пределами школы многих ребят — в 1995 г. их оказалось 1,5 млн человек. И хотя впоследствии указом президента конкурс был отменен, негативные последствия предыдущего решения преодолеть не удалось. Ухудшение экономического положения значительных социальных слоев сократило возможности получения образования их детьми. Вместе с тем появились дополнительные, как правило, платные образовательные услуги, открылись платные школы, гимназии, лицеи.

Пыталась адаптироваться к новым условиям и высшая школа. С 1992 по 2000 г. число государственных вузов выросло с 535

до 590. Особенно популярными были «рыночные» профессии: экономист, финансист, менеджер, юрист. Подготовку по этим и некоторым другим специальностям вели прежние и новые негосударственные, преимущественно коммерческие, вузы. Их число с 1993 по 2000 г. увеличилось с 78 до 349. Однако в целом в 1992—1995 гг. общее количество студентов было меньше, чем в советское время, составляя в среднем чуть более 2,6 млн в год (1991 г. — 2,8). К 2000 году численность студентов уже превысила 4 млн.

В Законе 1992 г. проводились идеи деидеологизации и вариативности образования. Утверждение этих принципов шло противоречиво. Деидеологизация образования часто сводилась к замещению коммунистической идеологии, которая господствовала в советской школе, либеральной в ее крайне упрощенном, вульгаризованном виде. Вариативность же оказалась средством размывания общегосударственного стандарта. Появились сотни новых учебников и учебных пособий, прежде всего по гуманитарным дисциплинам, которые внедрялись в учебный процесс без должной предварительной апробации. Многие содержавшиеся в них идеи получили неоднозначную оценку научной и педагогической общественности.

К началу нового тысячелетия сформировались представления об основных направлениях модернизации всей системы образования в России. Ее цель — осуществить переход на сопоставимую с мировой систему показателей качества и стандартов образования всех уровней. Школа станет двенадцатилетней: десять классов обязательны для всех, два последних — профильное образование. Начинать учиться дети будут в 6 лет, а в 16 — получать аттестат зрелости. После этого ученик должен определиться — идти в профтехучилище или продолжать образование в старшей профильной школе. Переход на «двенадцатилетку» планируется к 2006/07 учебному году. Полностью будет изменена система сдачи выпускных и вступительных экзаменов. Их заменит единый государственный экзамен (ЕГЭ), который будет проводиться вне стен вуза. Существенные изменения претерпят и принципы финансирования вузов: каждый потенциальный студент должен получить Государственное индивидуальное финансовое обязательство (ГИФО), сумма которых и определит масштабы финансирования вуза в зависимости от его востребованности и популярности. В 2002 г. в эксперименте по введению ЕГЭ приняли участие 17 регионов вместо 5 в 2001 г. Началась и апробация механизма ГИФО.

1990-е гг. были очень трудными для отечественной науки. Резкое сокращение инвестирования в фундаментальные исследования и НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) оказало негативное влияние на состояние как естественных, так и гуманитарных наук. Численность работающих в научно-технической сфере сократилась более чем в 2,5 раза — с 2,1 млн человек в

1990 г. до менее 800 тыс. в 2000 г. До критического уровня снизился приток в науку молодых специалистов: ныне средний возраст докторов наук — более 60 лет, кандидатов приближается к 55. Свыше 50 тыс. ученых (прежде всего математиков, физиков, химиков, биологов) были вынуждены покинуть Россию и работать в других странах. Сократилось обновление материально-технической базы науки, ее информационное обеспечение. Согласно принятому в 1996 г. Закону «О науке и государственной научно-технической политике», расходы на науку гражданского назначения должны составлять не менее 4% расходной части бюджета, однако добиться этого не удалось. В этих условиях утверждается представление о том, что приоритетному финансированию подлежат те отрасли науки, в которых Россия уже занимает признанные в мире позиции, а также сферы, способные обеспечить технологический прорыв в отечественной экономике. На это направлена реализация таких федеральных начинаний, как «Российская космическая программа», Программа конверсии, «Электронная Россия». Признанием достижений российской науки явилось награждение Нобелевской премией известного физика академика Ж. И. Алферова.

Проблемы духовного развития общества. Кардинальные социально-политические и экономические изменения, произошедшие с конца 1980-х гг., создали сложную ситуацию в области духовного развития общества. Социологи констатируют глубокий социокультурный кризис российского общества. Он характеризуется распадом привычной картины мира, социальных и культурных ценностей, дестабилизацией социального положения людей и общественных структур, что ведет к конфликтам различных ценностных систем. В чем проявился этот кризис?

Во-первых, в утрате прежнего социалистического и коммунистического идеала, который — при всех оговорках — формировал картину мира советского человека. После 1991 г. путь, пройденный страной в XX в., все чаще трактовался как ошибочный и тупиковый, что ставило под сомнение смысл жизни многих людей. В то же время идея «демократических реформ» по западному образцу показала неспособность выступать в качестве долговременного объединяющего идеала, тем более что первые годы экономических и политических преобразований многим не позволил ощутить преимущества радикальной смены общественного строя. Негативное влияние на сознание оказывал и распад исторического Российского государства, фактическая утрата страной статуса великой державы, которым ранее было принято гордиться.

Во-вторых, наблюдался нравственный кризис большей части общества. Смещались понятия добра и зла, долга, чести, совести; притуплялись чувства стыда, сострадания, любви, дружбы, товарищества.

Уходит в прошлое тип нравственности, связанный с коллективизмом, со стремлением быть полезным обществу. Одновременно выросла значимость индивидуалистических ценностей эгоистической направленности. Размывалось представление о такой прежде фундаментальной ценности, как труд. Происходящие перемены деформировали нравственность и социальную ориентацию людей, что нашло отражение в изменении престижа профессий. Ученый, инженер, летчик, врач, учитель уступали место банкиру, предпринимателю, охраннику, шоумену, даже проститутке. «Привлекательность» второй группы профессий была связана с видимой возможностью быстро и легко заработать деньги, демонстрировать стандарты высокого уровня потребления. Еще более в общественном сознании девальвировалась такая ценность, как социальная справедливость. Пренебрежение ею со стороны советской партийно-государственной бюрократии не выдерживало сравнения с возможностями «новых русских» и «олигархов».

О кризисе культуры свидетельствовало также размывание представлений о социально допустимых нормах поведения. На практике это вело к вседозволенности, на фоне которой развивались различные формы преступности — от мелкого хулиганства и наркомании до организации криминальных сообществ и заказных убийств.

Отсутствие общего идеала, кризис ценностей вызывали озабоченность у российской правящей элиты. В 1996 г. российский президент призвал активизировать работу по поиску национальной идеи для современной России. Задача эта, однако, не решена и поныне.

Уход от авторитарной системы управления и организации духовной жизни способствовал формированию целой системы субкультур, т.е. «культуры в культуре», имеющей свои четко очерченные границы знаний, норм, ценностей, представлений, вкусов, идеалов, традиций. Социологи выделяют несколько основных субкультурных систем в России 90-х гг. Это — «высокая» интеллигентская культура, развивающая историческую традицию русской национальной элитарной культуры; «советская» культура, продолжающая традицию минувших десятилетий и основанная на совокупности ценностей, образов, символов старшего и среднего поколений; западная культура либеральных ценностей, социокультурного индивидуализма и экономической независимости, охватывающая значительную часть молодежи, предпринимателей и интеллигенции; маргинальная субкультура социальных низов.

Определенное консолидирующее влияние в 1990-е гг. оказывало распространение религиозных взглядов. Отказ от идеологии воинствующего атеизма во второй половине 1980-х гг. значительно повысил воспитательную, мировоззренческую и социальную роль церкви. Утвердилась практика соблюдения прав верующих и атеистов в конституционных рамках светского государства. Ведущие политические пар-

тии и движения, включая КПРФ, демонстрируют лояльное, уважительное отношение к религии. Можно утверждать, что атеистический экстремизм прошлых лет был преодолен, и российское общество постепенно восстанавливает историческую преемственность в духовно-религиозной сфере. Принятие Закона «О свободе совести и религиозных объединениях» в 1997 г. укрепило правовую базу деятельности церкви в стране. Численность зарегистрированных религиозных организаций увеличилась в 3,5 раза: с 4846 (1992 г.) до 17 427 (2000 г.).

В этих условиях повысился уровень религиозности населения. Особенно интенсивно его повышение происходило в 1988—1992 гг. С середины 1990-х гг. тенденция роста уровня религиозности потеряла былые темпы, а в конце десятилетия он стабилизировался. По данным социологов, соотношение религиозного и нерелигиозного населения составляет примерно 2:1. Если же разделить верующих по конфессиям, то соотношение групп будет следующим. Из каждых 100 граждан России 29 — люди неверующие, 49 — считают себя православными, 8 — последователями ислама, 2 — последователи других конфессий, 12 — верят «по-своему» и не считают себя последователями какой-либо конфессии. Однако уровень реальной религиозности оценивается по-разному. В то же время церковь рассматривается в качестве важного традиционного исторического института, оказывающего стабизирующее воздействие на общество.

Огромная роль в формировании духовного климата в обществе принадлежит средствам массовой информации (СМИ). За годы реформ кардинально изменились функции СМИ. Стали иными структура периодических изданий, их объем, содержание, политическая и информационная направленность. В 1990—1999 гг. число газет увеличилось с 4808 до 5535 наименований. Но одновременно разовый тираж уменьшился с 166 до 104 млн экземпляров, годовой же тираж сократился в 5,4 раза. Для большинства семей выписка и покупка периодики стала недоступной. Крайне ограниченным стало поступление журналов и газет в библиотеки, школы, вузы, научно-исследовательские институты и учреждения культуры. Аналогичные изменения претерпело производство журнальной продукции.

Заметно выросла роль телевидения, в информационное пространство которого включено большинство населения России. В 1990-е гг. появились новые общероссийские каналы, сложилась сеть региональных телекомпаний, стал необычайно широким диапазон информационных и развлекательных передач. Ныне в обществе превалируют две основные точки зрения на роль СМИ. Одна рассматривает их как орган власти, другая — как орган гражданского общества. Отсюда в оценке их деятельности присутствует двойной стандарт, в основе которого — сложное взаимодействие между двумя основными функциями.

Утверждение свободы слова в СМИ происходило не всегда безболезненно. Их порой бросающаяся в глаза ангажированность, резкий переход к полифоническому изложению событий, многоголосице в оценке фактов, тяготение к сенсационности или, наоборот, к замалчиванию событий оказывали негативное влияние на общественное сознание, формировали скептическое отношение к СМИ. Право на свободу слова часто вступало в противоречие с правом на получение правдивой информации.

Художественное творчество в России. Сложные, многоплановые процессы происходили в российском искусстве, в сфере художественного творчества. К числу их наиболее зримых черт 1990-х гг. можно отнести коммерциализацию, отсутствие идеологических, а порой и нравственных ограничений, огромное влияние западной массовой культуры.

Вместе с тем последнее десятилетие XX столетия прошло под знаком возвращения художественных произведений, ранее недоступных или малодоступных российским гражданам. Этому способствовало и бурное развитие частного книгоиздания. На прилавках появились ранее запрещавшиеся произведения выдающихся русских писателей, поэтов, мыслителей — А. Ахматовой, М. Цветаевой, П. Васильева, В. Набокова, М. Булгакова, А. Солженицына, И. Бродского, В. Максимова и многих других. Российские читатели получили возможность познакомиться с произведениями мировой литературы, которые раньше в стране не издавались. Новые газеты и журналы были рассчитаны на самые разные вкусы. Восстанавливали связи с Россией ранее покинувшие ее деятели культуры. Огромную работу по сохранению культурного наследия, возвращению утраченных в разные годы произведений отечественного искусства проводил Российский фонд культуры.

В литературе продолжалось развитие отечественных реалистических традиций. В этом направлении продолжили свое творчество В. Астафьев, В. Распутин, М. Алексеев, Ю. Бондарев, Г. Бакланов и др. В то же время большую популярность приобрели писатели, работающие в постмодернистской манере. В числе наиболее читаемых — В. Войнович, А. Битов, Т. Толстая, Д. Пригов, В. Пелевин, В. Пьецух, Е. Попов, Л. Петрушевская. Для приверженцев этого направления характерен отказ от социальности и морализма. На первый план выдвигается эстетическое значение литературы, при этом авторы скептически относятся к возможности общественного идеала. В числе признаков этой «литературной» литературы называют: несущественность места действия, социальной принадлежности персонажей, афористичность текста произведения, отсутствие определенной идеи и пронизывающую все произведение иронию.

Новые экономические реалии оказали заметное влияние на развитие российского кинематографа. Отсутствие государственной поддержки привело к резкому сокращению выпуска фильмов. Если в 1992 г. было снято 178 кинокартин, то в 1995 г. — лишь 46. Это привело к тому, что в 1990-е гг. на российском кинорынке доминировали американские ленты. И опытные, и начинающие российские режиссеры столкнулись с проблемой экономической эффективности кино. Коммерциализация этого вида искусства оказала влияние прежде всего на его проблематику и стилистику. Если «криминально-детективные» особенности 1990-х гг. нашли на экране достаточно «красочное» отражение, то вопрос о положительном «герое нашего времени» остается открытым. В отечественном же кинематографе значительный резонанс получили фильмы режиссеров Н. Михалкова, П. Лунгина, В. Тодоровского, А. Рогожкина, Э. Рязанова, С. Бодрова-старшего, В. Хотиненко. В стране стал ежегодно проводиться Всероссийский кинофестиваль «Кинотавр» в Сочи, а в конце 1990-х гг. возродился Международный московский кинофестиваль. Во второй половине 1990-х гг. бурное развитие получили отечественные телесериалы, не отличающиеся большим тематическим разнообразием.

Получило дальнейшее развитие музыкальное искусство. С одной стороны, ценители классики имели возможность посещать концерты выдающихся дирижеров и исполнителей симфонических произведений, оперных и балетных спектаклей. С другой стороны, 1990-е гг. стали временем бурного развития новой молодежной музыкальной культуры, отличающейся большим стилевым разнообразием и охватом самой широкой аудитории.

В 1990-е гг. появилось много ярких театральных постановок. Наряду с известными театральными коллективами появились новые театры, студии. Возродились спектакли-антрепризы. Зрителя чаще привлекали оригинальные режиссерские решения, игра старых и новых театральных «звезд». Многообразие форм, стилей и тем было присуще также изобразительному искусству. В целом развитие культуры отразило в себе незавершенность и противоречивость российских преобразований 1990-х гг. Перспективы духовного и культурного прогресса страны напрямую зависят от успеха начатых реформ.

§ 6. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ. 1992—1999

Формирование концепции внешней политики России. Распад СССР явился важнейшим событием международной жизни конца XX в., оказавшим огромное влияние на систему международных отношений. На смену биполярному миру, многолетнему противостоянию двух социальных систем должна была прийти иная организация меж-

дународной жизни, отражавшая новое соотношение сил и соответствующая глобальным вызовам современности.

В российском обществе осмысление посткоммунистических реалий проходило непросто, дискуссии о приоритетах внешней политики были связаны как с оценкой состояния международных отношений, так и с фундаментальными представлениями о путях будущего развития России. Некоторое время в общественном сознании царила эйфория. Политики ожидали, что радикальный поворот от конфронтации к сближению с западными странами автоматически изменит их отношение к России, мобилизует массированную политическую поддержку и экономическую помощь. В этих условиях ставка была сделана на ускоренную интеграцию в евро-атлантические структуры. В первой половине 1990-х гг. получила теоретическое обоснование и практическое воплощение политика *«атлантизма»*. В основе атлантической внешнеполитической концепции лежали: ориентация на западную модель развития, неконфронтационное видение современных международных отношений, отрицание примата силы в решении международных проблем, оптимизм в оценке развала СССР и в оценке международной ситуации в целом. США, Западная Европа представлялись главными союзниками и партнерами как на международной арене, так и в проведении демократических реформ в России.

На Западе ситуацию воспринимали иначе. Нашу страну считали проигравшей «холодную войну», не спешили устанавливать «стратегическое партнерство» и тем более не видели Россию в качестве равноправного союзника. Ей в лучшем случае отводилась роль младшего партнера, любое же проявление самостоятельности рассматривалось как рецидив советской «имперской» политики. Об игнорировании интересов России свидетельствовало продвижение к ее границам НАТО, противодействие реинтеграционным тенденциям на постсоветском пространстве. Россия оставалась отгороженной от Запада визовыми и таможенными барьерами, его рынки защищались высокими тарифами, квотами и другими регуляторами. Все это оказало отрезвляющее воздействие на российскую политическую элиту. Критическое отношение к «атлантизму» в российской политической элите стало звучать все громче уже во второй половине 1993 г.

В середине 1990-х гг. окрепло убеждение в том, что единственным надежным ориентиром внешней политики должна стать твердая защита национальных интересов. Появился больший реализм в оценке последствий распада СССР и ситуации в мире. Утверждаются представления о становлении многополярного мира, в котором доминировать не способна ни одна, даже самая мощная держава. Анализ реформ внутри России подводил к выводу о непродуктивности копирования западного опыта без тщательного учета особенностей своей страны. Осознание геополитического и культурно-исторического

своеобразия России возрождало интерес к идеям *евразийства*, которые также привлекались при обосновании внешнеполитической стратегии.

Утверждение представлений о многополярности формирующейся системы международных отношений, отход от «атлантизма» и переход к курсу на «разновекторную» внешнюю политику связывались с именем Е. М. Примакова, который в 1996 г. после отставки А. В. Козырева возглавил российский МИД.

Проведению эффективной внешней политики препятствовала и нерешенность ряда важных организационных проблем. Одна из них была связана с уходом из МИДа опытных дипломатов на более высокооплачиваемые должности в частном бизнесе. Это сказалось на работе внешнеполитического ведомства. Выступая на коллегии МИДа в октябре 1992 г. Б. Н. Ельцин говорил: «Во внешней политике России, к сожалению, много импровизации, непоследовательности и противоречивости. Есть ошибки и просчеты... Беда в том, что МИД следует за событиями и редко предвидит их. Не хватает информации, не хватает анализа, и главное — действий... Куда делись мыслители, аналитики, практики — все они оказались неспособными в новых условиях?.. Что тревожит? Россию воспринимают сейчас на Западе как государство, говорящее только «да», государство, которое иногда не замечает, как по отношению к нему другие не выполняют своих обязательств, молча снося обиды, даже оскорбления».

Изменившиеся внешние и внутренние условия существования России ставили новые задачи в области координации международной деятельности между ее различными субъектами. Общими вопросами межгосударственных отношений занимался МИД, свое видение внешней политики имели военные структуры, формирующийся российский бизнес заявлял о своих приоритетах, субъекты Федерации также заметно активизировали внешнеполитическую деятельность. Между тем в стране не сложилось единой формы организованного представительства и согласования интересов всех действовавших на этом направлении групп. Так, например, в ноябре 1993 г. руководство Службы внешней разведки выступило против расширения НАТО на Восток, а МИД заявил, что расширение НАТО не угрожает России. Именно поэтому в начале 1995 г. в послании Федеральному собранию президент прямо поставил задачу «улучшения координации внешнеполитической деятельности». Однако созданный Ельциным в конце 1995 г. Совет по внешней политике полностью с этой задачей так и не справился.

Российско-американские отношения. Отношения с США занимали ключевое место во внешней политике России в 1990-е гг. В целом они заметно изменились в лучшую сторону. В то же время российско-американские связи представляли сложное переплетение взаи-

модействия, поиска сфер совпадающих интересов и разногласий по конкретным вопросам международных и двусторонних отношений. На взаимодействие двух государств оказывали влияние различия их экономических и политических возможностей. России было трудно претендовать на роль глобальной державы. В сравнении с СССР она обладает гораздо более скромным экономическим потенциалом. Ее национальный доход в условиях кризиса сократился вдвое и по оптимистическим подсчетам составляет 8—9% от американского. В десять раз по сравнению с серединой 1980-х гг. уменьшились военные расходы России. Кроме того, в результате дезинтеграции СССР она лишилась важной части оборонной инфраструктуры, прежних союзников и не приобрела новых, в то время как США укрепили лидирующее положение в пережившим «холодную войну» военно-политических блоках Европы и Азии.

Новый характер российско-американских отношений получил отражение в двух документах 1992 г. Ими были «Декларация президентов России и США» и «Хартия российско-американского партнерства и дружбы». В них предусматривался отказ сторон рассматривать друг друга в качестве противников, общая приверженность правам человека, экономической свободе, поддержки США курса России на углубление реформ, продолжение процесса сокращения вооружений и сотрудничество в поддержании стратегической и региональной стабильности.

Значительно активизировались российско-американские политические связи. Приобрели регулярный характер встречи президентов двух стран, оживились межпарламентские контакты, взаимодействие по линии других государственных учреждений и ведомств. Все это позволило добиться важных результатов.

Активно развивалось сотрудничество в сфере сокращения вооружений. В 1992 г. был ратифицирован подписанный годом ранее договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), а уже в 1993 г. был подписан договор СНВ-2. Стороны достигли рамочной договоренности, предусматривавшей радикальные сокращения наступательных вооружений США и России к началу XX в. Сферой двустороннего взаимодействия становилось сотрудничество в безопасном уничтожении ядерных и химических боеприпасов, а также вопросы нераспространения оружия массового поражения и ракетной технологии.

Начало рыночных реформ в России открыло значительные перспективы для сотрудничества в торгово-экономической области. Был снят ряд ограничений периода «холодной войны», создавалась договорно-правовая база экономического взаимодействия. Рабочим механизмом решения проблем в этой сфере стала созданная в 1993 г. межправительственная российско-американская Комиссия по экономиче-

скому и технологическому сотрудничеству (известная по именам ее сопредседателей как «Комиссия Гор—Черномырдин»). Всего в 1990-е гг. было подписано более 200 двусторонних документов, включая крупные межправительственные и межведомственные соглашения в самых различных областях.

Развернулось российско-американское сотрудничество в урегулировании острых региональных проблем. Это касалось преодоления последствий кризиса в Персидском заливе, ситуации в Анголе, Никарагуа. Россия и США кооперировали свои усилия в качестве сопредседателей мирной конференции по Ближнему Востоку. Обсуждался вопрос об ограничении поставок оружия в страны «третьего мира», велся интенсивный поиск нормализации обстановки в Афганистане, бывшей Югославии, Камбодже, Сальвадоре, на Кипре.

В середине 1990-х гг. происходит определенная эволюция российско-американских отношений. Избавление от угрозы коммунистической реставрации в России в результате президентских выборов 1996 г. привело к ужесточению диалога американской администрации с Москвой по спорным вопросам. США стремились реализовать свои планы перестройки международных отношений в духе моноцентризма и американского лидерства. Интенсификация российско-американских контактов в первой половине 1990-х гг. не привела к снятию существовавших в их отношениях противоречий, многие из которых были весьма значительны.

США все больше отходили от поддержки традиционных принципов международного права, базирующихся на уважении суверенитета и невмешательстве в чужие дела, в сторону так называемого гуманитарного вмешательства под предлогом защиты прав человека и этнических меньшинств. Отстаиваемая Вашингтоном правомерность «гуманитарной интервенции» получила название «доктрины Клинтона» и была апробирована в ходе вооруженной операции на территории бывшей Югославии. Натовские бомбардировки Белграда привели к значительному охлаждению отношений России с США и их союзниками.

Россия выступала против построения формирующейся системы международной безопасности на основе НАТО, принижения в международных делах роли ООН, ОБСЕ. Американская сторона и ее партнеры по блоку оставили без внимания возражения России по поводу намеченного расширения альянса за счет включения в него бывших стран — участниц Варшавского договора и некоторых республик распавшегося СССР. США отказывались признать территорию бывшего Советского Союза зоной приоритетных интересов России, интеграционные импульсы в рамках СНГ трактовали как стремление возродить «советскую империю». На противодействие этому была направлена американская доктрина поддержания «геополитического

плюрализма» на постсоветском пространстве. Все более острые разногласия заявляли о себе в связи с Договором по ПРО (1972) и попыткам США отказаться от содержащемся в нем ограничений. Несмотря на положительную динамику экономического сотрудничества, в США в отношении российских товаров не были отменены дискриминационные ограничения, сохранялись антидемпинговые пошлины и квоты, существовали препятствия для ввоза в Россию высокотехнологичной продукции. Более агрессивной стала политика Вашингтона по вытеснению России с высокотехнологичных товарных рынков. В целом же в 1990-е гг. в российско-американских отношениях сложился достаточно отлаженный механизм взаимодействия и преодоления разногласий.

Россия и Европа. Европейское направление российской внешней политики в 1990-е гг. являлось одним из приоритетных. С одной стороны, в Европе были особенно зримы результаты преодоления «холодной войны», что открывало для России благоприятные перспективы активного участия в жизни континента. С другой — происходившие в Европе глубокие перемены были способны серьезно осложнить ее объективно неизбежное взаимодействие с нашей страной. Среди них — объединение Германии, активизация интеграционных процессов в западной части континента, внешнеполитическая переориентация бывших советских союзников, конфликты на территории бывшей Югославии. Начало новой европейской политики России также было осложнено сужением пространственного ареала государства, значительным сокращением его экономического и особенно военного потенциалов. Все это содержало серьезную опасность оттеснения нашей страны на периферию международно-политического развития.

Для России наиболее острой проблемой формирования европейской безопасности был вопрос о роли НАТО в новых условиях. Первоначально были распространены представления о том, что НАТО ожидает такая же судьба, как и Организацию Варшавского договора, поскольку исчез главный объект противостояния альянса. Рассчитывали также и на то, что постепенно НАТО будет трансформироваться из преимущественно военной в преимущественно политическую структуру обеспечения безопасности. В декабре 1991 г. Ельцин заявил о готовности России присоединиться к НАТО. Однако развитие событий пошло по третьему сценарию. Произошла переориентация НАТО на новые военно-стратегические цели, был взят курс на расширение круга его участников, появились притязания на исключительное право принимать решения по самым острым вопросам обеспечения европейской безопасности, в том числе и в обход ООН. Россия стремилась противодействовать этим тенденциям, но не сразу.

Во второй половине 1993 г. в связи с обсуждением вопроса о расширении альянса путем включения в него новых членов из числа стран Центральной и Восточной Европы в России началась антинатовская кампания, впервые объединившая самые различные политические силы. Лидеры западных стран были проинформированы о решительном возражении России против включения государств Центральной и Восточной Европы в НАТО. Кампания усилила настроения в пользу присоединения к альянсу у бывших советских союзников, однако оказала определенное влияние и на западные страны. При обсуждении вопроса о расширении стали подчеркивать, что оно не должно привести к возникновению новых разграничительных линий в Европе или оттеснению России. В связи с этим предполагалось параллельное решение двух задач: включение в НАТО новых членов и развитие отношений с Россией.

Для сотрудничества с не участвующими в альянсе странами НАТО в январе 1994 г. была принята программа «Партнерство во имя мира». Москва сдержанно отнеслась к этому проекту, присоединилась к нему лишь в мае 1995 г., но участвовала формально. Российское руководство стремилось обеспечить своей стране особый, более привилегированный статус, но добиться этого не удалось. Ситуация серьезно осложнилась после декабря 1996 г., когда сессия НАТО санкционировала начало процесса расширения альянса. Россия была поставлена перед дилеммой: либо дальнейшее активное противостояние альянсу (со всеми вытекающими из него политическими и военными последствиями), либо, согласившись с решением альянса, попытаться обеспечить прорыв в двусторонних отношениях Россия—НАТО.

Под влиянием российского МИДа и возглавлявшего его Е. М. Примакова выбор был сделан в пользу второго, более прагматичного варианта. В результате в мае 1997 г. стороны подписали Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности. В документе определялись «цели и механизм консультаций и сотрудничества, совместного принятия решений и совместных действий, которые составят ядро взаимоотношений между Россией и НАТО». Был создан Совместный постоянный совет Россия—НАТО. Таким образом закладывались политико-правовые основы для превращения отношений Россия—НАТО в один из центральных элементов европейской безопасности.

Однако дальнейшие события показали, что стороны по-разному трактовали смысл достигнутых договоренностей. Если Россия склонялась к тому, чтобы созданный механизм принимал совместные решения по вопросам безопасности в Европе, то в НАТО его рассматривали лишь как форум для совместного обсуждения проблем, рекомендации которого не носили обязательного характера для руководства

альянса. Эти различия в позициях ярко проявились в связи с событиями вокруг Косово в 1999 г.

Для России особенно болезненным было то, что был совершен не просто акт агрессии против ее исторического союзника, а это было сделано вопреки ее активным возражениям. Бомбардировки Югославии показали неготовность лидеров ведущих западных стран превратить отношения Россия—НАТО в значимый компонент европейской безопасности. Более того, альянс претендовал на право применения силы за пределами стран-участниц без санкции Совета Безопасности ООН. В новой «Стратегической концепции НАТО», одобренной на юбилейном саммите альянса в апреле 1999 г., в число задач организации впервые включалось «проведение операций по реагированию на кризисные ситуации», не связанные с коллективной обороной от внешней агрессии.

Активное участие в европейских делах Россия принимала в рамках Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) — наиболее представительной по составу участников и универсальной по функциям структуры. В отличие от других европейских объединений, здесь Россия является полноправным участником. По ее инициативе была разработана и на саммите ОБСЕ в Стамбуле (1999) одобрена Хартия европейской безопасности, где анализировались вызовы, с которыми предстоит столкнуться континенту в XXI в. В документе подтверждалась приверженность Уставу и ООН и отсутствовала проблематика «нового интернационализма» по гуманитарным основаниям. Под влиянием России в Хартии нашла широкое отражение антитеррористическая проблематика. В рамках ОБСЕ велись переговоры о сокращении вооружений. В 1999 г. была одобрена важная для России новая редакция Договора об обычных вооруженных силах в Европе, где учитывались новые реалии, возникшие после окончания «холодной войны».

Не менее важным для России было расширение связей с Европейским союзом (ЕС) — едва ли не самой влиятельной организацией, в рамках которой осуществляется интеграция государств-участников. Главной областью интеграционного развития в ЕС является экономика, но объединительные усилия постепенно распространяются и на другие сферы. В 1990-е гг. ЕС выступал как важнейший торгово-экономический партнер России. В 1997 г. вступило в силу Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией, открывающее широкие возможности для привлечения инвестиций в нашу страну.

В 1996 г. Россия была принята в Совет Европы — организацию, имеющую цель добиваться расширения демократии и защиты прав человека, развития сотрудничества по вопросам культуры, образования, здравоохранения, молодежи, спорта, информации, охраны

окружающей среды. Ориентация на высокие европейские стандарты также важна для динамично развивающейся России.

Новый характер приобрели отношения между Россией и странами Центральной и Восточной Европы. В 1992 г. глава российского МИДа А. В. Козырев формулировал задачи на этом направлении следующим образом: «С восточноевропейскими странами Россия придерживается иной, принципиально обновленной стратегии международных отношений. Она полностью избавлена от присущих бывшему СССР элементов высокомерия и эгоцентризма и основана на принципах равноправия и взаимной выгоды. Стратегическая задача на нынешнем этапе — предотвратить превращение Восточной Европы в своего рода буферный пояс, изолирующий нас от Запада. Мы стремимся также к тому, чтобы не допустить вытеснения России из Восточноевропейского региона». Однако решить эти задачи не удалось. Как отмечают специалисты, в 1990-е гг. восточноевропейские страны стали для России «зоной холода и недоверия».

Руководители государств Центральной и Восточной Европы в качестве главных задач ставили укрепление экономической и политической интеграции с Западом путем постепенного присоединения к Европейскому союзу и вступления в НАТО в качестве основы обеспечения своей безопасности. Первоначально Россия не видела в этом большой угрозы, но в 1993 г. изменила позицию.

Однако механизм вовлечения в альянс новых членов был запущен, и после подготовительной работы 1992—1998 гг. в апреле 1999 г. на юбилейном саммите НАТО в Брюсселе в Союз были приняты «кандидаты первой очереди». Ими стали Польша, Чехия и Венгрия. Характерно, что на приуроченном к 50-летию создания этой организации саммите присутствовали главы всех государств Центральной и Восточной Европы, Балтии и практически все главы стран СНГ за исключением России и Белоруссии. Особую озабоченность нашей страны вызывало то, что празднования пришлись на период, когда авиация НАТО (с 24 марта) наносила ракетно-бомбовые удары по территории суверенной Югославии. Приближение — произошедшее и намеченное — границ альянса к территории Российской Федерации при новой трактовке задач НАТО справедливо вызывало тревогу в самых разных кругах российского общества.

В 1990-е гг. намного сократились масштабы экономического сотрудничества между Россией и странами Центральной и Восточной Европы. Практически свернутой оказалась производственная кооперация, связи сводились в основном к торговле, притом в относительно скромных масштабах. Исключение составляли страны Балтии, которые за счет российских грузопотоков получали до 60% своих валютных доходов. Налаживание новых отношений на рыночной основе тормозилось и таким «наследием прошлого», как проблема взаимных

долгов. После перехода в 1990 г. во взаиморасчетах со странами СЭВ с переводных рублей на твердую валюту СССР превратился из кредитора восточноевропейских стран в их должника. Россия же, приняв на себя после распада СССР его долговые обязательства, оказалась должна практически всем государствам Восточной Европы. Сумма долга варьировалась от нескольких десятков миллионов переводных рублей Румынии до пяти миллиардов долларов Чехословакии. Все это блокировало экономические связи между бывшими союзниками. Только во второй половине 1990-х гг. переговоры о порядке погашения долгов привели к конструктивным взаимоприемлемым соглашениям.

При однозначном экономическом стремлении стран Центральной и Восточной Европы в ЕС здесь во второй половине 1990-х гг. происходило осознание сложности интеграции в европейские структуры. Наметился взаимный спад существовавшей в 1991—1992 гг. эйфории. Более строгий учет собственных возможностей и геоэкономических процессов подводил лидеров этих стран к заявлениям о своем особом пути европейской интеграции и отношениях с соседними странами включая Россию.

Россия и Содружество Независимых Государств. Первые два года существования Содружества характеризовались центробежными тенденциями, быстрым распадом целостности пространства бывшего СССР. В 1993 г. с ликвидацией единой рублевой зоны прекратилось существование общего экономического пространства. В разных направлениях развивались политические и правовые системы. Новые государства активно устанавливали самостоятельные экономические, политические и военно-политические отношения с третьими странами. К 1993 г. завершился раздел Советской армии и формирование национальных Вооруженных сил.

Российская политика в 1990-е гг. в отношении стран СНГ определялась противоборством двух тенденций. Часть политиков считала необходимым сохранить Содружество в качестве сплоченного геополитического объединения при доминирующей роли России. Сохранение и укрепление многостороннего сотрудничества в рамках СНГ рассматривалось в качестве главного направления российской политики. Другой подход исходил из признания неизбежности геополитического и геоэкономического плюрализма на постсоветском пространстве, обусловленного как ограниченностью ресурсов России, так и ее приоритетной заинтересованностью в интеграции в глобальные экономические процессы. В середине 1990-х гг. доминировала первая линия, которая была определена указом президента в сентябре 1995 г. в документе «Стратегический курс России с государствами — участниками Содружества Независимых Государств».

В январе 1993 г. был принят Устав СНГ. Координация действий в рамках Содружества осуществлялась Советом глав государств, Советом глав правительств, Советом министров иностранных дел, Советом министров обороны и Советом командующих пограничными войсками, Межпарламентской ассамблеей, а также через органы отраслевого сотрудничества. В Минске функционировал Исполнительный Секретариат СНГ. Всего в рамках Содружества в 1990-е гг. было подписано около двух тысяч различных соглашений, большая часть которых не была реализована.

К концу десятилетия стало очевидным, что в рамках СНГ удалось смягчить последствия распада СССР, но интеграционные цели достигнуты не были. Сократилось экономическое сотрудничество между Россией и странами СНГ. Не увенчалось успехом взаимодействие и в военно-политической области: не был выполнен в полном объеме ташкентский Договор о коллективной безопасности (1992), сокращалось российское военное присутствие в государствах Содружества, оказалась нереализованной концепция совместной охраны границ. В политической сфере не удалось решить главную поставленную задачу — превратить СНГ в «политическое объединение государств, способное претендовать на достойное место в мировом сообществе». Более того, внутри СНГ шел процесс формирования разнонаправленных коалиций, притом без участия России. Не сложилось многостороннее сотрудничество стран СНГ и в гуманитарной сфере.

Во второй половине 1990-х гг. в российской политике в отношении СНГ обозначились перемены. Наша страна стала более прагматично подходить к проблемам Содружества. Отступили на второй план задачи интеграции в военно-политической сфере, происходила «экономизация» связей. С 1999 г. Россия перестала настаивать на наделении органов СНГ наднациональными полномочиями, против чего возражало большинство государств-участников. Постепенно акцент переносился на налаживание эффективного двустороннего и многостороннего сотрудничества в рамках Союза Беларуси и России, а также с участниками Договора между Россией, Белоруссией, Казахстаном и Киргизией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях.

Россия и югославский кризис. Начало боевых действий на территории Югославии связано с объявлением 25 июня 1991 г. Словенией и Хорватией о своей полной независимости и о выходе из состава Югославии. Это произошло после проведения на территории этих республик референдумов, в ходе которых большинство населения проголосовало за выход. Вслед за объявлением независимости на территорию сепаратистов вступили части Югославской Народной армии. Особенно сложно складывалась ситуация в Хорватии. Здесь жило много сербов, которые не хотели отделяться от Югославии. Власти

же Хорватии стремились «самоопределиться» в существовавших административных границах, установленных вскоре после окончания Второй мировой войны И. Тито (хорватом по национальности), а также включить в состав вновь образуемого государства населенные хорватами земли Боснии и Герцеговины. Это привело к тому, что хорватские сербы осенью 1991 г. провозгласили независимость от Хорватии, создали ряд своих территориальных образований и заявили о желании объединиться с Югославией. Им на помощь пришла Югославская Народная армия, и в места ее столкновений с хорватами в конце 1991 г. были введены «голубые каски» ООН.

Намного запутанней этнополитическая и конфессиональная ситуация была в Боснии и Герцеговине. Мусульманская и хорватская общины стремились к отделению от СФРЮ, чего не желали жившие здесь сербы. В результате весной 1992 г. в регионе существовали: Хорватское государство Герцег—Босния, мусульманское Босния и Герцеговина; им противостояла Республика Сербская Боснии и Герцеговины. Еще ранее на территории республики использовались силы Югославской армии. В ходе столкновений между общинами имели место и «этнические чистки».

В последний год своего существования СССР высказывался за сохранение целостности СФРЮ и дистанцировался от происходящих в ней событий. Однако с начала 1992 г. ситуация резко изменилась. Вслед за США и рядом европейских государств независимость Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины признала и Россия. Россия также «положительно отнеслась к воле народов Сербии и Черногории жить в едином государстве», созданном в апреле 1992 г. и взявшем название Союзная Республика Югославия (СРЮ). Российская внешнеполитическая линия в конфликте в 1990-е гг. определялась, с одной стороны, давлением патриотического, коммунистического большинства в парламенте, требовавшего защиты исторического союзника России на Балканах, а с другой — позициями западных партнеров, от кредитов и политической поддержки которых во многом зависела стабильность внутриполитического положения руководства Российской Федерации.

Изначально страны Запада стремились помешать использованию Вооруженных сил СРЮ для поддержки сербских сил на территориях недавно возникших стран. С этой целью 30 мая 1992 г. СБ ООН принял решение о введении режима санкций против СРЮ за участие в боснийском конфликте. Тогда Россия проголосовала за санкции, которые больно ударили по экономике СРЮ. В то же время Россия принимала активное участие в попытках урегулирования югославского кризиса, являясь членом международной Контактной группы (КГ). Однако становилось все очевиднее, что Запад не является беспристрастной стороной в конфликте, поддерживая антисербские си-

лы. Это нашло отражение и в бомбардировках в 1994 и 1995 гг. позиций воюющих сербов авиацией стран НАТО, осуществленных на основе расширительной трактовки резолюций ООН, против чего выступала Россия. В результате политического и военного давления НАТО руководство СРЮ (возглавляемое С. Милошевичем) весной 1995 г. согласилось признать Боснию и Герцеговину и Хорватию в их международно признанных границах, а также бойкотировать боснийских и краинских сербов до принятия мирного плана.

Широкий круг проблем бывшей Югославии нашел отражение в документах, подготовленнных в ноябре 1995 г. в Дейтоне (США) и оформленных в Парижских соглашениях 14 декабря 1995 г. Предусматривалось и проведение военной операции, согласно которой в регион вводились международные силы для выполнения достигнутых договоренностей. Их общая численность определялась в 60 тыс. человек, в том числе 20 тыс. — военнослужащие США. Россия свое участие в миротворческих силах оговорила особыми условиями.

Новое обострение югославского кризиса началось в 1998 г. Фактическое поражение сербов в 1991—1996 гг. способствовало оживлению радикального сепаратистского движения албанцев в сербской области Косово. На территории соседней Албании формируется так называемая Освободительная армия Косово. В ответ на ее террористические действия против сербов сербская полиция проводит ответные операции, которые албанской стороной квалифицируются как геноцид против мирного населения. Однако при активном участии стран НАТО формируется международное мнение об ответственности за этнические чистки в первую очередь сербской стороны. Предлогом для силового решения конфликта со стороны НАТО стало обнаружение тел 45 албанцев в местечке Рачак в Косово. В рамках начавшейся 24 марта 1999 г. военной операции под названием «Союзнические силы», в которой приняли участие 13 стран — членов НАТО, были нанесены ракетно-бомбовые удары по военным и гражданским объектам СРЮ, которые повлекли за собой огромные людские жертвы и материальные потери. Погибли 2 тыс. гражданских лиц, 7 тыс. получили ранения, 30% из них — дети, материальный ущерб составил более 200 млрд долл. Бомбардировки были прекращены 10 июня 1999 г., когда СРЮ приняла натовский ультиматум. Из Косово были выведены сербские войска, а вместе с международными силами в край вернулись не только албанские беженцы, но и боевики Освободительной армии Косово. Как полагают специалисты, в этих условиях вероятность отторжения Косово от СРЮ заметно возросла.

Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Преобразования в СССР и России в конце 1980 — начале 1990-х гг. делали политику страны в регионе более динамичной. 1989 г. был поворотным для нормализации отношений с Китаем: в мае 1989 г. состо-

ялся официальный визит в Пекин М. С. Горбачева, в ходе которого были нормализованы межгосударственные отношения СССР и КНР. Взятый тогда курс был закреплен после распада СССР. В 1992 г. во время визита в Пекин президента Б. Н. Ельцина была подписана Пекинская декларация, где подтверждалась воля сторон к активному сотрудничеству.

В 1990-е гг. отношения между двумя странами развивались достаточно стабильно. Всего с 1991 по 1999 г. состоялось шесть российско-китайских встреч на высшем уровне, которые происходили поочередно в Москве и Пекине. КНР стал вторым по значению торговым партнером России. Китай — один из основных покупателей российской промышленной продукции, в том числе военной техники и технологий. Российские специалисты участвовали в реализации китайских проектов по развитию атомной энергетики.

России и Китаю удалось достичь важных договоренностей в области урегулирования пограничных вопросов, длительное время осложнявших отношения между государствами. В 1991 г. было подписано соглашение о восточном участке российско-китайской границы, а в 1994 г. — о западном. Оба договора были ратифицированы парламентом. К 1997 г. российско-китайская граница была согласована на 97% линии ее прохождения. В апреле 1996 г. было подписано российско-китайское соглашение о мерах доверия в зоне границы, к которому в 1997 г. присоединились Казахстан, Киргизия и Таджикистан (возникла так называемая «шанхайская пятерка»). Стороны согласились о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, в результате чего на протяжении 7,5 тыс. км границ создана полоса пониженной военной активности глубиной 100 км по обе стороны линии границы. «Шанхайский форум» как встречи руководителей пяти стран на высшем уровне для обсуждения вопросов пограничного сотрудничества регулярно проводился в 1990-е гг.

Важное место в развитии российско-китайского политического сотрудничества заняла двусторонняя Декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка, подписанная в Москве в апреле 1997 г. Стороны заявили о стремлении к установлению «равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке». В документе констатировалось окончание эпохи биполярности и выражалась готовность содействовать формированию иной, многополярной структуры международных отношений. Россия и Китай осудили гегемонизм как явление международной жизни.

Достаточно устойчиво развивались отношения России с Японией. Их значение обусловлено тем, что Япония занимает второе место в мире по экономической мощи, а также тем, что сотрудничество с ней в регионе (как и с США) является важным для России в связи

с ростом экономической мощи Китая и повышением его самооценки. В то же время российско-японские связи были отягощены спором о принадлежности южной части Курильской гряды.

После распада СССР и до 1993 г. Япония настаивала на категоричной формуле «только все и только сразу», т.е. на одновременной передаче всех четырех островов, отойдя даже от компромисса, зафиксированного в декларации 1956 г., которая предполагала передачу лишь двух островов при условии заключения мирного договора. Позже Япония, убедившись в невозможности разрешения проблемы в условиях неустойчивой политической ситуации в России и сильной общественной оппозиции передаче островов, смягчила свои позиции. В ноябре 1993 г. была подписана Токийская декларация, в которой стороны выразили готовность продолжить поиск решения проблемы мирного договора и в этом контексте — обсуждение проблемы спорных островов.

Еще в январе 1990 г. были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Республикой Корея. В 1990-е гг. контакты между Россией и Южной Кореей развивались достаточно стабильно. Они опирались на заключенный в 1992 г. Договор о дружбе и сотрудничестве. Это пока единственный случай подписания такого рода документа с восточноазиатским государством — союзником США. Особенно динамично развивались торгово-экономические отношения между двумя странами. В то же время установление Москвой дипломатических отношений с Сеулом привело к охлаждению ее отношений с КНДР, которые на протяжении 1990-х гг. оставались достаточно натянутыми.

Россия стремилась включиться в региональные экономические процессы, используя для этого участие в многосторонних институтах региональной интеграции, которые в 1990-е гг. приобрели важное значение в Азиатско-Тихоокеанском регионе (всего их насчитывалось более 15). С 1996 г. Российская Федерация в качестве гостя и наблюдателя участвовала в работе структур наиболее важной региональной организации — АСЕАН, — охватывающей зону Юго-Восточной Азии. В 1998 г. наша страна была принята во вторую по важности региональную структуру — Азиатско-Тихоокеанский Экономический Совет (АТЭС).

§ 7. РОССИЯ В 2000—2005 гг.

Поиск новых ориентиров. 31 января 1999 г. Президент РФ Б. Н. Ельцин в новогоднем обращении к гражданам России объявил о своей отставке. Обязанности президента в соответствии с Конституцией возлагались на Председателя Правительства В. В. Путина, а новые президентские выборы назначались на март 2000 г.

Накануне в прессе появилась программная статья В. В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий», в которой потенциальный тогда президент изложил свое видение прошлого и представления о стоящих перед страной задачах. По его мнению, прежде всего была необходима консолидация российского общества. «Плодотворная, созидательная работа, в которой нуждается наше Отечество, невозможна в обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном». При том, подчеркивал автор, «не должно быть принудительного гражданского согласия. Любое общественное согласие здесь может быть только добровольным».

Путин писал о важности укрепления государства: «Ключ к возрождению и подъему России находится сегодня в государственно-политической сфере. Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее». И, конкретизируя эту идею, он подчеркивал: «Сильная государственная власть в России — это демократическое, правовое, дееспособное федеративное государство». Касаясь экономических проблем, Путин писал о необходимости значительного повышения эффективности экономики, проведения последовательной и результативной социальной политики, нацеленной на борьбу против бедности, на обеспечение устойчивого роста благосостояния населения. В статье говорилось о важности государственной поддержки науки, образования, культуры, здравоохранения, поскольку «страна, где люди не здоровы физически и психически, малообразованны и невежественны, никогда не поднимется на вершины мировой цивилизации».

Заканчивалась статья тревожной констатацией того, что Россия переживает один из самых трудных периодов своей многовековой истории. «Пожалуй, впервые за последние 200—300 лет она стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира». Чтобы этого не произошло, нужно огромное напряжение всех интеллектуальных, физических и нравственных сил нации. Потому что «все сейчас зависит только от нашей способности осознать степень опасности, сплотиться, настроиться на длительный и нелегкий труд».

Укрепление государственности. Основные идеи статьи нашли отражение в предвыборной платформе В. В. Путина и были поддержаны большинством граждан страны, что в полной мере проявилось в марте 2000 г., когда второй президент России был избран уже в первом туре, набрав 52,94% голосов избирателей. Началась интенсивная работа по совершенствованию всех общественных структур. Ее смысл он определил в одном из выступлений, где констатировал, что в 90-е гг. в стране были заложены основы рыночной экономки и демократического устройства, для закрепления и развития которых в новых условиях необходимо навести порядок.

По мнению президента, к 2000 г. Россия приобрела ряд признаков, присущих «не федеративному, а децентрализованному», конфедеративному государству. Ослабление Центра не позволяло ему проводить в регионах России эффективный социально-политический и экономический курс. Поэтому насущной стала задача укрепления старой и создание новой «вертикали власти». С этой целью уже в мае 2000 г. Указом Президента РФ на территории России создано семь федеральных округов: Северо-Западный, Центральный, Приволжский, Южный, Уральский, Сибирский, Дальневосточный. Они не были ни новыми административными единицами, ни тем более субъектами Федерации. Их возглавили полномочные представители президента, на которых возлагалась обязанность координировать деятельность местных органов власти на основе общероссийского законодательства, добиться неукоснительного исполнения Конституции России всеми субъектами Федерации. Развернулась большая работа по приведению региональных правовых актов (конституций, законов, указов) в соответствие с общефедеральными нормами.

На повышение эффективности государственного управления была направлена и реформа верхней палаты Федерального собрания России — Совета Федерации, в который входили главы исполнительной власти (президенты, губернаторы) и законодательных собраний субъектов Федерации. В 2000 г. места руководителей республик, краев и областей стали постепенно занимать их представители, которые теперь работали в Совете Федерации на постоянной основе. Бывшие члены Совета Федерации вошли в состав созданного Государственного совета — нового совещательного органа при Президенте РФ.

В 2000—2003 гг. изменились отношения между Государственной думой и органами высшей исполнительной власти. Удалось преодолеть характерную для ельцинской эпохи конфликтность между парламентом и президентом. В Думе сформировалось устойчивое пропрезидентское большинство, стоящее на центристских позициях. В 2000 г. его составляли фракции «Единство», «Отечество — Вся Россия», «Народный депутат» и группа «Регионы России», которые вместе располагали 235 мандатами. Это позволяло Президенту проводить более активную политику, опираясь на поддержку законодателей.

Дан был новый импульс реформе Российской армии. В соответствии с «Планом строительства Вооруженных сил РФ» (январь 2001 г.) предусматривался рост их финансирования при сокращении личного состава; запланировано оснащение войск современной и перспективной боевой техникой. К 2010 г. предполагается перейти преимущественно на контрактную основу комплектования армии. В процессе экспериментов 2001—2004 гг. отрабатывались элементы этой

программы. В июне 2002 г. был принят Закон «Об альтернативной гражданской службе».

В том же году объявлены планы радикальной перестройки системы МВД. На его базе намечено создать муниципальную милицию (бытовые преступления), федеральную полицию (угрозыск, ГАИ, борьба с оргпреступностью и наркотиками, лицензионно-разрешительные и миграционные службы), а также Федеральную службу расследований и Национальную гвардию. Эта реформа на время отложена.

Произошли значительные структурные изменения в системе органов государственной безопасности. В 2003 г. Федеральной службе безопасности возвращены Федеральная погранслужба (ФПС) и Федеральное агентство правительственной связи (ФАПСИ). Расформирована Федеральная служба налоговой полиции (ФСНП), налогово-фискальные функции которой переданы МВД.

Активизировалась работа по совершенствованию организационных и правовых основ деятельности других звеньев государственного аппарата. Модернизируется судебно-правовая система: в 2002 г. приняты новые акты, регулирующие деятельность суда и адвокатуры, интенсивно вносились поправки в действующие кодексы. В 2003 г. подготовлены акты, определяющие основные параметры административной реформы, призванной четко определить перечень полномочий различных уровней власти и обеспечить их необходимыми финансовыми источниками.

Обеспечение гражданского согласия. Широкая поддержка антитеррористической операции федеральных сил в Дагестане и Чечне осенью 1999 г. отразила стремление россиян к избавлению от беспредела, обеспечению безопасности, наведению порядка, утверждению стабильности в обществе. Борьба против террористов, которую возглавил тогда еще премьер-министр В. В. Путин, сплотила большинство российских граждан. Вновь избранный президент придавал большое значение преодолению разобщенности, достижению национального согласия, развитию структур гражданского общества в России.

После долгих лет острых дискуссий в декабре 2000 г. по предложению президента Дума утвердила государственные символы России. Ими стали: Герб в виде двуглавого орла и трехцветный флаг; за Вооруженными силами сохранялись красные знамена советской эпохи; в качестве музыкального символа был возвращен созданный в годы Великой Отечественной войны гимн А. В. Александрова с новыми словами С. В. Михалкова. Такое сочетание элементов символики имело целью объединить различные эпохи истории России, примирить сторонников различных политических настроений, продемонстрировать преемственность и новизну в развитии страны.

Весной 2001 г. Госдума приняла новый закон о политических партиях. Его идея состояла в том, чтобы партии были не узкими регио-

нальными объединениями, а являлись выразителями интересов граждан в государственном масштабе. Поэтому все существующие партии должны были в течение двух лет пройти перерегистрацию, чтобы доказать свое право выступать от имени граждан в качестве общефедеральных объединений.

В 2000—2002 гг. большое внимание в публичной политике уделялось укреплению института Президента, который рассматривался не только как высшее должностное лицо, но и один из сплачивающих общество личностных символов. Очевидно стремление главы государства выступать в роли общенационального лидера, проводящего политику с учетом позиций всех социальных групп для укрепления страны в целом. Путин часто и в разных формах выступал с разъяснением предпринимаемых руководством мер, в том числе тех, которые длительное время считались непопулярными. Президент и правительство налаживали конструктивный диалог с организациями, отражающими интересы различных корпоративных и других структур. Так, в ноябре 2001 г. в Москве прошел Гражданский форум, на котором присутствовали делегаты, представлявшие сотни общественных неполитических организаций. Он принял решения, направленные на координацию усилий представителей общественных объединений и государственных учреждений по обсуждению крупных, социально значимых проблем. В этом контексте следует рассматривать и острую полемику о роли средств массовой информации в формировании гражданского общества в России.

Экономическая политика. В 2000 г. Министерство экономического развития и торговли подготовило обширный документ «Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу», который определил стратегические приоритеты экономической политики государства на период до 2010 г. Внимание президента и правительства, руководимого в период первого президентского срока В. В. Путина премьер-министром М. М. Касьяновым, было сосредоточено на решении серии безотлагательных вопросов.

Уже вскоре после избрания президент провозгласил необходимость «равноудаления олигархов» от власти, т.е. ликвидации необоснованных привилегий и, следовательно, доходов, которые имели некоторые предприниматели за счет «особых» отношений с чиновничеством и политиками. К этой теме общественное внимание вновь было привлечено в 2003 г. при расследовании «дела ЮКОСА», когда были усилены многие акценты, касавшиеся ответственности крупного бизнеса перед государством и обществом. Довольно четко было обозначено стремление создавать равные «правила игры» для всех участников хозяйственной деятельности. Был принят Закон РФ «О противодействии отмыванию преступных доходов». Для реализации этой

задачи в ноябре 2001 г. при Минфине был учрежден новый орган — Комитет по финансовому мониторингу. Россия вступила в сообщество международных финансовых разведок.

Улучшению делового климата способствовало принятие в конце 2000 г. новых Налогового и Таможенного кодексов, а также добавлений в Гражданский кодекс РФ. Шкала налогов снижалась с 30 до 13% и стала самой низкой в Европе, что создало предпосылки для выхода многих секторов экономики из «тени». Уменьшались таможенные ввозные пошлины. Эти меры уже привели к заметному пополнению казны за счет налогов и таможенных сборов в 2001 г. Обсуждаются пути дальнейшей оптимизации налоговой системы.

В 2000—2004 гг. сделаны важные шаги к углублению рыночных преобразований в секторах, которые называют «естественными монополиями». Уже осуществленные и намечаемые преобразования в управлении нефтяной, газовой индустрией, электроэнергетикой, в системе железнодорожного транспорта и сфере жилищно-коммунального хозяйства направлены на создание конкурентной среды, привлечение инвестиций, что должно привести к качественному улучшению положения в этих областях. Многие министры экономического блока правительства исходили из того, что государственное управление неэффективно «по определению» и потому государство должно оставить в своей собственности лишь те объекты, которые необходимы для реализации его функций. На этой основе проводилась дальнейшая приватизация государственных предприятий, которая постепенно охватывала новые отрасли.

Огромное экономическое, а также политическое значение имело принятие Думой в сентябре 2001 г. нового Земельного кодекса, закрепившего право собственности на землю и определившего механизм ее купли-продажи. Документ не затрагивал лишь земли сельскохозяйственного назначения. Однако уже в июне 2002 г. парламент одобрил Закон «Об обороте земель сельхозназначения», который санкционировал куплю-продажу и этой категории угодий. Принятый акт в прессе сравнивали по значению с реформой Александра II. На улучшение ситуации в аграрной сфере направлено льготное кредитование аграрных предприятий, увеличение поставок техники, некоторые протекционистские меры.

В 2000—2003 гг. руководство страны не раз высказывало озабоченность по поводу «сырьевого крена» в развитии российской промышленности. В качестве стратегической поставлена задача добиться прогресса в отраслях, базирующихся на современных технологиях и производящих наукоемкую продукцию. Указывалось на необходимость обеспечить прорыв на тех направлениях, где российская наука соответствует мировому уровню.

В этой связи государство стало уделять больше внимания оборонно-промышленному комплексу (ОПК), в котором традиционно сосредоточен колоссальный высокоинтеллектуальный потенциал. Расширение финансирования и начавшиеся в ОПК преобразования направлены на решение проблем как военного, так и гражданского характера.

Новые инициативы экономической политики уже дали положительный эффект. В течение 2001—2004 гг. государственный бюджет сводился с профицитом. Это дало возможность поставить вопрос о подготовке перехода страны к устойчивому и более динамичному экономическому развитию.

Позитивные перемены в народном хозяйстве позволили значительно усилить социальную направленность проводимой политики. Уже к концу 2000 г. удалось погасить большую часть многомесячной задолженности по зарплате, пособиям и пенсиям. В 2001—2002 гг. несколько раз повышалась зарплата различным категориям работников бюджетной сферы, увеличены пенсии. Постепенно стали расти реальные доходы граждан. Появлялись новые рабочие места, что только в 2001 г. привело к сокращению числа безработных на 700 тыс. человек. Приняты новый Трудовой кодекс, пакет законов по пенсионной реформе. На перспективы социального развития благотворное влияние оказывает увеличение ассигнований на поддержку учреждений науки, культуры и образования. Особое внимание правительство уделяет модернизации средней и высшей школы.

Новые черты во внешней политике. К началу тысячелетия российская внешняя политика завершила стадию своего становления. Результатом осмысления роли и места в мировом сообществе и путях реализации долгосрочных национальных интересов нашей страны на международной арене стало появление в 2000 г. трех новых важных базовых документов. Концепция национальной безопасности содержит анализ внешних угроз интересам Российского государства. На ее основе принята Военная доктрина, развивающая положения Концепции применительно к оборонному строительству. Концепция внешней политики (2000 г., июнь) решает ту же задачу применительно к конкретным областям внешнеполитической деятельности страны.

Суть внешней политики России в концентрированном виде изложена В. В. Путиным в послании Федеральному собранию Российской Федерации в апреле 2002 г. «Мы строим со всеми государствами мира — хочу это подчеркнуть — со всеми государствами мира — конструктивные нормальные отношения. Однако хочу обратить внимание и на другое: нормой в международном сообществе, современном мире является и жесткая конкуренция — за рынки, за инвестиции, за политическое и экономическое влияние. И в этой борьбе России надо быть сильной и конкурентоспособной... Российская внешняя

политика и в дальнейшем будет строиться сугубо прагматично, исходя из наших возможностей и интересов — военно-стратегических, экономических, политических. А также с учетом интересов наших партнеров, прежде всего по СНГ».

Реализуя идею разновекторной политики, Россия в 2000—2004 гг. поддерживала связи со многими странами мира на разных континентах. Продолжался интенсивный диалог по самой широкой проблематике с США и другими государствами Запада. Наряду с двусторонними контактами сотрудничество осуществлялось в рамках многосторонних форумов и организаций («Большая восьмерка», НАТО, ОБСЕ, ЕС, МВФ и др.). Помимо визитов в западные страны, российский президент посетил Китай, Индию, Японию, Северную и Южную Корею, Вьетнам, Кубу, участвовал в региональных форумах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Огромное влияние на состояние международных отношений оказали террористические акты в США 11 сентября 2001 г. Они привели к консолидации мирового сообщества в борьбе против мирового терроризма. Сентябрьские события объективно способствовали осознанию той важной роли, которую призвана играть Россия в формировании новой системы международной безопасности, где на первый план выдвигаются противостояние терроризму и борьба за нераспространение средств массового поражения.

В октябре 2001 г. США начали крупную акцию возмездия в Афганистане, где, по их мнению, находился центр главной «виновницы» американской трагедии 11 сентября — руководимой Усамой бен Ладеном организации «Аль-Каида». Центральным событием международной жизни в 2003 г. стала начатая 20 марта США и Великобританией «антитеррористическая операция» в Ираке. Формальным предлогом для вооруженного вмешательства в обход ООН стала информация о наличии у «непредсказуемого» иракского руководства оружия массового уничтожения. Однако подтвердить эти сведения не удалось. Руководство России назвало агрессию «серьезной ошибкой США». События в Ираке привели к росту антиамериканизма в мире, вызвали всплеск терроризма. Вновь, как и после югославских событий 1999 г., возобновилась дискуссия о месте ООН в структуре современных международных отношений.

Интенсивными были многосторонние и двусторонние контакты России со странами, входящими в СНГ. И хотя уровень взаимодействия с различными государствами был разным, концентрация внимания на решении конкретных проблем (безопасность, совместные экономические проекты и т.д.) способствовала прагматизации отношений между ними. Наша страна стала уделять больше внимания поддержке российской диаспоры за рубежом. Этой теме посвящался Конгресс соотечественников в Москве в октябре 2001 г.

Проблема чеченского урегулирования. Чеченская проблема и в 2000—2004 гг. занимала важное место в политической жизни России. Походом Ш. Басаева в Дагестан в августе 1999 г. террористические действия сепаратистов не ограничились. 5 и 9 сентября последовали взрывы домов в Буйнакске (Дагестан) и Москве. В результате 147 человек погибли и десятки получили ранения. Комментируя все эти события, В. В. Путин, еще в ранге и.о. премьера, заявил: «Россия защищается: на нас напали. И поэтому мы должны отбросить все синдромы, в том числе и синдром вины». 23 сентября ракетно-бомбовому удару были подвергнуты склады боеприпасов и оружия боевиков в окрестностях Грозного, а 29 сентября федеральные войска перешли границу с Чечней и начали наземные операции против бандформирований. Активные боевые действия продолжались зимой 1999/2000 г., в феврале федеральные войска взяли Грозный. В марте 2000 г. командующий российской группировкой генерал Г. Н. Трошев заявил о завершении войсковой фазы операции. Однако в дальнейшем проявились сложности, связанные с особенностями партизанских действий. Будучи победителями в дневное время, «федералы» уступали инициативу противнику ночью. Зимой 2001 г. руководство операцией в Чечне было передано от Министерства обороны Федеральной службе безопасности (руководитель — Н. П. Патрушев).

В 2000 г. федеральный центр предпринял решительные шаги по созданию гражданских органов власти в Чечне. В июне указом Президента РФ муфтий Чечни А. Кадыров назначен главой местной администрации. Утверждение в этом статусе бывшего активного участника первой чеченской войны свидетельствовало о готовности Москвы считаться со сложившимися внутричеченскими реалиями. В январе 2001 г. в правительстве России была учреждена должность федерального министра по делам Чечни, создано правительство Чеченской Республики, принята Федеральная программа восстановления ее экономики и социальной сферы, на которую выделено 14,7 млрд руб. (примерно 500 млн долл.). Реализовать же мирные планы оказалось трудно, поскольку сохранявшиеся отряды боевиков вели борьбу как против российских военных, так и против кадыровской администрации. Сохранялась ситуация вялотекущего конфликта, и по-прежнему оставался открытым вопрос о его политическом урегулировании в новых условиях. С конца 2001 г. велись переговоры между доверенным лицом А. Масхадова М. Удуговым и представителем Президента РФ в Южном федеральном округе В. Казанцевым. Однако видимых результатов они не дали.

23 октября 2002 г. отряд чеченских террористов-смертников под командованием М. Бараева численностью более 50 человек захватил в заложники около тысячи зрителей и актеров мюзикла «Норд-Ост»

в Театральном центре на Дубровке в Москве. Лидеры боевиков требовали от российского руководства полного вывода войск с территории Чечни, угрожая взорвать здание. Но в спецоперации по спасению заложников 26 октября почти все террористы были уничтожены, взрыв здания удалось предотвратить, хотя в результате штурма погибли и 129 заложников — в основном вследствие вынужденного применения усыпляющего газа на фоне переутомления и длительного стресса. Впервые со времен рейда Басаева на Буденновск в 1995 г. террористам не удалось уйти с места преступления. Российская власть продемонстрировала твердое намерение не идти на уступки террористам.

События октября 2002 г. актуализировали поиск альтернативных военным подходов. В ноябре того же года инициировано начало конституционного процесса в Чечне. В марте 2003 г. в республике был проведен референдум. За принятие предложенного проекта конституции высказались 96% его участников. Они поддержали также идею выборов президента и парламента республики, что отразило стремление населения к нормализации обстановки. В октябре 2003 г. выборы состоялись, президент и парламент избраны. Началась подготовка договора о разграничении полномочий между федеральными и республиканскими органами власти, значительно увеличились ассигнования на восстановление разрушенной экономики и социальной сферы. Эти меры призваны привести к постепенному перенесению центра тяжести борьбы с боевиками и наведения порядка в Чечне на местные структуры. Для решения этих проблем активно привлекалась чеченская диаспора России, возвращающиеся беженцы из Ингушетии. Однако события 2000—2004 гг. продемонстрировали, что и у новой чеченской политики Москвы по-прежнему имеются непримиримые противники. Помимо действий боевиков в самой Чечне, страна узнала новый вид преступлений — акции террористов-смертников. Жертвой теракта стал и Президент Чеченской Республики А. Кадыров. Взрыв произошел на стадионе в Грозном 9 мая 2004 г. во время торжественного парада.

Итоги первого президентства В. В. Путина. Еще в марте 2000 г. В. В. Путин в книге-интервью «От первого лица» наметил график действий на предстоящие годы. «Технологи, с которыми мы работаем, выстраивают программу действий по годам. Первый год — формирование целей и команды; второй год и половина третьего — поэтапное достижение конкретных результатов; конец третьего и начало четвертого — предъявление этих результатов и вхождение в новую избирательную кампанию», — говорил тогда будущий президент.

Анализ основных событий 2000—2004 гг. позволяет сделать вывод о том, что в целом этот график выдерживался. К середине 2002 г.

стабилизирована общественно-политическая и социально-экономическая ситуация, намечены основные направления дальнейшего совершенствования государственного устройства, продолжение либерального реформирования экономики и социальной сферы. В то же время на характер внутренней политики с середины 2002 г. во все возрастающей степени оказывало влияние приближение выборов в новую Думу (декабрь 2003 г.) и Президента РФ (март 2004 г.). Поэтому в центре внимания властных структур находилась задача выстраивания баланса общественных сил, позволяющего, с одной стороны, поддерживать стабильность, а с другой — добиться наилучшего результата на выборах.

Это нашло отражение в практике бесконфликтного согласования интересов между различными частями политической, экономической и региональной элиты. Не было громких разоблачений и отставок среди политиков, продолжалась приватизация привлекательных кусков государственной собственности, подтверждено право глав исполнительной власти в регионах переизбираться на третий срок. Одновременно создавались политические и организационно-правовые условия для предсказуемого исхода будущих голосований. Президентские структуры обозначили цель парламентских выборов — формирование конституционного пропрезидентского большинства в нижней палате. Для этого действующая Дума повысила с 5 до 7% избирательный барьер для прохождения партий в парламент, что должно было заставить более мелкие объединения искать союза с имеющими большие шансы на избрание партиями.

Поправки в Закон о референдуме, запрещающие его проведение за год до общенациональных выборов, предусматривали ограничение возможностей использования этого института в популистских предвыборных целях. Сближением дат выборов парламента и президента они превращались в единый неразрывный цикл, а на политическую рекламу отводился лишь один месяц. Развернулась кампания по вовлечению в партии известных журналистов, деятелей культуры, космонавтов, что должно было улучшить имидж предвыборных объединений.

Обстановка грядущих выборов оказала влияние и на экономическую политику, рамки которой определялись итогами развития предшествующего периода и ожидавшимся осложнением условий функционирования экономики в 2003 г. В 2000—2002 гг. она развивалась в благоприятной обстановке, что было во многом обусловлено высокими мировыми ценами на сырьевые товары, составляющие основу российского экспорта, — нефть, газ, черные металлы, продажа которых обеспечивала надежные поступления в бюджет. Ожидавшегося в связи с войной в Ираке падения цен на нефть (до 17,5 долл. за баррель) не произошло: она осталась на уровне 25 долларов. Госу-

дарство безболезненно выплатило 17 млрд долл. по внешним долгам, а золотовалютные резервы Центрального банка достигли рекордного за всю историю страны уровня — 84 млрд долл.

К началу 2004 г. удалось добиться существенного снижения темпов инфляции. В 1999 г. она составляла 36%; в 2001 г. — 18%, а в 2003 г. — 12%. Рост валового внутреннего продукта колебался, составив в 2003 г. 7%. На этот показатель влияла совокупность внешних и внутренних факторов.

Постановка новых задач. К началу 2004 г. у окружения президента сложилось понимание новых задач, которые стране предстоит решать, и представление о механизмах, посредством которых это можно сделать. Для придания новых импульсов развитию российской экономики в 2002—2003 гг. создавалась правовая база для реформирования системы железнодорожного транспорта, изменения жилищной политики (ЖКХ), преобразований в электроэнергетике (РАО «ЕЭС России»), управления газовой отраслью (РАО «Газпром»). Большая часть этих мер относится к числу «непопулярных» и связанных с сокращением государственных дотаций на сдерживание роста тарифов и поддержание фиксированно низких цен за услуги. Эти преобразования, как и реформу банковской системы, специалисты признают жизненно необходимыми, хотя многие из них содержат угрозу социальных конфликтов. Все это заставляло как исполнительную, так и законодательную ветви власти особенно осторожно относиться к реформированию чувствительных для массовых слоев населения сфер. Для этого в конце 2003-го — начале 2004 г. предприняты значительные усилия для концентрации властных полномочий группирующихся вокруг президента реформаторов.

В результате выборов в Государственную думу изменилась партийно-политическая конфигурация нижней палаты: ослаблены силы, игравшие видную роль в политике 90-х гг. Пятипроцентный барьер не преодолели кандидаты от Союза Правых Сил и «Яблока», а КПРФ получила почти вдвое меньше прежнего числа голосов (12,7% вместо 24,3%). В парламент прошла ЛДПР (11,6%) и новое объединение — блок «Родина» (9,1%), отстаивавшие национально-государственнические позиции и выступавшие за продолжение социально ориентированных рыночных реформ. Наибольший успех сопутствовал партии «Единая Россия» (37%), откровенно заявлявшей о себе как о партии поддержки президента. Этой партии, с учетом прошедших по одномандатным округам депутатов, удалось сформировать самую большую фракцию и возглавить все думские комитеты. В новой Думе сторонники президента обладают конституционным большинством.

Реализуемые В. В. Путиным идеи сохранения социально-политической стабильности при проведении назревших, но неизбежно болезненных реформ нашли поддержку у населения и отразились в ре-

зультатах голосования по выборам Президента России 14 марта 2004 г. В. В. Путин получил 71,2% голосов участвовавших в выборах, кандидат от КПРФ Н. М. Харитонов — лишь 13,7%.

Электоральные предпочтения такого уровня дают триумфально победившему соперников Путину большой запас политической прочности, которым он сразу же воспользовался при создании нового правительства во главе с М. Е. Фрадковым. Сама процедура формирования нового Кабинета стала частью административной реформы: кардинально изменилась его структура и функции. Среди задач, которые предстояло решать правительству, чаще называли проведение административной, налоговой реформ, реформы естественных монополий, вступление России во Всемирную торговую организацию, обеспечение конкурентоспособности экономики через внедрение инновационных технологий.

Стабилизация общественно-политической ситуации в 2003—2005 гг. совпала по времени с расширением экономических возможностей государства. Этому во многом способствовала и благоприятная международная конъюнктура: цены на нефть и газ — важнейшие составляющие российского экспорта — сохранялись на высоком уровне. Для концентрации «сверхдоходов» был создан специальный Стабилизационный фонд, который в 2006 г. достиг колоссального по меркам нашей страны размера — 2 трл. руб., или 10% годового ВВП. Это позволило государству значительно усилить социальную направленность проводимой политики, оживились общественные дискуссии о стратегических целях и приоритетах России, рассчитанных на длительную перспективу.

5 сентября 2005 г. президент В. В. Путин объявил о необходимости сконцентрировать государственные ресурсы на нескольких направлениях — здравоохранении, образовании, жилищной политике и сельском хозяйстве. Эти направления получили статус национальных проектов. В октябре 2005 г. был создан Совет по реализации национальных проектов, который возглавил лично президент. В Правительстве была специально введена должность нового первого вице-премьера, ответственного за реализацию национальных проектов.

Проект «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» предполагает увеличение объемов жилищного строительства, широкое развитие ипотечного кредитования, снижение времени нахождения в очереди на улучшение жилищных условий, поддержку молодых семей, выполнение государственных обязательств по предоставлению жилья ветеранам войн, чернобыльцам, инвалидам и другим категориям граждан.

Проект «Здоровье» предполагает введение новой системы материального стимулирования медицинских работников, расширение подготовки и переподготовку врачей общей практики, участковых педи-

атров и терапевтов, укрепление материально-технической базы скорой медицинской помощи, возрождение профилактического направления в здравоохранении, формирование у населения культуры здоровья.

Проект «Образование» предполагает государственную поддержку вузов и школ, внедряющих инновационные образовательные программы, поддержку лучших учителей, информатизацию образования, поддержку талантливой молодежи, развитие системы профессиональной подготовки в армии, создание новых университетских центров межрегионального развития на Юге и за Уралом.

Проект «Развитие агропромышленного комплекса» нацелен на поощрение животноводства, стимулирует обеспечение всей отрасли современным технологическим оборудованием, предполагает значительное расширение кредитования деревни, стимулирование мелкого производителя.

В хозяйственной жизни обозначились и другие важные изменения. К их числу следует отнести заметное повышение роли государства в стимулировании позитивных экономических процессов. После длительной «инвестиционной паузы», в которой последние 15 лет пребывала наша страна (недостаточно обновлялась материально-техническая база, слабо развивались несырьевые отрасли), государство постепенно возвращается в инвестиционный процесс. Для этого был создан специальный Инвестиционный фонд, объем которого в 2006 г. определен в 70 млрд. руб. Задача фонда — выявление и финансирование наиболее перспективных проектов (прежде всего инфраструктурного плана), направленных на решение социальных задач, поддержку регионов, поощрение активности бизнеса на определенных государством направлениях (в том числе в рамках государственно-частного партнерства). Постепенно яснее становятся те сложные задачи, от успешной реализации которых зависит будущее России в XXI веке.

Хронологическая таблица[1]

1891—1905 — строительство Сибирской железнодорожной магистрали (Транссиба).

1894, 20 октября — 1917, 2 марта — Царствование Николая II.

1895 — Изобретение радиотелеграфа А. С. Поповым.

1896 — Всероссийская художественно-промышленная выставка в Нижнем Новгороде.

1896 — Начало демонстрации кинофильмов в России.

1897 — Завершение С. Ю. Витте денежной реформы (введение золотой основы рубля).

1897, 2 июня — Принятие закона об ограничении рабочего времени на фабриках и заводах.

1898, март — I съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

1901 — Неурожай и голод в 20 губерниях России.

1902 — Образование Партии социалистов-революционеров (эсеров).

1902 — Крестьянское восстание на Украине, волнения в губерниях ЦЧО, Поволжья, Кубани, Закавказья и Прибалтики.

1902, ноябрь — Всеобщая стачка рабочих в Ростове-на-Дону.

1903, июль — Всеобщая стачка рабочих на Юге России.

1904—1905 — Русско-японская война.

1905—1907 — Первая русская революция.

1905, 9 января — «Кровавое воскресенье». Начало первой русской революции.

1905, 14—24 июня — Восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический».

1905, 23 августа — Портсмутский мирный договор России с Японией.

1905, октябрь — Всероссийская политическая стачка. Повсеместное создание Советов рабочих депутатов.

1905, 17 октября — Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка».

---

[1] Даты до 14 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

1905, октябрь — Учредительный съезд Конституционно-демократической партии (кадетов).

1905, 3 ноября — Манифест об отмене выкупных платежей крестьян с января 1907 г.

1905, ноябрь — Создание «Союза русского народа».

1905, ноябрь — Возникновение партии «Союз 17 октября» (октябристов).

1905, октябрь—декабрь — Крестьянские восстания в 240 уездах Европейской России, повсеместный разгром, поджоги помещичьих имений.

1905, декабрь — Вооруженные восстания в Москве и других городах России.

1905, 11 декабря — Закон о выборах в Государственную думу.

1906, 4 марта — Издание «временных правил», разрешивших создание профессиональных обществ рабочих и предпринимателей.

1906, 23 апреля — Издание «Основных государственных законов Российской империи».

1906, 27 апреля — 8 июля — Деятельность I Государственной думы.

1906, 19 августа — Указ о введении военно-полевых судов в губерниях, объявленных на чрезвычайном положении.

1906, 9 ноября — Издание указа о разрешении выхода крестьян из общины и праве закрепления надельной земли в личную собственность домохозяина. Начало столыпинской аграрной реформы.

1907, 20 февраля — 3 июня — Деятельность II Государственной думы.

1907, 3 июня — Третьеиюньский государственный переворот: разгон II Государственной думы и издание нового избирательного закона.

1907, 18 августа — Англо-русское соглашение о разделе сфер влияния на Среднем Востоке.

1907, 1 ноября — 1912, 9 июня — деятельность III Государственной думы.

1910, 14 июня — Закон «Об изменении и дополнении некоторых установлений о крестьянском землевладении».

1912, 4 апреля — «Ленский расстрел». Начало нового подъема рабочего движения.

1912 — Возникновение Партии прогрессистов.

1912, 15 ноября — 1917, 25 февраля — Деятельность IV Государственной думы.

1914, 19 июля — Объявление Германией войны России. Вступление России в Первую мировую войну.

1915, май—август — Отступление русской армии под напором австро-германских войск из Галиции, Польши, Литвы, Западной Белоруссии и Курляндии.

1915, 14 мая — Создание «майского» Особого совещания по обороне.

1915, май—июль — Формирование военно-промышленных комитетов.

1915, 17 августа — Манифест об учреждении Особых совещаний по обороне государства, топливу, перевозкам и продовольствию.

1915, август — Создание «Прогрессивного блока» либерально-буржуазных партий в Государственной думе.

1916, 22 мая — 31 июля — Наступление русских войск на Юго-Западном фронте («Брусиловский прорыв»).

1917, 23 февраля — Массовые выступления трудящихся в Петрограде. Начало Февральской революции.

1917, 27 февраля — Формирование Временного комитета членов Государственной думы и Совета рабочих депутатов Петрограда.

1917, 1 марта — Приказ № 1 Петроградского Совета.

1917, 2 марта — Образование Временного правительства. Отречение Николая II.

1917, 20 марта — Отмена национальных и религиозных ограничений.

1917, 18 апреля — «Нота П. Н. Милюкова...», антивоенные демонстрации в Петрограде.

1917, 5 мая — Формирование 1-го коалиционного Временного правительства.

1917, 4—28 мая — I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов.

1917, 3—24 июня — I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

1917, 18 июня — Начало русского наступления на Восточном фронте. Массовые антивоенные демонстрации.

1917, 24 июля — Формирование 2-го коалиционного Временного правительства.

1917, 12—15 августа — Государственное совещание в Москве.

1917, 25—30 августа — Выступление генерала Л. Г. Корнилова.

1917, 1 сентября — Провозглашение России республикой.

1917, 14—22 сентября — Демократическое совещание в Петрограде.

1917, 25 сентября — Создание 3-го коалиционного Временного правительства.

1917, 7 октября — Открытие Предпарламента (Временного Совета республики).

1917, 24—26 октября — Вооруженное восстание в Петрограде. Арест членов Временного правительства.

1917, 25—26 октября — II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

1917, 27 октября — 2 ноября — «Кровавая неделя» и победа большевиков в Москве.

1917, 2 ноября — Принятие СНК «Декларации прав народов России».

1917, 28 октября — Декрет о печати. Запрет контрреволюционных изданий.

1917, 29 октября — Декрет о 8-часовом рабочем дне.

1917, 12—26 ноября — Выборы в Учредительное собрание.
1917, 14 ноября — Положение о рабочем контроле.
1917, 20 ноября — Начало переговоров в Брест-Литовске о мире.
1917, 1 декабря — Утверждение положения о ВСНХ.
1917, 7 декабря — Образование ВЧК.
1917, 9 декабря — Формирование правительственной коалиции большевиков и левых эсеров.
1917, 14 декабря — Национализация банков.
1917, 25 декабря — Вступление генерала Л. Г. Корнилова в должность командующего Добровольческой армии.
1918, 5—6 января — Работа Учредительного собрания.
1918, 10—18 января — III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.
1918, 15 января, 29 января — Декреты об организации рабоче-крестьянской Красной армии и рабоче-крестьянского Красного флота.
1918, 19 февраля — Закон о социализации земли.
1918, 3 марта — Подписание Брестского мирного договора.
1918, 14—16 марта — IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. Ратификация Брестского договора.
1918, 22 апреля — Введение всеобщей воинской повинности.
1918, 13 и 27 мая — Декреты о наделении органов Наркомпрода чрезвычайными полномочиями. Начало политики «продовольственной диктатуры».
1918, 25 мая — Начало мятежа чехословацкого корпуса.
1918, 11 июня — Декрет ВЦИК об образовании комитетов деревенской бедноты (комбедов).
1918, 28 июня — Декрет СНК о национализации крупной промышленности и предприятий железнодорожного транспорта.
1918, 4—10 июля — V Всероссийский съезд Советов. Принятие первой Советской Конституции РСФСР.
1918, 6—7 июля — Мятеж левых эсеров в Москве.
1918, с 16 на 17 июля — Расстрел в Екатеринбурге императорской семьи.
1918, 5 сентября — Декрет СНК о «красном терроре».
1918, 13 ноября — Аннулирование Брестского мирного договора.
1918, 18 ноября — Государственный переворот в Омске. Установление военной диктатуры адмирала А. В. Колчака.
1919, 11 января — Декрет СНК о продразверстке.
1919, 14 февраля — Положение ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию».
1919, 2—6 марта — Учредительный конгресс III (Коммунистического) Интернационала.
1919, 14 ноября — Освобождение Омска от войск А. В. Колчака.

1919, 26 декабря — Декрет о ликвидации неграмотности.

1920, 4 января — Передача А. В. Колчаком полномочий Верховного правителя А. И. Деникину.

1920, 29 января — Введение всеобщей трудовой повинности.

1920, 21 февраля — Создание Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО).

1920, 4 апреля — Передача А. И. Деникиным руководства антибольшевистскими силами генералу П. Н. Врангелю.

1920, 6 апреля — 1922, 15 ноября — Дальневосточная республика: образование, включение в РСФСР.

1920, 25 апреля — 18 октября — Советско-польская война.

1920, 14 ноября — Завершение эвакуации врангелевской армии в Константинополь.

1920, 22—29 декабря — VIII Всероссийский съезд Советов. Принятие плана ГОЭЛРО.

1921, 22 февраля — Образование Государственной плановой комиссии.

1921, 28 февраля — 18 марта — Кронштадтское восстание и его подавление.

1921, 18 марта — Подписание Рижского мирного договора РСФСР с Польшей.

1921, 21 марта — Декрет о замене продразверстки продналогом.

1922, 6 февраля — Реорганизация ВЧК в Государственное политическое управление при НКВД РСФСР.

1922, 26 февраля — Декрет об изъятии церковных ценностей для организации помощи голодающим Поволжья.

1922, 10 апреля — 19 мая — Международная конференция в Генуе по экономическим и финансовым вопросам.

1922, 16 апреля — Подписание в Рапалло договора между РСФСР и Германией об установлении дипломатических и торговых отношений.

1922, 30 декабря — I съезд Советов СССР. Образование Союза ССР.

1923, 6 июля — Введение в действие Конституции СССР.

1924, 2 февраля — Назначение А. И. Рыкова председателем СНК СССР.

1924, 2 февраля — Установление дипломатических отношений между СССР и Великобританией. Начало «полосы признаний».

1924, 5—22 февраля — Денежная реформа.

1925, 25 января — Назначение М. В. Фрунзе на пост наркома по военным и морским делам.

1925, 18 июня — Резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы».

1925, 18—31 декабря — XIV съезд ВКП(б). Принятие курса на индустриализацию.

1927, 12—14 ноября — Пленум ЦК ВКП(б). Исключение Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева из партии.

1927, 2—19 декабря — XV съезд ВКП(б), принятие съездом курса на кооперирование деревни и наступление на кулака.

1928, 1 октября — Начало осуществления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

1929, 16—23 апреля, 10—17 ноября — Пленумы ЦК ВКП(б). Осуждение «правого уклона».

1929, 20—28 мая — V Всесоюзный съезд Советов. Утверждение первого пятилетнего плана. Принятие решения об обязательном начальном образовании.

1929, 5 июня — Положение о машинно-тракторных станциях.

1929, 27 декабря — Провозглашение политики «ликвидации кулачества как класса».

1930, 5 января — Постановление ЦК ВКП (б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».

1930, 14 марта — Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении».

1930, 14 августа — Постановление ЦИК и СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном образовании».

1930, 19 декабря — Назначение В. М. Молотова председателем СНК СССР.

1932, 5 января — Преобразование ВСНХ в наркоматы тяжелой, легкой и лесной промышленности.

1932, 30 января — 4 февраля — XVII партконференция. Утверждение директивных заданий второго пятилетнего плана (1933—1937 гг.).

1932, 23 апреля — Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций».

1932, 27 декабря — Постановление ЦИК и СНК о паспортизации населения.

1933, 15—19 февраля — I Всесоюзный съезд колхозников-ударников.

1933, 16 ноября — Установление дипломатических отношений между СССР и США.

1934, 10 июля — Создание НКВД СССР, объединившего подразделения упраздненного ОГПУ.

1934, 17 августа — 1 сентября — I Всесоюзный съезд советских писателей. Создание Союза советских писателей.

1934, 18 сентября — Вступление СССР в Лигу Наций.

1934, 1 декабря — Убийство С. М. Кирова. Принятие чрезвычайного судебного законодательства.

1935, 1 января — Отмена карточек на хлеб.

1935, 11—19 февраля — II Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Принятие Примерного устава сельскохозяйственной артели.

1935, 25 июля — 20 августа — VII конгресс Коминтерна. Принятие тактики «народных фронтов» в борьбе с фашистской угрозой.

1936, 25 ноября — «Антикоминтерновский пакт» — договор между Германией и Японией о сотрудничестве в борьбе против Коминтерна.

1936, 5 декабря — Принятие второй Конституции СССР.

1937, 28 апреля — Постановление СНК СССР о третьем пятилетнем плане на 1938—1942 гг.

1938, 2—13 марта — Судебный процесс по делу так называемого «Антисоветского правотроцкистского блока».

1938, 25 ноября — Отставка Н. И. Ежова и назначение Л. П. Берии на пост наркома внутренних дел СССР.

1939, 10—21 марта — XVIII съезд ВКП(б).

1939, 11 мая — 31 августа — Вооруженный конфликт с Японией в районе реки Халхин-Гол (Монголия).

1939, 23 августа — Заключение договора о ненападении между СССР и Германией («пакт Молотова—Риббентропа»).

1939, 1 сентября — Начало Второй мировой войны.

1939, 17 сентября — Вступление советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.

1939, 30 ноября — 1940, 12 марта — Советско-финляндская война.

1940, июль—август — Провозглашение советской власти в Литве, Латвии и Эстонии (21—22 июля) и принятие их в состав СССР (3—6 августа) в качестве союзных республик.

1940, 2 августа — Образование Молдавской ССР.

1941, 15—20 февраля — XVIII конференция ВКП(б).

1941, 6 мая — Назначение И. В. Сталина председателем СНК СССР.

1941, 22 июня — Нападение гитлеровской Германии на СССР.

1941, 30 июня — Образование ГКО СССР.

1941, 28 августа — Указ о высылке на восток немцев Поволжья и ликвидация их АССР. В годы войны были также депортированы: карачаевцы, калмыки (1943), чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары (с ликвидацией соответствующих автономий), турки-месхетинцы (1944).

1941, 8 сентября — 1944, 27 января — Блокада Ленинграда.

1941, 29 сентября — 1 октября — Конференция в Москве представителей СССР, США, Великобритании о военных поставках.

1941, 5 декабря — 1942, 20 апреля — Контрнаступление советских войск под Москвой.

1942, 1 января — Подписание Декларации Объединенных Наций против Германии и ее союзников.

1942, 19 ноября — Переход Красной армии в контрнаступление под Сталинградом.

1943, 12—18 января — Прорыв блокады Ленинграда.

1943, 15 мая — Роспуск Коминтерна.

1943, 5 июля — 23 августа — Битва на Курской дуге.

1943, 28 ноября — 1 декабря — Тегеранская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.

1944, 24 января — 17 февраля — Корсунь-Шевченковская наступательная операция советских войск.

1944, 26 марта — Выход советских войск к государственной границе в районе реки Прут.

1944, 6 июня — Высадка союзных войск в Нормандии. Открытие второго фронта в Западной Европе.

1944, 23 июня — 29 августа — Белорусская наступательная операция советских войск.

1944, 20—29 августа — Ясско-Кишиневская наступательная операция советских войск.

1945, 12 января — 3 февраля — Висло-Одерская наступательная операция советских войск.

1945, 13 января — 25 апреля — Восточно-Прусская наступательная операция советских войск.

1945, 4—11 февраля — Крымская (Ялтинская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.

1945, 16 марта — 15 апреля — Венская наступательная операция советских войск.

1945, 16 апреля — 8 мая — Берлинская наступательная операция советских войск.

1945, 6—11 мая — Пражская операция советских войск.

1945, 9 мая — День Победы над фашистской Германией.

1945, 17 июля — 2 августа — Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.

1945, 9 августа — Вступление СССР в войну с Японией.

1945, 2 сентября — Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Японии. Окончание Второй мировой войны.

1946, 15 марта — Преобразование Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР.

1946, 18 марта — Принятие ВС СССР Закона «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 гг.».

1946, 14, 26 августа — Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению».

1947, 14 декабря — Постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».

1948, 31 июля — 7 августа — Сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Начало кампании против генетики.

1948, 20 октября — Постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения вы-

соких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР».

1949, 25 января — Создание Совета Экономической Взаимопомощи стран социалистического содружества.

1949, 28 января — 23 марта — Пик идеологической кампании по борьбе с «космополитизмом».

1949, 15 февраля — Постановление Политбюро ЦК об «антипартийных действиях» А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и П. С. Попкова. Начало «ленинградского дела».

1949, 29 августа — Первое испытание атомной бомбы в СССР.

1950, 14 февраля — Подписание Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР.

1950, 29—30 сентября — Судебный процесс по «ленинградскому делу».

1952, 8 мая — 18 июля — Судебный процесс по делу Еврейского антифашистского комитета.

1952, 5—14 октября — XIX съезд КПСС. Принятие «Директив по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг.».

1953, 15 марта — Утверждение нового состава правительства во главе с Г. М. Маленковым.

1953, 2—7 июля — Пленум ЦК КПСС, решение о выводе Л. П. Берии из состава ЦК и исключении из партии.

1953, 12 августа — Первое испытание водородной бомбы в СССР.

1953, 3—7 сентября — Пленум ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. Избрание Н. С. Хрущева 1-м секретарем ЦК КПСС.

1954, 23 февраля — 2 марта — Пленум ЦК КПСС. Решение об освоении целинных и залежных земель.

1954, 13 марта — Создание КГБ при Совете министров СССР.

1954, 27 июня — Пуск в СССР первой в мире атомной электростанции в г. Обнинске.

1955, 25 января — Указ Президиума ВС СССР «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией».

1955, 8 февраля — Назначение Н. А. Булганина Председателем Совета министров.

1955, 14 мая — Подписание Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи стран социалистического лагеря. Создание Организации Варшавского Договора (ОВД).

1955, 27 мая — 2 июня — Переговоры в Белграде правительственных делегаций СССР и ФНРЮ. Нормализация отношений с Югославией.

1956, 14—25 февраля — XX съезд КПСС.

1956, 25 февраля — Доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях».

1956, 30 июня — Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий».

1956, 14 июля — Закон о государственных пенсиях.

1956, 19 октября — Советско-японская декларация о прекращении состояния войны.

1956, 31 октября — Заявление Советского правительства с требованием прекратить агрессию Великобритании, Франции и Израиля против Египта.

1956, 4 ноября — Ввод советских войск в Будапешт.

1957, февраль — Восстановление Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР, Карачаево-Черкесской и Калмыцкой автономных областей.

1957, 10 мая — Закон СССР «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», создание совнархозов.

1957, 22—26 июня — Пленум ЦК КПСС. Осуждение деятельности «антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова» на пленуме ЦК КПСС.

1957, 4 октября — Запуск в СССР первого в мире искусственного спутника Земли.

1958, 25—26 февраля — Рассмотрение пленумом ЦК КПСС вопроса «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций».

1958, 27 марта — Назначение Н. С. Хрущева Председателем Совета министров.

1958, 24 декабря — Принятие закона о введении всеобщего обязательного восьмилетнего образования и создании сети профтехучилищ.

1959, 27 января — 5 февраля — Внеочередной XXI съезд КПСС. Принятие семилетнего плана развития народного хозяйства на 1959—1965 гг.

1961, 1 января — Деноминация рубля и замена денежных знаков.

1961, 12 апреля — Первый в мире полет вокруг Земли советского космонавта Ю. А. Гагарина на корабле «Восток».

1961, 17—31 октября — XXII съезд КПСС. Принятие третьей Программы партии.

1962, 15—28 октября — Карибский (Кубинский) кризис.

1962, 19—23 ноября — Пленум ЦК КПСС. Решение о разделении партийных комитетов на промышленные и сельскохозяйственные.

1963, 5 августа — Подписание в Москве между СССР, США и Великобританией Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

1964, 13—15 июля — Сессия ВС СССР. Принят закон о пенсиях и пособиях членам колхозов.

1964, 14 октября — Отставка Н. С. Хрущева. Избрание 1-м секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

1964, 15 октября — Назначение А. Н. Косыгина главой правительства СССР.

1965, 24—26 марта, 27—29 сентября — Пленумы ЦК КПСС, принявшие постановления «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» и «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Начало экономической реформы А. Н. Косыгина.

1966, 29 марта — 8 апреля — XXIII съезд КПСС. Утверждение директив восьмого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг.

1968, 21 августа — Ввод войск Организации Варшавского Договора в Чехословакию для предотвращения «угрозы контрреволюции».

1969, 25—27 ноября — III Всесоюзный съезд колхозников.

1971, 30 марта — 9 апреля — XXIV съезд КПСС. Утверждены директивы девятого пятилетнего плана развития народного хозяйства на 1971—1975 гг.

1972, май — Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны и временного соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1).

1975, 1 августа — Подписание в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

1976, 24 февраля — 5 марта — XXV съезд КПСС. Утверждение «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.».

1977, 7 октября — Принятие третьей Конституции СССР.

1979, 18 июня — Подписание договора между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2).

1979, 25 декабря — Ввод советских войск в Афганистан.

1980, 23 октября — Назначение Н. А. Тихонова Председателем Совета министров.

1981, 23 февраля — 3 марта — XXVI съезд КПСС. Утверждение «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 гг. и на период до 1990 г.».

1982, 24 мая — Пленум ЦК КПСС. Принятие «Продовольственной программы СССР на период до 1990 г.».

1982, 12 ноября — Избрание генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андропова.

1984, 13 февраля — Избрание генеральным секретарем ЦК КПСС К. У. Черненко.

1985, 11 марта — Избрание генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева.

1985, 27 сентября — Назначение Н. И. Рыжкова Председателем Совета министров.

1985, 19—21 ноября — Переговоры М. С. Горбачева и президента США Р. Рейгана в Женеве.

1986, 26 февраля — 6 марта — XXVII съезд КПСС. Утверждение «Основных направлений экономического и социального развития страны на 1986—1990 гг. и на перспективу до 2000 г.».

1986, 11—12 октября — Советско-американская встреча на высшем уровне в Рейкьявике.

1988, 15 мая — 1989, 15 февраля — Вывод советских войск из Афганистана.

1988, 28 июня — 1 июля — XIX партийная конференция. Начало политической реформы в СССР.

1989, 26 марта — Выборы народных депутатов СССР.

1989, май—июль — I съезд народных депутатов СССР. Избрание М. С. Горбачева Председателем ВС СССР.

1989, 19—20 сентября — Пленум ЦК КПСС по национальным вопросам.

1989, 2—3 декабря — Встреча М. С. Горбачева и президента США Дж. Буша на Мальте.

1990, март — III съезд народных депутатов СССР. Отмена 6-й статьи Конституции СССР. Избрание М. С. Горбачева Президентом СССР.

1990, май—июнь — I съезд народных депутатов РСФСР. Избрание (29 мая) Б. Н. Ельцина Председателем ВС РСФСР.

1990, 12 июня — Декларация о государственном суверенитете РСФСР.

1991, 17 марта — Референдум «О сохранении обновленного СССР и введении поста Президента России».

1991, 23 апреля — 23 июля — «Новоогаревский процесс» — переговоры лидеров республик о подготовке нового Союзного договора.

1991, 12 июня — Избрание Б. Н. Ельцина Президентом РСФСР.

1991, 31 июля — Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) между СССР и США.

1991, 1 июля — Роспуск Организации Варшавского Договора.

1991, 19—21 августа — Антигосударственный путч в Москве. Создание и действия ГКЧП.

1991, 23 августа — Указ Б. Н. Ельцина «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР».

1991, 25 августа — Сложение М. С. Горбачевым полномочий генерального секретаря ЦК КПСС.

1991, 6 сентября — Признание Госсоветом СССР независимости Литвы, Латвии и Эстонии.

1991, 1 ноября — Прекращение деятельности союзных министерств и других центральных учреждений СССР.

1991, 8 декабря — «Беловежские соглашения» руководителей Респуб-

лики Беларусь, РСФСР и Украины о создании СНГ и прекращении существования СССР.

1991, 21 декабря — Декларация о создании СНГ.

1991, 25 декабря — Отставка М. С. Горбачева с поста Президента СССР.

1991, 25 декабря — Изменение официального названия страны: РСФСР стала именоваться Российской Федерацией — Россией.

1992, 2 января — Либерализация цен в России. Начало экономической реформы.

1992, 1 февраля — Декларация России и США о прекращении «холодной войны».

1992, 31 марта — Подписание Федеративного договора.

1992, апрель — VI съезд народных депутатов РФ. Начало противостояния законодательной и исполнительной ветвей власти России.

1992, 14 августа — Указ Президента России о введении в действие системы приватизационных чеков (ваучеров).

1992, 1—15 декабря — VII съезд народных депутатов РСФСР. Назначение премьер-министром В. С. Черномырдина.

1993, 2 января — Подписание договора между Россией и США о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2).

1993, 24 июля — Введение российской национальной валюты, обмен банкнот.

1993, 21 сентября — Указ «О поэтапной конституционной реформе в РФ».

1993, 23 сентября — X чрезвычайный съезд народных депутатов РФ. Возникновение двоевластия в стране.

1993, 3—4 октября — Вооруженные столкновения в Москве между оппозицией и правительственными силами.

1993, 26 октября — Указ о прекращении деятельности Советов всех уровней.

1993, 12 декабря — Референдум по Конституции РФ и выборы в Государственную думу и Совет Федерации.

1994, август — Завершение вывода российских войск из стран Европы.

1994, 11 октября — «Черный вторник». Обвал рубля по отношению к доллару на межбанковских валютных торгах.

1994, 11 декабря — Начало военных действий федеральных войск в Чечне.

1995, 8—9 мая — Открытие мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве.

1995, 17 декабря — Выборы в Государственную думу.

1996, 28 февраля — Вступление России в Совет Европы.

1996, 3 июля — Избрание Б. Н. Ельцина Президентом России на второй срок.

1996, 31 августа — Хасавюртовское заявление о прекращении военных действий в Чечне.

1998, 1 января — Деноминация российского рубля.

1998, 23 марта — Отставка В. С. Черномырдина.

1998, 26 апреля — Утверждение Госдумой С. В. Кириенко на посту главы Правительства РФ.

1998, 17 августа — Замораживание государственных долговых обязательств. Девальвация рубля.

1998, 23 августа — Отставка С. В. Кириенко.

1998, 11 сентября — Утверждение Госдумой Председателем Правительства РФ Е. М. Примакова.

1999, 13—15 мая — Слушания в Госдуме РФ об отрешении Президента Б. Н. Ельцина от занимаемой должности.

1999, 19 мая — Утверждение Госдумой С. В. Степашина в должности Председателя Правительства РФ.

1999, 8 августа — Начало операции группировки федеральных сил по разгрому чеченских боевиков, вторгшихся в Дагестан.

1999, 9 августа — Указ об отставке С. В. Степашина и назначении В. В. Путина и. о. Председателя Правительства РФ.

1999, 19 декабря — Выборы в Госдуму РФ.

1999, 31 декабря — Заявление Б. Н. Ельцина о своей отставке с поста Президента РФ.

2000, январь — Начало работы Госдумы 2-го созыва.

2000, 6 февраля — Завершение операции российских войск по освобождению г. Грозного.

2000, 26 марта — Досрочные выборы Президента РФ. Избрание Президентом РФ В. В. Путина.

2000, 13 мая — Указ о создании на территории России 7 федеральных округов.

2000, 17 мая — Назначение М. М. Касьянова Председателем Правительства РФ.

2000, 1 сентября — Указ о создании Госсовета.

2000 — Реформа Совета Федерации Федерального собрания России.

2003, 7 декабря — Выборы в Государственную думу РФ.

2004, 5 марта — Назначение М. Е. Фрадкова Председателем Правительства РФ.

2005, 21 октября — Создание Совета по реализации национальных проектов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

РАЗДЕЛ I
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ 14

§ 1. Состояние аграрного сектора экономики России на рубеже столетий 16

§ 2. Промышленное развитие России в 1890—1914 гг. . . . 30

§ 3. Формирование индустриальной инфраструктуры в России. Складывание системы монополистического капитализма 46

§ 4. Население Российской империи в конце XIX — начале XX в. Социальная структура российского общества . . . 62

Глава 2. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В 1890 — НАЧАЛЕ 1900-х ГОДОВ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 77

§ 1. Проблемы торгово-промышленной политики правительства. Рабочий вопрос 79

§ 2. Неразрешимые проблемы аграрной политики царизма. Национальный и конфессиональный вопросы 83

§ 3. Нарастание массового движения рабочих и крестьян. . . 88

§ 4. Развитие революционных организаций и становление либеральной оппозиции 94

§ 5. Русско-японская война и ее последствия внутри страны 101

Глава 3. ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ 112

§ 1. Народ и власть на начальном этапе революции. Нарастание революционного натиска в сентябре—декабре 1905 г. 112

§ 2. Конечный этап революции 121

§ 3. Складывание новой политической системы в условиях думской монархии. 140

§ 4. Внутренняя политика правительства: проблемы модернизации России 148

§ 5. Сохранение социальной напряженности и новый подъем освободительного движения. Международное положение России накануне Первой мировой войны 160

Глава 4. РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 169

§ 1. Стратегические планы и военно-экономическая подготовка сторон 169

§ 2. Основные военные кампании 1914—1916 гг. 175

§ 3. Организация работы тыла на вооружение и материально-техническое обеспечение армии. Изменения в промышленном потенциале страны 182

§ 4. Влияние войны на экономику России. Развитие хозяйственного кризиса на рубеже 1916—1917 гг. . . . 195

§ 5. Назревание революционного кризиса в России. Февральская революция 1917 г.. 207

Глава 5. РУССКАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛА XX в. 225

§ 1. Образование и народное просвещение. Достижения науки и техники 226

§ 2. Художественная культура 232

§ 3. Общие социокультурные процессы в условиях модернизации 241

РАЗДЕЛ II

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО. 1917—1991

Глава 6. РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 1917—1920 247

§ 1. Революция 1917 г. в России 247

§ 2. Первые преобразования советской власти 271

§ 3. Апогей вооруженного противостояния 302
§ 4. Культурная и церковная политика советской власти . . 326

Глава 7. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СССР В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. 1921—1928 339

§ 1. Переход к НЭПу, первые этапы его осуществления . . 339
§ 2. Образование и конституционное оформление Союза ССР 346
§ 3. Политическая борьба за утверждение курса на строительство социализма в одной стране 361
§ 4. Восстановление народного хозяйства, переход к индустриализации и коллективизации. 374
§ 5. Изменения в составе СССР, эволюция национальной политики 387
§ 6. Преобразование культуры 393
§ 7. Внешняя политика 410

Глава 8. МОДЕРНИЗАЦИЯ СТРАНЫ В 1928—1937 гг. 418

§ 1. Идеология и политика преобразований 418
§ 2. Индустриализация 433
§ 3. Коллективизация 439
§ 4. Первые пятилетки как этап культурной модернизации 448
§ 5. Конституция 1936 г. и борьба с «врагами народа» . . . 457
§ 6. Национальная политика 469
§ 7. Внешняя политика 477

Глава 9. СССР НАКАНУНЕ ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ. 1938—1941 482

§ 1. Внешняя политика в условиях нарастания военной опасности. Расширение СССР 482
§ 2. Предвоенная модернизация экономики и Вооруженных сил 491
§ 3. Удары по потенциалу «пятой колонны» 500
§ 4. Модернизация в культуре и патриотическая подготовка населения к войне 503

Глава 10. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. 1941—1945 513

§ 1. Начальный период войны. 1941—1942 513
§ 2. Коренной перелом в войне. 1942—1943 536

§ 3. Внутренняя и внешняя политика в годы войны 540
§ 4. Победный этап войны. 1944—1945 559

Глава 11. СССР В 1945—1953 гг.: ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПРЕТЕНЗИИ НА МИРОВОЕ ПЕРВЕНСТВО 575

§ 1. Внешняя и внутренняя политика в послевоенный период 575
§ 2. Восстановление и развитие народного хозяйства. Изменения в социальной сфере 596
§ 3. Культурная жизнь. Идеологические кампании и дискуссии 607

Глава 12. СССР В 1953—1964 гг.: ВЗЛЕТ К ЗВЕЗДНЫМ ВЫСОТАМ И НАЧАЛО ОТСТУПЛЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ. 625

§ 1. Победы и поражения в борьбе за новый курс развития страны. Изменения в общественно-политической жизни 625
§ 2. Социально-экономическое развитие 644
§ 3. Культура и общественные движения 655
§ 4. Национальная политика и национальные движения . . . 672
§ 5. Внешняя политика 689

Глава 13. «РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ». 1964—1985. 694

§ 1. Ранний «развитой социализм». 1964—1977. 694
§ 2. Конституция СССР и положение в стране в годы позднего «развитого социализма». 1977—1985 710
§ 3. Культура, официальная идеология, инакомыслие 732
§ 4. Национальная политика и национальные движения . . . 749

Глава 14. СССР В 1985—1991 гг. 760

§ 1. Начальный этап преобразований. 1985—1986. 760
§ 2. Реформа политической системы. Изменения в идеологии и культуре. 771
§ 3. Преобразования в экономике 786
§ 4. Внешняя политика 791
§ 5. Обострение межэтнических и межреспубликанских противоречий 800
§ 6. Кризис власти и распад СССР. Март—декабрь 1991 г. 814

РАЗДЕЛ III
РОССИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Глава 15. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В 1992—2005 гг. . . . 826

§ 1. Вступление России в период революционных изменений. Сентябрь—декабрь 1991 г. 826

§ 2. Первый год независимого развития. 1992 843

§ 3. Экономические преобразования и их итоги. 1992—1998 863

§ 4. Формирование и развитие новой политической системы. 1992—1999 883

§ 5. Российская культура в 1990-е годы 904

§ 6. Внешняя политика России. 1992—1999 912

§ 7. Россия в 2000—2005 гг. 926

Хронологическая таблица 940

Учебное пособие

ИСТОРИЯ РОССИИ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Милов Леонид Васильевич
Барсенков Александр Сергеевич
Вдовин Александр Иванович
Воронкова Светлана Владимировна

За аутентичность цитат ответственность несут авторы

Ответственный редактор *Н. Еремина*
Художественный редактор *Г. Булгакова*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректоры *Г. Кузьмина, М. Пыкина, М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 26.10.2006.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Академия». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 50,4.
Тираж 5000 экз. Заказ 4037.

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова

История России

XX—начала XXI века

«История России XX—начала XXI века» — уникальное учебное пособие, подготовленное коллективом авторов под редакцией Л.В. Милова — известного историка, академика РАН, лауреата Государственной премии РФ. В издании впервые прослежено влияние природно-климатического и географического факторов на сложнейший путь исторического развития России.

Авторы книги — профессора исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова — обобщили свой многолетний опыт исследования и преподавания истории России XX века. В издании освещены яркие и драматичные страницы самого бурного и противоречивого периода отечественной истории.

В работе нашли отражение новейшие достижения российской исторической науки, привлечены новые, ранее неизвестные источники. Книгу отличает взвешенное и корректное изложение дискуссионных тем.

Новое учебное пособие предназначено для студентов-историков и других будущих профессиональных гуманитариев. Книга, несомненно, заинтересует широкий круг читателей, стремящихся глубже понять историю своей Родины.

ISBN 5-699-18159-8

